Дч. Н. Каменецкий
М. 12. VIII. 921.
У17 6/1

ТРУДЫ

ТРЕТЬЯГО ОБЛАСТНОГО

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА,

бывшаго въ г. г. Владимирѣ

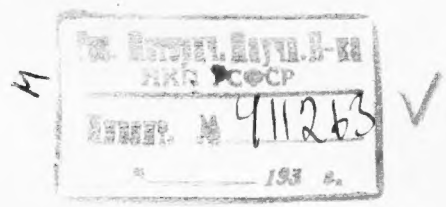
20—26 іюня 1906 года.

Съ приложеніемъ 49 таблицъ рисунковъ.

Изданіе Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи.

Владиміръ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1909.

Печатано по постановленію Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.
Предсѣдатель *И. Н. Сазоновъ.*



Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 411263
" 193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Подготовительныя работы и протоколы засѣданій Съѣзда.

	Стр.
Подготовительныя работы	1
Программа занятій Съѣзда	22
Засѣданіе Организаціоннаго Комитета	23
Утреннее засѣданіе 20 іюня. Открытіе Съѣзда	27
Вечернее засѣданіе 20 іюня	45
Утреннее засѣданіе 21 іюня	50
Вечернее засѣданіе 21 іюня	55
Утреннее засѣданіе 22 іюня	58
Вечернее засѣданіе 22 іюня	61
Утреннее засѣданіе 23 іюня	64
Вечернее засѣданіе 23 іюня	70
Засѣданіе 24 іюня, въ 10 часовъ утра	73
Засѣданіе 24 іюня, въ 2 часа дня	78
Вечернее засѣданіе 26 іюня. Закрытіе Съѣзда	83
Къ IV Областному Съѣзду	97
Не доложенные рефераты	98
Поѣздка въ Суздаль и Боголюбово	100
Итоги Съѣзда	102
Списокъ членовъ Съѣзда	103—107

ДОКЛАДЫ.

А. В. Селивановъ. О древнѣйшемъ населеніи пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи (съ 14 таблицами рис.) . . . . . 1—15

И. А. Тихомировъ. Кто насыпалъ Ярославскіе курганы. Ч 2-я. . . . . 1—98

В. Н. Малиновскій. Кто насыпалъ курганы въ селѣ Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи (съ 6 таб. рис.) . . . . . 1—10

П. Ѳ. Симсонъ. Стоянка каменнаго вѣка подъ гор. Зубцовымъ (съ 14 таблицами рисунковъ) . . . . 1—3

Онъ же. Замѣчательный каменный молотъ съ береговъ Волги ниже гор. Ржева (съ 2 табл. рис.) . . . 1—2

Н. Н. Овсянниковъ. О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи . . . . . 1—14

М. Н. Бережковъ. О древней Владимирской лѣтописи . 1—10

Стр.

С. Н. Введенскій. Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи . . . . . 1—15
Г. А. Ряжскій. Кончина и погребеніе Стародубскаго князя Ѳеодора Ивановича Благовѣрнаго . . . 1—15
Н. П. Травчетовъ. Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца"? . . . . . 1—17
Л. М. Савеловъ. Помѣщики Владимирскаго края князья Пожарскіе. . . . . 1—7
С. Н. Введенскій. Откуда произошло имя „офеней" . 1—7
Н. И. Троицкій. Село Просѣкъ (Макарьевскаго у. Нижегородской губ.) . . . . . 1—10
В. Д. Емельяновъ. Поиски мѣста крещенія свят. князя Владимира въ Херсонесѣ (Корсунь) (съ 2 таб. рис.) 1—21
П. А. Илинскій. Къ вопросу о положеніи женщины въ 18 столѣтіи въ Костромской области, по архивнымъ даннымъ . . . . . 1—17
А. И. Соболевскій. Двуперстіе, сугубое аллилуія и хожденіе посолонь съ исторической точки зрѣнія . 1—6
Н. И. Троицкій Византійская нумизматика, какъ источникъ по исторіи христіанской иконографіи (съ 3 табл. рис.). . . . . 1—15
Н. Г. Первухинъ. О символизмѣ въ старой русской иконописи . . . . . 1—9
А. А. Титовъ. Икона съ изображеніемъ Святой Троицы (съ 1 рис.) . . . . . 1—7
І. К Линдеманъ Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи . . . . . 1—9
Д. И. Скворцовъ. „Лицевой цвѣтникъ". (Рукопись библіотеки Тверской духовн. семинаріи) . . . . 1—7
П. Ѳ. Симсонъ. Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ (съ 3 табл. рис.). . . . . 1—5
И. А. Тихомировъ. О нѣкоторыхъ Ярославскихъ гербахъ (съ 4 табл. рис.) . . . . . 1—79
М. Е. Соколовъ. Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи . 1—83
В. А. Андрониковъ. Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины . . . . . 1—30
В. Г. Рудаковъ. Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената . . . . . 1—47
И. А. Тихомировъ. Къ вопросу объ устройствѣ древлевѣдѣнія въ Россіи . . . . . 1—13
Л. М. Савеловъ. О семейныхъ архивахъ . . . . . 1—4

ТРЕТІЙ ОБЛАСТНОЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ
въ г. г. Владимирѣ.

Назначеніе Съѣзда во Владимирѣ.—Работы Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи по приготовленію къ Съѣзду.—Хозяйственный Комитетъ. Изысканіе денежныхъ средствъ.—Организаціонный Комитетъ.—Научныя подготовительныя работы къ Съѣзду.—Выставка.—Помѣщенія для членовъ Съѣзда.

10 августа 1903 г. въ Твери открылся Второй Областной Съѣздъ, на которомъ были представителями Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи—А. В. Селивановъ, В. Г. Добронравовъ и А. В. Смирновъ, а 11-го августа владимирскій губернаторъ, онъ же и предсѣдатель мѣстной Архивной Коммиссіи, И. М. Леонтьевъ получилъ изъ Твери отъ *Б. В. Штюрмера* слѣдующую телеграмму: „Соглашается ли Владимиръ устроить Третій Областной Съѣздъ съ 1-го по 7-е августа 1905 г., какъ было предположено въ Ярославлѣ, въ 1901 году. Телеграфируй въ Тверь“.—12 августа И. М. *Леонтьевъ* отвѣтилъ: „Ученая Архивная Коммиссія и городъ Владимиръ съ удовольствіемъ согласны на устройство Третьяго Областного Съѣзда въ 1905 году, что тебѣ лично передадутъ владимирскіе представители. Я вполнѣ присоединяюсь къ приглашенію“. Поэтому на Областномъ Съѣздѣ въ Твери, въ заключительномъ его засѣданіи, вечеромъ 15 августа, можно сказать — уже безъ

всякихъ разговоровъ, рѣшено было назначить Третій Областной Съѣздъ въ г. Владимирѣ въ 1905 г. 20 іюня—1 іюля, и тогда же предсѣдатель Тверской Коммиссіи, И. А. Ивановъ счелъ долгомъ увѣдомить владимирскаго губернатора, что „приглашеніе на третій съѣздъ Тверской съѣздъ принялъ радостно съ глубокой благодарностью".

---

6 сентября 1903 г. въ общемъ собраніи Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи обсуждался вопросъ о назначенномъ въ г. Владимирѣ Третьемъ Областномъ Историко-Археологическомъ Съѣздѣ. Въ этомъ собраніи былъ избранъ Организаціонный Комитетъ и предсѣдателемъ его А. В. Селивановъ; кромѣ того, былъ намѣченъ Комитетъ по хозяйственной части, а изысканіе средствъ взялъ на себя Предсѣдатель Коммиссіи.

Первою задачею было возбужденіе ходатайства предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи созвать Съѣздъ, и 12 сентября было отправлено въ Петербургъ слѣдующее ходатайство:

„Основной и ближайшею задачею нынѣ существующихъ мѣстныхъ историко-археологическихъ учрежденій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ древняго Владимиро-Суздальскаго княжества, слѣдуетъ признать собираніе и выясненіе слѣдовъ развитія великорусской культуры и вообще тѣхъ дѣятельныхъ силъ, которыя служили дѣлу ея образованія. Сознаніе важности этой задачи съ одной стороны и недостаточности предпринимаемыхъ до послѣдняго времени разрозненныхъ научныхъ работъ по сему предмету съ другой, породило въ средѣ Ярославской Ученой Архивной Коммиссіи мысль объ организаціи періодическихъ областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ, въ которыхъ главнымъ образомъ должны участвовать всѣ, кто посвятилъ себя изученію прошлаго Ростово-Суздальскаго и Владимирскаго края, какъ равно и тѣхъ мѣстностей, судьба которыхъ была связана съ исторіей этой колыбели великорусскаго племени, т.-е. помимо губерній Владимирской и Ярославской также губерній: Костромской, Нижегородской, Тверской, Рязанской и нѣкоторыхъ другихъ.

Мысль эта получила свое осуществленіе въ устройствѣ Перваго Областного Историко-Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ г. Ярославлѣ въ 1901 г. На этомъ Съѣздѣ, который оказался весьма удачнымъ, было постановлено собираться періодически, черезъ каждые два года, почему слѣдующій областной съѣздъ состоялся въ августѣ текущаго года въ г. Твери.

Послѣдній Съѣздъ, какъ по числу участвующихъ въ немъ членовъ, такъ и по количеству рефератовъ превзошелъ всѣ ожиданія и доказалъ вполнѣ плодотворность той мысли, которая была положена въ основу организаціи подобнаго рода Съѣздовъ.

Тверской Областной Съѣздъ, съ согласія и по приглашенію Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи, назначилъ мѣстомъ слѣдующаго 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда городъ Владиміръ на 20-е іюня 1905 года. Назначеніе указаннаго срока было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ томъ же 1905 году въ августѣ предполагается устройство Всероссійскаго Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославлѣ, почему и рѣшено Областной Историко-Археологическій Съѣздъ созвать за два мѣсяца ранѣе, чтобы одинъ Съѣздъ не помѣшалъ другому.

Программа Съѣзда, предположеннаго въ городѣ Владимирѣ, первоначально выработанная на Ярославскомъ Областномъ Съѣздѣ, а затѣмъ дополненная на Тверскомъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе основные отдѣлы: I. Первобытныя древности. II. Областная исторія. III. Памятники старины—а) гражданской и б) церковной. IV. Живая старина. V. Областная этнографія и VI. Архивныя Коммиссіи и архивовѣдѣніе.

На предполагаемомъ Съѣздѣ въ городѣ Владимирѣ, помимо представителей многихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, изъявили согласіе принять участіе своимъ личнымъ присутствіемъ и рефератами слѣдующія лица: профессора—Н. В. Покровскій, Бороздинъ, В. Н. Перетцъ, И. Я. Гурляндъ, А. И. Соболевскій, И. А. Шляпкинъ, С. Ѳ. Платоновъ, М. И. Соколовъ, а также извѣстные въ наукѣ—гр. А. А. Бобринскій, А. А. Спицынъ, Д. И. Иловайскій, А. В. Половцовъ и др.

Участіе означенныхъ ученыхъ можетъ служить полнымъ обезпеченіемъ успѣшности предположеннаго Съѣзда съ научной стороны.

Сообщая объ изложенномъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать въ разрѣшеніи созвать въ городѣ Владимирѣ Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ на 20 іюня 1905 года, а равно утвердить приведенную выше программу его занятій".

15 октября, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдовало разрѣшеніе на созывъ Съѣзда, а 26 ноября была утверждена и программа его занятій.

Возбудивъ ходатайство о разрѣшеніи Съѣзда, предсѣдатель Организаціоннаго Комитета 18 сентября созвалъ 1-е засѣданіе Комитета по устройству Съѣзда, на которомъ были избраны члены Организаціоннаго Комитета изъ иногородныхъ, всего въ количествѣ 50 человѣкъ, потомъ рѣшено—согласно письма В. Н. Сторожева—просить Архивную Коммиссію обратиться съ воззваніемъ къ землевладѣльцамъ губерніи, не признаютъ ли они возможнымъ передать въ Коммиссію изъ своихъ архивовъ бумаги, относящіяся ко времени крѣпостного помѣщичьяго хозяйства, и наконецъ намѣчено было—пріобрѣтеніе и изданіе нѣкоторыхъ трудовъ—для раздачи ихъ членамъ Съѣзда.

Получивъ разрѣшеніе отъ г. министра народнаго просвѣщенія, предсѣдатель Организаціоннаго Комитета обратился къ разнымъ ученымъ лицамъ съ слѣдующимъ приглашеніемъ:

„Съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ губ. г. Владимирѣ съ 20 по 30 іюня 1905 г. имѣетъ быть Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ, во время котораго предполагаются экскурсіи для осмотра древностей въ г. Суздаль и въ другія, заслуживающія вниманія въ археологическомъ отношеніи, мѣстности Владимирской губерніи. Сообщая объ этомъ, Организаціонный Комитетъ по устройству означеннаго Съѣзда имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ принять личное участіе на Съѣздѣ и сдѣлать какое либо сообщеніе по программѣ его, при семъ прилагаемой, а также, если возможно, оказать содѣй-

ствіе въ устройствѣ во время Съѣзда археологической и этнографической выставки доставленіемъ интересныхъ предметовъ древности, принадлежащихъ какъ лично Вамъ, такъ и другимъ любителямъ старины и коллекціонерамъ. Въ случаѣ согласія Вашего принять участіе на Съѣздѣ, Организаціонный Комитетъ покорнѣйше проситъ Васъ извѣстить его съ указаніемъ темы или заглавія реферата, который Вы предполагали бы доложить на Съѣздѣ.

При этомъ Организаціонный Комитетъ считаетъ необходимымъ присовокупить, что для всѣхъ иногородныхъ членовъ Съѣзда въ гор. Владимирѣ будетъ приготовлено безплатное помѣщеніе".

Въ то же время Ученая Архивная Коммиссія разослала въ другія архивныя коммиссіи, а также въ различныя ученыя общества и учрежденія слѣдующее обращеніе:

„Сообщая объ этомъ, Владимірская Ученая Архивная Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить принять участіе въ занятіяхъ означеннаго съѣзда командированіемъ своихъ представителей, а также оказать содѣйствіе устройству во время съѣзда археологической и этнографической выставки доставленіемъ интересныхъ предметовъ какъ изъ мѣстныхъ музеевъ, древлехранилищъ, такъ и изъ коллекцій частныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ симъ, прилагая 20 экземпляровъ утвержденной программы съѣзда для распространенія ея между членами, Владимирская Ученая Архивная Коммиссія не можетъ не высказать горячаго пожеланія, чтобы.... посодѣйствовал.... привлеченію большаго числа лицъ, могущихъ принять участіе въ Третьемъ Областномъ Съѣздѣ прочтеніемъ на немъ рефератовъ, и чтобы заблаговременно сообщены были Организаціонному Комитету (на имя Предсѣдателя его, Алексѣя Васильевича Селиванова) темы этихъ рефератовъ и адреса ихъ авторовъ".

Одновременно съ Организаціоннымъ, энергично принялся за выполненіе возложенныхъ на него задачъ и Хозяйственный Комитетъ, направившій свое стараніе прежде всего на изысканіе необходимыхъ средствъ. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ обратиться (отъ имени Предсѣдателя Коммиссіи) съ ходатайствами только къ общественнымъ

учрежденіямъ,—земствамъ и городамъ, къ первымъ чрезъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства, а къ послѣднимъ—чрезъ гг. городскихъ головъ. Къ тѣмъ и другимъ было послано ходатайство такого содержанія:

„Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1905 года въ губ. гор. Владимирѣ состоится Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ. Организація этого съѣзда во Владимирѣ возложена на Владимирскую Ученую Архивную Коммиссію.

Идея важности областныхъ археологическихъ съѣздовъ пріобрѣтаетъ за послѣднее время широкое распространеніе, она все глубже и глубже входитъ въ сознаніе не только лицъ, которымъ не чуждъ интересъ къ вопросамъ историческаго и археологическаго знанія, но и вообще мѣстныхъ интеллигентныхъ обывателей, для которыхъ несомнѣнно дорога сѣдая старина своего и сосѣднихъ краевъ, находившихся въ тѣхъ или иныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между собой въ ихъ историческомъ прошломъ. Засѣданія съѣздовъ, будучи свободно открыты для всѣхъ и каждаго, даютъ возможность всѣмъ интересующимся здѣсь, такъ сказать—у себя дома, услышать видныхъ и талантливыхъ представителей историко-археологическаго знанія, являющихся культурной силой, способной возбудить интересъ къ родному прошлому и подвинуть провинціальныя силы къ историко-археологическимъ изысканіямъ. На устраиваемыхъ при съѣздахъ выставкахъ каждый можетъ наглядно поучиться исторіи—опять-же у себя дома. Таково въ общихъ, краткихъ, чертахъ значеніе областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ, на которые собираются и представители науки, и мѣстные (своей и сосѣднихъ губерній) труженики по собиранію, храненію, описанію и изслѣдованію памятниковъ родной старины. Такой съѣздъ соберется въ іюнѣ 1905 г. и въ гор. Владимирѣ.

Приступивъ къ подготовительнымъ работамъ по съѣзду, Владимирская Ученая Архивная Коммиссія на первыхъ же шагахъ встрѣтилась съ большимъ затрудненіемъ: организація и осуществленіе назначеннаго въ гор. Владимирѣ съѣзда потребуетъ (по предварительнымъ соображеніямъ) не менѣе 5 тысячъ рублей, которыхъ у Архивной Коммиссіи, при ея очень скромномъ бюджетѣ, нѣтъ. Однако, имѣя

въ виду, что исторія разнообразныхъ съѣздовъ въ Россіи уже давно установила тотъ отрадный фактъ, что дѣло съѣздовъ пользуется вниманіемъ, сочувствіемъ и поддержкою не только представителей науки, ученыхъ обществъ, но и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, и даже частныхъ лицъ, Владимирская Ученая Архивная Коммиссія вполнѣ надѣется, что общественныя учрежденія и Владимирской губерніи окажутъ матеріальную поддержку Третьему Областному Археологическому Съѣзду, какъ это было въ Ярославлѣ и Твери, гдѣ происходили первые два съѣзда.

Сообщая вышеизложенное, Владимирская Ученая Архивная Коммиссія поручила мнѣ обратиться къ Вамъ, М. Г., съ ходатайствомъ доложить о томъ предстоящему Уѣздному Земскому Собранію (или—въ очередномъ засѣданіи Городской Думы) и оказать содѣйствіе къ успѣшному выполненію возложенной на Коммиссію задачи по организаціи съѣзда, а также и покорнѣйше просить объ ассигнованіи (хотя бы въ два срока) возможной суммы на расходы по съѣзду".

Ходатайство предъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ (чрезъ г. предсѣдателя губернской земской управы) было изложено въ такой редакціи:

„Бывшій въ августѣ настоящаго года второй областной историко-археологическій съѣздъ въ Твери въ своемъ заключительномъ собраніи постановилъ—созвать третій областной историко-археологическій съѣздъ въ іюнѣ 1905 года въ гор. Владимирѣ, а организацію его возложилъ на Владимирскую Ученую Архивную Коммиссію. Разрѣшеніе на созывъ съѣзда во Владимирѣ отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія уже получено.

Владимирская Ученая Архивная Коммиссія приняла на себя организацію съѣзда по слѣдующимъ основаніямъ.

Ученыя Архивныя Коммиссіи, какъ извѣстно, имѣютъ прямою своею задачею—изученіе прошлаго мѣстнаго края; онѣ, охраняя отъ уничтоженія матеріалы для мѣстной исторіи, на основаніи ихъ, возстановляютъ въ памяти современныхъ дѣятелей тѣ основы, на которыхъ зиждутся всѣ отрасли настоящей жизни. Вопросы о народномъ образованіи, о сельско-хозяйственной промышленности, по охраненію на-

роднаго здравія и т. п., такъ горячо и всесторонне разрабатываемые теперь различными органами общественнаго самоуправленія,—всѣ эти вопросы были и прежде, и такъ, или иначе разрѣшались нашими предками. Несомнѣнно, при разработкѣ этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ изслѣдователь не рѣдко вынужденъ бываетъ заглянуть въ „исторію“ вопроса, въ исторію мѣстнаго края, которая даетъ основаніе разумнаго, сознательнаго и корректнаго отношенія къ современности.

Такимъ образомъ, едва ли кто будетъ отрицать, что, оставаясь на высотѣ современныхъ научно-историческихъ и обще-культурныхъ требованій, архивныя коммиссіи идутъ въ своей дѣятельности по тому же пути и къ той же цѣли, что и органы самоуправленія.

Помимо разработки памятниковъ прошлаго въ интересахъ уясненія себѣ настоящаго, архивныя коммиссіи преслѣдуютъ и культурныя задачи общаго характера: онѣ устраиваютъ доступные для публичнаго осмотра историческіе музеи, публичныя лекціи, юбилейныя празднества съ соотвѣтственными имъ историческими чтеніями, археологическія выставки и—наконецъ—областные историческіе съѣзды. Эти послѣдніе, т.-е. съѣзды, какъ естественный шагъ развитія архивныхъ коммиссій, вполнѣ доступные для каждаго, благодаря усвоенному ими принципу публичности, являются для всего общества обширной аудиторіей, гдѣ представители всѣхъ слоевъ его знакомятся съ результатами сдѣланнаго нашими предками и отцами, а архивныя коммиссіи заимствуютъ не мало поучительнаго, чтобы работать еще продуктивнѣе на пользу общественную.

Вотъ почему и Владимирская Ученая Архивная Коммиссія, желая сдѣлать только полезное, взяла на себя организацію третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, назначеннаго въ гор. Владимирѣ. Исходя изъ вышеизложенныхъ соображеній, она была твердо убѣждена, что ей несомнѣнно помогутъ въ этомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ органы общественнаго самоуправленія во Владимирской губерніи.

Какъ Непремѣнный Попечитель и Предсѣдатель Владимирской Архивной Коммиссіи, по просьбѣ ея я обратился въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ уѣздныя земскія собранія и въ

городскія общественныя управленія съ ходатайствомъ объ ассигнованіи возможной суммы на расходы по съѣзду. За немногими исключеніями, всѣ они по мѣрѣ возможности удовлетворили мое ходатайство. Но, какъ и слѣдовало ожидать, ассигнованныхъ ими суммъ для организаціи съѣзда оказывается недостаточно.

Бывшіе первые два областные историко-археологическіе съѣзды въ Ярославлѣ и Твери, по общимъ отзывамъ, были организованы образцово и именно благодаря тѣмъ щедрымъ ассигнованіямъ, которыя были сдѣланы на этотъ предметъ Ярославскимъ и Тверскимъ губернскими земствами. Я вполнѣ надѣюсь, что и Владимирское Губернское Земство не откажетъ въ помощи для организаціи третьяго областного съѣзда, какъ это дѣлаютъ, кромѣ Ярославскаго и Тверского, и другія губернскія земства, какъ только въ нихъ собираются тѣ или другіе съѣзды, вообще пользующіеся у насъ вниманіемъ, сочувствіемъ и поддержкою не только представителей той или другой спеціальности, но и мѣстныхъ органовъ общественнаго самоуправленія.

Сообщая вышеизложенное, Владимирская Ученая Архивная Коммиссія поручила мнѣ обратиться къ Вамъ, Милостивый Государь, съ ходатайствомъ—доложить объ этомъ предстоящему Губернскому Земскому Собранію и оказать содѣйствіе къ успѣшному выполненію возложенной на Коммиссію задачи по организаціи съѣзда, а также и покорнѣйше просить объ ассигнованіи (хотя бы въ два срока) достаточной суммы на расходы по съѣзду.

Въ надеждѣ на благопріятное удовлетвореніе моего ходатайства, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности".

Усилія объ изысканіи необходимыхъ средствъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ,—Губернское Земство ассигновало 2000 руб., уѣздныя земства: Меленковское—400 р., Владимирское—300 р., Вязниковское—300 р., Шуйское—300 р., Ковровское—200 р., Александровское—100 р., Переславское—100 р., Судогодское—100 р., Суздальское—100 р., Муромское—100 р., Юрьевское—100 р., Владимирская Городская Дума—1000 р., Иваново-Вознесенская—300 р., Ковровская—200 р., Шуйская—100 р., Судогодская—50 р., Суз-

дальская—50 р., Вязниковская—50 р., Переславская—25 р., Гороховецкая—25 р., Покровская—25 р., Меленковская—25 р., Юрьевская—15 р., Гаврилово-посадское Общество—25 р., Владимирское Дворянство—300 р., А. В. Ершовъ—20 р.,—всего **6310 руб.**

Обезпечивъ созываемый съѣздъ матеріальными средствами, оставалось упрочить его въ научномъ отношеніи. Г. Предсѣдатель Организаціоннаго Комитета считалъ необходимымъ для этого войти въ личные переговоры съ различными учеными лицами и занимающимися историко-археологическими науками. Съ этой цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Тверь и С.-Петербургъ. Въ Твери онъ сначала былъ на засѣданіи мѣстнаго Историческаго Общества, происходившаго въ покояхъ архіепископа Димитрія, гдѣ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о собираніи и изданіи надписей на старинныхъ предметахъ (преимущественно церковныхъ) и постановлено было—по возможности трудъ этотъ приготовить ко времени Третьяго Областного Съѣзда.—Въ тотъ же вечеръ г. предсѣдатель Тверской Архивной Коммиссіи устроилъ для г. Селиванова совѣщаніе Коммиссіи, съ участіемъ мѣстныхъ, тверскихъ, выдающихся дѣятелей.—Въ Петербургѣ, благодаря любезному содѣйствію директора Императорскаго Археологическаго Института, Н. В. Покровскаго, удалось устроить въ помѣщеніи Института спеціальное засѣданіе, на которомъ присутствовали Н. В. Покровскій, А. В. Половцовъ, А. А. Спицинъ, Н И. Веселовскій, И. Я. Гурляндъ, Б. В. Штюрмеръ, В. Н. Поливановъ, С. Ѳ. Платоновъ, А. Ѳ. Селивановъ, Д. Н. Бережковъ и друг., при чемъ обязанности секретаря исполнялъ членъ-сотрудникъ Археологическаго Института П. Л. Гусевъ.

Изъ составленнаго на засѣданіи протокола видно:

„А. В. Селивановъ открылъ засѣданіе заявленіемъ, что Организаціонный Комитетъ съѣзда счелъ полезнымъ предварительныя частныя совѣщанія, могущія дать существенныя указанія по устройству съѣзда. Одно изъ такихъ совѣщаній уже состоялось въ Твери, а другое созвано нынѣ въ Петербургѣ. Затѣмъ А. В. сообщилъ слѣдующія подробности организаціи будущаго съѣзда.

1. Собираніе средствъ на устройство съѣзда идетъ довольно успѣшно; пришли на помощь и земства, и города

Владимирской губерніи, предполагаются и дальнѣйшія пожертвованія. Такимъ образомъ, до сихъ поръ составилось около 6.000 рублей.

2. Изъ этихъ средствъ, самый большой расходъ—около 2000 р.—вызвало устройство витринъ и вообще обстановка для будущей выставки въ Музеѣ. Другіе расходы предположены: на пріемъ гостей,—съ общежитіемъ для нихъ и даровымъ содержаніемъ, какъ это было на Тверскомъ съѣздѣ,—до 1500 р. и на экскурсіи—до 500 р., при чемъ дороже всего будетъ стоить необходимая поѣздка (на лошадяхъ) въ Суздаль. Другія экскурсіи,—кромѣ обозрѣнія памятниковъ въ гор. Владимирѣ,—желательны: въ имѣніе г. Нечаева-Мальцова, гдѣ находится церковь, росписанная Васнецовымъ, и старинный хрустальный заводъ, и въ Боголюбовъ монастырь, гдѣ невдалекѣ и церковь Покрова на Нерли.

3. Остальныя средства рѣшено употребить на раскопки и изданія. Къ изданію приготовляются: а) рукописный Атласъ Румянцевскаго Музея, конца XVIII вѣка,—Владимирская губернія со статистическими и другими свѣдѣніями, и б) Библіографическій списокъ матеріаловъ, касающихся Владимирскаго края. Относительно раскопокъ А. В. надѣется на указанія и руководство А. А. Спицина.

Н. В. Покровскій предложилъ издать къ съѣзду нѣкоторыя миніатюры изъ Древняго Лѣтописца, хранящагося въ Академіи Наукъ (часть Царственной книги). Миніатюры эти воспроизводятъ многіе памятники Суздальскаго края. Подобное изданіе относительно Тверского края было сдѣлано къ предыдущему областному съѣзду В. И. Успенскимъ. Н. В. указалъ еще на сборникъ эсхатологическаго характера, принадлежащій Александро-Невскому Братству во Владимирѣ; въ этомъ сборникѣ находятся миніатюры, очень важныя для русской демонологіи.

А. В. Селивановъ, выразивъ желаніе, чтобы Комитету были сообщены подробности о вышеупомянутыхъ памятникахъ древне-русскаго искусства, добавилъ, что предполагалось еще издать къ съѣзду, на средства г. Бахрушина, „Описаніе ризницы суздальскаго Покровскаго монастыря“,

и что многіе снимки уже готовы, но текстъ къ Описанію до сихъ поръ не доставленъ г. Георгіевскимъ.

Рѣшено, не дожидаясь текста, обратиться отъ имени Комитета къ г. Бахрушину съ просьбою издать снимки, съ краткимъ описаніемъ ихъ.

А. А. Спицинъ высказалъ подробно мотивированное предложеніе объ изданіяхъ съѣзда, касающихся первобытной археологіи. Для каменнаго вѣка готовый матеріалъ представляютъ раскопки Каменскаго при устьѣ Оки, изданіе которыхъ въ 10—12 таблицахъ обойдется около 400 р Для мѣднаго вѣка важенъ Ефановскій могильникъ, верстахъ въ 12 отъ Мурома; истративъ 50 р., можно использовать 2—3 цѣльныхъ погребенія. Для древностей финновъ историческаго времени, существуютъ основательно еще не затронутыя городища на Клязьмѣ; на раскопки 2—3 изъ нихъ потребуется не болѣе 50 р. Вопросъ о происхожденіи суздальскаго населенія можетъ быть рѣшенъ, по мнѣнію А. А., переизданіемъ раскопокъ Савельева и гр. Уварова (т.-е. критическимъ пересмотромъ всего матеріала съ добавленіемъ новаго),—которое обойдется около 1000 руб. Относительно раскопокъ во время съѣзда, А. А. указалъ на курганы Покровскаго и Владимирскаго уѣздовъ, муромскіе курганы и Ефановскій могильникъ и предложилъ для изысканій командировать одного петербургскаго (напр. г. Глазова) и одного мѣстнаго спеціалистовъ археологовъ, ассигновавъ петербургскому археологу 300 р., а мѣстному—125 р.

А. В. Селивановъ, сдѣлавъ подсчетъ расходовъ, предложенныхъ г. Спицинымъ, нашелъ мало вѣроятнымъ собрать 2000 руб. на эти изданія, хотя полагалъ возможнымъ часть этихъ изданій приготовить къ съѣзду, причемъ выразилъ предположеніе, что вообще труды съѣзда придется, можетъ быть, печатать не отдѣльно, а въ очередныхъ выпускахъ Трудовъ Владимирской Архивной Коммиссіи.

Рѣшено, по предложенію Б. В. Штюрмера, предоставить усмотрѣнію Организаціоннаго Комитета вопросъ о критическомъ переизданіи раскопокъ Каменскаго, Савельева и гр. Уварова.

На вопросъ А. В. Селиванова, можно ли ожидать рефератовъ изъ Петербурга, отозвались съ предложеніемъ

сообщеній: А. А. Спицинъ, И. Я. Гурляндъ, Н. И. Веселовскій и А. В. Половцовъ. В. Н. Поливановъ предложилъ помѣстить на выставку съѣзда нѣкоторые раскольничьи предметы Симбирской губерніи; въ отвѣтъ на это, А. В. Селивановъ сообщилъ, что приглашенія на съѣздъ разосланы всѣмъ Губернскимъ Архивнымъ Коммиссіямъ, такъ что сообщенія на съѣздѣ и предметы на выставкѣ естественно будутъ касаться не только Владимиро-Суздальскаго края, но и другихъ областей.

А. В. Селивановъ представилъ на разсмотрѣніе членовъ совѣщанія рукописный сборникъ XVII в., гдѣ помѣщенъ, между прочимъ, единственный покуда списокъ „Повѣсти о маркизѣ Мурмонѣ, любящемъ уединеніе и пр.“.

С. Ѳ. Платоновъ совѣтовалъ поручить изслѣдованіе этого сборника, для доклада съѣзду, или Московскому Обществу исторіи и древностей, или г. Сиповскому.

Д. Н. Бережковъ указалъ на крайнюю необходимость изданія въ хорошихъ снимкахъ памятниковъ владимиро-суздальской архитектуры.

Изъ возникшаго, по поводу вопроса о происхожденіи этихъ памятниковъ, живого обмѣна мнѣній выяснилась дѣйствительно большая потребность изданія владимиро-суздальскихъ памятниковъ искусства XII—XIII вв., при чемъ, по предложенію Н. В. Покровскаго, рѣшено поставить этотъ вопросъ на съѣздѣ, съ непремѣннымъ условіемъ воспроизведенія памятниковъ въ фототипіяхъ, удовлетворяющихъ современнымъ научнымъ требованіямъ“.

Доложенные А. В. Селивановымъ результаты совѣщаній въ Твери и С.-Петербургѣ Владимирская Архивная Коммиссія въ спеціальномъ засѣданіи разсмотрѣла подробно и постановила—по мѣрѣ возможности осуществить ихъ къ Съѣзду, насколько позволятъ собранныя средства.

Помимо того, Организаціонный Комитетъ обратилъ особое вниманіе на необходимость собиранія въ губерніи свѣдѣній по исторіи и этнографіи Владимирскаго края. Съ этой цѣлью была выработана и отпечатана слѣдующая программа.

I. Нѣтъ ли въ данной мѣстности какихъ-либо памятниковъ первобытныхъ древностей: кургановъ, могильниковъ,

городищъ, насыпей, валовъ и т. п., а также урочищъ, съ которыми связаны какія либо мѣстныя преданія? Если есть, то указать подробно мѣстоположеніе, съ обозначеніемъ названія урочищъ,—а также, если возможно—составить хотя бы отъ руки планъ или чертежъ. При обозначеніи названій—объяснить, почему такъ названы.

Не были ли находимы какія-нибудь древнія вещи: монеты, орудія—какъ металлическія, такъ и каменныя, украшенія и т. п.? Если были находимы вещи, то гдѣ они находятся, или куда были отправлены и когда именно.

II. Не сохраняется ли въ церквахъ, въ архивахъ мѣстныхъ волостныхъ правленій, или въ частныхъ рукахъ какихъ-либо письменныхъ источниковъ для мѣстной исторіи: писцовыхъ книгъ, переписныхъ, отказныхъ и т. п. документовъ.

Не будетъ ли возможнымъ на основаніи имѣющихся архивныхъ матеріаловъ составить хотя бы краткій историческій очеркъ какой-либо мѣстности, или отдѣльнаго селенія.

III. Не сохранились-ли гдѣ-нибудь старинныя деревянныя или каменныя постройки съ уцѣлѣвшими украшеніями: карнизы, наличники оконъ и дверей, коньки на избахъ, на крыльцахъ и т. п. Если сохранились, то что именно и гдѣ? Также не имѣется ли у кого-нибудь старинной утвари, мебели и т. п. предметовъ домашняго быта.

IV. Народные обычаи и обряды при рожденіи, крещеніи, бракѣ, смерти и другихъ важныхъ событіяхъ въ жизни. Остатки язычества въ обрядахъ и обычаяхъ. Повѣрья, примѣты, сказанья, преданья, заговоры, заклятія, гаданья, колдовство, знахарство, сказки, поговорки, пословицы, притчи, загадки, пѣсни и т. п. Не имѣется ли у кого-либо рукописныхъ сборниковъ пѣсенъ.

Особенности народной одежды.

Эта программа чрезъ Духовную Консисторію и Дирекцію народныхъ училищъ была разослана духовенству и учительскому персоналу губерніи; считаемъ необходимымъ здѣсь же отмѣтить, что, къ сожалѣнію, результаты этого обращенія оказались очень не велики, и потому на Съѣздъ не было возможности представить ни одного доклада по мѣстной этнографіи; только по § II программы В. В. Ти-

хонравовъ представилъ историческій очеркъ одного села, ковровскаго уѣзда, но этотъ очеркъ—по различнымъ причинамъ, не былъ доложенъ на Съѣздѣ. Для Музея Коммиссіи это обращеніе не осталось безрезультатнымъ.

Кромѣ того, какъ уже упоминалось, къ Съѣзду предположено было устроить выставку различныхъ древнихъ и старинныхъ предметовъ. Въ этомъ отношеніи Архивной Коммиссіи очень помогло мѣстное Древлехранилище при Братствѣ Св. Благов. Вел. Кн. Александра Невскаго, обладающее богатымъ собраніемъ священныхъ предметовъ и рукописей. Съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Никона, древніе священные предметы Древлехранилища почти всѣ перенесены были въ Музей Архивной Коммиссіи, а въ Древлехранилищѣ сосредоточена была выставка оставшихся тамъ старинныхъ рукописей.

Музей Архивной Коммиссіи не задолго до Съѣзда только что былъ оконченъ внутренней отдѣлкой,—„музейскаго“ въ немъ не было ничего, не было и витринъ. Собранныя средства, а также пожертвованное Ю. С. Нечаевымъ-Мальцовымъ на значительную сумму стекло дали возможность Архивной Коммиссіи соорудить надлежащую обстановку, и только послѣ этого можно было заняться собираніемъ различныхъ предметовъ для выставки. Эта нелегкая задача почти всецѣло легла своею тяжестью на А. В. Селиванова, который ѣздилъ для этого въ Рязань, Иваново-Вознесенскъ и др. мѣста для розыска предметовъ для выставки, отбиралъ тамъ болѣе интересное и размѣщалъ ихъ въ Музеѣ. Въ этомъ дѣлѣ до нѣкоторой степени помогъ ему В. Г. Добронравовъ, не разъ посѣтившій села вязниковскаго уѣзда—Мстеру, Холуй и Палехъ, результатомъ чего явились экспоненты—старинщики, живущіе въ этихъ селахъ и доставившіе для выставки значительную коллекцію старинныхъ иконъ.

Перечислять здѣсь всѣхъ экспонентовъ выставки признаемъ излишнимъ, такъ какъ во время Съѣзда былъ изданъ „Каталогъ археологической выставки, устроенной по случаю 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда, въ гор. Владимирѣ губ.“ Гор. Владимиръ. Типогр. Губернскаго Правленія. 1906. 8⁰. 40 стр.

Всего было выставлено 897 №№ предметовъ; кромѣ Древлехранилища Братства во Владимирѣ, изъ экспонентовъ нужно отмѣтить еще Ризницу Владимирскаго Успенскаго Собора, Д. Г. Бурылина (изъ Иваново-Вознесенска), А. В. Селиванова (изъ Владимира) и Музей Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

По случаю устройства Археологической выставки при Съѣздѣ предсѣдатель Организаціоннаго Комитета возбудилъ ходатайство предъ Управленіемъ желѣзныхъ дорогъ—о распространеніи на перевозку по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ экспонатовъ—обычныхъ для выставокъ тарифныхъ льготъ. Черезъ 2 недѣли Департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ Министерства Финансовъ увѣдомилъ, что имъ признано возможнымъ изъявить согласіе на предоставленіе для экспонатовъ означенной выставки общихъ тарифныхъ льготъ, предусмотрѣнныхъ льготнымъ тарифомъ № 163—1894 г. (оплата по полному тарифу при слѣдованіи экспонатовъ на выставку и безплатный обратный провозъ ихъ съ выставки), и при этомъ Архивная Коммиссія увѣдомлялась, что соотвѣтственный льготный тарифъ будетъ опубликованъ въ № 1783 Сборника Тарифовъ, отъ 17 мая 1906 года.

Согласно указаніямъ на Совѣщаніи въ Петербургѣ, по сношеніи съ Императорскою Археологическою Коммиссіею, былъ приглашенъ для производства необходимыхъ раскопокъ В. Н. Глазовъ; однако, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онъ, не приступивъ къ производству раскопокъ, вынужденъ былъ отказаться отъ этого. Вмѣсто него, по указанію той же Коммиссіи, былъ приглашенъ Н. Е. Макаренко, который произвелъ раскопки Новленскаго (въ судогодскомъ у.) и Заколпскаго (въ меленковскомъ у.) могильниковъ и совершилъ археологическую поѣздку по владимирскому, судогодскому, муромскому и меленковскому уѣздамъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, г. Макаренко докладъ объ этомъ не могъ представить на Съѣздъ; онъ былъ доставленъ въ Архивную Коммиссію уже послѣ Съѣзда и потому напечатанъ не въ „Трудахъ“ его, а въ „Трудахъ Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи“ (кн. X).

Приготовленія къ Съѣзду въ гор. Владимирѣ были въ полномъ ходу, а между тѣмъ весною 1905 г. выяснились нѣкоторыя обстоятельства, которыя вынудили Архивную Коммиссію въ засѣданіи ея 1 мая сдѣлать слѣдующее постановленіе:

„Принимая во вниманіе 1) что Владимирская губернія въ числѣ другихъ въ настоящее время объявлена угрожаемой по холерѣ, появленіе которой въ текущемъ году въ лѣтніе мѣсяцы представляется весьма вѣроятнымъ, во 2) что для размѣщенія пріѣзжихъ на Областной Съѣздъ гостей затруднительно будетъ найти подходящее и вполнѣ достаточное помѣщеніе, такъ какъ въ этомъ году предположенъ ремонтъ въ намѣченныхъ для этой цѣли зданіяхъ, 3) многіе изъ лицъ, изъявившихъ согласіе принять участіе на Областномъ Съѣздѣ, заявили, что по различнымъ причинамъ они прибыть на Съѣздъ въ текущемъ году не имѣютъ возможности — Коммиссія постановила: отложить Областной Съѣздъ до 20 іюня будущаго 1906 г., о чемъ возбудить ходатайство предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, а также увѣдомить всѣхъ лицъ и учрежденія, коимъ были посланы приглашенія объ участіи на Съѣздѣ".

Такимъ образомъ, созывъ Съѣзда, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ отложенъ на годъ. Это обстоятельство—едва-ли имѣвшее какое-либо дурное вліяніе на самый Съѣздъ, вызвало только лишніе труды со стороны Организаціоннаго Комитета, принужденнаго канцелярскую работу повторить всю снова.

Съѣздъ собрался въ іюнѣ мѣсяцѣ 1906 г. Владимирская Ученая Архивная Коммиссія имѣла возможность подготовить къ нему слѣдующія изданія:

1) Становые управители Ярославской провинціи. *Я. О. Кузнецовъ*. Владимиръ. 1904 8⁰. 32 стр.

2) *И. Ф. Масановъ*. Библіографія Владимирской губерніи. Подъ редакціей А. В. Смирнова. Томъ I. Владимиръ. 1905. 8⁰. 2 нен.+538+II стр.

3) Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 году. Съ приложеніемъ 1 рисунка. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Г. А. Ряжскаго*. Владимиръ, 1906. 8⁰. 1 рис.+V+128+4 нен. стр.+16 таблицъ.

4) Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. гор. Владимира. Часть первая (1720—1855 гг.). *Ѳ. К. Сахаровъ.* Владимиръ. 1905. 8⁰. XII+362+2 нен. стр.

5) Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго Древлехранилища при Братствѣ Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невскаго. Выпускъ I. *(С. И. Недешевъ).* Владимиръ. 1906. 8⁰. V+1 нен.+154 стр.

6) Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Ч. 1-я. Монастыри. Подъ редакціей прот. *В. В. Косаткина.* Владимиръ. 1906. 8⁰. VIII+352+1 н. стр.

7) Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Съ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ дѣлахъ о дворянствѣ разныхъ фамилій Архива Владимирскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія. *М. И. Трегубовъ*, подъ редакціею и съ предисловіемъ *А. В. Селиванова.* Владимиръ. 1905. 8⁰. II+256 стр.

8) Путеводитель по губ. гор. Владимиру и его древнѣйшимъ уѣзднымъ городамъ—Суздалю, Мурому, Переславлю, Юрьеву и Александрову, съ указаніемъ достопримѣчательностей этихъ городовъ въ историческо-археологическомъ отношеніи. *Н. Н. Ушаковъ.* Владимиръ. 1906. 16⁰. 52 стр.

и 9) Отмѣченный выше (см. стр. 15) Каталогъ археологической выставки.

Кромѣ того, Архивная Коммиссія имѣла возможность выдать каждому члену Съѣзда слѣдующія изданія другихъ лицъ и учрежденій, пожертвованныя съ этой цѣлью:

I. Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 15-й. Съ 653 рисунками. Санктпетербургъ. 1905. 8⁰. 2 нен.+172 стр.

II. Записки отдѣленія русской и славянской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества. Т. VII, вып. I. Спб., 1905. 8⁰. 1 нен.+182 стр.+XXII таблицы рисунковъ; 163 рис. въ текстѣ.

III. Историческое описаніе первоклассnаго Княгинина Успенскаго женскаго монастыря въ губ. гор. Владимирѣ. (Составили прот. *В. И. Преображенскій* и свящ. *М. И. Добротворскій*). Москва. 1900. 8⁰. 130+XXIX+2 нен. стр.

IV. Древнія гробницы во Владимирскомъ Каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ Княгининомъ дѣвическомъ монастырѣ и погребенные въ нихъ князья, княгини и святители. Архимандритъ *Порфирій*. Владимиръ. 1903. 8⁰. 1 рис.+132 стр.

V. Исторія Каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. г. Владимирѣ. Прот. *А. И. Виноградовъ*. Владимиръ. 1905. 8⁰. 120+94+1 нен. стр.+9 рис.

и VI. Два спорныхъ дѣла Кашина посада съ Дмитровскимъ и Клобуковымъ монастырями о землѣ. *І. Я. Кункинъ*. Тверь. 1906. 8⁰. 48+24 стр.

На приглашеніе Архивной Коммиссіи принять участіе въ Съѣздѣ отозвались многія ученыя учрежденія Россіи и командировали своихъ делегатовъ,—такъ изъ С.-Петербурга ожидались делегаты отъ Императорскихъ—1) Археографической Коммиссіи, 2) Археологической Коммиссіи, 3) Археологическаго Института, 4) С.-Петербургскаго Университета и 5) С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ, изъ Москвы—отъ Императорскихъ—6) Московскаго Археологическаго Общества, 7) Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8) Россійскаго Историческаго Музея, отъ—9) Нумизматическаго Общества, 10) Коммиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы и Московской губерніи, 11) Московскаго Архитектурнаго Общества, изъ Сергіевскаго посада (москов. губ.) отъ 12) Московской Духовной Академіи, изъ Кіева—отъ Императорскихъ 13) университета св. Владимира, 14) Общества Нестора-Лѣтописца при университетѣ св. Владимира, отъ 15) Кіевской Духовной Академіи и 16) Церковно-Историческаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, изъ Казани—17) отъ Императорскаго Казанскаго Университета и отъ 18) Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, 19) Казанской Духовной Академіи, изъ Харькова—20) отъ Императорскаго Харьковскаго Университета, изъ Одессы—отъ Императорскихъ 21) Новороссійскаго Универ-

ситета и 22) Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, изъ Нѣжина—отъ 23) Историко-Филологическаго Института князя Безбородко, изъ Варшавы—отъ 24) Императорскаго Варшавскаго Университета, изъ Воронежа 25) отъ Коммиссіи по устройству Воронежскаго губернскаго Музея при Статистическомъ Комитетѣ, 26) отъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета и 27) отъ Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи и отъ другихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій, какъ-то: 28) Нижегородской, 29) Рязанской, 30) Курской, 31) Тверской, 32) Таврической, 33) Костромской, 34) Вятской, 35) Симбирской, 36) Пермской, 37) Екатеринославской, 38) Ставропольской, 39) Ярославской; изъ Ростова (ярославской губ.) 40) отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей, изъ Орла—41) отъ Орловскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества, изъ Тулы—42) отъ Тульской Епархіальной Палаты Древностей, изъ Пскова—43) отъ Псковскаго Археологическаго Общества, изъ Шуи (владимирской губ.)—44) отъ Шуйской Мужской гимназіи; наконецъ, 45) Владимирская Архивная Коммиссія дала не мало участниковъ Съѣзда изъ среды своихъ членовъ.

Списокъ членовъ Съѣзда помѣщенъ нами далѣе (послѣ протоколовъ засѣданій Съѣзда), при чемъ приведенныя тамъ числа относятся къ помѣщенному здѣсь списку ученыхъ учрежденій; изъ этого списка видно, что г.г. делегаты большинства учрежденій дѣйствительно посѣтили Третій Областной Съѣздъ,—только очень не многіе желавшіе посѣтить его не могли прибыть на Съѣздъ по различнымъ причинамъ.

Такой живой откликъ на приглашеніе уже нравственно обязывалъ Владимирскую Ученую Архивную Коммиссію принять всѣ возможныя мѣры къ обезпеченію дорогихъ прибывающихъ гостей удобнымъ помѣщеніемъ со столомъ. Въ этомъ отношеніи Архивная Коммиссія встрѣтила полную поддержку со стороны директора мѣстной мужской гимназіи, члена Коммиссіи С. Ю. Бѣллевича, и ректора Духовной Семинаріи, также члена Коммиссіи о. прот. І. В. Соболева, которые охотно предоставили въ распоряженіе Коммиссіи очень удобныя помѣщенія въ завѣдываемыхъ ими учебныхъ заведеніяхъ; благодаря же ихъ любез-

ности, черезъ гг. экономовъ этихъ заведеній удалось организовать и продовольствіе гг. членовъ Съѣзда.—Для лицъ женскаго пола были любезно предоставлены помѣщенія въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ и въ земской женской гимназіи.

Для занятій Съѣзда г. Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, кн. А. Б. Голицынымъ, были безплатно уступлены на время Съѣзда прекрасныя помѣщенія въ Дворянскомъ домѣ.

Для полноты необходимо еще отмѣтить, что во время Съѣзда Владимирскою Ученою Архивною Коммиссіею издавался, подъ редакціею А. В. Смирнова, „Справочный листокъ Третьяго Областного Историко-Археологическаго Съѣзда въ губ. гор. Владимирѣ", котораго съ 19 по 27 іюня и вышло 8 №№ (Владиміръ. Скоропечатня И. Коиль. 1906. 8⁰. II+65 стр.).

Помимо осмотра памятниковъ старины въ самомъ гор. Владимирѣ, Организаціонный Комитетъ считалъ нужнымъ предложить гг. членамъ Съѣзда посѣщеніе гор. Суздаля и Боголюбова монастыря. Къ сожалѣнію, дальнее разстояніе гор. Суздаля и переправа туда на лошадяхъ вызывала не малый денежный расходъ, и потому поѣздка могла состояться только по подпискѣ желающихъ.—Для поѣздки въ Боголюбовъ монастырь Архивная Коммиссія предоставила для гг. членовъ Съѣзда экстренный поѣздъ по желѣзной дорогѣ.—Краткое описаніе этихъ поѣздокъ помѣщено въ концѣ, послѣ протоколовъ засѣданій Съѣзда.

ПРОГРАММА

для занятій 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда, утвержденная Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

I. Первобытныя древности. Каменный вѣкъ. Курганная эпоха.

II. Областная исторія. Древности историческія (письменныя) и географическія.

III. Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись.

IV. Живая старина. Особенности языка. Обряды. Обычаи. Повѣрья. Пѣсни. Преданія и сказки.

V. Областная этнографія. Изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго.

VI. Вопросы архивовѣдѣнія. Положеніе Архивнаго дѣла въ губерніи. Устройство мѣстныхъ архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій въ губернскіе архивы. Что необходимо сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ.

VII. Архивныя Коммиссіи и ихъ современное положеніе. Вопросы, связанные съ дѣятельностью Архивныхъ Коммиссій по охраненію мѣстныхъ древностей, по устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ и по археологическимъ изслѣдованіямъ края.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СЪѢЗДА.

Засѣданіе Организаціоннаго Комитета, 19 іюня 1906 г.

19 іюня, въ 7 час. вечера, состоялось засѣданіе Организаціоннаго Комитета совмѣстно съ гг. членами, прибывшими въ г. г. Владиміръ на Съѣздъ.

По предложенію предсѣдателя Организаціоннаго Комитета *А. В. Селиванова*, избранъ былъ предсѣдателемъ настоящаго засѣданія *Н. В. Покровскій*.

Предсѣдатель засѣданія поставилъ на первую очередь выборъ Предсѣдателя Съѣзда. Единогласно избранъ предсѣдателемъ Съѣзда Николай Васильевичъ *Покровскій*.

По разсмотрѣніи вопроса о выборѣ секретарей Съѣзда, было постановлено: избрать двоихъ постоянныхъ секретарей, каковыми и были избраны *Н. В. Малицкій* и *В. Г. Добронравовъ;* что же касается избранія помощниковъ постояннымъ секретарямъ по каждому отдѣлу, то, согласно мнѣнія, высказаннаго *С. Ф. Платоновымъ*, было признано, что предсѣдатель каждаго отдѣла всегда можетъ пригласить помощниковъ, по своему усмотрѣнію, когда признаетъ то нужнымъ.

Избраніе товарища предсѣдателя Съѣзда, какъ предлагалъ *И. А. Ивановъ*, собраніе признало излишнимъ.

Затѣмъ было приступлено къ распредѣленію занятій Съѣзда, согласно утвержденной программѣ, въ связи съ заявленными докладами.

Собраніе постановило: въ виду того, что по отдѣлу „Живая старина“ докладовъ нѣтъ, этотъ отдѣлъ (4-й) соединить съ 5-мъ и такимъ образомъ образовать шесть отдѣловъ. Докладовъ по 1-му отдѣлу заявлено 7, по второму—18, по третьему—14, по четвертому и пятому—4, по шестому—5 и по седьмому—2.

Предсѣдателями отдѣловъ были избраны: 1-го—И. А. Ивановъ, 2-го—С. Ф. Платоновъ, 3-го—И. А. Шляпкинъ, 4-го и 5-го—А. И. Соболевскій, 6-го—А. П. Вороновъ и 7-го—А. В. Селивановъ.

Для распредѣленія занятій по днямъ, а также для выбора почетныхъ предсѣдателей былъ образованъ собраніемъ Ученый Комитетъ изъ предсѣдателей отдѣловъ и секретарей Съѣзда.

Ученымъ Комитетомъ составленъ былъ слѣдующій порядокъ занятій на время Съѣзда.

20 іюня. Дневное засѣданіе. Въ 1 часъ дня молебствіе предъ открытіемъ Съѣзда. — Открытіе Съѣзда. — Привѣтственное слово *Н. В. Покровскаго.* — „Памяти профессора Московскаго Университета М. И. Соколова“—рѣчь *А. В. Михайлова.*—Обзоръ археологической выставки въ Музеѣ.

20 іюня. Вечернее засѣданіе, начало въ $7^1/_2$ часовъ. Доклады по II отдѣлу—Областная исторія, древности историческія и географическія. Почетный предсѣдатель—*А. В. Селивановъ*, предсѣдатель отдѣла—*С. Ф. Платоновъ*. Доклады: 1. *Троицкій Н. И.*—„Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья (Нижегородская губернія)“.—2. *Травчетовъ Н. П.*—„Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благов. кн. Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца“.—3. *Емельяновъ В. Д.*—„Поиски мѣста крещенія св. Владимира въ Херсонесѣ“.—4. *Захаровъ А. В.*—„Отрывки изъ исторической записки о Владимирской гимназіи“.

21 іюня. Утреннее засѣданіе въ 12 часовъ дня. Доклады по III отдѣлу—Памятники церковной и гражданской старины. Почетный предсѣдатель—*Д. И. Иловайскій*,—предсѣдатель отдѣла—*И. А. Шляпкинъ*. Доклады: 1. *Соболевскій А. И.*—„Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь

съ точки зрѣнія исторической".—2. *Первухинъ Н. Г.*—„Символизмъ старой русской лѣтописи".—3. *Титовъ А. А.*—„Икона св. Троицы (Господь въ лонѣ отчемъ)".—4. *Онъ же*—„Замѣтки а) объ иконѣ Казанской Божіей Матери Тульскаго собора и б) о портретѣ Тимофея Архипыча".—5. *Троицкій Н. И.*—„Одинъ изъ источниковъ по исторіи византійской иконографіи".—6. *Линдеманъ І. К.*—„Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи".—7. *Шляпкинъ И. А.*—„Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго".

21 іюня. Вечернее засѣданіе въ 7½ часовъ. Доклады по II отдѣлу—Областная исторія.—Почетный предсѣдатель—*Л. М. Савеловъ*, предсѣдатель отдѣла—*С. Ф. Платоновъ*.—Доклады: 1. *Илинскій Ѳ. М.*—„О такъ называемой ереси жидовствующихъ" (Изъ очерка исторіи просвѣтительнаго движенія Московской Руси XV—XVII вв.).—2. *Яхонтовъ С. Д.*—„Отношенія между владимирскими и рязанскими князьями".—3. *Ряжскій Г. А.*—„Бл. кн. Ѳеодоръ Стародубскій. (Этюдъ по агіологіи)".—4. *Онъ же*—„О перенесеніи разныхъ мощей изъ церкви вотчины стольника Милославскаго въ гор. Суздаль".—5. *Овсянниковъ Н. Н.*—„О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи".

22 іюня. Утреннее засѣданіе въ 12 час. Отдѣлъ шестой—Вопросы архивовѣдѣнія.—Почетный предсѣдатель—*П. А. Илинскій*, предсѣдатель *А. П. Вороновъ*.—1. *В. Г. Рудаковъ*—„Объ архивѣ департамента герольдіи".—2. *И. А. Тихомировъ*—„Къ вопросу о постановкѣ древневѣдѣнія въ Россіи".—3. *Н. М. Спиліоти*—„Архивные порядки (вопросъ объ измѣненіи условій архивной работы)".—4. *Л. М. Савеловъ*—„О семейныхъ архивахъ".

22 іюня. Вечернее засѣданіе въ 7½ час. III отдѣлъ—Памятники церковной и гражданской старины.—Почетный предсѣдатель *А. А. Павловскій*. Предсѣдатель *И. А. Шляпкинъ*.—1. *И. А. Тихомировъ*—„О нѣкоторыхъ Ярославскихъ гербахъ".—2. *В. Т. Георгіевскій*—„Объ иконописи во Владимиро-Суздальскомъ краѣ".—3. *А. А. Дмитріевскій*—„Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ (святогорскимъ) памятникамъ".—4. *П. Ѳ. Симсонъ*—„Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ

съ гравюрами".—5. *В. Е. Данилевичъ*—„Къ изученію древней русской нумизматики".

23 іюня. Утреннее засѣданіе въ 12 час. I отдѣлъ—Первобытныя древности. Почетный предсѣдатель *граф. П. С. Уварова.* Предсѣдатель *И. А. Ивановъ.*—1. *П. Ѳ. Симсонъ*—„Стоянка каменнаго вѣка подъ Зубцовымъ".—2. *И. А. Тихомировъ*—„Кто насыпалъ Ярославскіе курганы".—3. *Н. Е. Макаренко*—„О произведенныхъ раскопкахъ".—5. *Ю. Г. Гендуне*—„О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владим. губ."—5. *А. В. Селивановъ*—„О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи".—6. *В. Н. Мальковскій*—„О раскопкахъ кургановъ 31 авг.—3 сент. 1903 г. въ с. Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ."—7. *В. Р. Апухтинъ*—„Докладъ о раскопкахъ".

23 іюня. Вечернее засѣданіе въ 7½ час. Отдѣлъ VII. Архивныя коммиссіи. *Засѣданіе закрытое. В. Н. Поливановъ*—Докладъ по вопросу о преобразованіи архивныхъ коммиссій.

24 іюня. Первое засѣданіе. 10 час. утра. IV отдѣлъ—Живая старина и областная этнографія. Почетный предсѣдатель—*А. А. Дмитріевскій*, предсѣдатель—*А. И. Соболевскій.*—1. *М. Е. Соколовъ*—„Этнографическій сборникъ: Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи".—2 *В. А. Андрониковъ*—„Странички изъ исторіи народно-бытовой медицины".—3. *И. И. Вознесенскій*—„О метрѣ и ритмѣ краткихъ народныхъ изреченій".

24 іюня. Второе засѣданіе.—1 часъ дня. II отдѣлъ—Областная исторія. Почетный предсѣдатель—*М. Н. Бережковъ*, предсѣдатель—*С. Ф. Платоновъ.*—1. *М. Н. Бережковъ*—„О Владимирской лѣтописи XII—XIII вв. со стороны ея состава и содержанія".—2. *С. Н. Введенскій*—а) „Слово о погибели русской земли", какъ историческій и литературный памятникъ сѣверо-восточной Руси XIII в., б) „Откуда произошло имя офеней", в) „Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи".—3. *Л. М. Савеловъ*—„Помѣщики Владимирскаго края—князья Пожарскіе".—4. *Прозрителевъ*

Г. Н.—„Древніе могильники и городища Ставропольской губерніи“.

24 іюня. Въ 6 ч. вечера—поѣздка въ г. Суздаль.

25 іюня. Вечеромъ—возвращеніе изъ Суздаля во Владимиръ.

26 іюня. 10 час. утра—поѣздка въ Боголюбовъ монастырь.

26 іюня. 7 час. вечера. Заключительное засѣданіе Съѣзда.

Открытіе 3-го Областного Съѣзда.

20 іюня въ 1 часъ дня въ актовомъ залѣ Владимирской мужской гимназіи Преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Муромскимъ, было совершено молебствіе въ сослуженіи съ о.о. членами Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи.

Послѣ молебна, въ залѣ дворянскаго собранія Преосвященнымъ Александромъ сказано было краткое привѣтствіе собравшимся членамъ Съѣзда. Послѣ этого и. д. Владимирскаго губернатора Вице-губернаторъ И. Н. Сазоновъ объявилъ Съѣздъ открытымъ и привѣтствовалъ собраніе.

По открытіи Съѣзда—Предсѣдатель его *Н. В. Покровскій* сказалъ слѣдующую привѣтственную рѣчь.

„Мысль объ учрежденіи областныхъ археологическихъ съѣздовъ возникла лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ: первымъ областнымъ съѣздомъ былъ Ярославскій, вторымъ—Тверской и третьимъ—настоящій съѣздъ во Владимирѣ. Вниманіе учредителей областныхъ съѣздовъ остановилось на владимиро-суздальской области и къ ней пріурочены археологическія занятія съѣздовъ—въ виду ея выдающагося историко-археологическаго значенія и изобилія сохранившихся до насъ разнообразныхъ памятниковъ старины. Извѣстно, что суздальскій край съ незапамятныхъ временъ заселенъ былъ—преимущественно финнами; въ X в., какъ показали археологическія раскопки (гр. А. С. Уваровъ), господствующее населеніе здѣсь было уже русское. Въ XII в. Андрей Бого-

любскій переноситъ сюда великокняжескій престолъ, и Владимиръ становится столицею княжества. Это былъ первый шагъ по направленію къ Москвѣ,—шагъ смѣлый, гарантированный преимуществами вновь зарождающагося государственнаго центра. По своему географическому положенію Суздальская область представляла всѣ удобства, необходимыя для обезпеченія вновь зарождающагося центра: лѣсистая мѣстность защищала его отъ набѣговъ сосѣдей, многочисленныя рѣки служили прекраснымъ средствомъ сообщенія, умѣренный климатъ развивалъ наклонность къ труду... Промышленность и торговля были обезпечены.

Вмѣстѣ съ великокняжескимъ дворомъ Андрей Боголюбскій сталъ переносить сюда и обычаи Кіева: видимо,—онъ подражалъ Кіеву. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ заложилъ во Владимирѣ новый городъ—крѣпость по образцу Ярославова города, съ такими же золотыми воротами, какъ въ Кіевѣ, переноситъ во Владимиръ Кіевскія названія мѣстностей, напр. Печерный городъ, Лыбедь, Оринины ворота. Онъ же сооружаетъ здѣсь и первые христіанскіе храмы. Отселѣ начинается исторія христіанскаго искусства владимиро-суздальской области. Періодъ процвѣтанія этого искусства былъ непродолжителенъ; онъ оканчивается съ перенесеніемъ столицы въ Москву (1325 г.); тѣмъ не менѣе памятниковъ искусства отъ этой непродолжительной эпохи сохранилось до насъ очень много: сюда относятся памятники архитектуры, живописи, металлическаго производства и даже эмали (Андрея Боголюбскаго — западнаго происхожденія).— Нѣтъ необходимости перечислять ихъ, назовемъ лишь Владимирскіе соборы Успенскій и Дмитріевскій, церковь Покрова на Нерли, Юрьевскій соборъ, церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовомъ монастырѣ, съ остатками, повидимому, дворца Андрея Боголюбскаго и др.

Художественные памятники владимирской области уже давно обратили на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и въ настоящее время мы имѣемъ уже три группы относящихся сюда трудовъ: I. историко-археологическія описанія отдѣльныхъ памятниковъ; II. ученыя изданія ихъ и III. ученыя изслѣдованія *).

*) I. *Іоасафъ*, Церковно-историч. описаніе суздальскихъ достопамятностей и—владимирскихъ.

Въ настоящее время уже можно сказать, что важнѣйшіе памятники суздальской области приведены въ извѣстность и главнѣйшіе пути къ ихъ изслѣдованію намѣчены съ достаточною полнотою. По отношенію къ архитектурѣ признано, что она стоитъ въ близкомъ родствѣ съ архитектурою романскою,—именно ломбардскою (по гр. Строганову) и греческою (по гр. Уварову);—можно добавить, что и архитектурные памятники сѣверной Европы—Швеціи и Норвегіи также подходятъ къ этому архитектурному типу.

Примѣры въ „Die Scandinavische Baukunst der ersten nordisch christl. Iahrhunderte (IX—XIII) v. Fr. Seescelberg. Berlin 1897", табл. VI орнаментика колоннъ и порталовъ съ фан-

---

Доброхотовъ, Древній городъ Боголюбовъ.

Его же, Пам. древности Владимира Кляз.

Гр. Толстой (М. В.). Письма изъ Сузд. области.

Тихонравовъ, Опис. ц. Бориса и Глѣба въ Кидекшѣ (Труды влад. губ. статист. комит. кн. 3).

Его же, Описаніе цер. Княгинина монастыря (Ibid).

Его же, Описаніе Спасскаго соб. въ Переяславлѣ (Ibid, 1853 г., кн. 1).

Прот. Виноградовъ, Успен. соб. во Владимирѣ, новое изд 1905 г. съ рисун.

II. *Рихтеръ*, Пам. древне-русск. зодчества.

Гр. Строгановъ, Дмитріевскій соборъ.

Прохоровъ, Христ. древн. 1875—1877 гг.

Голышевъ, Старые дерев. храмы влад. губ.

Его же, Альбомъ русск. древн. влад. г.

III. *Гр. Строгановъ*, Дмитріевскій соб.

Гр. Уваровъ, Взглядъ на архитектуру XII в. въ суздаль. княж. (Труды 1-го археол. съѣзда въ Москвѣ; тамъ же рефераты Лашкарева, Мансвѣтова, Даля, Василева и Артлебена).

Артлебенъ, Пам. зодч. въ древн. Сузд. обл. (Ежегодникъ влад. губ. статист. комит. 1880 г.).

Viollet-le-Duc., L'art russe.

Гр. Строгановъ, Е. Віоле-ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи X—XVIII в.

Голубинскій, Истор. русск. цер. I, 2.

Полевой, Очерки русск. истор. въ пам. быта.

Кондаковъ, О научныхъ задачахъ исторіи Русск. искусства. Пам. древн. письм. 1899 г. CXXXII.

Мансвѣтовъ, О фрескахъ Моск. и Влад. соборовъ.

Бережковъ, О храмахъ Владимиро-Суздальскаго княжества (XII—XIII в.). 1902.

и др.

тастическими птицами, акантами, звѣрями и животными; левъ съ поджатымъ хвостомъ; ср. таб. IX (Dom zu Lund, Nord-Portal). Карнизы и горизонтальные пояса изъ полуколоннокъ на таб. XVIII (ранѣе 1145 г.); звѣри, животныя и люди, грифоны на табл. XX, XXIV и XXV.

Въ послѣднее время Д. Н. Бережковъ представилъ удачную попытку сближенія *владимирскихъ* храмовъ съ Галицкими...

Большія затрудненія представляетъ обронная орнаментика *владимирскихъ* храмовъ. Обычно она сближается съ орнаментикою романскою; но въ послѣднее время явилась попытка сближенія ея съ орнаментикою восточною. Во всякомъ случаѣ, эта сторона дѣла, въ виду ея чрезвычайной научной важности, заслуживаетъ пересмотра, что, вѣроятно, и будетъ сдѣлано спеціалистами на настоящемъ Владимирскомъ съѣздѣ.

Древняя настѣнная живопись во владимиро-суздальской области представлена въ 2-хъ памятникахъ: въ Дмитріевскомъ соборѣ и въ Успенскомъ соборѣ; попытка обслѣдованія 1-го изъ нихъ гр. Строгановымъ была неудачна: онъ усмотрѣлъ здѣсь замѣчательныя отступленія отъ перешедшихъ въ Россію древнихъ греческихъ подлинниковъ и свободное отношеніе художника къ дѣлу... Но это ошибка,— объясняемая невѣрнымъ взглядомъ автора на подлинникъ Дидрона, какъ *византійскій*..... Въ настоящее время этотъ недочетъ уже выполненъ. Изданъ и обслѣдованъ и другой памятникъ этого рода—фрески Успенскаго собора... Что касается наиболѣе обширной отрасли владимирскаго древняго производства—иконописи, то она обслѣдована еще далеко не сполна, хотя матеріалы для этого весьма обширны и разнообразны; то же можно сказать и о металлическомъ производствѣ.—Старинныя рукописи, шитье, старые архивы также нашли въ послѣднее время своихъ изслѣдователей въ лицѣ членовъ Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи.

Присматриваясь къ исторіи ученыхъ работъ по археологіи владимиро-суздальской области, нельзя не замѣтить, что эти работы до не давняго времени имѣли характеръ болѣе или менѣе случайный и лишь на 1-мъ всероссійскомъ

Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ широко поставленъ былъ вопросъ о характерѣ и генезисѣ владимиро-суздальской архитектуры. Но ученая дѣятельность этого рода несомнѣнно оживилась съ учрежденіемъ во Владимирѣ губернской ученой архивной коммиссіи (1898 г.). Нельзя при этомъ не вспомнить о симпатичномъ и всегда ободряющемъ участіи въ дѣлахъ Коммиссіи извѣстнаго знатока древностей церковныхъ покойнаго архіепископа Сергія (Спасскаго), о широкой и энергичной дѣятельности опытнаго археолога А. В. Селиванова,—также А. В. Смирнова, Вас. Гавр. Добронравова и Н. Влад. Малицкаго, много потрудившихся, при благосклонной поддержкѣ архіепископа владимирскаго Высокопреосвященнаго Никона и владимирскаго Губернатора И. М. Леонтьева, въ дѣлѣ изысканія мѣстной старины. Дѣятельность Архивной Коммиссіи теперь значительно окрѣпла; въ Коммиссію вступили новыя молодыя силы, кругозоръ археологическій сталъ гораздо шире, работы получили большую интенсивность, появились прекрасныя ученыя изданія, занимающія одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду однородныхъ изданій губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій; появилось и особое прекрасное зданіе для вновь зародившагося музея древностей и историческаго архива; наконецъ той же архивной коммиссіи, въ лицѣ ея передовыхъ дѣятелей, мы обязаны и настоящимъ Археологическимъ Съѣздомъ. Благодаря неистощимой энергіи Коммиссіи, облегчены задачи Съѣзда. Въ своихъ работахъ Съѣздъ пойдетъ уже по намѣченному пути и его задачи сводятся къ тому, чтобы облегчить, по возможности, труды мѣстныхъ дѣятелей, помочь имъ разобраться въ обширной массѣ цѣнныхъ матеріаловъ, расширить, по возможности, ихъ ученый кругозоръ, и, что особенно важно, ободрить безкорыстныхъ и скромныхъ тружениковъ на новые подвиги служенія національной наукѣ, указующей прямые пути къ истинѣ, и оживить въ мѣстномъ просвѣщенномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ уясненію путей грядущаго. Владимирскій Археологическій Съѣздъ могъ бы считать свою миссію исполненною, если бы ему удалось достигнуть намѣченныхъ скромныхъ цѣлей; и прочнымъ залогомъ успѣха въ этомъ дѣлѣ служитъ высокая важность владимиро-суздальскихъ древностей.

Мм. Гг., Мм. Г-ни. Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ привѣтствовать открытіе 3-го областного археологическаго съѣзда во Владимирѣ отъ имени Императорскаго Археологическаго Института".

Послѣ рѣчи Н. В. Покровскаго Съѣздъ привѣтствовалъ Владимирскій городской голова *Н. Н. Сомовъ*, а вслѣдъ за нимъ отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтствовалъ Нижегородскій голова *А. М. Меморскій*. Въ своей рѣчи онъ выразилъ увѣренность, что историческія изслѣдованія и научныя работы, какія дастъ Археологическій Съѣздъ, принесутъ несомнѣнную пользу, такъ какъ, по словамъ оратора, только безпристрастная наука можетъ внести успокоеніе въ общество, взволнованное нынѣ смутами.

Потомъ привѣтствовалъ Съѣздъ отъ имени Костромской Ученой Архивной Коммиссіи *П. А. Илинскій*, предсѣдатель этой Коммиссіи. „Костромская ученая архивная коммиссія горячо привѣтствуетъ III Археологическій Съѣздъ во Владимирѣ, какъ древнемъ историческомъ центрѣ, гдѣ впервые зародилась и стала развиваться и крѣпнуть идея единства всей Русской земли.

Коммиссія вѣритъ въ совершенный успѣхъ Съѣзда, какъ учрежденія объединяющаго труды лицъ на поприщѣ исторической и археологической науки; она надѣется, что въ трудахъ этихъ наше тяжелое и смутное время между прочимъ найдетъ немалый источникъ успокоенія и преобразованій. Въ общей любви нашей къ наукѣ и Отечеству кроется вѣрный залогъ успѣховъ науки на пользу обновляемой великой и нераздѣльной Россіи".

Далѣе слѣдовало чтеніе привѣтственныхъ телеграммъ, доложенныхъ собранію А. В. Селивановымъ.

„Прошу передать всѣмъ прибывшимъ на Съѣздъ мой сердечный привѣтъ, лучшія пожеланія успѣха и глубокое сожалѣніе, что не могу присутствовать. Предсѣдатель Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи, Губернаторъ *Леонтьевъ*".

„Привѣтствую открывающійся Съѣздъ и всѣхъ дорогихъ сотрудниковъ на все болѣе пустующей нивѣ русской

науки, желаю Съѣзду серьезно заняться разработкой мѣстныхъ древностей. Графиня *Уварова*".

„Поздравляю Съѣздъ съ открытіемъ, горячо желаю блестящаго успѣха его занятіямъ. Захворалъ инфлуенціей, горько сожалѣю, что лишенъ возможности пріѣхать. Профессоръ *Султановъ*".

„Съ живѣйшими пожеланіями всесторонняхъ и блестящихъ успѣховъ почтительно привѣтствую третій областной археологическій Съѣздъ во Владимирѣ. Да раскроютъ его почтенные труды новые источники археологическихъ изысканій о древней Владимиро-Суздальской Руси. Иванъ *Забѣлинъ*".

„Засѣданіе Государственнаго Совѣта препятствуетъ мнѣ пріѣхать ко дню открытія Съѣзда. Твердо вѣрю, что трудамъ Владимирскаго Съѣзда суждено мощно двинуть впередъ познаніе родной старины. Почетный членъ Владимирской Коммиссіи Борисъ *Штюрмеръ*".

„Прошу принять и передать поздравленіе сочленамъ ученой архивной Коммиссіи съ состоявшимся археологическимъ Съѣздомъ. Искренно сожалѣю, что служба помѣшала принять участіе лично привѣтствовать дорогихъ гостей. Да здравствуетъ Съѣздъ на славу и процвѣтаніе дорогой намъ археологіи. *Лебедевъ*".

„Привѣтствую Владимирскій Съѣздъ, сердечно сожалѣя, что по болѣзни не могу принять участія въ его ученыхъ занятіяхъ. Профессоръ *Корсаковъ*".

„Пріѣхать не могу. Привѣтствую Съѣздъ. Желаю полнаго успѣха. Почетный членъ Московскаго Публичнаго Румянцевскаго музея Николай *Баснинъ*".

По прочтеніи телеграммъ профессоръ Варшавскаго университета *А. В. Михайловъ* сказалъ рѣчь, посвященную памяти скончавшагося 17-го іюня профессора Московскаго университета М. И. Соколова, одного изъ дѣятельныхъ участниковъ археологическихъ съѣздовъ.

„Мы только что выслушали цѣлый рядъ привѣтствій и добрыхъ пожеланій по случаю открытія Съѣзда, и это всѣхъ насъ, конечно, очень порадовало и пріятно взволновало.

На мою долю, господа, выпала однако печальная необходимость къ этимъ привѣтствіямъ присоединить грустную ноту—сказать Вамъ, что 17-го іюня не далеко отъ насъ скончался Матвѣй Ивановичъ Соколовъ, который душой стремился къ намъ, но котораго тяжелый недугъ удержалъ дома.

Питомецъ С.-Петербургскаго университета и любимый ученикъ В. И. Ламанскаго, покойный началъ свою ученую дѣятельность въ области славяно-русской литературы въ 1879 г. еще на школьной скамьѣ сочиненіемъ „Изъ древней исторіи Болгаръ", удостоеннымъ университетомъ золотой медали, какъ трудъ, отличавшійся крупными учеными достоинствами и отмѣченный несомнѣннымъ дарованіемъ автора. Въ 1881 г. молодой ученый былъ приглашенъ на каѳедру русской литературы въ Нѣжинскій Историко-Филологическій институтъ. Въ 1886 г. М. И. Соколовъ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, въ славянскія земли, откуда возвратился съ магистерской диссертаціей, подъ заглавіемъ—„Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ" (Москва 1888 г.), трудомъ, удостоеннымъ Академіею Наукъ Уваровской преміи (1893 г.), а годъ спустя занялъ по приглашенію каѳедру русской литературы и языка въ Московскомъ университетѣ, на которой и оставался до смерти, исполняя въ послѣдніе годы и обязанности декана историко-филологическаго факультета. Занимаясь усердно дѣломъ преподаванія въ Нѣжинѣ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, покойный весь свой досугъ отдавалъ ученой кабинетной дѣятельности. Недолго сравнительно прожилъ М. И-чъ, а въ послѣдніе 5—6 лѣтъ очень страдалъ еще отъ своего тяжелаго недуга (грудная жаба), но длинный перечень его трудовъ, главнымъ образомъ—въ области апокрифа и отреченныхъ книгъ, помѣщенный въ „Очеркѣ десятилѣтней научной дѣятельности Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества" (Москва 1902 г.), показываетъ, что ученая дѣятельность М. И-ча изъ года въ годъ шла непрерывно и усиленнымъ темпомъ. Всѣ его статьи, даже мелкія замѣтки носятъ печать новизны матеріала и крайней добросовѣстности обработки предмета. Внимательный и снисходительный къ другимъ, онъ въ научныхъ занятіяхъ былъ чрезвычайно строгъ къ самому себѣ. Онъ никогда не спѣшилъ въ ра-

ботѣ, ни ради ея самой, чтобы поскорѣе увидѣть ее въ печати, ни тѣмъ болѣе—ради какихъ либо побочныхъ цѣлей, былъ врагомъ многописанія и легкаго отношенія къ печатному слову. Укажемъ на одинъ недавній примѣръ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ М. И-чъ закончилъ свой многолѣтній и обстоятельный трудъ о книгѣ „Еноха Праведнаго". Въ это время вышла въ свѣтъ работа о той же книгѣ Еноха одного англійскаго ученаго, съ нѣсколько инымъ освѣщеніемъ разработаннаго у М. И-ча предмета. Этого было достаточно, чтобы покойный, къ сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его изслѣдованіе, пріостановилъ свой законченный трудъ и не рѣшился его печатать „вслѣдствіе новыхъ—по его словамъ—открытій, поведшихъ къ переработкѣ и дополненію изслѣдованія". И этотъ трудъ М. И-ча не увидѣлъ свѣта, оставшись въ рукописномъ видѣ! Матвѣю Ивановичу, при всемъ его добродушіи и снисходительности къ другимъ, былъ ненавистенъ типъ „ученаго", который изучаетъ и пишетъ прежде всего только для двухъ „диссертацій", а печатается лишь для того, чтобы за нимъ побольше числилось нумеровъ его „ученыхъ" работъ, полезныхъ однако только для библіографа. Крайнею добросовѣстностью въ научномъ дѣлѣ, чуждою какихъ либо стороннихъ соображеній, объясняется и тотъ между прочимъ фактъ, почему покойный не успѣлъ написать докторской диссертаціи, несмотря на то, что послѣдняя въ жизни профессора, обремененнаго при томъ большой семьей и живущаго на одно только жалованье, имѣетъ большое и матеріальное и нравственное значеніе. Степень доктора далъ ему honoris causa С.-Петербургскій университетъ въ 1892 г., цѣня ученые труды покойнаго. Научная дѣятельность и матеріальная выгода никогда не соединялись въ душѣ такого добросовѣстнаго и глубоко-идейнаго ученаго и профессора, какимъ всегда былъ покойный.

Здѣсь не мѣсто и не время производить всестороннюю оцѣнку трудовъ и вообще научной и профессорской дѣятельности М. И. Соколова, особенно въ краткомъ очеркѣ, составленномъ на спѣхъ. Въ дополненіе къ сказанному я позволю себѣ лишь въ двухъ—трехъ, при томъ самыхъ общихъ штрихахъ очертить академическую жизнь М. И-ча въ Москвѣ, частью по личнымъ наблюденіямъ, частью по отзывамъ его многочисленныхъ учениковъ.

Покойный занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру непосредственно послѣ Н. С. Тихонравова, вышедшаго въ отставку. Переходъ изъ провинціальнаго Нѣжина въ столичный старѣйшій университетъ, славный своими традиціями, и въ особенности непосредственное преемство послѣ такого ученаго, какимъ былъ Н. С. Тихонравовъ, создавшій при университетѣ цѣлую школу научной разработки памятниковъ русской литературы, не могли, конечно, не смущать новаго молодого профессора, попавшаго въ среду, полную обаянія отъ имени его знаменитаго предшественника, извѣстнаго всей образованной Россіи и за границей. И мы, ученики Н. С. Тихонравова, тоже очень смущались мыслью, сумѣетъ ли этотъ крайне застѣнчивый и скромный молодой человѣкъ, научное имя котораго намъ въ то время почти ничего не говорило, а внѣшность не могла идти даже въ сравненіе съ импонирующей осанкой нашего наставника, повести въ университетѣ дѣло преподаванія такъ, чтобы не слишкомъ чувствовалась разница, и конечно—не въ его пользу, между имъ и нашимъ авторитетнымъ учителемъ. Будущее однако показало, что смущеніе М. И. Соколова, которое намъ, магистрантамъ, приходилось наблюдать во время его визитовъ къ Н. С. Тихонравову, а студентамъ—на лекціяхъ, свидѣтельствовало только о его поразительной скромности, и наши опасенія были напрасны. Молодой магистръ оказался вполнѣ достойнымъ преемникомъ своего убѣленнаго сѣдинами предшественника. Со смертью Н. С. Тихонравова († 27 ноября 1893 г.), его научная школа въ Московскомъ университетѣ вовсе не исчезла и не упала, а—напротивъ—окрѣпла и расширилась. Интересъ къ наукѣ поддерживается въ молодости, какъ извѣстно, не столько лекціями, сколько постояннымъ общеніемъ съ профессоромъ и умѣніемъ послѣдняго возбудить эту молодость къ научной самодѣятельности, въ соотвѣтствіи съ природными наклонностями и настроеніями отдѣльныхъ лицъ. М. И. Соколовъ былъ глубоко проникнутъ этими идеями и всячески старался осуществить ихъ на дѣлѣ въ теченіе всей своей профессорской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ. Ему между прочимъ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться для этой цѣли основанной въ 1892 г. при Московскомъ Археологическомъ

Обществѣ Славянской Коммиссіей, въ организаціи которой онъ принялъ самое дѣятельное участіе и во главѣ которой стоялъ, въ качествѣ безсмѣннаго предсѣдателя, со времени ея основанія и до своей кончины, т.-е. въ теченіе 12 лѣтъ. И Славянская Коммиссія въ указанномъ отношеніи, дѣйствительно, сослужила огромную службу. Она не только соединила и сблизила всѣхъ московскихъ славистовъ, не только явилась центромъ, къ которому тяготѣли и всѣ иностранные слависты, посѣщавшіе Москву съ научными цѣлями, но—что всего, по моему мнѣнію, важнѣе—она привлекла къ себѣ въ большомъ числѣ и студентовъ, интересовавшихся въ томъ или другомъ отношеніи славянской наукой. Здѣсь, въ присутствіи и подъ руководствомъ своего наставника М. И. Соколова, въ средѣ своихъ старшихъ и болѣе опытныхъ товарищей по университету, учениковъ Н. С. Тихонравова, студенты впервые пробовали свои ученыя силы и постоянно развивали въ себѣ интересъ и привычку къ научнымъ занятіямъ. Здѣсь зарождались и крѣпли молодыя ученыя силы, впослѣдствіи сдѣлавшіяся извѣстными въ своей области. Здѣсь, въ нѣдрахъ памятной для меня Коммиссіи, подъ расписными тяжелыми сводами старинныхъ боярскихъ хоромъ въ Москвѣ, на Берсеневской набережной, постоянно происходило непринужденное общеніе на строго научной почвѣ профессоровъ, магистровъ и магистрантовъ со студентами. Здѣсь, наконецъ, поднимались и обсуждались, а частію были поставлены на новую почву и даже рѣшены очень крупные вопросы славяно-русской литературы, напр. о переводѣ Св. Писанія на древнеславянскій языкъ, о происхожденіи и родинѣ Толковой Палеи, о многихъ апокрифахъ и старинныхъ повѣстяхъ и т. п. Для студенческой молодежи эта Коммиссія, можно сказать, была вторымъ историко-филологическимъ факультетомъ, завершавшимъ ея образованіе по славистикѣ: на немъ она знакомилась съ болѣе обширнымъ кругомъ вопросовъ по славяновѣдѣнію, чѣмъ это было возможно на оффиціальномъ факультетѣ, а сверхъ того воочію могла наблюдать научную разработку новыхъ матеріаловъ, слышать послѣднія слова славянской науки и входить въ непосредственныя сношенія со многими извѣстными учеными, кромѣ своего профессора. Организаторомъ и душой этого высшаго фа-

культета въ обстановкѣ ученаго общества и былъ именно М. И. Соколовъ. Для него Славянская Коммиссія съ группой ея членовъ была словно родной семьей, куда онъ несъ всегда съ полною готовностью и весь свой досугъ, и всю свою заботливость и энергію, чтобы развить и усилить ея научную дѣятельность. Простой и привѣтливый въ обращеніи, покойный вызывалъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ, кто ни являлся въ Коммиссію. Зная, какъ много работаетъ для Коммиссіи самъ ея предсѣдатель, какъ внимательно онъ относится къ каждому докладу, и другіе члены Коммиссіи, а за ними и посторонніе слушатели охотно несли сюда свои рефераты, чтобы познакомить съ ними присутствующихъ и вызвать обмѣнъ мнѣній между компетентными лицами. Но особенно было пріятно видѣть, какъ умѣлъ М. И. Соколовъ заохотить и побуждать къ научной работѣ своихъ учениковъ, студентовъ университета, всегда окружавшихъ его дружной толпой и въ университетѣ и въ Коммиссіи; какъ серьезно и внимательно онъ относился къ ихъ первымъ научнымъ опытамъ, какъ деликатно отмѣчалъ слабыя стороны и подчеркивалъ хорошія, развивая тутъ же, во время преній по докладу, мысли автора и указывая ему или на новый матеріалъ или на иную точку зрѣнія по данному вопросу! Молодые люди всегда охотно откликались на призывъ любимаго профессора не терять времени и работать, и, дѣйствительно, усердно занимались, доказательствомъ чего служатъ „Труды“ Коммиссіи, наполненные рефератами и статьями учениковъ М. И. Соколова.

Организація Славянской Коммиссіи и ея ни разу, въ теченіе 12 лѣтъ, не замиравшая жизнь со всѣми благотворными послѣдствіями для научнаго образованія московскаго студенчества составляетъ выдающуюся заслугу академической дѣятельности М. И. Соколова передъ Московскимъ университетомъ и русскимъ юношествомъ. Дай Богъ, чтобы и на будущее время Коммиссія, въ лицѣ ея предсѣдателей, нашла такихъ же самоотверженныхъ тружениковъ науки и вдохновителей ея жизни, какимъ всегда былъ М. И. Соколовъ!

Какъ человѣкъ, покойный М. И-чъ представлялъ замѣчательно тонкое сочетаніе простоты, сердечной искрен-

ности и скромности. Это была натура рѣдкая по своей цѣльности. Происходя изъ скромной семьи сельскаго діакона ярославской епархіи, М. И-чъ во всю свою жизнь оставался вѣрнымъ привычкамъ и завѣтамъ родной сельской среды. Каждое лѣто онъ спѣшилъ уѣхать или въ родную ярославскую деревню или куда-нибудь въ другое мѣсто на лоно природы, гдѣ онъ почерпалъ новыя силы для своего здоровья и укрѣплялъ свой духъ. Онъ очень любилъ природу, цѣнилъ и понималъ ее и возвращался послѣ лѣта въ городъ окрѣпшимъ физически и вполнѣ уравновѣшеннымъ нравственно. Въ его маленькой и скромной квартирѣ въ Замоскворѣчьи, въ приходѣ церкви Успенія въ Казачьей, нерѣдко можно было видѣть не менѣе 16 членовъ его родной семьи, двоюродныхъ и иныхъ племянниковъ и племянницъ: вся эта молодежь ютилась и бурлила вокругъ спокойнаго и всегда благодушнаго М. И-ча, напоминая ему столь же близкую его сердцу патріархальную обстановку его родительскаго крова. Каждый посторонній, являвшійся въ эту семью, сразу могъ замѣтить, какими тѣсными узами любви и взаимной привязанности связаны всѣ члены ея. Ученики М. И-ча, студенты университета, очень любили бывать у него, нерѣдко, можетъ быть, даже злоупотребляя его досугомъ и покоемъ. Сюда ихъ влекло радушіе и привѣтливость ихъ добраго учителя, который относился къ нимъ, какъ старшій братъ и товарищъ, всегда готовый оказать имъ дѣятельную помощь во всѣхъ ихъ нуждахъ. Онъ былъ совсѣмъ не похожъ на тѣхъ профессоровъ, которыхъ студенты могутъ видѣть только въ университетѣ и которые слишкомъ заботятся о своемъ досугѣ и всячески стараются, чтобы студенты не безпокоили ихъ на дому. Двери дома М. И-ча для студентовъ, какъ и для всѣхъ вообще, кто въ немъ нуждался, были всегда открыты. Молодежь за доброе и сердечное участіе къ ней ея учителя платила ему искреннею привязанностью.

Чуткій къ проявленію справедливости и правды во всѣхъ ихъ видахъ, М. И-чъ былъ непримиримымъ врагомъ лжи, партійной исключительности и деспотизма надъ личностью, что такъ свойственно политической борьбѣ настоящаго переходнаго времени. Нынѣшнее политическое движеніе своею хаотичностью и эксцессами возмущало и потрясало М. И-ча

до глубины души, и эти потрясенія—онъ самъ чувствовалъ—отражались гибельно на его здоровьѣ, давно уже сильно пошатнувшемся. Да и со стороны было видно, что душевной и кроткой натурѣ М. И-ча не перенести внутренней борьбы и разлада между его свѣтлыми гуманными взглядами на жизнь и современной суровой, часто безпощадной и безсмысленной кровавой дѣйствительностью. Лѣченіе его тяжкаго недуга требовало полнаго душевнаго спокойствія, устраненія отъ больного всякихъ волненій, а окружающая общественная жизнь этого именно и не давала страдальцу. И вотъ добрый человѣкъ, честный гражданинъ и гуманный ученый внезапно угасъ на неутѣшное горе своей семьи и глубокое огорченіе всѣхъ знавшихъ его! Какъ ни жестока была его болѣзнь, но роковой исходъ ея даже для семьи покойнаго былъ совершенно неожиданнымъ.

Да сохранится память о немъ всегда живой среди насъ и потомства"!

По предложенію предсѣдателя собранія Н. В. Покровскаго память М. И. Соколова была почтена вставаніемъ всѣхъ присутствовавшихъ и семьѣ покойнаго, на имя вдовы Елизаветы Павловны Соколовой, отъ имени III-го областного археологическаго Съѣзда была отправлена сочувственная телеграмма.

Такую же рѣчь, посвященную памяти другого виднаго дѣятеля историко-археологической науки Н. М. Бекаревича, сказалъ *П. А. Илинскій*.

„Мм. Гг. Позволю себѣ представить Вашему вниманію объ одной печальной утратѣ, которую понесли наши архивные коммиссіи и съѣзды. Въ прошломъ году 11 декабря скончался въ Костромѣ, послѣ продолжительной болѣзни, Николай Михайловичъ Бекаревичъ. Многіе участники и члены общихъ археологическихъ и областныхъ Съѣздовъ, думаю, помнятъ этого крѣпкаго, еще въ порѣ зрѣлости, представителя Костромской коммиссіи, всегда оживленнаго, простодушнаго, жизнерадостнаго и увлеченнаго своей спеціальностью человѣка, сообщавшаго о результатахъ своихъ раскопокъ кургановъ и о находкахъ, которыя удалось ему сыскать въ нѣдрахъ земли. Нельзя было предвидѣть, что

этотъ повидимому здоровый человѣкъ такъ рановременно самъ уйдетъ въ ту землю, которую онъ пыталъ, взрывая курганы, чтобы открыть въ ней „отъ вѣковъ утаенное". Но смерть витала надъ нимъ и скосила его, прекративъ дни его жизни, среди кипучей дѣятельности, среди начатыхъ имъ трудовъ и среди неоконченныхъ работъ, которыя онъ готовилъ къ этому областному Съѣзду. Онъ собиралъ всѣ данныя, чтобы въ совокупности представить цѣлый атласъ и карту, посвященные археологіи нашего Суздальско-Костромскаго края.—Но неумолимая смерть застигла труженика и лишила наше общество сочлена, готовившагося сказать еще „живое слово" о мертвыхъ, погребенныхъ въ самыя отдаленныя отъ исторической жизни человѣчества эпохи. На сколько подѣйствовали печальныя явленія современной жизни на состояніе духа его и тѣла, трудно сказать опредѣленно и категорически; но нельзя умолчать, что въ послѣдній годъ жизни въ болѣзненномъ состояніи тѣла, духъ его не былъ доволенъ и спокоенъ, онъ волновался не мало, и между прочимъ жаловался, что современныя событія не давали возможности заниматься работами, требовавшими именно уравновѣшеннаго состоянія духа и что современныя волненія послужили даже къ тому, что Областной Съѣздъ былъ отложенъ. Онъ не былъ врагомъ свободъ, но всѣмъ существомъ своимъ желалъ, чтобы онѣ были достигнуты мирнымъ путемъ,—ибо самъ въ своей дѣятельной жизни держался принциповъ мира и согласія.

Не дологъ былъ его жизненный путь, но примѣнима къ нему поговорка древнихъ: vita brevis, ars longa. Родился онъ въ Костромѣ въ 1861 году, здѣсь же получилъ и среднее образованіе. Окончивъ курсъ въ Казанскомъ Ветеринарномъ институтѣ съ отличіемъ, онъ командированъ былъ въ Самару на чуму, а оттуда въ 1887 г. снова возвратился въ свой родной городъ и въ 1900 г. поступилъ на службу въ Губернское Земство, занимая мѣсто завѣдующаго ветеринарнымъ бюро до преобразованія этой части въ Имперіи, когда удостоенъ былъ опредѣленія на должность губернскаго ветеринарнаго инспектора, въ какой должности и пробылъ до своей кончины. Занимая эти мѣста, онъ довольно много потрудился по организаціи ветеринарной части въ губерніи и всегда пользовался товарищескимъ расположеніемъ

своихъ сослуживцевъ, видѣвшихъ въ немъ истаго безъ хитрости и лести коллегу. Товарищи его сообщили въ спеціальномъ журналѣ, что онъ долженъ быть поставленъ въ ряды незаурядныхъ общественныхъ дѣятелей.

Работы по профессіи ветеринара было много, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ; но покойный еще со скамейки школьной возымѣлъ охоту къ изслѣдованіямъ природы, флоры и фауны и особенно старины, такъ сказать, ископаемой или древностей доисторическихъ. Стремленіе его къ занятіямъ археологіей со временемъ болѣе и болѣе укрѣплялось въ немъ и обнаруживалось попытками изслѣдованій, находящихся въ нѣдрахъ земли останковъ доисторической жизни человѣка, къ чему онъ подготовился и теоретически и практически Близкое же знакомство его съ покойнымъ Н. Н. Селифонтовымъ укрѣпило въ немъ желаніе посвятить себя спеціально археологическимъ изысканіямъ и особенно раскопкамъ кургановъ, изслѣдованіямъ быта древнихъ людей, по останкамъ въ ихъ могильникахъ.

И въ этой области археологіи потрудился онъ не мало и, что достойно уваженія, потрудился не безуспѣшно и не безрезультатно,—имъ произведено до 11500 раскопокъ! Ежегодно вносились имъ доклады о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ, и находками его наполнены два зала музея коммиссіи. Предметы эти установлены имъ же самимъ въ систематическомъ порядкѣ и сохраняются здѣсь черепа, кости, каменныя орудія и другіе предметы древнѣйшаго міра, вещи говорящія о бытѣ и культурѣ первобытныхъ насельниковъ Костромскаго края, въ бассейнѣ Волги. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу перечень его напечатанныхъ трудовъ, показывающихъ и научную эрудицію, и пытливость ума, и силу воли автора, работавшаго при очень неблагопріятныхъ условіяхъ. „Доклады его о раскопкахъ по берегамъ Покши въ 1894 г., въ селѣ Никульскомъ Нерехтскаго уѣзда 1895 г. О слѣдахъ каменнаго вѣка въ 1896—1897 г., въ Макарьевскомъ уѣздѣ въ 1898 г., о раскопкахъ кургановъ въ 1899 г. и въ 1903 г. Доклады его о результатахъ гробокопанія на областныхъ съѣздахъ и на общихъ въ Кіевѣ и Екатеринославлѣ. Кромѣ того имъ сдѣланы сообщенія объ изразцахъ вдѣланныхъ въ наружную стѣну Никольс-

ской церкви въ Костромѣ, о селѣ Городищѣ, о куричьихъ богахъ и проч. и проч. Многія его замѣтки помѣщены въ спеціальныхъ журналахъ. Къ тому же, будучи искусснымъ фотографомъ, (изучилъ это также въ цѣляхъ археологіи), онъ произвелъ массу снимковъ съ предметовъ старины, такъ что его цѣлые альбомы замѣчательныхъ мѣстностей Костромскаго края заслужили всеобщія похвалы и составляютъ дорогой вкладъ въ нашу хранительницу древностей,— вмѣстѣ съ ними остается въ музеѣ и его даръ, наглядно и отчетливо сдѣланная модель кургана и погребенныхъ въ немъ людей.... Кромѣ спеціальныхъ докладовъ, покойный ревностно входилъ во всѣ дѣла Коммиссіи какъ непремѣнный членъ совѣта, не мало ревностно заботился о демонстраціяхъ находящихся древностей въ музеѣ, имѣя въ виду просвѣтительное значеніе такихъ учрежденій, а также всѣмъ намъ извѣстно то горячее и дѣйственное участіе Н. М. въ устроеніи выставокъ на съѣздахъ, каковыя онъ считалъ необходимыми принадлежностями ихъ для нагляднаго и взаимнаго ознакомленія членовъ съ работами сотрудниковъ въ другихъ мѣстахъ. Всѣ его труды на этомъ поприщѣ отличены Археологическимъ Институтомъ, который призналъ его своимъ сочленомъ—это высшая награда работнику, трудившемуся въ отдаленномъ краю самостоятельно и достигшему значительныхъ результатовъ.

Наконецъ покойный Н. М. былъ всегда горячій приверженецъ идеи учрежденія областныхъ съѣздовъ, принимая личное участіе въ нихъ и ратуя за ихъ успѣшное преуспѣяніе на пользу науки и работниковъ ея, и если бы неумолимая смерть не угасила свѣточъ, то мы видѣли бы его среди насъ съ своимъ трудомъ: археологическою картою нашего края, которая была у него вчернѣ совсѣмъ уже готова.

Костромская архивная коммиссія потеряла въ немъ дѣятельнаго работника и сотрудника, и наши съѣзды почтеннаго сочлена, всегда беззавѣтно преданнаго ихъ дѣлу и убѣжденнаго въ ихъ культурномъ значеніи.

Хорошо уже извѣстно, какъ мало еще удобствъ въ провинціи для занятій научными изслѣдованіями и особенно археологическими, которыя непосвященой публикою счи-

таются сухими и самое занятіе чуть ли не пустымъ дѣломъ, гробокопательствомъ; но Н. М. думалъ иначе, и не забыть того, съ какимъ радостнымъ чувствомъ, съ какимъ восторгомъ онъ повѣствовалъ объ успѣшныхъ раскопкахъ и о найденныхъ сокровищахъ въ видѣ черепковъ, кремней, подвѣсокъ и проч. Возстановляя по останкамъ бытовыя особенности человѣка той эпохи, онъ чувствовалъ наслажденіе ученаго, добившагося рѣшенія той или другой задачи со многими неизвѣстными. Вся его библіотека передана въ даръ коммиссіи, равно какъ и его прекрасный фотографическій портретъ принесенъ также въ музей его вдовою Татьяною Тимофеевною, постоянной его сотрудницею при раскопкахъ и соучастницею во всѣхъ его работахъ по архивнымъ выставкамъ и нашимъ сочленомъ.—Она была его alter ego и присутствовала на обоихъ областныхъ съѣздахъ.

Остается еще прибавить нѣсколько словъ глубокаго сожалѣнія, что смерть Н. М. постигла во время почтовыхъ забастовокъ и члены коммиссіи не имѣли возможности почтить его даже принесеніемъ „вещественнаго знака невещественныхъ отношеній“, возложить на гробъ его вѣнокъ,— но Совѣтъ Коммиссіи послѣ погребенія его выразилъ вдовѣ глубокую печаль о кончинѣ своего почтеннаго и дѣятельнаго сотрудника.

Теперь его ужъ нѣтъ межъ нами,
И прахъ его сокрытъ землей.

Да будетъ же она легка тому, кто въ нѣдрахъ ея искалъ слова научной истины, лучъ научнаго свѣта просвѣщающихъ культурно нашу страну.

Мнѣ думается, что нашъ съѣздъ также выразитъ его вдовѣ сожалѣніе о печальной утратѣ работника, товарища и спеціалиста-археолога—сдѣлавшаго non multum, sed multum... Собравшись вкупѣ, вкупѣ же произнесемъ: вѣчная память труженикамъ земли родной, раскрывающимъ въ нѣдрахъ земли и въ архивахъ жизнь праотцевъ въ поученіе потомковъ.

Искапывая изъ земли погребенныхъ въ ней и ихъ произведенія, онъ и самъ ушелъ въ нѣдра, но духъ его горячей любви къ наукѣ будетъ всегда въ его трудахъ и под-

винетъ насъ къ усиленнымъ занятіямъ по изученію памятниковъ древности".

Собраніе почтило память Н. М. Беккаревича вставаніемъ и постановило—выразить соболѣзнованіе его вдовѣ.

Вечернее засѣданіе

20 іюня 1906 г.

II отдѣлъ—Областная исторія. Секретаремъ отдѣла избранъ *В. Т. Георгіевскій.*

Предсѣдатель отдѣла проф. С. Ф. Платоновъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой указалъ на своеобразную историческую судьбу того края, въ коемъ собрался 3-й Областной Съѣздъ. По словамъ гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова, „нигдѣ въ Россіи искусство не внѣдрилось столь глубоко въ народную жизнь, какъ здѣсь, и культурная высота этого края заключается именно въ народномъ усвоеніи Суздальскою Русью всѣхъ формъ гражданственности и, прежде всего, городской жизни"... „И теперь Владимирскій край производитъ на путешественника впечатлѣніе Ломбардіи: каждый глухой городокъ, многія деревушки имѣютъ драгоцѣнныя древности, еще живутъ художественною жизнію" (Русск. Древн., VI, стр. 1, 48—49). Высокому культурному уровню соотвѣтствовалъ издревле высокій сравнительно экономическій уровень. По словамъ изслѣдователя хозяйственной жизни этой области въ XVI—XVII вѣкахъ, „среди отдѣльныхъ мѣстностей Замосковнаго края привлекаютъ особое вниманіе рѣзко выдѣляющіяся своимъ сравнительно высокимъ уровнемъ благосостоянія изъ среды окружающихъ ихъ земель... Юрьевскій, Суздальскій и Шуйскій уѣзды, занимавшіе вмѣстѣ всю сѣверную половину нынѣшней Владимирской губерніи". (*Ю. Готье,* Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стр. 233). Даже бури Смутнаго времени не подорвали экономическаго благополучія Суздальщины, и она очень скоро оправилась отъ пережитыхъ въ Смуту потрясеній. Такъ выясняется для насъ непрерывно-выдающееся положеніе Владимиро-Суздальской земли въ общей жизни восточнаго Великорусья. Но ея культурное

первенство не всегда совпадало съ политическимъ. Въ XII и XIII вѣкахъ, когда впервые разцвѣтала здѣсь русская гражданственность, Суздаль и Владиміръ были ея политическими центрами и руководителями; позднѣе они заглохли и обратились въ политическія захолустья. Три причины вели къ этому. Татарское нашествіе разорвало связи Суздальщины съ Западомъ и обратило ее на востокъ, „примучивъ“ къ Ордѣ. Успѣхи Москвы глушили городскую жизнь въ краѣ, сосредоточивая вокругъ Московскаго двора все политически важное и экономически цѣнное. Развитіе крѣпостнаго права на вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ въ XV—XVII вѣкахъ разрушало связь города съ селомъ, столь характерную для древнѣйшихъ временъ Руси. Утративъ торговую и культурную связь съ европейскими центрами, уступивъ политическое первенство Москвѣ, а экономическое руководство краемъ вотчиннику и помѣщику, города Суздальскаго края захудали и заглохли. Культурная же традиція, жившая въ населеніи, перешла въ села и вслѣдствіе многихъ благопріятныхъ причинъ создала въ нихъ высокій хозяйственный уровень и разнообразную производительность. Цвѣтущее, бодрое и сильное село стало здѣсь рядомъ съ дряхлымъ и слабымъ городомъ. На 1700 дворовъ въ шести городкахъ этого края въ XVII вѣкѣ считали 70000 дворовъ въ уѣздахъ,—отношеніе исключительное для всей тогдашней Руси, составляющее поразительную особенность Суздальщины. Историки даннаго края должны неизбѣжно останавливаться надъ этимъ несоотвѣтствіемъ политическихъ и культурныхъ судебъ края, надъ глубокою разницею въ исторіи города и села: въ этомъ, какъ кажется, лежитъ основное содержаніе мѣстной исторіи, надъ которою надлежитъ потрудиться настоящему Съѣзду“.

Первымъ былъ заслушанъ докладъ *Н. И. Троицкаго*— „Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья (Нижегородской губ.)“. Главныя мысли доклада слѣдующія:

Начавшаяся въ концѣ XVI-го столѣтія колонизація средняго Поволжья, какъ явленіе, параллельное съ колонизаціей верхняго Дона и его притоковъ, объясняется взятіемъ Казани, уничтоженіемъ враждебныхъ дѣйствій Крымскихъ татаръ (Девлетъ-Гирей), укрѣпленіемъ и оборoной

окраинъ Московскаго государства боярами и особенно кн. Воротынскимъ въ его вотчинахъ и ихъ окрестностяхъ (Воротынецъ и др.). Докладчикъ закончилъ рефератъ словами: „350 лѣтъ тому назадъ умѣли и крестьянъ надѣлить землею, умѣли и не строить городовъ тамъ, гдѣ земель не завоевали".

Противъ послѣднихъ словъ докладчика возражалъ *С. Ф. Платоновъ*. Онъ указалъ, что по свидѣтельству новаго лѣтописца при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ на югѣ и юго-востокѣ по сакмамъ татаръ строились города для опоры колонизаціи. На поправку докладчика, что это были „городки" для сторожи въ степяхъ, возразилъ *В. Е. Даниловичъ*, указавшій, что при Іоаннѣ Грозномъ по Бѣлгородской чертѣ были укрѣпленные города, вокругъ которыхъ образовывались слободы служилыхъ людей. Въ заключеніе *С. Ф. Платоновъ* разъяснилъ, что рядомъ съ правительственными городами были городки и частныхъ лицъ.

Рефератъ *Н. П. Травчетова*—„Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, Муромскаго чудотворца" представляетъ разборъ мнѣнія Н. Д. Квашнина-Самарина, высказаннаго на Тверскомъ Археологическомъ Съѣздѣ*), что подъ св. княземъ Муромскимъ Петромъ разумѣется не Давидъ Юрьевичъ († 1228 г.), а другое лицо, жившее въ началѣ XIV-го вѣка. Главныя положенія разбора: а) родословная книга, на которую ссылается г. Квашнинъ-Самаринъ, источникъ далеко ненадежный, такъ какъ здѣсь Петръ, жившій въ XIV-мъ вѣкѣ, могъ быть названъ святымъ ложно—въ интересахъ мѣстничества; б) Муромскіе синодики отмѣчаютъ двоихъ князей съ именемъ Петра, изъ коихъ одинъ въ иночествѣ Давидъ, имѣвшій супругу Февронію, ставится въ началѣ, а другой, т.-е. тотъ, который упоминается въ родословной,—въ концѣ и слѣдовательно отождествлять послѣдняго со святымъ нельзя; в) „Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ" относитъ св. Петра къ раннему періоду исторіи Муромскаго княжества, а не къ

*) См. „Труды второго областного Тверского археологическаго съѣзда" (Тверь, 1906 г.). Отд. II, стр. 315—318.

XIV вѣку; г) изгнаніе св. князя Петра изъ Мурома могло имѣть мѣсто не въ XIV вѣкѣ, а раньше, когда не потеряли своего значенія главные города областей, и не позднѣе времени татарскихъ погромовъ, начавшихся съ 1239 года: д) изъ первыхъ князей Муромскихъ святымъ скорѣе всего могъ быть признанъ Давидъ Юрьевичъ, такъ какъ личный характеръ его, насколько онъ намъ извѣстенъ, не препятствуетъ этому; е) разница именъ сего князя въ лѣтописи и „повѣсти“ можетъ быть примирена предположеніемъ, что онъ, по примѣру древнихъ русскихъ князей, носилъ не одно, а два христіанскихъ имени—Петръ и Давидъ, изъ нихъ послѣднее могъ оставить за собою и при постриженіи въ монашество.

На докладъ Н. П. Травчетова сдѣлалъ возраженіе *И. А. Шляпкинъ*, который указалъ на шаткость положеній референта, опирающихся на „повѣсти“, источникѣ въ историческомъ отношеніи ненадежномъ, какъ носящемъ замѣтные слѣды народныхъ воззрѣній и преданій. Изгнаніе Петра и Февроніи изъ Мурома, которое референтъ склоненъ считать историческимъ фактомъ, по мнѣнію И. А. Шляпкина, есть не болѣе какъ эпическій пріемъ сказанія, опирающійся на преданіи о Муромцахъ, какъ „святогонахъ“ (изгнаніе еп. Василія).

Н. П. Травчетовъ продолжалъ настаивать на исторической достовѣрности разсказа „повѣсти“ объ изгнаніи князей, доказывая возможность и дѣйствительность этого событія, что дало поводъ перенести разсужденія на тему принципіальнаго характера—вообще объ историческомъ значеніи древне-русскихъ житій святыхъ, выясненномъ проф. Ключевскимъ, на котораго референтъ дѣлалъ ссылку.

Третій докладъ принадлежалъ *В. Д. Емельянову*—„Поиски мѣста крещенія св. Владимира въ Херсонесѣ“. Содержаніе этого доклада таково.

Херсонскіе храмы издавна привлекали вниманіе ученыхъ, которые производили здѣсь раскопки. Особенно заинтересовались храмами Херсонеса въ виду приближавшагося 900-лѣтія со дня крещенія Руси. Здѣсь спѣшно искали мѣсто крещенія Владимира. Спѣшность поисковъ привела

къ тому, что настоящая крещальня была забыта; за нее приняли гробницы. Скоро ошибка обнаружилась и вызвала сомнѣніе и даже отрицаніе крещенія здѣсь Владимира. Но отвергнуть этотъ фактъ будетъ возможно только въ случаѣ несогласія лѣтописнаго извѣстія съ топографіей Херсонеса. Раскопки подтверждаютъ извѣстіе лѣтописца и даютъ возможность искать мѣсто крещенія въ крестообразномъ храмѣ на площади Владимирскаго собора. Искать его гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ нѣтъ основаній. Предположеніе о крещеніи Владимира во баптистеріи неосновательно, потому что баптистерій въ X столѣтіи запустѣлъ и стоялъ безъ употребленія. Крещеніе Владимира произошло именно здѣсь въ крестообразномъ храмѣ, надъ которымъ построенъ въ память событія соборъ въ честь Владимира, въ единственной крещальнѣ, бывшей въ то время въ Херсонесѣ.

По прочтеніи доклада сдѣлано было возраженіе *Н. И. Троицкимъ*, считающимъ данныя, приведенныя докладчикомъ, для отождествленія мѣста крещенія князя Владимира недостаточными въ виду того, что вся площадь въ сторонѣ отъ мѣста предполагаемаго крещенія была занята, какъ видно изъ раскопокъ, тоже храмами. *В. Д. Емельяновъ* на это отвѣтилъ, что, судя по кладкѣ, указанные храмы, которыми занята вся площадь, относятся къ болѣе позднему времени.

Послѣдній докладъ былъ сдѣланъ *А. В. Захаровымъ* „Отрывки изъ исторической записки о Владимирской гимназіи“ *).

Докладчикъ началъ тѣмъ, что наша средняя школа въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія пользовалась большой самостоятельностью по сравненію съ настоящимъ ея положеніемъ, и въ подтвержденіе этой мысли привелъ нѣсколько фактовъ относительно административной дѣятельности Совѣта Владимирской гимназіи. Совѣтъ гимназіи, участвуя въ управленіи ею, разбиралъ служебные инциденты, давалъ инструкціи и дѣлалъ внушенія служащимъ въ гимназіи лицамъ.

---

*) Такъ какъ докладъ г. Захарова войдетъ въ историческую записку о гимназіи, печатаемую въ „Трудахъ Влад. Уч. Арх. Ком.“, начиная съ XI кн., поэтому, съ согласія автора, въ „Трудахъ“ Съѣзда и не помѣщенъ.

Въ то же время Совѣтъ гимназіи участвовалъ въ управленіи и низшими училищами губерніи.

Утреннее засѣданіе

21 іюня въ 12 часовъ дня.

Доклады по III отдѣлу—Памятники церковной и гражданской старины.—Почетный предсѣдатель—*Д. И. Иловайскій*, предсѣдатель отдѣла—*И. А. Шляпкинъ* и секретарь отдѣла—*Д. И. Абрамовичъ*.

Собраніе открылось рѣчью Почетнаго предсѣдателя *Д. И. Иловайскаго* приблизительно такого содержанія: „Открывая настоящее засѣданіе, пользуюсь случаемъ выразить искреннее привѣтствіе гражданамъ города Владимира, того славнаго древняго города, который около 200 лѣтъ стоялъ во главѣ особаго періода русской исторіи. Какъ извѣстно, Владимирскій періодъ наполнилъ промежутокъ времени между Кіевскимъ и Московскимъ и кромѣ того имѣлъ особое культурное значеніе. Поэтому желательно, чтобы Съѣздъ, который пріютился въ стѣнахъ этого древняго города, былъ его достоинъ какъ по содержанію своихъ работъ, такъ и по ихъ результатамъ. Вотъ относительно содержанія работъ Съѣзда я и позволю себѣ высказать маленькія пожеланія.—Конечно, мы будемъ имѣть возможность выслушать много важныхъ рефератовъ. Но мнѣ желательно, чтобы не оставлены были безъ вниманія два слѣдующихъ важныхъ вопроса. Во-первыхъ, вопросъ о происхожденіи самой Суздальско-Владимирской Руси, т.-е. о происхожденіи великорусской народности. Существующія въ этомъ отношеніи мнѣнія, признаюсь, меня не могутъ удовлетворить. Вѣдь въ сущности онѣ сводятся къ тому, что народность эта произошла изъ колонизаторской дѣятельности Юрія Долгорукаго. Я думаю, что происхожденіе ея имѣло гораздо болѣе широкія основанія. Чтобы пояснить примѣромъ, я напомню вамъ извѣстный споръ старыхъ и новыхъ городовъ, который возникъ послѣ смерти Всеволода III между его сыновьями. Очевидно, новые города являются городами княжеской колонизаціи; на первомъ планѣ изъ нихъ стояли

Владимиръ, Переславль. Но были старые города, которые существовали задолго до этой княжеской колонизаціи и которые являются, очевидно, славяно-русскими городами.— Другой болѣе важный вопросъ—это вопросъ о храмовомъ зодчествѣ, превосходные образцы котораго находятся у насъ передъ глазами. Это два собора—соборъ Успенскій и Дмитровскій. Желательно, чтобы вопросъ о стилѣ этихъ соборовъ былъ выдвинутъ на первый планъ и разъясненъ, насколько позволятъ средства. Вотъ мои pia desideria".

Первый докладъ прочитанъ былъ *А. А. Титовымъ*: „Икона Св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)". На иконѣ изображенъ Господь въ лонѣ Отчемъ. Распространеніе иконъ этого типа началось въ Москвѣ во второй половинѣ XVI вѣка подъ вліяніемъ италіанскихъ и нѣмецкихъ картинъ, проникшихъ въ Россію. Западные образцы такой иконы сохранились во многихъ мѣстахъ, напр., въ Берлинскомъ музеѣ. Византійская иконографія не знала такого изображенія. Когда появились такія изображенія Св. Троицы на западѣ, сказать трудно.

Кромѣ того *А. А. Титовъ* тутъ же сообщилъ объ иконѣ Казанской Божіей Матери, находящейся въ Тульскомъ соборѣ. На этой иконѣ есть подпись, свидѣтельствующая, что ей молился царь Алексѣй Михайловичъ. Икона эта до 1899 года находилась въ Тульской Казанской церкви, а въ этомъ году была продана священникомъ вмѣстѣ съ другими вещами старьевщикамъ. А. А. Титовъ случайно нашелъ ее на Нижегородской ярмаркѣ, купилъ и возвратилъ въ то мѣсто, гдѣ она теперь находится.

Послѣ сообщенія объ иконѣ Тульскаго собора *А. А. Титовымъ* былъ сдѣланъ запросъ Н. И. Троицкому, цѣлали въ Тульской ризницѣ Архіерейскаго дома серебряная большая водосвятная чаша—вкладъ кн. Веригиныхъ-Волконскихъ съ надписью и датой XVII в. *Н. И. Троицкій* отвѣтилъ, что чаша эта имъ была описана въ Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества въ числѣ прочихъ вещей Архіерейской ризницы, а въ настоящее время *украдена.*

Третье сообщеніе *А. А. Титова* касалось портрета нѣкоего Тимофея Архипыча, жившаго при дворѣ царицы Пра-

сковьи Ѳедоровны, который пріобрѣлъ извѣстность росписью церкви въ Чудовомъ монастырѣ, а затѣмъ роздалъ деньги бѣднымъ и сталъ юродствовать*).

Къ первому докладу А. Титова было сдѣлано дополненіе проф. *И. А. Шляпкинымъ*. Онъ указалъ на икону подъ названіемъ „Ветхій денми", гдѣ въ облакахъ изображенъ крестъ съ распятымъ херувимомъ. Этотъ херувимъ покрытъ многоочитыми крыльями, что изображаетъ предвѣчность созерцанія Богомъ факта, который послужилъ впослѣдствіи для спасенія рода человѣческаго. За этимъ изображеніемъ помѣщена фигура въ царскомъ одѣяніи, которую толкуютъ какъ Авраама, или какъ Мелхиседека. Любопытно, что объ этой иконѣ упоминается въ недоумѣнныхъ рѣчахъ дьяка Висковатаго. И. А. Шляпкинъ рекомендовалъ обратить на это обстоятельство особое вниманіе.

Н. В. Покровскій заявилъ, что вопросъ о такомъ изображеніи уже разрѣшенъ отчасти въ его трудахъ, отчасти въ трудѣ проф. Голубцова, посвященномъ дѣлу дьяка Висковатаго. Подобное изображеніе несомнѣнно западнаго происхожденія.

Послѣ А. А. Титова проф. *А. И. Соболевскій* доложилъ рефератъ „Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической". По изслѣдованію референта споры по этимъ вопросамъ возникаютъ въ Россіи въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка подъ вліяніемъ оживившихся сношеній съ Греціей и южными славянами. Въ Грецію же новые обряды проникли подъ вліяніемъ Сирійской церкви во время пребыванія патріарха и императора Византійскихъ въ Никеѣ. Ихъ усвоили вслѣдъ за южными славянами отчасти и русскіе. Стоглавый соборъ санкціонируетъ своимъ авторитетомъ такіе обряды (сугубая аллилуія и двуперстіе).

А. И. Соболевскому возражалъ *А. А. Димитріевскій*. Онъ категорически отрицалъ возможность вліянія Сирійской церкви на Константинопольскую, греческую и доказывалъ,

---

*) 2-е и 3-е сообщенія А. А. Титова для печати не доставлены.

что спорные обряды существовали въ греческой церкви гораздо раньше.

Потомъ слѣдовалъ докладъ *Н. И. Троицкаго*—„Одинъ изъ источниковъ по исторіи Византійской иконографіи". Содержаніе доклада слѣдующее:

Въ обширныхъ трудахъ-изслѣдованіяхъ по иконографіи—у русскихъ ученыхъ нѣтъ мѣста не только обстоятельному обозрѣнію византійскихъ монетъ иконографическаго характера, но и краткихъ характеристическихъ замѣтокъ объ иконографическихъ типахъ, находящихся на монетахъ Византіи. Въ виду этого референтъ отмѣтилъ какъ важность такого источника иконографіи (цѣльность иконописнаго преданія, хронологія и т. п.), такъ и достоинство типовъ въ изображеніи Воскресенія и Вознесенія Іисуса Христа (на монетахъ дожей Венеціи XII—XIV вв.), причемъ далъ новое освѣщеніе извѣстному наплечью, находящемуся во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ, относя оное къ XIV-му вѣку (Лиможская эмаль).

Существенныя возраженія референту были сдѣланы *Н. В. Покровскимъ* и *А. А. Павловскимъ*. Н. В. Покровскій говорилъ, что эмаль, находящаяся во Владимирѣ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ относиться къ XIV в., а ко времени болѣе раннему (XII—XIII в.) и происхожденіе ея западное (Лиможская эмаль). А. А. Павловскій поставилъ референту вопросъ, считаетъ ли онъ монеты источникомъ иконографіи, или наоборотъ иконныя изображенія прототипомъ изображеній на монетахъ. По его же мнѣнію, изображенія на монетахъ являются отголоскомъ установившихся иконографическихъ типовъ, и потому монеты не могутъ быть источникомъ иконографіи.

Послѣ Н. И. Троицкаго читалъ докладъ *І. К. Линдеманъ*—„Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи". Остановивъ свое вниманіе на неясной части формулы присяги Святослава „будемъ золоти, яко золото" и сопоставивъ эту присягу съ присягами Олега и Игоря, докладчикъ пришелъ къ заключенію,—а) что предлагаемое учеными толкованіе вышеприведеннаго мѣста въ смыслѣ „будемъ желты" (т.-е.

умремъ), „изсохнемъ“ не выдерживаетъ критики; б) что „золоти“, какъ и встрѣчающееся въ одномъ спискѣ „колоти“— описки, возникшей изъ неправильно прочитаннаго „холопи“, удовлетворяющаго всѣмъ сложнымъ требованіямъ даннаго мѣста; в) что обручи, полагаемые руссами—язычниками къ подножію статуи Перуна и ассоціируемые съ разбираемою частью присяги, намекаютъ на рабство и являются или его символомъ, или аттрибутомъ свободнаго человѣка.

Докладчику возражалъ *С. Н. Введенскій*, указавшій на то, что среди клявшихся были не только славяне, но и свеоне-язычники, говорившіе на своемъ языкѣ,—переводъ ихъ клятвы на русскій языкъ и могъ дать означенную не совсѣмъ понятную фразу. Видѣть здѣсь ошибку въ текстѣ нѣтъ основаній.—*Д. И. Иловайскій* высказалъ, что весь рефератъ докладчика основанъ на недоразумѣніи и что въ текстѣ лѣтописи не нужно измѣнять никакой буквы. Подъ обручемъ слѣдуетъ разумѣть спиральное кольцо, надѣвавшееся на руку для защиты. У бояръ и дружины обручи были золотые и позолоченные, о чемъ и говорится въ клятвѣ.—*С. Ѳ. Платоновъ*, присоединяясь къ мнѣнію Д. И. Иловайскаго, добавилъ, что поставляемое референтомъ вмѣсто слова „золоти“ слово „холопи“ взято не удачно, ибо не подходитъ къ духу языка того времени.

Послѣднимъ былъ рефератъ *И. А. Шляпкина*: „Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго“ *). Предъ докладомъ И. А. Шляпкинъ роздалъ присутствующимъ печатный красочный снимокъ съ принадлежащей ему иконы конца XVIII столѣтія. На иконѣ св. Александръ Невскій изображенъ сидящимъ на конѣ. Такое изображеніе Александра Невскаго отражаетъ народное воззрѣніе на него, какъ на воина, защитника русской земли. Въ Новгородской лѣтописи, въ разсказѣ о смерти Александра Невскаго, еще нѣтъ о немъ рѣчи, какъ о святомъ. Въ XV вѣкѣ во Владимирѣ появляется преданіе о чудѣ совершенномъ при погребеніи Александра Невскаго. Затѣмъ до XVI столѣтія свѣдѣній о князѣ не имѣется. Въ XVI столѣтіи образъ его начинаетъ особенно блестѣть. Создаются сказанія объ участіи его на

*) Этотъ рефератъ для печати въ „Трудахъ“ не былъ присланъ.

Куликовомъ полѣ, о чудѣ въ Рождественскомъ монастырѣ, во время котораго видѣли князя, сидящимъ на конѣ. Въ 1547 году Александръ Невскій причисляется къ лику святыхъ, и появляются иконныя изображенія его, но въ схимѣ. Впрочемъ, въ иконописномъ подлинникѣ Филимонова есть указаніе на то, что онъ изображается и подобно великомученику Георгію. Въ 1724 г. Св. Синодъ запретилъ изображеніе Александра Невскаго въ схимѣ, и повелѣлъ изображать его въ княжескихъ одеждахъ. Форма этого изображенія заимствована съ изображеній св. князей Бориса и Глѣба, прототипомъ для которыхъ служили польскія изображенія.—И такъ, по мнѣнію референта, въ народной канонизаціи св. Александръ Невскій представляется, какъ князь воинъ. Церковная канонизація выдвинула въ немъ черты князя, принявшаго въ послѣдніе дни схиму.

По окончаніи доклада собраніе, по предложенію С. Ѳ. Платонова, выразило одобреніе техническому исполненію рисунковъ, розданныхъ И. А. Шляпкинымъ. Рисунки исполнены фирмою „Прокудинъ-Горскій".

Вечернее засѣданіе 21 іюня.

Доклады по II отдѣлу—Областная исторія. Почетнымъ Предсѣдателемъ былъ *Л. М. Савеловъ*, предсѣдателемъ *С. Ф. Платоновъ*.

Засѣданіе открылось привѣтственной рѣчью *С. Д. Яхонтова*, только утромъ этого дня прибывшаго во Владиміръ. С. Д. Яхонтовъ отъ имени Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтствовалъ Третій Областной Археологическій Съѣздъ и пожелалъ ему закончить свои работы съ такимъ же прекраснымъ успѣхомъ, съ какимъ они начаты.

Затѣмъ *Г. А. Ряжскій* доложилъ рефератъ—„Благовѣрный князь Стародубскій (этюдъ по агіологіи)". Г. А. Ряжскимъ доложено содержаніе дѣла 1722 г., извлеченнаго изъ Архива Суздальской Духовной Консисторіи о мощахъ благовѣрнаго кн. Стародубскаго. Суть дѣла заключается въ томъ, что до епископа Суздальскаго Варлаама дошло, что

священникъ с. Алексина Леонтій правитъ службы благовѣрному Ѳеодору, по народному преданію, убитому въ Ордѣ царемъ „Азбякомъ“ и погребенному въ церкви своей вотчины—с. Алексина. Началось слѣдствіе, результаты котораго не убѣдили консисторію ни въ святости кн. Ѳеодора, ни въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ погребенъ въ с. Алексинѣ, ни даже въ его существованіи. Потому всякіе знаки почитанія памяти князя опредѣленіемъ Консисторіи, утвержденнымъ епископомъ, были строго воспрещены. Далѣе референтъ обратилъ вниманіе Съѣзда на то, что съ исторической точки зрѣнія народное преданіе о кн. Ѳеодорѣ вѣрно почти во всѣхъ деталяхъ. Кн. Ѳеодоръ Ивановичъ (Никон. лѣт.) или Михайловичъ (родосл. кн.) Стародубскій—по прозванію „Благовѣрный“—лицо историческое, дѣйствительно убитъ въ Ордѣ Узбекомъ въ 1330 г. и по всѣмъ даннымъ погребенъ въ с. Алексинѣ, которое было его вотчиной. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ народное преданіе, отвергнутое церковью, историческими данными подтверждается, между тѣмъ какъ обыкновенно случается наоборотъ. Кромѣ этой особенности „дѣло“ представляетъ интересъ по записанной въ него легендѣ о смерти и погребеніи благовѣрнаго кн. Ѳеодора.

По окончаніи реферата *В. В. Тихонравовъ* сообщилъ, что до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, отъ Коврова до Гороховца, князь Ѳеодоръ Стародубскій считался святымъ, ко гробу его стекались со всѣхъ сторонъ лица, какъ ко гробу канонизованнаго святого. Село Алексино, по преданію, принадлежало князьямъ Стародубскимъ, пока не прекратился ихъ родъ.

С. Ѳ. Платоновъ замѣтилъ, что переходъ села Алексина въ другія руки могъ совершиться до окончательнаго вымиранія рода князей Стародубскихъ путемъ конфискаціи Московскими князьями. Названіе князя Ѳеодора благовѣрнымъ еще не говоритъ о его канонизаціи, такъ какъ слово это является прозвищемъ, которое получали также и другіе князья.

Слѣдующимъ референтомъ выступилъ *Д. И. Скворцовъ*, доложившій собранію „О Лицевомъ Цвѣтникѣ“, рукопись

коего сохранилась въ библіотекѣ Тверской семинаріи. Цвѣтникъ содержитъ въ себѣ рядъ разсказовъ по преимуществу аскетическаго содержанія и богато украшенъ лицевыми изображеніями. Референтъ привелъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ и описалъ болѣе выдающіяся картины. По мнѣнію докладчика—Цвѣтникъ происхожденія раскольническаго.

Н. В. Покровскій замѣтилъ, что цвѣтники подобнаго рода были широко распространены въ XVII и XVIII вѣкахъ и издавались главнымъ образомъ въ западныхъ и югозападныхъ типографіяхъ. Н. В. Покровскій совѣтовалъ референту сличить содержаніе сборника, о которомъ онъ докладывалъ, съ содержаніемъ другихъ такихъ „Цвѣтниковъ" и тогда только можетъ опредѣлиться археологическое значеніе этого памятника. Кромѣ того, Н. В. Покровскій указалъ, что въ своемъ докладѣ Д. И. Скворцовъ не привелъ ясныхъ примѣтъ, на основаніи которыхъ „Лицевой Цвѣтникъ" могъ бы быть названъ памятникомъ раскольническимъ.

И. А. Шляпкинъ также возражалъ противъ того положенія референта, что аскетическое содержаніе сборника говоритъ о раскольничьемъ происхожденіи его, такъ какъ разсказы вродѣ приведенныхъ референтомъ ему приходилось слышать и отъ православныхъ лицъ.

Послѣ доклада Д. И. Скворцова *С. Ѳ. Платоновъ* изложилъ докладъ *Н. Н. Овсяникова*—„О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи".

Послѣдній докладъ былъ *Н. Г. Первухина*—„Символизмъ старой русской иконописи".

Иконопись на Руси является самымъ древнимъ и самымъ распространеннымъ искусствомъ. Перенесенная къ намъ изъ Византіи она не всегда оставалась вѣрной Византійскимъ традиціямъ; въ нее вносились и новыя чисто-русскія черты, что давало поводъ къ запрещеніямъ и ограниченіямъ церковной властью. Одной изъ важнѣйшихъ Византійскихъ традицій въ иконописи былъ символизмъ. Символы въ христіанскомъ искусствѣ появились въ самыя первыя времена христіанства, взяты были они частью изъ языческаго классицизма, а частью изъ Евангелія. Ко вре-

мени распространенія христіанства на Руси многіе изъ этихъ символовъ уже исчезли и сохранились болѣе въ западной церкви. Въ русское религіозное сознаніе они не вошли. Въ случаѣ же необходимости символическихъ олицетвореній для живописи русская иконопись создавала свои символическіе образы, напр. образы ангеловъ, олицетворяющихъ страны свѣта. Особенно характерны и многочисленны эти символы на иконѣ Божіей Матери „Неопалимая Купина“ (въ Тверскомъ соборѣ). Широкое развитіе въ нашей русской иконописи получилъ символизмъ аттрибутовъ. Символы подобнаго рода въ первыя времена христіанства заимствовались даже изъ языческихъ образцовъ (нимбъ, лавровая вѣтвь). Русская иконопись не только удержала Византійскія указанія, но и пополняла ихъ новыми мѣстными формами, напр., икона Флора и Лавра украшалась изображеніями русскихъ дугъ и бубенчиковъ, Св. Трифонъ изображался съ бѣлой птичкой на протянутой рукѣ; на иконахъ основателей монастырей появились изображенія монастырскихъ зданій. Причиной популярности такой символики надо считать ея жизненную пользу. Что касается изображеній на иконахъ „доличнаго“ или обстановки, то эти изображенія простыя, а иногда и наивныя по формѣ развиваются и осложняются только во второй половинѣ XVII вѣка подъ западнымъ вліяніемъ, проникавшимъ къ намъ черезъ Польшу. Иногда эти композиціи отличались художественностью замысла, какъ, напр., икона XVI вѣка, хранящаяся въ музеѣ Кіевской Духовной Академіи, подъ названіемъ „День прешедъ молюся“. Посему, сказалъ въ заключеніе референтъ, было бы желательно въ ближайшемъ будущемъ создать національную галлерею русской иконописи.

Утреннее засѣданіе

22 іюня въ 12 часовъ дня.

Доклады по VI отдѣлу. Почетнымъ предсѣдателемъ былъ *П. А. Илинскій*, предсѣдателемъ *А. П. Вороновъ*.

Засѣданіе открылось рѣчью почетнаго предсѣдателя П. А. Илинскаго. Предсѣдатель привѣтствовалъ собраніе и

благодарилъ за оказанную ему честь, которая, по его словамъ, принадлежитъ не ему, а Костромской Архивной Коммиссіи, уполномочившей его быть ея представителемъ. Лучшіе и болѣе серьезные доклады, по словамъ П. А. Илинскаго, предложены были въ предшествующихъ засѣданіяхъ тѣми лицами, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ опирались не на произвольныя гипотезы, а на строго обоснованные и провѣренные факты. Этимъ опредѣляется значеніе архивныхъ коммиссій, сохраняющихъ намъ эти памятники и содѣйствующихъ ихъ научной оцѣнкѣ, какъ цѣннаго показателя міровоззрѣнія нашихъ предковъ, какъ завѣта, переданнаго ими потомству, „да вѣдаютъ дѣла давно минувшихъ лѣтъ“. Настоящее засѣданіе и будетъ посвящено обсужденію наилучшихъ способовъ разработки такихъ архивныхъ данныхъ, исторіи устройства древлехранилищъ и частныхъ архивовъ.

Первый докладъ принадлежалъ *В. Г. Рудакову*, сообщившему „Объ архивѣ департамента герольдіи“. Начатый своимъ образованіемъ еще въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената представляетъ собою совершенно особое самостоятельное учрежденіе-хранилище, какъ по своему исключительному роду дѣлъ, такъ равно и по той живой и безпрерывной связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ изъ Д-въ Прав. Сената. Заключая въ себѣ свыше 250000 дѣлъ, изъ которыхъ громадное большинство дворянскихъ, и болѣе 3000 разнаго рода книгъ, журналовъ и опредѣленій, книгъ родословныхъ и проч. Архивъ Д-та Герольдіи, особенно послѣ 1895 г., когда въ немъ были водворены и всѣ дѣла бывшей Герольдіи Царства Польскаго, свыше 11000 дѣлъ и около 300 книгъ, является центральнымъ, всероссійскимъ дворянскимъ архивомъ, въ которомъ очень многія дѣла и документы имѣютъ высокое государственное, общественное и историко-научное значеніе.

Въ виду своего высокаго значенія и крайне неудовлетворительнаго состоянія въ отношеніи помѣщенія и самаго порядка храненія дѣлъ, Архивъ Д-та Герольдіи испытываетъ крайнюю и неотложную необходимость въ новомъ

помѣщеніи или по крайней мѣрѣ въ расширеніи стараго, въ новыхъ денежныхъ средствахъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ и въ увеличеніи штата его чиновниковъ.

По окончаніи реферата докладчикъ давалъ нѣкоторыя объясненія Л. М. Савелову по вопросу объ уничтоженіи дѣлъ архива департамента герольдіи и Г. А. Ряжскому касательно возможности перенесенія изъ архива Министерства Юстиціи нѣкоторыхъ дѣлъ въ архивъ герольдіи.

Второй докладъ „Къ вопросу о постановкѣ древневѣдѣнія въ Россіи", прочиталъ И. А. Тихомировъ. Вопросы, затронутые докладчикомъ, касаются больше предмета, отнесеннаго къ отдѣлу VII—Архивныя Коммиссіи и ихъ современное положеніе. На основаніи этого, по предложенію предсѣдателя, постановлено передать для разсмотрѣнія и обсужденія въ слѣдующемъ собраніи.

Третій докладъ былъ сдѣланъ *Л. М. Савеловымъ* „О семейныхъ архивахъ". Кромѣ архивовъ правительственныхъ и общественныхъ, говоритъ докладчикъ, существуютъ еще архивы частные, семейные, которые имѣютъ также весьма важное значеніе для исторіи нашего быта. Если архивы государственные у насъ не оберегаются съ надлежащею тщательностью, то въ еще большей опасности находились и находятся архивы семейные. Отдаленные предки не берегли ихъ по своему невѣжеству; различныя общественныя бѣдствія часто влекли за собой гибель тѣхъ же семейныхъ архивовъ, а нынѣ—въ тяжелое смутное время, переживаемое Россіей, имъ грозитъ еще большая опасность отъ аграрныхъ волненій, разгрома помѣщичьихъ хозяйствъ, что уже и было по мѣстамъ. Посему пришла пора подумать, какъ спасти эту старину отъ грозящей опасности. Докладчикъ въ заключеніе обратился къ представителямъ архивныхъ коммиссій, присутствующимъ на съѣздѣ, съ призывомъ оказать дѣятельную помощь въ этомъ дѣлѣ спасенія частныхъ архивовъ и сообщилъ, что временное помѣщеніе для этихъ архивовъ обѣщаетъ дать Академія Наукъ.

Прочувственная рѣчь докладчика произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Но въ виду того, что на съѣздѣ имѣло быть особое засѣданіе, посвященное вопросу объ

архивныхъ коммиссіяхъ, собраніе постановило отложить окончательную резолюцію по докладу Л. М. Савелова до этого спеціальнаго засѣданія.

Послѣднимъ на засѣданіи былъ докладъ *П. А. Илинскаго* „Къ вопросу о судьбѣ и бытѣ женщинъ Костромского края въ XVIII столѣтіи". Докладъ, характеризующій воспитаніе, семейное и общественное положеніе русской женщины XVIII ст.—дворянки и крѣпостной составленъ авторомъ на основаніи бывшихъ въ его распоряженіи архивныхъ матеріаловъ. Обиліе и разнообразіе этихъ матеріаловъ дали возможность автору нарисовать полную и живую картину быта и характера женщинъ того времени.

Вечернее засѣданіе

22 іюня въ 7½ час. вечера.

III отдѣлъ. Почетнымъ предсѣдателемъ былъ *А. А. Павловскій*, Предсѣдателемъ *И. А. Шляпкинъ*.

Первый докладъ принадлежалъ *И. А. Тихомирову*— „О нѣкоторыхъ Ярославскихъ гербахъ". Въ началѣ доклада И. А. Тихомировъ занялся рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи гербовъ вообще, и затѣмъ перешелъ къ разсмотрѣнію исторіи происхожденія двухъ ярославскихъ гербовъ—Ярославскаго (медвѣдя) и Ростовскаго (оленя). Докладчикомъ подробно былъ разсмотрѣнъ вопросъ о происхожденіи герба собственно Ярославскаго. По его мнѣнію, знакъ для этого герба избранъ не случайно. Онъ имѣетъ для себя основаніе въ народныхъ преданіяхъ, связанныхъ съ именемъ основателя города князя Ярослава, и въ древнихъ дохристіанскихъ народныхъ вѣрованіяхъ.

Референту возражалъ *І. К. Линдеманъ*. Онъ обратилъ вниманіе на то, что во многихъ случаяхъ происхожденіе гербовъ было случайно и не связано съ народными особенностями и вѣрованіями (напр. гербъ Коломны—столбъ, Старицы—старуха).

Н. И. Троицкій указалъ на значеніе фактовъ, приведенныхъ И. А. Тихомировымъ и свидѣтельствующихъ о почитаніи въ древнемъ ярославскомъ краѣ медвѣдя,—въ отношеніи къ исторіи мѣстнаго края. Они, по его взгляду, указываютъ на остатки культа финновъ и въ этой губерніи.

Второй докладъ „Объ иконописи во Владимиро-Суздальскомъ краѣ“ *) сдѣланъ былъ *В. Т. Георгіевскимъ*. Содержаніе его доклада въ общихъ чертахъ слѣдующее: Изученіе памятниковъ древней иконописи Владимиро-Суздальскаго края еще почти совсѣмъ не начато. Трудность этого изученія такихъ памятниковъ обусловливается отсутствіемъ опредѣленнаго метода, какой наукой еще не выработанъ. Изслѣдователи русскаго иконописанія до сихъ поръ болѣе всего обращали вниманіе на иконографію памятниковъ иконописи, между тѣмъ какъ стиль, техника этихъ памятниковъ затрогивались изслѣдователями мало. Разобравъ недостатки метода изслѣдованія русской иконописи у Ровинскаго, проф. Н. В. Покровскаго, братьевъ Успенскихъ, референтъ далъ рядъ методическихъ указаній, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться изслѣдователь русскаго иконописанія при описаніи памятниковъ иконописи.

Референту возражалъ *П. Ѳ. Симсонъ*. Онъ заявилъ, что способы, указанные референтомъ, не даютъ вполнѣ точныхъ признаковъ для отличія иконнаго письма одной школы отъ другой. В. Т. Георгіевскій отвѣтилъ, что такія точныя спеціальныя разъясненія лучше всего сдѣлать при осмотрѣ самихъ памятниковъ, что онъ и сдѣлаетъ при осмотрѣ памятниковъ иконописи въ Суздалѣ.

Далѣе референту возражалъ *Н. В. Покровскій*. Н. В. Покровскій говорилъ, что онъ не отрицаетъ, какъ полагаетъ референтъ, существованія особыхъ Строгановскихъ писцовъ, но не признаетъ самостоятельной Строгановской школы въ смыслѣ особаго художественнаго направленія, какъ принято различать на Западѣ. Н. В. Покровскій остановился на другой мысли референта—именно, что раздѣленіе русской иконописи на періоды ведетъ къ смѣшенію произведеній искусства различныхъ вѣковъ. Н. В. возразилъ на это, что когда говорятъ о классификаціи живописи по

*) Этотъ докладъ для печатанія въ „Трудахъ“ Съѣзда не былъ присланъ.

періодамъ, то разумѣютъ только иконы, писанныя на деревѣ, а не мозаику, фрески и др. Если находятъ возможнымъ объединять ихъ по извѣстнымъ періодамъ, то для этого имѣются основанія не въ томъ, что иконы эти совершенно одинаковы, а въ томъ, что существуетъ одна живая струя, которая проходитъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ искусства. Въ заключеніе оппонентъ указалъ, что при изслѣдованіяхъ иконнаго письма нужно обращать вниманіе не только на технику и палеографію, но и на иконографію, въ особенности по отношенію къ сложнымъ иконнымъ композиціямъ. Безъ этого признака наши изслѣдованія были бы шагомъ назадъ.

В. Т. Георгіевскій отвѣтилъ оппоненту, что онъ не отвергаетъ иконографическаго способа при опредѣленіи времени написанія иконъ, но считаетъ его малодостаточнымъ. Что касается Строгановской школы, то, по его взгляду, такая существовала въ смыслѣ особаго направленія иконописи. Возникла она подъ вліяніемъ постановленій Стоглаваго собора, обратившаго вниманіе на тщательность въ исполненіи иконнаго письма. „Я не иду назадъ, сказалъ В. Т. Георгіевскій, а хочу сдвинуть съ мѣста увлеченіе иконографіей и избавить отъ забвенія техники".

Н. В. Покровскій указалъ на то, что постановленія Стоглаваго собора имѣли больше нравственное значеніе и не могли создать особой школы иконописи. Что касается Строгановской школы, то Строгановскія мастерскія несомнѣнно были, Строгановской же школы въ смыслѣ особаго направленія не было.

Въ заключеніе преній *Н. И. Троицкій* сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ мыслямъ докладчика и оппонента. Онъ сказалъ: какое бы мы ни признавали основаніе для дѣленія иконописанія на школы (Новгородскую, Московскую, Строгановскую и т. п.),—ихъ „направленія" или ихъ „технику" письма,—необходимо имѣть и другіе критеріи или признаки времени происхожденія, подлинности и стиля иконъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, напр. гравюры Ушакова для опредѣленія его иконописныхъ типовъ и стиля, или—провѣрять типъ иконъ, взятыхъ отдѣльно, по тѣмъ, кои встрѣчаются въ видѣ деталей при изображеніи другихъ (Св. Николай Чудотворецъ—на Новосильской иконѣ и под.).

Третій докладъ прочитанъ былъ *П. Ѳ. Симсонъ* „Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ съ гравюрами".

Докладчикъ представилъ описаніе принадлежащаго ему дефектнаго экземпляра (безъ начала и конца) Притчей Эзоповыхъ, въ 12—16 долю листа, съ многочисленными гравюрами, коихъ уцѣлѣло 115. Это изданіе до сихъ поръ никому не было извѣстно, нѣтъ его и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, какъ нѣтъ и у любителей, и антикваріевъ. На основаніи нѣкоторыхъ документовъ, приведенныхъ у Пекарскаго (Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел.), а также другихъ соображеній г. Симсонъ называетъ описываемое изданіе вторымъ (Московскимъ) и самымъ замѣчательнымъ и относитъ выходъ его ко времени между 1709 и 1712 г., изданіе же 1712 г., описанное у Пекарскаго, какъ второе, должно быть названо третьимъ; къ докладу приложены и были демонстрированы три фотографическихъ снимка.

Назначенный по программѣ докладъ А. А. Дмитріевскаго за позднимъ временемъ былъ перенесенъ на 24 іюня.

Утреннее засѣданіе

23 іюня въ 12 часовъ дня.

Первобытныя древности. Почетный предсѣдатель *граф. П. С. Уварова*, Предсѣдатель *И. А. Ивановъ*.

Засѣданіе открылось рѣчью граф. П. С. Уваровой которая сказала слѣдующее: „Открывая засѣданіе, позволяю обратиться къ членамъ Съѣзда съ выраженіемъ глубокой благодарности за оказанную мнѣ честь назначеніемъ Почетнымъ Предсѣдателемъ нынѣшняго засѣданія. Я далеко отъ мысли приписать эту честь *лично* мнѣ какъ граф. Уваровой, но вижу въ этомъ назначеніи *справедливую* оцѣнку широкой просвѣтительной дѣятельности Импер. Москов. Археол. Общества, которое съ 1868 г. стало во главѣ Археологич. Съѣздовъ и съ тѣхъ поръ неустанно завѣдуетъ ихъ устройствомъ и изданіемъ ихъ трудовъ. Нашлись, правда, люди, которые хотятъ увѣрить Архивныя Коммиссіи, что я *противъ* Областныхъ Съѣздовъ, но я смѣю увѣрить,

что вижу въ нихъ только младшихъ братій нашихъ Всероссійскихъ Съѣздовъ, желающихъ поработать въ той же области изученія родной старины и *думаю*, что дѣлить намъ нечего, такъ какъ дѣла много, а дѣятелей—въ особенности при безобразной постановкѣ учебнаго дѣла за послѣдніе годы *къ сожалѣнію* все меньше и меньше".

Затѣмъ *П. Ѳ. Симсонъ* сдѣлалъ два сообщенія: 1) „Стоянка каменнаго вѣка подъ гор. Зубцовымъ Тверск. губ.". Докладчикъ сообщилъ объ открытой имъ стоянкѣ верстахъ въ 6-ти выше Зубцова, на берегу Волги, на такъ называемой ледниковой террассѣ. Здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ были найдены, частію извлечены изъ насыпной земли орудія типа оббитыхъ орудій (струганныхъ), изъ коихъ почти всѣ отличаются необыкновенно большими размѣрами. Это—топоры для рубки дерева, изъ коихъ нѣкоторые не окончены отдѣлкой, и наконечникъ копья, тоже очень крупныхъ размѣровъ. Самыя крупныя изъ сихъ орудія никѣмъ еще не были найдены, по крайней мѣрѣ на Волгѣ; не оконченные же отдѣлкою экземпляры отчасти уясняютъ способъ самой выдѣлки.

2) „Замѣчательный каменный молотъ съ береговъ Волги ниже Ржева". Молотъ этотъ, по мнѣнію докладчика, принадлежитъ къ боевымъ и представляетъ наиболѣе сохранившійся экземпляръ, типа орлиной головы, установленаго докладчикомъ въ его изслѣдованіи—„Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ" (см. таб. II №№ 1—3; таб. V, № 7). Другіе изслѣдователи эпохъ каменнаго вѣка нигдѣ не описали подобнаго типа. Докладчикъ желалъ бы добиться признанія орудія подобнаго типа именно за орудія эпохи весьма отдаленной. Сдѣланъ молотъ изъ плотнаго кремнистаго песчаника и прикрѣплялся къ топорищу посредствомъ привязыванія.

По прочтеніи второго сообщенія *П. Ѳ. Симсонъ* демонстрировалъ найденный имъ молотъ. *Н. И. Троицкій* заявилъ, что такого же рода орудія онъ видѣлъ въ Минусинскомъ музеѣ.

Докладчику возражалъ *В. Е. Данилевичъ*, который указалъ, что орудія типа, указаннаго во второмъ докладѣ,

встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, именно найдены въ Харьковской губ. въ курганахъ, содержавшихъ сожженный прахъ въ урнахъ. Судя по предметамъ, которые оказались вмѣстѣ съ такими орудіями, орудія эти не могутъ быть отнесены къ древнѣйшей стадіи неолитической культуры, а принадлежатъ болѣе позднему времени, къ самымъ послѣднимъ стадіямъ этой культуры.

П. Ѳ. Симсонъ заявилъ, что ему очень пріятно услышать подтвержденіе того, что демонстрированные имъ предметы являются дѣйствительно орудіями древняго времени. Относительно времени, къ которому они относятся, онъ не будетъ спорить, считая себя не вполнѣ компетентнымъ въ этомъ отношеніи. Отъ одного только онъ не хочетъ отказаться: предметы эти онъ открылъ самостоятельно (такъ какъ не зналъ о Харьковскихъ открытіяхъ) и самостоятельно опредѣлилъ, что предметы эти представляютъ древнія орудія.

По предложенію *граф. П. С. Уваровой* П. Ѳ. Симсону выражена была отъ имени Съѣзда благодарность за его интересныя сообщенія, съ которыми онъ является на каждый археологическій съѣздъ.

Второй докладъ *И. А. Тихомирова* посвященъ вопросу о томъ, кто насыпалъ Ярославскіе курганы. Докладъ этотъ составляетъ продолженіе доклада автора на второмъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Твери и поясненіе къ сдѣланнымъ на этомъ съѣздѣ возраженіямъ. Докладъ былъ прочитанъ въ выдержкахъ и сокращеніи. Докладчикъ подробно останавливается на выясненіи различныхъ видовъ похоронной обстановки у древнихъ насельниковъ Россіи и на основаніи такого анализа опредѣляетъ, что Ярославскіе курганы первые насыпали норманны, отъ которыхъ затѣмъ переняли ихъ и славяне.

Дальше по программѣ слѣдовалъ докладъ *Н. Е. Макаренко*—„О произведенныхъ по порученію Организаціоннаго Комитета Третьяго Областного Археологическаго Съѣзда раскопкахъ“. За отсутствіемъ докладчика, а также и потому, что нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ, до сихъ поръ не возвращены изъ Археологической Коммиссіи, чтеніе доклада не состоялось.

Четвертый докладъ принадлежалъ *А. В. Селиванову*— „О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи". Основныя положенія этого доклада слѣдующія. Цѣлый рядъ аналогій приводитъ къ заключенію, что древняя культура Пріокскаго района, къ которому относятся съ одной стороны какъ Пріокскіе могильники Борковскаго типа, такъ съ другой городища Дьякова типа—является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка, начало котораго можно отнести къ IV—V стол., а болѣе поздній періодъ къ VIII в. Господствующій характеръ погребеній этой культуры—обыкновенныя погребенія—не въ курганахъ, какъ у славянъ, а въ могильникахъ; во вторую эпоху являются смѣшанныя погребенія: трупосожженія и сидячія. Пріокскую культуру можно считать посредствующей между каменнымъ вѣкомъ и позднѣйшей бронзовой культурой X—XII в.

Что касается племени, къ которому относится древнее населеніе Пріокскаго района, то его слѣдуетъ признать принадлежащимъ къ одному изъ восточныхъ племенъ (можетъ быть мерянскому). Въ періодъ образованія могильниковъ населеніе финскаго происхожденія уже утратило свою самостоятельность и подпало вліянію пришлаго воинственнаго и коннаго племени, принадлежащаго къ степнымъ кочевникамъ тюркской народности. Основныя черты культуры Пріокскихъ могильниковъ первой эпохи ихъ образованія указываютъ на почти исключительное преобладаніе пришлаго—степного племени, которое наложило рѣзкій отпечатокъ на составъ и характеръ оставленнаго въ могильникахъ инвентаря. Надо думать, что аборигены этого района въ ту эпоху стояли на чрезвычайно низкой степени развитія, почему и не оставили замѣтныхъ слѣдовъ своей примитивной культуры, за исключеніемъ многочисленныхъ каменныхъ орудій, гончарныхъ издѣлій и т. п. предметовъ доисторической эпохи. Затѣмъ съ теченіемъ времени воинственный характеръ пришлаго кочевого племени по мѣрѣ болѣе прочнаго осѣданія на мѣстѣ и сліянія съ мѣстнымъ финскимъ населеніемъ сталъ замѣняться болѣе спокойною дѣятельностію; возникаетъ та культура, которая характеризуется могильнымъ инвентаремъ этой эпохи, гдѣ отразился совершенно мирный характеръ финской народности.

Н. И. Троицкій заявилъ, что въ докладѣ А. В. Селиванова онъ различаетъ три пункта: 1) методъ изслѣдованія, 2) анализъ инвентаря и 3) опредѣленіе времени. Что касается метода изслѣдованія, то установить его трудно, если отсутствуютъ памятники домашняго быта. Для этого необходимо сравнивать культуру кургановъ съ культурою городищъ. Найденныя имъ (Н. И. Троицкимъ) при раскопкѣ городищъ на средней Упѣ вещи очень сходны съ курганными. Что касается времени, то онъ согласенъ съ докладчикомъ, что найденныя имъ вещи относятся не позже конца VIII в.

А. В. Селивановъ отвѣтилъ Н. И. Троицкому, что такое сравненіе курганныхъ находокъ съ находками въ городищахъ имъ сдѣлано въ докладѣ.

Н. И. Троицкій пояснилъ, что онъ имѣлъ въ виду подтвердить мысль докладчика, но главнымъ образомъ указалъ на городища, близко находящіяся къ раскапываемымъ курганамъ и—собственно верхней Оки.

В. Е. Данилевичъ заявилъ, что онъ выступилъ не съ цѣлью возраженій: онъ хочетъ еще больше подчеркнуть интересъ данныхъ, собранныхъ референтомъ, приведя нѣкоторыя параллели. Онъ отмѣтилъ прежде всего фибулы, представляющія одинъ изъ варіантовъ тѣхъ фибулъ, которыя такъ типичны для различныхъ народовъ монгольской расы. Такъ, фибулы этой категоріи извѣстны и въ древнихъ эстонскихъ погребеніяхъ, и у современныхъ эстовъ,—нѣкоторыя изъ нихъ опубликованы въ каталогѣ выставки при X Археологическомъ Съѣздѣ. Кромѣ того, различные образцы такихъ же фибулъ изданы въ путешествіяхъ Пржевальскаго. Затѣмъ Данилевичъ обратилъ вниманіе въ инвентарѣ находокъ позднѣйшаго типа на одинъ видъ привѣсокъ, такъ какъ онъ представляетъ лишь варіантъ лунницъ, типичныхъ для славянскихъ погребеній. При этомъ онъ указалъ, что какъ отмѣченныя вещи, такъ и вообще данныя, собранныя референтомъ, представляютъ крупный научный интересъ, и выразилъ надежду, что референтъ продолжитъ свои изслѣдованія въ томъ же направленіи, при чемъ, можетъ быть, ему пригодятся и указанныя параллели.

Послѣ доклада А. В. Селиванова *И. А. Ивановъ* доложилъ содержаніе доклада *В. Н. Мальковскаго*—„О раскопкахъ кургановъ 31 авг.—3 сент. 1903 г. въ с. Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ.“. По словамъ И. А. Иванова, В. Мальковскій давно занимается изслѣдованіемъ кургановъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, гдѣ онъ живетъ. Главную часть собранныхъ матеріаловъ онъ представилъ Тверскому Областному Археологическому Съѣзду; нынѣшній докладъ представляетъ дополненіе къ этому. Докладъ составленъ на основаніи раскопокъ четырехъ кургановъ, которые разрыты В. Мальковскимъ въ послѣднее время. Курганы эти, по мнѣнію В. Мальковскаго, скорѣе могутъ быть отнесены къ могильнымъ насыпямъ Новгородскихъ славянъ, чѣмъ къ финскимъ Югорскимъ или мерянскимъ. Предположеніе это подтверждается также однимъ древнимъ памятникомъ письменности (уставъ князя Святослава Ольговича).

Затѣмъ *В. Р. Апухтинъ* доложилъ „Поиски древностей въ землѣ Вятичей“ *).

Орловская губернія еще очень мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. На основаніи лѣтописныхъ указаній, что „Вятичи сѣдоша на Оцѣ“, т.-е. на Окѣ, а также нахожденія при борьбѣ Изяслава II Мстиславича съ Святославомъ Ольговичемъ указанія въ лѣтописи подъ 1146-мъ годомъ, что „повоевавъ въ Карачевѣ (сосѣдній съ Болховскимъ уѣздъ) бѣжа за лѣсъ въ Вятичи Святославъ Ольговичъ“, надо искать въ Болховскомъ уѣздѣ слѣдовъ этого племени. Референтъ раскопалъ въ этой мѣстности 32 кургана, изъ нихъ 22 оказались съ обрядами трупосожженія, при чемъ на уровнѣ материка находимъ былъ помостъ (3×1) арш. На немъ, по всей вѣроятности, и происходило сожженіе. Обгорѣлыя кости найдены собранными въ глиняные горшки. Но есть ли это указаніе на погребальный обрядъ вятичей (по лѣтописи „на столпѣхъ“). Всѣ 9 остальныхъ кургановъ имѣли погребенія на уровнѣ материка, костяки лежали съ З на В (головой на западъ). Изъ находокъ характерны: семилопостныя височныя кольца, привѣски въ видѣ лунницъ и сердоликовыя бусы. Пробныя раскопки произведены въ 11 городищахъ. По найденнымъ въ нихъ предметамъ, черепкамъ съ орнаментомъ,

*) Докладъ для печати не присланъ.

пряслицами и пр. А. А. Спицынъ находитъ, что эти городища относятся къ типу городищъ „Дьякова".

Во время доклада были демонстрированы и самыя вещи.

По окончаніи всѣхъ рефератовъ членъ Влад. Учен. Архивной Коммиссіи *В. В. Тихонравовъ* обратился къ собранію съ рѣчью. Указавъ на рефераты г.г. Апухтина и Симсонъ и на выставленныя ими коллекціи каменныхъ орудій, онъ заявилъ, что подобныя коллекціи можно бы составить изъ находокъ Владимирской губерніи. Изслѣдованія губерніи въ этомъ отношеніи должна бы произвести Владимирская Ученая Архивная Коммиссія. „Призываю своихъ сотоварищей, говорилъ въ заключеніе В. В. Тихонравовъ, къ отысканію и извлеченію изъ нѣдръ земли этихъ памятниковъ старины, важное значеніе коихъ для науки съ такою рельефностью подчеркнуто было настоящимъ собраніемъ".

Закрывая засѣданіе, *И. А. Ивановъ* предложилъ Съѣзду выразить глубокую благодарность графинѣ П. С. Уваровой за то, что она пожаловала *въ первый разъ* на Областной Археологическій Съѣздъ и согласилась быть предсѣдателемъ того отдѣла, въ каждомъ докладѣ по которому встрѣчаемся съ высокими именами гр. А. С. Уварова и гр. П. С. Уваровой.

Вечернее засѣданіе

23 іюня въ 7½ час.

Состоялось закрытое засѣданіе Съѣзда, посвященное вопросу о реформѣ Архивныхъ коммиссій. Предсѣдателемъ былъ *А. В. Селивановъ*. Обширный докладъ о преобразованіи архивныхъ коммиссій прочитанъ былъ *В. Н. Поливановымъ*. Докладъ этотъ составленъ по порученію Собранія представителей архивныхъ коммиссій, состоявшагося въ городѣ Екатеринославлѣ во время бывшаго тамъ въ 1905 году Всероссійскаго Археологическаго Съѣзда. Въ основу представленнаго доклада по вопросу о преобразованіи архивныхъ коммиссій положенъ проектъ, выработанный на Тверскомъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ, съ небольшими измѣненіями и дополненіями и отзывы нѣкоторыхъ (7) архивныхъ коммиссій. Въ заключеніе доклада

В. Н. Поливановъ предложилъ Собранію разсмотрѣть его проектъ и выработать новый уставъ архивныхъ коммиссій.

Докладъ В. Н. Поливанова вызвалъ продолжительныя и оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: А. В. Селивановъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, А. А. Титовъ, Н. В. Покровскій, С. Ѳ. Платоновъ, С. Д. Яхонтовъ, И. А. Ивановъ, о. П. А. Алмазовъ, Н. И. Троицкій, А. С. Синявскій и др. Пренія затянулись до поздняго времени. Въ виду сложности и трудности вопроса, собраніе въ заключеніе разсужденій постановило: просить директора Археологическаго института Н. В. Покровскаго созвать въ Петербургѣ не позже весны будущаго года спеціальный съѣздъ изъ представителей архивныхъ коммиссій для обсужденія ихъ положенія и выработки проекта реформы. Директоръ Института принялъ это предложеніе и обѣщалъ оказать съ своей стороны всякое содѣйствіе къ устройству съѣзда. Въ распоряженіе такого будущаго съѣзда постановлено передать докладъ В. Н. Поливанова, докладъ, сдѣланный въ настоящемъ съѣздѣ по тому же предмету И. А. Тихомировымъ, и всѣ относящіеся сюда матеріалы.

По вопросу о сохраненіи семейныхъ архивовъ, возбужденному *Л. М. Савеловымъ* на одномъ изъ предыдущихъ засѣданій (см. стр. 60), постановлено обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ предводителямъ дворянства о принятіи мѣръ къ сохраненію дворянскихъ архивовъ. Текстъ воззванія предложено составить Л. М. Савелову.

Далѣе *В. Г. Рудаковъ* обратился къ Съѣзду съ предложеніемъ позаботиться о составленіи и изданіи указателя къ трудамъ архивныхъ коммиссій.

„Слѣдя непрерывно уже болѣе 10 лѣтъ за изданіями и вообще печатными работами губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій и указывая на наиболѣе крупныя изъ нихъ на страницахъ „Историческаго Вѣстника“ и „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, я все болѣе и болѣе прихожу къ убѣжденію, что ко всѣмъ печатнымъ трудамъ архивныхъ коммиссій, ради интересовъ чисто научныхъ, необходимъ полный *библіографическій указатель*.

До сихъ поръ еще сравнительно мало извѣстныя и мало распространенныя изданія архивныхъ коммиссій сооб-

щаютъ множество цѣннаго архивнаго матеріала по различнымъ отраслямъ нашей родной старины; много превосходныхъ изслѣдованій, основанныхъ на первоисточникахъ и остающихся извѣстными лишь небольшому кругу читателей; рядъ содержательныхъ воспоминаній и записокъ современниковъ; цѣлые сборники біо-библіографическаго характера уроженцевъ той или другой губерніи и проч. Но все это цѣнное и во многихъ отношеніяхъ совершенно новое для нашей исторической науки, съ теченіемъ времени, грозитъ затеряться и забыться.

Обязанность областныхъ историко-археологическихъ Съѣздовъ, устраиваемыхъ дѣятелями архивныхъ коммиссій,— не допустить до этого. Они должны привести во всеобщую извѣстность печатныя работы коммиссій и тѣмъ самымъ открыть болѣе широкій путь къ пользованію ими въ интересахъ исторической науки. Лучшимъ средствомъ для этого, на мой взглядъ, можетъ послужить полный библіографическій указатель періодическимъ и другимъ изданіямъ архивныхъ коммиссій. Но за рѣдкостью нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій и неимѣніемъ ихъ даже въ столичныхъ библіотекахъ трудъ составителя такого указателя не по силамъ одному человѣку. Необходимо, чтобы къ одному его редактору сообщались частные указатели непосредственно изъ самыхъ коммиссій, въ особенности наиболѣе старыхъ. Если бы настоящій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ, признавая важность и своевременность составленія такого библіографическаго указателя, постановилъ обратиться за содѣйствіемъ къ архивнымъ коммиссіямъ, то такой указатель могъ бы въ непродолжительномъ времени появиться въ печати и послужить до нѣкоторой степени памятникомъ настоящаго Историко-Археологическаго Съѣзда".

Собраніе постановило просить архивныя коммиссіи отъ имени Съѣзда заняться составленіемъ указателя къ своимъ изданіямъ, и затѣмъ составленные такимъ путемъ указатели передать В. Г. Рудакову для общей сводки ихъ.

Послѣ этого засѣданіе было закрыто. Въ состоявшемся за тѣмъ частномъ совѣщаніи обсуждался вопросъ о мѣстѣ и времени IV Областного Археологическаго Съѣзда. Мѣстомъ Съѣзда намѣченъ городъ Кострома, временемъ 1909-й годъ. Представители Костромской Архивной Ком-

миссіи, присутствовавшіе на совѣщаніи, приняли предложеніе и выразили согласіе приготовить все необходимое къ будущему Съѣзду.

Засѣданіе

24 іюня въ 10 часовъ утра.

Почетнымъ предсѣдателемъ былъ *А. А. Дмитріевскій*, Предсѣдателемъ *А. И. Соболевскій.* Собраніе открылось докладомъ *А. А. Дмитріевскаго*—„Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ (святогорскимъ) памятникамъ. Докладъ этотъ не былъ прочитанъ за позднимъ временемъ въ вечернемъ засѣданіи 22 іюня*).

Выходя изъ того положенія, что изученіе аѳоно-византійскихъ фресокъ, современныхъ фрескамъ владимирскихъ храмовъ — Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, можетъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ изученія этихъ послѣднихъ, съ одной стороны, и съ другой,—что фрески святопавловскаго монастыря въ параклисѣ св. Георгія доселѣ никѣмъ изъ нашихъ археологовъ не изучались (исключеніе составляетъ Брокгаузъ съ своимъ поверхностнымъ ихъ описаніемъ) и совершенно не изданы въ свѣтъ, референтъ познакомилъ членовъ Съѣзда, какъ съ временемъ происхожденія аѳонскихъ святопавловскихъ фресокъ, такъ и съ ихъ научнымъ значеніемъ въ исторіи христіанской иконографіи вообще и аѳонской иконописи въ частности.

Время построенія храма св. Георгія въ святопавловскомъ монастырѣ опредѣлялось нынѣ уничтоженной арабской надписью (цѣликомъ она приводится арх. Антониномъ) надъ входомъ въ церковь съ датою 1447 г., когда игуменствовалъ въ этой обители Арсеній (Пегаси Балдуинъ), *построеніе же параклиса* въ честь св. Георгія должно относить къ 1423 году, когда этотъ параклисъ, какъ гласитъ криптографическая надпись, фотографически воспроизведенная въ книгѣ Брокгауза, былъ украшенъ живописью. Живописцемъ былъ Андроникъ Византіецъ, а средства далъ скевофилаксъ великой церкви Митрофанъ. Художникъ—несомнѣнно грекъ, но, по желанію насельниковъ обители—сер-

*) Докладъ этотъ напечатанъ авторомъ въ изданіи Палестинскаго Общества, но безъ рисунковъ.

бовъ,-- росписалъ „чудный храмъ“ святыми сербскими (Симеонъ и Савва хиландарскіе и др.) и даже надписи къ ликамъ сдѣлалъ по сербски: „стыи Ниль синаить“, „стыи Пахоміе“ и др.

Значеніе фресокъ святопавловскаго монастыря заключается въ томъ, что благодаря ихъ изученію и изданію въ свѣтъ (при посредствѣ Высочайше утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи) по фотографіямъ, сдѣланнымъ Л. Д. Никольскимъ, учителемъ Борисовской иконописной школы (въ Курской губ.), является нынѣ возможность утверждать съ положительностью, 1) что на Аѳонѣ существовала живопись до XVI в. и типы ея опредѣлились уже вполнѣ въ XIV—XV вв., 2) что иконопись аѳонская находится въ прямой генетической зависимости отъ иконописи византійской, 3) что нѣтъ никакихъ основаній считать въ исторіи христіанской иконописи существеннымъ пробѣломъ—отсутствіе въ аѳонской иконописи росписей XIV—XV в., лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ образчикомъ коихъ долженъ быть признанъ параклисъ св. Георгія 1423 года въ святопавловскомъ монастырѣ и 4) что эти послѣднія фрески, въ сопоставленіи съ фресками того же XV столѣтія владимирскихъ соборовъ отличаются громадными художественными преимуществами и заставляютъ глубоко скорбѣть о реставраціи и яркой колоритности первыхъ, утратившихъ обаятельную типичную простоту сѣдой старины.

Референтъ описалъ фрески, изображающія Ангела великаго совѣта, „Живоносный источникъ“ (Богоматерь съ младенцемъ-Христомъ у персей въ чашѣ), I. Предтечу, апостоловъ Петра и Павла и I. Богослова, свв. мучениковъ Димитрія, Прокопія и Артемія, архидіакона Стефана, св. отшельниковъ Антонія, Киріака отшельника, Нила Синаита, Ѳеодосія Новаго, Пахомія святого съ ангеломъ Господнимъ, облеченнымъ въ схиму, Ѳеодора и Ѳеофана начертанныхъ, Спасителя на тронѣ и во гробѣ, введенія во храмъ, рождества и успенія Богоматери, и демонстрировалъ по фотографіямъ, вывезеннымъ съ Аѳона.

А. А. Павловскій выразилъ благодарность А. А. Дмитріевскому за его интересный и цѣнный въ научномъ отношеніи докладъ, и указалъ, что его сообщеніе пробудитъ

новый интересъ къ изученію памятниковъ мѣстной древности, которые современны демонстрированнымъ имъ фрескамъ.

В. Т. Георгіевскій, указавъ высокую цѣнность этихъ аѳонскихъ фресокъ для исторіи не только позднѣйшаго византійскаго искусства, но въ особенности для русской иконописи, обратилъ вниманіе на изображенія двунадесятыхъ праздниковъ и въ частности праздника Рождества Пресв. Богородицы. Головная повязка арабскаго типа, на бабѣ Саломеѣ, найденная проф. Павловскимъ въ живописи Палатинской капеллы и фигурирующая и въ этихъ фрескахъ, перешла и въ русскія иконы, и въ собраніи иконъ Суздальскаго Покровскаго монастыря члены съѣзда будутъ имѣть удовольствіе увидѣть подобныя этимъ фрескамъ иконы Рождества Богородицы и Введенія во храмъ XV вѣка, на которыхъ головной покровъ этого типа усвоенъ не только бабѣ Саломеѣ, но и дѣвицамъ, сопровождавшимъ Богоматерь на иконѣ Введенія во храмъ.

Н. И. Троицкій, признавъ выдающееся научное значеніе описанныхъ фресокъ въ генетическомъ отношеніи ихъ къ русскимъ, дополнилъ, что въ нихъ много данныхъ по иконографической и литургической символикѣ (орарь съ надписью: „святъ, святъ, святъ“... жезлъ съ крестомъ— „древо жизни“ и т. п.). Интересны они и въ отношеніи къ иконописи Коптской церкви въ Каирѣ.

Н. В. Покровскій обратилъ вниманіе собранія на нѣкоторыя подробности въ изображеніяхъ праздниковъ Рождества Пресвятыя Богородицы и Успенія. На фрескѣ, изображающемъ Рождество Богородицы, мы видимъ ласканіе Іоакимомъ младенца Богоматери. Сюжетъ этотъ въ иконографіи—явленіе чрезвычайно рѣдкое; онъ появляется только съ XI вѣка. Такое изображеніе мы имѣемъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, въ Спасо-Мирожскомъ Псковскомъ монастырѣ (конца XII и начала XIII вѣка). На основаніи же демонстрируемыхъ аѳонскихъ фресокъ можно видѣть, что это изображеніе не исчезло и въ XV вѣкѣ. На фрескѣ Успенія Богоматери мы не видимъ „жидовина“ (еврея съ усѣченною рукой), что указываетъ на древность изображенія, такъ какъ изображенія съ жидовиномъ стали появляться лишь съ XVI—XVII вѣка.

Послѣ А. А. Дмитріевскаго былъ выслушанъ докладъ *М. Е. Соколова*—„Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи“.—Докладчикомъ собраны и записаны 104 пѣсни. Наиболѣе характерныя изъ нихъ прочитаны были въ собраніи.

Третій докладъ „Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины (лѣчебныя средства употребляемыя простымъ народомъ въ предѣлахъ Костромской губерніи)“ прочиталъ *В. А. Андрониковъ*. На основаніи собраннаго докладчикомъ весьма разнообразнаго и богатаго матеріала по данному вопросу, онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ Костромской губерніи еще и до сихъ поръ въ большомъ употребленіи простыя народныя средства, начиная съ лѣченія травами, паромъ, наговорною водою, солью, нашептываніемъ, спрыскиваніемъ и т. д. и кончая „изгнаніемъ бѣса“ при посредствѣ заговоровъ и опахиваніемъ во время эпидемическихъ болѣзней. Докладчикъ нѣсколько подробнѣе остановился на лѣченіи „килъ“, „утина“, простуды, накожныхъ болѣзней, „собачьей старости“ (рахитизма) у дѣтей, „тушины“, „сглазу“ (уроковъ); указаны имъ 2 недавно появившіяся въ народѣ легенды о холерѣ 1892—3 года, изъ области народной ветеринаріи изложены подробно средства лѣченія „ногтя“, падежа скота, а также легенда, почему такъ часто народомъ рекомендуется для предохраненія домашнихъ животныхъ отъ нападковъ домового держать въ конюшняхъ козла или въ крайнемъ случаѣ вѣшать козлиную голову. Въ заключеніе авторъ высказалъ мнѣніе: „да станутъ при начавшемся обновленіи русской жизни выработанныя простымъ народомъ полезныя средства лѣченія достояніемъ науки, какъ это отчасти уже сдѣлано въ трудѣ доктора Попова, а суевѣрія и вредныя средства, имъ отмѣченныя, да канутъ навсегда въ лету забвенія!“.

Дальше *А. А. Дмитріевскій* доложилъ „Нѣсколько словъ о требникѣ XVI в., хранящемся въ Древлехранилищѣ Братства св. вел. кн. Александра Невскаго во Владимирѣ“.

Въ Древлехранилищѣ Братства св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго имѣется единственный, но въ высшей степени любопытный по содержанію рукописный требникъ въ 16 долю листа, на 615 листахъ, пи-

санный частью (1—354 л.) полууставомъ, а частью (355—615) полууставомъ, переходящимъ въ скоропись XVI в. Рукопись эта представляетъ списокъ съ рукописи 1426 года, каковая дата встрѣчается въ епископскихъ грамотахъ неоднократно.

Въ первой части, по словамъ референта, требникъ по составу статей не представляетъ интереса, но со второй половины эта рукопись полна *чиновъ*, практиковавшихся въ Великой Константинопольской церкви, изъ коихъ нѣкоторые совершенно неизвѣстны въ наукѣ. Къ числу такихъ чиновъ принадлежитъ прежде всего высокаго научнаго интереса „Чинъ и уставъ, како освящати святое и великое мvро".

Подготовка веществъ для мvра начиналась съ субботы Лазаря, а въ вербное воскресеніе они раздѣлялись на „черствыя" и „мягкія". Вечеромъ того же дня совершалось всенощное бдѣніе. Въ понедѣльникъ архіерей „со священники, могущими тайну хранити, яко да мирскимъ будетъ утаено", облачались въ священныя одежды, вливали въ котелъ вино и масло и ставили его *на огонь* „наверхъ пещи", устроенной „на мѣстѣ непроходнемъ", при чемъ архіерей читалъ три молитвы, послѣ которыхъ слѣдовали апостолъ и евангеліе съ ектеньею объ освященіи мvра и совершался отпустъ. Тотъ же чинъ повторялся во вторникъ и среду, при чемъ во вторникъ читались молитвы надъ мvромъ, составленныя по образцу молитвъ чина Богоявленскаго водоосвященія и даже съ произнесеніемъ формулы: „Ты и нынѣ, Владыко, освяти мvро сіе Духомъ твоимъ святымъ". Въ четвергъ архіерей облачался „со всѣми священники *Святыа Совіа*", брали алавастръ съ свареннымъ мvромъ, при пѣніи „Святый Боже", приносили въ алтарь, ставили налѣво близъ святой трапезы и вливали въ него старое мvро. Во время великаго выхода мvро выносилось вмѣстѣ съ св. Дарами и поставлялось на св. престолѣ направо отъ Св. Даровъ. Освящалось мvро послѣ возгласа: „И да будутъ милости Великаго Бога", когда совершается нынѣ діаконская хиротонія.

Чинъ переведенъ у насъ въ Россіи, что референтъ доказывалъ прочтеніемъ статьи, находящейся въ концѣ чина: „А се имена зельямъ *гречески и руски*".

Изъ другихъ статей референтъ отмѣтилъ: „Указъ како сподвизается святая великая понагія", „Молитвы святаго

умовенія (съ драматическими діалогами), чины поставленія царя и *царицы* и „молитва изрядна надъ *сельскимъ епископомъ*, т.-е. хорепископомъ, при чемъ прочитанъ былъ текстъ этой молитвы и дано объясненіе, кого слѣдуетъ разумѣть подъ хорепископомъ. Текстъ молитвы слѣдующій:

Молитва изрядна на сельскымъ епископомъ.

Владыко Христе Боже нашь, иже святымъ своимъ церквамъ промышленіе присно довольно сотворяа и различнаа дарованіа уставленнымъ божественный жребій имъ даровавъ, и различныхъ священныхъ службъ въ нихъ уставивъ благослови и нынѣ раба твоего-имярекъ-*призвана на службу сельскому епископству, благослови рукою своею святою обращати заблудшаа въ путь разума твоего и отемненыя во свѣтъ истинный*, да о семъ прославится Пресвятое имя твое Отца и Сына и Святаго (Духа). (Л. 611).

Докладъ *И. И. Вознесенскаго*—„О метрѣ и ритмѣ краткихъ народныхъ изреченій“, положенный по программѣ, не не былъ прочитанъ за отсутствіемъ референта.

Второе засѣданіе

24 іюня въ 2 часа дня.

Предметомъ докладовъ была Областная исторія. Почетный Предсѣдатель *М. Н. Бережковъ*, Предсѣдатель *С. Ѳ. Платоновъ*. Засѣданіе открылось рѣчью Почетнаго Предсѣдателя М. Н. Бережкова, въ которой онъ благодарилъ участниковъ Съѣзда за доложенные ими на Съѣздѣ интересные рефераты и членовъ Владимирской Архивной Коммиссіи за ихъ усердные труды и хлопоты по организаціи Съѣзда.

Послѣ этого *М. Н. Бережковъ* прочиталъ рефератъ—„О лѣтописи Владимирской со стороны состава и содержанія“. Отправляясь отъ изданной Обществомъ любителей древней письменности Радзивилловской или Кенигсбергской лѣтописи и отъ изслѣдованія о ней акад. Шахматова, референтъ сдѣлалъ свои замѣчанія о древнерусской лѣтописи вообще и о владимирской въ частности. Онъ привелъ

главные выводы академика Шахматова о составѣ владимирскихъ лѣтописей XII—XIII в. и о митрополичьихъ лѣтописныхъ сводахъ XIV и XV вв.; выводы сдѣланы такъ точно и основательно, что референтъ счелъ себя обязаннымъ передать ихъ въ точномъ видѣ подлинными словами автора. Говоря о содержаніи лѣтописи владимирской, референтъ между прочимъ отмѣтилъ показанія старыхъ лѣтописей владимирскихъ на счетъ Успенскаго собора, который въ нихъ является то одноглавымъ, то пятиглавымъ: очевидно, что владимирцы всегда внимательно, благоговѣйно относившіеся къ своей святынѣ, къ Успенскому собору, послѣ неоднократныхъ пожаровъ и перестроекъ собора въ XII—XIII вв., забыли первоначальный видъ его „верховъ“. Отсюда--колебанія и поправки въ лѣтописяхъ. (Рисунки въ Кенигсбергской или Радзивилловской лѣтописи XV вѣка, изображающіе соборъ, представляютъ его то одноглавымъ, то пятиглавымъ). Дѣло могутъ окончательно рѣшить археологи-художники по способу кладки собора.

Въ отношеніи „Сказанія о кончинѣ Андрея Боголюбскаго“ референтъ замѣтилъ, что есть большая разница старыхъ лѣтописныхъ сказаній XIV и XV вв. и сказаній XVI и XVII вѣковъ. Старыя лѣтописи не говорятъ объ участіи въ заговорѣ противъ Андрея его жены и о наказаніи ея и убійцъ, по той вѣроятной причинѣ, что и въ самомъ дѣлѣ не было этого наказанія. (Не успѣли, или же не желали сдѣлать разбора политическаго дѣла ни племянники Андрея, ни братья его Михаилъ и Всеволодъ Юрьевичи).

По поводу реферата М. Н. Бережкова сдѣланы были замѣчанія С. Ѳ. Платоновымъ, Н. В. Покровскимъ, В. Т. Георгіевскимъ и А. И. Соболевскимъ.

По словамъ *С. Ѳ. Платонова* рисунки въ Радзивилловскомъ спискѣ лѣтописи, о которыхъ (Успенскаго собора) упоминалъ референтъ, не могутъ служить основаніемъ для опредѣленія дѣйствительныхъ архитектурныхъ формъ собора, такъ какъ рисовальщики не задавались цѣлью воспроизводить дѣйствительныя черты изображаемыхъ предметовъ, а слѣдовали шаблоннымъ пріемамъ. Что касается вопроса объ искаженіяхъ въ Московскомъ сводѣ лѣтописей, которое отрицаетъ референтъ, то таковыя были. Москов-

скіе редакторы выпускали неудобныя для нихъ мѣста. Примѣръ такого искаженія Ярославскихъ лѣтописей указанъ академикомъ Шахматовымъ (Іоаннъ Сухой).

Н. В. Покровскій мысль С. Ѳ. Платонова о значеніи рисунковъ лицевыхъ для историка признаетъ въ общемъ правильною, но все таки эти рисунки, по его словамъ, какъ бы они ни были несовершенны, даютъ нѣкоторое представленіе о предметѣ.

В. Т. Георгіевскій заявилъ, что миніатюры не имѣютъ никакого значенія для опредѣленія архитектурныхъ деталей памятниковъ. Такъ миніатюры въ житіи преп. Евфросиніи Суздальской, сдѣланные въ томъ же монастырѣ, не даютъ никакого представленія о дѣйствительномъ архитектурномъ стилѣ храмовъ этого монастыря.

Н. В. Покровскій на это возразилъ, что нужно различать миніатюры по ихъ достоинству. Рукопись житія преп. Евфросиніи иллюстрирована заурядным иконописцемъ, а царственный лѣтописецъ имѣетъ хорошія иллюстраціи.

А. И. Соболевскій замѣтилъ, что не надо смѣшивать памятники разнаго достоинства. Списки начала XVII в. даютъ плохіе, шаблонные рисунки. Рисунки Радзивилловской лѣтописи совершенно другого характера. Здѣсь мы встрѣчаемъ, напр., прекрасно переданные костюмы Половцевъ и Черныхъ Клобуковъ. Рисовальщикъ несомнѣнно видѣлъ Половцевъ въ натурѣ и жилъ не въ XV в., а гораздо раньше въ домонгольскій періодъ. Въ Радзивилловской лѣтописи мы имѣемъ дѣло такимъ образомъ съ повтореніемъ древнихъ иллюстрацій. Что касается до событій болѣе позднихъ, то и здѣсь, какъ можно догадываться, были какіе-то мѣстные Владимиро-Суздальскіе рисунки, и въ лѣтописи мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ такихъ старыхъ рисунковъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ сильно испорчены (подъ вліяніемъ гравюръ западныхъ), но во многихъ случаяхъ сохранена старина.

С. Ѳ. Платоновъ заключилъ пренія, что на рисункахъ историку не слѣдуетъ обосновывать свои положенія, потому что рисовальщики игнорировали дѣйствительность и рисовали шаблонно.

По окончаніи преній *П. Ѳ. Симсонъ* заявилъ предсѣдателю Съѣзда Н. В. Покровскому жалобу на то, что предшествующее засѣданіе было закрыто Предсѣдателемъ слишкомъ поспѣшно и ему не дано было возможности сдѣлать нѣкоторыя возраженія. Предсѣдатель объяснилъ, что это было сдѣлано исключительно только вслѣдствіе крайняго недостатка времени для прочтенія слѣдующихъ докладовъ.

Слѣдующіе доклады предложены *С. Н. Введенскимъ*: 1) „Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи“, и 2) „Откуда произошло имя офеней“. Главныя мысли докладовъ слѣдующія.

Въ числѣ источниковъ для Исторіи Татищева упоминается лѣтопись Муромская. Въ виду скептическаго отношенія нѣкоторыхъ историковъ къ Татищеву, авторъ реферата подвергаетъ пересмотру тѣ извѣстія у Татищева о Муромѣ и Муромо-Рязанскихъ событіяхъ, о которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ совершенно не упоминается. Таковы въ особенности извѣстія о торговыхъ и военныхъ отношеніяхъ Мурома къ болгарамъ (подъ 1088 и 1006 г.), объ открытіи Рязанской епархіи (1198 г.) и т. п. Въ результатѣ этой провѣрки авторъ приходитъ къ тому выводу, что подвергать сомнѣнію слова Татищева о Муромской лѣтописи нѣтъ никакихъ основаній, при чемъ по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что списокъ лѣтописи Муромской у Татищева содержалъ въ себѣ кромѣ того и извѣстныя Муромскія сказанія (житія Константина, Петра и Ѳевроніи).

Относительно происхожденія офеней докладчикъ пришелъ къ такимъ выводамъ.

Принимая во вниманіе вообще оживленныя торговыя сношенія Суздальскаго края съ греками, присутствіе въ языкѣ офеней нѣкотораго количества чисто греческихъ словъ для обозначенія предметовъ первой необходимости и числовыхъ единицъ въ частности, ясныя указанія на ткани и полотна, какъ предметъ вывоза изъ Греціи въ Русь сѣверо-восточную, можно съ значительною вѣроятностію объяснить имя офеней изъ греческаго слова ὀθόνη - ὀθόνιον — тонкое бѣлое полотно.

Четвертый докладъ прочитанъ былъ *Л. М. Савеловымъ* „Помѣщики Владимирскаго края—князья Пожарскіе“.

Референтъ выяснилъ положеніе кн. Пожарскихъ, какъ удѣльныхъ князей, нѣкоторое время подчиненныхъ кн. Владимиру Андреевичу, а затѣмъ, благодаря государственной политикѣ Московскихъ великихъ князей, утерявшихъ всякое значеніе и переселенныхъ изъ прежнихъ своихъ владѣній. Благодаря экономическимъ причинамъ, тяготѣвшимъ надъ землевладѣніемъ въ XVI ст., князья Пожарскіе теряютъ большинство своихъ владѣній и спускаются на низшія ступени іерархической лѣстницы и только благодаря смутному времени, выдвинувъ кн. Дмитрія Михаиловича, они снова занимаютъ въ XVII ст. высокое положеніе, хотя никогда не могутъ отрѣшиться отъ недавняго прошлаго, стоящаго всегда укоромъ, не смотря на заслуги кн. Дмитрія Михаиловича передъ государствомъ.

Засѣданіе закончилось сообщеніемъ *Г. Н. Прозрителева* — „Древніе могильники и городища Ставропольской губ.“*).

На всемъ пространствѣ Ставропольской губерніи, по словамъ докладчика, разбросаны несомнѣнныя свидѣтельства жизни народовъ обитавшихъ тамъ за долго еще до историческихъ, письменныхъ свидѣтельствъ о той странѣ. Находимые здѣсь каменные топоры и другія орудія каменнаго періода свидѣтельствуютъ, что жизнь здѣсь началась очень давно, а слѣдовательно и начало болѣе развитой культурной жизни и гражданскаго порядка здѣсь обозначались ранѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И дѣйствительно мы видимъ, что далеко еще до образованія на сѣверѣ русскаго княженія и призванія Рюрика, на сѣверномъ Кавказѣ было уже вполнѣ благоустроенное Хозарское царство, распространивъ свои владѣнія отъ Каспійскаго до Чернаго моря, и главный разливъ его вліянія шелъ именно въ Ставропольской губерніи, гдѣ на берегахъ р. Кумы были большіе города этого царства, Великія и Малыя Мажары. Исторія не располагаетъ обильнымъ матеріаломъ для выясненія полной жизни этого народа, но то, что извѣстно изъ арабскихъ и греческихъ историковъ, достаточно убѣждаетъ, что народъ этотъ шелъ далеко впереди отъ окружающихъ его народовъ въ восточной половинѣ Россіи. Мы обладаемъ богатымъ источникомъ для освѣщенія и точнаго установле-

*) Докладъ этотъ для печати не былъ доставленъ.

нія жизни этого погибшаго народа и источникъ этотъ находится въ тѣхъ развалинахъ, которыя видны въ цѣломъ рядѣ кургановъ близъ сел. Бургонь-Маджары и Св. Креста Ставропольской губ., и изученіе которыхъ до ихъ окончательнаго уничтоженія является неотложнымъ требованіемъ для русской археологіи.

Далѣе докладчикъ перешелъ къ разсмотрѣнію разныхъ предметовъ, найденныхъ въ развалинахъ Мажаръ и призывалъ къ изслѣдованію ихъ ученыхъ археологовъ. Демонстрировалъ цѣлый рядъ рисунковъ предметовъ найденныхъ, какъ въ Мажарахъ, такъ и въ курганахъ и городищахъ. Какъ находимыми предметами, такъ и самымъ устройствомъ могильниковъ устанавливается, что хозарское вліяніе распространялось на западъ по Ставропольской губерніи. Докладчикъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы на Ставропольскую губернію было обращено должное вниманіе и произведены были изслѣдованія, такъ какъ масса могильниковъ разграбляется.

В. Р. Апухтинъ въ дополненіе къ докладу сообщилъ, что упомянутыя референтомъ зеркала, находимыя въ Ставропольской губ.,—восточнаго происхожденія, что онъ видѣлъ ихъ въ Манчжуріи съ орнаментомъ на одной сторонѣ и съ полированной другой стороной. Китайцы носятъ ихъ до сихъ поръ.

Вечернее засѣданіе

26 іюня въ 8 часовъ.

Это засѣданіе было заключительнымъ и открылось рѣчью Предсѣдателя Съѣзда *Н. В. Покровскаго*. Н. В. Покровскій сказалъ приблизительно слѣдующее.

Третій Областной Археологическій Съѣздъ окончилъ свои занятія. Намѣченная Организаціоннымъ Комитетомъ программа выполнена. Въ продолженіи 7 дней Съѣздъ имѣлъ 10 общихъ собраній, на которыхъ предложено было до 30 рефератовъ по разнымъ отраслямъ древле-вѣдѣнія. По отдѣлу первобытныхъ древностей предложены были рефера-

ты *П. Ѳ. Симсона* „Стоянка каменнаго вѣка подъ Зубцовымъ Твер. губ.“ и „О замѣчательномъ каменномъ молотѣ съ береговъ Волги“; *И. Ал. Тихомирова* докладъ на тему „Кто насыпалъ Ярославскіе курганы“; рефератъ *А. В. Селиванова* „О древнѣйшемъ населеніи пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи“; *В. Н. Мальковскаго* „О раскопкѣ въ с. Рыбинскомъ, Бѣжецкаго уѣзда, Твер. губ.“; *В. Р. Апухтина* „О поискахъ древностей въ землѣ Вятичей“; *Григ. Н. Прозрителева* „О древнихъ памятникахъ и городищахъ Ставропольской губ.“

По II отдѣлу областной исторіи доложены рефераты—*Н. И. Троицкаго* „Изъ исторіи колонизаціи средняго поволжья“;—*Никол. Петр. Травчетова* на тему „Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида?“—*В. Д. Емельянова* „Поиски мѣста крещенія св. Владимира въ Херсонесѣ“;—*Андр. Влад. Захарова*—„Отрывки изъ исторической записки о Владимирской гимназіи“;—*П. А. Илинскаго*—„Къ вопросу о судьбѣ и бытѣ женщинъ Костромскаго края въ XVIII столѣтіи“;—*Григ. Александр. Ряжскаго* „О благовѣрномъ князѣ Ѳеодорѣ Стародубскомъ“;—*Дм. Ив. Скворцова* „О лицевомъ цвѣтникѣ—въ рукописи Тверской семинаріи“;—*Нила Григ. Первухина* „О символизмѣ старой русской иконописи“;—*М. Н. Бережкова* „О лѣтописи владимирской со стороны состава и содержанія“;—*Л. М. Савелова* „О помѣщикахъ владимирскаго края князьяхъ Пожарскихъ“;—*С. Н. Введенскаго* „О слѣдахъ существованія особой Муромской лѣтописи“ и „О происхожденіи названія „офеня“.

По отдѣлу III-му памятниковъ (вещественныхъ) церк. и гражд. старины доклады—*А. А. Титова* „Объ иконѣ св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)“;—*А. И. Соболевскаго* „Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической“;—*Н. И. Троицкаго* „Одинъ изъ источниковъ по исторіи визант. иконографіи“;— *Іосифа Карловича Линдемана* „Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи“;—*И. А. Шляпкина* „Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго“;—*Ил. Ал. Тихомирова* „О нѣкоторыхъ

Ярославскихъ гербахъ";—*В. Т. Георгіевскаго* „Объ иконописи во владимиро-суздальскомъ краѣ";—*П. Ѳ. Симсона* „О затерянномъ петровскомъ изданіи притчей Эзоповыхъ съ гравюрами";—*А. А. Дмитріевскаго* „Къ исторіи христ. фреск. живописи XIV—XV в. по аѳонскимъ памятникамъ";—*его же* „Нѣсколько словъ о требникѣ XVI в. Древлехранилища братства св. вел. князя Александра Невскаго во Владимирѣ."

По отдѣлу IV живой старины доклады—*Мих. Евг. Соколова* „Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Сарат. губ."; *Влад. Алексѣевича Андроникова* „Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины".

По отдѣлу VI—вопросы архивовѣдѣнія—рефераты *Вас. Егор. Рудакова* „Объ архивѣ департамента герольдіи";—*Ил. Алек. Тихомирова* „Къ вопросу о постановкѣ древневѣдѣнія въ Россіи";—*Л. М. Савелова* „О семейныхъ архивахъ".

По отдѣлу VII—Архивныя Коммиссіи и ихъ современное положеніе докладъ—*В. Н. Поливанова* „По вопросу о преобразованіи Архивныхъ Коммиссій."

Весьма важное значеніе въ исторіи Владимирскаго Съѣзда имѣли археологическія экскурсіи членовъ Съѣзда и сторонникъ любителей старины. Въ самомъ Владимирѣ подробно осмотрѣны два наиболѣе крупныхъ памятника архитектуры—Успенскій соборъ и Дмитріевскій соборъ, причемъ нѣкоторыя стороны этихъ памятниковъ получили достаточное освѣщеніе, именно: расширеніе Успенскаго собора Всеволодомъ, вопросъ о времени происхожденія его стѣнописей, обронныя украшенія Дмитріевскаго собора и его стѣнописи.

Относительно стѣнописей Дмитріевскаго собора установлено, что они происхожденія Византійскаго и художникъ этихъ стѣнописей слѣдуетъ тѣмъ образцамъ, которые намъ извѣстны изъ X—XII в.

Выставка въ новомъ музеѣ. Здѣсь помѣщены довольно обширныя коллекціи старинныхъ иконъ изъ собранія г.г. Цѣпкова, Расадина, Мумрикова, Сусловыхъ; собраніе фарфора А. В. Селиванова, его же ex libris; коллекція каменныхъ

орудій и бронзы г. Кудрявцева, коллекціи крестовъ, образковъ и шитья изъ Успенскаго собора: гвоздь этого собранія—золотой наплечникъ великокняжескаго кафтана, украшенный лиможскою эмалью XII—XIII в.; коллекціи крестовъ, деревянныхъ брачныхъ вѣнцовъ, дарохранительницъ, царскихъ вратъ, иконъ, шитья, антиминсовъ, деревянныхъ потировъ, ладонницъ и т. п. изъ Древлехранилища братства св. благовѣр. вел. кн. Александра Невскаго.

Въ Древлехранилищѣ братства св. Александра Невскаго были разсмотрѣны древнія рукописи, въ томъ числѣ нѣсколько лицевыхъ; нашелся здѣсь, между прочимъ, рѣдкій экземпляръ рукописи, содержащій въ себѣ рѣдкій чинъ мироваренія, послужившій темою для реферата проф. А. А. Дмитріевскаго.—Въ ризницѣ Рождественскаго монастыря—собраніе древняго шитья и ювелирныхъ предметовъ.

Въ Суздалѣ,—богатѣйшемъ художественно-археологическомъ пунктѣ,—разсмотрѣны членами Съѣзда всѣ важнѣйшіе пункты: Суздальскій соборъ съ примѣтами древне-суздальской архитектуры (звѣриная оборонная орнаментика на стѣнахъ), съ превосходными живописями, особенно съ иконами иконостаса царскихъ иконописцевъ XVII в., въ томъ числѣ Симона Ушакова, родственника Суздальскаго митрополита Иларіона, здѣсь погребеннаго; Спасоевфиміевскій монастырь со всѣми его достопамятностями, Покровскій монастырь съ богатѣйшими иконами (царскихъ иконописцевъ съ С. Ушаковымъ), съ обширнымъ собраніемъ древнихъ панагій, крестовъ, иконъ, привѣсокъ,—преимущественно княжескихъ вкладовъ, Ризположенскій монастырь богатый воспоминаніями объ Евфросиніи суздальской, и нѣкоторые другіе памятники. Нѣкоторые члены Съѣзда посѣтили Кидекшу, гдѣ любовались древнѣйшимъ храмомъ XII в. суздальскаго типа того времени.

Въ Боголюбовѣ осмотрѣны остатки дворца Андрея Боголюбскаго и церковь Покрова на Нерли XII в.

Чувства высокаго наслажденія и глубокаго удовлетворенія оставило въ насъ обозрѣніе художественно-археологическихъ памятниковъ Владимиро-суздальской старины; въ нихъ открываются намъ завѣтные русскіе идеалы, и они манятъ насъ къ себѣ наивною прелестью ихъ формъ и ис-

кренностію чувства, и жаль разстаться съ ними безъ опредѣленной надежды на ихъ дальнѣйшее изученіе.

М. м Г. г. и Г-ни. Третій Областной Съѣздъ во Владимирѣ исполнилъ удовлетворительно свою задачу. Многіе вопросы, относящіеся къ старинѣ Владимиро-Суздальскаго края, рѣшены, многіе намѣчены, но остались не разрѣшенными, вслѣдствіе затруднительности ихъ рѣшенія, требующаго участія всѣхъ нашихъ ученыхъ силъ..... Но гораздо важнѣе тотъ результатъ Съѣзда, что Владимиро-Суздальская старина оставитъ во всѣхъ насъ неизгладимое впечатлѣніе и часто-часто будетъ заставлять насъ обращаться мыслію и сердцемъ къ отдаленному прошлому исконнаго русскаго края, гдѣ русскій духъ и преданья старины глубокой еще и доселѣ живы.—Слѣдующій Областной Археологическій Съѣздъ Владимиро-Суздальской области назначенъ въ г. Костромѣ. Владимирскій Археологическій Съѣздъ,—если онъ оказался на высотѣ своего положенія, обязанъ этимъ просвѣщенному содѣйствію мѣстныхъ дѣятелей, которые облегчили его трудныя задачи, а потому считаемъ непремѣннымъ и пріятнымъ долгомъ выразить нашу глубокую сердечную признательность г. Владимирскому Губернатору И. М. Леонтьеву и всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху Съѣзда, именно: земскимъ и городскимъ учрежденіямъ Владимирской губ., Организаціонному Комитету Съѣзда, съ глубокоуважаемымъ А. В. Селивановымъ во главѣ, лицамъ завѣдывающимъ археологическою выставкою въ Музеѣ и въ Древлехранилищѣ братства св. Александра Невскаго, настоятелямъ монастырей мужскихъ, настоятельницамъ монастырей женскихъ во Владимирѣ, Суздалѣ и Боголюбовѣ, настоятелямъ древнихъ соборовъ и церквей..... И да послужатъ посильные труды Съѣзда твердымъ залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ научныхъ изслѣдованій въ области Владимиро-суздальской старины, весьма богатой и всѣмъ намъ одинаково дорогой, и да прольется обильный живительный и умиротворяющій лучъ свѣта въ наше больное національное самосознаніе.

По окончаніи рѣчи *Н. В. Покровскаго*, *М. А. Холодняк*ъ сдѣлала сообщеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ школы имени преп. Евфросиніи Суздальской.

„Приношу извиненіе за смѣлость, съ которою рѣшаюсь занять на нѣсколько минутъ вниманіе почтеннаго собранія, тѣмъ болѣе, что рѣчь моя имѣетъ лишь косвенную связь съ археологіей. Здѣсь мы имѣли возможность заслушать цѣлый рядъ интересныхъ научныхъ сообщеній, касавшихся всевозможныхъ вопросовъ исторіи и археологіи—передъ нашими умственными взорами проходили князья и угодники, разсматривались храмы и монастыри ими сооруженные, говорилось о древне-русскомъ церковномъ обиходѣ, свычаяхъ и обычаяхъ древне-русской жизни, лишь одного вопроса никто не затронулъ: никто не помянулъ княгинь и подвижницъ, которыми такъ богата древняя Русь и въ частности Владимирско-Суздальскій край. Разработка этого вопроса принадлежитъ, казалось-бы по праву, намъ женщинамъ, и дѣйствительно, среди бывшихъ воспитанницъ С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ выдѣлилось нѣсколько лицъ, задавшихся цѣлью изучать и изслѣдовать жизнь древне-русской женщины, проявившей себя на многоразличныхъ поприщахъ общественной жизни и умѣвшей воспитывать такихъ князей, каковыми были сыновья Владимирской княгини Маріи Шваровны—князья Константинъ и Георгій. Но одно теоретическое изученіе вскорѣ показалось недостаточнымъ, явилась потребность пріобщить къ изученію родной старины новыя молодыя силы и по моей иниціативѣ возникла мысль создать женскую школу, на чисто національныхъ началахъ, гдѣ-бы объ руку съ серьезнымъ научнымъ курсомъ шло и воспитаніе нравственное, основанное на крѣпкой вѣрѣ и любви къ своей родинѣ. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, вскорѣ представилась возможность привести замыселъ въ исполненіе—такая русская женская школа учреждена въ настоящее время въ С.-Петербургѣ и поручена молитвамъ и предстательству св. Евфросиніи Суздальской, великой подвижницы и просвѣтительницы. Будущее покажетъ,—осуществятся ли идеалы учредительницъ, но будемъ надѣяться, что все истинно-русское и въ жизни и въ наукѣ и въ искусствѣ найдетъ достойное примѣненіе въ новой школѣ и что питомицы Св. Евфросиніи будутъ полезными труженицами, умѣющими любить и цѣнить свою многострадальную родину“.

А. Ф. Селивановъ сказалъ нѣсколько словъ, посвящен-

ныхъ памяти А. В. Половцова и А. И. Черепнина. А. В. Половцовъ и А. И. Черепнинъ были замѣчательные изслѣдователи русской старины. А. В. Половцовъ горячо любилъ Россію и изучалъ ея прошлое. Отличный знатокъ искусства и археологіи, онъ много путешествовалъ по Россіи и изучалъ ея памятники. Онъ восторженно относился къ сѣдой старинѣ и мы помнимъ его вдохновенныя рѣчи на Тверскомъ Областномъ Съѣздѣ и въ г. Старицѣ. А. В. много занимался Рязанскими древностями, устроилъ Архивъ Министерства Императорскаго Двора. Онъ любилъ Археологическій Институтъ, посѣщалъ его засѣданія и жилъ его радостями и горемъ. А. В. радушно встрѣчалъ всѣхъ занимающихся стариною и искусствомъ и готовъ былъ каждому дать совѣтъ и помочь въ его работѣ.—А. И. Черепнинъ былъ скромный человѣкъ, обладающій замѣчательными знаніями въ области нумизматики и доисторической археологіи. Многіе ученые въ своихъ трудахъ ссылаются на авторитетъ А. И. Черепнина. П. Н. Милюковъ въ своей „Исторіи культуры" ссылается на мнѣнія А. И. Черепнина по тому или другому вопросу. А. И. много сдѣлалъ для изученія прошлаго нашей родины и къ Владимирскому Съѣзду онъ готовилъ интересный рефератъ по нумизматикѣ. А. И. былъ путеводителемъ всѣхъ желающихъ осмотрѣть Рязанскій музей. Сколько любви и знанія употребилъ онъ на собраніе прекрасныхъ коллекцій для музея. А. И. любилъ Рязанскій край и много для него поработалъ. А. И. поражалъ каждаго какъ своими знаніями, такъ и чистотой своей души. Предлагаю почтить память этихъ замѣчательныхъ дѣятелей вставаніемъ (собраніе встаетъ) и выразить ихъ семьямъ соболѣзнованіе.

Послѣ этого *И. А. Ивановъ* сказалъ слѣдующее:

„Г.г. желая отозваться на предложеніе высокочтимаго нашего предсѣдателя, Н. В. Покровскаго,—подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными изъ нашихъ экскурсій, изъ знакомства съ мѣстными древностями,—прошу позволенія сказать нѣсколько словъ о результатахъ моихъ маленькихъ изысканій, сдѣланныхъ во время настоящаго съѣзда.

Недавно я получилъ для доклада въ Тверской Ученой Арх. Коммиссіи и для помѣщенія затѣмъ въ Тверской

музей рукопись, касающуюся, между прочимъ, священной старины древлепрестольнаго града Владимира. Рукопись называется „странникъ“ т. е. паломникъ или путешественникъ къ святымъ мѣстамъ; въ послѣдней статьѣ она исчисляетъ мощи и гробницы, находящіяся во Владимирскихъ храмахъ. Тотчасъ по моемъ пріѣздѣ бюро съѣзда снабдило меня печатными матеріалами, достаточно выяснявшими занимавшіе меня вопросы. Въ любезно подаренной мнѣ книгѣ, посвященной описанію Владимирскаго Успенскаго собора (о. протоіерея А. Виноградова), напечатанъ, полученный изъ библіотеки Троицкой лавры, документъ, по которому можно было довольно близко опредѣлить время написанія „странника“: посѣщеніе имъ Владимира относится къ первой половинѣ XVII в. (оно было между 1614 и 1645 г.г.). Первый списокъ съ оригинала, какъ видно изъ надписи, помѣщенной въ концѣ рукописи, былъ сдѣланъ въ 1692 г. въ с. Батыевѣ (Суздальскаго у.) москвитяниномъ Алешкою Заводовымъ, а слѣдующій съ этого списка—въ 1773 г. дьячковымъ сыномъ Игнатіемъ Ефимовымъ въ пог. Мезги Весьегонскаго у., откуда и полученъ мною.

Принося устроителямъ съѣзда усердную благодарность за эту неожиданную помощь, долгомъ считаю въ свою очередь теперь же, ранѣе изданія „странника“, сообщить мѣстнымъ изслѣдователямъ свѣдѣнія, которыя даетъ наша рукопись по вопросамъ, представляющимся спорными. Дѣло касается Владимирскихъ монастырей, Успенскаго и Георгіевскаго (нынѣ приходской церкви). Мой „Странникъ“ не видѣлъ въ Княгининомъ Успенскомъ монастырѣ гробницы Александры, первой жены Александра Невскаго. О ней не упоминается и въ напечатанныхъ въ указанной книгѣ о. Виноградова документахъ XVI и XVII в.в. тщательно перечисляющихъ погребенныхъ во Владимирскомъ соборѣ и монастыряхъ членовъ великокняжеской семьи и Владимирскихъ святителей; разумѣю указъ Ивана Грознаго и лаврскую рукопись XVII в. (оба документа не датированы, по мѣстному же преданію первый относится ко времени Казанскаго похода). Такимъ образомъ вопросъ о мѣстѣ погребенія великой княгини Александры остается открытымъ, хотя въ Княгининомъ монастырѣ и указывается ея гробница съ подписью. По всей вѣроятности могилу великой княгини Александры нужно

искать въ другомъ мѣстѣ, быть можетъ, въ Полоцкѣ, на ея родинѣ.

По лаврской рукописи рядомъ съ основательницею Успенскаго монастыря вел. кн. Марьей Шварновной, супругой Всеволода Большое Гнѣздо, въ сѣверномъ Благовѣщенскомъ придѣлѣ лежатъ „мощи невелики, княгинѣ Марьѣ по плечи". Моя рукопись указываетъ здѣсь, т. е., въ томъ же Благовѣщенскомъ придѣлѣ, на дочь Всеволода дѣвицу Елену, гробница которой находится рядомъ съ гробницами первой и второй супруги вел. кн. Всеволода. Монастырское преданіе знаетъ, что княжна Елена погребена здѣсь, но, гдѣ именно, монастырю это неизвѣстно.

Наконецъ „странникъ" видимо точно и опредѣленно говоритъ о гробницахъ брата Александра Невскаго Феодора и ихъ матери Ѳеодосіи, въ иночествѣ Евфросиніи, погребенныхъ въ Георгіевскомъ Владимирскомъ монастырѣ. Столь же опредѣленно говорятъ объ этомъ и вышеупомянутые документы XVI и XVII в. Тѣмъ не менѣе здѣшніе изслѣдователи готовы отказаться отъ этихъ гробницъ въ пользу Новгорода, гдѣ онѣ также значатся. Что касается Новгорода, то „странникъ" сообщаетъ только о погребеніи тамъ въ Георгіевскомъ же монастырѣ Феодора Ярославича и совершенно умалчиваетъ объ его матери. Если отнестись съ довѣріемъ къ нашей рукописи (въ виду замѣчательной точности и правдивости показаній этого очевидца), то спорный вопросъ разрѣшится только на половину: вел. княгиню Ѳеодосію—Евфросинью придется признать погребенною во Владимирскомъ Георгіевскомъ монастырѣ; но остается еще кн. Феодоръ, котораго считаютъ погребеннымъ въ двухъ мѣстахъ, въ Новгородѣ и во Владимирѣ. По этому предмету я совѣтовался съ нашимъ Тверскимъ изслѣдователемъ, Н. Д. Квашнинымъ-Самаринымъ, большимъ знатокомъ удѣльнаго періода нашей исторіи. Онъ допускаетъ, что у Александра Невскаго могло быть два сына Ѳеодора, изъ которыхъ одинъ былъ погребенъ въ Новгородѣ, а другой во Владимирѣ. Но прежде чѣмъ согласиться на такое простое разрѣшеніе вопроса, мнѣ хотѣлось бы побывать въ Новгородѣ. Если тамъ найду что либо по настоящему вопросу, не премину сообщить Владимирскимъ коллегамъ.

„Г.г., отрадно видѣть, что дорогое всѣмъ намъ дѣло областныхъ археологическихъ съѣздовъ крѣпнетъ, растетъ и развивается. Настоящій съѣздъ представляетъ значительный шагъ впередъ, въ немъ нельзя не усматривать многихъ существенныхъ улучшеній. Это особенно замѣтно въ подготовительныхъ къ съѣзду работахъ, хорошо задуманныхъ и прекрасно выполненныхъ. Между изданіями, посвященными Владимирскому съѣзду, первое, мнѣ думается, мѣсто принадлежитъ капитальному труду И. Ф. Масанова и А. В. Смирнова по библіографіи Владимирской губерніи. Кромѣ того, Организаціонный Комитетъ снабдилъ участниковъ съѣзда обстоятельнымъ и практичнымъ путеводителемъ. Съ очаровательною поѣздкою въ Суздаль, перенесшею насъ въ какой то другой міръ, близкій и дорогой намъ по духу,—наполняющій наши сердца справедливой гордостью, глубокимъ уваженіемъ къ самобытному русскому художественному творчеству,—не можетъ сравниться ни одна экскурсія первыхъ двухъ съѣздовъ. Наконецъ, оказанное намъ гостепріимство можно упрекнуть лишь въ томъ, что оно слишкомъ роскошно и можетъ быть непосильнымъ для послѣдующихъ съѣздовъ.

Присоединяясь поэтому отъ всей души къ выраженной нашимъ предсѣдателемъ благодарности болѣе всѣхъ потрудившемуся въ этомъ дѣлѣ Алексѣю Васильевичу Селиванову, г.г. членамъ Организаціоннаго Комитета и Ученой Архивной Коммиссіи и всѣмъ содѣйствовавшимъ успѣху съѣзда, позволяю себѣ остановить Ваше вниманіе на просвѣщенномъ и энергическомъ участіи непремѣннаго попечителя Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи, г. Губернатора Ивана Михайловича Леонтьева, стараніями котораго были получены для Съѣзда достаточныя денежныя средства. По счастливой случайности устроители его пользовались столь же заботливымъ вниманіемъ и со стороны мѣстной духовной власти, Высокопреосвященнаго Никона, нынѣ экзарха Грузіи, и Преосвященнаго Муромскаго Александра, радушно принимавшаго сегодня членовъ Съѣзда въ историческомъ Боголюбовѣ. Честь и слава неизмѣннымъ секретарямъ нашего Съѣзда, В. Г. Добронравову и Н. В. Малицкому, на долю которыхъ выпалъ громадный трудъ, частію уже исполненный ими въ печатныхъ бюллетеняхъ Съѣзда.

Сочувствіе цѣлямъ Съѣзда Архипастырей и другихъ представителей духовенства епархіи дало возможность сосредоточить въ новомъ прекрасномъ зданіи музея Архивной Коммиссіи и въ церковномъ древлехранилищѣ Архіерейскаго дома предметы высокой научной и художественной цѣнности, осмотръ которыхъ даже на мѣстахъ ихъ нахожденія обыкновенно соединенъ съ большими трудностями. При обозрѣніи мѣстныхъ церковныхъ древностей не было недостатка въ опытныхъ руководителяхъ; особенно благодарны экскурсанты неутомимому В. Т. Георгіевскому, дававшему превосходныя объясненія по Суздальскимъ древностямъ, изученіе коихъ составляетъ нынѣ его спеціальность. Въ посѣщенныхъ членами Съѣзда монастыряхъ щедро раздавались книги и брошюры, свидѣтельствующія о широкой постановкѣ изученія мѣстныхъ древностей.

Да процвѣтаютъ же областные Археологическіе Съѣзды и да царитъ на нихъ дружеское общеніе и любовь къ исторической наукѣ и дорогой родинѣ".

Послѣ И. А. Иванова, *Н. В. Покровскимъ* былъ прочитанъ слѣдующій адресъ отъ членовъ Съѣзда Организаціонному Комитету по устройству Съѣзда съ предсѣдателемъ комитета во главѣ.

„Въ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ для науки условіяхъ подготовлялся Третій Областной Археологическій Съѣздъ въ стольномъ градѣ древнія Суздальскія области Владимирѣ. Всѣмъ намъ понятны, поэтому, тревоги, сомнѣнія и колебанія, какія овладѣвали—и вполнѣ естественно—членами Организаціоннаго Комитета по устройству этого Съѣзда, искренно желавшими ему полнаго успѣха. Собравшіеся въ довольно численномъ составѣ и притомъ съ разныхъ концовъ обширной Россіи члены Съѣзда, имѣвшіе великое удовольствіе видѣть среди себя и извѣстнѣйшихъ почетныхъ представителей русской науки, считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ, при своемъ отъѣздѣ изъ радушно-гостепріимнаго Владимира, громко засвидѣтельствовать, что Организаціонный Комитетъ во главѣ съ своимъ глубокоуважаемымъ предсѣдателемъ Алексѣемъ Васильевичемъ Селивановымъ, а также хозяйственная коммиссія и бюро Съѣзда оказались не только на высотѣ своей задачи, но своимъ

истинно-русскимъ радушіемъ и предупредительною готовностью ко всѣмъ членамъ Съѣзда безъ исключенія превзошли всякія ожиданія. Принося глубокую сердечную благодарность своимъ незабвеннымъ высокочтимымъ хозяевамъ за понесенные ими тяжелые труды, радушное гостепріимство и щедрые книжные подарки, члены Съѣзда выражаютъ горячее пожеланіе, чтобы областные археологическіе Съѣзды продолжались и развивались, чтобы находились и въ будущемъ такіе же усердные и энергичные труженики, каковыми явились предъ ними организаторы Третьяго Областного Археологическаго Съѣзда, и чтобы труды представителей археологической науки служили на пользу и славу дорогого отечества. 1906 г., Іюня 26-го дня".

Профессоръ *Н. Покровскій.* Академикъ *А. Соболевскій.* Предсѣдатель Тверской Ученой Архивной Коммиссіи *И. Ивановъ.* Членъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи *М. Иванова. П. Иванова. Петръ Ивановъ. І. Линдеманъ. Граф. Уварова.* Членъ Пензенской Архивной Коммиссіи *А. Ф. Селивановъ.* Предсѣдатель Рязанской Архивной Коммиссіи *С. Яхонтовъ.* Профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета *Илья Шляпкинъ.* Профессоръ Кіевской Духовной Академіи *Алексѣй Дмитріевскій.* Ординарный Профессоръ Казанской Духовной Академіи *Василій Нарбековъ.* Инспекторъ Орловской Духовной Семинаріи *И. Евсѣевъ.* Директоръ Екатеринославскаго Коммерческаго Училища, Товарищъ Предсѣдателя Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи *А. Синявскій.* Членъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета *Сергѣй Введенскій.* Членъ Совѣта Костромской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи *Иванъ Студитскій.* Приватъ-доцентъ С.-Петербургской Духовной Академіи *Дмитрій Абрамовичъ.* Дѣлопроизводитель Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ *Н. Рождественскій.* За Предсѣдателя Костромской Ученой Архивной Коммиссіи Членъ Совѣта послѣдней *Вл. Андрониковъ.* Членъ Сотрудникъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института *Алексѣй Шустровъ.* Членъ Вятской Ученой Архивной Коммиссіи *Л. Софійскій.* Законоучитель Холуйской учебно-иконописной мастерской *А. Денницынъ.* Завѣдующій Холуйской учебно-

иконописной мастерской художникъ *Е. Заринъ*. Членъ Костромской Архивной Коммиссіи *Александръ Черницынъ*. Членъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій Тверской, Ярославской, Рязанской и хранитель Рязанскаго Музея *Н. Первухинъ*. Членъ Тверской Коммиссіи *Арс. Первухинъ* Доцентъ Московской Духовной Академіи *Сергѣй Смирновъ*. Членъ Церковно-Археологическаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія священникъ *Н. Миловскій*. Преподаватель учебно-иконописной мастерской въ сл. Мстерѣ *Николай Скворцовъ*. Членъ Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи *Александръ Милютинъ*. Членъ III Областного Археологическаго Съѣзда священникъ *Степанъ Звѣревъ*. Помощникъ Смотрителя Муромскаго Духовнаго училища *Н. Травчетовъ*. Членъ III Областного Археологическаго Съѣзда *А. Дольскій*. Дѣйствительный Членъ Императорскаго Археологическаго Института *В. Каньшинъ*. Членъ Вятской Ученой Архивной Коммиссіи *Владиміръ Емельяновъ*. Сотрудникъ Императорской Археологической Коммиссіи *Сергѣй Розановъ*. *А. Раевскій*. Преподаватель Археологическаго Института *А. Вороновъ*. Управляющій Тульской Епархіальной Палатой Древностей *Николай Троицкій*. Членъ Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи *И. Успенскій*. Дѣлопроизводитель Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Сергѣй Конст. Богоявленскій*. Преподаватель Гимназіи въ Шуѣ *С. Шевнинъ*. Профессоръ *М. Довнаръ-Запольскій*. Слушатель Императорскаго Археологическаго Института *Капитанъ Рышковъ*. Предсѣдатель Курской Ученой Архивной Коммиссіи *А. Кобылинъ*. Издатель Нумизматическихъ руководствъ *А. Хребтовъ*. Преподаватель Вятской Духовной Семинаріи *Константинъ Евсѣевъ*. Иконографъ *Василій Павловичъ Гурьяновъ*. Членъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи *Н. Горталовъ*.

По прочтеніи адреса, за отсутствіемъ на собраніи Предсѣдателя Комитета и по его порученію, секретаремъ Съѣзда *В. Г. Добронравовымъ* было сказано приблизительно слѣдующее.

„Предсѣдатель Организаціоннаго Комитета по устройству III Областного Съѣзда А. В. Селивановъ, для котораго было бы весьма пріятно выслушать все сейчасъ ска-

занное о нашемъ Съѣздѣ, къ своему и нашему глубокому сожалѣнію, заболѣлъ и лишенъ возможности присутствовать на настоящемъ заключительномъ собраніи Съѣзда. Позвольте сказать нѣсколько словъ по его порученію.

Пріятно было слышать заявленіе, что Третій Областной историко-археологическій Съѣздъ въ нашемъ городѣ Владимирѣ прошелъ съ большимъ успѣхомъ, что члены съѣзда вынесли отъ пребыванія на немъ хорошія впечатлѣнія. Но этотъ успѣхъ Съѣзда Организаціонный Комитетъ не относитъ всецѣло къ себѣ самому, къ своей подготовительной работѣ. Труды и заботы Комитета не дали бы настоящихъ результатовъ, если бы Комитетъ не встрѣтилъ сочувствіе и содѣйствіе со стороны учрежденій и лицъ, къ которымъ ему приходилось обращаться. Прежде всего подготовительной работѣ Комитета оказано было полное вниманіе и содѣйствіе со стороны ученыхъ дѣятелей въ Петербургѣ,—Н. В. Покровскаго, С. Ѳ. Платонова, А. И. Соболевскаго, И. А. Шляпкина и др. Безъ этого любезнаго содѣйствія весьма трудно было бы организовать научныя работы Съѣзда. Необходимыя для Съѣзда матеріальныя средства получены были только благодаря тому, что Комитетъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ средѣ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, особенно во Владимирскомъ губернскомъ земствѣ и Владимирской Городской Думѣ, отъ коихъ Комитетъ получилъ половину нужныхъ для Съѣзда средствъ. Подготовительныя работы Комитета всегда и во всемъ встрѣчали полное содѣйствіе и со стороны высшихъ представителей мѣстной духовной и свѣтской администраціи—бывшаго архіепископа Владимирскаго Никона (нынѣ экзарха Грузіи) и непремѣннаго попечителя Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи Владимирскаго губернатора И. М. Леонтьева. Успѣхъ экскурсій въ г. Суздаль и Боголюбовъ монастырь весьма много зависѣлъ отъ внимательнаго и любезнаго содѣйствія со стороны управляющаго Боголюбовымъ монастыремъ Преосвященнаго Александра и настоятеля Спасскаго (въ Суздалѣ) монастыря архимандрита Исидора. Что касается научныхъ успѣховъ Съѣзда, то этимъ онъ обязанъ собравшимся членамъ, которые въ своихъ рефератахъ, преніяхъ и объясненіяхъ мѣстныхъ памятниковъ,

создали его научное значеніе, освѣтили и какъ бы оживили нашу Владимиро-Суздальскую старину. Нельзя не отмѣтить участіе въ Съѣздѣ и графини П. С. Уваровой. Такое участіе дорого, какъ залогъ единенія между съѣздами областными и всероссійскими, единенія, которое послужитъ не къ раздробленію научныхъ силъ, но къ болѣе интенсивной научной дѣятельности на почвѣ раздѣленія труда въ разработкѣ археологической науки, какъ это и имѣлось въ виду при учрежденіи областныхъ съѣздовъ.

Въ настоящій заключительный моментъ Съѣзда Владимирская Ученая Архивная Коммиссія, Организаціонный Комитетъ по устройству Съѣзда и отсутствующій его предсѣдатель почитаютъ своимъ долгомъ принести искреннюю и глубокую благодарность предсѣдателю Съѣзда Н. В. Покровскому, Ученому Комитету Съѣзда, референтамъ и всѣмъ вообще дорогимъ гостямъ, почтившимъ нашъ Съѣздъ своимъ присутствіемъ, а также всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ Съѣзду то или иное содѣйствіе и вниманіе".

Вслѣдъ за симъ собраніе постановило послать благодарственную телеграмму Владимирскому губернатору И. М. Леонтьеву, а для выраженія благодарности Высокопреосвященнѣйшему Никону—по возвращеніи его во Владимиръ—отправить особую депутацію. *Н. И. Троицкій* предложилъ выразить отъ имени Съѣзда благодарность и Владимирскому дворянству, любезно уступившему свой залъ для засѣданій Съѣзда.

Послѣ этого Предсѣдатель, закрывая настоящій Съѣздъ, объявилъ, что IV Областной историко-археологическій Съѣздъ назначенъ въ 1909 г. въ г. Костромѣ.—

Къ IV Областному Съѣзду.

Относительно IV Областного историко-археологическаго Съѣзда *А. И. Соболевскимъ* изложены были слѣдующія пожеланія:

1. Чтобы чтеніе рефератовъ происходило во время Съѣзда только въ вечернихъ засѣданіяхъ.

2. Чтобы все утро назначалось на осмотръ древностей города и окрестностей.

3. Чтобы при скопленіи р е ф е р а т о в ъ устранялись тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ отношенія къ исторіи и древностямъ Ростово-Суздальскаго края и ближайшихъ къ нему областей.

Эти пожеланія *А. И. Соболевскаго* не были заслушаны въ собраніи, а переданы для руководства при организаціи будущаго Съѣзда представителямъ Костромской Архивной Коммиссіи.

Не доложенные рефераты.

Къ III Областному Съѣзду были приготовлены еще нижеслѣдующіе рефераты:

1. *Ст. Д. Яхонтовъ*—„Отношенія между Владимирскими и Рязанскими князьями".

2. *Г. А. Ряжскій*—„О перенесеніи разныхъ мощей изъ церкви вотчины стольника Милославскаго въ г. Суздаль (изъ мѣстной исторіи XVII в.)".

3. *С. Н. Введенскій*—„Слово о погибели русской земли", какъ историческій и литературный памятникъ Сѣверо-Восточной Руси XIII в.

4. *Н. В. Рождественскій*—„О двухъ рукописяхъ, имѣющихъ отношеніе къ г. Владимиру и его губерніи".

5. *А. С. Верещагинъ*—а) „О Суздальско-Нижегородскихъ князьяхъ, въ исторіи древней Вятки" и б) „Объ озерѣ Вятскомъ во Влад. губерніи".

6. *Д. В. Айналовъ*—„О нѣкоторыхъ скульптурныхъ изображеніяхъ Владимирскаго собора".

7. *В. Е. Данилевичъ*—„Къ изученію древней русской нумизматики".

8. *Ю. Г. Гендуне*—„О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи.

9. *В. А. Андрониковъ*—„Похоронные обряды и причитанія Костромской губерніи".

10. *И. И. Вознесенскій*—„О метрѣ и ритмѣ краткихъ народныхъ изреченій“.

11. *В. Т. Георгіевскій*—„Архивъ Суздальскаго Покровск. монастыря“.

12. *Н. М. Спиліоти*—„Архивные порядки (объ условіяхъ архивной работы“).

13. *С. А. Бѣлокуровъ*—„О документахъ Владимирскихъ четей, хранящихся въ Архивѣ Общества исторіи и древностей Россійскихъ“.

14. *Н. В. Малицкій*—„Объ уничтоженіи старыхъ письменныхъ памятниковъ въ г. Суздалѣ“.

15. *А. П. Голубцовъ*—„Къ вопросу о праздничномъ убранствѣ г. Владимира при вел. кн. Андреѣ Боголюбскомъ“.

16. *С. И. Смирновъ*—„Исповѣдь землѣ“.

17. *А. В. Смирновъ*—„Надгробныя надписи какъ историческій матеріалъ“.

18. *Свящ. С. Е. Звѣревъ*—„Родина святителя Митрофана Воронежскаго“.

19. *Онъ же*—„Два синодика Золотниковской пустыни XVII в.“.

20. *Онъ же*—„О портретѣ св. Митрофана, епископа Воронежскаго, выставлен. въ музеѣ Владимирск. Архивной Коммиссіи во время III Областного Съѣзда“.

Перечисленные рефераты не были доложены на Съѣздѣ частію за недостаткомъ времени и частію за неприбытіемъ на Съѣздъ референтовъ. Рефераты эти, если бы авторы ихъ пожелали, могли быть напечатаны въ Трудахъ 3-го Областного Съѣзда.

Поѣздка въ Суздаль и Боголюбово.

25 и 26 іюня членами Съѣзда былъ сдѣланъ осмотръ древностей гор. Суздаля и Боголюбова монастыря. Члены Съѣзда прибыли въ Суздаль 24-го вечеромъ. На другой день 25-го въ 9 час. утра всѣ собрались въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ; въ главномъ соборѣ предъ ракою преподобнаго Евфимія былъ отслуженъ молебенъ, а въ мавзолеѣ-памятникѣ надъ могилою кн. Д. Пожарскаго—краткая панихида-литія. Въ главномъ соборѣ членами Съѣзда было обращено особенное вниманіе на вещи, принадлежавшія преп. Евфимію и на разные церковные предметы, приложенные въ монастырь кн. Пожарскимъ. Всѣ вещи здѣсь показывалъ и давалъ объясненія настоятель монастыря, архимандритъ Исидоръ. По выходѣ изъ храма члены Съѣзда перешли въ казематы недавно упраздненной монастырской тюрьмы и обошли всѣ ея камеры, при чемъ различныя сообщенія дѣлалъ проф. Шляпкинъ, подробно ознакомившійся съ тюрьмой въ 80-хъ годахъ вмѣстѣ съ гр. Шереметевымъ. Подробно была осмотрѣна ризница монастыря съ ея богатымъ собраніемъ церковной утвари и разныхъ иконъ; всѣ объясненія здѣсь предлагались В. Т. Георгіевскимъ. Старинная колокольня-звонница и башня монастырской ограды предъ входомъ также не остались безъ вниманія со стороны членовъ Съѣзда; многіе изъ нихъ были въ монастырскомъ архивѣ, особенно интересуясь дѣлами по религіознымъ преступленіямъ. Архимандритомъ Спасо-Евфиміева монастыря всѣмъ членамъ Съѣзда были розданы книжки „Историческое описаніе монастыря“ и „Житіе преп. Евфимія“.

Изъ Спасо-Евфиміева монастыря члены перешли въ Покровскій монастырь. Подъ главнымъ соборомъ были осмотрѣны гробницы великихъ княгинь и невольныхъ царственныхъ постриженницъ въ этомъ монастырѣ. Въ самомъ соборѣ осмотрѣны иконостасъ и рѣзныя иконы въ немъ. Въ богатой ризницѣ монастыря В. Т. Георгіевскимъ были показаны членамъ Съѣзда превосходной работы „типичныя иконы“ Новгородскаго и Московскаго письма, единственные въ своемъ родѣ древніе убрусы, пелены, шитыя жемчугомъ, рясны, разнообразные кресты, зміевики и др. Теп-

лая церковь и церковь надъ воротами также были осмотрѣны членами. Здѣсь, въ Покровскомъ монастырѣ, члены Съѣзда имѣли отдыхъ въ покояхъ настоятельницы монастыря и въ монастырской трапезной комнатѣ.

Въ Ризположенскомъ монастырѣ осмотрѣны были всѣ три храма, входныя святыя ворота, въ ризницѣ монастыря были показаны старинныя вещи изъ церковной утвари, шитыхъ плащаницъ, пеленъ и воздуховъ. Здѣсь членамъ Съѣзда было поднесено, по распоряженію настоятельницы монастыря игумении Серафимы, по роскошно изданному ею „Описанію Ризоположенскаго монастыря", составленному Георгіевскимъ.

Въ соборѣ г. Суздаля членами Съѣзда были осмотрѣны весьма интересныя т. н. Корсунскія врата съ ихъ живописными изображеніями. Объясненія давались проф. Н. В. Покровскимъ и проф. Шляпкинымъ. Особенное вниманіе было обращено на иконостасъ собора и на иконы въ немъ и въ царскихъ вратахъ, которыя принадлежатъ кисти царскихъ иконописцевъ XVII в. Объясненія давалъ Н. В. Покровскій. Всѣ древнія и старинныя вещи изъ церковной утвари въ соборѣ были заранѣе приготовлены и разложены на особомъ столѣ.

26 іюня съ экстреннымъ поѣздомъ члены Съѣзда въ 11 часовъ утра прибыли въ Боголюбовъ монастырь. Здѣсь были осмотрѣны остатки дворца Боголюбовскаго, спальня и моленная комната князя Андрея, гдѣ совершилось его убійство. Различныя предположенія и заключенія давалъ проф. Довнаръ-Запольскій. Г. Целепи занялся особымъ изслѣдованіемъ камня съ изображеніемъ головы въ часовнѣ, которая сдѣлана въ оградѣ. Церковь Покрова Богородицы, что на Нерли, съ ея наружными украшеніями, также внимательно была обслѣдована членами. Объясненія давала граф. Уварова. Послѣ осмотра, въ покояхъ настоятеля монастыря члены Съѣзда имѣли отдыхъ. Изъ Владимира, окончивъ пріемъ просителей, прибылъ для встрѣчи съ членами Съѣзда и Преосв. Александръ, управляющій Боголюбовымъ монастыремъ.

Итоги Съѣзда.

(Немножко статистики)

Всѣхъ членовъ Съѣзда отмѣчено 160, изъ нихъ прибыли: изъ Петербурга—23, изъ Москвы—16, изъ Костромы—8, изъ Кіева—6, изъ Твери—5, изъ Нижняго Новгорода, Вятки и слоб. Мстеры—по 4, изъ Воронежа и Сергіева Посада—по 3, изъ Орла, Казани, Харькова, Тулы, Рязани, Симбирска, Кашина, Мурома и сл. Холуя—по 2, изъ Кинешмы, Курска, Симферополя, Варшавы, Ржева, Ростова (Яросл. г.), Ярославля, Ставрополя, Вышняго-Волочка, Задонска, Вологды, Одессы, Нѣжина, Екатеринославля, Ливенъ, с. Лыскова, Шуи, Иваново-Вознесенска, сл. Борисовки (Курск. губ.), изъ с. Дубковъ, съ Лемешенской мануфактуры и съ завода Гусь (Меленк. у.)—по 1. Кромѣ того, изъ членовъ Владимирской Ученой Архивной Коммиссіи, живущихъ въ гор. Владимирѣ, было на Съѣздѣ—44.

На нѣкоторыхъ засѣданіяхъ число посѣтителей (вмѣстѣ съ г.г. членами Съѣзда) доходило до 280 человѣкъ.

Въ числѣ прибывшихъ на Съѣздъ было болѣе 20 профессоровъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, лицъ женскаго пола—13 (изъ Спб., Москвы, Твери, Вологды и с. Дубковъ).

СПИСОКЪ

членовъ 3-го Областного Историко-Археологическаго Съѣзда.

1. Абрамовичъ, Дмитрій Ивановичъ. Спб.
   Акципетровъ, о. Александръ Алексѣевичъ. Владиміръ. 45.
   Алексѣевъ, о. Петръ Александровичъ. Вышній Волочокъ. 31.
   Алмазовъ, о. Павелъ Александровичъ. Кострома. 33.
   Альбицкій, Михаилъ Евфимовичъ. Владиміръ. 45.
   Альтовскій, Иванъ Павловичъ. Кинешма.
   Андрониковъ, Владиміръ Алексѣевичъ. Кострома. 33.
   Апухтинъ, Всеволодъ Ростиславовичъ. Орелъ. 3, 41.
   Архангельскій, Сергѣй Федоровичъ. Владиміръ. 45.
10. Астрова, Юлія Михайловна. Москва.
   Бакунинъ, Семенъ Николаевичъ. Владиміръ. 45.
   Бегенъ, Петръ Густавовичъ. Владиміръ. 45
   Бережковъ, Дмитрій Николаевичъ. Спб.
   Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ. Нѣжинъ.
   Бобровъ, о. Алексѣй Александровичъ. Муромъ. 45.
   Богоявленскій, Сергѣй Константиновичъ. Москва.
   Борисовскій, Павелъ Петровичъ. Владиміръ. 45
   Бороздинъ, Илья Николаевичъ. Москва.
   Бурминъ, Александръ Александровичъ. Владиміръ. 45.
20. Васенко, Платонъ Григорьевичъ. Спб.
   Васильевъ, о. Александръ Алексѣевичъ. Владиміръ. 45.
   Васильковскій, Александръ Семеновичъ. Москва.
   Введенскій, Сергѣй Николаевичъ. Задонскъ. 26.
   Виноградовъ, о. Александръ Ивановичъ. Владиміръ. 45.
   Виноградовъ, Дмитрій Александровичъ. Владиміръ. 45.
   Виноградовъ, Иванъ Павловичъ. Кострома. 33.
   Витбергъ, Ѳедоръ Александровичъ. Спб.
   Вороновъ, Андрей Петровичъ. Спб. 3.

Георгіевскій, Василій Тимофеевичъ. Кіевъ. 14.
Гиляревскій, о. Дмитрій Флегонтовичъ. Владимиръ. 45.
Голубцовъ, Александръ Петровичъ. Сергіевъ посадъ. 12.
Гомеровъ, Александръ Ивановичъ. Вятка. 34.
Горталовъ, Николай Константиновичъ. Казань. 18.
Гроздовъ, Александръ Васильевичъ. Владимиръ. 45
Громогласовъ, Илья Михайловичъ. Сергіевъ Посадъ. 7.
Гурьяновъ, Василій Павловичъ. Москва.
Данилевичъ, Василій Евфимовичъ. Харьковъ. 20.
Денницынъ, Алексѣй Михайловичъ. Сл. Холуй.
Дмитріевскій, Алексѣй Афанасьевичъ. Кіевъ. 14, 15, 16.
Добронравовъ, Василій Гавриловичъ. Владимиръ. 45.
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Васильевичъ. Кіевъ. 13.
Дольскій, Александръ Львовичъ. Воронежъ. 25.
Евсѣевъ, Иванъ Евсѣевичъ. Орелъ. 41.
Евсѣевъ, Константинъ Евсѣевичъ. Вятка.
Емельяновъ, Владиміръ Дмитріевичъ. Вятка. 34.
Ермаковская, Ольга Николаевна. Спб.
Завазальскій, о. Іоаннъ Афанасьевичъ. Иваново-Вознесенскъ. 45.
Заринъ, Николай Александровичъ. Сл. Холуй.
Захаровъ, Андрей Владимировичъ. Владимиръ. 45.
Звѣревъ, о. Стефанъ Егоровичъ. Воронежъ. 26, 27.
Зевинъ, Гавріилъ Константиновичъ. Владимиръ. 45.
Иванова, Марія Дмитріевна. Тверь. 31.
Иванова, Прасковья Ивановна. Тверь.
Ивановъ, Василій Авимовичъ. Владимиръ. 45.
Ивановъ, Иванъ Александровичъ. Тверь. 31.
Ивановъ, Петръ Ивановичъ. Тверь.
Илинскій, Петръ Алексѣевичъ. Кострома. 33.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ. Москва. 7.
Ильинскій, о. Павелъ Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Казанскій, Николай Александровичъ. Владимиръ. 45.
Каньшинъ, Викторъ Павловичъ. Кіевъ. 14.
Кобылинъ, Александръ Николаевичъ. Курскъ. 30.
Косаткинъ, о. Василій Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Косаткинъ, Иванъ Васильевичъ. Нижній-Новгородъ.
Кудрявцевъ, Павелъ Петровичъ. Владимиръ. 45
Кулаковская, Наталья Платоновна. Спб.
Кункинъ, Іосифъ Яковлевичъ. Кашинъ.

Кункинъ, Іоасафъ Яковлевичъ. Кашинъ. 31.
Курута, Юлія Васильевна. С. Дубки, владим. губ. 45.
Левкоевъ, Иванъ Григорьевичъ. Владиміръ. 45.
Ливотовъ, Владиміръ Васильевичъ. Тверь. 31.
Линдеманъ, Іосифъ Карловичъ. Нижній-Новгородъ. 31.
Малиновскій, Иванъ Васильевичъ. Владиміръ. 45.
Малицкій, Неофитъ Владимировичъ. Владиміръ. 45.
Маркевичъ, Арсеній Ивановичъ. Симферополь. 32.
Меморскій, Александръ Михайловичъ. Нижній-Новгородъ. 28.
Миловскій, о. Николай Михайловичъ. Москва. 10.
Милютинъ, Александръ Ивановичъ. Воронежъ. 27.
Михайловъ, Александръ Васильевичъ. Варшава. 24.
Мумриковъ, Иванъ Егоровичъ. Сл. Мстера.
Нарбековъ, Василій Андреевичъ. Казань. 19.
Недешевъ, Сергѣй Ивановичъ. Владиміръ. 45.
Никитинъ, Андрей Андреевичъ. Лемешенская М-ра. 45.
Никольскій, Леонидъ Дмитріевичъ. Сл. Борисовка, курской губ.
Никонова, Софья Владимировна. Вологда.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. Одесса. 21, 22.
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ. Кіевъ. 13, 14.
Первухинъ, Арсеній Григорьевичъ. Москва.
Первухинъ, Нилъ Григорьевичъ. Рязань 29.
Переборовъ, Александръ Іосифовичъ. Владиміръ. 45.
Петровъ, Сергѣй Александровичъ. Владиміръ. 45.
Платонова, Вѣра Сергѣевна. Спб.
Платонова, Надежда Сергѣевна. Спб.
Платонова, Нина Сергѣевна. Спб.
Платоновъ, Сергѣй Федоровичъ. Спб. 1, 4, 43.
Побѣдоносцевъ, Андрей Никитичъ. Владиміръ. 45.
Поддубный, Иванъ Петровичъ. Спб.
Покровскій, Николай Васильевичъ. Спб. 3.
Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ. Симбирскъ. 35.
Поливановъ, Николай Владимировичъ. Симбирскъ.
Полянскій, Владиміръ Павловичъ. Москва.
Преображенскій, Алексѣй Ивановичъ. Владиміръ. 45.
Прозрителевъ, Григорій Николаевичъ. Ставрополь. 38.
Раевскій, Александръ Сергѣевичъ. Спб.
Разсадинъ, Степанъ Степановичъ. Сл. Мстера.

Рашковъ, Владимиръ Дмитріевичъ. Москва.
Рождественскій, Николай Викторовичъ. Москва.
Розановъ, Сергѣй Павловичъ. Спб.
Романовскій, Сергѣй Николаевичъ. Кострома. 33.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ. Спб.
Ряжскій, Григорій Александровичъ. Москва.
Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ. Москва.
Сазоновъ, Иванъ Николаевичъ. Владимиръ. 45.
Сахаровъ, Ѳедоръ Козьмичъ. Владимиръ. 45.
Селиванова, Олимпіада Ивановна. Владимиръ.
Селивановъ, Александръ Федоровичъ. Спб.
Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Серповскій, Николай Григорьевичъ. Харьковъ.
Симсонъ, Павелъ Федоровичъ. Ржевъ.
Синявскій, Антонъ Степановичъ. Екатеринославъ. 37.
Скворцовъ Алексѣй Федоровичъ. Владимиръ. 45.
Скворцовъ, Дмитрій Ивановичъ. Тула. 31.
Скворцовъ, Николай Алексѣевичъ. Сл. Мстера.
Смирновъ, Александръ Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Смирновъ, Сергѣй Ивановичъ. Сергіевъ Посадъ. 12.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ. Спб. 4.
Соболевъ, о. Іоаннъ Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Соколовъ, Михаилъ Евгеніевичъ. С. Лысково, нижегор. г.
Соловьевъ, Николай Матвѣевичъ. Владимиръ. 45.
Сомовъ, Николай Николаевичъ. Владимиръ 45.
Софійскій, Леонидъ Ивановичъ. Вятка. 34.
Сперанскій, о. Михаилъ Александровичъ. Владимиръ. 45.
Спиліоти, Николай Михайловичъ. Спб.
Ставровскій, Алексѣй Евграфовичъ. Владимиръ. 45.
Стеблевъ, Алексѣй Петровичъ. Ливны.
Строевъ, Василій Ивановичъ. Кострома. 33.
Струковъ, Николай Дмитріевичъ. Москва.
Студитскій, Иванъ Михайловичъ. Кострома. 33.
Сусловъ, Степанъ Александровичъ. Сл. Мстера.
Титовъ, Андрей Александровичъ. Ростовъ, яросл. г. 40.
Тихомировъ, Иларіонъ Александровичъ. Ярославль. 39.
Тихонравовъ, Викторъ Викторовичъ. Гусь хрустальный, владим. губ. 45.
Травчетовъ, Николай Петровичъ. Муромъ. 45.
Троицкій, Александръ Ивановичъ. Владимиръ. 45.

Троицкій, Николай Ивановичъ. Тула. 42.
Уварова, гр. Прасковья Сергѣевна. Москва.
Успенскій, Алексѣй Васильевичъ. Владимиръ. 45.
Успенскій, Иванъ Ивановичъ. Москва. 10.
Ушаковъ, Николай Николаевичъ. Владимиръ. 45.
Холоднякъ, Марія Александровна. Спб. 3.
Флеровъ, Александръ Петровичъ. Владимиръ. 45.
Хмѣльницкій, Дмитрій Ивановичъ. Нижній-Новгородъ.
Хребтовъ, Александръ Козьмичъ. Кіевъ.
Целепи, Леонидъ Николаевичъ. Спб. 31.
Черницынъ, Александръ Ивановичъ. Кострома. 33.
Шапошниковъ, Михаилъ Гавриловичъ. Владимиръ. 45.
Шевнинъ, Семенъ Ивановичъ. Шуя. 44.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ. Спб. 4.
Шустровъ, Алексѣй Игнатьевичъ. Спб. 3.
Яхонтовъ, Степанъ Дмитріевичъ. Рязань. 29.

ДОКЛАДЫ.

Въ нѣкоторыхъ изъ издаваемыхъ въ свѣтъ докладахъ читатели встрѣтятъ отступленія и отъ принятаго правописанія, и отъ установившагося произношенія нѣкоторыхъ словъ. Все это сдѣлано только по желанію авторовъ, на отвѣтственности которыхъ Архивная Коммиссія и оставляетъ эти новшества.

Архивная Коммиссія сознаетъ, что принятая въ этихъ „Трудахъ“ пагинація страницъ представляетъ не мало неудобствъ при отыскиваніи желаемой статьи; но при бывшихъ условіяхъ добыванія матеріала поступить иначе не было никакой возможности,—печатаніе книги, начатое съ 1907 года, и безъ того очень затянулось.

Іюнь 1909 г.

О древнѣйшемъ населеніи пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи.

Прошло тринадцать лѣтъ съ того времени, какъ я читалъ на IX Археологическомъ Съѣздѣ въ городѣ Вильнѣ свой докладъ о произведенныхъ мною раскопкахъ древняго Борковскаго могильника, находящагося близь города Рязани.

Если не считать краткаго отчета гр. Ф. А. Уварова, напечатаннаго въ Трудахъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1890 годъ объ изслѣдованномъ имъ Курманскомъ могильникѣ Касимовскаго уѣзда и родственномъ Борковскому, то мое сообщеніе въ 1893 году было первымъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ указаніемъ о своеобразной культурѣ древняго населенія, занимавшаго обширную территорію пріокскаго района, въ предѣлахъ губерній Рязанской, части Московской, Владимірской, части Тамбовской и Тульской. Эта культура въ особенности интересна потому, что она относится ко времени, за долго предшествовавшему водворенію южно-русскихъ князей въ средней Россіи, и какъ бы пополняетъ собою мало извѣстный и изслѣдованный промежутокъ между каменнымъ вѣкомъ, слѣдами котораго служатъ многочисленныя находки повсемѣстно въ средней Россіи каменныхъ орудій, и курганною культурою, относящеюся къ IX—XII вѣк. нашей эры.

Въ своемъ докладѣ на Виленскомъ Съѣздѣ я высказалъ предположеніе, что первоначальное существованіе Борковскаго и родственныхъ ему пріокскихъ могильниковъ относится къ V—VI в. по Р. Х., позднѣйшимъ же временемъ ихъ слѣдуетъ признать VIII—IX в. Мое предположеніе о начальной датѣ могильниковъ не встрѣтило всеобщаго признанія. Повидимому, многихъ испугало то, что я слишкомъ далеко заглянулъ въ сѣдую древность, безъ достаточныхъ основаній, наоборотъ, указаніе на VIII—IX в. было принято сочувственнѣе на столько, что и всю культуру пріокскихъ могильниковъ стали пріурочивать къ этой и даже позднѣйшей эпохѣ, не смотря на цѣлый рядъ возникшихъ по этому предмету противорѣчій и явныхъ несо-

образностей. Со времени моихъ раскопокъ Борковскаго могильника появилось много новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, породившихъ цѣлую литературу. Были открыты и раскопаны нѣсколько новыхъ могильниковъ, относящихся къ тому же типу, какъ и Борковскій: Кузьминскій, Пальновскій, Старо-Рязанскій, Кошибеевскій и пр. Найдены и изслѣдованы и другіе могильники, въ древностяхъ которыхъ оказались аналогичные предметы, а именно Лядинскій, Томниковскій, Максимовскій и т. п. Появились обстоятельныя изслѣдованія Черепнина, Спицына, Ястребова. Но не смотря на все это, вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ культурою пріокскаго района въ ряду другихъ культуръ первобытныхъ древностей Европейской Россіи, остается еще не окончательно рѣшеннымъ. Цѣлью моего настоящаго сообщенія служитъ дать такой отвѣтъ на этотъ вопросъ, на основаніи всего собраннаго до сего времени обширнаго матеріала и привести, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ высказанныя по этому предмету соображенія, мнѣнія и догадки.

Собственно говоря, рѣшеніе этого вопроса не встрѣтило бы особаго затрудненія, если бы нѣкоторые изъ поименованныхъ авторовъ вышеупомянутыхъ изслѣдованій не впали въ одну и ту же ошибку, которой, по моему мнѣнію, не чужды весьма многіе археологи. Эта ошибка заключается въ томъ, что, изучая древности какого нибудь одного могильника, не распредѣляютъ по группамъ разныя могилы съ различнымъ содержаніемъ, но изучаютъ могильный инвентарь, относя его ко всѣмъ могиламъ взятымъ вмѣстѣ. Этотъ ненаучный, какъ мнѣ кажется, методъ, приводитъ къ тому, что могильникъ, существованіе котораго должно быть пріурочено къ очень длительному продолженію времени, трактуется какъ бы относящимся къ одной эпохѣ, которая характеризуется многими предметами, въ сущности, относящимися къ разнымъ эпохамъ. Только этой ошибкой метода я могу объяснить то, что Кошибеевскій могильникъ, какъ и культура городищъ Дьякова типа, А. А. Спицынымъ отнесены къ VI—VIII в., тогда какъ Борковскій могильникъ имъ же пріуроченъ къ VIII—X в., то есть къ тому же времени, какъ и большая часть курганныхъ древностей Московской губерніи, а Максимовскій несомнѣнно болѣе новый, чѣмъ Борковскій, къ VIII—IX в. Кстати, я долженъ по поводу метода изслѣдованія первобытныхъ древностей высказать пожеланіе, чтобы по отношенію къ этимъ изслѣдованіямъ шире примѣнялся способъ, который въ статистикѣ называется карточнымъ, при чемъ на отдѣльныя карточки должны наноситься всѣ данныя, относящіяся до каждаго обнаруженнаго погребенія. Этотъ способъ дастъ возможность изслѣдователю болѣе детально

распредѣлять могилы, какъ по способу погребенія, такъ и по составу могильнаго инвентаря.

Переходя къ анализу содержанія могилъ пріокскихъ могильниковъ, я начну съ Борковскаго могильника, какъ лучше мною изученнаго и какъ заключающаго въ себѣ главнѣйшіе изъ наиболѣе типичныхъ предметовъ культуры пріокскаго района. Уже въ первомъ своемъ докладѣ по поводу моихъ раскопокъ Борковскаго могильника я указывалъ на то, что вещи, находимыя въ обыкновенныхъ погребеніяхъ, большею частью отличаются отъ тѣхъ предметовъ, которые сопровождали могилы съ трупосожженіями. Всѣ первые отличаются крайней простотою, примитивностью орнамента и, такъ сказать, архаичностью по сравненію съ вещами, находимыми при трупосожженіяхъ. Могильный инвентарь этихъ послѣднихъ погребеній, даже при сходствѣ общаго типа вещей, отличается болѣе тонкой работой, изящностью отдѣлки и сложностью орнамента, указывающаго на болѣе развитую культуру. Такъ какъ мое мнѣніе по этому предмету было основано на тщательномъ изученіи собраннаго мною матеріала и при томъ при участіи А. И. Черепнина, то меня впослѣдствіи чрезвычайно смутилъ совершенно противоположный взглядъ, проводимый покойнымъ А. И. въ его изслѣдованіи о рязанско-окскихъ могильникахъ, гдѣ онъ категорически заявилъ, что „инвентарь трупосожженій не далъ ничего, выдѣляющаго этотъ похоронный обрядъ отъ обыкновеннаго погребенія“ и что „сравнивая бытовые предметы и украшенія въ могилахъ съ разными формами похоронъ, онъ не нашелъ въ нихъ никакого различія ни въ формахъ, ни въ матеріалѣ и способахъ выдѣлки“. Я долго не могъ понять, чѣмъ можно объяснить это мнѣніе, такъ рѣзко идущее въ разрѣзъ съ тѣмъ, что я высказывалъ относительно Борковскаго могильника. Только теперь, вторично пересматривая весь матеріалъ по дневникамъ раскопокъ и сличая текстъ дневника, изданнаго мною совмѣстно съ А. И. Черепнинымъ въ 1893 году, съ тѣмъ, который былъ вновь переработанъ А. И. и напечатанъ въ трудахъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи за 1895 годъ, а также въ изслѣдованіи А. А. Спицына (Древности бассейновъ рѣкъ Оки и Камы, 1901 г.), я отыскалъ отчасти причину такого противорѣчія. Дѣло заключается во 1-хъ въ томъ, что при переработкѣ дневника раскопокъ, при чемъ А. И. Черепнинъ призналъ нужнымъ измѣнить нумерацію погребеній, распредѣляя ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени производства раскопокъ, какъ было ранѣе, но по мѣстоположенію могилъ на двухъ отдѣльныхъ буграхъ, изъ котораго состоитъ Борковскій могильникъ, А. И. Черепнинъ, не смотря на свою присущую ему акку-

ратность, допустилъ двѣ ошибки въ описаніи погребеній за №№ 95-мъ и 107-мъ, отмѣченныхъ имъ, какъ простыя погребенія, тогда какъ они должны быть отнесены къ категоріи трупосожженій; а во 2-хъ его заключеніе касалось не столько Борковскаго, сколько другихъ пріокскихъ могильниковъ, въ особенности Кузьминскаго, гдѣ дѣйствительно не такъ бросается въ глаза по характеру могильнаго инвентаря разница между обыкновенными погребеніями и трупосожженіями. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ своего труда самъ А. И. Черепнинъ впадаетъ въ невольное противорѣчіе съ его же собственнымъ заключеніемъ, утверждая слѣдующее: „На основаніи особенностей похоронныхъ обрядовъ, открытыхъ на Борковскомъ и другихъ сродныхъ съ нимъ рязанскихъ окскихъ могильникахъ, можно утверждать, что съ глубокой древности мѣстное населеніе хоронило умершихъ только по обряду обыкновенныхъ погребеній; затѣмъ, въ эпоху, предшествовавшую водворенію южнорусскихъ князей въ долинѣ средней Оки, появились въ небольшомъ количествѣ новые поселенцы, которые хоронили своихъ покойниковъ, предварительно сожигая трупы; число этихъ переселенцевъ, повидимому, постепенно возрастало, путемъ естественнаго прироста или притокомъ новыхъ посельниковъ той же народности; вмѣстѣ съ этимъ увеличилось количество могилъ съ остатками трупосожженій на древнихъ кладбищахъ. Позднѣе въ нашу мѣстность прибываютъ пришельцы, быть можетъ, временно проживавшіе здѣсь; они хоронятъ умершихъ въ сидячемъ положеніи; такимъ образомъ на Борковскомъ могильникѣ образовались могилы съ тремя различными формами похоронъ". Вполнѣ раздѣляя этотъ выводъ Черепнина, я вижу въ немъ подтвержденіе своего мнѣнія относительно могилъ съ трупосожженіями, такъ какъ сравнительная молодость этихъ послѣднихъ можетъ быть доказана ничѣмъ инымъ, какъ только составомъ могильнаго инвентаря. Впрочемъ, можно и не усматривать противорѣчія между мнѣніемъ моимъ и А. И. Черепнина, если обратить вниманіе на то, что А. И. подвергалъ сравненію могилы съ трупосожженіями со всѣми обыкновенными погребеніями, не группируя послѣднія по составу могильнаго инвентаря. При такомъ сравненіи онъ имѣлъ основаніе придти къ своему мнѣнію объ отсутствіи существенной разницы между составомъ тѣхъ и другихъ могилъ. Но я въ своей характеристикѣ могилъ съ трупосожженіями противуполагалъ ихъ не всѣмъ остальнымъ могиламъ, а лишь тѣмъ изъ нихъ, которыя заключали въ себѣ предметы, типичные для могилъ съ обыкновенными погребеніями пріокскихъ могильниковъ. На ряду съ этими типичными погребеніями попадались могилы также съ обыкновенными погребеніями, но съ инвентаремъ, который ближе

подходитъ къ инвентарю могилъ съ трупосожженіями. Въ Борковскомъ могильникѣ такихъ могилъ было очень немного, почему я вправѣ былъ ихъ игнорировать, сопоставляя трупосожженія со всѣми прочими могилами. Что же касается до Кузьминскаго могильника, то тамъ въ числѣ могилъ съ обыкновенными погребеніями оказалось значительное количество такихъ, въ которыхъ могильный инвентарь ничѣмъ не отличался отъ инвентаря, находимаго при трупосожженіяхъ.

Къ числу типичныхъ предметовъ могилъ съ обыкновенными погребеніями относятся слѣдующіе: гривны съ коробкой (Таб. I, № 2), нагрудныя пряжки въ видѣ бляхъ съ крышкой (I, 1), подобныя же пряжки безъ крышки (II, 9), пряжки съ лопастями (III, 10), 2, 3, 4 и 5—лопастныя височныя подвѣски (I, 4—5, II, 3, III, 5, 9), крестообразныя и арбалетныя фибулы (III, 1, 2, 4, V, 6, XIII, 11), ажурныя подвѣски болѣе простого типа съ двумя парами привѣсокъ (III, 8), или безъ нихъ, лунницы съ примитивнымъ орнаментомъ (I, 3. V, 8),вѣнчики и браслеты изъ спиралей съ четвероугольными примитивными обоймицами (V, 7), подвѣски трубчатыя и конусообразныя (V, 3, 4), красныя бусы, желѣзное орудіе въ видѣ совокупности копья, дротика (или двухъ видовъ копій) и боевого кельта (VI, 4—8), также удила (VI, 3). Всѣ тѣ погребенія, въ которыхъ попадаются указанные предметы, я отношу къ древнѣйшей эпохѣ могильника.

Остальныя могилы, къ которымъ относятся преимущественно трупосожженія, характеризуются слѣдующими предметами: ажурныя круглыя пряжки (IV, 6, V, 2, X, 5), большія ажурныя пряжки съ подвѣсками (V, 1), исключительно 5 лопастныя, но не 3 и 4 лопастныя, височныя подвѣски (III, 5), круглыя бляхи съ перекрестіемъ (II, 1, VI, 1), желѣзныя гривны съ утолщеніями въ видѣ шариковъ по всей окружности (X, 6), золоченыя и болѣе мелкія бусы (IV, 10—12), гривны съ маленькой коробкой (IV, 9); желѣзное орудіе и удила встрѣчаются рѣдко; изъ фибулъ типа крестообразнаго найдена была только одна, но совершенно особенной формы (безъ шишочекъ на концахъ поперечной пластинки) (III, 3).

Кузьминскій могильникъ, подобно Борковскому, можетъ быть также подраздѣленъ по составу могильнаго инвентаря на двѣ категоріи могилъ: съ простыми погребеніями, заключающими въ себѣ вещи типичныя для пріокскихъ могильниковъ первоначальной эпохи, и могилъ частью съ простыми погребеніями и частью съ трупосожженіями, при чемъ всѣ могилы этой группы содержатъ въ себѣ кромѣ тѣхъ вещей, которыя встрѣчаются и въ Борковскихъ мо-

гилахъ съ трупосожженіями (ажурныя подвѣски, круглыя ажурныя пряжки, желѣзныя гривны съ утолщеніями, бляхи съ перекрестіемъ), также иного типа предметы, непопадавшіеся въ Борковскомъ могильникѣ, а именно: подвѣски сгибнемъ и конусообразныя на витушкахъ (XI, 6, 7), браслеты изъ витушекъ съ круглыми и болѣе изящными бляшками (XII, 10, 11), привѣски въ видѣ уточекъ (XII, 6) и пр. Вообще по сравненію съ Борковскимъ могильникомъ въ Кузьминскомъ встрѣчается болѣе разнообразныхъ и тоньше выдѣланныхъ вещей. Кромѣ того, въ этомъ могильникѣ въ позднѣйшихъ погребеніяхъ бляхи съ крышкой, которыя сопровождаютъ обыкновенно гривны съ коробкой (въ Борковскомъ могильникѣ и въ могилахъ первой эпохи Кузьминскаго), замѣняются круглыми бляхами съ перекрестіемъ. Попадаются также чаще витыя гривны. Типичныя 5-лопастныя височныя привѣски окончательно замѣняютъ собою 3 и 4-хъ-лопастныя, которыя встрѣчаются только въ Борковскомъ могильникѣ. Вообще анализъ могильнаго инвентаря Кузьминскаго могильника, по сравненію съ Борковскимъ указываетъ на то, что часть погребеній перваго относится къ тому же времени, къ которому принадлежатъ и могилы съ простыми погребеніями Борковскаго могильника; остальныя же могилы Кузьминскаго могильника можно признать относящимися къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ могилы съ трупосожженіями Борковскаго могильника.

Относительно другихъ пріокскихъ могильниковъ (Курманскаго, Старо-Рязанскаго, Пальновскаго и пр.) можно констатировать лишь то, что сказано мною по поводу Борковскаго и Кузьминскаго могильниковъ. Въ нихъ попадаются вещи, характеризующія какъ древнѣйшую, такъ и позднѣйшую эпохи Борковскаго и Кузьминскаго могильниковъ, но къ сожалѣнію, недостатокъ матеріала не даетъ возможности сдѣлать группировку погребеній по составу могильнаго инвентаря въ могильникахъ Старо-Рязанскомъ, Пальновскомъ и Тырновскомъ, какъ равно я не могъ продѣлать эту работу и по отношенію къ Курманскому могильнику, благодаря тому, что гр. Уваровъ почему то не нашелъ нужнымъ издать подробный дневникъ своихъ раскопокъ, а ограничился лишь краткимъ извлеченіемъ изъ дневника. За то въ нашемъ распоряженіи имѣется прекрасно разработанный матеріалъ, относящійся къ Кошибеевскому могильнику, Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, изслѣдованному А. А. Спицынымъ.

Могильникъ этотъ, подобно своимъ сородичамъ, по составу могильнаго инвентаря также распадается на двѣ эпохи, болѣе древнюю и позднѣйшую. Но замѣчательно то,

что при общемъ сходствѣ инвентаря этого могильника съ предметами, находимыми въ пріокскихъ могильникахъ Рязанской губерніи, замѣчается съ одной стороны отсутствіе въ Кошибеевскомъ могильникѣ многихъ типичныхъ предметовъ, какъ напримѣръ: бляхъ съ крышкой и 5-ти лопастныхъ височныхъ подвѣсокъ, за то появляются круглыя бляхи съ концетрическими кругами (XI, 2, 3)—вещи несомнѣнно древнія, бляхи съ перекрестіемъ, но иного типа. съ колечками или болѣе сложною орнаментаціею (XI, 1, 4), прорѣзныя звѣздчатыя пряжки (XI, 5)—видоизмѣненіе пряжекъ въ видѣ бляхъ съ крышкой. Изъ числа древнѣйшихъ предметовъ найдено нѣсколько разнаго вида Т—образныхъ, арбалетныхъ (XIII, 11, 12) и готскаго типа фибулъ. Желѣзныя орудія въ мужскихъ могилахъ (копье, дротикъ, кельтъ) и удила также обычны, какъ въ другихъ пріокскихъ могильникахъ, и служатъ наиболѣе типичнымъ указаніемъ на очень близкую родственную связь его съ ними. Но какъ и относительно Кузьминскаго могильника я полагаю, что древнѣйшая эпоха Кошибеевскаго могильника совпадаетъ съ раннимъ періодомъ Борковскаго, что же касается до позднѣйшей эпохи, то можно считать ее старше второго періода не только Кузьминскаго, но и Борковскаго, на что указываетъ и отсутствіе могилъ съ трупосожженіями. Кромѣ указанныхъ выше, къ типу пріокскихъ могильниковъ относится еще Холуйскій, находящійся въ бассейнѣ рѣки Клязьмы близь слободы Холуй. Къ сожалѣнію, онъ не былъ своевременно подвергнутъ научному изслѣдованію и большая часть найденныхъ въ немъ предметовъ для науки не сохранилась.

Вотъ собственно всѣ тѣ могильники, которые намъ оставлены древнѣйшимъ населеніемъ пріокскаго района за время, предшествующее тому курганному населенію, которое было современно южно-славянской колонизаціи.

Въ предѣлахъ того же района были найдены еще другіе могильники, а именно Максимовскій, Муромскаго уѣзда, и Лядинскій и Томниковскій въ Тамбовской губерніи. Но эти могильники не могутъ быть, строго говоря, относимы къ той же культурѣ, къ которой относятся древнѣйшіе пріокскіе могильники. Если есть у нихъ общія точки соприкосновенія, то сравнительно весьма мало. Такъ, въ Максимовскомъ могильникѣ совсѣмъ не находится желѣзныхъ кельтовъ, которые замѣняются топорами болѣе поздняго типа; красныхъ бусъ не встрѣчалось, стеклянныя бусы попадаются, но рѣдко. Нагрудныя ажурныя пряжки и разныя привѣски, хотя въ общемъ и напоминающія предметы пріокскихъ могильниковъ, но иного рисунка и съ видоизмѣненіями; пряжки съ хвостовидными придатками; спи-

ральки толще и не имѣютъ такого распространенія; типичныхъ для пріокскихъ могильниковъ гривнъ съ коробками, бляхъ съ крышками, круглыхъ бляхъ съ перекрестьемъ и 5-ти лопастныхъ височныхъ привѣсокъ—нѣтъ, не говоря уже о фибулахъ арбалетныхъ и крестообразныхъ. Изъ сходныхъ предметовъ съ пріокскими могильными вещами слѣдуетъ упомянуть о пирамидальныхъ подвѣскахъ, которыя встрѣчались въ Кошибеевскомъ могильникѣ (XII, 9). Значительный % могилъ составляетъ трупосожженія. Часто попадаются и русскія погребенія X—XI в.

Въ Лядинскомъ и Томниковскомъ могильникахъ попадаются также предметы, близко напоминающіе могильный инвентарь пріокскихъ могильниковъ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, собранный В. Н. Ястребовымъ и имъ же разработанный, не даетъ возможности сдѣлать детальную группировку могилъ по составу ихъ инвентаря, почему крайне затруднительно вывести заключеніе объ относительной древности этихъ могильниковъ и судить о томъ, въ какомъ отношеніи они стоятъ къ могильникамъ пріокскимъ. Въ изслѣдованіи Ястребова, правда, имѣются подробныя изображенія и описанія всѣхъ найденныхъ вещей, но въ изданномъ извлеченіи изъ дневника не сдѣлано ссылокъ на №№ таблицъ и рисунковъ. Это, по моему мнѣнію, непростительное упущеніе. Большая часть этихъ могильниковъ ближе подходитъ къ типу владимірскихъ кургановъ и могильниковъ болѣе поздней эпохи, чѣмъ та, къ которой относятся древнѣйшія погребенія пріокскихъ могильниковъ. Бусы почти исключительно цвѣтныя; въ украшеніяхъ часты бубенчики, раковины и зубы; шейныя гривны или витыя, или плоскія въ видѣ полумѣсяца съ привѣсками; особаго типа шейное украшеніе—видоизмѣненія борковскаго типа (изъ 3-хъ колокольчиковъ на веревкообразной лентѣ) встрѣтилось только одинъ разъ; круглыя ажурныя украшенія съ привѣсками, напоминающія борковскій типъ позднѣйшей эпохи, попадались рѣдко; бронзовыя кольцеобразныя пряжки съ длинными хвостовидными придатками составляютъ постоянную принадлежность одежды, какъ и въ Максимовскомъ могильникѣ: встрѣчались подражанія серебрянымъ арабскимъ диргемамъ (датирующихъ время могильника не ранѣе VIII в. и до XI); изъ желѣзныхъ орудій и другихъ вещей попадались часто: копья, дротики, пѣшни, молотки, ключи и разнаго вида топоры, между прочимъ и кельты пріокскаго типа, (послѣдніе вѣроятно рѣдко); удила только два раза. Мечей не находилось. Одинъ разъ была найдена сабля. Изъ предметовъ, наиболѣе аналогичныхъ вещамъ, находимымъ въ пріокскихъ могильникахъ, слѣдуетъ указать на круглыя пряжки въ видѣ бляхъ съ крышкой, типа курманской бляхи.

Этотъ типъ составляетъ видоизмѣненіе подобныхъ бляхъ борковскихъ и кузьминскихъ въ томъ отношеніи, что въ немъ отсутствуютъ прорѣзы и крышка плотно прилегаетъ къ отверстію (XIII, 10). Самъ по себѣ этотъ типъ указываетъ на позднѣйшее видоизмѣненіе одной и той же формы, начальной стадіей которой была пряжка съ лопастями (III, 10), (что я указывалъ въ своемъ докладѣ на Виленскомъ Съѣздѣ), но кромѣ того лядинскія бляхи съ крышкой являются болѣе тонко и разнообразно орнаментированными, чѣмъ рѣзко отличаются отъ своихъ пріокскихъ родоначальниковъ. Наконецъ, я долженъ упомянуть о бронзовыхъ вѣнчикахъ изъ четыреугольныхъ пластинокъ и изъ рядовъ плоскихъ трубочекъ, украшенныхъ поперечными насѣчками. По словамъ Ястребова, они составляютъ подражаніе вѣнчикамъ изъ спиралекъ, почему должны быть признаны позднѣйшею формою подобныхъ украшеній. Томниковскій могильникъ, по мнѣнію Ястребова, немного древнѣе Лядинскаго, судя по архаизму вещей, находимыхъ въ первомъ изъ нихъ.

Оба эти могильника, какъ я уже сказалъ, имѣютъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ владимірскими курганами, относимыми Спицынымъ къ VIII—XII в., чѣмъ съ пріокскими могильниками.

Владимірскіе курганы, несомнѣнно, оставлены намъ весьма пестрымъ населеніемъ, можетъ быть съ преобладаніемъ русскаго элемента, но во всякомъ случаѣ въ составѣ могильнаго инвентаря владимірскихъ кургановъ замѣтно вліяніе того населенія, которому принадлежали позднѣйшіе могильники: Максимовскій и Лядинскій. Съ пріокскими же могильниками владимірскіе курганы ничего общаго почти не имѣютъ.

Несравненно болѣе аналогій усматривается между могильнымъ инвентаремъ пріокскихъ могильниковъ и древностями, находимыми въ городищахъ, такъ называемаго, дьякова типа. Такихъ городищъ въ районѣ верховьевъ Волги и Оки до послѣдняго времени открыто болѣе 50.

Дьяково городище было изслѣдовано Сизовымъ и чрезвычайно интересно то совпаденіе, что на девятомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Вильнѣ почти одновременно были сдѣланы сообщенія Сизова о Дьяковомъ городищѣ и мною о Борковскомъ могильникѣ, при чемъ при обсужденіи этихъ докладовъ, не смотря на обнаруженную тогда же аналогію между тѣми и др. древностями, никѣмъ не было опредѣленно выяснено истинное отношеніе городищъ этого типа къ пріокскимъ могильникамъ. Только позднѣе было обращено вниманіе на эту связь между ними и въ настоящее время слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что городища

дьякова типа и могильники типа борковскаго и ему родственные представляютъ собою остатки одной и той же культуры, принадлежавшей населенію пріокскаго района. Изъ вещей, найденныхъ въ городищахъ дьякова типа и аналогичныхъ съ предметами пріокскихъ могильниковъ можно указать на слѣдующіе: пряжку готскаго типа, изъ Дьякова городища, подобную эмалевой пряжкѣ Кузьминскаго могильника, бронзовую гривну обычнаго пріокскаго типа, готскую же фибулу изъ городища с. Спасъ-Перекши (XIII, 8), подвѣски въ видѣ трубочки типа Борковскаго могильника изъ с. Городища (XIII, 5, 6), арбалетную фибулу изъ городища д. Дуденева (Тверской губ.), пукъ серебряныхъ обломковъ отъ гривенъ типа Лядинскаго могильника, найденный въ городищѣ близь д. Синькова, мѣдныя бляшки и обоймицы обычнаго типа пріокскихъ могильниковъ и пр. Весьма любопытно, что въ Дьяковомъ городищѣ и въ деревнѣ Синьковѣ были найдены формочки для мелкихъ бронзовыхъ подѣлокъ и спиралекъ (XIII, 7), типа пріокскихъ могильниковъ, что указываетъ на мѣстное происхожденіе бронзовыхъ украшеній, а стало-быть даетъ основаніе предполагать самобытное значеніе пріокской культуры.

Постараемся теперь оріентироваться во всемъ добытомъ матеріалѣ, чтобы опредѣлить первоначальную дату образованія какъ городищъ дьякова типа, такъ и древнѣйшихъ пріокскихъ могильниковъ. Точкой опоры въ этомъ намъ могутъ служить нѣкоторые типичные предметы могильнаго инвентаря, которые попадаются въ погребеніяхъ, относимыхъ мною къ числу древнѣйшихъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ вещей занимаютъ крестообразныя и арбалетныя фибулы. Такія и подобныя фибулы часто были находимы въ Крыму и на Кавказѣ. Такъ, въ Херсонескомъ некрополѣ была найдена большая крестообразная фибула, съ украшеніями изъ кружковъ (орнаментъ этотъ, кстати замѣчу, встрѣчается въ древнихъ пріокскихъ могильникахъ), вмѣстѣ съ монетой Константина Великаго (1-й половины IV в.); но въ томъ же некрополѣ въ 1897 году въ гробницѣ № 987 найдена фибула, также близко напоминающая борковскую, но съ узкимъ основаніемъ, вмѣстѣ съ четырьмя херсонескими монетами. Вообще въ Херсонесѣ крестообразныя фибулы попадались не рѣдко. Подобныя фибулы были находимы въ Терской области, въ Нольгинскомъ округѣ, при раскопкахъ Владимірова въ 1898 году, также Долбежевымъ. Интересны для насъ находки арбалетныхъ фибулъ, весьма похожихъ на кошибеевскія, изъ Задолинска, и относимыхъ къ IV—V в. (Матеріалы по Археологіи Кавказа, вып. VIII). Въ могильникахъ Рутхи найдены были провинціальныя и Т—образныя фибулы, близко стоящія по

типу къ борковскимъ и съ тѣмъ же кружкообразнымъ орнаментомъ. Предметы, добытые въ Рутхскомъ могильникѣ, опредѣляются крупнымъ опаломъ инталіо съ мужскимъ изображеніемъ и съ пеглавійскою надписью VI ст. (Матеріалы по Археологіи Кавказа, в. VIII). Провинціальныя, Т—образныя и готскія фибулы встрѣчаются и въ могильникахъ Комунты, которые относятся къ VI в. Въ гробницахъ близь Керчи второй половины III в. также найдены были бронзовыя фибулы, очень похожія на борковскія (См. рис. 152 на стр. 90 Отчета Императорской Археологической Коммиссіи за 1894 годъ).

Принимая затѣмъ во вниманіе то обстоятельство, что крестообразныя и арбалетныя фибулы были находимы въ пріокскихъ могильникахъ лишь въ тѣхъ погребеніяхъ, которыя характеризуются болѣе примитивнымъ могильнымъ инвентаремъ, и отсутствуютъ въ позднѣйшихъ погребеніяхъ, какъ равно и въ трупосожженіяхъ, что въ могильникахъ болѣе поздняго времени и въ курганныхъ кладбищахъ Владимірской и сосѣднихъ губерній подобнаго рода фибулъ вовсе не встрѣчалось. мы должны неизбѣжно придти къ тому заключенію. что нахожденіе въ пріокскихъ могильникахъ крестообразныхъ и Т—образныхъ фибулъ указываютъ на IV—VI вѣка, какъ на вѣроятную дату первоначальнаго образованія этихъ могильниковъ.

На то же приблизительно время указываютъ и найденныя въ Борковскомъ могильникѣ бляшки отъ пояса (X, 1—4), которыя очень близко напоминаютъ пряжки и др. предметы, находимые въ могилахъ близь Мцхета (раск. Такайшвиля) и въ катакомбахъ могильника Тагаурскаго ущелья близь аула Чми въ Осетіи, гдѣ были найдены сходныя бляшки вмѣстѣ съ серебряной сассанидской монетой Хозроя I (середины VI в.).

Изъ случайныхъ находокъ Борковскаго могильника я уже указывалъ въ своемъ Виленскомъ докладѣ на бронзовыя прорѣзныя фибулы, напоминающія чудскія древности, находимыя въ костищахъ Пермской губерніи и относимыя къ V—VI в.

Интересны въ смыслѣ датированія могильниковъ тѣ большія бляхи съ крышкой, о которыхъ я упоминалъ ранѣе, указывая на рядъ видоизмѣненій этого типа украшеній. Нахожденіе ихъ въ древнѣйшихъ погребеніяхъ пріокскихъ могильниковъ, съ одной стороны, а также въ отдаленныхъ мѣстностяхъ средней Азіи (въ Алтайскихъ курганахъ) и полное отсутствіе этихъ бляхъ въ могильникахъ и курганныхъ кладбищахъ болѣе поздняго времени, съ другой стороны—указываютъ на болѣе или менѣе отдаленную древность этой формы бляхъ, въ особенности если принять

во вниманіе необходимость длиннаго промежутка времени для того, чтобы завершился весь рядъ видоизмѣненій отъ семи-лопастного типа пряжекъ къ тому послѣднему типу, который мы находимъ въ Лядинскомъ могильникѣ.

Шейныя гривны съ коробкой также относятся къ древнѣйшему и весьма характерному типу украшеній пріокскихъ могильниковъ. Относительно ихъ мы можемъ сказать почти тоже, что нами сказано о бляхахъ съ крышкой. Такихъ гривенъ не встрѣчается вовсе въ могильникахъ и курганахъ Владимірской и сосѣднихъ губерній, датированныхъ временемъ съ IX по XII в. Но весьма любопытно то, что такія гривны попадаются на каменныхъ бабахъ въ Западной Сибири. Такъ, мнѣ извѣстна каменная баба, которая находится на заимкѣ Щербакова, близь города Зайсана (Таб. XIV). Баба эта изображаетъ собою воина съ усами. На шеѣ у нея гривна съ коробкой, весьма напоминающая типичныя борковскія гривны. Въ правой рукѣ у нея сосудъ, въ лѣвой ножъ. Мечь, похожій по формѣ на борковскіе мечи, виситъ на поясѣ. Поясъ, украшенный бляшками и различными висячими привѣсками, также напоминаетъ пояса пріокскихъ могильниковъ. Замѣчу кстати, что въ принадлежностяхъ современной одежды самоѣдовъ имѣются сходныя черты какъ съ указанными атрибутами каменныхъ изваяній, такъ и съ древностями пріокскихъ могильниковъ, между прочимъ украшенія пояса, орнаментъ въ видѣ пришитыхъ пуговицъ и мѣдныя прорѣзныя бляхи, носимыя на груди самоѣдками.

Но особенное значеніе изъ типичныхъ древностей пріокскихъ могильниковъ я придаю желѣзнымъ топорамъ или, такъ называемымъ, кельтамъ съ продольнымъ отверстіемъ. Это боевое орудіе вмѣстѣ съ двумя типами копій (одно изъ нихъ называю дротикомъ) представляетъ собою характерную особенность мужскихъ погребеній пріокскихъ могильниковъ. Въ позднѣйшихъ могильникахъ, датированныхъ позднѣе VIII в., какъ пріокскаго района, такъ и сосѣднихъ мѣстностей, кельтовъ не находилось. Орудіе этого типа сближаетъ пріокскіе могильники съ древностями мѣднаго вѣка. Въ окрестности деревни Еловской въ 5 верстахъ отъ села Занедѣева, Красноярскаго округа, былъ найденъ наконечникъ изъ красной мѣди, представляющій большое сходство съ желѣзными кельтами пріокскихъ могильниковъ.

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ аналогій даетъ указаніе на то, что пріокская культура, въ особенности перваго періода (погребенія съ инвентаремъ простѣйшихъ типовъ) является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка, начало

котораго въ пріокскомъ районѣ можно отнести къ IV—V столѣтіямъ нашей эры *).

Къ этому времени и слѣдуетъ пріурочить первоначальное образованіе Борковскаго и др. ему родственныхъ могильниковъ. А. И. Черепнинъ съ нѣсколько излишнею осторожностью относитъ начало Борковскаго могильника къ концу VI вѣка, но А. А. Спицынъ допускаетъ такое предположеніе лишь относительно Кошибеевскаго могильника и городищъ дьякова типа, которыя онъ относитъ къ VI—VIII в., чтоже касается Борковскаго и Кузьминскаго могильниковъ, (а стало быть и Курманскаго) онъ датируетъ значительно болѣе позднимъ временемъ, относя ихъ къ VIII—X в. Мнѣніе это я считаю болѣе, чѣмъ неосновательнымъ и противорѣчащимъ его же собственнымъ соображеніямъ, относительно древнихъ финновъ, къ числу коихъ онъ относитъ и населеніе пріокскихъ могильниковъ. „Древнихъ финновъ, говоритъ онъ, обитавшихъ до VIII в., надо искать въ городищахъ (дьякова типа) и въ могильникахъ, которыхъ въ предѣлахъ Владимірской губерніи пока раскрыто мало".

Владимірскіе курганы датируются Спицынымъ VIII—XII в.. курганныя кладбища Московской губерніи VIII—X в. Въ тѣхъ и другихъ курганахъ имѣется очень мало вещей, которыя бы указывали на связь курганной культуры съ культурой пріокскихъ могильниковъ.

Въ составѣ могильнаго инвентаря владимірскихъ кургановъ есть нѣсколько предметовъ, аналогичныхъ съ вещами, найденными въ Максимовскомъ и частью въ Лядинскомъ могильникахъ, но эти могильники относятся несомнѣнно къ болѣе позднему времени, чѣмъ типичные пріокскіе. Максимовскій могильникъ Спицынъ датируетъ VIII—IX в., а Лядинскій X—XI ст. Борковскій же могильникъ, по заключенію Черепнина, на основаніи весьма вѣскихъ соображеній (образованіе на мѣстѣ бывшаго могильника поселка, который точно датируется арабскими монетами XI столѣтіемъ), не могъ быть позднѣе половины VIII столѣтія. Доказательствомъ этого служитъ и то обстоятельство, что во всѣхъ хорошо изслѣдованныхъ могильникахъ и курганахъ Европейской Россіи и датированныхъ временемъ начиная съ IX в. и позднѣе (Гнѣздовскій могильникъ IX—X в., литовскіе курганы X—XIII в., гдовскіе XI—XV в., петербургскіе XI—XII и другіе) – совершенно не имѣется ана-

*) Слѣдуетъ отмѣтить большую аналогію пріокскихъ древностей съ вещами, находимыми въ Хаинамъ-Хиллѣ, въ Сэлисбери, въ Англіи. (См. рис. на стр. 361 соч. Элизе Реклю „Человѣкъ и Земля").

логій съ пріокскими могильниками. Стало быть VIII вѣкъ слѣдуетъ считать предѣльнымъ временемъ для могильниковъ этого типа. Только сравнительно небольшое число предметовъ древней пріокской культуры переходитъ въ IX и отчасти X вѣкъ. Всѣ же типичные предметы могильнаго инвентаря къ тому времени исчезаютъ совершенно. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и полный переворотъ въ образѣ жизни и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, что отражается какъ въ характерѣ могильнаго инвентаря, такъ и въ способахъ погребенія.

И такъ, раздѣляя культуру пріокскихъ могильниковъ на двѣ эпохи, болѣе древнюю, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относить къ IV—VI в., болѣе же позднюю къ VII—VIII в. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ появляются признаки переходныхъ типовъ къ послѣдующимъ культурамъ, относящимся ко времени южно-русской колонизаціи въ пріокскомъ и верхне-волжскомъ районѣ.

Мнѣ остается теперь высказать свои соображенія о племенномъ составѣ того населенія, которымъ были оставлены пріокскіе могильники. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію покойнаго А. И. Черепнина, который говоритъ слѣдующее: „Въ настоящее время мы не можемъ точно опредѣлить народность всѣхъ племенъ, входившихъ въ составъ древняго мѣстнаго населенія: для этого у насъ не имѣется еще достаточнаго количества надежнаго матеріала. Историческія указанія на составъ населенія окской долины слишкомъ неопредѣленны и шатки, чтобы на основаніи ихъ установить подобное опредѣленіе. Антропологическій матеріалъ, собранный во время раскопокъ рязанско-окскихъ могильниковъ, настолько бѣденъ, что довольно рискованно строить на немъ положительные выводы по этому вопросу. По найденнымъ въ могилахъ остаткамъ костяковъ, мы можемъ составить понятіе лишь о наружныхъ признакахъ крупной части древняго населенія,—оно было средняго роста, коренастое, черноволосое, длинноголовое или среднеголовое. Эти несомнѣнныя данныя, въ связи съ особенностями похоронной обрядности, съ характеромъ собраннаго въ могилахъ инвентаря и болѣе поздними вещественными памятниками, добытыми изъ рязанскихъ курганныхъ могильниковъ и древнѣйшихъ кладовъ,—позволяютъ заключить, что большая половина древняго населенія рязанскаго края принадлежала къ одному изъ восточно-финскихъ племенъ. Въ періодъ образованія рязанско-окскихъ могильниковъ эта часть населенія, повидимому, не была уже господствующей въ долинѣ средней Оки,—населеніе финскаго происхожденія уже утратило свою самостоятельность и вынуждено было уступить главенство пришлому *воинствен-*

ному конному племени, которое въ періодъ образованія могильниковъ, какъ мы полагаемъ, составляло значительную и высшую часть мѣстнаго населенія, отличавшуюся по своему характеру отъ коренного населенія рязанскаго края. Пришлые завоеватели, по многимъ признакамъ, принадлежали къ степнымъ кочевникамъ тюрской народности".

Добавлю къ этому мнѣнію А. И. Черепнина, что основныя и наиболѣе типичныя черты культуры пріокскихъ могильниковъ первой эпохи ихъ образованія указываютъ на почти исключительное преобладаніе пришлаго тюркскаго племени, наложившаго, такъ сказать, рѣзкій отпечатокъ на составъ и характеръ оставленнаго въ могильникахъ культурнаго матеріала. Надо думать, что аборигены пріокскаго района въ ту эпоху стояли на чрезвычайно низкой степени развитія, почему и не оставили замѣтныхъ слѣдовъ своей примитивной культуры, за исключеніемъ многочисленныхъ каменныхъ орудій, гончарныхъ издѣлій и т. п. предметовъ доисторической эпохи.

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда воинственный характеръ пришлаго кочеваго племени, по мѣрѣ болѣе прочнаго осѣданія на мѣстѣ и сліянія съ мѣстнымъ населеніемъ, сталъ замѣняться болѣе спокойною дѣятельностью, возникла та культура, которая характеризуется могильнымъ инвентаремъ второй эпохи; въ ней мы замѣчаемъ отраженія болѣе мирнаго характера финской народности. Наконецъ, къ концу этой послѣдней эпохи появляются новыя вліянія со стороны русскихъ пришельцевъ, которые вносятъ свои особенности въ культурный матеріалъ мѣстнаго населенія: появляются погребенія смѣшаннаго характера и подготовляется совершенно новая курганная культура, въ которой съ теченіемъ времени исчезаютъ всѣ слѣды древнѣйшей пріокской культуры.

А. В. Селивановъ.

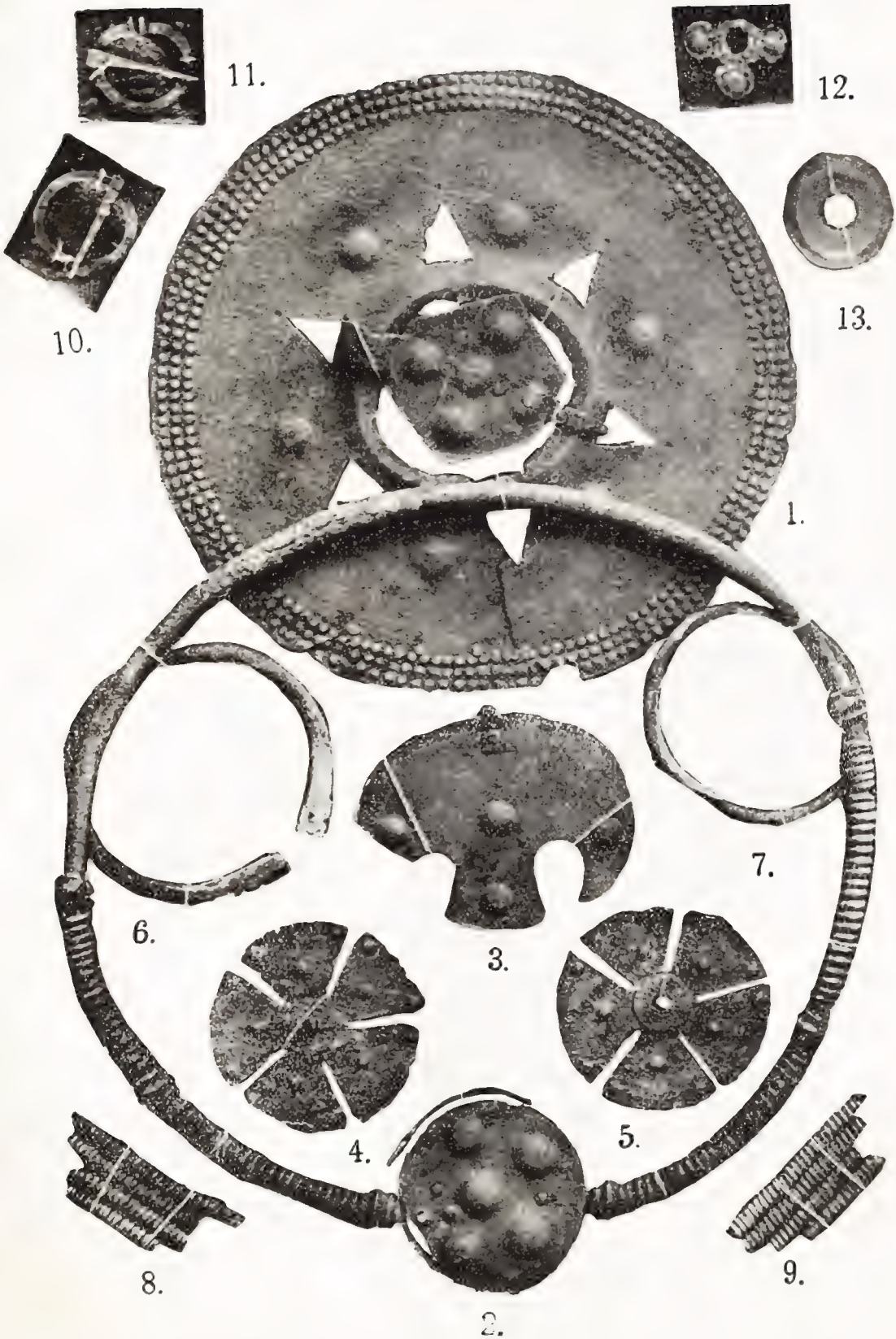


Табл. I. Изъ Борковскаго могильника.

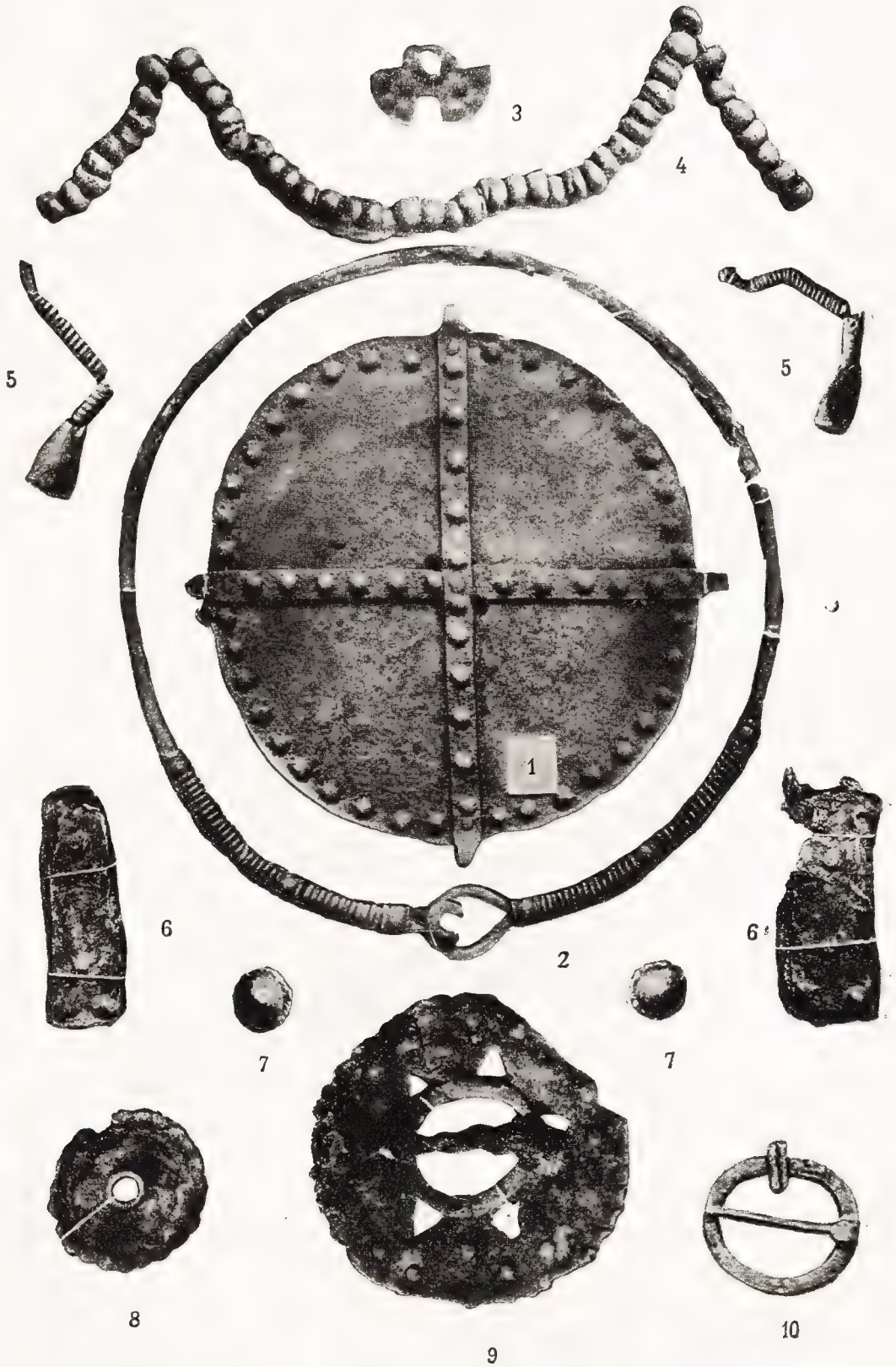


Табл. II. Изъ Борковскаго могильника.

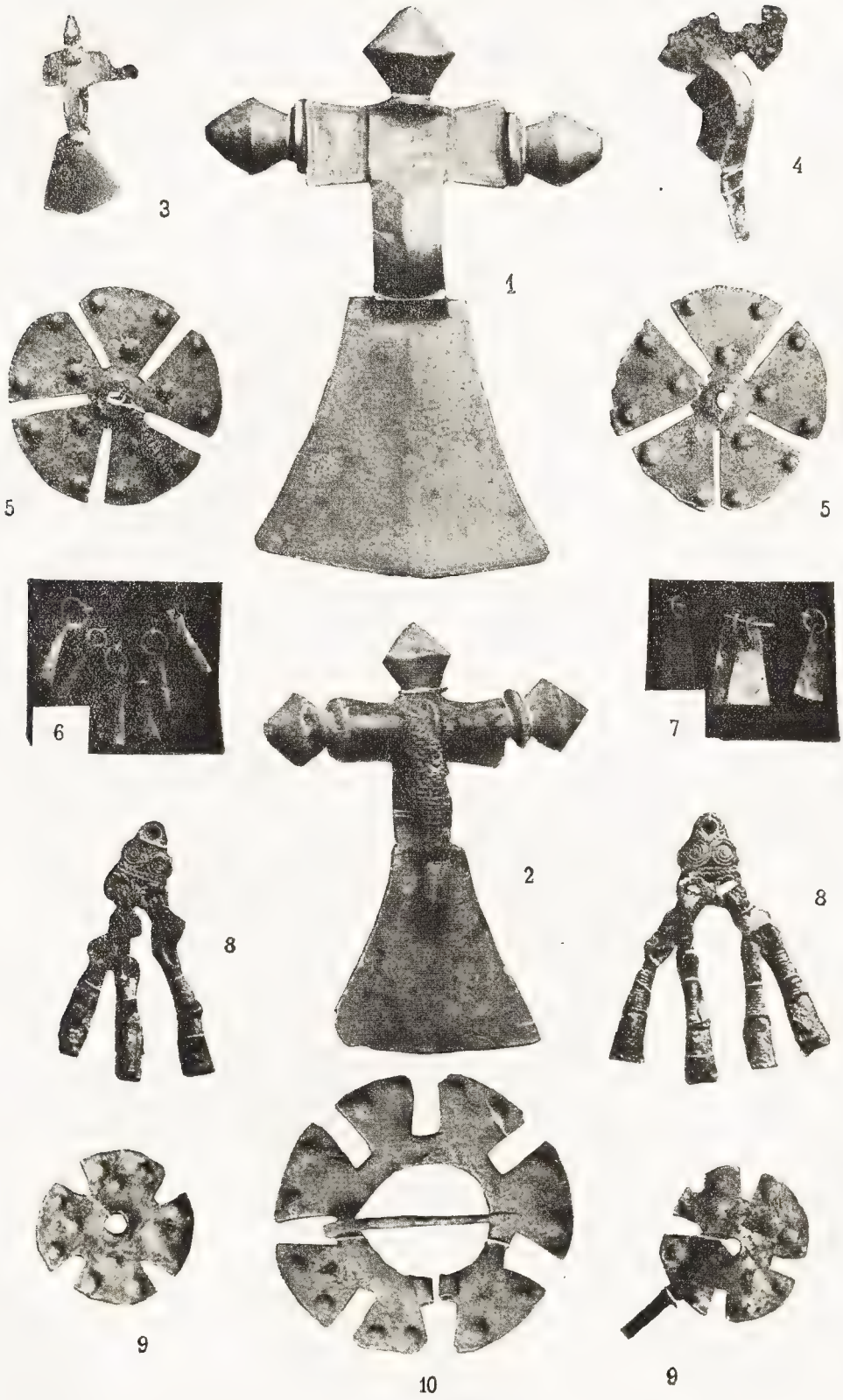


Табл. III. Изъ Борковскаго могильника.

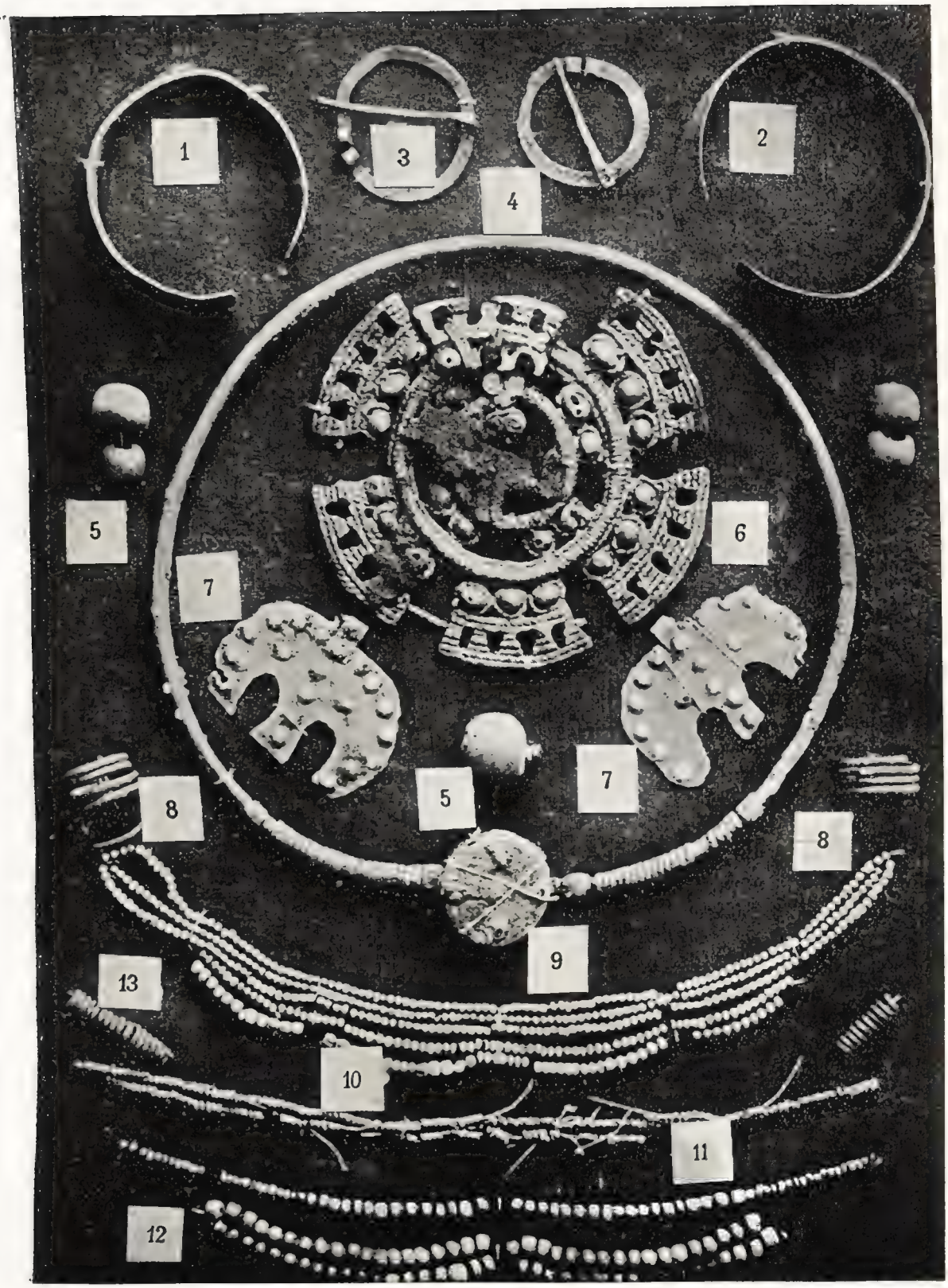
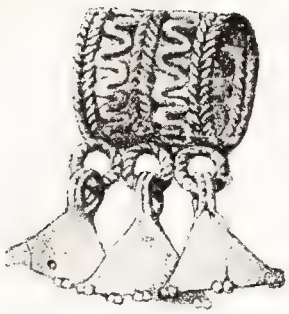


Табл. IV. Изъ Борковскаго могильника.

Табл. V. Изъ Борковскаго могильника.

Табл. VI. Изъ Борковскаго могильника.

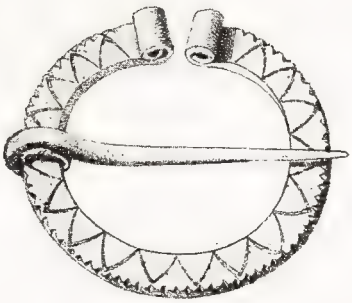


1

3

2

5



4

7

6

8

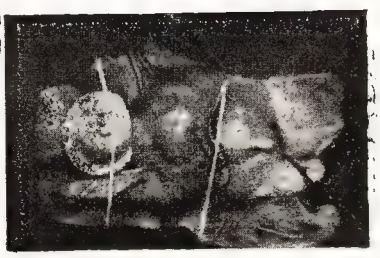


Табл. VII. 1—6 изъ Кузьминскаго могильника. 7—8 изъ Борковскаго могильника.

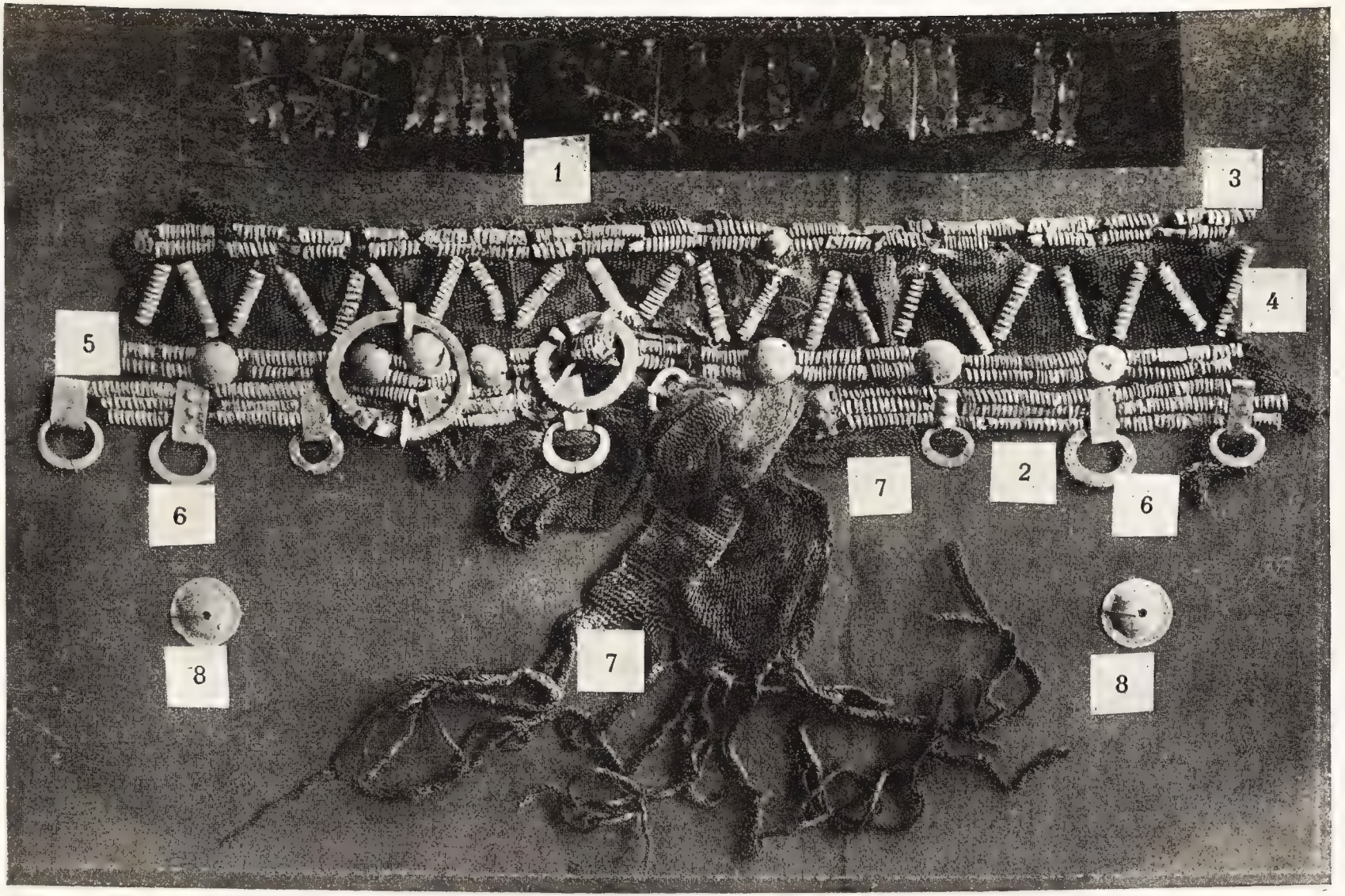


Табл. VIII. 1. Изъ Борковскаго могильника. 2—8. Изъ Кузьминскаго могильника.

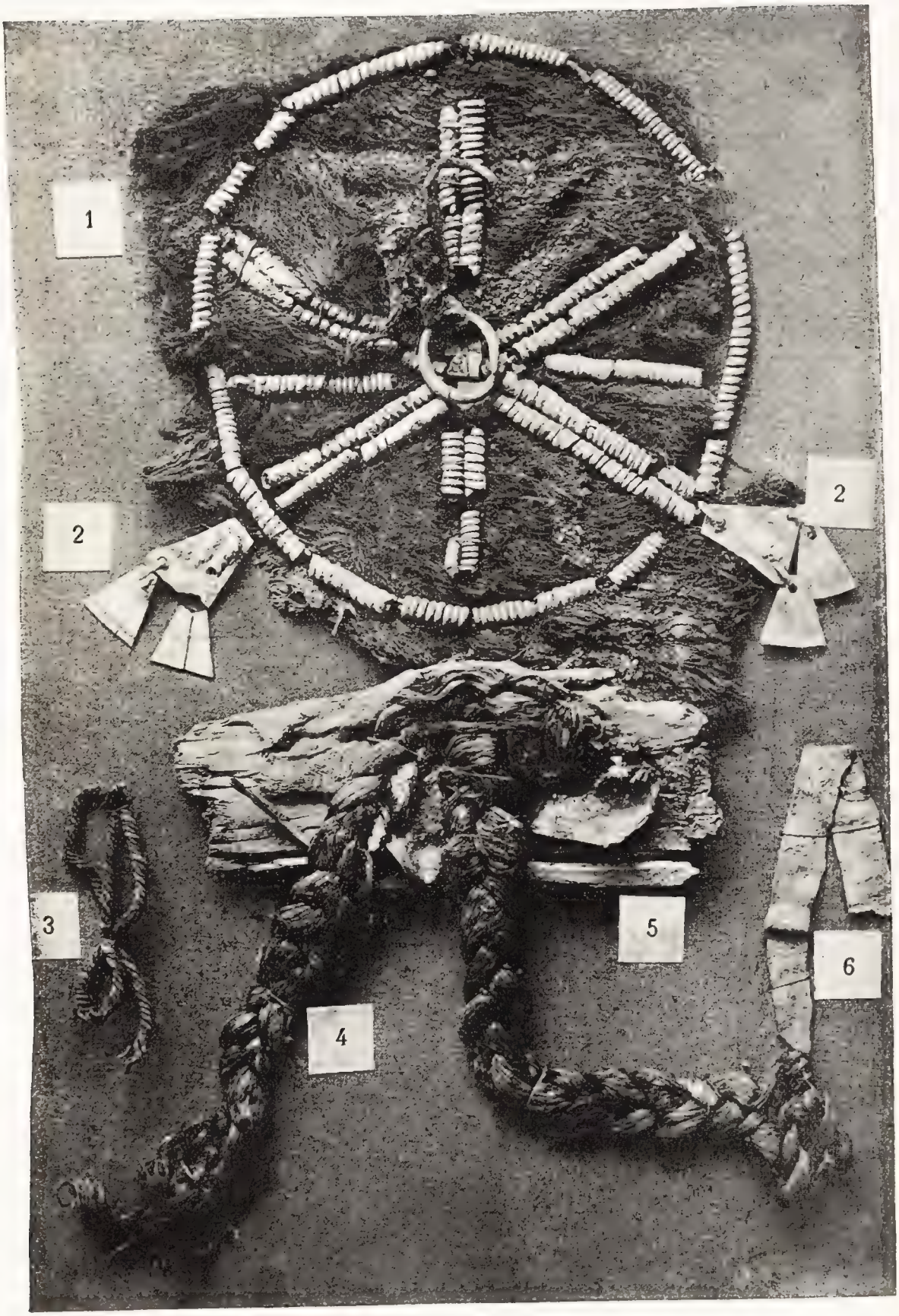


Табл. IX. Изъ Кузьминскаго могильника.

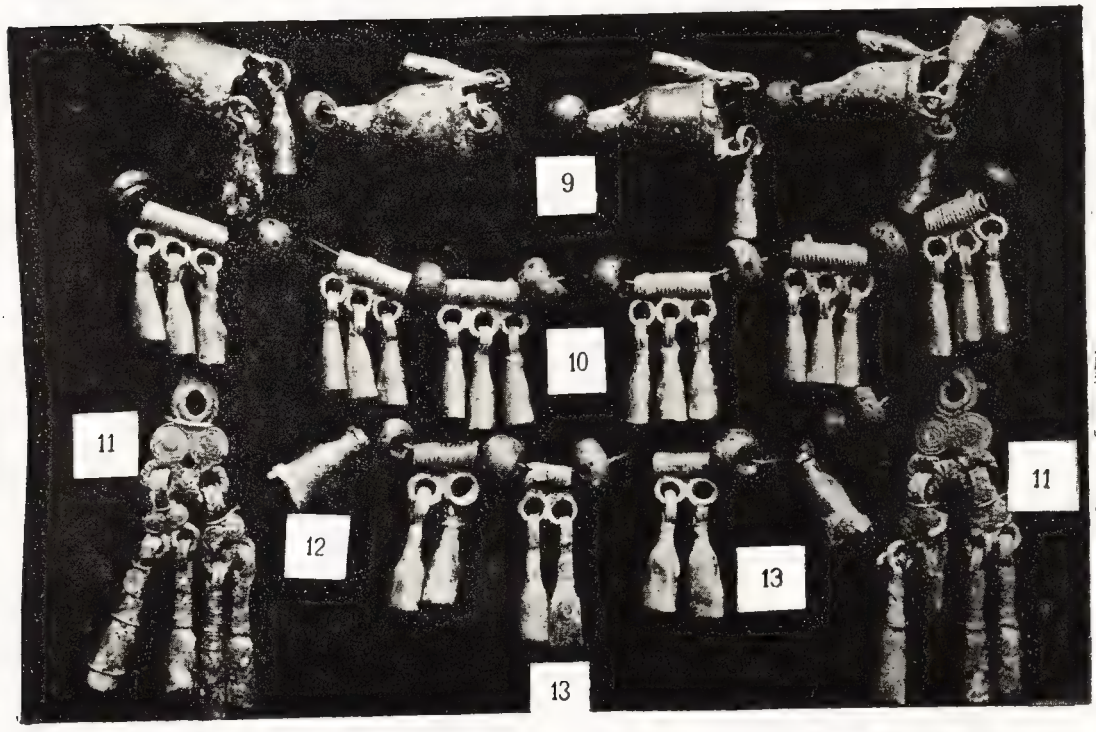


Табл. X. Изъ Борковскаго могильника.

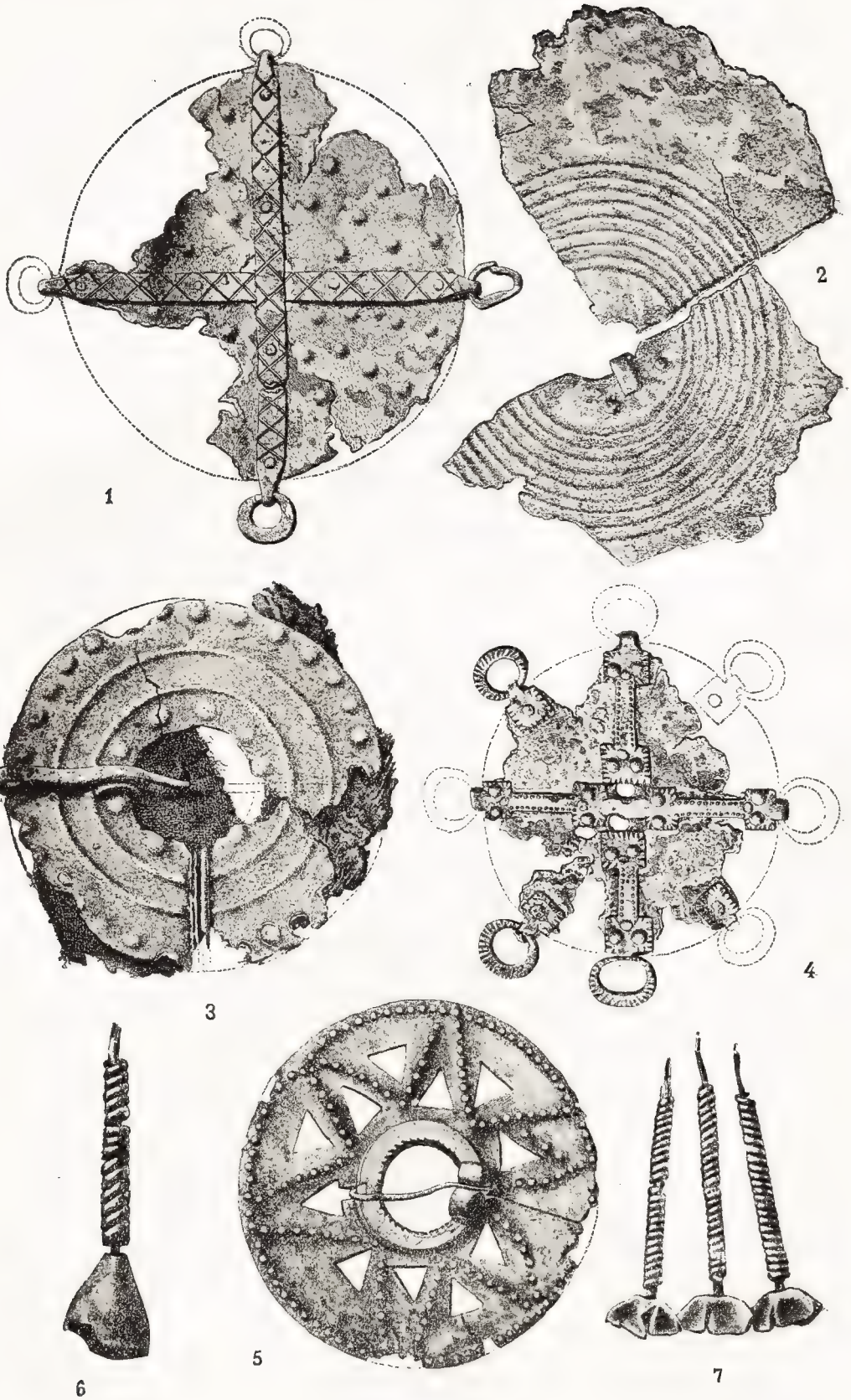


Табл. XI. Изъ Кошибеевскаго могильника.

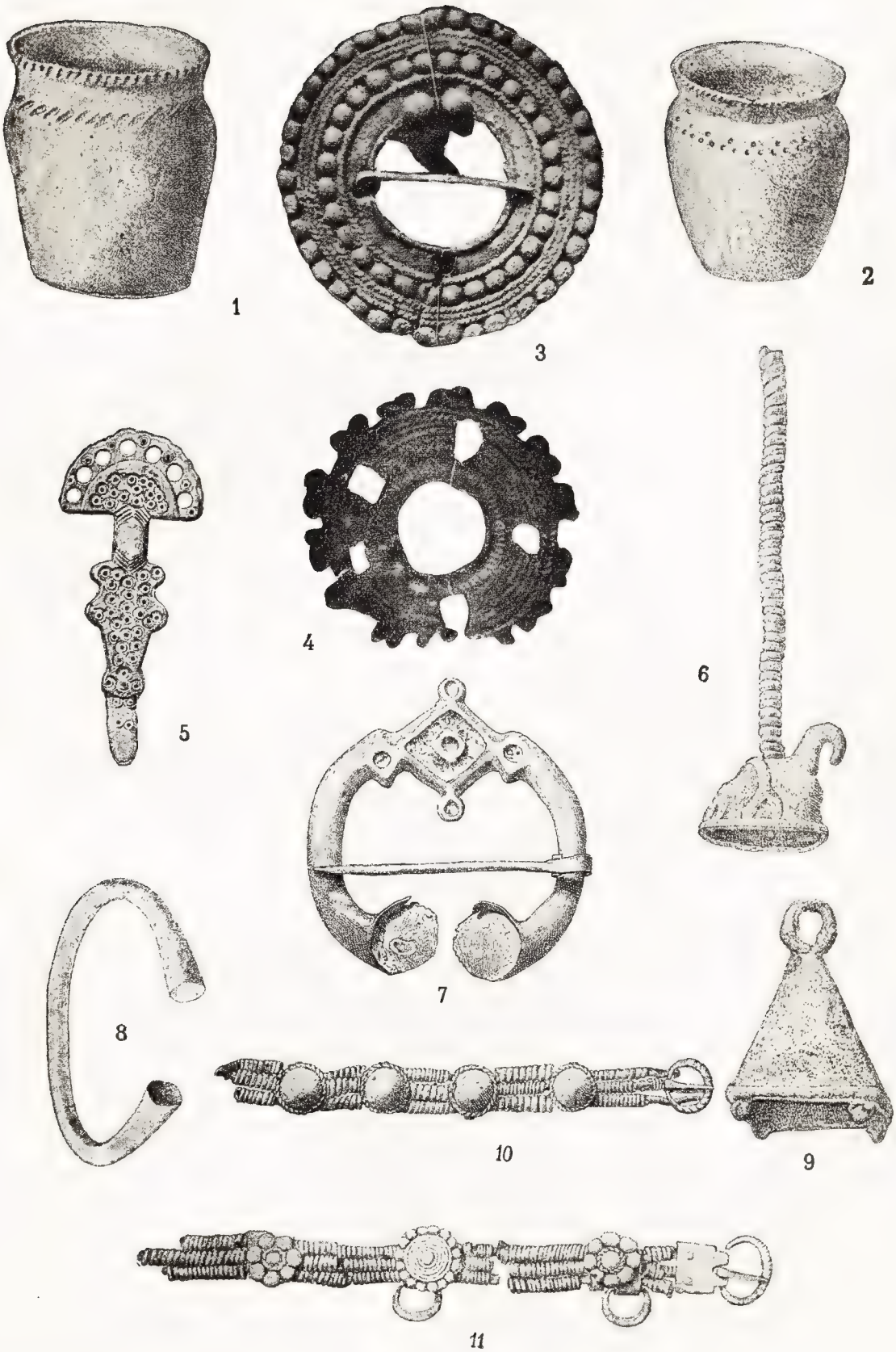


Табл. XII. 1, 2, 4, 5, 6, 8—изъ Борковскаго могильника. 3, 7, 10 и 11—изъ Кузьминскаго могильника. 9 – изъ Максимовскаго могильника.

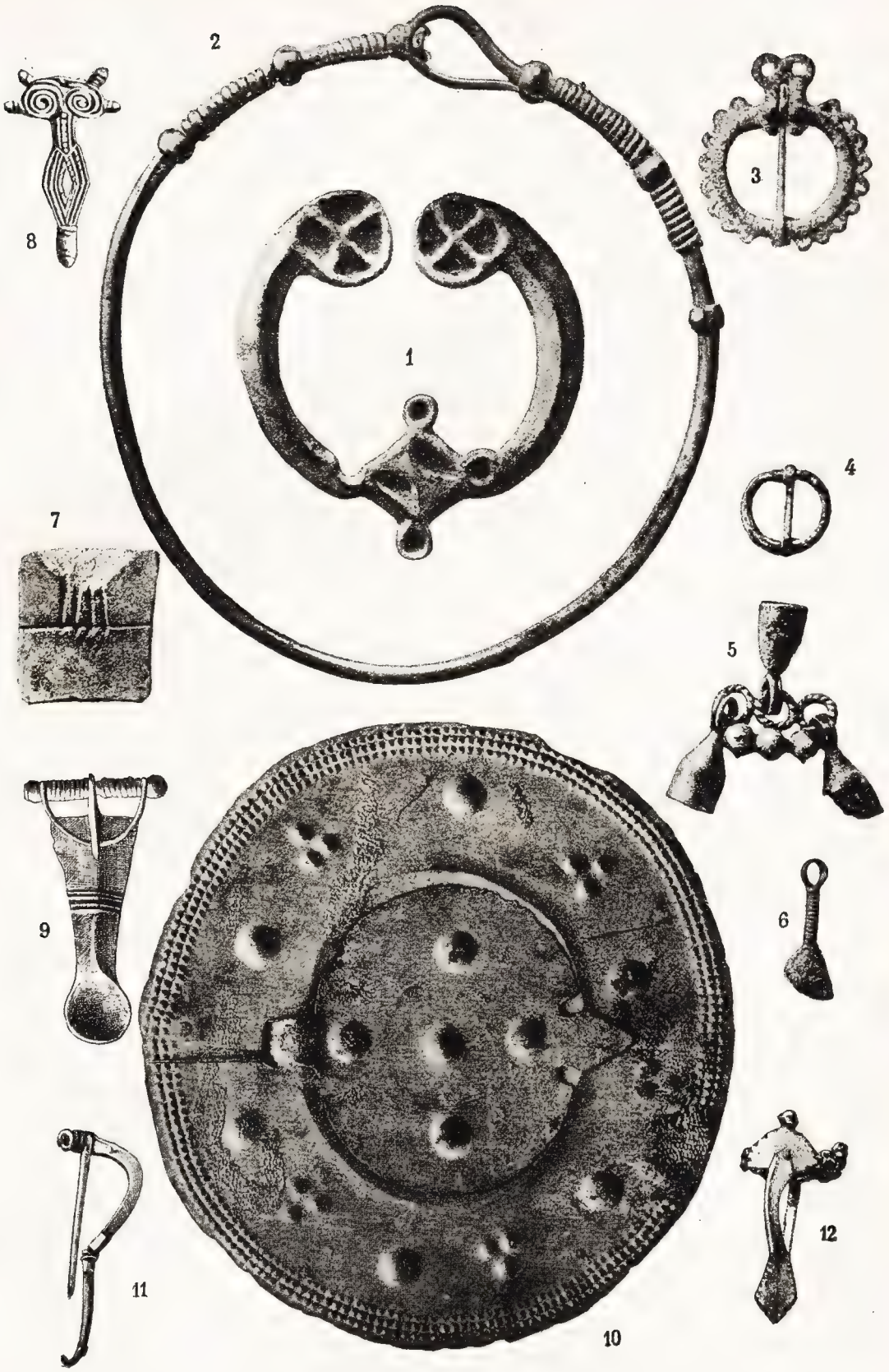


Табл. XIII. 1—7 изъ Дьякова городища. 8—изъ городища Малой Перекши. 9—изъ кургана Калужской губ. 11—12 изъ Кошибеевскаго могильника. 10—изъ Курманскаго могильника.

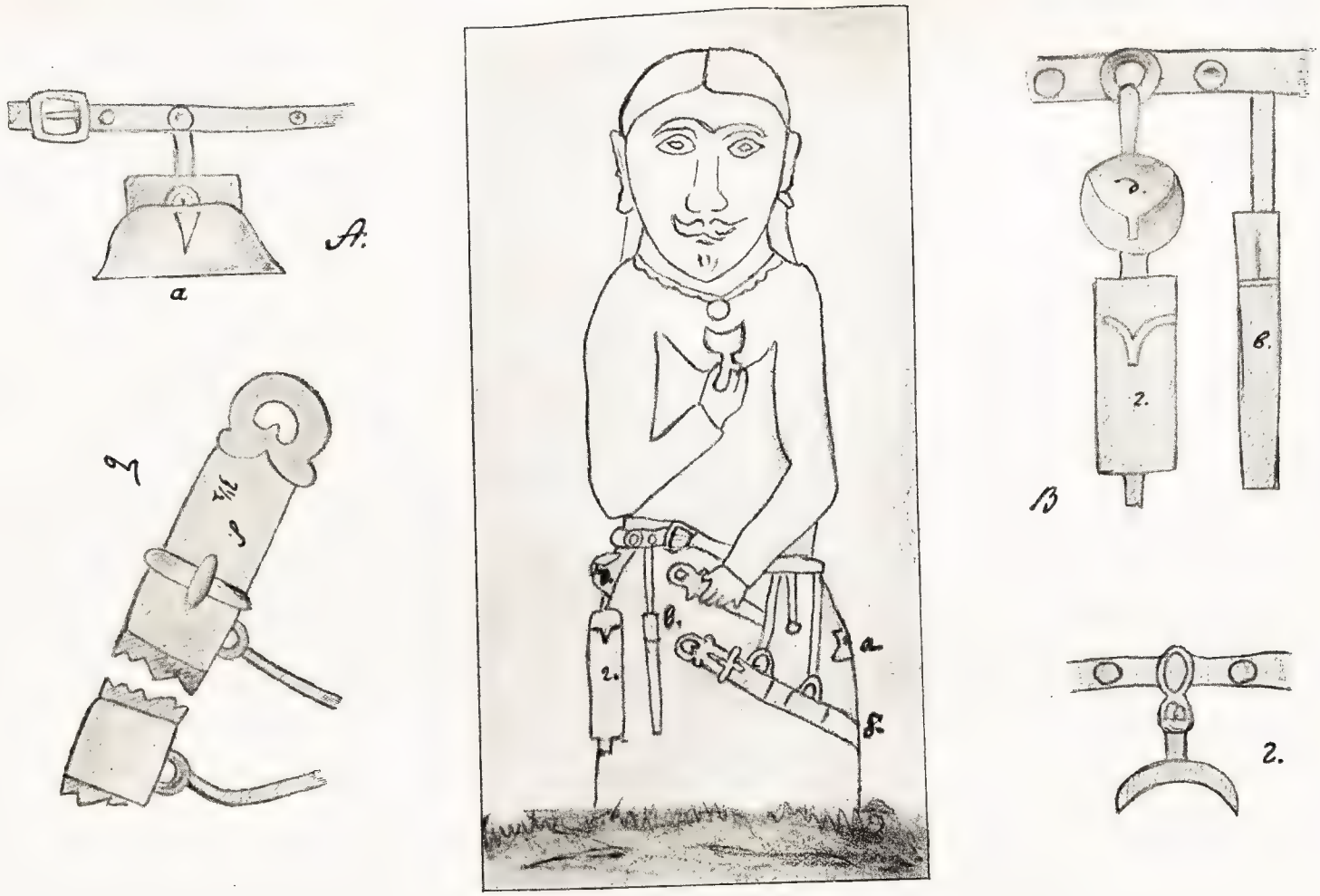


Табл. XIV. Каменная баба, находящ. на заимкѣ Щербакова, бл. г. Зайсана.

Кто насыпалъ Ярославскіе курганы.

Часть 2-я.

Мое изслѣдованіе „Кто насыпалъ ярославскіе курганы“ вызвало на II областномъ археологическомъ съѣздѣ въ Твери нѣсколько замѣчаній и возраженіе А. А. Спицина [1]). Вслѣдствіе большого объема моей работы и краткости времени, дававшагося докладчикамъ, я прочелъ на съѣздѣ изъ приготовленнаго доклада лишь нѣсколько страницъ, могшихъ, какъ мнѣ казалось, дать общее понятіе о сущности всего изслѣдованія. Однако вышло нѣсколько не такъ,— меня поняли не совсѣмъ правильно. Я поставилъ себѣ скромную задачу: попробовать освѣтить, на сколько возможно въ настоящее время, исторію возникновенія кургановъ въ Ярославской губерніи. Эта задача и положена въ основу всего моего разъисканія и постоянно имѣлась мною въ виду, но, понятно, рѣшая ее, я не могъ не касаться общихъ вопросовъ и иногда бывалъ вынужденъ уклоняться далеко въ сторону. Такіе-то общіе вопросы главнымъ образомъ и вызвали возраженіе, при томъ же совсѣмъ не въ томъ направленіи, въ которомъ я могъ ждать, и не на столько обоснованныя, на сколько оно было-бы желательно. Собственно говоря, возраженій по существу не было. Я спрашивалъ, почему и чѣмъ объяснить то, что сѣверно-русскіе славяне, жившіе въ Россіи по меньшей мѣрѣ съ IV вѣка по Р. Хр., до конца VIII вѣка не насыпали кургановъ, а съ этого времени начали насыпать ихъ вдругъ

---

[1]) Труды второго областного Тверского археологическаго съѣзда стр. xxxv. Кстати замѣчу, что здѣсь ошибочно сказано: „бронзовые мечи, топорки“.... я этого не говорилъ и не могъ сказать, нѣтъ этого и въ текстѣ моей работы. Затѣмъ тутъ же сказано (ниже), будьто-бы, А. А. Спицинъ въ опроверженіе моего опредѣленія старѣйшихъ ярославскихъ кургановъ осьмымъ вѣкомъ сослался на длинные курганы, какъ болѣе старые; я этого не помню и самъ Спицинъ въ печати опредѣляетъ ихъ VIII—IX в. (см. дальше). I часть моей работы напечатана въ Трудахъ Тверск. съѣзда стр. 87—248.

и, при томъ, не отдѣльными немногими разсѣянными насыпями, а большими—въ сотни насыпей правильными кладбищами? Затѣмъ я спрашивалъ: если курганы сѣверной половины собственно Россіи самостоятельное изобрѣтеніе русскихъ словянъ, то гдѣ переходныя формы отъ прежнихъ похоронныхъ сооруженій этихъ словянъ къ курганамъ, каковы были докурганныя похоронныя сооруженія ихъ и какъ примирить показаніе лѣтописи объ отсутствіи (первое время) кургановъ у русскихъ словянъ, незнаніе кургановъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи народной памятью и отсутствіе намековъ на нихъ въ пережиткахъ древнихъ обрядовъ съ мнѣніемъ чуть не о поголовномъ словянствѣ сѣверно-русскихъ кургановъ? Отвѣтовъ на эти вопросы я не получилъ, ибо даже то, что изъ говореннаго по поводу моего сообщенія можно было бы счесть за отвѣты, было въ сущности только произвольными предположеніями и личными домыслами, недостаточно или невѣрно обоснованными. О болѣе мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ имѣющихъ малое значеніе, говорить не буду, и остановлюсь лишь на возраженіяхъ А. А. Спицина Но прежде замѣчу, что для болѣе правильной постановки предмета моего изслѣдованія и устраненія взаимныхъ недоразумѣній и непроизводительныхъ препирательствъ считаю нужнымъ поставить вопросъ о похоронахъ и могилахъ (вообще и особенно у русскихъ славянъ) болѣе широко, чѣмъ сдѣлалъ это раньше.

Перехожу къ возраженіямъ Спицина.

Эти возраженія ни чего не выяснили, такъ какъ ни чего новаго, т.-е. такого, что не было-бы принято мною во вниманіе, они для положительной стороны дѣла не дали, а въ отвлеченно-гадательной отличались произвольностью. Вслѣдствіе этого я остаюсь при высказанныхъ мною взглядахъ, хотя, конечно, не считаю ихъ въ цѣломъ за чистую истину въ виду того, что основаны они во многомъ не на однихъ положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ. Очень сожалѣю, что не имѣлъ случая ознакомиться съ высказанными на съѣздѣ взглядами Спицина [1]) до сообщенія своего доклада въ засѣданіи съѣзда, такъ какъ книга [2]), въ кото-

---

[1]) Да не поставится мнѣ въ осужденіе, что я какъ въ данномъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ буду употреблять фамиліи упоминаемыхъ лицъ безъ прибавленія буквы „г.“ (господинъ)—остатка приторной вѣжливости грубой необразованности XVIII вѣка. При развитіи уваженія къ личности безсмысленно уснащать ее несуществующими титулами, если же нѣтъ такого уваженія, то всѣ эти расшаркиванія дѣлаются еще безсмысленнѣе. Впрочемъ, я не начинатель, а лишь продолжатель: было много до меня людей, которыхъ тяготила ненужная трата труда и времени на это „Г.“

[2]) Записки отдѣл. рус. и славян. археологіи Имп. рус. арх. общ., т. V, вып. I, стр. 196....

рой изложены эти взгляды, попала мнѣ въ руки лишь послѣ уже этого сообщенія. Будь иначе, я имѣлъ бы возможность оцѣнить убѣдительность проводимаго Спицинымъ по существу; въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было заявлено на съѣздѣ, т.-е. въ значительно отличномъ отъ изложенныхъ въ печати, признаюсь, сказанное Спицинымъ нѣсколько смутило меня неожиданностью, оказавшеюся теперь призрачною. Дѣло въ томъ, что указывалось на *четыреугольность*, (вѣрнѣе — четырегранность), нѣкоторыхъ, между прочимъ и ярославскихъ кургановъ, о каковыхъ мнѣ даже и слышать не случалось. Заподозрить въ этой „четырехугольности“ неточность выраженія не пришло въ голову, а напротивъ, явилась мысль, что самъ я не принялъ во вниманіе такихъ кургановъ, просмотрѣлъ ихъ какимъ нибудь образомъ, слѣдовательно, и къ выводамъ пришелъ неправильнымъ. Такое заключеніе, понятно, не могло не дѣйствовать удручающе. Оказалось же, что ни какихъ четырегранныхъ кургановъ въ дѣйствительности нѣтъ и не было, кромѣ христіанскихъ могилъ, имѣвшихся мною въ виду [1]), а есть такъ называемые долгіе *овальные* (вытянуто-овальные) курганы [2]), что далеко не одно и то же. Послѣдніе я зналъ и если могъ бы подозрѣвать, что разумѣлъ Спицинъ подъ „четыреугольными“ (?) курганами, то иначе отвѣтилъ бы на его возраженія; къ сожалѣнію это приходится сдѣлать только теперь.

Спицинъ въ названной книгѣ говоритъ [3]), что устройство, (точнѣе, строеніе) длинныхъ и круглыхъ кургановъ одно и то же, что длинные *ни когда не попадаются отдѣльно*, а всегда вмѣстѣ съ круглыми на однихъ и тѣхъ же кладбищахъ [4]), что нѣкоторые изъ нихъ представляютъ собою соединеніе круглыхъ съ длинными [5]), что въ тѣхъ и другихъ похоронный обрядъ—сожженіе, а черепки глиняныхъ сосудовъ схожи, какъ схожи и самые сосуды, и что, наконецъ, длинные курганы относятся къ X вѣку. Къ этимъ даннымъ слѣдуетъ присовокупить, сообщенное [6]) о длин-

[1]) Онѣ то главнымъ образомъ и возбуждали безпокойство: разъ были бы въ дѣйствительности четыресторонніе курганы, выродившіеся и переживающіе въ христіанскихъ четыресторонніхъ могилахъ, то являлась бы возможность допущенія самостоятельнаго возникновенія у славянъ кургановъ. Э. Э. Клоддъ (Первобыт. человѣкъ ст. 99) видитъ въ христіанскихъ могилахъ переживаніе древнихъ вало-видныхъ могилъ, но безъ достаточнаго основанія, какъ показано ниже.

[2]) Зап. отд. рус. и сл. арх. Имп. рус. арх общ. т. V, в. I, стр. 198 и 202.

[3]) Стр. 198. Въ Журналѣ мин. нар. пр. (1899 г., VIII, стр. 311) Спицинъ самъ сравниваетъ ихъ съ валами.

[4]) Стало быть являются исключительнымъ, особымъ, а не общимъ явленіемъ, отчего и не могутъ уже служить для обобщеній.

[5]) Два круглыхъ соединены перемычкой—длиннымъ, отъ круглаго длинный идетъ отрогомъ и пр.

[6]) На II областномъ историко-археологическ. съѣздѣ въ Твери. (Труды II обл. Твер. арх. съѣзда, ст. XXXIV, 259.

ныхъ курганахъ В. И. Колосовымъ. А именно то, какъ показали изслѣдованія Колосова тверскихъ долгихъ кургановъ, послѣдніе образовались путемъ послѣдовательныхъ присыпокъ новыхъ насыпей къ основному *круглому* [1]) кургану, при чемъ присыпки велись въ одномъ направленіи, что и давало въ концѣ концовъ долгій курганъ. Добавлю еще, что, кажется, можно считать за вѣрное, что долгіе курганы, достигающіе длины отъ 5—60 саж. [2]), являются родовыми, (а можетъ быть, и общественными) могилами, такъ какъ едва-ли родственники (или однообщественники) похороненнаго въ основномъ курганѣ разрѣшили бы дѣлать присыпки къ этому кургану постороннимъ людямъ. Какъ на мѣстность, близъ которой находится одинъ изъ такихъ долгихъ кургановъ въ Ярославской губерніи, Спицинъ указываетъ на село Заячій холмъ, получившее свое названіе отъ урочища, на которомъ оно расположено, и сообщаетъ, что по доставленнымъ ему свѣдѣніямъ, кромѣ указанной, извѣстны еще четыре мѣстности съ длинными курганами [3]). Эти мѣстности не составляютъ тайны и были извѣстны изслѣдователямъ (ярославцамъ) уже давно [4]), (всѣ они, „холмы“: Творинскій, Огаревъ, Лаврентьевскій и Благовѣщенскій, и всѣ находятся въ Ярославскомъ уѣздѣ), но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство этихъ холмовъ вызвало и сомнѣніе,—есть-ли въ нихъ что нибудь искусственное, или они цѣликомъ естественныя возвышенія [5]). Обслѣдованіе холмовъ рѣшитъ вопросъ, на которыхъ изъ нихъ есть курганы и какіе, и на которыхъ ихъ нѣтъ. Но окажутся длинные курганы въ Ярославской губерніи или не окажутся, для рѣшенія поставленнаго мной вопроса это обстоятельство не имѣетъ значенія. И вотъ почему. Долгіе курганы Спицинъ дѣлитъ на удлиненные и длинные и думаетъ, что одни отъ другихъ слѣдуетъ строго отличать [6]). Но, говоря

---

[1]) Уже одно это исключаетъ возможность „четырехугольности“.

[2]) Запис. отд. рус. и слав. арх., стр. 198. Труды II обл. тверск. арх. съѣзда, стр. 1.

[3]) Тамъ же, стр. 201.

[4]) О нихъ говорится н. пр. м. въ циркулярѣ ярославскаго губернатора исправникамъ отъ 20 ноября 1857 года, также въ Трудахъ Яросл. статист. комитета, вып. V. Кромѣ перечисляемыхъ выше, отмѣчаю еще Николо-бойскій, Чудиновъ и Афиминъ (Афинеевъ) холмъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ холмахъ расположены селенья и бывали находки каменныхъ орудій. Болѣе надежнымъ относительно курганности является Огаревъ холмъ, на которомъ длинное возвышеніе отмѣчено на 2-верстной картѣ генеральнаго штаба.

[5]) На Заячьемъ холмѣ обнаружена подъ вершиннымъ возвышеніемъ зола, но этотъ признакъ не всегда служитъ доказательствомъ искусственности. На мои разспросы сообщившаго Спицину о ярославскихъ долгихъ курганахъ онъ обрисовалъ ихъ форму образнымъ сравненіемъ—„въ видѣ пирога“.

[6]) Запис. стр. 196.

такъ, онъ тутъ же (стр. 198) заявляетъ, что „отъ удлиненныхъ кургановъ происходятъ длинные", т.-е. что послѣдніе составляютъ дальнѣйшую ступень развитія первыхъ. Такая преемственность возможна сама по себѣ, но столько же возможна и одновременность существованія обоихъ видовъ кургановъ, которую почти и устанавливаетъ Спицинъ, относя удлиненные къ концу IX в., а длинные къ X в.[1]), и за которую говорятъ также изслѣдованія Колосова, отвергшія упомянутую преемственность и установившія развитіе долгихъ кургановъ изъ полушарныхъ. Но и это для Ярославской губерніи не важно и не въ этомъ дѣло. Оно въ томъ, что въ опроверженіе моего мнѣнія о заимствованіи словянами извѣстной мѣстности Россіи кургановъ у норманновъ Спицинъ выставилъ нахожденіе у славянъ длинныхъ кургановъ, которые онъ выдавалъ за самобытное словянское явленіе, за воспроизведеніе въ землѣ домовищъ или голбцевъ, которые онъ непонятнымъ образомъ связывалъ съ избушкой на куриныхъ ножкахъ бабы-яги русскихъ сказокъ. Замысловатое построеніе. Но пока Богъ и съ нимъ: есть болѣе существенное, а именно. Я говорилъ о *полушарныхъ* курганахъ *VIII—IX в.*, а Спицинъ, въ объясненіе мнѣ ихняго происхожденія, выставилъ длинные курганы[2]), которые самъ же относитъ къ X в. и которые, какъ показалъ Колосовъ, *развились изъ полушарныхъ*; другими словами,—Спицинъ произвелъ отца отъ сына[3]) и вмѣсто того, что-бъ показать дѣда, показалъ внука, принявъ и выдавая его за дѣда.

Этимъ я могъ бы ограничить свой отвѣтъ Спицину, если искалъ бы только удовлетворенія самолюбія, но я ищу знанія и потому попробую разобраться и въ другихъ взглядахъ, высказанныхъ Спицинымъ.

Говоря объ удлиненныхъ курганахъ, Спицинъ замѣчаетъ[4]): „происхожденіе ихъ не ясно и не извѣстно,—свой это обрядъ погребенія у кривичей, или же онъ откуда нибудь ими заимствованъ.... Если считать возможнымъ самостоятельное появленіе у кривичей обряда погребенія въ удлиненныхъ курганахъ, то мы позволили бы себѣ высказать предположеніе, что курганы этого типа ближе всего напоминаютъ общій видъ жилища; въ пользу такого предположенія особенно говоритъ *основаніе* (?) этихъ кургановъ,—

---

[1]) Тамъ же, стр. 198. Какимъ образомъ достигается такая точность датировки на основаніи вещей, когда она, часто, затруднительна даже на основаніи письменности, не могу сказать.

[2]) Для Ярославской губерніи онъ указываетъ только такіе, а неудлиненные.

[3]) При томъ же уродливаго: длинные курганы явленіе не общее, а частное.

[4]) Тамъ же, стр. 202.

четыреугольной формы, и видъ боковыхъ сторонъ, имѣющихъ *иногда* форму скатовъ. Если принять, что отмѣченный у Нестора, древнѣйшій русскій обрядъ погребенія, (точнѣе, похоронъ) „на столбѣхъ на путѣхъ“ есть ни что иное, какъ погребеніе въ небольшихъ домикахъ или домовищахъ, поставленныхъ на сваяхъ [1]), (не отсюда-ли избушка на курьихъ ножкахъ, безъ оконъ, въ которой живетъ Баба-яга—*костяная нога, бросающая въ огонь* людей, ихъ пожирательница?), то переходъ отъ такого деревяннаго домовища къ подражанію ему изъ земли былъ бы не очень далекъ. Болѣе поздніе курганы дреговичскіе (xi—xii в.) прямо заключаютъ внутри деревянные склепы въ видѣ дома съ крышею“.

Въ печати, какъ видно изъ этой выдержки, Спицинъ высказалъ свои домыслы сдержанно, съ оговорками, на съѣздѣ же они были заявлены такъ, какъ будто бы представляли нѣчто непреложное и всѣми принятое и даже и съ поучительностью [2]). Посмотримъ, имѣлось ли для этого достаточное основаніе.

Прежде всего, какъ отчасти уже замѣчено, основаніе „удлиненныхъ“ кургановъ въ планѣ вовсе не четыреугольное, а тѣмъ болѣе не „прямоугольно“ [3]), а, или вполнѣ овальное, или почти вполнѣ овальное [4]). Затѣмъ, таково только основаніе, самъ же курганъ болѣе или менѣе округленъ и только *иногда* (т.-е. какъ исключеніе) бока его обдѣланы скатами, что, по мнѣнію Спицина, и придаетъ такимъ курганамъ видъ жилища, т.-е. ужъ самое большее, и то при напряженіи воображенія, развѣ только длиннаго шалаша [5]), но ни какъ не дома съ двускатной крышей. Большинство же этихъ кургановъ представляется въ видѣ валовъ, иногда, съ сохранившимися гранями [6]). Но что-же слѣдуетъ изъ подобнаго отдаленнаго сходства (т.-е. съ шалашомъ)?

---

[1]) Не у одного почти народа, употребляющаго такіе „домики“, они не ставятся у дорогъ, а обыкновенно въ дали отъ нихъ и отъ жилья, въ глухихъ мѣстахъ, въ лѣсахъ, въ горахъ и т. п.; исключеніе составляютъ лишь римляне, строившіе свои гробницы по бокамъ дороги на выѣздѣ изъ городовъ. Но римляне не могутъ приниматься во вниманіе, какъ народъ образованный; русскіе съ принятіемъ христіанства тоже начали хоронить около церквей. Могилы древнихъ римлянъ находились не у городовъ и дорогъ. Первыя двѣ курсивныя отмѣтки въ текстѣ мои.

[2]) „Вотъ откуда идутъ словянскіе курганы“ или что-то въ этомъ родѣ.

[3]) Тамъ же, стр. 196.

[4]) Овально—четырестороннее, но ни какъ не четыреугольное, ибо угловъ совсѣмъ нѣтъ: они закруглены, какъ и короткія боковыя стороны. (См. въ указанной книгѣ рис. 315, 317 и 319 на стр. 199).

[5]) Шалашъ переживаетъ въ жилищѣ въ видѣ двускатной кровли.

[6]) Указатель памятниковъ Имп. россійск. истор. музея, стр. 118.

И облака нерѣдко напоминаютъ развалины замковъ и городовъ; однако за подобныя развалины ихъ нынѣ даже дѣти не принимаютъ. Правда, существуетъ и поддерживается мнѣніе, по которому курганы являются подражаніемъ жилищамъ; и, пожалуй, можно допустить [1]), что *первые* курганы возникли такимъ путемъ, ибо нѣкоторые изъ кургановъ своею формою напоминаютъ, до извѣстной степени, или киргизскія кибитки, юрты, лопарскіе вежи (зимнія), особенно же эскимосскія снѣговыя хижины и древнія ульевидныя жилища, или коническіе, общераспространенные шатры—чумы. Однако, форма кургана, особенно коническаго, есть естественная форма всякой искусственно набросанной кучи земли или камня, а затѣмъ,—указанное подобіе ни какъ не значитъ, что каждый курганъ, или что курганы у каждаго народа возникли именно путемъ возсозданія жилищныхъ формъ изъ земли. Напротивъ, у большинства они явились, несомнѣнно, путемъ заимствованія, т.-е. готовыми, въ томъ числѣ и у славянъ. Словяне жили въ Европѣ еще до Р., а въ Россіи, что положительно, въ первыхъ вѣкахъ послѣ Р. [2]), все это время они умирали и хоронили мертвыхъ, но кургановъ не насыпали, такъ какъ они у нихъ появляются лишь съ IX в. [3]), т.-е. съ того времени, въ которое словяне состояли уже въ сношеніяхъ съ многими народами и видѣли у нихъ и знали курганы. У кривичей, которые были и въ Ярославской губерніи, курганы, по Спицину, явились подражаніемъ, сколкомъ съ домовищъ на сваяхъ [4]). Но кто видѣлъ такія домовища у древнихъ русскихъ словянъ, гдѣ и кѣмъ они отмѣчены? Затѣмъ—неужели же словянамъ, видѣвшимъ курганы у сосѣдей и, конечно, знавшимъ ихъ названіе и назначеніе, до IX в. не пришло въ голову замѣнить домовища насыпями, и почему именно только въ IX в., (т.-е. когда на Руси появляются норманы), эта счастливая

---

[1]) Хотя и съ оговоркой, такъ какъ вопросъ о могильныхъ формахъ совсѣмъ еще не разработанъ и требуетъ пересмотра. Что касается кургановъ, то всего вѣрнѣе, что они произошли естественнымъ путемъ изъ тѣхъ кучекъ земли или камня, которыми забрасывали трупы, чрезъ постепенное увеличеніе размѣровъ такихъ кучекъ.

[2]) Звуковыя изслѣдованія А. И. Соболевскаго (О названіи оз. Селигеръ) показываютъ, что славяне жили близъ оз. Селигера (знали его) еще тогда, когда языкъ ихъ не распался на нарѣчія. (Труды II обл. Тверск. арх. съѣзда, отд. II, стр. 1).

[3]) По Спицину: „удлиненные курганы являются древнѣйшими, доселѣ извѣстными памятниками кривичской старины". (Запис. отд. рус. и сл. арх. стр. 202).

[4]) Спицинъ видитъ его прототипъ въ жилищахъ даковъ на Траяновой коллонѣ, забывая, что даки не словяне и что словянскія жилища описаны римлянами, греками и арабами вовсе не свайными; арабы, н. пр. м., изображаютъ ихъ землянками. Вообще же о жилищахъ русскихъ словянъ болѣе ранняго времени извѣстно чрезвычайно мало.

мысль осѣнила ихъ? Дальше. Домовище нужно для трупа, для „покойника“, но не для пепла, который и безъ того складывали въ сосудъ, т.-е. убирали, хоронили. Разъ додумались посредственно или непосредственно до сожженія, до быстраго уничтоженія плоти огнемъ вмѣсто вѣковаго тлѣнія ея и червоточины, (какъ говорили русы арабу), разъ сознали ничтожность мертвой плоти и признали безсмертной душу „паръ“—тѣнь, на службу которой посвѣщались тѣни же или духи животныхъ и вещей, сжигаемыхъ вмѣстѣ съ трупомъ, то на это было нужно домовище? Служить душѣ жилищемъ? Тогда его нужно было-бы тоже жечь. Но его не жгли, русы жгли лотку и шатеръ на ней; та и другой требовались душѣ на томъ свѣтѣ.

Спицинъ, отвергая ясное и прямое указаніе лѣтописи о томъ, что русскіе словяне,—которые жгли своихъ мертвыхъ,—ставили сосудъ съ прахомъ на столбѣ [1]), хочетъ увѣрить, что сосудъ этотъ ставился въ домовищѣ, построенномъ на столбахъ [2]). Основаніями къ этому онъ выставлялъ на съѣздѣ, какъ уже сказано, изображенія дакійскихъ жилищъ и знаменитую избушку на курьихъ ножкахъ бабы-яги русскихъ сказокъ. Ягая представляется ему особенно заслуживающею вниманія; онъ говоритъ о ней и въ печати [3]), подчеркивая [4]), что у ягой костяная нога и что она бросаетъ людей въ огонь, т. е. какъ будто-бъ, является чѣмъ-то въ родѣ олицетворенія смерти, или богини смерти. На дѣлѣ этого нѣтъ, такъ какъ ягая является изображеніемъ только злости (противоположности доброты), и даже, болѣе того, только злющей, лютѣйшей женщины, высшимъ выраженіемъ такого образа, какъ видно это изъ самаго названія—„баба“ и изъ описанія ягой. Русское народное ягой—злой, сварливый, „грызливый“; санскр. aghа—злой, дурной, плохой. aghâjáti—грозить, угрожать, т.-е. обѣщать причинить зло, ahi—змѣй; зендс. aghа—злой, дурной; областное оренбургское ягà—шуба шерстью вверхъ, ерчакъ [5]). Яга, ега—баба; поль. jędza, jądza, jęgźi—baba; словац. jenźi, jenzi, jeźi—baba; чеш.-jezinka; галиц.—язя [6]). До сихъ поръ называютъ ягой старыхъ, сварливыхъ и злыхъ женщинъ [7]).

---

[1]) Что вятичи, по словамъ Нестора, дѣлали еще въ его время, т.-е. что Несторъ передаетъ не какъ преданіе, а какъ дѣйствительное явленіе. На съѣздѣ Спицинъ назвалъ это сообщеніе Нестора нелѣпостью, конечно, лишь потому, что не умѣлъ его понять и уяснить.

[2]) Какъ будто-бъ Несторъ не могъ отличить одного отъ другого, или какъ будто-бъ въ его глазахъ столбъ и голбецъ были одно и то же!

[3]) Тамъ же, стр. 202.

[4]) Въ текстѣ курсивомъ.

[5]) Словари: Этимол. рус. яз. Горяева, Опытъ обл. вел.-рус., Даля—Толков.; академическій.

[6]) Поэтическ. возрѣнія словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. 3, стр. 588. Замѣна въ словѣ яга звука *г* звукомъ *з*. Указываетъ на время возникновенія этого слова въ пору общесловянства.

[7]) По народному образному выраженію „грызущихъ“ окружаю-

Относительно сказокъ необходимо прежде всего замѣтить, что ни одна изъ нихъ не посвящена исключительно бабѣ ягой и во всѣхъ сказкахъ, въ которыхъ она выводится, не исключая и озаглавленныхъ ея именемъ, ягая занимаетъ второстепенное служебное положеніе [1]), а не является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ пѣсняхъ, кромѣ немногихъ обрядовыхъ, и былинахъ, на сколько могу припомнить, она совсѣмъ не упоминается. Сказанное ясно говоритъ о томъ, что ягой не придавалось особаго значенія. Но этого не могло бы быть, если она являлась-бы представительницей смерти въ томъ образѣ, въ какомъ рисовалась смерть словянскому воображенію позже и рисуется еще до сихъ поръ [2]). Въ этомъ образѣ (разумѣемомъ и Спицинымъ), смерть, кажется, довольно долго не представлялась словянину и онъ долго не могъ понять ея настоящаго значенія, почему она ему и не представлялась страшною. По крайней мѣрѣ мертвеца онъ назвалъ не какъ нибудь иначе, а лишь покойнымъ и уснувшимъ (покойникъ, усопшій); и по его же повѣрью—встрѣтить покойника (гробъ)—къ счастью, удачѣ. За то же говоритъ еще то, что въ болѣе древнемъ народномъ творчествѣ вовсе не встрѣчается опредѣленнаго, законченнаго образа или олицетворенія смерти; она выступаетъ дѣйствующимъ лицомъ лишь позже, да и то едва-ли не подъ иноземнымъ вліяніемъ [3]). Герои сказокъ, былинъ и

щихъ. Эта „грызливость“ и послужила, несомнѣнно, основаніемъ къ изображенію ягой съ острыми и даже желѣзными зубами

[1]) См. н. пр. м. Народн. руск. сказки. А. Н. Афанасьевъ, №№ 50, 57, 58-a, b; 59, 60, 61-a, b; 62-a, b, c, d; 63, 64, 65, 71, 76, 77, 81-a, b; 92, 93-b, 94, 96; 104-a, b, c, d, e, f, h; 116-a, b; 117, 118, 122-a, b; 125-a, f, g; 128a, 129-a, b; 146, c; 148, 149, 150-a, b, c; 152b, 158, 160, 175, 181.

[2]) И какой имѣетъ въ виду Спицинъ. У западныхъ славянъ богиня смерти звалась Морана или Марана. Въ началѣ весны чучело ея носили по деревнямъ съ посмертными обрядами и, послѣ отправленія ихъ, бросали въ болото или рѣку. Въ Богеміи при ношеніи поется: Несемъ смерть изъ веси, ново лѣто до веси, или: Смерть плыве по водѣ, ново лито къ намъ ѣде (иде). (Поэт. возр. слов. на прир., т. 3, стр. 13). Санкс. marana—моръ, смерть; морана, поль. marzana; латин. mors, всѣ отъ корня mri—ощущеніе мрака, холода, увяданья; санс. mrin, mrijê,, греч. μαίρειν, лат. mori, лит. mirti, славян. мрѣти (тамъ же, стр. 694).

[3]) Въ нравоучительныхъ разсказахъ XVII и XVIII в., большей частью занесенныхъ въ Россію изъ внѣ, смерть встрѣчается очень часто и при томъ, какъ опредѣленное и самостоятельное, вполнѣ сложившееся представленіе. Смерть въ видѣ остова или костяка занесена къ намъ христіанствомъ (иконами и миніатюрами). Пившіе изъ череповъ враговъ, разумѣется, не боялись мертвецовъ. Послѣдніе у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, по Афанасьеву, (Поэт. воз. словянъ на прир., т. 3, стр. 248), представляются блуждающими ночными привидѣньями (точнѣе, тѣнями); быстро и легко появляются они и исчезаютъ, свободно проникаютъ сквозь запертыя двери и пр., посѣщаютъ жилища, показываются людямъ, которымъ то помогаютъ и сочувствуютъ, то завидуютъ, пугаютъ ихъ и вредятъ хозяйству. Бро-

пѣсенъ убиваютъ другъ друга, -рѣжутъ, закалываютъ, душатъ, ушибаютъ, съѣдаютъ, словомъ умираютъ разными способами и встрѣчаютъ разныхъ чудовищъ, но „смерти“ не знаютъ. Рѣдко она появляется и въ болѣе мелкихъ произведеніяхъ народнаго творчества,—въ загадкахъ, пословицахъ и пр. Видимо, на нее еще не обращалось должнаго вниманія, не вдумывались въ ея сущность и не постигали ея природы, если допустимо такъ выразиться[1]).

Затѣмъ, что нужно отмѣтить еще относительно сказокъ, это то, что тѣ, которыя носятъ черты древности, въ томъ числѣ и сказки о ягой, составляютъ произведенія не собственно словянъ, а арійцевъ, такъ какъ встрѣчаются и у нѣмцевъ, и у итальянцевъ, и у грековъ[2]). Слѣдовательно, относятся къ незапамятной древности и потому не могутъ трактовать въ существѣ о собственно словянскихъ предметахъ, (такъ какъ, словянъ еще не было, а были лишь арійцы). Правда, словяне придали со временемъ сказкамъ предковъ свой собственный окрасъ, приноровивъ ихъ къ своимъ понятіямъ, возрѣніямъ и обстановкѣ, но окрасъ этотъ, говоря вообще, не особенно значителенъ. Что касается сказокъ собственно о ягой, то и въ ословяненномъ видѣ онѣ не представляютъ ягой въ томъ образѣ, какой хочетъ придать ей Спицинъ. Прежде всего сказки не всегда величаютъ ягую ягой, а очень не рѣдко просто старухой, бабушкой, бабушкой-задворёнкой, ягишной, ягишишной, иногда, вѣдьмой[3]). Наружность ягой[4]) описывается также довольно различно. Общей чертой является собственно одно: ягая—старуха, иногда, древняя[5]), сѣдая и безобразная; остальные признаки не постоянны. Чаще прочаго говорится, что у нея костяная нога, но иногда ей приписывается и золотая[6]), морда глиняная, ж..а жиленая (или куричья)[7]), голова пестомъ[8]), волосы

дятъ лишь „до пѣтуховъ“. (Такъ не всѣ, а лишь отвергнутые,—проклятые, грѣшные, непохороненные; праведные-же блаженствуютъ на томъ свѣтѣ, не покидая рая).

[1]) Смерть Кощея помѣщается, н. пр. м., на концѣ иглы или въ яйцѣ. Животныя совсѣмъ не понимаютъ смерти, хотя и знаютъ мертвыхъ. То что иногда принимается у животныхъ за страхъ смерти, на дѣлѣ является не страхомъ смерти, а страхомъ боли, страданія, которыя извѣстны имъ по опыту.

[2]) См. у Афанасьева примѣчаніе къ сказкамъ.

[3]) Сказки рус. народа, т. II, стр. 270, № 181.

[4]) „Яга“ не имя, а прозвище, ибо составляетъ не существительное, а прилагательное отъ яг.—Яго—довольно распространенное имя у романскихъ народовъ.

[5]) Сказки р. н., т. I, стр. 342, № 116.

[6]) Тамъ же, стр. 242, № 242.

[7]) Въ Ярославской губерніи. Еще: носъ крючкомъ, голова тычкомъ, ж..а ящичкомъ.

[8]) „Клиномъ“, „дереформированная“. Изъ того, что этотъ признакъ приписывается ягой, изображаемой безобразною, можно заклю-

длинные, сѣдые, растрепанные космами; носъ въ потолокъ вросъ (или черезъ грядку), зубы черные, (беззубая, желѣзные [1]), кладетъ ихъ на полку [2]), губы на притолокѣ (или на грядкѣ) [3]), уши по землѣ волочатся [4]), сопли черезъ порогъ [5]); титьки по лахани, соски по стакану [1]) (или—черезъ грядку висятъ; на крюкъ замотаны). Живетъ яга въ избушкѣ, стоящей на куриныхъ ножкахъ (или: на бараньихъ рожкахъ [6]), на собольихъ лапкахъ [7]), на курьихъ лапкахъ—на собачьихъ пяткахъ [8]), на курьей ножкѣ—на собачей голяшкѣ (голени) [9]), на курьихъ голяшкахъ [10]) и вертящейся на нихъ въ разныя стороны (или—живетъ въ домѣ) [11]).

Въ избѣ у ягой печка, столъ, ткацкій станъ, кругомъ дома заборъ съ самозатворяющимися воротами на пятáхъ (или 12 шестовъ съ насаженными на нихъ головами съѣденыхъ ею людей) [12]). Возлѣ избы, на дворѣ баня, погребъ, кладовыя, конюшня; въ погребѣ бочки съ сильнымъ и безсильнымъ пивомъ, въ кладовыхъ припасы [13]), въ конюшнѣ много славныхъ коней, одного изъ которыхъ заслужилъ у ягой пастухомъ Кощей безсмертный [14]); есть быки, у воротъ

чить, что голова клиномъ у словянъ не пользовалась почетомъ; нынѣ идеалъ головы у русскихъ—круглая.

[1]) Сказки р. н., т. II, стр. 170, № 152.

[2]) „Положить зубы на полку"—голодать, не имѣть ѣды. Образное переносное выраженіе, обозначающее бездѣйствіе, покой зубовъ, какъ жевательнаго прибора.

[3]) Сказки р. н., т. II, стр. 9, № 118; стр. 98, № 129.

[4]) То же, т. I, стр. 163, № 77.

[5]) Т. II, стр. 158, № 150.

[6]) Т. I, стр. 163, № 77; т. II, стр. 73, № 125.

[7]) Т. II, стр. 200, № 160.

[8]) Т. II, стр. 5, № 118.

[9]) То же, стр. 43, № 122.

[10]) То же, стр. 91, № 128. „На куриныхъ ножкахъ"—неустойчивый, ветхій, еле держащійся; „карточный" домикъ.

[11]) Т. I, стр. 233, № 94. Вертѣться избушку, видимо, заставила ягая: приходящіе къ избушкѣ не рѣдко говорятъ ей: встань по старому, *какъ мать поставила*; къ лѣсу задкомъ, ко мнѣ передкомъ. Напомню, что у мордвы еще недавно въ вырытую въ свѣжей могилѣ яму клали табакъ, *куричью ногу*, зайца и др. припасы, поливъ ихъ виномъ и пивомъ. Затѣмъ тѣми же припасами и непремѣнно *куричьей ногой* надѣлялись и всѣ присутствующіе. У черемисовъ передъ выносомъ покойника *колютъ курицу*, кровью которой покойникъ откупается на томъ свѣтѣ. (Муранск. могильникъ. В. Н. Поливановъ, стр. 27).

[12]) Сказки.., т. I стр. 233, № 94. Еврипидъ (V в. до Р.) сообщаетъ, что головы жертвъ, т.-е. иноземцевъ, занесенныхъ къ берегамъ Таврики (Крыма) въ гавань Символовъ (Балаклавская) развѣшивались таврами (тавро-скифами, какъ думаютъ, остатками киммерійцевъ) на зубцахъ наружныхъ стѣнъ храма башни дѣвы Артемиды, стоявшаго на мѣстѣ монастыря св. Георгія близь Херсонеса, а тѣла бросались въ священный огонь (Херсонесъ таврическій, гр. А. А. Бобринскій, стр. 3, 6).

[13]) То же, стр. 178, № 81.

[14]) То же, стр. 233.

собаки, въ избѣ котъ. Есть у нея и работница (и войско, которое куютъ ей кузнецы) [1]). Въ своей избушкѣ ягая или сидитъ на печкѣ, или лежитъ на ней (на девятомъ кирпичѣ [2]), раскорячивъ ноги изъ угла въ уголъ [3]), или сидитъ на полу, ноги въ потолокъ [4]), (или головой впередъ, ногами въ углы упирается) [5]) и прядетъ шелковую кудельку на золотое веретенце [6]), или точитъ зубы [7]). Кромѣ того ягая завѣдуетъ вѣтрами и всякій день облетаетъ свѣтъ на чудной кобылицѣ [8]), обыкновенно же ѣздитъ въ ступѣ (желѣзной, чугунной) [9]), погоняя ее пестомъ или толкачемъ (тоже желѣзнымъ или чугуннымъ) и заметая слѣдъ отъ нея помеломъ [10]). Ей послушны звѣри, птицы, рыбы и гады.

Мѣстожительство опредѣляется разно: чаще всего въ глухомъ темномъ лѣсу или въ такой пустынѣ, что только лѣса да болота, гдѣ трава коню по грудь, а вода по колѣни [11]), (въ чистомъ полѣ [12]); у моря [13]); за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкой [14]); на высокой горѣ, на которую не войдти, не въѣхать [15]); на краю свѣта, тамъ,—гдѣ дальше и хода нѣтъ, одна тьма кромѣшная, ни чего не видать [16]); подъ землей,—на томъ свѣтѣ, откуда выходитъ довольно величественно: Закутилося, замутилося, въ глаза зелень (чадъ) выступаетъ, становится земля пупомъ, изъ-подъ земли камень выходитъ, изъ-подъ камня баба яга, на желѣзной ступѣ ѣдетъ, толкачемъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, а сзади собачка (сучка) побрёхиваетъ [17]); подъ камень-же въ землю ягая уходитъ и

---

[1]) То же, стр. 243, № 96.
[2]) Т. II, стр. 158, № 150.
[3]) Т. I, стр. 163.
[4]) Т. II, стр. 70, № 125.
[5]) № 58.
[6]) Т. I, стр. 274, 283.
[7]) № 150.
[8]) Т. I, стр. 233; т. II, стр. 170.
[9]) Т. I, № 81, первоначально ступа была каменная или деревянная.
[10]) Бѣлорусы увѣряютъ, что съ ягой въ ступѣ разъѣзжаетъ по свѣту смерть, передающая ей усопшихъ и что яга питается душами умершихъ, отъ чего и сама дѣлается такой же легкой, какъ души. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она крадетъ и дѣтей, поднимаетъ ихъ въ воздухъ и бросаетъ оттуда мертвыми на кровлю дома родителей. А ѣздитъ по поднебесью въ огненной ступѣ, погоняемой огненной же метлой, и когда ѣдетъ,—вѣтеръ воетъ, земля стонетъ, трещатъ и гнутся вѣковыя деревья. (Поэт. возр. словянъ на природу, стр. 586).
[12]) Сказки...., т. I, стр. 273.
[12]) Т. II, стр. 91, № 128. Поле не совмѣстимо съ лѣсомъ, къ которому отворачивается избушка; это поздняя вставка.
[13]) Т. II, стр. 158.
[14]) Т. I, стр. 233.
[15]) То же, стр. 283.
[16]) Т. II, стр. 158.
[17]) Т. I, стр. 176—177, № 81.

отъ преслѣдованій [1]). Словомъ, ягая живетъ въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ [2]), гдѣ русскаго духа было видомъ не видать, слыхомъ не слыхать.

Была у ягой и родня, были у нея прадѣдъ и дѣдъ [3]), а стало-быть, и отецъ съ матерью [4]), сестры,—ягія-же или ягишны [5]) и дочери (одна, три, сорокъ одна); ягая выходитъ замужъ за царя [6]), а сестра ея за мужика [7]); сверхъ всего она бываетъ больна [8]). Ягая и сестры ея - злыя, дочери же добрыя, несочувствующія матери [9]). Людей, большею частью дѣтей, ягая не бросаетъ въ огонь, (какъ пишетъ Спицинъ), а варитъ или жаритъ, (вѣрнѣе, печетъ), предварительно откормивъ и затѣмъ вымывъ въ жарко-натопленной банѣ [10]). Послѣ трапезы она любитъ покататься, (какъ собака), на обглоданныхъ косточкахъ съѣденныхъ ею. Иногда она занимается изнурительнымъ высасываніемъ молока изъ грудей красныхъ дѣвицъ, отчего тѣ чахнутъ и худѣютъ [11]), но на ряду съ этимъ она-же и даже всѣ три сестры ягишны находятся на службѣ богатыря царь-дѣвицы, (Красной красы—черной косы), и обязаны охранять доступъ въ ея царство [12]). Кромѣ того она дѣлаетъ и добро,—даетъ мудрые совѣты, помогаетъ сверхестественными силами, предсказываетъ будущее, и не всегда лишь подъ угрозой [13]); мужикъ отдаетъ ей дочь въ услуженье [14]). Но если ягая ѣстъ людей, то и ей достается отъ нихъ: ее порютъ и бьютъ, Жихарь(—удалецъ) сажаетъ ее въ печь, гдѣ она и зажаривается, Соска—богатырь убиваетъ, сжигаетъ на огнѣ и прахъ развѣваетъ по вѣтру [15]); то же дѣлаютъ слѣпой и безногій богатыри [16]). Сверхъ всего нужно отмѣтить еще, что въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Тутъ же. Обитаніе ягой подъ землею говоритъ за то, что она принадлежитъ къ адскимъ божествамъ. Съ этимъ въ противорѣчіи ея летанье по поднебесью; ясно, что въ сказаньяхъ о ягой смѣшаны различныя древнія представленія. Основное качество ягой—злоба говоритъ за адъ.

[2]) Т. I, стр. 230, 347.

[3]) Т. II, стр. 252.

[4]) См. прим. 11, на стр. 11.

[5]) Т. I, стр. 271.

[6]) То же, стр. 77.

[7]) № 58.

[8]) Т. I, стр. 178.

[9]) Тамъ же.

[10]) Ярославская губернія.

[11]) Т. I, стр. 342.

[12]) Тамъ же, стр. 268—284.

[13]) То же, стр. 127.

[14]) № 58.

[15]) Т. I, стр. 179. Также поступаютъ съ злыми колдунами и вѣдьмами.

[16]) Т. I, стр. 343.

мѣстахъ Россіи подъ ягою разумѣется зима. Въ этихъ мѣстахъ въ праздникъ Стрѣтенія Господня (2 февр.) крестьянскіе дѣти вечеромъ на зорѣ ходятъ за околицу деревни на гору или вообще на высокое мѣсто опрашивать солнышко,—видѣло ли оно весну и

Старую ягу—
Вѣдьму—зиму,
Какъ она—лютая
Въ мѣшкѣ стужу несла,
Холодъ на землю трясла?

Изъ приведенныхъ данныхъ о ягой видно, что первоначальный образъ ея сильно затемненъ позднѣйшими, часто,—взаимно-противорѣчивыми прикрасами мѣстнаго оттѣнка, освободить изъ-подъ которыхъ его (даже не вполнѣ), не особенно легко. Въ главнѣйшихъ чертахъ этотъ образъ представлялся первоначально у словянъ, кажется, такимъ. Сѣдая, старая или даже „древняя“, тощая старуха—„вѣдьма“, съ костлявыми (костяными) ногами, высохшей, землистаго цвѣта (глиняной) мордой (лицомъ), жиленой ж. .й. съ подсохшими отвислыми тощими грудями, съ большими черными передними зубами—(„клыками“) въ беззубомъ ртѣ, злыми пронзительными—(„вороньими“) глазами и, можетъ быть, въ шерсти [1]). Она или сидитъ на печи и прядетъ пряжу, или лежитъ, простоволосая, нечесаная съ растрепанными въ космы волосами. Живетъ (какъ сварливая, неуживчивая и ненавистная) нелюдимо въ глуши темнаго, непроходимаго лѣса, въ ветхой избушкѣ на курьихъ ножкахъ, вертящейся на нихъ въ разныя стороны и упорно отворачивающейся отъ каждаго подходящаго, становясь къ нему

---

[1]) Судя по оренбургскому значенію слова „яга“. Костяная нога и жиленая ж..а—признаки худобы. Вообще яга надѣлена всѣми отрицательными признаками женщины, признаками какъ разъ противоположными тѣмъ, которые привлекаютъ къ женщинѣ мужчину, очаровываютъ и покоряютъ его ей. Въ ягой собрано все, что вызываетъ въ мужчинѣ отвращеніе къ женщинѣ и что въ природѣ въ полной совокупности почти не встрѣчается. Ягая это такой же совершенный идеальный, но отрицательный образъ или типъ женщины, какимъ, но въ положительномъ направленіи, является Афродита грековъ и Венера римлянъ. Насколько послѣднія—олицетворенія прекраснаго, на столько ягая—олицетвореніе отвратительнаго. Русская жизнь даетъ и нынѣ еще въ дѣйствительности типы старухъ, близкіе къ идеальной ягой; обиліе такихъ типовъ въ русской жизни (чему были, конечно, свои основанія) явилось причиною того, что русскіе словяне, не сумѣвъ создать Венеры, создали ягую. Очевидно, красота стояла въ жизни этихъ словянъ не на первомъ планѣ, не захватывала ихъ цѣликомъ, не владѣла ими. Ее подавила и отстранила сварливая неумолчная злоба лютой бабушки, деспотической главы рода въ его внутренней домашней жизни. Это очень любопытное и характерное явленіе.

задомъ. Слѣдовательно ягая не желаетъ имѣть общенія и дѣла съ міромъ и людьми и сердится, когда ее безпокоятъ, стремясь съѣсть каждаго дерзкаго. Въ избушкѣ съ ягой живетъ черный котъ и работница, подъ избой собаки. Яга зла, сварлива, нелюдима и человѣко-ненавистна, работницу и животину свою не кормитъ, ругаетъ, бьетъ и мучитъ, котъ — однѣ кости, собаки замореныя съ всклоченной шерстью и, отъ голода, злющія-презлющія. Дѣтей ягая не только ѣстъ, но, кажется, и таскаетъ,—по крайней мѣрѣ она отправляется на добычу, сидя въ ступѣ, погоняемой пестомъ, и заметая свой слѣдъ помеломъ, конечно, для того, что бъ люди не могли отыскать ее по этому слѣду. Для взрослыхъ она не опасна, скорѣй, сама она боится ихъ, почему и дѣлаетъ все, что бы скрыть свое мѣсто-обитанія [1]). Наконецъ, отъ обозлѣвшей ягой есть спасеніе,— дремучій лѣсъ и широкая рѣка; кромѣ того, ее можно обмануть, отъ нея можно убѣжать.

Во всѣхъ чертахъ этого злаго образа представленій древнихъ словянъ, начиная съ его имени, нѣтъ ни одной, наводящей на мысль о смерти или напоминающей смерть, которую русскіе представляютъ въ видѣ остова или костяка, закутаннаго въ бѣлое [2]), или же въ видѣ мертвеца [3]). Ягая—это идеализація злости, злой женщины [4]). Ея атрибуты—ступа и помело—самыя заурядныя принадлежности домоваго бабьяго хозяйства, (хотя и служатъ иногда для

---

[1]) Дороги къ избушкѣ нѣтъ, слѣдъ отъ ступы заметаетъ, избушка отворачивается дверью отъ посѣтителя къ лѣсу, злыя собаки лаютъ и бросаются на него и т. д.

[2]) Извѣст. общ. арх., истор. и этн., т. X, вып. I.—Похороны Костромы.

[3]) Сказки рус. народа. А. Афанасьевъ, № 204 b. Въ лѣтописи Нестора (по Лавр. списку, стр. 121) подъ 1092 г.: человѣци глаголахъ, яко навье бьютъ полочаны... Такъ объясняли какое-то загадочное явленіе—уязвленія и смерти. Навье—мертвецы.

[4]) Афанасьевъ считаетъ ягую сродной вѣщимъ облачнымъ женамъ и олицетвореніемъ грозы, объясняя ея избушку и ступу иносказаніемъ (метафорой) грозовой тучи, а толкачь—палицы Перуна (Поэтич. воззрѣнія словянъ на природу, стр. 587, 593). Дм. Щепкинъ полагаетъ, напротивъ, что яга-баба скрываетъ въ своемъ названіи оттепельную ледяную глыбу, оттепельную льдину и что только позже, чрезъ забывчивость нѣкоторыхъ значеній словъ, а равно и самыхъ словъ и чрезъ подставленія однихъ значеній и словъ вмѣсто другихъ, льдина уподобилась человѣку и получила общеизвѣстный образъ— (нога вмѣсто ѧга, лѣсъ вмѣсто лѣзъ—лазъ, курьи отъ кура—мятель и пр.). Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія, вып. 2, стр. 107—111. Оба толкованія чрезвычайно искуственны, мудрены и невыдерживаютъ критики; все это гораздо проще и грубѣе. Ю. Липпертъ (Ист. культуры въ отд. очеркахъ, ст. 438) полагаетъ, что ягая мифологически означаетъ древнее праматерпнское божество, явившееся еще при матріархатѣ. Если это такъ, то матріархатъ арійцевъ-словянъ былъ очень суровъ.

образнаго выраженія гнѣва и неудовольствія, какъ это видно изъ рѣченій: „истолочь въ ступѣ“ и „выгнать поганымъ помеломъ“), мѣсто ея—на печи, занятіе—пряжа и няньченье дѣтей, представленное въ сказкѣ, какъ суровое,—подъ видомъ съѣданья ихъ; короче, ягая—это идеализація тѣхъ старухъ, которыя еще и по сейчасъ отравляютъ жизнь молодого поколѣнія русскаго крестьянства своею злобною ворчливостью и тираніей. Эти старухи въ родовую пору быта русскаго словянства были во много разъ невыносимѣе и жесче нынѣшняго, хотя, какъ долго жившія и много видавшія, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно вѣщими и могли, если хотѣли, помогать мудрыми совѣтами и указаніями, и даже кое что предсказывать.

Изъ приведеннаго дѣлается, кажется, довольно яснымъ, что сопоставлять ягую со смертью или похоронами нѣтъ основаній, (даже въ отношеніи лютости: „люта смерть только грѣшника, а для праведника она не страшна“), какъ нѣтъ ихъ и для сопоставленій избушки на курьихъ ножкахъ (иносказательности, синонима ветхости) съ домовищемъ—голбцемъ.

О послѣднемъ скажу нѣсколько подробнѣе. Въ похоронной обстановкѣ русскихъ словянъ нужно различать и обособлять два представленія: *могила*—(гробъ) и *гробница* (голбецъ, домовище). Оба предмета или сооруженья служатъ для одной цѣли: хоронить, прятать мертваго, но, не смотря на это, они глубоко разнились уже съ самаго своего возникновенія. Могила—яма, какъ показано въ I части этого изслѣдованія и какъ показываетъ примѣта: собака роетъ *яму*, особенно,—близь дома или у его стѣны, къ покойнику [1]),—и служила для *погребенія*, т.-е. для зарыванія мертваго; гробница—наземное сооруженіе и служила для *похоронъ*, т.-е. для прятанія или скрытія [2]) и для огражденія покойника. Какой была первоначальная словянская могила, т.-е. была-ли она съ насыпью и, если да, то какой, или безъ нея,—положительно сказать еще трудно, ибо нѣтъ ясныхъ указаній объ этомъ ни въ письменности, ни въ языкѣ. Одно можно отмѣтить: нынѣ выживаетъ у русскихъ яма съ низкой продолговатой, пятисторонней, остроугольной насыпью надъ нею, непереходящею основаніемъ

---

[1]) Очевидно, что могилой была яма и при томъ, можетъ быть, въ домѣ или около его. Сложилась примѣта, разумѣется, еще до христіанства. Чучело Ярилы въ Костромѣ и Малороссіи хоронили въ ямѣ за городомъ, въ полѣ. (Поэт. возр. сл. на прир. т. 3, стр. 727, 728).

[2]) Скрывать—помѣщать подъ покровъ, подъ прикрытіе, подъ крышу; „крыть“-же отъ кор-(а),—востановляя полногласіе, получишь короить—коръіть—кърыть, т.-е. первоначально это слово обозначало: помѣщать или помѣщаться подъ кору (дерева или животнаго—кору=шкуру).

за верхнія очертанія ямы и непохожей ни на одинъ изъ извѣстныхъ въ Россіи видовъ кургановъ, но, кажется, незанесенной къ намъ и христіанствомъ. По крайней мѣрѣ противъ могильныхъ насыпей (кургановъ) восставали первые русскіе христіане (кн. Ольга [1]), князь Константинъ муромскій). Едва-ли не вѣрнѣе всего думать, что насыпь надъ христіанской могилой явилась въ силу необходимости, представляя собою тотъ остатокъ выкинутой изъ могилы земли, который не могъ умѣститься въ ямѣ вслѣдствіе занятія части послѣдней покойникомъ и вслѣдствіе перетруски почвы копкою. По крайней мѣрѣ насыпи не придавалось ни какого значенія, какъ можно заключить изъ того, что за нею не удержалось особаго названія;—могилой зовется собственно яма, такъ какъ могилу *„выкапываютъ“*, а не насыпаютъ [2]). Но подъ могилой разумѣется также и яма съ бугоркомъ, т.-е. все сооруженіе и даже одинъ бугорокъ, хотя очевидно, что на него это названіе перешло отъ ямы.— Могила можетъ быть (и бываетъ) безъ насыпи, но все-таки остается могилой, одинъ же бугорокъ, безъ похоронной ямы подъ нимъ, не составляетъ могилы и ею не называется. Нынѣшняя форма христіанской могилѣ придана поздно и является подражаніемъ гробницѣ—(ракѣ). Замѣчаемая иногда

---

[1]) Призва (Ольга) сына своего Святослава и заповѣда ему—сѣ *землею равно* (ровно) погрестись, *а могилы не сути*, ни тризнъ творити, ни бдына дѣяти (Прологъ XV в., подъ 11 іюлемъ, по А. Котляревскому—О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ словянъ, ст. 118). Котляревскій слово бдынъ востановляетъ въ видѣ будъ инъ и производитъ отъ корня буд, обозначающаго постройку, при чемъ ссылается (стр. 119) на Ипатьевскій списокъ лѣтописи, въ которомъ подъ 1175 г. между прочимъ значится: „вложимы и любо си въ буди, любо си въ гробъ“, и на областные говоры, въ которыхъ буда—постройка, склепъ“. Такимъ образомъ по его толкованію выходитъ, что Ольга запретила ставить надъ собою голбецъ—бдынъ. Это толкованіе едвали вѣрно: 1) корень не буд, а бут, откуда—бутъ, бутить, бутка, бутырки, затѣмъ ботъ, ботать и пр.; 2) о бдынѣ говорится не послѣ могилы, а послѣ тризны,—не предмета а дѣйствія. Мнѣ думается, что бдынъ не отъ бутъ, а отъ бдѣть—бодѣть или бедѣть—охранять, сторожить, дѣйствовать предусмотрительно, по отношенію мертваго—задобривать поминками.

[2]) Вездѣ говорятъ: идти, могилу копать; нужно могилу выкопать и пр. Но ни гдѣ не говорятъ насыпать могилу; даже по отношенію могильнаго бугорка выражаются: обдѣлать. Впрочемъ, у Нестора въ разсказѣ объ Ольгѣ: приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ, и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику.... въ прологѣ: могилы не сути.... Здѣсь подъ „гробомъ“ разумѣется яма, а подъ „могилой“ насыпь надъ нею. Но такое раздѣленіе едва-ли было общимъ и употреблено Несторомъ едва-ли не подъ вліяніемъ книгъ священнаго писанія: Собраше каменье и створиша могилу (кн. Бытія, XXXI, 46, по списку XIV в.) и др. См. Матер. для словаря др.-рус. яз. И. И. Срезневскій. Въ житіи Константина кн. муромскаго: дивляхуся, е-же.... могилы верхъ *холмомъ* не сыпаху. (Др. рус. истор. до монг. ига. М. П. Погодинъ, т. II, ст. 921).

уступчатость ея боковъ обусловливается матеріаломъ: насыпь часто дѣлаютъ изъ пластовъ дерна, кои вырѣзываются тѣмъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ выше занимаютъ мѣсто въ насыпи (пріемъ извѣстный еще въ египетскихъ гробницахъ и пирамидахъ (Зодчество древн. Египта. Ад. Праховъ, лис. III, рис. 9, 6).

Что касается *домовища-голбца*, то онъ развился, видимо, двумя путями, имѣлъ два исхода. Одинъ, вѣроятно, наиболѣе распространенный, представлялъ въ началѣ простую *ограду трупа*, положеннаго прямо на почву и либо обставленнаго камнями, либо окруженнаго загородью изъ обрубковъ бревенъ или изъ кольевъ, или же стѣнками изъ бревенъ, дерна и пр., какъ было у лопарей, норманновъ, русскихъ словянъ и другихъ народовъ и какъ остается у киргизовъ [1]). Эти ограды, устроенныя то на „стоякъ", какъ камневыя и нѣкоторыя деревянныя, то на „лежакъ", какъ деревянныя, то кладкою въ перевязь, какъ дерновыя, съ верха часто чѣмъ нибудь прикрывились; у чукчей н. пр.

---

[1]) Рус. лопари. Н. Н. Харузинъ; Древности, т. XIV, стр. 163. Записки З.-Сибир. от. Р. Г. Об. К. XXVIII, таб. VII и VIII. О погреб. обычаяхъ языч. словянъ, А. Котляревскій, ст. 34, 101, 120, 244. У русскихъ такой способъ похоронъ держался въ видѣ пережитка до XVI в. включительно. Серапіонъ (XIII в.) въ Словѣ о маловѣріи сообщаетъ, что русскіе, видя гнѣвъ Божій, т.-е. естественныя бѣдствія, заповѣдывали: „кто, буде, удавленника или утопленника погреблъ, (тѣ) не погубите люди, сихъ выгребите", (т.-е. выройте). Максимъ грекъ въ посланіи (начала XVI в.) поясняетъ, что это значило. Онъ говоритъ: „Кій отвѣтъ сотворимъ въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убіенныхъ и повержанныхъ,—не сподобляюща я погребенію, но *на поль*, извлекше ихъ,—*отыняемъ* (тамъ) *коліемъ*? И е-же беззаконнѣйше и богомерзко есть, яко—(аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими (отъ этого) садимая и сѣемая нами не преспѣваютъ на лучшее)—оставивше молитеся Содѣтелю и Строителю всѣхъ,... аще увѣмы нѣкоего утопленнаго или убитаго,—не издавна погребенна,... раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покинемъ... по нашему по премногому безумію виновно стужи (въ стужѣ) мняще быти погребеніе его". Изъ этихъ сообщеній видно, 1) что русскіе словяне по своему коренному или, точнѣе, дохристіанскому міровозрѣнію считали невозможнымъ и недолжнымъ погребать, т.-е. предавать землѣ тѣхъ, кто умеръ не естественною, не своею смертью и 2) что они знали и употребляли наземные оградные похороны. А такъ какъ запрещеніе погребать, т.-е. хоронить въ землю умершихъ не своею смертью существовало и у другихъ словянъ, то, можно думать, что вѣрованіе или представленіе, обусловливавшее такое запрещеніе, возникло въ глубокой, еще обще словянской (если не обще-арійской) древности и имѣло общую исходную точку. За эту точку слѣдуетъ, кажется, признать представленіе, по которому утопленникъ принадлежитъ Водяному, самоубійца—духу тьмы, т.-е. Черному или Черту, какъ добровольно отказавшійся, отрекшійся отъ свѣтлаго и добраго божества (про нихъ до сихъ поръ говорятъ: душу черту продалъ, сталъ чертовъ баранъ) и т. д. Въ связи съ представленіями, сообщенными Максимомъ грекомъ, находится примѣта, гласящая, что мертвецы снятся къ холоду и мо-

м., пологомъ изъ шкуръ [1]), у бурятовъ (аларскихъ) хворостомъ [2]), у норманновъ—каменьями [3]), у лопарей каменьями или обрубками бревенъ, кольями [4]) и пр. Совершенствуясь, могильныя, (вѣрнѣе, трупныя), ограды дали въ одномъ направленіи *кромлехи* и такъ называемыя *„корабельныя“* или *„ладьевидныя“ ограды*, а въ другомъ *дольмены*, (изъ которыхъ, для даннаго случая, болѣе типичны кавказскіе, крымскіе, палестинскіе и индійскіе [5]) и непосредственно связанные съ ними русскіе *голбцы—домовища, гробницы—саркофаги* и, наконецъ, *гробницы—памятники* (монументы) [6]), т.-е. сооруженія, не имѣющія внутри пустоты и сохраняющія лишь внѣшній видъ настоящей гробницы. Развитіе великолѣпной гробницы изъ простой похоронной (могильной) ограды, при желаніи, можно прослѣдить почти шагъ за шагомъ и не трудно подобрать цѣлый рядъ рисунковъ, который наглядно и убѣдительно покажетъ ходъ этого развитія множествомъ переходныхъ степеней. Здѣсь я не буду дѣлать этого [7]), ибо здѣсь я говорю только о курганахъ и не долженъ злоупотреблять ни терпѣніемъ читателя, ни мѣстомъ, котораго и такъ занялъ много, но все же считаю необходимымъ указать для убѣдительности главныя точки.

розу. Котляревскій, видимо, не имѣвшій понятія объ оградныхъ похоронахъ, гадалъ (стр. 34), не сожигали-ли вырытыхъ изъ могилъ умершихъ не своею смертью, ибо оставленіе ихъ на полѣ въ тынѣ (оградѣ) въ прямомъ смыслѣ „на волю божью“ (т.-е. водянаго, лѣсного, черта и т. д.) считалъ не возможнымъ. Между тѣмъ оно такъ и изъ такихъ оградныхъ „могилъ“ впослѣдствіи образовались такъ называемые „убогіе домы“ или „божедомницы“. Что же касается сожженія, то оно примѣнялось (даже еще въ XX в.) лишь къ знающимся съ нечистою силою, къ колдунамъ, ворожеямъ, вѣдьмамъ и другимъ „слугамъ черта“ и не только къ мертвымъ, но въ дни естественныхъ бѣдствій—(мора, неурожая и пр.), и къ живымъ, что отмѣчаетъ и Серапіонъ. Ихъ жгли и прахъ ихъ развѣявали по вѣтру для того, чтобы отъ нихъ „и духа не осталось“. (Поѣздка въ Кирил.-Бѣлоз. монастырь. Шевыревъ, II, 37, 250; Сочиненія Максима грека 1862 г., III, 170.

[1]) Древности, т. XIV, стр. 134; Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, вып. 1, стр. 80...

[2]) Древности, т. XIV, стр. 173.

[3]) То же, стр. 161—163.

[4]) Рус. Лопари.

[5]) Древности, т. VI, вып. 3, рис. № 6. Правосл. палестин. сборникъ, вып. 41; Первобыт. человѣкъ. Э. Клоддъ, стр. 114; Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IX.

[6]) Въ Рязанскомъ уѣздѣ голбцемъ зовется и намогильная плита, и простой дикій камень, положенный на могилу въ качествѣ памятника.

[7]) Хотя могъ бы безъ всякаго труда, такъ какъ матеріалъ у меня подъ руками, собранный (и собираемый) мною для давно задуманнаго большаго изслѣдованія о могилахъ всего земнаго шара. Если кто нибудь пожелаетъ помочь мнѣ въ этомъ, на мой взглядъ, важномъ и *общемъ* дѣлѣ присылкой сообщеній, указаній, рисунковъ, фотографій, статей и пр., буду глубоко благодаренъ и на случай даю адресъ: Ярославль, Ильин. пл., д. № 7. Илар. Алек. Тихоміровъ, или на Яросл. Архивн. Коммиссію.

Образчикомъ простѣйшаго голбца, первымъ усовершенствованіемъ простой похоронной ограды или окладки трупа можетъ служить „могила“ или, точнѣе, гробница самоѣдовъ. Она устроивается такъ. Вколачиваютъ въ землю четыре или шесть паръ кольевъ,—пара противъ пары, и между парами ихъ кладутъ на ребро доски,—двѣ три, смотря по ширинѣ послѣднихъ; получаются двѣ параллельныя стѣнки. Къ концамъ этихъ стѣнокъ такимъ же способомъ, т.-е также между кольями, приставляются короткія боковыя стѣнки; получается продолговатый ящикъ, стоящій на землѣ. Въ этотъ ящикъ кладутъ покойника и закрываютъ его (нынѣ) съ верха досками, на которыя наваливаютъ нѣсколько камней для того, чтобы доски не сбросилъ вѣтеръ или звѣрь, или укрѣпляютъ ихъ какъ нибудь иначе, (способовъ нѣсколько) [1]).

Слѣдующею ступенью является тотъ же ящикъ, но сдѣланный нѣсколько прочнѣе, аккуратнѣе и съ крышей не плоской, а—или двускатной, или выгнутой. Сперва скатность очень не велика, но со временемъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Получается гробница въ видѣ домика [2]), или въ видѣ сундука съ выгнутой на подобіе коробоваго свода крышкой. Это и есть голбецъ, дальнѣйшее развитіе котораго у русскихъ выразилось лишь въ усовершенствованіи частностей,—способовъ скрѣпленія досокъ, брусьевъ или бревенъ („вѣнцовъ“) стѣнъ въ углахъ сооруженія не кольями, а перекрестью ихъ и врубками одного вѣнца въ другой, украшеніемъ „причелинъ“ и „полотенецъ“ рѣзьбою и т. д. Несомнѣнно, что русскіе голбцы выродились-бы со временемъ въ такія-же гробницы,—саркофаги [3])

---

[1]) Описаніе и рисунки см. Новый журн. иностр. литературы 1898 г., т. II, № 6. Древности, т. XIV, стр. 133; Антропол. выставка; Путешествіе А. Э. Норденшельда, стр. 382.

[2]) Описаніе и рисунокъ простѣйшей см. Древности, т. XIV, стр. 171, а болѣе развитой въ Иллюстраціи 1859 г., № 86—(мангунская, въ другихъ изданіяхъ тотъ же рисунокъ приводится для бурятской), или „Вокругъ свѣта“ 1867 г., т. 7, стр. 297, гдѣ тотъ же рисунокъ и, кромѣ того, еще рисунокъ гробницы мангунскаго шамана,—болѣе нарядной.

[3]) Ад. Вик. Праховъ (Критическ. наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ, вып. I. Зодчество древняго Египта, стр. 1—36) доказалъ достаточно основательно, что египтяне древняго царства (I—XII династій 4800—3000 г. до Р. Х.) строили гробницы (и гроба) по образцу полатки (развитой, болѣе совершенной, чѣмъ шатеръ и шалашъ) и даже по образцу деревяннаго дома, развившагося непосредственно изъ такой полатки. При этомъ гробницы они называли вѣчнымъ жилищемъ, а жилье временнымъ, гостинницей. Какъ то, такъ и другое говоритъ о томъ, что первоначально египтяне, видимо, оставляли своихъ мертвыхъ въ ихъ жилищахъ. Ибнъ-Фадланъ сообщаетъ, что руссы точно также оставляли раба въ томъ шатрѣ, въ которомъ тотъ умиралъ. (Котляревскій, стр. 65). Косма Прагскій († 1125 г.) сообщаетъ подъ

и мавзолеи,—какія получились изъ нихъ у западныхъ народовъ, но развитію ихъ въ Россіи положило предѣлъ правительство и духовенство, строго преслѣдовавшія ихъ сооруженіе. Голбцы смѣнились у русскихъ часовнями [1]), изобрѣтеніемъ нерусскимъ, но легко привившимся въ Россіи, какъ близкое къ голбцамъ и по виду, и по назначенію.

Нѣсколько иначе дѣло обстояло тамъ, гдѣ голбцы не преслѣдовались и гдѣ ихъ рано начали сооружать изъ камня [2]), замѣнившаго въ нихъ дерево. Собственно каменные голбцы, (не подражаніе деревяннымъ), на сколько мнѣ извѣстно, развились очень немного, застывъ на дольменной формѣ и не достигнувъ законченности. Что они дали бы на послѣднихъ ступеняхъ своего совершенствованія, — трудно сказать [3]). Каменные-же голбцы — преемники деревянныхъ, послѣ того, какъ дерево въ послѣднихъ было замѣнено камнемъ, дали не одну великолѣпную гробницу—саркофагъ и множество такихъ же гробницъ — намогильныхъ памятниковъ. Нѣкоторыя формы послѣднихъ не рѣдко довольно близки къ формамъ деревянныхъ голбцевъ народовъ, ни чего общаго не имѣвшихъ съ строителями первыхъ [4]). Въ сказанномъ не трудно убѣдиться, сличивъ рисунки н. пр. м., римскихъ гробницъ (памятниковъ) II в. по Р. въ Шир-ель-Хоцлан'ѣ въ Африкѣ [5]), гробницъ—голбцевъ колошей или колюжей на ост. Ситхѣ [6]) и гробницы XII в. по Р. въ Вриг-

---

1092 г. то же о западныхъ словянахъ, говоря, что Братиславъ II (Брячиславъ) запретилъ своимъ подданнымъ между прочимъ хоронить мертвыхъ въ шалашахъ или шатрахъ (scenas; scenoma—полатка, сѣнь, скинія, scenitar—кочевникъ). Котляревскій, стр. 101. Персы, фриги, лидійцы, этруски строили гробницы также въ видѣ домовъ (Руководство къ ист. искус. Ф.э. Куглеръ, стр. 95, 97. Архитект. Вѣстникъ 1860 г., стр. 386—388. Иллюст. исторія искусствъ Любке, ст. 19; Матеріалы по археол. Кавказа, вып. VIII, стр. 6, 7; Исторія и соврем. техника строит. искусства. В. В. Эвальдъ, 119).

[1]) Надмогильными.

[2]) Въ Швеціи извѣстны въ камнѣ даже первичные голбцы въ видѣ дольменовъ на курганахъ. (Om Lifvet i Sverige under Hednatiden. Ос. Монтеліусъ, стр. 20, на которой данъ рисунокъ кургана изъ провинціи Бохусландъ, на остр. Орустъ, въ западной Швеціи).

[3]) У меня нѣтъ пока данныхъ для рѣшенія вопроса, не изъ нихъ ли развились мавзолеи,—гробницы римлянъ и др. народовъ. Въ Греціи уже въ бронзику строились каменныя гробницы въ видѣ домовъ съ двускатной кровлею, выродившіяся позже также въ саркофаги въ родѣ Ярославова (Кр. всемір. ист. З. А. Рагозина, в. I, стр. 51). Дольмены извѣстны и въ Ю. Америкѣ, напримѣръ въ долинѣ Квеара (Моск. Вѣд. 1904 г., № 175).

[4]) Такое явленіе свидѣтельствуетъ объ общности и единствѣ законовъ развитія подобныхъ сооруженій у всѣхъ народовъ, т.-е., въ сущности, объ однообразности и подобіи мышленія всего человѣчества. Выводъ,—не разъ уже сдѣланный и заявленный наукой древлевѣдѣнія.

[5]) L'Illustration. 1850 г., т. XV, стр. 109.

[6]) Всемірный путешественникъ 1871 г., вып. 8, стр. 113.

стад'ѣ, въ Смоланд'ѣ, (въ Швеціи) [1]). Типичный голбецъ видѣнъ и въ гробницѣ, (собственно.—въ гробѣ), Ярослава I, заимствованной изъ Византіи. Владиміра св. положили также въ мраморный голбецъ: и вложиша и въ *корьсту* моромаряну [2]), Ярослава I, св. Глѣба, Изяслава Ярославича и Ярополка Изяславича—„въ рацѣ мраморянѣ". Въ каменномъ же гробѣ положенъ и св. Авраамій болгарскій († 1230 г.) во Владимірѣ на Клязьмѣ; превосходный образчикъ русскаго каменнаго голбца—съ поясками, лопатками и пр. находится въ переславскомъ (залѣсскомъ) Преображенскомъ соборѣ.

Когда нѣкоторые словяне приняли въ свой обиходъ курганы, то эту новую форму они [3]) соединили со своей прежней и стали голбецъ или корсту накрывать курганомъ [4]), пока, со временемъ, голбецъ не вышелъ изъ употребленія, замѣнившись въ данномъ случаѣ гробомъ. Таковы курганы XI—XII в. (по Спицину) бывшей дреговичской земли, въ

---

[1]) Записки отдѣл. рус. и слов. археологіи Имп. Рус. арх. общ., т. V, стр. 228, рис. 391, приводимый Спицинымъ, видимо, недогадывающимся, что изображенная гробница есть ни что иное, какъ воспроизведеніе въ камнѣ простаго голбца съ овальной, выгнутой крышей, (точнѣе, подражаніе ему), голбца, сохранившаго даже концовые или главо-ножные болѣе высокіе камни похоронной ограды, наблюдаемые въ оградахъ лопарей, норманов, русскихъ (въ жальникахъ) и т. д., и д. д. Говорю „недогадывающимся" потому, что онъ ищетъ прообраза голбца въ вымышленной, въ сказачной избушкѣ на курьихъ ножкахъ.

[2]) Лѣтопись преп. Нестора по Лавр. списку, стр. 73, 91, 103, 114, 116. Ист. описан. Княгинина Успен. монаст., стр. 20. Выраженіе лѣтописи „въ коръсту", а не въ голбецъ говоритъ только о томъ, что слово голбецъ не было во всеобщемъ употребленіи, (въ письменности оно появляется поздно, въ XIV в.), а не о томъ, что корста и голбецъ были разные предметы; въ Архангельской губерніи до сихъ поръ называется корстой или керстой — могила. Къ подобнымъ же корстамъ каменнымъ нужно отнести высѣченныя изъ известняка гробницы $2^3/_4 \times 1 \times ^3/_4$ арш. (глубь) съ толщиной стѣнокъ въ $1^1/_2$ вер., съ крышками, вырытыя въ развалинахъ церкви XII в. въ городищѣ Старая Рязань. Одна изъ нихъ хранится въ музеѣ Рязанск. архивной коммиссіи. (Труды Разан. архив. ком., т. XVIII, вып. I, стр. 131). Пермское керъ—бравно (Изв. Общ. арх. ист. и этн., т. IX, вып. 2, ст. 127), финск. kirstu—ящикъ (Живая стар., 1907 г., II, отд. I, стр. 82). Гробница Ярослава дѣлана по византійскимъ образцамъ (см. Памятники христіанскаго Херсонеса, вып. I, стр. 128, рис. 91—мощехранительница) изъ бѣло-синеватаго мрамора $3^1/_2$ ар. длины, 19 вер. шир. и 2 ар. выс. Довольно хорошій рисунокъ помѣщенъ въ „Волынь". П. Н. Батюшковъ, ст. 85; затѣмъ—Очерки рус. исторіи въ памятн. быта Н. Полевой, изд. 3, II, 113, прим. 51—гробница, открытая въ развалинахъ десятинной церкви; Древ. рус. ист. до монг. ига. М. Погодинъ, III—атласъ, л. 36, 62. Подобная изображена въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ—Полевой, II, 71; Чтеніе въ общ. ист. и древн. 1906 г., т. 217, л. LX.

[3]) Какъ всѣ, вездѣ, всегда и во всемъ почти.

[4]) На который (на могилу) перешло и самое названіе корста. (Арханг. губ.).

Волынской и Минской, а также и въ Псковской губерніяхъ [1]). Такое же прикрытіе курганомъ замѣчается и каменнаго голбца—дольмена [2]).

Другіе словяне, принявшіе могилу—яму, по тому же закону стали ставить голбцы на могилу, но уже не для самаго покойника, какъ раньше, а для его тѣни—души. Послѣдній обычай выживалъ очень долго еще и въ историческое время (до средины, и даже позже, XIX ст., напримѣръ въ Вологодской, Костромской, Тверской, Нижегородской, въ землѣ войска донскаго, въ Черниговской губерніи, гдѣ бѣлорусы ставятъ ихъ вмѣсто насыпей, и притомъ иногда лишь въ годовыя поминки. Кромѣ того голбецъ замѣняется здѣсь иногда дубовой колодой, плитой или камнемъ дикаремъ) [3]).

Такова въ общихъ, краткихъ чертахъ исторія развитія голбца, незасвидѣтельствованная, правда, письменностью, но за то съ неменьшей убѣдительностью разсказанная многими до сихъ поръ существующими постепенными видоизмѣненіями самаго голбца; исторія ясная и едва-ли могущая возбуждать большія сомнѣнія. Но въ этой ясной исторіи остается до сихъ поръ неяснымъ самое начало голбца; его русское названіе до сихъ поръ не объяснено окончательно. Видѣли въ немъ производное отъ „глубь"—(въ полногласіи голубь), связывали съ готскимъ golp (шведское—golt)—полъ [4]) и пр., но прочно установленнаго нѣтъ ни чего. Что несомнѣнно въ словѣ голбецъ, т. это то, что во 1), форма „голбецъ" не основная, а производная, (уменьшительная) отъ голбъ; во 2) не полная, а краткая, т. к. въ полногласіи, извѣстномъ и въ живомъ языкѣ, это слово произносится—голобецъ,—голубецъ; стало быть корень будетъ гол-об, гол-уб,—вторичнаго образованія. Къ этому корню стоятъ ближе всего слова: голуб-ой, голуб-ь,—(т. е. голубаго цвѣта), голуб-ить (ласкать по голубиному), ни чего недающія для уразумѣнія основного значенія слова „голубецъ". Не легко понять и причину, побудившую назвать жилищное припечное сооруженіе (голбецъ) именемъ

---

[1]) Записки отд. рус. и сл. арх. т. V, стр. 202; Зап. Имп. рус. арх. общ., т. XI, вып. 1—2, стр. 109 (въ оттискѣ) и 115; т. IX, вып. 1—2, стр. 15 (оттиска) и особенно т. X, вып. 1—2, стр. 326—331; здѣсь голбцы описаны подробно.

[2]) Древности, т. VI; Первобыт. человѣкъ. Э. Клоддъ, стр. 100; Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IX.

[3]) А. Котляревскій, то же, ст. 120, 244, 250, Замѣна голбца колодой указываетъ на первоначальное назначеніе голбца для тѣла, а не для души—тѣни покойника. Въ Тверской и Ярославской губерніяхъ голбецъ выродился въ окладку или обдѣлку могильнаго холмика досками на подобіе ящика или рундука.

[4]) Словари: Этим. Н. В. Горяева, Толковый Даля, Рус. языка втор. отд. акад. наукъ.

однороднымъ съ названіемъ намогильной постройки. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, имѣетъ значеніе нѣм. holle—*запечекъ*; [1]) (прóпасть, бездна, пучина; адъ, преисподняя, стоящее нѣкоторыми значеніями, какъ напримѣръ пропасть, бездна, въ связи съ русскимъ—глубь-(голубь), глубина), ибо голбцемъ, какъ сказано, кромѣ гробницы, называется еще небольшая деревянная пристройка къ длинной сторонѣ „русской“ печи [2]) въ видѣ высокаго приступа, рундука или ящика, сдѣланнаго надъ лазомъ,—(люкомъ, „западней“) въ подполье, прорубленнымъ въ полу, около печи. Этотъ лазъ и закрывается (маскируется) голбцемъ, въ длинной стѣнѣ котораго имѣется маленькая дверка для прохода въ подполье, а внутри поперечныя полки (надъ лѣстницей) для хозяйственныхъ надобностей. Въ Ярославской губерніи голбецъ дѣлается у печи иногда не направо отъ входной двери, у палатей, находящихся надъ этой дверью, а *за печью*, (т. е. съ противоположной ея стороны), въ стряпной, отгораживаемой отъ избы тесовой перегородкой (или только ея верхнимъ брусомъ) [3]). Въ Тверской губерніи подполье и лазъ въ него зовутся голубицей, въ другихъ мѣстахъ—нижнимъ голбцемъ, а рундукъ надъ нимъ верхнимъ голбцемъ. Голубицами же зовутся и небольшія отверстія въ надпалубной части борта судна у пола—(у палубы), служащія для стока воды съ палубы [4]). Въ Новгородской губерніи голубятницами называются лотки—соминки, а въ Вологодской губерніи самые голбцы иногда именуются гобчиками [5]). Къ сказанному нужно добавить, что

[1]) Откуда hollanderei-мыза, хуторъ. Извѣстно, что за печкой сидитъ чертъ или чертенокъ, котораго во многихъ мѣстахъ Россіи такъ и называютъ „запечникъ“—(чертъ, нечистый). Тамъ же обитаютъ и домовой, и кикимора (Поэтическ. возрѣнія славянъ на природу А. Афанасьева, т. I, стр. 15, 141).

[2]) Названіе нашей кухонной и избяной печи „русскою“ свидѣтельствуетъ, что славянская печь была иного устройства или, вѣрнѣе, ея вовсе не было, такъ какъ другія печи, употребляемыя въ Россіи, тоже не словянскія (голландскія и др.). Съ этимъ заключеніемъ вполнѣ согласны нѣкоторыя письменныя свидѣтельства, отмѣчающія у русскихъ словянъ очаги (каменки). Во всякомъ случаѣ, если у этихъ словянъ и были печи, то все-таки тотъ видъ, подъ которымъ онѣ получили названіе „русскихъ“, дали имъ руссы, кто бы они не были.

[3]) Кромѣ отмѣчаннаго въ предъидущемъ примѣчаніи, въ дополненіе къ нему можно еще напомнить пословицу: люблю, какъ черта въ запечномъ углу. О запечьѣ см. Толк. словарь жив. вел.-рус. языка Вл. Даль,—„Голбецъ“.

[4]) Словарь рус. языка втор. отдѣл. Имп. академіи наукъ,—„голбецъ“.

[5]) Искаженіе слова „голбчикъ“. Я не знаю устройства соминокъ, не была-ли лотка однимъ изъ прообразовъ голбца? Кн. Глѣба прикрыли лоткой—насадомъ, черниговскіе бѣлоруссы замѣняютъ голбцы колодою. Сомики получили свое названіе отъ р. Соминки (Соврем. 1853 г. VII, Смѣсь, 3).

въ древности подъ голбцемъ было извѣстно какое-то легкое строеніе, служившее для житейскихъ надобностей и шедшее даже въ раздѣлъ, [1]) что не приложимо къ намогильному сооруженію, и что подъ голбцемъ, по Далю, извѣстны,--кромѣ голбца—гробницы, вообще всякіе намогильные памятники, особенно-же кресты съ двускатной кровлею. Даль различаетъ голбецъ отъ голубца, видя въ первомъ часть жилищной обстановки, а во второмъ намогильное сооруженіе.

Изъ всего приведеннаго можно сдѣлать одно положительное заключеніе: голбцемъ и голубцемъ [2]), съ очень давнихъ поръ было небольшое четырехъ-стѣнное сооруженіе подъ плоской или двускатной кровлей. Затѣмъ, принявъ во вниманіе, что голбцами называются какъ намогильныя, такъ и припечныя сооруженія, при чемъ послѣднія дѣлаются ни гдѣ случится, а именно у печи, можно, кажется, думать, что первоначально жилищный голбецъ представлялъ изъ себя ни что иное, какъ ограду или отгородку, имѣвшую назначеніе заградить доступъ непосвященному къ запретному или священному мѣсту, находившемуся въ жилищѣ около очага, и что это мѣсто пріобрѣло значеніе неприкосновеннаго вслѣдствіе того, что въ немъ, (т. е. около очага или подъ очагомъ) зарывался покойникъ [3]). Иначе: у словянъ былъ нѣкогда обычай хоронить мерт-

---

[1]) Матеріалы для словаря древ.- рус. языка по письм. памятн. И. И. Срезневскій,—„голбецъ“: А что лавка наша на Хопыльскомъ ряду и голбецъ во святомъ Михаилѣ (церкви)... въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина (1396 г.)... Начаша въ лѣвомъ крилѣ церковномъ починивати, (по не-же преже были голбцы въ крылѣхъ), и начаша голбцы разрушати... и начаша помость (полъ) взрывати... Въ обоихъ случаяхъ голбцы указываются въ церквахъ и потому едва-ли могутъ быть приняты за намогильныя сооруженія: въ церквахъ хоронили лишь въ особыхъ случаяхъ. Скорѣй, голбцы въ церквахъ представляли тѣ лари, въ которыхъ прихожаны хранили свои дѣловыя бумаги, деньги и пр. Въ Новгородской губ. гробъ—ларь, ларекъ (Толк. словарь рус. яз. В. Даль). Въ сказаніи объ основаніи Москвы, сохранившемъ многія черты древности, сообщается, что князь Даніилъ, убѣгая отъ Кучковичей,—„по прилучаю найде въ *дебри* струбецъ малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый человѣкъ, князь же влѣзъ въ струбецъ той, закрыся въ немъ. (Котляревскій, 120). На остальныя намогильныя сооруженія названіе „голбецъ“ перенесено съ собственно голбца, ибо они явились позже его.

[2]) Голубцомъ называется еще кушанье,—рубленое мясо, завернутое въ капустный листъ и поджареное, подъ кислымъ соусомъ. Свое названіе оно получило, вѣроятно, отъ голубить.

[3]) У лопарей, по Певцеру, въ древности былъ обычай хоронить мертвыхъ подъ очагомъ и въ лопарскомъ пыртѣ, (тупѣ, зимнее бревенчатое, вродѣ зимовки, жилище), около камина—комелька, вдоль стѣны отгораживается бревнами (на лежакъ) небольшое пространство, считаемое особенно священнымъ. Мужчины иногда еще садятся на бревна, но переступать за ограду избѣгаютъ: тяжкій грѣхъ: женщина же не смѣетъ и сѣсть на бревно. Тѣмъ не менѣе за оградой можно

выхъ въ ихъ жилищѣ подъ очагомъ или около его, на что помимо голбца намѣкаетъ обычай руссовъ, отмѣченный Ибнъ Фадланомъ, оставлять рабовъ въ томъ шатрѣ, въ которомъ тѣ умирали, а равно примѣта, по которой собака роетъ яму у стѣны дома къ покойнику въ этомъ домѣ. Напомню еще стремленіе всѣхъ русскихъ умереть не только въ родномъ краю, на родной землѣ, но и *въ своемъ домѣ*, въ своемъ жилищѣ. Со временемъ, когда у словянъ появился страхъ или уваженіе къ мертвымъ, мѣсто упокоенія послѣднихъ сдѣлалось неприкосновеннымъ и стало отдѣляться отъ остальнаго жилища загородкой для того, что-бы не тревожили покойника. Эта ограда, развиваясь, пріобрѣла впослѣдствіи видъ припечнаго голбца, который позже, вынесенный изъ жилья [1]) вмѣстѣ съ покойникомъ, превратился въ намогильное сооруженіе, а жилищный, продолжая строиться по старой привычкѣ, пріобрѣлъ служебное значеніе—прикрывать ходъ въ подполье и служить для спанья и, какъ приступка, для лазанья на печь и полати [2]). Впрочемъ, возможно, что названіе разсматриваемыхъ сооруженій не имѣетъ къ нимъ прямаго, непосредственнаго отно-

---

хранить чашки и пр., (какъ и въ голбцѣ), хотя при доставаньи ихъ оттуда нельзя касаться ограды. (Извѣст. общ. люб. ест., ант. и этн., т. LXVI. Русскіе лопари. Н Харузинъ, стр. 318, 99—100). На Руси и кое гдѣ въ Малороссіи некрещеныхъ, (т. е. непринявшихъ еще новой вѣры, а остающихся въ прежней, отцовской), дѣтей хоронили подъ порогомъ дома (Поэтическ. возрѣн. славянъ на природу. А. Афанасьевъ, т. 3, стр. 779. О погреб. обрядахъ языч. словянъ. А. Котляревскій ст. 34). Отяки Пермской губ. въ праздники приглашаютъ усопшихъ своихъ къ трапезѣ, которая приготовляется на лавкѣ *у печи*. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XIX, в. 3—4, ст. 185). Многіе инородцы, во время ѣды кидаютъ въ священное мѣсто своего жилища объѣдки и плещутъ питье и варево, несомнѣнно, также мертвымъ. Русскіе первый масляничный блинъ кладутъ на окно „родителямъ".

[1]) Въ замѣнъ покиданія самаго жилья, каковый обычай былъ извѣстенъ а отчасти еще и теперь существуетъ у многихъ народовъ; багасъ—форехи Гвинеи зарываютъ трупъ подъ хижиной, гдѣ жилъ покойникъ, ботокудъ хоронитъ умершаго подъ лиственной кровлей своей хижины, даритъ хижину навсегда духу покойника и переселяется куда нибудь подальше; западно-бережіе африканцы строятъ для духовъ умершихъ отдѣльные домики, образующіе цѣлые деревни и города (Ист. культуры... Ю. Липпертъ, 419). Возможно, что голбецъ (ограда) сталъ сооружаться отдѣльно отъ жилья не въ силу рзсумнаго побужденія и разсчета (сохранить жилье), а вслѣдствіе случайныхъ причинъ.—Оставленное жилище мертваго, будучи непрочнымъ (наприм. чумъ), легко разрушалось и отъ него оставался лишь очагъ и голбецъ—ограда около него, что и могло подать мысль первобытному человѣку о томъ, что мертвому нужны лишь послѣдніе.

[2]) Любопытно совпаденіе значеній нѣм. holle—пропасть, т. е. яма, отверстіе, дыра—темныя и глубокія и рус. голубица—подполье, т. е. тоже темная яма; и затѣмъ еще: лазъ въ подполье и дыра въ бортѣ судна, т. е. тоже отверстія. Не обозначалъ-ли „голбецъ" сперва могилы, ямы и лишь позже ея ограду? Нужно не забывать, что деревян-

шенія и значеніе его не связано съ ихнимъ значеніемъ, т. е., что это названіе перенесено на нихъ просто внѣшнимъ образомъ, хотя бы, напримѣръ, по сходству ихъ формы съ формою того, что первое получило и дѣйствительно обозначало голбецъ [1]).

Каменная гробница—голбецъ Владиміра св. названа въ лѣтописи *„корѣстою"*, что встрѣчается и позже; такъ подъ 6600 (1092) г... Яко же глаголаху продающе (іе) корсты,—яко продахомъ корсты отъ Филипова дне до мясопуста семь тысячь (Лѣт. по Лавр. списку, ст. 121). Это слово въ полногласіи даетъ: короста, (ъ-о краткому), каковое слово до сихъ поръ вращается въ живомъ русскомъ языкѣ, обозначая кору [2]). Это обозначеніе поясняетъ то, чѣмъ была первоначальная корста: большимъ кускомъ коры, снятой съ дерева въ видѣ корыта или желоба [3]), концы котораго или сшивались вмѣстѣ, образуя остроносо-острокормовую лотку, или въ нихъ вставлялись, (или же къ нимъ приставлялись) бока, что давало корыто [4])—прототипъ колоды—гроба и лотки. Въ подобныхъ корстахъ—лоткахъ индѣйцы штата Нью Іоркъ хоронили своихъ мертвыхъ еще въ XVIII в. [5]), извѣстны онѣ и въ курганахъ Россіи [6]). Но такъ какъ снять кору съ дерева цѣликомъ,—не попортивъ ее, особенно, при отсутствіи хорошихъ инструментовъ, удавалось далеко не всегда и такъ какъ кора вообще непрочна,

наго пола или „моста",—помоста въ жильѣ русскихъ славянъ очень долго не было и что самое жилье превратилось изъ землянки въ избу довольно поздно. Такимъ образомъ нынѣшній припечный голбецъ могъ появиться сравнительно недавно.

[1]) Такъ кровельный конёкъ, а тѣмъ болѣе ларь—ко́никъ не имѣютъ ни какой прямой связи, кромѣ формы, съ живымъ конемъ, хотя ихъ названіе происходитъ отъ его названія.

[2]) Между прочимъ и кору, образующуюся отъ запекшагося гноя и сукровицы изъ золотушныхъ и другихъ гнойныхъ прыщей, отъ грязи (закорузлое тѣло), работы (мозоли).

[3]) Слово „желобъ" представляетъ, кажется, видоизмѣненіе слова „голобъ" съ позднѣйшей перемѣной г. въ ж., т. е., какъ будь-то бъ, находится въ прямой, непосредственной, преемственной связи съ словомъ „голбецъ"—голобецъ, голубецъ, разъясняя смыслъ послѣдняго. Корста—сокращенное короста и обозначаетъ кору дерева; корзно—сокращенное корозно (корозино) и обозначаетъ шкуру (кору) животнаго.

[4]) „Корыто" одного корня съ словомъ „корста" и даже только легкое измѣненіе его; и корыто, и корста первоначально были кускомъ древесной коры. Имъ же былъ и корабль по чешки—кора, греч. *κάραβος*, лат. carabus—лотка, плотъ, персид. kiraw—челнъ; др. слов. и простонародное—корабь, польск. и чеш. korab, литов. korabus (Поэт. воззр. слав. на пр. т. 1, ст. 580).

[5]) Древности, т. XIV, стр. 169.

[6]) Напримѣръ около слободы Рублевки, Богодух. уѣз., Харьков. губ. (тамъ-же ст. 174). Убійцы кн. Андрея Боголюбскаго были *зашиты въ коробы* изъ луба (т. е. коры-же) и брошены въ озеро. (Поэт. возр. славянъ на прир., т. I, стр. 580).

то у человѣка, подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, явилась мысль, съ одной стороны, сперва просто обкладывать покойника кусками коры, а позже завертывать его или *кутать* въ пологъ или полость, сшитые изъ мягкой коры, (каковы еловая, березовая и пр.), или въ циновку, рогожу, шкуру [1]) и наконецъ въ ткань [2]). Съ другой стороны, подъ тѣмъ же вліяніемъ стали къ корѣ корсты присоединять древесину, т. е. вмѣсто съемки коры начали долбить *колоды* [3]). Послѣднія первое время не очищались даже отъ коры, [4]) были очень толстостѣнны, (особенно въ концахъ,—торцахъ), съ плохо вырубленой внутренностью и вообще весьма грубы. Со временемъ ихъ начали снаружи отесывать, сперва—слегка, а потомъ даже гранями и довели ихъ стѣнки до небольшой толщины, (въ русскихъ колодахъ XVIII в. до 1/2 в.—боковыя и до 1 1/2 в. концовыя), придавъ самой колодѣ видъ шести-гранной призмы [5]). Вмѣстѣ съ употребленіемъ перенесено на колоду и названіе корсты, какъ это видно

---

[1]) Подобная „скутка“ мертваго обнаружена въ очень многихъ курганахъ Россіи,—св. Никита Переяславскій, при открытіи его мощей, найденъ также „въ берести“. (Древности т. XIV, стр. 86); орочи закутываютъ въ шкуры (Voyages autour du monde et en Okeanie, изд. M. Albert-Montement. Paris. 1855 г. La Pérouse стр. 25); отяки и черемисы еще въ XVIII в. завертывали покойниковъ въ бересто. (Рус. Мысль, 1890, IV, от. 2, стр. 173, Древности, т. XIV, стр. 87); индѣйцы дакота—въ бересто, циновки или шкуры. (Древности, т. XIV, стр. 169).

[2]) Послѣднее у русскихъ держалось очень долго, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и письменность, и иконы („съ житіемъ“),—даже XVII ст., на которыхъ умершіе, особенно, чернецы изображаются спеленатыми; спеленатой же изображается и душа Богоматери на рукахъ Христа въ изображеніяхъ успенія Богородицы. „Не има-мы повѣдати въ та времена, гдѣ его (Адріана Амосова-костромского подвижника) *окуташа* и скрыша“ (погребли. Старина и Новизна, вып. 7, стр. 23).

[3]) Горяевъ (Словарь) производитъ это слово отъ „колоть“, но едва-ли съ достаточнымъ основаніемъ: слово колоть само производное отъ колъ, которое обозначало—круглое, цилиндрическое и удлиненное; отъ этого корня происходитъ и „колода“—(кол-од-а, какъ мо-од-а, сол-од-ъ), обозначавшая сперва обрубокъ древеснаго ствола или бревна, мѣстами это значеніе держится до нынѣ: черезъ пень колоду—пословица; латин. cŏlis—стволъ растенія, стебель, отростокъ, побѣгъ (колъ); colĥco—обрубать вѣтви у дерева, т. е. околивать его, дѣлать коломъ; columna—столбъ—колъ; columen—подпора—подколокъ; cŏlus—прялка (первоначально—палка съ навязанной куделью): cŏlonia—поселокъ—околодокъ; collectio—собраніе (*количество*); colo—пахать—колоть остріемъ, тыкать.

[4]) Древности, т. XIV, стр. 175.

[5]) Подобная хранится въ ярославской церкви Іоанна Предтечи—въ „Толчковѣ“, случайно уцѣлѣвъ, какъ забытая на колокольнѣ и оставшаяся непроданой. Другая колода, болѣе грубая, сохраняется въ церкви Чудотворцевъ, въ Спасскомъ монастырѣ Ярославля и выдается за ту, въ которой лежали мощи ярославскихъ князей. Подлинность ея возбуждаетъ сомнѣнія: для троихъ она слишкомъ узка. Въ колодахъ хоронятъ сванеты—древніе ваны. (Сборн. для опис. мѣст. и плем. Кавказа, в. 36, отд. II, ст. 153).

по тому, что отяки (крещеные), перенявшіе похоронный обрядъ отъ русскихъ, зовутъ гробъ до сихъ поръ—корось (koros) [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что колоды употреблялись въ качествѣ лотокъ для плаванія, каковыя между прочимъ были открыты въ Швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Но столь-же не сомнѣнно, что для той же цѣли употреблялись, (и употребляются еще), и корсты, т. е. корьевыя лотки, и при томъ, благодаря ихъ легкости и удобству переноски, долго спустя послѣ того, какъ для похоронъ вошли въ употребленіе колоды [2]). Это обстоятельство позволяетъ предполагать, что у нѣкоторыхъ народовъ деревянная лотка не проходила степени колоды—(корыта), а создана изъ дерева съ перваго раза уже въ формѣ челна [3]) (въ ярославскомъ говорѣ—ботника или ботыря), т. е. воспроизводя форму остроносой (съ сшитыми концами) корсты. И такъ какъ корста употреблялась для похоронъ [4]), то это употребленіе было перенесено и на долбленную лотку, развившуюся изъ корсты [5]). По крайней мѣрѣ такъ думать заставляетъ то обстоятельство, что въ лоткахъ хоронили

---

[1]) Древности, т. XIV, ст. 86.—Д. Н. Анучинъ тоже держится мнѣнія, что корстами звались колоды. (Тамъ-же, стр. 178), это-же слѣдуетъ и изъ приведенной выше лѣтописной выдержки (6600 г.).

[2]) Манегры—одно изъ тунгузскихъ племенъ Сибири—плаваютъ до сихъ поръ (даже по Амуру) въ „берестянкахъ“, т. е. лоткахъ, сдѣланныхъ изъ бересты. Такими же лотками пользуются и орочи или орочены,—другое тунгузское племя, называющіе эти лодки—джоу (китай. джонка). „Амуръ“ Ф. Волковъ, стр. 111, 116.

[3]) „Челнъ“ значитъ, собственно, то же, что и колода, т. е. круглый, цилиндрическій, ибо первичная форма этого слова будетъ: колнъ, въ полногласіи колонъ (челонъ); *ч* въ немъ развилось изъ *к*. Горяевъ (Этим. словарь) „челнъ“ сопоставляетъ съ нѣмецкимъ schalmen—сдирать кору, древн. вер. нѣм. schalm—судно, корабль. Но родство между тѣмъ и другими не ясно. Если отстаивать *ч*, то скорѣй можно думать, что челнъ получилъ свое названіе оттого, что имѣлъ „чело“ т. е. (какъ часто и нынѣ) тупой конецъ—„лобъ“. (Въ русской печкѣ челомъ зовется стѣнка надъ устьемъ, въ строеніяхъ челомъ или лбомъ зовутся боковыя треугольныя стѣнки подъ крышей, закрывающія чердакъ). Но дѣло въ томъ, что и въ „чело“ *ч* не основное: латин. Celox, celotium, céles,—лотка, легкое судно, шлюпка. Сверхъ всего нужно еще замѣтить, что *ч* не основной, а производный звукъ (чрезъ с, ц въ ч); лат. celox свидѣтельствуетъ, что челнъ былъ у арійцевъ уже тогда, когда *к* еще не смягчалось въ *ч*.

[4]) И для нихъ, а не для плаванія, вѣроятно, и создана была первоначально, такъ какъ дикарь, будучи хорошимъ плавцомъ, долго не пользуется лоткой, создавая сперва плотъ, который состоитъ всего изъ 1—2 бревенъ, служащихъ для поддержки во время отдыха. Человѣкъ. А. Циммерманъ, т. I, ст. 352.

[5]) Въ исторіи русской лотки имѣетъ большое значеніе лотокъ,—толстая доска съ полого округленными боками, плоскимъ широкимъ дномъ, съ полого-скошенными концами и выдолбленной серединой, нѣчто вродѣ очень мелкаго корыта. На нихъ мелкіе торговцы продаютъ грушу, апельсины, комнатные цвѣты, а бабы въ деревняхъ мѣсятъ тѣсто.

(и хоронятъ) не рѣдко народы, въ жизни которыхъ вода ни когда не имѣла большаго значенія [1]), вслѣдствіе чего и лотка не могла стоять у нихъ на первомъ мѣстѣ и считаться необходимымъ для мертваго предметомъ [2]). У такихъ народовъ употребленіе для похоронъ лотки вѣрнѣе объяснять привычкой и преемственностью (традиціей), чѣмъ видѣть въ этомъ обычаѣ осмысленный пріемъ, тѣмъ болѣе, что, кладя мертваго въ лотку, замѣнившую корсту, не снабжаютъ его веслами, какъ дѣлаютъ тѣ племена, для которыхъ лотка—предметъ первой необходимости.

Наконецъ, съ третьей стороны, непрочность корьевой корсты повела къ замѣнѣ ея плахами или досками, которыми обкладывали или обставляли трупъ, лежавшій на почвѣ, со всѣхъ сторонъ. Въ послѣднемъ случаѣ получался ящикъ [3]).

Совершенствуясь, этотъ способъ похоронъ далъ въ концѣ концовъ также голбецъ (въ широкомъ значеніи, гробницу, ящикъ), который назывался и корстою, что слѣдуетъ изъ приведенной выше выдержки лѣтописи,—(въ коръсту моромаряну).

Имѣя въ виду, что на сѣверѣ Россіи корстою или керстою называютъ могилу [4]), можно и, кажется, съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что *одна изъ словянскихъ могилъ*, (въ общемъ широкомъ пониманіи этого слова), *была наземная*, т. к. съ несомнѣнно наземнаго похороннаго сооруженія [5]), замѣнявшаго нѣкогда нынѣшнюю могилу и называвшагося корстою, перенесено это названіе на христіанскую могилу.

Прямыхъ указаній на то, что русскіе словяне свои языческія могилы или, точнѣе, гробницы возвышали надъ

---

[1]) Индѣйцы чинуки и другія племена сѣверо-западныхъ земель, въ Орегонѣ, Вашингтонѣ и пр. Тунгузы хоронили въ корьевой лоткѣ—(„вѣткѣ“), остяки, вогулы и пр. (Древности, т. XIV, ст. 168—172).

[2]) Употребленіе лотки для похоронъ объясняютъ тѣмъ, что у многихъ народовъ загробный міръ предполагается находящимся или на островѣ среди моря, или за моремъ, или же за особой рѣкой (тамъ-же). Къ приморскимъ племенамъ такое объясненіе можетъ быть приложено, къ большинству же словянъ нѣтъ, такъ какъ большинство это съ глубокой древности было материковымъ и, что особенно, земледѣльческимъ народомъ, т. е. такимъ, для котораго важнѣе всего была мать—сыра земля.

[3]) Выживающій въ Черногоріи до нынѣ, а равно у остяковъ, самоѣдовъ (Древности, т. XIV, стр. 86); черемисы и чуваши, даже принявъ христіанскую могилу, продолжаютъ и въ ней обставлять трупъ четырмя досками (тамъ же, стр. 87, 135; Изв. общ. арх. ист. и этногр. т. XXII, стр. 47); алтайцы и вогулы трупъ, положенный на землю, закладываютъ колодами—бревнами (тамъ же, стр. 173. Нива, 1896 г. стр. 1047).

[4]) Опытъ област. вел.-рус. словаря. 1852 г.—„керста“.

[5]) Все равно, въ сущности, съ корсты,—(собственно), колоды или голбца.

землею, за исключеніемъ указанія лѣтописи о постановкѣ сосуда съ пепломъ на столбѣ, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду какъ это показаніе, такъ и огромную распространенность подобнаго похороннаго пріема, а также наличность у словянъ гробницъ такихъ видовъ (корста, колода, лотка), нѣкоторые изъ коихъ, обыкновенно и вездѣ, сопровождаются приподниманіемъ такихъ гробницъ надъ землею на подставки [1]), и наконецъ имѣя въ виду общность и однообразность причинъ, побуждающихъ прибѣгать къ такому способу похоронъ, (защитить трупъ отъ хищниковъ), можно допустить, что подъемъ гробницъ (и трупа) надъ землею на подставки былъ извѣстенъ и нѣкоторымъ русскимъ словянамъ, хотя, судя по корстѣ Владиміра св., и по собственно голбцамъ, развившимся непосредственно изъ наземной могилы—ограды и ящика, у нихъ господствовалъ, (изъ могилъ такого вида) видимо, наземный голбецъ и не только въ XI в., но и много раньше. Съ большимъ правомъ, кажется, можно утверждать, основываясь на лѣтописи, что русскимъ словянамъ былъ извѣстенъ и дѣйствовалъ у нихъ обычай похоронъ *въ дуплахъ* или на деревьяхъ, знакомый и другимъ племенамъ, между прочимъ и сосѣднимъ съ словянами, какъ напримѣръ лопарямъ [2]). По крайней мѣрѣ только подобнымъ способомъ похоронъ можно ближе всего объяснить постановку сосуда съ пепломъ на столбѣ, замѣнившемъ, съ принятіемъ сожженія, живое дерево.

---

[1]) Орачи завернутый въ шкуру трупъ кладутъ въ лѣсу или на „лобазъ“—небольшой помостъ на кольяхъ (Voyages autour.., La Pérause, стр. 25), или въ ящикѣ, устроенномъ между столбовъ на высотѣ 1 арш. надъ землей (Древн. т. XIV, ст. 170); тунгузы, юраки, остяки трупъ, завязавъ въ шкуру или положивъ въ колоду, ставили въ ящикъ, сдѣланный на столбахъ (тутъ же, стр. 169); у индѣйцевъ чиппевеевъ—въ ящикъ, устроенный между жердями или кольями надъ землей (тутъ же, и рисунокъ); якуты—въ колоду, поднятую на 1 саж. надъ землею на столбахъ, или въ голбцѣ—наземномъ домикѣ; таитяне укрѣпляютъ въ нѣкоторомъ разстояніи надъ почвою толстую колоду—бревно между столбовъ и на нее кладутъ скутанный трупъ, а надъ этимъ лобазомъ сооружаютъ высокую двускатную кровлю на столбахъ (Voyages autour... Jacques Cook, стр. 9).

[2]) Древности, т. XIV, стр. 133. Этотъ обычай тоже довольно распространенъ: лопари хоронятъ, между прочимъ, и въ выдолбленныхъ деревьяхъ, то же дѣлаютъ австралійцы (тамъ же стр. 180, прим.); индѣйцы дакота хоронятъ на деревьяхъ (или лобазѣ) (тамъ же стр. 189): камчадалы хоронили въ дуплахъ младенцевъ (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. X, в. 1, стр. 80); русская загадка говоритъ: на полѣ царинскомъ, *въ дубу гробница,* въ гробницѣ дѣвица—огонь высѣкаетъ, сыру землю зажигаетъ (гроза.—Поэт. возр. слов. на прир. т. I, стр. 580). Въ житіи кн. Константина Муромскаго: гдѣ *дуплинамъ* древянымъ вѣтви убрусцами обвѣшающіи и симъ поклоняющіися?.. и ременная плетенія древолозная съ ними (мертвыми) покоповающеи? (Древ. рус. ист. до мон. ига. М. П. Погодинъ, т. II, стр. 921). Въ показаніи Нестора о похоронахъ при дорогахъ нѣтъ основаній сомнѣваться: на Руси у дорогъ хоронили самоубійцъ еще въ XIX в., по Олеарію въ

Переходя *къ курганамъ*, нужно отмѣтить прежде всего, что при такой сравнительно высокой степени развитія наземныхъ гробницъ, какой достигли, судя по всему, русскіе словяне къ IX в., т. е. ко времени появленія у нихъ кургановъ въ средней и сѣверной Россіи, и при той степени привязанности русскихъ словянъ къ гробничному способу похоронъ, какая выразилась въ возведеніи голбцевъ до позднѣйшаго времени, не смотря на запрещенія,—трудно допустить, что-бъ курганы у русскихъ словянъ явились собственнымъ самостоятельнымъ изобрѣтеніемъ, а не заимствованіемъ, и при томъ заимствованіемъ позднимъ, ибо иначе,—какъ объяснить ихъ привязанность хотя бы къ голбцамъ, выживающимъ до сихъ поръ? Подобное допущеніе сдѣлается еще невозможнѣе, если принять во вниманіе, что словяне, живя на р. Дунаѣ, у Карпатъ и въ другихъ мѣстахъ западной Европы по меньшей мѣрѣ уже съ I в. по Р. Х. [1]), видѣли всюду кругомъ себя и даже на занятыхъ ими самими земляхъ курганы, которые насыпались тамъ еще въ пору камники, а въ теченіи бронзики и въ желѣзнику появились чуть не вездѣ въ большомъ количествѣ и, при томъ, того вида (срѣзокъ шара), который преимущественно свойственъ средне и сѣверно-россійскимъ курганамъ. Придя въ Россію, словяне также нашли въ ея южной половинѣ уже готовые курганы, существовавшіе тамъ, опять-таки-же до нихъ за нѣсколько столѣтій. Такимъ образомъ русскіе словяне, если даже хотѣли-бы самостоятельно изобрѣсти курганы, живя въ Россіи, то не могли бы этого совершить: мудрено отворить отворенную дверь. Все, что они могли сдѣлать въ указанномъ направленіи, это только

Ливоніи хоронили на дорогѣ, преимущественно на перекресткѣ, некрещеныхъ дѣтей. (Тамъ же, т. III, стр. 799). Святополкъ похоронилъ Тугоркана (1196 г.) межи путемъ. Косма Пражскій, говоря о Братиславѣ или Брячиславѣ II, повѣствуетъ подъ 1092 г. между прочимъ слѣдующее о западныхъ словянахъ: также похороны, которые совершались въ лѣсахъ и въ поляхъ, какъ и въ шалашахъ, которые по народному обычаю созидали на перекресткахъ и на распутьяхъ, какъ бы душь для отдыха (буквально для душь отдыха); также игры простонародныя, кои надъ мертвыми своими, невидимыя (суетныя) вызывая тѣни (души) и одѣвши лица масками, во время вакханалій отправляли... (Item sepulturas, quae fiebant in sylvis et in campis atque scenas, quas ex gentile ritu faciebant in biviis et in trivus, quasi ob animarum pausationem, item et jocos profanos, quos super mortuos suos inanes cientes manes ac induti faciem larvis bachando exercebant...). У киргизовъ быть похороненымъ у дороги или на возвышеніи считается большимъ почетомъ, такъ какъ могилу на такихъ мѣстахъ видятъ многіе и изъ далека, а стало быть о ней разспрашиваютъ и память похороненнаго такимъ образомъ не забывается. (Запис. З.-Сибир. отд. рус. геогр. общ. кн. XXVIII, ст. 85).

[1]) Обзоръ доисторическ. археологіи въ Балтійскихъ губерніяхъ. Н. Н. Харузинъ, стр. 143.

перенять, заимствовать и подражать. Однако словяне, видимо, и этого не хотѣли или не могли дѣлать очень долго, какъ слѣдуетъ изъ того, что первые несомнѣнно словянскіе курганы появляются въ средней и сѣверной Россіи не ранѣе конца IX в. [1]), не смотря на то, что жили тамъ словяне, наименьшее,—съ IV в. по Р. Х., и изъ того, что своихъ собственныхъ способовъ похоронъ (въ голбцѣ) они держались очень долго, не упраздняя ихъ совсѣмъ и тогда еще, когда уже приняли курганы. На это обстоятельство до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія, но я упираю на него вслѣдствіе его важнаго основного значенія и требую, что бы съ нимъ считались, ибо безъ надлежащаго объясненія этого обстоятельства всѣ разговоры о самостоятельномъ возникновеніи кургановъ у русскихъ словянъ, на примѣръ, въ родѣ фантазированій объ избушкѣ на курьихъ ножкахъ и даже о голбцѣ, какъ о прообразахъ русскихъ словянскихъ кургановъ, не болѣе, какъ толченіе воды въ ступѣ. Самостоятельно курганы могли бы появиться у словянъ лишь въ обще-арійскую пору ихъ жизни, т.-е. въ пору появленія кургановъ въ Европѣ [2]), но они не знали еще ихъ тогда, какъ видно изъ того, что у индо-европейскихъ народовъ нѣтъ общаго названія не только для кургановъ, а и для могилы вообще [3]): у юго-западныхъ тумба, томба,

---

[1]) Противъ чего пока ни кто не возражаетъ. С. М. Соловьевъ (Ист. Рос. кн. I, ст. 68), ссылаясь на житіе Константина Муромскаго и на поляковъ, признаетъ курганы у словянъ за ихъ собственное изобрѣтеніе, но онъ упустилъ изъ вида, что финны—мурома хоронили своихъ мертвыхъ въ могильникахъ, т. е. безъ насыпей и курганы среди нихъ насыпали ихъ словянскіе насельники, принявшіе уже эти могилы къ тому времени (XII в.). Что же касается поляковъ, то ихъ выходцы въ Россію вятичи еще въ XI в. ставили прахъ въ сосудѣ на столбѣ, т. е. кургановъ не насыпали и такихъ у нихъ не извѣстно; стало быть они ихъ не принесли съ собою изъ З. Европы и тамъ ихъ не употребляли, а получили въ Россіи,

[2]) Хотя и тогда они имѣли бы все-таки уже предшественниковъ—въ „долгихъ“ курганахъ иберовъ. (Происхожденіе арійцевъ... И. Тейлоръ). Слово курганъ занесено въ Россію изъ Азіи: нов. перс. gur—chanê, джагат. kurgán—могильный домъ, т.-е. надмогильное сооруженіе; часовня, гробница, пожалуй—голбецъ (въ болѣе общемъ смыслѣ). Занесли его кочевники въ южныя степи, гдѣ только оно и привилось, и держится до сихъ поръ у малороссовъ, встрѣчаясь и въ говорѣ, и въ пѣсняхъ. Въ сѣверной половинѣ Россіи оно было мало извѣстно и подъ нимъ здѣсь разумѣли, видимо, именно могилы кочевниковъ, по крайней мѣрѣ въ I новгор. лѣтописи подъ 1224 г. упоминается „половѣчьскый курганъ“.(Котляревекій, стр. 22).

[3]) Лат. tumba, итал. tomba, франц. tombe—могила связаны съ санскр. tuṅga—возвышеніе и съ лат. tumeo—вздыматься, пухнуть, вздуваться. Однако эти слова еще не говорятъ о томъ, что-бъ могильное возвышеніе было непремѣнно холмомъ: франц tombe значитъ прежде всего надгробный камень, затѣмъ—гробница и даже въ третьемъ значеніи могила, англ. tomb—гробница, гробъ; общее тумба—столбикъ, греч. τυμβος — холмъ, курганъ.

у сѣверо-восточныхъ—гробъ, (англ. grave, нѣм. gruft, grube, гот. gróba, литов. grabás, словянс. гробъ) [1]).

Такимъ образомъ вопросъ о самостоятельномъ возникновеніи кургановъ у русскихъ словянъ можно, кажется, почесть исчерпаннымъ хотя бы въ главномъ, и если заниматься чѣмъ ни будь въ этомъ направленіи, такъ лишь выясненіемъ,—откуда, у кого и когда словяне данной мѣстности Россіи заимствовали свои курганы; добровольно или принудительно совершилось такое заимствованіе; какъ и въ чемъ выразилось ословяненіе ихъ и какъ и чѣмъ отразилось заимствованіе на самихъ словянахъ.

Выше показано, что, принявъ новую форму могилы, русскіе словяне сочетали съ нею свои прежнія гробницы. Такъ, насыпая курганъ, а позже дѣлая христіанскую могилу, они ставили на насыпь или надъ могилой голбецъ, или же самый холмикъ обдѣлывали досками въ видѣ ящика. Тотъ же пріемъ сочетанія стараго съ новымъ можно подмѣтить и въ иныхъ проявленіяхъ. Ибнъ Даста (или Дустэ),—современникъ Игоря (около 900 г. по Р.) и одинъ изъ болѣе достовѣрныхъ арабскихъ писателей о словянахъ,—сообщаетъ [2]), что словяне, жившіе въ десяти дняхъ пути (300 вер.) отъ печенеговъ, пепелъ отъ сожженія покойника собирали на другой день по сожженіи и клали въ сосудъ, *который ставили на холмѣ, насыпанномъ заранѣе.* Послѣднее слѣдуетъ изъ того, что, по его же словамъ, любимую жену, сжигаемую вмѣстѣ съ мужемъ, душили надъ *могилой* (по Котляревскому, стр. 54, близь тѣла) послѣдняго и *съ нея относили на костеръ* къ нему, т.-е. слѣдовательно, могила эта или курганъ была уже сдѣлана раньше костра. На томъ же холмѣ черезъ годъ семья справляла поминки обильнымъ питьемъ и ѣдой. Изъ этого сообщенія ясно, что въ подобныхъ курганахъ не должно быть ни кострища, ни остатковъ сожженія, такъ какъ сожженіе производилось на сторонѣ, а получавшійся отъ него пепелъ ставился на поверхности кургана въ горшкѣ. Дѣйствительно, такихъ „пустыхъ“ кургановъ обнаружено раскопками множество. Ихъ „пустоту“ пробовали объяснять разно: случайностью, небрежностью

[1]) Въ новгородской губ. „гробъ“ значитъ еще ларь, ларекъ, т.-е. голбецъ; въ Вятской губ.—огромное, неуклюжее, не исключая и человѣка. (Толк. словарь жив. рус. яз. В. Даль). Извѣстно (по иконописи и миніатюрамъ), что древній русскій гробъ былъ ящикомъ сперва долбленымъ, позже сколоченымъ; впрочемъ въ курганахъ сколоченые гробы встрѣчаются съ X в. и даже ранѣе, но форма ихъ еще не выяснена.

[2]) Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ. (И. Е. Забѣлинъ, Котляревскій, стр. 54). Я здѣсь не раздѣляю руссовъ и словянъ въ виду того, что въ X в. обряды тѣхъ и другихъ во многихъ случаяхъ объединились.

раскопки, бѣдностью покойника и пр. В. И. Сизовъ [1]) высказалъ даже предположеніе,—не насыпались-ли такіе курганы въ память умершихъ на чужбинѣ для совершенія на нихъ родными различныхъ обрядовъ въ честь этихъ умершихъ [2]), т.-е. не были-ли „пустые“ курганы кенотафами. Мнѣ кажется, что „пустота“ кургановъ лучше всего объясняется приведеннымъ извѣстіемъ современника ихъ Ибнъ-Дустэ. Что же касается самаго обряда, то въ немъ видимъ то же явленіе, что и въ постановкѣ голбца на насыпь могилы, т.-е. сочетаніе прежняго похороннаго обряда съ новымъ. Несторъ сообщаетъ, что словяне горшокъ съ прахомъ ставили на столбѣ, при пути,—(е-же творятъ вятичи и нынѣ; си же творяху обычая кривичи и прочіе поганіи, т.-е. какъ разъ тѣ, что жили къ З. отъ печенеговъ), т.-е., что кургановъ не насыпали [3]). Когда эти словяне усвоили себѣ курганы, то начали ставить похоронный горшокъ на курганъ, сохранивъ свой обрядъ въ остальномъ неизмѣннымъ: какъ и при настолбныхъ похоронахъ, кострищу не придается значенія,—жгутъ въ сторонѣ отъ мѣста насыпки кургана, прахъ съ кострища собирается и относится на

---

[1]) Матеріалы по археологіи Россіи, № 28, стр. 31—33. См. еще Труды II обл. Твер. арх. съѣзда. отд. I, стр. 56, гдѣ кн. Ан. А. Шпринскій-Шихматовъ нѣкоторые пустые курганы считаетъ святынями, мѣстонахожденіемъ идоловъ и т. п. Онъ ссылается при этомъ на И. А. Иванова. Спицинъ, не объясняя, сомнѣвается въ кенотафіи: очень много. Въ „кривичскихъ“ псковскихъ курганныхъ кладбищахъ пустыя насыпи правило, почти неимѣющее исключеній. Гнѣздовскіе пустые курганы очень малы (Изв. Археол. Ком., в. 15, стр. 10). Послѣднее понятно: ихъ насыпали словяне вмѣсто своихъ столбовъ, только, какъ подставку подъ горшокъ, отчего и дѣлали небольшими: они не были для словянъ могилами.

[2]) Д. Н. Анучинъ (Энцикл. словарь Брокгаузъ и Ефронъ, „могилы“) сообщаетъ, что у нѣкоторыхъ народовъ было въ обычаѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда родственникъ погибалъ на чужбинѣ, на его родинѣ устроивать мнимыя похороны: дѣлать могилу и въ нее класть вещи умершаго (т. XIXа, стр. 577). Отъ куда взято это извѣстіе, не знаю. То же высказываетъ А. А. Спицинъ (Матер. по археол. Россіи, № 14, стр. 13).

[3]) По мекленбургцу Ник. Маршалку (1470—1526 г.) западные словяне бодричи знатныхъ мертвыхъ погребали (подъ вліяніемъ германцевъ или варяговъ?), простыхъ же жгли, собирали пепелъ въ урны и эти урны—(горшки) вмѣстѣ съ вещами ставили при дорогѣ. Кн. Брячиславъ—ярый христіанинъ запретилъ, какъ упомянуто, чехамъ хоронить покойниковъ *въ лѣсахъ, на поляхъ и на перекресткахъ дорогъ* и отправлять языческія игрища, совершавшіяся въ честь *душъ мертвыхъ*. Перекрестки считаются до нынѣ по всюду въ Россіи страшнымъ мѣстомъ, въ Козельскомъ уѣздѣ (Калужск. губ.) на нихъ при провозѣ или проносѣ покойника бросаютъ горшки и пучки соломы—(предметы, употреблявшіеся при обмываніи мертваго), а самые перекрестки зовутся „разставаньемъ“. (Калужск. старина, т. III, стр. 39—42). Въ Ярославской губерніи указанные предметы выкидываются иногда тоже у дороги, но чаще за околицей деревни, въ полѣ и при томъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не могли бы набрести на нихъ ни

другое мѣсто, а само кострище оставляется безъ насыпи и вообще безъ вниманія, что опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что кострище въ глазахъ словянъ не имѣло важности и не являлось похоронным мѣстомъ, связаннымъ какой-либо внутренней мысленной связью съ покойникомъ. Оно, очеведно. было не нужно послѣднему. Точно также и курганъ, насыпавшійся не на мѣстѣ сожженія—(т.-е. не на мѣстѣ настоящихъ или дѣйствительныхъ похоронъ), а на произвольно выбранномъ, и не заключавшій въ себѣ ни какихъ остатковъ мерваго, ради котораго онъ насыпался, ясно, не имѣлъ [1]) значенія могилы, т.-е. сооруженія, предназначеннаго для храненія въ себѣ останковъ умершаго. Онъ исключительно замѣнилъ только столбъ словянскаго обряда. Въ остальномъ оба обряда были сходны и по тому тѣмъ легче могли слиться въ одинъ общій. Въ дальнѣйшемъ такой новый обрядъ долженъ былъ развиваться въ томъ направленіи, что горшокъ съ пепломъ (или одинъ пепелъ) долженъ былъ постепенно углубляться въ курганъ, ибо на курганѣ подвергался всякимъ случайностямъ. И дѣйствительно встрѣчается очень много кургановъ, въ которыхъ пепелъ, въ горшкѣ или безъ него, находится въ самой вершинѣ кургана, сейъ-часъ же подъ дерномъ [2]). Слѣдя

скотина, ни человѣкъ. Если кто ни будь возметъ эти предметы или скотина прикаснется къ нимъ,—ихъ ждетъ смерть. По св. Бонифацію балтійскіе словяне въ VIII в. мертвыхъ жгли; нѣмецъ фонъ Гагенофъ, послѣдовавшій ост. Рюгенъ и часть Помераніи (Поморія), свидѣтельствуетъ, что по всей странѣ словянъ рановъ и поморянъ разсѣяны похоронныя *поля сожженія*, неимѣющія (нынѣ) ни какихъ кладбищенскихъ признаковъ и по тому открываемыя случайно. Во многихъ мѣстахъ Помераніи народъ зоветъ какъ курганы, такъ и эти поля гунскими могилами (Hünen gräber) или, рѣже, могилами mogillen, mogrillen). На похоронныхъ поляхъ горшки (урны) просто зарыты неглубоко въ землю или иногда обложены небольшими камнями; горшокъ стоитъ на трехъ небольшихъ же камняхъ и прикрытъ четвертымъ. (Мной на Михайловскомъ курганномъ кладбищѣ найденъ въ одномъ курганѣ погребенія горшокъ, прикрытый глиняной грубой лепешкой—крышкой). Горшки стоятъ и лежатъ подлѣ другъ друга и другъ надъ другомъ иногда въ порядкѣ, съ промежутками, иногда безпорядочно. Они красивой формы, есть съ полосками и рисунками, часто съ ручками. Въ нихъ рѣдко что попадается, кромѣ пепла и жженыхъ костей (Тамъ-же, по А. Гильфердингу—IV, стр. 192—196). Народъ названіе перенесъ на поля съ кургановъ: поля невидны, неизвѣстны. Если похоронные поля принадлежатъ словянамъ, какъ признаетъ и нѣмецъ Лишъ и многіе другіе и что очень возможно, то это обстоятельство служитъ лишнимъ подтвержденіемъ, что словяне кургановъ не употребляли, поморяне прямо зовутъ ихъ гунскими могилами.

[1]) Въ пору такого отношенія къ курганамъ словянъ. Ибнъ-Фадланъ (около 921 г.) сообщаетъ, что курганъ насыпался на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло вытащенное изъ воды судно умершаго, а не гдѣ горѣлъ костеръ. (Котляревскій, стр. 69),—„тогда на мѣстѣ, гдѣ стояло вытащенное изъ воды судно (а не на мѣстѣ костра) насыпаютъ холмъ".

[2]) Сизовъ (Матер. по арх. Рос. № 28) объясняетъ такой способъ похоронъ принесеніемъ родными или земляками праха соженнаго

дальше, найдешь не мало кургановъ, въ которыхъ пепелъ или, вѣрнѣе, прахъ помѣщенъ (говоря вообще) на срединѣ высоты ихъ и подъ которыми обыкновенно находится уже и кострище [1]) или зола, (какъ думаютъ, отъ сожженія соломы). Наконецъ попадаются курганы, въ которыхъ остатки сожженія оставлены на кострищѣ въ томъ положеніи, въ какомъ они находились при потуханіи костра, или сгребеные въ кучку (пеплякъ), или же сложеные въ горшокъ. Послѣдніе курганы (съ прахомъ на кострищѣ), если они относятся къ болѣе раннему времени, т.-е. къ времени начала усвоенія русскими словянами курганнаго способа похоронъ, должны быть приписаны во многихъ, (если не въ большинствѣ) случаяхъ тому племени, которое ввело этотъ обычай въ данной мѣстности. Если же подобные курганы насыпаны въ болѣе позднее время, то они знаменуютъ, что новый способъ похоронъ, къ взятому времени, усвоился словянами болѣе или менѣе полно. Понятно, что совершеннаго однообразія въ устройствѣ кургановъ нельзя ожидать, особенно, въ первое время по ихъ принятіи, ибо, какъ всякое нововведеніе и какъ всегда и вездѣ, и курганы усвоивались не съ раза, не всѣми и въ разной мѣрѣ; во всякой словянской отдѣльности были люди и передовые, и средніе, и отсталые, что особенно рѣзко сказывалось и сказывается въ дѣлахъ вѣры, въ которыхъ словяне чрезвычайно неподвижны и неподатливы, до нынѣ сохраняя чуть не полностью свои языческія воззрѣнія. Сизовъ для Гнѣздовскаго (близь Смоленска) кладбища даетъ любопытную

на чужбинѣ на родину, или стравой—поминками (стр. 18, 31). Но если было бы вѣрно первое, то, спрашивается, что мѣшало поставить горшокъ на материкѣ, разъ обычай требовалъ бы именно этого? Курганъ въ большинствѣ случаевъ не могъ насыпаться за ранѣе, ибо о смерти даннаго лица его родственники могли узнать,—чаще всего, лишь съ возвращеніемъ земляковъ, приносившихъ и самый прахъ. Вѣдь почтъ и телеграфовъ не было и самыя путешествія были далеко не безопасны, по этому и сообщенія не отличались быстротой и легкостью. Нужно отмѣтить также, что среди многихъ извѣстій объ увозѣ словянами добычи и плѣнныхъ и о ихъ похоронныхъ обрядахъ нѣтъ ни одного показанія объ уносѣ ими праха погибшихъ на чужбинѣ съ собою на родину, хотя есть указанія о подбираніи убитыхъ и раненыхъ и о похоронахъ первыхъ. Если было бы вѣрно второе (страва), то среди костей не должно бы попадаться человѣческихъ и сами кости не должны были бы быть жженными, какъ то наблюдается сплошь и рядомъ, ибо страву не жгли, а приготовляли для ѣды. Впрочемъ, случаи принесенія праха на родину вообще существовали: павшаго въ битвѣ, ливскаго старшину Каупо (герой) сожгли, прахъ принесли на родину и похоронили съ оружіемъ и украшеніями, не бывшими въ огнѣ и на кострѣ. (Обзоръ доист. арх. въ Балт. губ. Н. Н. Харузинъ, стр. 133). Но относящееся къ выдающимся лицамъ не составляетъ общаго правила.

[1]) Т.-е. кургану придается уже значеніе, какъ кургану, т.-е. какъ переставшему быть только подпорой и ставшему уже могилой.

табличку [1]). Изъ 78 разрытыхъ имъ кургановъ оказалось: 29 пустыхъ, 35 съ сожженіемъ внѣ кургана и только 14 съ сожженіемъ въ курганѣ, т. е. съ насыпкой кургановъ на кострищѣ. Остальные 64 кургана насыпаны въ сторонѣ отъ кострищъ; т.-е. изъ 78 семей только 14 [2]) усвоили курганные похороны вполнѣ, 35—на половину, а 29 только приняли курганы, только начали еще переходить къ этому способу [3]).

Если теперь поставить вопросъ,—отъ кого словяне средней и сѣверной Россіи могли перенять курганный способъ похоронъ,—то отвѣтъ долженъ опредѣлиться прежде всего временемъ появленія словянскихъ кургановъ въ указанныхъ широтахъ, какъ дающимъ всѣ другія указанія. Это же время по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ не древнѣе IX в.

Какой же народъ могъ занести курганы около этого времени въ сѣверную половину Россіи, или, иначе,—у какого народа русскіе словяне указанной мѣстности могли перенять ихъ?

---

[1]) Матер. по арх. Россіи, № 28, стр. 33. Всѣ только что перечисленные виды курганныхъ похоронъ извѣстны и въ Ярославской губерніи.

[2]) Если допустить даже, что среди нихъ не было ни одной иноплеменной, введшей курганный способъ похоронъ. Интересныя данныя приведены въ Записк. рус. арх. общ. (т. X, в. 1–2, стр. 326) о курганахъ на р. Березинѣ въ Бобруйскомъ уѣздѣ, Минской губ., располагающихся небольшими кладбищами. Изъ 234 разрытыхъ кургановъ оказалось сожженіе въ 20, погребеніе въ 214. Изъ нихъ въ 185 на материкѣ, въ 25 въ ямѣ и въ 4 въ насыпи. Изъ 185 наземныхъ въ 14—сидя, ногами къ В. Жженіе относятъ къ X в., сидячее погребеніе къ XI в., ямное къ XI—XII в. Ямы мелки,—½—1½ ар., насыпи надъ ними самыя низкія, и при томъ, *четыреугольныя*; въ 6 изъ 25 слѣды гробовъ,—сосновыхъ колодъ или оградъ изъ досокъ, поставленныхъ на ребро около трупа и укрѣпленныхъ колышками. Очевидно, что на устройство этихъ могилъ оказало воздѣйствіе христіанство. Но рядомъ съ ними встрѣчены и болѣе старобытныя; колоды и досчатыя ограды найдены и на материкѣ, и даже на кострищахъ; гробы найдены еще въ голбцѣ—(„теремкѣ“, „хоромкѣ“). Кромѣ указанныхъ способовъ здѣсь же были погребенія на материкѣ въ срубахъ, т.-е. оградахъ, изъ которыхъ одна состояла всего изъ одного вѣнца бревенъ 3 ар. 7 в. × 18 вер. Одинъ изъ голбцевъ былъ срубленъ изъ бревенъ 10 вер. толщины и покрытъ двускатной тесовой кровлей съ гребнемъ. Словомъ, изслѣдованная мѣстность представляла собою какъ бы музей по исторіи развитія словянскихъ могилъ. Неужели теремки и срубы не взяты въ музей?!

[3]) Изъ 55 разрытыхъ мною (въ 1898 г.) кургановъ Михайловскаго (подъ Ярославлемъ) кладбища: пустыхъ 9, сожженіе внѣ кургана 18, въ курганѣ 28. Типы похоронъ: 1) кострище не трогалось, засыпаясь такимъ, какимъ осталось послѣ сожженія; 2) остатки кострища слегка подгребались, образуя очень низкую, весьма пологую кучу—пластъ; 3) все тщательно сгребалось въ общую небольшую кучку (пеплякъ) которая иногда расположена въ извѣстномъ отношеніи къ странамъ свѣта и которой придавалась извѣстная форма; 4) остатки сожженія складывались въ ямку, вырытую въ материкѣ; 5) въ горшокъ, ставив-

Русскіе словяне, разъ они *не принесли курганнаго способа похоронъ съ собою съ З*, могли заимствовать его только у тѣхъ народовъ, которые или жили среди ихъ,—за что больше всего вѣроятности,—или окружали ихъ, за что тоже много вѣроятности, или-же, у тѣхъ, которые хотя и не жили по близости словянъ, но съ которыми послѣдніе имѣли сношенія и бывали въ ихъ земляхъ. На сколько выяснено пока, русскихъ словянъ окружали въ IX в. съ СЗ, С, СВ и В—финны [1]); съ В—же, ЮВ и Ю—турки и монголы [2]); съ ЮЗ—словяне; съ З—словяне-же и литва. Финны, на сколько извѣстно, въ древности не имѣли кургановъ (земляныхъ) и хотя въ земляхъ западныхъ финновъ они и встрѣчаются и при томъ очень древніе—II—IV в. по Р. [3]), но насыпаны не финнами, какъ слѣдуетъ изъ того, что финны ихъ за свои не считаютъ, а латыши многіе изъ нихъ прямо называютъ кривскими могилами: креву или криве—каппи, (kreewu—kappi, krive—kappi) [4]). Преобладающимъ видомъ финскихъ могилъ были *могилы оградныя*, весьма часто, если не преимущественно,—камневыя, наземныя. Кромѣ того у западныхъ финновъ,—эстовъ, ливовъ, а также куровъ (не финовъ) существовали такія могилы общественныя, (которыя я предлагаю назвать *перегородчатыми*) [5]), переживавшія только лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ до половины XIX в. [6]). Однако эти могилы, присущія глав-

---

шійся на кострищѣ, къ нему пригребались грудкой угли, зола и пр., или горшокъ ставился въ сторонѣ отъ кострища, на материкѣ, или врывался въ материкъ на кострищѣ въ уровень съ почвой, или горшокъ ставился на вершину небольшой (7—10 вер. высоты) первоначальной насыпи, закрывающей кострище, и сверхъ ея насыпался уже настоящій курганъ. Въ курганахъ не на кострищѣ прахъ иомѣщался на разной высотѣ. (Изъ неизданнаго отчета о раскопкахъ).

[1]) Въ общемъ значеніи или въ широкомъ смыслѣ урало-алтайцевъ, не вдаваясь въ частности и подробности, вродѣ выдѣленія остяковъ и пр

[2]) По Нестору печенеги—турки появились въ Россіи съ VIII в., монголы—гунны и др. были съ V в. по Р.

[3]) Обзоръ доистор. археологіи въ Балтійск. губ. Н. Харузинъ, стр. 89 и 74,—погребальные.

[4]) Тамъ-же, стр. 74. Харузинъ думаетъ, что это названіе означаетъ—русскія могилы—(кривичскія),—возможно. Но еще возможнѣе, что оно обозначало могилы приверженцевъ Криве, т.-е. литвы. За литву говоритъ (скорѣй) и направленіе костяковъ—головой къ С. Щегловъ говоритъ (Труды II арх. съѣзда, т. I, отд. IV), что кривичи сперва представляли литовско-финское государство, отъ котораго и словяне, поселившіеся въ немъ, получили свое названіе.

[5]) Вмѣсто устарѣвшаго и невѣрнаго названія „корабельныя“ или „ладьевидныя“ и вмѣсто длиннаго, неудобнаго и сложнаго названія, предложеннаго Н. Н. Харузинымъ въ указанномъ выше изслѣдованіи. О финскихъ могилахъ см. тамъ-же, стр. 62—70, 112, 129, 75, 76, 134. Къ сожалѣнію тутъ весьма часто нѣтъ указаній времени могилъ. Рус. лопари, его-же, откуда данныя приведены въ 1 ч. этой работы.

[6]) Обзоръ доист. арх., стр. 129.

нымъ образомъ западнымъ финнамъ, едва-ли представляютъ собою самобытное финское явленіе; вѣрнѣе думать, что даже и онѣ заимствованы у ихъ сосѣдей—литовцевъ. За такое заимствованіе говоритъ какъ относительно малое распространеніе подобныхъ могилъ даже среди западныхъ финновъ [1]), такъ и то, что у литовцевъ общественныя могилы (или, такъ сказать, могилища) существовали, повидимому, еще въ XVII в., въ которомъ литовцы продолжали держаться сожженія мертвыхъ; при чемъ каждый родъ имѣлъ для этого свое особое огнище [2]). У восточныхъ финновъ были широко распространены могильники (кладбища безъ насыпей) [3]). въ общихъ чертахъ, напоминающіе по своему устройству общественныя могилы, являющіяся, собственно говоря, тѣми же могильниками, но только наземными. Однимъ изъ любопытныхъ могильниковъ восточныхъ финновъ представляется лядинскій X—XI в., располагавшійся на р. Лядѣ въ Тамбовской губерніи, у моста Тамб.-Саратовской жел. дороги. Въ немъ изъ 143 могилъ—ямъ безъ насыпей, глубиною отъ $^1/_2$—2 ар. оказалось 16 могилъ сожженія, иногда неполнаго, совершавшагося на сторонѣ, (внѣ могилъ). Остатки сожженія собирались и клались въ могилѣ, какъ и костяки, въ направленіи Ю-С. При неполномъ сожженіи уцѣлѣвшія вещи располагались на остаткахъ трупа также, какъ на цѣльномъ покойникѣ [4]). Судя по числу могилъ сожженія,

---

[1]) Онѣ извѣстны пока лишь въ близкихъ къ Литвѣ мѣстностяхъ, въ Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи и, немного, въ западной Финляндіи.

[2]) Поэтич. возрѣнія словянъ на прир. А. Афанасьевъ, т. 3, стр. 799.

[3]) Извѣстные и у западныхъ финновъ. Спицынъ приписываетъ (Матер. по археол. Россіи, № 14) Люцинскій могильникъ (при озерѣ Большая Лужа, близъ г. Люцины, Витебск. губ.) ливамъ, но, кажется, вѣрнѣе считать его за литовскій, на которомъ есть и финскія погребенія,—(головою на Ю и С). Могильники „ижеры“ (по Спицыну) XIV—XV в. извѣстны въ Петербургской губ. (у дер. Усть-Рудицы) съ костяками головой на Ю. (Запис. им. рус. арх. общ., т. IX, вып. 1—2. Обзоръ нѣк. обл. и губ. Петербур. губ.). Въ исторіи св. Олафа есть указаніе, что пермяки—біармы насыпали „холмы“ или строили „домы“. (Извѣстія общ. археол. ист. и этногр., т. IX, вып. 2, стр. 7—9). Мѣсто это не особенно ясное и вызываетъ разногласія,—одни толкуютъ о капищѣ Юммала, а другіе о кладбищѣ. Во всякомъ случаѣ въ разсказѣ есть странное: деньги зарываютъ подъ холмъ — курганъ (тумулусъ) или надъ ними стоитъ домъ—голбецъ, курганы огорожены тыномъ съ воротами, запертыми изнутри и пр.

[4]) Матер. по археол. Россіи, № 10, стр. 1—4, 6, 15, 55 Мордва еще въ XVII в. погребала своихъ покойниковъ въ неглубокой ямѣ, кладя ихъ на спину въ вытянутомъ положеніи, съ подстилкой бересты, эрзя головою къ С, мокша къ Ю. (Извѣст. общ. арх. ист. и этн., т. X, вып. 2, стр. 179). Отмѣчаемое здѣсь противоположеніе костяковъ головами указывается изслѣдователями весьма нерѣдко, но объясняется различіемъ половымъ, а не племеннымъ. (Мат. по арх. Рос.

по расположенію въ нихъ вещей въ направленіи положенія костяковъ и по неполнымъ сожженіямъ труповъ ясно, что обычай сожженія мертвыхъ въ указанной мѣстности въ X—XI в. только еще начиналъ входить въ употребленіе и къ этому способу похоронъ, какъ къ новому, примѣнялись и пріемы стараго способа,—погребенія [1]).

Кочевники Россіи разсматриваемаго времени, входившіе большею своею частью въ составъ казарскаго царства или жившіе по сосѣдству съ нимъ, отчасти пользовалиись болѣе древними курганами, отчасти насыпали ихъ сами. Но и тѣ, и другіе,—(непозднѣйшіе половины IX в.), курганы существенно отличаются отъ сѣверно-россійскихъ и по виду, и по устройству, по расположенію [2]) и по мѣсто-положенію [3]). Да кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ русь относилась ко всѣмъ этимъ кочевникамъ очень враждебно, что конечно не располагало къ мирнымъ заимствованіямъ. Такимъ образомъ изъ сосѣдей русскихъ словянъ остаются лишь западные словяне и литовцы, у которыхъ русскіе словяне могли-бы заимствовать свои курганы. О самобытныхъ литовскихъ курганахъ говорить пока преждевременно, такъ какъ и вообще-то наличность литовскихъ кургановъ первой половины IX в. еще не установлена прочно. Что же касается западныхъ словянъ, то относительно ихъ наталкиваешься на большое затрудненіе. Правда, сторонники такого мнѣнія есть, но этого, конечно, еще недостаточно для признанія ихъ взгляда вѣрнымъ, такъ какъ этотъ взглядъ основанъ не на изученіи исторіи словянскихъ могилъ и похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ, а на изученіи находимыхъ въ могилахъ вещей и на стороннихъ, часто, отвлеченныхъ соображеніяхъ. Такое обоснованіе весьма шатко и ненадежно, что очевидно безъ доказательствъ. Не говоря о томъ, что несомнѣнно западно-словянскихъ кургановъ начала IX, VIII и болѣе раннихъ вѣковъ не установлено твердо и непоколебимо и что въ однихъ и тѣхъ же

№ 14, стр. 6; Записки им. Рус. арх. общ., т. IX, вып. 1—2;—Обозрѣніе нѣк. обл. и губ. Россіи... Витеб. губ.). Соединяя оба показанія (при допущеніи ихъ точности), не слѣдуетъ-ли прійдти къ заключенію, что у нѣкоторыхъ племенъ многія женщины были иноплеменными? Изъ болѣе древнихъ финскихъ (видимо) могильниковъ можно отмѣтить могильники Московской губ., V—VII в., и Владимірской—VIII—IX в. (тамъ же, т. XI, вып. 1—2) съ костяками головой къ С. и Ю.

[1]) То же нужно сказать о люцинскомъ и курманскомъ—(Рязан. губ., Касимов. у. на р. Окѣ, въ 17 вер. отъ г. Касимова). Въ первомъ жженіе 35 изъ 293, во второмъ 8 изъ 31. (Древности, т. XIV, стр. 328). Эти данныя опровергаютъ мнѣніе Н. Костомарова о томъ, что Ибнъ Фадланъ видѣлъ на Волгѣ похороны не словянъ и не руссовъ, а мордвы (Современникъ, 1860 г., январь, стр. 31).

[2]) Одиночно или небольшими группами.

[3]) На равнинахъ, а не на склонахъ.

курганахъ не рѣдко одни видятъ словянскія, а другіе германскія могилы,—такъ и помимо этого, затрогивая вопросъ о происхожденіи кургановъ русскихъ словянъ, всегда придется считаться съ другимъ вопросомъ: какъ объяснить то обстоятельство, что русскіе словяне, придя въ Россію въ первыхъ вѣкахъ христіанскаго лѣтосчисленія съ З., *гдѣ видѣли и знали курганы*, не принесли съ собою курганныхъ похоронъ и не принимали кургановъ еще нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ своего поселенія въ Россіи, гдѣ также знали ихъ [1]), а съ IX в. вдругъ и чуть не всѣ обратились въ курганниковъ? Правда, что связи и сношенія русскихъ словянъ съ западно-европейскими совершенно ни когда не прекращались и сознаніе взаимной общности не угасало у русскихъ даже и въ болѣе позднее время, въ XVII в.; большое количество болгарскихъ и другихъ западно-словянскихъ книгъ, вращавшихся среди русскихъ съ древности, прочно устанавливаетъ [2]) оба эти положенія, но эти положенія не ослабляютъ, не уменьшаютъ, а, напротивъ, еще болѣе увеличиваютъ вѣскость заданнаго вопроса. На него можетъ быть одинъ отвѣтъ: словяне не принесли съ собою въ Россію курганнаго способа похоронъ по тому, что не употребляли его, живя въ западной Европѣ, гдѣ они оставили, какъ утверждаютъ, похоронныя поля [3]); въ Россіи они не примѣняли его до IX в. по тому, что до этого времени среди

[1]) Не менѣе 450—500 лѣтъ, если придерживаться указаній только даже одного Нестора.

[2]) Какъ и многое другое.

[3]) Оттонъ-епископъ бамбергскій письменно распорядился, что бы лютичи—„не погребали мертвыхъ христіанъ межъ погаными *въ лѣсахъ* или *въ поляхъ*, но на церковной землѣ („монастыряхъ"), какъ обычай есть всѣмъ христіанамъ, *не жердей* (кольевъ) для погребенія ихъ *не ставили* (не клали) -(ne sepeliant mortuos christianos inter paganos in silvis aut in campis, sed in cimiteriis sicut mos est omnium christianorum, ne fustes ad sepulchra eorum ponant. (Котляревскій, стр. 93). Fustis—палка тонкая, батогъ, fusterna—верхушка ели, сучковатая палка, (мутовка); pono—класть, полагать, ставить (и въ переносныхъ смыслахъ: думать—полагать, класть—нести яйца и пр.). Принявъ во вниманіе, что fustis обозначаетъ также и бревно (стержень колонъ называютъ фустомъ), можно думать, что Оттонъ говоритъ о такихъ же столбахъ, какъ и Несторъ. Чехи, по Космѣ прагскому, хоронили также въ лѣсахъ и на поляхъ, и въ шалашахъ (можетъ быть голбцахъ) у дорогъ; русскіе западнаго края самоубійцъ еще въ XIX в. хоронили на перекресткахъ (тамъ-же, 94). У болгаръ могила—яма до 1 с. глубью и 1 с. длины, поперегъ ея кладется 3 бревна, а на нихъ вдоль могилы доски, заваливаемыя землей, такъ что могила имѣетъ видъ комнаты или землянки (тамъ-же, стр. 239). О такихъ именно могилахъ болгаръ сообщалъ еще Аль Бекри († 1094): когда кто умретъ (у болгаръ-борджанъ), его кладутъ въ глубокую могилу, съ нимъ вмѣстѣ погребаютъ его женъ и слугъ, заставляя ихъ умереть (въ могилѣ) отъ голода; другихъ сожигаютъ вмѣстѣ съ мертвымъ (тамъ-же, 62). Такія же могилы были, по былинамъ, и у днѣпровскихъ словянъ.

ихъ не жило ни одного народа курганника, подражать которому они были-бы вынуждены [1]) или считали-бы нужнымъ, не предосудительнымъ. Въ IX в. у насъ не было ни какихъ особыхъ сближеній съ западомъ, (исключая норманновъ), и напротивъ, около этого времени изъ Россіи шли на западъ угры, печенеги, торки и пр. Слѣдовательно не западные словяне дали курганы сѣверной Россіи, а вмѣстѣ съ нею и Ярославской губерніи [2]). Эти словяне, какъ упомянуто, хоронили одинаково съ русскими у дорогъ, въ горшкахъ, въ лѣсахъ, на поляхъ и въ ямахъ.

Общій очеркъ исторіи похоронъ и могилъ, въ немногихъ словахъ и лишь въ существенныхъ чертахъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

I. Отсутствіе похоронъ.

Безучастное отношеніе къ мертвому. Трупъ оставлялся тамъ, гдѣ скончался умиравшій, безъ всякаго призора и предоставлялся въ распоряженіе природы, считаясь безполезнымъ и ненужнымъ предметомъ, незаслуживавшимъ вниманія. Такое отношеніе къ мертвымъ существуетъ еще на ост. Цейлонѣ—(въ Индійскомъ океанѣ), у племени ведда [3]). Ведда удаляются отъ умершаго и нѣкоторое время избѣгаютъ посѣщать мѣсто его кончины. Они ни сколько не обижаются и не заявляютъ ни какого неудовольствія, если берутъ кости ихъ родственниковъ,—въ ихъ глазахъ это не

---

[1]) Не однимъ прямымъ насиліемъ, а просто въ силу вліянія такого народа, въ силу, своего рода, моды, предпочтенія его похоронаго обряда, наконецъ въ силу большей обстановочности, большей торжественности, пышности и картинности его похоронъ въ сравненіи съ мѣстными похоронами, что имѣетъ большое значеніе по отношенію къ мало-развитымъ племенамъ, какими были русскіе словяне. Вѣдь и православіе поразило ихъ не сущностью ученія, надъ которой Святославъ смѣялся, а обстановкой храмовъ: и не свѣмы,—на небѣ-ли есмы были, ли на земли; нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты такая... не можемъ забыти красоты тоя, разсказывали русскіе послы Владиміру св. про свое посѣщеніе греческихъ церквей, а про болгарскія выразились: нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ; про католиковъ: а красоты не видѣхомъ ни коея-же. (Лѣтоп. преп. Нестора по Лавр. сп., стр. 60).

[2]) Н. Н. Харузинъ (Обзоръ доист. археол. въ Балт. губ.) утверждаетъ, что словяне южнаго побережья Балтики не только торговали, но и жили въ балтійскихъ губерніяхъ въ значительномъ количествѣ и что имъ обязаны финны своимъ просвѣщеніемъ; скандинавы же, напротивъ, лишь дѣлали частые набѣги, но долго не задерживались (стр. 125, 137—139, 141, 143—146, 150) Однако, не смотря на проживанье, могилъ словянъ въ балтійскихъ губерніяхъ нѣтъ возможности выдѣлить, значитъ, у нихъ своихъ отличныхъ отъ другихъ могилъ не было.

[3]) Приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ 1893 г. № 141, стр. 6. Нива, 1894 г, № 22, стр. 515.

имѣетъ ни какого значенія. Слѣды подобнаго же, но уже болѣе человѣчнаго отношенія къ мертвымъ русскихъ словянъ сохраняются въ обрядѣ похоронъ русалки. Въ с. Чубаровка, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи весною выносятъ на носилкахъ въ поле соломенное чучело-русалку и оставляютъ на межѣ вмѣстѣ съ носилками. Похороняя, поютъ „Кострому“ [1]). Объ оставленіи на полѣ утопленниковъ уже говорено. Нѣкоторыя племена Ю. Африки бросаютъ трупы своихъ близкихъ въ кусты на съѣденье звѣрямъ. (Ист. культуры. Ю. Липпертъ, 351).

Близкое къ описанному отношеніе къ мертвымъ существуетъ еще у племенъ, придерживающихся обычая покиданія на произволъ судьбы дряхлыхъ стариковъ и сильно больныхъ, а равно у тѣхъ, въ обычаѣ которыхъ выбрасыванье лишнихъ дѣтей. И старики, и больные, и дѣти оставлялись въ этихъ случаяхъ безъ похоронъ. Не смотря на крайнюю первобытность, подобное отношеніе къ мертвымъ, нѣсколько подъ инымъ освѣщеніемъ, держалось мѣстами очень долго и не рѣдко наблюдается у племенъ, достигшихъ сравнительно значительнаго развитія и даже высокой относительной образованности. Такъ покиданіе стариковъ и больныхъ наблюдалось у индѣйцевъ Америки, выбрасыванье дѣтей существуетъ по сейчасъ у китайцевъ, выбрасыванье труповъ на съѣденье птицъ и животныхъ у многихъ племенъ Азіи: у урянхайцевъ [2]), камчадаловъ [3]), орочоновъ [4]), калмыковъ [5]), персовъ и бактріанъ [6]) и пр. При этомъ указанный обычай у многихъ изъ нихъ поставленъ даже подъ покровъ вѣры: чѣмъ скорѣй трупъ будетъ уничтоженъ, толкуютъ они, тѣмъ угоднѣе умершій божеству; если же трупъ долго валяется, значитъ,—умершій былъ великій грѣшникъ. Не трудно понять, что эти толкованія представляютъ не болѣе, какъ позднѣйшее освѣщеніе древняго переживающаго обычая. Возможно, что у тѣхъ племенъ С. Америки, которыя сооружали похоронныя насыпи

---

[1]) Изъ весьма интереснаго доклада на III обл. археол. съѣздѣ М. Е. Соколова.

[2]) Монголы. (Изв. рус. геогр. общ., т. XXX, вып. VI, стр 639; Изв. общ. арх., ист. и этн, т. XII, вып. 2).

[3]) Въ XVIII в. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. X, вып. 1, стр. 80).

[4]) Прежде. (Тамъ же).

[5]) Въ XVIII в. (Тамъ же, т. X, вып. 4. стр. 392...).

[6]) Поэтич. возрѣн. слов. на природу, А. Афанасьевъ, т. 1, стр. 732. Парсамъ Индіи законъ разрѣшаетъ, если нѣтъ средствъ для постройки дахмы—башни безмолвія, относить трупъ вдаль отъ жилья и святынь, въ пустынное и дикое мѣсто, въ которое не заходятъ ни люди, ни скотъ (въ подобныя мѣста русскіе бросаютъ горшокъ, изъ котораго обмывали мертваго) и тамъ оставлять его на землѣ, на его коврикѣ и подушкѣ голымъ („одѣтымъ свѣтомъ“) на съѣденіе животнымъ и птицамъ. (Древнѣйшая исторія востока. Исторія Мидіи. З. А. Рагозина, стр. 143...).

въ видѣ змѣй, животныхъ и т. п. („mound"); этотъ обычай явился дальнѣйшимъ развитіемъ обычая выкидывать трупы на съѣденье птицъ и звѣрей и слѣдствіемъ представленія, что праведники должны быть „похоронены" такимъ способомъ.

II. Наземное погребеніе (погребеніе собственно).

Охрана трупа и жальливое отношеніе къ умершему. Оно возникаетъ лишь при такой степени развитія человѣчества, при которой у него зарождаются первыя проявленія общественности, возникающія на основѣ расположенія, привязанности или даже любви, пробуждающихся вслѣдствіе привычки, которая, въ свою очередь, является слѣдствіемъ продолжительнаго совмѣстнаго сожительства и дѣйствованія, такъ ск. предпринимательства сблизившихся въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ особей. Человѣкъ, сжившись съ однимъ изъ своихъ собратьевъ при жизни, начинаетъ относиться участливо къ нему и къ мертвому [1]). Чувство, связывавшее сблизившихся при жизни, переносится на трупъ одного изъ нихъ и побуждаетъ оставшагося въ живыхъ жалѣть покойника, т.-е. относиться къ нему, какъ къ живому; продляетъ это чувство, подсказывающее оберегать мертваго отъ того, что было непріятно или страшно живому, подсказываетъ *охранять беззащитный* трупъ отъ пренебрежительнаго и дерзкаго отношенія къ нему постороннихъ [2]), защитить его какъ ни будь отъ этого. *Возникаетъ погребеніе*, сперва, разумѣется, не какъ обязательный и общій обрядъ, и даже не какъ обычай, а только, какъ случайное, единичное дѣйствіе отдѣльныхъ болѣе чуткихъ, болѣе развитыхъ особей, вызванное чувствомъ привязанности и сострадательности (неуясненныхъ, почти безсознательныхъ) прежде всего, можетъ быть, матери къ ребенку или вѣрнѣе, любовницы къ любовнику [3]). Понятно также, что,— возникая обособленно, одиноко и, при томъ, одновременно въ разныхъ и многихъ мѣстахъ, среди различныхъ условій

---

[1]) Погребеніе, основанное на чувствѣ привязанности, наблюдается даже у животныхъ. Кошки иногда зарываютъ своихъ умершихъ котятъ, извѣстенъ случай погребенія кошки собакою, обезьяны гориллы (gorilla gina) прикрываютъ вѣтвями и сухими прутьями трупы своихъ собратьевъ (Сознательность, любовь и семейная жизнь у животныхъ. М. Н. Паргалинъ, стр. 73, 86, 123, 126).

[2]) Извѣстно, что дикари живутъ преимущественно чувствомъ, сперва возбуждаемымъ изъ внѣ чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, а потомъ и чувствомъ, зарождающимся отъ болѣе отвлеченныхъ началъ. Пробужденіе внутренняго чувства есть первое проявленіе духовно-умственной жизни человѣка. Дѣти живутъ, точно также, преимущественно чувствомъ и извѣстно, какъ они чутки ко всякой обидѣ тѣхъ, кого они любятъ,—къ кому привязаны.

[3]) Особенно умершему въ пору наибольшаго разгара любви (плотской). Женщина до нынѣ живетъ, какъ ребенокъ и дикарь, глав-

и обстановки,—первоначальное погребеніе и проявлялось въ нѣсколькихъ и различныхъ видахъ, изъ которыхъ нѣкоторые, собственно говоря, нельзя даже назвать погребеніемъ въ строгомъ смыслѣ. Трупъ, сдѣлавшійся почему-либо небезразличнымъ для оставшихся въ живыхъ, вызывавшій почему-либо въ нихъ желаніе обезопасить его отъ случайностей, охраняли:

1) Прикрывая травой, первоначально, можетъ быть, нарванной просто руками, хворостомъ, наломанными сучьями и т. п., заваливая стволами упавшихъ, а позже и срубленныхъ деревьевъ [1]), обрубками бревенъ—колодами [2]) и т. д.

2) Закидывая сыпучими почвами: пескомъ, хрящемъ, галькой и пр. и обкладывая или забрасывая камнями, что, развиваясь, со временемъ и постепенно дало погребеніе на материкѣ подъ каменными кучами [3]) и подъ земляными курганами.

нымъ образомъ чувствомъ, разсудочная жизнь начинаетъ пробуждаться въ ней на нашихъ глазахъ. Кромѣ того, въ заботѣ о мертвомъ, о томъ, что бъ его не обидѣли, хотя онъ и не чувствуетъ ни чего, есть что-то само по себѣ женское,—нѣжное и трогательное, мало присущее мужчинѣ.

[1]) Гр. А. А. Бобринскій (Курганы и находки близъ мѣст. Смѣлы, 1887 г.), сообщаетъ, что въ одномъ изъ кургановъ покойники лежали въ толстыхъ, выдолбленныхъ стволахъ, а на нихъ были навалены деревья, иногда громадныя, даже съ неотрубленными вѣтвями. Тунгузы Богучанск. округа женщинъ кладутъ въ шкурѣ на землю и заваливаютъ деревьями (Изв. общ. арх., ист. и этн., т X, вып. 3, стр. 289). Въ Лужицахъ на могилы вообще, а у русскихъ западнаго края (напримѣръ въ Луковскомъ уѣздѣ, Сѣдлецк. губ.) на могилы самоубійцъ кидаютъ камни, прутья, вѣтки, палки, солому, сѣно, траву и пр., изъ коихъ современемъ образуются цѣлые холмики. Мѣстами набросанное сжигается разъ въ годъ или въ нѣсколько лѣтъ. Въ Россіи—собственно этотъ обычай былъ распространенъ также повсемѣстно и выживаетъ до нынѣ въ видѣ обязанности каждаго присутствующаго на похоронахъ бросить горсть земли на гробъ погребаемаго. Въ Харьковской губерніи на всѣ придорожныя, въ другихъ частяхъ Малороссіи на могилы самоубійцъ и некрещеныхъ дѣтей прохожіе считаютъ долгомъ бросить палку, прутъ, щепку, горсть травы или земли. Въ Вологодской губерніи за такую набрасываемую могилу была извѣстна могила Аники воина, въ Псковской губерніи такихъ отмѣчено въ печати нѣсколько, но особенно славилась одна могила около погоста Бенецъ. Въ древней Греціи каждый обязывался, встрѣтивъ непохороненный трупъ, похоронить его или, въ крайности, хотя посыпать землей—прахомъ (Котляревскій, стр 95, 7). Не трудно видѣть, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣйствовалъ обычай прикрывать мертваго пока онъ не сгнилъ, а кости не разсыпались въ прахъ. Побужденіемъ служилъ страхъ попасть въ подобное же положеніе.

[2]) Кн. Глѣбъ былъ положенъ „межю двѣма кладами". Эти колоды на рисункѣ въ Сильвестровскомъ спискѣ „Сказанія" изображены въ видѣ древестныхъ стволовъ съ плохо-обрубленными сучьями. (Древности, т. XIV, стр, 173). Вогулы обкладываютъ трупъ бревнами (см. рис. Нива 1896 г, стр. 1047).

[3]) Готентоты въ Африкѣ, патагонцы и эскимосы въ Америкѣ (Православный палест. сборникъ, вып. 41, стр. 10—11), лопари и др. инородцы въ Россіи (см. въ 1 части этой работы).

3) Покрывая, а потомъ и обертывая древесной корой, берестой, лубомъ, шкурами [1]), а нѣсколько позже—циновками, рогожами и другими плетенками и, наконецъ, тканью сперва безъ обвязки, а послѣ съ обвязкою сверхъ обертки ремнями, лыкомъ, мочалой, веревками, тесьмой и пр., т.-е. „скутывая“ или пеленая мертваго, что у русскихъ держалось до XVII в. включительно, смѣнившись облаченіемъ въ саванъ. Нѣкоторые изъ этихъ способовъ, какъ показано выше, дали въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи—корсту, колоду, лотку и въ концѣ концовъ современный гробъ, явившійся въ его настоящемъ видѣ въ XVII в. (въ Москвѣ) [2]).

4) Огораживая трупъ оградами разныхъ видовъ изъ кольевъ, плетней, бревенъ (на лежакъ), камней и каменныхъ плитъ и пр., что превратилось впослѣдствіи въ гробницы: голбцы, дольмены, каменные ящики, раки [3]), саркофаги и пр. и выживало въ видѣ камневыхъ могилъ и намогильныхъ гробницъ и памятниковъ. Въ Новгородской губерніи и въ другихъ бывшихъ новгородскихъ земляхъ подобныя камневыя ограды до сихъ поръ сохранили за собою чрезвычайно выразительное названіе *„жальниковъ“*, подтверждающее сказанное мною о жалости, какъ о причинѣ, побудившей человѣка хоронить мертвыхъ.

Всѣ перечисленные пріемы, повторяясь и учащаясь, со временемъ вошли въ обыкновеніе, стали обычаемъ и превратились въ обрядъ. Излишне говорить, что нѣкоторые изъ нихъ, выдѣленные здѣсь въ самостоятельныя обособленности, на дѣлѣ во многихъ мѣстахъ таковыми не были, а сливались и употреблялись совмѣстно, какъ на примѣръ завалка трупа землей и камнемъ, завалка и скутка и т. п.

III. Похороны собственно

(въ частности материковое погребеніе).

Прятанье, скрытіе трупа и заботливо-почтительное отношеніе къ мертвому. Чувство жалости къ умершему проявлявшееся первоначально въ отдѣльныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе,—разъ сказавшись, не могло уже за-

---

[1]) Анкалы (чукчи), калмыки. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. X, вып. 1, стр. 80..., вып. 4, стр. 392...). Въ тѣхъ же источникахъ, а равно въ 3 вып. и въ т. XII см. и о другихъ, изъ упомянутыхъ раньше, способахъ погребенія, выживающихъ еще то частями, то болѣе полно.

[2]) (Древности, т. XIV, стр. 178). Въ видѣ четыреугольнаго ящика онъ употреблялся и раньше, еще въ курганахъ X в., отмѣченъ Олеаріемъ и употребляется до нынѣ крестьянами. Пеленали египтяне.

[3]) Положиша и (Ярослава I) въ рацѣ мороморянѣ въ церкви. (Лѣт. пр. Нестора по Лавр. сп. стр. 91). Въ Ю. Америкѣ доисторическіе жители долины Квеара хоронили въ дольменахъ—небольшихъ домикахъ изъ 5 сланцевыхъ (шиферныхъ) плитъ, изъ коихъ самая большая служила кровлею (Моск. Вѣд. 1904 г., № 175).

глохнуть безвозвратно и, по мѣрѣ совершенствованія человѣчества (или, все равно, отдѣльныхъ его племенъ) и вызываемаго этимъ совершенствованіемъ смягченія нравовъ, — пробуждалось все чаще и чаще, усиливалось и крѣпло. „Въ народной поэзіи вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія къ человѣку, лишенному похоронъ“ (Котляревскій, стр. 7). Вмѣстѣ съ нимъ и возникшее подъ его вліяніемъ стремленіе охранить трупъ не только постепенно распространялось какъ непосредственно,—въ силу указанныхъ причинъ, такъ и чрезъ посредство подражанія, но и развивалось. Стало проявляться стремленіе не только охранить трупъ, но и спрятать его, *схоронить такъ,* что бъ ни что его не касалось. *Возникаютъ похороны.* Они, подготовленныя погребеніемъ и являющіяся его продолженіемъ, чуть не съ самаго своего зарожденія пріобрѣтаютъ, кажется, характеръ обязательнаго дѣйствія, т.-е. обряда. Привязанность и любовь къ умершему (вѣрнѣе, страхъ за себя вслѣдствіе утраты умершаго) уже не исключеніе и не случайность, а болѣе или менѣе постоянное и даже необходимое явленіе. Человѣчество поняло значеніе и силу общенія, а равно и раздѣленія труда и другихъ потребностей жизни и жило уже совокупностями, кучками; семья окрѣпла. Убыль каждаго члена (взрослаго) такой совокупности тяжело отзывалась на ней и это побуждало дорожить каждымъ трудоспособнымъ участникомъ, ибо при тогдашней разобщенности человѣчества погибшій былъ почти незамѣнимъ въ маленькомъ обществѣ, обособленномъ отъ всѣхъ остальныхъ, а лежавшее на выбывшемъ изъ общества ложилось на остальныхъ, увеличивая тяжесть и безъ того нелегкаго существованія. Кромѣ того, постоянное общеніе и совмѣстное сожительство, „дѣленіе горя и радостей“, трудовъ и опасностей порождало прочную привычку и привязанность, т.-е. уже не только временную, страстную и порывистую, но и спокойную „ровную“ любовь.

При возникновеніи совокупностей возникаетъ одновременно и неравенство соединяющихся въ нихъ; нарождается [1]) главенство и подчиненіе, снисхожденіе и уваженіе. Эти чувства къ живымъ переносятся и на мертвыхъ. Чѣмъ больше значилъ умершій для совокупности при жизни, тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ чувствительнѣе была для нея его утрата,

---

[1]) Непреднамѣренно, безъ участія мысли и воли участниковъ, а лишь въ силу природныхъ преимуществъ: силы, ловкости, сообразительности и пр. Лучше, быстрѣе другихъ изворачивающійся въ трудную минуту дѣлается старшимъ, командиромъ безъ всякаго умысла, одною неотвратимою силою вещей и обстоятельствъ, какъ часто и нынѣ при соотвѣтствующихъ условіяхъ. Даже изящной словесности (не только ученому изслѣдованію) извѣстны люди, рожденные повелѣвать и люди способные только подчиняться.

тѣмъ послѣдняя порождала больше горя и вызывала тѣмъ большее чувство признательности къ умершему. Такъ обстоитъ дѣло и нынѣ; и мы цѣнимъ людей по степени ихъ полезности для насъ, а не безотносительно. Кромѣ жалости къ умершему въ разсматриваемую пору развитія человѣчества возникаетъ еще уваженіе къ нему, а вмѣстѣ съ нимъ и въ силу его запрещеніе дерзостнаго прикосновенія къ умершему, что впослѣдствіи переходитъ въ почитаніе мертваго [1]). Съ нимъ нарождается новое представленіе: осквернение могилы, надруганіе надъ мертвымъ. Запрещеніе прикосновенія къ могилѣ и вообще къ трупу подъ

[1]) Котляревскій (стр. 4) говоритъ, что смерть является не только примирителемъ, покрывающимъ забвеніемъ былыя страсти и антипатіи, но и даетъ поводъ къ широкой апофеозѣ: усопшіе предки становятся божествами—хранителями, а жизнь и дѣла ихъ предметомъ глубокаго религіознаго почтенія для потомства. Въ общемъ оно такъ, но такъ лишь много позже послѣ возникновенія представленія о посмертной жизни. Въ началѣ на смерть не обращалось ни какого вниманія, до умершаго не было ни кому ни какого дѣла и по тому надъ вопросами: что съ нимъ? что такое смерть? ни кто не задумывался; смерти просто не знали. Когда же ее узнали, когда обратили на нее вниманіе, то ее долго не понимали и считали мертваго не переставшимъ жить, а лишь перемѣнившимъ образъ или способъ жизни, ставшимъ жить на иной особый ладъ, особою не вполнѣ понятною для окружавшихъ жизнью. Умеревъ, человѣкъ, въ сущности, ни сколько не измѣнился, онъ перемѣнилъ только образъ жизни, остальное все по старому; изъ живаго, т.-е. дѣятельнаго (лат. gaivus=бодрый, наше живой=подвижный, дѣятельный) онъ сталъ мертвымъ, т.-е. покойнымъ, тихимъ (см. Труды II обл. Твер. арх. съѣзда въ моей статьѣ въ отд I, стр. 238). Арійцы мертваго такъ и называли успокоившимся, затихшимъ (мертвымъ), а въ частности словяне—покойникомъ, затѣмъ—усопшимъ. Разъ же человѣкъ не пересталъ жить, а только измѣнилъ жизнь, то, понятно, ему нужно то же, что и живымъ людямъ и что нѣтъ надобности измѣнять къ нему отношенія кореннымъ образомъ. Конечно, разъ онъ неподвиженъ и не можетъ защищаться, его нужно охранить, поберечь, спрятать, а то можетъ и разсердиться, отомстить; но счесть его за ничто,—съ какой стати? Вѣдь вотъ же онъ! Такъ, приблизительно, разсуждалъ первобытный человѣкъ, глядя на умершаго. Даже когда онъ убѣдился, узналъ, что тѣло со смертью разрушается, перестаетъ существовать, какъ тѣло, то и тогда человѣкъ все еще не могъ постичь истиннаго значенія смерти и допустить небытіе. Для уразумѣнія этого явленія онъ придумалъ—тѣнь, призракъ, душу и другой „тотъ“ свѣтъ или міръ, чѣмъ и утѣшаетъ себя до сего дня, но часто уже не безсознательно, не искренно, а изъ страха взглянуть истинѣ въ глаза. Такимъ путемъ зародилось представленіе о загробной жизни, т.-е. путемъ самымъ простымъ, естественнымъ, грубымъ и, такъ сказать, животнымъ, въ силу глупости, темноты и незнанія человѣкомъ окружающаго, а вовсе не въ силу чувствованія цѣны жизни, святости узъ родства и дружбы, любви и нравственной привязанности, присущихъ, будто-бы, даже самымъ дикимъ людямъ (Котляревскій, ст. 2). Къ сожалѣнію, трезвое и спокойное, холодное наблюденіе отвергаетъ многія изъ этихъ качествъ даже у современнаго человѣка, подставляя на ихъ мѣсто корысть и самодовлѣніе. Съ почитаніемъ предковъ дѣло также обстояло много проще, безъ всякихъ апофеозъ (обоготвореній) и вызвано практическими узко-дѣловыми соображеніями и побужденіями. Жилъ

страхомъ возмездія или наказанія вырождается со временемъ въ страхъ передъ самимъ мертвымъ. (Въ появленіи такого страха не безучастны, можетъ быть, намѣренно-выдуманные,—(для охраненія могилы),—въ началѣ завѣдомо-ложные страшные разсказы о мертвецахъ).

Такъ или иначе, но доброжелательное чувство къ мертвому побуждало уже скрывать, прятать останки близкихъ людей, для чего трупъ хоронили:

1) Въ глухихъ мѣстахъ лѣсовъ въ природныя дупла деревьевъ, а позже въ нарочно выдолбленные въ стволахъ

родъ или семья, ими правилъ или, точнѣе, руководилъ старшій, какъ сильнѣйшій и опытнѣйшій, какъ болѣе знающій; всѣ привыкли ему довѣрять, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повиноваться. Когда такой старшій умиралъ, его замѣститель, какъ менѣе опытный, по самой существенной и неустранимой необходимости подражалъ въ дѣлѣ руководства семьей или родомъ умершему и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ выдвигалъ справку: а какъ дѣлалъ старикъ въ подобныхъ обстоятельствахъ? И оставшаяся въ живыхъ старуха—подруга старика или кто нибудь изъ другихъ объясняли: такъ-то и такъ-то. Вотъ эта-то авторитетность или значительность поступковъ предковъ, пріобрѣтенная ими, благодаря исключительно большей жизненной опытности ихъ, и порождала уваженіе потомковъ какъ къ самимъ предкамъ, такъ и къ ихъ дѣламъ. Даже при племянномъ строѣ общества постоянно запрашивали стариковъ; а какъ, старички, было въ ваше время, какъ по старинѣ-то? И старики, если сами не испытали или не знали чего нибудь, то слыхали отъ отцовъ и дѣдовъ о подобныхъ данному случаяхъ и давали совѣтъ. Вѣдь записей и книгъ не было; весь накоплявшійся опытъ и знаніе носились съ собою, въ головѣ,—„по памяти, какъ по грамотѣ“. Чѣмъ старѣе былъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ всего видѣлъ, слышалъ, испыталъ, т.-е. тѣмъ больше онъ всего зналъ и тѣмъ больше могъ помочь совѣтомъ. А для полученія такого совѣта нужно было угодить старику, заслужить передъ нимъ. Отсюда возникаетъ съ одной стороны уваженіе къ старшему, съ другой почтеніе передъ нимъ. Вѣдь нужной справки достать было не гдѣ, кромѣ какъ у живаго человѣка, а дать или не дать ее зависѣло отъ его доброй воли. Такимъ образомъ, что бы получить справку. нужно было расположить просимаго въ свою пользу. Это же достигалось во всѣ времяна однимъ и тѣмъ же способомъ,—угожденіемъ, услужливостью, лестью, т.-е. возвышеніемъ надъ собою, признаніемъ авторитета. Вѣдь все это такъ ясно и естественно. Отсюда и подчтеніе къ старшему, къ старцу, а также и возникновеніе потомъ касты вѣдуновъ, колдуновъ, жрецовъ и вообще вѣщихъ мужей и женъ. Но одновременно со старцами были люди талантливые, одаренные болѣе развитымъ вниманіемъ и острымъ умомъ, которые ненамѣренно все замѣчали, запоминали, на все обращали вниманіе, обо всемъ раздумывали, все изслѣдовали, обо всемъ распрашивали, словомъ—изучали. Такіе „дошлые“ или „дотошные“ люди, не смотря на молодость, могли не только сравняться со старцами по запасу всяческихъ знаній, но и превзойдти ихъ, совмѣстивъ въ себѣ знанія нѣсколькихъ использованныхъ ими старцевъ, плюсъ собственныя наблюденія и сдѣланныя изъ нихъ заключенія. Такія талантливыя натуры по тѣмъ же самымъ практическимъ соображеніямъ, о которыхъ говорилось, отмѣчались и чтились во всѣ времена и у всѣхъ народовъ на ряду со старцами; ихъ всѣ и всегда считали особыми высшими натурами, обособляя отъ другихъ названіемъ мудреца, колдуна, волхва, чародѣя, таланта, генія и т. д. Ихъ и ихъ память и дѣла чтили не только также, какъ

на корню—стоящихъ деревьевъ бортевидныя помѣщенія [1]) съ прикрытьемъ ихъ отверстія доскою; подвѣшивали мертваго, скутанннаго [2]) и положеннаго на доску, въ корсту, колоду, лотку [3]) и пр.,—къ сучьямъ деревьевъ или располагали на помостахъ—„лобазахъ", устроеныхъ какъ между близко-стоящими деревьями, такъ и на нарочно поставленныхъ столбахъ. Эти виды похоронъ у всѣхъ народовъ исчезаютъ съ развитіемъ образованности и ни гдѣ не достигаютъ значительнаго развитія, замѣняясь иными. Русскіе похороны въ сосудѣ на столбѣ, какъ по всему видится, есть лишь видоизмѣненіе (сожиганіемъ) похоронъ дупловыхъ.

2) Въ готовую естественную пещеру, входъ въ которую загораживался бревнами, большими камнями или заваливался грудой болѣе мелкихъ камней [4]). Съ пещерами же, по всей вѣроятности, стоятъ въ преемственной связи глинобитныя, кирпичныя, каменныя, деревянныя и пр. горенки

старцевскіе, но еще болѣе,—ихъ скоро стали бояться, ибо понимали и видѣли, что они свои знанія пріобрѣтали не долгимъ опытомъ долгой жизни, а чѣмъ-то особеннымъ (умомъ, талантливостью), свойственнымъ только имъ. Это почтеніе къ таланту дало позже поклоненіе „божественнымъ мужамъ"—геніямъ и расширилось затѣмъ въ обоготвореніе (обособленіе) героевъ. Каждая особо-знающая личность, все равно,—какимъ способомъ она пріобрѣтала знанія,—долголѣтіемъ или способностями, была особенно полезна и по тому выдѣлялась людьми изъ своей среды, служила предметомъ подражанія, съ нея брали примѣръ, чрезъ что она выдвигалась и возносилась на высоту самой жизнью даже безъ ея желанія и стараній. Слѣдовательно въ почтеніи старшаго и мертваго дѣйствовалъ разумъ (опросъ, подражаніе), а не чувство.

[1]) Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X., вып. 3, стр. 289... Инбатскіе остяки, придерживающіеся старины; см. также выше. Туземцы Новой Каледоніи ставятъ трупъ стоя въ стволъ дерева или въ густыя вѣтви большаго дерева (Прибавленіе къ в. 5 Изв. археол. ком. стр. 86).

[2]) Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, вып. 3, стр. 289...

[3]) Бетсимизараки,—одно изъ племенъ ост. Мадагаскара, кладутъ своихъ мертвыхъ въ колоды, представляющія обрубокъ ствола, расколотый на-двое и затѣмъ выдолбленный въ обѣихъ половинахъ: одна изъ нихъ служитъ гробомъ, другая его крышкой. Закрытую колоду съ покойникомъ подвѣшиваютъ къ суку магнустоваго дерева, ближайшаго къ жилищу покойника. У корня дерева ставятся приношенія, припасы, напитки и пр.

[4]) Этотъ довольно ограниченный по мѣсту распространенія видъ похоронъ, какъ требующій скалистой почвы, тѣмъ не менѣе держался очень долго (въ Палестинѣ еще послѣ Христа) и мѣстами достигъ большаго совершенства, давъ въ концѣ концовъ подземные или пещерные храмы, какъ въ Египтѣ, Крымѣ, можетъ быть, въ Индіи. Въ Ликіи (Малая Азія) существуютъ города мертвыхъ, изящно обработанныя похоронныя пещеры которыхъ покрываютъ цѣлыя горы отъ подошвы до вершины. (Зодчест. древ. Египта. Ад. Праховъ, листъ XI—рисунокъ). Въ горныхъ же пещерахъ хоронили шамановъ и вождей колюжи (колоши) и алеуты бывшихъ русскихъ с.-американскихъ владѣній. Хоронили ихъ въ сидячемъ положеніи съ масками ужаснаго вида на лицахъ (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, 79).

или покои (камеры) [1]), встрѣчающіеся въ очень многихъ, не рѣдко весьма древнихъ [2]) курганахъ южной Россіи, въ Даніи, Англіи и другихъ странахъ, а также, можетъ быть, отчасти и часовенки-усыпальницы, мавзолеи и т. д.

3) Въ естественное углубленіе почвы, покрываемое накатникомъ: жердями, стволами, сучьями или плитчатыми камнями. На накатникъ набрасывались для скрытія (замаскированія) его и, частью, для прочности покрышки—трава, дернъ, мохъ, земля, камни и т. п. Этотъ способъ похоронъ далъ материковыя могилы—ямы со всѣмъ разнообразіемъ ихъ устройства [3]). Сюда же относятся и могильники.

4) Къ этому же отдѣлу развитія похоронъ слѣдуетъ, кажется, отнести оставленіе мертваго въ его жилищѣ [4]) съ отмѣткою послѣдняго, какъ принадлежащаго мертвому. (Обыкновенно покиданіе жилища мертваго объясняютъ страхомъ передъ мертвецомъ, но этотъ неосновательный вымышленный страхъ возникъ изъ имѣвшаго дѣйствительное основаніе страха передъ возмездіемъ отъ родственниковъ или близкихъ умершаго за осквернение или поруганіе мертваго или его могилы и имущества).

5) Утопленіе въ водѣ, слѣды котораго наблюдаются у русскихъ въ обрядахъ похоронъ Костромы и которое существовало еще недавно у калмыковъ [5]), а держится до нынѣ у индусовъ. Вторгшіеся на ост. Гаити караибы, бывшіе морскими разбойниками, бросали своихъ мертвыхъ въ море.

IV. Сожженіе.

Поклоненіе (до извѣстной степени) [6]) *мертвому*,—от-

Въ долинѣ Квеара (Ю. Америка) кромѣ дольменовъ, хоронили и въ пещерахъ, которыхъ тамъ множество и въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ покоилось болѣе 100 труповъ (Моск. Вѣд. 1904 г., № 175). Древнѣйшіе обитатели ост. Гаити хоронили своихъ мертвыхъ въ горныхъ пещерахъ (Ист. культуры. Ю. Липпертъ, 422).

[1]) Неправильно называемыя склепами, подъ которыми обыкновенно разумѣется подземное сводчатое сооруженіе; склепъ—сводъ (Этим. словарь. Н. Горяевъ, „клепать“). Такъ называемые курганы съ окрашенными костяками, относимые Н. Е. Бранденбургомъ къ VI—I до Р. Х. (Труды XI арх. съѣзда, стр. 168—169).

[2]) Запис. рус. арх. общ., т. XI, вып. 1—2, стр. 74, 75, 100—№ 82, 101—№ 89. Подобнаго мнѣнія держались Леббокъ, Тейлоръ и др.

[3]) Типы очень близкіе къ первобытнымъ, см. тамъ-же, № 1.

[4]) Долганы (тунгузы) оставлаютъ въ чумѣ, на который накидывается еще нѣсколько оленьихъ шкуръ, а затѣмъ чумъ обкладывается хворостомъ и зажигается. (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, вып. 3, стр. 283...).

[5]) Изв. общ. арх., ист. и этн. т. X, вып. 4, стр. 392. Природа и люди, 1891 г., стр. 772; Нива, 1897 г., стр. 1144, гдѣ и рисунокъ. Ист. культуры. Ю. Липпертъ, 440.

[6]) Но не обоготвореніе.

правка его тѣни—души съ огнемъ и дымомъ въ жилище божества, на небо [1]),—„на тотъ свѣтъ".

Возникновеніе этого способа похоронъ не ясно и, едва-ли не больше всего, по тому, что это возникновеніе не естественное, а искуственное, такъ сказать, выдуманное. Нѣкоторые (Ю. Липпертъ, Ист. культуры, 387) думаютъ, что сожженіе зародилось довольно поздно, не прежде, какъ духовное развитіе народа, придумавшаго его, достигло относительно высокаго развитія,—а именно героической поры, во время господства которой вновь появлявшіяся мужскія божества поселялись уже не въ глуби могилъ, а на поверхности земли, на горахъ и наконецъ на небѣ (уранизмъ, уранъ—небо). Мнѣ думается, что дѣло, въ его исходной точкѣ, обстояло проще. Извѣстно, что многіе, если не всѣ, народы прошли ступень зарыванія умершаго у очага или подъ очагомъ его хижины, покидаемой послѣ того живыми. Видимо, изъ этого обычая въ соединеніи съ почитаніемъ огня и явилось сожженіе мертвыхъ. Трупъ зарывали подъ очагъ все мелче, и мельче, затѣмъ начали класть на очагъ, сперва, можетъ быть,—просто, какъ на лучшее мѣсто (первобытныя племена, напримѣръ туписы Бразиліи на ночь раскидываютъ очагъ и разгребаютъ его золу по полу, что бы спать на тепломъ мѣстѣ. Липпертъ, 140), что бы усопшій не озябъ, а позже, при возникновеніи представленія о восхожденіи дыма къ богу, уже ради намѣреннаго сожженія. Многими и неоднократно высказывалось мнѣніе, что жженіе мертвыхъ явилось въ Европу вмѣстѣ съ бронзою; сомнѣваться въ вѣрности такого мнѣнія нѣтъ, кажется, пока большихъ основаній. По крайней мѣрѣ данныя древлевѣдѣнія все чаще и чаще приводятъ изслѣдователей именно къ В., какъ къ исходной точкѣ бронзы, и на востокѣ же до сихъ поръ существуютъ еще огнепоклонники и сожиганіе мертвыхъ. Но вообще сожженіе мертвыхъ, видимо, возникало у разныхъ народовъ самостоятельно и разновременно [2]).

Въ чистомъ видѣ всѣ перечисленные виды похоронъ существовали лишь при возникновеніи и недолгое время послѣ его, а затѣмъ смѣшивались и соединялись съ другими, давая сложныя формы.

Если теперь обратиться къ Европейской Россіи, то

---

[1]) До сихъ поръ говорятъ, что молитва возносится къ богу вмѣстѣ съ дымомъ куреній. По представленіямъ русскихъ существовало два свѣта или міра—„этотъ"—земля и „тотъ"—небо.

[2]) По сообщенію А. Э. Норденшёльда (Путешествіе, стр. 428) чукчи—народъ крайняго СВ. Сибири—въ прежнее время мертвыхъ своихъ жгли въ мелкой ямѣ, потухшее кострище обкладывали хворостомъ и дерномъ, а по верху ихъ небольшими плоскими камнями; получался очень низкій приплюснутый курганъ. Весьма любопытно было-бы выяснить, откуда у чукчей взялся этотъ обычай.

придется отмѣтить, что на ея площади и, при томъ,—едва ли не съ древнѣйшихъ временъ существуютъ чуть не всѣ выше указанные виды похоронъ какъ въ достаточно чистыхъ основныхъ формахъ, такъ, особенно, въ смѣшанныхъ и промежуточныхъ, наблюдаемыхъ въ многочисленныхъ похоронныхъ сооруженіяхъ. Болѣе древними видами такихъ сооруженій являются въ Россіи одновременно и могильники, и курганы; и тѣ, и другіе извѣстны уже изъ временъ камники, до Р. Х. и первыхъ вѣковъ по Р. [1]). Кромѣ одновременности замѣчается и одномѣстность для названныхъ памятниковъ,—они наблюдаются иногда чуть не рядомъ. Слѣдовательно уже съ глубокой древности въ Россіи существовали два различныя міровозрѣнія, обусловленныя, всего вѣроятнѣе, народною (расовою) различностью, такъ какъ для той отдаленной поры, къ какой восходятъ тѣ и другіе памятники, трудно допустить въ одной и той же народности наличность тѣхъ многихъ мелкихъ подраздѣленій и обособленностей вѣровыхъ возрѣній, которыя явились позже, съ разбивкой всей массы населенія (въ предѣлахъ всякой отдѣльной народности) на болѣе мелкія отдѣльности, съ обособленіемъ послѣднихъ другъ отъ друга и съ сосредоточеніемъ самихъ въ себѣ. Обособленіе народныхъ отдѣльностей создаетъ и обособленіе обрядовъ въ силу развитія первоначальнаго общаго обряда всякою обособленностью въ извѣстномъ и, чаще всего, отличномъ отъ другихъ обособленностей направленіи. Одна отдѣльность, вслѣдствіе предрасположенія къ извѣстнымъ возрѣніямъ, могла обратить вниманіе главнымъ образомъ на углубленіе могилъ въ землю, другая на обстановку ихъ камнями и т. д. Разумѣется, что кромѣ внутреннихъ причинъ на подобное позднѣйшее обособленіе обрядностей дѣйствовали и внѣшнія: условія поверхности занятой площади, (напримѣръ отсутствіе камня), сосѣдство, подражаніе и т. д. Однако, все это могло дѣйствовать въ болѣе позднее время, при достиженіи обитателями Россіи извѣстной степени развитія и образованности [2]), при появленіи обще-

---

[1]) Выше уже отмѣчено, что курганы съ цвѣтными костяками относятъ ко времени отъ VI в. до Р.—I в. по Р., многіе курганы и могильники прибалтійскихъ губерній относятъ къ первымъ вѣкамъ по Р. (Обзоръ доист. арх. въ Балтійск. губ., стр. 89, 112 и др.), того же времени (II—IV в.) курганы указываютъ въ Витебской губ. (Зап. имп. рус. арх. общ. т. IX, вып. 1—2; Обзоръ нѣкот. област. и губер. Россіи въ арх. отнош. Витеб. губ.) и т. д., и т. д.

[2]) Появленіе греческихъ поселеній на россійскихъ берегахъ Чернаго моря относится къ VI в. до Р. (Труды XI арх. съѣзда, стр. 116) и съ этого времяни начинается болѣе ощутительное измѣненіе нравовъ обитателей Россіи, конечно, подъ вліяніемъ грековъ. Скифы хотя и пришли въ Россію раньше грековъ, но и сами были еще очень дики, и находились цѣликомъ при бронзовой промышленности.

ственности, разбившей ихъ на группы и заключившей группы сами въ себѣ, каковый строй народностей едва-ли допустимъ для поры камники. Впрочемъ, относительно міровозрѣнія нужно замѣтить, что оно у русскихъ даже позднѣйшаго времяни отличалось большой однородностью и единообразіемъ съ незначительными и несущественными мѣстными особенностями. Повсюду въ Россіи одни и тѣ же боги, одни и тѣ же вѣрованія и обряды, часто не только главные, но и второстепенные. Это обстоятельство не дозволяетъ допустить, что бы та крупная разница, которая отличаетъ могильники отъ кургановъ, могла обусловливаться разницею въ вѣрованіяхъ въ предѣлахъ одной и той же словяно-русской народности, созданною раздѣленіемъ этой народности на частичныя отдѣльности. Кромѣ того, могильники и курганы встрѣчаются въ одной и той же мѣстности, даже въ непосредственномъ взаимномъ сосѣдствѣ и сверхъ этого еще и относятся иногда, приблизительно, къ одному времени, каковые случаи заставляютъ думать, что строители тѣхъ и другихъ сооруженій жили не только рядомъ, но и совмѣстно, въ перемежку другъ съ другомъ. При такомъ же общеніи у этихъ строителей, будь они одной народности, (даже допуская, что они составляли уже двѣ самостоятельныя отдѣльности), вѣровыя возрѣнія не могли бы обособиться и разойдтись до такой значительной степени, которую необходимо предполагаетъ и требуетъ разность въ названныхъ похоронныхъ сооруженіяхъ.

Такимъ образомъ не имѣется возможности признать болѣе древніе могильники и курганы за сооруженіе одной народности, хотя бы и разбившейся уже на отдѣльности. Между тѣмъ нѣкоторые изслѣдователи [1]) склонны утверждать и настаиваютъ на словянствѣ такихъ различныхъ не только по внѣшности, но и по существу похоронныхъ сооруженій, какъ „глиняныя площадки", похоронныя поля (поля похоронныхъ урнъ), кладбищенскія городища и курганы весьма различнаго устройства и времяни. Высказываемыя ими при этомъ соображенія, приводящія ихъ къ такому заключенію, или ни чѣмъ не подкрѣпляются, или подкрѣпляются домыслами общаго свойства въ родѣ того, что, де-скать, тутъ жилъ осѣдлый земледѣльческій народъ, а словяне были земледѣльцы, или что похоронныя поля были найдены во всѣхъ словянскихъ земляхъ, и т. д. Излишне говорить, что подобныя соображенія приложимы къ очень многимъ народностямъ и по тому если имѣютъ ка-

---

[1]) В. В. Хвойко,—Зап. рус. арх. общ., т. XII, в. 1—2, стр. 187—190; А. А. Спицинъ—Журн. М. Н. Пр. 1899 г., VIII, стр. 302 и др., особенно, болѣе мелкіе, прислушивающіеся къ чужому голосу и немогущіе или несмѣющіе составить собственнаго сужденія.

кую нибудь цѣнность, то весьма малую. Не вѣчно словяне были земледѣльцами и нѣтъ такой мѣстности въ Европѣ, въ которой они жили бы все время одни. Да и самый пріемъ изученія словянскихъ древностей путемъ перехода отъ древнѣйшаго къ новѣйшему нельзя признать вполнѣ разумнымъ и желательнымъ. Несравненно надежнѣйшимъ будетъ обратный этому,—отъ положительнаго къ загадочному и темному, отъ христіанскихъ могилъ XVIII, XVII в. и болѣе старыхъ къ языческимъ и доисторическимъ, привлекая къ дѣлу всякія пособія: образа, стѣнописи, миніатюры, письменность, словесность, языкъ и пр. Только при такомъ способѣ явится возможность выдѣлить нѣсколько твердыхъ и прочныхъ руководящихъ началъ, въ родѣ формы черепа, устройства могилъ и гробницъ, снаряженія покойника и т. п., и отдѣлить самобытное и основное отъ сторонняго и привитаго. При иныхъ же пріемахъ и самое положительное не будетъ свободно отъ сомнѣній и нѣкоторой неустойчивости. Кромѣ того необходимы немалыя предварительныя подготовительныя работы, требующія большой усидчивости, кропотливаго труда, времяни и добросовѣстности, и состоящія въ сводкѣ матеріала, въ выдѣленіи всякаго отдѣльнаго вида могилъ изъ всѣхъ другихъ, въ нанесеніи его на карту съ покрытіемъ занятой имъ площади особымъ цвѣтомъ; въ подробномъ описаніи и такомъ же изображеніи въ обильныхъ рисункахъ и чертежахъ. Попытки, (правда, не многія) подобныхъ работъ были, но ихъ нельзя признать удачными ни по полнотѣ, ни по пріемамъ распредѣленія матеріала и изложенія. Такъ А. А. Спицинъ оказалъ большую услугу, давъ общіе очерки губерній по древлевѣдѣнію [1]), въ которыхъ сосредоточилъ имѣющіяся свѣдѣнія и указалъ литературу; трудъ его почтененъ и полезенъ, но онъ не даетъ всего того, что могъ бы дать при иномъ расположеніи собраннаго матеріала, не достигаетъ объединенія и не воспроизводитъ общей картины. Составитель обзоровъ сдѣлалъ большую ошибку, положивъ въ основу своей работы не содержаніе предмета изложенія, а участки, клочки земной поверхности. Получился рядъ свѣдѣній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, запасъ сыраго матеріала, но и только. Пользоваться имъ можно, но до извѣстной степени осторожно, такъ какъ данныя приводятся неполныя, съ опущеніемъ, иногда, существеныыхъ чертъ, что можетъ повести при обобщеніяхъ къ ошибочнымъ заключеніямъ и невѣрной постановкѣ предмета и что дѣлаетъ неизбѣжнымъ постоянное обращеніе къ источникамъ. Кромѣ того пользованье затрудняется множествомъ ненужныхъ повтореній [2]).

---

[1]) На эту работу много ссылокъ и здѣсь.

[2]) Описаніе одинаковыхъ формъ повторяются при изложеніи

Другой недостатокъ труда Спицина въ томъ, что онъ удѣляетъ слишкомъ много вниманія вещамъ, добытымъ при раскопкахъ и изслѣдованіяхъ, кладовымъ и случайно найденнымъ безъ приведенія ихъ изображеній. Вещь, какъ предметъ, созданный человѣкомъ для удовлетворенія своихъ потребностей, сопровождаетъ его повсюду и вездѣ, и всегда подлежала и подлежитъ, чаще всего, широкому распространенію, почему въ вопросахъ о народности не можетъ имѣть первенствующаго значенія, а представляетъ лишь пособіе, косвенное доказательство, годное лишь при наличности другихъ свидѣтельствъ [1]). Какъ нынѣ Парижъ снабжаетъ весь свѣтъ модами, такъ въ древности были средоточія, оказывавшія, разумѣется, посредственно, чрезъ промежуточныя передачи, образовательное и иное вліяніе на огромныя пространства: каменные топоры—молотки тождественны на обширнѣйшихъ площадяхъ, курганные горшки, извѣстные уже въ похоронныхъ поляхъ и т. д.

Подборъ вещей въ могилахъ, за исключеніемъ небольшаго числа ихъ (въ родѣ семи-лопостныхъ височныхъ колецъ, норманскихъ вещей,—особенно фибулъ, лѣпокъ изъ глины въ видѣ звѣриныхъ лапъ, рукъ и т. п.) можетъ опредѣлить лишь время (очень приблизительно), направленіе ввознаго и вывознаго товаро-обмѣна и иногда, стало быть, взаимныхъ сношеній, да отчасти вкусъ и степень духовнаго, (но далеко не всегда промышленнаго), развитія. Послѣднее свидѣтельствуется вещами мѣстной выдѣлки, но ихъ въ похоронныхъ сооруженіяхъ часто или вовсе нѣтъ, или очень мало, такъ какъ съ покойникомъ клались вообще лучшія, т.-е. привозныя вещи. Но подборъ вещей, чаще

данныхъ по всякой губерніи; для того, чтобы знать, н. пр. м., гдѣ встрѣчаются полушарные безъямные курганы, нужно просмотрѣть описаніе всѣхъ губерній, дѣлая отмѣтки и выборки. Будь же изложеніе сдѣлано по содержанію предмета, по родамъ и видамъ памятниковъ (монографіями), тогда потребовалось-бы всего лишь найдти по оглавленію или указателю нужное заглавіе, прочесть помѣщенное подъ нимъ и изучить приложенные чертежи, рисунки и карты.

[1]) Для примѣра я укажу на слѣдующее. У гиляковъ,—народца восточной Сибири многое близко къ ископаемому Европы, такъ напримѣръ глиняныя „пряслицы“—небольшія глиняныя плоскія приплюснутыя толстыя кольца носятся гилячками въ качествѣ серегъ привѣшанныя на довольно длинныхъ шнуркахъ по 3 у каждаго уха (Амуръ. Ф. Волгинъ, стр. 123). См. также Reisen und forschungen im Amur lande. L. Schrenck, т. III, кн. 2, таб. XXVIII, рис. 1—3, обдѣлка клыковъ, табл. XXIX, рис. 6—серьга въ видѣ ? съ пряслицею, рис. 8—9—браслеты; XXXI, рис. 1- курганный ножъ въ костяной ручкѣ, таб. XXXII и XXXIII, рис. 6—узоръ близкій къ скандинавскому. Но развѣ можно на основаніи этихъ совпаденій (и даже болѣе того, на сходствѣ типовъ гиляковъ съ жителями Ярославской и особенно Вологодской губерніи) дѣлать заключенія о единствѣ исходныхъ точекъ раскопочныхъ и гилякскихъ вещей, разъединенныхъ тысячеверстными разстояніями и многовѣковымъ времянемъ?

всего, не можетъ указать ни исходной точки заселенія края, ни народности его насельниковъ, ни даже взаимныхъ сношеній на дальнихъ разстояніяхъ, такъ какъ по вещамъ ни какъ нельзя судить въ большинствѣ случаевъ о томъ,—доставлены-ли онѣ производителями или сторонними посредниками. При широкомъ распространеніи вещи, а такихъ не мало, не рѣдко трудно будетъ указать даже,—гдѣ ея исходная точка среди занятаго ею пространства. Нечего говорить о распространеніи вещей путемъ набѣговъ и военныхъ походовъ, при которыхъ вещи заносились очень далеко [1]); точно также, какъ и о томъ, что одна и та же вещь могла употребляться людьми и племянами очень различныхъ народностей. Все это дѣлаетъ вещь весьма второстепеннымъ и не особенно надежнымъ руководящимъ началомъ при изслѣдованіи и разъисканіяхъ по древлевѣдѣнію, что особенно приложимо къ предметамъ роскоши, прихоти и вообще дорогимъ. Болѣе даютъ предметы, служившіе для удовлетворенія первымъ, наиболѣе простымъ, повседневнымъ и, вслѣдствіе этого, главнѣйшимъ потребностямъ, въ родѣ кухонной посуды, орудій труда и промысла и пр. Но такія-то вещи, обыкновенно, отличаются удивительнымъ однообразіемъ на значительныхъ пространствахъ, какъ напримѣръ ручные ножи такъ называемаго курганнаго образца. Это вполнѣ понятно: нужная каждому вещь немедленно обращала на себя вниманіе каждаго же и тотъ-часъ пріобрѣталась покупкою или воспроизведеніемъ, въ самое короткое время распространяясь на большихъ пространствахъ.

Къ недостаткамъ же труда Спицина нужно отнести излишнюю краткость и неясность описаній и вообще, и особенно могильныхъ сооруженій, на каковый недостатокъ у другихъ жалуется неоднократно въ своихъ работахъ и самъ Спицинъ, а также употребленіе названій и терминовъ, далеко не установленныхъ и далеко не всѣми принятыхъ, безъ поясненія ихъ. О глиняныхъ площадкахъ, напримѣръ, я читалъ у трехъ авторовъ, (Хвойко, Спицина и Линниченко), и все-таки не могъ составить вполнѣ яснаго представленія о нихъ до тѣхъ поръ, пока не явилось случая поговорить по этому поводу съ человѣкомъ, видѣвшимъ ихъ лично, и, слѣдовательно, могшаго давать нужныя разъясненія. Первое условіе описанія, (какъ и объяснительнаго рисунка, чертежа и пр.), это совершенная отчетливость, ясность, полнота [2]) и подробность, *недопускающія представ-*

---

[1]) Олегъ взялъ уклады съ византійцевъ на Ростовъ, Новгородъ и пр., т. е. за тысячи верстъ отъ исходной точки; норманы привозили въ Скандинавію вещи изъ Англіи, Испаніи, Италіи, Греціи и пр., и т. д.

[2]) Чего весьма часто не даютъ фотографіи, которыя во многихъ случаяхъ должны быть или замѣняемы рисункомъ, или пополняемы

ленія предмета въ неприсущемъ видѣ и изображающія его вполнѣ. Дайте отдѣльныя описанія (монографіи) о каждомъ видѣ могилъ, о каждомъ видѣ вещей съ простыми, но точными, ясными и отчетливыми рисунками и чертежами, изображающими предметъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ, съ картами и указаніями его распространенія, съ сличеніемъ съ заграничными, и будетъ сдѣлано дѣло очень большое, которое ни когда не утратитъ значенія и всегда будетъ вызывать признательность. Такая работа по средствамъ только центральнымъ ученымъ обществамъ и столичному ученому; сдѣлать же сводки по мѣстностямъ—дѣло мѣстныхъ изслѣдователей, которое исполнить при наличности указаннаго изданія будетъ не трудно.

Возвращаясь къ могильникамъ, нужно замѣтить, что за древнѣйшіе изъ нихъ принимаютъ „глиняныя площадки", которыя считаютъ предшествовавшими или одновременными курганамъ съ окрашенными костяками; эти же послѣдніе относили ко времени до поры греческаго вліянія и даже до скифской поры [1]). Были даже и такіе, которые отдаляли площадки за 1300 л. до Р. [2]). Устройство ихъ не выяснено въ достаточной мѣрѣ и одни въ нихъ видятъ комнато-образныя, деревянныя, обмазанныя глиной, похоронныя сооруженія, т.-е. мазанки, другіе—прямо жилища мазанки. Несомнѣнно-же, кажется, одно: среди сомнительныхъ „площадокъ" попадаются площадки настоящія. Остатки сожженія находятся и просто на самыхъ площадкахъ, и въ сосудахъ, стоящихъ на нихъ.

Но если вѣрно, что „площадки" представляли горенки (камеры), какъ думаютъ почти всѣ, видѣвшіе ихъ [3]), тогда разсматриваемыя сооруженія нельзя называть ни площадками,

---

имъ. Кромѣ того фотографія неудобна еще тѣмъ, что она передаетъ все, т.-е. и ненужное, какъ напримѣръ грязь и т. п., только затемняющее сущность.

[1]) Спицинъ, Журн. М. Н. Пр., 1899 г., VIII, стр. 301; В. В. Хвойко,—Труды XI арх. съѣзда, т. I, стр. 768. Противъ такой древности названныхъ кургановъ возсталъ Н. Е. Бранденбургъ (тамъ же, стр. 158).

[2]) Т.-е., по дѣленію Онефальшъ Рихтера, къ пятой порѣ,—къ разцвѣту микенской культуры—(съ 1600—1200 г. до Р.). Курганы и случайн археол. находки близъ мѣст. Смѣлы. гр. А. А. Бобринскій, т. III, стр. X—XI).

[3]) Чему, впрочемъ, противорѣчитъ, какъ будто-бъ, то обстоятельство, что нѣкоторые сосуды стоятъ на площадкахъ подъ особыми футлярами въ видѣ сводчатыхъ камеръ. Впрочемъ открытыя площадки могли существовать рядомъ съ закрытыми,—горенками. Принимать „площадки" за словянскія сооруженія нѣтъ достаточныхъ основаній. По своему расположенію—кругами, иногда, огромными, площадки очень напоминаютъ поселенія племенъ средней и южной Африки, напримѣръ зулусовъ. (См. рисунокъ такого поселенія въ Нивѣ за 1879 г., стр. 213). Чрезъ такую же форму поселеній прошли всѣ почти европейцы, межъ пр. и словяне (Липпертъ, стр. 249...).

ни могильниками, ибо онѣ,—въ видѣ горенокъ,—будутъ представлять совершенно особый, отличный отъ другихъ видъ похоронныхъ сооруженій, напоминающихъ нѣсколько „башни безмолвія"—или дахмы (Dakhmas) парсовъ Индіи [1]), представляющія какъ бы усовершенствованныя „площадки". Отдаленное сходство съ ними можно усматривать еще, пожалуй, въ дольменныхъ поляхъ и римскихъ городахъ мертвыхъ—некрополяхъ, располагавшихся, впрочемъ, не кругомъ, а по прямымъ линіямъ, вдоль дорогъ, при выѣздахъ изъ городовъ.

Но если площадки возбуждаютъ сомнѣнія, то похоронныя поля или поля похоронныхъ сосудовъ, встрѣчающіяся и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ открыты „площадки", представляютъ настоящіе могильники, восходящіе къ началу и первымъ вѣкамъ христіанства [2]). Они являются обширными кладбищами сожженія (о которыхъ уже говорилось) и погребенія съ ямными могилами безъ всякихъ наружныхъ признаковъ послѣднихъ. Трупъ клался просто на дно могилы (глубью $1^1/_2$—$4^3/_4$ ар.) головою къ Ю и ЮЗ или къ З и СЗ, первые въ скорченномъ положеніи, безъ вещей, вторые на спинѣ [3]). Вещей, кромѣ посуды, въ такихъ могильникахъ мало и онѣ не разнообразны; больше всего бусъ, костяныхъ головныхъ гребней древнихъ формъ и „римскихъ" застежекъ,—фибулъ, оружія нѣтъ. Относительно вещей нужно замѣтить, что большинство ихъ необходимо признать привозными чужеземной работы, мѣстными же представляются немногія камниковой поры и промышленности, какъ-то: топоръ—молотъ изъ оленьяго рога, кремневыя орудія, костяное кольцо, служившее поясной пряжкой [4]), а также (по примѣненію) морскія раковины-привѣски и т. д. Хвойко считаетъ эти предметы, какъ и скорченное положеніе труповъ, пережитками [5]), но едва-ли съ достаточнымъ основаніемъ, такъ какъ двусортность наблюдается не только въ вещахъ, но и въ направленіи костяковъ и въ посудѣ, разсѣянной въ такихъ могильникахъ въ очень большомъ количествѣ. На ряду съ грубой однообразной, лѣпленой отъ руки встрѣчается и даже преобладаетъ здѣсь очень хорошая посуда, тщательно сдѣланная на станкѣ, разнообразныхъ красивыхъ формъ, разной величины, съ черной глянцевой поверхностью, убранной сѣ-

---

[1]) Исторія Мидіи. З А. Рагозина, стр. 143. Нива, 1897 г., № 13.

[2]) Записки Имп. Рус. Арх. Общ., т. XII, вып. 1—2, стр. 173—187. Въ одномъ найдена римская монета II в. по Р.

[3]) Кромѣ послѣдней предыдущей ссылки, см. еще Труды XI арх. съѣзда, т. 1, стр. 182.

[4]) Вѣрнѣе, просто замѣнявшее петлю, какъ нынѣ у черезсѣдельника.

[5]) Зап. Рус. Арх. Общ., т. XII, вып. 1—2, стр. 187.

рымъ узоромъ. Словяне, которымъ Хвойко приписываетъ разсматриваемые могильники, не могли дѣлать этой посуды по тому, что ихъ посуда для ежедневнаго употребленія не только позже [1]), но даже въ настоящее время, т.-е. какъ думаютъ спустя 1700 лѣтъ, стоитъ ниже и по выдѣлкѣ, и по внѣшнему виду, и даже по матеріалу. Почти то же, что только-что сказано о посудѣ похоронныхъ полей, И. А. Линниченко и Э. Р. Штернъ высказали [2]) о посудѣ „площадокъ", при чемъ красивую и изящную посуду этихъ послѣднихъ Штернъ склоненъ признать за греческую, а Линниченко отмѣчаетъ на нѣкоторыхъ сосудахъ съ „площадокъ" даже надписи [3]). Помимо древней Греціи прототипы площадковой посуды можно найти еще среди древне-египетской гончарики [4]). Въ Греціи съ ея черноморскими поселеніями ближе всего искать исходныхъ точекъ и для посуды похоронныхъ полей, имѣющей много общаго съ площадковой, формы которой, какъ образцовыя, прошли всю русскую исторію и живутъ до сихъ поръ. Таковы: курганные (ярославскіе) горшки IX в. [5]) и живущіе до нынѣ: „чугунъ" [6]), кринки [7]), маслянки [8]) и пр.

Что касается скорченнаго положенія труповъ, то, принявъ во вниманіе положеніе такихъ головою къ Ю. (съ отклоненіями), мнѣ кажется, скорченное положеніе нужно считать не пережиткомъ, а вполнѣ—дѣйствовавшимъ явленіемъ, вызваннымъ разностью народностей погребенныхъ. По крайней мѣрѣ то же положеніе встрѣчается, и при томъ, какъ обычное, а не какъ исключительное,—во многихъ болѣе позднихъ (даже XIII—XIV в.) могильникахъ, завѣдомо принадлежащихъ иногородцамъ (Отяки молятся на Ю или С.—Изв. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, в. 4, 254).

---

[1]) Курганная X—XII в.

[2]) Зап. Одесск. Общ. ист. и древ., т. XXIII, стр. 199; протоколы, стр. 12—17.

[3]) На мой взглядъ знаки надписи, изображенной на верхнемъ рисункѣ приводимой Линниченко таблицы, ближе всего по внѣшнему виду къ зендскимъ буквамъ, (по А. Дюперрону), но нѣсколько напоминаютъ и буквы древне-египетской скорописи, какъ тѣ и другіе знаки изображены у Плюшара въ Картинной галлереѣ—(отдѣлен. 1, таб. 27, рис. 2, таб. 26, рис. 5). Высказать это мнѣніе меня ободряетъ то обстоятельство, что знаки на похоронномъ горшкѣ изъ Рязанской губерніи, (нынѣ въ Историч. музеѣ), мной раньше всѣхъ признаны за руны, которыми они и оказались по опредѣленію Лиціевскаго. В. И. Сизовъ склоненъ былъ принять ихъ за родовые знаки или знаки собственности, близкіе къ финскимъ.

[4]) Какъ напримѣръ неправильно называемые Хвойкомъ „колоколообразными" (Труды XI арх. съѣзда, т. I, таблицы).

[5]) Тоже, таб. XXV—9, 11, 13, 16, 26, и стр. 776.

[6])—8.

[7]) Таб. XXVI—1, 2, 8, 9; таб. XXVII—2, 29, 44, 45, 49, 51.

[8])—42.

Если кинуть бѣглый взглядъ на извѣстные пока могильники, то не трудно замѣтить, что они располагаются пятномъ (не вполнѣ сплошнымъ) въ средней Россіи, а имянно: въ Петербургской губерніи—„ижеры", XIV в., положеніе костяковъ головою къ Ю; Псковской—XI—XII в.; Витебской—VIII—XVI в.,—головой къ В—(муж.) и З (жен.), Московской VI—VII в.; Тверской XI—XII в и поздній головой къ С, В и З съ уклоненіями [1]); Владимірской VIII—XI в., головой къ С и Ю; Кіевской и Черниговской I—V в., головой къ З и СЗ, Ю и ЮЗ; Рязанской VI—XII в., головой къ В, З. С; Тамбовской, Пензенской головою къ Ю; Симбирской—XIV в.—головой къ З и ЮЗ и въ Вятской гу-

---

[1]) Труды II обл. Твер. Арх. съѣзда, отд. I, стр. 53 и 68. Извѣст. Археол. коммиссіи, вып. 15, стр. 1. Фёдовскій могильникъ (Вышневолочск. у.) Спицинъ называетъ его (въ Изв. Арх. Ком.) старѣйшимъ русскимъ могильникомъ въ Новгородской области, относитъ къ XI—XII в. и замѣчаетъ: „Любопытно, что устойчиваго положенія костяковъ по отношенію къ странамъ свѣта не наблюдается... Положеніе скелетовъ головою на С. въ русскихъ курганныхъ древностяхъ X—XII в. другихъ мѣстностей не представляетъ рѣдкости, но преобладающее положеніе головою на В (если считать основными сторонами В и З), неожиданное явленіе, къ которому мы не имѣемъ мѣрки" (стр. 2). Самовольно и самовластно объявивъ Федовскій могильникъ русскимъ (т.-е. словянскимъ), Спицинъ удивляется, что не находитъ въ немъ русскихъ чертъ. Но чему же тутъ удивляться? Казалось-бы дѣло просто: нѣтъ русскихъ чертъ, значитъ не русскій. Но Спицинъ подходитъ къ предмету съ готовымъ рѣшеніемъ: могильникъ русскій, при чемъ судитъ, по своему обыкновенію, по вещамъ, а не по признакамъ самаго могильника и оттого, ясно, „не имѣетъ мѣрки". Спицинъ говоритъ: если считать основными сторонами В. и З. Но почему же считать эти стороны основными? Костяки въ Федовскомъ могильникѣ лежатъ головами: къ С.—11 изъ 44, къ З.—6, къ В.—5, къ Ю.—ни одного, всего къ главнымъ сторонамъ свѣта 22, т.-е. половина всего числа. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что главною стороною является С. Изъ промежуточныхъ положеній костяки лежатъ головою: къ СЗ—1, СВ—15, ЮВ—3, ЮЗ—3, всего къ промежуточнымъ сторонамъ свѣта—22. Такъ какъ къ Ю. не обращенъ головою ни одинъ костякъ, то положенія къ ЮЗ и ЮВ нужно признать за уклоненія положенія костяковъ къ З. и В. и присоединить къ послѣднимъ (или, какъ равныя по числу, не считать вовсе). Это понятно. Гораздо затруднительнѣе разобраться въ остальныхъ двухъ промежуточныхъ направленіяхъ, изъ коихъ къ СЗ лежитъ всего 1 костякъ, а къ СВ—15. Сѣверо-западное положеніе, какъ представленное ничтожнымъ количествомъ случаевъ, является, очевидно, также уклоненіемъ и вопросъ лишь въ томъ, отъ какой главной стороны свѣта,—С. или З? Но въ виду незначительности числа случаевъ такого направленія на этомъ вопросѣ можно не останавливаться. За то нельзя не остановиться на сѣверо-восточномъ направленіи, число случаевъ котораго слишкомъ велико. Что оно,—основное положеніе или отклоненіе? И если отклоненіе, то отъ какого основнаго,—сѣвернаго или западнаго? Принявъ во вниманіе, что промежуточныя страны свѣта не имѣли ни-какого важнаго значенія, ни у одного неразвитаго болѣе или менѣе значительнаго народа, какъ не имѣютъ его даже и неизвѣстны и до сихъ поръ у русскаго простонародья, нужно будетъ признать отклоненіемъ и указанное

берніи [1]). Изъ 14 перечисленныхъ губерній въ 11 съ древнѣйшихъ временъ извѣстно инородческое, финское населеніе, у котораго могильники прослѣжены отъ VI—XIV в. по Р., при чемъ въ нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстностяхъ обрядъ сожженія началъ входитъ въ употребленіе очень поздно, какъ показано выше. Происхожденіе могильниковъ довольно темно; на ЮЗ Россіи они восходятъ къ

положеніе. А такъ какъ въ разсматриваемомъ могильникѣ уклоненія въ другія стороны есть и отъ В. (ЮВ, и отъ С. (СЗ), то сѣверо-восточное положеніе костяковъ этого могильника нужно будетъ признать за уклоненія какъ отъ сѣвернаго, такъ и отъ восточнаго положеній, чѣмъ и объясняется относительно большое число положеній этого направленія. Теперь, если число случаевъ сѣверо-восточнаго направленія раздѣлить поровну (хотя русскій народъ чаще смѣшиваетъ СВ. съ С.—„немшоной стороной“, чѣмъ съ В.) и приложить къ числамъ сѣвернаго и восточнаго положеній, то получится слѣдующее: въ Федовскомъ могильникѣ лежитъ головами къ С. съ уклоненіями—18 костяковъ, къ В.—15, къ З.- 9, при чемъ 1 къ СЗ. и 1 къ СВ, не приняты во вниманіе (какъ спорныя и какъ равныя величины). Вотъ къ какимъ даннымъ нужно прійдти, думается мнѣ, если смотрѣть на дѣло безъ предвзятой мысли и брать даваемое предметомъ изслѣдованія, а не искать въ немъ воображаемое. Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что преобладающимъ положеніемъ костяковъ въ Федовскомъ могильникѣ является положеніе ихъ головою къ С, т.-е. финское, затѣмъ—головою къ В.—литовское (?) и наконецъ наименѣе частое, головою къ З,—признаваемое за древнее (языческое) словянское. Слѣдовательно Федовскій могильникъ, (какъ и многіе другіе и какъ множество кургановъ) „русскимъ“ можно назвать только въ политическомъ отношеніи, т.-е. въ томъ смыслѣ, что онъ принадлежалъ людямъ, жившимъ въ Русскомъ государствѣ и входившимъ въ его составъ (иностраннаго подданства еще не было). Во всякомъ же другомъ смыслѣ этотъ могильникъ ни какъ нельзя назвать русскимъ, ибо онъ принадлежалъ не одной, а нѣсколькимъ народностямъ, обобщеннымъ лишь съ внѣшней стороны главнымъ образомъ правленіемъ и отчасти, можетъ быть, языкомъ, платьемъ, нѣкоторыми сторонами быта, но разнымъ по крови, преданіямъ и вѣрованіямъ, которыми и обусловлено разное положеніе костяковъ. Въ Тверской же губерніи, въ Калязинскомъ уѣздѣ у дер. Саврасовой на лѣвомъ берегѣ р. Нерли открытъ довольно поздній могильникъ, костяки въ которомъ лежали на глуби 1—$1^1/_2$ ар. головою къ Ю., въ разныхъ положеніяхъ. По краямъ могильникъ былъ выложенъ въ свое время известняковыми хорошо обдѣланными плитами до 2 вер. толщиной. (Труды Твер. съѣз., отд. I, стр. 69). Поздній же (если только не военныя погребенія) могильникъ обнаруженъ въ Ярославской губ., въ Мышкинскомъ у., въ с. Прилуки, на лѣвомъ берегѣ Волги у пароходныхъ пристаней, на глубинѣ $^1/_2$—$^3/_4$ ар. Здѣсь костяки лежатъ въ разныхъ положеніяхъ и направленіяхъ, не рѣдко одинъ на другомъ (тамъ же). Такая безпорядочность погребеній свидѣтельствуетъ о торопливости и небрежности уборки многихъ труповъ за разъ, что чаще всего случается на бранномъ полѣ и, пожалуй, еще при сильныхъ повальныхъ болѣзняхъ. Саврасовскій по направленію костяковъ нужно признать также финскимъ.

[1]) Матеріалы по археол. Россіи № 10, 14; Муранскій могильникъ. В. Н. Поливановъ; Запис. рус. арх. общ., т. IX, вып. 1—2,—Обозрѣніе нѣкотор. губерній и област. Россіи въ арх. отношеніи; т. XI, вып. 1—2, то же.

камникѣ, въ другихъ областяхъ скрытая въ нихъ промышленность большимъ количествомъ предметовъ хотя и относится къ значительно позднѣйшему времени, но для могильниковой народности является ввозной и, по тому, нехарактерной для этой народности. Ея промышленность представляется здѣсь отрывочно, не многими предметами и эти предметы часто суть предметы камники[1]) и свидѣтельствуютъ о томъ, что могильниковая народность при сооруженіи могильниковъ находилась еще при камчиковой промышленности, но что эта самобытная ея промышленность вытѣснялась или, вѣрнѣе, подавлялась наплывомъ чуждой, ввозной. Малое количество самобытныхъ предметовъ въ могильникахъ объясняется ни тѣмъ, что ввозная промышленность вполнѣ уже вытѣснила мѣстную, замѣнивъ ее (т.-е. что для жителей началась новая пора развитія), а тѣмъ, что покойникъ снабжался лучшими вещами[2]) и по тому предметы туземной выдѣлки попадали въ могилы рѣдко: лишь въ могилы наиболѣе бѣдныхъ, неимѣвшихъ ни чего лучшаго. Къ сибирскимъ инородцамъ ввозится множество предметовъ, которыми они и пользуются въ своемъ повседневномъ обиходѣ, кладя и въ могилу, но это ни какъ не обозначаетъ еще того, что они достигли уже той степени развитія, которую предполагаетъ совершенство изготовленія ввозимыхъ предметовъ (напримѣръ цвѣтныхъ суконъ).—Если прекратить всякій ввозъ, инородцы возвратятся къ своей полуоставленной прежней промышленности, такъ какъ среди ихъ нѣтъ людей, знающихъ и могущихъ изготовлять предметы подобные ввозимымъ и добывать нужный для ихъ изготовленія матеріалъ. Только съ появленіемъ собственныхъ производителей данной промышленности народность вступаетъ въ эту промышленность, овладѣваетъ ею.

Въ Ярославской губерніи обширныхъ и позднихъ могильниковъ не извѣстно, кромѣ упомянутаго выше сомнительнаго прилукскаго, но въ ней извѣстны могильники

---

[2]) Такъ въ Витебской губ., гдѣ извѣстно болѣе 30 могильниковъ (преобладаютъ въ западной части губерніи), въ одномъ изъ нихъ (имѣнье Конецъ поля) найденъ каменный молотокъ (указан. статья Спицина въ Зап. р. арх. общ., т. IX, вып. 1—2, въ оттискѣ стр. 29). Въ 1 ч. моего изслѣдованія показано, какъ долго держалось каменное даже оружіе у финновъ и литвы (Тр. обл. Тверск. съѣзда, отд. I, стр. 121).

[3]) Большинство предметовъ изъ раскопокъ, если только они хорошо сохранились, какъ извѣстно, почти новые или новые вовсе, безъ слѣдовъ изнашиванья, что относится даже и къ горшкамъ. Объясняется это обстоятельство страхомъ подъ присвоеніемъ имущества умершаго, побуждающимъ наприм. чувашей вскакивать въ ужасѣ даже среди ночи и немедленно закалывать „требуемое покойникомъ“ животное или приносить другую жертву. (Изв. общ. арх. ист. и этн. т. XXII, стр. 48).

камнико-бронзики [1]) не обширные, но по числу погребеній все-таки достаточные для признанія ихъ могильниками. Та-

---

[1]) Настойчиво относимые Спицинымъ къ бронзикѣ и даже къ концу ея, (Зап. отд. рус. и слов. арх. Рус. Арх. общ., т. V, вып. 1, стр. 79), что дѣлается имъ на основаніи посуды и ея узора и на основаніи того, что мѣдь въ этихъ могильникахъ, по его мнѣнію, „играетъ уже второстепенную, очень служебную, невидную роль" и что „она уже не составляетъ предмета исключительной рѣдкости". Къ такому выводу онъ приходитъ на основаніи „колечка", продѣтаго черезъ медвѣжій клыкъ,—одного изъ двухъ мѣдныхъ предметовъ, добытыхъ въ Фатьяновскомъ могильникѣ. Подобные-же предметы (колечко изъ пластинки и мѣдный кружекъ съ желѣзомъ внутри), найдены и въ Черно-горскомъ могильникѣ Ярослав. у. Изъ перечисленныхъ въ указанной статьѣ находокъ „мѣднаго вѣка" Спицинъ отмѣчаетъ: мѣдное колечко же сплюснутое въ пластинчатое изъ круглаго полаго,—изъ Чуркиновскаго могильника Балахнинскаго у., Нижегор. губ., (стр. 89), мѣдный молотокъ, вылитый *по образцу каменнаго*, изъ с. Чукалы, Сергачск. у., той же губ. (стр. 90) и мѣдный ножъ изъ поселка въ д. Дядьковичи, Брянск. у., Орлов. губ. (стр. 91). Все остальное, т.-е. десятки предметовъ,—каменное, костяное, глиняное. Не смотря на эту ничтожность мѣдныхъ предметовъ и на присвоеніе имъ формъ каменныхъ подѣлокъ, Спицинъ толкуетъ о разцвѣтѣ и даже концѣ мѣдники въ области находокъ этихъ предметовъ, занимающей сотни квадратныхъ верстъ. Нѣсколько вещицъ на сотни квадратныхъ верстъ и на сотни каменныхъ предметовъ едва-ли могутъ свидѣтельствовать о разцвѣтѣ. Послѣ того и римская монета хотя бы V в. до Р., попавшая на С. Россіи, будетъ свидѣтельствовать о золотомъ вѣкѣ римской торговли съ дикарями этой части Россіи въ то отдаленное время. Спицинъ и нѣкоторые другіе, указывающіе на сходство Ярославской камнико-бронзики съ южно-русской и прикавказской, склонны видѣть занось ея къ Волгѣ съ Ю. Мнѣ кажется, что много вѣрнѣе думать о передвиженіи рослаго длинноголоваго племяни той поры не съ Ю на С, а на оборотъ. За это говоритъ какъ большее количество остатковъ и его самого, и его промышленности и быта на Ю, такъ и высшая степень развитія, большая совершенность произведеній этой промышленности тамъ. Племя, придя въ Россію съ З., двигалось на Ю., встрѣчаясь по пути туда все чаще и чаще и оставаясь въ соприкосновеніи все дальше и дальше съ болѣе развитыми народами, почему и само совершенствовалось все болѣе и болѣе. Тогда, какъ на С. оно едва-едва знало бронзу, вѣрнѣе, даже едва слышало о ней, на Ю. ея у него уже много; на С. она, какъ дорогая и рѣдкая роскошь, употребляется лишь для украшеній,—на колечки для привѣсокъ (священныхъ), на Ю. изъ нея дѣлаютъ уже оружіе и орудія,—ея хватаетъ уже и на это,—и для топора, и для ножа, а уже не на одно колечко. Будь иначе, будь бронза занесена съ Ю. на С., а не ознакомся съ нею сѣверянинъ на Ю., на мѣстѣ, по переселеніи туда, на сѣверѣ непремѣнно попадались бы, хотя бы изрѣдка, болѣе совершенные бронзовые предметы, подобно тому, какъ нынѣ не сѣверѣ можно встрѣтить и котелъ, и ружье, и топоръ, и цвѣтное сукно, доставляемые туда съ Ю. Этого же нѣтъ. Можетъ быть даже самое переселеніе на Ю. длинноголовыхъ было вызвано бронзою: пошли туда за бронзой, какъ позже шли за золотомъ, паволоками и пр. Южныя словарныя заимствованія у финовъ объясняютъ сожительствомъ ихъ съ нынѣшними южанами на Ю., но финны на Ю. не жили и слѣдовъ ихъ тамъ нѣтъ; они сдѣлали свои заимствованія у южанъ тогда, когда послѣдніе не были еще южанами, а жили около финновъ въ средней Россіи.

ковы: фатьяновскій, холмовскій, черно-горскій [1]). Послѣдній имѣетъ подобіе изъ могильниковъ позднѣйшаго времени въ муранковскомъ могильникѣ, (Сингелеевскаго уѣзда, Симбирской губерніи), XIV в. [2]),—тотъ же способъ погребенія—въ могильникѣ, а не подъ курганами,—то же положеніе костяковъ, въ ямѣ,—въ скорченномъ состояніи, на правомъ боку, головой къ закату, тотъ же высокій ростъ погребенныхъ, (совсѣмъ не инородческій) и длинный черепъ (показатель до 65). Конечно, это сходство не значитъ еще, что люди муранковскаго и ярославскихъ камнико-бронзиковыхъ могильниковъ составляли непремѣнно одно и то же, но несомнѣнно, что сходство ихъ самихъ и ихъ погребеній дѣло не всецѣло простаго случая, тѣмъ болѣе, что типъ людей, погребенныхъ въ муранковскомъ могильникѣ стоитъ совсѣмъ особнякомъ среди финскаго населенія окружающей мѣстности. Отмѣчаю это данное, какъ могущее пролить нѣкоторый свѣтъ въ темную область того далекаго времяни, а также для того еще, что нѣкоторые указываютъ подобіе для погребеній въ ярославскихъ могильникахъ погребеніямъ въ южно-русскихъ курганахъ. Такъ Спицинъ [3]) видитъ сходство ихъ особенно съ нѣкоторыми кубанскими курганами съ скорченными костяками, при чемъ его поражаетъ болѣе всего сходство посуды по ея формѣ, матеріалу, узору и даннымъ „клеймамъ“. Для красивыхъ фатьяновскихъ каменныхъ топоровъ онъ находитъ подобія лишь въ топорахъ изъ кубанскихъ, ставропольскихъ и таврическихъ кургановъ, въ которыхъ они достигаютъ, по его словамъ, высшаго развитія [4]). Однако съ высказаннымъ трудно согласиться. Подобіе издѣлій, какъ сказано, имѣетъ лишь второстепенное значеніе, подобіе же въ устройствѣ могилъ

[1]) Къ этому близокъ по устройству могилы, (за исключеніемъ обмазки), по предметамъ и по посудѣ могильникъ у д. Чуркино, Балахн у. (тамъ же, стр. 99).

[2]) Муранскій могильникъ. В. Н. Поливановъ.

[3]) Запис. отд. рус. и слов. арх. Рус. Арх. общ., т. V, в. 1, стр. 91.

[4]) Желая видѣть подобіе полнѣе, Спицинъ прибѣгаетъ къ натяжкѣ, увѣряетъ (тамъ же, стр. 92), что ярославскіе и имъ подобные могильники, если не имѣли кургановъ, то устраивались „непремѣнно на возвышеніяхъ курганнаго вида“. Во 1) на холмѣ и подъ холмомъ—совершенныя противоположности, стало быть указанные признаки представляютъ черты не сходства, а различія; во 2) сообщенное чистая фантазія. Правда, могильники расположены на холмахъ, но холмы эти съ курганами не имѣютъ сходства—(ни Фатьяновскій, ни Черная гора). Могильникъ новокамники у с. Брасова (Сѣвск. у., Орловской губ.) находится также не на отдѣльномъ возвышеніи (по Спицину—кургановидномъ,—Запис. отд. рус. и сл. археологіи Рус. Арх. Общ., т. VII, вып. I, стр. 77), а на отлогомъ скатѣ берега р. Неруссы—притока Десны. Спицинъ указываетъ такіе же могильники въ прибалтійскомъ краѣ и на р. Вяткѣ (стр. 78) и намѣчаетъ три пути проникновенія къ нимъ вещей съ Ю., 1) съ Ю. на Волгу чрезъ р. Вазузу, 2) чрезъ Оку и 3) чрезъ Зап. Двину. Онъ говоритъ (стр. 82),

кургановъ съ цвѣтными костяками указанныхъ мѣстностей и ярославскихъ камнико-бронзиковыхъ могильниковъ очень отдаленное, судя по описанію кургановъ самимъ же Спицинымъ [1]). Кромѣ того данныя о курганахъ съ цвѣтными костяками совершенно не обработаны [2]) и разобраться въ этихъ данныхъ безъ подготовительной, нарочно-предприятой работы трудно, хотя вполнѣ необходимо, такъ какъ въ настоящемъ своемъ видѣ эти данныя представляютъ лишь кучу сырья, кучу нагроможденныхъ свѣдѣній, повидимому, о довольно сложномъ явленіи. Въ этихъ курганахъ, насколько можно судить о нихъ по значительно неполнымъ свѣдѣніямъ и при отсутствіи рисунковъ и чертежей, обнаруживается смѣшеніе нѣсколькихъ (не менѣе трехъ) похоронныхъ обрядовъ, при чемъ ни одинъ изъ смѣшавшихся обрядовъ еще не возобладалъ и не вытѣснилъ вполнѣ остальныхъ, точно также, какъ и всѣ вмѣстѣ они еще не слились и не образовали одного общаго. Такъ, въ названныхъ курганахъ находишь материковую яму, заваленную землей и прикрытую курганомъ; ту же яму, но не заваленную, а закрытую накатникомъ съ прикрытіемъ сверхъ накатника курганомъ; яму съ подкопомъ подъ одну изъ ея отвѣсныхъ сторонъ (съ „катакомбой“), что до нынѣ въ употребленіи у нѣкоторыхъ народностей З. Азіи [3]); яму облицованную камнемъ, глиной [4]) или только обмазанную—(„отшвабренную“); яму съ каменнымъ плитчатымъ ящикомъ внутри ея, прикрытымъ плитами же [5]) и т. д.,—еще многія разности. Затѣмъ идутъ болѣе новыя,—помѣщающіяся на поверхности почвы, иногда, на предыдущихъ,—каменныя гробницы, или могильные каменные ящики,—дольмены разнаго размѣра и устройства [6]) и, едва-ли не подражаніе имъ,

---

что есть основаніе думать о занесеніи этихъ вещей съ Ю. на С. еще до прихода въ южную Россію иранцевъ (? скифовъ?), но тутъ же отмѣчаетъ, что на югѣ не извѣстно могильниковъ близкихъ къ фатьяновскому, такъ какъ каменный молотокъ изъ Рѣжицкаго уѣзда Минской губерніи, близкій къ фатьяновскимъ и могшій бы указывать на подобный могильникъ, считаетъ недостаточнымъ въ виду того, что Минская губернія не южная. Да, для южнаго направленія проникновенія бронзики въ среднюю Россію это указаніе не имѣетъ вѣса, за то оно цѣнно для подтвержденія западнаго направленія этого проникновенія указаннаго мною и въ 1 ч. настоящей работы (Труды Твер. обл. съѣзда, отд. I, стр. 134), и здѣсь, нѣсколько выше. См. еще Изв. Тамб. Арх. Ком., вып. 52, стр. 6.

[1]) Запис. рус. арх. общ., т. XI, вып. 1–2, стр. 53.

[2]) Спицинъ собралъ только эти данныя.

[3]) Напримѣръ киргизы—(Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, в. 4, стр. 392...),—сарты—(Антропол. выст, т. III, ч. I, стр. 147).

[4]) Запис. рус. арх. общ., т. XI, вып. 1—2, стр. 87, въ оттис. 35.

[5]) Тоже, стр. 93, въ оттис. 41.

[6]) Раздѣляемые Спицинымъ зачѣмъ-то на настоящіе дольмены, ящики и кисты, хотя разница между ними лишь въ размѣрахъ и совершенствѣ работы и хотя всѣ виды каменныхъ гробницъ отмѣчен-

деревянныя горенки („склепы"). Наконецъ слѣдуютъ погребенія въ камневыхъ оградахъ и просто на землѣ въ насыпи кургановъ. Относительно состоянія промышленнаго развитія строителей кургановъ съ цвѣтными костяками, въ общемъ, можно сказать, что чѣмъ сѣвернѣе отъ Кавказа и черноморскаго берега, тѣмъ оно, (какъ и похоронный обрядъ), первобытнѣе и тѣмъ болѣе носитъ мѣстный [1]) оттѣнокъ. Я не говорю объ очертаніяхъ (въ планѣ) могилъ и о положеніи костяковъ,—первое разнообразно, а второе встрѣчается чуть не всѣхъ видовъ: головой во всѣ стороны свѣта;—сидячее [2]), утробное, скорченное на бокахъ и на спинѣ съ ногами „конями"—(согнутыми къ верху), вытянутое на бокахъ и на спинѣ и пр. Все это разнообразіе и при томъ во всемъ: въ положеніи мертваго, въ снаряженіи его и въ устройствѣ похоронныхъ сооруженій, конечно, менѣе всего говоритъ объ единствѣ племяни строителей послѣднихъ и ихъ міровозрѣній. Тѣмъ не менѣе нынѣ мало обращаютъ еще вниманія на это разнообразіе, сваливая все въ одну кучу—„курганы съ окрашенными костяками" на основаніи мало значащаго внѣшняго признака,—обычая посыпки мертваго красящимъ порошкомъ. Замѣчается даже, какъ будто-бъ, наклонность приписывать всѣ эти памятники одному племяни [3]), отдавая вниманіе предпочтительно вещамъ, съ чѣмъ, конечно, нельзя согласиться въ силу уже изложенныхъ соображеній. Предпочтеніе должно быть отдано, прежде всего, костяку съ его черепомъ, затѣмъ устройству похороннаго сооруженія и положенію въ немъ костяка или праха, похоронному обряду, на сколько онъ можетъ быть выясненъ, и только въ самомъ концѣ вещамъ, обращая вниманіе на мѣстныя и особенно на вещи повседневнаго обихода, для чего слѣдуетъ выдѣлять ихъ изъ общей массы возможно строже. Какъ исторію нельзя изучать и знать по героямъ и отдѣльнымъ личностямъ, такъ и древлевѣдѣніе нельзя созидать на особомъ и исключительномъ. Между тѣмъ до сихъ поръ придается недостаточно значенія, на примѣръ, направленію костяка, и, разъ вещи сходны, то очень часто курганы съ ними приписываются одной народ-

---

ныхъ здѣсь мѣстностей извѣстны и среди дольменовъ Франціи, Африки, З. Азіи и Индіи (См. указанныя выше сочиненія).

[1]) Очень первобытный: грубая посуда, болѣе грубыя и количественно преобладающія каменныя издѣлья, яичная скорлупа, раковины, рыбья чешуя и кости и пр.

[2]) Самоѣды Аси или асины (водеевскіе) хоронятъ своихъ мертвыхъ между прочимъ въ сидячемъ положеніи. Зашитый въ шкуру трупъ заваливается валунами, груду изъ нихъ забрасываютъ землей и сверхъ ея обкладываютъ насыпь каменными плитами. (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, вып. 3, стр. 289...).

[3]) Спицинъ (указ. Зап., стр. 80, въ оттис. 28), описывая костяки, выражается о нихъ вообще,—чехомъ.

ности, хотя положеніе костяковъ въ нихъ различное. Но при этомъ забывается, что это положеніе, какъ обусловленное міровозрѣніемъ, имѣло вовсе не безразличное значеніе. Встрѣтивъ на христіанскомъ кладбищѣ погребеніе головою къ С. или къ Ю., ни кому не придетъ въ голову сказать, что подобное погребеніе христіанское, оно обратитъ на себя вниманіе. Когда же на курганномъ кладбищѣ съ общимъ положеніемъ костяковъ головою, на примѣръ, къ З. попадается нѣсколько съ положеніемъ ею къ Ю., то объ этомъ едва упоминаютъ. Конечно, положеніе костяка въ могилѣ обусловлено міровозрѣніемъ, которое можетъ быть общимъ для нѣсколькихъ разноплеменныхъ совокупностей, что, конечно, нужно имѣть въ виду. Однако нельзя забывать и того положенія, по которому,—чѣмъ ниже развитіе данной племянной совокупности, тѣмъ (до извѣстнаго предѣла) обособленнѣе ея жизнь и обусловленное ею міровозрѣніе, тѣмъ больше въ немъ самобытнаго, отличнаго отъ другихъ. Но это положеніе почти неприложимо къ быту, къ предметамъ не духовной, а бытовой обстановки, по отношенію къ которымъ общеніе,—обмѣнъ и заимствованіе путемъ захвата, промѣна, подражанія и пр., наблюдается на самыхъ нижнихъ ступеняхъ существованія человѣка. Первое уже столкновеніе и сношеніе вели къ такимъ дѣйствіямъ, чѣмъ и объясняется широкое распространеніе первобытныхъ формъ предметовъ. Только съ значительнымъ развитіемъ производствъ на мѣстѣ, обезпечивавшимъ и удовлетворявшимъ мѣстный спросъ и потребности и уменьшавшимъ надобность въ заимствованіи путемъ захвата или обмѣна, уменьшается общность и зарождается самобытность,—мѣстныя формы. Но и въ такое время продолжаютъ вліять на формы бытовыхъ предметовъ,—въ смыслѣ общности,—дѣйствователи независимые отъ успѣховъ промышленности, вродѣ, на примѣръ, отсутствія нужнаго матеріала. Такъ, при введеніи бронзы, за отсутствіемъ бронзовиковъ на мѣстѣ, ввозъ бронзы долженъ былъ по необходимости ограничиваться ввозомъ лишь готовыхъ издѣлій до тѣхъ поръ, пока на мѣстѣ не научились обращаться съ бронзою соотвѣтствующимъ образомъ, не изучили и не постигли ея природы, безъ чего немыслимы самобытно самостоятельныя произведенія изъ новаго матеріала [1]) и не можетъ сложиться мѣстнаго стиля.

Все сказанное упускается изслѣдователями изъ вида и по тому не рѣдко дѣлаются удивительныя и даже невозможныя обобщенія и заключенія. Разобраться въ матеріалѣ

---

[1]) Не знаютъ, какъ обращаться съ нимъ, что можно изъ него дѣлать и какъ, какимъ способомъ, т.-е. нужно ли и можно ли его рубить, пилить, скоблить, ковать, плавить и т. д.

по курганамъ съ цвѣтными костяками можно только путемъ графическаго размѣщенія его, сличенія размѣщеннаго въ графахъ и подсчета, т.-е. путемъ цифровымъ, статистическимъ. Въ нынѣшнемъ же видѣ этотъ матеріалъ представляетъ почти мертвый капиталъ и отыскивать въ немъ подобія—дѣло мало благодарное, даже небезопасное. Основываясь на указаніяхъ Спицина о подобіяхъ между ярославскими камнико-бронзиковыми могильниками и курганами съ цвѣтными костяками, я вновь пересмотрѣлъ собранный Спицинымъ матеріалъ, (согласно его ссылкѣ на послѣдній) и не нашелъ сколько ни будь значительныхъ, а тѣмъ болѣе полныхъ подобій, за исключеніемъ отдѣльныхъ, иногда,— лишь общихъ чертъ сходства (погребеніе въ материковой ямѣ, иногда—закругленіе ея угловъ и т. п.), и не могу согласиться, что въ ярославскихъ могильникахъ „обрядъ погребенія тотъ же самый", что въ курганахъ съ цвѣтными костяками [1]).

Какъ не мало разработанъ вопросъ о послѣднихъ, все-таки уже и теперь является невозможнымъ признать эти курганы словянскими, тѣмъ болѣе, что за несловянство ихъ говорятъ особенности костяка и черепа погребенныхъ въ нихъ. Эти погребенные были высокаго роста съ очень сильно развитыми мышцами, съ характернымъ длиннымъ черепомъ съ покатымъ плоскимъ (откинутымъ) лбомъ и сильно развитыми надбровьями [2]), т.-е. съ признаками, отличающими преимущественно норманское племя.

Еще менѣе сдѣлано для правильной постановки изученія болѣе позднихъ кургановъ Россіи, разумѣя подъ ними курганы первыхъ пяти вѣковъ по Р.; нѣтъ даже простой сводки свѣдѣній о нихъ. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и по отношенію изученія похоронъ даже въ историческое (для русскихъ) время. Точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ

---

[1]) Зап. по отдѣл. слов. и рус. арх., т. V, стр. 92. Правда я самъ въ 1 ч. этой работы указывалъ черты сходства между могилами ярославскихъ могильниковъ и кургановъ по р. Донцу въ Изюмскомъ у. но дальше этого не иду, да и это дѣлаю лишь послѣ бесѣды съ человѣкомъ, видѣвшимъ тѣ и другія погребенія.

[2]) Зап. Рус. арх. общ., т. XI, вып. 1—2, стр. 80, въ оттис. 28. Бранденбургъ (Труды XI арх. съѣзда, т. I, стр. 158) разсматриваемые южно-россійскіе курганы связываетъ съ западно-европейскими и даже съ тамошними пещерами, онъ указываетъ, что скорченные цвѣтные костяки извѣстны въ Волыни, Подоліи, Привислѣ, Австріи, Даніи, Швеціи, Англіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи и Италіи. Изъ народныхъ имянъ онъ останавливается на киммерійцахъ, которыхъ другіе ведутъ изъ Крыма въ Данію. Все это такъ, но бѣда та, что все это основано на второстепенныхъ внѣшнихъ признакахъ, окраскѣ, вещахъ и т. п. На р. Уралѣ (Яикѣ) упоминается въ русскихъ источникахъ г. Саксинъ, жителей котораго—А ф. Лихачевъ причислялъ къ болгарамъ (Труды II арх. съѣзда, вып. I, стат. I стр. 43). Откуда взялось на Уралѣ это странное названіе?

не много: показанія русской—немногочисленной и иностранной—недостаточно ясной письменности, отчасти показанія искусства,—словесности и живописи и показанія языка и пережитковъ. Эти данныя свидѣтельствуютъ, что у русскихъ словянъ были въ употребленіи:—

Видимо, широко-распространенное *наземное погребеніе въ различныхъ его видахъ* (оградное до голбца включительно, покровное или подъ прикрытіемъ—стволами, сучьями и пр., скутка и пр.); *собственно похороны* (въ деревьяхъ,—дуплахъ и долбленкахъ, въ материковой ямѣ [1]) и въ водѣ) и *сожженіе* (чистое,—съ оставленіемъ кострища на мѣстѣ или съ развѣяніемъ праха, какъ при сожженіи масляницы, вѣдьмъ, колдуновъ и пр.,—и смѣшанное то съ погребеніемъ,—заброска кострища землей, то съ похоронами, — собиранье праха въ сосудъ и постановка его на столбъ или въ иное мѣсто). О похоронахъ подъ насыпью—курганомъ въ перечисленныхъ источникахъ нѣтъ такихъ указаній, которыя касались бы несомнѣнно и безспорно русскихъ словянъ VIII—IX в. Не даетъ ихъ также и древлевѣдѣніе. Мало того; при нынѣшнемъ состояніи матеріала, если и возможно, все-же весьма трудно даже только указать,—у кого заимствовали русскіе словяне средней Россіи свой позднѣйшій полушарный курганъ, смѣненный ими мѣстами лѣтъ черезъ 150—200 другими видами могилъ (напримѣръ въ Новгородской и Псковской губерніяхъ жальниками). Одно, можетъ быть, несомнѣнно,—это то, что заимствованье совершалось не изъ одного мѣста, не въ одно время и не всѣми у не словянъ. Болѣе отсталыя словянскія отдѣльности, конечно, многое, въ томъ числѣ и могилы перенимали (добровольно или противъ воли, завоеваніемъ) у болѣе развитыхъ своихъ собратій, раньше и легче первыхъ входившихъ въ сношенія съ иноземцами и уступчевѣе поддававшихся вліянію и воздѣйствію послѣднихъ. Такими, естественно, были чаще всего жившіе въ сосѣдствѣ съ иноземцами, т.-е. по окраинамъ занятой русскимъ словянствомъ земли, что относительно полянъ отмѣчаетъ лѣтопись. Но принявъ во вниманіе небольшую устойчивость въ самобытности вообще всего словянства, а русскаго особенно, его легкую, хотя и не намѣренную подчиняемость окружающему и заимствованіе отвсюда безъ разбора всего подходящаго или нравящагося, что обусловлено широкой отзывчивостью словянской натуры и большой способностью усвоенія или уразумѣнія, пости-

[1]) Въ похоронномъ причитѣ: *Мать,—сыра земля, разступися,*
Гробница бѣлодубовая раскройся,
Родитель мой убудися,
Раскрой свои очи ясныя,
Распечатай свои уста сахарныя.
(Зап. З.-Сибир. отд. рус. геог. общ., кн. XXX, стр. 229).

ганія чуждаго ей, нужно не упускать изъ вида, и того обстоятельства, что свои заимствованія словяне дѣлали (и дѣлаютъ) не только у болѣе, чѣмъ они, развитыхъ народностей, но также и у сосѣдей, стоявшихъ на низшей сравнительно съ ними ступени развитія, т.-е. не только на З. и Ю, но и на В. и даже на С., и при томъ даже въ сравнительно позднее время [1]). Но и у словянъ въ ихъ отношеніяхъ къ окружающему былъ и есть свой завѣтный уголокъ, ревниво оберегавшійся ими отъ чужаго вторженія и вмѣшательства. Это область вѣры, еще до нынѣ замѣняющая низшимъ

[1]) Какъ на примѣръ жальники и называемыя Спицинымъ „каменныя“ (камневыя) могилы, извѣстныя главнымъ образомъ на СЗ. Россіи (въ Плоцкой, Сувальской, Гродненской, Виленской, Минской, Псковской, Петербургской, Новгородской, Тверской и Костромской губерніяхъ). Спицинъ то, что я называю здѣсь жальниками, называетъ жальниковыми могилами, но не совсѣмъ правильно: новгородцы зовутъ жальниками вообще кладбища, на которыхъ камневыя могилы расположены рядомъ съ обыкновенными, такъ что жальниковыми будутъ тѣ и др. Въ Тверской губерніи, напротивъ, жальниками зовутъ часто лишь камневыя могилы, каковое названіе, мнѣ кажется, и слѣдуетъ оставить за этими могилами, (если обособлять ихъ), тѣмъ болѣе, что встрѣчаются ограды—круги до 20 с. въ поперечникѣ, являясь какъ бы отдѣльнымъ кладбищемъ (Сопки и жальники, отт. ст. 12), а можетъ быть и дѣйствительно представляя таковое—крещеныхъ, обрусѣлыхъ финновъ. Жальники въ болѣе чистомъ видѣ представляютъ собою ни что иное, какъ латышско финскія камневыя оградныя могилы, то одиночныя, то общественныя и даже перегородчатыя (Зап. рус. арх. общ., т. XI, вып. 1—2, Матер. по доист. археол. Россіи,—въ оттискѣ „Сопки и жальники“ стр. 24); въ планѣ—круглыя, овальныя и прямоугольныя, принятыя русскими едва-ли не подъ вліяніемъ христіанства, т.-е. осужденія и преслѣдованія духовенствомъ кургановъ и сопокъ, связанныхъ съ язычествомъ. Для уничтоженія кургановъ, вѣроятно, духовенство и ввело въ обычай погребеніе въ церквахъ и около нихъ, такъ какъ тутъ кургановъ насыпать нельзя было. (При погребеніи княземъ Константиномъ княжича Михаила въ церкви: невѣрніи же люди, видяще сія, дивляхуся, е-же не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему сыну самодержцеву въ зникъ (а не скорченно, не сидя) на востокъ лицемъ, могилы верхъ холмомъ не выпаху, (не сыпаху, невѣрное чтеніе), *но ровно съ землею*, ни тризнища, ни дани (по др. спис.—дымы, очевидно—бдына, см. выше), ни битвы, ни кожекроенія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху. И о томъ безумніи ругающеся и смѣющеся (Древн. рус. истор. до мон. ига, М. П. Погодинъ, т. II, стр. 921). Какъ могилы переходнаго отъ язычества къ христіанству времяни, жальники представляютъ нѣсколько переходныхъ и смѣшанныхъ видовъ, являясь то въ болѣе чистомъ финскомъ видѣ, то въ соединеніи: съ похоронами на материкѣ безъ насыпи; въ мелкой ямѣ; настоящей могилѣ. Иногда въ оградѣ изъ камней материковыя ямы прикрыты по старой привычкѣ земляной насыпью, однако уже низкой, часто, едва замѣтной. Но и такая насыпь,—пережитокъ кургана, случается, выслана или сплошь забросана, какъ у финновъ, мелкимъ плитнякомъ или камнемъ. (Тамъ же, въ отт. стр. 23 и 24). Попадаются и чисто финскія (лопарскія) могилы (въ видѣ свода, тамъ же, стр. 24). Признакомъ новыхъ вѣяній и представленій являются на жальникахъ кресты, то выбитые на поверхности одного изъ стоячихъ могильныхъ камней, то вырубленные изъ отдѣльныхъ камней, (есть съ словянскими надписями), поставлен-

слоямъ русскаго общества народность [1]). Свои вѣровыя возрѣнія русскіе словяне отстаивали во всѣ времяна съ крайнимъ упорствомъ и настойчивостью и эти возрѣнія были единственнымъ неприроднымъ, а искусственнымъ объединяющимъ звеномъ многихъ тысячь разсѣянныхъ и разобщенныхъ словянъ, ихъ сознательной, разумно установленной связью [2]). Всякая попытка насильно вторгнуться въ эту область вызывала сопротивленіе и еще въ XVII в. создала расколъ, явленіе въ такомъ видѣ извѣстное чуть-ли не у однихъ русскихъ. Оно зародилось и зиждется на ничтожныхъ, пустыхъ мелочахъ, но тѣмъ не менѣе 2½ вѣка разъединяетъ все русское общество на двѣ строго-обособляющіяся половины, временами иступленно ненавидящія и преслѣдующія другъ друга. Свѣдѣній о древнихъ расколахъ до насъ не дошло и были-ли они, не знаемъ, но упорное и упрямое отстаиванье старыхъ вѣровыхъ возрѣній и ожесточенная борьба противъ нововведеній въ эту область засвидѣтельствованы и лѣтописью, и многочисленными житіями, подчеркивающими всегдашнюю фанатичность словянъ. Введеніе христіанства сопровождалось тѣми же мѣрами насилія, какъ и введеніе никоніанства,—разгромомъ, раззореніемъ, убійствами, гоненіемъ и пр. И все-таки христіанство вводи-

---

ные на могилѣ или около ея. (Зап. отд. рус. и слов. арх. Рус. арх. общ., т. V, вып. I, рис. 333—340, 343, 372, 376, 384). Деревянныхъ крестовъ на жальникахъ было, не сомнѣнно, гораздо больше, чѣмъ каменныхъ, но они, понятно, не сохранились. Вообще жальники, извѣстные отъ XI—XVIII в. (Сопки и жальники, отт. стр. 14), нужно признать за христіанскія могилы, хотя въ похоронномъ обрядѣ, наблюдаемомъ въ нихъ, удерживалось еще много языческаго и даже сожженіе. Принадлежатъ они и слоьянамъ, и финнамъ*), и лотышамъ, въ зависимости отъ чего и направленіе трупа въ нихъ различное, головою то къ З, то къ СЗ и ЮЗ, то къ С, сидя и на боку, лежа (Зап. рус. арх. общ., вып. IX—XI, стат. VI, IX). Спицинъ древнѣйшими считаетъ жальники, удерживающіе курганные признаки, но съ этимъ можно согласиться только условно,—лишь по отношенію къ словянскимъ (русскимъ) жальникамъ, а не вообще, такъ какъ настоящій жальникъ, т.-е. каменно-оградная могила скорѣй древнѣе, чѣмъ моложе, кургана и кругъ изъ камней, разставленныхъ въ основаніи кургана сплошнымъ или прерывнымъ кольцомъ, является вовсе не укрѣпленіемъ насыпи, для чего онъ не можетъ служить, да, по самому строенію насыпи—(пологій срѣзокъ шара), и не предназначался служить, а частью оградной могилы, внесенной въ устройство кургана. Объ этомъ ясно говорятъ круги и другія фигуры изъ камней, расположенные на подошвѣ кургана *внутри насыпи*. (Матер. по доист. археологіи Россіи, отт. стр. 22).

[1]) У которыхъ „нашъ"=нашей вѣры, безъ различія народности. Если православный—да говоритъ по русски,—то свой человѣкъ, хотя бы въ дѣйствительности былъ татаринъ, чухонецъ и т. д.

[2]) Языкъ, конечно, объединялъ также словянъ, но онъ представляетъ явленіе естественное.

---

*) (Зап. рус. арх. общ., т. IX, вып. 1—2, стр. 8)—въ Валдайск. у., въ жальникахъ, разрытыхъ Волькенштейномъ, черепа оказались большинствомъ короткоголовыми. (Труды II арх. съѣзда, т. II, стр. 1).

лось 200, мѣстами—300 и даже 400 лѣтъ, сломивъ язычество лишь въ XIII—XIV в.—и то при многихъ уступкахъ въ пользу послѣдняго и менѣе всего вслѣдствіе насилія, только благодаря подъему уровня общаго развитія.

Но если насильственныя измѣненія въ вѣровыхъ возрѣніяхъ не давали почти ни чего положительнаго, то нельзя то же сказать объ измѣненіяхъ, принимаемыхъ добровольно. Они,—какъ проникающія совершенно незамѣтно и, при томъ, весьма постепенно, путемъ долгаго совмѣстнаго существованія, привычки и присмотрѣлости къ нимъ,—входили въ употребленіе иновѣрныхъ безсознательно, небольшими долями и первоначально, второстепенными чертами, пріурочиваемыми къ собственнымъ возрѣніямъ и вѣрѣ, пока со времянемъ, мало по малу не передавались болѣе или менѣе полно. Такимъ добровольно-безсознательнымъ, частичнымъ или полнымъ принятіемъ иновѣрія и приспособленія его, передѣлки и истолкованія на свой ладъ только и можно объяснить наличность у русскихъ словянъ различныхъ способовъ погребенія, существовавшихъ не рѣдко рядомъ, въ одной и той же мѣстности и, при томъ, при одинаковой въ главныхъ и общихъ чертахъ вѣрѣ. Точно также только крайней неподатливостью и устойчивостью въ ихъ вѣровыхъ возрѣніяхъ можно объяснить существованіе у русскихъ словянъ до позднѣйшаго времяни весьма первобытныхъ видовъ похоронъ, въ родѣ камнёво оградныхъ могилъ (жальниковъ), голбцевъ и пр. При страстной, иногда до тупости, преданности вѣрѣ отцовъ, при малой вѣротерпимости словянъ, засвидѣтельствованныхъ лѣтописью въ разсказѣ объ убійствѣ при Владимірѣ двухъ варяговъ-христіанъ въ жертву богамъ, принятіе какого-либо обряда одною изъ совокупностей русскихъ словянъ не говоритъ еще о принятіи того же обряда и остальными Напротивъ, при той неуступчивости, при томъ старовѣрствѣ, которыя отличаютъ словянъ до сихъ поръ, принятое новшество вызывало скорѣй противодѣйствіе, отчужденіе и вражду къ себѣ и къ принявшимъ, своего рода, расколъ, чѣмъ на оборотъ. Не даромъ же лѣтопись отмѣчаетъ, что: имяху бо *обычаи свои* и *законъ* (т.-е. вѣру) [1]) *отець своихъ* и преданье, кождо свой нравъ...

Изложенныя соображенія необходимо имѣть въ виду, рѣшая вопросъ о томъ, у кого русскіе словяне данной мѣстности заимствовали свои курганы. Собственно говоря, для допущенія самостоятельнаго появленія кургановъ у рус-

[1]) До сихъ поръ въ областныхъ говорахъ подъ словомъ „законъ“ разумѣется вѣроученіе, законъ божій; жить не по закону—жить не по заповѣдямъ; у нихъ не нашъ законъ—у нихъ не наша вѣра. Слово законъ въ смыслѣ гражданскаго законодательства еще очень недавно въ народѣ было вовсе не извѣстно.

скихъ словянъ не имѣется теоретическихъ препятствій. Эти словяне несомнѣнно знали и употребляли погребеніе въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. прикрытіе трупа землей, каменьями, хворостомъ и т. п., о чемъ говоритъ какъ самое слово „погребеніе“ [1]), такъ и письменность,—(погребеніе кн. Глѣба между бревнами—колодами). Но допущенію сказаннаго мѣшаютъ два обстоятельства. Первое—отсутствіе въ словяно-русскомъ языкѣ особаго названія для могильной насыпи, что, признавая такія насыпи, особенно же тѣ изъ нихъ, которыя являются собственно могилой, т.-е. прикрываютъ трупъ, лежащій на поверхности почвы, а не въ ямѣ, самостоятельнымъ словянскимъ явленіемъ, весьма трудно понять, ибо при постоянномъ и повсемѣстномъ сооруженіи ихъ для нихъ должно было-бы непремѣнно выработаться какое-либо особое техническое названіе. А этого нѣтъ [2]). Правда, по нѣкоторымъ мѣстамъ лѣтописи можно бы думать, что могильная насыпь собственно и звалась могилой, а яма гробомъ,—(про Олега: есть же (на Щековицѣ) могила его до сего дни, словетъ могила Ольгова; про Игоря: и погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоръстѣня града, въ деревѣхъ и до сего дне; приде (Ольга) ко *гробу* его... и повелѣ людемъ своимъ съсути *могилу* велику; про Олега Святославича: и погребоша Ольга... и есть могила его и до сего дне у Вручего),—но другіе источники заставляютъ полагать, что могилой звалось, какъ и нынѣ, вообще все сооруженіе,—(въ житіѣ Константина муромскаго: могилы *верхъ холмомъ* не выпаху, т.-е. верхъ могилы не насыпали холмомъ, а лишь вырыли низъ—яму); о томъ же говоритъ и современное значеніе слова - „могила“ [3]). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ встрѣчается слово „сопъ“ (съпъ), до нынѣ существующее въ бывшихъ новгородскихъ земляхъ, на Уралѣ и въ Сибири, на дальнемъ В. въ формѣ „сопка“. Первоначально это слово, несомнѣнно, обозначало насыпь, насып-

---

[1]) Въ лѣтописи „гробля“ (и дебрь)=ровъ; въ сказкѣ о козѣ и мужикѣ коза говоритъ: какъ бѣжала черезъ гребельку (ручеекъ, мочежинку), захватила воды капельку.,.

[2]) По поводу упоминанія въ 1 новгород. лѣтописи подъ 1224 г. слово „курганъ“ сказано выше.

[3]) Въ Матеріалахъ для словаря древ.-рус. языка И. И. Срезневскій: „собраше каменье и створиша могилу“ (Бытія XXXI, 46, по спис. XIV в.); „и погребоша (Святополкъ Тугоркана 1196 г.) „и на Берестовомъ, *на* могылѣ“. Самое слово „могила“ представляется не установившимся, оно пишется въ древнихъ рукописяхъ: могила, могъіла; т.-е. могоила; гомоля, (у сербовъ гомила), могула; „общь гробъ всѣмъ градъ (разрушенный) бысть“—городъ сталъ общей могилою для всѣхъ; „і есть гробъ блаженныя Олгы, и на верху гроба оконце створено“,—здѣсь гробъ не могильная яма. Отъ одного корня съ могилой ведутъ и слово мощи (Котляревскій, стр. 130), но не основательно.

ной бугоръ, какъ происходящее отъ глагола сыпать [1]), но потомъ и въ Тверской, и въ Новгородской губерніяхъ оно стало значить, какъ и нынѣ, вообще всякое холмовидное возвышеніе. Такое же значеніе пріурочено ему, главнымъ образомъ, и въ восточной Сибири, гдѣ имъ обозначаютъ остроконечныя вулканическія горы. Но если даже оставить въ сторонѣ эти общія значенія, а обратить вниманіе лишь на первоначальное значеніе слова сопъ—сопка, то и въ этомъ случаѣ оно не пріобрѣтетъ все-таки большого значенія. Дѣло въ томъ, что въ Европейской Россіи оно распространено если не исключительно, то главнымъ образомъ, какъ сказано, лишь въ бывшихъ новгородскихъ земляхъ, въ остальной же Россіи и даже въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, (напримѣръ въ Ярославской губерніи), оно не извѣстно. Это во первыхъ. Во вторыхъ и на своей родинѣ оно хотя и примѣняется къ курганамъ, но лишь къ большимъ, къ малымъ же не только не примѣняется, но на нихъ тамъ,—(въ Тверской губерніи) народъ почти не обращаетъ вниманія. Большіе-же курганы—сопки даже сторонники словянства россійскихъ кургановъ ведутъ изъ Швеціи [2]), ибо только среди шведскихъ кургановъ находятся подобія имъ какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству, и при томъ подобія настолько значительныя, что нѣтъ возможности не видѣть связи, соединяющей тѣ и другія сооруженія.

Второе обстоятельство, мѣшающее допущенію самостоятельнаго возникновенія кургановъ у русскихъ словянъ, заключается въ томъ, какъ указывалось мною неоднократно, что въ средней Россіи словянскихъ кургановъ не извѣстно ранѣе IX в. (даже конца IX в.), хотя сами словяне извѣстны тутъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до указаннаго времяни. Словяне-древляне, не считавшіе себя русскими [3]), убивъ Игоря, князя русскихъ, *зарыли его въ гробъ, т.-е. яму* [4]), но кургана надъ нимъ *не насыпали*. Это сдѣлала жена Игоря, княгиня

---

[1]) Спицинъ (Сопки и жальники) сомнѣвается въ этомъ. Образованіе такое же, какъ ровъ отъ рыть: сыпать--съипать—сôипать, ъ=ô—(краткое), откуда о и въ словѣ сопъ—вмѣсто ы (какъ и ровъ).

[2]) Сопки и жальники. Спицинъ. Позже онъ какъ будто-бъ склоняется и сопки признать за словянское явленіе, говоря, что курганы времяни до X в., извѣстные въ значительномъ количествѣ по всѣмъ главнымъ рѣкамъ Новгородской и частью Псковской областей, есть основаніе признавать новгородскими (Зап. рус. арх. общ., т. XII, вып. 1—2, стр. 407).

[3]) Они говорятъ: се князя убихомъ русскаго, поимемъ жену его... за князь свой Малъ. Если-бъ они считали себя русскими, то чужаго князя не называли бы своимъ имянемъ, т.-е. „русскимъ", а какъ либо иначе, напримѣръ кіевскимъ.

[4]) Мноземъ же и гробищемъ тоу *ископаномъ* (Жит. Фед. Сик.); гробъ *копающи*; гробліа—гробъ, гробъ—яма. (Матер. для слов. др. рус. яз. И. И. Срезневскій).

русскихъ—Ольга съ своею дружиною,—„приде къ гробу его". Радимичи и вятичи,—польскіе выходцы и ихъ южные сосѣди сѣвера *жгли мертвыхъ*, что у вятичей держалось еще въ XI в.[1]) и что было въ обычаѣ также у кривичей,—сѣверныхъ сосѣдей радимичей и вятичей,—тянувшихся своими землями къ СЗ., по направленію Рижскаго залива Балтики, не особенно далеко отъ котораго граничили съ финнами,—ливью и литвою,—летголой и жемголой. Воины Святослава на Дунаѣ (X в.) также *жгли* павшихъ товарищей, убивая надъ ними плѣнниковъ и женщинъ, но *кургановъ* надъ ними *не насыпали*; по крайней мѣрѣ ни чего объ этомъ не говоритъ сообщающій приведенныя данныя византійскій писатель[2]), русскій же,—Несторъ, говоритъ прямо объ *отсутствіи кургановъ* и о наличности столбовъ. Показаніе древлевѣдѣнія въ пользу Нестора, оно свидѣтельствуетъ согласно съ нимъ объ отсутствіи кургановъ у средне-русскихъ словянъ до IX в., т.-е. *до поселенія и укрѣпленія въ средѣ ихъ иноземцевъ* варяговъ, (по однимъ,—норманновъ, по другимъ,—вендовъ-рюгенцевъ, варановъ, литвы; не въ этомъ пока дѣло).

Есть еще показанія арабовъ. Но они у большинства ихъ такъ сбивчивы, неясны и даже противорѣчивы, что вызываютъ до сихъ поръ больше споровъ, чѣмъ даютъ положительныхъ свѣдѣній и пользоваться ими приходится съ оглядкою[3]). По видимому, они говорятъ не только о разныхъ словянскихъ отдѣльностяхъ, но, частью, и о финнахъ,—(подвластныхъ словянамъ и обрусѣлыхъ или только сосѣднихъ съ словянами),—и о другихъ иноземцахъ, жив

---

[1]) Спицинъ (Жур. М. Н. Пр., 1899 г., VIII, стр. 333) говоритъ, что курганы погребенія въ землѣ вятичей являются позже, чѣмъ въ др. русскихъ областяхъ, относясь большинствомъ къ XII в.

[2]) Исторія Льва—діакона калойскаго и др. сочиненія визант. писателей. К. Б. Газе, перев. Д. Поповъ 1820 г., ст. 92. Левъ говоритъ: Когда наступила ночь и вышла луна, росы вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ (города) и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили ихъ (подъ водой, стр. 94). Словяне вѣрятъ, что убитые въ сраженіи на томъ свѣтѣ дѣлаются рабами убившихъ ихъ. Этимъ вѣрованіемъ объясняется убіенье плѣнныхъ надъ трупами павшихъ: они назначалися имъ въ рабы на томъ свѣтѣ. Дѣтей топили, вѣроятно, женщинъ, сожженныхъ съ мужьями, и съ которыми няньчиться было не кому, а можетъ быть и въ качествѣ жертвы, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія относительно пѣтуховъ—священной птицы (бога тьмы: черные). По представленію нѣкоторыхъ словянъ младенцы на томъ свѣтѣ пасутъ пѣтушковъ.

[3]) Тѣмъ болѣе, что переводъ, сдѣланный иногда не съ подлинника, а съ французскаго, нѣмецкаго и пр. языковъ, видимо, не можетъ всегда хвалиться большой точностью; встрѣчаются совсѣмъ противорѣчивые переводы одного и того же мѣста (Извѣст. Ал-Бекри и др. авторовъ о Руси и слов. А. Куникъ. Прилож. къ XXXII т. Зап.

шихъ среди словянъ и по чему либо выдававшихъ себя или принятыхъ другими за словяно-руссовъ. О смѣшеніи словянъ съ болгарами (волгскими) уже не спорятъ [1]). Все зависѣло отъ того, отъ кого получалъ свѣдѣнія данный арабъ или его источникъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ или у кого выписывалъ, на сколько повѣствователь былъ дѣйствительно словяниномъ и зналъ о разсказываемомъ и насколько бесѣдующіе понимали другъ друга и старались объ этомъ. Казанскій татаринъ для многихъ можетъ сойдти за русскаго и, даже нынѣ, сообщить очень невѣрныя свѣдѣнія о вѣрѣ русскихъ, правленіи и т. п. Изъ сообщеній арабовъ ясно до несомнѣнности, что они не имѣли въ виду или не могли по чему-либо доискиваться точности получаемыхъ и сообщаемыхъ свѣдѣній [2]).

Имп. ак. наукъ № 2). Хорошій переводъ могъ бы сдѣлать только ученый арабъ, хорошо знающій русскій языкъ, исторію и этнографію. Въ Журн. М. Н. Пр. 1908 г. II и III напечатанъ разборъ арабскихъ писателей, имѣвшихъ отношеніе къ исторіи Россіи, сдѣланный Фр. Ф. Вестбергомъ и заслуживающій большаго вниманія, какъ устраняющій многія ошибки, неточности и неясности.

[1]) Современникъ 1860 г., I, стр. 31.

[2]) Такъ одни говорятъ, что русы жили на трясинномъ лѣсистомъ островѣ Вабіи, (С. Гедеоновъ,—Отрывки изъ изслѣдованій о варяжск. вопросѣ. I—XII, стр. 88, Прил. къ Зап. имп. акад. наукъ,—видитъ въ немъ Данію), хлѣбопашествомъ не занимались, а кормились набѣгами на словянъ, совершаемыми на корабляхъ, да мѣховой торговлей, посѣщая для этого Испанію (Андалузъ), Италію (Румію) и Византію (Кунстантинію). Городовъ имѣли много, деревень не было, на конѣ робки и неумѣлы. Передъ новорожденнымъ отецъ клалъ мечь, говоря: будешь владѣть только тѣмъ, что добудешь этимъ мечемъ.

Ни одна изъ этихъ чертъ не приложима къ русскимъ словянамъ, но за то всѣ и цѣликомъ приложимы къ норманамъ.

Другіе сообщаютъ, что словяне живутъ въ 10 дняхъ пути (300 вер.) отъ земли печенеговъ, на лѣсистой равнинѣ; путь, (очевидно, отъ Волги къ З), въ ихъ страну,—на границѣ которой находится г. Куяба,—по степямъ,—мѣстамъ бездорожнымъ, чрезъ ручьи и дремучіе лѣса. Виноградниковъ и садовъ *) не имѣютъ, а пасѣки съ ульями—дуплянками (борти, колоды). Больше всего сѣютъ проса, разводятъ и пасутъ свиней. Рабочаго скота много, но верховые (очевидно, въ смыслѣ выѣздные) кони только у князя; живутъ въ земляпкахъ, отапливаемыхъ дровами и паромъ. Идоло и *огне*-поклонники.

Всѣ эти черты вполнѣ приложимы къ словянамъ и частью къ финнамъ. Такая же двойственность замѣчается и во многомъ другомъ. Одни брѣютъ бороду, другіе носятъ ее кудлатой (свитой на подобіе лошадиной гривы, т.-е., очевидно, свалявшейся на подобіе длинной гривы); одни красятъ ее желтой, а другіе черной краской, (русые и черные).

Одежда: короткая, штаны очень широки, на нихъ идетъ до 100 локтей матеріи (? до 50 ар. ?).

---

*) А не пашенъ, какъ переводятъ, ибо ниже говорится, что сѣютъ хлѣбъ; въ арабскомъ языкѣ здѣсь разумѣется вообще воздѣланная земля.

Однако нѣкоторыя показанія арабовъ, при нѣкоторой снаровкѣ въ пользованіи ими, очень цѣнны. Тоже можно сказать и про данныя, сообщаемыя ими о похоронныхъ обрядахъ словянъ. Правда, не смотря на прямое заявленіе писателей о томъ, что ими описываются похороны руссовъ, изслѣдователи до сихъ поръ въ разнорѣчіи,—кого разумѣть

Не носятъ ни куртокъ, ни кафтановъ, а плащъ, закрывающій одну сторону тѣла.

На покойника надѣли чулки(?), сапоги, штаны, куртку, кафтанъ и шапку. (Чуваши одѣваютъ покойника въ рубаху, портки, кафтанъ, чулки (?), лапти, рукавицы—(голицы) или варяжки и шапку. На могилѣ ставятъ *небольшой столбъ* и на немъ зажигаютъ свѣчку. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XIX, вып. 5—6, стр. 221, 231). Всѣ эти черты очень близки къ сообщаемымъ Фодланомъ и многія изъ нихъ, если не всѣ, можетъ быть, заимствованы отъ русовъ и словянъ).

Оружіе по однимъ: мечи, дротики и щиты; по другимъ: мечи, топоры и щиты и т. д., т.-е. и здѣсь словяне смѣшаны съ норманами.

Не смотря на неясность арабскихъ сообщеній о словянахъ, нѣкоторыя черты, изъ указываемыхъ арабами, вполнѣ правильны и многія выживаютъ еще до сихъ поръ. На примѣръ, широкіе штаны до нынѣ являются принадлежностью и отличіемъ малороссовъ*), тогда, какъ великоруссы и бѣлоруссы носятъ, напротивъ, весьма узкіе, благодаря чему штаны ихъ, и снятые, не утрачиваютъ формы ноги. Чупы до поздняго времени носили казаки—запорожцы и частью поляки, перенявшіе ихъ у казаковъ. Посѣвъ проса, разводъ свиней, паханье на волахъ и малый разводъ лошадей—черты до нынѣ присущія малороссамъ и чуждые великороссамъ. До нынѣ же удержался у малороссовъ обрядъ подниманія въ верхъ,—къ небу,—(богу) или подбрасыванья къ верху въ обжинки или на новый годъ хлѣбнаго зерна**) съ произнесеніемъ молитвы—заговора, отмѣченный Ибнъ Дастой (Ибнъ Дустэ). Заслуживаетъ вниманія еще упоминаніе арабовъ о названіи правителей жупанами. Это слово ведетъ въ Польшу и къ западнымъ словянамъ***). Польскіе выходцы въ древней Россіи, между пр. радимичи и вятичи, (но, конечно, были и кромѣ ихъ), засвидѣтельствованы лѣтописью.

Свидѣтельство арабовъ о ежегодныхъ поѣздкахъ главнаго вла-

---

*) Это отличіе объясняли заимствованіемъ въ позднѣйшее время у турокъ, но такое объясненіе совсѣмъ излишне при наличности древняго извѣстія; И. Н. Смирновъ (Вѣстникъ и библ. самообразованія 1903 г., № 34) справедливо отмѣчаетъ сильное вліяніе на южнорусскихъ словянъ древнихъ турецкихъ племенъ, начиная съ гунновъ. Святославъ и его дружина и по внѣшности, и по пріемамъ—чистые кочевники: походы на коняхъ, пища конина, головы бриты, (что и нынѣ у абхазцевъ Кавказа). Рубахи малоросы заправляютъ за штаны, отчего онѣ и кажутся короткими,—т.-е. короткою одеждою. Среди малоросовъ же—(казаковъ) сохранялся обычай ношенія чупа—локона.

**) Труды Кіев. дух. аладеміи, 1871 г., IX, статья Петрова.

***) Горяевъ въ своемъ Словарѣ напоминаетъ: зипунъ и арабск. al-dżuba, туркское zöbum, въ чемъ, въ смыслѣ производства, нѣтъ надобности при наличности латин. jupa. Кромѣ того „жупанъ“ не есть-ли въ западномъ произношеніи „губпанъ“?—Установленіе губъ держалось въ Россіи еще въ XVII в. (губные старосты). Латин. jubeo—повелѣвать, приказывать, править. Въ выписи изъ записныхъ книгъ 1662 г.: билъ челомъ.... Сидорко Васильевъ въ Ярославлѣ въ губѣ губному старостѣ (Архивъ Яр. Арх. Ком-іи, столбцы по Якушкин. описи № 50).

подъ этими руссами. Въ нихъ видѣли и несомнѣнныхъ норомановъ, и несомнѣнныхъ словянъ, финновъ и финно-угровъ[1]). Тѣмъ не менѣе въ арабскихъ повѣствованіяхъ о похоронахъ есть свѣдѣнія, не подлежащія сомнѣнію. Таково сообщеніе о сожженіи мертвыхъ, приводимое нѣсколькими писателями, засвидѣтельствованное для русскихъ словянъ ихъ лѣтописью и Львомъ—дьякономъ и подтвержденное раскопками могилъ. Не смотря на отрицательное отношеніе русскихъ изслѣдователей[2]) къ показаніямъ нѣкоторыхъ арабовъ, даже въ такихъ отрицаемыхъ показаніяхъ есть очень любопытныя черты. На примѣръ въ описаніи Ибнъ-Фодлана заслуживаетъ большаго вниманія та подробность, что богатаго „русса", приготовляя къ сожженію, *посадили*, подперевъ подушками, т.-е. *хоронили въ сидячемъ положеніи*. Извѣстно, что такое положеніе обнаружено въ курганахъ весьма различнаго устройства и древности, въ могильникахъ и оградныхъ могилахъ, между прочимъ и въ жальникахъ, въ гробницахъ—дольменахъ и въ нѣкоторыхъ, всего вѣроятнѣе, несловянскихъ курганахъ[3]) на несомнѣнно словянскихъ курганныхъ кладбищахъ. На существованіе этого положенія въ словянскихъ похоронныхъ обрядахъ нѣтъ ни какихъ указаній ни прямыхъ, ни косвенныхъ, такъ какъ и въ пережиткахъ[4]) сидячее положеніе мертваго совсѣмъ не извѣстно[5]).

Интересно показаніе также о положеніи съ сжигаемымъ собакъ, воловъ и коней, кости которыхъ[6]) такъ часто находятъ въ курганахъ и могильникахъ Швеціи и Германіи[7]).

дыки,—великаго князя за сборомъ дани, т.-е. въ полюдье вполнѣ согласно съ показаніями русской лѣтописи и пережитковъ (сборъ духовенствомъ нови) и кромѣ того пополняетъ лѣтописныя свѣдѣнія любопытной подробностью о сборѣ этой дани „натурой": по одеждѣ отъ сына и отъ дочери или отъ жены и работницы. Если припомнить рѣчь дружины къ Игорю: отроци Свѣньлъжи *изодѣлися* суть оружьемъ и *порты*, а мы *нази,—поиди*, княже, съ нами *въ дань*, да и ты *добудеши*, и мы... и замѣчаніе лѣтописи:... возъвратися, желая больша *имѣнья*, (имѣньемъ до нынѣ зовется гл. обр. одежда), то приведенное арабское сообщеніе получаетъ степень достовѣрности. Покрой одежды находится въ большой зависимости отъ матеріала, такъ на примѣръ великоруссы очень долго (до XIX в.) не умѣли ткать широкихъ полотенъ и холстовъ (ихъ новины были всего 8 вер. шир.) почему и штаны ихъ отличались узкостью (см. Труды XII арх. съѣзда, т. III, статья Б. Познанскаго,—очень интересная).

[1]) Древности, т. XIV, стр. 153—154. Современникъ, 1860 г. I, стр. 31.

[2]) Спицинъ. Зап. рус. арх. общ, т. XI, вып. 1—2, и др.

[3]) Ибо составляютъ весьма значительное меньшинство, являясь исключеніемъ.

[4]) Похороны костромы, ярилы, русалки и пр.

[5]) Чучело масляницы жгутъ стоячее.

[6]) Отъ многихъ особей, а не отдѣльныя.

[7]) Древности, т. XIV, стр. 156, 160, 161, 211.

Таково же сообщеніе объ *оставленіи безъ похоронъ* рабовъ въ тѣхъ полаткахъ—шатрахъ, въ которыхъ они лежали больные и умерли, подтверждаемое арабскимъ же показаніемъ (впрочемъ не безспорнымъ) [1]) о безучастномъ отношеніи къ подозрительно больнымъ, (бѣднымъ и рабамъ), оставляемымъ на произволъ судьбы. Здѣсь ясно видѣнъ пережитокъ безучастнаго отношенія къ мертвому. Что касается до показаній о насыпкѣ кургановъ, то не довѣрять имъ также нѣтъ основаній по тому, что въ X в., (къ которому относятся болѣе раннія арабскія сообщенія), этотъ обычай уже господствовалъ въ земляхъ русскихъ словянъ. Ибнъ-Даста даетъ любопытныя подробности объ обрядѣ: прахъ собирался съ кострища въ сосудъ на другой день по сожженіи, горшокъ съ прахомъ ставился на холмѣ (курганѣ. Котляр. ст. 55). Эти указанія пополняются другимъ писателемъ, сообщающимъ о совершеніи сожженія въ колодѣ, что согласно съ показаніемъ русской лѣтописи. Дѣло въ томъ, что въ выраженіи: „творяху кладу велику и възложахуть и на кладу“,—слово „кладу“ понимали въ смыслѣ костра—кладки [2]), производя отъ класть [3]). Но такое толкованіе едвали правильно, ибо слово „костеръ“, повсемѣстно распространенное въ Россіи и существовавшее въ др.—сѣв. германскомъ (köstr—куча, кладка, костеръ) [4]) и древне греческомъ (*καύστρα*—мѣсто сожженія), извѣстно было и древнимъ русскимъ словянамъ [5]) По этому допускать замѣну

[1]) Котляревскій, стр. 65. Оставленіе въ полаткѣ („какъ былъ“, а былъ въ полаткѣ) представляетъ собою пережитокъ болѣе древняго, чѣмъ сожженіе, способа похоронъ, а имянно оставленіе мертваго въ его жилищѣ съ покиданіемъ этого жилища живыми. Подобные похороны первоначально возникли, можетъ быть, вслѣдствіе заразной повальной болѣзни, истолкованой и понятой, какъ месть и гнѣвъ мертваго за попраніе его правъ. Это предположеніе, какъ будь-то бы, подтверждается наличностью народной примѣты: если въ домѣ или дворѣ кто нибудь умретъ, то вслѣдъ за нимъ должно умереть еще не менѣе двухъ, т.-е. что на одномъ дѣло не кончится.

[2]) Словарь церк.-слов. и рус. языка, состав. втор. отд. Имп. Ак. Наукъ, 1847 г., т. II, и др.

[3]) Чему причиной послужило, видимо, выраженіе—„възложахуть и *на* кладу“; но вѣдь и до нынѣ: иду на кухню, на погребъ, на чердакъ и пр., а не въ кухню. въ погребъ и пр. Кромѣ того нѣтъ препятствій для пониманія этого мѣста даже и въ прямомъ смыслѣ.

[4]) Сравнит. этимол. словарь рус. языка, Н. В. Горяевъ, „костеръ“; Котляревскій, стр. 24.

[5]) На примѣръ въ смыслѣ кучи: 1216 г.—„на боищи костры мертвыхъ“ (тѣлъ); въ смыслѣ башни, (рубленой въ уголъ, т.-е. сложеной на подобіе клѣтки дровъ или костра),—1352 г. (Матер. для др.-рус. языка по письм. памятникамъ. И. И. Срезневскій). Въ областныхъ говорахъ: деревян. срубъ подъ рус. печью (Вят. губ.), двѣ сажени дровъ (Твер. губ.);—не указываетъ-ли это приблизительно количества дровъ для костра? Пословица: полѣно по полѣну—костеръ. (Толк. словарь жив. рус. яз. В. Даль).

его другимъ словомъ, (особенно въ такомъ спеціальномъ случаѣ, какъ приведенный, въ которомъ употребить слово костеръ всего ближе и приличнѣе), нѣтъ ни какой необходимости и не чувствуется другой надобности, кромѣ желанія видѣть въ словѣ „клада"—костеръ. Между тѣмъ это не возможно, такъ какъ слова „клада" въ смыслѣ куча, складенное въ кучу или кучей, „костромъ" и т. п., въ русскомъ языкѣ нѣтъ, да ни когда, видимо, и не было [1]), тогда какъ въ смыслѣ колода, (т.-е. отъ колоть, а не отъ класть), оно извѣстно въ древне-словянскомъ, словинскомъ, сербскомъ, чешскомъ и польскомъ (клода) языкахъ, являясь сокращеніемъ отъ колода [2]). Существующее до нынѣ въ малороссійскомъ языкѣ, какъ краткое отъ „корода", слово крада значитъ точно также колода, обрубокъ дерева [3]). Такимъ образомъ приведенное извѣстіе русской лѣтописи нужно и можно понимать только такъ, что для мертваго дѣлали большую колоду, клали его въ нее (или на нее) и сжигали. Положительно то же самое сообщаетъ и Ибнъ Фодланъ: бѣдному дѣлаютъ лотку (долбленую, колоду), кладутъ его въ нее и сжигаютъ [4]). Подъ „бѣдными" араба нужно разумѣть простыхъ, незнатныхъ или низшій слой общества какъ по тому, что еще до сихъ поръ эти значенія (въ сужденіяхъ о народѣ) почти равнозначны, такъ и по тому, что въ древности знатность стояла въ прямой зависимости отъ богатства, и бѣдныхъ знатныхъ, (какъ нынѣ), не было и не могло быть. Среди руссовъ X в. простыми и бѣдными былъ подчиненный слой общества, т.-е. словяне, финны и пр., а богатыми и знатными правящій классъ, пользовавшійся поборами, т.-е. сторонники и приближенные князя, его дружина, намѣстники и др. повелители и рѣшители судебъ, которыхъ до Владиміра св., какъ бы не старались возвести въ словянъ, нельзя признать безъ натяжекъ ни за кого,

---

[1]) По крайней мѣрѣ нѣтъ ни въ указан. словаряхъ, ни въ Опытѣ областн. рос. словаря и не извѣстно мнѣ.

[2]) См. указан. словари и Словинско русск. словарь, Хостникъ. Лат. collûiae—желобъ, канава, ровъ, труба.

[3]) Словарь Горяева,—„колода". Крада—корода отъ кора, корода такого же строенія, какъ загорода—заграда. Котляревскій (стр. 129) лѣтописное „клада" (крада, чеш. клада, греч. κλάδος) толкуетъ, какъ замѣну болѣе древняго крада—костеръ, горящій жертвенный алтарь, печь, ссылаясь на санск. çradda—священная жертва въ честь мертвыхъ. Но 1) указаній на жертвы и алтари въ честь мертвыхъ у словянъ нѣтъ; 2) çradda не сопоставимо съ крада ни по созвучію, ни по значенію. Строеніе слова крада ясно, оно суть сокращеніе слова корода, какъ клада отъ колода. Корень его—кор опредѣленно указываетъ на то, чѣмъ былъ прообразъ колоды. А имянно снятая или свалившаяся съ дерева кора, обдѣланная въ корсту или краду. Крада и клада только однозначности (синонимы), но не тождества. Правъ Котляревскій только въ томъ, что крада древнѣе, первобытнѣе колоды.

[4]) Исторія рус. жизни съ древн. временъ. И. Е. Забѣлинъ.

кромѣ какъ (по большей части) за норманновъ [1]). Попытки объяснить ихъ имяна, чуждые словянскому языку и слуху, примѣнительно къ словянамъ является точно также ясными и большими натяжками, отличающимися полной искуственностью и дѣланностью [2]). Похороны богатыхъ, по Фодлану и Ибнъ Дастѣ, значительно отличались отъ похоронъ бѣдныхъ, т.-е. словянъ. Въ нихъ замѣчается прежде всего соединеніе двухъ похоронныхъ обрядовъ: болѣе древняго—погребенія и новаго,—видимо, недавно усвоеннаго,—сожженія. Исполняя первый, вырывали яму въ видѣ большаго дома [3]), или комнаты, въ которую и клали трупъ съ одеждой, украшеніями, снѣдью, питьями, деньгами и живой любимой женой. Затѣмъ могилу накрывали крышею (накатомъ) и заваливали землей. Почти то же самое сообщаетъ русская былина о богатырѣ Потокѣ,—княжескомъ дружинникѣ, т.-е. знатномъ: Выкопали могилу глубокую и великую... И тутъ Потокъ—Михайло Ивановичъ съ конемъ и сбруею ратною опустился въ тое-жъ могилу глубокую... И заворочали потолокомъ дубовыемъ, и засыпали песками желтыми [4])... Въ стихѣ про Егорьевы мученья:... царь Деклитіанище, онъ беретъ Егорья за бѣлы руки, отводилъ далече его во чисто поле на славную гору Сорочинскую, приказывалъ онъ выкопать ему глубокъ погребъ, глыбиною былъ погребъ сорока саженъ; посадилъ онъ свѣта—Егорья во глыбокъ погребъ, задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными, засыпалъ онъ песками рудо-желтыми, онъ дубьемъ и кольемъ заворачивалъ [5]). Былина и стихъ не сообщаютъ, навали-ли надъ могилами Потока и

---

[1]) Несторъ зналъ норманновъ, называемыхъ имъ урмане, но подъ ними онъ разумѣлъ лишь сѣверныхъ скандинавовъ, такъ какъ онъ отдѣляетъ отъ урмановъ—„свеевъ“. Воспоминаніе о норманахъ—урманахъ въ Россіи сохранилось въ названіи сѣверо-восточнаго берега Кольскаго полуострова (Лапландіи) Мурманомъ, на которомъ сохраняется память и о варягахъ въ названіи пограничнаго залива: Варангеръ—фіордъ. Несторъ зналъ и словянъ—поморянъ, (лѣтоп. пр. Нест. по Лавр. спис., стр. 3), относимыхъ имъ къ ляхамъ; но не ихъ, ни др. ляховъ онъ варягами не называетъ, помѣщая варяговъ рядомъ съ шведами, на Варягскомъ морѣ (стр. 2). Вмѣстѣ съ тѣмъ Несторъ варягами называлъ, видимо, и вообще германцевъ: си-це бо ся звааху тьи варязи Русь, яко се друзіи зовутся свее, друзіи же урмане, анъгляне, друзіи гъте... т.-е. по Нестору варяговъ составляли: русь, шведы, норманы, готы и англичане—англо-саксы.

[2]) Отрывки изъ изслѣдованій о варяжскомъ вопросѣ, С. Гедеоновъ, XIII—XV, стр. 175.. (Прилож. къ II т. Зап. им. акад. наукъ). Нѣсколько счастливѣе попытка Н. Костомарова (Современникъ, 1860, I, стр. 15—17) дать такія объясненія изъ литовскаго языка, но и этотъ источникъ даетъ лишь удовлетворительныя созвучія, а не значенія.

[3]) И. Е. Забѣлинъ, указанная книга; Котляревскій, ст. 65, 66, 55.

[4]) Сборникъ Кирши Данилова, стр. 92, Древнія россійск. стихотворенія Кир. Данилова, стр. 152. По той же былинѣ съ Потокомъ похоронили его жену живою: „Съ нимъ же зарыли во сыру землю“.

[5]) Живая старина, 1906 г., вып. 1, отд. II, стр. 23.

Георгія курганы, былина говоритъ только, что—„А надъ могилою поставили деревянный крестъ“, но о насыпкѣ кургановъ надъ подобными могилами даютъ указанія Ибнъ, Фодланъ, Несторъ (для могилъ русскихъ князей) и многочисленныя раскопки, обнаружившія по всей южной Россіи множество такихъ могилъ какъ болѣе древняго времяни (съ цвѣтными костяками) [1]), такъ и исторической поры. Въ соотвѣтствіе деревянному кресту былины, (являющемуся несомнѣнной позднѣйшей замѣной или вставкой), Фодланъ сообщаетъ о постановкѣ на курганахъ столбовъ съ надписью на нихъ именъ умершаго и кромѣ того господствовавшаго владыки правителя, что (послѣднее), какъ извѣстно, держалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ [2]) до позднѣйшаго времяни. Этотъ обычай, какъ отмѣчено выше, соблюдался чувашами до нашихъ дней. Наблюдатель конца XVIII в. [3]) сообщалъ, что столбъ ставился вышиною въ ростъ покойника, и что въ немъ, отступя отъ верха на 1/4 ар., выдалбливалась до самой могилы впадина или паз на подобіе продолговатой лунки, представлявшая, вѣроятно, пережитокъ дупла дупловыхъ похоронъ. Вмѣсто деревяннаго столба ставились не рѣдко камни, на которыхъ вырѣзывались знаки („тура“, знамянія) умершаго и его родственниковъ для памяти потомству. а въ поминки, какъ и на столбахъ, зажигались свѣчи. Ставились на могилы и голбцы („лачуги“), но лишь по завѣщанію покойника. Котляревскій (стр. 64—69, 120, 122) видѣлъ въ столбѣ хижину или холмъ, объединяя лѣтописное „столпъ“ съ санскр. stûpa—могильный холмъ (собственно холмовидное зданіе), курганъ, но я укажу на то, что штанины русскихъ портокъ называются (въ Ярослав. губ.) стóлопы, т.-е. полногласною формою отъ столпы. Столопы-же не какъ уже не могутъ напоминать ни хижины, ни холма. То же нужно сказать о словахъ „столъ“ и „стулъ“, (коими первоначально были пни, обрубки бревна), происходящихъ отъ того же корня (лат. stolo—отростокъ, отпрыскъ отъ корня дерева, т.-е. стволикъ; глупецъ, дуракъ—„столбъ“). Отмѣчу къ стати, что въ одномъ изъ гнѣздовскихъ кургановъ (Смоленск. у.) въ срединѣ, отъ верха до основанія шелъ какой-то „столбъ пепла и угля“, а въ одномъ изъ муромскихъ кургановъ (Владим. губ.)

---

[1]) О нихъ говорено выше; см. Труды XI арх. съѣзда, т. I, стр. 168... Среди этихъ костяковъ попался одинъ *полуобожженный*, что наводитъ на мысль о началѣ сожженія.

[2]) При постройкѣ (на воздвижальныхъ крестахъ) или при росписи церкви (на стѣнахъ), при литьѣ колоколовъ и пр. Обычай распространенный и въ Византіи, и на востокѣ, откуда онъ занесенъ въ Европу.

[3]) Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XXII, стр. 46.

X в. обнаруженъ глиняный столбъ[1]). Что это были за столбы, не видавъ,—трудно сказать, но отмѣтить ихъ все-таки нужно.

Такимъ образомъ извѣстіе Фодлана, хотя онъ и не былъ бы очевидцемъ, а только записывалъ бы слова Сусана ар-Раси, какъ думаетъ Спицинъ, замѣчательно совпадаютъ съ разсказомъ русскаго былиннаго сказателя и оба вмѣстѣ съ данными, добытыми раскопками. Счесть такое стеченіе обстоятельствъ случайнымъ едва-ли можно. Между тѣмъ данныя раскопокъ ведутъ въ глубь вѣковъ и западной Европы, а въ Россіи охватываютъ лишь южную ея половину, не переходя въ сѣверную. Такое расположеніе, конечно, имѣло причины и, ужъ разумѣется, ими была не исконная принадлежность словянамъ подобныхъ могилъ, такъ какъ словяне, извѣстные на С. Россіи съ первыхъ вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, не соорудили тамъ ни чего подобнаго. Слѣдовательно можно думать, что могилы, отмѣчаемыя Фодланомъ и былиной за русскія, заимствованы словянами и при томъ не всѣми, а только южными и именно на Ю. Россіи отъ какихъ-то народовъ, жившихъ тамъ и сооружавшихъ ихъ еще до Р., всего вѣроятнѣе, вслѣдствіе заимствованія одними отъ другихъ. Показаніе Фодлана о приходѣ руссовъ въ Итиль съ болѣе верхнихъ частей Волги не составляетъ противорѣчія сказанному, такъ какъ даже кіевская русь попадала съ Днѣпра въ Волгу, вѣрнѣе всего, Окою, т.-е. стало быть, для жителя Итиля, располагавшагося близь устья Волги, была верховою. Если принять въ соображеніе, что Фодланъ отмѣчаетъ описанныя могилы только для знатныхъ и богатыхъ руссовъ, а былины для великокняжескаго дружинника богатыря, чертами коего рисуется и Георгій, т.-е. тоже для знатнаго, то, кажется, представится нѣкоторая возможность предположить, что Фодланъ (или Сусанъ ар-Раси) наблюдалъ похороны одного изъ представителей кіевской Руси и что о похоронныхъ обрядахъ другихъ русскихъ словянъ его времяни передавалъ слышанное. Послѣднимъ, можетъ быть, объясняется его показаніе объ изготовленіи для мертвыхъ лотокъ, а не колодъ, которыя онъ могъ принять за одинъ изъ видовъ лотокъ[2]). По Фодлану трупъ богатаго помѣщали въ материковую могилу на девять дней, (вынимая въ десятый), въ продолженіи которыхъ его оплакивали и

---

[1]) Извѣст. имп. археол. коммиссіи, вып. 15, стр. 10.

[2]) Долбленыхъ, челновъ; но, имѣя въ виду указаніе Нестора, вѣрнѣе говорить о колодахъ, легко могшихъ быть смѣшанными арабомъ съ лотками въ виду того, что на В. лотками служатъ даже просто сплетенныя изъ тростника корзины, а колоды, стало быть, тѣмъ болѣе могли бы служить ими. Кромѣ того понятіе „колода“ для араба недоступно и ближе, какъ „лоткою“ не можетъ быть передано на его языкѣ. Зная долбленыя лотки, онъ и колоды назвалъ лотками.

готовились къ окончательнымъ похоронамъ чрезъ принятое словянамн сожженіе. Срокъ въ девять дней въ похоронныхъ обрядахъ не утратилъ еще и теперь значенія и девятый день по сей часъ является важнымъ урочнымъ поминальнымъ днемъ [1]). Въ этотъ день душа, по народному представленію, посѣтивъ всѣ мѣста, въ которыхъ бывала при жизни, простившись съ землею и со всѣми родственниками, прощается съ семьею и уходитъ на тотъ свѣтъ. Послѣ этого-то урочнаго дня ухода души съ земли и окончательнаго разставанія съ тѣломъ руссы и жгли мертваго, препровождая его на тотъ свѣтъ (на небо) вмѣстѣ съ дымомъ костра, поднимаю-

---

[1]) По представленію народа душа при смерти разстается съ тѣломъ, но до того мгновенія, какъ земля ударитъ о гробовую крышку, т.-е. на третій день, покойникъ все видитъ и слышитъ, что происходитъ вокругъ его, но только не можетъ ни говорить, ни шевелиться. Послѣ трехъ дней тѣло, по „преданію его землѣ", умираетъ окончательно и душа,—бывшая эти три дня въ домѣ, около тѣла,—отправляется прощаться съ землею, родными и знакомыми, странствуя до девятаго дня по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ человѣкъ при жизни, по всѣмъ родственникамъ и знакомымъ. Въ девятый день она возвращается изъ путешествія домой проститься съ семьей. Въ 12 час. ночи раздается стукъ въ окно и лампадка передъ образомъ, (теплившаяся всѣ девять дней), гаснетъ: душа, сказавъ родному дому послѣднее прости, окончательно покидаетъ землю и уходитъ на тотъ свѣтъ, на поклоненіе Богу. Это самый важный поминальный день, въ него обязательно требуется ублаготворить душу возможно полнѣе и лучше, ибо въ противномъ случаѣ она можетъ причинить живымъ большую бѣду. Отъ того-то по мииованіи девяти дней, родственникамъ и дѣлается легче, ослабѣваетъ тоска и уменьшается страхъ. Съ 9—40 день душу мытарятъ или водятъ по мытарствамъ, т.-е. показываютъ ей всѣ ея дѣла и то, что за каждое изъ нихъ она должна получить; она видитъ наслаждающихся и мучащихся разными муками и все время находится въ самомъ возбужденномъ настроеніи. Въ сороковой день взвѣшиваются добрыя и злыя дѣла или грѣхи покойника и, смотря по тому, которыя перетянутъ, назначается душѣ мѣсто въ раю или въ адѣ и Богъ изрѣкаетъ ей приговоръ, опредѣляя награду или родъ мученій. По вѣрованіямъ чеховъ мертвый, даже послѣ похоронъ, трижды возвращается къ дому и обходитъ его, сторожа отъ несчастія. (Котляревскій, стр. 208). Въ русскомъ стихѣ о грѣшной душѣ разсказывается: Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася, разставшись, душа сама прочь пошла. И, отошедши, душа взворотилася, со своимъ бѣлымъ тѣломъ простилася. Въ стихѣ, записанномъ въ Ярославской губ., послѣ „разставалася" вставлено: „что пошла душа на круту гору; на крутой горѣ на высокоей,—тутъ горитъ огонь, разгорается, тутъ кипитъ смола, раскипается. Ужъ какъ тутъ душа устрашилася, со своихъ путей воротилася, со своимъ тѣломъ распростилася". Далѣе въ стихѣ: „ты прости, тѣло бѣлое мое, прости беззаконіе мое! Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю червямъ, тѣло, на источеніе, вы, кости, земли на преданіе, а я душа къ самому Христу на спокаяніе". (Рус. старина 1906 г., вып. 1, отд. II, стр. 29, 40). По Геродоту (IV, 73) скифы въ теченіи 40 дней возили умершаго по всѣмъ его друзьямъ для прощанія и каждый изъ нихъ, угощая провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагалъ то же и мертвому. Послѣ объѣзда совершались похороны (Очерки рус. исторіи въ памятникахъ быта. П. Полевой, I, стр. 66). Тотъ же обычай—обрядъ видимъ въ развозкѣ

щимся туда же [1]). Хожденіе обреченной на сожженіе съ покойникомъ женщины въ теченіе девяти дней до сожженія по роднымъ, знакомымъ и вообще землякамъ для прощанья съ ними, радушный пріемъ ея ими и ублаготвореніе всѣми наслажденіями вплоть до совокупленія съ нею объясняются тѣми же возрѣніями, что и на душу умершаго. Душа ея должна была идти на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ душою господина сей часъ-же послѣ смерти, т.-е. разстачи съ тѣломъ, прямо съ костра [2]), ей некогда было совершить назначенное (прощанье и пр.) и по тому это назначенное отправлялось „живою душою“ [3]). Побужденіемъ или основаніемъ примѣнять сожженіе, (въ пору его введенія въ обычай), имянно въ девятый день послужило, вѣроятно, помимо указаннаго (т.-е. ухода души съ земли), еще возрѣніе словянъ на огонь, какъ на устрашающее смерть (и очищающее) начало До нынѣ въ случаяхъ повѣтрій и мора скотъ заставляютъ проходить между двухъ огней (костровъ) или, какъ и человѣка, прыгать черезъ горящій костеръ (огонь), т.-е. какъ бы оставляютъ между ними и смертью огонь, чрезъ который она не можетъ пройдти. Точно также вещи, соприкасавшіяся съ покойникомъ: его бѣлье, простыню, подушки, одѣяло, скатерть, покрывавшую столъ подъ гробомъ, и пр., по народному повѣрью лучше всего сжечь (или, по меньшей мѣрѣ, удалить изъ дома, выбросивъ въ пустынное мѣсто или раздавъ нищимъ); въ противномъ случаѣ съ семьей умершаго приключится несчастіе, скорѣй всего еще кто нибудь умретъ. Такъ прочно еще до сихъ поръ держится представленіе о правѣ мертваго на его непосредственную собственность.

Довольно затруднительно рѣшить, что изъ сообщеннаго Фодланомъ составляетъ собственно словянское и что русское, т.-е. норманское или, придерживась Нестора, варягское. Бѣляевъ на основаніи лѣтописи указывалъ [4]), что норманы въ Россіи покойниковъ своихъ не жгли, а погре-

---

масляницы по всѣмъ домамъ и селеньямъ предъ ея сожженіемъ въ обрядѣ „проводовъ масляницы“ (покойниковъ тоже провожаютъ), въ хожденіи обреченной на сожженіе дѣвицы—въ описаніи похоронъ русса Фодлана и пр. Самое чучело масляницы имѣетъ подобіе въ каменныхъ бабахъ, въ статуэткахъ египтянъ и т. п. (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, 83).

[1]) Чуваши въ XVIII в. съ тою же цѣлью при выносѣ покойника изъ дома, жгли тряпки, бросаемыя вслѣдъ выносимому гробу. (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, стр. 45).

[2]) Какъ и души плѣнныхъ, обрекавшихся на рабство на томъ свѣтѣ тому, надъ тѣломъ кого они были убиты (см. выше).

[3]) Замѣчательно это выраженіе, въ немъ человѣкъ отождествляется съ его душой: я тоже вѣдь душа живая (и какъ она)—пить, ѣсть хочу. Кромѣ того оно свидѣтельствуетъ о томъ, что души были и мертвыя.

[4]) Древности, т. XIV, стр. 153.

бали, но погребеніе князей не исключаетъ еще возможности употребленія вообще россійскими норманами и сожженія, особенно среди словянъ, придерживавшихся послѣдняго обычая [1]), такъ какъ норманы употребляли и тотъ, и другой обрядъ, при чемъ курганы у нихъ отмѣчаетъ письменность съ древнѣйшихъ временъ [2]). Видимо, въ X в., къ которому относится описаніе Фодлана и нѣкоторыхъ арабовъ, норманскіе похоронные обряды уже смѣшались, (по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ наибольшаго общенія), съ словянскими, образовавъ общіе, цѣликомъ не принадлежавшіе ни тому, ни другому народу и, кромѣ того, различавшіеся еще по мѣстностямъ въ связи съ тѣмъ, какой обрядъ былъ у словянъ, населявшихъ данную землю. Въ разсматриваемомъ случаѣ (Фодлановомъ) погребеніе (въ ямѣ подъ накатомъ), видимо, принадлежало днѣпровскимъ словянамъ, а ими было перенято у кого-то изъ сосѣдей; сожженіе же представляетъ, какъ уже указывалось, всѣ черты типичнаго норманскаго сожженія [3]),—(судно, обиліе и виды заколотыхъ животныхъ, насыпка надъ прахомъ кургана, постановка на немъ столба съ надписью вмѣсто камня съ рунами и пр.), въ которое, можетъ быть, введено отъ словянъ сожженіе жены [4]). По крайней мѣрѣ объ этихъ чертахъ въ норман-

---

[1]) Точно также, какъ отдача предпочтенія погребенію среди полянъ могла обусловливаться именно тѣмъ, что у нихъ было въ обычаѣ погребеніе.

[2]) Древности, т. XIV, стр. 154 и 155. По Саксону Грамматику норманскій король Фрото (Frotho) издалъ законъ: тѣла королей и полководцевъ сожигать на ихъ судахъ, тѣла простыхъ гражданъ погребать въ *курганахъ*. На дѣлѣ погребали и королей, и знатныхъ (стр. 155), часто въ лоткѣ. Жгли и на морѣ и на сушѣ; въ послѣднемъ случаѣ прахъ, собранный въ сосудъ, закапывался въ землю, или покрывался курганомъ, или же просто бросался въ воду (море; у словянъ развѣевался по вѣтру). См. еще статью Ев. Щепкина (Журн. М. Н. Пр. 1894 г., кн. IX, стр. 38—60). Хоронили въ лоткѣ и безъ кургановъ, въ могильникахъ (Вендель въ Упландѣ, близь Эрбигюса, къ С. отъ Упсалы), трупъ клали головой къ СВ; хоронили и подъ лоткой; скандинавскіе похороны извѣстны и въ Финляндіи (близь Гангё, въ Бьерно (Bjerno); въ Скандинавіи находили вещи близкія къ ярославскимъ (окованный сундучекъ); прахъ героевъ приносился иногда, по сказаніямъ, на родину, гдѣ и погребался по всѣмъ обрядамъ. Стр. 52, 60, 57, 59.

[3]) По Прокопію (IX в.) германцы герулы, жившіе на Дунаѣ, жгли мертвыхъ на кострѣ, прахъ собирали и насыпали надъ нимъ курганъ (Истор. рус. жизни съ древн. временъ И. Е. Забѣлинъ).

[4]) Хотя и этотъ обычай былъ извѣстенъ норманамъ; съ Бальдуромъ на одномъ кострѣ сожжена и его жена Нанна. (Древн., т. XIV, стр. 155). Въ житіѣ Константина Муромскаго говорится между проч.: кони закалающеи по мертвыхъ и ременная плетенія древолозная съ ними въ землю покоповающеи, – но во 1) о коняхъ не сказано, что бы ихъ закапывали въ землю, ихъ закалывали „по мертвыхъ“, т.-е. для поминокъ, что и нынѣ еще въ ходу у остяковъ (Запис. З.-Сибир. отд. рус. геогр. общ., кн. XXX), во 2) если-бъ и зарывали, то это было бы послѣ призванія варяговъ.

скомъ погребеніи извѣстно по нѣсколькимъ письменнымъ свидѣтельствамъ, тогда какъ о наличности ихъ у русскихъ, да и другихъ словянъ нѣтъ ни какихъ указаній. Принимать же за подобныя указанія данныя раскопокъ, если не во всѣхъ, то весьма многихъ случаяхъ, значитъ опредѣлять неизвѣстное искомое этимъ неизвѣстнымъ. Дѣйствуя такъ, — очень легко и скоро рѣшать всякіе вопросы. Впрочемъ вырѣшеніе поставленнаго вопроса не имѣетъ здѣсь существенной важности: приведенныя данныя относятся къ X в., т.-е. къ такому времяни, когда у русскихъ словянъ курганы были уже приняты очень широко. Но эти данныя полезны тѣмъ, что даютъ указанія о неустойчивости похороннаго обряда у русскихъ словянъ даже еще и въ X в., свидѣтельствуя о колебаніяхъ и измѣненіяхъ въ немъ и, при томъ, очевидно подъ вліяніемъ заимствованій у сосѣдей [1]). Кромѣ того тѣ же данныя свидѣтельствуютъ о различіи похоронныхъ обрядовъ по народнымъ отдѣльностямъ, т.-е. другими словами въ зависимости отъ мѣста.

Такимъ образомъ имѣется нѣсколько основаній, (указанія письменности, языка, творчества, пережитковъ и пр.), утверждать, что русскіе словяне не имѣли единообразныхъ, общихъ похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ и что тѣ и другіе видоизмѣнялись у нихъ въ зависимости отъ состава ихъ отдѣльностей, несомнѣнно, отличавшихся нѣкоторыми особенностями въ подробностяхъ одного общаго міровозрѣнія [2]), въ строѣ общества и его жизни, въ степени развитости и въ степени зависимости отъ окружающей среды и отъ сосѣдства [3]),—обусловливающихъ величину, направленіе и качество заимствованій и взаимовоздѣйствій, а также внѣшнихъ сношеній и прочихъ сторонъ жизни, духа и тѣла. Таковъ выводъ, который, кажется, можно пока сдѣлать безъ опасенія впасть немедленно въ большую и грубую ошибку. Этотъ выводъ и служитъ отчасти отвѣтомъ на вопросъ: у кого русскіе словяне переняли курганный способъ похоронъ.

---

[1]) Колебанія, вызванныя естественнымъ развитіемъ, имѣли бы совершенно иной характеръ и не носили бы слѣдовъ слитія двухъ разныхъ обрядовъ въ одинъ; они отличались бы плавностью и постепенностью, словомъ видоизмѣненіемъ, а не отрывочностью и разнородностью.

[2]) Что имѣетъ мѣсто до сихъ поръ по областямъ и губерніямъ, не смотря на всю силу объединяющихъ началъ: преподанія вѣроученія—одинаково и одинаковаго, правленія, легкости сообщеній и постоянныхъ передвиженій и т. д.

[3]) По арабскимъ свѣдѣніямъ буртасы,—смѣшанная народность, жившая за р. Цной (къ В. отъ Рязанской губерніи, гдѣ р. Буртасъ), въ сосѣдствѣ съ хозарами, одни жгли мертвыхъ, другіе погребали. (Ист. рус. жизни.... Забѣлинъ).

Что касается отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, то изслѣдованія обнаружатъ со времянемъ, откуда проникли въ нихъ ихъ похоронные обряды, что въ этихъ обрядахъ было самобытнаго, туземнаго и вноснаго, чье было самобытное и откуда шло вносное.

Въ частности въ Ярославскую губернію, въ которой словяне если не жили, то бывали вѣка съ III по Р. по меньшей мѣрѣ, курганные похороны занесены, на мой взглядъ [1]), скандинавами — варягами, пребываніе которыхъ въ ней, помимо всякихъ соображеній, прямо засвидѣтельствовано лѣтописью: Имаху дань варяги изъ заморья на чуди и на словѣнехъ, *на мери* и на всѣхъ кривичѣхъ;... и раздая мужемъ своимъ грады: овому *Ростовъ*, другому Бѣло-озеро... по тѣмъ городамъ суть находници варязи, а перьвіи насельници:... въ Ростовѣ меря, въ Бѣлѣ озерѣ весь... Такую же раздачу городовъ произвелъ еще Владиміръ варягамъ, помогавшимъ ему занять Кіевъ: „избра отъ нихъ мужи добри, смыслены и храбры и раздая имъ городы". При отцѣ же Владиміра, Святославѣ варяги продолжали являться въ Россію на прежнихъ началахъ, т.-е. занимали земли, даже числившіяся русскими, и образовывали свои княжества, какъ на примѣръ Рогвольдъ (Регвальдъ) или Рогволодъ среди полочанъ: „Бѣ-бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туръ (въ) Туровѣ, отъ него же и туровци прозвашася". При сынѣ Владиміра Ярославѣ I, т.-е. въ XI в. варяги были очень распространены въ Россіи, гдѣ находили убѣжище и ихъ правители. Такъ, въ ней жилъ норвежскій Олафъ св., которому Ярославъ хотѣлъ дать въ управленіе или, вѣрнѣе, помочь завоевать Болгарію; сынъ Олафа Магнусъ жилъ здѣсь до 1033 г ; Симонъ со многими своими единоземцами былъ первымъ человѣкомъ у сына Ярослава Всеволода. Дочь Олафа Ингигерда—Анна была женою Ярослава, а принцъ норвежскій Гаральдъ—Гальдаръ его зятемъ. Онъ долго жилъ въ Россіи, а потомъ былъ норвежскимъ королемъ [2]). Инге (Ингемундеръ, Анундеръ) сынъ шведскаго короля Стенкиля вызванъ на престолъ въ 1061 г. изъ Россіи отъ Регвальда. Не довѣрять лѣтописи (и другимъ источникамъ) въ данномъ случаѣ нѣтъ, на мой взглядъ, ни какихъ достаточныхъ и положительныхъ основаній и само по себѣ, и по тому еще, что ея показанія, (какъ и въ очень многомъ другомъ), подтверждаются иными данными, изъ коихъ нѣкоторыя приведены мною въ 1 части настоящей работы, на примѣръ названія живыхъ урочищъ: Гартово,

[1]) Сложившійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ и соображеній, высказанныхъ выше.

[2]) Исторія госуд. Россійскаго. Карамзинъ, изд. 3, т. 2, стр. 35. Лѣтопись Нестора по Лавр. сп., стр. 41, 43.

Барлово, Эрихово, Русино, Русилово, Русаново [1]). Наконецъ скандинавскія сказанія—саги сообщаютъ прямо о насыпкѣ скандинавами кургановъ и другихъ подобныхъ сооруженій въ Россіи. Такъ Олафова сага повѣствуетъ: Торгній сказалъ: Иной есть нынѣ правителямъ (владыкамъ) Свіоніи (Швеціи) обычай, чѣмъ встарь. Торгній—дѣтъ мой отчій—вспоминалъ въ запискахъ (памяткахъ) Эйрика Эмундова сына—владѣтеля упсальскаго и ему имянно приписывалъ, (что онъ) обыкновеніе имѣлъ, пока въ свѣжести былъ цвѣтущихъ лѣтъ, созвавъ (кликнувъ кличъ) каждое лѣто дружину (вольницу, рать), набѣги въ разныя земли учинять и (так. образ.) финновъ, кареловъ, эстовъ, Курляндію, многія части востока покорилъ и также видѣть можно (нужно замѣтить) земляныя тамъ гробницы нѣкія знатныя памятники (надгробія), кои сооружать заботился. По другому изданію: ...покорилъ Финляндію, Карелію, Эстонію, также Курляндію и большую площадь въ восточномъ направленіи, гдѣ еще видѣть можно купно (сообща) наваленныя изъ дерна насыпи и иные о храбро тамъ и превосходно ведомыхъ имъ дѣлахъ сооруженные памятники. (Thorgnius locutus est: Aliud est nunc regum Svioniae ingenium, atque olim fuit. Thorgnis avus meus paternus recordatus est memoriam Eiriki Emundi filii regis Upsaliensis et hoc deco retulit, solitum fuisse, dum in viridissimo esset flore ætatis, evocatis quavis æstate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finniam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partis orientis subegisse, et etiam num cernere licet terrenas illas arces aliaque amplissima monumenta, quae facienda cu-

---

[1]) Есть и фамиліи отъ этого корня и, при томъ, въ народѣ: Русинъ,—(очевидно, представляющее прозвище, произведенное отъ названія народности, подобное другимъ такимъ же: угринъ, жидовинъ и пр.),—Русяевъ (отъ имени Русяй), Русиловъ и пр. Въ XVI в. „Русинъ“ служило даже собственнымъ имянемъ, такъ звали на примѣръ городоваго прикащика Углича, бывшаго тамъ въ 1591 г. (Собраніе государ. грамотъ и договор., ч. 2, стр. 116). Въ словѣ о полку Игоревѣ Игорь говоритъ рати: Хощу бо, рече, копіе преломити... съ вами, *русици*; *русичи* великая поля чрвленными щиты преградиша (пѣс. 2). Я уже говорилъ, что русскимъ называть свои, т.-е. русскія селенія и себя, т.-е. русскихъ въ русской землѣ и среди русскихъ русскими не было и не могло быть смысла, такъ какъ всѣ селенія и жители были русскіе; назвать же русскимъ селеніе или жителя, находящихся въ нерусской землѣ и не среди русскихъ, а на примѣръ въ словянской землѣ и среди словянъ, былъ большой и прямой смыслъ и естественный предлогъ. Добавлю, что населеніе губерніи слово „русскій“ произноситъ неправильно: „рюсскій“,—рюсская куриша и пр. Форма „русичи“ является притяжательнымъ отъ Русъ, какъ вятичи отъ Вятъ. Объ отношеніи русскихъ словянъ къ русамъ можно судить до нѣкоторой степени по сказкѣ „Царь-дѣвица“; царь дѣвицу отбиваетъ у Василья-царевича Иванъ — *русскій* богатырь—рожа шитая, носъ плетеный, языкъ строчёный, ноги телячьи, уши собачьи. Таковъ смѣхотворный образъ руса, созданный, конечно, не русами, а словянами. (Народ. рус. сказки. А. Н. Афанасьевъ, т. II, стр. 94 № 128).

ravit. По др. изданію... Subjecisse Finlandiam, Kyrialam, Esthoniam atque Curlandiam nec non plures latae ad orientem regiones, ubi etiamnum cernere licet ungestas ex cespite aggeres aliaque fortiter ibi et praeclare ab eo gestarum rerum monumenta.... Antiquites Russes I, 316. Extrait de la Heims Kingla. Изд. Снорро Стурлезона: Saga a Olafi Hinom Helga. 104. Современникъ 1860 г., I, стр. 18). Замѣчу еще, что въ Норвегіи до нынѣ хутора или усадьбы отдѣльныхъ землевладѣльцевъ (однодворцевъ) зовутся гардъ. Гардъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ зданій или домовъ,—жилаго, кухоннаго, пріемнаго для гостей (наше древнее гостинница) и службъ. (Вокругъ свѣта,—жур. землевѣд. ест. наукъ... 1862 г., т. II, стр. 286). Ярославскія селенія съ названіемъ Гартово были, по всей вѣроятности, именно такими гардами, почему и не превратились въ города, а остались селеньями. Въ Россіи же принялъ христіанство и Эйлифе-Инге (Труды II обл. арх. съѣзда, отд. II, 131). Рудол. Абихъ—профес. бреславльскаго университета[1]), знатокъ словянскихъ нарѣчій указываетъ на многія подобія разсказовъ нашихъ лѣтописей и Слова о полку Игоревѣ съ германскими преданіями и пѣснями. Призваніе князей напоминаетъ призваніе саксовъ британи, даже выраженія ихъ схожи: землю великую и пространную и всѣми вещами обильную вашей препоручаемъ власти повиноваться (Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditioni parere), скандинавскія были знаютъ постановку судовъ на колеса (Олегъ у Царь-града); Германія еще до Игоря знала казнь разрывомъ деревьями; Динабургъ (Двинскъ), Гаддингомъ, ирландская столица и пр. взяты при помощи птицъ съ привязаннымъ къ нимъ огнемъ; „копья поютъ“ и въ пѣсняхъ дружинъ скандинавскихъ викинговъ. На ост. Березани,—противъ устья Днѣпра, найдена скандинавская намогильная плита съ руническою надписью. Мало ихъ въ Россіи по тому, что тамъ, гдѣ жили норманы, не было подходящаго матеріала и что камни стали употреблять лишь съ XI в., а до этого ставили ставы (staf)—столбы (Изв. Имп. Арх. Ком., в. 23, 73). (См. еще журн. М. Н. П. 1908 г., III, 26—27 Ф. Ф. Вестберга о русахъ). Свой взглядъ я не считаю и не выдаю за безусловно вѣрный, онъ не болѣе, какъ попытка нѣсколько разобраться въ кучѣ отрывочныхъ и для насъ—людей XX в. сдѣлавшихся темными, непонятными и сбивчивыми данныхъ. Если я самъ разубѣжусь въ его основательности, или другіе покажутъ мнѣ его несостоятельность, я первый откажусь отъ него, такъ какъ, признаюсь, для меня—словянина нѣтъ ни чего пріятнаго быть чѣмъ ни будь обязаннымъ германцамъ. Но этого недостаточно, что бы не видѣть того, что бросается въ глаза, и грѣшить противъ того, что пока представляется истиною.

[1]) Жур. М. Н. П., 1908 г., VI, стр. 440, 451, 455.

Главное основаніе моей работы и главный толчекъ, побудившій къ ней, это слѣдующія два положенія.

1) Живя въ Ярославской губерніи не менѣе, какъ съ III—IV в. по Р., словяне не насыпали въ ней кургановъ и начали это дѣлать при томъ же, съ раза въ большихъ размѣрахъ лишь съ конца VIII—IX в., когда въ Россіи появляются норманы.

2) Отсутствіе въ окрестностяхъ губерніи другого такого народа, отъ котораго ярославскіе туземцы, неупотреблявшіе до конца VIII в. кургановъ, могли бы, помимо норомановъ, заимствовать курганы, ибо окружавшее губернію древнее населеніе стало насыпать курганы, въ общемъ, одновременно съ ярославцами и, при томъ, тоже вдругъ, т.-е. подражая. За это же говоритъ и отсутствіе (даже вообще въ средней Россіи) пракургановъ, т.-е. зародышевыхъ формъ кургановъ [1]). Въ добавленіе къ соображеніямъ о ярославскихъ курганахъ, высказаннымъ мною ранѣе, я здѣсь присовокуплю еще два.

Присутствіе норманскихъ вещей въ ярославскихъ курганахъ стремятся объяснить торговлею или, точнѣе, ввозомъ ихъ и даже не самими норманами, а сторонними посредниками. Совсѣмъ отвергнуть возможность подобнаго ввоза нельзя, но какъ показано въ I части этой статьи, если такой ввозъ и существовалъ, то все-же для норомановъ по преимуществу, такъ какъ съ ословяненіемъ края, т.-е. къ концу X в. норманскія вещи исчезаютъ изъ губерніи, да и вообще изъ средней Россіи. Обращаю вниманіе еще на то обстоятельство, что норманскія вещи въ Россіи занимаютъ вовсе не широкій кругъ распространенія, да и въ немъ попадаются далеко не въ обильномъ количествѣ и лишь на замкнутыхъ, ограниченныхъ площадяхъ. Находки ихъ мнѣ извѣстны въ прибалтійскихъ губерніяхъ, Виленской, Кіевской, Черниговской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимірской и Казанской [2]), т.-е. въ такихъ мѣст-

---

[1]) Въ Свенцянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи есть курганы погребенія, предшествовавшіе жженію,—очень невысокіе, окруженные рядомъ или рядами камней, съ костяками въ ямѣ, но иногда и на материкѣ, головой къ З., чаще на лѣвомъ боку, въ скорченомъ положеніи. Ихъ смѣняютъ курганы жженія VIII—IX в.—литовскіе. (Зап. рус. арх. об., т. XI, вып. 1—2, стр. 122—123).

[2]) Болѣе подробнаго перечня такихъ мѣстностей у меня нѣтъ сей часъ подъ руками. Въ Казанской губерніи находка норманскихъ вещей извѣстна лишь у дер. Бѣлымеръ—бывшаго болгарскаго поселенія Булымеръ (Спасск. у.) Здѣсь найденъ скандинавскій мечь весьма близкій къ найденному мною на Михайловскомъ курганномъ кладбищѣ (Яросл. у.). Устройство бѣлымерскихъ кургановъ (сожженія) тоже, что въ михайловскихъ. (Изв. общ. арх. ист. и этн., т. X, ст. 155). Очевидно, что мечь, какъ и курганы, занесены въ Бѣлымеръ не торговлей, а ихъ хозяевами.

ностяхъ, которыя были или ближайшими къ норманамъ и располагались на ихъ путяхъ въ Россію, или которыя были заняты норманами по ихъ утвержденіи въ Россіи и въ первое время владычества ихъ тамъ [1]). Указанная площадь распространенія норманскихъ вещей въ Россіи сократится вдвое, если припомнить, что въ перечисленныхъ губерніяхъ онѣ встрѣчаются лишь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, да и то лишь въ очень небольшомъ числѣ мѣстностей. Если послѣднія отмѣтить на картѣ [2]), то получится нѣсколько небольшихъ пятнышекъ, уединенно-разбросанныхъ на отмѣченной площади и почти ни гдѣ несливающихся въ сложныя фигуры. Даже больше этого: многія (если не большинство) пятнышки охватятъ всего лишь одно селенье, не касаясь сосѣднихъ, да и при томъ не городъ, а въ большинствѣ случаевъ незначительный поселокъ. Могло ли имѣть мѣсто такое явленіе при условіи распространенія норманскихъ вещей торговлею, представляю судить горячимъ защитникамъ этой торговли и со своей стороны добавлю только, что норманскія вещи и въ этихъ разсѣянныхъ точкахъ попадаются лишь въ курганахъ, не позднѣйшихъ X в. и почти исключительно сожженія. При чемъ же тутъ торговля и какъ она могла создать указанное распространеніе вещей?

Второе соображеніе близко къ первому.

Изъ найденныхъ А. С. Уваровымъ въ Ростовскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ монетъ [3])—80 германскихъ, 27 англо-саксонскихъ, 3 норманскихъ (датскихъ и шведскихъ) и 3 византійскихъ, всего 103 европейскихъ монеты, изъ которыхъ 100 изъ германской земли. Разумѣется, подобное соотношеніе не случайность [4]). Нахожденіе у насъ германскихъ монетъ объясняютъ точно также торговыми сношеніями съ западными землями. Но отчего же такая торговля не отмѣчена лѣтописью, отмѣчающей торговлю съ Византіей и Болгаріей, выдачу Анны Ярославны во Францію, жалобу Святослава Игоревича на бѣдность торговли даже

---

[1]) А частью и на ихъ торговыхъ путяхъ, какъ мѣстности Казанской губерніи.

[2]) Даже на очень мало масштабной. Укажу еще на два характерныя явленія. Говоря вообще, вещь, какъ и обычай, и слово, и пр., крѣпче всего держится тамъ, гдѣ возникла, и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Столь отличныя норманскія фибулы носятъ до сихъ поръ норвежскія женщины, какъ сообщилъ мнѣ это въ 1905 г. баронъ О. Р. Остенъ Сакенъ при обозрѣніи музея Яросл. архивн. коммиссіи, а топорами, такъ наз. „мерянскаго“ пошиба, по заявленію Ил. Ал. Шляпкина, по сей день рубятъ дрова въ Швеціи и Финляндіи. (Труды Яросл. област. съѣзда изслѣдователей исторіи и древн. Рост.-Суздальской области, ст. XXXIX) и на Вислѣ (Нива 1900 г., стр. 429 рис.).

[3]) Меряне и ихъ бытъ... стр. 141.

[4]) Восточныхъ, не считая монетъ изъ городищъ, найдено около 80; точно опредѣлить ихъ число нельзя: оно не всегда приводится Уваровымъ.

въ Кіевѣ,—средоточіи тогдашней Руси, (которая по его словамъ не могла идти въ сравненіе съ торговлей, на примѣръ, Переяславля Болгарскаго), наконецъ торговлю на Дунаѣ, куда сходились и греки, и чехи, и угры, и руссы и прочіе, примыкавшіе къ этой рѣкѣ народы, среди которыхъ нѣмцевъ не указано? Но если и допустить, что непосредственная торговля Руси была развита съ нѣмецкими землями, то необходимо будетъ еще болѣе допустить ея развитіе съ западно-словянскими сосѣдями русскихъ [1]). А между тѣмъ изъ найденныхъ Уваровымъ 100 западно-европейскихъ монетъ—вендскихъ только 2, богемскихъ 2-же [2]) тогда, какъ кёльнскихъ 6, германской имперіи 48 [3]). Но пусть о европейскихъ монетахъ можно толковать еще и такъ, и сякъ, за-то едва-ли это возможно по отношенію восточныхъ, битыхъ въ Африкѣ, которыхъ въ Ярославской губерніи съ ея окрестностями находятъ не особенно мало [4]) и одну изъ каковыхъ нашелъ и я въ Михайловскихъ курганахъ. Конечно, ужъ не Русь торговала съ сѣверной Африкой и, конечно, монеты Африки на берега оз. Неро и Волги шли не отъ тѣхъ, кто велъ съ Африкой непосредственный торгъ, оставаясь на мѣстѣ, а отъ тѣхъ, кто бывалъ въ Африкѣ и въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ времянно и возвращался обратно домой. Такими-же больше всего были арабы и варяги [5]). Арабы въ наши края не проникали, они сами разсказывали, что здѣсь убивали всѣхъ иноземцевъ; источники также не знаютъ ихъ присутствія здѣсь. За то источники положительно говорятъ о варягахъ. Возражающіе противъ нихъ указываютъ на камскихъ болгаръ, какъ на распространителей въ поволжьѣ восточныхъ монетъ. Я напомню имъ, что на верхней Волгѣ (Холопье) русскіе торговали, (меж. пр. и съ болгарами) еще въ XVI в. не на деньги, которыя тамъ часто не имѣли ни какого значенія, а мѣной. Точно также я напомню о томъ, что распространеніе восточныхъ монетъ не ограничивается водоемомъ Волги, а простирается широкой полосою до Балтики, переходитъ ее и распространяется по Скандинавіи, гдѣ этихъ монетъ находятъ, (сравнительно съ величиной площади распространенія), ни сколько не меньше, чѣмъ въ Россіи. Въ Скандинавію же ихъ занесли, конечно, ужъ не болгары и не русскіе, еще менѣе арабы. У скандинавовъ собственная монета является не рано и представляетъ под-

---

[1]) На чемъ такъ настаивалъ Н. Н. Харузинъ (Обзоръ доистор. археологіи въ Балтійск. губ.).

[2]) Остальными изслѣдователями такихъ вовсе не найдено, а лишь восточныя, англо-саксонскія и нѣмецкія.

[3]) Меряне и ихъ бытъ... стр. 82.

[4]) То же, стр. 61 и 121.

[5]) То же, стр. 61.

ражаніе средне-европейскимъ и византійскимъ [1]) монетамъ. Но за то въ Скандинавіи ходили монеты чуть не всего тогдашняго свѣта [2]) и вмѣстѣ съ скандинавами попадали въ тѣ страны, въ которыя проникали они сами, въ томъ числѣ къ Ростову и вообще въ Ярославскую губернію. Конечно, распространяли восточную монету (вообще) по Россіи, особенно, по югу ея и словяне, бывавшіе и въ Болгарѣ, и въ Итилѣ, но я и здѣсь обращу вниманіе на то обстоятельство, что громадное большинство русской восточной монеты относится къ времяни, опять таки, не древнѣе XIII в. по Р., а главнымъ образомъ къ IX и X вв., т.-е. опять-таки къ порѣ пребыванія и господства варяговъ въ тогдашней Руси. И относительно монетъ, какъ относительно кургановъ, нужно спросить: если монеты своимъ появленіемъ обязаны не варягамъ—норманамъ, то по чему же ихъ не было до нихъ (въ такомъ количествѣ) и по чему ихъ наплывъ кончается съ исчезновеніемъ варяговъ изъ Россіи? Когда варяги обрусѣли и слились съ словянами, тогда заведенные ими порядки стали сглаживаться и исчезать, какъ и металическая монета. Монетъ XII и XIII в. [3]) извѣстно весьма мало, тогда какъ будь онѣ плодомъ торговли русскихъ словянъ съ сосѣдями, а не на оборотъ,—не занесенія иностранцами, т.-е. будь слѣдствіемъ словянскихъ торговцевъ, а не заѣзжихъ, ихъ количество должно бы возрастать, ибо росла торговля, которой на западѣ ни что не мѣшало [4]).

Что касается обрусѣнія или, вѣрнѣе, ословяненія варяговъ, то ословяниться они не только могли, но и должны были. Въ сравненіи съ словянствомъ ихъ среди него жила горсть, уже съ первыхъ шаговъ вынужденная входить въ непосредственныя тѣсныя и, при томъ, постоянныя сношенія съ окружающими. Волей не волей они должны были при такихъ условіяхъ изучать словянъ, ихъ жизнь, языкъ и пр. и приноравливаться къ ихъ быту, понятіямъ и т. д., ибо иначе рисковали или остаться ни съ чѣмъ, или вызвать неудовольствіе. Такое приноравливанье отмѣчается источниками,—князья отправлялись въ полюдье не когда вздумается, а осенью,—т.-е. когда кончалась жатва и промыслы. Дѣти варяговъ воспитывались отчасти словянами, играли съ словянскими дѣтьми, больше всего видѣли кругомъ себя

---

[1]) Sveriges medeltid kulturhistorisk skildring. Hans Hildebrand, ч. VI. (Средневѣковая Швеція).

[2]) Норманы, помимо грабежа, брали огромныя дани: въ 810 г. съ жителей Фрисландіи 100 фун. серебра, въ 845 г. съ Парижа 7000 ф. серебра, Карлъ Плѣшивый въ 866 г. заплатилъ имъ 4000 фун. серебра (Истор. госуд. Россійскаго. Н. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. I, прим. 302). Среди этого количества серебра монета если не преобладала, то ее было много.

[3]) Не татарскихъ.

[4]) На В. первое время мѣшали татары.

словянъ; прислуга варяговъ состояла изъ словянъ и финновъ, въ дружинѣ были также словяне и т. д.,—множество точекъ постояннаго и самаго близкаго соприкосновенія, тѣмъ болѣе дѣйствительнаго и воздѣйственнаго, что было оно мелочно, незамѣтно и почти неизбѣжно. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что уже въ третьемъ поколѣніи даже князья обрусѣли вполнѣ. Святославъ—словянинъ не только по имяни, но и по одеждѣ, и понятіямъ, а сына его Владиміра и сами словяне признали за своего и воспѣли въ былинахъ. Норманы IX в. не могли не ословяниться при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ословяниваются нѣмцы XX в., намѣренно и заботливо охраняющіе свою народность.

Въ заключеніе небольшая выдержка. Въ 1899 г. Спицинъ вотъ что говорилъ [1]): „Обычай погребенія въ такихъ курганахъ (съ трупосожженіемъ) имѣетъ наибольшее распространеніе въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, новгородцевъ и кривичей съ ростовцами, гдѣ онъ по всей вѣроятности и возникъ (*надо думать подъ норманскимъ вліяніемъ*). Очень обыкновененъ этой обычай также въ странѣ сѣверянъ и бужанъ. Въ другихъ русскихъ земляхъ онъ прививается чрезвычайно туго". Года черезъ три это мнѣніе смѣнилось у Спицина допущеніемъ самостоятельнаго возникновенія кургановъ у русскихъ словянъ, о чемъ говорено выше. Еще года два спустя, т.-е. послѣ Тверскаго съѣзда онъ опять возвращается къ прежнему мнѣнію и въ 1905 г. по поводу гнѣздовскихъ (смоленскихъ) кургановъ говоритъ уже [2]): „*норманы производятъ могущественный переворотъ въ жизни кривичей* (смоленскихъ), *что между прочимъ отражается и на обрядахъ погребенія*. Наблюдаемый у кривичей въ VIII—IX в. [3]) на всемъ обширномъ пространствѣ ихъ разселенія обрядъ погребенія (? похоронъ)—трупосожженіе въ низкихъ удлиненныхъ и длинныхъ курганахъ. Обрядъ погребенія русскихъ норманновъ IX в.—трупосожженіе въ высокихъ куполообразныхъ курганахъ. Въ Смоленскѣ X в. (Гнѣздовѣ) оба эти обряда (? обычая) подъ взаимнымъ вліяніемъ видоизмѣняются и смѣшиваются... Къ началу XI в. гнѣздовскіе курганы вырождаются въ общій, весьма простой типъ, *приближающійся къ норманскому*". Такая неустойчивость мнѣній свидѣтельствуетъ о недостаточной обоснованности, т.-е. скороспѣлости ихъ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ указать тѣ (изъ

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, кн. VIII, стр. 318.

[2]) Изв. имп. арх. коммиссіи, вып. 15; курсивъ мой.

[3]) Въ Записк. отд. рус. и сл. археологіи Рус. Арх. Общ., т. V, вып. I, стр. 198 указанъ IX в.

замѣченныхъ мною) ошибки въ первой части этой моей работы, которыя искажаютъ смыслъ.

Труд. II обл. Тверс. арх. съѣз., отд. I, страница.	Отдѣльн. оттискъ страница.	Строка съ верха или съ низа.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
121	37	17 низ.	разъѣзкали	разъѣзжали
		15 „	квеанами	квенами
160	76	10 верх.	казазской	казарской
		13 низ.	(унгри) не	(унгри);
		5 „	maguar	magyar
162	78	16 „	остякскаго іожа	отякскаго іогра
163	79	7 верх.	югра	югры
164	80	18 „	гура	югра
165	81	2 „	образовали	образовывали
173	89	14 низ.	мордовцевское	мордовское
175	91	3 „	Борщаговской	Борщаговкой
190	106	14 „	(ж. к. деньги)	(не к. деньги)
191	107	2 верх.	съ нею прежде	съ нею и прежде
195	111	14 низ.	невозможныя	неважныя
200	116	1 „	постояннымъ	постепеннымъ
203	119	13 верх.	пробилась	пробивалась
204	120	5 верх.	1293	1203
		6 низ.	танъ	такъ
205	121	9 „	опис.	епис.
206	122	6 вер.	къ тому же въ общемъ	къ тому же, въ общемъ,
		9 „	Торловопо	Торлопово
		10 „	Ротислово	Ратислово
		8 низ.	археол.	архивн.
		6 „	(или древ.)	(Ист. древ.)
207	123	21 вер.	притѣснившіе	притѣснявшіе
210	126	17 вер.	образовались	образовывались
211	127	18 низ.	были, но	были. Но
212	128	2 вер.	полевою землею)	полевою) землею
214	130	11 вер.	урочища	урочище—
225	141	20 „	славянъ	словенъ
228	144	12 низ.	С.	СВ
240	156	21 „	(корен.	(Корен.
		17 „	ботовъ	боговъ
		2 и 3 низ.	дѣдушкой	дѣдушкой
243	159	10 низ.	[3])	[4])
244	160	10 „	[1])	[4])

Ярославль. *Ил. Ал. Тихомировъ.*

Кто насыпалъ курганы въ селѣ Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда Тверской губерніи.

(Къ раскопкѣ кургановъ (сопокъ) 31 августа и 2—3 сентября 1903 г.).

Вопросъ о томъ, какому народу принадлежатъ курганы—эти безмолвные памятники глубокой старины, разбросанные по прибрежнымъ мѣстностямъ бывшаго Бѣжецкаго Верха, остается по сіе время мало выясненнымъ и изслѣдованнымъ. Вопросъ этотъ меня, какъ уроженца Бѣжецкаго уѣзда, всегда интересовалъ и я предпринялъ рядъ раскопокъ этихъ кургановъ въ селѣ Рыбинскомъ. О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ мною въ 1902 году съ 2 по 7 сентября, я сообщилъ 2-му Тверскому Областному Съѣзду, куда и представилъ найденные костяки и курганныя находки [1]).

Въ 1903 году 31 августа, 2-го, 3-го и 5-го сентября я продолжилъ раскопки кургановъ въ этомъ же селѣ и мнѣ удалось разрыть еще четыре кургана. Въ работахъ этихъ кромѣ меня еще приняли участіе докторъ медицины И. О. Зубовъ и членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго Императорскаго Археологическаго Института подполковникъ Н. Н. Мальковскій.

Переходя къ описанію этихъ работъ, я долженъ замѣтить, что производилъ ихъ на основаніи вопросовъ и наставленій для курганныхъ раскопокъ изъ записки для обозрѣнія русскихъ древностей И. П. Сахарова и инструкціи для описанія и раскопокъ кургановъ за подписью Д. Самоквасова, Л. Ивановскаго и В. Антоновича, наставленія П. С. Савельева и вопросовъ, выработанныхъ Императорской Археологической Коммиссіей.

Село Рыбинское расположено на правомъ берегу рѣки Мологи въ 43 верстахъ на западъ отъ уѣзднаго города Бѣжецка. Около села, на западъ и сѣверъ отъ него, раскидано было очень много кургановъ или, какъ называютъ ихъ

---

[1]) Смотри Труды Тверского Областного Съѣзда, отдѣлъ „Первобытныя древности“ и брошюру „О раскопкѣ кургана въ селѣ Рыбинскомъ въ 1902 г.“ Тверь, 1905 г., В. Н. Мальковскій.

мѣстные обыватели, „сопокъ“. На землѣ причта церкви этого села и на помѣщичьихъ усадьбахъ г.г. Ресиныхъ, Мальковскихъ и Бестужевыхъ въ настоящее время еще сохранилось нѣсколько сопокъ, а значительная часть ихъ (около 15) исчезла лѣтъ сорокъ тому назадъ, будучи срыта для устройства и починки дороги. Самыя большія сопки были расположены въ направленіи съ запада на востокъ по склону, подъ которымъ тянется долина рѣки Мологи, затопляемая и размываемая въ весеннее и осеннее время разливомъ. Для болѣе яснаго представленія описываемой мѣстности прилагаю глазомѣрный планъ ея. (См. табл. I и табл. II, верхнюю половину).

Въ окрестностяхъ сопокъ мѣстъ, памятныхъ побоищами и битвами, нѣтъ; ближайшія мѣстности, рѣки, селенія, лѣса и проч., носятъ слѣдующія названія: рѣка Молога, село Рыбинское, деревня Заручье, деревня Кузнецы, лѣсныя дачи Бородино и Семеновское, деревня Кудряшово (или Кудрявецъ), пустошь Передѣли, деревня Масленка, пустошь Мочилы. Мѣстныя народныя преданія объ этихъ сопкахъ весьма смутны и неопредѣленны; одни относятъ ихъ къ нашествію татаръ, другіе къ нашествію литвы и даже ко времени междуцарствія, но всѣ почему-то безусловно ихъ считаютъ памятниками войнъ.—Не лишнимъ считаю познакомить читателя съ интересными свѣдѣніями о Рыбинскихъ сопкахъ, сообщенными въ 1877 году Тверскому Статистическому Комитету, священникомъ этого села отцемъ Григоріемъ Митропольскимъ. Вотъ что онъ сообщаетъ объ этихъ памятникахъ:

„Въ самомъ селѣ Рыбинскомъ имѣются насыпи, называемыя въ народѣ сопками; курганы эти или сопки разбросаны на правомъ берегу рѣки Мологи. Имѣя въ виду, что каждый курганъ мною обмѣрянъ, опишу ихъ порознь, означая буквами и прилагая схему ихъ расположенія (см. табл. II, нижн. половину).

Курганъ А величиною въ окружности 43½ сажени, въ высоту 3 саж.; отъ берега рѣки Мологи отстоитъ на 40 сажень.

Курганъ Б—окружность 23 сажени, высота 1 саж. 1 арш.; отъ берега рѣки Мологи въ 36 саженяхъ, а отъ кургана А въ 6 саженяхъ.

Курганъ В—возвышенность эту правильнѣе назвать группой могилъ, расположенныхъ вокругъ на 52 саженяхъ. Высота ихъ отъ 1½ до 3 аршинъ; разстояніе между ними и курганомъ Б—4 сажени; отъ нихъ до берега рѣки Мологи 36 сажень. На могилахъ этихъ лежатъ довольно большіе камни.

Курганъ Г.—Высота 1½ саж., а отъ берега рѣки Мологи въ 30 саженяхъ; окружность осталась неизмѣрянной,

потому что основаніе кургана разрыто для удобства въ расположеніи построекъ въ усадьбѣ помѣщика А. П. Ресина. Между курганами В и Г—14 сажень.

Курганъ Д.--Курганъ этотъ отъ кургана Г отстоитъ на 41 саж. По сказаніямъ старожиловъ и на этомъ пространствѣ были курганы, уничтоженные при устройствѣ усадебъ помѣщиковъ г.г. Ресиныхъ и Мальковскихъ. Послѣдній разсказывалъ, что домъ его устроенъ на сопкѣ самой высокой. Когда разрывали эти сопки, то находили кости человѣческія довольно массивныя и на нихъ стеклянныя бусы. Разсказываютъ, что при разрытіи сопокъ попадались старинныя монеты, а въ южной изъ сопокъ вырыто будто бы два горшка, наполненныхъ мелкими костями и углями, расположенными слоями. Кости эти, какъ объяснила разсказчица Е. С. Мальковская, видѣвшая эти горшки, похожи на косточки молодого поросенка.—Курганъ Д имѣетъ 24 саж. въ окружности, а высота его 2 сажени 1 аршинъ.

Курганъ Е.—Окружность его 18 сажень, высота 1½ сажени, а отъ кургана Д отстоитъ въ 29 саженяхъ.

Затѣмъ слѣдуютъ три малыхъ насыпи или сопки въ высоту отъ 1 арш. до 2½ аршинъ и шесть могилъ такихъ, какія и теперь видимъ на сельскихъ кладбищахъ. На могилахъ лежатъ камни, а кругомъ сопокъ и на нихъ камней нѣтъ. Всѣ сопки имѣютъ форму конуса, а на верху ихъ—площадки. Находятся курганы на низменномъ мѣстѣ и идутъ въ слѣдующемъ направленіи: рѣка Молога при селѣ Рыбинскомъ течетъ съ востока на западъ. Курганъ А по отношенію къ рѣкѣ будетъ на сѣверъ, курганъ Б, возвышенность В и курганъ Г—приближаются къ рѣкѣ Мологѣ по кривой линіи къ юго-западу.

Курганы Д, Е и три малыхъ сопки и шесть могилъ расположены грядкою. Разстояніе между малыми сопками, могилами и курганомъ Е не болѣе 1 или 1½ сажени. Эта гряда по отношенію ко всѣмъ первымъ курганамъ будетъ на западъ. Не могу на бумагѣ изобразить правильно расположеніе кургановъ, но приблизительно рисунокъ ихъ долженъ быть такой (см. табл. II, нижн. половину). Курганы Д, Е, три сопки и шесть могилъ отъ берега рѣки Мологи отстоятъ въ 30 саженяхъ. На нѣкоторыхъ курганахъ растутъ сосны (по одной), а на остальныхъ видны пни сосенъ".

Приведу тутъ же отзывъ Рыбинскаго Волостного Правленія объ этихъ курганахъ.

„.... въ селѣ Рыбинскомъ 13 сопокъ, изъ коихъ на пяти находится по одной „стародревней" соснѣ. Три изъ этихъ сопокъ будто бы, кѣмъ то, когда то были разрыты, при чемъ найдены человѣческія кости и нѣсколько желѣза".

Оба приведенныя описанія цѣнны съ той стороны, что дають хотя приблизительныя указанія мѣстъ, гдѣ надо искать эти памятники. Конечно, описанія мало похожи съ современной картиной мѣстности и мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности; въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ перваго описанія видимо отдѣльные камни (большіе валуны) принималъ за надмогильные камни, а каменныхъ колецъ у основанія нѣкоторыхъ кургановъ не замѣчалъ, хотя эти характерные кольца уцѣлѣли и до настоящаго времени и сильно бросаются въ глаза. Размѣры кургановъ въ описаніи тоже весьма приблизительны и совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ, которые я нашелъ при раскопкахъ ихъ.

Каждый изъ раскопанныхъ мною кургановъ прежде всего обмѣрялся и заносился на прилагаемый при семъ планъ. Раскопка велась такимъ образомъ, что каждая сопка была прорыта траншеями крестообразно до основанія ея и земля изъ этихъ траншей пропускалась чрезъ грохотъ (желѣзное сито) для отысканія мелкихъ предметовъ.

Перехожу къ описанію самой раскопки.

31 августа 1903 года былъ разрытъ курганъ № 1-й (см. табл. I, № 1, и табл. III, нижн. половину). Высота насыпи 1 аршинъ, длина 11 аршинъ, а ширина 5 аршинъ. Форма насыпи неправильная: на... южномъ склонѣ ея замѣтны два углубленія, изъ коихъ, видимо, земля была взята уже давно. На уровнѣ материка, въ сидячемъ положеніи рядомъ найдены два почти совершенно истлѣвшихъ костяка; разстояніе между ними около $1^1/_2$ арш., лицами оба костяка обращены на сѣверо-востокъ. Грунтъ всей насыпи—желтый песокъ, съ встрѣчающимися зольными пятнами и угольными точками. Въ ногахъ костяковъ найдено нѣсколько черепковъ горшка изъ плохо обожженой глины и у одного костяка сбоку камень, напоминающій своей формой каменный топоръ. Рисунки черепковъ и камня при семъ прилагаются. (См. табл. III, верхнюю половину).—Погребеніе костяковъ видимо нехристіанское.

У костяка А наличность добытыхъ черепныхъ костей не даетъ возможности опредѣлить типъ черепа. Нѣсколько черепныхъ костей (затылочная, височная) позволяютъ до нѣкоторой степени полагать, что онѣ принадлежали человѣку нестарому (слабое развитіе пахіомовыхъ вдавленій). Куски бедряной и реберныхъ костей по своей мощности говорятъ о мужскомъ скелетѣ.

Костякъ В очень плохо сохранился, такъ что не представляется возможности дать какое нибудь заключеніе о полѣ покойнаго и сдѣлать краніологическія измѣренія.

У обоихъ костяковъ въ черепныхъ костяхъ обнаружены круглыя отверстія, какъ бы пробитыя круглымъ острымъ орудіемъ. Кусокъ челюсти атрофированъ.

По общимъ наружнымъ признакамъ насыпи и способу погребенія—нахожденіе костяковъ не въ грунтовыхъ ямахъ, а на поверхности грунта, по зольнымъ прослойкамъ и пятнамъ, по остаткамъ черепковъ глинянаго горшка, по рисункамъ прямыхъ линій на этихъ черепкахъ, по кольцу изъ камней у основанія кургана—сопку эту или курганъ возможно скорѣе отнести къ типу новгородскихъ кургановъ (новгородскихъ славянъ), нежели къ финскимъ и особенно къ мерянскимъ.

Курганъ № 2-й (см. табл. I и IV) разрытъ 2-го сентября 1903 года; южная и юго-западная часть его видимо была кѣмъ то ранѣе разрыта; общій видъ насыпи представляетъ довольно правильную форму; на верхней части кургана камней не найдено; основаніе его имѣло каменный вѣнецъ изъ валуновъ, изъ коихъ сохранилось только пять камней. Размѣры кургана: длина 9 аршинъ, ширина 9 аршинъ и высота 2 аршина. Раскопанъ курганъ былъ такъ: первоначально прорытъ траншеей въ направленіи отъ запада къ востоку, а потомъ отъ юга къ сѣверу.—На уровнѣ материка найдены три костяка, положенныхъ на спины, лица ихъ обращены на югъ, общее положеніе ихъ—*головами на западъ, а ногами на востокъ*. Грунтъ насыпи—сверху черная земля на половину съ желтымъ пескомъ, потомъ желтый песокъ, въ которомъ встрѣчались угольныя точки, а въ одномъ мѣстѣ, выше костяковъ на 1/2 аршина, замѣтны слѣды небольшого кострища и отдѣльныя зольныя пятна. Въ этихъ же слояхъ насыпи, гдѣ слѣды кострища и зольныя пятна, найдены черепки отъ разбитаго глинянаго горшка изъ плохо обожженой глины и коренной зубъ коровы. У костяка Г съ правой стороны слѣды сосновой совершенно перегнившей палки, толщиною около 3/4 вершка и длиною въ 1 1/2 аршина. Всѣ костяки найдены на грунтовой землѣ въ плотно слежавшемся слоѣ желтаго песка съ прослойками золы и бѣлаго песку. Грунтъ подъ костяками очень твердый изъ песка и глины.—Костякъ Г (см. таб. IV): черепъ безъ верхней челюсти съ хорошо сохранившимися лобными и темянными костями; швы очень замѣтны; бугристость выражена сильно. Лобъ низкій, но непокатый. Длинникъ черепа 18 см., поперечникъ—13 см., индексъ—0,72. Височная кость правой стороны съ темнымъ пятномъ, точно такимъ же, какое было найдено на черепѣ, описанномъ мною въ выше цитированномъ моемъ изслѣдованіи. Ширина лба—8 см., высота—12,5. Кости черепа значительной толщины. Ширина глазницы—3,8. Діаметръ носовой перегородки—2. Остатокъ нижней челюсти не атрофированъ; эмаль сохранилась на нѣкоторыхъ зубахъ и зубы притерты. Субъектъ взрослый и не молодой. Скелетъ видимо принадлежалъ мужчинѣ. Въ верхней челюсти довольно большіе клыки и зубы сидятъ очень глубоко, выступая немного впе-

редъ. Ростъ костяка 2 арш. 11 верш. (измѣреніе на мѣстѣ), ширина въ плечахъ 10 вершковъ.

Костякъ Д (см. табл. IV). Черепъ долихоцефалическій съ большой высотой. Скелетъ принадлежалъ старому человѣку. Кости тонкія. Полныхъ краніологическихъ измѣреній произвести нельзя въ виду разрушенія костей. Скелетъ этотъ вѣроятно принадлежалъ женщинѣ.

Костякъ Е (см. табл. IV). Лобная кость и затылочная не вполнѣ сохранились, толсты и говорятъ за старый возрастъ костяка и мужской полъ. Поперечникъ лба—7,4; прочихъ измѣреній произвести нельзя въ виду разрушенія костей.

По наружному своему виду, устройству насыпи и другимъ признакамъ, приведеннымъ выше,—курганъ этотъ болѣе подходитъ къ типу новгородскихъ кургановъ (новгородскихъ славянъ), нежели къ финскимъ.

Курганъ № 3-й былъ разрытъ 5 сентября 1903 года такимъ же способомъ, какъ и предыдущіе два. (См. табл. I и табл. V). Наружный видъ его первоначальную свою форму утратилъ вслѣдствіе выемокъ земли съ восточной стороны и сверху.

Каменное кольцо изъ крупныхъ валуновъ у основанія насыпи почти все сохранилось и окружаетъ курганъ у его основанія. Насыпь изъ смѣси черной земли и песку. Подъ насыпью на грунтѣ найдены три костяка.

Костякъ З лежалъ лицомъ на сѣверъ, головой на западъ, ногами на востокъ. Въ такомъ же положеніи и костякъ И. Третій костякъ К лежалъ лицомъ на югъ, головою на западъ, а ногами на востокъ. Украшеній никакихъ не найдено. Въ насыпи часто попадались отдѣльныя угольныя точки и зольныя пятна. Подъ костякомъ К обнаружена подъ головой и туловищемъ зола. Въ головахъ у этого костяка найдено нѣсколько черепковъ изъ плохо обожженой глины и кусочки какой то кости. Видимо, что курганъ этотъ былъ ранѣе кѣмъ то разрытъ, но не вполнѣ.

Костякъ З (см. табл. V). Черепъ имѣетъ лобную кость, темянныя, лѣвую височную—цѣлыми, правая височная отчасти разрушена, затылочная разрушена кругомъ около большого затылочнаго канала. Швы почти незамѣтны. Затылочный бугоръ выраженъ умѣренно. Лобъ покатый. Длина черепа 18 см., поперечникъ 12,8. Индексъ—0,71. Высота—12,9, ширина лба—7,4. На правой височной кости *опять темное пятно*. Черепъ принадлежалъ старому человѣку.

Костякъ К. (См. табл. V). Черепъ сравнительно хорошо сохранился. Затылочный бугоръ рѣзко выраженъ Глазница узкая. Сохранившійся правый скуловой отростокъ значительно развитъ. Небный отростокъ рѣзко развитъ. Альвеолярный отростокъ развитъ значительно, но не рѣзко.

Зубы очень глубоко лежатъ въ челюстяхъ и притертость ихъ ясная. Швы на черепѣ ясно выражены. На нѣкоторыхъ зубахъ хорошо сохранилась эмаль. Зубовидный отростокъ 2-го позвонка очень толстъ и коротокъ. Нижняя челюсть не атрофирована. Длина черепа—18,8, поперечникъ—12,7, индексъ—0,68. Ширина лба—6,4, высота—13; высота глазницы—3,5, ширина—3,9. Діаметръ носовой перегородки—2. Бугры на затылочной кости рѣзко развиты. На правой височной темянной кости *темное пятно*. По всѣмъ признакамъ черепъ принадлежитъ молодому мужчинѣ лѣтъ 30.

Костякъ И. (См. тмбл. V). Кости черепа тонки, зубы не притерты. Организмъ вѣроятно молодого субъекта. Краніологическихъ измѣреній сдѣлать нельзя.

Перечисленные выше признаки кургана, насыпи и характеръ погребенія говорятъ и здѣсь скорѣе за его новгородское происхожденіе, чѣмъ за какое либо другое.

Курганъ № 4-й. (См таб. VI). Курганъ этотъ разрытъ 3 сентября 1903 года, при чемъ раскопка его велась также, какъ и только что описанныхъ кургановъ. Къ сожалѣнію, этотъ курганъ не сохранилъ своей первоначальной формы и мѣстами видимо съ него земля была снята. У основанія насыпи каменное кольцо, окружающее ее изъ большихъ валуновъ, очень хорошо сохранилось. Вся насыпь изъ желтаго песка сильно слежавшагося. Зольныхъ прослойковъ и кострища въ уцѣлевшей части насыпи не обнаружено, попадались отдѣльныя угольныя точки и былъ найденъ черепокъ отъ разбитаго горшка изъ плохо обожженой глины. Костякъ лежалъ на грунтѣ съ вытянутыми по бокамъ руками, лицомъ обращенъ на югъ, головою на западъ, ногами на востокъ. Съ правой стороны костяка найденъ небольшой сильно перержавѣвшій ножикъ (см. таб. VI). Ножъ этотъ видимо былъ насаженъ на черенокъ, такъ какъ слѣды дерева на его концѣ сохранились.

Костякъ М. (См. табл. VI). Скелетъ видимо мужчины, черепъ невысокій, но не покатый. Затылочная кость рѣзко выражена. Краніологическихъ измѣреній нѣтъ возможности сдѣлать.

По наружному своему виду и устройству насыпи этотъ курганъ одинаковъ съ только что описаннымъ.

Вотъ какіе результаты дала послѣдняя описываемая раскопка.

Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ данныхъ раскопки, я считаю необходимымъ познакомить читателя съ мнѣніемъ доктора медицины И. О. Зубова, принимавшаго участіе въ этой раскопкѣ и производившаго краніологическія измѣренія и осмотръ костяковъ. Онъ приходитъ къ такому выводу:

—„Данныя измѣренія череповъ устанавливаютъ длинно-

головый типъ ихъ, но на основаніи этихъ измѣреній нельзя еще исключить принадлежность этихъ череповъ къ славянской рассѣ. Среди славянскихъ череповъ курганнаго періода отъ 9 по 13 вѣкъ встрѣчаются черепа длинноголовые (Антропологія Л. Крживицкой. С.-Петербургъ, 96 г.). Монгольскій типъ исключается, какъ короткоголовый; финскій можно тоже исключить, такъ какъ наибольшій процентъ финскихъ череповъ принадлежитъ къ типу короткоголовыхъ".

Переходя къ разрѣшенію вопроса, какому народу принадлежатъ курганы или сопки, разсѣянные въ мѣстности бывшаго Бѣжецкаго Верха вообще и въ частности въ селѣ Рыбинскомъ, я долженъ бы былъ прежде всего ознакомить читателя съ тѣми предположеніями и выводами, которые установлены были предшествующими раскопками и изслѣдованіями лицъ, интересовавшихся курганнымъ періодомъ бывшаго Бѣжецкаго Верха; другими словами, мнѣ пришлось бы повторить то же самое, что мною было уже сообщено и напечатано въ трудахъ 2-го Тверского Археологическаго Областного Съѣзда, въ отдѣлѣ — „Первобытныя древности"—въ статьѣ „О раскопкѣ кургана (сопки) въ селѣ Рыбинскомъ, произведенной въ 1902 году". Избѣгая этого повторенія и предлагая интересующемуся читателю ознакомиться съ указанной статьей для болѣе правильной критической оцѣнки результатовъ описываемой раскопки, я приведу здѣсь только послѣднія заключительныя слова моего упомянутаго предыдущаго труда.

(Стр. 14-я) ... „И такъ надо думать, что не Угры (Г. Европеусъ) и не Мерь (Аспелинъ и гр. Уваровъ), а славяне новгородскіе были жителями курганнаго періода въ Бѣжецкомъ Верхѣ, за что говоритъ и мѣстный языкъ и названія рѣкъ, озеръ, деревень и т. д. и краніологическія измѣренія найденныхъ череповъ, не исключающія ихъ славянскаго происхожденія; обрядъ погребенія и курганныя находки. Выводъ этотъ не противорѣчитъ выводу почтеннаго составителя „Историко-Статистическаго описанія Тверской губерніи"—В. И. Покровскаго, подтверждающаго, что жителями курганнаго періода Тверской губерніи были смоленскіе кривичи и новгородцы, появившіеся очень рано въ предѣлахъ Тверской губерніи, что видно и изъ лѣтописи Нестора:—„....Кривичи сѣдятъ на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днѣпра".—И теперь въ Ржевскомъ уѣздѣ крестьяне, именуемые Тудовлянами, отличаются своимъ говоромъ, похожимъ на смолянъ, а въ свадебныхъ пѣсняхъ крестьянъ Бѣжецкаго Верха и теперь еще поется:

„Мы дѣвицы новгородскія
Живемъ у погоста и т. д.".

Такимъ образомъ найдено:

1. Установленъ длинноголовый (но не рѣзко) типъ че-

реповъ, исключающій монгольское или финское происхожденіе.

2. Всѣ костяки лежатъ на поверхности материка головами на западъ, а ногами на востокъ; есть случай погребенія въ сидячемъ положеніи. Въ основаніи насыпи кругъ или кольцо изъ валуновъ; высота насыпей вообще значительная.

3. Ни въ одномъ изъ разрытыхъ кургановъ не найдено характерныхъ финскихъ подвѣсокъ и другихъ финскихъ вещей, обильно встрѣчаемыхъ въ курганахъ Мери, Веси и другихъ финскихъ племенъ. При раскопкахъ, произведенныхъ г.г. Европеусомъ, Аспелиномъ и мною въ 1902 году въ селѣ Рыбинскомъ, находились въ числѣ вещей височныя кольца, пластинчатые головные вѣнчики, серьги съ филиграновыми бусами и другихъ типовъ, мѣдныя бусы, лунницы, плетеныя гривны съ пластинчатыми концами, ножи и горшки.

4. Въ ногахъ костяковъ найдены глиняные горшки и черепки изъ плохо обожженой глины, иногда черепки находились и въ головахъ костяковъ.

5. Особенность могильныхъ насыпей—зольныя прослойки, пятна и угольныя точки. Встрѣчались слѣды кострищъ.

6. Слѣдовъ гробницъ или теремовъ не встрѣчалось.

7. Мѣстныя названія озеръ, рѣкъ, горъ, пустошей, деревень, лѣсовъ и т. д.—всѣ славянскаго происхожденія.

8. Мѣстный народный говоръ характеренъ для отнесенія его къ говору новгородскихъ славянъ, такъ какъ часто буква *ц* употребляется вмѣсто буквы *ч* и наоборотъ и большинство говоритъ на букву *о*.

9. Время насыпки кургановъ по найденнымъ древнегерманскимъ монетамъ 11 вѣка и по краніологическимъ измѣреніямъ—относится къ 10 или 11 вѣкамъ.

Добытыя данныя пока не даютъ права категорически разрѣшить вопросъ о принадлежности кургановъ, но даютъ возможность отвергнуть предположеніе г. Европеуса, что эти курганы племени Югры или Угры, и предположенія г. Аспелина и гр. Уварова, считающихъ эти курганы Мерянскими.

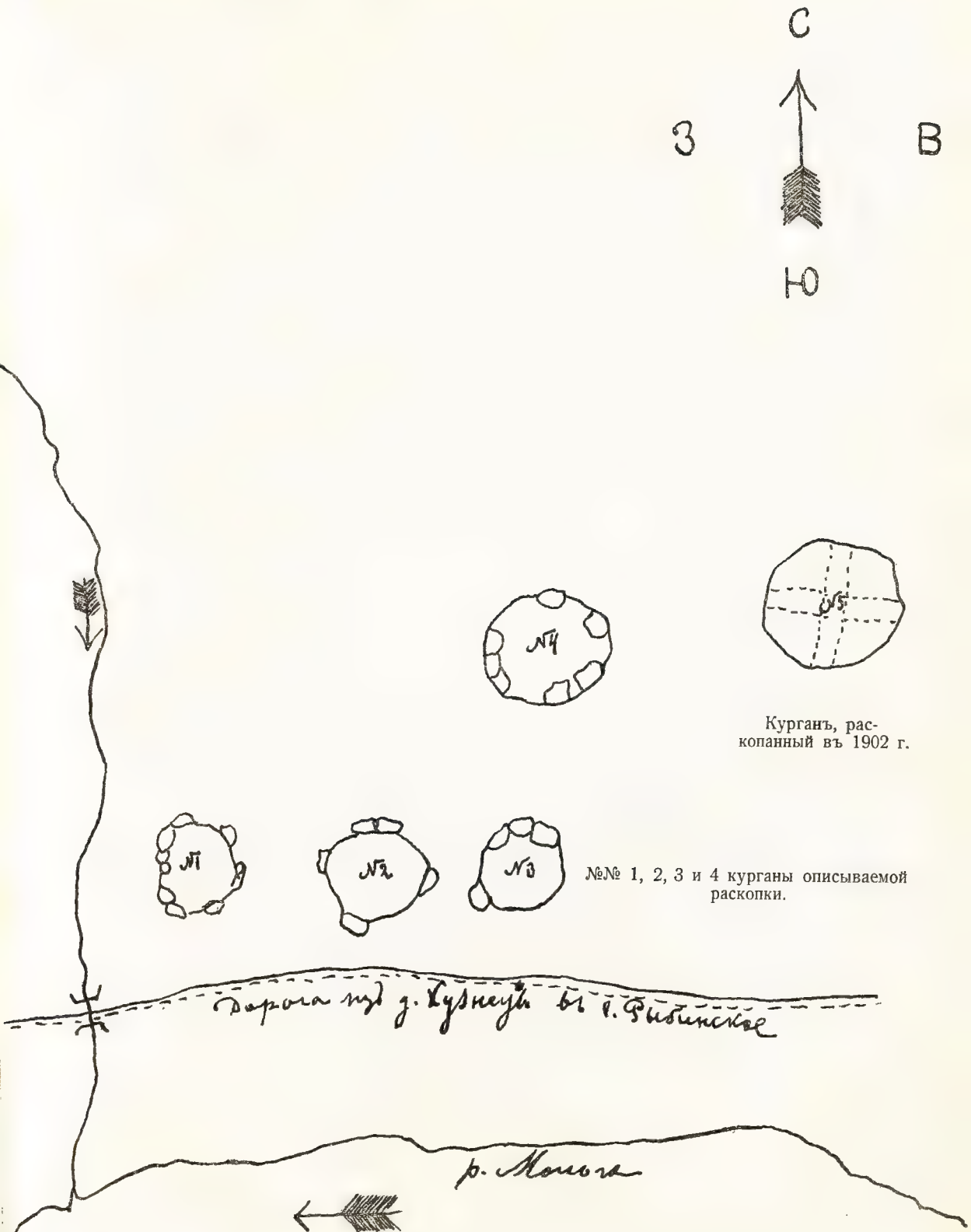
Мое предположеніе, что они есть памятники славянъ, болѣе вѣроятно.

Курганы такого типа, какъ извѣстно, встрѣчаются на С.-В. отъ г. Бѣжецка до Залужья, на С.-З. до Масловки и Ю.-З. черезъ р. Тверцу и истоковъ Волги (Залучье). Какому же собственно славянскому племени должны принадлежать эти курганы, расположенные между курганами кривичей и новгородскими?—Внимательное ознакомленіе съ приведенными данными показываетъ, что курганы эти стоятъ ближе къ новгородскимъ, хотя въ виду сходства между новгородскими и смоленскими курганами разобраться въ этомъ вопросѣ предстоитъ еще будущему, но во всякомъ случаѣ

курганы этого типа не могутъ быть отнесены къ финскимъ или мерянскимъ, такъ какъ ни одно изъ добытыхъ данныхъ не принадлежитъ къ признакамъ, отличающимъ финскіе или мерянскіе курганы. Признакъ долихоцефаліи не даетъ еще права утверждать, что найденные черепа финскіе или мерянскіе или же племени древней югры, потомки которой—современные Остяки и Вогуличи длинноголовы и въ настоящее время. Длинноголовость курганныхъ славянскихъ череповъ въ настоящее время установлена наукой. Я позволю себѣ сослаться въ подтвержденіе приведеннаго мною положенія на сочиненіе профессора І. Ранке „Человѣкъ"—въ переводѣ доктора М. Е. Ліона. Въ отдѣлѣ этого труда „длинноголовые и короткоголовые въ средней Европѣ" говорится,—„что въ могильныхъ насыпяхъ Россіи, хранящихъ, по обще принятому мнѣнію, остатки древнихъ славянскихъ переселенцевъ и называемыхъ курганами, находится 48% настоящихъ длинноголовыхъ и только 16% настоящихъ короткоголовыхъ".— Среди современныхъ славянъ Кольманъ насчитываетъ, наоборотъ, лишь 3% длинноголовыхъ и 72% короткоголовыхъ.—На одномъ славянскомъ кладбищѣ въ нижней Баваріи, относящемся къ позднѣйшему періоду великаго переселенія народовъ, длинноголовость, по словамъ доктора М. Е. Ліона, преобладаетъ.—Тоже самое доказалъ и профессоръ Вирховъ еще рѣшительнѣе для сѣверныхъ славянскихъ кладбищъ той же эпохи.

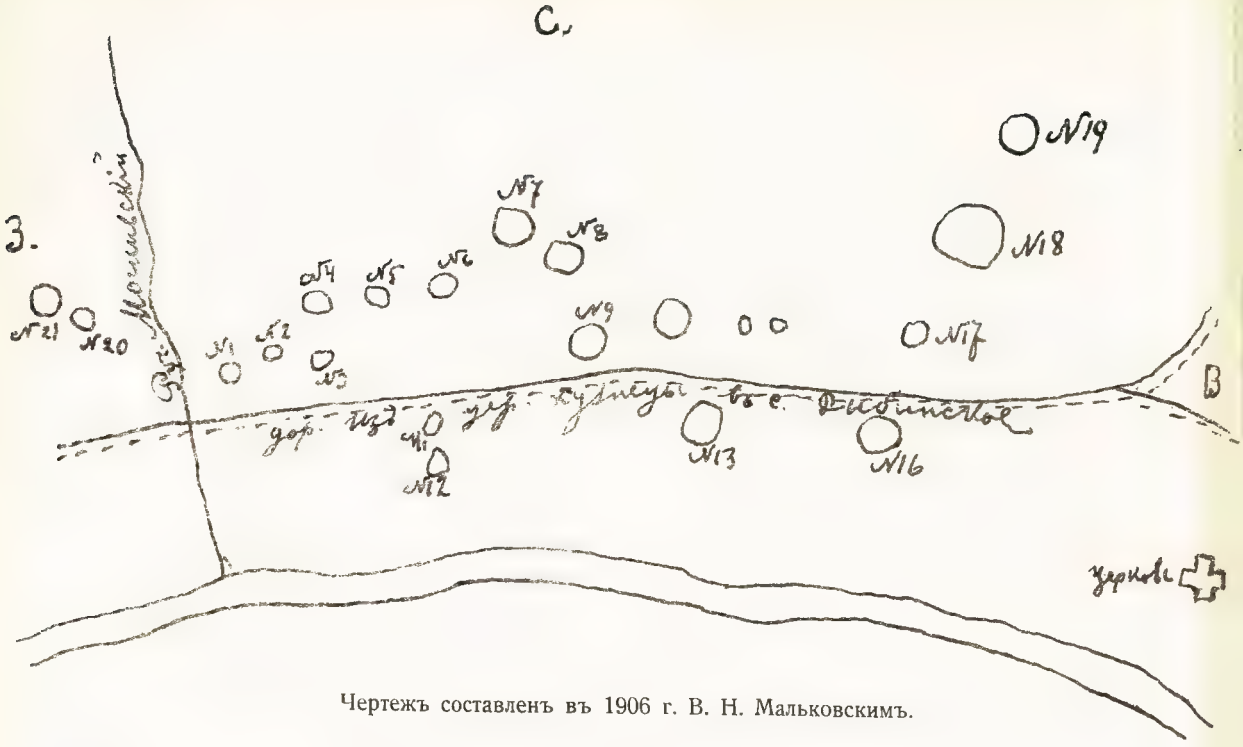
Имѣя въ виду приведенныя ссылки, я болѣе убѣждаюсь, что курганы (сопки) Бѣжецкаго Верха, расположенные въ бывшей новгородской пятинѣ, заселенной славянскими колонистами съ юга и запада, скорѣе могутъ быть отнесены къ могильнымъ насыпямъ новгородскихъ славянъ, чѣмъ къ Финскимъ, Югорскимъ или Мерянскимъ. Предположеніе это подтверждается также однимъ древнимъ памятникомъ письменности, а именно, въ уставѣ Князя Святослава Ольговича объ епископской десятинѣ въ 1137 году, читаемъ, „.... а се Бѣжецкой рядъ, въ Бѣжечехъ шесть гривенъ восемь кунъ, Городецкѣ по пять гривны, въ Езески четыре гривны, въ Змени семь гривенъ, Рыбаньскомъ гривна волжская"...

В. Н. Мальковскій.

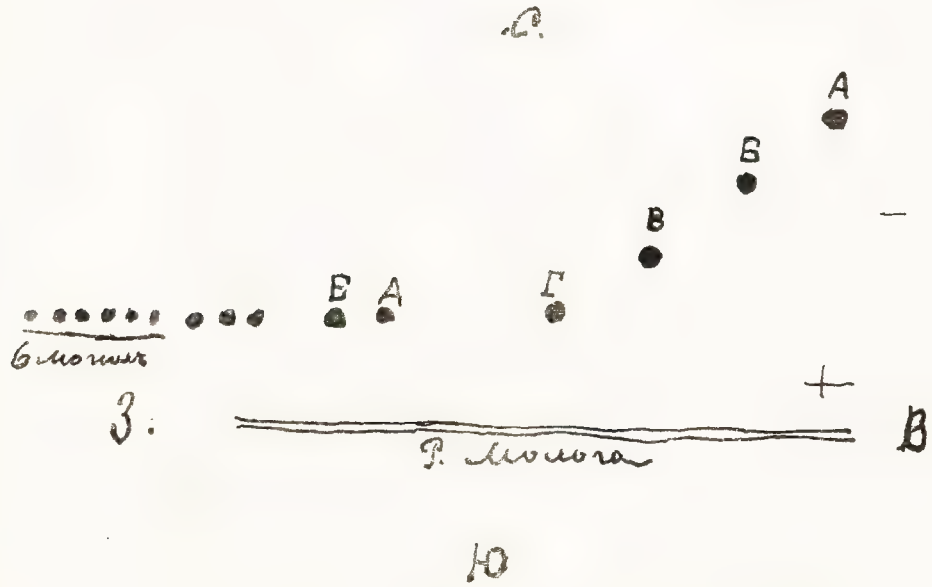


Курганъ, раскопанный въ 1902 г.

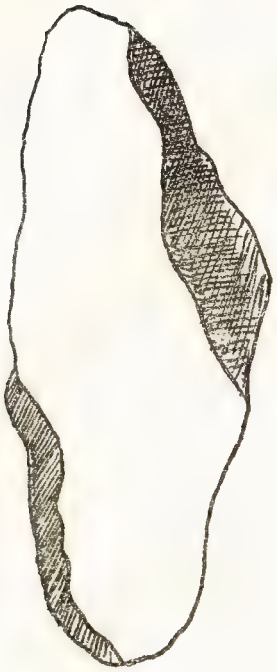
№№ 1, 2, 3 и 4 курганы описываемой раскопки.



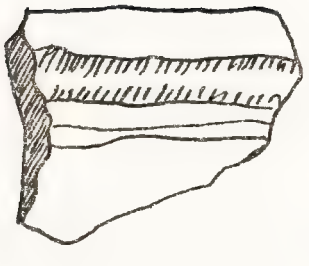
Чертежъ составленъ въ 1906 г. В. Н. Мальковскимъ.



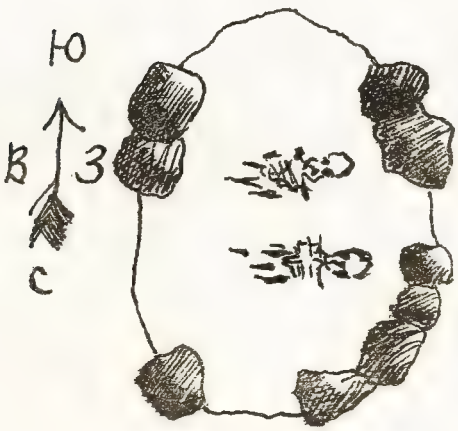
Чертежъ составленъ въ 1877 г. свящ. Митропольскимъ.

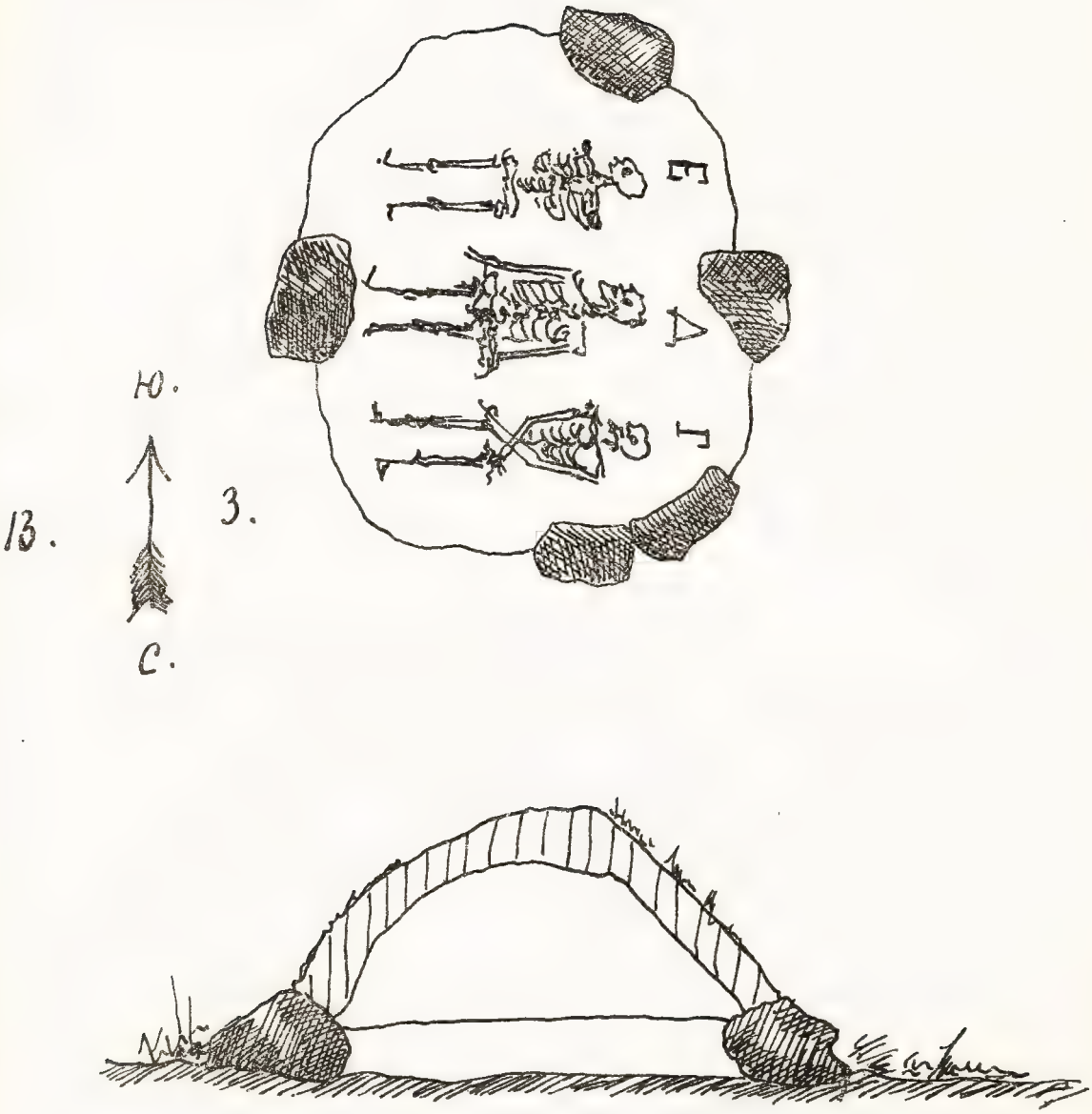


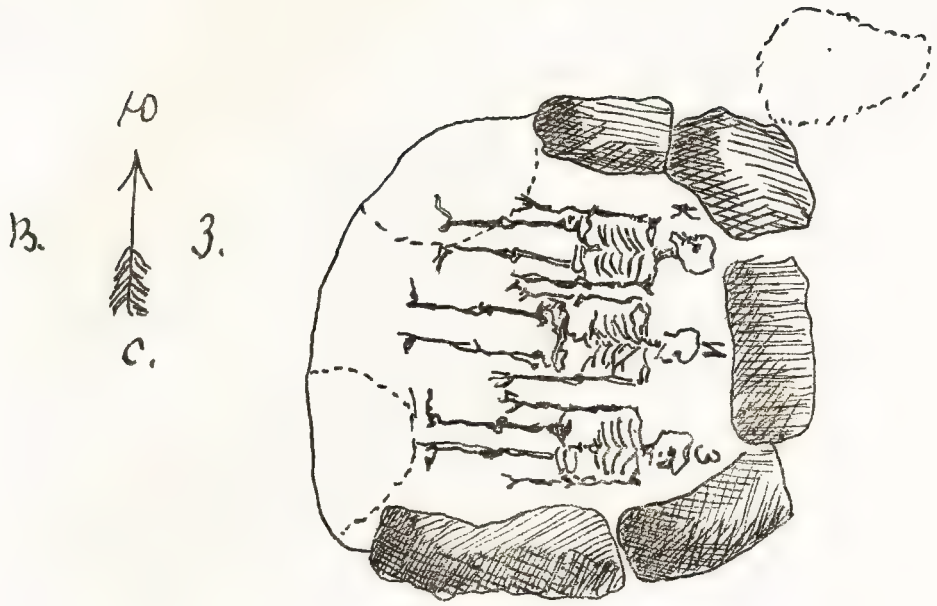
Уменьшено въ 3 раза.

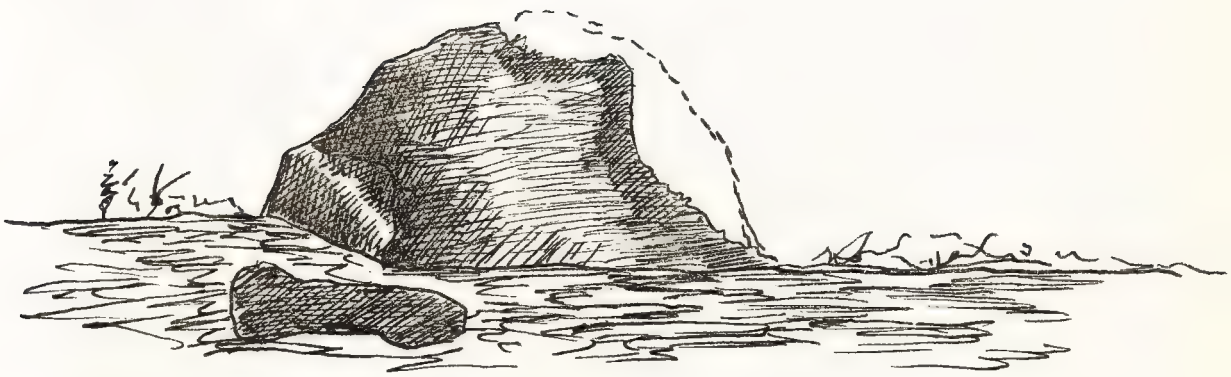


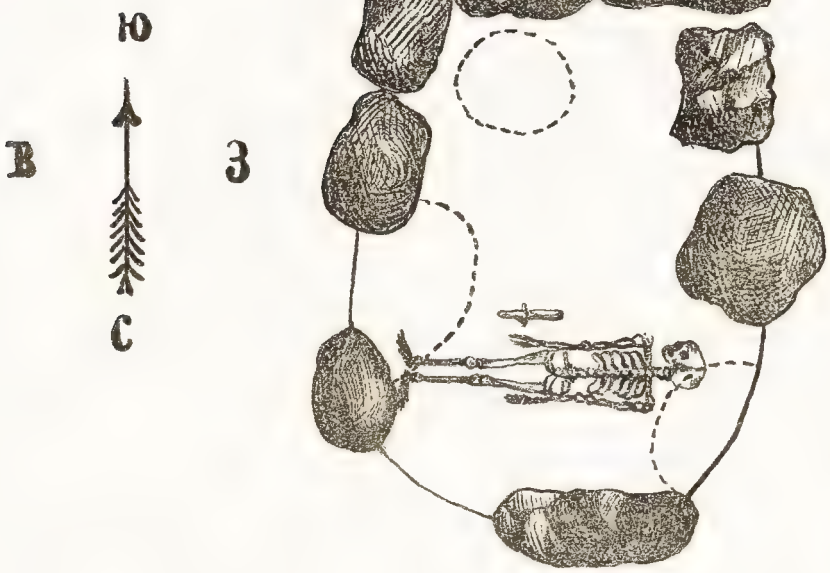
Чреепки въ натурал. величину.

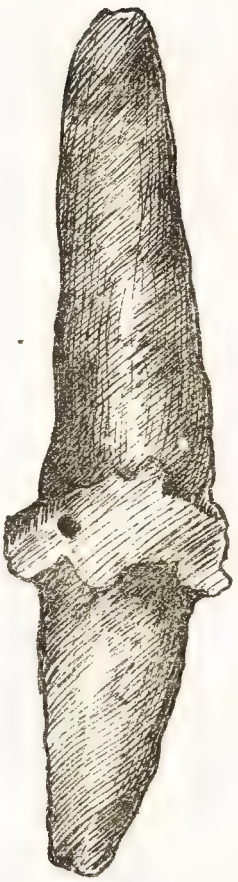



Ю.
В.
З.
С.


Ю
В.
З.
С.







Ножъ въ натурал. величину.

СТОЯНКА

каменнаго вѣка подъ гор. Зубцовымъ.

Верстахъ въ шести отъ Зубцова вверхъ по Волгѣ, именно на лѣвомъ ея берегу, въ живописной мѣстности на ледниковой террасѣ, занятой лѣсною порослью, противъ кручъ противоположнаго берега, густо поросшаго лѣсомъ, обнаружена была мною еще два года тому назадъ стоянка каменнаго вѣка. Еще тогда найденъ былъ моимъ сыномъ великолѣпный экземпляръ наконечника стрѣлы мелкой оббивки, искусно сдѣланный изъ темнаго кремня (табл. X). Въ прошлое лѣто со склона террасы были подняты мною облѣпленные глиною каменный топоръ, довольно значительныхъ размѣровъ, для рубки дерева, хорошо оббитый, и наконечникъ копья или кинжала, весьма значительныхъ размѣровъ, къ сожалѣнію, только одна верхняя половина, довольно мелкой оббивки (табл. IX); сверхъ сего попадались осколки каменныхъ орудій Маделенскаго типа.

Въ нынѣшнемъ (1906) году довольно значительный весенній разливъ Волги, послѣ коего можно было ожидать обнаруженія каменныхъ орудій, манилъ меня навѣстить поскорѣе описываемую стоянку, но исполнить это удалось лишь 4 іюня. Ожиданія мои сдѣлать новыя находки оправдались и при томъ даже блестящимъ образомъ.

На протяженіи нѣсколькихъ саженъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были прежде подняты съ земли орудія, именно на срединѣ склона террасы, найдены были мною еле примѣтные изъ-за толстыхъ слоевъ насѣвшей на нихъ глины: большихъ размѣровъ широкій топоръ для рубки дерева, средней оббивки (табл. VIII), затѣмъ необычайныхъ размѣровъ другой экземпляръ подобнаго же топора, такой же оббивки, къ сожалѣнію, не въ цѣльномъ видѣ (табл. I и II); далѣе массивное орудіе, тоже безъ толстой половины, спущенное на лезвее съ трехъ сторонъ, замѣчательное громадными размѣрами (табл. III и IV); наконецъ огромный заостренный каменный брусъ (табл. VI и VII), нѣсколько попорченный по краямъ, оббитый средними полосами, и

часть (повидимому, четвертая) громаднаго топора для рубки дерева, той же выдѣлки, но болѣе тщательной (табл. V). Подлѣ послѣдняго орудія былъ поднятъ отлично оббитый и нисколько не поврежденный топоръ—тоже для рубки дерева, сравнительно гораздо меньшихъ размѣровъ (табл. XI).

Всѣ эти орудія изъ числа тѣхъ, кои признаны всѣми археологами; сдѣланы всѣ они, кромѣ наконечника стрѣлы (табл. X), изъ свѣтлаго сѣровато-желтаго кремня съ примѣсью плотнаго кремнистаго песчаника.

Близкое нахожденіе сихъ орудій одного отъ другого, а иныхъ даже совмѣстное, показываетъ, что выдѣлывались они именно здѣсь, на этой стоянкѣ, что, быть можетъ, какое-либо обстоятельство вынудило прервать работу, оставивши на мѣстѣ орудія и выдѣланные и еще не совсѣмъ конченные отдѣлкой (табл. III, IV, VI и VII).

Обращаясь въ частности къ отдѣльнымъ изъ вышеперечисленныхъ орудій, нельзя не отмѣтить необыкновенной величины и массивности большинства изъ нихъ. Такъ № 1 (табл. I и II) длиною 180 милл., хотя значительная его часть (болѣе широкая) отломлена, шириною до 108 и толщиною до 60 милл.; № 2 (табл. III и IV) длиною по отломъ въ широкой части до 190 милл., шириною до 160, толщиною до 70 милл.; № 3 (табл. V) (часть топора) длиною 149, шириною по поломъ 105 и толщиною до 58 милл.; № 4 (табл. VI и VII) длиною по поломъ 220, шириною до 134 и толщиною до 58 милл.; № 5 (табл. VIII) имѣетъ лезвее въ 123 милл. при длинѣ въ 150 и толщинѣ до 42 милл. Наконечникъ копья № 6 (табл. IX) достигаетъ до полома въ длину 153 милл. (въ цѣльномъ же видѣ былъ бы, надо полагать, свыше 200 милл.), въ ширину до 60 и въ толщину до 29 милл. Топоръ № 8 (табл. XI) тоже не изъ малыхъ— 173 милл. въ длину, 90 въ ширину и до 36 милл. въ толщину.

Наконечникъ стрѣлы № 7 (табл. X) сдѣланъ, какъ уже было замѣчено, изъ темнаго черновато-сѣраго кремня и оббитъ до совершенства мелкими выбоинами. Онъ, очевидно, не современенъ крупнымъ орудіямъ.

Совмѣстное нахожденіе крупныхъ каменныхъ орудій на Зубцовской стоянкѣ, на коихъ, вслѣдствіе неоконченности нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно прослѣдить до нѣкоторой степени способъ ихъ выдѣлки, блистательнымъ образомъ снимаетъ упрекъ въ неважности въ научномъ отношеніи простого собиранія каменныхъ орудій съ земли [1]) безъ раскопокъ,—упрекъ, который не разъ приходилось мнѣ слышать.

---

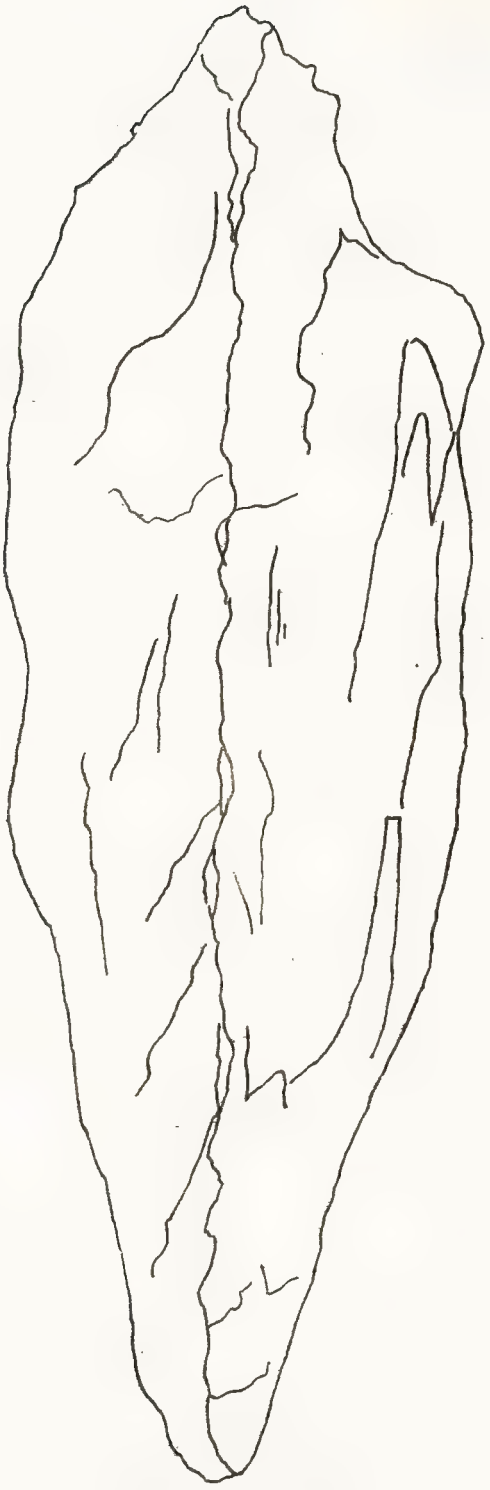
[1]) Орудія иногда попадаются прямо лежащими на землѣ, иногда только частію виднѣются изъ нея, всѣ облѣпленныя наносными отложеніями; въ послѣднемъ случаѣ они обнажаются вслѣдствіе весеннихъ разливовъ.

Въ богатомъ собраніи каменныхъ орудій, принадлежащемъ мнѣ, имѣется одно, подобное №№ 1—4 (табл. I—VII), описываемыхъ мною въ семъ докладѣ: это на табл. XIII, размѣрами въ длину по поломъ 135 милл., въ ширину до 103 и въ толщину до 60 милл. Оно изъ такого же сѣровато-желтаго кремня, какъ и орудія описываемой стоянки, точно также оно сломано въ широкой части. Оббито оно, особенно плоскій задокъ, длинными полосами въ стилѣ маделенскихъ ядрищъ, верхушка заострена, также и ребро въ видѣ лезвея. Найдено оно подъ Ржевомъ. Посѣтившій меня извѣстный геологъ Н. І. Криштафовичъ назвалъ его ядрищемъ и любовался его размѣрами. По аналогіи съ массивными орудіями стоянки подъ Зубцовомъ, мнѣ кажется, и его слѣдуетъ считать за часть массивнаго орудія, вродѣ боевого молота или кирки.

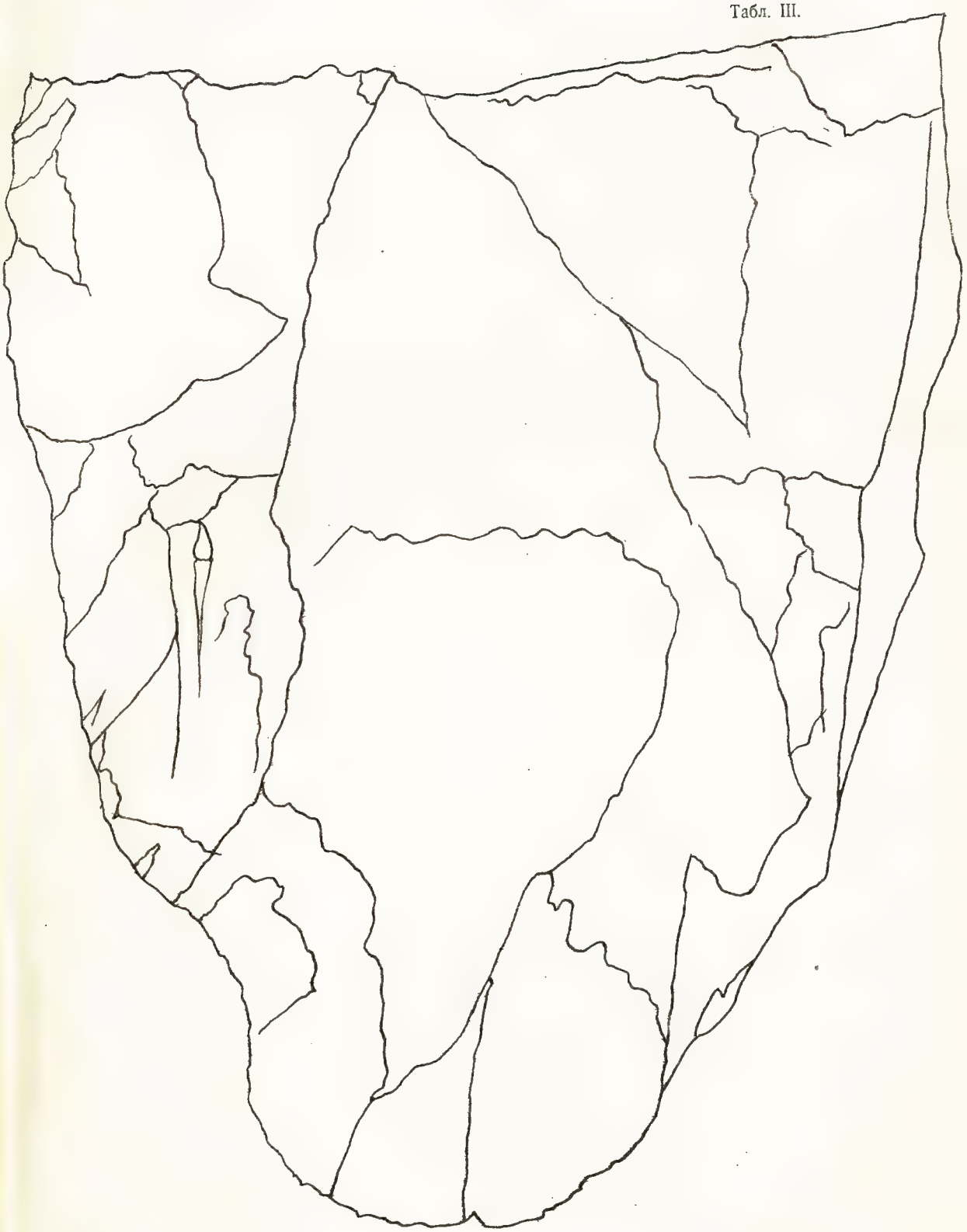
Наконецъ болѣе мелкія части подобныхъ крупныхъ орудій оббивки полосами и выбоинами изъ общепризнанныхъ типовъ хранятся въ моемъ собраніи и получаютъ, благодаря Зубцовскимъ находкамъ, извѣстный смыслъ.

П. Ѳ. Симсонъ.

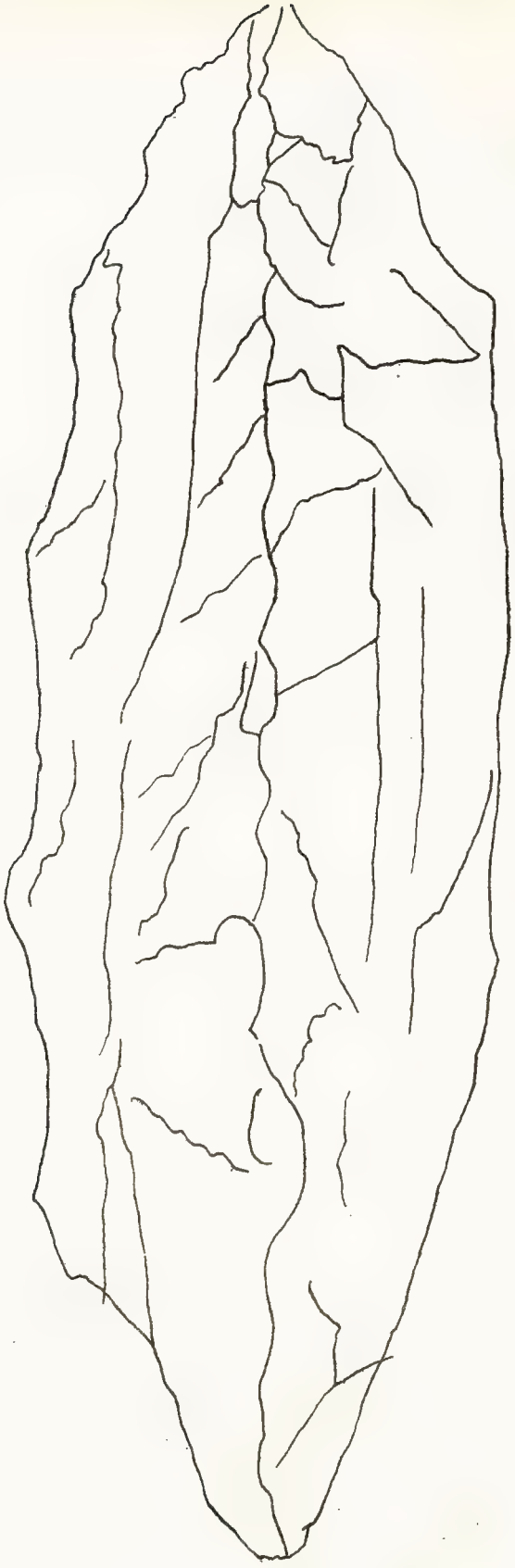
№ 1. Топоръ (въ натуральную величину).



№ 1. На ребро, остріемъ внизъ.

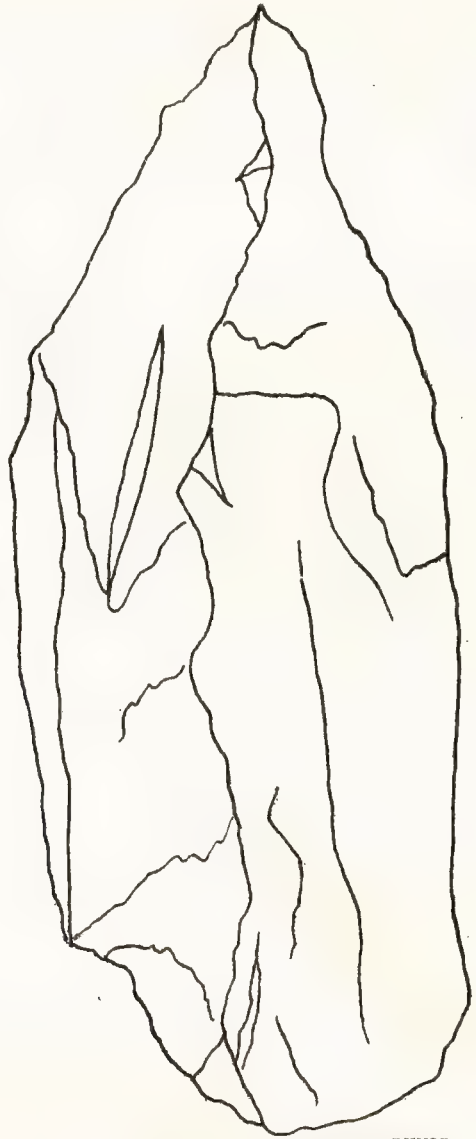


№ 2. Въ натуральную величину.

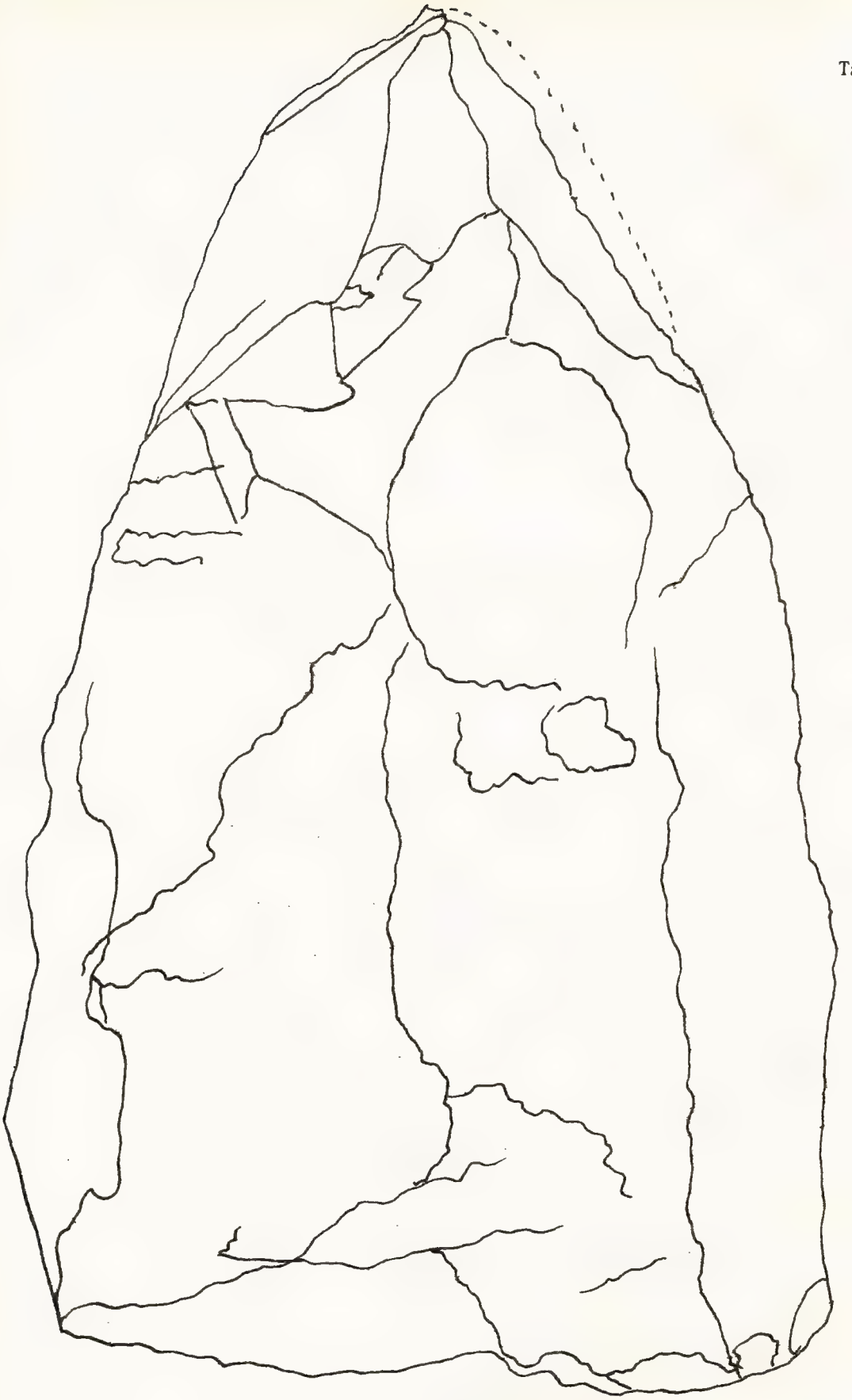


№ 2. На ребро, сверху къ острею.

№ 3. Въ натурал. величину.

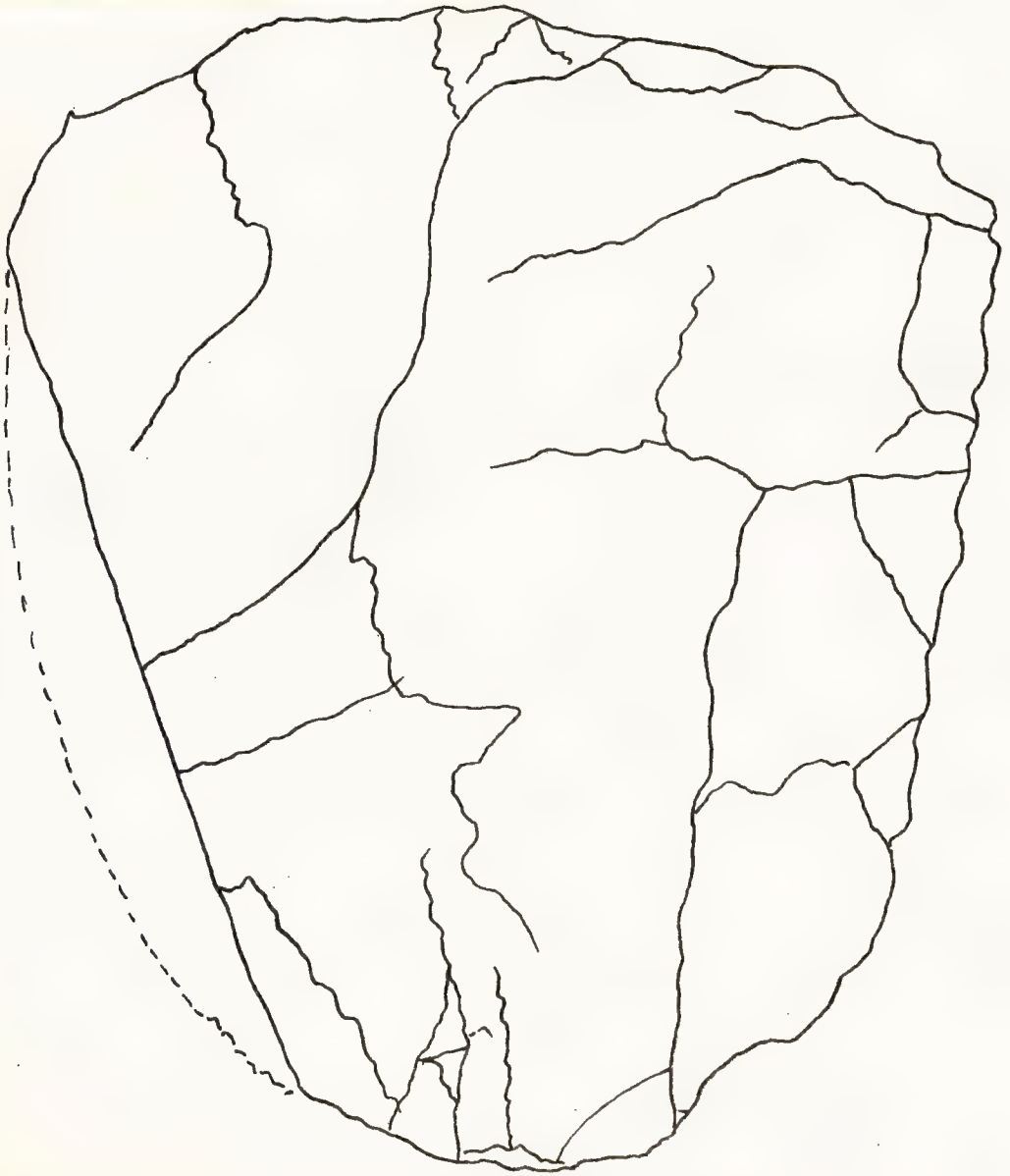


№ 3. На ребро, сверху внизъ.

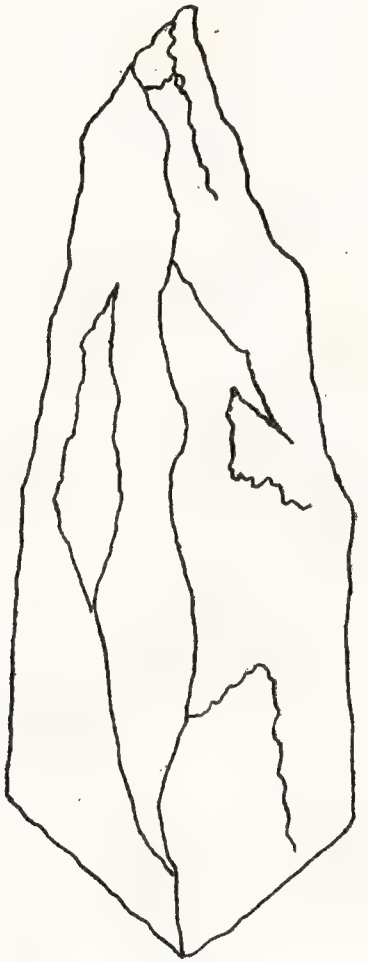


№ 4. Въ натуральную величину.

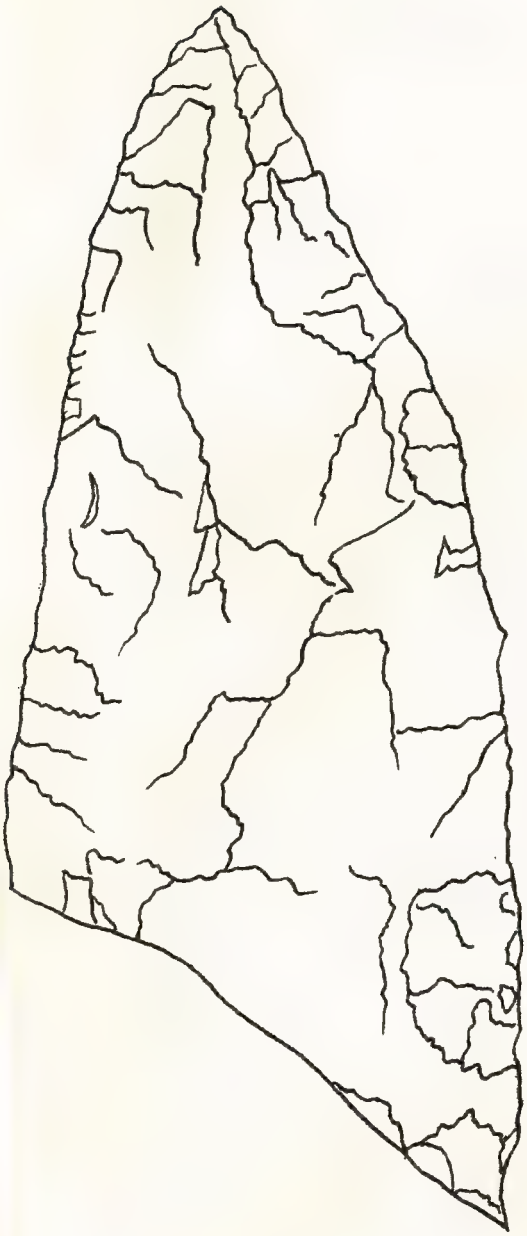
№ 4. На ребро, сверху внизъ.



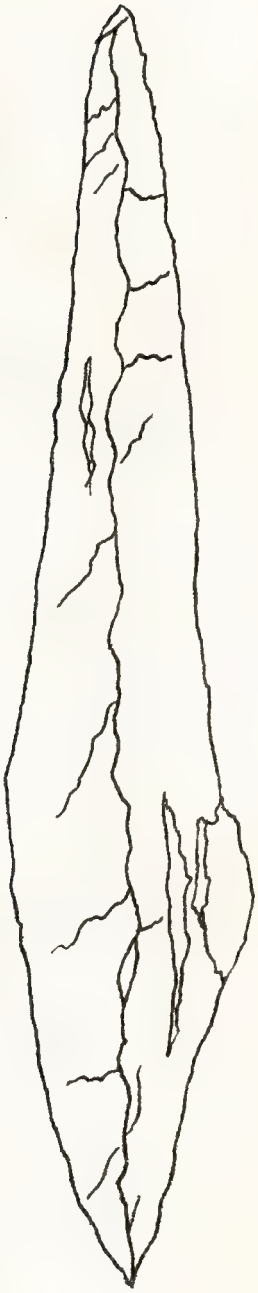
№ 5. Топоръ для рубки (въ натурал. величину).



№ 5. На лезвее, сверху внизъ.



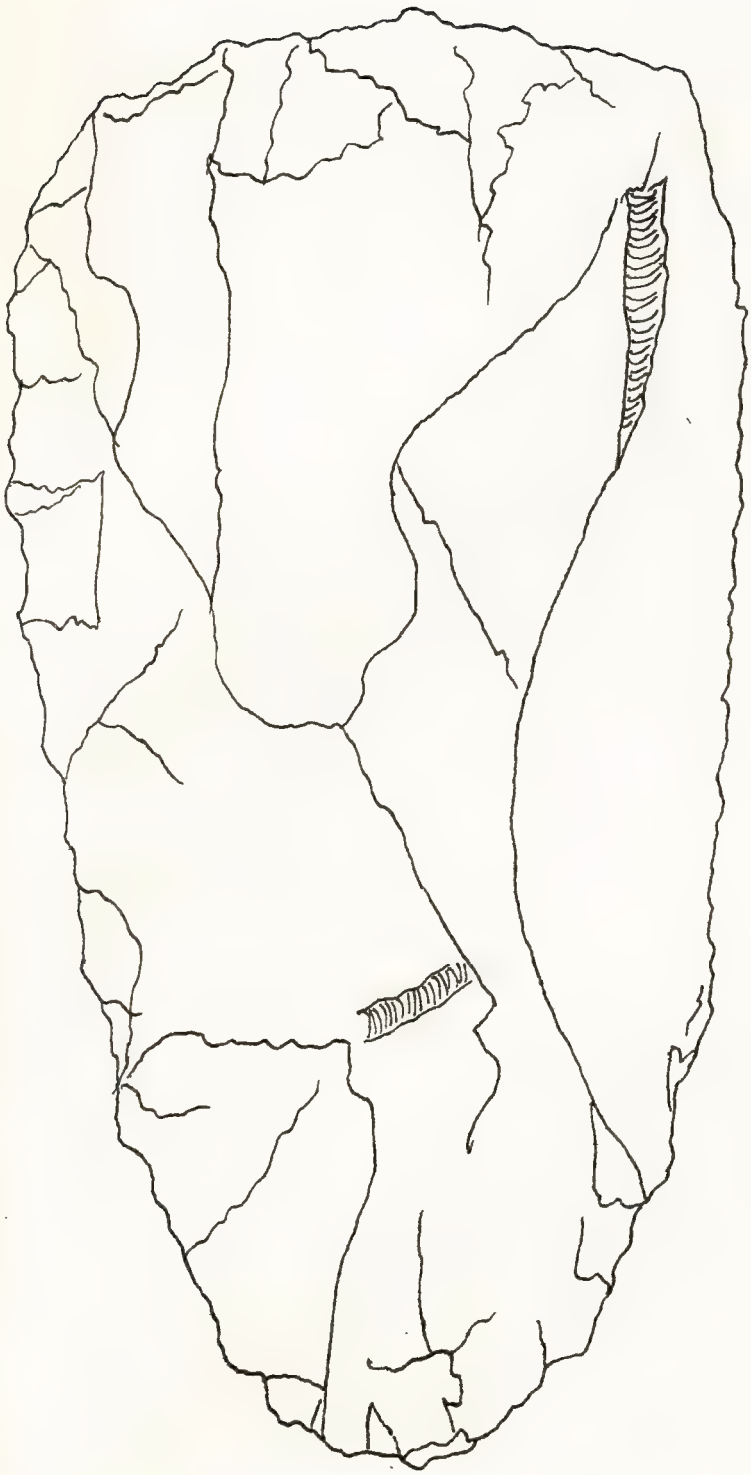
№ 6. Копье (въ натурал. величину).



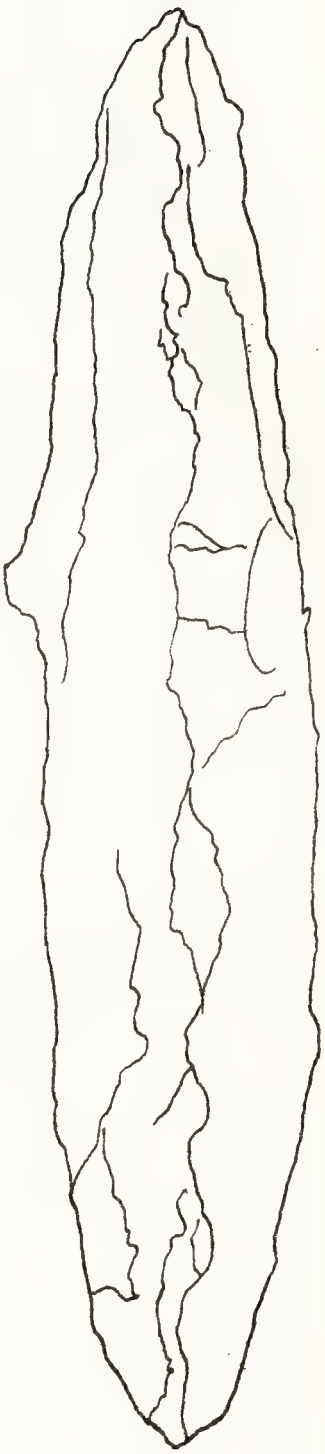
№ 6. На ребро.

№ 7. Наконечникъ стрѣлы (въ натурал. величину).

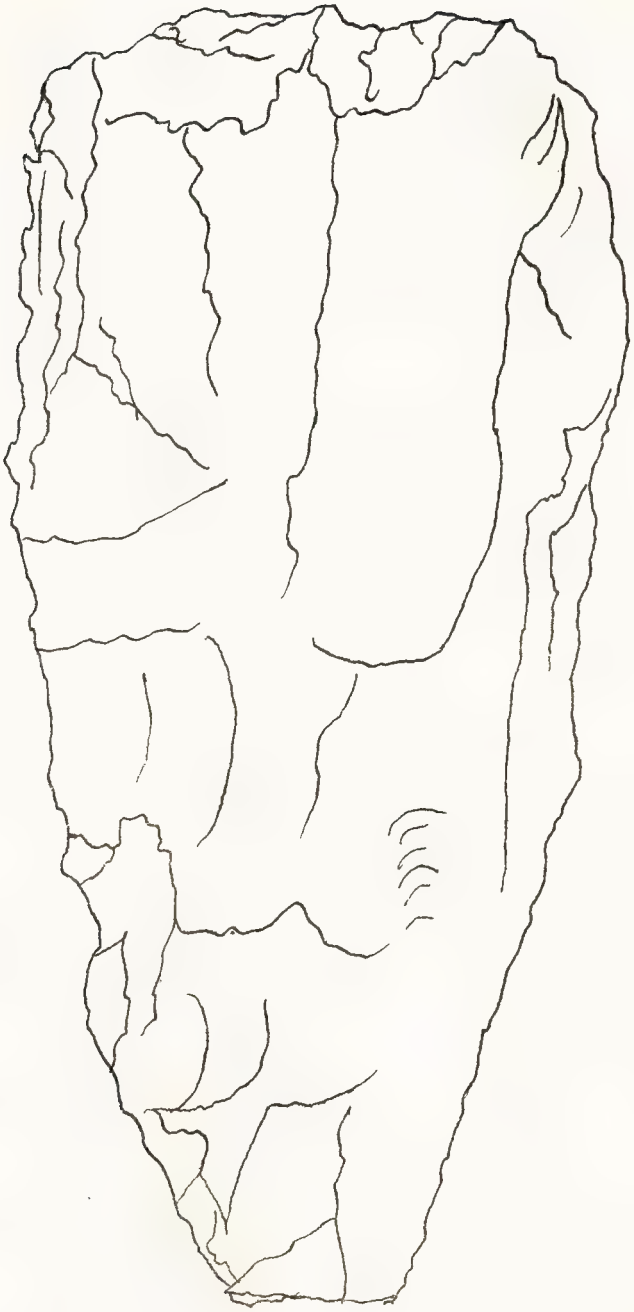
№ 7. На ребро.



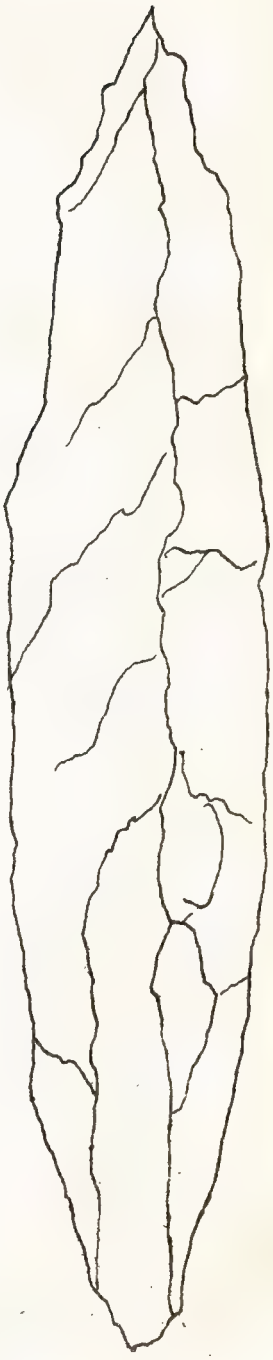
№ 8. Топоръ для рубки.



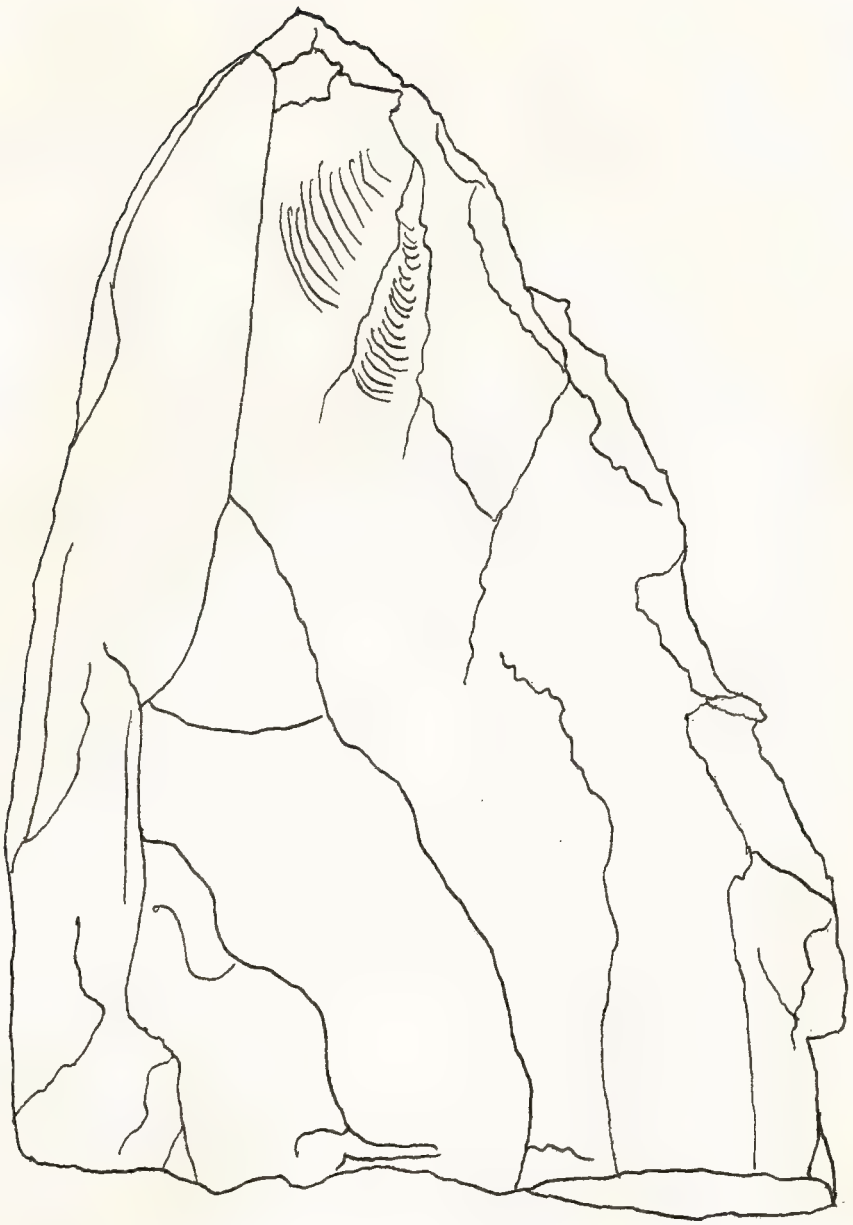
№ 8. На ребро.



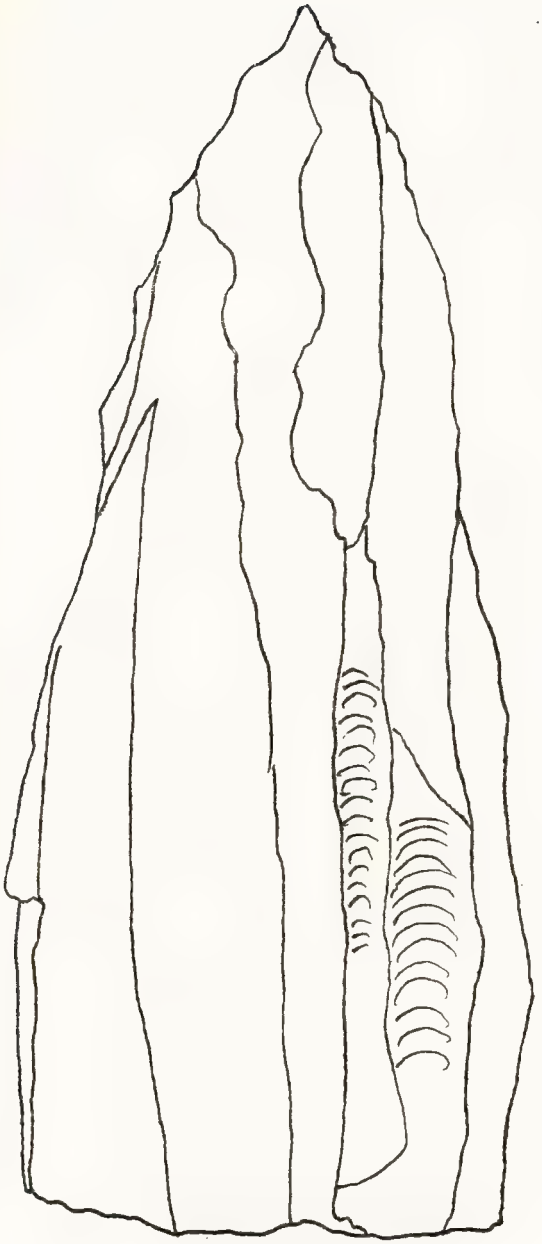
№ 9. Топоръ для рубки
(въ натурал. величину).

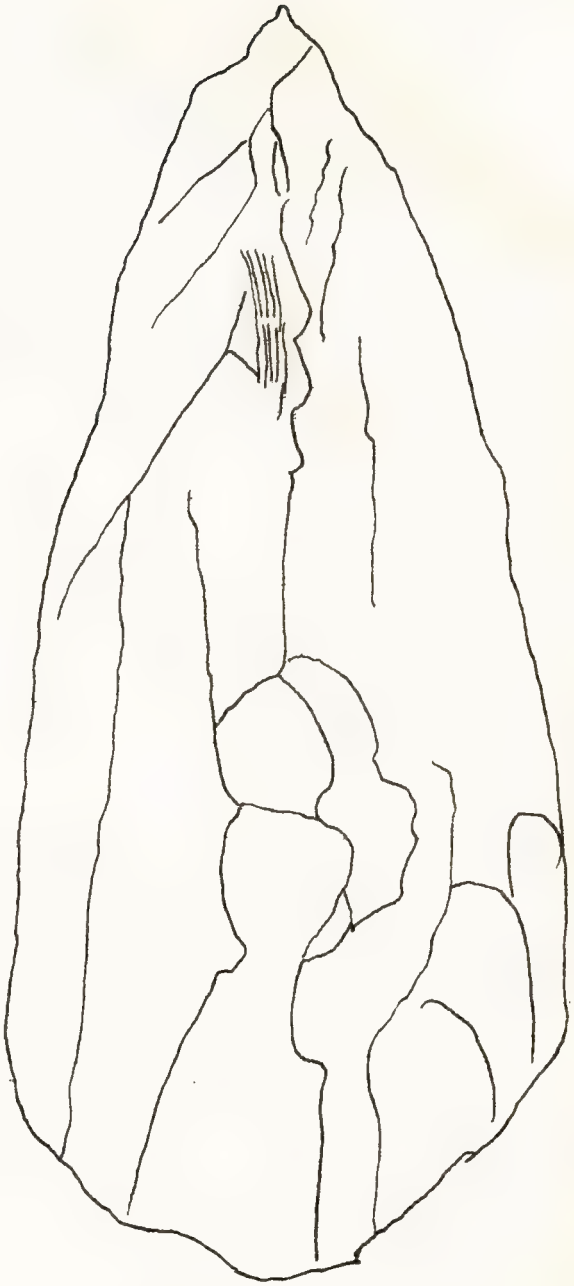


№ 9. На ребро.



№ 10. Каменное орудіе изъ-подъ Ржева.





№ 10. Каменное орудіе изъ-подъ Ржева.

Задокъ. На лезвее.

Замѣчательный каменный молотъ

съ береговъ Волги ниже гор. Ржева.

Лѣвый высокій берегъ Волги въ трехъ верстахъ ниже гор. Ржева утрачиваетъ характеръ нагорнаго подъ усадьбою Махерево [1]) (Пестово) и переходитъ въ ледниковую террасу, довольно круто спускающуюся къ рѣкѣ; подошва этой террасы отстоитъ отъ русла Волги на нѣсколько саженъ и представляетъ отлогую покатость съ каменистымъ грунтомъ. Значительная часть склона самой террасы размывается ежегодно весенними разливами, и въ культурномъ слою показываются, между прочимъ, и каменныя орудія, въ томъ числѣ и палеолитической эпохи[2]). Два года тому назадъ въ означенномъ слою мною былъ найденъ, частію вынутъ изъ глины, описываемый боевой молотъ.

Онъ относится къ орудіямъ типа орлиной головы, описаннымъ мною въ моемъ изслѣдованіи „Каменный вѣкъ подъ г. Ржевомъ“ [3]); только экземпляра подобной отличной сохранности мнѣ ни разу еще не попадалось. Экземпляръ этотъ отличается тѣмъ, что имѣетъ въ верхней части сквозное небольшое отверстіе, удобное для прикрѣпленія къ топорищу, посредствомъ жилъ. Задокъ топора снятъ почти

---

[1]) Въ извѣстномъ археологическомъ трудѣ В. А. Плетнева „Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губ.“. Тверь. 1903 г., на стр. 74, вслѣдствіе моей ошибки упомянуто Мисирево—должно же быть Махерево, упоминаемое въ семъ докладѣ.

[2]) Также хорошо оббитыя (обтесанныя) орудія изъ числа всѣми признанныхъ за таковыя.

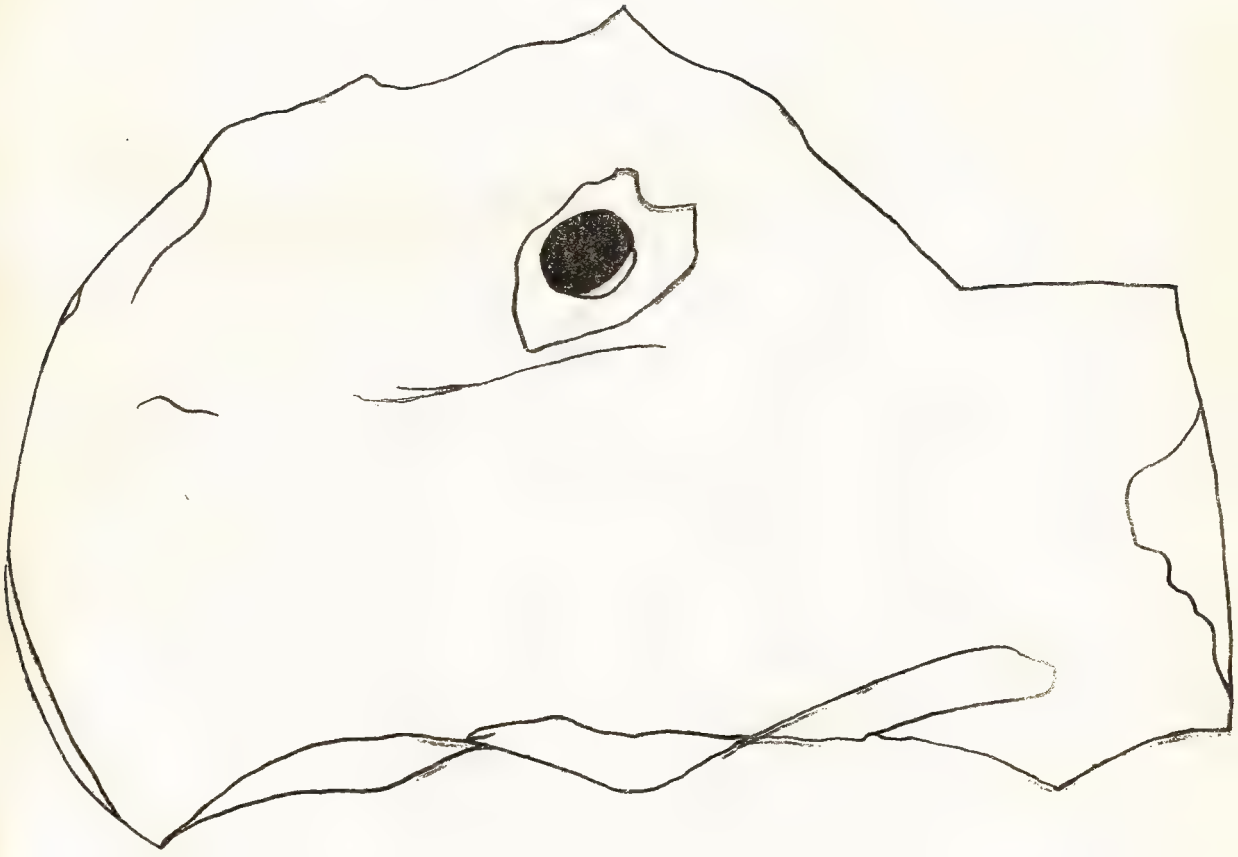
[3]) См. таб. II, №№ 1, 3; таб. V, № 7.

до половины—тоже для удобства привязыванія. Сдѣланъ молотъ изъ плотнаго кремнистаго песчаника, имѣетъ въ длину 140 милл., въ вышину до 93 и въ толщину до 67 мил.

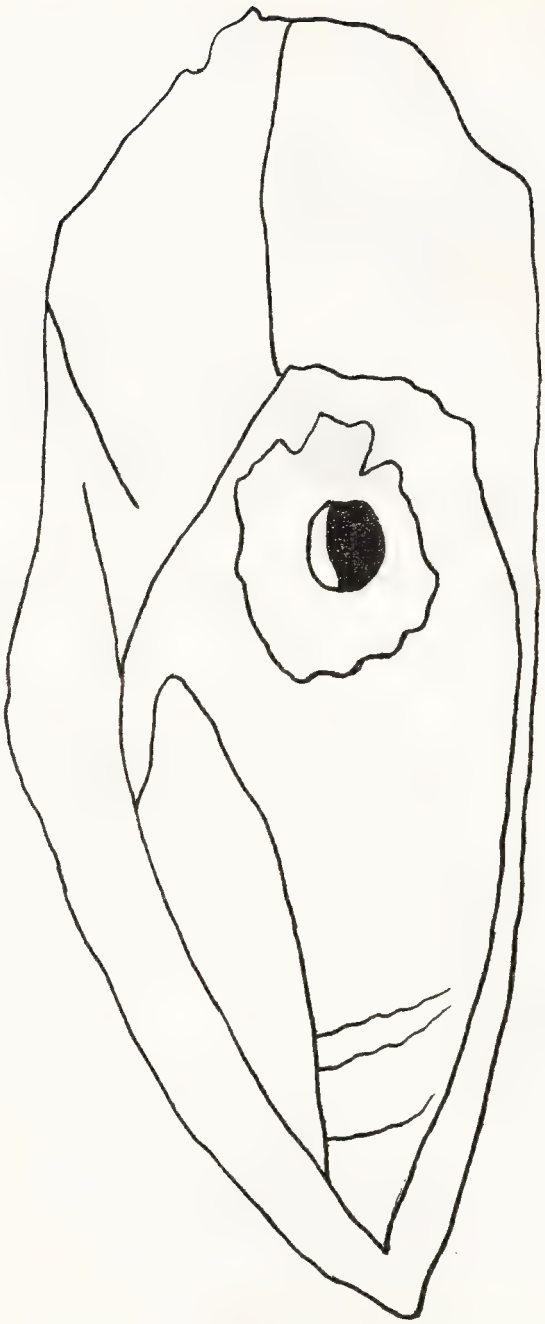
Принадлежитъ онъ, надо полагать, къ эпохѣ весьма отдаленной: мелкой оббивки на немъ не замѣтно.

Называю я подобные молоты боевыми вслѣдствіе ихъ закругленнаго лезвея, оканчивающагося внизу остреемъ: такимъ оружіемъ удобно было наносить страшные удары при нападеніи и защитѣ какъ отъ непріятеля, такъ и отъ хищныхъ звѣрей. Молоты—топоры, служившіе для рубки дерева, имѣли лезвее не закругленное, а прямое. Таковые тоже имѣются въ моемъ собраніи и найдены также подъ Ржевомъ на берегахъ Волги.

П. Ѳ. Симсонъ.



Каменный молотъ съ береговъ Волги, ниже г. Ржева.



Тотъ же молотъ сверху.

О колонизаціи въ Суздальскомъ краѣ съ точки зрѣнія археологіи.

I.

Одной изъ важныхъ заслугъ историковъ при научной обработкѣ русской исторіи было указать, на что преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователей, какіе вопросы должны быть признаны здѣсь коренными. Было время, продолжавшееся болѣе столѣтія, когда, по почину Байера, мы занимались разрѣшеніемъ вопроса о пришествіи норманновъ и о норманскомъ періодѣ русской исторіи. Теперь же пришли къ заключенію, что никакого норманскаго періода въ русской исторіи не было, и можетъ быть не было и самаго призванія норманновъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о призваніи принесъ пользу исторической наукѣ. Для русской исторіи, въ позднѣйшей фазѣ ея развитія, въ смыслѣ исторіи народа, кореннымъ вопросомъ слѣдуетъ признать другой вопросъ—о колонизаціи страны. На это указывали Соловьевъ, Кавелинъ и г. Ключевскій, и съ этимъ согласны всѣ другіе историки.—Какой же его смыслъ? Касается ли онъ всѣхъ сторонъ русской исторіи?

Главная масса русскаго народа, отступивъ передъ непосильными внѣшними опасностями съ днѣпровскаго юго-запада къ Окѣ и Верхней Волгѣ, собрала тамъ свои разбитыя силы, окрѣпла въ лѣсахъ центральной Россіи, спасла свою народность и, вооруживъ ее силой сплоченнаго государства, пришла опять на днѣпровскій юго-западъ, чтобы спасти оставшуюся тамъ слабѣйшую часть русскаго народа отъ чужеземнаго ига и чужеземнаго вліянія—вотъ общій смыслъ вопроса о колонизаціи. Вопросъ касается, дѣйствительно, всѣхъ сторонъ русской исторіи.

Русская колонизація верхняго Поволжья, т.-е. Ростово-Суздальскаго края,—предметъ настоящаго реферата, объясняетъ намъ въ частности самый важный фактъ исторіи

русскаго народа, потому что касается того, какъ образовалась самая крупная вѣтвь въ составѣ русской народности—великорусское племя, втрое превышающее малороссійскую вѣтвь и въ шесть разъ бѣлорусскую. Русская колонизація началась здѣсь давно, но болѣе значительная въ историческомъ ходѣ нашей жизни относится приблизительно къ XIII в., къ тому времени, когда населеніе съ юга стало уже въ большихъ размѣрахъ переселяться на сѣверъ. Въ Ростово-Суздальскомъ краѣ встрѣтилось оно съ финскимъ племенемъ, живыхъ остатковъ котораго теперь уже здѣсь почти нѣтъ, но память о финнахъ сохраняется еще въ тысячахъ названій городовъ, селъ, рѣкъ и урочищъ. Какъ встрѣтились эти племена — славянское и финское, — какъ одно населеніе подѣйствовало на другое?—вотъ первый вопросъ. Была ли здѣсь борьба двухъ племенъ, или только борьба двухъ религій? Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому, что если заселеніе края русскими совершалось здѣсь большею частію мирно, то попытка распространить христіанство между финскимъ племенемъ дѣйствительно вызывала не разъ столкновеніе.—Что одно племя заимствовало отъ другого и что передало другому? Какое участіе приняло финское племя въ образованіи антропологическаго типа великоросса? Проф. Зографъ предполагалъ, что славянинъ—это типъ блондина, финнъ—брюнета; первый великорослый, второй низкаго роста. Проф. Ключевскій указываетъ на нашъ носъ въ видѣ картофелины, какъ на видимый слѣдъ финскаго вліянія. И эти выводы подтверждаются-ли произведенными раскопками могилъ и кургановъ, или нѣтъ?—И въ послѣднемъ случаѣ мы признаемъ ли, вмѣстѣ съ г.г. Ивановскимъ и Рождественскимъ [1]), что такого рода выводы не имѣютъ еще пока научнаго значенія? Обрусѣла ли Чудь,—финское племя на языкѣ лѣтописей,—обогатила ли она, и на сколько, русскій лексиконъ, и не болѣе ли содѣйствовала порчѣ русскаго языка, образовавши новые русскіе говоры: владимірское и московское—*окающее и акающее*—великорусскія нарѣчія? Древняя Кіевская Русь, одни говорятъ, *окала*; откуда же явилось *аканіе?* Г. Ключевскій считаетъ его заимствованіемъ отъ финновъ, а московское аканіе—даже порчею русскаго языка. Или окающее и акающее нарѣчія указываютъ на два параллельные потока колонизаціи въ Ростовско-Суздальскомъ краѣ: одинъ, направлявшійся изъ новгородской области внизъ по Волгѣ, другой—изъ смоленской области и съ крайняго юга; первый съ окающимъ говоромъ, второй съ акающимъ? Аканіе фин-

---

[1]) Они написали въ 1894 г. возраженіе противъ изслѣдованій проф. Н. Ю. Зографа, пытавшагося антропометрическими измѣреніями установить физическіе признаки славянъ и финновъ.

ская ли примѣсь? Какіе новые народные обычаи и повѣрья хранятъ до сихъ поръ явственные слѣды финскаго вліянія? Какъ языческая мѣстная миѳологія переработывается впервые, именно въ Ростово-Суздальскомъ краѣ, въ христіанскую демонологію? Какое вліяніе финскіе туземцы оказали на составъ новаго общества въ Ростово-Суздальскомъ краѣ? Дѣйствительно-ли они дали здѣсь рѣшительный перевѣсъ сельскимъ классамъ, сравнительно съ южной Русью?—и т. п.

И можемъ ли мы дать свои отвѣты на эти вопросы, обставленные мѣстными подробностями? — Я думаю, что нѣтъ. — Самыя раннія и глубокія основы нашего государственнаго порядка также вырабатываются здѣсь, въ Ростово Суздальскомъ краѣ, и въ то время, когда государственный центръ верхняго Поволжья, по выраженію г. Ключевскаго, блуждалъ еще между Ростовомъ, Суздалемъ, Владиміромъ и Тверью, не утвердившись окончательно въ Москвѣ и не получивши, какъ было позднѣе, своего полнаго опредѣленія. Новый политическій типъ и новый государственный центръ представляются намъ впервые здѣсь, въ Ростово-Суздальскомъ краѣ, въ тѣсной связи. Патріархальная власть великаго князя превращается именно здѣсь, въ Ростово-Суздальскомъ краѣ, въ государственную. Это совершается, какъ извѣстно, при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III. И какъ мы понимаемъ характеръ ихъ дѣятельности? Отъ всей фигуры Андрея Боголюбскаго вѣетъ уже чѣмъ-то новымъ, и въ управленіи своимъ Суздальскимъ княжествомъ онъ дѣйствуетъ уже не по-старому, а по-новому, но въ самой этой новизнѣ видимъ-ли мы добро или зло? Борьба старыхъ и новыхъ городовъ помогла ли дѣйствительно, какъ говорилъ С. М. Соловьевъ, водворенію самодержавія? Была ли эта борьба, даже послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, болѣе борьбою князей-дядей съ князьями-племянниками, или преимущественно борьбою старшихъ вѣчевыхъ городовъ, какъ Ростова и Суздаля, съ пригородами младшими (Владиміромъ напр.),—или борьбою высшаго класса мѣстнаго общества съ *низинными* людьми, торговаго класса съ низшимъ населеніемъ, ростовцевъ съ „холопами—каменьщиками“ владимірцами? Что новаго встрѣчаемъ мы въ этихъ „мужикахъ залешанахъ“ и въ этомъ главномъ богатырѣ около-волжской страны,—въ самомъ Ильѣ-Муромцѣ, въ этомъ „крестьянскомъ сынѣ“ по преимуществу? Какимъ выразителемъ русскаго духа является другой великій герой Ростово-Суздальской земли, одинъ изъ величайшихъ героевъ русской исторіи—Александръ Невскій? Какъ именно здѣсь, въ Ростово-Суздальской землѣ, вырабатывается *безпечальный*, по выраженію лѣтописца, неунывающій, не увлекающійся характеръ, великорусскій типъ, съ его государственнымъ смысломъ, чувствомъ мѣры, прак-

тическимъ разсчетомъ, самообладаніемъ и т. п. качествами?

Что новаго, и своего, можемъ сказать мы и о самомъ Всеволодѣ III, по заключенію однихъ историковъ, самовластно хозяйничавшемъ и въ Новгородѣ, и въ остальной Руси?

II.

Рядъ такихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ изученіемъ исторіи Ростово-Суздальскаго края, безъ сомнѣнія, при подробномъ, спеціальномъ изученіи ихъ мѣстными архивными коммиссіями, можетъ разрѣшаться своеобразно. Какую же долю въ разрѣшеніи ихъ приметъ на себя археологія? и не слѣдуетъ ли объ этомъ предварительно условиться? Должны ли мы, археологи и историки, слѣдовать въ изученіи исторіи нашего края и всей исторіи XII и XIII вѣковъ, русской исторіи вообще, опредѣленной программѣ, заключающейся частью въ названныхъ уже вопросахъ—идти къ ихъ рѣшенію, или пока только собирать одинъ сырой матеріалъ для нихъ,—собирать всякій, случайно попадающій въ наши руки, оставляя разработку, т.-е. пониманіе его смысла, уже грядущимъ поколѣніямъ? И чѣмъ же мы должны руководствоваться, собирая одинъ сырой матеріалъ? Чѣмъ-нибудь да надо? Мы стоимъ, именно, за опредѣленную программу, а не за случай, не за то, чтобы плыть туда, куда кривая не вынесетъ. Изъ сопоставленія разрѣшенныхъ другими названныхъ уже вопросовъ съ новымъ нашимъ матеріаломъ, который мы собирали и будемъ еще собирать, съ новыми нашими или посторонними рѣшеніями, мы должны были бы, казалось, прежде всего высказаться за то или другое предложенное рѣшеніе, а не сидѣть у архивнаго моря, сложивши руки: это дѣло-де не наше. Возьмемъ, для примѣра, княженіе Всеволода III, столь близкое къ указанной нами задачѣ; какъ мы его понимаемъ?

Какъ извѣстно, всѣ историки ревностно хвалятъ Всеволода Юрьевича. Одни говорятъ, что онъ самовластно хозяйничалъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ остальной Руси, что противниковъ у него въ этомъ дѣлѣ не было. Это принято почти всѣми. Но является другое мнѣніе о Всеволодѣ III,—справедливо ли оно или нѣтъ? Говорятъ напр., что не всегда, въ продолженіи 36-ти-лѣтняго своего княженія (1176—1212) Всеволодъ III находился въ такомъ положеніи, какъ мы себѣ представляемъ, рисуя его себѣ самовластнымъ. Лѣтопись отмѣчаетъ, какъ дѣло непохвальное, владимірское самовластіе, на которое жаловалися не разъ новгородцы. Всеволодъ Юрьевичъ не былъ княземъ *всея Руси* не только въ глазахъ князей того времени, но и въ своихъ собственныхъ: онъ былъ лишь владимірскимъ княземъ. Онъ

хотѣлъ только одного—соблюсти въ цѣлости и утвердить на вѣки нерушимо унаслѣдованное имъ владимірское княженіе, а обо всей Руси онъ не заботился. Онъ утвердилъ основу грядущаго государства на сѣверѣ и закрѣпилъ средоточіе его. Добывши отъ Рязани Коломну, удвердивши владимірское княженіе Нижнимъ, а въ сторону Новгорода Тверью, Рыбьей Слободой, Мологой, Угличъ-Полемъ, онъ слилъ со стольнымъ городомъ Владиміромъ все Поволжье, всю Болгарскую страну, всѣ вологодскія мѣста. И всю эту обширную страну съ того времени стали считать за *великую Русь*. Самъ Новгородъ смирилъ свою гордыню передъ Владиміромъ и считалъ свои отдаленныя земли, на которыя заявлялъ притязанія, безвозвратно потерянными. Ни Ростовъ, ни Суздаль, со времени Всеволода, не могли уже мечтать о своемъ старинномъ первенствѣ. Во время его княженія Суздальско-Ростовскій край сложился окончательно какъ бы въ особое благоустроенное государство, гдѣ великокняжеская власть почти достигла высоты самодержавія. Кіевъ не считался болѣе столичнымъ городомъ всея Руси; одинъ Владиміръ былъ „глава всѣмъ“. Все это произошло не по какимъ-либо широкимъ замысламъ Всеволода, а вышло само собой по природнымъ и народнымъ условіямъ: *свой* народный бытъ и *свобода* здѣшней страны привели къ тому. Всеволодъ не стоялъ ничѣмъ выше своихъ современниковъ, хотя по многимъ особенностямъ своей родины былъ весьма отъ нихъ отличенъ. Онъ прилежалъ всей душой только къ своей „дѣдинѣ“ и „прадѣдинѣ“. Его вотчина была наиболѣе ограждена отъ вторженія чужеземцевъ и вставала на войну лишь въ крайней необходимости. Ей необходимъ былъ тогда такой князь, какимъ былъ Всеволодъ,—мирный и рачительный, семьянинъ и домостроительный хозяинъ. У него не было и въ мысли „поберечь кіевскаго престола, онъ не думалъ о благѣ „всей Руси“, но это былъ порокъ не его лично, а общій порокъ времени и грѣхъ цѣлыхъ поколѣній. Во времена Мономаха, въ этомъ отношеніи, Русь стояла гораздо выше. Послѣ Мономаха всюду развелись мелкіе князья, владѣльцы одинокихъ и ничтожныхъ мѣстечекъ и городовъ, а число настоящихъ князей въ древнемъ смыслѣ все убывало. Кіевъ обратился теперь въ окраину, которую каждый князь старался урвать себѣ. Всеволодъ вышелъ ни въ отца, *ни въ брата*: онъ зналъ только свое и только себя, а до остального и до другихъ—ему не было дѣла. Политика его, по отношенію къ другимъ княжествамъ, нерѣдко была двуличная, и только у себя дома, на владимірскомъ княженіи, онъ не переставалъ слыть отцомъ подданныхъ и „благосерднымъ государемъ“. За все долговременное княженіе онъ вовсе не стремился къ тому, чтобы изъ Владиміра владычествовать

надъ русскою землею, не заявлялъ даже притязаній—къ титулу: „великій князь владимірскій“ сдѣлать еще прибавку—*и всея Руси*. Но если въ его время какое-либо изъ русскихъ княжествъ и обозначало дѣйствительно *всю Русь*—это было владимірское. Старѣй его лѣтами былъ утвердившійся тогда въ Кіевѣ Святославъ Всеволодовичъ, но онъ стоялъ съ нимъ на одной родословной ступени; всѣ же остальные князья ни по годамъ, ни по своимъ правамъ, рѣшительно не подходили къ Всеволоду Юрьевичу. Онъ не признавалъ себя по титулу „великимъ княземъ владимірскимъ и *всея Руси*; тѣмъ не менѣе, всѣ къ нему относились, какъ къ „главѣ“, и владимірское княженіе въ его время обратилось въ средоточіе для всѣхъ прочихъ. Кіевскіе князья, послѣ того, какъ скончался Святославъ Всеволодовичъ, уже не значили ровно ничего. Послѣ смерти Святослава, самъ Всеволодъ относился къ Кіеву гораздо вольнѣй и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде. Самое названіе „Большое Гнѣздо“, данное Всеволоду, было не народное прозвище, а книжное. Оно было дано ему послѣ, когда, во время монгольскаго ига, всѣ русскіе князья (за исключеніемъ всеволодовыхъ потомковъ) захудали и пропали съ глазъ русской исторіи, и одно владимірское княженіе обращалось мало-по-малу въ „московское государство“. Гнѣздо Всеволода дало напослѣдокъ великихъ князей всея Руси, сдѣлавшихся царями. Отсюда идетъ слава Всеволода. Названіе „Большое Гнѣздо“ дано было князю Всеволоду не за его личныя качества, и дано не при его жизни, а при размножившихся его потомкахъ.—

Которое изъ двухъ мнѣній о Всеволодѣ III мы считаемъ болѣе вѣрнымъ? И чѣмъ мы докажемъ наше заключеніе о нихъ?—

III.

Мы нисколько не отвергаемъ пользы и необходимости прямой задачи архивныхъ коммиссій: собирать и сохранять письменные документы и всякаго рода вещественные памятники изъ далекаго прошлаго, составлять ихъ описаніе и инвентарь,—безъ этого не можетъ быть ни мѣстной исторіи, ни мѣстной археологіи,—но мы полагаемъ, что отъ той или другой программы въ такихъ работахъ и будетъ зависѣть самый отвѣтъ на вопросъ: что же хранить и что хранится интереснаго въ научномъ отношеніи въ данномъ историческомъ архивѣ, или въ данномъ историческомъ музеѣ? Археологическое, историческое и художественное значеніе предметовъ, хранящихся на полкахъ архива и музея, зависитъ отъ научнаго пониманія русской исторіи. Какое мы составили себѣ понятіе о требованіяхъ современной исто-

рической науки, касающихся нашихъ собственно спеціальныхъ работъ, таковы и должны быть наши коллекціи, удовлетворяя этимъ требованіямъ, или оставляя ихъ въ тѣни. Изучая мѣстныя подробности, освѣщая ими общія историческія задачи, накладывая тѣмъ на современные историческіе научные выводы и свое пониманіе, выработанное близкимъ нашимъ знакомствомъ съ добытыми нами новыми матеріалами, хранящимися въ архивѣ и въ музеѣ, мы расширяемъ тѣмъ кругъ своихъ воззрѣній. Другой дороги нѣтъ и не можетъ быть для нашихъ архивныхъ занятій, по нашему взгляду. Если считать наше требованіе ранновременнымъ, то только въ томъ случаѣ, когда наука русской исторіи въ настоящемъ своемъ развитіи давала бы намъ одни ложныя заключенія; но и тогда не должны-ли мы сначала опровергнуть ихъ? Задачи архивнаго дѣла и историческаго музея могутъ быть и свои собственныя, спеціальныя, но никакъ не могутъ быть поставлены въ невѣдѣніе или въ совершенное противорѣчіе съ современными историческими задачами. Археологія имѣетъ или должна имѣть тѣсную связь съ исторіей и можетъ служить только дополненіемъ къ послѣдней. Наконецъ,—съ этимъ заключеніемъ мы уже согласны,—изученіе мѣстной исторіи во всѣхъ программахъ всегда оставляло себѣ мѣсто и на всѣхъ археологическихъ съѣздахъ.

Намъ предлагали на второмъ областномъ археологическомъ съѣздѣ въ Твери тоже такую программу, отвѣчающую также современнымъ требованіямъ исторической науки. Намъ указывали на экономическія задачи, интересующія въ настоящее время многихъ нашихъ историковъ, на необходимость дать имъ мѣстную дальнѣйшую разработку въ своихъ изслѣдованіяхъ, насъ просили тогда обратить особенное вниманіе съ экономической точки зрѣнія на вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ моментъ его уничтоженія. На такого рода предложеніе былъ отвѣтъ, что нельзя навязывать со стороны каждому программу его занятій: мы-де должны быть свободны въ выборѣ ихъ,—пусть каждый дѣлаетъ то, что можетъ, предполагая какъ бы, что каждому изъ насъ уже извѣстно современное положеніе исторической науки. Въ самой программѣ, ставящей экономическіе интересы на первый планъ, по нашему убѣжденію, заключалась прежде всего ея тѣснота, ея узкость и ея односторонность. Нельзя всѣмъ заниматься однимъ указаннымъ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ съ точки зрѣнія экономики. Экономическіе интересы въ исторіи не покрываютъ еще всего содержанія русской исторіи. Путемъ изученія ихъ мы можемъ узнать, какъ строилось общество, но только механически, а другіе факторы построенія его—идейные факторы, какъ учитъ таже исторія,—гдѣ же они? Эко-

номическій порядокъ извѣстнаго времени можно признать показателемъ его умственной и нравственной жизни лишь тогда, когда понятія и интересы его стали уже регулятивами юридическихъ и матеріальныхъ его отношеній, но и въ этомъ случаѣ, въ экономикѣ заключается далеко не вся задача исторіи въ ея цѣломъ. Экономическое отношеніе въ исторіи, не составляя чего-то цѣльнаго, однороднаго, какой-то особой сферы людской жизни, односторонне и потому, что въ немъ нѣтъ мѣста высшимъ стремленіямъ человѣческаго духа, что въ немъ царятъ одни низменные интересы, скорѣе инстинкты нашей природы. Исторія народа не есть только приходо-расходная книга его. Экономика въ исторіи имѣетъ значеніе прежде всего методологическое, и съ такимъ значеніемъ ея она заслуживаетъ, разумѣется, признанія, но исторія не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ экономическихъ отношеній. Есть и другіе, болѣе важные факторы историческаго процесса.—„Я не знаю общества свободнаго отъ идей, какъ бы мало оно ни было развито“—сказалъ самъ проф. Ключевскій, защитникъ экономики въ исторіи, и сказалъ сущую правду.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется указанная нами программа. Вопросъ о колонизаціи—существенный вопросъ въ русской исторіи, охватывающій всѣ стороны ея прошедшей жизни, въ связи съ самыми важными духовными, а не одними матеріальными ея интересами.

IV.

Но въ самомъ вопросѣ о колонизаціи Ростово-Суздальской Руси, составляющемъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ русской исторіи, какъ науки, есть еще много неяснаго. И археологи могли бы въ разъясненіи темныхъ его сторонъ оказать помощь историкамъ. Древнѣйшій періодъ колонизаціи, и не въ одномъ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ, освѣщенъ мѣстными изслѣдованіями слишкомъ скудно. Не одна археологія, но и филологія должна придти здѣсь на помощь. Колонизація въ Ростово-Суздальскомъ краѣ продолжалась долго спустя послѣ того, какъ она закончилась въ Приднѣпровьѣ. Начало славянской колонизаціи въ Ростово-Суздальской области относится къ до-историческому періоду; по арабскимъ свидѣтельствамъ, она началась въ первой половинѣ IX в. Большая часть древнѣйшихъ городовъ этой области обязана своимъ происхожденіемъ, говорятъ, не народной колонизаціи, а князьямъ. Только Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль и Муромъ, а также юртъ, стоявшій у Клещина озера до появленія Переяславля принадлежали къ числу до-княжескихъ центровъ, но кто

ихъ основалъ: финны, славяне, норманны? Большая часть послѣдующихъ, по времени основанія, городовъ созданы здѣсь княжескою властью. Сюда относятся: Ярославль (1024—1054), Владиміръ Клязьменскій (до 1116), потомъ основанные Юріемъ Долгорукимъ: Кснятинъ—при впаденіи Нерли въ Волгу (1134), Юрьевъ Польскій (1152), Дмитровъ (1155) и др. Любопытно, далѣе, для исторіи колонизаціи Ростово-Суздальскаго края основаніе здѣсь Переяславля. Было три Переяславля: южный, рязанскій и залѣсскій. Что два послѣдніе получили свое названіе отъ перваго, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что и рѣчки, при которыхъ они стоятъ, были названы южнымъ именемъ Трубежа, протекающаго у Переяславля въ Кіевской Руси [1]). На ту же связь съ югомъ указываетъ и названіе рѣкъ Осетра и Прони въ Рязанской области, Почайны въ Нижнемъ, Лыбеди во Владимірѣ, и многія другія. Отсюда, однако, не слѣдуетъ выводить заключенія,—говоритъ Милюковъ,—чтобы всѣ колонисты, занявшіе центральное междурѣчье, уголъ между Волгой и Окой, пришли сюда изъ южной Руси. Между послѣдней и Ростово-Суздальскимъ краемъ лежала почти независимая до XII вѣка область вѣка вятичей, *сквозь* которую трудно было пробраться даже князьямъ; другой же путь—въ обходъ, черезъ верховья Днѣпра и Волги, какимъ обыкновенно ходили въ область междурѣчья князья и ихъ дружины,—для простыхъ переселенцевъ былъ еще менѣе удобенъ. Не только племена южной Руси, но даже и сосѣдніе вятичи не принимали, повидимому, почти никакого участія въ заселеніи пространства между Окой и Волгой. По нѣкоторымъ признакамъ, главное колонизаціонное движеніе въ эту область шло прямо съ запада, изъ Смоленской области кривичей. Былъ притокъ и новгородскихъ колонистовъ, хотя менѣе значительный. Наибольшую часть населенія, вѣроятно, продолжали составлять туземные финскіе старожилы, потерявшіе постепенно свой языкъ, нѣсколько даже сохранившіе свои обычаи и вѣрованія и еще прочнѣе удержавшіе свой антропологическій типъ.

---

[1]) Южный Переяславль, по однимъ извѣстіямъ, основанъ въ 993 г. кн. Владиміромъ и названъ по побѣдѣ Яна Усмовича надъ печерскимъ великаномъ: „понеже отрокъ русскій *переялъ* славу отъ печенѣговъ“ (Полное Собраніе лѣтописей, II, 259). Но достовѣрность этого лѣтописнаго разсказа представляется маловѣроятной, потому что Переяславъ упоминается тою же лѣтописью подъ 907 годомъ. Подъ этимъ годомъ сказано въ лѣтописи, что Олегъ послѣ побѣды надъ греками у Царьграда обязался выдавать такъ называемые „уклады“—суммы денегъ на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Леобетъ и др.; затѣмъ, подъ 945 г., въ договорѣ руссовъ съ греками, снова встрѣчается упоминаніе о Переяславлѣ. Съ 1054 г. Переяславль сталъ стольнымъ городомъ удѣльнаго княжества, отданнаго Ярославомъ I въ удѣлъ сыну своему Всеволоду Ярославичу. Переяславль Залѣсскій основанъ Юріемъ Долгорукимъ не позже 1152 г.

Такъ говоритъ о колонизаціи Ростово-Суздальскаго края г. Милюковъ [1]).

Мы не знаемъ положительно, какой дорогой шли сюда колонисты—это вѣрно. Торговля Суздальскаго княжества, однако, шла по Волгѣ и Окѣ. Со времени Юрія Долгорукаго, Суздальцы и Ростовцы, довольные тѣмъ, что не управляются болѣе посадниками, присылавшимися изъ Кіева, или Переяславля, а имѣютъ своего отдѣльнаго князя, ходили вмѣстѣ со своимъ княземъ не разъ въ Приднѣпровье, желая добыть ему волости. По какой же дорогѣ они ходили? Почему по ней не могли ходить и колонисты? Враждебныя отношенія вятичей къ нимъ могли измѣняться въ позднѣйшее время, когда уже началось Суздальское княжество. Наконецъ, не можемъ не сказать и того, что, быть можетъ, колонисты выбирали болѣе дальній путь въ обходъ, черезъ верховья Днѣпра и Волги, когда принуждала ихъ къ тому необходимость. Этотъ послѣдній путь, составляющій вѣтвь протореннаго еще до начала Руси, изъ Варягъ въ Греки, до сихъ поръ мало изслѣдованъ. Между тѣмъ на археологической картѣ, составленной ко второму областному археологическому съѣзду въ Твери г. Плетневымъ, можно видѣть, что всего болѣе кургановъ, старинныхъ заброшенныхъ кладбищъ, валовъ, рвовъ, пещеръ, и даже стоянокъ людей каменнаго вѣка, какъ разъ въ Тверскомъ краѣ находится на этомъ самомъ пути. Берега Волги, начиная съ верховьевъ ея, особенно около Осташкова, Ржева, Старицы, Твери, также берега озеръ въ нынѣшнемъ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, полны указаній на этотъ ходъ колонизаціи и на заселеніе этихъ мѣстъ уже въ самой глубокой древности.

Откуда же шли колонисты на сѣверъ? Только-ли изъ Новгорода и Смоленска? Что касается до колонизаціи Ростово-Суздальской земли, то въ княжескомъ періодѣ она шла несомнѣнно съ юга. Этого мало: мы думаемъ, что она шла *преимущественно изъ Переяславскаго княжества.*

V.

Переяславское княжество—оплечье Кіева, какъ называетъ его лѣтопись—составляло прежде часть Черниговa Сѣверскаго [2]). Потомъ въ XII в. оно обособилось и получило собственныя границы. Оно занимало притоки Днѣпра: Трубежъ, Супой, Сулу и Пселъ; сѣверная граница его шла по Сейму и Острy. Южная измѣнялась соотвѣтственно ходу

---

[1]) См. его „Очерки по исторіи русской культуры", ч. I.

[2]) Переяславль, нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ., при р.р. Альтѣ и Трубежѣ, имѣетъ 15 т. жителей. Успенская церковь въ немъ относится по времени построенія къ 1010 г.

борьбы Руси со степными варварами. Для насъ самое важное было бы не забывать, что къ этому княжеству, со временъ Ярослава Мудраго (1054) и Всеволода Ярославича, и далѣе до половины XII вѣка, тянула и черезполосная земля между Окой и Волгой и даже часть Поволжья, т. е. Суздальская земля. Она управлялась посадниками, присылаемыми изъ Кіева или же Переяславля. Съ половины XII вѣка, когда эта черезполосная земля населилась уже достаточно, она образуетъ самостоятельное Суздальское княжество. И тогда во время преобладанія надъ Кіевомъ суздальскихъ князей, послѣдніе посылали въ Переяславль своихъ сыновей и братьевъ, какъ правителей: Всеволодъ—сына Ярослава (1201), Юрій Всеволодовичъ—брата Владиміра (1213—1215), потомъ Святослава (1228). Такимъ образомъ, между Переяславскимъ княжествомъ и Суздальскимъ были всегда близкія отношенія. Сами суздальскіе князья, разумѣется, могли заботиться о колонизаціи своей страны, но и само населеніе Переяславскаго княжества могло желать своего переселенія на сѣверъ. Какія же причины могли вызвать такое желаніе? Съ 1036 г. югъ подвергается постояннымъ нападеніямъ кочевниковъ. Печенѣги были первые въ ряду ихъ, за ними слѣдуютъ кочевники тюркскаго племени—куманы, въ нашей лѣтописи называемые половцами. Югъ даже сталъ заселяться кочевниками. Напр., торки—кочевники, жившіе на пространствѣ между Дунаемъ и Днѣпромъ, послѣ 1080 г.—поселены были въ предѣлахъ Кіевскаго и Переяславскаго княжествъ и служили здѣсь для обороны границъ въ качествѣ легкаго коннаго войска. Потомки ихъ, извѣстные подъ именемъ „черныхъ клобуковъ“, ассимилировались потомъ съ русскими. Но опаснѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ кочевниковъ оказались половцы. Впервые они появились въ южно-русскихъ степяхъ въ 1054 г., а въ 1068 разбили уже соединенныя силы князей близъ мѣстечка Льто (Альта, Ольта, соотвѣтствующее нынѣ селенію Борисполю, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ.) и утвердились въ степяхъ черноморскихъ, такъ что могли постоянно тревожить русскія земли своими набѣгами. И въ теченіе всего XII в. продолжалась упорная борьба съ половцами, тяжесть которой всего болѣе приходилось выносить сосѣднимъ со степью Переяславскому и Новгородъ-Сѣверскому княжествамъ. Въ это-то время, потому, частью возобновлялись, частью строились здѣсь вновь крѣпости по Сулѣ, какъ-то: Роменъ, по р. Супоѣ—Песоченъ, Лубно, Горошинъ и Кснятинъ (Снятинъ). Послѣдній (въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ.) особенно замѣчателенъ для Тверского края: Юрій Долгорукій основываетъ тоже Кснятинъ, при впаденіи Нерли въ Волгу, въ 1134 г., слѣдовательно ранѣе, чѣмъ основана была сама Тверь (въ 1181). Была ли и ранѣе обитаема эта мѣстность на бе-

регу Волги, гдѣ основанъ Кснятинъ, на что указали находки здѣсь орудій каменнаго вѣка и обломки горшковъ, будто бы, курганнаго типа,—трудно сказать. Скорѣе 31 черепокъ отъ горшковъ, найденныхъ здѣсь, позднѣйшаго происхожденія. Вѣковая борьба съ кочевниками на югѣ и въ сосѣднихъ княжествахъ и хорошо населенный край, какимъ было Переяславское княжество, привели въ разореніе, такъ что край этотъ сталъ пустѣть; вмѣсто прежняго осѣдлаго славянскаго населенія явились жителями во многихъ мѣстахъ его половцы, и появляются половецкіе города, какъ напр. Шарукань (на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева), или полуславянскія общины, какъ напр. „бродники"—прототипъ воровского казачества, только по имени христіане. Наконецъ, послѣднимъ кочевымъ народомъ, надолго остановившимъ ростъ и культурное развитіе Переяславкаго княжества, какъ извѣстно, были татары. Послѣ разоренія города Переяславля и окрестностей въ 1239 г. Батыемъ, самое имя Переяславля не упоминается уже до XVII в. Принимая во вниманіе все сказанное и особенно тотъ фактъ, что Ростово-Суздальскій край принадлежалъ и въ отдаленной древности Переяславскому княжеству, мы рѣшаемся утверждать, что *изъ этого послѣдняго княжества, а не изъ какого другого, по преимуществу шла колонизація сюда, на Съверъ.*

Тверское княжество, образовавшееся, какъ самостоятельное отъ Ростово-Суздальскаго, не ранѣе XIII столѣтія, имѣло также города, основаніе которыхъ, какъ мы показали на примѣрѣ, положено Суздальскими князьями, и по названіямъ городовъ указывающее прямо на связь съ южнымъ Переяславскимъ княжествомъ. Кромѣ Скнятина былъ еще здѣсь Бѣлгородъ, о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ тоже ранѣе основанія Твери. Годъ выдѣленія Твери въ особый удѣлъ съ точностью еще не извѣстенъ, но оно совершилось, какъ говоритъ В. И. Покровскій, не раньше 1241 и не позже 1243 года. Колонизація Тверского края со стороны Суздальскихъ князей началась именно тогда, когда послѣдніе, стараясь объ усиленіи своей власти, вступаютъ въ упорную и продолжительную войну съ Великимъ Новгородомъ.

Кснятинъ (Снѣтинъ), въ Переяславскомъ княжествѣ, чѣмъ же оставилъ по себѣ такую память въ сознаніи Юрія Долгорукаго, что тотъ его именемъ назвалъ основанный имъ въ 1134 г. городъ при впаденіи Нерли въ Волгу?

Почему имя этого города дано было вновь основанному городу Юріемъ? На это даетъ намъ отвѣтъ духовная Владиміра Мономаха, отца Юрія. Вотъ замѣчательное для насъ мѣсто въ этой духовной: „И Бонякъ приде со всѣми половцы ко Кснятину, идохомъ на ня и съ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ и князи и

изъимахомъ лѣпшии". Юрій помнилъ, несомнѣнно, разсказъ своего отца о счастливой битвѣ послѣдняго при Кснятинѣ съ половцами. Не въ первый же разъ узналъ Юрій о побѣдѣ надъ Бонякомъ, только изъ духовнаго завѣщанія своего отца? Онъ зналъ также, что въ Переяславскомъ княжествѣ Кснятинъ слылъ въ его время за городъ крѣпкій, защищавшій собою всю густо населенную долину р. Удая отъ нападенія кочевниковъ. Вотъ такой-то крѣпкій городъ и желалъ Юрій видѣть у себя на р. Волгѣ, оберегая свой край отъ Новгородцевъ. По описанію В. И. Колосова, производившаго раскопки городища Кснятина, бывшаго города при Юріѣ, оно имѣетъ форму элиптической насыпи и напоминаетъ Мухино городище.—Къ послѣднему, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого основанія его примѣнять: наше городище Скнятина по формѣ прямо напоминаетъ Переяславское (нынѣ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ.), какъ оно описано Ласкоронскимъ (въ его Исторіи Переяславской земли, изд. въ Кіевѣ 1897 г.). Но тамъ, въ описаніи г. Ласкоронскимъ городища въ Переяславскомъ Скнятинѣ, упоминается еще названіе *Жабокрики*, сохранившееся въ народѣ за слѣдами рва, оставшагося отъ городища. Нѣтъ ли этого названія у насъ въ народѣ? В. И. Колосовъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Между тѣмъ, отъ нашего Скнятина уѣздный городъ Калязинъ отстоитъ на разстояніи лишь 15 верстъ, а въ Калязинѣ именно протекаетъ р. *Жабня*. Не находите-ли сходства между этими двумя названіями и къ какому заключенію можетъ оно привести? Всѣ эти вопросы оставляются пока нами безъ отвѣта.

Бѣлгородъ, при впаденіи р. Хотчи въ Волгу, на правомъ берегу послѣдней, нынѣ село, въ 40 верстахъ отъ Калязина, основанъ тоже въ Тверскомъ краѣ Ю. Долгорукимъ, и тоже противъ нападеній новгородцевъ, которымъ принадлежалъ тогда весь лѣвый берегъ Волги, начиная отъ Твери до р. Медвѣдицы. Рѣка же Медвѣдица впадаетъ въ Волгу немного ниже Бѣлгорода. О Бѣлгородѣ упоминается позднѣе въ духовномъ завѣщаніи Тверского князя Михаила Александровича. Дмитрій Донской во время войны съ этимъ княземъ взялъ его приступомъ въ 1375 году. При Грозномъ Бѣлгородъ былъ причисленъ къ опричинѣ и назывался Бѣлгородъ въ Кашинѣ. Вотъ чѣмъ извѣстенъ Бѣлгородъ въ Тверской исторіи. На югѣ Бѣлгородъ находится нынѣ на р. Донцѣ, въ Курской губ., а во времена Юрія Долгорукаго находился въ Переяславскомъ княжествѣ. Чѣмъ же былъ особенно памятенъ этому князю Бѣлгородъ, такъ что именемъ Бѣлгорода онъ назвалъ основанный имъ городъ?—Тѣмъ же, чѣмъ памятенъ и для насъ, чѣмъ прославилъ его лѣтописецъ, разсказавши о знаменитой осадѣ его печенѣгами.

И сколько другихъ мѣстъ въ предѣлахъ Тверского

края своими названіями напоминаютъ еще и теперь бывшія мѣста въ южномъ Переяславскомъ княжествѣ! Но мы не можемъ пока прослѣдить ихъ исторію, ихъ взаимную связь по происхожденію,—все это пока вовсе не изучено. Село Черевки, на берегу Супоя (въ бывшемъ Переяславскомъ княжествѣ), напр., названіемъ своимъ напоминаетъ нашу деревню Черевково, находящуюся въ семи верстахъ отъ города Старицы; притокъ р. Супоя—Ржавица—городъ Ржевъ, Зубовка въ нынѣшнемъ Миргородскомъ уѣздѣ—нашъ Зубцовъ. И это имѣетъ значеніе, потому что и Зубцовъ, вмѣстѣ съ Кснятинымъ, Кашиномъ и Тверью, когда-то принадлежалъ Суздальскому княжеству, да и самый Ржевъ отошелъ къ Смоленску гораздо позднѣе. Объ основаніи Зубцова что мы, напр., знаемъ? Въ одной рукописи позднѣйшаго происхожденія говорится, что его основали три брата: Зубецъ, Обрякъ и Ветрапъ, а по призваніи на Русь Рюрика, Синеуса и Трувора ими былъ поставленъ начальникомъ Зубцова какой-то Лыръ! Чѣмъ лучше это нашей догадки, что Зубцовъ нашъ имѣетъ связь съ южнымъ названіемъ Зубовки? Что мы знаемъ также объ основаніи Ржева, положенномъ, безъ сомнѣнія, еще въ періодъ Суздальскаго княжества? О Ржевѣ упоминается уже въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича. Это позднѣйшая дата, а для болѣе ранняго времени пока мы никакой еще не нашли [1])... Такого рода разысканія со стороны мѣстныхъ архивныхъ коммиссій, можетъ быть,—вы будете согласны,—помогутъ историку разобраться въ вопросѣ о колонизаціи Ростово-Суздальскаго края. Предварительно слѣдовало-бы собрать въ одно цѣлое, что уже сдѣлано для исторіи колонизаціи мѣстными изслѣдователями, а потомъ можно будетъ видѣть, чѣмъ слѣдуетъ заняться и далѣе. Вопросъ пока остается не разобраннымъ.

Н. Н. Овсянниковъ.

---

[1]) Въ Тверской губерніи, въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, есть р. Иловица и по преданію былъ городъ Иловль. („Объ остаткахъ древностей", В. А. Плетнева, Тверь, 1903, стр. 347). На ней разрыто, около д. Дворищи, Ащелиномъ, Воронцовымъ и Д. Силичемъ 18 кургановъ. Кромѣ р. Иловицы, тамъ же мы находимъ еще озеро Илово, р. Илову и село Илово. Близъ этой мѣстности, въ 1885 г., найдены древнія могилы съ христіанскимъ погребеніемъ и въ одной изъ нихъ якорь, который нынѣ сохраняется въ Тверскомъ музеѣ.—Не заимствованы-ли всѣ названія этихъ рѣчекъ, озера, села—съ юга, изъ Переяславскаго княжества, при переселеніи съ этихъ южныхъ мѣстъ первыхъ тверскихъ насельниковъ—колонистовъ? Въ Переяславскомъ княжествѣ, въ верхнемъ теченіи р.р. Псела и Ворсклы (въ нынѣшней Харьковской губерніи), дѣйствительно находимъ лѣсъ, теперь дровяной, а прежде съ корабельными деревьями, который носитъ названіе *Иловскіе боярки*. Случайное ли будетъ то созвучіе, какъ скажутъ одни, или такое, которое подкрѣпляетъ фактически наше предположеніе о колонизаціи Тверского края выходцами именно изъ Переяславскаго княжества?—Пусть рѣшатъ другіе.

О древней владимірской лѣтописи.

(Наблюденія и замѣтки).

I.

Извѣстно, какъ съ легкой руки кіевскихъ лѣтописцевъ широко распространилось у насъ лѣтописаніе: это мменно, книжные кіевляне XI и XII вѣковъ дали ему высокій тонъ-показали его манеру, образцы исполненія. И такъ какъ начальная кіевская лѣтопись, по своей точкѣ зрѣнія и по содержанію, есть общерусская, ибо касается не одного Кіева а также Новгорода и всѣхъ областей тогдашней Руси, на сколько онѣ были извѣстны въ стольномъ Кіевѣ, то по сему легко было воспользоваться ею въ любой области для того, чтобы на основѣ ея завести свою мѣстную лѣтопись: стоило начать дѣлать приписки къ старой кіевской лѣтописи новыхъ, мѣстныхъ извѣстій, и эти приписки въ скоромъ времени срастались болѣе или менѣе органически съ кіевскимъ сводомъ. Такъ, въ частности, было въ стольномъ городѣ Андрея Юрьевича Боголюбскаго, во Владимірѣ на Клязьмѣ: здѣсь, со второй половины XII вѣка, повелась своя лѣтопись, въ непосредственной связи съ кіевскою, какъ бы въ видѣ продолженія ея, о мѣстныхъ владимірскихъ и общерусскихъ событіяхъ, съ точки зрѣнія владимірской.

Въ дальнѣйшее время лѣтопись становилась дѣломъ болѣе сложнымъ Въ обѣихъ половинахъ русскаго міра,—въ Московскомъ государствѣ и въ Западнорусскомъ литовскомъ—она непрерывно продолжается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, естественно идущихъ рядомъ, рука объ руку: съ одной стороны, по слѣдамъ событій, современниками ихъ ведутся свѣжія записи извѣстій, или лѣтописи въ собственномъ смыслѣ, въ ихъ первоначальномъ, простѣйшемъ видѣ; съ другой стороны, эти свѣжія записи тогда же вносятся въ своды и сборники, на пополненіе ихъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастаютъ объемомъ, числомъ эти своды и сборники, различные по подбору извѣстій, по расположенію ихъ; рядомъ съ объемистыми сводами и сборниками появляются и сокращенныя изложенія, выборки. При этомъ вольно и невольно въ первичномъ текстѣ лѣтописей допускаются перемѣны, болѣе или менѣе значительныя: распространенія, дополненія, вставки, либо же, наоборотъ, пропуски, сокращенія, примѣнительно къ плану и задачѣ редактора лѣтописей, или просто по его усмотрѣнію и вкусу. Древнія кіевскія лѣтописи кажутся уже отдаленною стариной, въ которой не все понятно и не все интересно сѣверному лѣтописателю, почему онъ многое сокращаетъ изъ того, что такъ охотно, такъ живо описывали кіевляне, волынцы, галичане XII—XIII вѣковъ. (Имѣю въ виду Ипатьевскій сводъ, съ очевидными въ немъ сокращеніями стараго текста южно-русской лѣтописи, удерживающей впрочемъ и послѣ сихъ сокращеній свой отличительный характеръ). И языкъ древнихъ кіевскихъ лѣтописей не вполнѣ уже понятенъ людямъ московскаго времени, по крайней мѣрѣ что касается отдѣльныхъ выраженій и словъ, замѣняемыхъ иногда несоотвѣтственными новыми. Ошибки въ лѣтосчисленіи, происходившія частію по недосмотру, частію по неискусному переводу одного счета годовъ на другой, могли бы, конечно, скоро быть поправлены, при помощи пасхаліи, но не всѣ лѣтописцы пользовались ею, и потому ошибки въ разстановкѣ годовъ оставались иногда за нѣсколько лѣтъ къ ряду непоправленными. Накоплялись, хотя отчасти и поправлялись скоро, разныя ошибки въ текстѣ отъ небрежнаго переписыванія, которое можно замѣтить иногда по самому почерку рукописи, слишкомъ торопливому; въ самомъ дѣлѣ, не одни только духовныя лица, въ родѣ идеально добросовѣстнаго „Пимена“, да дѣловитые дьяки и подъячіе занимались, по порученію власти, лѣтописаніемъ; рядомъ съ ними, конечно, существовали простые ремесленники—писцы, которые наскоро выполняли данный имъ заказъ, копируя неаккуратно одинъ списокъ съ другаго, быть можетъ столько же неисправнаго. (Разумѣю въ особенности списки частной редакціи, неоффиціальной). Таковъ вкратцѣ примѣрно былъ процессъ лѣтописанія; не всегда онъ былъ тщательно выдержаннымъ. Повторяю: легко было дѣлать приписки новыхъ извѣстій къ готовому лѣтописному своду, гораздо труднѣе становилось выполнить какъ слѣдуетъ редакторскую работу надъ большимъ сводомъ, или надъ сборникомъ лѣтописей за нѣсколько столѣтій, гдѣ требовалось выдержать намѣченный планъ, дать полное изложеніе матеріала, выбраннаго изъ разныхъ источниковъ, старыхъ и новыхъ, при этомъ не выходить изъ спокойнаго тона лѣтописателя, пишущаго

только одно „дѣло“, факты, не вдаваться въ тонъ моралиста и публициста, ни въ чемъ не измѣнять смысла старыхъ лѣтописей, ничѣмъ существеннымъ не жертвовать для внѣшней стройности, или для прикрасъ рѣчи. (Напомнимъ здѣсь, что московскому лѣтописцу XV вѣка древній кіевлянинъ Сильвестръ выдубицкій, „не украшая пишущій“, представлялся образцомъ, достойнымъ подражанія, и едва ли ужъ достижимымъ: Русск. лѣтопись по Никонову сп. V, 28). Ясное дѣло, что далеко не всякъ списатель могъ быть вмѣстѣ и редакторомъ лѣтописнаго большого труда: для этого требовалось извѣстное умѣнье, авторская тщательность, вкусъ и добросовѣстность въ отношеніи старыхъ текстовъ; между тѣмъ рѣдкій переписчикъ у насъ оставался въ простой роли точнаго передатчика текста, а не хотѣлъ бы дѣлать прибавокъ къ нему и убавокъ; мы не имѣемъ, кажется, ни одного списка дословно сходнаго съ другимъ спискомъ той же лѣтописи,—ясное доказательство, что переписчики не были строги и точны въ передачѣ лѣтописныхъ текстовъ. Иное дѣло редакторы сводовъ и сборниковъ: лучшіе изъ нихъ относились, конечно, болѣе строго и съ большимъ вкусомъ къ старымъ лѣтописямъ, и успѣвали положить иногда очень прочный отпечатокъ на редактируемые труды: тотъ фактъ весьма замѣчателенъ, что основные типичные своды и сборники лѣтописные, отъ XIV вѣка по XVII, кіевскіе, новгородскіе и псковскіе, типы Лаврентьевскаго разряда и Ипатьевскаго, софійскіе, воскресенскіе, никоновскіе, такъ и сохраняютъ свой типъ, т.-е. свой планъ изложенія, свой составъ извѣстій, по которымъ сразу можно узнать ихъ, отличить одинъ отъ другаго. Слѣдовательно, далеко не все сглаживалось въ старыхъ текстахъ послѣдующими списателями лѣтописей и редакторами; много извѣстій и характерныхъ сужденій современниковъ оставались въ ихъ первоначальномъ видѣ. Вообще редакціонныя измѣненія не простирались до передѣлки, слишкомъ произвольной, или до того, что называется искаженіемъ: вѣдь, ошибки, домыслы, свободный пересказъ, сокращенія и распространенія списателей не суть все таки намѣренное, тенденціозное искаженіе текста. И никакъ нельзя забывать того важнаго обстоятельства, что уже съ древнихъ временъ лѣтопись была публичнымъ, земскимъ дѣломъ, что въ кіевское и въ московское время она велась обычно по распоряженію власти, духовной и свѣтской, съ вѣдома ея и подъ ея надзоромъ; она велась, какъ дѣловая книга для справокъ и доказательствъ на будущее время; публичность, оффиціальность лѣтописи—до извѣстной степени порука за ея достовѣрность и правдивость, насколько возможна правдивость писателямъ, говорящимъ про дѣла земскія, государственныя, вслухъ своихъ современниковъ: въ общихъ

чертахъ лѣтопись несомнѣнно есть достовѣрный, даже правдивый памятникъ прошлаго, по намѣреніямъ тѣхъ, кто ее велъ и редактировалъ.

Для исторіи наши старинныя лѣтописи—необходимый источникъ, обильный количествомъ извѣстій, въ большинствѣ надежныхъ, доброкачественныхъ; не даромъ посему лучшія у насъ лѣтописи, въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, тщательно приводились въ извѣстность, изучались сами въ себѣ, по правиламъ строгой критики, и хотя медленно, но все таки приготовлялись къ печатному изданію: все лучшее, существенное содержаніе ихъ уже вошло въ исторію. Но остается еще не мало дѣла надъ лѣтописями. Требуется еще болѣе тщательное, детальное изученіе со стороны содержанія и состава не только главныхъ, типическихъ сводовъ, но и другихъ не столь опредѣленнаго типа и второстепеннаго наченія сводовъ и сборниковъ; нужны повторительныя изданія лучшихъ лѣтописныхъ сводовъ XIV и XV вѣковъ, съ критическимъ аппаратомъ, съ исчерпывающими историко-археологическими указателями; въ лѣтописяхъ не все дослѣдовано изъ того, что относится до внутренняго частнаго быта древней Россіи, до языка, литературы: вѣдь лѣтописи, помимо дѣловаго ихъ содержанія, хотѣли быть еще сборниками назидательнаго чтенія, и потому включали въ себя не мало литературныхъ статей.

Въ наше время отечественными лѣтописями много занятъ академикъ А. А. Шахматовъ. Онъ—достойный продолжатель дѣла прежнихъ славныхъ академиковъ: Строева, Погодина, Срезневскаго, Сухомлинова, Бестужева-Рюмина и иныхъ многихъ уже изслѣдователей, въ свое время посильно потрудившихся надъ разысканіемъ, объясненіемъ, изданіемъ лѣтописей. Академикъ Шахматовъ—выдающійся работникъ. Съ неослабнымъ вниманіемъ, съ терпѣніемъ, можно сказать, удивительнымъ, онъ изслѣдуетъ лѣтописи, печатныя и въ рукописяхъ, со стороны ихъ происхожденія и состава; ищетъ прототиповъ и источники сводовъ; устанавливаетъ границы ихъ и постепенныя наслоенія внутри каждаго большого свода, вообще желаетъ уяснить по возможности весь сполна внутренній процессъ древняго русскаго лѣтописанія. Тонкій анализъ и широкій синтезъ поочередно примѣняются имъ къ изученію этого длиннаго, вѣковаго процесса, иногда запутаннаго; изслѣдователю о многомъ приходится догадываться, предполагать, какъ о необходимомъ, а потомъ доказывать, уяснять это необходимое; ставя себѣ крупныя задачи, г. Шахматовъ смѣло берется за дѣло, не отступаетъ передъ трудностями, а ведетъ иногда очень сложныя доказательства, длиннымъ путемъ подходитъ къ рѣшенію или уясненію задачъ. Конечно, не всѣ выводы у него точные, вполнѣ убѣдительно дока-

занные; не разъ и самъ онъ оговаривается, что даетъ пока предположительные или примѣрные выводы; но и предположенія такого свѣдущаго, добросовѣстнаго изслѣдователя, каковъ г. академикъ Шахматовъ, имѣютъ большую цѣну. Русская историческая наука можетъ ждать впереди отъ академика Шахматова новыхъ, еще болѣе отчетливыхъ, для всѣхъ сполна убѣдительныхъ изслѣдованій.

Одно изъ новыхъ его изслѣдованій посвящено древней лѣтописи владимірской. Въ 1902 г. Обществомъ любителей древней письменности было сдѣлано великолѣпное изданіе Радзивиловской, иначе Кенигсбергской лѣтописи, русскаго лицеваго сборника конца XV вѣка; въ сборникѣ содержится начальная кіевская лѣтопись, съ припиской игумена Сильвестра, какъ и въ Лаврентьевскомъ кодексѣ, затѣмъ продолженіе ея за XII вѣкъ и мѣстная лѣтопись владимірская за вторую половину XII вѣка и до 1206 года включительно; въ концѣ двѣ небольшія литературныя статьи. Весь кодексъ изданъ свѣтопечатнымъ механическимъ способомъ со всѣми рисунками, со всѣми приписками старыми и новыми лѣтописнаго и иного рода. Одновременно съ изданіемъ памятника рядомъ отпечатано изслѣдованіе о немъ г. академика Шахматова, съ прибавленіемъ замѣтки г. академика Кондакова о миньятюрахъ кодекса. Позволю себѣ передать здѣсь вкратцѣ главные выводы перваго академика о владимірской лѣтописи вообще, о Радзивиловскомъ сводѣ въ частности; я долженъ въ своихъ наблюденіяхъ и замѣткахъ отправиться отъ его замѣчательнаго труда; я многое узналъ и многому научился впервые изъ этого труда; мнѣ лучше будетъ сообщить выводы ученаго академика подлинными его словами, или въ близкомъ пересказѣ.

„Лѣтопись Владиміра Суздальскаго – говоритъ онъ, началась во времена Андрея Боголюбскаго. Она велась, повидимому, при церкви св. Богородицы Золотоверхой, заложенной въ 1158 г. Первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году; въ основаніе его положена кіевская лѣтопись въ редакціи, доходившей какъ кажется до 1175 года“, съ прибавленіемъ разныхъ записей суздальскихъ и владимірскихъ; другая редакція владимірскаго свода составлена около 1192 года, съ цѣлію дополнить и исправить первый, что составитель и дѣлалъ въ качествѣ современника—владимірца, да пользуясь еще лѣтописью Переяславля южнаго, иначе русскаго. „Третій владимірскій сводъ, о которомъ мы можемъ говорить, доходилъ предположительно до 1216 года, т.-е. года Липецкой битвы, иначе Юрьевой рати 21 апрѣля того года; повидимому, въ томъ же году составлена лѣтопись Переяславля суздальскаго“, на основаніи владимірской и иныхъ лѣтописей, съ дополненіями и редакціонными пере-

мѣнами составителя, мѣстнаго переяславскаго жителя [1]). Около того же времени и въ Ростовѣ явилась попытка составить свою мѣстную лѣтопись: „составленіе ея,—соображаетъ г. Шахматовъ, повидимому, было возложено“ на мѣстнаго епископа Кирилла, который въ 1216 году, изъ чернецовъ суздальскаго монастыря св. Димитрія, сталъ ростовскимъ епископомъ, и управлялъ епархіей до 1227—28 г., когда по болѣзни оставилъ свою должность, и ушелъ обратно въ Суздаль, въ Димитріевскій монастырь; эта ростовская лѣтопись повелась на основѣ перваго владимірскаго свода, а не втораго, болѣе новаго, на что г. Шахматовъ указываетъ свою причину. (Смотр. въ изслѣдованіи его стр. 95). „Въ началѣ XIV столѣтія митрополитъ Петръ задумалъ составить общерусскій лѣтописный сводъ, куда были бы внесены событія всея русскія митрополіи“. Было рѣшено довести сводъ до 1305 года, когда скончался предшественникъ Петра на владимірской каѳедрѣ, Максимъ, первый титуловавшій себя митрополитомъ „всея Руси“, и единственный жившій и скончавшійся, и похороненный во Владимірѣ митрополитъ; лѣтописи владимірскія и Переяславля суздальскаго были въ числѣ главныхъ источниковъ для задуманнаго свода; съ своей стороны редакторъ внесъ нѣкоторыя дополненія и поправки, не всегда однако удачныя, по наблюденіямъ г. Шахматова, иногда совсѣмъ даже неправильныя: „несомнѣнно ему принадлежитъ ошибочное упоминаніе въ трехъ мѣстахъ, будто пять главъ Владимірскаго собора сооружены Андреемъ Боголюбскимъ [2]); на самомъ дѣлѣ Андрей построилъ храмъ съ однимъ лишь верхомъ, а остальные четыре приставлены Всеволодомъ въ 1194 году.... То обстоятельство,—продолжаетъ г. Шахматовъ, что общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV вѣка составленъ при Владимірской митрополіи, объясняетъ намъ, почему въ немъ расширена сравнительно съ болѣе древними

---

[1]) Такъ названный „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“, изданный княземъ Оболенскимъ, сохранился въ сборникѣ XV вѣка Главн. Архива М. И. Д. въ Москвѣ, рядомъ съ замѣчательнымъ переводнымъ хронографомъ; онъ же въ небольшомъ отрывкѣ встрѣтился въ одномъ сборникѣ г. Никифорова, изданномъ г. Бѣлокуровымъ.

Въ свое время я напечаталъ небольшую статью объ этомъ лѣтописцѣ, предпославъ въ ней изслѣдованію какъ и здѣсь, нѣсколько общихъ соображеній о древнерусскомъ лѣтописаніи: прошу смотр. ее въ „Сборникѣ историко-филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко“, том. III, за 1900 годъ.

[2]) Лѣтопись по Ипатьевскому списку (въ которой отразился лѣтописный сводъ начала XIV вѣка) подъ 1158 г. на стран. 337, подъ 1175 год. на стр. 395, подъ 1185 г. на стран. 426. (Цитую 2-е изданіе Ипат. лѣтоп. Археограф. Коммиссіи). Сравн. въ изслѣдованіи академика Шахматова стр. 97—98 съ соотв. примѣчаніями; предыдущія выписки сдѣланы вообще изъ IV-й главы его изслѣдованія, гдѣ даются „Итоги изслѣдованія“.

суздальскими лѣтописями, похвала Андрею, основателю соборнаго храма во Владимірѣ, причемъ описанію храма и восхваленію его благолѣпія удѣленъ значительный по объему отрывокъ, и самое убіеніе Андрея разсказано подробнѣе“ [1]). Слѣдуютъ дальнѣйшіе своды, обозрѣніе которыхъ будемъ продолжать съ ученымъ академикомъ. „Общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV вѣка легъ въ основаніе Ипатьевской лѣтописи, памятника конца XIV, или начала XV вѣка, а съ другой стороны—полихрона 1423 года“, новаго общерусскаго свода, составленнаго также по распоряженію митрополита, именно м. Фотія. Онъ составленъ во Владимірѣ и называется „владимірскій полихронъ“ [2]). Любопытно опять знать, какъ этотъ новый сводъ представляетъ дѣло о куполахъ, или „верхахъ“ Владимірскаго Успенскаго собора: оказывается, онъ даетъ поправку къ прежнему своду начала XIV вѣка; онъ утверждаетъ, что князь Андрей заложилъ въ 1158 году церковь камену объ единомъ версѣ, и въ другой разъ, подъ 1212 год., по случаю кончины Всеволода, что церковь Пречистыя Богородицы въ Володимерѣ созда братъ его Андрей, прежде объ единомъ версѣ, потомъ же онъ, т.-е. Всеволодъ, пристави 4 верхи, и тако же позлати ихъ [3]).

Эти извѣстія лѣтописей о Владимірскомъ соборѣ, составлявшихся при этомъ самомъ соборѣ, на мой взглядъ характерны: во Владимірѣ всегда благоговѣйно, съ радостью чтутъ мѣстный соборъ съ его святынями, это дивное созданіе Андрея и Всеволода; и въ Москвѣ интересуются владимірскимъ храмомъ, какъ митрополичьимъ каѳедральнымъ, и какъ такимъ храмомъ, гдѣ великіе князья торжественно, къ ряду нѣсколько вѣковъ, совершали священный обрядъ вступленія на великокняжескій столъ; въ концѣ XV вѣка, изъ Москвы во Владиміръ нарочито, по приказанію великаго князя, пріѣзжаетъ итальянскій художникъ, Аристотель Фіоравенти познакомиться съ мѣстнымъ соборомъ, и быть можетъ воспользоваться опытомъ знакомства съ нимъ для

---

[1]) Та же Ипатьев. лѣтоп. стр. 394—403. Тамъ, на этомъ значительномъ количествѣ печатныхъ страницъ, содержится дѣйствительно очень обстоятельное, очень сочувственное благовѣрному Андрею сказаніе, написанное быть можетъ кіевляниномъ Кузьмой. Со временемъ я надѣюсь разобрать его и другія сказанія о кончинѣ Андрея, о наказаніи якобы его убійцъ, о соучастіи въ преступленіи его жены и проч. (Не видать, чтобы убійцы дѣйствительно понесли заслуженное наказаніе).

[2]) Такое выраженіе встрѣчается, напримѣръ, въ Тверской лѣтописи, сборникѣ XVI вѣка. Полн. собр. р. лѣтопис., XV, столб. 465.

[3]) Въ изслѣдованіи г. Шахматова, на стр. 98, указываются лѣтописи Софійск. I, Новгор. IV, Воскресенск., Львовская, въ коихъ отразился полихронъ начала XV вѣка, и приведенныя мѣста о соборѣ, которыя я передаю въ текстѣ, въ пересказѣ.

постройки Успенскаго собора въ Московскомъ Кремлѣ,— и при всемъ этомъ владимірскія и московскія лѣтописи колеблются въ ихъ показаніяхъ на счетъ первоначальнаго вида „верховъ“ Владимірскаго Успенскаго собора, было ли ихъ съ перваго раза пять, или только одинъ. Въ самомъ Владимірѣ, среди духовенства и жителей, могла позабыться эта важная подробность: съ одной стороны, отъ постройки собора Андреемъ и до надстройки его Всеволодомъ прошло сравнительно небольшое время (около 30 лѣтъ), которое въ перспективѣ вѣковъ сокращалось еще на меньшее время, и какъ бы даже до одного момента; а съ другой стороны, то несомнѣнно засвидѣтельствовано въ лѣтописяхъ, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, отъ XII по XV, внѣшность собора не мало потерпѣла отъ нѣсколькихъ пожаровъ и поправокъ: въ результатѣ было то, что позднѣйшія поколѣнія владимірскихъ жителей уже не знали о первоначальномъ видѣ собора. Мнѣ неизвѣстно, есть ли гдѣ нибудь на древнихъ иконахъ, или въ миньятюрахъ рукописей изображенія Владимірскаго собора, кромѣ миньятюръ Радзивиловскаго списка: въ этомъ спискѣ соборъ нарисованъ нѣсколько разъ, хотя не столь отчетливо, не совершенно: въ разсказѣ о событіяхъ 1177 года, слѣдов. до пожара собора и возобновленія его при Всеволодѣ Юрьевичѣ, онъ виднѣется на одномъ рисункѣ одноглавымъ, на другомъ— пятиглавымъ; подъ 1185 г., по случаю большого владимірскаго пожара, когда повредился и соборъ Андрея Юрьевича, онъ изображенъ опять одноглавымъ. Выходитъ опять тоже колебаніе. Напомню кстати здѣсь же тотъ любопытный выводъ академика Шахматова, что рисунки Радзивиловскаго списка, какъ и самый текстъ лѣтописи, воспроизводятъ иллюстрированный памятникъ XIII вѣка, времени Ярослава Всеволодовича, князя переславскаго, (т.-е. сѣвернаго или суздальскаго Переяславля), послѣ и великаго князя владимірскаго, хотя мы, конечно, не можемъ знать, лучше ли были въ рукописи XIII вѣка картинки, чѣмъ въ Радзивиловской рукописи конца XV вѣка [1]).

Прошу извиненія за то, что удалился нѣсколько въ сторону отъ главной темы, и возвращаюсь къ выводамъ

---

[1]) Изслѣдованіе г. Шахматова, стр. 103; снес. стр. 30. Текстъ Радзивилов. или Кенигсберг. лѣтописи стран. 222, страница передъ 226-ю и стр. 230.

О наружномъ видѣ Успенскаго собора во Владимірѣ и о числѣ куполовъ на немъ соображенія разныхъ ученыхъ изслѣдователей приводятся въ книгѣ Д. Н. Бережкова, О храмахъ Владимірско-суздальскаго княжества XII—XIII вв., на стран. 5—13, 43—46. (Владиміръ на Клязьмѣ, 1902; отдѣльн. оттискъ изъ V-й книги „Трудовъ Владимірск. учен. Архивн. Коммиссіи“). Самъ авторъ,—младшій мой братъ,—пришелъ къ тому выводу, что Андреевскій соборъ съ самаго начала былъ пятиглавымъ. Такъ ли это точно, не знаю, не могу рѣшить.

г. Шахматова о владимірскомъ лѣтописаніи. Еще раньше, чѣмъ владимірскій полихронъ 1423 года и Ипатьевскій сводъ, лѣтописнымъ сводомъ начала XIV вѣка воспользовался составитель Лаврентьевской лѣтописи; какъ видно по припискѣ на ней мниха Лаврентія, отъ коего пошло и названіе ея, она составлена въ 1377 г. гдѣ-то въ предѣлахъ Суздальско-нижегородской епархіи, при Діонисіи, епископѣ суздальскомъ, нижегородскомъ и городецкомъ, при великомъ князѣ нижегородскомъ Димитріѣ Константиновичѣ и для этого именно князя; по изслѣдованію академика Шахматова, она имѣетъ въ основаніи ростовскую лѣтопись, дополняется и исправляется по общерусскому своду XIV вѣка, да по лѣтописи переславской; доведена до 1305 года, т.-е. то того же времени, до коего, предполагается, былъ доведенъ лѣтописный сводъ времени св. митрополита Петра. Съ своей стороны напомнимъ, что харатейный Лаврентьевскій кодексъ, нынѣ хранящійся въ числѣ сокровищъ Императорской публичной библіотеки, одно время находился въ нашемъ Владимірѣ, въ Рожественскомъ монастырѣ, какъ видно изъ помѣтки на наружномъ листѣ кодекса: „книга Рожественсково манастыря Володимерьского“. (Смотр. въ предислов. ко 2 изд. „Лѣтописи по Лаврент. сп.“ Археограф. Коммис. 1872, стран. VII). Наконецъ, Лаврентьевская лѣтопись и переславская послужили главными источниками для лѣтописи Радзивиловской или Кенигсбергской.

Я вкратцѣ передалъ замѣчанія и выводы академика Шахматова; я не могъ и не имѣлъ намѣренія приводить обоснованія ихъ и доказательства: кто желаетъ, и интересуется дѣломъ, такъ чтобы войти вглубь всего изслѣдованія академика, (а это, надобно признаться, требуетъ напряженнаго вниманія отъ читателя), тотъ найдетъ тамъ, что нужно. Полагаю, однако, что и въ краткомъ видѣ приведенныя здѣсь замѣчанія показались вамъ весьма важными, интересными; въ самомъ дѣлѣ, они открываютъ намъ широкія и новыя перспективы владимірскаго лѣтописанія въ XII—XV вѣкахъ; оказывается, и владимірская лѣтопись велась много лѣтъ подъ рядъ, дополнялась и редактировалась въ нѣсколько пріемовъ, надстраивалась и поправлялась, какъ тотъ соборъ, при коемъ она велась.

Въ настоящее время мы имѣемъ удовольствіе видѣть Владимірскій соборъ прекрасно возстановленнымъ трудами благочестивыхъ и образованныхъ любителей церковной русской старины; внутри, на стѣнахъ, начертана краткая лѣтопись построенія и возобновленія собора; естественно приходитъ мысль, не пора ли намъ заняться реставраціей и всей владимірской лѣтописи? Говоря безъ метафоръ: можно и нужно сдѣлать сводъ, или же выборку изъ старыхъ лѣтописныхъ сводовъ и сборниковъ тѣхъ извѣстій, которыя

записаны во Владимірѣ и преимущественно про Владиміръ; на первомъ планѣ здѣсь будутъ лѣтописи Лаврентьевскаго разряда, на второмъ—лѣтописи болѣе позднія, въ коихъ отразились митрополичьи владимірскіе своды XIV и XV вв. Само собою разумѣется, что выборка извѣстій должна быть сдѣлана съ критической разборчивостью и по возможности въ сокращенномъ, продуманномъ изложеніи, какъ старинною, подлинною рѣчью, такъ иногда и новой рѣчью, для избѣжанія лѣтописнаго многорѣчія, повтореній, темноты выраженій и т. п. Цѣнныя указанія академика Шахматова должны быть приняты во вниманіе, для руководства, или же для пополненій и поправокъ, если кто можетъ предложить ихъ. Такимъ образомъ составится новѣйшая такъ сказать редакція владимірской древней лѣтописи, если не собственно реставрація ея, что, конечно, гораздо труднѣе было бы сдѣлать. Въ нее войдутъ древнѣйшія извѣстія о суздальско-ростовской и владимірской странѣ, и о первыхъ князьяхъ, устроителяхъ ея; о строеніи города Володимеря на Клязьмѣ и Лыбеди (валовъ, укрѣпленій, воротъ); о постройкѣ въ немъ и по волости церквей, монастырей; объ учрежденіи во Владимірѣ особой епархіи, объ епископахъ, игуменахъ, о духовенствѣ вообще; о смѣнѣ во Владимірѣ великихъ князей, о государственной и государской хозяйственной дѣятельности ихъ; о сотрудничествѣ князьямъ всего населенія; о промыслахъ и занятіяхъ его; о возвышеніи младшаго Владиміра предъ старшими городами вѣчевыми, и о томъ, какъ владимірцы понимали свою „правду“ и поборали за нее; о склоненіи Владиміра предъ младшею Москвой, какъ постепенно оставляли его митрополиты и великіе князья; о счастливыхъ и несчастныхъ событіяхъ въ жизни Владиміра и вообще о всемъ, что жизненно интересно было для современниковъ—владимірцевъ, и что интересно намъ теперь, съ научной историко-археологической точки зрѣнія.

Я питаю намѣреніе исполнить этотъ трудъ, если силъ моихъ достанетъ для него. А пока продолжу свои наблюденія и замѣтки по содержанію владимірскихъ лѣтописей.

М. Н. Бережковъ.

Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи.

(Къ вопросу о достовѣрности В. Н. Татищева, какъ историка).

Въ числѣ источниковъ для „Исторіи Россійской“, среди „топографій“, т.-е. мѣстныхъ лѣтописей, В. Н. Татищевъ, между прочимъ, упоминаетъ и лѣтопись Муромскую. „Кѣмъ сочинена эта лѣтопись,—пишетъ Татищевъ,—не извѣстно, но многими баснями и не весьма пристойными наполнена, которую у меня въ 1722 г. изволилъ взять Его Императорское Величество, ѣдучи въ Персію“ [1]). Изъ другихъ нашихъ историковъ никто болѣе Муромскою лѣтописью не пользовался, ни одинъ изъ извѣстныхъ теперь списковъ лѣтописи не носитъ имени Муромскаго, равно какъ и ни одинъ не отвѣчаетъ этому имени по своему содержанію. Такимъ образомъ, если мы отнесемся съ довѣріемъ къ сообщенію Татищева, то должны будемъ признать, что у него была въ рукахъ утраченная теперь мѣстная лѣтопись, посвященная главнѣйшимъ образомъ исторіи Муромо-Рязанскаго края или, по крайней мѣрѣ, носившая явные слѣды своего составленія въ этомъ именно краѣ. Но вопросъ въ томъ: можно ли принять слова Татищева о Муромской лѣтописи за чистую монету? Въ самомъ текстѣ „Исторіи“ Татищева ясныхъ и прямыхъ ссылокъ на Муромскую лѣтопись, какъ это видимъ, напримѣръ, въ другихъ случаяхъ: „изъ Ростовской лѣтописи“, „изъ лѣтописца Еропкина“, „изъ раскольническаго лѣтописца“ и т. п.,—такихъ ссылокъ на Муромскую лѣтопись нѣтъ. Съ другой стороны извѣстно, что за Татищевымъ долгое время въ наукѣ держалась печальная репутація фальсификатора древнихъ историческихъ памятниковъ. Въ данномъ случаѣ естественно можетъ возникнуть то же подозрѣніе, какое было заявлено нѣкоторыми историками по поводу ссылокъ Татищева на извѣстную Іоакимовскую лѣтопись. Не есть ли

[1]) Исторія Россійская. Кн. I. Часть I. Москва. 1768, стр. XI—XII.

и лѣтопись Муромская только плодъ воображенія самого Татищева, простая выдумка, имѣвшая цѣлью увеличить въ глазахъ читателей ученый багажъ историка, показать все разнообразіе его источниковъ? Посильное рѣшеніе этого вопроса и будетъ предметомъ настоящаго реферата.

Изучая составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ", К. Н. Бестужевъ-Рюминъ высказалъ догадку, что для этой „Повѣсти" во многихъ случаяхъ могли служить источниками мѣстныя записи, веденныя въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, и въ Муромѣ. „Ярославъ бился съ Мордвой и побѣжденъ августа 4",—это извѣстіе, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, записано въ Муромѣ; тамъ же могло быть записано и то, что въ 6596 г. Муромъ взяли болгаре" [1]). Число подобныхъ, несомнѣнно Муромскихъ записей,—добавимъ мы отъ себя,—можно бы увеличить еще значительнымъ количествомъ примѣровъ [2]). Но такимъ путемъ поставленный вопросъ о Муромской лѣтописи у Татищева не рѣшается. Мы должны избрать другой, болѣе надежный путь. Если въ предисловіи къ „Исторіи" Татищевъ говорилъ правду, то въ его лѣтописномъ сводѣ могутъ быть такія свѣдѣнія о Муромѣ и Муромскомъ краѣ, какихъ въ другихъ сводахъ или вовсе нѣтъ, или какія въ другихъ лѣтописяхъ заключены въ форму краткихъ, недостаточно опредѣленныхъ и связныхъ замѣтокъ, а у Татищева выступаютъ въ видѣ сообщеній болѣе ясныхъ, точныхъ и подробныхъ. Разумѣется, эти излишнія противъ другихъ источниковъ свѣдѣнія у Татищева надо подвергнуть разбору, провѣркѣ другими косвенными данными и соображеніями. Только послѣ подобной критической работы мы получимъ возможность отвѣтить на поставленный нами вопросъ о Муромской лѣтописи съ достаточной увѣренностью.

Кому приходилось видѣть увѣсистые томы „Исторіи" Татищева, тотъ съ опасеніемъ можетъ подумать, что слушателямъ угрожаетъ съ нашей стороны необыкновенно длинный рядъ выдержекъ, сравненій, ссылокъ и т. п. Спѣшимъ разсѣять эту мысль, прежде всего, указаніемъ на то, что „Исторія" Татищева имѣетъ характеръ критическаго лѣтописнаго свода о событіяхъ только до времени татар-

---

[1]) „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в."—Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи. Вып. IV. Спб. 1868, стр. 57 (ссылка на Полн. Собр. Р. Лѣт., I, 89, 119).

[2]) Таковы извѣстія: подъ 1174 г. „преставися князь Гюрги Муромьскый, мѣсяця генваря въ 19 день, и положиша и въ церкви (Христовы церкви) Муромѣ, юже бѣ самъ создалъ"; подъ 1227 г. „умре сынъ Давыдовъ Муромьскаго, мѣсяца апрѣля, святыя недѣли праздныя. Тое же недѣли преставися и самъ Давыдъ Муромскый, въ чернцахъ и въ скимѣ"—и друг. (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3 Археогр. Коммиссіи. Спб., 1897, стр. 347, 428 и друг.).

скаго нашествія, а въ дальнѣйшемъ изложеніи число его источниковъ видимо сокращается, пока „Исторія“ (въ послѣдней части) не переходитъ, наконецъ, въ передачу событій по одной лишь лѣтописи. Отсюда и мы для своей задачи вполнѣ основательно можемъ поставить предѣльною гранью то же татарское нашествіе. Затѣмъ, чтобы не злоупотреблять вниманіемъ слушателей, мы и изъ обозначеннаго періода возьмемъ только наиболѣе яркіе примѣры, оставляя въ сторонѣ все второстепенное и мелочное.

1. На первомъ мѣстѣ среди такихъ свѣдѣній о Муромѣ, принадлежащихъ исключительно лѣтописному своду Татищева, нужно поставить цѣлый рядъ его извѣстій о борьбѣ славянскаго населенія съ Болгарами за торговое преобладаніе на Окскомъ бассейнѣ. Отдѣльныя стороны этой любопытной борьбы, отмѣченныя въ другихъ лѣтописяхъ слабыми и отрывочными намеками, у Татищева получаютъ довольно ясный смыслъ и выдающійся интересъ для исторіи не только мѣстной, но и общерусской. Вотъ эти любопытные факты.

Подъ 1006 годомъ у Татищева читаемъ: „Прислали Болгары (волскіе) послав̀ъ съ дары многими, дабы Владимиръ позволилъ имъ въ городахъ по Волгѣ и Окѣ торговать безъ опасенія, на что имъ Владимиръ охотно соизволилъ, и далъ имъ во всѣ грады печати, дабы они вездѣ и всѣмъ вольно торговали, и русскіе купцы съ печатьми отъ намѣстниковъ въ Болгары съ торгомъ ѣздили безъ опасенія, а болгарамъ всѣ ихъ товары продавать въ градахъ купцамъ, и отъ нихъ купить что потребно, а по селамъ не ѣздить тіуномъ, вирникомъ, огневщинѣ и смердинѣ продавать и отъ нихъ не купить“ [1]). Это интересное сообщеніе Татищева было неодинаково оцѣнено нашими историками. Бестужевъ-Рюминъ отмѣчаетъ позднюю форму извѣстія, его странную сущность и отсутствіе указаній на источники [2]). Соловьевъ и Ключевскій, наоборотъ, считаютъ извѣстіе Татищева драгоцѣннымъ и дѣлаютъ на основаніи его выводы для характеристики торговыхъ отношеній Руси въ области Оки [3]). Внимательно всматриваясь въ приведенный отрывокъ, можно придти къ тому заключенію, что скептицизмъ

---

[1] Исторія Россійская..., кн. II. М., 1773, стр. 88—89 и 416 (примѣч. 208).

[2]) О составѣ рус. лѣтоп., приложен., стр. 33—34.

[3]) *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 2-е изд. Товар. „Обществ. Польза“. Кн. I, столб. 176 и 251.—*В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Часть I. М., 1904, стр. 337. Ср. также ст. *Н. Оирсова*: Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. Извѣст. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казан. Унив. Т. XIV. Казань. 1898, стр. 481.—Сообщеніе Татищева подъ 1006 годомъ повторено и Екатериной II въ „Запискахъ касательно Россійской исторіи“. (Сочиненія, т. VIII. Спб. 1901, стр. 89).

Бестужева-Рюмина по отношенію къ Татищеву въ данномъ случаѣ совершенно неосновательнъ. Запись подъ 1006 г. отражаетъ въ себѣ слѣды глубокой древности. Что торговля пріокскаго населенія съ болгарами, а чрезъ нихъ и съ Востокомъ, велась въ весьма широкихъ размѣрахъ,—объ этомъ убѣдительно говоритъ найденный въ 1867 г. близъ собора въ Муромѣ кладъ въ 11.000 куфическихъ монетъ [1]). Затѣмъ, печати, данныя купцамъ отъ Владимира, явно напоминаютъ договоры съ греками X вѣка, когда отъ русскихъ гостей и купцовъ тоже требовались въ Византіи золотыя и серебряныя печати, а запрещеніе болгарамъ ѣздить по селамъ только повторяетъ собою слова договора 945 г. о приходящихъ Руссахъ: „да не творитъ бещинья въ селѣхъ, ни въ странѣ нашей“ [2]). Наконецъ, „очасеніе“ для купцовъ болгарскихъ, очевидно, внушалось разбоями, въ которыхъ, какъ сейчасъ увидимъ, особенно замѣтное участіе принимали жители г. Мурома.—Итакъ, важное сообщеніе Татищева подъ 1006 годомъ, послѣ сдѣланныхъ справокъ, выступаетъ предъ нами съ чертами полной исторической достовѣрности. Отсюда уже легко перейти къ догадкѣ о томъ, что запись о договорѣ съ болгарами и относится къ тому затерянному источнику, который Татищевъ обозначаетъ именемъ лѣтописи или „топографіи“ Муромской.

Подъ 1088 годомъ, гдѣ въ другихъ лѣтописяхъ помѣщено только краткое извѣстіе: „въ се же лѣто (6596) взяша Болгаре Муромъ“ [3]),—Татищевъ сообщаетъ: „Въ тѣ же времена были на Волгѣ и Окѣ разбои, и многихъ болгаръ торгующихъ пограбили и побили. Болгары же присылали ко князю Олгу и брату его Ярославу просить на разбойниковъ, но не получа управы, пришедъ съ войски Муромъ взяли и пограбили, а села пожгли“ [4]). Не трудно видѣть, что скудное и обособленное извѣстіе другихъ лѣтописей въ сводѣ Татищева получаетъ смыслъ и связность. Набѣгъ Болгаръ на Муромъ является вполнѣ естественнымъ заключительнымъ моментомъ цѣлаго ряда событій, подробности которыхъ (наприм., имена князей Олега и Ярослава Святославичей, мѣсто, время и обстановка событій) выдер-

---

[1]) *В. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи. Томъ I, кн. 2. Кіевъ. 1892, стр. 1369.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 47. Ср. тоже въ договорѣ 907 г., стр. 31.—„Древнѣйшее упоминаніе о печатяхъ, какое можно здѣсь привести, относится къ Болгарамъ (Дунайскимъ), къ ихъ договору съ Греками, поставленному въ 715 году и позже въ 805 году“... (*И. Срезневскій.* Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Томъ II. Спб. 1902, столб. 926).

[3]) Лаврент. лѣтоп., стр. 201; то же въ Воскресен., Никонов. и друг. спискахъ лѣтописи.

[4]) Исторія Россійская, кн. II, стр. 139—140.

живаютъ строгую историческую повѣрку [1]). Но этого мало. Самъ Татищевъ въ данномъ мѣстѣ оставилъ явные слѣды того, что сводка лѣтописныхъ извѣстій о Муромѣ дѣйствительно производилась имъ по нѣсколькимъ источникамъ и не безъ критической осторожности. Въ особомъ замѣчаніи къ приведеннымъ словамъ Татищевъ добавляетъ: „О приходѣ Болгаръ и взятіи Мурома во всѣхъ манускриптахъ кратко токмо, что пришедъ Болгары взяли Муромъ, но въ Нижегородскомъ и въ Макарьевскомъ точно противо сего“ [2]). Нижегородскій лѣтописецъ, которымъ пользовался Татищевъ, былъ имъ переданъ въ Академію Наукъ. Подъ именемъ лѣтописи Алатырской эта рукопись употреблена въ качествѣ варіанта при изданіи Воскресенской лѣтописи [3]). Такъ какъ изложеніе событій въ Татищевскомъ экземплярѣ Нижегородскаго лѣтописца начинается только съ 1212 года, то очевидно, что въ упомянутой замѣткѣ Татищева къ 1088 году этотъ лѣтописецъ названъ имъ ошибочно. Лѣтописцемъ Макарьевскимъ, какъ видно изъ предисловія къ 5 книгѣ „Исторіи Россійской“, Татищевъ называлъ ту лѣтопись, которая имѣется теперь въ Румянцевскомъ музеѣ (по содержанію сходна съ лѣтописями Львова и Никоновской) и составленіе которой Татищевъ приписывалъ митрополиту Макарію [4]). Но опять уже одни хронологическія данныя не позволяютъ относить ссылку Татищева къ этой именно лѣтописи. Рукопись Румянцевскаго музея обнимаетъ время съ 1534 по 1560 годъ [5]). Такимъ образомъ, дополни-

---

[1]) „Извѣстіе это,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—очень любопытно и очень вѣроятно: нѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было *ушкуйничества*, которое мы видимъ въ такой силѣ послѣ“. (Ист. Россіи, кн. I, столб. 312, прим. 5). Олегъ Святославичъ (извѣстный „Гориславичъ“), послѣ неудачной для него битвы на Нѣжатинѣ нивѣ съ Всеволодомъ Черниговскимъ въ 1078 г., бѣжалъ въ Тмуторокань, которая, по Татищеву, составляла одинъ удѣлъ съ Муромомъ (подъ 1096 г.:... „въ свои города Тмуторокань и Муромъ“). Отсюда онъ былъ сосланъ хазарами въ заточеніе на островъ Родосъ. Въ 1083 г. Олегъ „пріиде изъ Грекъ Тмутороканю“ (Лаврент. лѣтоп., стр. 198), откуда онъ и могъ принимать очень близкое участіе въ дѣлахъ Рязанскихъ. Ярославъ Святославичъ, по смерти отца († 1076 г.), какъ самый младшій братъ (въ 1073 году, какъ видно на рисункѣ въ Святославовомъ сборникѣ, онъ былъ еще младенцемъ), долженъ былъ получить худшій удѣлъ—Рязанскій, гдѣ и сталъ родоначальникомъ особой линіи князей Рязанскихъ и Муромскихъ. (*Иловайскій*. Исторія Рязанскаго княжества. Москва, 1858, стр. 17).

[2]) Исторія Россійская, кн. II, стр. 440, примѣч. № 298.

[3]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Т. VII (Воскресенская лѣтопись). Спб. 1856, предисл., стр. VII—VIII. Ср. *Татищева*, Исторія Россійская, кн. I, ч. 1, стр. 63.—Въ Воскресенской лѣтописи (на стр. 4) о взятіи Мурома болгарами сообщается также въ обычной краткой формѣ.

[4]) *Татищевъ*. Исторія Россійская. Кн. 5. Москва. 1848. Предислов.

[5]) *А. Востоковъ*. Описаніе рус. и славян. рукоп. Румянцев. музеума. Спб. 1842. Стр. 362, рукоп. № 257.

тельная замѣтка Татищева или въ обѣихъ своихъ частяхъ заключаетъ завѣдомую неправду, или она подверглась искаженію при перепискѣ „Исторіи Россійской“, которая въ рукописномъ видѣ ходила по рукамъ около 30 лѣтъ. Но предположить первый случай, по крайней мѣрѣ, въ данномъ мѣстѣ рѣшительно нѣтъ возможности. Не странно ли было бы со стороны Татищева дѣлать фальшивыя ссылки на рукопись и эту самую рукопись дарить въ Академію Наукъ, т.-е. поступать совершенно обратно сравнительно съ каждымъ фальсификаторомъ, желающимъ скрыть слѣды своей поддѣлки? „Всякій трудолюбивый,—говоритъ Татищевъ при обзорѣ своихъ источниковъ,—если впредь гдѣ какую лѣтопись сыщетъ, въ которой большія, яснѣйшія обстоятельства обрящетъ къ дополненію сего, академіи сообщить можетъ, дабы при другомъ изданіи могли пополнить и переправить, какъ то со всѣми древними исторіями чинится, какъ уже и мнѣ по написаніи второй части набѣло, отъ нѣкоторыхъ любопытныхъ и объ умноженіи чести отечества прилежащихъ, нѣкоторыя извѣстія и выписки, яко же и цѣлые манускрипты сообщены, которые, если Богъ соизволитъ, собравъ въ порядокъ къ дополненію второй части пріобщу, для котораго надѣюся вскорѣ обѣщанные мнѣ два манускрипта получить“. Въ примѣчаніи къ извѣстію о походѣ Смоленскихъ князей на Полоцкихъ въ 1167 году Татищевъ говоритъ: „сей походъ на князей Полоцкихъ находится въ одномъ Голицынскомъ; но тутъ конецъ утраченъ, и на сторонѣ того же писца рукою отмѣчено: *здѣсь утрачено*“ [1]). Къ отрывку изъ исторіи Полоцкаго княжества подъ 1217 годомъ Татищевъ замѣчаетъ: „Сіе выписано изъ лѣтописца Еропкина, который видно, что пополнивалъ въ Полоцкѣ; ибо въ немъ много о Полоцкихъ, Витебскихъ и другихъ литовскихъ князехъ писано, токмо я не имѣлъ времени всего выписать, и потомъ его видѣть не досталъ, слыша, что отданъ списывать“ [2]). Эти выдержки ясно говорятъ о томъ, съ какою осторожностью, любовью, почти благоговѣніемъ относился Татищевъ къ письменнымъ памятникамъ русской старины и какъ тщательно отмѣчалъ онъ даже пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ. „Тайный совѣтникъ Татищевъ,—отзывался о немъ академикъ Миллеръ,—какъ извѣстно, человѣкъ незавидливый, но весьма откровенный въ дѣлахъ, до простиранія наукъ касающихся“ [3]).

---

[1]) Исторія Росс., кн. III, Москва. 1774, стр. 489.

[2]) *Н. Поповъ.* В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861, стр. 451—452, 460—461.

[3]) *Н. Поповъ.* Ученые и литературные труды В. Н. Татищева.— Рѣчь въ торжествен. собран. И. Ак. Наукъ 19 апр. 1886 г. (Прилож. къ LV т. Запис. Имп. Ак. Наукъ, № 4. Спб. 1887, стр. 62).— При обзорѣ источниковъ для русской исторіи Татищевъ откровенно назы-

По случаю пожара въ Академіи Наукъ Татищевъ изъявляетъ готовность доставить въ ея библіотеку новые списки присланныхъ имъ ранѣе въ Академію рукописей, а опасаясь подобнаго же несчастія съ его личной библіотекой, онъ охотно предоставляетъ желающимъ снимать копіи съ рѣдкихъ произведеній; „я не жалѣя желающимъ даю списывать“ [1]). При такой любви къ исторической правдѣ и къ широкому распространенію истины, возможно ли было для историка дѣлать завѣдомо невѣрныя ссылки, въ надеждѣ укрыться отъ провѣрки, или изъ легкомысленнаго хвастовства измышлять факты? Остается предположить, что въ разсматриваемой нами замѣткѣ Татищева или самимъ авторомъ допущенъ lapsus linguae, или сдѣлана ошибка переписчикомъ. Намъ кажется, что вмѣсто лѣтописи „Макарьевской“ здѣсь могла быть рѣчь о „Муромской“, что вполнѣ отвѣчаетъ всему содержанію извѣстія о нападеніи болгаръ. Мы хорошо сознаемъ, что эта догадка въ отдѣльности не отличается безспорностью, но, всетаки, просимъ имѣть ее въ виду при заключительномъ выводѣ о достовѣрности Татищева, какъ историка.

Третье извѣстіе, относящееся къ той же борьбѣ за обладаніе торговыми путями Окскаго бассейна, находится у Татищева подъ 1183 годомъ. „Болгары Волскіе съ Бѣлою Русью (такъ Татищевъ именуетъ Русь сѣверо-восточную) имѣя непрестанной торгъ, множество привозили яко житъ, тако разныхъ товаровъ и узорочи, продавая въ городихъ русскихъ по Волгѣ и Окѣ; но русскіе многіе собрався тайно по Волгѣ купцовъ болгарскихъ грабили, села и города разоряли. Люди тѣ были Рязанцы, Муромцы и другихъ городовъ невѣдомые“. Когда Болгары пожаловались Всеволоду Суздальскому, онъ велѣлъ разбойниковъ „ловя приводить, а ловить ихъ по Волгѣ не послалъ“. Тогда Болгары озлобились, пришли въ области бѣлорусскія, которыя около Городца, Мурома и до Рязани, великое разореніе учинили, увели много людей и скота [2]). Это сообщеніе, имѣющее тѣсную связь съ двумя уже разсмотрѣнными нами извѣстіями о Болгарахъ, въ другихъ лѣтописяхъ отсутствуетъ. Но „жито“, какъ предметъ вывоза изъ Болгаріи, упоминается

ваетъ такіе матеріалы, которые онъ зналъ по имени, но которыхъ *достать при всемъ желаніи нигдѣ не могъ* (Лѣтопись Смоленская, Луговскаго—Описаніе походовъ царя Алексѣя и судъ надъ Никономъ, Лихачева—Жизнь царя Ѳеодора Алексѣевича). Все это на недобросовѣстнаго фальсификатора не похоже (*С. М. Соловьевъ*. Писатели русской исторіи XVIII в. III. В. Н. Татищевъ.—Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачевымъ. Книга II, полов. 1. М., 1855, отдѣл. III, стр. 20).

[1]) *Н. Поповъ*. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева, стр. 60.

[2]) Исторія Россійская, кн. III, стр. 248.

въ лѣтописяхъ еще въ 1024 году[1]). Съ другой стороны, подъ 1184 г. въ лѣтописяхъ описывается походъ Всеволода на Болгаръ со многими подручными князьями (между прочимъ, съ Рязанскими и Муромскимъ), очевидно, съ цѣлью наказать Болгаръ за тотъ набѣгъ, о которомъ у Татищева разсказано подъ 1183 годомъ. „Всеволодъ возвратися въ Володимерь, а конѣ пусти на Мордву"—кратко заканчиваетъ свой разсказъ Лаврентьевская лѣтопись[2]). У Татищева здѣсь опять видимъ осмысленныя и интересныя подробности: „Конницу отъ р. Суруи (нынѣ Сура) отпустилъ берегомъ на Мордву, которые идущимъ на нихъ за Всеволодомъ вредъ дѣлали и людей побили. Оные воеводы, пришедъ въ Мордовскую область, много селъ ихъ до р. Цны разорили и со многимъ полономъ возвратились"[3]). Послѣднее сообщеніе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на исторію колонизаціи мордовскаго края, въ которомъ уже къ концу XII в., значитъ, было уже довольно густое населеніе, была сельскохозяйственная культура и существовали тѣ самыя „села въ Мордвѣ на Цнѣ", о какихъ упоминается въ договорныхъ грамотахъ Рязанскихъ князей XV вѣка[4]).

Наконецъ, мы должны отмѣтить у Татищева подъ 1209 г. еще одинъ эпизодъ изъ долговременнаго спора Болгаръ съ славянами о торговыхъ Окскихъ путяхъ. „Болгары, пришедъ на Рязанскую область, дѣлали разореніе, о чемъ увѣдавъ князь великій Всеволодъ, велѣлъ Рязанскому тысяцкому, Матвѣю Андреевичу, собравъ войско, сколько можно, итти на нихъ. Онъ же, немедленно собрався, догналъ ихъ въ Кадомѣ, и былъ между ними жестокой бой, и едва болгаръ побѣдили, но тысяцкій Рязанскій самъ убитъ"[5]). Древнѣйшіе лѣтописные своды объ этомъ фактѣ совершенно молчатъ. Только въ Никоновской лѣтописи кратко упомянуто: „того же (6717) лѣта убіенъ бысть въ Кадомѣ тысяцкій Рязанскій Матфѣй Андрѣевичъ"[6]). Нѣтъ нужды подробно доказывать, что преимущество точности и ясности изложенія событія на сторонѣ свода Татищева. Историкъ Иловайскій, дѣлая догадку о глухой борьбѣ Рязанскихъ князей съ земскими (мѣстными) начальниками—тысяцкими, ссылается, между прочимъ, на событіе 1209 года въ Кадомѣ[7]). Но изложеніе Татищева въ данномъ случаѣ совсѣмъ не даетъ матеріала для такого вывода.

---

[1]) Лаврент. лѣтоп., стр. 144.
[2]) Лаврент. лѣтоп., стр. 369—370.
[3]) Ист. Росс., III, 252.
[4]) Догов. грам. Рязан. князей Ивана Вас. и Ѳеодора Вас., 1496 г.—Собран. Госуд. Грам. и Договоровъ. Томъ I, стр. 322.
[5]) Ист. Росс., III, 365.
[6]) Полное Собран. Рус. Лѣтоп. Томъ X. Спб. 1885, стр. 60.
[7]) Исторія Рязанскаго княжества, стр. 120—121.

Итакъ, мы нашли въ сводѣ Татищева цѣлую группу извѣстій, относящихся къ одной Пріокской области и характеризующихъ одну существенную сторону въ жизни ея обитателей—ихъ многолѣтнюю борьбу съ болгарами изъ-за преобладанія на рѣчныхъ торговыхъ путяхъ. Извлеченныя нами свѣдѣнія или совсѣмъ не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ, или имѣютъ въ нихъ форму краткихъ и неясныхъ замѣтокъ. Отличаясь большею опредѣленностью и связностью, эти сообщенія Татищева, въ то же время, отвѣчаютъ запросамъ исторической критики и если не вполнѣ подтверждаются другими косвенными данными, то во всякомъ случаѣ отнюдь имъ не противорѣчатъ. Общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ извѣстій вполнѣ возможно признать мѣстную лѣтопись Муромо-Рязанскаго края.

2. Чтобы не затягивать своего реферата, я не буду останавливаться на дополнительныхъ свѣдѣніяхъ у Татищева о дѣятельности нѣкоторыхъ Муромскихъ и Рязанскихъ князей, не стану отмѣчать его только своду принадлежащихъ подробностей въ изложеніи болѣе мелкихъ событій Муромо-Рязанской исторіи [1]). Я остановлю ваше вниманіе только еще на одномъ важномъ фактѣ изъ религіозной жизни этого края—на вопросѣ объ учрежденіи Рязанской епархіи. Подъ 1198 г. у Татищева значится: „Ярославъ, князь Рязанскій, по согласію съ братьями, просили великаго князя Рюрика и митрополита, дабы область Рязанскую отъ епархіи Черниговскія отдѣлить и поставить въ Рязань особаго епископа, и какъ великій князь соизволилъ, избрали игумена Арсенія и послали къ митрополиту Іоанну, его же митрополитъ поставилъ сентября 26 дня“ [2]). Это сообщеніе отъ начала и до конца представляетъ собою исключительную особенность Татищева—другимъ лѣтописнымъ сводамъ и спискамъ оно совершенно не извѣстно. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ тѣмъ же 6707 (1198) годомъ есть только замѣтка, имѣющая хронологическую связь съ извѣстіемъ Татищева: „Благовѣрный вел. кн. Рюрикъ Ростиславичъ отда дщерь свою, Всеславу, на Рязань, за Ярослава за Глѣбовича [3]). Щекатовъ связываетъ вмѣстѣ оба извѣстія—Татищева и Ипатьевской лѣтописи, очевидно, желая представить бракъ Рязанскаго князя съ дочерью великаго князя Рюрика Ростиславича какъ обстоятельство, почему вопросъ объ отдѣльномъ епископѣ для Рязани разрѣшился такъ быстро и легко [4]). Карамзинъ вы-

---

[1]) Наприм., подъ 1095, 1096, 1149 и др. годами.

[2]) Ист. Рос., III, 329.

[3]) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., II, 152. Въ текстѣ Ипат. лѣтописи 6707 г., по мартовскому счисленію, переданъ 1199 г.; но Татищевъ и Карамзинъ, считая съ января, ставятъ здѣсь 1198 г.

[4]) Географическій словарь Россійскаго Государства. Часть V.

писываетъ въ примѣчаніяхъ извѣстіе Татищева, но самъ открытіе Рязанской епархіи относитъ къ 1207 году, когда въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается о Рязанскомъ епископѣ [1]). Послѣдующіе историки то вполнѣ принимаютъ сообщеніе Татищева, то столь же рѣшительно его отрицаютъ. Въ первой группѣ нужно назвать Любомудрова, Иловайскаго, архим. Макарія [2]). Архіеп. Филаретъ въ „Исторіи Русской церкви", основываясь на Лаврентіевской лѣтописи, подобно Карамзину, относитъ начало Рязанской епископіи къ 1207 году, а въ статьѣ: „Рязанскіе іерархи" заявляетъ, что извѣстіе Татищева не подлежитъ сомнѣнію [3]). Е. Голубинскій относится къ Татищеву съ полнымъ недовѣріемъ и по поводу его извѣстія объ открытіи Рязанской епархіи замѣчаетъ: „вопервыхъ, великіе князья Кіевскіе тогда ровно ничего не значили и вся власть принадлежала великимъ князьямъ Владимірскимъ, вовторыхъ, митрополитъ Іоаннъ 1198 года нигдѣ болѣе кромѣ Татищева не упоминается" [4]). Но эти возраженія г. Голубинскаго служатъ только отголоскомъ его крайняго скептицизма въ отношеніи къ Татищеву. Если кіевскіе князья въ концѣ XII в. ничего не значили въ области политической, то Кіевъ, все-таки, и въ то время не утратилъ своего значенія церковнаго—значенія каѳедральнаго города всей Русской митрополіи. Отсюда тѣ или иныя личныя отношенія кіевскихъ князей съ митрополитами могли получать въ церковныхъ дѣлахъ характеръ обстоятельствъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ. Въ правилахъ митроп. Іоанна II (1080—1088 г.г.) прямо говорится, что открытіе новыхъ епископій должно согласоваться съ соизволеніемъ „перваго стольника русскаго" [5]). Оффиціальное значеніе Кіевскаго великаго князя оставалось и въ концѣ XII в. Въ 1183 г. епископъ Суздаль-

---

Москва. 1807, стр. 528, подъ сл. „Рязань".—Но здѣсь же, на стр. 488 и слѣд., подъ сл. „Рязанская епархія" говорится, что точныхъ свѣдѣній не имѣется, и начало Рязанской епархіи, какъ и у митропол. Платона, отнесено ко времени святит. Алексѣя (Краткая церковн. Россійская исторія, часть I, стр 185). То же у *Воздвиженскаго*, Историч. обозрѣн. Рязанской іерархіи, стр. 3—4, *Доброклонскаго*, Руков. по ист. рус. церкви. М. 1883, стр. 17—и друг.

[1]) Исторія Госуд. Россійскаго, т. III, примѣч. 153 и 125. Также *Калайдовичъ*. Археол. изслѣдов. о Рязани, стр. 22.

[2]) Объ учрежденіи Рязан. епархіи и объ іерархич. ея устройствѣ.—Рязан. Губерн. Вѣдом. 1854 г., № 43.—*Иловайскій*. Исторія Рязанск. княжества, стр. 76—77, 115.—Архим. *Макарій*. Сборникъ церковно-историч. и статистич. свѣд. о Рязан. епархіи, стр. 79—93 (Моск. 1863).

[3]) *Филаретъ*. Истор. Рус. Церкви. Изд. 4. Черниговъ. 1862. Періодъ I, стр. 114, прим. 304. *Его-же*, статья: „Рязанскіе іерархи". Христ. Чтеніе, 1859 г., ч. I, стр. 179.

[4]) *Е. Голубинскій*. Исторія рус. церкви. Томъ 1. Половина 1. Москва. 1880, стр. 574

[5]) Русскія Достопамятн., издав. Обществ. Ист. и Древн. Россійскихъ. Часть I. Москва. 1815, стр. 102.

скій Лука былъ поставленъ по желанію Всеволода III и съ согласія Кіевскаго князя Святослава. По смерти Бѣлгородскаго епископа Максима, вел. кн. Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго [1]). При такомъ близкомъ участіи и значеніи князя Рюрика Ростиславича въ церковныхъ дѣлахъ, нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что Рязанская епископія учреждена съ его „соизволенія". Кстати, по Ипатіевской лѣтописи въ 1198 г. умеръ Черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ[2]), такъ что Черниговскій епископъ, если бы пожелалъ отстаивать за собою Рязань, не имѣлъ опоры въ свѣтской власти. Что касается митроп. Іоанна, то въ „Исторіи іерархіи" по однимъ каталогамъ въ 1198 году онъ значится [3]). Въ другихъ, правда, этого имени нѣтъ. Но мѣсто для него имѣется и несомнѣнно, что въ 1198 г. Русская митрополичья каѳедра не была праздна [4]). Наконецъ, въ противовѣсъ возраженіямъ Голубинскаго необходимо отмѣтить полную опредѣленность и точность сообщенія Татищева (указаны лица, годъ, мѣсяцъ и даже число событія) [5]) и его согласіе съ исторіей, хронологіей и тогдашнимъ положеніемъ Рязанской земли (обширность и могущество Рязанскаго княжества, заключавшаго въ себѣ въ то время цѣлыхъ три отдѣльныхъ княжества—Муромское, Рязанское и Пронское) [6]). Всѣ эти данныя заставляютъ отнестись къ извѣстію Татищева объ открытіи Рязанской епархіи съ полнымъ довѣріемъ. А такъ какъ Муромъ былъ и первымъ стольнымъ городомъ Муромо-Рязанской области, и первымъ каѳедральнымъ городомъ Рязанскихъ епископовъ [7]), то мы безъ колебаній можемъ

---

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. Т. X. (Никонов. лѣт.). Спб. 1885, стр. 10. Т. II, стр. 138. Ср. Соловьева, I, 727—728.

[2]) *Р. Зотовъ*. О Черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику... Лѣтопись занятій Археогр. Ком. Вып. IX. Спб. 1893, стр. 267.

[3]) Исторія іерархіи. Часть I, изд. 2. Кіевъ. 1827, стр. 86—87.

[4]) По Голубинскому, митроп. Никифоръ 2 упомин. съ 1182 по 1197 годъ. Далѣе слѣдуютъ митроп. Гавріилъ и Діонисій, но второй изъ нихъ упоминается только подъ 1210 годомъ (Ист. рус. церкви, т. I, полов. 1, стр. 251). Ясно, что послѣ 1197 года могъ нѣкоторое время занимать митрополичью каѳедру и Іоаннъ (ср. сюда у самого Голубинскаго замѣчаніе о томъ, что подъ 1198 г. въ лѣтоп. упоминается митроп., не называемый по имени (того-же полутома стр. 789).

[5]) Въ связи съ этимъ интересно указать на то, что всѣ извѣстія Татищева о князѣ Рюрикѣ Ростиславичѣ отличаются большею подробностью, точностью и обстоятельностью, чѣмъ извѣстія другихъ источниковъ (*Р. Зотовъ* О Черниговскихъ князьяхъ..., стр 55—57).

[6]) Подробн. см. у архим. *Макарія*, Сборн. свѣдѣн. о Рязан. епархіи, стр. 87—93.

[7]) Въ житіи кн. Константина Муромскаго говорится: „И тако пребысть Муромская епископія (по уходѣ еп. Василія изъ Мурома) въ Рязани; нарицаетъ же ся и до днесь Борисоглѣбская, одержанія ради града Мурома святому Глѣбу. По семъ же Муромъ паки отъ Рязанскихъ епископовъ благословляется, сами же къ тому епископы

признать, что свое сообщеніе Татищевъ заимствовалъ изъ мѣстныхъ записей—изъ Муромской лѣтописи.

3. Руководствуясь такъ называемымъ „методомъ остатковъ“ [1]), мы выдѣлили въ сводѣ Татищева тѣ важнѣйшія извѣстія, какія могли составлять отличительную особенность въ содержаніи упоминаемой имъ Муромской лѣтописи. Но есть нѣкоторая возможность охарактеризовать содержаніе послѣдней еще съ одной стороны. Въ XXIX главѣ первой книги „Исторіи Россійской“ Татищевъ опровергаетъ басню о войнѣ Скиѳовъ съ холопами и затѣмъ говоритъ: „Нѣкоторые наши писатели, неосторожно отъ иностранныхъ древностей взявъ въ Русскіе вносили и присвояли, знатно думая, что другіе тѣхъ не знаютъ и впредь знать не будутъ, подобно какъ старые и ветхіе лоскутья къ своему новому къ бѣлому платью для разпещренія пришивали, которое не токмо явно неправо, но и *непристойно*, яко избавленіе Милета Тразибуломъ изъ Геродота Бѣлуграду, Владиміру Мономаху поединокъ съ Корсунскимъ воеводою изъ Геродота-жъ и пр. Но я еще къ сей холопьей войнѣ нечаянно досталъ прочитать исторію града Ростова, и она не токмо

въ Муромъ на житіе не возвращахуся, и оттолѣ въ именованіи епархіи нарицается прежде Рязанскій, а потомъ Муромскій епископъ. А иногда бываху посѣщенія ради епископіи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуся прежде епископи Муромстіи, а потомъ Рязанстіи“. Во второй части житія сообщается, что князь Георгій Ярославичъ, обновивъ Муромъ, „*и епископа попрежнему у ихъ церкви устроилъ* именемъ Василія“. Наконецъ, по одной редакціи житія князя Константина (помѣщен. въ „Памятникахъ старин. рус. литературы, издан. гр. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, стр. 229 и слѣд.) самое прибытіе этого князя въ Муромъ съ епископомъ и клиромъ для крещенія жителей и устроеніе въ немъ епископіи отнесено къ 6700 (1192) году. (Архим. *Мисаилъ*. Свят. благов. кн. Константинъ Муромскій... Труды Владим. Учен. Архивн. Ком. Кн. VIII. Владиміръ. 1906, стр. 4 и слѣд.—Архим. *Макарій*. Сборникъ свѣдѣн. о Рязан. епархіи..., стр. 93—96. Рязанскія Достопамятности, собран. архим. *Іеронимомъ*. Рязань. 1889. § 52). Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ житія (составленнаго по многимъ признакамъ не ранѣе половины XVI вѣка), рядомъ съ обычной житійной риторикой, сохранилъ въ своемъ трудѣ и нѣкоторыя фактическія черты, пользуясь, можетъ быть, тѣми же мѣстными источниками, которые были потомъ и въ рукахъ Татищева.– Самое сказаніе о чудесномъ перенесеніи еп. Василія по Окѣ въ Рязань служитъ отголоскомъ того, что іерархическое преимущество только уже впослѣдствіи перешло отъ Мурома къ Рязани.

Затронувъ вопросъ о возможномъ общемъ источникѣ у автора житія кн. Коистантина съ Татищевымъ, мы не можемъ не остановиться на одномъ весьма любопытномъ обстоятельствѣ. По житію, въ Муромѣ, предъ прибытіемъ туда Константина, наряду съ язычествомъ („мордовская прелесть“), было въ большой силѣ магометанство („болгарстіи агаряне“). Послѣдній фактъ находитъ свое полное объясненіе и подтвержденіе въ приведенныхъ нами извѣстіяхъ Татищева о прочныхъ торговыхъ связяхъ Мурома съ болгарами.

[1]) *Дж. Ст. Милль*. Система логики, перев. В. Ивановскаго. М. 1899, стр. 318 и слѣд.

ветха, но по письму и бумагѣ мню болѣе 200 лѣтъ писана; въ ней о семъ пространнѣе нежели индѣ находится: мѣсто тоже, что въ *лѣтописи Муромской*, Колязинъ монастырь разумѣетъ быть холопій градъ“ [1])... Мы умышленно отмѣтили въ первыхъ строкахъ реферата, что въ текстѣ „Исторіи Россійской“ ссылокъ на Муромскую лѣтопись у Татищева нѣтъ. Приведенная сейчасъ выдержка дѣйствительно взята не изъ самаго лѣтописнаго свода Татищева, а изъ вводной главы, посвященной разсмотрѣнію скандинавскихъ названій древней Руси въ сагахъ и т. п. Тѣмъ не менѣе выдержка эта для насъ интересна вдвойнѣ: во-первыхъ, въ ней еще разъ ясно называется лѣтопись Муромская, а во-вторыхъ, тутъ же дается и нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, какого рода „не весьма пристойныя басни“ нашелъ Татищевъ въ этой лѣтописи и счелъ нужнымъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность въ ея содержаніи. Насколько разнообразенъ былъ кругъ этихъ легендарныхъ сказаній въ Муромской лѣтописи („*многими* баснями... наполнена“), разумѣется, опредѣлить нѣтъ возможности. Но знакомство съ языкомъ „Исторіи“ Татищева позволяетъ сдѣлать въ этой области одну догадку. Именемъ „басни“ Татищевъ обычно называетъ лѣтописные разсказы о волхвахъ, чародѣяхъ, ложныхъ чудесахъ и подобныхъ явленіяхъ [2]). Но среди небольшого количества литературныхъ памятниковъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ спеціально Муромскому краю, самое видное мѣсто занимаютъ такъ назыв. „Муромскія житія“—князей Константина, Михаила, Ѳеодора, Петра и Февроніи [3]). Если мы припомнимъ, что въ послѣднемъ житіи (Петра и Февроніи) есть, между прочимъ, рѣчь объ убіеніи змія, о добываніи Агрикова меча, о томъ, какъ дѣвица ткала красна, а передъ нею былъ заяцъ и т. п.,—то слова Татищева о „непри-

---

[1]) Греческій разсказъ о войнѣ Скиѳовъ съ холопами повторялся Герберштейномъ, Стрыйковскимъ и друг. (Карамзинъ, т. I, прим. 458).

[2]) По поводу лѣтописнаго разсказа о смерти Олега Татищевъ отзывается: „явная басня по древнему суевѣрству о ворожеѣ“... Несторовы сказанія о волхвахъ онъ называетъ „безумными баснями“. По поводу извѣстія о змѣѣ, спадшемъ съ неба, замѣчаетъ: „сіе есть басня“... (см. эти и подобн. выдержки у *Н. Попова*, Татищевъ и его время, стр. 464—469, 474 и друг.).

[3]) Повѣсть о житіи кн. Петра и супруги его Февроніи издана въ Памятн. стар. рус. литер. Кушелевымъ-Безбородко, т. I, стр. 29—45. Ср. также *Ѳ. И. Буслаева*: Очерки рус. литер. и искусства. Т. I. Спб. 1861, стр. 288 и слѣд. *В. Ключевскаго*: Древнерусскія житія святыхъ, какъ историч. источникъ. М. 1871, стр. 287. *Н. Травчетова*: Г. Муромъ и его достопримѣчательности. Владиміръ. 1903, стр. 16 -20.— Возможно также, что Муромская лѣтопись содержала въ себѣ и нѣсколько разсказовъ о волхвахъ, подобныхъ тѣмъ, какіе даются Лаврентьевскою лѣтописью о Ростовскихъ и Суздальскихъ волхвахъ подъ 1024 и 1071 г.г. (Лаврент. лѣтоп., стр. 144, 170—175).

стойныхъ басняхъ" позволяютъ предполагать, что въ составъ Муромской лѣтописи входили и указанныя Муромскія легенды.

4. Въ заключеніе нельзя не остановиться на одной второстепенной подробности въ упоминаніи Татищева о Муромской лѣтописи, именно, на тѣхъ его словахъ, что лѣтопись эту въ 1722 году у него взялъ въ Персидскій походъ Петръ Великій. Сообщеніе это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ Петра Вел. къ русской исторіи, и лично къ Татищеву и о Персидскомъ походѣ. Въ 1716 г., проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, Петръ велѣлъ для себя снять точную копію Радзивиловскаго списка лѣтописи. Въ 1722 году было приказано по всѣмъ епархіямъ и монастырямъ высылать въ Синодъ „куріозные, т.-е. древнихъ лѣтъ рукописные на хартіяхъ и на бумагѣ церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочіе имъ подобные" [1])... Иногда Петръ Великій лично бесѣдовалъ съ Татищевымъ о русской исторіи [2]); по совѣту Брюса, Татищевъ списалъ для себя лѣтопись Нестора изъ библіотеки Петра В. [3]). Въ персидскій походъ Петръ ѣхалъ чрезъ г. Муромъ (чѣмъ, вѣроятно, и объясняется его интересъ къ Муромской старинѣ), а при возвращеніи изъ похода „подъ инструменты и подъ книги его величества" куплена была особая телѣга [4]).

На основаніи нашихъ наблюденій и изслѣдованій какой же общій выводъ можно сдѣлать по вопросу о достовѣрности Татищева, какъ историка? Въ статьѣ: „О составѣ русскихъ лѣтописей" Бестужевъ-Рюминъ, какъ мы упоминали выше, отдаетъ дань преобладавшему въ 60—70 гг. недовѣрію къ Татищеву [5]). Но въ книгѣ: „Біографіи и характеристики" тотъ же историкъ считаетъ очень цѣнной работой „отдѣленіе всѣхъ особыхъ извѣстій Татищева, опредѣленіе, какія изъ нихъ принадлежатъ которому изъ его неизвѣстныхъ источниковъ, и затѣмъ оцѣнка ихъ достовѣрности на основаніи

---

[1]) *В. Иконниковъ.* Опытъ русской историографіи. Томъ I. Кн. 1. Кіевъ. 1891, стр. 112—113.

[2]) *Н. Поповъ.* Татищевъ и его время, стр. 444—445.

[3]) Исторія Россійская, I, стр. XX.

[4]) *Г. Есиповъ.* Сборникъ выписокъ изъ архивн. бумагъ о Петрѣ Вел. Томъ II. М. 1872, стр. 106 и 120.

[5]) Но въ I т. „Русской Исторіи" (М. 1872) Бестужевъ-Рюминъ уже считаетъ предъявлявшіяся къ Татищеву обвиненія въ подлогѣ совершенно неосновательными (введеніе, стр. 212), хотя, наприм., отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей у Татищева прямо признаетъ поддѣлкой (стр. 181).

частію памятниковъ сохранившихся и частію внутреннихъ соображеній. Многое, конечно, было бы гадательнымъ въ этой работѣ, —заключаетъ Бестужевъ-Рюминъ,—но всетаки были бы достигнуты важные результаты; по крайней мѣрѣ, вошли бы окончательно въ исторію многіе факты“ [1]). Этотъ взглядъ Бестужева-Рюмина постепенно находитъ въ нашей исторической литературѣ все болѣе широкое примѣненіе. Мы уже имѣемъ теперь работы по повѣркѣ извѣстій Татищева о походѣ Мономаха на помощь грекамъ, о приводимомъ у него отрывкѣ изъ Полоцкихъ лѣтописей и о лѣтописи Іоакимовской [2]). Къ этимъ трудамъ я осмѣливаюсь присоединить и свои изысканія по вопросу о Муромской лѣтописи. Вполнѣ соглашаюсь, что не мало въ такихъ работахъ гадательнаго. Но постепенно отдѣльныя слабыя кольца смыкаются въ болѣе прочную цѣпь. Съ каждой слѣдующей попыткой сплетается все болѣе замѣтный вѣнокъ на голову Татищева, одного изъ типичныхъ представителей Петровской эпохи—человѣка съ значительными житейскими слабостями, но въ то же время и съ неугасающими порывами къ добру и правдѣ. „Наука возмужала,—можемъ мы теперь повторить слова одной давней статьи нашего выдающагося историка,—отдѣльныя изслѣдованія показали важность извѣстій, помѣщенныхъ въ сводѣ Татищева, и наступило время отдать должное знаменитому труженику“ [3]).

С. Н. Введенскій.

---

[1]) „Біографіи и характеристики“. Спб. 1882, стр. 163.

[2]) Мы разумѣемъ здѣсь работы г.г. Васильевскаго („Византія и Печенѣги“.—Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., кн. XII), Сапунова („Достовѣрность отрывка изъ Полоцкихъ лѣтоп. у Татищева подъ 1217 г.“—Чт. Общ. Ист. и Древн., 1898 г., III, отд. V, стр. 6—13), Лавровскаго (О Іоакимовской лѣтописи), Сенигова и друг.

[3]) *С. М. Соловьевъ.* В. Н. Татищевъ. Архивъ историко-юридич. свѣд., изд. Калачевымъ. Кн. II, полов. I, отд. III. стр. 39.

КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНІЕ
СТАРОДУБСКАГО КНЯЗЯ
ѲЕОДОРА ИВАНОВИЧА БЛАГОВѢРНАГО.

Занимаясь въ архивѣ бывшаго Суздальскаго Архіерейскаго Дома, я наткнулся въ немъ на дѣло, представляющее немалый интересъ, какъ для русской агіографіи, такъ и для исторіи Владиміро-Суздальскаго края. Это дѣло о мощахъ стародубскаго князя Ѳеодора Ивановича Благовѣрнаго, производившееся съ 1722 по 1749 г. въ Суздальской домовой Архіерейской Консисторіи [1]).

Суть дѣла въ слѣдующемъ. Преосвященному Суздальскому Варлааму стало извѣстно, что священникъ с. Алексина Суздальскаго (нынѣ Ковровскаго) уѣзда Леонтій чинитъ молебствія мощамъ св. князя Ѳеодора Стародубскаго. Священникъ былъ немедленно взятъ въ казенный приказъ, гдѣ ему и учинили допросъ. На допросѣ онъ сказалъ, что по древнему преданію подъ церковью Рождества Пресвятыя Богородицы въ с. Алексинѣ покоятся мощи Св. князя Ѳеодора Стародубскаго, отъ которыхъ были чудеса, записанныя въ тетради, находящейся на ракѣ, подъ которой лежитъ тѣло; въ церкви есть два образа благовѣрнаго князя: одинъ написанъ на ракѣ, другой поставленъ у сѣверныхъ дверей. Ему же написаны—неизвѣстно кѣмъ—тропарь и кондакъ. Службу благовѣрному князю отправляютъ мученическую и празднуютъ память его 21 іюня. Послѣ допроса изъ Алексина были взяты и доставлены въ Суздаль иконы кн. Ѳеодора, тропарь, кондакъ и тетрадка съ записью исцѣленій послѣдовавшихъ отъ св. мощей [2]). Преосвященнымъ было сдѣлано представленіе въ Св. Синодъ, но оттуда не

[1]) Н. В. Малицкій въ своей интересной статьѣ „Дѣло о церковномъ чествованіи кн. Ѳеодора Стародубскаго въ с. Алексинѣ“ (Изъ прошлаго Владимірской епархіи. Вып. 2. Владиміръ. 1907), матеріаломъ для которой послужило это-же дѣло, приходитъ къ выводамъ, значительно расходящимся съ моими, изложенными мной на 3-мъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Владимірѣ 1906 г. Позволяю себѣ остаться при своихъ выводахъ; почему—будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

[2]) Тропарь, кондакъ и тетрадка сохранились донынѣ (см. приложеніе).

получалось отвѣта въ продолженіи 19 лѣтъ. Между тѣмъ одинъ изъ образовъ по просьбѣ Алексинцевъ былъ возвращенъ имъ обратно (другой былъ утерянъ въ Суздалѣ) и разрѣшено отправлять панихиды по кн. Ѳеодорѣ. Отвѣтъ изъ Синода на донесеніе преосв. Варлаама послѣдовалъ лишь въ 1743 г. въ формѣ указа, которымъ предписывалось „объ оныхъ мощахъ.... надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить". Попа Леонтія снова привлекли къ допросу. На этотъ разъ онъ показалъ, что служилъ у мощей по примѣру отца и дѣда, что о нахожденіи мощей благовѣрнаго князя Ѳеодора подъ церковью онъ слышалъ отъ отца и 80-лѣтней бабки Дарьи Ермолаевой, умершей уже сорокъ лѣтъ тому назадъ. При этомъ попъ Леонтій пересказалъ удивительную по своей безъискусственной красотѣ старинную легенду о кончинѣ и погребеніи благовѣрнаго князя, разсказанную ему бабкой: „село Алексино было вотчины благовѣрнаго князя Ѳеодора, который ходилъ на войну въ Орду, и безбожный царь Азбикъ того князя Ѳеодора мучилъ многими муками, тѣло его все по частямъ изрубилъ и войско его, которое съ тѣмъ княземъ было, побилъ; тѣло князя Ѳеодора лежало между трупами и на тѣло его и птица не садилась... И видя то оставшееся войско собрало тѣло князя Ѳеодора и не сыскали было одного перста и хотѣли безъ того перста люди его везти на Москву, но лошади то тѣло не повезли и съ мѣста не сдвигнули, а они стали искать того перста и какъ сыскали и въ гробъ обще съ тѣломъ положили—лошади двигнулись и привезли къ Москвѣ И въ Москвѣ думали, гдѣ-бы то тѣло погрести и вздумали, чтобы отвезти его въ его вотчину въ с. Ряполово Суздальскаго уѣзда, которое отъ того Алексина въ разстояніи въ 10 верстахъ и лошади опять то тѣло не повезли и съ мѣста не сдвигнули, а они паки вздумали, чтобы отвезти и погребсти его въ селѣ Алексинѣ, то тѣло двигнулось, лошади повезли и привезли въ то село Алексино, гдѣ подъ церковью и похоронили его; отъ гроба его въ то время многимъ приходящимъ было исцѣленіе". Далѣе попъ Леонтій показалъ, что записи объ исцѣленіяхъ были, какъ онъ слышалъ отъ своего предшественника по приходу, записаны на столбцахъ, впослѣдствіи сгорѣвшихъ, причемъ эти записи были засвидѣтельствованы сторонними лицами, что на мѣсто отобранной тетради съ записями о чудесахъ прислана новая приказнымъ Троицкаго монастыря Калмыковымъ и что въ 1740 г. церковный полъ надъ могилой князя огражденъ балясникомъ, поставленнымъ подъячимъ Троице-Сергіевой лавры Оничковымъ, а подъ поломъ надъ могилой нарублено изъ бревенъ два ряда. Произведенъ былъ допросъ и этихъ лицъ, но онъ въ дѣло ничего новаго не внесъ: Калмыковъ заявилъ, что его тетрадь съ записями исцѣле-

ній представляетъ лишь копію прежней, отобранной. Это подтвердилось. Оничковъ-же, очевидно желая выпутаться изъ дѣла, отрицалъ постройку имъ балясника. Тогда состоялось опредѣленіе епархіальной власти о неслуженіи не только молебновъ князю Ѳеодору, но и панихидъ по немъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сдѣланъ рядъ запросовъ въ Троице Сергіеву Лавру и въ различныя учрежденія Владимірской провинціи: въ Лавру о томъ, состояло-ли село Алексино за кн. Ѳеодоромъ Стародубскимъ и когда перешло во владѣніе Лавры, въ провинціальныя учрежденія—о снятіи показаній съ тѣхъ лицъ, о которыхъ упоминается въ тетради со спискомъ исцѣленій. Троице-Сергіева Лавра отвѣтила, что по справкамъ, (наводившимся, очевидно, по „Списку съ писцовыхъ книгъ земель Троице-Сергіева монастыря въ станахъ Польскомъ и Стародубъ Ряполовскомъ 7101 и 7102 г.г. письма и мѣры Якова Вельяминова и подъячаго Ѳедора Андреева“, доселѣ хранящемуся въ библіотекѣ Лавры и изданному въ 1872 г. подъ редакціей Калачова), село Алексино „приложено“ къ монастырю въ 7048 г. княгиней Авдотьей Ивановной Мезецкой, женой кн. Юрія Ивановича Шемякина-Пронскаго, что с. Алексина по крѣпостнымъ актамъ за кн. Ѳеодоромъ Стародубскимъ не значится и что о немъ въ книгохранительной казнѣ Лавры не имѣется древнихъ и вообще никакихъ свѣдѣній. Провинціальныя учрежденія отвѣтили, что не только тѣхъ лицъ, которыя упоминаются въ записяхъ о чудотвореніяхъ (состоявшихъ, главнымъ образомъ, въ исцѣленіи отъ глазныхъ болѣзней) не оказалось въ живыхъ, но что даже не сыскалось многихъ селъ и деревень, изъ которыхъ происходили лица, получившія исцѣленіе, что является—какъ увидимъ ниже—чрезвычайно страннымъ.

Результаты слѣдствія не убѣдили епархіальную власть ни въ святости кн. Ѳеодора, ни въ томъ, что онъ дѣйствительно погребенъ въ с. Алексинѣ подъ церковью Рождества Богородицы, ни даже въ самомъ его существованіи [1]). Послѣдовалъ указъ (1749 г.) и, на этотъ разъ, окончательный, въ которомъ епархіальная власть, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, находитъ, что „чудотворенія отъ того Ѳеодора Стародубскаго по слѣдствію не оказалось“, такъ какъ записку о чудесахъ за дѣйствительную причитать невозможно, рѣчи бабки попа Леонтія „весьма къ вѣроятію недостойны“, такъ какъ о кн. Ѳеодорѣ Стародубскомъ въ книгохранительной казнѣ записей нѣтъ, равно нѣтъ и ука-

[1]) Правда, прямого отрицанія существованія кн. Ѳеодора въ консисторскомъ указѣ не содержится, но сомнѣніе въ немъ сквозитъ въ каждомъ словѣ указа. Исключительно этимъ сомнѣніемъ—и единственно имъ—и можно объяснить запрещеніе служить не только молебны князю Ѳеодору, но и панихиды по немъ.

заній, чтобы село Алексино принадлежало ему. Есть только указаніе, что село „приложено“ Лаврѣ по данной 7068 и духовной 7083 г.г. княгиней Авдотьей Ивановной Шемякиной-Пронской, дочерью Мезецкой, что хотя въ запискѣ и значится о исцѣленіи у мощей Ѳеодора 16-ти человѣкъ, но „тѣ всѣ подлые, а не другіе каковые знатные люди“, ихъ и сродственниковъ ихъ не сыскалось, не сыскалось и многихъ селъ и деревень, изъ которыхъ они значатся родомъ, а потому „такового празднества попу Леонтію не исправлять и за святого не почитать“. Въ этомъ съ попа Леонтія взяли подписку и уничтожили въ церкви видимые слѣды могилы князя Ѳеодора. Икону опять взяли въ Суздаль. Такъ закончилось это дѣло—грустный памятникъ подъяческаго крючкотворства, внесеннаго XVIII вѣкомъ въ живое дѣло вѣры Христовой. Но народъ не забылъ своего мученика-князя: болѣе, чѣмъ пятьсотъ лѣтъ спустя послѣ его кончины—около половины прошлаго столѣтія—вѣрующіе стекались къ его гробу со всей округи, не считаясь съ консисторскимъ рѣшеніемъ [1]). Теперь, конечно, многое забыто.... О благовѣрномъ князѣ Ѳеодорѣ напоминаютъ лишь заупокойная литургія и панихида, совершаемыя въ день его кончины—21 іюня—да ярмарка, собирающаяся въ этотъ день въ Алексинѣ и носящая названіе „благовѣрной“...

Кто-же правъ предъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи: живое-ли и благоуханное народное сказаніе, отъ котораго вѣетъ старой, до—московской Русью, Русью героевъ и мучениковъ, или оффиціальный консисторскій указъ, канцелярски сухо, по всѣмъ правиламъ „Духовнаго Регламента“, обсуждающій признаки святости благовѣрнаго князя и дѣлящій предъ лицемъ Господа исцѣленныхъ „по вѣрѣ ихъ“ на „знатныхъ“ и „подлыхъ“?

Прежде всего является совершенно безспорнымъ фактъ, что князь Ѳеодоръ Ивановичъ Стародубскій—лицо историческое. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1329 г. значится: „Того-же лѣта убиша въ ордѣ князя Ѳеодора Ивановича Стародубскаго, внука Михайлова, правнука Иванова, праправнука Всеволожа, препраправнука Юрія Долгорукаго“. Въ „Родословной книгѣ“, въ родословіи Стародубскихъ князей значится: „А у князя Ивана Всеволодовича сынъ Иванъ-Калистратъ, а княжь Ивановъ сынъ князь Михайло, а у князя Михайла сынъ князь Ѳедоръ, прозвище ему Благовѣрной, убитъ въ Ордѣ отъ Царя“. Въ спискѣ-же Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ литерой В, записано „прозвище ему Неблаговѣрной“—очевидная описка

[1]) Справочный Листокъ Третьяго Областного Археолог. Съѣзда, № 4, стр. 27.

переписчика. [1]) Указаній немного, но они настолько категоричны, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ни въ существованіи кн. Ѳеодора, ни въ фактѣ его мученической кончины въ Ордѣ въ царствованіе Узбека (1329 г.). Слѣдовательно, народное преданіе совершенно точно сохранило фактъ смерти кн. Ѳеодора въ Ордѣ, причемъ въ народной памяти уцѣлѣло въ лѣтописной формѣ и самое имя хана, умертвившаго князя: Узбекъ-Азбякъ лѣтописи и народнаго преданія--Азвякъ былинъ („Щелканъ Дудентьевичъ").

Сохранила народная память и прозвище князя Ѳеодора „Благовѣрный". Что этотъ эпитетъ, прилагаемый обыкновенно церковью, какъ нарицательное, къ именамъ всѣхъ православныхъ правящихъ князей и членовъ ихъ семействъ, имѣлъ для князя Ѳеодора значеніе личнаго прозвища, на которыя вообще была богата старина, видно изъ прямого указанія „Родословной Книги". Память о этомъ личномъ прозвищѣ кн. Ѳеодора уцѣлѣла до нашихъ дней въ названіи ярмарки, собирающейся въ Алексинѣ въ день его кончины—„Благовѣрная (см. выше).

Остается открытымъ вопросъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ кончинѣ благовѣрнаго князя и сопровождавшихъ ее, но мы должны обратить вниманіе на одно изъ нихъ, на нашъ взглядъ весьма существенное, подтверждающее, по нашему мнѣнію, совпаденіе преданія о кн. Ѳеодорѣ съ историческими данными. Преданіе повѣствуетъ, что Узбекъ мучилъ кн. Ѳеодора „многими муками, тѣло все по частямъ изрубилъ".

Исторія подтверждаетъ намъ, что Узбекъ дѣйствительно примѣнялъ къ русскимъ князьямъ этотъ мучительный родъ казни: именно такъ были убиты имъ въ 1339 г. Тверскіе князья Александръ Михайловичъ и сынъ его Ѳеодоръ. „И розоимани быша по съставомъ" говоритъ о нихъ Троицкая Лѣтопись. Что-же касается до другихъ обстоятельствъ кончины и погребенія кн. Ѳеодора, упоминаемыхъ въ преданіи, то историческихъ данныхъ, по которымъ было-бы можно провѣрить ихъ, не сохранилось, хотя возможность схватки князя и его дружины съ татарами вполнѣ допустима.

Преданіе заканчиваетъ свою повѣсть о кн. Ѳеодорѣ тѣмъ, что тѣло его погребли въ Алексинѣ, гдѣ отъ гроба его многимъ приходящимъ было исцѣленіе. Суздальская

[1]) Временникъ Имп. Моск. О-ва Ист. и Др. Росс., кн X, стр.63—64. Какъ видимъ, получаются двѣ, разнящіяся между собой, родословныя кн. Ѳеодора. По одной изъ нихъ онъ сынъ кн. Михаила, по другой кн. Ивана. Карамзинъ принимаетъ первую версію, хотя дѣлаетъ указанія въ примѣчаніяхъ и на вторую, Соловьевъ принимаетъ вторую, повидимому, болѣе точную. Запись, которой начинается тетрадь о исцѣленіяхъ отъ гроба кн. Ѳеодора также содержитъ его родословную, совпадающую съ родословной Никоновской лѣтописи.

консисторія, предполагая довольно основательно, что тѣло князя должно было быть положено въ его вотчинѣ, наводило справки о томъ, было-ли с. Алексино вотчиной кн. Ѳеодора Стародубскаго. Справки эти результатовъ не дали и вопросъ остался для консисторіи неразрѣшеннымъ.

Что-же даетъ намъ исторія для его разрѣшенія?

Село Алексино, какъ мы знаемъ, было дано въ Троицкую Лавру княгиней Авдотьей Ивановной Шемякиной-Пронской, урожденной княжной Мезецкой. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи хранятся и акты, по которымъ Алексино перешло къ Троицкому монастырю.

Это—данная княгини Евдокіи Шемякиной-Пронской отъ 1560 г. игумену Троице-Сергіева Монастыря Іосафу и духовная ея отъ 1565 г., по которымъ Алексино (вѣрнѣе часть его) въ Стародубѣ Ряполовскомъ съ храмомъ Рождества Пречистыя Богородицы придано Троице-Сергіеву монастырю [1]).

Княгиня Авдотья Ивановна, дочь князя Ивана (по Ю. В. Татищеву Ивана-Іоны) [2]) Михайловича Мезецкаго получила с. Алексино двумя половинами. Первую изъ нихъ она получила, какъ правопреемница умершаго отца по раздѣлу со своими родными дядями: кн. Иваномъ-Шапкой, Петромъ-Гнусой и Семеномъ Михайловичами Мезецкими въ 1539 г. [3]).

Эта часть села перешла къ ней съ деревнями: Станижары, Хмѣльниково, Бѣлая, Чертково, Городище, Фролцово и др. Затѣмъ бездѣтный дядя кн. Петръ отдалъ ей и свою половину Алексина, доставшуюся ему по тому-же раздѣлу [4]). Князь Петръ и княжна Авдотья получили въ свою очередь Алексино отъ отца перваго и дѣда второй — кн. Михаила Романовича—перваго русскаго служилаго князя рода Мезецкихъ.

Князь-же Михаилъ получилъ Алексино (Олексинъ) по мѣновой—отъ Великаго Князя Московскаго Іоанна III вмѣсто своего удѣла Мезецка (Мещовскаго). „А что есми промѣнилъ князю Михаилу Мѣзетцкому на его жребій на Мѣсческъ въ Стародубѣ Олексинъ и онъ дръжытъ по меновой грамотѣ; а судъ и дань сына моего Васильево“... говоритъ духовная грамота Великаго Князя (около 1504 г.) [5]).

Очевидно, мѣняя съ княземъ Мезецкимъ Олексинъ на Мезецкъ Вел. Князь былъ вѣренъ традиціонной политикѣ Московскихъ князей—удалять удѣльныхъ князей подальше

---

[1]) Грамоты Коллегіи Экономіи по Суздалю №№ 11816 и 11827.

[2]) Ю. В. Татищевъ. Родъ князей Мезецкихъ (Извѣстія Русск. Генеалог. О-ва, т. II, стр. 63).

[3]) Акт. гражд. расп. I, 64—6, 50 и 82.

[4]) Id. 82.

[5]) Собраніе Государств. грамотъ и договор. т. I, стр. 390.

отъ ихъ бывшихъ удѣловъ, населеніе которыхъ еще не отвыкло смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ прирожденныхъ властителей, что для Москвы могло быть опасно.

Идя хронологически выше, мы сталкиваемся съ вопросомъ, какимъ-же образомъ Алексинъ—часть Стародубскаго удѣла („въ Стародубѣ Олексинъ")—попало во владѣніе Московскихъ князей? Мы будемъ недалеки отъ его разрѣшенія, если вспомнимъ, что уже сынъ кн. Ѳеодора Ивановича Благовѣрнаго – удѣльный князь Стародубскій Иванъ Ѳедоровичъ былъ изгнанъ изъ удѣла въ 1362 г. Московскимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ. „Димитрый, князь Московскій согна ... изъ Стародуба Іоанна"[1]).

По догадкѣ г. Экземплярскаго изгнаніе послѣдовало за сочувствіе Суздальскому кн. Дмитрію[2]). Если добавимъ къ этому, что изгнаніе одного князя другимъ нерѣдко влекло за собой конфискацію изгнавшимъ части удѣла изгнаннаго въ свою пользу, что этому обычаю особенно охотно слѣдовали Московскіе князья, то станетъ понятнымъ, какимъ образомъ часть Стародубскаго удѣла попала въ ихъ руки. При этомъ не лишнее замѣтить, что братъ и преемникъ князя Ивана кн. Андрей былъ—очевидно въ связи съ потерей части удѣла—уже не самостоятельнымъ княземъ, а подручникомъ Московскаго Вел. Князя, съ которымъ ходилъ на Тверь (1375 г.) и участвовалъ въ Куликовской битвѣ. Таковы историческія данныя, которыя мы имѣемъ по вопросу о переходѣ Алексина въ теченіи XIV—XVI в.в. отъ одного владѣльца къ другому.

Что изъ нихъ слѣдуетъ? Прежде всего съ несомнѣнной ясностью, насколько это возможно для той отдаленной эпохи, устанавливается, что Алексино принадлежало князьямъ Стародубскимъ, а въ томъ числѣ и Ѳеодору, входя въ составъ ихъ удѣла. Затѣмъ—есть всѣ основанія предполагать, что теперешнее село Алексино было въ то время крупнымъ населеннымъ пунктомъ—городомъ и притомъ изъ большихъ, судя по тому, что въ обмѣнъ на него пошелъ стольный городъ удѣльнаго княжества Мезецкаго. Г. А. Власьевъ[3]) тоже считаетъ Алексино того времени городомъ. И еще въ XVII вѣкѣ Алексино было, судя по писцовымъ книгамъ, своего рода центромъ—огромнымъ селомъ съ тремя церквами, къ которому тянула масса деревень. Такимъ образомъ можно думать, что Алексинъ при удѣльныхъ князьяхъ былъ вторымъ городомъ княжества—соперникомъ стольнаго города, возможно, что и князья жили въ немъ, помимо стольнаго города, чему примѣры бывали (напримѣръ

[1]) Прибавленіе къ Ипатьевск. лѣтописи (Полн. Собр. Лѣтоп. 11. 350).

[2]) Экземплярскій. Великіе и удѣльные князья, т. 11, стр. 181—2.

[3]) Г. А. Власьевъ. Потомство Рюрика. Т. 1, ч. 2. Князья Мезецкіе

въ Рязанскомъ княжествѣ). Поэтому, погребеніе князя Ѳеодора въ Алексинѣ—крупномъ центрѣ княжества, хотя и не въ стольномъ городѣ, не представляетъ изъ себя ничего маловѣроятнаго.

Суздальская Консисторія, полемизируя съ народнымъ сказаніемъ о мѣстѣ погребенія кн. Ѳеодора и о святости его, подчеркнула въ своемъ указѣ, что изъ лицъ, получившихъ исцѣленіе у гроба благовѣрнаго князя и обозначенныхъ въ тетради: „по слѣдствію ни единаго человѣка..... не токмо таковыхъ (какъ въ той тетради явствуетъ) именами, но и свойственниковъ ихъ и многихъ селъ и деревень, какъ изъ Владимірской провинціальной канцеляріи промеморіей объявлено, не имѣется и не памятуетъ".—Что не сыскалось лицъ, получившихъ исцѣленіе и даже сродниковъ ихъ—въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ, если принять въ соображеніе, что дознаніе производилось въ 1740 г.г., а послѣднее исцѣленіе, занесенное въ тетрадь датировано 1647 г., то-есть оно имѣло мѣсто безъ малаго за сто лѣтъ до дознанія. Но какимъ образомъ „не сыскалось селъ и деревень", значащихся въ тетради объ исцѣленіяхъ? Не могли-же они исчезнутъ безслѣдно....

Говоря о нерозыскѣ ихъ, Консисторія сослалась на свѣдѣнія, полученныя изъ Владимірской Провинціальной Канцеляріи. Провинціальная-же Канцелярія, дѣйствительно, сообщила Консисторіи на ея промеморію, что „кромѣ показаннаго с. Палеха, изъ написанныхъ въ промеморіи селъ и деревень съ такими званіями не имѣется и гдѣ такія села и деревни имѣются, о томъ она незнаетъ".

Если мы возьмемъ села и деревни, хотя-бы приведенныя Н. В. Малицкимъ въ его статьѣ (см. выше примѣч.) и провѣримъ дѣйствительность ихъ существованія, то получимъ такіе результаты.

Села и деревни эти суть: села Алексина дер. Бабешкино, села Лучкина дер. Бурнаково, села Гремячева дер. Пруцкая, с. Милюково и др.

Изъ нихъ дер. Бабешкино (Бабишкино) упоминается въ числѣ деревень, принадлежавшихъ къ Олексину и переданныхъ княжнѣ Авдотьѣ Мезецкой ея дядей кн. Петромъ Мезецкимъ (см. выше). Добавимъ къ этому, что то же Бабешкино (Бабашкино) значится въ изданномъ въ 1863 г. спискѣ населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи, какъ деревня Ковровскаго уѣзда [1]). По картѣ Шуберта разстояніе Бабашкина отъ Алексина около 5 верстъ. (Разстояніе здѣсь и далѣе считаемъ по прямой линіи). Въ томъ-же спискѣ значится дер. Бурнакова[2]), разстояніемъ отъ Алекси-

[1]) Списокъ населен. мѣстъ Россійской Имперіи. Влад. губ. СПБ. 1863, стр. 111.

[2]) Id. стр. 96.

на 2 версты, село Лучкино[1]), разстояніемъ отъ Алексина около 6 верстъ, дер. Гремячево[2]), разстояніемъ отъ Алексина около 5 верстъ, Милюково (Тумаково тожъ)[3]), разстояніемъ отъ Алексина около 17 верстъ. Существованіе Богоявленской слободы (Мстера) общеизвѣстно. Находится она приблизительно въ 27 верстахъ отъ Алексина.

Изъ сказаннаго можно сдѣлать только тотъ выводъ, что перечисленныя селенія, будучи упоминаемы, какъ таковыя въ XVII вѣкѣ и существуя въ XIX вѣкѣ, не могли не существовать въ промежуточномъ XVIII вѣкѣ и, слѣдовательно, утвержденіе провинціальной канцеляріи, будто „кромѣ показаннаго с. Палеха изъ написанныхъ въ промеморіи селъ и деревень съ такими названіями не имѣется“ въ корнѣ неправильно и свидѣтельствуетъ лишь о крайней небрежности, съ какой собирались затребованныя консисторской промеморіей справки, если только онѣ собирались вообще. Уничтожается и аргументъ консисторіи противъ правдивости тетради съ записью чудесъ, что „таковыхъ селъ и деревень..... не имѣется...“—какъ основанный на невѣрныхъ свѣдѣніяхъ. Вотъ матеріалъ, который исторія даетъ намъ по вопросу о существованіи кн. Ѳеодора Стародубскаго, его мученической кончинѣ въ Ордѣ, о мѣстѣ и обстоятельствахъ его погребенія.

Разсматривая весь этотъ матеріалъ, мы неизбѣжно придемъ къ выводамъ:

1) что удѣльный Стародубскій князь Ѳедоръ Іоанновичъ, по прозванію Благовѣрный, лицо историческое;

2) что фактъ его мученической кончины въ Ордѣ въ царствованіе Узбека въ 1329 г. несомнѣненъ;

3) что обстоятельства его смерти, уцѣлѣвшія въ народной памяти, весьма вѣроятны;

4) еще болѣе вѣроятенъ фактъ погребенія его въ крупномъ центрѣ Стародубскаго удѣла—Олексинѣ—и

5) нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя заставляли-бы насъ усумниться въ достовѣрности исцѣленій, совершавшихся у гроба благовѣрнаго князя.

Часто народное преданіе, будучи подвергнуто историческому анализу, не выдерживаетъ его: истина оказывается скрытой подъ вѣковыми наслоеніями вымысловъ и добавленій. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ явленіемъ: старая легенда о кончинѣ и погребеніи стародубскаго князя во всѣхъ почти своихъ подробностяхъ прямо или косвенно подтверждается историческими данными.

---

[1]) Id. стр. 98.
[2]) Id. стр. 97.
[3]) Id. стр. 113.

Народная память въ теченіи болѣе чѣмъ пяти вѣковъ благоговѣйно сохранившая въ „рѣчахъ весьма къ вѣроятію недостойныхъ,“ по мнѣнію суздальской консисторіи, всѣ подробности мученической кончины и погребенія князя—страстотерпца за Русскую землю и вѣру—оказалась предъ лицемъ исторіи правой.

Г. А. Ряжскій.

Святому великомученику, Благовѣрному князю Ѳеодору стародубскому чюдотворцу.

Тропарь.

Страстотерпче святый, Благовѣрный княже Ѳеодоре, моли милостиваго Бога, да прегрѣшеній оставленіе подастъ душамъ нашымъ.

Инъ тропарь.

Божественнымъ желаніемъ отъ юнаго возраста весь самъ себѣ Господеви возложивъ, въ молитвахъ и постѣхъ образъ бывъ добродѣтели, богатство же, и славу, и доброродство тѣлесное яко не сущее презрѣвъ. И Христа единаго отъ души возлюбилъ еси. И того истиннаго Бога, предъ нечестивымъ царемъ исповѣдалъ еси. и доблестію терпенія своего сего ужасивъ. и всѣхъ преудивилъ еси. тѣломъ яко розга обрѣзаемъ, и на кійждо составъ удеси рѣзанія, благодарны молитвы, изрѣклъ еси Господеви, тѣмъ во страданіи своемъ вѣнецъ пріемъ, къ престолу возшелъ еси славы, и со Аггелы предстоиши, всехвалне Ѳеодоре, моли Христа Бога, спастися душамъ нашымъ.

Кондакъ.

Днесь свѣтло сіяющая церковь, благочестно празднуетъ праздникъ пресвѣтлой и свѣтоносной твоей памяти, всякій градъ и страну созывающи, радуетъ бо ся яко имущи въ себѣ, сокровище веліе, честныя и многоцѣлебныя мощи твоя всехвалне Ѳеодоре, мучениче великоименитый, и чудесъ податель пребогатый, моли Христа Бога спастися душамъ нашымъ.

Лѣта 6838 году, царь Азбякъ убиша во Ордѣ князя Ѳеодора Ивановича стародубскаго внука Михайлова, правнука Иванова. преправнука Всеволожа, преправнука Юріа Долгорукова.

А.

Лѣта 7127, іуніа въ 21 де. На память святаго мученика, втойже день Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго чудотворца, на его праздникъ простилъ Богъ, дѣвицу Пелагею Тіханову дочь, Троицкой вотчины села Олексина, деревни Бабєшкина. Невидѣла очима пять лѣтъ.

Б.

Села Милюкова, деревни Липкова простилъ Богъ жену Пелагею Моисееву дочь, Григорьеву жену Григоріева, очима невидѣла, два года.

Г.

Изъ за Клязмы.

Села Палеха деревни Ярцова, изцѣлилъ Богъ, дѣвицу Евфросинію Юріеву очима невидѣла три годы.

Д.

Села Рыжева, деревни Ортеміевой, простилъ Богъ жену Антониду, Андреевскую жену, очима невидѣла 14 лѣтъ.

Е.

Изъ за Клязмы.

Деревни Тены, простилъ Богъ дѣвицу Домну Павлову дочь очима невидѣла годъ.

Ѕ.

Села Дорожаева деревни Юрина, простилъ Богъ дѣвицу Акилину Григоріеву дочь, очима невидѣла, два года.

З.

Села Палеха, простилъ Богъ жену Анну Іванову дочь очима невидѣла, два года.

И.

Села Лучкина, деревни Бурнакова, простилъ Богъ жену Пятого дочь, Іванову жену Моисеева. Ногами была скорбна годъ, отъ лихихъ казаковъ.

. ѳ.

Того жъ села Лучкина, простилъ Богъ жену Вассу Григоріеву дочь, Дементіеву жену, рукою лѣвою, ногою правою невладѣла годъ.

і.

Села Гремячева, деревни Прудцкой, простилъ Богъ мужчину Евдокима Денисова сына. Невидѣлъ очима пять лѣтъ.

аі.

Того жъ села Гремячева, деревни Прудцкой, простилъ Богъ жену Ірину Мелентіеву дочь, Іванову жену Ильина. Невидѣла лѣвымъ окомъ, нынѣшняго 127 году съ Петрова дни, до Ево праздника.

кі.

Села Милюкова, деревни Подсерухи, простилъ Богъ дѣвицу, Петрову дочь, очима невидѣла полтора годы, съ Покрова Пресвятыя Богородицы. прошлого 126 году.

гі.

Деревни Панфилова, простилъ Богъ мужщину Евдокима Ѳеодотова, былъ нутромъ скорбенъ, отъ оспожина жъ лѣта; а нынѣ Богъ исцѣлилъ.

А на столпцахъ назади подписано.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора благодати, боярина князя Дмитреа Михайловича Пожарскаго, посаду Холуя, Троицкой попъ Ігнатій руку приложилъ.

Ксей свидѣтелственной памяти Николской попъ Салтанъ руку приложилъ.

Ксей свидѣтелственной памяти Рождества Пресвятыя Богородицы, села Воскресенскаго попъ Іванъ руку приложилъ.

Ксей Божіей милости и Благовѣрнаго князя Ѳеодора благодати, Спаса Евфиміева монастыря, вотчины Архаггельской попъ Ѳирсъ руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора благодати, села Зимѣнокъ, Илійнской попъ Мина князь Ивановой вотчины, Давыдовича Гундорова руку приложилъ.

На лицевой сторонѣ 3-го листа, внизу, въ правомъ углу, мелко написано: Благодатію Божіею и молитвами Благовѣрнаго исцѣленіе очной, ручной, ножной и нутреної болѣзней.

Лѣта 7155 го: іуніа въ 30 де. Въ Троицкую вотчину всело Олексино, пришла старица суждалскаго уѣзду, стародубскаго стану, вотчины столника князя, Василіа Григоріевича Ромадановскаго зъбратіями, Богоявленской еслободы. Іоанна милостиваго монастыря. Имя ей Ѳеона Трентіева дщерь. И велѣла священникомъ молебствовати. въ церкви Рожества Пресвятыя Богородицы, у Благовѣрнаго великаго князя Ѳеодора стародубскаго чудотворца. А послѣ молебна сказала; болѣла де у нея и гнила лѣвая нога, зъберца до пояса, и язвы были многіе. лѣжала де во гноищи полпята года, и много пыталась по врачамъ, а исцѣленія де нимало не получила. И она де обрѣклася Благовѣрному великому князю Ѳеодору стародубскому чудотворцу, дабы умолилъ у всещедраго Бога, и Пречистыя Богородицы, Болѣзни Богъ избавилъ и во 153 году Богъ исцѣлилъ. Ноги и язвы все изжили, и она де по обѣщанію своему къ нему чудотворцу молебствовать не приходила по нынѣшней 155 годъ, за далнимъ разстояніемъ и за своею простотою. И въ нынѣшнемъ де во 155 мъ году послѣ Рожества Христова тажъ нога у нее стала и болше болѣть, и гноемъ тѣ прежніе язвы всѣ растворились. И болѣзни учала быть горше и прежняго. И она де ему жъ чудотворцу обрѣклась, дабы умолилъ у всещедраго Бога, и у Пречнстыя Богородицы, болѣзнь Богъ избавилъ, и іуніа жъ де 12 числа, Богъ ея простилъ. Нога у нее исцѣлела, и язвы все изжили, и струпъ сшелъ, и она де по обѣщанію своему и пришла къ нему чудотворцу молебствовать.

А какъ она болѣзнь свою сказывала, и Божіе чудо извѣщала, и вто число въ церкви были, Івана Іванова сына Буторлина, вотчины села Палѣха, воздвиженской попъ Естаѳей Ісаевъ, да Алексѣя Аѳанасіева сына Плещеева—вотчины села Ряполова, Николской попъ Раманъ Григорьевъ. Шуяня посадцкіе люди, Василей Василіевъ. да Артемей Косминъ. сынъ Неупокоевъ. и иные многіе сторонніе люди.

Того жъ числа пришла вдова володимерскаго уѣзду володимера володимерова сына Навосилцова вотчины деревни Пехры, имя ей Ксеніа, василіева дочь и велѣла въ церкви Рожества Пресвятыя Богородицы, у Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго чудотворца священникомъ молебствовать. А послѣ молебна сказала; впрошломъ де во 150 году бродила де она въ миру, кормилась Христовымъ имянемъ. И какъ де пошла въ деревню Непотягову, и ей де вдунулъ вѣтръ вочи, и стали де у нее очи колоть, и болѣть. И какъ де она издеревни Непотяговы пойдетъ домой и будетъ на

томъ же мѣстѣ, и на нее де напалъ мракъ темной, предъ собою невидѣла, и по нынѣшней 155 годъ. невидѣла. И много пыталась по врачамъ. и исцѣленія нимало не получила. и какъ де она обрѣклась Благовѣрному великому князю Ѳеодору стародубскому чудотворцу. и она де стала свѣтъ видѣть, и очная болѣзнь и ломъ, поминулись, и она де по обѣщанію своему, и пришла к нему чудотворцу молебствовать.

Іуніа въ 21-е. Троицкой вотчины, села Олексина приселка воскресенскаго вдова Ѳеодосіа василіева дочь. велѣла молебствовать. и послѣ молебна сказала; была де она очми скорбна лѣтъ стритцать. и свѣтъ чюдь видѣла, яко во мглѣ, а з годъ де невидѣла ни стеги. И какъ де она обрѣклась Благовѣрному великому князю Ѳеодору стародубскому чудотворцу. и она де по старому свѣтъ стала видѣть. И очная болѣзнь, и мгла покинула.

А позади у сихъ столбцовъ написано;

Ксей Божіей милости, Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго благодати, Шуи города соборныя церкви, Покрова Пресвятыя Богородицы, попъ Кондратъ руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго благодати, Государева Дворцоваго села Малыхъ Всегодичь, Николской попъ Ѳеофилактъ руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго благодати, успенской попъ Тімоѳей руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго благодати, успенской попъ Іродіонъ руку приложилъ.

Села Палѣха Воздвиженской попъ Естиѳей руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго чудотворца, Спаса Ѳуфиміева монастыря, села Лучкина Архаггелской попъ Иліа руку приложилъ.

Ксей Божіей милости, и Благовѣрнаго князя Ѳеодора стародубскаго чудотворца благодати, села Ряполова Никольской попъ Романъ руку приложилъ.

1718 г: воктябрѣ мѣсяцѣ по обѣщанію сію табель чудесамъ чудотворца Ѳеодора къ цѣлбоносному гробу ево поставилъ Іванъ Послуживцовъ.

По страницамъ подпись: Сию тетърать—обьявилъ—Села Алексина—Пречистенской—Попъ—Леонти—Матѳѣевъ—и падпи—салъ—своеручъно.

Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ „св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца“?

(По поводу доклада і. Квашнина-Самарина „о князьяхъ муромскихъ“ на Тверскомъ областномъ съѣздѣ).

Жилъ нѣкогда въ гор. Муромѣ князь именемъ Павелъ, имѣвшій при себѣ младшаго брата Петра. Спустя нѣкоторое время, Павелъ умираетъ, и единовластнымъ правителемъ дѣлается Петръ. Еще раньше смерти своего брата онъ женился на одной крестьянской дѣвушкѣ изъ деревни Ласкова (Ряз. губ.) [1]), по имени Февроніи, которая славилась умомъ и благочестіемъ и исцѣлила его два раза отъ тяжкой болѣзни—струпьевъ, покрывавшихъ все тѣло князя. Но этотъ неравный бракъ вооружилъ противъ него муромскую знать, которая, послѣ кончины кн. Павла, прямо объявила ему, что онъ долженъ отпустить отъ себя супругу, оскорбляющую своимъ происхожденіемъ знатныхъ женъ, а въ противномъ случаѣ оставить Муромъ. Вѣрный христіанскому долгу супружества, Петръ, подъ вліяніемъ вражды муромцевъ, рѣшилъ отказаться отъ княжества и удалиться изъ стольнаго города. Бояре дали ему суда, стоящія на Окѣ, и супруги съ небольшой свитой отправились на нихъ внизъ по рѣкѣ. Но въ Муромѣ, тотчасъ же по удаленіи ихъ, между боярами, желающими захватить власть въ свои руки, открылись раздоры, которые дошли до того, что многіе взялись за оружіе и потеряли жизнь. Вслѣдствіе этого граждане муромскіе на другой же день вынуждены были просить изгнанниковъ снова возвратиться въ городъ, что ими и было исполнено. Муромцы послѣ сего были очень довольны княженіемъ Петра. Княгиня много помогала мужу своими совѣтами и благотворительностію. Оба вели жизнь чистую,

---

[1]) Находится въ 5 вер. отъ Солотчинскаго мон. и стоящаго подлѣ него с. Солотчи, къ приходу котораго принадлежитъ. Въ этой деревнѣ издревле устроена часовня съ иконою муромскихъ чудотворцевъ, къ которой ежегодно въ день памяти ихъ (25 іюня) совершается изъ села крестный ходъ (архіеп. Дмитрій, Мѣсяцесловъ свв., вып. X, Тверь, 1900 г. стр. 228).

цѣломудренную. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, князь и княгиня въ одно время приняли иночество, одинъ съ именемъ Давида, другая—съ именемъ Евфросиніи. Умерли они также въ одинъ день и часъ.

Вотъ краткое, очищенное отъ вымысловъ народно-поэтическаго творчества, содержаніе „Повѣсти о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи“ [1]), послужившей источникомъ для проложнаго житія сихъ святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1547 г. Какъ видимъ, оно ничего не говоритъ опредѣленнаго о времени жизни ихъ и не даетъ прямыхъ указаній на то, кто именно изъ исторически извѣстныхъ князей муромскихъ долженъ быть разумѣемъ подъ названнымъ Петромъ, имени котораго совсѣмъ не упоминается въ лѣтописяхъ. Но съ давняго времени личность св. Петра отожествляется съ муромскимъ княземъ Давидомъ Юрьевичемъ, по лѣтописямъ управлявшимъ муромскимъ столомъ съ 1203 по 1228 г. Еще въ „Книгѣ глаголемой описаніе россійскихъ святыхъ“ [2]), первоначальные списки которой учеными спеціалистами относятся ко второй половинѣ XVII в. и даже къ началу патріаршества въ Россіи [3]), дано указаніе на это тождество, такъ какъ кончина св. Петра отнесена здѣсь къ 6735 (1228) году, когда, по сказанію лѣтописи, послѣдовала смерть именно Давида Юрьевича. Означеннаго мнѣнія о личности св. Петра придерживается и большинство современныхъ ученыхъ; его раздѣляютъ даже такіе авторитеты въ области русской агіологіи, какъ митр. Макарій [4]), преосв. Филаретъ [5]), архіеп. Сергій [6]), архіеп. Дмитрій [7]), проф. Ключевскій [8]), проф. Голубинскій [9]), Барсуковъ [10]) и др. Къ

---

[1]) Издана Кушелевымъ—Безбородко въ „Памятникахъ стар. рус. литер.“ т. I, стр. 29—45. Исключивъ „положенное въ основу „Повѣсти“, древнее доисторическое преданіе о борьбѣ героя со змѣемъ и союзѣ его съ вѣщею дѣвою“, общее, по изслѣдованію проф. Буслаева, различнымъ европейскимъ народамъ (Ист. очерки рус. нар. слов. и искусства, Спб. 1861 г стр. 269—300), мы удержали въ своемъ резюме лишь то, что составляетъ мѣстную „историческую обстановку“ сказанія, въ которой усматриваемъ выраженіе сохранившагося, хотя м. б. и не со всею точностію, мѣстнаго народнаго преданія о дѣйствительныхъ лицахъ и событіяхъ, бывшихъ въ Муромѣ.

[2]) Чт. въ Имп. Общ. Ист. и древ. Рос. 1887 г. кн. 4, № 438.

[3]) Архіеп. Сергій, Пол. мѣсяц. вост. Влад. 1901 г. т. II, стр. 382.

[4]) Ист. Рус. ц. т. III, Спб. 1868 г. стр. 264: т. VI, кн. I, изд. 2-е, стр. 219.

[5]) Житія свв., мц. іюнь, Спб. 1885 г. стр. 179.

[6]) Пол. мѣс. вос. т. II, стр. 191.

[7]) Мѣсяцесловъ свв., вып. X, стр. 227 и слѣд.

[8]) Древнерус. жит. свв., какъ истор. источ. М. 1871 г. стр. 287.

[9]) Ист. рус. ц. М. 1881 г. т. I, пол. 2, стр. 557; Ист.-канонизаціи свв. въ рус. ц. М. 1903 г. стр. 84.

[10]) Источ. рус. агіологіи, Спб. 1882 г. стр. 451.

ожалѣнію, не смотря на свою распространенность, и доселѣ оно является мало обоснованнымъ, а потому и доселѣ не устраняетъ попытокъ отождествить св. Петра съ другой исторической личностью. Такая попытка три года тому назадъ сдѣлана была извѣстнымъ изслѣдователемъ исторіи Тверского края Н. Д. Квашнинымъ—Самаринымъ, который въ докладѣ своемъ на Тверскомъ областномъ съѣздѣ „о князьяхъ муромскихъ, причтенныхъ къ лику святыхъ", отнесся критически къ общепринятому мнѣнію и иначе опредѣлилъ время жизни св. Петра, усмотрѣвъ въ немъ одного изъ муромскихъ князей съ таковымъ же именемъ, жившаго на цѣлое столѣтіе позднѣе Давида Юрьевича, именно въ началѣ XIV в.

Сущность аргументовъ, приводимыхъ авторомъ доклада, заключается въ слѣдующихъ строкахъ: „сходство Давида Юрьевича съ Петромъ, говоритъ онъ, видятъ въ томъ, что послѣдній былъ названъ въ монашествѣ Давидомъ (это скорѣе противорѣчіе), да еще въ томъ, что и онъ наслѣдовалъ старшему брату Владиміру. Но къ чему же всѣ эти поиски, когда мы знаемъ, что съ 1248 года и по 1344 годъ ни одинъ муромскій князь не названъ въ лѣтописяхъ? Въ это время могло княжить много Петровъ. Мало этого, въ родословныхъ (кн. X. Временника) прямо опредѣляется время жизни князя Петра. Тамъ находится родословіе Овцыныхъ и Владиміровыхъ и говорится, что эти роды происходятъ отъ Владиміра Даниловича, боярина Дмитрія Донского, отецъ котораго, Данило, былъ сыномъ Василія, меньшого брата благовѣрнаго Петра. Бояринъ Владиміръ Даниловичъ, извѣстный и по лѣтописямъ, былъ, стало быть, современникомъ Донского, отецъ его, Данило, есть современникъ Семена Гордаго, а дѣдъ Василій, а равнымъ образомъ и братъ его Петръ суть современники Ивана Калиты и относятся къ началу XIV в." Авторъ оканчиваетъ свои соображенія догадкой, что „князь Василій и Юрій Ярославичи, о которыхъ говоритъ лѣтопись половины XIV в., были по всему вѣроятію племянники Петра, братъ котораго могъ носить княжье имя Ярослава, самъ же Петръ, судя по словамъ житія, кажется, не имѣлъ дѣтей" [1]).

Приступая къ разбору даннаго мнѣнія, прежде всего нельзя не пожалѣть о томъ, что г. Квашнинъ—Самаринъ не сдѣлалъ буквальной выписки того мѣста родословной, гдѣ говорится о кн. Петрѣ; эта выдержка, кромѣ большей убѣдительности, дала бы и наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о названномъ лицѣ. Поэтому, въ видахъ наилучшаго освѣще-

[1]) Труды второго областного Тверского археолог. съѣзда. Тверь, 1906 г., отд. II, стр. 317—318.

нія послѣдняго, не лишнимъ считаемъ сдѣлать такую выдержку. Дѣйствительно, въ Родословной книгѣ, по списку А, хранящемуся въ Моск. Архивѣ Коллегіи Иностр. дѣлъ, писанному при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, о родѣ Владиміра Даниловича Снабдина говорится: „Великіе князи Муромскіе братья: князь Петръ, да князь Василій, да князь Иванъ. И князь Петръ бездѣтенъ, и княгиня его Евфросинія оба святы; а у князя Василья сынъ князь Данило, а у князя Данила сынъ Владиміръ Красный Снабря и отъ него пошли Овцыны; а братъ ихъ меньшой, князь Иванъ пошелъ со княгинею въ орду и тамъ преставился и отъ него пошелъ родъ Злобиныхъ да Замятниныхъ, а выѣхали изъ орды къ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому. Владиміръ Даниловичъ былъ въ боярѣхъ у великаго князя Дмитрія во Псковѣ; а у Владиміра былъ сынъ Дмитрій Овца, въ боярѣхъ же былъ...“ [1]).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, въ родословной муромскій князь Петръ, предокъ Снабдина и другихъ бояръ, прямо отожествляется съ причтеннымъ къ лику святыхъ чудотворцемъ Петромъ. Но правильно ли это? Есть ли какое либо сходство между сими двумя Петрами, которое бы давало право на такое отожествленіе? Есть скорѣе разница, а не сходство. Въ „Повѣсти о Петрѣ“ мы видимъ у него старшаго брата Павла, правившаго ранѣе муромскимъ столомъ, тогда какъ здѣсь самъ Петръ является старшимъ и имѣющимъ не одного, а двоихъ младшихъ братьевъ—Василія и Ивана, изъ коихъ послѣдній ушелъ въ орду, а второй очевидно жилъ въ Муромѣ. На нѣкоторое сходство съ св. благовѣрнымъ Петромъ, по видимому, указываетъ имя супруги предка Снабдина, которая также названа Евфросиніей, но въ родословной это имя мірское, тогда какъ въ „Повѣсти“—иноческое, принятое Февроніей при постриженіи въ монашество. Отмѣченная бездѣтность сего князя также не сближаетъ его съ св. Петромъ, потому что въ „Повѣсти“ ничего не говорится о томъ, имѣлъ онъ дѣтей или не имѣлъ. Слѣдовательно, единственное основаніе для отожествленія этихъ двухъ лицъ, кромѣ одинаковости именъ, только то, что ихъ отожествляетъ родословная. Но нужно помнить, что это источникъ далеко ненадежный, которымъ въ историческихъ изысканіяхъ нужно пользоваться съ крайней осмотрительностію. Издавая родословные списки, напечатанные въ X кн. „Временника“, ученая редакція журнала въ предисловіи сочла нужнымъ сдѣлать такую оговорку: „списки сіи, очевидно, частные, составленные родословными фамиліями для мѣстническихъ счетовъ,

[1]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. кн. X, М. 1851 г., гл. 45, стр. 188—189.

ибо въ нихъ нигдѣ не встрѣчается указанія на ихъ оффиціальное происхожденіе, при томъ они нерѣдко разнятся между собою даже въ цѣлыхъ родахъ...“ Въ частности, приведенныя выше подробности о родѣ боярина Снабдина съ наименованіемъ кн. Петра святымъ встрѣчаются только въ одномъ процитованномъ спискѣ [1]). Посему весьма естественнымъ и правдоподобнымъ является предположеніе, что это наименованіе сдѣлано кѣмъ нибудь изъ самихъ же господъ Овцыныхъ, Злобиныхъ, или Замятниныхъ, въ интересахъ мѣстничества, въ эпоху сильнаго развитія послѣдняго, когда, какъ извѣстно, употреблялись всевозможные пріемы и даже не всегда чистаго качества, чтобы поддержать и поставить выше достоинство своего рода въ общей родовой лѣстницѣ [2]). Ореолъ святости могъ быть приданъ тѣмъ съ большею легкостію, что кн. Петръ, предокъ названныхъ родовъ, жилъ болѣе, чѣмъ за 200 лѣтъ раньше составленія родословной, когда память о его личной жизни могла исчезнуть и, слѣдовательно, не было возможности провѣрить справедливость причисленія его къ лику святыхъ. На мысль же объ этомъ причисленіи могла навести состоявшаяся предъ тѣмъ на соборѣ 1547 г. канонизація одноименнаго ему муромскаго чудотворца.

Дальше мы еще болѣе убѣдимся въ правдоподобности настоящаго предположенія; теперь же обратимъ вниманіе на то, что время жизни кн. Петра родословной едва ли также сдѣлано правильно въ докладѣ г. Квашнина-Самарина. Послѣдній относитъ ее къ началу XIV в. и называетъ князя современникомъ Іоанна Калиты (1304—1341 г.), желая главнымъ образомъ заполнить лѣтописный пробѣлъ въ перечисленіи муромскихъ князей, такъ какъ съ 1248 по 1345 г. ни одинъ муромскій князь въ лѣтописяхъ не названъ по имени. Авторъ, кажется, опускаетъ изъ виду то, что означенный князь, для отожествленія его съ св. благ. Петромъ, долженъ быть стольнымъ правителемъ. Но вѣдь изъ молчанія лѣтописи о княжескихъ именахъ не слѣдуетъ еще съ несомнѣнностію, что за указанный періодъ на муром-

[1]) Въ оффиціальной родословной, такъ называемой „Бархатной книгѣ“, сказано кратко: „отъ князей муромскихъ произошли: Замятнины, Злобины, Овцыны“ (Родосл. кн. М. 1787 г. ч. I, стр. 412); въ другомъ мѣстѣ: „у одного изъ князей муромскихъ былъ сынъ князь Михаилъ Злоба, отъ котораго и названіе принято, а князьями не писались“ (ч. II, стр. 319); никакого упоминанія о трехъ братьяхъ—князьяхъ муромскихъ и причтеніи старшаго изъ нихъ къ святымъ здѣсь нѣтъ. Въ другихъ родословныхъ спискахъ мы также не встрѣтили этого.

[2]) См. ст. Погодина о мѣстничествѣ въ III т. Рус. Истор. сбор., изд. Общ. Ист. и Др., стр. 392 и др.

скомъ столѣ было много князей и даже Петровъ, какъ полагаетъ онъ. Подъ 1248 г. лѣтопись говоритъ о выходѣ въ замужество дочери муромскаго князя Ярослава Юрьевича, Маріи, за кн. Бориса Васильковича Ростовскаго [1]), а подъ 1345-мъ—о смерти муром. кн. Василія Ярославича [2]). Принимая во вниманіе, что древне-русскіе князья женились въ очень молодыхъ годахъ, возможно допустить, что Ярославъ Юрьевичъ, послѣ выдачи своей дочери, княжилъ еще продолжительное время и имѣлъ другихъ дѣтей, изъ коихъ двое сыновей—Василій и Юрій (1345—1354 г.) послѣдовательно правили столомъ и въ XIV в. Лѣтописная родословная, а за ней и другія, напр. Бархатная книга, списки въ X кн. Временника, прямо называютъ Василія и Юрія Ярославичей сыновьями этого Ярослава, что раздѣляется и нѣкоторыми учеными изслѣдователями, напр. преосв. Филаретомъ Черниговскимъ [3]), и лишь наиболѣе осторожные изъ нихъ, не утверждая противнаго, признаютъ о томъ вопросъ въ наукѣ открытымъ [4]). Впрочемъ, если мы даже предположимъ, что въ разсматриваемое время въ Муромѣ были и другіе (хотя не многіе) правители, кромѣ Ярослава Юрьевича и Василія Ярославича, то отсюда еще очень далеко до того, чтобы отнести княженіе Петра, предка Снабдина, именно къ этому періоду, такъ какъ для сего не имѣется никакихъ документальныхъ данныхъ. О Василіи и Юріи Ярославичахъ г. Кваш-нинъ-Самаринъ говоритъ, что они были по всему вѣроятію племянниками Петра, братъ котораго могъ носить княжье имя Ярослава. Это значитъ, что въ началѣ XIV в. въ Муромѣ княжилъ еще другой какой то Ярославъ, подъ именемъ коего скрывается одинъ изъ братьевъ Петра– Василій или Иванъ (потому что другихъ братьевъ, судя по родословной, у него не было) и, слѣдовательно, стольные правители Мурома Василій и Юрій Ярославичи были братьями или Данилы Васильевича, или неизвѣстныхъ по имени дѣтей Ивана. Но если объ этомъ совершенно молчатъ лѣтописи, то и родословныя не даютъ никакихъ основаній къ подобнаго рода догадкѣ, хотя составители родословныхъ, конечно, не преминули бы отмѣтить, въ интересахъ мѣстничества, эту важную для названныхъ родовъ подробность.—Не вѣрнѣе ли княженіе Петра родословной отодвинуть далѣе времени Калиты и отнести ко второй половинѣ XIV в.? Мы видимъ, что младшіе родственники сего Петра пошли

---

[1]) П. С. Р. Л. т. X, стр. 136.

[2]) Тамъ же, стр. 217.

[3]) Жит. св. м. апр., стр. 87.

[4]) Экземплярскій, Вел. и удѣльн. кн. сѣв. Русск. Спб. 1891 г. т. II, стр. 617.

на служеніе къ великому московскому князю Дмитрію Ивановичу (1363—1389 г.), а такое тяготѣніе къ Москвѣ особенно начало проявляться во второй половинѣ XIV ст., къ концу котораго оно повлекло за собой окончательное присоединеніе муромскаго княжества къ московскому, такъ что въ 1393 г. московскій князь Василій Дмитріевичъ вывезъ изъ орды ярлыкъ между прочимъ и на Муромъ [1]). Неизвѣстно съ точностію, въ какое время Владиміръ Даниловичъ Красный Снабдя служилъ бояриномъ во Псковѣ у великаго князя Дмитрія Донского († 1389 г.), но въ виду того, что онъ былъ потомъ въ концѣ XIV и началѣ XV в. намѣстникомъ великаго князя Василія Дмитріевича въ Нижнемъ Новгородѣ [2]), слѣдуетъ предположить, что псковская служба Снабди относилась къ молодымъ еще годамъ его и падала на послѣдніе годы жизни Донского. Вслѣдствіе сего, мы едва ли ошибемся, если отнесемъ рожденіе Владиміра Даниловича приблизительно къ 60-мъ, рожденіе отца его—Данилы Васильевича—къ концу 30-хъ или началу 40-хъ, а рожденіе дѣда, муромскаго князя Василія, и брата послѣдняго, Петра—къ первымъ годамъ XIV ст. Если же признать среднюю продолжительность жизни за 60—65 лѣтъ, то Петръ могъ жить при преемникѣ Юрія Ярославича, Ѳедорѣ Глѣбовичѣ (съ 1354) [3]), и послѣ него, т. е. быть однимъ изъ послѣднихъ князей муромскихъ, именъ которыхъ также совсѣмъ не встрѣчается въ лѣтописяхъ.

Подтвержденіе высказанному соображенію о томъ, что кн. Петръ, предокъ Снабдина, есть совсѣмъ другое лицо, отличное отъ св. благ. Петра, и жилъ въ позднѣйшее время, находится въ старинныхъ муромскихъ синодикахъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на исторію древнихъ князей муромскихъ. Въ настоящее время такихъ синодиковъ сохранилось два [4])—въ Богородицкомъ соборѣ и Благовѣщенскомъ монастырѣ. Первый изъ нихъ, судя по царскимъ родамъ и по записи ихъ однимъ почеркомъ, относится къ царствованію Ѳедора Алексѣевича (1676—1682 г), а второй „построенъ“, какъ значится въ надписи на первой страницѣ, „стольникомъ, княземъ Иваномъ Петровичемъ Волховскимъ, въ лѣто 713-е“. Нужно думать, оба они одинаково представляютъ точныя копіи съ древнѣйшихъ оригиналовъ, такъ какъ въ нихъ упомянуты имена самыхъ первыхъ князей,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 62.

[2]) Соловьевъ, Исторія Рос., т. IV, изд. 4-е, стр. 49; Экземплярскій, т. II, стр. 429.

[3]) П. С. Р. Л. т. X, стр. 227.

[4]) Третій, хранившійся въ Муром. Спасскомъ монастырѣ и относящійся къ XVII в., недавно утерянъ. Подробное его описаніе сдѣлано Н. Добрынкинымъ въ Влад. Губ. Вѣд. за 1892 г.

княгинь и іерарховъ русскихъ и при томъ такихъ, которые причислены впослѣдствіи къ лику святыхъ, и оба они одинаково соблюдаютъ хронологическій порядокъ при перечисленіи именъ. Но для насъ въ данномъ случаѣ наибольшій интересъ представляетъ собою синодикъ Благовѣщенскаго мон., какъ дающій болѣе свѣдѣній о князьяхъ муромскихъ, которые здѣсь раздѣлены на двѣ категоріи: 1) „благовѣрные и великіе князья“ и 2) просто князья, тогда какъ въ соборномъ синодикѣ всѣ они перечислены подъ однимъ заглавіемъ: „великіе князья муромскіе“.

Въ первомъ разрядѣ монастырскаго синодика помянуты:

Кн. Константинъ и чада его Михаилъ и Ѳеодоръ,
Кн. Ирина,
Кн. Петръ, во иноцѣхъ Давидъ,
Кн. Ѳеѳронія, во инокиняхъ Евѳросинія,
Кн. Андрей.
Кн. Георгій,
Кн. Михаилъ,
Кн. Инокъ Васьянъ,
Кн. Анна,
Кн. Симеонъ.
Кн. Іоаннъ,
Кн. Петръ.
Просто же князьями названы:
Георгій,
Романъ,
Глѣбъ.
Михаилъ.
Василій,
Іоаннъ.

Изъ синодика усматривается, что въ числѣ „благовѣрныхъ и великихъ князей“ муромскихъ было два съ именемъ Петра—одинъ, въ иночествѣ Давидъ, имѣвшій супругу Февронію, очевидно тотъ, который впослѣдствіи признанъ святымъ, и другой, умершій гораздо позднѣе перваго. Который же изъ нихъ предокъ Снабдина? Естественно думать,—тотъ, имя коего поставлено ниже, такъ какъ и по соображеніямъ г. Квашнина-Самарина, онъ долженъ быть въ числѣ далеко не первыхъ муромскихъ князей. Эту мысль подтверждаетъ и то, что кн. Василій и Іоаннъ, надобно полагать, братья Петра, поставлены также въ концѣ князей второго разряда. Если же такъ, то отсюда слѣдуетъ, что мы никоимъ образомъ не должны отожествлять сего Петра съ св. благ. Петромъ, обозначеннымъ въ синодикѣ особо. Неизвѣстно съ точностію значеніе термина „благовѣрный и великій

князь", но если мы предположимъ, что этотъ титулъ означаетъ владѣтельное лицо, въ отличіе отъ другихъ, не бывшихъ правителями княжества, названныхъ въ синодикѣ просто князьями, то можно допустить, что Петръ родословной былъ стольнымъ княземъ и при томъ заканчивающимъ собою рядъ таковыхъ князей въ Муромѣ, между тѣмъ какъ братья его—Василій и Иванъ не занимали муромскаго стола [1]).

Что св. благов. кн. Петръ жилъ и скончался гораздо раньше Петра, предка Снабдина, въ этомъ убѣждаютъ насъ и другія данныя, къ изложенію которыхъ и переходимъ.

Указаніе на время жизни св. благов. Петра находится въ другомъ литературномъ памятникѣ половины XVI в.— „Повѣсти о водвореніи христіанства въ Муромѣ", именно во второй ея части, носящей особое заглавіе, — „Сказаніе о обновленіи града Мурома" [2]). Опредѣляя время этого обновленія, совершеннаго, какъ извѣстно изъ лѣтописи, муромскимъ княземъ Юріемъ Ярославичемъ [3]), неизвѣстный авторъ сказанія говоритъ, что названный князь занялъ муромскій столъ „по преставленіи благов. кн. Константина съ чады его многимъ лѣтомъ минувшимъ и послѣ благов. кн. Петра и благовѣрныя княгини Февроніи такожде многимъ лѣтомъ минувшимъ". Слѣдовательно, благ. кн. Петръ и супруга его Февронія жили *за много лѣтъ до княженія Юрія Ярославича*, которое началось, надобно полагать, съ 1345 г., послѣ смерти брата его, Василія [4]). Отсюда мы въ правѣ заключить, что, если даже согласиться съ вычисленіемъ г. Квашнина-Самарина, назвавшаго предка Снабдина современникомъ Калиты, то и тогда онъ не можетъ быть приравненъ къ св. благ. Петру, потому что о немъ невозможно было бы сказать, что онъ жилъ за много лѣтъ до вступленія на муромскій престолъ Юрія Ярославича: княженіе Калиты было слишкомъ близко къ княженію послѣдняго. Правда, „Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ" не отличается правильностію и точностію хронологіи, такъ какъ авторъ ея, вѣроятно неимѣвшій подъ ру-

---

[1]) Судя по тому, что оба эти князя въ соборномъ синодикѣ, гдѣ нѣтъ дѣленія князей на разряды, помѣчены выше Петра, есть основаніе полагать, что они скончались раньше его.

[2]) Пам. стар. рус. лит. т. I, стр. 235—237.

[3]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 216; т. X, стр. 222.

[4]) Юрій впервые упоминается подъ 1351 г., когда по лѣтописи онъ началъ вновь обстраивать г. Муромъ, но такъ какъ за 6-лѣтній періодъ времени со смерти его брата († 1345 г.) по этотъ годъ въ лѣтописи не встрѣчается ничего такого, что заставляло бы предполагать присутствіе на Муромскомъ столѣ другихъ князей, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ былъ непосредственнымъ преемникомъ Василія (Экземплярскій, стр. 618).

ками лѣтописныхъ свѣдѣній о данномъ событіи, могъ руководиться только мѣстнымъ церковнымъ преданіемъ, но для насъ не лишено значенія и то, что народное преданіе отодвигаетъ жизнь св. благ. Петра не къ позднѣйшему, а къ раннему періоду исторіи муромскаго княжества.

Да и самая „Повѣсть“ о св. Петрѣ, если ближе всмотрѣться въ нее, наводитъ на мысль о томъ, что время княженія его должно значительно предшествовать княженію предка Снабдина. Мы имѣемъ въ виду центральное событіе жизни св. Петра—изгнаніе его изъ Мурома. При всей легендарности нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыя даетъ это произведеніе, слѣдуетъ, кажется, безошибочно признать исторически достовѣрнымъ разсказъ „Повѣсти“ о данномъ событіи. Этотъ разсказъ подтверждается живущимъ до сего времени устнымъ преданіемъ, которое сохранилось между прочимъ въ наименованіи мѣста первой остановки князей по отплытіи ихъ изъ Мурома. По преданію, эта остановка была верстахъ въ 25 ниже Мурома, на правомъ берегу, у Перемиловыхъ горъ, которыя и названы были такъ потому, что Февронія, приплывши къ нимъ, воскликнула: „Ахъ, какія премилыя горы“. Впослѣдствіи здѣсь, въ память сего событія, построена была церковь во имя св. Троицы, а потомъ небольшой мужской монастырь, извѣстный подъ именемъ Перемиловской пустыни. [1]).

Если же мы признаемъ изгнаніе за дѣйствительный фактъ, то о чемъ онъ говоритъ, къ какимъ выводамъ приводитъ? Прежде всего къ тому заключенію, что онъ имѣлъ мѣсто тогда, когда важной политической силой въ управленіи княжествами еще были главные города областей, въ лицѣ служилой промышленной и торговой аристократіи, носившей названіе лучшихъ или лѣпшихъ мужей. Послѣдніе, какъ извѣстно, значительно ограничивали власть князей,—входили съ ними въ сдѣлки, заключали „ряды“ или политическіе договоры, а иногда и прямо самовольно мѣняли ихъ, приглашая на свои столы любимыхъ и популярныхъ и изгоняя несимпатичныхъ. Иногда къ этой городской знати примыкала вся городская масса, и тогда власть областныхъ городовъ получала характеръ вѣча. Возстанія противъ князей происходили въ Кіевѣ, Новгородѣ, Любичѣ, Галичѣ [2]) и др. городахъ. Это явленіе было слѣдствіемъ такъ называе-

---

[1]) А. Титовъ, Истор. обозр. гор. Мурома. Владиміръ, 1901 г. стр. 93, примѣч. 42.

[2]) Въ семидесятыхъ годахъ XII в. недовольство бояръ дважды было вызвано здѣсь, какъ и въ Муромѣ, семейною жизнію князя. Такъ, Ярославъ Владиміровичъ Галицкій былъ лишенъ власти за то, что дурно жилъ съ своею законною женою и имѣлъ любовницу. Сынъ

маго *очереднаго* порядка владѣнія княжествами, когда столы поочередно переходили отъ одного князя къ другому не по наслѣдству, а по старшинству князей, отъ чего послѣдніе часто мѣняли свои владѣнія и черезъ то значительно ослабляли свою власть. „Постоянное передвиженіе князей со стола на столъ, говоритъ проф. Ключевскій, и сопровождавшіе его споры роняли земскій авторитетъ князя. Князь не прикрѣплялся къ мѣсту владѣнія, къ тому или другому столу, ни династическими, ни даже личными связями. Онъ приходилъ и скоро уходилъ, былъ политической случайностью для области, блуждающей кометой. Между тѣмъ населеніе области естественно искало усидчивой мѣстной силы, около которой могло бы сосредоточиться, которая постоянно оставалась бы на мѣстѣ, не приходила и не уходила подобно князю. Такой силой были главные города областей..." [2]). Но этотъ порядокъ въ сѣверо-восточной Руси продолжался не далѣе послѣдней четверти XIII в., когда, вслѣдствіе главнымъ образомъ колонизаціи края южными славянами, замѣнился другимъ—*удѣльнымъ*, въ смыслѣ отдѣльнаго владѣнія княжествомъ одного извѣстнаго князя, который, будучи единственнымъ устроителемъ и заселителемъ его при появленіи здѣсь славянскаго элемента, естественно дѣлался и единственнымъ распорядителемъ, такъ что могъ передавать свое владѣніе, какъ свое личное достояніе, по наслѣдству своимъ дѣтямъ, продавать, закладывать и т. п., безъ ограниченія со стороны бояръ и другихъ вліятельныхъ людей торгово-промышленнаго класса, сила которыхъ теперь была значительно ослаблена отчасти соціальной усобицей между туземцами и южно-славянскими пришельцами, отчасти продолжительнымъ пребываніемъ князей въ своихъ удѣлахъ и наиболѣе попечительнымъ отношеніемъ къ нимъ, чѣмъ прежде [1]). Что касается, въ частности, муромо-рязанскаго княжества, то здѣсь власть областного города должна была ослабѣть гораздо раньше, чѣмъ въ другихъ княженіяхъ сѣверо-восточнаго края, потому что очередный порядокъ владѣнія по старшинству прекратился въ немъ еще во второй половинѣ XII в. Послѣ смерти Ярослава Святославича († 1129 г.), родоначальника князей муромскихъ и рязанскихъ, муромскій столъ былъ замѣщаемъ въ такомъ порядкѣ: изъ троихъ сыновей Ярослава Муромъ занялъ

его, Владиміръ Ярославичъ, также долженъ былъ оставить свой столъ и удалиться въ Венгрію потому, что не хотѣлъ выполнить требованія бояръ—отпустить незнатную наложницу, которой они не хотѣли кланяться (Соловьевъ, Ист. Рос., т. II, М. 1869 г. стр. 277—279).

[1]) Ключевскій, Курсъ рус. ист. М. 1904 г. ч. I, стр. 228.

[2]) Стр. 427, 431, 432 и др.

старшій сынъ его Юрій (съ 1129 по 1143 г.), Рязань же—другіе два сына—Святославъ и Ростиславъ. По смерти Юрія, муромскимъ княземъ становится Святославъ (1143—1145) [2]), но онъ черезъ два года умеръ, и въ Муромъ перешелъ братъ его Ростиславъ, княжившій здѣсь также недолго (1145—1147) [3]). Оставшійся послѣ Святослава сынъ Владиміръ, желая занять отцовскій престолъ, обратился за помощію къ великому князю Владимірскому Юрію Долгорукому, и, при содѣйствіи послѣдняго, Ростиславъ былъ изгнанъ изъ Мурома и поставленъ Владиміръ (1147 – 1161) [4]). Послѣ его кончины, Муромъ занимаютъ послѣдовательно: сынъ его Юрій (1161– 1174) [5]), внуки—бездѣтный Владиміръ (1174—1203) и Давидъ (1203—1228) Юрьевичи [6]) и правнукъ Юрій Давидовичъ [7]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что, со смертію Владиміра Святославича († 1161 г.), въ Муромѣ уже установился другой порядокъ занятія стола,—не по очередному старшинству, а по наслѣдству въ прямой нисходящей линіи. Но само собою понятно, что послѣдствія этого порядка обнаружились не сразу, и сила муромской знати могла еще заявлять себя и нѣсколько позднѣе указаннаго времени. Однако обнаруженія ея ни въ какомъ случаѣ не простирались далѣе 1239 г., когда при нашествіи Батыя Муромъ былъ взятъ и сожженъ татарами [8]), а вмѣстѣ съ симъ должна была потерять всякое значеніе и аристократія города; тѣмъ болѣе, что Батыево разореніе было не единственнымъ: въ 1281 г. Муромъ, только что оправившійся отъ перваго погрома, снова подвергся той же участи отъ новыхъ татарскихъ полчищъ [9]); въ 1288 г. онъ опять пострадалъ отъ князя ордынскаго Ероптая, „много зла сотворившаго Мурому“ [10]) и, наконецъ, въ 1293 г. пришедшая подъ начальствомъ ханскаго брата Дедюни татарская рать въ числѣ многихъ русскихъ городовъ еще разъ опустошила и его [11]). Вслѣдствіе татарскихъ погромовъ состояніе города было самое плачевное. Жители оставили его, при чемъ часть

---

[1]) Иловайскій, Исторія Ряз. кн. М 1884 г. стр. 24—25.
[2]) Тамъ же, стр. 25.
[3]) Экземплярскій, стр. 613.
[4]) Иловайскій, стр. 25—27, 31.
[5]) Тамъ же, стр. 31 и 42.
[6]) Тамъ же, стр. 50 и 71.
[7]) Тамъ же, стр. 71 и 73; Экземплярскій, стр. 615. О вышеприведенномъ родѣ князей муромскихъ см. въ лѣтописной родословной (П. С. Р. Л. т. VII, стр. 244) и Бархатной кн., ч. I, стр. 56.
[8]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 115; Лавр. лѣт изд. 3-е, 1897 г. стр. 446.
[9]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 159.
[10]) П. С. Р. Л., т. X, стр. 167.
[11]) П. С. Р. Л., т. VII, стр. 180.

ихъ разошлась по другимъ городамъ, часть, по сохранившемуся преданію, основала свои жилища въ 8 в. внизъ по теченію Оки, близъ села Чаадаева [1]). Запустѣніе Мурома продолжалось до 1351 г., когда кн. Юрій Ярославичъ, по сказанію лѣтописи, первый поставилъ въ городѣ свой дворъ; за нимъ послѣдовали бояре и вельможи, купцы и черные люди [2]). Но классъ „лѣпшихъ мужей" представлялъ изъ себя теперь уже далеко не то, чѣмъ былъ прежде. Благодаря татарскому нашествію и разоренію, служилая и торгово-промышленная аристократія Мурома естественно должна была обѣднять, значительно сократиться въ своей численности и ослабѣть въ политическомъ отношеніи. Тѣмъ менѣе могла она становиться въ оппозицію съ княжеской властью и вмѣшиваться въ дѣла управленія княжествомъ, что послѣднее стало подчинено ханской власти, отъ которой вполнѣ зависѣли и самые князья, утверждаемые на своихъ столахъ ордой. Съ нашествіемъ монголовъ, по словамъ Карамзина, „внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами, ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго...." [3]). Правда, и теперь города, подъ вліяніемъ самихъ же князей, вмѣшивались въ княжескія усобицы, какъ было въ 1354 г. въ Муромѣ, когда большая часть гражданъ перешла на сторону Ѳедора Глѣбовича, подступившаго къ Мурому съ большимъ войскомъ, чтобы отнять столъ у Юрія Ярославича, и даже отправилась вмѣстѣ съ первымъ въ орду хлопотать за него противъ второго [4]). Но самовольное возстаніе противъ князей, изгнаніе ихъ и захватъ власти въ свои руки для городовъ были немыслимы. Допустить эту вольность значило подвергнуть себя опасности навлечь гнѣвъ хана и испытать новое разореніе.

Отсюда становится яснымъ, что св. Петръ могъ быть изгнанъ изъ Мурома вліятельными гражданами не въ началѣ XIV в., какъ полагаетъ г. Квашнинъ-Самаринъ, а гораздо раньше, когда еще не потеряли своей силы, вслѣдствіе очереднаго порядка владѣнія княжествами, главные города областей, но и не позднѣе времени татарскихъ погромовъ, начавшихся съ 1239 г., и, слѣдовательно, отожествленіе его съ Петромъ, указаннымъ въ родословной, не выдерживаетъ критики.

---

[1]) Титовъ, Истор. обозр. г. Мурома, стр. 17; Влад. сборникъ К. Тихонравова, М. 1857 г., стр. 82.

[2]) П. С. Р. Л. т VII, стр. 216; т. X, стр. 222.

[3]) Карамзинъ, Ист. Гос. Рос. Спб. 1892 г., т. V, стр. 230.

[4]) П. С. Р. Л. т. X, стр. 227; Карамзинъ, т. IV, стр. 182.

Опредѣливъ хотя въ общихъ чертахъ время жизни св. Петра и установивъ то положеніе, что это—не предокъ боярина Снабдина, а другое лицо, естественно спросить, кто же въ такомъ случаѣ изъ стольныхъ князей муромскихъ скрывается подъ этимъ именемъ? Св. Петръ, какъ мы видѣли, жилъ сначала при братѣ и княжилъ послѣ его смерти. Прилагая эту подробность къ перечисленнымъ выше первымъ правителямъ княжества, мы встрѣчаемъ нѣчто подобное въ жизни трехъ князей: Святослава и Ростислава Ярославичей и Давида Юрьевича, которые также занимали муромскій столъ послѣ своихъ старшихъ братьевъ. Но первые двое не могутъ отожествляться съ св. Петромъ: до занятія Мурома они жили не съ братьями здѣсь же, а княжили отдѣльно въ Рязани и потомъ управляли муромскимъ княжествомъ очень недолго—всего по два года, тогда какъ св. Петръ дожилъ здѣсь до старости; кромѣ того, въ частности, Ростиславъ, потерявшій Муромъ и вступившій затѣмъ въ продолжительную и упорную борьбу съ суздальскими князьями за свое рязанское княженіе, является въ исторіи типическимъ образцомъ такихъ князей, которые отмѣчены печатью жестокаго, безпокойнаго характера [1]) и потому едва ли могъ быть признанъ святымъ. Остается так. обр. предположить, что носителемъ имени св. Петра былъ не кто другой, какъ Давидъ Юрьевичъ, княжившій послѣ смерти своего брата Владиміра. Такое предположеніе представляется тѣмъ болѣе правильнымъ, что личный характеръ Давида, насколько онъ извѣстенъ изъ лѣтописей, отличался такими чертами, которыя нисколько не препятствуютъ причислить его къ лику святыхъ.

По лѣтописнымъ даннымъ [2]), Давидъ Юрьевичъ не былъ честолюбивымъ и воинственнымъ княземъ, за оружіе брался только по необходимости и подъ вліяніемъ великаго князя владиміро-суздальскаго, которому муромскіе и рязанскіе князья были вполнѣ подручны [3]). Такъ, въ 1186 г. онъ вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ ходилъ на князей рязанскихъ, нападавшихъ на своихъ братьевъ, князей пронскихъ [4]), но ходилъ по приказанію вел. кн. Всеволода III, съ которымъ осаждалъ также въ 1207 г. гор. Пронскъ [5]); въ 1213 г.,

---

[1]) Иловайскій, Ист. ряз. кн., стр. 29—30.

[2]) Сводъ этихъ данныхъ сдѣланъ Погодинымъ въ его изслѣд., замѣч. и лекціяхъ о рус. исторіи, т. VI, М. 1855 г. стр. 83 и др.; Экземплярскимъ, т. II, стр. 614—15; Хмыровымъ въ Алфавитно-справоч. перечнѣ удѣльныхъ князей, Спб. 1871 г. № 646.

[3]) Карамзинъ, т. III, стр. 55; Экземплярскій, стр. 614.

[4]) Переслав. лѣт., изд. Оболенскаго, М. 1851 г. стр. 98 и 99; П. С. Р. Л. т. X, стр. 15.

[5]) Пересл. лѣт., стр. 108 и 109; П. С. Р. Л. т. X, стр. 54—56.

поддерживая вел. кн. Георгія Всеволодовича, онъ принималъ участіе вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ на его брата Константина къ Ростову, не сопровождавшемся, впрочемъ, кровопролитіемъ, такъ какъ между братьями былъ заключенъ миръ [1]); въ 1220 г. Давидъ посылалъ сына своего Святослава - Юрія на камскихъ болгаръ, но опять въ качествѣ подручника того же вел. кн. Георгія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтописи рисуютъ его человѣкомъ, могущимъ имѣть нравственное вліяніе на другихъ, безкорыстнымъ, честнымъ и исполненнымъ любви къ ближнему. Такъ, въ 1207 г., предъ осадой Пронска, Всеволодъ посылаетъ именно его уличать князей рязанскихъ въ ихъ невѣрности ему, что Давидъ и исполнилъ [3]), Въ благодарность за помощь Всеволодъ отдаетъ ему Пронскъ въ княженіе, но въ слѣдующемъ 1208 г. пронскіе князья съ половцами явились предъ стѣнами города и послали сказать Давиду, что Пронскъ приходится имъ отчина, а не ему. Давидъ не сталъ спорить и съ истинно христіанскими безкорыстіемъ и любовію отвѣчалъ имъ: „братья! Я не самъ набился на Пронскъ; посадилъ меня здѣсь Всеволодъ; теперь городъ вашъ, а я пойду въ свою волость.“ Князья вступили въ городъ, а Давидъ спокойно отправился въ Муромъ [4]). Добрая христіанская настроенность Давида Юрьевича обнаружилась и въ концѣ его жизни. Изъ лѣтописи видно, что предъ смертію онъ принялъ иночество—черта, еще болѣе сближающая съ св. Петромъ. Подъ 1228 г. мы читаемъ здѣсь: „мѣсяца априлія святыя недѣли праздныя (т. е. на пасхальной недѣлѣ) преставися Давыдъ муромскій въ черницѣхъ и схимѣ“ [5]).—По-

---

[1]) Пересл. лѣт., стр. 112.

[2]) П. С. Р. Л. т. X, стр. 83.

[3]) Тамъ же. стр. 54—56; Иловайскій, Ист. ряз. кн. стр. 51.

[4]) Пересл. лѣт., стр. 108 и 109.

[5]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 191; въ Никон. лѣт.: „того же лѣта (6736) князь Давидъ муромскій пострижеся въ иноческій чинъ и схиму и преставися“ (т. X, стр. 94). Такая же наклонность къ иночеству была замѣтна и въ дѣтяхъ этого князя. Такъ, подъ тѣмъ же 1228 г. въ лѣтописи значится, что Святославъ Всеволодовичъ, вел. кн. владимірскій, женатый на дочери Давида Юрьевича (по нѣкоторымъ сказаніямъ,—Евдокіи) „отпусти княгыню свою по совѣту (т. е. съ нимъ), восхотѣвши ей въ монастырь, и дасть ей надѣлокъ многъ.... (и) иде въ Муромъ къ братьи и пострижься.“ Принимать эту супругу Святослава за Февронію, на которую будто бы ошибочно перенесены въ „Повѣсти“ качества первой, какъ это пытается дѣлать проф. Голубинскій (Ист. рус. ц. т. II, пол. 2, стр. 557; Ист. канониз. свв. стр. 84), не представляется достаточныхъ основаній, такъ какъ сходство между Февроніей и Давыдовной только въ томъ, что послѣдняя также приняла иночество и скончалась въ одинъ годъ съ отцомъ. По сохранившемуся преданію, дочь Давида была погребена въ Борисоглѣбскомъ мон. на р. Ушнѣ, въ 12 в. отъ Мурома (Влад. Епарх. Вѣд. 1888 г.

этому весьма вѣроятно, что, украшаясь такими высокими нравственными качествами при жизни, именно Давидъ Юрьевичъ, а не другой кто либо, былъ признанъ святымъ послѣ своей смерти.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ въ объясненіе разницы именъ сего князя въ „Повѣсти“ и въ лѣтописяхъ, разницы, въ которой г. Квашнинъ-Самаринъ усматриваетъ противорѣчіе, прямо препятствующее признать св. Петра за одно и то же лицо съ Давидомъ Юрьевичемъ. Извѣстна попытка, сдѣланная съ этою цѣлію преосв. Филаретомъ черниговскимъ. Онъ говоритъ, что авторъ „Повѣсти“, господинъ монахъ Еразмъ, по ошибкѣ назвалъ св. князя въ мірскомъ быту Петромъ, а въ иночествѣ Давидомъ, тогда какъ слѣдовало наоборотъ: въ міру онъ былъ Давидъ, въ монашествѣ же Петръ; ошибка эта перешла де потомъ и въ мѣсяцесловъ [1]). Проф. Голубинскій [2]) и другіе изслѣдователи [3]) соглашаются съ такимъ мнѣніемъ и повторяютъ его. Но правдоподобность даннаго объясненія подлежитъ большому сомнѣнію. Мы видѣли, что не только въ житіи, но и въ муромскихъ синодикахъ св. Петръ называется въ иночествѣ Давидомъ, а не наоборотъ, но въ синодики онъ былъ зачисленъ еще въ такое время, когда не былъ канонизованъ; значитъ, то и другое имя приписывалось ему народнымъ преданіемъ гораздо ранѣе составленія „Повѣсти“, написанной около времени собора 1547 г. [4]). Слѣдовательно, ужъ если допускать въ обозначеніи именъ муромскаго чудотворца ошибку, то ошибку не одного автора „Повѣсти“, писавшаго, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, *елика слышахъ*, а всѣхъ вообще муромцевъ, почитавшихъ память своего бывшаго князя въ періодъ, предшествующій его канонизаціи, что мало вѣроятно и едва ли возможно. Съ своей стороны мы предлагаемъ другое объясненіе, болѣе

№ 5, стр. 158, ст. свящ. В. Добролюбова „Село Борисоглѣбское“), между тѣмъ какъ Февронія была положена въ одномъ гробѣ съ своимъ супругомъ въ Муромскомъ соборѣ. Допустить тождество этихъ двухъ лицъ значитъ отказать „Повѣсти“ въ какомъ бы то ни было историческомъ значеніи и признать ее за сплошной вымыселъ.

[1]) Жит. свв мѣс. іюнь, Спб. 1885 г., примѣч. 232. Такую же перестановку именъ дѣлаетъ еп. Филаретъ и въ отношеніи св. супруги князя, которой даетъ мірское имя не Февроніи, какъ она названа въ „Повѣсти“, а Евфросиніи, иноческое же—Февроніи. Въ лѣтописяхъ не встрѣчается имени супруги кн. Давида Юрьевича, такъ что представляется непонятнымъ, откуда заимствовано свѣдѣніе, что въ міру она называлась Евфросиніей.

[2]) Исторія канонизаціи свв., стр. 84.

[3]) Хмыровъ, Алфав.—справоч. перечень, № 646; Толстой, Дополн. къ кн. глагол. описаніе свв. въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1887 г. кн. 4, № 441.

[4]) По словамъ преосв. Филарета, Еразмова повѣсть написана около 1540 г., а новая редакція ея около 1560 г. (тамъ же, примѣч. 231)

естественное и простое. Извѣстно, что въ древнее время на Руси князья иногда носили, кромѣ мірского или княжьяго (Владиміръ, Ярославъ, Мстиславъ, Святославъ и др.), еще по два христіанскихъ имени. Одно изъ нихъ, по словамъ проф. Голубинскаго, нарекалось въ 8 день по рожденіи, другое давалось въ 40 день при самомъ крещеніи [1]). Такъ, сынъ Владиміра Мономаха, Мстиславъ великій носилъ два христіанскихъ имени—Ѳеодоръ и Георгій [2]); князь суздальскій Дмитрій Константиновичъ имѣлъ еще другое имя Ѳома, нареченное въ св. крещеніи [3]). Если же такъ, то почему не предположить, что св. благ. кн. Петръ, кромѣ сего имени, имѣлъ еще другое христіанское имя Давидъ, съ которымъ и упоминается въ лѣтописяхъ?—Это послѣднее могло быть оставлено за нимъ и потомъ при постриженіи въ монашество или принятіи схимы, такъ какъ въ древности постригаемому обыкновенно давалось не только имя того святого, который чествовался церковію въ день постриженія, но и прежнее мірское имя [4]). Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, равно какъ и въ томъ, что старшій братъ св. Петра носилъ княжее или мірское имя Владиміръ, которое придается въ лѣтописяхъ старшему брату Давида Юрьевича.—Такъ, принявъ во вниманіе древній обычай нѣкоторыхъ князей носить нѣсколько именъ, можно вполнѣ примирить лѣтописное наименованіе двухъ братьевъ--князей муромскихъ (Владиміръ и Давидъ) съ наименованіемъ ихъ въ „Повѣсти“ (Павелъ и Петръ).

Заканчивая свои соображенія о дѣйствительной исторической личности, носящей имя св. благ. кн. Петра муромскаго, считаемъ нужнымъ замѣтить, что генеалогія князей муромскихъ и исторія древняго муромскаго княжества—очень темная и малоразработанная въ наукѣ область, а потому всякая другая попытка внести сюда новый свѣтъ и такъ или иначе рѣшить поставленный вопросъ должна быть признана явленіемъ въ высшей степени желательнымъ.

Н. П. Травчетовъ.

---

[1]) Истор. рус. цер. т. I, 2 пол. стр. 370.
[2]) Тамъ же, стр. 344 и 370.
[3]) П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 48.
[4]) Макарій, Ист. рус. ц. т. IV, кн. I, Спб. 1886 г. стр. 296.

Помѣщики Владимірскаго края князья Пожарскіе.

Въ числѣ древнихъ помѣщиковъ Приклязьменскаго края, мы находимъ въ XVI и XVII ст. князей Пожарскихъ, имя которыхъ прогремѣвъ въ началѣ XVII ст., во времена великой смуты, охватившей тогда русскую землю, не забыто и теперь. Я здѣсь не буду останавливаться подробно на дѣятельности членовъ рода вообще и дѣятельности знаменитаго князя Дмитрія Михаиловича въ частности; дѣлаю я это по двумъ причинамъ, первая это то, что родъ князей Пожарскихъ, за исключеніемъ князя Дмитрія Михаиловича, не игралъ никакой роли въ судьбахъ Московскаго государства, а потому при всемъ желаніи сказать о немъ что либо довольно трудно, а вторая та, что дѣятельность князя Дмитрія Михаиловича въ общихъ чертахъ на столько извѣстна, что повторять ее я не считаю нужнымъ. Я хочу лишь въ краткихъ чертахъ обрисовать то положеніе, которое занималъ родъ князей Пожарскихъ въ XVI и XVII ст., будучи чисто помѣстнымъ родомъ и принадлежа къ кореннымъ родамъ Приклязьменскаго края, владѣлъ вотчинами по рѣкамъ Клязьмѣ, Луху и Тезѣ.

Родъ князей Пожарскихъ выдѣлился изъ Стародубскаго удѣла въ самомъ концѣ XIV ст., когда князь Василій Андреевичъ, внукъ кн. Ѳеодора Иввновича Благовѣрнаго, о которомъ мы недавно слышали, получилъ въ свое управленіе волость „Пожаръ“ и сдѣлался такимъ образомъ первымъ удѣльнымъ Пожарскимъ княземъ.

Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ, что самостоятельность удѣла сохранилась еще при сынѣ Василія Андреевича—князѣ Данилѣ Васильевичѣ, но прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ. Пожарскій удѣлъ былъ такъ незначителенъ, что въ виду возникновенія по сосѣдству такого сильнаго великаго княженія, какимъ въ это время было великое княжество Московское, онъ никакой политической роли играть конечно не могъ и считаться съ нимъ его

болѣе сильнымъ сосѣдямъ великимъ князьямъ Московскому и Тверскому не приходилось, почему и лѣтописи не сохранили намъ никакихъ извѣстій о пожарскомъ княженіи и мнѣ кажется, мы будемъ ближе къ дѣйствительности, если будемъ разсматривать князей Пожарскихъ только какъ крупныхъ вотчинниковъ Суздальско-Нижегородской области, но съ нѣкоторыми суверенными правами по отношенію своихъ владѣній.

XV-е столѣтіе не даетъ намъ никакихъ извѣстій о князьяхъ Пожарскихъ, впервые ихъ имя мы встрѣчаемъ подъ 1519 г., а затѣмъ уже идетъ цѣлый рядъ извѣстій о нихъ, но опять таки исключительно какъ о вотчинникахъ, покупавшихъ и продававшихъ свои вотчины, кромѣ того находимъ не мало ихъ вкладныхъ въ полюбленный ими Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь, мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія.

XVI вѣкъ былъ свидѣтелемъ и упадка благосостоянія князей Пожарскихъ, свидѣтелемъ того, какъ правнуки удѣльнаго князя спустились до должностей низшаго мѣстнаго управленія, какимъ является должность городничаго, которую въ 50-хъ годахъ XVI ст. занимали нѣсколько членовъ рода Пожарскихъ [1]).

Но нужно замѣтить, что князья Пожарскіе не составляли въ этомъ отношеніи исключенія: упадокъ благосостоянія и сопряженное съ этимъ пониженіе общественнаго положенія было обычнымъ въ XVI ст. и вытекало изъ общаго финансоваго положенія государства, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ тогдашней идеи, проводимой въ жизнь энергичными и суровыми Московскими великими князьями, собиравшими Русь подъ свою сильную и жесткую руку. Всѣ эти причины имѣли сильное и непосредственное вліяніе на судьбу высшихъ классовъ и на крупное землевладѣніе въ XVI ст., чего не избѣжали, конечно, и князья Пожарскіе, почему я считаю не лишнимъ остановиться на этихъ причинахъ нѣсколько болѣе подробно.

Одною изъ главныхъ причинъ разоренія крупнаго землевладѣнія въ XVI ст. надо считать тяжелое финансовое положеніе государства, денегъ въ государствѣ было очень мало, не было ихъ и у частныхъ лицъ, что и отозвалось, конечно, на общемъ благосостояніи.

Единственнымъ кредитоспособнымъ учрежденіемъ являлся монастырь, который и воспользовался этимъ, создавъ

---

[1]) Нѣсколько позднѣе въ 1566 г. владѣнія князей Пожарскихъ были подчинены князю Владиміру Андреевичу, т.-е. князья Пожарскіе подчинялись власти удѣльнаго князя, какимъ являлся князь Владиміръ Андреевичъ; подобное положеніе рода несомнѣнно должно было отозваться на его общественномъ положеніи.

себѣ крупныя имущества, чему помогло также и религіозное настроеніе тогдашняго общества.

Монастыри въ древности являлись самыми крупными землевладѣльцами и самыми же крупными капиталистами, а это произошло по многимъ причинамъ, началомъ же ихъ благосостоянія мы видимъ въ обычаѣ русскихъ людей жертвовать и завѣщать на поминъ души, а такъ какъ денегъ не было, то жертвовались вотчины, часто съ такою оговоркою, что „роду до тое вотчины дела нет, а хто роду нашему учнетца вступати в ту отчину, и ему судитися съ нами пред Нелицемерным Судьею в будущем“, т.-е. вотчины передавались даже безъ права выкупа, иногда же это право оставалось за наслѣдниками, которые обязывались завѣщателемъ уплатить монастырю извѣстную сумму.

Подобныя пожертвованія не были единичными примѣрами, ихъ можно указать цѣлый рядъ у однихъ только князей Пожарскихъ, это было обычнымъ явленіемъ на Руси, когда религіозное настроеніе всѣхъ классовъ было очень высокимъ, когда „наследье вечных благ“ сильно заботило и князя и простолюдина и для спасенія себя въ будущей жизни первый отдавалъ монастырю свои вотчины, а второй отдавалъ свой трудъ.

Переходъ вотчинъ изъ рукъ свѣтскихъ владѣльцевъ былъ настолько великъ, что отзывался даже на военной организаціи самаго государства, такъ какъ служилый классъ, втянувшій въ себя и потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, не могъ по прежнему нести своей службы государству, что, конечно, не могло не обратить на себя вниманія правительства, которое на соборѣ 1551 г. провело слѣдующій законъ: „Суздальскіе князья, да Ярославскіе, да Стародубскіе князи безъ великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ не продавали никомужъ и въ монастыри по душамъ не давали“, но во первыхъ это распоряженіе вышло поздно, такъ какъ масса земель уже сосредоточилась къ 1551 г. въ рукахъ монастырей, во вторыхъ, нѣтъ такого закона, который нельзя бы было обойти, тѣмъ болѣе, когда этого требуютъ религіозныя убѣжденія, и въ третьихъ, государство, не обладая само денежными средствами, не могло требовать исполненія новаго закона, такъ какъ не могло принимать на себя долговыхъ обязательствъ, лежавшихъ на земляхъ, и должно было поневолѣ признавать и разрѣшать переходы земель во владѣніе монастырей, хотя и бывали случаи, когда великій князь бралъ на себя вотчину и уплачивалъ долги, и дѣлалъ вкладъ по душѣ умершаго владѣльца вотчины.

Единственнымъ капиталистомъ являлся тотъ же монастырь, который, получая пожертвованія, пользуясь даровымъ трудомъ, не несъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ государству, а главное не участвовалъ въ обо-

ронѣ государства, что тяжелымъ, подъ часъ непосильнымъ, бременемъ ложилось на остальное населеніе, какъ на помѣщика, такъ и на крестьянина, требуя отъ перваго крупныхъ матеріальныхъ издержекъ.

У монастыря же его рабочая сила была всегда на лицо, пополняясь всегда богомольнымъ населеніемъ, а хозяйскій глазъ, конечно, былъ не менѣе зорокъ, чѣмъ у помѣщика, да онъ былъ и не такъ нуженъ, такъ какъ работали не на хозяина, а работали ради все того же „наследья вечныхъ благ", вотъ почему вотчинники, несшіе обязанности по отношенію къ государству и часто отвлекаемые лично для военнаго дѣла, не могли конкурировать съ богатымъ монастыремъ-вотчинникомъ, разница въ положеніи ихъ обоихъ была громадна.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что когда помѣщику являлась нужда въ помощи для своихъ ли семейныхъ или хозяйственныхъ нуждъ, или же требовались деньги, чтобы подняться въ походъ и выставить потребное количество воиновъ, то онъ обращался, конечно, къ единственному въ то время банкиру—къ монастырю, результатомъ чего являлась кабала, а затѣмъ уплата по кабалѣ, т.-е. уступка или завѣщаніе вотчины кредитору—монастырю и примѣровъ этому сколько угодно.

Результатомъ подобнаго экономическаго состоянія московскаго государства въ XVI ст. было обѣдненіе цѣлаго ряда княжескихъ родовъ, перешедшихъ въ теченіе всего нѣсколькихъ десятилѣтій въ ряды мелкихъ вотчинниковъ, а затѣмъ и въ ряды провинціальнаго дворянства, а нѣкоторые изъ нихъ пошли еще дальше и попали въ дѣти боярскіе, составлявшіе въ главной своей массѣ ядро московскихъ войскъ, часть ихъ, попадая на окрайны государства и неся тяжелую службу по защитѣ пограничной черты отъ внѣшнихъ враговъ, осѣдала на мелкихъ помѣстьяхъ вдали отъ крупныхъ центровъ, теряла всякую связь съ прежнимъ и въ послѣдующіе вѣка слилась съ массою тяжелаго крестьянскаго населенія, сохранивъ лишь преданія о своемъ дворянскомъ происхожденіи.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось въ XVI стол. служилое сословіе вообще, участь же высшихъ его слоевъ, потомковъ удѣльныхъ князей, была еще тяжелѣй, имъ приходилось на своей шеѣ чувствовать политику московскихъ собирателей Руси, которые крайне подозрительно относились ко всему, что напоминало удѣльно-вѣчевой строй, началось съ ограниченія права распоряжаться своими вотчинами, но такъ какъ не было денегъ для выкупа продаваемыхъ и пожертвованныхъ вотчинъ, то изобрѣли болѣе простой способъ—начали просто отбирать ихъ, чтобы лишить ихъ бывшихъ владѣльцевъ всякаго вліянія на мѣстахъ ихъ

бывшихъ княженій, а затѣмъ мы видимъ цѣлыя вереницы именъ русскихъ князей, сложившихъ свои головы на плахѣ, или погибшихъ въ заточеніи—все это были жертвы государственной идеи московскихъ государей, создававшихъ въ это время московское единодержавіе.

Нельзя сказать, чтобы дѣйствія московскихъ великихъ князей были непослѣдовательны: стремясь къ единодержавію они, конечно, должны были уничтожать все, что являлось или могло явиться препятствіемъ къ этому, а таковымъ несомнѣнно могъ быть классъ крупныхъ вотчинниковъ, среди которыхъ были потомки недавнихъ владѣтелей края. Только тотъ классъ, который крѣпко опирался на свое матеріальное благосостояніе и который глубоко пустилъ корни среди мѣстнаго населенія, могъ еще бороться противъ все усиливавшейся централизаціи, и его рѣшено было уничтожить: въ началѣ уничтожили его благосостояніе, лишили вліянія въ своей средѣ и сдѣлали безсильнымъ, а затѣмъ, немного подумавши, отрубили на всякій случай головы.

Одною изъ мѣръ проведенія въ жизнь идеаловъ московскаго абсолютизма была и опричнина, изобрѣтенная, геніальнымъ въ своемъ родѣ, Іоанномъ IV и долженствовавшая смести послѣдніе слѣды удѣльно-вѣчевого періода; цѣлыя области были преданы во власть опричниковъ, вотчинники и помѣщики переселены въ другія мѣстности, а цѣлый рядъ ихъ погибъ насильственной смертью отъ руки Іоанна и его приспѣшниковъ, имена же ихъ Ты, Господи, вѣси, какъ заносилъ въ свой кровавый синодикъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный результаты своей политической дѣятельности.

Князья Пожарскіе, хотя и не сложили своихъ головъ на плахѣ, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного случая насильственной смерти кого нибудь изъ нихъ, но матеріально пострадали, такъ какъ владѣнія князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ и др. вошли въ предѣлы опричнины, а это повлекло за собой выселеніе мѣстнаго высшаго класса изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ, такъ какъ „государь велѣлъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, которымъ не быть въ опричинѣ, изъ тѣхъ городовъ вывести и подавать земли велѣлъ въ то мѣсто въ иныхъ городахъ“; въ числѣ этихъ князей были и князья Пожарскіе, получившіе помѣстья въ Свіяжскомъ уѣздѣ, но сохранившіе почему то и часть старыхъ вотчинъ, такъ какъ мы продолжаемъ встрѣчать ихъ въ качествѣ вотчинниковъ той же мѣстности, т.-е по Клязьмѣ, Луху и Тезѣ, хотя весьма возможно, что часть ихъ прежнихъ владѣній была имъ возвращена уже впослѣдствіи, сначала на помѣстномъ правѣ, а затѣмъ перешла и въ вот-

чины; прямыхъ указаній на это намъ встрѣтить не пришлось,—это лишь наша догадка и если она справедлива, мы были бы благодарны, если бы кто нибудь изъ гг. членовъ подтвердилъ ее.

Пережитые помѣстнымъ сословіемъ черные годы гоненія и истребленія тяжело отозвались и на князьяхъ Пожарскихъ, которые во 2-й половинѣ XVI ст., утерявши значительную часть своихъ земельныхъ владѣній, слились съ рядовыми помѣщиками, дѣлившими свое время между своими помѣстьями и дѣятельностью по службѣ въ рядахъ чиновниковъ мѣстнаго управленія, и теряя все больше и больше связь съ прошлымъ и опустившись до низшихъ ступеней іерархической лѣстницы должны были вычеркнуть себя изъ списка людей родословныхъ, которые впослѣдствіи, не взирая на крупныя заслуги передъ государствомъ князя Дмитрія Михаиловича, всегда укоряли Пожарскихъ ихъ службами и говорили, что отцы ихъ опричъ городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали. И они были правы; происхожденіе отъ Рюрика, обладаніе столомъ самостоятельнаго княжества—все это было заслонено службою въ городничихъ, а этого простить было нельзя,—никакія обстоятельства, независѣвшія даже отъ рода, не принимались и природный русскій князь, бояринъ, какимъ былъ князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій, долженъ былъ уступать въ мѣстническихъ спорахъ не только дѣйствительно родословнымъ русскимъ людямъ, но и пришлымъ татарской крови. Кромѣ общихъ причинъ упадка значенія высшаго класса въ XVI ст. мы можемъ еще указать на опалу, постигшую нѣкоторыхъ изъ князей Пожарскихъ и въ томъ числѣ князя Ѳедора Ивановича—дѣда князя Дмитрія Михаиловича, о которой говоритъ самъ князь Дмитрій Михаиловичъ. Опала эта выразилась въ ссылкахъ князей Пожарскихъ на Низъ, т.-е. въ предѣлы бывшаго Казанскаго царства, гдѣ мы и находимъ ихъ въ 50-хъ годахъ XVI стол. Причины этой опалы мы не знаемъ, весьма вѣроятно, что это не было проявленіемъ личнаго неудовольствія Грознаго къ князьямъ Пожарскимъ, а было слѣдствіемъ тѣхъ же государственныхъ соображеній, которыя привели другихъ, менѣе счастливыхъ, на плаху.

Вотъ въ такомъ тяжеломъ положеніи находился родъ князей Пожарскихъ, когда невзгоды охватили весь русскій народъ. Произошла смѣна нѣсколькихъ династій, поляки посадили на русскій престолъ своего клеврета и захватили власть въ свои руки; смута охватила все государство, которое казалось корчилось въ предсмертной агоніи, но на берегахъ Волги раздался голосъ русскаго человѣка—Нижегородскаго гражданина Минина, призывавшаго своихъ соотечественниковъ встать на защиту вѣры и отечества, ре-

зультатомъ чего и явилось земское ополченіе, долженствовавшее спасти государство отъ конечной гибели.

Когда потребовался для ополченія воевода, то взоры всѣхъ обратились на хорошо извѣстнаго въ той мѣстности мѣстнаго вотчинника князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго, который въ это время лечился отъ раны и жилъ въ своей Мугреевской вотчинѣ на р. Лухѣ.

Честный русскій человѣкъ принялъ начальствованіе надъ ополченіемъ и осенью 1611 г. двинулся понемногу къ Москвѣ, привлекая подъ свой стягъ русскихъ людей.

12-го августа 1612 г. передовой полкъ подъ командою князя Дмитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго подошелъ къ Москвѣ, 20-го подошла главная рать князя Дмитрія Михаиловича, а 25 октября поляки сдали Кремль. 11 іюня 1613 г., въ день коронованія вновь избраннаго царя Михаила Ѳеодоровича Романова, князь Дмитрій Михаиловичъ былъ пожалованъ въ бояре.

Имя князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго стало достояніемъ исторіи; не представляя изъ себя выдающагося государственнаго дѣятеля, не будучи геніемъ, онъ все же оставилъ по себѣ память въ русскомъ народѣ, который не забудетъ имени того, кто во дни смуты поднялъ русскій стягъ и сумѣлъ водрузить его на стѣнахъ московскаго Кремля, который служилъ родинѣ и воплотилъ въ себѣ идею русской народности. Родъ князей Пожарскихъ пресѣкся въ 80-хъ годахъ XVII ст. на внукахъ князя Дмитрія Михаиловича; родовыя ихъ вотчины въ предѣлахъ нынѣшней Владимірской губ. перешли въ другіе роды и единственнымъ памятникомъ князей Пожарскихъ въ приклязьменскомъ краѣ являются гробницы ихъ и въ томъ числѣ гробница князя Дмитрія Михаиловича (20 апрѣля 1642 г.) въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Л. М. Савеловъ.

Откуда произошло имя „офеней"?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, К. Н. Тихонравовъ приводитъ „три преданія или толкованія, существующихъ у самихъ офеней" [1]). По первому преданію офени, называя себя мясыками, говорятъ, что мясыки это былъ народъ, кочевавшій по Волгѣ, отъ котораго они, будто-бы, и заимствовали свое названіе. „Дѣйствительно,—добавляетъ г. Тихонравовъ,—въ XI в. кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки". Дальнѣйшему разбору это преданіе Тихонравовъ не подвергаетъ. Но, очевидно, что изложенная догадка принадлежитъ не офенямъ самимъ, а какому-нибудь стороннему грамотею, который былъ недостаточно освѣдомленъ въ офенскомъ языкѣ, а лишь слышалъ часто повторяющееся у нихъ слово масыги. Масы—на языкѣ офеней—мы; масыги—свои, наши. Ясно, что ничего характеризующаго офеней со стороны исторической или этнографической въ этомъ имени нѣтъ. Ясы, рядомъ съ Касогами, упоминаются не въ XI, а еще въ X в., въ описаніи походовъ Святослава на Хазаръ и ихъ городъ Бѣлую Вежу [2]). Карамзинъ видитъ въ Ясахъ Оссовъ или Осетинъ—Аланскаго племени, жившихъ на Кавказѣ и близъ устья Волги [3]). Значитъ, никакой связи между ясами и офенями установить нельзя и выясненіе имени офеней изъ приведенной догадки нисколько не подвигается впередъ.—По другому преданію, торговцы—венгры, изъ г. Офена (Офенъ—нѣмецкое названіе г. Буда-Пешта, въ Австро-Венгріи), первые стали называться офенями, а потомъ это названіе перешло и къ русскимъ хо-

---

[1]) „Офени Владимірской губерніи".—Владимірскій сборникъ. М; 1857. Стр. 22 и слѣд.

[2]) Лѣтопись по Лаврент. списку. Изд. 3. Спб. 1897. Стр. 64. ср. стр. 277, 424, 477, 498.

[3]) Исторія Госуд. Рос. Изд. 5 (Эйнерлинга). Спб. 1842. Томъ I, стр. 105, прим. 40, 388 и друг. (ср. примѣч. 21—о язигахъ).

дебщикамъ. Это второе предположеніе имѣетъ подъ собою только ту правильную основу, что венгерскіе торговцы дѣйствительно были извѣстны на Руси съ глубокой древности. Еще Святославъ зналъ, что изъ Венгріи можно получать серебро и коней [1]). Въ городахъ Юрія Долгорукаго, по сообщенію Татищева, селилось много Венгровъ, конечно, прежде всего съ цѣлью торговли [2]). Но было бы весьма странно, если бы венгерцы, подъ именемъ которыхъ у насъ извѣстны главнымъ образомъ словаки и угроруссы, приходя торговать на Русь, стали бы называться по этому имени, какое дано ихъ столицѣ (Ofen) нѣмцами (вмѣсто мадьярск. и славянск. имени—Buda) [3]).

„По третьему преданію,—пишетъ г. Тихонравовъ,—названіе офеней произволилось оттого, что греки, начавъ вести въ значительныхъ размѣрахъ торговлю съ Русью, явились сюда въ видѣ переселенцевъ изъ Аѳинъ, и потому назывались аѳенями (ἀθηναῖοι) или, по здѣшнему мѣстному произношенію, офенями. И дѣйствительно, въ XV столѣтіи было большое переселеніе грековъ, между прочимъ, и къ намъ на Русь, и названіе аѳинянъ или офеней могло перейти отъ нихъ къ здѣшнимъ ходебщикамъ, имѣвшимъ съ ними торговыя сношенія; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и донынѣ въ искусственномъ офенскомъ языкѣ много словъ, взятыхъ прямо съ греческаго“. Раздѣляя эту послѣднюю догадку [4]) и стараясь объяснить имя офеней данными ихъ языка, г. Тихонравовъ открываетъ болѣе вѣрный путь для рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Однако производство имени офеней изъ ἀθηναῖοι столь же шатко, какъ и двѣ разобранныхъ нами догадки. Нѣтъ нужды приводить подробныя справки о томъ, какъ рано греки вели торговлю съ южною Русью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Даже въ областяхъ срединной Руси, лежавшихъ въ сторонѣ отъ бойкихъ торговыхъ путей, въ княжествахъ Воргольскомъ

---

[1]) Лаврент. лѣтоп., стр. 66.

[2]) Исторія Россійская. Кн. III. М. 1774. Стр. 76.—*Н. Аристовъ.* Промышленность древней Руси. Спб. 1866. Стр. 187, прим. 378.

[3]) Авторъ статьи: „Черниговскіе старцы (псалки и криптоглоссонъ)“ *П. Н. Тихановъ* говоритъ: „Москва у офеней—*Батуса.* Но Батусекъ (Батасекъ)—небольшое торговое поселеніе по сю сторону Дуная, на р. Сарвицѣ, по дорогѣ изъ Митровицы въ Буда-Пештъ“ (Труды Черниг. Архивн. Ком., вып. 2, стр. 146). Это толкованіе отчасти могло бы служить въ пользу разсматриваемаго преданія, но оно отвергнуто Ягичемъ (Die Geheim Sprachen bei den Slaven.—Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften in Wien. Phisoph.—histor. Klasse. Bd. 133).

[4]) То же принимаетъ и г. Тихановъ (Труды Черниг. Архивн. Ком., вып. 2, стр. 130).

и Рыльскомъ, еще въ XIII в. упоминаются греческіе купцы, которые „ходили“ съ товарами [1]) Изъ словъ Кузьмы Кіянича надъ трупомъ Андрея Боголюбскаго узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили и въ Владиміръ Залѣсскій [2]). Митроп. Кипріанъ въ 1389 г. занялъ въ Греціи 1000 руб. и обязался уплатить „чисто“, т.-е. наличными, а не товаромъ—чрезъ греческихъ купецъ, проводя ихъ съ торговлею чрезъ землю русскую „своими проторы“ [3]). Въ Холопьемъ городкѣ на Мологѣ также упоминаются купцы греческіе [4]). Такимъ образомъ, съ этой исторической стороны преданіе о томъ, что первоначальные офени были греки, какъ одни изъ наиболѣе древнихъ посѣтителей сѣверо-восточнаго края,—это преданіе возраженій не встрѣчаетъ. Оно подтверждается и данными языка офеней, въ которомъ есть около двухъ десятковъ словъ чисто греческихъ [5]). Но вторая половина преданія, принимаемаго К. Н. Тихонравовымъ, не имѣетъ прочности.—Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что „гости греческіе“ являлись на Русь изъ такой дали, какъ Аѳины. Были греки и значительно ближе, которые удобнѣе могли торговать съ сѣвер-

---

[1]) Лаврент. лѣтоп., стр. 457.

[2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, стр. 115.—Соловьевъ. Исторія Россіи, кн. I, (издан. 2 Товар. Обществ. Пользы), столб. 711.

[3]) Акты историч., т. I, № 252, стр. 473. Аристовъ. Промышл. древн. Руси, стр. 185.

[4]) Карамзинъ, т. IV, стр. 149.

[5]) Наприм., еной (εἷς, ἑνος)—одинъ, здю (δύω)—два, кисера (τέτταρα) четыре, деканъ (δέκα)—10, деканъ-пенда (δέκαπέντς)—15, хирки (χεῖρ) руки, кресо (χρέας)—мясо, галасць (ἅλς)—соль, керо (κρίθο, κριθή — рожь)—пиво, кимать (κεῖμαι) -спать, климать (κλέπτω)—воровать, ласо (ἐλάσσον)—мало, костеръ (κάστρον)—городъ и друг. (См. словари офенскаго языка въ трудахъ К. Н. Тихонравова („Словарь искусственнаго офенскаго языка“.—Владимірскій сборникъ), И. А. Голышева („Слов. искуств. офен. языка“.—Труды Влад. Губерн. Статист. Ком., вып. X. Влад. 1874, стр. 1—30—въ приложеніи; *его же:* „Проводы офеней въ дорогу и разговоръ ихъ на своемъ искусственномъ языкѣ“.—Ежегодн. Владим. Губерн. Статист. Ком., т. III. Владим. 1880), Н. Добрынкина („Офенскій языкъ“.—Ежегодн. Вл. Ст. Ком., т. IV. Влад. 1883), И. И. Срезневскаго („Афинскій языкъ“.—Отеч. Записки, 1839 г., т. V, сентябрь) и друг.—О греческихъ словахъ въ языкѣ Брянскихъ старцевъ, который почти во всемъ сходенъ съ офенскимъ, см. у П. Н. Тиханова („Черниговскіе старцы“.—Труды Черниг. Архивн. Ком., вып. 2, стр. 94 и слѣд., стр. 129, 143, 151 и друг.).

ною Русью: греки таврическіе и венеціанскіе (въ Крыму) турецкіе или малоазійскіе [1]). Имя греческаго купца несомнѣнно было настолько хорошо извѣстно на Руси, что оно не нуждалось въ добавкахъ географическихъ, а отдаленные Аѳиняне имѣли очень мало шансовъ опередить другихъ, болѣе близкихъ къ Руси грековъ, по части торговыхъ сношеній съ областью Оки и Клязьмы.

Извѣстный знатокъ великорусскаго языка—Даль предлагаетъ еще иное производство имени офеней. На офенскомъ языкѣ слово *офениться* значитъ молиться, креститься; *офеетъ*—крестъ. Отсюда, офеня, по догадкѣ Даля, вѣроятнѣе всего означаетъ — крещеный, православный. Это, производство названія отчасти стоитъ въ связи съ разсмотрѣннымъ уже нами третьимъ преданіемъ. Если первые офени были греки, то возможно, что являясь въ сѣверо-восточную Русь, еще не вполнѣ просвѣщенную христіанствомъ, они отличали себя, какъ крещеныхъ, отъ языческаго населенія. Но для перехода къ этой догадкѣ выставленное Далемъ основаніе недостаточно. Слово офениться, какъ видно изъ самаго его строя, принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ офенскаго языка. Оно само произведено уже отъ слова офеня, и взято, вѣроятно, изъ торговой практики, когда при завершеніи торга приходится молиться. *Офениться* получилось изъ офеня также, какъ цыганить отъ цыганъ, тарханить отъ тарханъ, кобениться отъ древн.-рус. кобъ—волшебство, гаданіе, и т. п.—Глаголъ *офениться*, такимъ образомъ, есть уже производный, при чемъ коренное существительное взято не въ его основномъ, а во второстепенномъ и случайномъ значеніи. Слово же *офеетъ*—крестъ, несомнѣнно, представляетъ собою искусственно измѣненное (въ цѣляхъ тайны) креетъ, подобно какъ *бряетъ*—ѣсть, *пулецъ*—купецъ, *нарка*—мѣрка и т. п. [2]).

---

[1]) Аристовъ. Промышлен. древн. Руси, стр. 187 и слѣд.—*В. Васильевскій.* Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго.—Лѣтоп. занятій Археографич. Ком., вып. X. Спб. 1893, стр. CCXV и дал.

[2]) Объясненіе Даля предложено въ сочиненіи: О нарѣчіяхъ русскаго языка. Спб. 1852. Стр. 58—59. Ср. предисловіе къ его „Толковому словарю живого великорус. языка". Т. I. Изд. Вольфа. Спб. 1880. Стр. LXX.—Можно упомянуть еще о двухъ толкованіяхъ, явно искусственныхъ. В. И. Григоровичъ выводитъ слово „афень" изъ языка Татовъ=оставленный отшедшій. (Записки антиквара. Одесса. 1874. Стр. 8, прим. 2.—Таты—народъ, персидскаго племени, обитающій на Кавказѣ). Въ „Церковно-славян. словарѣ" свящ. Г. Дьяченко, со ссылкой на Грота и Михельсона, сказано: „Аѳинейская мудрость, многимъ недоступная, могла казаться безсмысленнымъ наборомъ словъ. Отсюда въ рус. языкѣ образовались: 1) ахинея—чепуха; 2) офени—деревен. торговцы, коробейники, употреблявшіе между собою особый придуманный ими азыкъ, *непонятный другимъ*". (М. 1899. Стр. 30).

Такимъ образомъ, разсматривая существующія производства имени офеней, мы ни на одномъ не можемъ вполнѣ остановиться. Въ результатѣ получился только тотъ довольно прочный выводъ, что первоначальные офени, если съ данными ихъ языка сопоставить древнѣйшія извѣстія о торговлѣ на Руси, скорѣе всего были греки.

Но если нѣтъ основаній производить имя офеней отъ Аѳинъ, то естественно возникаетъ догадка: не были-ли греческіе купцы названы офенями по имени главнаго предмета ихъ тогдашней торговли, по ихъ товарамъ, которые они преимущественно сбывали въ сѣверо восточной Руси?—Обращаясь къ лѣтописямъ, мы находимъ, что еще въ договорахъ русскихъ князей съ греками X в. однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза на Русь изъ Греціи называются паволоки (т. е. дорогія ткани), которыя славяне противополагаютъ своимъ толстинимъ [1]). Напомнимъ о паволокахъ при разграбленіи дома Андрея Боголюбскаго, при пожарѣ Владимірской златоверхой церкви [2]) и т. п. Изъ описаній древнихъ новгородскихъ церквей съ XI в. видно, что въ сѣверной Руси была въ употребленіи самодѣльная холстина, крашенина, выбойка для нуждъ церковныхъ и домашнихъ [3]). Въ XIV в., какъ видно изъ договорныхъ грамотъ, въ Суздальской землѣ шла широкая торговля льномъ [4]). Но умѣя выдѣлывать изъ льна обыкновенную грубую холстину, жители сѣверо-восточной Руси болѣе тонкія полотна должны были получать отъ иностранцевъ [5]) и прежде всего—отъ грековъ, которые, съ началомъ христіанства на Руси, естественно стали все свободнѣе проникать въ Суздальскій край. При нашествіи Тамерлана на Русь, его войска, по извѣстіямъ восточныхъ писателей, между прочимъ, грабили куски тонкаго антіохійскаго полотна [6]). Но тонкое бѣлое по-

---

[1]) Лаврент. лѣтоп., стр. 13,, 37, 45, 48, 60, 66 и друг.

[2]) Тамъ же, стр. 351, 372.

[3]) *Архим. Макарій.* Археологич. описаніе церковн. древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. Част. III. М. 1860. Стр. 298 320 и дал.

[4]) Труды Владим. Губ. Стат. Ком., вып. I, Владим., 1863, статья Я. П. Гарелина: „Очеркъ развитія льняной промышленности въ бывш. Суздальской области"...—Собран. Государ. Грам. и Догов., т. I, стр. 6—7, 20,

[5]) Старинныя русскія берда имѣли не болѣе 6 вершковъ въ ширину. Поэтому самые древне-русскіе ткацкіе станки не приспособлены были къ выдѣлкѣ болѣе широкихъ и тонкихъ сортовъ полотна (наблюденіе это сообщено намъ однимъ изъ участниковъ III съѣзда, И. А. Тихомировымъ).

[6]) Карамзинъ, т. V, стр. 86—87.

лотно по-гречески называется ὀθόνη, ὀθονιον [1]). Часто повторяемое греческое названіе товара и могло послужить для древнихъ Суздальцевъ поводомъ прозвать греческихъ коробейниковъ, торгующихъ „на ходу“ полотнами, офёнями или офенями. Впослѣдствіи это имя естественно передалось и русскимъ коробейникамъ.

Итакъ, принимая во вниманіе 1) вообще оживленныя торговыя сношенія древняго Суздальскаго края съ греками, 2) присутствіе въ языкѣ офеней нѣкотораго количества греческихъ словъ для обозначенія предметовъ первой необходимости и числовыхъ единицъ, 3) въ частности, ясныя указанія на ткани и полотна, какъ предметъ вывоза изъ Греціи въ Русь сѣверо-восточную,—можно съ значительною вѣроятностію объяснить имя офеней изъ греческаго—ὀθόνη, ὀθόνίον. Имя офеней, такимъ образомъ, по нашей догадкѣ, принадлежитъ къ циклу такихъ же заимствованныхъ изъ греческаго языка словъ, какъ—оксамитъ, финифть, паволока и друг.

С. Н. Введенскій.

Дополненіе. Въ частномъ обмѣнѣ мнѣній послѣ настоящаго реферата, намъ пришлось выслушать въ качествѣ возраженія (къ сожалѣнію, только не отъ самого оппонента, а уже изъ третьихъ рукъ, чѣмъ и объясняется довольно неопредѣленная форма замѣтки) слѣдующее. Въ какихъ-то древне-русскихъ святцахъ, вмѣсто обычнаго добавленія къ имени одного святого—„аѳинянинъ“, будто бы стоитъ слово „офеня“. Изъ этого оппонентъ, конечно, дѣлалъ заключеніе, что единственно правильное производство слова *офени* есть то, къ какому склонялся К. Н. Тихонравовъ: офени=ἀθηναῖοι. При крайней неопредѣленности ссылки (въ какой именно рукописи, какого вѣка и мѣстности и т. п.), конечно, не было возможности ее провѣрить. Но мы считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторые факты, говорящіе прямо противъ вывода, сдѣланнаго изъ „приписки“ въ святцахъ. Во второмъ духовн. завѣщаніи Ив. Калиты читаемъ: ....„а селця на Масѣ, что есмь купилъ у *Афинея*,

---

[1]) ὀθόνη, ἡ —тонкое бѣлое полотно; серебристая ткань; парусъ, скатерть; ὀθόνιον, τὸ, (уменьш. отъ ὀθόνη)—полотенце; перевязь для ранъ, биндъ; парусина; пелена; ὀθονιοπωλης, ὁ, —торгующій холстомъ (см. греческ. словари Грацинскаго, Синайскаго и друг.). Въ Евангеліи пелены, которыми обвито было тѣло Спасителя во гробѣ, называются τὰ ὀθόνια (Лук. XXIV, 12; Іоан. XX, 5—6).

то даю сыну своему Ивану". Въ числѣ бояръ, бывшихъ при написаніи духовной Василія Дмитріевича, значится Дмитрей *Афинеевичъ*, а въ духовной Ивана II Ивановича упоминается и село Афиньевское (Карамзинъ, IV, прим. 326; V, прим. 228; Древн. Росс. Вивліоѳика, изд. Н. Новиковымъ. Част. VIII. Спб. 1775. Стр. 235, 242, 321).

Изъ этихъ данныхъ можно заключать, что имя *Афиней* въ XIV в. сохранялось въ устахъ Москвичей въ неприкосновенномъ видѣ, безъ звуковой перемѣны. Но московскій говоръ XIV в. не настолько отличался отъ владиміро-суздальскаго, чтобы въ этомъ послѣднемъ изъ *Афиней* получилось *офеня*. Интересно, что въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ мы видимъ имена: Ондрей, Олексѣй, Олександръ и т. п.

С. В.

СЕЛО ПРОСѢКЪ

(Макарьевскаго у. Нижегородской губ.).

Изъ исторіи славяно русской колонизаціи средняго Поволжья.

Съ приближеніемъ поѣзда къ Нижнему-Новгороду по линіи Московско-Нижегородской желѣзной дороги, вдали направо начинаетъ вырисовываться возвышенный берегъ р. Оки, сливающейся съ Волгой подъ самымъ городомъ.— Возвышенный правый берегъ Оки сохраняетъ свой геологическій и географическій характеръ и далеко ниже города, составляя уже правый берегъ Волги. Мощные слои песку, известняка и разноцвѣтной глины, слегка покрытые мелколѣсьемъ, по мѣстамъ прорѣзанные оврагами съ отвѣсными осыпями, составляютъ красивую твердыню праваго берега широкой Волги, въ совершенной противоположности его съ лѣвымъ, низменнымъ, луговымъ берегомъ, который сплошь покрытъ лѣсами, въ наибольшей мѣрѣ хвойными.

Геологическая противоположность береговъ Оки и Волги, давно замѣченная иностраннымн и русскими учеными, по принятому, объясняется отступленіемъ массы рѣчной воды къ правому берегу Оки и Волги, вслѣдствіе суточнаго вращенія земли съ запада на востокъ: составъ и свойства пластовъ этихъ именно береговъ, при давленіи воды съ востока на западъ, представляютъ непремѣнное условіе для рѣзкаго очертанія именно правыхъ береговъ нижней Оки и средней Волги: грунтъ береговъ, уступая давленію воды, осыпается или оползаетъ, производя тѣмъ самымъ рѣзкое очертаніе рельефа праваго берега. Точное объясненіе этого явленія существуетъ именно слѣдующее:—

Академикъ Бэръ говоритъ: „каждое мѣсто земной поверхности тѣмъ скорѣе должно обращаться, чѣмъ оно ближе къ экватору, потому что каждое мѣсто подъ экваторомъ должно совершать въ сутки наибольшій путь. Поэтому если тѣло имѣетъ движеніе въ направленіи къ югу или къ сѣверу, то оно, кромѣ этого своего движенія, удерживаетъ еще и первоначальное, отъ кругообращенія земли ему данное, стремленіе къ востоку и будетъ удерживать это дви-

женіе, пока не встрѣтитъ значительной опоры. Итакъ, если вода течетъ отъ экватора по направленію къ полюсамъ, то она уноситъ съ собою болѣе значительное стремленіе къ востоку, нежели текущая въ мѣстахъ меньшей широты,— слѣдовательно, вода въ своемъ руслѣ стремится къ восточному берегу. Напротивъ, вода, двигающаяся въ направленіи отъ полюса къ экватору, несетъ съ собою гораздо меньшую скорость, чѣмъ то мѣсто, къ которому она подходитъ, вслѣдствіе чего она будетъ напирать на западный берегъ. Въ нашемъ, сѣверномъ полушаріи у рѣкъ, текущихъ по направленію къ полюсу, восточный, а у текущихъ къ экватору—западный берегъ—составляютъ правый. Слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи, въ рѣкахъ, текущихъ болѣе или менѣе по направленію меридіана, вода должна болѣе напирать на правый берегъ. Поэтому для всѣхъ, по меридіану текущихъ, рѣкъ въ сѣверномъ полушаріи должно вывести законъ, что правый берегъ болѣе подмываемъ, нежели лѣвый, вслѣдствіе чего онъ становится болѣе крутымъ и высокимъ. При усиливающемся теченіи, усилится въ томъ же отношеніи и боковой напоръ, и коль скоро берегъ не будетъ въ состояніи сопротивляться этой силѣ, то онъ обрушится. Обрушеніе береговъ и показываетъ, что напоръ сильнѣе сопротивленія. На Волгѣ сопротивляется верхній, твердый, глинистый слой берега, а размывается нижній, песчаный. Вотъ почему часть глинистыхъ слоевъ, потерявши свою опору обрушивается отъ времени до времени“ [1]).

Геологія праваго берега Оки и Волги обусловливаетъ и его географическій характеръ. Правый берегъ, возвышенный, а потому и менѣе доступный нападенію съ Волги, ранѣе сдѣлался мѣстомъ осѣдлости въ этомъ краѣ: для сего незамѣнимыя удобства представляли и тѣ многочисленные овраги или, по здѣшнему, *враги* и рѣчки, при устьяхъ которыхъ расположены обыкновенно села, съ ихъ кореннымъ или пришлымъ населеніемъ, именно—финскимъ и славяно-русскимъ.

О двойственномъ составѣ населенія здѣсь свидѣтельствуетъ прежде всего говоръ населенія: одинъ обыватель говоритъ *чапчура*, другой—*чашка*, одинъ—*щерба*, другой—*уха*, тотъ—*шаберъ*, а этотъ—*сосьдъ* и пр.

Таже племенная рознь сказывается и въ географическихъ названіяхъ мѣстъ поселенія, урочищъ и т. п. Такъ, съ одной стороны—Исады, Сундовикъ, Шава и пр., съ

[1]) Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. Очерки изъ исторіи края и его колонизаціи. Изслѣдованіе *Г. Перетятковича*. Москва. 1877 г. стр. 9—10.

другой—Великій Врагъ, Теплый Врагъ, Золотой, Березовый, Сосновый и пр., названія явно славяно-русскія.

Что касается времени колонизаціи этого края пришлымъ, т. е. славяно русскимъ населеніемъ, то безспорно, оно здѣсь появилось относительно поздно.—Несомнѣнно, конечно, географическія условія этого края представляли большія удобства для поселенія пришельцевъ—колонистовъ. Но необходимо имѣть въ виду, что Волга, это широкая дорога для всякаго рода передвиженія племенъ, искони населявшихъ ея берега и берега ея многочисленныхъ притоковъ, далеко не такъ удобна была для колонизаціи въ то время, когда на ней господствовали татары. Иное дѣло со времени взятія Русскими Казани, т. е. съ 1552 года, когда этотъ край, подъ крѣпкой охраной Москвы успокоился и оживился, когда татары, тѣснимые на востокъ и юго-востокъ, болѣе уже не разгоняли насельниковъ-колонистовъ. И вотъ почему, въ концѣ XVI-го и особенно въ началѣ XVII-го столѣтія здѣсь сильно распространилась колонизація, а вслѣдствіе ея упроченія, здѣсь развилась и національная культура. Нѣтъ сомнѣнія, что колонисты края были пришельцами изъ областей древнихъ княжествъ Суздальскаго, Ростовскаго и др. Такъ это несомнѣнно потому, что изъ этихъ областей населеніе отливало значительными массами въ тоже время даже и на верховья Дона и его притоковъ [1]). Этимъ историческимъ обстоятельствомъ объясняется и другое,—что населеніе названныхъ областей съ того же времени весьма сильно уменьшается въ своей численности.

Вотъ именно въ это время, т. е. въ началѣ XVII го вѣка стали прочно заселяться здѣсь и вышеназванные многочисленные *враги*. Образчикъ такой колонизаціи и представляетъ намъ село Просѣкъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ. О немъ мы имѣемъ точныя документальныя свѣдѣнія.

Первоначальное названіе мѣста поселенія—географическое, именно „Теплый Врагъ“, извѣстное точно по памятникамъ XVII-го вѣка, въ настоящее время замѣнено другимъ—„Поповъ Врагъ“, конечно, уже со времени образованія здѣсь села—прихода. Прежнее названіе удержали здѣсь за собой озеро, называемое „Теплымъ“ и ручей „Теплякъ“. При впаденіи этого ручья Тепляка въ Волгу, на правомъ берегу рѣки и на лѣвомъ ручья и расположена древняя часть села Просѣка.

---

[1]) Объ этомъ въ нашемъ изслѣдованіи: „Берега р. Непрядвы въ историко-археологическомъ отношеніи“. См. „Труды VII-го Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ въ 1887 г. Томъ I-й. Москва. 1890 г.

Исторія образованія прихода и точныя свѣдѣнія о построеніи храмовъ въ деревнѣ Теплый Врагъ, а потомъ въ селѣ Просѣкѣ, имѣютъ для себя документальные источники—памятники, именно, подлинныя грамоты Патріарха Московскаго Іоасафа и Митрополитовъ Нижегородскихъ, по счастію сохранившіяся въ церковной ризницѣ [1]).

По историческимъ документамъ, на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее ручья Тепляка или на Тепломъ Врагѣ, въ началѣ XVII-го вѣка, существовала деревня, съ ея географическимъ названіемъ—„Теплый Врагъ," принадлежавшая въ томъ же вѣкѣ стольнику князю Алексѣю Ивановичу Воротынскому. Ему же принадлежало здѣсь и сельцо Княгинино [2]). Въ 1635-мъ году, князь-стольникъ пожелалъ устроить здѣсь первую церковь и, осуществивъ это свое желаніе, тѣмъ положилъ начало приходу. Мѣсто, гдѣ былъ порубленъ лѣсъ на первую церковь, образовало *просѣкъ*, давшій новому селу второе названіе, удержавшееся за нимъ доселѣ.

Въ административномъ отношеніи село Просѣкъ принадлежало то къ сосѣднему с. Лыскову, то къ с. Барьмину (оба на правомъ берегу рѣки Волги).

Послѣдовательную, хотя и краткую исторію построенія храмовъ, ихъ устройства и перемѣнъ представляютъ подлинныя грамоты.

Первая по времени и важности грамота Патріарха Іоасафа свидѣтельствуетъ, что князю Воротынскому дано было позволеніе строить въ тепломъ Врагѣ (Просѣкѣ) первый по времени храмъ во имя Св. Николая Чудотворца съ придѣломъ Св. Алексія человѣка Божія, въ 1635-мъ году.

Этотъ храмъ, какъ видно изъ документовъ, не былъ „воздвигнутъ" такъ, какъ предполагалось: построена была только деревянная церковь во имя св. Алексѣя Человѣка Божія. Но и эта церковь въ 1688 году 12-го апрѣля „изволеніемъ Божіимъ" сгорѣла. Тогда, по ходатайству причта и прихожанъ, Митрополитомъ Нижегородскимъ Павломъ въ томъ же 1688 году дана была благословенная грамота на построеніе новой церкви.

---

[1]) Грамоты и другіе, къ нимъ относящіеся, приходскіе документы любезно и съ довѣріемъ предоставлены были мнѣ для ознакомленія мѣстнымъ священникомъ—благочиннымъ о. В. Н. Полянскимъ чрезъ мѣстнаго же о. діакона С. Ал. Тирскаго. Они бережно хранятся въ ризницѣ мѣстнаго храма. *Авторъ.*

[2]) Главнымъ мѣстопребываніемъ кн. А. И. Воротынскаго было село Воротынецъ (прежде, вѣроятно, городище) въ Василь-Сурскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 12—15 отъ города Василь-Сурска.

По сей грамотѣ была построена церковь св. Алексѣя человѣка Божія. Но, признавая въ сожженіи прежней церкви „изволеніе Божіе“, какъ наказаніе Божіе за неисполненіе прежняго намѣренія—построить храмъ Святителя Николая. прихожане теперь же рѣшили построить и этотъ храмъ во имя св. Угодника: и на это исходатайствовали также благословенную грамоту отъ того же Митрополита Павла въ 1691 году.

Но и Николаевская церковь въ 1706-мъ году сгорѣла, при пожарѣ с. Просѣка, а Алексѣевская пришла въ крайнюю ветхость. По сему прихожане, чрезъ своего уполномоченнаго, исходатайствовали у Пр. Митрополита Исаіи позволеніе построить новый деревянный храмъ во имя свят. Николая съ придѣломъ „преподобнаго“ Алексія человѣка Божія. На что и была дана имъ благословенная грамота въ 1707 году.

Въ настоящее время въ с. Просѣкѣ существуетъ обширный и благолѣпный каменный храмъ во имя Св. Николая Чудотворца. Онъ построенъ въ 1854-мъ году. Въ немъ сохранилось не мало иконъ изъ прежней церкви.

Такъ какъ упомянутыя грамоты Патріарха и Митрополитовъ имѣютъ не только значеніе историческихъ документовъ для исторіи села Просѣка, но и не малый и обще-научный интересъ,—въ отношеніи цѣнныхъ указаній правильнаго устройства и убранства сельскихъ храмовъ, а также и въ отношеніи языка своего времени и данной мѣстности, то текстъ этихъ грамотъ помѣщается здѣсь полностію, съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи онаго.

1. Грамота патріарха Іоасафа, 1635 года.

Божіею милостию се азъ смиренный великиі Господинъ святѣйшиі Иоасафъ патриархъ московскиі і всеа русиі билъ намъ челомъ столникъ князь Олексѣі ивановичь воротынскоі а сказалъ вотчина де у него въ нижегородскомъ уѣзде селцо княінино деревня теплово врагу: в томъ де селце обещался воздвигнути внов храмъ во імя великого чудотворца николы да в предѣле олексѣя человѣка божия и намъ бы ево пожаловать велѣть бы ему на тотъ храмъ и на предѣлъ лѣсъ ронить и дати антимисы и язъ смиреный і великиі Господинъ святѣйшиі Иоасаѳъ патриархъ московскиі и всеа русиі столника князя олексѣя ивановича воротынского пожаловалъ благословилъ велѣлъ ему лѣсъ ронити і в томъ лѣсу в нижегородскомъ уѣзде в вотчине ево в селце княгинине в деревне теплово врага воздвигнути внов храмъ во імя великого чудотворца николы да в предѣле олексѣя бо-

жия человѣка а предѣлъ велѣлъ прирубить стороны чтоб двои царьские двери на одномъ брусе не были а были въ церкви и олтари особно а какъ тотъ новой храмъ и предѣлъ совершатца и на тотъ храмъ велѣлъ ему дать антимисы и освятить тотъ новой храмъ и предѣлъ попу со дьякономъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ писана на москвѣ лѣта 7143 го генваря въ де. печатные (деньги) взяты.

Грамота писана на столбцѣ изъ двухъ листовъ; на ставѣ скрѣпа: *діакъ Маркъ Богдановъ*. Сохранился оттискъ патріаршей печати съ изображеніемъ благословляющей десницы.

2. Грамота Митрополита Павла, 1688-го года.

Божиею милостию смиренъный Преосвященнѣйшіі Павелъ митрополитъ Нижегородскіі и Алатарскіі в нынешнемъ во 196-мъ году іюня въ 18 де. билъ челомъ намъ Преосвященнѣйшему митрополиту Нижегородского уѣзду закудемского стану села Просѣку николаевской попъ Григорей с прихожаны подали челобитную а в челобитной ихъ написано, в нынешнемъ де во 196 мъ году апрѣля въ 12 де. изволениемъ Божіимъ в томъ селѣ Просѣке церковь Божия во имя святого Алексия человѣка Божия згорѣла а ему де попу Григорию с прихожаны без церкви Божіі быть невозможно и ныне де они обѣщались в томъ селѣ на старомъ церковномъ мѣсте построить внов церковь божию во имя святого алексия человѣка Божия и намъ бы преосвященнѣйшему митрополиту пожаловать ево попа Григория с прихожаны благословить велѣти на тое церковь лѣсъ ронить на томъ лесу в томъ селѣ на старомъ церковномъ мѣсте воздвигнуть нозую церковь божию во имя святого Алексия человѣка Божия теплую и о томъ бы дать имъ нашу Благословенную Грамоту. И Азъ смиренный преосвященнѣйшій Павелъ митрополитъ нижегородскіі и алатарскіі нижегородского уѣзду закудемского стану села Просѣку Николаевского попа Григория с прихожаны пожаловалъ благословилъ велѣлъ имъ на новую церковь лѣсъ ронить и в томъ лесу в томъ селѣ Просѣке на старомъ церковномъ мѣсте воздвигнуть новую церковь Божию во имя святого Алексия человѣка Божия теплую а верхъ бы на той церкви былъ круглой а не шатровои и олтарь здѣлать круглой тройной а в церкви в олтарныхъ стѣнахъ царские двери были въ посреди а по правую ихъ сторону южныя а по лѣвую сѣверныя а подле царскихъ дверей по правую сторону межъ южныхъ вначалѣ поставить образъ всемилостиваго Спаса а подле спасова

образа поставить образъ настоящаго того храма (святого) а по лѣвую сторону межъ сѣверныхъ вначалѣ поставить образъ Пречистыя богородицы и иные образы по чину а какъ та церковь совсѣмъ совершится и на тое церковь взять у насъ антиминсъ и освятить та церковь по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ и по новоисправному чиновнику а колоколніца поставить особ статьею а не на трапезе ставить пісанъ в богоспасаемомъ Нижнемъ новѣградѣ лѣта 7196 го году июня въ 20 день.

Грамота писана на столбцѣ изъ двухъ листовъ; на ставѣ скрѣпа: *Діакъ Василей Темновъ*". Печать не сохранилась.

3. Грамота Митрополита Павла, 1691 г.

Божиею милостию смиренный Преосвященнѣйшіі Павелъ митрополитъ нижегородскіі и алатарскіі в нынѣшнемъ во 199 мъ году октября въ 25 день, били челомъ намъ Преосвященнѣйшему митрополиту Нижегородского уѣзду новоотписной Барьминской волости села Просѣку николаевские попы Григорей да андрей да тогожъ села церковной староста Мишка Ивановъ подали челобитную А въ челобитной ихъ написано в прошломъ де во 196 мъ году по нашему указу построена у нихъ в томъ селѣ церковь Божия во имя святого алексия человѣка Божия теплая а настоящия де церкви у нихъ во имя Николая чудотворца непостроена а нынѣ де они обѣщались в томъ селѣ построить вновь настоящую церковь божию во имя святого николая чудотворца на новомъ мѣсте холодную и намъ бы преосвященнѣйшему митрополиту пожаловать ихъ попа Григория да Андрея и старосту Мишку благословить велѣть имъ на тое новую церковь лѣсъ ронить и в томъ лесу в томъ селѣ Просѣке на новомъ мѣсте построить новую настоящую церковь во имя святого Николая чудотворца холодную и о томъ бы дать имъ нашу благословенную грамоту и азъ смиренный преосвященнѣйшіі Павелъ митрополитъ нижегородскіі и алатарскіі нижегородского уѣзду ново отписной барминской волости села Просѣку николаевскихъ поповъ Григория да андрея да старосту Мишъку пожаловалъ благословилъ велѣлъ имъ на тое новую церковь лѣсъ ронить и возить и в томъ лесу в томъ селѣ Просѣке на новомъ мѣсте построить новую настоящую церковь Божию во имя святаго Николая чудотворца холодную, а верхъ бы на той церкви былъ круглой а не шатровой и олътаръ здѣлать круглой тройной а в церкви в олтарныхъ стенахъ царские двери были бъ посреди а по правую ихъ сторону южныя а по лѣвую сѣверныя а подле царскихъ дверей по правую сторону межь южныхъ вначале поставить образъ всемилостиваго Спаса а

подле Спасова образа поставить образъ настоящаго того храма (святого) а по лѣвую сторону царскихъ дверей межь сѣверныхъ вначале поставить образъ пресвятыя богородицы і иныя образы по чину а о посвященіі тоя церкви і об антиминсіі бить челомъ намъ преосвященнѣйшему митрополиту в то время какъ та церковь божия совершится а колоколъница построить особь статьею а не на трапезе ставить пісанъ в богоспасаемомъ нижнемъ новѣ граде лѣта 7199 го году ноября въ 10 день.

На оборотѣ скрѣпа: *Діакъ Василей Владыкинъ* на ставѣ, на столбцѣ изъ двухъ листовъ.

4. Грамота Митрополита Исаіи, 1707 года.

Божіею милостию смиренный Исаій Митрополитъ нижегородскій і алатарскій въ нынѣшнемъ 707 мъ году генваря въ 14 де. били челомъ намъ преосвященнѣйшему Митрополиту нижегородскаго уѣзду Барминъские волости села просѣку выборной Петръ Трѳимовъ и всѣ того приходу крестьяня в прошломъ де 1706 мъ году посѣщениемъ божіимъ то село Просѣкъ погорѣло и отъ того пожару церковь Божия згорѣла без остатку кромѣ церковной утвари да другая де церковь во имя преподобнаго Алексия человѣка божия обетъшала и намъ бы преосвященнѣйшему митрополиту пожаловать ихъ благословить тоѣ вышеписанную церковь во имя святаго Николая чудотворца строить и лѣсъ возить да прѣделъ построить во имя вышеписаннаго ветхого храма преподобнаго Алексѣя человѣка божия да колоколню построить на трапѣзѣ и азъ смиренный Преосвященный Исаій митрополитъ нижегородскій и алатарскій слушавъ ихъ челобитья пожаловалъ ихъ благословилъ на вышеписанную церковь и на прѣделъ и на колоколню лѣсъ ронить і бревна возить и с того лѣсу построить вновь на старомъ церковномъ мѣсте церковь божию во имя святаго Николая чудотворца да предѣлъ во имя преподобнаго алексія человѣка божия да настоящей церкви на трапезной стенѣ и на паперти построить колокольню а верхи на церкве и на предѣле были бъ круглые а не шатровые и олтари приурубить круглые тройные а в церкве бъ и в предѣле в олтарныхъ стенахъ царские двери были бъ посреди а по правую сторону южные а по лѣвую сѣверные а по правую сторону царскихъ дверей межъ южными вначалѣ поставить образы всемилостиваго Спаса а подлѣ спасовыхъ образовъ образы настоящихъ тѣхъ храмовъ (святыхъ) а по лѣвую сторону царскихъ дверей межь сѣверныхъ вначалѣ поставить образы пресвятыя Богородицы и іные образы по чину а о посвя-

щеніи тоя церкви и прѣдела бить челомъ намъ преосвященнѣйшему митрополиту в то время какъ та церковь и предѣлъ совсемъ совершатся писанъ въ нижнемъ новѣ городе в нашемъ архиерейскомъ домѣ лѣта 1707-го году генваря въ 16 де.

Печать Митрополита изъ краснаго сургуча, съ изображеніемъ благословляющей десницы. Скрѣпа: *Староста поповской благовѣщенской попъ Димитрій.* Писана на гербовомъ листѣ книжнаго типа.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. село Просѣкъ, какъ и прочія села, платило „церковную дань въ архіерейскую казну“ на разныя потребности: въ уплатѣ положенныхъ денегъ выдавались „отписки“. Изъ многихъ отписокъ, сохранившихся въ ризницѣ мѣстнаго храма, вотъ три обращика:

1 Лѣта 7182 го (т. е. 1674 г.) Февраля въ 13 день казначѣй старецъ иона Жемчужковъ принялъ въ святительскую казну церковную дань на нынѣшней на 182 й годъ с церкві Николая чудотворца [1]) в вотчинѣ боярина князя Ивана Алексѣевича воротынского в селѣ на Тепломъ враге дани пять рублевъ четырнатцать алтынъ 4 деньги заѣзда принялъ казенныхъ платежныхъ пошлинъ полчетверта алтына платілъ денги попъ Дмитрей къ сей отписи казенная печать приложена (изъ чернаго воску).

2. Лѣта 7201 го (т. е. 1693 г.) Генваря въ 11 день по указу Государя Преосвященнѣйшаго Павла митрополита нижегородскаго і алатарскаго ево архіерейского казенного приказу казначѣй старецъ Стефанъ Лебедевъ диакъ василей владыкинъ приняли въ ево архиерейскую казну церковную дань на нынѣшней на 201 годъ с церкви Николая чудотворца въ селѣ Тепломъ враге а Просѣкъ тожь дана пять рублевъ четырнадцать алтынъ четыре денги за полгода гривна казенъныхъ и платежныхъ пошлинъ полчетверта алтына да принято полоняникомъ на окупъ на нынѣшней же на 201-й годъ с четырехъ дворовъ с двора по осми денегъ платилъ денги тоежь церкви попъ Григорей к сей отписи печать казенная приложена“ (чернаго воску). На оборотѣ: *Казначый Старецъ Стефанъ Лебедевъ.*

3. Лѣта 1705 го марта въ 13 день по указу великого Господина преосвященного Исаиа Митрополита нижегородского и алатарского ево Архиерейского дому казначѣй мо-

[1]) Должно замѣтить, что настоящей церкви во имя св. Николая въ это время еще не существовало: разрѣшено было ее строить, но она не была построена, какъ это очевидно изъ грамоты Митрополита Павла, 1691-го года.

нахъ Иона Курмышенинъ принялъ в нижнемъ новѣ городе в приказе монастырскихъ дѣлъ данныхъ денегъ на нынѣшней 705 годъ с церкви Николая чудотворца в селѣ Просеке по окладу восемь рублевъ пять алтынъ две денги богадѣленнымъ нищимъ три алтына две денги да неокладныхъ дватцать восемь алтынъ четыре денги да певчимъ и подьякомъ славленыхъ с окладныхъ здана с рубля по три алтына по две денги и того дватцать семь алтынъ одна денга всего девять рублевъ тритцать одинъ алтынъ одна денга да полонныхъ с четырехъ дворовъ з двора по осми денегъ платилъ денги того села дьячекъ Самойло Совельевъ к сей отписи архиерейскаго дому казенная печать приложена (чернаго воску). На оборотѣ: *Дьякъ Василей владыкинъ. Скрепилъ Ѳедоръ Щоновъ.* Писана на столбцѣ въ листъ.

Н. И. Троицкій.

Поиски мѣста крещенія свят. князя Владиміра въ Херсонесѣ (Корсунь)[1].

М.м. Г.г. На мѣстѣ древняго Херсонеса вы увидите въ настоящее время только площадь, покрытую камнемъ. Городъ разграбленъ и разрушенъ такъ, что и раскопки обнаруживаютъ только жалкія развалины. И вопросъ о мѣстѣ крещенія здѣсь Владиміра св. является вопросомъ жизни для этого города. Если будетъ научно установлено, что здѣсь принялъ крещеніе русскій князь, то мертвый городъ будетъ жить въ памяти народной, если же нѣтъ, то закончатся раскопки, и Херсонесъ забудется въ потомствѣ и только вещи, найденныя здѣсь, будутъ свидѣтельствовать кругу ученыхъ объ умершемъ городѣ. Площадь, занятая въ настоящее время Владимірскимъ соборомъ, по счастливой случайности издавна привлекала вниманіе посѣщавшихъ Херсонесъ археологовъ. Можетъ быть много ранѣе уже были здѣсь какія-нибудь раскопки, а можетъ быть предположеніе приводило сюда ученыхъ и они искали въ этомъ мѣстѣ развалины древнихъ храмовъ.

Первыя литературныя свѣдѣнія о произведенныхъ здѣсь раскопкахъ относятся ко времени вскорѣ послѣ занятія Крыма русскими. Въ 1827 г. раскопки были произведены по порученію адмирала Грейга; многое открытое при этомъ и уцѣлѣвшее описано у Дюбуа. Въ 1846 и 1847 гг. по порученію Министерства Двора производилъ раскопки Карейша. Въ 50-хъ годахъ искалъ среди развалинъ церковь, гдѣ крестился князь Владиміръ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Относительно раскопокъ произведенныхъ имъ, ничего, впрочемъ, неизвѣст-

[1]) Настоящій рефератъ, читанный на Третьемъ Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ гор. Владимірѣ 20 іюня 1906 года, представляетъ извлеченіе изъ нашей работы „Христіанскіе памятники древняго Херсонеса“.

но; вѣрнѣе всего они не производились. Въ 1851 г. лейтенантъ Шемякинъ пытался на свой страхъ что-то раскопать здѣсь, но что онъ сдѣлалъ, свѣдѣній не сохранилось. Только въ 1853 г. былъ уже командированъ въ Херсонъ для производства раскопокъ графъ Уваровъ. Онъ приступилъ къ систематическимъ раскопкамъ въ Херсонесѣ, начавъ съ базилики, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ „Уваровской".

Но раскопки графа не были продолжительны. Въ 1854 г. мѣсто Херсонеса было занято войсками союзниковъ и на фундаментахъ древнихъ храмовъ созидались батареи,—грозныя орудія готовили разрушеніе юному потомку Херсонеса—Севастополю. Союзники произвели здѣсь нѣкоторыя раскопки. Они раскопали, между прочимъ, храмъ описанный ранѣе Дюбуа и послѣ этого отъ него остались лишь жалкіе фундаменты, вмѣсто богатыхъ мраморовъ и красивыхъ половыхъ мозаикъ, настоящаго вида, которыхъ теперь мы не имѣемъ возможности даже возстановить; схематическій рисунокъ ихъ сохранился только на планѣ архитектора Авдѣева, занимавшагося разслѣдованіемъ этого храма. Въ 1851 г. архитекторъ Медвѣдевъ снялъ планъ фундаментовъ крестообразной церкви. Авдѣевъ провѣрилъ и подробнѣе описалъ планъ Медвѣдева и, вѣроятно, представлялъ его на Одесскій археологическій съѣздъ въ общемъ собраніи своихъ плановъ и рисунковъ. (Планъ архитектора Авдѣева изданъ въ Архит. вѣстникѣ за 1859 г.). Но когда производились раскопки въ 1861 г. для расчистки мѣста подъ новый соборъ, о планѣ Авдѣева забыли и указанная на немъ, существовавшая здѣсь крещальня, осталась не замѣченной. Между тѣмъ, если бы имѣлся тогда подъ руками этотъ планъ, не получилось бы нѣкоторыхъ странныхъ неточностей, ставшихъ причиною многихъ серьезныхъ недоразумѣній, когда начались поиски мѣста крещенія князя Владиміра.

И вотъ что видимъ мы на планѣ 1861 г. [1]): 1) часть стѣны передъ входомъ въ крестообразный храмъ, продолженная пунктиромъ для соединенія съ боковыми стѣнами образуетъ странную пристройку, едва-ли понятую самимъ архитекторомъ (здѣсь нельзя видѣть древняго перивола, открытаго при крестообразномъ храмѣ у монастырской гостинницы 1897 г.).

2) Съ южной стороны храма подъ уклономъ показана часть стѣны неизвѣстнаго назначенія. Нужно думать, что здѣсь стѣна шла параллельно сосѣднимъ храмамъ, образуя

---

[2]) См. планъ 1861 г.—копія съ плана, приложеннаго къ V т. Записокъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

между ними ту галлерею, о которой, правда, намеками говорятъ нѣкоторые изслѣдователи (Авдѣевъ); эта галлерея, по предположеніямъ, соединяла между собою всѣ три храма находившіеся на площади, когда былъ здѣсь греческій монастырь.

3) Самая главная неточность плана,—помѣченный здѣсь „*водоемъ*“,—причина многихъ недоразумѣній. Архитекторъ Авдѣевъ видѣлъ здѣсь гробницы и назвалъ ихъ *могилой обдѣланной камнемъ*, а при раскопкахъ 1861 г. изъ нея были извлечены кости. Однако усиленное и спѣшное исканіе игуменомъ Евгеніемъ какого-нибудь основанія для подтвержденія своего предположенія о крещеніи здѣсь князя Владиміра, привело къ тому, какъ увидимъ ниже, что могилу признали за купель, а незнаніе плана г. Авдѣева было причиною того, что настоящая крещальна была не признана и разрушена до основанія.

Весьма интересно это продолжительное исканіе мѣста крещенія князя Владиміра, начатое безъ опредѣленныхъ свѣдѣній и соображеній.

Вотъ краткій очеркъ этихъ поисковъ въ городищѣ.

Живой интересъ къ храмамъ на площади возникъ послѣ посѣщенія раскопокъ Н. Мурзакевичемъ въ 1836 году. Кратко описалъ онъ результаты своей поѣздки сюда, но и этимъ далъ толчекъ и заинтересовалъ изслѣдователей.

„Отъ Херсонеса, нѣкогда многолюднаго и богатаго, писалъ онъ, теперь едва сохранились остатки городскихъ стѣнъ. Изъ всего построеннаго византійцами уцѣлѣлъ фундаментъ церкви, лежащей ближе къ карантину и его бухтѣ. Храмъ почти одинаковой постройки съ городской стѣной, имѣетъ расположеніе совершенно византійское—крестообразное, въ алтарной части тройное полукружіе: среднее для престола, правое для діаконика (ризницы) и лѣвое для жертвенника. Въ длину церковь 75 фут. и столько же въ ширину, стѣны толщиною въ 42 дюйма. По угламъ церкви замѣтны вдѣланные въ стѣны отрѣзки известковыхъ колонъ іоническаго ордера (въ діам. 25 дюйм.). Не положены ли они суевѣрными созидателями храма изъ какого-либо древнѣйшаго храма во главу угла? Можетъ быть не остатки ли это древнѣйшаго Діанина храма? Близь церкви попадается много мраморныхъ обломанныхъ капителей коринфскаго ордера, колонъ съ продолговатыми византійскими крестами и мраморныхъ досокъ съ разными украшеніями. Сказываютъ, что въ этой церкви былъ открытъ и мозаичный полъ, расхищенный любопытными. Не въ этомъ-ли храмѣ равноапостольный князь Владиміръ принялъ святое крещеніе? Въ нѣсколькихъ шагахъ на западъ отъ перваго храма видна круглая яма съ узкимъ въ нее отверстіемъ и

на поверхности ея лежатъ разбитыя мраморныя колоны съ крестами, подобными тѣмъ, кои изсѣчены на гробницѣ Ярослава I-го Владиміровича, что въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ .. Недалеко отсюда находится большая насыпь изъ битаго камня и черепицъ. Трудно отгадать ея назначеніе. Не та-ли это земля, которую при осадѣ города Владиміромъ, дѣлавшимъ у стѣны „приспы“, жители Херсона сквозь земное отверстіе уносили и сыпали здѣсь“ [1]).

Такъ описывалъ почти одновременно съ Дюбуа древній крестообразный храмъ Мурзакевичъ.

Въ этомъ, очень краткомъ и поверхностномъ описаніи, онъ указалъ даже неправильный размѣръ храма, взятый, вѣроятно, съ того второго храма, который онъ усматривалъ у приморской стѣны, раскопанный впослѣдствіи графомъ Уваровымъ.

Послѣ указанія Мурзакевича забыли о существованіи этого храма, пока само время не выдвинуло на очередь вопроса о мѣстѣ крещенія святаго Владиміра. Это было время приближавшагося девятисотлѣтія со дня крещенія Руси. Тогда начались изысканія: стали вспоминать все, что когда-либо говорилось о херсонесскихъ храмахъ, кто производилъ тамъ раскопки и т. д. Духовенство, особенно озабоченное вопросомъ о построеніи храма на память о началѣ христіанства, желало создать его на мѣстѣ крещенія (купели) Владиміра, тѣмъ болѣе, что такова была и воля Монаршая [2]). Но духовенство не имѣло опредѣленныхъ свѣдѣній о мѣстѣ купели и потому съ тревогою и колебаніемъ указывало на древнія крестообразныя развалины, существовавшія на площади.

Для построенія надъ тѣмъ или другимъ мѣстомъ храма—памятника необходимы были историческія основанія, чье либо авторитетное слово. Къ этому времени въ городищѣ открыто было церквей до шести, однако, какую изъ нихъ должно считать мѣстомъ крещенія Владиміра святаго, никто сказать не могъ и не рѣшался.

Авторитетное слово по этому вопросу могъ сказать графъ Уваровъ. Онъ былъ здѣсь и производилъ раскопки, всѣ и указали на графа Уварова.

„Мѣсто храма, писалъ впослѣдствіи преосвященный Псковскій, бывшій Таврическій, Гермогенъ, гдѣ святой князь Владиміръ принялъ крещеніе, благодаря живому и дѣятельному участію и заботамъ и трудамъ извѣстнаго уче-

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1837 г., ч. XIII, стр. 617.

[2]) Императоръ Николай I повелѣлъ построить въ Херсонесѣ храмъ въ ознаменованіе мѣста „купели“ Св. Владиміра. Графъ Бобринскій. Херсонесъ Таврическій. С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 177.

наго археолога, графа А. С. Уварова, производившаго въ Херсонесѣ раскопки, не только было найдено, но и открыто самое основаніе храма, имѣвшее около 17 саж. длины и 10 1/2 саж. ширины, въ формѣ базилики: это былъ соборный храмъ Рождества Божіей Матери, о которомъ писалъ лѣтописецъ Несторъ. По расчисткѣ фундамента, открыта въ полу купель въ видѣ продолговатаго ящика въ 2 1/2 аршина длины и 1 1/2 аршина ширины, устроеннаго изъ большихъ тесаныхъ плитъ: она углублена ниже основанія пола и находится на разстояніи трехъ аршинъ отъ солеи, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ. Начиная съ алтаря, стѣны храма сохранились мѣстами сажени на 1 1/2 въ вышину, мѣстами аршина на 2 отъ фундамента [1]).

Такое заявленіе преосвященнаго Гермогена было принято. Оно разрѣшало всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, какими не мало волновались люди озабоченные построеніемъ храма памятника, тѣмъ болѣе, что 10 февраля 1858 г. послѣдовало и Высочайшее повелѣніе построить храмъ въ честь святаго князя Владиміра. Не встрѣтивши опроверженій, извѣстіе о мнимомъ участіи графа Уварова въ открытіи мѣста крещенія князя Владиміра быстро сдѣлалось фактомъ не требующимъ доказательствъ. Объ этомъ участіи, какъ фактическомъ, мы читаемъ въ докладной запискѣ г. Лашкова [2]); въ очеркѣ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго [3]) и даже въ особой запискѣ, составленной по архивнымъ дѣламъ святѣйшаго Сунода и помѣщенной въ Церковныхъ вѣдомостяхъ [4]).

Много авторитетности заявленію преосвященнаго Гермогена придало еще и новое мнимое участіе въ этомъ дѣлѣ преосвященнаго Иннокентія.

Всѣ ссылались на графа Уварова и преосвященнаго Иннокентія, а въ результатѣ оказалось, что графъ и преосвященный не принимали никакого участія въ раскопкахъ этого древняго храма. Графъ раскапывалъ церковь, но совсѣмъ другую, получившую впослѣдствіи названіе „уваровской базилики“, а преосвященный Иннокентій за все это время въ Крыму и не былъ. Въ донесеніи министру удѣловъ графъ Уваровъ писалъ, что преосвященный Иннокентій „отыскиваетъ тамъ (въ Херсонесѣ) дворецъ и храмъ, гдѣ по сказанію лѣтописца Нестора крестился великій князь Владиміръ“ [5]).

---

[1]) Описаніе Таврич. епархіи преосвященнаго Гермогена, еписк. Псковскаго, бывшаго Таврическаго, стр. 466.

[2]) Извѣстія Таврич. арх. ком. 1888 г., № 5, стр. 9–10. Ср. П. Лебединцевъ. „Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня“. Стр. 14.

[3]) Тамъ же.

[4]) Церковныя вѣдомости 1888, № 22, стр. 777.

[5]) Извѣстія Таврич. арх. ком. № 5.

Какъ разыскивалъ храмъ преосвященный Иннокентій — неизвѣстно. Въ своей докладной запискѣ въ Сунодъ „о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ на горахъ крымскихъ", для построенія храма въ Херсонесѣ, онъ указывалъ только на основанія четырехъ церквей на развалинахъ Херсонеса—трехъ меньшихъ и одной большой, которую по его словамъ не безъ причины признаютъ за соборную, въ ней, онъ полагалъ, и крестился князь Владиміръ. Эту церковь преосвященный предполагалъ возстановить въ томъ видѣ, какъ она была при Владимірѣ, „что и составитъ самый приличный памятникъ на мѣстѣ его крещенія".

Графъ Уваровъ о церквахъ Херсонеса вообще въ это время писалъ: „при молчаніи византійскихъ лѣтописей единственныя свѣдѣнія о церквахъ Херсонеса мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора и въ рукописныхъ сказаніяхъ о перенесеніи образа свят. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, гдѣ упоминается о четырехъ церквахъ. Одна церковь выстроена между 320—323 г. епископомъ Еферіемъ I. Другая церковь св. Василія, въ которой крестился князь Владиміръ и которая стояла въ самой срединѣ города, а открытая мною церковь выстроена на краю города, на сѣверѣ у самаго берега морскаго. Третья церковь была построена святымъ Владиміромъ и четвертая, св. Апостоловъ, упоминается въ житіи свят. Климента" [1]).

Такъ рушилось авторитетное основаніе, на которое духовенствомъ возложена была вся надежда въ рѣшеніи вопроса о мѣстѣ крещенія Владиміра. Тѣмъ не менѣе предположеніе о крещеніи Владиміра въ этомъ именно храмѣ, а равно заявленіе о мнимомъ участіи графа Уварова и преосвященнаго Иннокентія въ исканіи мѣста крещенія, высказанное даже неизвѣстно кѣмъ, оставлено не было. Теперь молчаливо приступили къ расчисткѣ мѣстности для предполагающагося новаго храма. Архитекторъ Гриммъ, которому поручена была постройка храма, раскопалъ подлѣ крестообразной церкви фундаменты еще трехъ церквей и при нихъ жилыхъ зданій. Двѣ вновь открытыя церкви находились въ 5 саж. отъ описанной выше крестообразной. Фундаменты церквей были разныхъ размѣровъ, неодинаковой формы и много вмѣстительнѣе фундаментовъ церкви такъ называемой Богородичною.

„Большая церковь имѣетъ форму трехчастной базилики, въ длину 11 саж. и въ ширину 7 саж. внутри стѣнъ. Къ сѣверной ея стѣнѣ, въ концѣ ея, не доходя алтаря, пристройка въ 10 арш. длины и 6 арш. ширины съ закругленіемъ въ передней части. Пристройку эту можно считать

---

[1]) Леонтьевъ. Пропилен., т. IV.

крещальнею [1]). Въ западной части базилики, при входѣ въ нее, по двѣ могилы при среднихъ стѣнахъ; въ паперти у сѣверной и южной стѣны также двѣ могилы, всего внутри базилики шесть могилъ, въ которыхъ положены остатки усопшихъ. Впереди базилики, въ 4 арш. отъ нея, фундаменты другой маленькой церкви, которая начинаясь на линіи алтаря церкви крестообразной, имѣетъ въ длину 7 саж. и столько же въ ширину. Форма ея квадратный прямоугольникъ съ закругленіемъ въ алтарной части, но алтарь ея не на средней линіи храма, а ближе къ сѣверной стѣнѣ, что встрѣчается иногда въ монастырскихъ трапезахъ. По бокамъ алтаря—отдѣленія для жертвенника и діаконика или ризницы. Въ западной части двѣ могилы, одна при южной, другая при сѣверной стѣнѣ. За алтаремъ этой церкви, въ разстояніи 2 саж. отъ него, фундаменты жилого строенія, заключавшаго въ себѣ длинный корридоръ, большой залъ и четыре комнаты меньшаго размѣра. Влѣво отъ нихъ въ 4 саж. противъ алтаря крестообразной церкви, фундаменты другого жилого строенія, состоявшаго изъ нѣсколькихъ комнатъ разнаго размѣра, при которыхъ обозначались мѣста печей и бани; здѣсь же найденъ остатокъ мраморной большой вазы или ванны, имѣвшей форму котла. Впереди крестообразной церкви, въ 4 саж. отъ фундаментовъ ея галлереи или ограды, открыты фундаменты еще одной малой, трехчастной базилики, имѣвшей съ алтарнымъ закругленіемъ въ длину 5 саж. и въ ширину $4^1/_2$ саж. Подъ этой базиликой проходитъ каналъ, который былъ проведенъ въ цистерну, находящуюся предъ выходомъ въ крестообразную церковь, но не дальше“ [2]).

Таково было описаніе результата работъ произведенныхъ профессоромъ Гриммомъ по изысканію мѣста для Владимірскаго собора; согласно съ описаніемъ былъ составленъ имъ и планъ площади раскопокъ [3]).

Три храма на площади, находясь въ одной оградѣ, были, нужно думать, ближайшими свидѣтелями великаго для Руси событія—крещенія ея князя, но ни въ одномъ изъ нихъ не сохранилось никакихъ указаній.

---

[1]) Практика церкви требуетъ, чтобы съ лѣвой стороны алтаря былъ діаконикъ. Какія основанія имѣлъ проф. Гриммъ для предположенія, что здѣсь была крещальна, мы не знаемъ. Крещальну можно искать только по правую сторону алтаря.

[2]) П. Лебединцевъ. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня, стр. 6—7.

[3]) Планъ съ обозначеніемъ всѣхъ оказавшихся церквей и жилыхъ зданій бывшимъ настоятелемъ Херсонесскаго монастыря игуменомъ Евгеніемъ сообщенъ въ Одесское общество Истор. и Древн. и изданъ при V т. записокъ этого общества.

Игуменъ монастыря Евгеній, однако, рѣшился остановиться на развалинахъ крестообразнаго храма, открытаго прежде другихъ.. Основаніемъ для него было высказанное предположеніе, что предъ солеей находится купель.

Дюбуа, описавшій этотъ храмъ, упоминалъ о большомъ количествѣ могилъ, найденныхъ въ полу при раскопкахъ этого храма, но о купели не было и рѣчи; не помѣчено купели въ прежнихъ планахъ, не показалъ ея строитель храма профес. Гриммъ на точномъ своемъ планѣ 1861 г. и *только рукою одного тогдашняго игумена Евгенія* (также подписавшаго планъ) *прибавленъ квадратъ и надписано не смѣло слово „водоемъ“.*

По маломъ времени, этотъ якобы *„водоемъ“* стали принимать за купель, въ которой крестился Владиміръ.

И такъ необоснованное ни на чемъ предположеніе было принято.

Никто не зналъ, почему думаютъ, что въ этомъ храмѣ крестился Владиміръ, тѣмъ болѣе, что изъ открытыхъ трехъ храмовъ неизвѣстно какой во имя кого освященъ. Обратились, естественно, къ лѣтописному сказанію, но и здѣсь нельзя было найти желательнаго для себя рѣшенія вопроса. Различные списки называли различные храмы, то Василія, то Богородицы, то Софіи, намѣчая, впрочемъ, нужно думать, мѣстонахожденіе каждаго храма въ одной группѣ.

Недоумѣніе могло усиливаться еще отъ того, что на планѣ раскопокъ 1861 г. при двухъ храмахъ были означены помѣщенія для крещаленъ и при одномъ діаконикъ, но въ описаніи плана говорилось неопредѣленно и можетъ быть это была крещальна, а можетъ быть діаконикъ; опредѣленной крещальни хотя бы при одномъ изъ нихъ не указывалось.

Необоснованность въ рѣшеніи такого важнаго вопроса обнаружилась скоро со всѣми неожиданными для строителей послѣдствіями. Но всего этого не случилось бы, еслибъ имѣлся подъ руками строителей планъ архитектора Авдѣева.

Авдѣевъ точно описалъ снятый имъ съ крестообразнаго храма планъ и показалъ на рисункѣ не тушеванными и пунктирными линіями остатки его стѣнъ и могилъ. По его плану эта церковь имѣетъ форму четыреконечнаго креста въ 9 саж. длины и 8 саж. ширины внутри стѣнъ; три вѣтви креста имѣютъ каждая 3 саж. длины и 2 саж 1 арш. ширины. По бокамъ алтарной вѣтви креста, которая короче прочихъ, двѣ камеры, имѣвшія назначеніе — одна быть жертвенникомъ, а другая діаконикомъ. Алтарная стѣна имѣетъ закругленіе съ восточной стороны, восточная сторона жертвенника прямолинейникъ, а таковая же сторона

діаконика закруглена [1]). Жертвенникъ имѣетъ внутри квадратную форму, діаконикъ—овальную и два выхода—въ алтарь и въ среднюю часть храма. *Авдѣевъ полагалъ, что этотъ діаконикъ былъ крещальнею.* Высота уцѣлѣвшихъ стѣнъ церкви—2 арш. выше пола; обрѣзъ стѣны въ 4 верш. предъ алтарною частью, нѣсколько правѣе царскихъ вратъ *могила обдѣланная камнемъ* въ 3 арш. длины и 2 арш. ширины; предъ діаконикомъ, у южной стѣны, другая могила меньшей ширины. Такого же размѣра двѣ могилы у наружныхъ стѣнъ первой вѣтви креста—одна у входа въ церковь, другая подлѣ южной стѣны [2]).

Описаніе крестообразнаго храма архитектора Авдѣева даетъ намъ точныя указанія о томъ, что было въ крестообразномъ храмѣ и рѣшительно устраняетъ недоразумѣнія, вызванныя планами 1861 г. Если здѣсь была *могила обдѣланная камнемъ*, какъ говоритъ архитекторъ Авдѣевъ направо отъ алтаря была *крестильница*, то гипотеза о водоемѣ игумена Евгенія совершенно падаетъ, лишенная всякаго основанія.

Раскопки 1861 г. обнаружили, что на площади, гдѣ находится нынѣ Владимірскій соборъ, была раскинута цѣлая сѣть храмовъ. Центръ этой сѣти составляли извѣстные три храма: одинъ крестообразный, другой—находящійся на линіи алтаря перваго, въ формѣ квадратнаго прямоугольника, и третій—базилика.

Всѣ три храма имѣли при себѣ пристройки различнаго назначенія, но нельзя думать, что при каждомъ изъ нихъ

---

[1]) Ср. у Мурзакевича. Онъ не точно указывалъ, что алтарная часть имѣетъ тройное полукружіе: среднее для престола, правое для діаконика (ризницы) и лѣвое для жертвенника. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1837 г., ч. XIII.

[2]) П. Лебединцевъ. Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня. Ср. примѣч. къ плану архит. Авдѣева: Фиг. А. Планъ церкви Василія.

1, 2, Обрѣзъ стѣны шир. 4 верш., на высотѣ 2 арш. отъ пола.

3. Могила обдѣланная камнемъ.

4. Отдѣленіе церкви, которое съ большею достовѣрностью можетъ быть принято *за крестильницу* нежели за діаконикъ.

5. Возвышенная терраса, которая, можно предполагать, служила папертью.

6, 7. Пристройка неизвѣстнаго назначенія изъ бутовой кладки (камня).

8. Часть стѣны изъ бутоваго камня.

10. Мѣсто, гдѣ лежалъ стержень мраморной колоны.

11. Приложенная стѣна изъ бутоваго камня.

Фиг. С. База и часть стержня мраморной колонны, стоящая на мѣстѣ съ частью фундамента.

Фиг. Д. Основаніе развалинъ изъ бутовой кладки съ восточной стороны церкви; а, отверстіе въ нижней части дугообразной стѣны, устроенной по всей вѣроятности для проведенія воды. Можно предполагать здѣсь остатки древнихъ термовъ или банъ. Архитектурный вѣстникъ 1859 г., № 3, стр. 213.

была крещальна.—Пристройка квадратнаго храма съ лѣвой стороны имѣетъ нишу, гдѣ была устроена раковина для омовенія рукъ свящеинослужащихъ, а съ правой стороны находилось, вѣроятно, книгохранилище. То же самое можно видѣть и въ базиликѣ, которая была самымъ обширнымъ храмомъ изъ всѣхъ трехъ. Пристройками съ правой стороны базилика соединялась съ сосѣдними храмами и между ними находился корридоръ, образуя переходъ изъ одного храма въ другой; изъ базилики въ корридоръ вела лѣстница. Какое назначеніе имѣли пристройки при базиликѣ, съ увѣренностью сказать нельзя.—Первая, имѣвшая изъ лѣваго нефа ходъ, напоминаетъ крещальну при крестообразномъ храмѣ; дугообразное закругленіе ея передней стѣны уступами переходитъ въ четыреугольникъ. Былъ здѣсь бассейнъ принадлежность крещальни или была только раковина для омовенія рукъ священнослужащихъ—неизвѣстно. Раскопки обнаружили мраморныя плиты, которыми были облицованы стѣны этой пристройки, а больше ничего не найдено. Считать эту пристройку крещальнею мы не имѣемъ основаній. По практикѣ древней церкви крещальна могла быть только по правую сторону алтаря, по лѣвую—требовалось устройство діаконика; раскопки „загородняго“ храма подтверждаютъ это положеніе.

Въ планѣ крестообразнаго храма при раскопкахъ отмѣчено помѣщеніе крещальни. Но почему на это помѣщеніе никто не обратилъ серьезнаго вниманія—неизвѣстно; строители собора не задумались даже разрушить пристройку до основанія, не стараясь понять ея назначенія.

По своему устройству крещальна представляла четыреугольникъ съ дугообразнымъ закругленіемъ впереди. Въ срединѣ ея находится большой бассейнъ, облицованный мраморомъ; мраморомъ выстланъ былъ полъ и разноцвѣтныя мраморныя плиты украшали стѣну [1]).

Такимъ образомъ только при крестообразномъ храмѣ изъ всей раскопанной на площади группы храмовъ была обширная и богатая крещальна.

Этотъ фактъ, важный самъ по себѣ, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность въ томъ случаѣ, если самый храмъ съ крещальней древній.—Было время, когда въ этомъ районѣ возвышался знаменитый Парѳенонъ Херсонеса, центръ религіозной жизни предпріимчивыхъ малоазійскихъ выходцевъ, чтившихъ свою покровительницу божественную Артемиду.

Гипотезу эту высказывалъ еще Дюбуа. Онъ одинъ, авторитетный очевидецъ описываемой группы, обратилъ

---

[1]) Эти свѣдѣнія любезно сообщилъ намъ одинъ изъ мастеровъ трудившихся надъ разрушеніемъ крещальни.

особенное вниманіе на матеріалъ, изъ какого построенъ крестообразный храмъ и на этомъ обосновалъ свое предположеніе. „Что дѣлаетъ этотъ храмъ болѣе замѣчательнымъ, писалъ онъ, это матеріалъ, изъ котораго онъ построенъ Рука христіанъ исказила прекрасный греческій храмъ, чтобы преобразить его въ христіанскую церковь. Тамбуры желобчатые, основанія и капители іоническіе нагроможденные въ безпорядкѣ служили почти исключительно для устройства этихъ стѣнъ. (Аркасъ. III серія, планъ 32, фиг. 6 и 8). Какой контрастъ—видѣть остатки этого прекраснаго вѣка Греціи служащіе строительнымъ матеріаломъ, въ сравненіи съ тонкими колонками и грубыми орнаментами иностраннаго мрамора, поддерживавшаго алтарь.... Итакъ христіане, желая воздвигнуть церковь, разрушили греческій храмъ. Изобиліе тамбуровъ и капителей на стѣнахъ не позволяетъ сомнѣваться, что весь храмъ перешелъ въ этотъ. Не былъ-ли то храмъ божественной Дѣвы Тавровъ—Парѳенонъ? Хотя бы и такъ,—меланхолическое величіе христіанства не мѣшаетъ сожалѣть о Греціи и поэзіи язычества. И что бы я не далъ, чтобы эти іоническія колонны стояли и могли отражаться въ тихомъ заливѣ сосѣдняго порта, свидѣтельствуя черезъ столько вѣковъ о религіи Гераклійской колоніи“ [1]).

Эту гипотезу повторилъ Мурзакевичъ. Теперь вѣритъ въ нее и надѣется дѣйствительно найти здѣсь цѣнныя данныя почтенный К. К. Косцюшко-Валюжиничъ.

Нельзя сомнѣваться въ справедливости его поисковъ, но, намъ кажется, мало надежды найти здѣсь что-нибудь основательное для подтвержденія гипотезы Дюбуа и Мурзакевича. Христіанамъ такъ свойственна была утилизація всего древняго, что они, вѣроятно, забрали отсюда все, что можно было взять или же уничтожили, питая отвращеніе къ языческимъ памятникамъ, почему и взятые фрагменты были изуродованы и въ такомъ видѣ найдены при раскопкахъ.

Возникаетъ вопросъ, когда же и при какихъ обстоятельствахъ могъ быть разобранъ славный Парѳенонъ Херсонеса, изящные мраморы котораго употреблялись даже въ качествѣ строительнаго матеріала? Если мы обратимся къ исторіи распространенія христіанства въ Херсонесѣ, то увидимъ, что такимъ временемъ могло быть время, когда христіанство было признано гражданами города религіей господствующей, что случилось, вѣроятно, въ концѣ VI или въ первой половинѣ VII столѣтія по Р. Х. Основаніемъ для настоящаго предположенія является то обстоятельство, что только съ императора Тиверія Маврикія (582—602 г.) Херсо-

[1]) Dubois de Moenpereux. Uoyaqe autour qu Caucase, стр. 146.

несъ на своихъ монетахъ началъ изображать христіанскій знакъ—крестъ. Къ этому времени, очевидно, кризисъ борьбы язычества съ христіанствомъ миновалъ и послѣднее запечатлѣло свое господство въ городѣ даже на мѣстныхъ монетахъ. Такъ, приблизительно, опредѣляется время—VII вѣкъ, когда древній Парѳенонъ потерялъ значеніе и на мѣстѣ его былъ воздвигнутъ храмъ христіанскому Богу.

Такимъ образомъ, съ одной стороны матеріалъ, изъ котораго построенъ крестообразный храмъ, имѣвшій при себѣ крещальну, взятый изъ разрушеннаго Парѳенона, съ другой—время и обстоятельства, когда возможно стало это разрушеніе храма *Дѣвы*, даютъ основанія считать крестообразный храмъ однимъ изъ древнихъ въ городищѣ.

Въ крещальнѣ при этомъ храмѣ весьма богатой по своему внутреннему убранству и единственной въ то время въ Херсонесѣ и совершилось крещеніе русскаго князя Владиміра.—Лѣтопись достаточно пространно сообщаетъ намъ обстоятельства, при какихъ совершилось великое для Руси событіе крещенія князя Владиміра.

Отвергнуть справедливость лѣтописнаго извѣстія объ этомъ событіи, а вмѣстѣ съ нимъ и фактъ крещенія здѣсь Владиміра, возможно будетъ только въ томъ случаѣ, если указанія лѣтописца разойдутся съ топографіей Херсонеса.

Лѣтописное извѣстіе о крещеніи Владиміра и событіяхъ предшествовавшихъ ему слѣдующее.

Въ лѣто 6496 (988 г. по Р. Хр.) иде Володимиръ съ вои на Корсунь [1]), градъ греческій, и затворишася корсуняне, и ста Володимиръ объ онъ полъ града въ лиманѣ, вдали града стрѣлища единаго, и боряхусь крѣпко гражане. Володимиръ же обстояше градъ, и изнемогаху людіе въ градѣ. И рече Володимиръ къ гражанамъ: „аще ся не вдасте, имамъ стояти за три лѣта“. Они же не слушаша того. Володимиръ же изряди вои своя, и повелѣ приступити ко граду; и приступившимъ имъ, Корсуняне, подкопавше стѣну градскую, крадяху сыплему персть, и ношаху себѣ въ градъ, сыплюще посреди града, и вои сыпаху болѣ. И Володимиръ стояше и се мужъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ, стрѣли, написави сице на стрѣлѣ: *кладязи, яже суть за тобою отъ востока изъ нихъ же вода идетъ по*

---

[1]) Городъ Корсунь, основанный въ глубокой древности выходцами Мегарійской колоніи Ираклеи, по полуострову, на которомъ они поселились, былъ просто названъ *Херсонисомъ*, чѣмъ и объясняется имя Херсонъ, присвоенное ему впослѣдствіи византійцами. Въ нашихъ лѣтописяхъ это названіе превратилось въ Корсунь; восточные писатели даютъ ему названіе Сары-Керменъ, а нѣкоторые изъ позднѣйшихъ Топе-Таржанъ. Брунъ. Черноморье, т. I, стр. 60. Одесса. 1879 года.

трубѣ, окопавъ перейми. Володимиръ же слышавъ воззрѣ на небо и рече: аще се собудетъ, самъ крещуся ту. И абіе повелѣ копати преки трубамъ, и преяше воду, и людіе изнемогоша жаждею водною и предашась, и вниде Володимиръ въ градъ и дружина его. И посла Володимиръ къ царема Василію и Констянтину, глаголя сице: се градъ вашъ славный взяхъ; слышу же и се яко сестру имата дѣвою, аще ея не вдаста за мя, сотворю граду вашему, яко и сему сотворихъ. Слышаста царя, быста печальна и вдаста вѣсть сице глаголюще: не достоитъ хрестьяномъ за погаными даяти; аще ся крестиши то и се получиши и царство небесное пріемлешь, и съ нами единовѣренъ будеши.... *Крести же ся въ церкви Святыя Богородицы, и есть церковь стоящи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посредѣ града, идѣже торгъ есть*; палата же Володимиря въ край церкви [1]) стоитъ и до сего дне, а царична палата за алтаремъ: по крещеніи же приведе царицу на обручаніе. Се же не свѣдуще неправо глаголютъ, яко крестился въ Кіевѣ; иніи же рѣша въ Васильевѣ, друзіи инако сказующе [2]).

Просто и ясно обычное пониманіе этого сказанія, топографическія указанія котораго давно встрѣчаютъ научное подтвержденіе.

Анастасъ ясно указалъ Владиміру путь водоснабженія города, когда говорилъ: „кладязи, яже суть за тобою отъ востока, изъ нихъ же вода идетъ по трубѣ, окопавъ перейми". Водопроводъ былъ перенятъ у городскихъ воротъ, гдѣ находятся въ настоящее время батареи, и городъ, лишенный воды, принужденъ былъ сдаться. Указаніе Анастаса о мѣстонахожденіи колодцевъ было провѣрено еще Аркасомъ, а въ настоящее время стало достовѣрно извѣстно, что главный источникъ воды, идущей въ городъ, находился въ $7^1/_2$ вер. на юго-востокъ отъ развалинъ Херсонеса, въ имѣніи наслѣдниковъ Юхарина [3]).

Точно указано въ лѣтописи мѣсто гдѣ была и церковь святыя Богородицы, въ которой совершилось крещеніе Владиміра; она стояла посреди града, гдѣ находился торгъ.

---

[1]) По Лаврентьевскому списку: „съ края церкве"....

[2]) Лѣтопись Нестора по Кенигсбергскому списку. Изд. 1767 г., стр. 79—80.

[3]) Главный источникъ, изъ котораго проведена была въ городъ вода, пишетъ Аркасъ, находится въ $7^1/_2$ вер. на юго-востокъ отъ развалинъ Херсонеса въ имѣніи наслѣдниковъ Юхарина; ибо эта одна только возвышенность въ окружности Херсонеса обильна количествомъ воды, которую можно было бы провести въ городъ. Предположеніе это подтверждается и найденными въ 1827 г. водопроводными трубами въ 8 дюймовъ въ діаметрѣ на хуторахъ: Панютина, Ванявскаго и Рача, на восточной покатости Херсонесской лощины и у восточной части самаго города, подъ главною улицею, на 4 фута подъ землею. З. Аркасъ. Описаніе Ираклійскаго полуострова, стр. 13.

Площадь, гдѣ стоитъ теперь соборъ, служила центральнымъ пунктомъ въ городѣ не только въ древнюю эпоху, но и въ византійскую. Раскопки 1904 г. обнаружили не далеко отъ собора фундаменты древнегреческихъ зданій, на которыхъ возвышались византійскія постройки,—таковы данныя послѣднихъ изслѣдованій.

Къ такому же заключенію приведутъ насъ и нѣкоторыя сопоставленія сдѣланныя на основаніи житія Капитона епископа Херсонесскаго.—Извѣстно, что Ѳеона, начальникъ 500 воиновъ, данный императоромъ Константиномъ Великимъ епископу Херсонесскому Капитону, получилъ для жительства восточную часть города, тѣ мѣста, гдѣ былъ „малый торгъ“ до Парѳенона. Основываясь на томъ наблюденіи, что древніе храмы въ Херсонесѣ идутъ по сѣверному берегу городища [1]), кварталъ Ѳеоны мы можемъ искать именно въ сѣверо восточномъ углу города. „Малый торгъ“ былъ вблизи „уваровской базилики“ и неподалеку отъ мѣста, гдѣ стоитъ теперь Владимірскій соборъ [2]); здѣсь у моря была и пристань отмѣченная еще Аркасомъ.

Непримиримое и ничѣмъ не оправдываемое, повидимому, разногласіе представляютъ различные списки лѣтописи, указывая разные храмы, гдѣ совершилось крещеніе Владиміра. Но это только различіе списковъ и оно примиряется слишкомъ легко.—Сравненіе плановъ Авдѣева и плана 1861 г. намъ показало, что здѣсь были три храма обнесенные, вѣроятно, одною оградой и соединенные между собою галлереей. Освященные въ честь разныхъ святыхъ, храмы носили каждый особое названіе, но, находясь въ одной оградѣ или, будучи еще монастыремъ, подъ однимъ именемъ могли разумѣться всѣ три. Здѣсь и есть причина того, что каждый переписчикъ лѣтописи называлъ то храмъ Василія, то Іакова, святыя Богородицы, Софіи, указывая на одну и ту же группу. Церковь Рождества Богородицы могла называться Софіей за нѣкоторое сходство ея съ Софіей Кон-

---

[1]) Намъ пришлось много времени посвятить на изученіе кладки храмовъ городища и это изученіе привело насъ къ вышеприведенному мнѣнію. Напрасно было бы указывать на множество другихъ храмовъ, напр., въ центрѣ городища и считать ихъ болѣе древними, чѣмъ указанные нами Развалины этихъ храмовъ говорятъ сами за себя и рано появиться эти храмы не могли.

[2]) Нельзя искать торгъ на южной сторонѣ городища; при раскопкахъ въ этой части были обнаружены помѣщенія для товаровъ, печь для обжиганія кирпича и проч. и все пространство было застроено. Можно предполагать, что подъ прикрытіемъ оборонительной башни обнаруженной въ 1904 г. была и небольшая пристань, но существованіе товарныхъ складовъ говоритъ за то, что торга (площади) здѣсь не было.

стантинопольской, безъ сомнѣнія существовавшей уже въ то время, подобно тому, какъ церковь Сергія Вакха въ Константинополѣ носила названіе „малой Софіи“. Изъ двухъ другихъ храмовъ одинъ былъ церковью Василія, другой— Іакова. Въ которомъ изъ нихъ было совершено бракосочетаніе князя, неизвѣстно, но крещеніе совершилось безъ сомнѣнія въ крестообразномъ храмѣ, при которомъ была крещальна,— этотъ храмъ мы считаемъ храмомъ *Рождества Богородицы*.

Бертье-Делагардъ о мѣстѣ крещенія князя Владиміра высказалъ свою гипотезу.

Его вниманіе привлекъ находящійся недалеко отъ „уваровской базилики“ баптистерій. Первоначально, когда въ 1876 г. это зданіе было открыто Одесскимъ обществомъ Исторіи и Древностей, кажется, на баптистерій никто не обратилъ должнаго вниманія, усматривая въ немъ крестообразную церковь, баню и т. п., только не крещальну. Въ 1883 г. профессоръ Кіевской академіи назвалъ это зданіе крещальнею. Однако, до 1901 года, когда была вновь разслѣдована площадь вблизи „уваровской базилики“, никто не считалъ и не понималъ спеціальнаго назначенія крестообразнаго зданія. Теперь же, когда было понято значеніе баптистерія, Бертье-Делагардъ рѣшительно заявилъ, что „крещеніе Владиміра, если оно было въ Херсонесѣ, могло быть только въ этой крещальнѣ“. Насколько основательно такое предположеніе почтеннаго археолога, ясно будетъ видно изъ подробнаго описанія зданія баптистерія и его коротенькой фактической исторіи.

— Спускъ къ востоку съ главной улицы приводитъ насъ къ развалинамъ баптистерія.—Главному помѣщенію баптистерія предшествовало нѣчто въ родѣ притвора съ мозаичнымъ поломъ и съ прикрытіемъ на колоннахъ [1]). Мозаика пола состояла изъ мелкихъ кубиковъ и представляла красивый рисунокъ [2]). Зданіе имѣло форму трилистника. Средину баптистерія занималъ большой круглый бассейнъ, въ

---

[1]) М. И. Скубетовъ мѣстный чертежникъ любезно открылъ намъ небольшой кусокъ еще сохранившейся мозаики.

[2]) Кромѣ главнаго входа изъ баптистерія были три выхода. Всѣ они были найдены уже прочно заложенными бутомъ на извести и заштукатуренными; причемъ одинъ изъ выходовъ *y* предназначенный, повидимому, для сообщенія съ пристройкой *e*, былъ заложенъ на половину, образуя прямоугольную нишу. Выходъ изъ средины сѣверной абсиды велъ къ раковинѣ, предназначавшейся для омовенія церковныхъ сосудовъ и рукъ, имѣвшій форму перерѣзаннаго пополамъ десятигранника, дно и стороны котораго были прочно выложены мраморными плитками на цемянкѣ. Она укрѣплена была въ тумбѣ кубической формы изъ бутоваго камня. Отчетъ Импер. Арх. Ком. 1901 г., стр. 42.

основаніи котораго выложенъ изъ камня крестъ византійской формы. Самый кругъ основанія (дна) и стѣнки бассейна выложены вторымъ рядомъ кирпича на извести, прикрывая неровности первой кладки и облицованы небольшими бѣлыми мраморными плитами, отъ которыхъ сохранились къ времени раскопокъ жалкіе остатки. Съ восточной стороны для спуска въ бассейнъ была высѣчена ступенька, тоже облицованная мраморомъ. На сѣверную сторону изъ бассейна проведенъ каналъ, въ который чрезъ круглое отверстіе выпускалась вода; на линіи пола каналъ былъ перекрытъ плитами.—Соотвѣтствовало своему назначенію и убранство стѣнъ баптистерія. Теперь видны тамъ только остатки пироновъ, свидѣтелей того, что стѣны облицованы были мраморомъ въ видѣ панели, а верхъ зданія украшали фрески. Полъ въ баптистеріи былъ выстланъ мраморными бѣлыми квадратными плитками. Изъ четырехъ оконъ зданія первыя на бокахъ не сохранились, только въ центральномъ лепесткѣ стѣны уцѣлѣли до оконъ, слѣды ихъ ясно видны. Коробленіе свода, замѣтное въ настоящее время, показываетъ, что зданіе имѣло куполообразное перекрытіе, выходъ же перекрывался коробомъ и заканчивался аркой, перекинутой надъ дверями изъ притвора.

Все зданіе баптистерія сложено изъ бутоваго камня съ прокладкою слоя кирпича. Наружныя стѣны облицованы большими известковыми плитами очень тщательной отески. Эти плиты, вѣроятно, были взяты изъ какого-нибудь другого зданія для украшенія наружной стороны вновь строющагося баптистерія.

При послѣднемъ разслѣдованіи баптистерія въ земляной насыпи кругомъ его было найдено много стѣнной мозаики. Нужно думать, что эта мозаика украшала своды абсидъ и куполъ зданія наподобіе голубого неба съ разбросанными на немъ золотыми и серебряными звѣздами.

Обслѣдованіе развалинъ баптистерія и данныя двукратныхъ раскопокъ его приводятъ насъ, такимъ образомъ, къ слѣдующему заключенію: баптистерій въ свое время представлялъ одно изъ замѣчательныхъ христіанскихъ зданій города, какъ по кладкѣ своихъ стѣнъ, свидѣтельствующихъ еще о процвѣтаніи строительнаго искусства въ городѣ, такъ и по внутреннему убранству.

Но блестящій періодъ христіанскаго Херсонеса сталъ смѣняться періодомъ упадка, богатыя зданія начали приходить въ запустѣніе, пришелъ въ упадокъ и баптистерій. Мраморы со стѣнъ были взяты и стѣны покрыты штукатуркой едва не въ три слоя.—Послѣ распространенія христіанства въ городѣ, въ баптистеріи не стало нужды, онъ былъ заброшенъ и обращенъ въ усыпальницу; въ бассейнѣ

его были двѣ гробницы, гробница въ южномъ лепесткѣ, въ притворѣ и за стѣнами зданія. Этого мало. При возведеніи сосѣднихъ построекъ, напр., трапецевидной цистерны неизвѣстнаго назначенія, стали закладываться въ немъ окна, а когда начали строить сосѣднюю съ баптистеріемъ базилику, онъ, нужно думать, стоялъ уже безъ крыши; стѣна базилики едва не опиралась на его стѣну.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, когда же потерялъ свое значеніе баптистерій? И этотъ вопросъ такъ или иначе предрѣшаетъ предположеніе Бертье-Делагарда о крещеніи въ этомъ зданіи князя Владиміра.

Историческія данныя о времени появленія и уничтоженія баптистеріевъ вообще не даютъ намъ прочныхъ основаній для рѣшенія вопроса о нашемъ баптистеріи. Извѣстно, что западные баптистеріи относятся къ IV—VI в., христіанство признано господствующимъ въ Херсонесѣ въ VII в.,—предположительный выводъ будетъ тотъ, что нашъ баптистерій появился ранѣе VII вѣка. И это все, что можно сказать по вопросу о времени построенія и упраздненія баптистерія въ Херсонесѣ.

Но отсутствіе историческихъ данныхъ восполняется весьма важными археологическими. — Здѣсь мы обращаемъ вниманіе прежде всего на фактъ существованія мозаичнаго пола подъ баптистеріемъ и сосѣдней съ нимъ базиликой, отмѣченный при раскопкахъ, и лично нами обслѣдованный. „Подъ угломъ стѣны баптистерія, писалъ въ своемъ отчетѣ завѣдующій раскопками К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, справа отъ входа *ф*, подъ стѣной абсиды базилики *д*, пристроенной въ позднѣйшее время, подъ ея продольными стѣнами и въ треугольникѣ, образуемомъ внѣшнею линіей выхода *ф*, стѣной абсиды базилики *д*, и дополнительной стѣной, оказались остатки мозаичнаго пола, а за лѣвымъ угломъ выхода *ф*, съ наружной стороны крещальни, обнаружены у самой стѣны несомнѣнные (хотя и незначительные) остатки алтарнаго закругленія другой болѣе древней базилики *г*, повидимому треапсидной, подобной открытой въ 1877 г. слѣва отъ „уваровской“. И такъ баптистерій *в*, считавшійся древнѣйшимъ памятникомъ христіанства въ Херсонесѣ, оказался построеннымъ на развалинахъ еще болѣе древней базилики съ мозаичнымъ поломъ.... Остатки мозаичнаго пола древнѣйшей базилики *г*, сохранились не только въ указанныхъ выше мѣстахъ, но и вдоль южной стѣны базилики *д*, съ правой стороны“ [1]).

На основаніи личнаго обслѣдованія остатковъ этихъ памятниковъ, сообщеніе отчета необходимо дополнить еще

[1]) Отчетъ Импер. Арх. Ком. 1901 г., стр. 42.

нѣкоторыми замѣчаніями.—Характеръ постройки притиснутой къ баптистерію базилики говоритъ за случайное происхожденіе ея въ этомъ мѣстѣ и ясно указываетъ, что здѣсь произошли какія-то перемѣны. Баптистерій, несмотря на свою древность, очевидно, занималъ среднее по времени постройки мѣсто между двумя храмами. Остатки базилики *г* и крупные кубики мраморной половой мозаики ея неопровержимо свидѣтельствуютъ о ея древности. Фундаментъ базилики былъ устроенъ на скалѣ, а мозаичный полъ былъ нѣсколько выше (на четыре вершка) мозаичнаго пола притвора, ведущаго въ баптистерій. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что здѣсь была одна и та же мозаика, какъ для древняго храма, такъ и для баптистерія. Древняя мозаика прошла отъ южнаго выхода изъ баптистерія подъ всею южной стѣной поздней базилики. Нельзя думать, что здѣсь была панель для выхода изъ баптистерія и т. п., чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посмотрѣть древнюю мозаику. Она представляетъ ясный рисунокъ длиннаго четыреугольника, который, къ сожалѣнію, нарушенъ при построеніи баптистерія; грань его не идетъ подъ прямымъ угломъ отъ боковой двери баптистерія, а уклоняется къ сѣверу. У самаго выхода изъ баптистерія мозаика совершенно разобрана, потому что при постройкѣ его на древній полъ, очевидно, не было обращено никакого вниманія [1]).

Древній мозаичный полъ подъ базиликой и баптистеріемъ служитъ важнымъ указаніемъ для опредѣленія времени построенія и запустѣнія баптистерія.

Вызванный насущной потребностью крестить обращающихся въ христіанство херсонаситовъ, а можетъ быть и сосѣднихъ съ Херсонесомъ варваровъ, баптистерій былъ построенъ на развалинахъ ранѣе существовавшаго храма, вѣроятно, разобраннаго для построенія баптистерія.—Когда же могла быть такая настоятельная нужда въ баптистеріи? Потребность въ баптистеріи могла случиться въ Херсонесѣ въ то время, когда весь городъ пошелъ на встрѣчу христіанству, признавши его религіей господствующей, т.-е. въ VII столѣтіи по Р. Хр. Это предположеніе отчасти подтверждается вышеприведеннымъ указаніемъ на торжество христіанства при императорѣ Тиверіѣ Маврикіѣ въ VII вѣкѣ, а затѣмъ и тѣми монетами, которыя были найдены въ канавѣ баптистерія. Правда, послѣднія сами по себѣ не даютъ возможности опредѣлить время построенія баптистерія, какъ справедливо замѣчаетъ Косцюшко-Валюжиничъ, „если въ купель бросали монеты современныя, которыя

[1]) При обслѣдованіи этихъ памятниковъ М. И. Скубетовъ любезно открылъ намъ часть сохраняющагося древняго и новаго мозаичнаго пола.

поступали въ пользу церкви, то находка эта говоритъ очень многое. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы допустить, что крещальна существовала уже въ концѣ IV или вѣрнѣе въ началѣ V вѣка и перестала употребляться въ концѣ VII вѣка. Но къ какому же времени отнести тогда еще болѣе древнюю, чѣмъ баптистерій, базилику *г*, на мозаичномъ полу которой онъ выстроенъ. На планѣ раскопокъ 1877 г. крещальна является приспособленой служить усыпальницей, подобно крещальнѣ (?) при храмѣ 1897 г., но когда произошли въ Херсонесѣ такія измѣненія, не выяснено" [1]).—Нахожденіе монетъ въ канавѣ баптистерія не есть явленіе случайное. По нахожденію ихъ въ канавѣ можно предполагать, что въ древней церкви едва-ли не было обычая бросать деньги въ купель? Бросали сюда, очевидно, монеты древнія и современныя, которыя потомъ вынимались и шли въ пользу священнослужащихъ; послѣдніе болѣе слѣдили, конечно, за монетами находящимися въ свое время въ употребленіи, чѣмъ за старыми. И еслибъ было установлено, какой приблизительно періодъ времени монета находилась въ употребленіи, мы имѣли бы надежное хронологическое показаніе для опредѣленія времени построенія нашего зданія. Теперь же единственная монета Тиверія Маврикія (582—602 г. по Р. Хр.) съ именемъ Херсонеса, буквой *К* и христіанскимъ знакомъ креста показываетъ, что во время процвѣтанія христіанства въ городѣ баптистерій служилъ своему назначенію и современныя монеты здѣсь не оставлялись, тогда какъ старыя были брошены безъ вниманія и стоками воды снесены въ канаву.

Закончился періодъ христіанскаго просвѣщенія Херсонеса, для баптистерія наступило время упадка, оно падаетъ на VIII вѣкъ, первую половину IX в. и X в. сталъ для него временемъ полнаго запустѣнія. Теперь на баптистерій никто не обращаетъ вниманія; имъ воспользовались какъ свободнымъ мѣстомъ для погребеній. Можетъ быть въ X же вѣкѣ или нѣсколько позднѣе была пристроена здѣсь и базилика, подъ которую подошелъ полъ древняго храма.

Ясно, что баптистерій не могъ служить мѣстомъ крещенія князя Владиміра. И въ X вѣкѣ, когда совершилось это знаменательное для Руси событіе, баптистерій стоялъ безъ крыши и былъ только безмолвнымъ свидѣтелемъ крещенія русскаго князя въ городѣ.

И такъ, единственное мѣсто, гдѣ могло быть совершено крещеніе Владиміра—крестообразный храмъ на площади, надъ которымъ возвышается нынѣ Владимірскій соборъ, гдѣ была и единственная въ то время крещальна въ Херсонесѣ.

---

[1]) Отчетъ Импер. Арх. Ком. 1901 г., стр. 46.

Въ древности крещальни нѣтъ основаній сомнѣваться; къ ней не можетъ относиться предположеніе о построеніи ея послѣ упраздненія баптистерія. „Быть можетъ, писалъ въ своемъ отчетѣ завѣдующій раскопками, съ момента упраздненія баптистерія къ херсонесскимъ храмамъ стали пристраивать крещальни и нѣкоторыя изъ купелей ошибочно принимаются за раковины—умывальники, которые цѣлесообразнѣе было бы, подобно раковинѣ *ч*, съ сѣверной стороны баптистерія, помѣщать съ внѣшней стороны храмовъ". Но мы не видимъ достаточнаго основанія соглашаться съ этимъ предположеніемъ г. завѣдующаго раскопками, потому что баптистерій и крещальна въ существѣ своемъ есть одно и то же, съ тѣмъ развѣ малымъ различіемъ, что крещальна, устроенная при храмѣ, не могла быть такой обширной, какъ баптистерій, устраивавшійся отдѣльно, а появленіе тѣхъ и другихъ было одновременно—съ IV столѣтія.

Нельзя также согласиться и съ тѣмъ положеніемъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, что раковины предназначенныя для омовенія рукъ священнослужащихъ должны быть съ внѣшней стороны. Древніе храмы имѣли въ притворѣ сосудъ для омовенія рукъ приходящихъ, имѣлся таковой и въ діаконикѣ для священнослужащихъ; этотъ обычай закрѣпила практика церкви и на послѣдующія времена.

Предназначались ли раковины въ діаконикѣ и для крещенія младенцевъ, сказать трудно. Мы видимъ ихъ въ Херсонесѣ устроенными только въ діаконикахъ: такова раковина при крестообразномъ храмѣ открытомъ въ 1897 г. у монастырской гостинницы и при квадратномъ храмѣ на площади Владимірскаго собора.

Впрочемъ, противъ крещенія младенцевъ въ раковинахъ находящихся въ діаконикѣ можетъ служить фактъ существованія переносныхъ купелей въ древности. Купель сдѣланную изъ мраморнаго абака, украшенную на узкихъ сторонахъ выпуклыми византійскими крестами, можно видѣть и въ настоящее время въ Херсонесскомъ музеѣ раскопокъ.

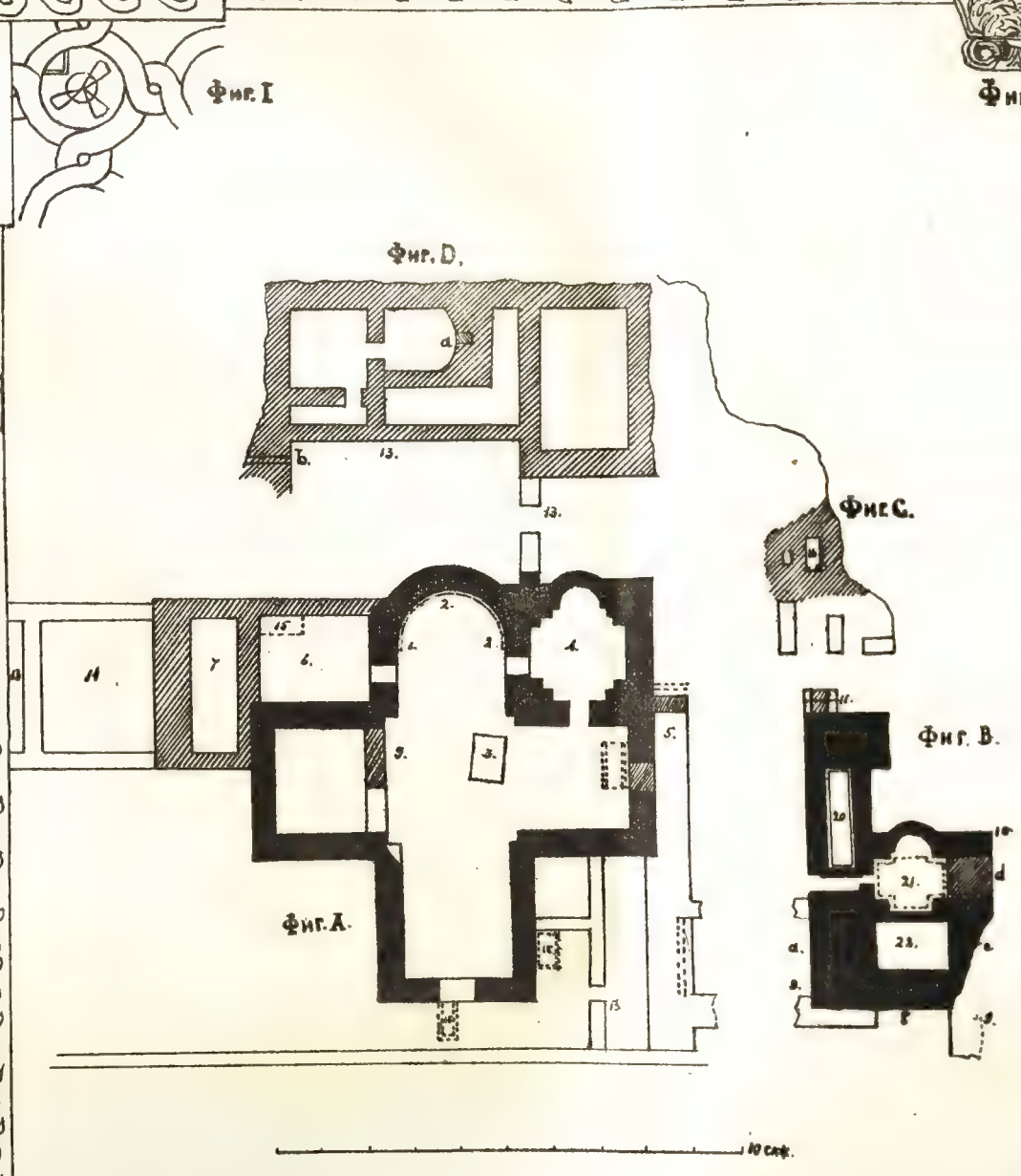
Заканчивая свое сообщеніе о поискахъ мѣста крещенія князя Владиміра въ Херсонесѣ, должны сказать, что на основаніи изученій памятниковъ и литературы вопроса, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: крещеніе князя Владиміра совершилось въ Херсонесѣ, какъ сообщаетъ намъ объ этомъ лѣтопись. Событіе произошло въ крѣстообразномъ храмѣ надъ развалинами котораго возвышается нынѣ Владимірскій соборъ. Здѣсь была единственная въ то время на весь городъ богатая и обширная крещальна. Но эта крѣщальна находилась не тамъ, гдѣ указалъ ее игуменъ Евгеній и гдѣ въ настоящее время поло-

жена мраморная плита съ надписью, что въ Херсонесѣ крестился святой князь Владиміръ, а въ юго-восточной части нынѣшняго нижняго храма собора св. Владиміра. Существованіе здѣсь крещальни фактъ неоспоримый. Это подтверждается планомъ работъ профессора Гримма, на который проливаетъ истинный свѣтъ планъ архитектора Авдѣева, а достовѣрность сообщеній его подтверждается свидѣтельствомъ современниковъ, участниковъ работъ по построенію славнаго нынѣ Херсонесскаго Владимірскаго собора.

В. Д. Емельяновъ.

Планъ архитентора Авдѣева.

Можно предполагать здѣсь остатки древнихъ термовъ или бань.



Планъ изданъ въ Архитект. Вѣстн. 1859 г.

Изъясненіе.

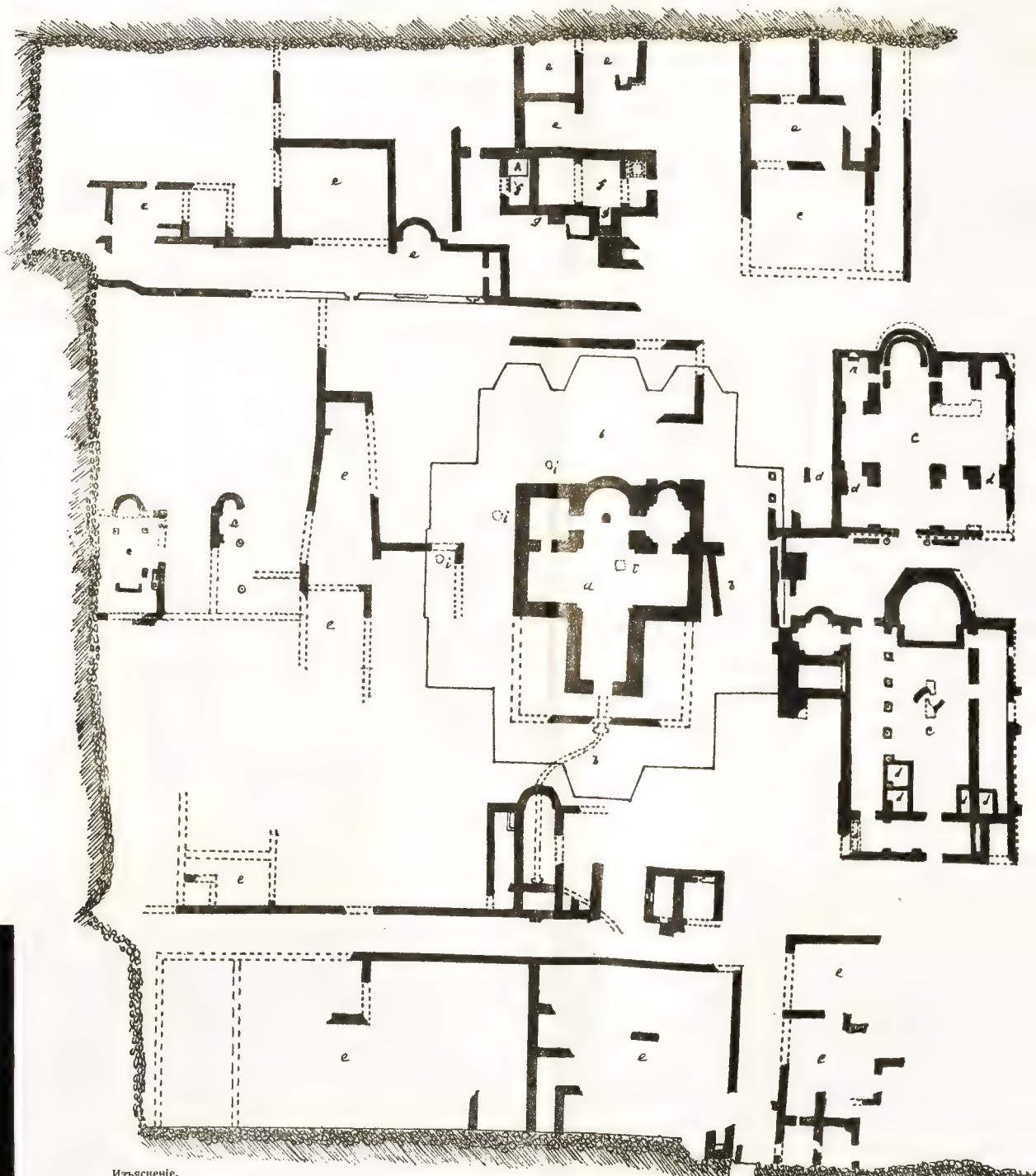
Фиг. A. Планъ церкви Василія.
1, 2. Обрѣзъ стѣны шир. 4 вер., на выс. 2 арш. отъ пола.
3. Могила обдѣланная камнемъ.
4. Отдѣленіе церкви, которое съ большею достовѣрностью м. б. принято за крестильницу нежели за діаконикъ.
5. Возвышенная терраса, которая можно предполагать служила папертью.
6, 7. Пристройка неизвѣстнаго назначенія изъ бутоваго камня.
8. Часть стѣны позднѣйшей кладки.

Фиг. B. Развалины изъ тесанаго камня.
9. Часть стѣны изъ бутоваго камня.
10. Мѣсто, гдѣ лежалъ стержень мрам. кол.
11. Прилож. стѣна изъ бутоваго камня.

Фиг. C. База и часть стержня мрам. колонны, стоящая на мѣстѣ съ частью фундам.

Фиг. D. Основаніе развал. изъ бутовой кладки съ восточн. стор. церкви *a*, отверстіе въ ниж. части дугообразной стѣны, устроен. по всей вѣроятности для проведенія воды.

Планъ мѣстности расчищенной подъ площадь сооружаемаго храма Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра въ Херсонесѣ съ показаніемъ старыхъ частей прежде существовавшихъ зданій.



Изъясненіе.

a) Древній храмъ.
b) Сооруж. храмъ Св. Равноапост. Кн. Владиміра.
c) Нынѣ открытыя церкви.
d) Могилы.
e) Открытыя строенія.
f) Открытая баня.
g) Мѣста гдѣ были печи.
h) Часть мраморн. котла (ванны)
i) Цистерны.
k) Водосточный каналъ.
l) Водоемъ.
m) Лѣстница.
n) Впадина и мѣсто доски жертвенник.

Планъ напечатанъ при V т. Записокъ Одесскаго Археологич. Общества.

Къ вопросу о положеніи женщины въ 18 столѣтіи въ Костромской области, по архивнымъ даннымъ.

Женскій вопросъ у насъ въ Россіи наиболѣе разработанъ въ прошломъ столѣтіи, когда появились не только нисшія, но и высшія, женскія учебныя заведенія, когда феминизмъ сталъ текущимъ вопросомъ литературы, общественной жизни, когда появились посвященные ему цѣлые трактаты; но относительно 18 столѣтія свѣдѣнія о положеніи женщины были болѣе, чѣмъ скудны.

Между причинами такого умолчанія о положеніи женщинъ въ 18 столѣтіи на главномъ мѣстѣ стояли недостатокъ свѣдѣній и укрытіе данныхъ въ различныхъ частныхъ архивахъ. Благодаря лишь архивнымъ коммиссіямъ, мало по малу проливается свѣтъ на женскій вопросъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ. Въ издаваемыхъ ими актахъ изслѣдователю старины представляется болѣе или менѣе богатый матеріалъ для изложенія и женскаго вопроса.

Пользуясь этимъ матеріаломъ, я получилъ возможность составить очеркъ положенія женщины въ Костромскомъ краѣ, который въ краткомъ изложеніи и имѣю честь представить почтенному собранію, при чемъ предварительно считаю умѣстнымъ сообщить, что мною прочитано и разобрано болѣе 2 тысячъ различныхъ актовъ конца XVII и всего XVIII вѣка, касающихся особъ женскаго пола.

1. Въ началѣ своего очерка я поставлю рожденіе дѣтей женскаго пола и первоначальное воспитаніе, которое давалось дѣтямъ во время оно, до институтовъ для благородныхъ дѣвицъ, дочерей исключительно почти потомственныхъ дворянъ. Рожденіе дѣвочекъ сразу обнаруживало и права ихъ. Дѣвочки, родившіяся отъ дворянъ, находившихся въ законномъ бракѣ, получали по законамъ и указамъ царскимъ всѣ тѣ же права, какія принадлежали ихъ братьямъ. Точно также и дочери дворовыхъ и крѣпостныхъ крестьянъ оставались также крѣпостными тѣхъ господъ,

за которыми были записаны ихъ отцы и матери. Урожденныя дворянки въ 18 вѣкѣ уже писались въ актахъ полными именами: Матрены, Прасковьи, Авдотьи, тогда какъ дворовыя писались все еще Аксютками, Фроськами и пр. Послѣднія попадали въ семейные списки наравнѣ съ ихъ братьями, но въ податныхъ описяхъ онѣ не значились отдѣльно. Только дочери дворянъ, какъ видно изъ записей и челобитныхъ (Редриковой, Витовтовой), не рѣдко утаивались ихъ братьями, дабы не дѣлить съ ними наслѣдства послѣ родителей и дѣдовъ и утаивались такъ надолго, что онѣ уже взрослыми были принуждены отыскивать свои права. Такія утайки вели къ судебнымъ процессамъ, оканчивающимся большею частью въ пользу утаенныхъ женщинъ. Такъ дѣвица Редрикова писала въ челобитьи прямо: братъ же Семенъ утаилъ меня и братьевъ, и я оставшись малолѣтней по смерти отца, ничего не знала не вѣдала, жила у брата, владѣвшаго и моимъ имуществомъ, и боялась даже пикнуть о своихъ имущественныхъ правахъ. Заботы о первоначальномъ воспитаніи дѣвочекъ лежали на родителяхъ и родственникахъ. Въ царскихъ грамотахъ и указахъ объ отводѣ инымъ дворянамъ земельныхъ угодій такъ и прописывалось: дается ему Мустафьину вотчина, но съ тѣмъ, чтобы онъ мать и сестеръ кормилъ и потомъ послѣднихъ выдалъ замужъ. Такъ именно написано въ указахъ царя Михаила Феодоровича и Алексѣя Михаиловича, объ отказахъ или о вводахъ во владѣніе имѣній просителей изъ дворянъ Мустафиныхъ, у которыхъ были несовершеннолѣтнія сестры. И потомъ акты о рожденіи и правахъ дочерей основывались на указахъ царя Михаила, съ благословенія патріарха Филарета Никитича. Если останутся только дочери, то онѣ наслѣдницы такія же, какъ бы ихъ братья были. Вдовѣ съ дочерью давалась на прожитокъ часть имѣнія, а дочерямъ на приданое особо изъ имѣнія ихъ отца. О первоначальномъ воспитаніи прямыхъ указаній не имѣется, но можно съ большей вѣроятностью полагать, что правильнаго, какъ понимается теперь, первоначальнаго воспитанія не существовало. Оно велось по старымъ обычаямъ и грѣшило во многомъ, такъ и теперь видимъ въ народѣ. Царила масса предразсудковъ и суевѣрій, неразумныхъ и грубыхъ обычаевъ. Къ тому же тогда еще не вышелъ изъ памяти и употребленія кодексъ Домостроя, который училъ: аще ли дщерь имаши, положи нань грозу свою. Главное педагогическое начало было: страхъ и безъусловное послушаніе, а средство воспитательное—побои. Писатели того времени, напримѣръ Посошковъ увѣряетъ, что „у насъ много народа погибло отъ потачки, даваемой при первоначальномъ воспитаніи и развивающей своеволіе, отъ котораго многія пакости происходятъ“.

Надо полагать, что въ такой глухой провинціи, какъ Костромская, эти начала и средства дѣйствовали во всей силѣ. Воспитаніе дѣтей женскаго пола дворянъ и крестьянъ мало разнилось въ смыслѣ системы, но помѣщичья жизнь давала возможность баловать дѣтей болѣе и пріучать ихъ къ личному бездѣлью, когда для нихъ все было готово трудами крѣпостныхъ рабовъ, и даже къ злоупотребленіямъ властью надъ дворовыми, приставленными къ дѣтямъ для услугъ. Одна изъ дворянокъ Акулина Витовтова въ жалобѣ своей писала, что она воспитанія никакого, соотвѣтствующаго ея званію, не получила, и попала потому въ крѣпость, т.-е. выдана за крѣпостного крестьянина.

Что касается до школьнаго періода жизни и обученія, то легко усмотрѣть, что была замѣтная разница между дѣтьми мужского и женскаго пола. Тогда какъ мальчики дворянскаго происхожденія, со времени Петра I-го и потомъ во времена императрицъ, принуждены были къ школьному обученію или говоря опредѣленнѣе къ грамотности, дѣвочки оставались чужды всякаго въ этомъ направленіи воздѣйствія. Мальчики должны были являться съ 7 лѣтъ на смотры въ провинціальную канцелярію, гдѣ экзаменовали ихъ: умѣютъ ли они читать и писать,—и затѣмъ отпускали въ дома родителей до 12 лѣтняго возраста, когда должны были снова стать предъ экзаменаторами, которые потомъ выдавали аттестаты,—каковые сохранились о сыновьяхъ Витовтовыхъ, Калычевыхъ и др. Дѣвочки оставались внѣ этихъ правилъ и указовъ, ихъ судьба предоставлялась волѣ родителей, и всѣ сохранившіеся рукописи и акты наглядно свидѣтельствуютъ, что эта часть образованія оставалась въ полномъ забросѣ въ теченіе почти всего или трехъ четвертей 18-го вѣка.

Цѣлыя сотни весьма важныхъ актовъ, касающихся правъ на имущества и пользованіе ими, записей, закладныхъ, купчихъ и другихъ не подписаны собственноручно дворянками, прикосновенными къ дѣламъ, а всѣ они зарукоприкладствованы, по ихъ безграмотству, разными лицами, главнымъ же образомъ ихъ духовными отцами, приходскими попами. Единичными исключеніями въ мѣстахъ, о которыхъ сохранились наши записи, являются женщины, которыя провели свое дѣтство въ Москвѣ и даже при дворѣ, какъ напримѣръ дочери придворнаго подключника Строева. На документахъ этой фамиліи значатся подписи начертанныя дочерьми собственноручно, хотя и эти исключенія видимо далеки были отъ школьнаго образованія. Писемъ дѣвицъ и женщинъ между сотнями нашлось только *два* и то относящіяся къ 1752 г., написаны онѣ были одной сестрой къ другой, но написаны положительно безграмотно, хотя хранилось довольно много писаній ихъ братьевъ. Недостатки воспита-

нія и образованія женщинъ во всей Россіи и подали мысль Екатеринѣ II-ой завести женскіе дворянскіе институты съ той цѣлью, чтобы образовать новую породу гражданъ, разлучивъ ее въ школьные годы съ породой старою, коснѣющею въ отживающихъ обычаяхъ. Изъ описи имущества послѣ умершихъ помѣщицъ 18 вѣка не видно, чтобы въ дому у нихъ были библіотечки, или какія-либо книги. Все въ имѣніи по хозяйству записано до мелочи, до битой посуды, но только въ началѣ 19 вѣка въ подобныхъ описяхъ встрѣчаются въ особыхъ отдѣлахъ списки остающихся послѣ покойныхъ помѣщицъ разныхъ книгъ и на русскомъ и даже на французскомъ языкахъ. Это также даетъ право заключить, что дѣвицы и дворянки въ первой половинѣ 18 вѣка совсѣмъ были чужды не только современной литературѣ, но и просто грамотности; ясно и то, что воспитаніе ограничивалось однимъ пріученіемъ къ хозяйству во всѣхъ его отрасляхъ, такъ что тѣ же описи показываютъ, что дѣвицы приспосабливались и къ домашнему и къ помѣщичьему хозяйству.

О грамотности дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвушекъ и говорить не приходится. Въ этихъ кругахъ было уже положительное повальное безграмотство. Сохранившіяся записи наглядно говорятъ о томъ. Ни одной подписи, даже взрослыхъ крестьянокъ не встрѣчается; въ кабальныхъ записяхъ и допросахъ судебныхъ по безграмотству крестьянокъ подписи за нихъ дѣлали иныя лица мужескаго пола. И такъ продолжалось все столѣтіе.

Если не было грамотности, то и эстетическое образованіе ушло не далеко. Въ этомъ отношеніи играли замѣтную роль только моды, за которыми, со времени Петра, гнались многія изъ женщинъ и въ нашей области, какъ видно изъ записей приданыхъ и наслѣдственныхъ.—Въ одной изъ сговорныхъ записано, что изъ платья даются: роброны, корсеты, чепчики съ блондами и пр. Очевидно, что и въ наши палестины начинала проникать внѣшняя, такъ сказать, цивилизація. Хотя строгое подчиненіе стародавнимъ обычаямъ было настолько сильно, что находились порицатели новшества, но мода и тогда была великимъ мучителемъ женскаго пола. Матери должны были уступать новымъ вліяніямъ и включать въ приданыя записи такіе роброны и канифасы, какихъ и сами никогда не носили. Далѣе этого и эстетика не шла. О произведеніяхъ искусства и художества въ описяхъ и упоминаній нѣтъ. Разные предметы домашней обстановки прямо показываютъ, что за эстетикой не гнались и комфорта даже домашняго у хозяекъ-женщинъ было мало.

Нравственное воспитаніе ограничивалось, какъ уже было сказано, привитіемъ всѣми мѣрами послушанія и терпѣнія, скромности и страха, какъ предъ родителями и стар-

шими, такъ и предъ церковными правилами, обрядностями. И все это, какъ видно, достигалось вполнѣ и такъ вполнѣ, что ко времени возраста замужества являлись уже фигуры безвольныя и вполнѣ готовыя къ полному подчиненію.

Но нельзя умолчать, что пріученіе къ помѣщичьему хозяйству выливало и такія фигуры, которыя дѣлались потомъ вполнѣ крѣпостницами, эксплоатировавшими силы и способности своихъ рабовъ и рабынь, не менѣе своихъ братьевъ и отцовъ, какъ это видно изъ купчихъ закладныхъ. Помѣщицы еще чаще продавали дворовыхъ на вывозъ и дѣтей отдѣльно отъ родителей.

2. Замужество и замужняя жизнь.

Повальное почти безграмотство не могло вывести женскій полъ изъ темноты невѣжества, а напротивъ еще болѣе и болѣе усиливало его среди женскаго пола, такъ что онѣ являлись не поборницами свѣта, а напротивъ сами поддерживали темноту, не съ охотою давая образованіе своимъ дѣтямъ, держа ихъ при себѣ и съ боязнью взирая на обученіе ихъ грамотѣ и наукамъ, какъ напримѣръ Витовтова несла убытки, чтобы только не представлять сына на смотръ.

Главная цѣль воспитанія и образованія дѣвушекъ было только замужество, къ чему склонялись и направлены были всѣ заботы и усилія родителей и старшихъ родственниковъ, отъ которыхъ вполнѣ зависѣла дѣвичья судьба. Замужество было и самымъ желательнымъ идеаломъ дѣвичьей жизни и мечтаній. Какъ видно изъ актовъ, относящихся до этой вожделѣнной цѣли родителей и дочерей, самое воспитаніе послѣднихъ въ дворянскомъ быту пріурочивалось исключительно къ роли хозяекъ и помѣщицъ.

Замужество, котораго такъ ждали дѣвицы, не было актомъ ихъ свободной воли или свободнаго выбора, свободной любви, а вполнѣ зависѣло отъ воли старшихъ, избиравшихъ жениховъ для своихъ взрослыхъ дѣвъ и входившихъ съ ними въ соглдсіе безъ вѣдома дочерей. Воля дѣвичья оставалась не при чемъ, но сговаривали въ замужество родители по своему выбору и произволу, какъ это видно изъ сговорныхъ и приданыхъ записей, въ которыхъ родители условливались во всемъ съ тѣми женихами, за которыхъ выдавали своихъ дочерей. Такъ напримѣръ писано въ сговорной: Я Прасковья съ дозволенія мужа моего выдаю дочь мою Катерину въ замужъ за секундъ-майора Бычкова.... и быть свадьбѣ въ Генварѣ....

Выходя въ замужество, дочери дворянъ—дѣвицы приносили съ собою, кромѣ приданаго вещевого и душеваго, весь хозяйственный укладъ, имъ привычный и привитой имъ съ самаго ранняго дѣтства, правда не затѣйливый укладъ, большей частью такъ сказать мелкопомѣстный, а вмѣстѣ съ этимъ раболѣпное подчиненіе и покорность не-

преклонной волѣ мужа и его родителей, т.-е. полное отреченіе отъ своей воли, отъ своего «я». Всѣ сохранившіеся акты и оффиціальныя записи и частныя письма говорятъ именно о такой судьбѣ выходившихъ замужъ дѣвицъ дворянокъ. Были только сговорныя записи помимо самой сговариваемой, подавались онѣ въ канцеляріи, для утвержденія ихъ, но не нашлось ни одного заявленія противъ выдачи замужъ неволею. Яснымъ образомъ, выдача такая замужъ была обычаемъ, а противъ обычая женщины идти не смѣли. Стерпится, слюбится, возражали старшіе, возглашая, что покорность есть добродѣтель, а бракъ по любви —шагъ невѣрный....

Выдача въ замужество крестьянокъ дѣвицъ была уже самая подневольная и всегда почти за выкупъ или плату за выводъ. Такъ дворянинъ Ржевскій билъ челомъ Государынѣ, что князь Щербатовъ его крестьянскихъ дѣвокъ повыдалъ замужъ за своихъ крестьянъ безъ его соизволенія и насильственно. Помѣщики и помѣщицы продавали своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ въ замужество,—Полозовъ отпустилъ дѣвку Марью за 1 рубль, Витовтовъ Федоръ за 2 рубля, ранѣе же брали за выводъ алтына три съ деньгами. Въ своихъ имѣніяхъ помѣщики не стѣснялись, выдавали замужъ дѣвокъ по своему хотѣнію и расчету, женили по своему произволу, какъ они и сами объявляютъ въ своихъ записяхъ. Между многими выводными и отпускными записями, нашлась единственная, выданная волостью экономическаго вѣдомства, Буйскаго уѣзда, дѣвицѣ, выходящей замужъ за крѣпостного крестьянина сосѣдней деревни. Въ этой записи значится, что дѣвица пожелала выйти замужъ сама по своей волѣ „безъ принужденія родителей и волости, а только по неимѣнію въ своей волости жениховъ“. Можно предполагать въ этомъ случаѣ и романическую подкладку, такъ какъ дѣвица выходила только за извѣстнаго ей парня; но съ другой стороны неимѣніе жениховъ и обычайный идеалъ замужества такъ прельщали, что и барская неволя не становилась препятствіемъ, даже мысль о томъ, что и дѣти будутъ подневольные, крѣпостные не могли сдержать дѣвицу отъ замужества. Наоборотъ, сохранились данныя о протестахъ дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвушекъ противъ подневольныхъ браковъ и протесты выражались почти „побѣгами“, такъ что бывая въ бѣгахъ выходили замужъ по своей волѣ, но тѣмъ не менѣе помѣщики, какъ только находили такихъ бѣглянокъ, возвращали ихъ къ себѣ и „съ отродіемъ“ прижитымъ,—напримѣръ, Улиткою въ бѣгахъ, какъ значится въ одной челобитной. Бѣгство не навсегда спасало такихъ протестовавшихъ, а помѣщики, строго поддерживаемые мѣстными воеводами и подъячими, не лишались своего блага и закрѣпощали снова

своихъ рабынь, возмѣщая на нихъ свой барскій гнѣвъ за такое озорство, прослышаніе и потери, какія были понесены вслѣдствіе бѣгства.

Наконецъ по вопросу о замужествѣ, нельзя умолчать о взглядѣ на него, какого держались въ нашей сторонѣ сами дворянки. Дворянка—дѣвица Акулина Витовтова вышла замужъ за крѣпостного крестьянина, къ чему побудила нищета и необразованность и воля матери, какъ значится въ ея челобитьи. По этому поводу мнѣнія дворянокъ раздѣлились. Однѣ—не допускали такого поступка и всѣми силами и средствами хлопотали, чтобы Акулина лишилась даже права на наслѣдство послѣ своихъ дѣдовъ,—какъ то: ея тетки, но явилась помѣщица изъ молодыхъ, которая уже посмотрѣла на это иными глазами и сочувствовала Акулинѣ, защищая ея право свободнаго выбора, а вмѣстѣ и наслѣдство. Послѣдній взглядъ подтвердило и правительство, которое по этому дѣлу высказало, что лишаются правъ дворянства за преступленія, бракъ же установленіе чисто Божеское, и потому выходящія замужъ дворянки, хотя бы и за крѣпостныхъ,—да не лишатся своихъ наслѣдственныхъ правъ. Вслѣдствіе этого и постановлено, чтобы Витовтова, вышедшая замужъ за крѣпостного, получила наслѣдство послѣ дѣдовъ, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне были переданы во владѣніе дворянъ, т. е. имѣніе было перепродано или уступлено владѣльцамъ изъ дворянъ и помѣщиковъ, и въ этомъ случаѣ защитница помогла барынѣ-крестьянкѣ. Сохранившееся дѣло въ подлинникѣ ясно характеризуетъ взгляды тогдашняго общества на дѣвицъ дворянокъ, почему либо вступающихъ въ мессальянсъ. Общественное мнѣніе было противъ такихъ браковъ и самимъ попадавшимъ въ крѣпость тоже не было сладко.

3. Замужняя жизнь дворянокъ была по обычаю и закону—полная зависимость отъ мужа; но положеніе замужней женщины зависѣло отъ характера мужа. Или онъ былъ скроменъ, несварливъ, уступчивъ (таковъ напримѣръ былъ фурьеръ Витовтовъ Алексѣй),—тогда жена заполучала верхъ и распоряжалась хозяйствомъ и дѣтьми. Или онъ былъ съ характеромъ деспотическимъ, властолюбивымъ (Готовцевъ и др.),—тогда жена превращалась просто въ особу малозначительную, съ которой церемоній не полагалось и „что нога моя хочетъ“ у всѣхъ было поговоркою, а посохи мужей пожалуй нерѣдко ломались о плечи и спины ихъ покорныхъ женъ. Послѣднихъ браковъ видимо было болѣе. Въ архивѣ сохранилось челобитье несчастной, которой не хватило терпѣнія отъ притѣсненій и истязаній мужа. Елизавета Ивановна дочь Быкова была выдана замужъ съ хорошимъ приданымъ лѣтъ 20 тому назадъ (дѣло 1771 года). Мужъ ея по наущенію матери съ нею не жилъ, а жилъ

блудно, просительницу прогналъ, а приданое растратилъ. Живетъ она въ бѣдности въ селѣ Князьковѣ, какъ значится въ челобитьи, разоренномъ мужемъ, который и клеветалъ на нее, и подложные выдавалъ отъ нея векселя. Не легко, значитъ, жилось, когда она, вопреки обычаю, пошла судиться съ мужемъ....

Съ хозяйки дома еще болѣе требовалось, чѣмъ съ прислуги, и положеніе вообще было не изъ пріятныхъ, но особенно несносное, если въ семейныя отношенія ввязывались свекровь и золовки. Недаромъ сохранилось много поговорокъ и пѣсенъ, въ которыхъ изображается печальная судьба невѣстки, попадавшей въ неволю не только къ мужу, но и его родственникамъ, разводы же и того менѣе были мыслимы, какъ дѣянія почитаемыя противными Божескимъ и человѣческимъ законамъ. Замужнія женщины, впитавшія съ дѣтства духъ несопротивленія и повиновенія, въ большинствѣ мирились съ своей долею, считая свой жребій и обычайнымъ, и законнымъ, и вѣрнымъ церковнымъ постановленіямъ, строгимъ исполненіемъ которыхъ отличались всѣ обитательницы помѣщичьихъ усадьбъ. „Жены повинуйтесь мужьямъ и жена да боится своего мужа“—были закономъ совѣсти. Одно терпѣніе было удѣломъ женщины, каковое свойство похвалялось и общественнымъ мнѣніемъ, неодобрявшимъ брыкливость женщины. Бей жену тростью, только беременную съ осторожностью не по животу, училось въ тѣ времена.

Но при такомъ положеніи, нимало недиво, что женщина, раболѣпствуя передъ мужемъ, становилась требовательной къ своимъ дворовымъ женщинамъ, а при случаѣ болѣе придирчивой, чѣмъ ея мужъ. Особенно ярко это обнаруживалось, когда женщины становились свободными по смерти мужа. Иныя помѣщицы не уступали своимъ отцамъ и братьямъ въ жестокости съ своими крѣпостными, какъ это видно изъ актовъ купли и продажи женщинъ матерей отдѣльно отъ дѣтей, и такія купчія весьма не рѣдки въ архивѣ. (Авдотья Клементьева, вдова Т. Ключева и Зиновьева—это были женщины властолюбивыя и нравовъ жестокихъ).

Оставаясь по смерти мужей вдовами и владѣлицами населенныхъ имѣній, женщины обращались по примѣру мужчинъ и по недостаточности культурнаго образованія въ такихъ же владѣтельныхъ барынь, каковы были ихъ отцы, братья и мужья,—такъ нещадно поступали со своими дворовыми дѣвушками и женщинами, взятыми во дворъ, и безжалостно требовали отъ нихъ чрезмѣрнаго послушанія и чрезвычайной работы. Въ особенности отличались этимъ мелкопомѣстныя владѣлицы. Если дворовые люди бѣжали отъ безвиннаго боя помѣщиковъ, какъ показывалъ возвра-

тившійся изъ бѣговъ и побывавшій даже за границей, то никакого сомнѣнія нѣтъ, что и среди бѣглыхъ женщинъ были такія, которыя скрывались также отъ тиранства женщинъ. Изъ иныхъ судебныхъ и спорныхъ дѣлъ легко усмотрѣть, что владѣлицы не стѣснялись съ своими рабами и рабынями. Онѣ продавали своихъ дворовыхъ даже малолѣтнихъ отъ отца и матери отдѣльно, закладывали крѣпостныя души, отдавали въ кабалу, при томъ съ такимъ условіемъ, что временный хозяинъ имѣлъ такія же права, какъ помѣщица, и могъ взыскивать и наказывать, какъ она сама, и дома отечески и въ полиціи по закону. (Договоръ Клементьевой съ Костромскимъ купцомъ Шаровниковымъ, засвидѣтельствованный и утвержденный судомъ). Такъ какъ культурныя воззрѣнія человѣка были чужды прекрасной половинѣ человѣческаго рода, то для нихъ дворовые люди и крестьяне были движимой собственностью, вещью, и иныя изъ нихъ продавали эту движимость прямо на вывозъ безъ земли, такъ что не приходила въ голову мысль и въ сердце чувство жалости къ тѣмъ, которые лишались по ихъ произволу родины и близкихъ своихъ родныхъ.

Грубость нравовъ сказывалась и въ томъ, что иныя помѣщицы наравнѣ съ своими мужьями и родными входили въ атаки, напримѣръ, на подъячихъ или откащиковъ и людей понятыхъ, — такъ жена секундъ-майора Готовцева съ своими дворовыми смертнымъ боемъ била подъячаго, пріѣхавшаго вводить во владѣніе имѣньемъ настоящихъ владѣльцевъ; вдова Авдотья Клементьева выгнала старосту новаго владѣльца имѣнья, насильно завладѣла всѣмъ— и оброками, и хлѣбомъ, и сѣномъ, грозя смертью, буде кто покусится на ея распоряженія; вдова Токмачева безъ всякой церемоніи увезла къ себѣ стога сѣна, накошеннаго крестьянами ея сосѣда Полозова, съ которымъ имѣла тяжбу, также насильственнымъ способомъ; вдова Зиновьева явилась главной защитницею и укрывательницею своего зятя князя Щербатова, разорившаго и разграбившаго имѣніе Ржевскаго. Невниманіе къ образованію своихъ подданыхъ также нельзя отнести къ культурному развитію характеровъ. Но съ этимъ вмѣстѣ какъ то уживались и богомоліе, и набожность, и почитаніе всѣхъ внѣшнихъ обрядностей церкви. Въ большинствѣ случаевъ эта набожность, превращаясь въ ханжество, впитывалась въ дѣтствѣ. Хожденіе въ церкви, служеніе молебновъ, исправленіе обрядовъ были неотъемлемыми свойствами русской женщины того времени, и духовные отцы играли непосредственную значительную роль какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ быту женщины. Покрайней мѣрѣ въ 90 актахъ изъ ста прикладывали руки за барынь отцы ихъ духовные, — и въ духовныхъ своихъ завѣщаніяхъ помѣщицы нерѣдко дѣлали вклады и въ мона-

стыри, и въ приходскія церкви,—какъ то въ Бабаевскій, Игрицкій и Песоченскій, и въ церкви с. Левашева, Большихъ Солей. Такимъ образомъ, несмотря на строгое выполненіе внѣшнихъ обрядностей, моленій, постовъ и поклоновъ, дѣйствующая христіанская культура, просвѣщающая душу любовью къ себѣ подобнымъ, какъ то была чужда многимъ женщинамъ дворянскаго сословія. На первомъ мѣстѣ въ приданыхъ росписяхъ красовалось Божіе благословеніе—иконы въ ризахъ серебрянныхъ и позлащенныхъ, на послѣдней же страницѣ: и даются въ приданое такіе то рабы дворовые Иванъ да Машка, да Матрена вдова съ дѣтьми въ полное потомственное владѣніе и на ихъ барскую волю: и продать и заложить.

При раздѣлѣ имѣнія между двумя сестрами оказалось, что крестьянка Пелагея была въ бѣгахъ и прижила дѣтей въ то время: такъ сама Пелагея досталась одной сестрѣ, а дѣти другой. Къ тому же у Пелагеи была уже отпускная на волю, но помѣщица съ помощью подъячаго крючкодѣйства и дружбы съ воеводою не только не дала ей воли, но еще сильнѣе укрѣпила ее въ зависимости и подданствѣ. Раздѣленіемъ матери и дѣтей сестры ни мало не стѣснялись. Помѣщицы Пасынкова и Пуминова продавали малолѣтнихъ дѣтей своихъ дворовыхъ, отнимали отъ семьи и продавали каждаго по 5 рублей ассигнаціями. Это ли не ясный признакъ отсутствія культурности среди дворянокъ того времени? Но это же говоритъ о томъ, что среда, въ которой жили и вращались женщины, не только не препятствовала такимъ дѣяніямъ, а поощряла, такъ сказать, ихъ, считая дѣятельницъ въ своемъ правѣ и лучшаго не зная и не желая. Помѣщичье право и крѣпостная зависимость на столько въѣлись въ нравы, что считались естественными и обычайными укладами жизни.

Среди простолюдинокъ власть тьмы была поражающая и нравы были жестокіе. Рабское подчиненіе приносило дикость! Ложь, обманъ, надувательства, полное безличіе господствовали особенно среди дворовыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Дворъ или домъ помѣщичій былъ источникомъ сплетенъ, ссоръ и проч. Да иначе и не могло быть, когда деспотическая власть помѣщиковъ грозою висѣла надъ всею участью и жизнью своихъ подданныхъ, каждое проявленіе этой власти въ ту или иную сторону тяжело ложилось на крѣпостныхъ. Не даромъ Грибоѣдовская Лиза молилась: Да минуютъ насъ и барскій гнѣвъ и барская любовь.

Но и тогда уже являлись одинокія, правда, личности изъ народа, которыя хотя и дико, но протестовали противъ гнета и неволи и протестовали, какъ видно изъ записей, разъ бѣгствомъ, а иногда и самоубійствомъ. И такія личности являлись болѣе между женщинами, судьба которыхъ

была тяжелѣе мужчинъ. Отъ барской неволи, отъ помѣщицы сбѣжала женка Аграфена и потомъ скотница со всей семьей, а дворовая дѣвка Евгенія 18 лѣтъ даже зарѣзалась. Иныя женщины, выданныя въ замужество противъ ихъ воли, уходили отъ мужей и находили лучшимъ для себя жить мірскимъ подаяніемъ и христарадничествомъ, нежели быть подъ кровлей нелюбимаго мужа, какъ ясно видно изъ дѣла о бѣглой женкѣ, изловленной въ Костромѣ и вновь убѣжавшей въ городъ, чтобы не жить съ опротивѣвшимъ ей мужемъ. Она была въ городѣ тоже въ неволѣ и тяжкихъ работахъ, но всетаки предпочитала это своей жизни у помѣщицы и мужа. Являлись и такія, которыя подговаривали своихъ мужей къ протесту и побѣгу, какъ жаловался одинъ помѣщикъ на свою дворовую, которая увлекла мужа къ уходу отъ него въ Петербургъ, гдѣ открыли свое мастерство. Женщина эта, по заявленію помѣщика, была дерзкая, непослушная и развратная. За побѣгъ поплатилась она плетьми и ссылкою на поселеніе въ Сибирь, но главное ея преступленіе всетаки было не развратъ, а желаніе пожить на своей волѣ.

Тяжело читается дѣло о самоубійствѣ дворовой дѣвушки Евгеніи и не только потому, что она покусилась на свою жизнь, но и потому, какъ отнеслась къ этому администрація въ лицѣ временнаго отдѣленія изъ исправника, стряпчаго и лѣкаря.—Такъ бюрократически и такъ безжалостно посмотрѣли они на смерть несчастной, пырнувшей себя ножемъ неизвѣстно отъ чего.... Послѣ обѣда здоровая дѣвица легла спать, приснился ей будто сонъ страшный, явилась тоска и—зарѣзалась. Такъ просто по слѣдствію и такъ мудрено по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, которыя видимо закрыты самимъ же временнымъ отдѣленіемъ. Дѣло предано волѣ Божьей, а тѣло землѣ. Несчастная наложила руки на себя и ушла на тотъ свѣтъ, еще въ юности, узрѣвъ всю горечь и неправду этого свѣта. Исполнители закона закрыли это дѣло конечно не безъ корысти, а всетаки между строками показанія Евгеніи и ея присныхъ можно читать, что дѣяніе ея было протестомъ и что вѣрно не сладко жилось ей, если она истинная православная христіанка рѣшила покончить съ собою, взять на себя смертный грѣхъ самоубійства.

Крестьянокъ дѣвокъ и вдовъ продавали еще чаще, чѣмъ мужчинъ, и продавали болѣе женщины помѣщицы, какъ надо полагать, для домашнихъ надобностей, какъ рукодѣльницъ и прислугъ, и цѣна имъ въ среднемъ была до 30 рублей ассигнаціями, хотя изрѣдка были случаи, что продавались и за 100 рублей, но это были скорѣе выкупы изъ неволи женщинами же, начавшими понимать, что свободный во много разъ дороже подневольнаго раба.

Не сладко было и въ бѣгахъ. Одна изъ бѣглянокъ показывала: ночевала я и въ лѣсу, и въ овинахъ, и гдѣ придется, а болѣе пробиралась по міру христовымъ именемъ. Другая такъ и продавалась въ бѣгахъ, за то ей и цѣна была только 4 рубля.

Среди сохранившихся въ архивѣ записей не нашлось свѣдѣній о наказаніяхъ, налагаемыхъ патріархальной рукой владѣльцевъ, но изъ показаній бѣглыхъ можно понять, что побѣги не оставались безъ возмездія со стороны помѣщичьей власти, которая, кстати сказать, не довольствовалась собственными внушеніями, а передавала бѣглыхъ въ земскій судъ для допроса и для исправленія, судъ же и полиція съ своей стороны не давали конечно пощады. Одна изъ бѣглянокъ подвергнута 10 ударамъ плетей и ссылкѣ на поселеніе.

Остается еще сказать о политическомъ и общественномъ положеніи женщины того времени и вѣка, въ нашей области, на основаніи имѣющихся въ архивѣ данныхъ.

Въ политическомъ отношеніи тогда и мужчины были равно малозначущими единицами или даже нулями. Стоитъ лишь прочитать хотя одно челобитье какого либо дворянина, по какому бы то ни было поводу, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. „Бьетъ челомъ и являетъ себя рабъ и холопъ Сенька или Ивашка.... Взмилуйтесь ей ей помилуйте....“—такими словами начиналось и кончалось каждое челобитье. И знатные дворяне не составляли въ этомъ отношеніи исключенія и вотчинники не имѣли никакого голоса противъ царскихъ воеводъ и всей бюрократіи. Особенно усиливается это со времени Петра. Политика была одна: рабство и холопство всѣхъ и каждаго. При такихъ обстоятельствахъ можно ли сказать что-либо о политической роли женщинъ, особенно въ глухой провинціи, какова была Костромская область? Ни одного указанія на это нѣтъ во всѣхъ актахъ, кромѣ того, что имѣются въ дѣлахъ свѣдѣнія о томъ, что женщинъ обирали подъячіе за все, про все.

Въ общественномъ отношеніи также точно женщины не имѣли мѣста, не играли роли. Правда, иныя возставали за свои права, какъ дворянокъ и помѣщицъ, но въ этомъ случаѣ онѣ были вполнѣ въ рукахъ бюрократіи и подъячества, которые вели всѣ дѣла ихъ, писали прошенія и записи, такъ что, прочитывая всѣ эти акты, написанные съ формами и изворотами подъяческаго крючкотворства, мы имѣемъ полное право заключить, что все это было дѣломъ чиновничества, отъ чего и выходило, что сами просительницы были не причемъ, ввѣряясь своимъ ходатаямъ, вовлекшимъ въ такую волокиту, что и сами спорящіе были не рады этому, и дѣлали всякія уступки, чтобы избѣжать проторей и убытковъ и рѣшались лучше на мировыя, не-

жели продолжать убыточиться безъ всякой пользы для себя и только въ профитъ подъячеству.

Такимъ образомъ сводъ имѣющихся данныхъ къ одному знаменателю даетъ уразумѣть, что воспитаніе женское въ 18 вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ среднихъ и нисшихъ слояхъ общества, строго еще держалось старины, т.-е. временъ домостроя и обычаевъ сохранившихся отъ прежнихъ столѣтій, когда женщины были точно въ тюремныхъ заключеніяхъ, хотя въ 18 вѣкѣ не было уже теремовъ, но отжитки ихъ обнаруживались и въ женскихъ половинахъ. Грамотность и особенно письменность были въ забросѣ и небреженіи. Еще состоятельныя семьи вмѣстѣ съ мальчиками, готовящимися къ службѣ, учили и дѣвочекъ славянскому чтенію, но большинство оставалось чуждо даже грамотности и не умѣло чисто писать. Все воспитаніе и обученіе было неровное: въ большинствѣ строгость, а нерѣдко баловство, клонились къ тому, чтобы подготовить къ хозяйству и помѣщичьему быту. До замужества роль дѣвицы была—послушаніе власти родителей, въ замужней жизни полное подчиненіе мужу и старшимъ и полное безличіе; такъ что женщина не проявляла своего «я», развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ; малокультурность вела къ тому, что женщина вела свое помѣщичье право также требовательно и безжалостно, какъ и крѣпостники мужчины. Такимъ образомъ весьма понятно, что такія женщины и могли дать потомъ матерей Обломовыхъ, Пульхерій Ивановныхъ и т. п.

Но нельзя умолчать, что среди почти повальнаго безграмотства, умственной, такъ сказать, нищеты и тупости, и нравственнаго безличія и тогда были, какъ говорятъ нѣсколько данныхъ въ архивѣ, такія женщины, которыя стояли выше середины и отстаивали всѣми путями свою личность. Въ архивѣ Шахова есть нѣсколько записей челобитій и дѣловыхъ писаній такихъ особъ женскаго пола. Позволю себѣ дать въ своемъ очеркѣ мѣсто нѣкоторымъ изъ такихъ женщинъ, какъ то во-первыхъ Настасьѣ Витовтовой, старшей дочери дворцоваго подключника Андрея Строева.

Она получила, какъ надо полагать по собственноручнымъ ее писаніямъ, нѣкоторое грамотное образованіе и въ особенности почему то пріобрѣла юридическія познанія. Впрочемъ, это уясняется тѣмъ, что дѣдъ ея и дядя были стряпчими. Написанныя ею черновыя челобитныя наглядно показываютъ, что она была знакома съ законами и формами прошеній и разумѣла судебныя волокиты того времени. Не даромъ она жаловалась на своихъ сестеръ, что онѣ живутъ въ Москвѣ и мало хлопочутъ объ общемъ ихъ дѣлѣ, и не даютъ даже благодарности подъячимъ, безъ чего

идетъ только волокита и рѣшеніе откладывается на далекій срокъ. Очень интересно было челобитье ея Императрицѣ Елизаветѣ о пособіи ей и сестрамъ по смерти ихъ отца за вѣрную его службу, при чемъ не забыла она упомянуть и „въ честь наслѣдника Петра 3-го". Затѣмъ не менѣе интересно ея исковое челобитье о наслѣдствѣ послѣ отца и матери, спорное съ наслѣдниками Петра Клементьева, продавшаго ихъ отцу помѣстье по купчей, оспариваемой родными продавца по дряхлости его и безумію.

Ея же челобитье по поводу обидъ, нанесенныхъ ей отъ майора Готовцева на столько живо рисуетъ всю сцену насилія, угрозъ и боя, которымъ Готовцевъ цодвергъ подъячаго и понятыхъ, что и теперь точно воочію видишь и рослаго майора съ вѣрною его помощницей женой, и побитаго подъячаго, и двухъ сестеръ помѣщицъ струсившихъ за свою участь. „И вамъ тоже будетъ, кричалъ майоръ, протираетесь тутъ, только смуты заводите. Убирайтесь, пока цѣлы и живы". Но Настасья Витовтова свезла побитыхъ крестьянъ въ Кострому въ судъ и подала искъ за оскорбленіе своей чести и за безпричинный разбой. Недюжинныя ея способности проявились и въ составленіи полюбовнаго раздѣла съ сестрами ея, и въ воспитаніи, которое дала она своему сыну и дочери. Послѣдняя была уже довольно образованная дѣвушка и, судя по дѣйствіямъ ея въ замужествѣ, имѣла склонность къ тому, чтобы и ея дѣти получили надлежащее образованіе уже въ школахъ.

Наконецъ попадаются мелкія свѣдѣнія, показывающія, что Витовтова была съ твердымъ характеромъ и любящимъ сердцемъ—не дозволяла наступить себѣ на ногу и относилась къ своимъ людямъ и женщинамъ болѣе человѣчно, чѣмъ большинство ея сосѣдокъ. Мужъ ея былъ незначительный человѣкъ и первую роль играла жена. Сосѣди ея, а также и подъячіе очень береглись этой внучки стряпчаго, и дѣйствительно стряпчаго въ юбкѣ.

За этой значительной по способностямъ и характеру женщиной, о коей писаніе сохранилось въ достаточномъ числѣ, надо поставить ея внучку Марью Ивановну Цвѣткову (которая относится къ концу 18 вѣка). Послѣ нея осталось много письменныхъ памятниковъ дѣловой жизни, но одно собственноручное ея завѣщаніе доказываетъ, что она была женщина не только грамотная, но и образованная и особа съ характеромъ. Судя по завѣщанію и другимъ актамъ, легко можно понять, что она обладала прекрасной душой, помнящей доброе и желающей сдѣлать добро всѣмъ, ее окружающимъ. Она была со стремленіемъ къ самообразованію, къ лучшему устройству своей личной жизни и не чуждой общественности. Она оставалась не совсѣмъ довольною существующими порядками, какъ въ семьѣ, такъ и

въ обществѣ. Не имѣя своихъ дѣтей, она сосредоточила всю свою любовь на племянницѣ, которой отказала все свое имѣніе, за выключеніемъ мужу законной части. Въ своемъ завѣщаніи она не забыла ни одной своей дворовой женщины, оставивъ всѣмъ на память что могла, свои платья и пр. Въ описи оставшагося послѣ нея имущества находится списокъ книгъ ея библіотеки, что въ то время было чрезвычайной рѣдкостью. Она по судамъ не ходила и отличалась на другомъ поприщѣ, внося просвѣщеніе въ среду, въ которой ей пришлось вращаться, какъ можно заключить изъ той привязанности, какой пользовалась она у своихъ крестьянокъ. Этихъ послѣднихъ она прямо выкупала изъ неволи и давала имъ отпускныя. Судя по почерку завѣщанія, точно бы мужскому, и по самому изложенію, можно представить, что она имѣла рѣшительный характеръ, стараясь заявить протестъ противъ женской зависимости и подчиненія. Къ тому же она не была чужда и эстетики, пріобрѣтая и сохраняя произведенія современнаго художества и стараясь создать въ своихъ домахъ комфортъ и возможное изящество.

Остались памяти еще о нѣсколькихъ женщинахъ, которыя не безуспѣшно проявляли свои способности и характеръ въ спорахъ съ сосѣдями мужчинами въ защиту своего «я» и своихъ правъ, какъ то: вдова Елизавета Токмачева, Авдотья Готовцева, дѣвица Редрикова и пр. Елизавета Токмачева жила въ Хмѣльцахъ, гдѣ имѣлъ пребываніе и помѣщикъ Полозовъ, извѣстный по округѣ, какъ дѣлецъ, не пропускавшій ничего, что плыло въ его неводъ. Этотъ дѣловитый человѣкъ напоминаетъ во всемъ Чичикова. Но съ своей ближайшей сосѣдкою Токмачевою и онъ не могъ справиться. Нашла коса на камень! Она ни мало не уступала сосѣду и стояла крѣпко за себя и свое, прибѣгая иногда къ такимъ дѣйствіямъ, къ которымъ прибѣгать женщины не осмѣливались. Староста Полозова накосилъ сѣна, а Токмачева съ своими крестьянами увезла сѣно въ свои сараи и грозила еще раздѣлаться и того лучше. Сосѣди вели спорное дѣло и много истратили на подъячихъ изъ-за пустоши, которой въ дѣйствительности не бывало, а было лишь двойное названіе одного и того же мѣста. Въ этихъ и въ другихъ дѣлахъ Токмачева являлась рѣшительной заступницей правъ личности женщины, такъ что Полозовъ долженъ былъ сдаться и вступить съ такою сосѣдкою въ мировую.

Я коснулся положенія женщинъ дворянокъ и крѣпостныхъ крестьянокъ, но женское общество и въ то время не ограничивалось только этими двумя категоріями женскаго пола. Были тогда дщери, жены и вдовы купеческаго и духовнаго званія, а также и крестьянки вольныя. Въ архи-

вахъ сохранилсь мало данныхъ о нихъ, но женщины указанныхъ слоевъ общества по своему положенію приравнивались къ означеннымъ выше категоріямъ, смотря по достаткамъ семейства. Женщины духовенства и состоятельнаго купечества приближались къ мелкопомѣстнымъ, мѣщанки же и крестьянки къ категоріи крѣпостныхъ крестьянокъ. Царили таже безграмотность, тоже рабство, таже малокультурность, но богатые покупали себѣ въ работницы крѣпостныхъ дѣвокъ. Въ завѣщаніи Цвѣтковой упоминается, что она отказываетъ поповнѣ изъ платья и бѣлья, что и своимъ горничнымъ,—упоминаются и такія вольныя, которыя своей волею шли въ кабалу. Я Оксюшка взяла 3 рубля ходячихъ денегъ и отдаю на себя кабалу служить безпрекословно господину.—Положеніе женщины того времени такъ талантливо изображены въ драмахъ „Гроза“, „Самоуправцы“ и „Горькая Судьбина“, нашихъ Костромичей Островскаго, Писемскаго и Потѣхина. Яркими представительницами являются Кабанова, Катерина и ея золовка и пр.

Главное начало педагогической системы были страхъ и безусловное послушаніе, а за ослушаніе, говорилось, надо снять и рубашку и плетію вѣжливенько бити, за рубашку держа и по винѣ смотря...[1]) уже ставилъ жену высоко. Она дана отъ Бога не ради порабощенія, но ради помощи, а кто токмо разумъ....
споткнется. Но и между ними являлись личности съ протестомъ противъ обскурантизма и съ сильнымъ стремленіемъ къ выходу изъ темнаго царства къ свободѣ. Трудно уяснить, какимъ образомъ могли явиться такія личности, но бываетъ, что и на запущенныхъ мѣстахъ выростаютъ прямыя деревья и цвѣты. Такъ и на небольшой территоріи, въ глуши, были образцы женскаго пола, въ которыхъ таились искры любви къ свободѣ и гуманности.

Положимъ, въ началѣ проблески были слабы, но они не заглохли, а съ появленіемъ женскихъ училищъ разгорались все болѣе и болѣе и русская женщина, наконецъ, и въ нашемъ отдаленномъ отъ центровъ краю становилась далѣе и далѣе отъ пережитковъ прошлаго.

Невольно проникаетъ радость, что прошло царство тьмы, хотя власть ея еще довольно сильна въ народѣ, невольно является уваженіе къ тѣмъ, которыя выдержали жизненный искусъ и не пали подъ игомъ неволи. Сопоставляя прошлое съ настоящимъ, можемъ лишь дивиться, что было и что стало, хотя судьбы женщинъ и не достигли еще зенита. Между тѣмъ обширное образованіе и раз-

---

[1]) Къ глубокому сожалѣнію, за смертью автора, редакція лишена возможности возстановить пробѣлы въ оригиналѣ рукописи, съ которыми сдана она была въ редакцію.

витіе женщинъ дѣйствительно въ состояніи улучшить наши общественные нравы. Матери Митрофанушекъ, Обломовыхъ и Самодурова были во множествѣ, но типы эти исчезли и исчезаютъ даже въ народѣ. Въ наше время значительныя уже массы дѣвицъ не только учились сами, но съ особымъ рвеніемъ разработываютъ поле народнаго просвѣщенія, внося доброе, разумное, культурное въ темную среду. Сообразно этому движенію и самыя условія эволюціи женщины, ея воспитаніе и подготовка къ жизни и жизненные идеалы далеко уже не тѣ, какіе были въ XVIII вѣкѣ. Гуманныя начала проникаютъ уже не единицы, а сотни тысячъ женщинъ!

По убѣжденію и по словамъ Бѣлинскаго о русскомъ прогрессѣ, ростъ котораго не по днямъ, а по часамъ такъ восхваляютъ, вѣрнѣе судить по женскому развитію и образованію. На женщинахъ онъ высказывается ощутительнѣе и остается при нихъ прочнѣе и долговременнѣе. Долой же въ конецъ и власть тьмы и столь талантливо очерченное Добролюбовымъ по поводу грозы, бывшей въ Костромѣ, темное царство!

П. А. Клинскій.

Двуперстіе, сугубое аллилуія и хожденіе посолонь съ исторической точки зрѣнія.

Нѣкоторые вопросы въ области русской церковной археологіи были до сихъ поръ предметомъ только полемическихъ сочиненій, православныхъ авторовъ съ одной стороны, старообрядцевъ съ другой. Послѣдній авторъ, объ нихъ писавшій, академикъ Е. Е. Голубинскій, старавшійся быть безпристрастнымъ историкомъ, тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду полемику и далъ своему труду характерное заглавіе: „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ (2-е изданіе, М. 1905). Понятно, полемическія цѣли мѣшали смотрѣть на данныя научнымъ образомъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ выступали ученые.

Наше время имѣетъ одну хорошую сторону: мы можемъ оставить въ сторонѣ полемическіе интересы и перенести вопросы въ область науки.

Первый вопросъ, о которомъ мы намѣрены говорить,—вопросъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Второй—вопросъ о двоеніи или троеніи аллилуія. Третій—вопросъ о торжественномъ хожденіи вокругъ церкви по солнцу или противъ солнца. Съ этими вопросами въ самой тѣсной связи находится четвертый, общій, вопросъ объ авторитетѣ грековъ у русскихъ въ дѣлахъ вѣры и обряда.

Мы должны зайти издалека.

Россія съ первыхъ дней появленія въ ней христіанства была въ тѣсной связи съ Греціей. Ихъ взаимныя сношенія въ X, XI, XII вѣкахъ были обширны и разнообразны. Значительное число духовныхъ лицъ, и почти всѣ митрополиты въ Россіи этого времени, были греки; значительное число художниковъ разнаго рода, между ними иконописцевъ и архитекторовъ, были также изъ грековъ; литературныя про-

изведенія, которыя въ это время были переведены въ Россіи на церковно-славянскій языкъ, какого бы содержанія они ни были,—явились въ Россію изъ Греціи. Споры по вопросамъ церковной обрядности, возникавшіе въ это время въ Россіи, были отраженіемъ церковныхъ разногласій между греками (Макарій, Исторія русской церкви, III, 108—109, 2-е изд.). Греція въ то время была еще большимъ государствомъ, занимавшимъ значительную территорію и въ Европѣ, и въ передней Азіи, съ однимъ политическимъ центромъ въ Константинополѣ. и съ нѣсколькими центрами церковными: не только въ Константинополѣ, но и въ Іерусалимѣ, и въ Антіохіи, имѣвшими каждый свои мѣстные обычаи и уставы. Конечно, Россія, подчиненная въ церковныхъ дѣлахъ Константинополю, въ области церковнаго обряда слѣдовала всегда за Константинополемъ, вѣроятно, мало зная о тѣхъ обрядовыхъ особенностяхъ, которыя господствовали въ малоазійскихъ патріархатахъ. Начало XIII столѣтія ознаменовалось важнымъ событіемъ: въ 1204 году Константинополь былъ взятъ крестоносцами-латинянами, которые посадили въ немъ своего императора и своего патріарха. Вслѣдъ за водвореніемъ здѣсь латинянъ, греки провозгласили у себя двухъ новыхъ императоровъ, одного въ Никеѣ, другого въ Трапезунтѣ; такимъ образомъ ихъ политическіе центры были перенесены въ Малую Азію, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялось въ своемъ значеніи малоазійское духовенство съ своими обрядовыми особенностями.

Вскорѣ за этимъ событіемъ послѣдовало другое. Россія, отрѣзанная отъ Чернаго моря усилившимися ордами Половцевъ, и потому уже сократившая до минимума свои сношенія съ Греціей, была разгромлена татарами. Кіевъ былъ почти уничтоженъ, другіе города южнаго Поднѣпровья были или совсѣмъ уничтожены, или приведены въ жалкое состояніе. Сношеній съ Греціей, сколько-нибудь живыхъ, уже не могло быть, хотя греки въ 1261 году, изгнавъ латинянъ, вернули себѣ Константинополь и перевели въ него изъ Никеи царя и патріарха. Лишь во второй половинѣ XIV вѣка оправились отъ погрома татаръ русскія области и къ этому времени, благодаря относительной свободѣ путей къ гаванямъ Чернаго моря, относится начало возобновленія дѣятельныхъ сношеній съ Константинополемъ и Аѳономъ чрезъ посредство проживавшихъ тамъ южно-славянскихъ монаховъ. (Подробнѣе объ этомъ см. въ нашемъ трудѣ: „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“. Спб. 1903 г.). Взятіе Константинополя турками въ 1453 г. вновь сократило сношенія русскихъ съ греками, но нѣсколько десятковъ лѣтъ общенія оказали значительное вліяніе на русскую литературу, культуру и церковную обрядность.

Объ обновленіи русской литературы въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. О вліяніи на культуру (между прочимъ на искусство: пѣніе и иконопись) надѣемся поговорить въ будущемъ. О вліяніи на церковную обрядность мы говоримъ теперь.

Константинополь въ половинѣ XIV вѣка съ императоромъ и дворомъ, съ патріархомъ и высшимъ духовенствомъ сохранялъ еще многое изъ того, что было принесено ими изъ Никеи, послѣ изгнанія латинянъ. Между тѣмъ большинство простого греческаго населенія въ Европѣ держалось прежнихъ обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ старины; стремленія императоровъ и патріарховъ съ ихъ близкими къ уніи съ Римомъ были ей не симпатичны и удерживали ее вообще отъ обрядовыхъ новшествъ. Вспомнимъ Преніе Панагіота съ Азимитомъ, представляющее простонародную сатиру на перваго Палеолога, занявшаго императорскій престолъ въ Константинополѣ.

Южные славяне, жившіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, мало посвященные въ взаимныя отношенія греческаго населенія, слѣдовали, конечно, тому, чего держались греческіе духовные сановники, если они были строго православными, а не тому, что сохранялось греческой народной массой. Отсюда распространеніе обрядовыхъ особенностей малоазійскихъ церквей въ южно-славянскихъ книгахъ, а за ними и въ богослужебной практикѣ.

Русскіе, подобно южнымъ славянамъ и подъ ихъ вліяніемъ, также пошли за греческими духовными сановниками и стали переносить малоазійскую обрядность на русскую церковную почву.

Посмотримъ прежде всего на пѣніе *аллилуія*. (Данныя у Голубинскаго, стр. 199 и слѣд.).

До XV вѣка мы не имѣемъ ни въ лѣтописяхъ, ни вообще въ русской литературѣ никакихъ слѣдовъ спора объ пѣніи аллилуія. Очевидно, въ древней Руси всѣ пѣли аллилуія одинаково. Только въ XV вѣкѣ возникло разногласіе. Во Псковѣ, гдѣ всѣ привыкли трегубить аллилуія, появилось двоеніе этой пѣсни, заставившее псковичей около 1419 года обратиться за разъясненіемъ къ митрополиту Фотію. Мы не знаемъ, кто принесъ во Псковъ двоеніе, но можемъ сказать рѣшительно, что оно появилось тамъ подъ греческимъ и южно-славянскимъ вліяніемъ. Псалтырь митрополита Кипріана, полу-болгарина, полу-грека, написанная имъ собственноручно въ Константинополѣ въ 1387 году и принесенная имъ въ Москву, имѣетъ постоянное двойное аллилуія. Навѣрное, другія богослужебныя книги, южно-

славянскія, принесенныя въ Россію, и русскія, списанныя съ южно-славянскихъ оригиналовъ, имѣли также постоянно двойное аллилуія. Фотій, родомъ грекъ изъ Мореи, въ то время освоившійся уже вполнѣ со старыми московскими обычаями, далъ псковичамъ отвѣтъ въ пользу троенія. Но лѣтъ черезъ 35 послѣ отвѣта Фотія во Псковѣ вновь появилось двоеніе. Его распространялъ монахъ Аѳанасій, нѣкоторое время живший въ Константинополѣ и на Аѳонѣ и познакомившійся съ практикой главныхъ греческихъ храмовъ. Споры возобновились и кончились для Пскова приговоромъ псковичей въ пользу троенія. (Е. Е. Голубинскій, вслѣдъ за другими, говоритъ, что въ до-монгольской Руси было рядомъ и троеніе, и двоеніе аллилуія; стр. 6. Оно будто бы указывается въ переведенномъ съ греческаго Студійскомъ уставѣ, дошедшемъ въ русскомъ спискѣ XII вѣка; стр. 198. Но тамъ есть ясное указаніе на троеніе, а яснаго указанія на двоеніе нѣтъ; такого указанія мы не знаемъ по русскимъ источникамъ до конца XIV вѣка). Авторитетъ Константинополя и Аѳона былъ такъ силенъ въ Россіи XV вѣка, что и въ Московской, и въ Литовской Руси преобладаніе въ концѣ концовъ получило двоеніе.

Взглянемъ на *сложеніе перстовъ* для крестнаго знаменія.

Паисіевскій сборникъ, памятникъ псковскаго письма конца XIV или самаго начала XV вѣка, имѣетъ на своихъ страницахъ отрывокъ съ проклятіемъ тѣмъ, кто не крестится тремя перстами. Неизвѣстный псковичъ, защищавшій въ половинѣ XV вѣка трегубленіе аллилуія, укоряетъ грековъ за принятіе „печати антихристовой на челѣ и на *десницѣ*“ при крестномъ знаменіи, т.-е. за неправильное перстосложеніе. Очевидно, рядомъ со споромъ объ аллилуія въ Псковѣ велся споръ о перстосложеніи. Е. Е. Голубинскій говоритъ, что Псковъ держался двуперстія, а новшествомъ являлось троеперстіе. Мы думаемъ наоборотъ, считая двуперстіе за обычай греческихъ малоазійскихъ церквей, а троеперстіе (которое защищаетъ Панагіотъ противъ Азимита) за обычай константинопольскій. (Отрывокъ извѣстный подъ именемъ Ѳеодоритова слова, несомнѣнно переведенный съ греческаго и попавшій въ русскую литературу до возобновленія южно-славянскаго вліянія, прежде всего говоритъ о трехъ перстахъ, слѣдовательно, имѣетъ въ виду троеперстіе.—Свидѣтельство Ѳеоріана (Голубинскій, стр. 159) говоритъ о двуперстіи какъ сирійскомъ обычаѣ. То же слѣдуетъ сказать о свидѣтельствѣ Петра Дамаскина). Но не въ этомъ дѣло. Для насъ важно установить, что одно изъ двухъ извѣстныхъ теперь перстосложеній было для Россіи XV вѣка новшествомъ и предметомъ спора. Дѣйствительно, раньше въ Россіи повидимому не было вопроса о персто-

сложеніи. Мы имѣемъ „слово“, несомнѣнно древнее и русское по происхожденію, „слово свв. апостолъ и свв. отець“ по однимъ спискамъ (напримѣръ, Погод. № 866, XV в., л. 279 об.), или „слово о крестящихся неправо“ по другимъ (напримѣръ, Ундол. № 1778, к. XVI в., л. 168 об.); оно спеціально посвящено крестному знаменію, говоритъ, какъ именно надо креститься, но умалчиваетъ о перстосложеніи.

Перейдемъ къ вопросу о *хожденіи вокругъ церкви.*

До XV вѣка и объ этомъ вопросѣ русская литература не знаетъ. Только въ 1478 г., когда митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора совершилъ хожденіе противъ солнца, великій князь прогнѣвался на него, находя, что хожденіе должно было быть по солнцу; но нѣкоторые архимандриты и игумены вступились за митрополита и сослались на аѳонскую практику (Макарій, Исторія р. церкви, VI, 65). Споръ былъ рѣшенъ въ половинѣ XVI вѣка въ пользу хожденія по солнцу. Служебникъ 1532 г., написанный въ Молдавіи для аѳонскаго Зографа, въ чинѣ освященія церкви говоритъ: „Подобаетъ же и се вѣдѣти, яко егда обходятъ церковь мѵросающе трижды, да не *идутъ опакы*, якоже латине еретизи, но сице подобаетъ *яко святыя дары одесную ити* (Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, III, стр. 43). Служебникъ грозитъ анаѳемой ослушнику. Его указаніе даетъ понять, что споръ о хожденіи былъ также въ Молдавіи и въ связанныхъ съ нею южно-славянскихъ странахъ и рѣшался въ пользу хожденія противъ солнца.

Повидимому, хожденіе противъ солнца, котораго держался митрополитъ Геронтій, было для Москвы новшествомъ, перешедшимъ изъ Константинополя и Аѳона при большемъ или меньшемъ посредствѣ южныхъ славянъ уже въ XV вѣкѣ, а хожденіе по солнцу, напротивъ, старшимъ обычаемъ, господствовавшимъ въ Россіи до XV вѣка.

Теперь, наконецъ, передъ нами вопросъ объ авторитетѣ грековъ въ дѣлахъ вѣры и обряда.

До XV вѣка онъ для русскихъ былъ внѣ сомнѣнія. Флорентійскій соборъ и подчиненіе всѣхъ грековъ туркамъ, несомнѣнно, имѣли свое значеніе. Но еще ранѣе этихъ событій сильное впечатлѣніе на русскихъ должны были произвести тѣ новшества, которыя были принесены отъ грековъ въ концѣ XIV и въ XV вѣкахъ и о которыхъ мы только что говорили. Псковичи во время споровъ съ Аѳанасіемъ объ аллилуія въ половинѣ XV вѣка уже выражали сомнѣніе о православіи грековъ, ссылаясь именно на двоеніе ими аллилуія и неправославное сложеніе перстовъ.

Споръ о хожденіи вокругъ церкви въ Москвѣ при великомъ князѣ Іоаннѣ III, гдѣ ссылались на грековъ, также не могъ обойтись безъ отрицанія ихъ авторитета одною изъ споривших сторонъ. Новшества, принесенныя отъ грековъ, хотя отчасти были у насъ приняты, повели сначала къ сомнѣніямъ въ чистотѣ греческаго православія, а потомъ къ увѣренности, что православіе у грековъ пострадало отъ воздѣйствія турокъ. (Данныя изъ конца XV вѣка и позднѣйшія у Голубинскаго, стр. 23 и сл.). Стоглавый соборъ, поставившій себѣ для рѣшенія рядъ церковныхъ вопросовъ, не подумалъ обратиться за ихъ рѣшеніемъ или хотя бы за совѣтомъ къ помощи грековъ и призналъ себя вправѣ высказать свое мнѣніе какъ окончательное.

Еще два слова.

Извѣстный расколоучитель дьяконъ Ѳедоръ разсказываетъ слѣдующее: „И во Іерусалимѣ у Гроба Господня доднесь аллилуія сице поютъ, патріархъ и вси вѣрніи съ нимъ: аллилуія, аллилуія, докса си Ѳеос. Азъ бо извѣстно о семъ вѣдаю, и самого канархиста Гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ бывша во 174-мъ (=1666) году, и съ нимъ много бесѣдовахъ о всемъ. Онъ же сказа ми: патріархъ-де іерусалимскій *по-старому* слагаетъ персты, за кое знаменіе вы нынѣ почали страдати.... И обѣ руки ихъ начерталъ ми на бумагѣ перомъ“ (Матеріалы для исторіи раскола, VI, стр. 161). Мы не имѣемъ права не вѣрить разсказу Ѳедора. Изъ него видно, что даже въ XVII вѣкѣ въ Іерусалимѣ еще сохранялась его древняя обрядность.

А. И. Соболевскій.

ВИЗАНТІЙСКАЯ НУМИЗМАТИКА,

какъ источникъ по исторіи христіанской иконографіи.

Христіанство, какъ богопочтеніе, выражаемое во внѣшнихъ знакахъ, дѣйствіяхъ и обрядахъ, спервоначала своего существованія призвало на помощь искусство, въ разныхъ его видахъ. Ему служили музыка, архитектура, скульптура и живопись. Все это примѣнялось исподоволь, постепенно, по мѣрѣ развитія самой жизни христіанъ и примѣненія христіанскихъ понятій въ этой ихъ жизни; а потомъ—видоизмѣнялось по обстоятельствамъ, какія переживала церковь Христова. Таковыя обстоятельства имѣли особенно большое значеніе въ развитіи живописи—въ примѣненіи оной въ дѣлѣ иконопочитанія. Тогда какъ музыка и архитектура, съ признаніемъ господства христіанства, уже не находили никакого препятствія къ своему примѣненію, а слѣдовательно, и развитію, иконопочитаніе, а слѣдовательно, и иконописаніе подверглись открытому, ожесточенному и продолжительному гоненію,—тѣмъ болѣе опасному, что это гоненіе явилось не совнѣ, а возникло въ самой церкви и поддерживалось сильнѣйшей еретической императорской властью. Такъ, именно, въ VIII вѣкѣ, императоръ Левъ Исавръ, по невѣрному политическому расчету,—привлечь къ себѣ расположенность евреевъ и магометанъ и обезпечить миръ своей имперіи,—объявилъ себя врагомъ иконопочитанія, и съ особенной яростью и безумнымъ упорствомъ преслѣдовалъ иконопочитателей. Ему слѣдовали преемники его престола, сынъ Константинъ Копронимъ и внукъ, также Левъ. Но въ то время, когда такіе львы терзали Церковь православную, Господь воздвигъ и защитниковъ православнаго иконопочитанія такихъ, кои обладали также львинымъ мужествомъ и непреоборимой силой вѣры. Это были девяностолѣтній старецъ—Германъ, патріархъ Константинопольскій, и св. Іоаннъ Дамаскинъ—на Востокѣ, а папа Римскій, епископъ Григорій II-й на Западѣ [1]). Въ концѣ ожесточенной и продолжительной борьбы, ихъ усилія увѣнчались блестя-

[1]) Объ этомъ см. Сочиненія *П. Н. Кудрявцева*. Т. 3-й. Москва, 1889. Судьбы Италіи. Гл. VIII-я. Стр. 269-я и сл.

щей побѣдой. Седьмой Вселенскій соборъ раскрылъ, обличилъ, опровергъ и проклялъ ересь иконоборческую. И вотъ, теперь, съ окончательнымъ признаніемъ, что иконопочитаніе не противорѣчитъ догматамъ Православія, иконописаніе получило развитіе, нашло многоразличное примѣненіе и обширное распространеніе. Иконопочитаніе и писаніе иконъ процвѣли.

Процвѣло иконописаніе не только въ собственной Византіи, но и въ союзныхъ съ нею областяхъ и отчасти подчиненныхъ ей. И вотъ почему—памятниковъ для исторіи иконописанія съ того времени осталось, сравнительно, много. Развитіе иконописанія достигло такой степени, что священныя лица и событія изображались даже и на такихъ предметахъ, на коихъ менѣе всего имѣли бы мѣсто, именно—на монетахъ.

Историки иконописанія, раздѣливъ памятники онаго на группы, подвергли ихъ то всѣ вмѣстѣ, то по частямъ—обозрѣнію, обслѣдованію и критикѣ. Такъ на Западѣ, такъ въ недавнее сравнительно время и у насъ въ Россіи. Таковы у насъ труды проф. Ѳ. Ив. Буслаева, граф. Ал. С. Уварова, акад. Н. П. Кондакова, проф. Н. В. Покровскаго, но особенно—акад. Кондакова: его труды создали прямо эпоху въ изученіи иконографіи, и, конечно—къ чести отечественной науки.

Источники по исторіи Византійской иконографіи обыкновенно указываются слѣдующіе: живопись катакомбъ, древне-христіанская скульптура (саркофаги, статуи, лампы, перстни, ампулы, энколпіоны, ларцы, диптихи, оклады Евангелій), затѣмъ—мозаики, лицевыя рукописи, Византійская эмаль и скульптура (барельефы на саркофагахъ, разные камни, металлическіе оклады, энколпіоны и просто пластинки). Такъ многочисленны и столь разнообразны эти памятники—источники, и, тѣмъ не менѣе, въ числѣ ихъ въ нашей литературѣ не встрѣчаются Византійскія монеты, которыя, однако, представляютъ цѣлый рядъ памятниковъ по исторіи иконографіи не только не обслѣдованный, но и *не* затронутый [1]). Разумѣемъ не описаніе Византійскихъ монетъ, а изученіе ихъ иконографіи, точнѣе—монетъ, съ изображеніями священныхъ лицъ и событій, каковыя монеты чеканены какъ въ самомъ Царь-градѣ, такъ и въ городахъ Италіи, особенно въ Венеціи, и какъ золотыя, такъ равно серебряныя и мѣдныя.

Важность этого источника по исторіи иконографіи во многихъ отношеніяхъ не только понятна, но и очевидна.—А именно:

---

[1]) См. напр. *Проф. Н. В. Покровскаго.* Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. С.ПБ. 1893—1894 г.

1.—Матеріалъ монеты, какъ иконы—мѣдь, серебро и золото, менѣе подверженъ измѣненіямъ, чѣмъ другой—дерево, камень и т. п. А потому:

2.—Монета, какъ икона, не подвергается возобновленію, какъ обыкновенно и неизбѣжно и не рѣдко подвергаются иконы на деревѣ, фрески и даже мозаика, чрезъ что они нерѣдко измѣняютъ, а иногда совсѣмъ теряютъ свой подлинный первоначальный характеръ и т. п.

3.—Сохранность изображенія на монетѣ обезпечиваетъ и сохранность точной хронологической даты, а хронологія, это—такъ сказать, скелетъ исторіи.

4.—Обнимая довольно продолжительные періоды, нумизматика представляетъ значительное разнообразіе иконографическихъ формъ, иногда въ ихъ эволюціи.

5.—Если же нумизматика сохраняетъ и одинъ какой-либо иконографическій типъ, то этимъ сохраняется церковное преданіе, что этотъ именно типъ болѣе принятый, излюбленный, какъ отвѣчающій пониманію церкви и духу народа,—*завѣтный* типъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

6.—Иконографія монетъ, возникающая въ средѣ извѣстнаго народа, неизбѣжно носитъ на себѣ черты народности своего времени,—что очевидно въ костюмахъ, вооруженіи, украшеніяхъ лицъ, изображаемыхъ на монетахъ и т. п.

7.—Иконографія на монетахъ, по неодолимой необходимости, должна ограничиваться существенными и главными чертами лицъ и событій: для второстепенностей или подробностей здѣсь нѣтъ мѣста. А потому—

8.—Лицевыя изображенія на монетахъ отражаютъ въ себѣ или установившееся церковное представленіе объ извѣстномъ лицѣ по преданію, какъ о Спасителѣ, Богоматери, св. Маркѣ и др., или—прямо портреты этихъ лицъ, какъ Императоръ Константинъ Великій и др.

А все это, взятое вмѣстѣ, для историка иконографіи имѣетъ громадный интересъ. Сказанное будетъ очевидно изъ разбора самыхъ памятниковъ.—Для сей цѣли беремъ центральный предметъ иконографіи—Лицо Христа Спасителя и самыя выдающіяся событія изъ Его жизни—Воскресеніе и Вознесеніе.

На весьма многихъ Византійскихъ монетахъ и разныхъ временъ встрѣчаются изображенія Христа Спасителя, Богородицы, событій Евангельской исторіи и святыхъ.

Изображеніе Спасителя на одной сторонѣ имѣетъ соотвѣтствующее ему изображеніе императора на другой: такъ что на одной сторонѣ монеты представленъ божественный Παντοκράτωρ—Христосъ Вседержитель, на другой--

земной Αὐτοκράτωρ—Византійскій самодержецъ. Въ этомъ наглядно отображается связь священной власти императора—помазанника Божія съ властью Самого Господа Вседержителя. Это особенно опредѣленно выражено, когда представленіе о царѣ переносится на Христа въ самомъ изображеніи Его,—когда Онъ изображается возсѣдающимъ на тронѣ Византійскихъ цезарей. Такое изображеніе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на золотыхъ монетахъ Императора Алексѣя Комнина.—Есть золотыя монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ Іисуса Христа—съ Евангеліемъ, какъ Закономъ, на другой—Богородица возлагаетъ вѣнецъ на голову Императора. Подпись: Θεοτόκος βοηθεῖ τῷ Δεσπότῃ-*Богородице, помоги Государю* (см. Табл. I, 1 и 2).

По подражанію такимъ монетамъ Византійскихъ императоровъ, и Венеціанскіе дожи также изображали на своихъ монетахъ—на одной сторонѣ Христа, на другой—Ев. Марка, передающаго дожу знамя.—Такова, напримѣръ, серебряная монета дожа Лаврентія Тевполо (1268—1274 г.). На одной сторонѣ Христосъ на царскомъ тронѣ, на другой Ев. Маркъ вручаетъ дожу знамя—штандартъ съ крестомъ. Подпись, съ одной стороны: S. M. Veneti—*св. Маркъ Венеціи*; а съ другой: Ea. Tevpl—*Лаврентій Тевполо* (см. Табл. I, 3 и 4).

Конечно, съ точки зрѣнія историко-иконографической, несравненно болѣе интересны монеты съ изображеніемъ событій изъ жизни Іисуса Христа. Въ этомъ отношеніи выборъ дожей падалъ на главнѣйшія событія Ев. Исторіи, въ которыхъ выразилась вся сила и слава Христа, какъ Царя—Побѣдителя надъ всѣми силами земли и ада. Это событія Воскресенія и Вознесенія. Таковы именно монеты Венеціанскихъ дожей.

А. ВОСКРЕСЕНІЕ.

Какъ извѣстно, изображеніе Воскресенія Іисуса Христа на Венеціанскихъ серебряныхъ монетахъ введено въ XIV-мъ вѣкѣ (около 1329 г.) дожемъ Франческо Дандоло (1328—1339 г.). Это изображеніе повторялось много разъ и на монетахъ его преемниками. [1])

Разсмотримъ изображеніе Воскресенія на серебряной монетѣ дожа Андрео Дандоло (1344—1354 г.).—На одной

[1]) *Engel et Serrure.* Traité de numismatique du Moyen age. Paris, 1905. T. III, p. 1371. «Sur le *demigros* de Dandolo et de ses successeurs, ont voit saint Marc debout recevant du doge, également debout, un cierge; et le revers est réserve au Christ sortant de son tombeau, la croix et l' étendard aux mains. Légende: Xre. resuresit... Le soldino, d' argent, qui remonte aussi à François Dandolo (1329), a plusieurs fois changé de type».

сторонѣ монеты—Воскресеніе Христа, съ подписью: Xre resurexit... *Христосъ воскресе.* На другой сторонѣ св. Евангелистъ Маркъ, покровитель Венеціи, вручаетъ дожу длинное копье. M. Vene. An. Dand.=*Маркъ Венеціанскій. Андрео Дандоло.* (Табл. I, 5 и 6).

Чтобы видѣть, какую важность имѣетъ этотъ типъ изображенія Воскресенія, должно припомнить, какъ оно изображалось въ болѣе древній періодъ христіанскаго искусства. Въ древнѣйшихъ памятникахъ иконографіи оно, обыкновенно, представляется такъ.—Гробъ въ видѣ пещеры или башни; при немъ двѣ Мироносицы, а предъ ними Ангелъ, благовѣствующій имъ радость воскресенія Христа. Такъ на окладѣ Евангелія X—XI в. въ Луврскомъ Музеѣ и на другихъ памятникахъ[1]).

Главный недостатокъ въ этомъ изображеніи очевиденъ: здѣсь нѣтъ главнаго лица, Самого воскресшаго Спасителя, нѣтъ и перваго, самаго торжественнаго момента событія—возстанія изъ гроба, т.-е. того, что и называется собственно ἀνάστασις—*возстаніе*, точнѣе—*стояніе надъ чѣмъ-либо* или *выше чего-либо* (ἀνα=ἀνω—στάσις и ἀνίστημι), т.-е., въ отношеніи къ *воскресенію*—стояніе надъ гробомъ, надъ смертію... Понятно, что съ тѣмъ изображеніемъ не могло мириться живое, творческое воображеніе художника—иконографа. Требовался иной типъ „Воскресенія", гдѣ бы присутствовалъ Самъ Воскресшій.

Существовалъ, однако, нетолько въ XIV-мъ вѣкѣ, къ которому относится монета Ан. Дандоло, но и ранѣе того иной типъ Воскресенія, болѣе выражающій идею онаго.—Именно, еще „начиная съ XII-го вѣка, въ Западной иконографіи встрѣчается изображеніе Воскресенія, гдѣ Христосъ представленъ выходящимъ изъ гроба съ жезломъ и державой въ рукахъ, иногда въ терновомъ вѣнцѣ, Онъ выставляетъ одну ногу изъ гроба, наступаетъ ею на грудь упавшаго стража(?). Ангелы содѣйствуютъ воскресенію(?), открываютъ крышку гроба" и пр. Но „памятники этой формы, говорятъ, очень тяжелы, даже грубы... И Джіотто, говорятъ, первый сообщилъ этой композиціи подобающую легкость, изобразивъ Спасителя *парящимъ* надъ гробомъ со знаменемъ въ рукѣ; на заднемъ планѣ пещера и дерево, означающее садъ(?); внизу упавшіе стражи"[2]). Точнѣе го-

[1]) См. у *Н. В. Покровскаго*: Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно Византійскихъ и Русскихъ. СПБ. 1892 г. Гл. VII, стр. 391 и сл.

[2]) *Проф. Н. В. Покровскій.* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно Византійскихъ и Русскихъ. СПБ. 1892. Стр. 425.

воря, здѣсь въ изображеніи Джіотто, Спаситель, стоя надъ гробомъ, еще касается его поверхности своими ногами. Онъ держитъ *крестчатое* знамя А дерево, стоящее близъ пещеры—гроба, это—пальма, символъ Его страданій и побѣды[1]).

Въ такомъ видѣ „Воскресеніе“ Джіотто, конечно, болѣе выражаетъ идею событія, однако, и оно не полно. Полнѣе и точнѣе оно представлено на монетѣ дожа Андрео Дандоло, хотя кратко и, по необходимости, сжато, только въ основныхъ чертахъ.

Основныя черты „Воскресенія“ на монетѣ Ан. Дандоло таковы.—Внизу гробъ, въ видѣ четвероугольнаго ящика—саркофага, стѣнки его съ внѣшней стороны украшены четверочастными и равноконечными крестами, причемъ на передней сторонѣ ихъ три. Изъ гроба выступаетъ Христосъ, такъ, что одна нога Его, правая переступила за стѣнку гроба, а лѣвая еще во гробѣ. Христосъ въ возрастѣ мужа, съ бородой, густыми волосами. Онъ покрытъ весь широкой плащаницей, одинъ конецъ которой за лѣвымъ плечомъ свободно развѣвается. Голова въ крестчатомъ нимбѣ. Въ правой рукѣ хоругвь на длинномъ древкѣ, принадлежность побѣдителя, въ лѣвой—держава съ четвероконечнымъ крестомъ, прижата къ груди, какъ принадлежность царскаго достоинства. Очевидно, здѣсь представленъ первый моментъ возстанія и выхода изъ гроба сколько въ исторически—естественномъ, столько же и въ идеально—символическомъ видѣ. Именно—

Желая представить первый и главный моментъ *возстанія* Христа изъ гроба—ἀνάστασις, въ исторической естественности и въ собственномъ значеніи онаго, художникъ изобразилъ Его именно выступающимъ изъ гроба,—такъ-сказать, Его первый шагъ за дверь смерти, но изобразилъ Его, какъ побѣдителя, *поправшаго* смерть, и какъ царя, властнаго надъ жизнью и смертью людей. А для этого художникъ воспользовался традиціоннымъ классическимъ и византійскимъ типомъ царя—побѣдителя, каковой унаслѣдованъ изъ древности, даже глубочайшей.

Въ частности, эти три особенности изображенія: попраніе, хоругвь-знамя и держава, имѣютъ свое особое значеніе.

Попраніе. Извѣстно, что у Ассиро-Вавилонянъ, Персовъ и др. побѣдитель изображался въ видѣ исполина, ко-

---

[1]) Джіотто, сынъ Бондоне, великій мастеръ Флорентинской школы (съ 1276 по 1336 г.). О немъ *Фр. Куглеръ*. Руководство къ исторіи искусства. Москва. 1870 г. Ч. 2-я, стр. 181—183-я.—*А. Вышеславцевъ*. Джіотто и Джіоттисты. СПБ. 1881.

торый одной ногой стоитъ на землѣ, а другой *попираетъ* поверженнаго на землю побѣжденнаго врага—плѣнника; въ рукѣ онъ держитъ лукъ—орудіе пораженія,—побѣды. Таково, напримѣръ, изображеніе Саргона на Ассирійскихъ барельефахъ и др. Съ Востока и самый обычай—*попирать* врага, и изображеніе этого дѣйствія перешло и на Западъ, въ побѣдоносный Римъ.—Съ такимъ изображеніемъ, напримѣръ, была выбита медаль, которую посвятилъ Римскій Сенатъ Императору Траяну, побѣдителю Даковъ, съ надписью: Senatus populusque romanus Optimo Principi [1]). Здѣсь изображенъ побѣдитель, правой рукой держащій за горло врага, побѣжденнаго и поверженнаго на землю, а колѣномъ правой ноги наступающаго ему на животъ. Въ лѣвой рукѣ *пальмовая вѣтвь*—символъ побѣды.—Подобное изображеніе встрѣчается на монетахъ Фл. Валентиніана[2]). Здѣсь побѣдитель держитъ побѣжденнаго со связанными руками и колѣнопреклоненнаго врага за голову правой рукой, а въ лѣвой—побѣдную хоругвь съ изображеніемъ креста. (Это такъ называемое labarum). Подпись: gloria Romanorum—*слава Римлянъ*. (Табл. II, 7). Еще болѣе выразительное изображеніе попиранія побѣжденнаго находится на монетахъ Императора Гонорія[3]). Такъ, на одной золотой монетѣ Гонорія изображенъ побѣдитель, который лѣвой ногой стоитъ на землѣ, а стопой правой ноги попираетъ полулежащаго побѣжденнаго врага: въ лѣвой рукѣ надъ головой побѣжденнаго держитъ изображеніе *Ники*—побѣды, а въ правой—крестчатую хоругвь. Кругомъ надпись: Victoria avgusta (Табл. II, 8 и 9). Позднѣе, напримѣръ, на монетахъ Императора Фоки, побѣда изображалась уже въ видѣ Ангела съ крестчатымъ скипетромъ въ правой рукѣ и съ державой подъ крестомъ въ лѣвой. Надпись: victoria avgusta. (Табл. II, 10 и 11). Такъ изображались gloria u victoria Romanorum—*слава* и *побѣда Римлянъ*. Подобнымъ образомъ они воспроизводились и въ изображеніи побѣды и славы воскресшаго Христа. И Онъ изображенъ, какъ побѣдитель смерти, одной ногой—на землѣ, а другой попирающій гробъ: въ Его рукахъ также въ одной—хоругвь—знамя, а въ другой—крестъ, какъ орудіе побѣды, или пальмовая вѣтвь.

Хоругвь. Изображеніе хоругви—или знамени въ рукѣ воскресшаго Спасителя, какъ побѣдителя, умѣстно какъ

---

[1]) М. Ульпій Нерва Траянъ былъ императоромъ отъ 98 по 117 г. по Р. Хр.

[2]) Флавій Валентиніанъ, сынъ Граціана, царствовалъ въ Римѣ отъ 25 Февр. 364 по 17 Ноябр. 375 г., когда братъ его Валенсъ былъ на Востокѣ.

[3]) Гонорій Флавій, сынъ Ѳеодосія Великаго, былъ императоромъ Западной Римской Имперіи (съ 395 по 422 г.), когда его братъ Аркадій былъ на Востокѣ.

нельзя болѣе, потому что и у Римлянъ—язычниковъ оно имѣло выдающееся значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ было и весьма подходящимъ символомъ *креста*, какъ побѣднаго знамени, ибо въ основаніи своемъ оно имѣло крестъ (см. на монетѣ Валентиніана, табл. II, 7). Это отлично выяснилъ знаменитый Тертулліанъ въ своей „Апологіи или защищеніи христіанъ противъ язычниковъ“[1]). Защищая почитаніе Креста христіанами, Тертулліанъ говоритъ язычникамъ: „обожая побѣды, вы сами обожаете кресты, потому что внутренность побѣдныхъ знаковъ состоитъ изъ крестовъ. Войска ваши благоговѣютъ предъ своими знаменами, клянутся ими, предпочитаютъ ихъ всѣмъ богамъ. Превосходныя изображенія, перевязи, драгоцѣнныя ткани на вашихъ значкахъ и знаменахъ какъ будто нарочно изобрѣтены для того, чтобы служить украшеніемъ крестовъ“[2]).—Въ виду этого, тѣмъ удобнѣе было помѣстить изображеніе креста Христова на знамени христіанскихъ императоровъ. Это и сдѣлалъ первый христіанскій императоръ Константинъ Великій, украсивъ свое знамя—labarum изображеніемъ Креста Христова. А впослѣдствіи это изображеніе Креста является на хоругвяхъ Византійскихъ императоровъ и Венеціанскихъ дожей. Таковы хоругви съ изображеніемъ на нихъ креста, напримѣръ, на монетахъ дожей Доминика Кантарини (1041—1069 г.), Л. Тевполо (1268—1274), Андрео Дандоло (1344—1354 г.), Микели Стено (1400—1413 г.) и др.—Посему и Христа, воскресшаго, какъ побѣдителя, должно было изобразить съ крестчатымъ знаменемъ—или только со крестомъ.

Держава. И эта принадлежность царскаго достоинства рѣшительно необходима была въ изображеніи воскресшаго Христа, который, по воскресеніи своемъ, сказалъ Апостоламъ: „дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Мѳ. гл. 28, ст. 18). „Христосъ, по выраженію Апостола Павла, своею смертью лишилъ силы имѣющаго *державу* смерти, то-есть, діавола“ (Евр. 2, 14); а потому тотъ же Апостолъ учитъ, что—„Господу нашему, Іисусу Христу, единому сильному Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, единому имѣющему безсмертіе,—Ему честь и *держава вѣчная*. Аминь“. (1 Тим. гл. 6, ст. 14—16).—Соотвѣтственно сему, на монетахъ Византіи Христосъ изображается нерѣдко

---

[1]) Квинтъ Септимій Флоръ Тертулліанъ родился въ городѣ Карѳагенѣ, въ Африкѣ, около 145 или 150 г. по Р. Хр., умеръ около 220 г. Апологія написана около 220 года.—

[2]) Кв. Септ. Фл. Тертулліана Защищеніе Христіанъ противъ язычниковъ. Переводъ *Аѳанасія, Архіепископа Новороссійскаго* (бывшаго Коломенскаго и Тульскаго). Москва. 1802 г. Стр. 82-я. (Съ портретомъ Тертулліана). См. Творенія Тертулліана. Переводъ *Е. Карнеева*. Ч. I-я. Изд. 2-е. СПБ. 1840. Апологія. Гл. XVI-я. Стр. 40.

въ видѣ императора на тронѣ или съ державой. Посему при изображеніи Воскресенія и на монетахъ Венеціи Христосъ со знаменемъ—хоругвью и съ *державой* или съ *крестомъ*, что тоже, ибо „крестъ царямъ держава". Иначе, при краткомъ—сжатомъ изображеніи событія, какъ на монетѣ, выразить собственно царское достоинство Христа невозможно.

Итакъ, въ этомъ краткомъ, по необходимости сжатомъ изображеніи Воскресенія, какое представляетъ монета дожа Андрео Дандоло, идея событія и достоинство лица Воскресшаго, какъ царя—побѣдителя, переданы превосходно, во всей ихъ полнотѣ и точности.—Моментъ *возстанія* изъ гроба, сила жизненности Воскресшаго, *попраніе* смерти, побѣда и слава Христа, какъ Господа жизни и смерти, какъ Царя міра, все это выражено опредѣленно, отчетливо, въ полномъ согласіи съ истиной Евангелія, съ ученіемъ Апостольскимъ, съ духомъ и бытомъ Византійскихъ императоровъ и Венеціанскихъ дожей.—Увѣковѣчивая основныя черты этого типа Воскресенія, иконографія Венеціанской монеты положительно драгоцѣнна.

Чтобы понять относительное совершенство того типа Воскресенія, какой находится на монетѣ дожа Ан. Дандоло, нужно имѣть въ виду отступленія отъ него въ произведеніяхъ художниковъ, какъ современныхъ ему, такъ и послѣдующаго времени, и сравнить ихъ, именно, со стороны *выраженія идеи* Воскресенія.

Для сравненія, къ иконографіи монетъ ближе всего подходятъ, конечно, барельефы скульптуры. А въ настоящемъ случаѣ, таковы прежде всѣхъ произведенія знаменитѣйшаго изъ трехъ Флорентинскихъ скульпторовъ XV-го вѣка, Люка делла Роббіа, наилучшаго представителя дѣла въ своемъ родѣ, по отзыву спеціальной критики [1]). Два барельефа Люка съ изображеніемъ Воскресенія и Вознесенія имѣютъ выдающееся значеніе. Они оба находятся во Флоренціи, въ церкви Sainte Marie des fleurs, и время ихъ появленія теперь извѣстно точно: барельефъ Воскресенія 1443 года, а Вознесенія 1446 года. Это „двѣ единственныя, величайшія изъ композицій въ произведеніяхъ Люка". (Табл. III, 14—15).—Отдавая предпочтеніе простотѣ въ композиціи фигуръ, художникъ съ особеннымъ стараніемъ отдѣлывалъ красоту ихъ членовъ и общую гармонію ихъ линій. Здѣсь у художника преобладаетъ забота о благородствѣ линій. Онъ стремится къ простотѣ, спокойствію композиціи и чистотѣ стиля. Въ частности,—„въ барельефѣ Воскресенія у Люка симмет-

[1]) Люка делла Роббіа, знаменитѣйшій Флорентинскій скульпторъ, род. ок. 1400 г., ум. по 1480 г. О немъ и его наслѣдникахъ,—также скульпторахъ см. спеціальное изслѣдованіе *Marcell Reymond's*. Les della Robbia. Florence. 1897.—Ср. *Фр. Куглеръ* Руководство. Ч. II, стр 304—305.

рично группируется спящая стража, и глубина сцены украшается пальмой и лавровымъ деревомъ. Около Христа располагаются фигуры летящихъ ангеловъ. Въ особенности выдается благородство фигуры самого Христа, съ прекраснымъ жестомъ руки, указывающей на небо, и нѣжнымъ выраженіемъ Его лица. Одежды безъ ложной манерности, просты, едва обозначаютъ формы тѣла"[1]).—При всемъ превосходствѣ техники и стиля, произведеніе Люка „Воскресеніе", однако, не столь выразительно, какъ типъ его на монетѣ дожа Ан. Дандоло. Въ композиціи Люка гробъ—саркофагъ безъ крестовъ, слѣдовательно, ни историческій, ни символическій. Крышка сзади отложена на землю, а не камень отваленъ отъ пещеры гроба. Христосъ надъ гробомъ стоитъ на уступѣ скалы внутри пещеры,—что не отвѣчаетъ идеѣ воскресенія, какъ побѣды. Голова Христа въ гладкомъ нимбѣ, не крестчатомъ,—что составляетъ умаленіе ореола Воскресшаго. Правая рука, согнутая въ локтѣ, приподнята и длань ея открыта,—это классическій жестъ проповѣдника—оратора, а не благословенія. Лѣвая рука держитъ хоругвь на древкѣ, но безъ креста,—что лишаетъ знамя его значенія, такъ что оно является простой декораціей. У гроба пять стражей воиновъ, три съ одной и два съ другой стороны онаго, но всѣ стражи безъ оружія. По сторонамъ гроба, но внутри пещеры два дерева—пальма и лавръ, что символизируетъ страданія и побѣду, но символы эти не строго и не собственно христіанскіе, и также скорѣе—декорація. Надъ гробомъ, по сторонамъ Христа, по два парящихъ ангела, съ умиленіемъ сложившихъ руки на груди и зрящихъ на Воскресшаго.—Очевидно, въ изображеніи Люка, въ образѣ Воскресшаго, Христосъ не представляется ни какъ Побѣдитель, ни какъ Царь, иначе—этотъ образъ ни исторически—бытовой, ни символически—идейный, хотя барельефъ по исполненію высоко—художественный.

Тѣже недостатки въ изображеніи Воскресшаго, именно съ идейной стороны, еще болѣе очевидны въ произведеніяхъ живописи и—разныхъ школъ того времени, какъ-то: Флорентинской, Падуанской, Умбрійской и Венеціанской, и даже такихъ мастеровъ, какъ Фра Джіованни Анджелико, Мантенья, знаменитый Рафаэль Санціо, Тиціанъ и др.[2]).

---

[1]) *Marcell Reymond.* Les della Robbia. Стр. 30—31.

[2]) О нихъ—*Францъ Кугперъ.* Руководство къ исторіи искусства. Изд. 4-е. Ч 2-я. Москва. 1870. *М. Каррьеръ.* Искусство въ связи съ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества. Т. IV-й. Москва. 1874 г.—*А. Вышеславцовъ.* Искусство Италіи—XV вѣкъ. Флоренція. СПБ. 1883 г.—Умбрія и живописныя школы сѣверной Италіи. СПБ. 1885.—Рафаэль. СПБ. 1894 г.—*Рихардъ Мутеръ.* Исторія живописи. Ч. 1, 2 и 3. СПБ. 1901—1904. *Робертъ Зайчикъ.* Люди и искусство Итальянскаго возрожденія. СПБ. 1906.

1. „Воскресеніе“ Фра Джіованни Беато Анджелико да Фіэзоле (инокъ—бенедиктинецъ, представитель Флорентинской школы, съ 1387—1455 г.). Здѣсь гробъ—саркофагъ, при немъ жены-мироносицы, коимъ Ангелъ благовѣствуетъ радость воскресенія Спасителя. Самъ Воскресшій надъ гробомъ, но весьма высоко, въ облакахъ. Онъ въ крестчатомъ нимбѣ, въ правой рукѣ пальмовая вѣтвь, въ лѣвой хоругвь.—Въ этомъ изображеніи воскресеніе переходитъ уже въ вознесеніе... Очевидно, этотъ типъ также идеальный и въ изображеніи момента воскресенія отступаетъ отъ исторической дѣйствительности и традиціонной, глубоко—догматической символики.

2. „Воскресеніе“ Андреа Мантеньи (представитель школы Падуанской, р. 1431—ум. 1506 г.).—Въ изображеніи у Мантеньи пещера въ горѣ, поросшей мелкими деревьями, это—садъ Іосифа Аримаѳейскаго. Гробъ—саркофагъ, при немъ семь стражей,—библейское число полноты. Крышка гроба открыта вглубь пещеры, къ стѣнѣ. Христосъ правой ногой во гробѣ, а лѣвой наступаетъ на верхній край передней стѣнки саркофага,—слѣдовательно, *попираетъ* гробъ. Правой рукой благословляетъ, лѣвой держитъ хоругвь. Христосъ окруженъ ликами ангеловъ, это—сонмъ Его славы[1]). Здѣсь, очевидно, удерживается отчасти традиціонный идейный типъ, но нѣтъ аттрибута, который показывалъ бы, что Воскресшій не только побѣдитель, *поправшій* врага, но вмѣстѣ и царь, какъ это показано крестомъ—„державой“ на монетѣ дожа А. Дандоло [2]).

3. „Воскресеніе“ Рафаэля Санціо (знаменитѣйшій представитель Умбрійской школы, 1483—1520 г.).—На картинѣ Рафаэля гробъ—саркофагъ. Христосъ стоитъ въ немъ обоими ногами. Обѣ руки Его опущены внизъ, изъ праваго бока истекаетъ кровь, и—только [3]). Изображеніе, въ смыслѣ живописномъ, конечно, художественно въ высокой степени; но въ смыслѣ выраженія идеи воскресенія, оно очень и очень далеко отъ полноты выраженія оной [4]).

---

[1]) Le resurrection du Christ, par Mantegna (Musee de Tours).—Histoire de l'art pendant la renaissance par *Evgene Müntz*. II. Italie l'age d'or. Paris. 1891. p. 593.

[2]) Что касается того, что, по изображенію Мантеньи, Христосъ попираетъ гробъ *лѣвой* ногой, то, какъ видно по памятникамъ, это безразлично. Такъ, напримѣръ, въ миніатюрѣ libro coralo, въ библіотекѣ Мадены, Христосъ *правой* ногой выступаетъ изъ гроба, а лѣвой стоитъ внутри его, какъ на монетѣ А. Дандоло *A. Venturi*. Storia dell'arte Italiana. III, L'arte romanica. Milano. 1904. p. 477. Modena. Biblioteca Estense. Libro corale. XI, H. 8.

[3]) Подлинная картина „Воскресенія“ Рафаэля находится въ Берлинскомъ музеѣ. Акварель ея—въ собраніи Принцессы Евг. Макс. Ольденбургской. См. Каталогъ „Выставки типовъ Христа“. Изд. *Гр. Пр. С. Уваровой*. Рисунокъ 36-й.

[4]) Подобное изображеніе Христа во гробѣ, воспроизведенное

4. „Воскресеніе“—Тиціана Вечелліо (знаменитый художникъ Венеціанской школы, 1477—1576 г.)—Христосъ паритъ надъ землей, выше высокихъ зданій, подъ облаками. Его станъ изогнутъ. Голова безъ нимба. Лицо строгое, величественно—спокойное (какъ на картинѣ „Христосъ съ динаріемъ“). Правая рука энергично приподнята вверхъ, крѣпко сжала древко широкой развѣвающейся хоругви; лѣвая простерта и отклонена къ землѣ. Тѣло все обнажено, только слегка препоясано по чресламъ плащаницей, конецъ которой отошелъ назадъ и развѣвается свободно въ воздухѣ. Внизу представленъ берегъ какъ-будто какого-то широкаго озера или моря (?) [1]). Очевидно, на этой картинѣ художникъ представляетъ Воскресшаго въ Его божественномъ достоинствѣ, парящаго высоко надъ всѣмъ земнымъ,—и въ томъ величіи, какое онъ пріобрѣлъ крестнымъ подвигомъ. Но здѣсь, также очевидно, воскресеніе переходитъ уже въ вознесеніе, какъ у Джіованни Анджелико.

Б. ВОЗНЕСЕНІЕ.

Не менѣе замѣчательно по своей краткости и вмѣстѣ идейности изображеніе Вознесенія Христа на монетахъ Венеціанскихъ дожей.

Соотвѣтственно повѣствованію бытописателя, Ев. Луки, обыкновенно, даже и на древнѣйшихъ памятникахъ, событіе Вознесенія изображается такъ. Внизу—сонмъ Апостоловъ, съ Богоматерью посрединѣ. Вверху—Спаситель въ облакѣ, которое поддерживаютъ снизу два или четыре Ангела.—Таково, напримѣръ, изображеніе Вознесенія на миніатюрѣ Кодекса „Словъ монаха Іакова, XI-го вѣка“. Тоже изображеніе содержитъ ампула въ церкви св. Іоанна въ Монцѣ. Здѣсь въ облакѣ даже престолъ, на которомъ Христосъ, какъ Судія и царь Вседержитель, съ Евангеліемъ.

Понятно, что всей этой обстановки событія Вознесенія на монетахъ изобразить нельзя,—нѣтъ мѣста. Какъ же справился съ своей задачей художникъ?—Онъ изобразилъ то, что существенно въ событіи, и это представилъ въ главныхъ, но не общихъ чертахъ, такъ что въ его изображеніи событіе Вознесенія нельзя, напримѣръ, смѣшать съ Преображеніемъ, и пр. Вотъ именно такое изображеніе Вознесенія мы и встрѣчаемъ, напримѣръ, на золотой монетѣ дожа Микели Стено (1400—1413 г.). (Табл. II, 12—13). Что-

---

скульпторомъ, какъ полагаютъ, Донателло, находится въ собраніи *кн. А. С. Долгорукаго* (въ С.-Петербургѣ). См. журналъ „Старые годы“. Январь. 1908 г. Стр. 15—16. Здѣсь и рисунокъ на особомъ листѣ.

[1]) По фотографіи Ed—ne *Alinari*. P. 2. № 14675 Подлинная картина La Resurrezione di Gesu находится въ Brescia. Chiesa dei ss. Nazaro e Celso.

бы видѣть достоинство изображенія, по его существу, припомнимъ обстановку событія.

По сказанію Ев. Луки, Христосъ, выведши Апостоловъ изъ города Іерусалима на гору Елеонскую, по направленію къ Виѳаніи, поднялъ руки свои, *благословилъ* ихъ: и когда благословлялъ ихъ, сталъ отдѣляться отъ нихъ, и *возноситься* на небо.—Но какъ возноситься?—Бытописатель на это отвѣчаетъ такъ: „Онъ поднялся въ глазахъ ихъ, и *облако* взяло Его изъ вида ихъ“ (Лук. гл. 24, ст. 50—51. Дѣян. гл. 1, ст. 9).—Итакъ, въ сказаніи о вознесеніи, существенныя черты, относящіяся собственно ко Христу, это—„благословленіе“, собственно „вознесеніе“, и „облако“. Это мы и видимъ на монетѣ. Христосъ благословляетъ, но Онъ весь окруженъ облакомъ. Облако имѣетъ въ себѣ девять звѣздъ. Слѣдовательно, это не то, что нимбъ (сіяніе): крестчатый нимбъ особо окружаетъ собственно голову Христа. Слѣдовательно, это—„облако славы“: оно въ небѣ, среди звѣздъ. Должно замѣтить, что это „облако славы“ имѣетъ въ обстановкѣ событія самое важное значеніе: оно совершенно соотвѣтствуетъ церковному пониманію, ибо церковь, въ тропарѣ праздника поетъ, что Христосъ „вознесся во славѣ“, т. е. въ облакѣ славы. А это, въ свою очередь, совершенно соотвѣтствуетъ библейскому представленію о *явленіи Мессіи во славѣ*.

Еще на Синаѣ „сказалъ Господь Моисею: вотъ Я прійду къ тебѣ въ густомъ *облакѣ*, дабы слышалъ народъ, какъ Я буду говорить съ тобою и повѣрилъ Тебѣ навсегда... На третій день, при наступленіи утра, были громы, и молніи, и густое облако надъ горою“ (Исх. гл. 19, ст. 9. 16). Потомъ многократно „облако славы“ спускалось надъ скиніей, или „слава Господня“ являлась въ облакѣ и Господь говорилъ съ Моисеемъ (Исх. гл. 16, ст. 10; 33, 9—11. 19—22; 34, 5; 40. 34—38).—Въ послѣдствіи, при освященіи храма Соломонова—„облако наполняло домъ Господень: и не могли священники стоять въ служеніи; ибо *слава* Господня наполняла храмъ Господень...“ (3 Цар. 8, 10—12). Еще позднѣе, пророкъ Исаія въ томъ же храмѣ созерцалъ Господа на высокомъ престолѣ, а „храмъ исполненъ былъ славы Господней“ (Ис. гл. 6, ст. 1—2 и сл.). По поводу этого видѣнія Ев. Іоаннъ говоритъ, что Исаія видѣлъ именно славу Христа Сына Божія (Іоан. гл. 13, 39—41). Наконецъ пр. Іезекіиль также созерцалъ престолъ Божій въ облакѣ, и на немъ „подобіе Сына человѣческаго“ (Мессіи). Объясняя это видѣніе, самъ Пророкъ говоритъ, что это было „видѣніе подобія славы Господней“ (Іез. гл. 1, ст. 4. 26—28; 2, 1).

Послѣ этого, понятно, почему и на горѣ Преображенія свѣтлое облако освѣтило Христа и Апостоловъ, почему въ этомъ облакѣ явились законодатель Моисей и пророкъ

Илія, и былъ слышенъ изъ облака гласъ, говорящій: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный...“ (Мѳ. 17, 5. Мр. 3, 7). Ев. Лука прямо говоритъ, что Моисей и Илія явились именно *во славѣ,* т. е. облакѣ, и что Апостолы увидѣли *славу* Христа (Лук. 9, 31—32). А Церковь воспѣваетъ: *преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ твоимъ славу свою...* Теперь понятно также, почему явилось то же облако и при вознесеніи Христа на горѣ Елеонской. Этого именно требовало божественное достоинство Мессіи, какъ законодателя, царя и судіи міра,—какимъ Онъ представлялся въ Ветхомъ Завѣтѣ, и какимъ открылся въ Новомъ, особенно въ событіяхъ Преображенія, Воскресенія и Вознесенія.

Что на сопоставленіе ветхозавѣтнаго „облака славы“ съ новозавѣтнымъ мы имѣемъ право, за это ручаются самые памятники иконографіи. Такъ въ Сирійскомъ Евангеліи, писанномъ Раввулою въ 586 году, при изображеніи вознесенія, Христосъ помѣщенъ въ „облакѣ славы“, именно, какъ въ видѣніи пр. Іезекіиля Сынъ Человѣческій; подъ облакомъ—здѣсь также, какъ у Іезекіиля, колесница съ четырьмя символическими животными, и пр. [1]).

Итакъ, изображая вознесеніе Господа на монетѣ, по необходимости сжато, въ существенныхъ чертахъ, художникъ, прежде всего и главнымъ образомъ, долженъ былъ представить Его не только благословляющимъ, не только парящимъ въ воздухѣ (какъ нѣкоторые художники изображали Воскресшаго), но именно въ „облакѣ славы“. Однако и самое изображеніе въ облакѣ здѣсь еще не было довольно опредѣленнымъ показателемъ событія вознесенія. Синай, Сіонъ, Ѳаворъ и Елеонъ, вотъ тѣ священныя горы, вершины коихъ были осѣнены облакомъ славы Бога и славы Сына Божія. Посему, чтобы краткое изображеніе вознесенія не смѣшать, ни съ Преображеніемъ, ни съ Воскресеніемъ, художникъ на монетѣ представилъ „облако славы“ въ звѣздахъ, и слѣдовательно—Христа вознесшагося въ облакѣ славы на небо, и, такъ сказать, видимо поставившаго престолъ свой среди звѣздъ. На монетѣ М. Стено такихъ звѣздъ *девять*, какъ-бы по числу девяти чиновъ ангельскихъ. Но, кажется, нѣтъ нужды видѣть въ этомъ числѣ символизмъ, такъ какъ на монетѣ дожа Доминика Кантарини такихъ звѣздъ двѣнадцать. Нѣтъ, эти звѣзды указываютъ только на небесную твердь, среди которой поставилъ Свой тронъ Христосъ, Царь міра и Господь Вседержитель.

---

[1]) Сирійское Евангеліе писано въ 586 году монахомъ Раввулою, въ монастырѣ Засба, въ Месопотаміи. Съ 1497 года оно хранится въ библіотекѣ Св. Лаврентія во Флоренціи. См. *Н. В. Покровскаго.* Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Стр. 172.

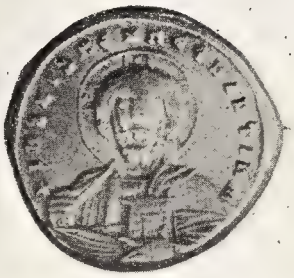
Вообще, не въ обстановкѣ и художественной отдѣлкѣ рисунка сила искусства, а въ выраженіи полноты и возвышенности идеи, какъ самаго существа данной картины. Вотъ почему, при всей краткости своей, идея Вознесенія на монетѣ М. Стено сильнѣе выражена, нежели, напримѣръ, на барельефѣ Люка делла Роббіа, При всемъ превосходствѣ художественной стороны рисунка этого барельефа, въ изображеніи Вознесшагося здѣсь нѣтъ главнаго—ореола *божественной славы* Господа неба и земли (Табл. III, 15).

Не рѣдко слышатся упреки по отношенію къ нашей древней русской иконописи вообще и Владиміро-Суздальской въ частности, въ томъ, что она-де не художественна, не изящна, иной разъ прямо не грамотна въ своемъ родѣ. О, кончено, это такъ!—если сравнивать ее съ живописью Итальянскихъ школъ. Но не будемъ забывать, что иногда и подъ грубымъ вретищемъ богобоязненнаго старца—схимника хранится—таится святое сердце, съ его богатствомъ благодатныхъ чувствъ, или изъ-подъ невзрачныхъ чертъ морщинистаго чела постника—подвижника ярко просвѣчиваютъ его возвышенныя мысли. Такъ и подъ неизысканными ,иной разъ дѣтски-простыми формами въ какомъ-либо заурядномъ произведеніи простеца—иконописца доморощенной Суздальской школы традиціонно хранится такая глубокая и строго—православная идея или представляется вѣрный символъ, какихъ нѣтъ и въ произведеніяхъ Рафаэля, при всемъ превосходномъ блескѣ изящества его несравненныхъ произведеній. Иное дѣло—красота и творчество, а иное—идея догматическая и православное церковное преданіе: то можетъ быть и бываетъ восхитительно; а это непремѣнно должно быть и есть поучительно и назидательно. И вотъ почему мы должны дорожить иконографическими памятниками родной церковной старины, хотя бы и Суздальской, не смотря на отсутствіе въ нихъ проблесковъ могучаго творческаго таланта или прелести формъ въ рисункѣ: тутъ нужно изучать присущія имъ православныя идеи, исконный церковный символизмъ. И какъ не обращать на это вниманія и какъ этого не цѣнить!—Вѣдь идея—душа всякаго искусства... Какъ грубы рисунки Воскресенія и Вознесенія на Византійскихъ-Венеціанскихъ монетахъ, и—однако же—какъ сильно, полно и точно выражены въ нихъ идеи этихъ двухъ важнѣйшихъ событій изъ жизни Господа!

Н. И. Троицкій.

г. Тула.

Таблица I.



1.

2.

3.

4.

5.

6.

П. М.

Таблица II.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

Таблица III

14.

LA RESURRECTION.
Sainte Marie des Fleurs à Florence.

15.

L'ASCENSION.
Sainte Marie des Fleurs à Florence.

О СИМВОЛИЗМѢ

въ старой русской иконописи.

Среди многочисленныхъ отраслей, которыя охватываетъ молодая наука исторіи русскаго искусства, едва ли не самой важной нужно признать исторію красочныхъ священныхъ изображеній, т. е. стѣнописей и особенно иконописи. Въ то время, какъ изящныя въ своей прихотливости произведенія нашего стараго зодчества разсѣяны по немногимъ, чаще болѣе крупнымъ центрамъ былой культурной жизни, какъ Владиміръ, Москва, Ярославль, Великій Ростовъ и Новгородъ, когда художественному полету мысли въ созданіяхъ русской скульптуры,—ваянія и рѣзьбы, мѣшали византійскія традиціи, закрывавшія для статуй область религіознаго,—иконопись можно назвать самымъ могучимъ и всеобъемлющимъ искусствомъ русскаго средневѣковья. Покровительствуемая церковью, любимая народомъ, икона достигла того, что является еще понынѣ недосягаемымъ идеаломъ всѣхъ другихъ искусствъ: она стала необходимой принадлежностью народнаго быта отъ раззолоченнаго кіота въ царскомъ дворцѣ до убогой полочки въ красномъ углу деревенской хаты. Ясно, что какъ бы ни было далеко отъ Россіи начало иконописи, какъ бы ни были устойчивы въ ней традиціи застывшаго византизма, это искусство стало нашимъ роднымъ по праву давности: его идеи залегли въ тайникахъ народнаго міросозерцанія, а формы повліяли на развитіе художественнаго вкуса зрѣющей національности.

Да и такъ ли незыблемы эти византійскія традиціи въ русскихъ иконахъ? Неужели молодой, способный народъ, въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ изображая на иконахъ дорогіе ему лики святыхъ угодниковъ, или, покрывая цѣлыми красочными поэмами широкія стѣны старинныхъ соборовъ и монастырей, могъ всегда и вездѣ покоряться придирчивымъ требованіямъ подозрительнаго Стоглава, чтобы иконники не рисовали—„отъ самомышленія и своими догадками“.—Самая настойчивость предостереженій: „да отъ своего замышленія ничтоже претворятъ“, не указываетъ ли на необходимость повтореній этого предостереженія. По свидѣтельству Буслаева, выписки изъ цитируемой здѣсь

43-й главы [1]) постоянно помѣщались въ видѣ предисловія къ иконописнымъ подлинникамъ, т. е. указывалось на то, что священныя изображенія трактовались порой самовольствомъ, а—„не по образу“ [2]). Это самовольство могло развиваться тѣмъ удобнѣе, что при слабыхъ образовательныхъ средствахъ контролировать чистоту иконописной традиціи было гораздо труднѣе, чѣмъ провозгласить необходимость этой чистоты въ принципѣ. Такъ Московскій соборъ, осудившій протестъ дьяка Висковатаго, извѣстнаго представителя консервативныхъ взглядовъ на иконописныя новшества, проникшія въ Москву послѣ пожара въ 1554 г., подтвердилъ православность нѣкоторыхъ новыхъ композицій; а между тѣмъ одна изъ иконъ, вызвавшихъ недоумѣніе старозавѣтнаго дьяка, дѣйствительно, оказывается очень близкой передачей картины Перуджино [3]); мало того, даже строгія наставленія подлинниковъ, которыя должны были сдерживать своемудріе иконописцевъ, сами вносили грубыя ошибки въ богословскую мысль живописца. Напр., въ Большаковскомъ спискѣ подлинника XVI-го вѣка предписывается позади Богородицы на иконѣ Благовѣщенія изображать городъ Кіевъ!

Да и свѣдущіе—„святители и отцы духовные“—едва ли часто имѣли время и желаніе интересоваться ходомъ дѣла въ иконныхъ мастерскихъ ихъ епархіи или прихода. И вотъ мы видимъ, какъ рядомъ съ богобоязненною преданностью церковнымъ положеніямъ, или просто рутинной косностью, въ работѣ старыхъ иконописцевъ постепенно начинаетъ проглядывать и нѣчто новое, самобытное, то въ утрировкѣ или смягченіи византійскихъ традицій, то въ техническихъ пріемахъ разныхъ пошибовъ, то даже въ чертахъ мѣстнаго быта, русскихъ характеровъ и сѣверной природы [4]).

Одной изъ такихъ важнѣйшихъ традицій византійскаго искусства, имѣющихъ свою исторію въ жизни русскаго иконописанія, является *символизмъ*.

Конечно, такое многообъемлющее явленіе, какъ символизмъ нашего стараго религіознаго искусства, можетъ дать широкое поле для серьезныхъ научныхъ изслѣдованій; цѣлью же настоящаго краткаго доклада является только отмѣтить нѣкоторыя стороны этого явленія, имѣющія значеніе для характеристики русской иконописи и отчасти самого народа.

---

[1]) Буслаевъ—„Общія понятія о русской иконописи“.

[2]) „Стоглавъ“—глава XLIII.

[3]) Ровинскій „Обозрѣніе иконописанія“.

[4]) Н. Первухинъ—„Сложныя композиціи—стѣнописей Ярославскаго края“.

Символъ, какъ внѣшнее условное выраженіе невещественной стороны религіозныхъ вѣрованій, является неизбѣжной принадлежностью всякаго культа и, чѣмъ глубже, чѣмъ духовнѣе религія, тѣмъ болѣе она нуждается въ символахъ, чтобы придать своимъ истинамъ жизненную наглядность.

Христіанство, выросшее на почвѣ, создавшей эллинизмъ съ его живописными и пластическими образами, многіе изъ своихъ первоначальныхъ символовъ получило въ наслѣдство отъ своего врага—языческаго классицизма. Сырые своды римскихъ катакомбъ и донынѣ покрыты изящными образами сладкогласнаго Орѳея (Спаситель, привлекающій къ себѣ озвѣрѣвшихъ и окаменившихся), хитроумнаго Улисса, не внимающаго соблазнительному пѣнію сиренъ и т. п., а полуобнаженные юноши и старцы символизируютъ горы, вѣтры или рѣки въ раннихъ христіанскихъ мозаикахъ.

Параллельно этимъ образамъ на зарѣ христіанскаго искусства мы начинаемъ въ немъ встрѣчать символическіе образы непосредственно евангельскаго происхожденія. Таковы: Добрый пастырь съ овечкой на плечахъ, голубь, гроздь винограда и извѣстная рыба.

Прежде чѣмъ религіозная живопись проникла въ область русской жизни, эти художественныя формы пережили свою исторію: нѣкоторыя изъ нихъ исчезли изъ христіанскаго сознанія совершенно, какъ напримѣръ, образы классическихъ героевъ и боговъ въ видѣ символа Христа и вѣрующихъ, нѣкоторыя стали встрѣчаться рѣже, напримѣръ, павлинъ, олицетворяющій безсмертіе, еще изображенъ на страницахъ Святославова Изборника. Въ общемъ, символикѣ этого рода постепенно было отведено гораздо болѣе узкое мѣсто среди священныхъ изображеній: не было нужды аллегорически представлять взору вѣрующихъ то, что не могло уже подвергнуться профанаціи невѣрныхъ, да и классическія воспоминанія потускли въ темное время средневѣковья. Но все таки, повидимому, Западъ дорожитъ этой стороной искусства болѣе, чѣмъ Востокъ, и эпоха Возрожденія сравнительно легко воскресила интересъ къ языческимъ аллегоріямъ, доведя смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ началъ до утрировки. Припомнимъ, какъ въ эпопеѣ Камоенса Венера уживается съ Богоматерію, а на картинѣ Мурильо Богородицу окружаютъ гирлянды изъ амуровъ.

Можно было сказать, a priori, что у насъ на Руси эти классическія тенденціи не привьются. Правда, почтительные къ древнему преданію, мастера болѣе ранней эпохи еще пишутъ на иконѣ Крещенія мужскую фигуру—олицет-

вореніе рѣки Іордана, а изображая Сошествіе Св. Духа, подъ аркой, ниже апостоловъ, помѣщали старика: „риза на немъ червлена, вѣнецъ царскій на главѣ его, въ рукахъ убрусъ бѣлъ, а въ немъ двѣнадцать свитковъ“ [1]).

Согласно дальнѣйшему объясненію цитируемаго толковаго подлинника, согласнаго съ подлинниками греческими, (напр., Діонисія), этотъ старецъ есть символъ міра (Космосъ), и его вѣнецъ—царство грѣха. Объясненій же символа таинственной фигуры Іордана русскіе подлинники уже вовсе не знаютъ.

Можно смѣло сказать, что эти и имъ подобные символы не вошли въ религіозное сознаніе русскаго человѣка, но исчезли изъ его художественнаго представленія. Слишкомъ мы были далеки даже отъ слабыхъ начатковъ классическаго образованія, чтобы найти символъ въ безсмысленныхъ съ христіанской точки зрѣнія формахъ. Но подобныя формы олицетвореній порой необходимы для живописи. Какъ, напр., художникъ можетъ представить намъ вѣтеръ, или сѣверъ, самихъ въ себѣ, независимо отъ вызывающихъ или окружающихъ ихъ условій? Наша иконопись въ такихъ случаяхъ очень разумно создала новыя олицетворенія, въ противоположность классическимъ, обладающія полной жизненностью для религіозныхъ мысли и чувства. Это ангелы, управляющіе явленіями жизни по Божьему повелѣнію. Такъ они являются представителями запада и сѣвера на сложной композиціи XVI вѣка [2]). „Почи Богъ въ день седьмый“.— Они олицетворяютъ собой стихіи на извѣстныхъ иконахъ— „Неопалимой Купины“.

Въ деревянной и соломенной Руси это „во имя“ пользуется большимъ почитаніемъ, какъ изображеніе Божьей Матери, Избавительницы отъ „огненнаго знаменія“. Между тѣмъ иконографія должна дать гораздо болѣе широкое толкованіе этому сюжету: онъ изображаетъ Божію Матерь, какъ покровительницу среди всякихъ напастей стихійнаго характера: труса, потопа, огня, меча и даже междоусобныя брани.

На прекрасной старинной иконѣ этого „во имя“ въ Тверскомъ соборѣ мы видимъ подобныя бѣдствія въ видѣ ангеловъ съ соотвѣтствующими аттрибутами: такъ слѣва помѣщенъ—„ангелъ огнь палящь“;—на рукахъ у него клубится пламя, среди котораго стоитъ маленькая обнаженная фигурка, которая напоминаетъ намъ о непосредственныхъ олицетвореніяхъ типа, описаннаго выше. Вверху парнтъ

---

[1]) Буслаевъ.

[2]) Собраніе Филимонова.

„духъ, производяй мглы и затмѣнія“. Это затменіе остроумно изображено чашей, которой ангелъ наполовину закрылъ лицо, символизирующее небесное свѣтило. Духи грома, града, меча и т. п. расположены въ pendant этимъ образамъ. Но какъ бы желая смягчить тяжелое впечатлѣніе отъ этихъ грозныхъ фигуръ, на нижнемъ фонѣ иконы русская иконопись рисуетъ кроткаго ангела. Это—„духъ благоуханій и кадила“. Кромѣ кадила онъ держитъ пылающую свѣчу и какъ бы молится Царицѣ неба и земли о приносящихъ ей молитвы, чистыя, какъ воскъ, благоуханныя, какъ ѳиміамъ.

Странно только, что среди группы символовъ этого рода, имѣющей корни въ живописи и мозаикѣ еще первыхъ вѣковъ, русская иконографія вовсе не популяризируетъ аллегорій, навѣянныхъ самимъ Евангеліемъ. Кромѣ голубя, котораго даже можно не считать символомъ, а историческимъ воспоминаніемъ явленія Св. Духа, на старыхъ иконахъ мы не видимъ ни таинственнаго агнца, ни Добраго Пастыря. Если объяснить эту холодность къ первому сюжету строгимъ слѣдованіемъ правилу VI вселенскаго собора:—„Христа Бога представляти по человѣческому естеству вмѣсто ветхаго агнца“,—то труднѣе понять нежеланіе отнести ко Христу Имъ же Самимъ данный трогательный образъ Добраго Пастыря.

Не сказалось ли въ этомъ глубокое благоговѣніе народа къ Спасителю, предпочитавшее представлять Его Царемъ—Вседержителемъ, къ ногамъ котораго рабски припадаютъ даже цари и патріархи, а также нѣсколько суровый, покаянный аскетизмъ, чаще выдвигавшій образы строгаго Законоположителя истины и Мздовоздаятеля, чѣмъ кроткаго Сына Человѣческаго.

Иное развитіе получилъ въ нашей иконописи тотъ символизмъ, который можно назвать *„символизмомъ аттрибута“*.

Корни этого явленія мы также должны искать въ классическомъ искусствѣ. Можно считать установленнымъ, что до эпохи послѣднихъ Вселенскихъ соборовъ на выработку пріемовъ иконографіи Востока и Запада значительно повліяло главное пластическое искусство древности—скульптура. Бѣдность, или даже полное отсутствіе обстановки, торжественно—застывшее выраженіе лика, монументальность позы въ поклонной иконѣ очень напоминаютъ раскрашенные монументы. Но стѣсненная въ своихъ теологическихъ пріемахъ, скульптура, создавая такой монументъ въ честь какого-либо героя или божества, для болѣе точнаго указанія на званіе, подвигъ, или просто типичную черту изображаемаго образа, еще въ цвѣтущую пору греческаго ваянія, выработала богатую символику аттрибутовъ; припомнимъ символы каж-

дой музы, Зевесова орла, покрывало Весты, лавровые и дубовые вѣнки побѣдителей.

Христіанство, выдвигая вмѣсто языческихъ идеаловъ силы, ума и ловкости новые идеалы подвига, мудрости и самоотреченія, такъ же охотно стало вѣнчать въ искусствѣ своихъ подвижниковъ аттрибутами ихъ совершенствъ. У языческаго ваянія оно взяло не только общій пріемъ, но и многія готовыя формы.

Таковы—блестящій ореолъ (нимбъ) или пальмовая вѣтвь въ рукѣ мученика, побѣдившаго козни дьявола. Но, конечно, рядомъ съ этими создавались и новыя формы символики: человѣкъ, пострадавшій за крестъ Христа, могъ быть изображенъ съ этимъ крестомъ въ рукахъ; епископы, какъ первые служители и глашатаи евангельскихъ истинъ, стали изображаться съ евангеліемъ; безмездный врачъ получилъ въ руки традиціонный ковчежецъ, храмоздатель — церковку.

Одежда и головные уборы служили также опредѣленнымъ аттрибутомъ—діакона, монаха, царя и т. п. Въ противоположность символикѣ олицетвореній, эта символика аттрибутовъ чрезвычайно популярна въ русской иконографіи. Мы не только тщательно удержали у себя всѣ указанія византійскаго источника, но и развивали и пополняли ихъ новыми формами мѣстнаго происхожденія.

Такъ интересная икона Св. Фрола и Лавра, покровителей лошадей, (Коллекція Рязанскаго Музея), украшена изображеніемъ русскихъ дугъ и бубенчиковъ; мученикъ Трифонъ, послѣ извѣстнаго чуда съ царскимъ сокольничимъ, получилъ неизвѣстный греческой иконографіи аттрибутъ— бѣлую птицу на протянутую руку.

Возможно, что миніатюрные монастыри, которые теперь стали такъ обычны около фигуры тѣхъ или другихъ подвижниковъ, (напр. Соловецкихъ или Нила Столобенскаго), развились изъ той церковочки на рукахъ Святого, (см. росписи новгородскія), которая символически говорила молящимся о церкви, основанной этимъ угодникомъ.

Чрезвычайно цѣнное въ историческомъ отношеніи изображеніе тверского кремля, помѣщенное на древней иконѣ Князя Михаила и матери его Блаженной Ксеніи, можно объяснить именно развитіемъ этой идеи: указать на то, что Благовѣрный князь вмѣстѣ съ матерью украсили родной кремль каменнымъ соборомъ. Причиной популярности подобной символики на Руси безусловно надо счесть ея жизненную пользу: символическій аттрибутъ вполнѣ замѣнилъ для безграмотнаго народа неразборчивую надпись.

Поэтому и теперь, не находя знакомаго аттрибута, крестьянинъ неохотно купитъ икону, не увѣренный въ вѣрности изображеннаго образа, или дастъ этому отсутствію свое объясненіе. Такъ приходится слышать въ простой средѣ, что Никола „въ шапочкѣ"—это зимній, а „безъ шапочки" – лѣтній.

Любопытно, что съ поклонной иконы аттрибутъ переходитъ очень часто и на икону, такъ сказать, жанровую, несмотря на то, что этимъ обыкновенно нарушаются самые элементарные принципы реализма. Разсматривая стар. образъ Николая Чудотворца съ дѣяніями въ Тверскомъ соборѣ, мы можемъ съ удивленіемъ видѣть, какъ царь Константинъ легъ спать на постель въ діадемѣ, или Святитель, покупая на рынкѣ коверъ, стоитъ передъ торговцемъ въ омофорѣ и не выпускаетъ изъ руки евангелія.

Такимъ образомъ, эти символы званія или подвига претворились для наивнаго народнаго сознанія, такъ сказать, „въ постоянные эпитеты". Слѣдовательно, въ иконописи мы видимъ то же явленіе, что и въ эпической поэзіи, гдѣ Калинъ-царь самъ себя именуетъ собакою, татары иначе не аттестуютъ свой народъ, какъ поганымъ, а князь Владиміръ, даже отправляя богатыря въ глубокій погребъ, называется—„ласковымъ солнышкомъ".

Внимательная къ символикѣ одежды и указанныхъ аттрибутовъ, старая русская иконопись сравнительно равнодушна къ точному изображенію тѣхъ частей—„доличнаго", которыя живописуютъ обстановку жизни Святого, или воспоминаемаго событія Когда икона является одноличнымъ изображеніемъ, то нерѣдко никакой обстановки не дается: Святой выступаетъ передъ нами на фонѣ торжественной позолоты, или мистической прозелени, можетъ быть, имѣющей отдаленное сходство съ тонами сѣвернаго неба; подъ ногами иногда каменистая земля, какъ на иконахъ Предтечи, иногда зелень—такъ называемое травное письмо. Если же для евангельской сцены, или картины изъ жизни святого, требовалась болѣе сложная обстановка, иконописецъ не затруднялся думать о неизвѣстныхъ ему законахъ перспективы, а обыкновенно намекалъ на эту обстановку тоже посредствомъ своеобразнаго символизма декорацій: напр., желая указать, что трактуемое имъ событіе произошло въ церкви, иконописецъ надъ головами изображенныхъ лицъ рисовалъ полоску крыши съ церковными маковками; фронтонъ говорилъ о цѣломъ зданіи; одиночное зданіе представляло изъ себя городъ.

Эта наивность пріемовъ живописи и пренебреженіе къ тѣмъ подробностямъ, которыя не относятся непосредственно

къ изображаемому лицу—есть распространенное явленіе искусствъ на извѣстной ступени. Былины и древнія сказки тоже не особенно щедры и точны въ изображеніи внѣшнихъ условій жизни; византійскія мозаики и миніатюры вовсе не прихотливы на этотъ счетъ, и даже зрители временъ Шекспира довольствуются на сценѣ такими намеками на декораціи, которые иначе нельзя назвать, какъ символическими.

Конечно, сказанное относится по преимуществу къ старымъ письмамъ; въ новыхъ палаты начинаютъ дѣлаться сложнѣе и фигурнѣе. Вообще, XVIII вѣкъ, особенно, его вторая половина, въ смѣлыхъ попыткахъ совмѣстить восточныя традиціи съ западными новшествами, внесъ много разнообразія и сложности въ русскія стѣнописи и иконопись. Какъ извѣстно, не имѣя своего, „окна въ Европу“, наши предки пытаются въ то время заглянуть въ этотъ заповѣдный Западъ черезъ свою сосѣдку—Польшу. Польское вліяніе не могло не отразиться и на развитіи интересующаго насъ иконописнаго символизма.

Нельзя сказать, чтобы это вліяніе было вполнѣ благотворно: польское искусство той эпохи было всецѣло заражено схоластикой, этимъ нездоровымъ переживаніемъ средневѣковой старины, въ которой сохранилась средневѣковая косность, но утратилась прелесть непосредственной наивности. Въ иконописи, какъ и въ проповѣдяхъ Голятовскаго, или виршахъ Полоцкаго, мы нерѣдко видимъ рядъ чрезвычайно искусственныхъ сопоставленій, натянутыхъ контрастовъ и неизбѣжныя аллегоріи. Таковы нѣкоторыя слабѣйшія стѣнописи Ярославскаго края [1]). Для образца я позволю себѣ описать очень любопытную икону—картину, которая, по преданію, написана царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ и виситъ въ церкви Іоанна Воина за Москвой рѣкой.

Аптека, врачующая грѣхи: Два лекаря съ ящиками; надъ шкафами—длинная полка съ малыми сосудами, а на полу большой сосудъ и котелъ съ хворостомъ. Съ правой стороны изображенъ съ большою сѣдою бородой монахъ въ мантіи; надпись сзади его (въ клеймѣ) поясняетъ: „пріиде монахъ нѣкій ко врачу и рече ему: есть-ли у тебя быліе, врачующее грѣхи?“ Врачъ-старецъ представленъ по другую сторону сидящимъ за прилавкомъ, на которомъ видна банка съ цвѣтками и одна вѣтка. Покрывало у врача на головѣ голубое, а одежда, въ видѣ подрясника, красная, освѣщаемая огнемъ горящаго хвороста. Въ рукахъ его раскрытая книга, въ которой читаемъ: „Отвѣщавъ же рече ему: „есть, пріиди и возьми“; а на длинномъ свиткѣ, опущенномъ изъ-

[1]) Напр. „Апоѳеозъ меча“ См. „Сложныя композиціи стѣнописей Ярославскаго края“. Труды Тверского съѣзда.

подъ книги на полъ, написано: корень послушанія, листвіе терпѣнія, цвѣтъ чистоты, плодъ благочестивыя вѣры изотри въ горшкѣ безмолвія и пересѣй въ рѣшетѣ разсужденія; всыпли въ котелъ добрыхъ дѣлъ и прилей воды отъ слезъ молитвенныхъ и подгнети огнемъ Божія любви и посоли солію братолюбія, и измѣшай все весельцемъ покаянія грѣховъ, и, егда огнемъ учредится, простуди милостынею и вкушай лжицею страха Божія—и исцѣлѣеши".

Какъ видимъ, трактовка сюжета крайне затѣйлива, но едва ли можно въ ней подмѣтить проблескъ искренняго чувства,—перваго признака художественнаго таланта?

А это чувство безспорно проглядываетъ въ очень многихъ иконахъ хорошаго стараго письма. Такова прекрасная композиція XVI вѣка, хранящаяся въ музеѣ Кіевской Духовной Академіи. Ее можно назвать первыми словами приведенной въ текстѣ подъ иконой молитвы: День прешедъ, молюся.

Вверху иконы, какъ бы выше тьмы и свѣта, Св. Троица. Ниже влѣво ангелъ уноситъ солнце. Въ центрѣ—безмятежно спитъ человѣкъ, а къ нему уже слетаютъ свѣтлый ангелъ и темный демонъ. „Душе моя, душе моя, возстани, что спиши"? Такъ гласитъ надпись около постели спящаго. Нѣсколько ниже таинственная черная фигура приноситъ луну. Въ самомъ низу иконы, какъ художественное послѣсловіе: монахъ и мірянинъ задумчиво смотрятъ на мертвеца, уже положеннаго въ гробъ.

Развѣ мы можемъ отказать безыменному художнику, создавшему эту трогательную икону, въ изяществѣ композиціи и въ непосредственномъ глубокомъ чувствѣ?

Отъ нея такъ и вѣетъ суровой мистической грустью сѣвера, предчувствіемъ смерти и покорной религіозностью. Но большинство такихъ прекрасныхъ созданій нашей иконописи разсѣяно по раскольничьимъ молельнямъ, по мало доступнымъ частнымъ собраніямъ, или даже по божницамъ обыкновенныхъ православныхъ, такъ что являются для насъ неизвѣстными.

Какой поэтому важной задачей будущаго является созданіе „національной галлереи русской иконописи!" Какъ много бы мы изъ нея вынесли для пониманія той великой загадки, которой и донынѣ является для насъ душа русскаго народа.

Н. Г. Первухинъ.

ИКОНА

съ изображеніемъ Святой Троицы.

Въ моей коллекціи снимковъ находится снимокъ съ иконы съ такимъ изображеніемъ Бога во Св. Троицѣ, что оно невольно обращаетъ на себя вниманіе. Оригинальность изображенія заключается въ томъ, что оно нѣсколько отступаетъ отъ того представленія Св. Троицы, какое привыкли мы видѣть на иконахъ. Обычное изображеніе Св. Троицы—это представленіе Ея въ видѣ трехъ ангеловъ, явившихся Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ. Весьма часто можно встрѣтить на иконахъ изображеніе Св. Троицы, которому, какъ намъ кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ наименованіе „Предвѣчный Совѣтъ". Оно воспроизводитъ Бога Отца (въ видѣ старца), возсѣдающаго на тронѣ, по правую отъ Него сторону—Бога Сына, тоже возсѣдающаго; между Ними вверху, по срединѣ, какъ бы въ облакахъ паритъ Святой Духъ въ видѣ голубя съ распростертыми крыльями. Подобныя изображенія Св. Троицы можно видѣть на иконахъ Страшнаго Суда, на однихъ изъ складней Ростовскаго музея и на иконѣ Спасителя въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ у южныхъ дверей алтаря, писанной на стеклѣ. Очень нерѣдко, особенно въ куполахъ церковныхъ, можно видѣть изображеніе Св. Троицы подъ наименованіемъ „Отечество". Въ этомъ случаѣ Богъ Отецъ изображенъ обыкновенно въ видѣ старца; въ лонѣ Его Богъ Сынъ, въ типѣ Еммануила; надъ главою Еммануила, на персяхъ Бога Отца,—Духъ Святый, въ видѣ голубя. Но весьма рѣдко встрѣчается близкое къ указанному типу изображеніе Св. Троицы, въ которомъ въ лонѣ Отца, вмѣсто Еммануила помѣщается распятіе Христа Спасителя. Чаще на иконахъ распятія встрѣчается вертикальное изображеніе Св. Троицы. Здѣсь обыкновенно центромъ изображенія является Іисусъ Христосъ, распятый на крестѣ; надъ главою распятаго Христа—Духъ Святый, въ видѣ парящаго голубя; выше

въ облакахъ ножное изображеніе Господа Саваоѳа. Такія, наприм., изображенія Св. Троицы можно видѣть на одной изъ иконъ ризницы Ростовскаго Аврааміева монастыря, и на двухъ крестахъ, принадлежащихъ той же ризницѣ. Но, повторяемъ, изображенія Св. Троицы съ распятіемъ въ лонѣ Господа Саваоѳа въ нашей иконографіи вообще не распространенны. Намъ однако представился случай не только видѣть икону съ такимъ изображеніемъ, но и сдѣлать съ нея вышеупомянутый снимокъ.

Икона эта имѣетъ въ вышину 9½ вершковъ и въ ширину 16-ть вершковъ. Тремя смежными арками, опирающимися на четыре столба, она дѣлится на три части:

Въ средней аркѣ нѣсколько большихъ размѣровъ, сравнительно съ другими, на тронѣ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ. Выражаясь иконописнымъ языкомъ, Онъ „старше средовѣка"; волосы и борода Его съ просѣдью, длинные; первые съ хохолкомъ на мѣстѣ пробора и по бокамъ прядями падаютъ на плечи, вторая книзу съуживается; вокругъ головы Его золотой нимбъ съ углами внутри, составленный изъ двухъ четыреугольниковъ, съ вогнутыми сторонами, наложенныхъ одинъ на другой такъ, что они образуютъ восемь угловъ; семь угловъ виднѣются, осьмой за главою Господа Саваоѳа, Нижній четыреугольникъ густого глинистаго цвѣта, верхній – голубого. По сторонамъ главы надпись: Гдь Сavаоѳъ. Одѣтъ, повидимому, въ двѣ одежды — верхнюю и нижнюю, но одинаковаго блѣднаго цвѣта; верхняя одежда имѣетъ видъ скорѣе фелони съ длиннымъ передомъ; оплечья глинистаго цвѣта съ золотыми линіями; складки одеждъ означены линіями зеленоватыми, а по мѣстамъ и бѣловатыми. Ноги босы. Тронъ, на которомъ возсѣдаетъ Господь Саваоѳъ, представляетъ собою видъ скамьи съ высокою спинкою. Онъ рѣзной желтаго цвѣта, съ позолотою. На сидѣньѣ двѣ подушки: одна зеленая, а другая свѣтлокоричневая.

Въ лонѣ Саваоѳа находится осьмиконечный крестъ, поддерживаемый Господомъ за среднее длинное перекрестіе; нижній конецъ креста водруженъ на горѣ; за крестомъ зеленый четыреугольный ящикъ, знаменующій собою, очевидно, гробъ Господень, на которомъ покоятся ноги Господа Саваоѳа; подъ крестомъ голова Адама; надъ крестомъ Духъ Святый, въ видѣ парящаго голубя. Онъ въ золотомъ кругу, крылья распростерты; изображенъ головою вверхъ.

На крестѣ представленъ распятый Іисусъ Христосъ въ Его иконографическомъ типѣ; глава безъ терноваго вѣнца, склонена на правое плечо; руки Его распростерты по среднему перекрестію; тѣло обнажено и на чреслахъ покрыто бѣлою повязкою съ красными линіями; оно въ нѣ-

сколько изогнутомъ положеніи; изъ праваго ребра течетъ кровь и вода; ноги, каждая порознь, пригвождены къ нижнему перекрестію, на верхнемъ перекрестіи начертаны крупныя славянскія буквы І. Н. Ц. І. Выраженіе лица Распятаго спокойное и величественное: Онъ какъ будто уснулъ, не ощущая никакихъ болей.

Въ аркѣ, находящейся по правую сторону отъ Триипостаснаго Божества помѣщена Богоматерь, обращенная къ кресту. Изображеніе обычнаго типа, выраженіе лица глубоко сосредоточенное и печальное. Главу окружаетъ золотое сіяніе; руки нѣсколько простерты впередъ. Иматіонъ темно-коричневаго цвѣта; на челѣ и раменахъ три золотыя звѣздочки; убрусъ, нагрудная часть иматіона и правое оплечье обведены сравнительно широкою золотою каймою; на послѣднемъ кромѣ того виднѣются такія же золотыя кисти; на нижнихъ краяхъ иматіона кайма такая же, но узкая. Нижняя одежда голубого цвѣта; зарукавья или поручи желтыя, какъ и воротъ хитона, съ позолотою. Ноги обуты. По сторонамъ главы Богоматери славянскія буквы МР. ΘѴ.

Въ другой крайней аркѣ стоитъ Іоаннъ Богословъ. Голова его, окруженная золотымъ сіяніемъ, обращена къ Св. Троицѣ. Апостолъ изображенъ юношей; лико его безъ бороды и усовъ; густые черные волосы касаются шеи. Исподняя одежда блѣдно-розовая; верхній плащъ, нѣсколько спускающійся съ праваго плеча, свѣтло-зеленый; въ лѣвой рукѣ, простертой нѣсколько въ сторону, держитъ свитокъ, правая, прижатая къ груди, придерживаетъ конецъ плаща. Ноги босы. По сторонамъ главы славянская надпись: „агиосъ Іоаннъ Богословъ“; первое и послѣднее слово подъ титлами.

Вверху между арками и по ихъ краямъ въ облакахъ помѣщены въ полуростъ четыре изображенія ангеловъ.

Фонъ иконы внутри арокъ до $^3/_4$ палеваго цвѣта, $^1/_4$— нижняя часть—темно-зеленаго цвѣта; фонъ самыхъ арокъ, столбовъ, на кои онѣ опираются, и верхней части иконы такой же; поверхность арокъ обведена бѣлыми и темными, сравнительно съ ихъ фономъ, полукружіями, что придаетъ аркамъ видъ трехсоставныхъ. Поля иконы желтаго цвѣта.

Подобное изображеніе распятаго Господа въ лонѣ отчемъ можно видѣть на иконѣ „Почи Богъ въ день седьмый“..., тоже не получившей особеннаго распространенія въ нашей иконописи. Одна изъ такихъ иконъ находится въ Ростовскомъ музеѣ (№ 97). Икона не ранѣе XVIII вѣка. Размѣръ ея 12×9 верш.

На лѣвой отъ зрителя сторонѣ этой иконы, въ продолговатомъ ореолѣ краснаго цвѣта съ бѣлыми лучами

изображенъ Господь Саваоѳъ: Онъ возсѣдаетъ на золотомъ тронѣ и въ лонѣ держитъ шестиконечный крестъ съ распятіемъ Іисуса Христа.

Первоначальное появленіе иконы разсмотрѣннаго типа въ центрѣ развитія русскаго иконописанія, каковымъ являлась нѣкогда первопрестольная столица Руси—Москва, нужно относить ко времени непосредственно слѣдовавшему за большимъ Московскимъ пожаромъ, происшедшимъ въ 1547 году, когда по свидѣтельству Московскаго протопопа Сильвестра „въ семъ царствующемъ градѣ Москвѣ всѣ священныя церкви и честныя иконы, и царскій дворъ, и палаты, и многое стяжаніе, и посады всѣ, огнемъ погорѣли, и государь, православный царь, самъ жилъ въ Воробьевѣ“ (Моск. соб. жалоба Сильвестра стр. 19). Вмѣстѣ съ иконою: „Почи Богъ въ день седьмый“, какъ видно изъ актовъ Московскаго собора 1553 г., въ это время въ кремлевскихъ церквахъ города Москвы появились слѣдующія изображенія: а) „Совѣтъ Предвѣчный“; б) „Троицкое дѣяніе“ или „Св. Троица въ дѣяніи“, т. е. дѣйствіе Ея въ дѣлѣ творенія; в) „Адамово сотвореніе“; г) „Домъ Давидовъ“; д) „Страшный Судъ по Даніилову пророчеству“; е) „Ветхое изображеніе Господа Саваоѳа“; ж) „Икона обновленія храма Христа Бога нашего“; з) „Икона страстей Господнихъ въ евангельскихъ притчахъ“, т. е. въ лицахъ; иконы, на которыхъ воспроизведены были въ лицахъ и событіяхъ пѣсни церковныя: и) „Пріидите людіе поклонимся Тріипостасному Божеству“; і) „Единородный Сыне“; к) „Во гробѣ плотски“; л) „Что Ти принесемъ Христе“; м) „Достойно есть“; н) „О тебе радуется обрадованная всякая тварь“; о) „Хвалите Господа съ небесъ“. Сюда же, наконецъ, относятся изображенія въ лицахъ и событіяхъ Символа вѣры. Въ числѣ ихъ были и иконы, изображающія распятаго Іисуса Христа, крестъ котораго стоитъ на херувимахъ въ лонѣ Отчемъ и пр. Если не всѣ перечисленныя выше изображенія, то, можно сказать, большая часть ихъ, какъ видно изъ актовъ того же собора, своимъ появленіемъ въ Московскихъ храмахъ обязаны иконописцамъ Новгородскимъ и Псковскимъ, которые, на ряду съ другими, вызваны были тогда въ Москву по приказанію царя Іоанна Грознаго для иконнаго писанія.

Можно съ положительностью утверждать, что всѣ эти изображенія вообще и въ частности икона: „Почи Богъ въ день седьмый“... для Москвы, воспитанной на византійской иконографіи, были тогда новшествомъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ извѣстный протестъ дьяка Висковатаго. Висковатый былъ недоволенъ новою иконописью, появившеюся послѣ большого Московскаго пожара. Онъ настолько былъ пораженъ ея стилемъ, что не замедлилъ по-

дѣлиться своими сомнѣніями относительно ея правильности и съ другими, начавъ „вопить и возмущать народъ“. Свой взглядъ на эту иконопись Висковатый подробно высказалъ предъ государемъ и высшимъ духовенствомъ на соборѣ 1553 года въ своемъ спискѣ по вопросу о появившемся вновь иконописаніи. Намъ нѣтъ нужды входить въ изслѣдованіе протеста Висковатаго и отношеній къ нему отцовъ собора. Для насъ важны лишь мотивы, кои побуждали Висковатаго такъ публично возстать противъ тогдашней иконописи.

Нельзя не признать, что однимъ изъ такихъ мотивовъ была ревность Висковатаго по православію. Напрасно думаютъ нѣкоторые (наприм. покойные Голохвастовъ и архим. Леонидъ), что ревность эта съ его стороны была лишь маскою, которою онъ прикрывалъ свой извѣтъ на Сильвестра. Нѣтъ! Въ своемъ спискѣ Висковатый искренно стремится показать, что новыя иконы противорѣчатъ духу православія; онъ видѣлъ въ нихъ сильное западное вліяніе, и, напримѣръ, изображеніе распятаго Господа съ тѣломъ покрытымъ херувимскими крыльями прямо и откровенно называетъ „Латынскые ереси мудрованіемъ“, ибо онъ „слыхалъ многажды отъ латынянъ въ разговорѣ, яко тѣло Господа нашего Іисуса Христа укрываху херувимы отъ срамоты“ (Роз. стр. 7).

Въ протестѣ Висковатаго указанъ только одинъ примѣръ того, что образцомъ нѣкоторыхъ нашихъ иконъ и церковныхъ изображеній XVI вѣка служили иконы и изображенія западныя. Но изслѣдователи древне-русскаго искусства находятъ, что не одна, а многія изъ иконъ и изображеній, писанныхъ въ XVI вѣкѣ по заказу Сильвестра Псковскими иконниками, представляли собою не что иное, какъ копіи съ итальянскихъ и нѣмецкихъ картинъ. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и икона „Почи Богъ въ день седьмый“. . При этомъ вообще признается, что такое направленіе тогдашней русской иконной живописи обязано своимъ появленіемъ, какъ утверждаютъ, иконописцамъ, вызваннымъ въ XVI в. изъ Новгорода и Пскова, гдѣ въ свою очередь оно возникло благодаря близкому сосѣдству съ западомъ и носило подражательный характеръ. Мнѣніе это принадлежитъ Ровинскому, а затѣмъ и Буслаеву въ его историческихъ очеркахъ народной словесности и искусства (Т. II, стр. 327).

Появленіе на западѣ изображеній распятаго Господа въ лонѣ Отчемъ, какое мы видѣли на иконѣ „Почи Богъ въ седьмый день“, Дидронъ въ своей „Христіанской иконографіи“, въ статьѣ объ иконографіи св. Духа и св. Троицы относитъ къ XII вѣку (Didron. Iconogr. Chret. p. 518 и 588).

Нѣтъ сомнѣнія, что и изображеніе Св. Троицы съ распятіемъ Іисуса Христа въ лонѣ Господа Саваоѳа въ нашей иконописи явилось подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, которые тамъ сохранились во многихъ мѣстахъ и до сихъ поръ.

Такъ въ Берлинскомъ музеѣ можно видѣть образъ складень находившейся въ Зестѣ въ Визенкирхѣ работы вестфальскихъ мастеровъ половины XIII в. съ изображеніемъ Св. Троицы, подобнымъ нашей иконѣ *). Что же касается византійской иконографіи, то она, по заявленію того же Дидрона, незнала этого изображенія, за исключеніемъ одного случая въ часовнѣ Св. Григорія въ монастырѣ на горѣ Аѳонѣ и то позднѣйшаго, относящагося къ 1736 году (Ibidem p. 583).

Трудно сказать, когда появилось въ западномъ искусствѣ изображеніе Св. Троицы разсматриваемаго типа. Извѣстно лишь то, что они существовали на западѣ уже въ XIII вѣкѣ, какъ это доказываетъ тотъ же Берлинскій складень. Но несомнѣнно, что исторія изображенія описываемой нами иконы находится съ ними въ связи. Для доказательства укажемъ еще на одну изъ иконъ съ подобнымъ же изображеніемъ Св. Троицы, находящуюся въ Боппардскомъ соборѣ. Изображеніе это сдѣлано на стеклѣ, и снимокъ съ него помѣщенъ въ коллекціи Шпитцера въ третьемъ томѣ.

Интересующее насъ окно Боппардскаго собора представляетъ родъ трехъ нишъ готической архитектуры съ колоколенками. Въ крайней нишѣ, лѣвой отъ зрителя, на фонѣ чернаго и краснаго цвѣта помѣщено изображеніе Св. Великомученицы Екатерины во весь ростъ. Въ средней—изображена Пресвятая Дѣва Марія. Въ крайней нишѣ, правой отъ зрителя, стоитъ Св. Варвара Великомученица. Ниже Св. Великомуч. Екатерины и Св. Великомуч. Варвары изображены стоящими по два ангела; подъ Богоматерію изображена Св. Троица.

---

*) Икона въ Берлинскомъ музеѣ большого размѣра (около 3×2 ар) принадлежитъ къ 2-й половинѣ XIII вѣка. Какъ эта икона, такъ равно и подобная ей (находящаяся въ той же залѣ: Іисусъ передъ Каіаѳой, распятіе и Воскресеніе), помѣщались на Капители Алтаръ и признаются за удивительное произведеніе старинной нѣмецкой живописи по дереву. Образа эти имѣютъ большое значеніе для характеристики нѣмецкаго искусства XIII в., показывающіе разцвѣтъ Вестфальской школы. Обѣ иконы были пріобрѣтены музеемъ въ 1862 г., въ Зестѣ, въ Визенкирхѣ (въ церкви по названію Визенъ).

Живопись на иконѣ романскаго происхожденія, но въ рисовкѣ одеждъ видна затѣйливая манера, что вообще не рѣдко проглядываетъ при окончаніи одной эпохи, когда не успѣли выработаться новыя формы. Типы и одежды напоминаютъ фрески собора въ Гуркѣ, въ Каринтіи 1250—1271 г., а также фрески въ церкви Св. Николая въ Зестѣ.

Богъ Отецъ—старецъ возсѣдаетъ на тронѣ; голова окружена нимбомъ краснаго цвѣта, но безъ угловъ; одѣтъ почти въ такую же одежду, какъ и на нашей иконѣ, но разнаго цвѣта. Въ лонѣ Его четырехконечный крестъ съ распятіемъ Іисуса Христа, который поддерживается имъ за среднее перекрестіе. Перекрестіе вогнуто. Христосъ безъ терноваго вѣнца, обнаженный съ повязкою на чреслахъ; ноги изображены пригвожденными однимъ гвоздемъ „по католически". Около лѣваго уха Христа, на персяхъ Бога Отца, Духъ Святый, въ видѣ парящаго голубя. Тронъ, на которомъ возсѣдаетъ Богъ Отецъ, имѣетъ видъ скамьи съ высокою спинкою и колоннами, украшенъ рѣзьбою и окрашенъ желтою краскою. Фонъ изображенія представляетъ тройную арку, опирающуюся на четыре столба.

Въ общемъ композиціи та же, что и на нашей иконѣ, за исключеніемъ лишь крайностей, свойственныхъ католическому религіозному воззрѣнію, и нѣкоторыхъ деталей, кои обусловливались или назначеніемъ иконъ, или мѣстными условіями, или же, наконецъ, часто индивидуальностью художниковъ. Впрочемъ дѣлая здѣсь сравненіе своей иконы съ иконою запада, относящеюся къ XV в., мы этимъ не хотимъ сказать, что наша икона современна послѣдней, или что русскій иконописецъ писалъ означенную икону по указанному нами образцу. Нѣтъ, наша икона позднѣйшаго времени и вполнѣ возможно, что иконописецъ, писавшій ее, имѣлъ подъ руками другіе образцы. Въ настоящемъ случаѣ цѣль наша состояла лишь въ томъ, чтобы показать, что изображеніе Св. Троицы съ распятіемъ Христа въ лонѣ Отчемъ, по своему происхожденію, не составляетъ оригинальнаго явленія въ русской иконописи, а имѣетъ своихъ прототиповъ на западѣ.

А. А. Титовъ.

Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного испорченнаго мѣста лѣтописи.

Въ Начальной лѣтописи есть одно неясное, но заслуживающее особеннаго вниманія, мѣсто. Опираясь на филологію и исторію, археологія почерпаетъ изъ него интересное данное.

Договоръ Святослава съ греками утверждается клятвою, выраженною слѣдующими словами: „Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья; аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ (не) съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ“ [1]).

„*Да будемъ золоти яко золото*“—вотъ то неясное, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересное мѣсто, о которомъ я говорю и которое служитъ мнѣ основаніемъ для моего доклада. Для объясненія этой части клятвы, точнѣе говоря, призыва страшныхъ казней на главу нарушителей договора, для того, чтобы разобраться во всѣхъ связанныхъ съ этимъ мѣстомъ вопросахъ, мы должны обратиться къ присягамъ, какими скрѣплялись договоры Олега и Игоря съ греками. Подъ 907 годомъ читаемъ: „Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгомъ, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, целовавше (сами) крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“ [2]). Въ 912 году мужи, посланные Олегомъ къ греческимъ царямъ, говорили: „Наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящи еже о Бозѣ удержати

---

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археографической Комиссіи. 1872. Стр. 71—72.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 31.

(и) извѣстити такую любовь, бывшую межи хрестьяны и Русью многажды, право судихомъ, не точью просто словесемъ, (но) и писаниемъ и клятвою твердою, кленшеся оружьемъ своимъ, такую любовь утвердити и известити по вѣрѣ и по закону нашему“ [1]). Договоръ Олега съ греками заканчивается словами: „На утверженье же неподвижние быти меже вами хрестьаны и Русью, бывший миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью, царя вашего и своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единого истинаго Бога вашего извѣсти и дасть нашимъ посломъ; мы же кляхомся ко царю вашему иже отъ Бога суще яко Божие здание по закону и по закону языка нашего, не преступити намъ, ни иному отъ страны нашея отъ уставленыхъ главъ мира и любви“ [2]). Въ 945 году послы Игоря говорили греческимъ царямъ: „И иже помыслить отъ страны Руския разрушити таку любовь и елико ихъ крещенье прияли суть (отъ страны Рускыя), да приимутъ месть отъ Бога вседержителя, осуженье на погибель въ весь вѣкъ в будущій; и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ весь вѣкъ в будущій“ [2]). Въ виду особенной важности, какую имѣетъ для моихъ доказательствъ это мѣсто, я представлю его переводъ: „Если кто изъ русскихъ возъимѣетъ намѣреніе разрушить эту дружбу, то христіане пусть получатъ возмездіе отъ Бога Вседержителя, пусть будутъ осуждены въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, некрещеные пусть не имѣютъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, пусть не защитятся щитами своими, пусть погибнутъ отъ мечей своихъ, отъ стрѣлъ или отъ другого своего оружія, и будутъ рабами въ весь вѣкъ будущій“. Договоръ Игоря съ греками заканчивается словами: „Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити отъ него ничтоже; а иже преступить се отъ страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещенъ или некрещенъ, да не имуть помощи отъ Бога, и да будеть рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будеть своимъ оружьемъ. А (некрещеная) Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и (прочаа) оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий отъ страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 32—33.
[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 46—47.

отъ князь или отъ людей Рускіхъ, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступить се, еже есть писано на харатьи сей, будеть достоинъ своимъ оружьемь умрети, и да будеть клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву“ [1]). Это значитъ: „Мы же всѣ крещенные клялись въ соборной церкви святого Иліи предлежащимъ честнымъ крестомъ и хартіею сею хранить все, что тутъ написано, и не нарушать ничего; если же кто изъ страны нашей, князь или иной, крещенный или некрещенный, нарушитъ договоръ, да не имѣетъ помощи отъ Бога, да будетъ рабомъ въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, да погибнетъ отъ своего оружія. А некрещенная Русь кладетъ щиты свои и обнаженные мечи, обручи свои и другое оружіе, и даетъ клятву хранить договоръ этотъ, заключенный Игоремъ, всѣми боярами и всѣми людьми русскими на все будущее время. Если кто изъ князей или людей русскихъ, христіанъ или нехристіанъ, нарушитъ написанное на этой хартіи, тотъ да погибнетъ отъ своего оружія, да будетъ проклятъ Богомъ и Перуномъ, какъ клятвопреступникъ“. Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, какъ греческіе послы приводили Игоря съ его мужами къ присягѣ. „Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, (и) покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конець Пасынѣчѣ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церки мнози бо бѣша Варязи хрестеяни“ [2]).

Всматриваясь пристальнѣе въ приведенныя нами присяги, мы наблюдаемъ слѣдующее. *Во-первыхъ*, форма роты различалась для язычниковъ и христіанъ. *Во-вторыхъ*, формулы присягъ крещеной и некрещеной Руси, поскольку это позволяла разность вѣры, аналогичны. *Въ-третьихъ*, присяга некрещеной Руси имѣетъ одно существенное отличіе: она сопровождается извѣстнымъ обрядомъ, имѣющимъ цѣлью придать ей большую выразительность. Некрещеная Русь прибѣгаетъ къ двумъ параллельно идущимъ способамъ выраженія: отдѣльныя части устной присяги поясняются подборомъ предстоящихъ и предлежащихъ предметовъ. Сказанное словами передается еще при помощи конкретныхъ образовъ. Клянущіеся какъ бы говорятъ заразъ на двухъ языкахъ—языкѣ словъ и языкѣ предметовъ. Полагаемые передъ истуканомъ предметы—своего рода аккомпаниментъ присяги; это для нея отличный комментарій, чудная иллюстрація. *Въ-четвертыхъ*, клятвы Игоря и Святослава представляютъ собою дальнѣйшее развитіе клятвы Олега, въ

[1]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 51—52.

[2]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Стр. 52—53.

которой уже имѣется главная составная часть всѣхъ позднѣйшихъ клятвъ—клятва оружіемъ, которая, по свидѣтельству договора, считалась „твердою клятвою“. Мы имѣемъ и другія свидѣтельства о высокомъ значеніи такой клятвы. Очевидно, такого взгляда на нее держались датчане. У Шекспира, который хорошо зналъ бытъ этого народа, датскій принцъ Гамлетъ требуетъ отъ Горація и Марцелло клятвы. Горація клянется честью. Гамлетъ требуетъ клятвы на мечѣ. Горація и Марцелло клянутся, слагая руки на мечъ. По свидѣтельству другихъ, такая клятва сопровождалась наступленіемъ ногами на мечи (Генрихъ Латышъ, гл. XVI). *Въ-пятыхъ*, присяга Игоря нѣсколько дополняетъ присягу Святослава, которая представляетъ собою хотя и очень цѣнную, но все же лишь формулу, предметами не иллюстрированную. Быть можетъ, при принесеніи присяги Святославомъ, какъ и Олегомъ, вышеописанная обстановка и церемонія положенія оружія и другихъ предметовъ или совершенно отсутствовала, опускалась и только подразумѣвалась, или видоизмѣнялась. Не трудно отвѣтить, почему. Не забудемъ, что Игорь, съ одной стороны, Олегъ и Святославъ, съ другой—дѣйствовали въ разныхъ условіяхъ: Игорь приносилъ клятву у себя дома, Олегъ и Святославъ въ походѣ. У Игоря истуканъ Перунъ былъ подъ рукою, у Олега и Святослава его не было.

Подчеркнутое мною выраженіе формулы присяги некрещеной Руси „да будемъ золоти яко золото“ и доселѣ осталось непонятымъ вслѣдствіе испорченности текста. Выше я отмѣтилъ, что клятвы Игоря и Святослава представляютъ собою дальнѣйшее развитіе клятвы Олега. Число полагаемыхъ предметовъ увеличилось. Возникаетъ вопросъ, что еще стали полагать на землю некрещеные руссы при Игорѣ и Святославѣ, кромѣ оружія,—обручи или золото? Карамзинъ оставляетъ насъ на этотъ счетъ въ недоумѣніи. У него, въ одномъ случаѣ, когда онъ передаетъ послѣсловіе договора Игоря съ греками, некрещеные полагаютъ на землю обручи [1]), въ другомъ—когда онъ передаетъ лѣтописный разсказъ о самомъ принесеніи Игоремъ клятвы, воины полагаютъ уже не обручи, а золото [2]). По Н. Арцыбашеву [3]), С. Соловьеву [4]) некрещеная Русь полагала золото. И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій [5]), а за ними новѣйшій изслѣдователь мирныхъ договоровъ русскихъ съ греками

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 155.
[2]) Исторія Государства Россійскаго. Т. I, стр. 156.
[3]) Повѣствованіе о Россіи. Т. I, стр. 27.
[4]) Исторія Россіи. Т. I. Изд. пятое, стр. 122 и 300.
[5]) Исторія Россіи. Т. I, 1906 г., стр. 682, „золото тутъ означаетъ обручи или браслеты“.

А. В Лонгиновъ [1]), комбинируютъ золото и обручи. И. Е. Забѣлинъ [2]) пишетъ: „Русь положила передъ истуканомъ свое оружіе: щиты, мечи и прочее, и золото (обручи и съ шеи ожерелья—гривны)". Д. И. Иловайскій [3]) говоритъ, что языческая Русь положила „золотые обручи",

Карамзинъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ не имѣли права отбросить обручи, не представивъ объясненій причины такого обращенія съ ясно выраженнымъ указаніемъ лѣтописи; но и И. Е. Забѣлинъ съ Д. И. Иловайскимъ въ данномъ случаѣ воспользовались пріемомъ, въ отношеніи котораго надо соблюдать большую осторожность. Желаніе сочетать, во что бы то ни стало, всѣ имѣющіяся о данномъ предметѣ извѣстія можетъ приводить къ крупнымъ ошибкамъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я докажу, что допущенная почтенными историками комбинація золота и обручей невозможна. Къ тому же долженъ отмѣтить, что я не согласенъ ни съ объясненіемъ Карамзина, будто слово „обручъ значитъ то же, что кольцо" [4]); ни съ тѣмъ расширительнымъ толкованіемъ, которое даетъ ему И. Е. Забѣлинъ—ожерелья, гривны. Кольцо и обручъ не тождественны. Кольцо—понятіе родовое, обручъ—видовое. Всякій обручъ кольцо, но не всякое кольцо обручъ. Обручъ, какъ показываетъ этимологія слова, есть прежде всего кольцо, охватывающее руку (об-ручъ). Это первое и прямое значеніе обруча, и въ ту отдаленную эпоху, о которой идетъ рѣчь, слово обручъ. вѣроятно, только это и значило.

Коньектуральная критика неяснаго выраженія формулы присяги „да будемъ золоти яко золото"—не сложна. Повидимому, впервые оно интерпретировано Н. С. Арцыбашевымъ [5]), а развито Карамзинымъ, Ѳ. Буслаевымъ и въ послѣднее время А. В. Лонгиновымъ. С. Соловьевъ слѣдуетъ Буслаеву. „Да будемъ золоти яко золото" Н. Арцыбашевъ истолковалъ въ смыслѣ „да пожелтѣемъ, какъ золото" [6]). Карамзинъ переводитъ это мѣсто такимъ же образомъ. („Да будемъ желты"), но къ своему переводу даетъ слѣдующій комментарій [7]): „Да будемъ *золоти* яко золото се": ибо славяне полагали золото къ ногамъ идоловъ, когда кля-

---

[1]) Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Одесса. 1904, стр. 108.

[2]) Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Стр. 162.

[3]) Исторія Россіи. Часть первая. Стр. 35.

[4]) Карамзинъ. Примѣчанія къ I тому Исторіи Государства Россійскаго. Стр. 165, прим. 358.

[5]) Очевидно, имѣя въ виду кого-то—быть можетъ Карамзина—высказавшаго подобное же мнѣніе, онъ добавляетъ: „Это означено было нами уже въ книжкѣ нашей: „Приступъ къ повѣсти о Русскихъ" (въ Санктпетербургѣ въ Морской типографіи 1811), стр. 88.

[6]) Повѣствованіе о Россіи 1838. Т. I, стр. 43.

[7]) Стр. 194, прим. 413.

лися въ вѣрномъ соблюденіи мира. Въ нашемъ языкѣ золото получило имя свое отъ *желтаго* цвѣта. Иллирическіе славяне называютъ желчь zlatenica, а Богемскіе zlautenice. И въ переводѣ нашей Библіи слово *златеница* употреблено въ смыслѣ *желчи*: см. Пророка Амоса, гл. IV, ст. 9. „Да будемъ желты", есть то же, что: „да будемъ мертвы". Въ одномъ *Пушкин.* спискѣ, вмѣсто *золоти*, стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка". Ѳ. Буслаевъ выразилъ свое мнѣніе не категорично [1]). Сначала онъ, повидимому, примыкаетъ къ Карамзину, когда говоритъ: „сродство понятій о цвѣтѣ и золотѣ еще не утратилось во времена Нестора, сохранившись въ обычномъ эпическомъ выраженіи языческой клятвы: „да будемъ золоти яко золото"; но затѣмъ, обратившись къ объясненію сербскаго эпитета: сухо золото, даетъ нашему выраженію новое объясненіе: „Если, говоритъ онъ, это былъ исконный эпитетъ злату у Славянъ, то онъ былъ и у насъ и вѣроятно этимъ эпитетомъ объясняется клятва: „да будемъ золоти, т.-е. изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня". А. В. Лонгиновъ такъ увѣренъ въ правильности толкованія „да будемъ золоти" въ смыслѣ „умремъ", что въ этомъ выраженіи видитъ даже сбывшееся для Святослава пророчество: печенѣги, убивши Святослава, оковали черепъ его золотомъ [2]).

Приведенныя объясненія Арцыбашева, Карамзина и Буслаева не выдерживаютъ критики. Прежде чѣмъ указать ихъ ошибки, я позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ тѣхъ случаяхъ, когда клятвы, заклинанія выражаются и посредствомъ живого слова и посредствомъ сопутствующихъ этому живому слову предметовъ, предметы интуитивно выражаютъ мысль клятвы, и для объясненія ихъ присутствія напрягать умъ не приходится, ибо выборъ каждаго предмета хорошо мотивированъ; при томъ, если клятва состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, если она—многочленная, то каждая часть ея обставляется соотвѣтственнымъ аксессуаромъ и, наоборотъ, каждому аксессуару отвѣчаетъ извѣстная часть клятвы. Изъ массы примѣровъ приведу на выдержку два-три, наиболѣе характерныхъ. Самоѣдъ приноситъ клятву, стоя на шкурѣ бѣлаго медвѣдя и держа его голову въ рукахъ: онъ убѣжденъ, что за показную ложь съѣстъ его этотъ звѣрь при первой же встрѣчѣ [3]). Здѣсь выборъ предметовъ хорошо мотивированъ: въ клятвѣ самоѣда бѣлый медвѣдь какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Другой примѣръ. Когда корены,

[1]) Ѳ. Буслаевъ. О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Москва. 1848. Стр. 12—13.

[2]) А. В. Лонгиновъ. Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ. Стр. 110—111.

[3]) С. Максимовъ. Крылатыя слова. Стр. 336.

одинъ изъ народовъ Индо-Китая, хотятъ отмстить кому-нибудь тайными вліяніями, они взываютъ къ духамъ, населяющимъ воздушныя пространства: послѣ проклятія, произносимаго надъ врагомъ три дня сряду при закатѣ солнца, они берутъ зажженную вѣтку, которая скоро гаснетъ, гнилое яйцо, нечистые остатки ѣды и говорятъ: „Пусть твоя жизнь угаснетъ, какъ угасла эта вѣтка! Да будешь ты лишенъ потомства, какъ это гнилое яйцо! Пусть конецъ твой походитъ на эти отбросы!“ [1]). Здѣсь трехчленному проклятію соотвѣтствуютъ три предмета, выборъ которыхъ мотивированъ удачно. А вотъ еще примѣръ, ближе подходящій къ разбираемой нами присягѣ. Древне-римскій жрецъ изъ коллегіи феціаловъ, по прочтеніи текста договора убивалъ камнемъ жертвенную свинью, восклицая: „если римскій народъ первый, со злымъ умысломъ и съ общаго согласія, нарушитъ эти условія, тогда ты, Юпитеръ, порази римскій народъ такъ, какъ сегодня здѣсь поражу эту свинью“ [2]). Предметы для клятвы выбраны какъ нельзя болѣе удачно. Жертвеннымъ животнымъ выбрана свинья не даромъ: если римскій народъ нарушитъ клятву, то онъ окажется свиньею. Кремень, взятый изъ храма Юпитера, олицетворяетъ собою Юпитера. Всѣ дѣйствія феціала представляетъ собою живописное изложеніе клятвы.

Нашей многочленной присягѣ Святослава отвѣчаетъ также нѣсколько предметовъ: истуканъ Перуна, щиты, мечи и *обручи*, согласно однимъ, *золото*, согласно другимъ. Выборъ трехъ изъ этихъ предметовъ хорошо мотивированъ. Перунъ, богъ молніи, какъ и римскій Юпитеръ, караетъ клятвопреступниковъ.. Въ данномъ случаѣ мы усматриваемъ еще соотвѣтствіе между Перуномъ и св. Иліею; они равнозначны, равноправны. Перунъ выступаетъ, какъ эквивалентъ св. Иліи. Оба—грозны, оба—мечутъ стрѣлы, оба могутъ убить нарушителя договора. Щиты полагаются въ знакъ того, чтобы нарушители договора не ущитились щитами [3]) („да не имуть помощи отъ Бога“). Обнаженные мечи составляютъ одинъ изъ самыхъ главныхъ аксессуаровъ клятвы. Клятва на мечахъ—главная, центральная часть клятвы. Мечъ, на которомъ клянется некрещеный руссъ, соотвѣтствуетъ кресту, предъ которымъ клянется крещеный. Разъ выборъ всѣхъ этихъ предметовъ хорошо мотивированъ, необходимо сдѣлать заключеніе, что и обручи выбраны не безъ основанія, и самое слово это не спроста, не спуста вымолвлено въ лѣтописи. Установивъ это, обратимся къ критикѣ Ка-

---

[1]) Реклю.

[2]) Liv. I, 24.

[3]) Въ Нормандіи норманны поднимали щиты на голову. (Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи, т. III, стр. 319).

рамзинскаго объясненія. Если „*золоти*“, дѣйствительно, должно означать „желты“, то почему же такъ прямо и не сказано „жлъты“. Почему такая необычная для формулы неясность? Объяснять, что *золоти* то же, что желты, а желты то же, что мертвы или, какъ говоритъ Буслаевъ, изсохнемъ—большая натяжка. Отсюда, вѣроятно, и отмѣченное мною колебаніе Буслаева въ этомъ вопросѣ. Своимъ блескомъ, который доминируетъ надъ желтымъ цвѣтомъ, золото скорѣе наводитъ на мысль о жизни, а ужъ никакъ не на мысль о смерти. Мы говоримъ: „Покойникъ лежалъ на столѣ, желтый, какъ воскъ“; но никому и въ голову не придетъ считать воскъ символомъ смерти. Къ тому же *золоти* допустимо только подъ условіемъ соотвѣтствія ему аксессуара золото, которое полагаютъ на землѣ руссы; но этому реченію *золоти* нѣтъ мѣста при другомъ сопровождающемъ его аксессуарѣ *обручи*, если только мы не обратимъ ихъ въ золотые, какъ это сдѣлали И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій и А. В. Лонгиновъ, на что мы не имѣемъ права. Наконецъ, какой смыслъ имѣла бы эта часть клятвенной формулы „да будемъ желты“, „пожелтѣемъ“, „изсохнемъ“? И, въ такомъ толкованіи, что новаго даетъ она противъ остальныхъ частей клятвы? Не то же ли самое выражается словами „и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены“?.

Не только объясненія Карамзина, но и чтеніе „золоти. яко золото“ должно быть отвергнуто. Карамзинъ говоритъ: „Въ одномъ Пушкинскомъ спискѣ, вмѣсто *золоти*, стоитъ *колоти*. Это безъ сомнѣнія описка“. Совершенно вѣрно; но эта описка, сохраненная намъ осмотрительною текстуальною критикою, для насъ драгоцѣнна. Она даетъ намъ возможность добраться до истины. Если *колоти*—описка, а *золоти* не имѣетъ смысла, то естественно предположить, не описка, не ошибка ли и *золоти*. Несомнѣнно, что слово, долженствующее разъяснить это мѣсто, и по начертанію, и по звукамъ близко подходитъ и къ тому и къ другому. И *я утверждаю, что это слово—холопи*. Форма существуетъ [1]). Это слово удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ даннаго мѣста. Принявъ его, легко объяснить происхожденіе описокъ *колоти* и *золоти*. Въ противоположность *золоти*, оно вноситъ нѣчто новое въ клятву, то, чего нѣтъ въ другихъ ея частяхъ. Оно находится въ полномъ согласіи съ исторіей возникновенія холопства. Нарушеніе договора преступленіе, а преступникъ обращался въ холопство. Оно аналогично клятвѣ христіанъ. А главное, оно находится въ полномъ

---

[1]) Она встрѣчается въ самой лѣтописи: „то суть наши *холопи* каменьници“; „но приидохомъ, Богомъ попущени, на *холопи* наши и на конюси свои, на поганыя Половци“.

согласіи съ клятвою, какую приноситъ некрещеная Русь при Игорѣ. Въ ней прямо сказано: „да будуть *раби* въ весь вѣкъ в будущій“. На основаніи вышеизложеннаго, я предлагаю читать формулу присяги такимъ образомъ: „да имѣемъ клятву отъ Бога, въ негоже вѣруемъ, в Перуна и въ Волоса, скотья Бога, и да будемъ *холопи*, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ“. Этой исправленной части клятвы отвѣчаетъ аксессуаръ *обручи*. Выводъ прямой: *обручи, полагаемые русскими—язычниками къ подножію статуи Перуна и ассоціируемые съ разбираемою частью присяги, намекаютъ на рабство и являются или его символомъ или атрибутомъ свободнаго человѣка*“. Это и есть главный выводъ моего доклада. По свидѣтельству Тацита, быть скованнымъ почиталось варварами величайшимъ позоромъ. По свидѣтельству Льва Діакона, воины Святослава, не надѣявшіеся на свое спасеніе, лишали себя жизни для избѣжанія позорной участи сдѣлаться рабами своихъ побѣдителей. При такомъ ихъ взглядѣ, имъ естественно было призывать на свою голову холопство, какъ одну изъ самыхъ страшныхъ казней, подкрѣпивъ свои клятвенныя слова положеніемъ къ ногамъ истукана обручей.

Мнѣ остается объяснить присутствіе словъ *„яко золото“*. Я ихъ совершенно откидываю, считая ихъ ошибкою и даже умышленною. Объяснивъ происхожденіе ошибочныхъ формъ *колоти* и *золоти*, совсѣмъ уже не трудно объяснить и эту ошибку. Переписчикъ договора ошибся. Это съ нимъ не первый случай. Вѣдь онъ уже написалъ разъ, какъ это доказалъ Кругъ, „бывшій миръ сотворихомъ *Ивановымъ* написаніемъ“ вмѣсто „бывшій миръ сотворихомъ *киноварнымъ* написаниемъ“. Ошибка съ его стороны естественна. Переписчикъ-христіанинъ уже не понималъ языческой формулы, не понималъ и логической связи между обручами и холопствомъ. Этотъ иносказательный языкъ былъ для него теменъ. Прочитавъ *золоти* вмѣсто *холопи*, онъ поспѣшилъ замѣнить слово *обручи* словомъ *золото*, по недосмотру забывъ это сдѣлать только въ послѣсловіи договора Игоря. Mutatis mutandis, измѣнивъ то, что подлежало измѣненію, онъ и свое *золоти* пояснилъ словами „яко золото“. Поддѣлка его шита бѣлыми нитками и поэтому раскрыть ее было не трудно. Послѣ этого падаетъ указаніе Карамзина, будто „золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для русскихъ язычниковъ“; разрывается связь, какую на основаніи даннаго мѣста хотятъ нѣкоторые установить между Волосомъ и золотомъ, наконецъ, оказывается невозможнымъ комбинированіе для даннаго мѣста золота съ обручами.

І. К. Линдеманъ.

„ЛИЦЕВОЙ ЦВѢТНИКЪ.“

(Рукопись библіотеки Тверской духовной семинаріи).

Распространеніе и живучесть русскаго раскола и сектантства, кромѣ разнообразныхъ другихъ причинъ, объясняются еще особымъ характеромъ и направленіемъ литературныхъ произведеній раскола. Необыкновенно быстрое распространеніе раскола къ концу XVII в. и въ XVIII в. было, между прочимъ, слѣдствіемъ напряженной литературной производительности раскольниковъ этого времени. Дознавши горькимъ опытомъ, что прямыми и открытыми путями далеко не безопасно достигать своихъ цѣлей, раскольники начинаютъ втихомолку устроять развитіе своей общины. Для этой цѣли они заводятъ, между прочимъ, свои типографіи, пишутъ безчисленныя сочиненія, слагаютъ разныя повѣсти и сказанія,—и все это въ огромномъ числѣ экземпляровъ распространяютъ по Россіи. То, чѣмъ произведенія раскольнической литературы производятъ обаяніе на читателей изъ простонародья, заключается въ ихъ религіозности, искренности и народности,—все такія черты, которыя въ своей совокупности не могутъ не подкупить читателей въ ихъ пользу. Одни изъ сочиненій раскольниковъ являются рукописными, написанными новымъ уставнымъ, или полууставнымъ почеркомъ (въ послѣднее время и скорописью) и не бываютъ напечатаны, другія же печатались въ подпольныхъ типографіяхъ, а въ настоящее время печатаются и не въ подпольныхъ. Въ прежнее время произведенія раскольнической литературы, обыкновенно конфисковались какъ безцензурныя и недозволенныя къ распространенію, особенно съ цѣлію пропаганды раскола. Теперь, конечно, совершенно не то: раскольническія сочиненія и изданія печатаются совершенно свободно въ какихъ угодно типографіяхъ.

Подлежащая нашему разсмотрѣнію рукопись отобрана Вышневолоцкимъ уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ у крест. дер. Бѣлавина Архипа Кондратьева Лебедева въ 1892 г. и тогда же прислана была чрезъ Тверскую духов-

ную Консисторію на наше заключеніе. Послѣ поступленія ея въ Консисторію она была передана въ библіотеку Тверской духовной семинаріи, гдѣ находится и въ настоящее время. Она носитъ названіе „Лицевой Цвѣтникъ“. Такъ какъ рукопись эта представляетъ собою выдающійся интересъ и въ тоже время имѣетъ, несомнѣнно, громадную цѣнность, то я рѣшился предложить Съѣзду нѣсколько словъ о ней съ тою, между прочимъ, цѣлію, чтобы обратить на нее вниманіе просвѣщенныхъ археологовъ. Такой рукописи я, признаться, нигдѣ еще не видалъ, хотя въ этомъ родѣ и приходилось иногда встрѣчать.

Прежде всего позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно внѣшней стороны рукописи. Это—огромная рукопись, in folio, переплетенная въ необыкновенно крѣпкій кожаный переплетъ, съ разными фигурными оттисками на немъ, и написанная на очень толстой, крѣпкой бумагѣ новымъ уставнымъ письмомъ весьма тщательно и отчетливо (опредѣлить и назвать сортъ бумаги не могу). Но что придаетъ нашей рукописи особенную цѣнность и значеніе, такъ это—многочисленныя картины (коихъ не одна сотня), иллюстрирующія тотъ или иной разсказъ, повѣсть, или назиданіе и нравоученіе, заключающіяся въ рукописи; отъ такихъ картинъ, конечно, этотъ Цвѣтникъ и получилъ названіе „Лицевой“. Картины исполнены художественною, искусною рукою яркими и прочными красками; нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ тонкостію и детальностію исполненія (хотя видно, что писалъ ихъ какой-то „художникъ-самородокъ“); на нихъ мы остановимъ свое вниманіе нѣсколько далѣе въ своей статьѣ. Обращая вниманіе на эту сторону рукописи, нѣкоторые знатоки дѣла, которымъ я показывалъ эту рукопись, оцѣнивали ее въ тысячу рублей если судить съ матеріальной стороны, а на самомъ дѣлѣ она, какъ единственная въ своемъ родѣ, не подлежитъ никакой оцѣнкѣ, и она должна быть достояніемъ какого-либо центральнаго книгохранилища или музея. На нѣкоторыхъ картинахъ имѣется и подпись самого „художника“, именно: Т. А. Питуховъ (напр., на л. 108 и на об. на двухъ картинахъ), но кто этотъ Питуховъ—сказать не можемъ. Особенно большой мастеръ этотъ Питуховъ въ изображеніи чертей, дьяволятъ всякаго сорта и самого сатаны, которые фигурируютъ чуть-ли не на каждой картинѣ. Одно изображеніе черта поражаетъ широтою полета фантазіи „художника“.

Названіе тѣхъ или другихъ сборниковъ „Цвѣтниками“ весьма общее названіе, собственно мало характеризующее внутреннее содержаніе книги. Названіе это носятъ не только извѣстныя произведенія раскольнической литературы, но и православной; такъ, напр., есть „Цвѣтникъ духовный“, изданный въ Москвѣ въ 1889 году и представляющій собою

собраніе назидательныхъ мыслей и добрыхъ совѣтовъ, выбранныхъ изъ твореній мужей мудрыхъ и святыхъ. Затѣмъ, что касается „Цвѣтниковъ“, являющихся изъ-подъ пера раскольническихъ писателей, то одни изъ нихъ представляютъ собою собраніе разнообразныхъ повѣстей и разсказовъ изъ Пролога, Патерика Печерскаго, Азбучнаго и др. книгъ, бывшихъ издавна у русскаго человѣка въ обращеніи, какъ-то: Златоустъ, Маргаритъ, великое Зерцало, Альфа и т. п., безъ особой системы, а другіе представляютъ собою болѣе или менѣе систематическіе опыты раскольническихъ писателей раскрыть свое ученіе и свои воззрѣнія на православную церковь и на *новые* порядки; изъ такихъ особенно извѣстенъ Цвѣтникъ основателя страннической секты Ефима. Цвѣтникъ, разсматриваемый нами, относится къ первому роду Цвѣтниковъ: онъ представляетъ собою ничто иное, какъ собраніе разныхъ назидательныхъ повѣстей, разсказовъ, словъ и поученій, выражающихъ ту или другую религіозно-нравственную истину или мысль (съ иллюстраціями на картинахъ), но собраніе, нужно прибавить, не безъ нѣкотораго искуственнаго подбора, такъ что въ немъ довольно ясно обнаруживаются симпатіи и убѣжденія самого собирателя. Такъ, онъ съ особенною тщательностію собираетъ тѣ повѣсти и поученія, въ которыхъ дѣвство ставится неизмѣримо выше брачнаго состоянія, а это послѣднее трактуется какъ огромное препятствіе къ достиженію спасенія. Это показываетъ, что собиратель держится безпоповщинскихъ бракоборныхъ воззрѣній. А что собиратель—раскольникъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ все: вездѣ, гдѣ на картинахъ приходилось изображать перстосложеніе, оно изображается двуперстно, крестъ вездѣ осмиконечный. Съ особеннымъ возмущеніемъ и подробностію онъ говоритъ о безчинныхъ вопляхъ въ пѣніи, подъ которыми онъ разумѣетъ именно наше партесное пѣніе (см. л. 88, л.л. 90—93), затѣмъ о неистовомъ изображеніи на себѣ крестнаго знаменія (л. 70, 147), о нарядахъ модныхъ, особенно сдѣланныхъ изъ иностранной матеріи (приводится разсказъ „о вышемѣрной драгоцѣнной одеждѣ, какъ чудо Богъ яви“, а также „о прелестномъ женскомъ украшеніи“—л.л. 127—128). Вообще раскольническія убѣжденія составителя Лицеваго Цвѣтника обнаруживаются во всемъ и вездѣ [1]).

Теперь остановимъ свое вниманіе на слѣдующихъ статьяхъ и картинахъ Лицевого Цвѣтника [2]).

[1]) Нѣкоторыя статьи и картины рукописи могутъ даже подать мысль,—не хлыстовскаго ли она происхожденія. Это—статьи противъ брака, но подобный подборъ статей вполнѣ можетъ принадлежать перу фанатичнаго бракобора—безпоповца.

[2]) Мы успѣли болѣе или менѣе обстоятельно ознакомиться не больше, какъ съ одною третью рукописи, но и на основаніи этой части ея можно сдѣлать нѣкоторые общіе о ней выводы.

Какъ сказано выше, особенное вниманіе составитель Цвѣтника останавливаетъ на вопросѣ о дѣвствѣ и вредѣ для спасенія брачнаго состоянія. Таковы, напр., статьи 1) „отъ сея повѣсти увѣмы, коль велія пагуба возбраняющимъ родителемъ чада въ служеніе Божіе отдавать“ (л. 36 об. и 37); 2) „Св. Аммоній и жена его Философія“ (л. 27 об.—„Соборникъ большой, слово въ субботу сырную похвала святымъ); 3) „Авва Арсеній Калейскій созидаетъ изъ кала жену и дѣти“ (л. 30—„Патерикъ азбучный, знаменіе о Аввѣ Арсеніи глава 1-я); 4) „Блудъ“ (только одинъ рисунокъ); 5) Пламенная свинья и дѣва (рисунокъ л. 51 об.); 6) „Увѣщаніе и наказаніе наставника и пастыря къ дѣвицамъ“ (л. 91) и много другихъ.

Въ первой изъ перечисленныхъ повѣстей разсказывается приблизительно слѣдующее. У одного богатаго человѣка заболѣла двѣнадцатилѣтняя дочь. Врачи не могли помочь. Тогда отецъ обратился къ одному св. отцу; этотъ исцѣлилъ отъ болѣзни его дочь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отецъ не выдавалъ ее замужъ, а посвятилъ Богу. Но когда посватался женихъ, отецъ выдалъ ее за него. Кончается повѣсть тѣмъ, что за такой грѣхъ всѣ они погибли для вѣчной жизни. Интересна картина къ этой повѣсти. Въ срединѣ картины изображенъ брачный пиръ, на которомъ въ центрѣ сидятъ повѣнченные женихъ и невѣста, затѣмъ сидятъ отецъ и мать жениха и невѣсты и гости. Невѣсту крѣпко обнимаетъ діаволъ (врядь-ли не самъ сатана), который страстно цѣлуетъ ее, а другіе діаволы въ это время играютъ на разныхъ музыкальныхъ инструментахъ, очевидно, свадебныя пѣсни. Внизу картины изображенъ адъ съ діаволами, которые на цѣпи тянутъ въ адъ какъ отца и мать, такъ и оженившихся.

На второмъ рисункѣ—„св. Аммоній и жена его Философія“ изображенъ новопоженившійся св. Аммоній, который послѣ брака въ первую ночь, сидя на брачномъ ложѣ, ведетъ съ женою Философіею, которая стоитъ предъ нимъ, разговоръ о томъ, чтобы имъ жить между собою, какъ брату съ сестрою. Картина—очень тонкой работы.

Въ третьемъ разсказѣ съ картиною повѣствуется, какъ одинъ авва Арсеній, „боримый блуднымъ бѣсомъ“, придумалъ слѣдующее средство къ подавленію страсти. Онъ началъ дѣлать изъ кала жену и дѣтей,—и потомъ сказалъ себѣ: вотъ у тебя и жена и дѣти, пропитывай ихъ. Много онъ трудился и поборолъ страсть. На картинѣ изображены авва Арсеній съ лопатою и выдѣланныя имъ жена и дѣти.

На картинѣ „Блудъ“ изображенъ этотъ порокъ въ видѣ крайне-безобразнаго нагого человѣка, связаннаго и по рукамъ, и по ногамъ; его бьютъ палками многіе бѣсы. Оче-

видно, это—ничто иное, какъ олицетвореніе блуда и его послѣдствій.

На картинѣ, подъ № 5, изображено явленіе ярко-огненной свиньи дѣвицѣ. Оказалось, что эта свинья есть умершая мать дѣвицы: на вопросъ испуганной дѣвицы свинья отвѣчала: „азъ есмь преокаянная мати твоя"; обратилась она въ огненную свиньо за то, что много грѣшила съ своимъ мужемъ—отцемъ ея - дѣвицы. Когда свинья исчезла, то по всей комнатѣ распространился смрадный запахъ, а на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она ступала ногами, оказались обугленныя пятна. Эта повѣсть и картина къ ней взяты почти вполнѣ изъ такого же сказанія у хлыстовъ; у раскольниковъ она, кажется, неизвѣстна.

Изъ другихъ статей и картинъ разсматриваемой рукописи отмѣтимъ слѣдующія.

1) Лежитъ больной при смерти человѣкъ. Смерть, повидимому, неизбѣжна, но душа никакъ не хочетъ оставить тѣло этого человѣка, хотя страданія его безмѣрны. Тогда Богъ посылаетъ прор. Давида съ струннымъ органомъ въ сопровожденіи ангеловъ съ такими же органами. Они начали играть предъ больнымъ, и эта игра такъ прельстила душу больного, что она вышла изъ него (л. 16 об. и 17 [1]).

2) О нѣкоей женѣ, яже предстательствомъ Пресв. Богородицы оживѣ и покаяся. Къ этой статьѣ два рисунка. Суть разсказа въ слѣдующемъ. Одна жена умерла, не покаявшись въ грѣхѣ блуда. Послѣ своего, такъ сказать, грѣхопаденія она вела жизнь строго-христіанскую: соблюдала церковныя требованія, усердно молилась Богу, и всѣ считали ее святою женщиною; но она никакъ не могла покаяться въ одномъ грѣхѣ (именно блудномъ), изъ за стыда, откладывая раскаяніе въ немъ до послѣднихъ дней жизни. Желая замолить этотъ грѣхъ, она каждый день слезно молилась Пресв. Богородицѣ о прощеніи нераскаяннаго грѣха своего. Смерть застигла ее нераскаявшеюся въ этомъ грѣхѣ, а потому она подлежала осужденію, и участь ея въ аду была уже рѣшена. Но вотъ предъ престоломъ Сына Божія, Господа І. Христа предстаетъ Пресв. Матерь Его съ ходатайствомъ за осужденную. На ходатайство Ея Божественный Сынъ отвѣчалъ, что Онъ не можетъ освободить ее отъ участи осужденія, потому что покаяніе возможно только при жизни, въ тѣлѣ. Тогда Пресв. Матерь начала просить Своего Сына возвратить осужденной жизнь, чтобы она покаялась въ томъ грѣхѣ, въ которомъ каялась предъ образомъ Ея. Смилостивился Божественный Сынъ и возвра-

[1]) Эта картина покойному А. К. Жизневскому такъ понравилась какъ по идеѣ, такъ и по тонкости исполненія, что онъ сдѣлалъ точную копію съ нея.

тилъ осужденной жизнь, и она, оживши, покаялася въ своемъ грѣхѣ предъ священникомъ, послѣ чего опять тотчасъ умерла. На двухъ картинахъ, приложенныхъ къ этой повѣсти, и изображены послѣдовательно всѣ частныя событія, излагаемыя въ этой повѣсти: смерть нераскаявшейся жены, судьба ея въ аду, предстательство Пресв. Богородицы предъ І. Христомъ, возсѣдающимъ на престолѣ; оживленіе жены и, наконецъ, ея раскаяніе.

3) На л. 86 обращаетъ на себя вниманіе картина, на которой изображены двѣ очень нарядныя женщины, вышедшія изъ церкви, куда онѣ приходили только изъ-за своего наряда. „Изшедше изъ церкве и сѣдше прохлаждаются и утѣшаются и забавляются и бѣсу радость творятъ“. Рисунокъ замѣчательно хорошъ по изображенію двухъ нарядныхъ женщинъ, сидящихъ около церкви, особенно ихъ наряда (простыя русскія шелковыя платья съ причудливыми цвѣтами). Работа—тонкая.

4) Особенно интересна и, можно сказать, оригинальна картина къ статьѣ: „Оеже, како множество демоновъ при иноческомъ жительствѣ; во всецѣломъ же великомъ градѣ единъ“ (Зерцало, г. 128). Изображены монастырь и городъ, окруженный стѣною. Въ монастырѣ повсюду демоны, около каждой кельи, почти около каждаго окна, на церковныхъ главахъ, при входахъ и вообще надъ всѣмъ монастыремъ, и, видимо, всѣ они очень заняты; а въ городѣ,—на башнѣ городской стѣны сидитъ только одинъ демонъ въ полномъ бездѣльи и спокойствіи. Эта картина иллюстрируетъ такую мысль, содержащуюся въ вышеназванной статьѣ: такъ какъ въ монастырѣ иноки пребываютъ въ благочестивыхъ подвигахъ и молитвѣ, то со стороны нечистой силы требуется очень много стараній, чтобы нарушить монастырское благочестіе и соблазнить монашествующихъ на грѣхъ; потому-то туда и посылается цѣлое, такъ сказать, полчище демоновъ. Напротивъ, въ городѣ повсюду и всегда совершаются дѣла грѣховныя само собою и демонамъ здѣсь дѣлать нечего: и безъ нихъ совершаются дѣла—угодныя имъ; а потому туда посылается только одинъ демонъ, такъ сказать, для наблюденія, и ему дѣлать нечего: онъ сидитъ спокойно на башнѣ и только смотритъ съ радостію, какъ совершаются его дѣла въ городѣ. Картина исполнена очень тонко и искусно (л. 80 об.—90).

5) Наконецъ, приведемъ изъ главы 48-й Цвѣтника рецептъ, какъ нужно составлять духовное лекарство для спасенія. Здѣсь говорится: „Пріидите, бр. и сестры, купите, здѣсь продается духовное лекарство, вѣрою получайте небесное царство, помолися небесному пастырю и приступи

къ сему небесному пластырю: а) возми цвѣтъ, изотри въ горшкѣ безмолвія, б) пересей ситомъ разсужденія, г) всыпли въ котелъ отъ добрыхъ дѣлъ, д) подлей воды отъ слезъ молитвенныхъ, е) посоли солію братолюбія, ѕ) трудолюбіемъ, з) положи дровъ послушанія, и) подожги огнемъ божественныя любви, ѳ) дай покипѣть усердіемъ къ Богу, і) простуди милостынею, ѧі) вкушай лжицею страха Божія, ѩі) послужи больнымъ съ теплымъ усердіемъ,—то награжденъ будеши Божіимъ милосердіемъ" (л. 94).

Очень много въ просмотрѣнной нами части рукописи (не говоря о другихъ частяхъ ея) и другихъ интересныхъ и оригинальныхъ статей, а также изящныхъ картинъ, но мы для оцѣнки рукописи остановились только на очень немногихъ по недостатку времени.

Въ заключеніе нашего сообщенія о „Лицевомъ Цвѣтникѣ" мы должны сказать, что цѣлію его было сдѣлать только починъ въ ознакомленіи съ этою замѣчательною, или во всякомъ случаѣ рѣдкою рукописью, въ надеждѣ, что на нее когда-нибудь будетъ обращено вниманіе просвѣщенныхъ археологовъ.

Д. И. Скворцовъ.

Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ.

Великій преобразователь Россіи въ своихъ заботахъ пересадить къ намъ западную образованность, какъ извѣстно, придавалъ большое значеніе переводамъ на русскій языкъ разнаго рода полезныхъ книгъ, не ограничиваясь при этомъ лишь изданіями, имѣвшими непосредственное практическое примѣненіе въ сферѣ военнаго и морского дѣла, архитектуры и т. п. Такимъ образомъ, по распоряженію царя, очень скоро были изданы на русскомъ языкѣ (собственно славянскомъ) переводы нѣсколькихъ сочиненій общеобразовательнаго характера, въ томъ числѣ и изящной литературы.

Въ числѣ первенцевъ подобныхъ переводовъ стоятъ знаменитыя Эзоповы притчи, первое изданіе коихъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ было сдѣлано въ 1700 году въ заведенной Петромъ Великимъ типографіи въ Амстердамѣ у Тессинга [1]).

Съ введеніемъ новаго—гражданскаго шрифта, Петръ указалъ 1 января 1708 г. печатать означеннымъ шрифтомъ въ Московской типографіи сперва геометрію, а потомъ и другія книги, въ томъ числѣ вторично Притчи Эзоповы, при чемъ еще въ предшествовавшемъ году изъ Голландіи были приглашены необходимые мастера типографскаго дѣла, какъ-то словолитецъ Антонъ Демей, привезшій съ собою, между прочимъ, „новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ“ три азбуки [2]). Тогда же велѣно было голландскому граверу Петру Пикару, работавшему въ Россіи еще съ 1697 г., быть въ Московской типографіи мастеромъ „грыдорованнаго“ (гравернаго) дѣла для исполненія разнаго рода

---

[1]) П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, II, № 28.

[2]) Тамъ же, II, стр. 642 и слѣд.

рисунковъ, считавшихся по обычаямъ того времени необходимыми почти при каждой печатной книгѣ.

Дѣло печатанія переводовъ съ иностранныхъ сочиненій въ означенной Московской типографіи Петръ поручилъ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, начальствовавшему надъ Монастырскимъ приказомъ. Впрочемъ самъ царь принималъ дѣятельное участіе какъ въ выборѣ переводимыхъ сочиненій, такъ и въ ихъ изданіи, дѣлалъ на этотъ счетъ опредѣленныя указанія, при чемъ, самъ исполняя быстро всякую работу, того же требовалъ и отъ Мусина-Пушкина. Послѣдній отписывался, какъ могъ. Главная задержка въ выходѣ новыхъ переводныхъ изданій, по его словамъ, происходила отъ гравера Пикара, который былъ заваленъ работою, а учениковъ имѣлъ только двоихъ, да и тѣ были плохи. Между прочимъ, въ отпискѣ царю отъ 18 января 1709 г. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: „Езопову книгу славянскимъ діалектомъ исправили, и можемъ напечатать вскорѣ, только, фигуръ ради, будетъ умедленіе“.

Конечно, если переводъ уже былъ исполненъ, замедленіе врядъ-ли могло растянуться на нѣсколько лѣтъ, до марта 1712 г., когда были напечатаны въ Москвѣ „Эсоповы прітчи повелѣніемъ царскаго велічества“ [1])—второе извѣстное изданіе. Петръ не допустилъ бы такой проволочки. Между тѣмъ до сихъ поръ не было извѣстно изданія Притчей Эзоповыхъ, ближайшаго по времени къ 1709 г., чѣмъ Московское 1712, которое поэтому и считалось вторымъ. Даже извѣстный знатокъ и описатель Петровскихъ изданій Пекарскій повидимому не обратилъ вниманія на то, что могло и дѣйствительно должно было быть изданіе Притчей Эзоповыхъ въ промежуткѣ времени между 1709 и 1712 г.г. Изданіе 1712 г. вышло, по словамъ Пекарскаго, съ 41 изображеніемъ, грав. на мѣди и заимствованнымъ изъ Амстердамскаго изданія 1700 г. Выходило, пожалуй, до извѣстной степени понятнымъ, что Пикаръ замѣшкался награвировать 41 рисунокъ, будучи заваленъ другими работами.

Какъ бы то ни было, только до настоящаго времени ничего не было извѣстно объ изданіи Притчей Эзоповыхъ между 1709 и 1712 г.г. съ многочисленными, свыше ста, гравюрами Пикара, и никто объ этомъ нигдѣ не упоминалъ, включая сюда и перваго знатока нашей старинной гравюры Д. А. Ровинскаго [2]).

---

[1]) Тамъ же, II, № 221. Единственный экземпляръ этого изданія былъ, по Пекарскому, у И. П. Каратаева.

[2]) См. его сочиненіе „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, именно о Пикарѣ, на стр. 262 и слѣд.

Между тѣмъ изданіе это уже съ 1894 г. находилось въ моемъ собраніи книгъ и рукописей и ждало только окончательнаго опредѣленія, дабы всплыть на свѣтъ Божій и перестать, такимъ образомъ, быть затеряннымъ. На немъ блистательно оправдалось извѣстное древнее изреченіе habent fata sua libelli—имѣютъ и книги свою судьбу. Дѣйствительно, однѣ изъ нихъ расходятся и сохраняются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, другія же, наоборотъ, и печатаются въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и затѣмъ быстро изчезаютъ, зачитываются и иногда совсѣмъ затериваются, какъ нѣкоторыя изъ Петровскихъ изданій, выходившія въ то время, когда интересъ къ книгѣ былъ у насъ еще весьма малъ, а заботъ объ ея сбереженіи и того менѣе.

Досталось мнѣ описываемое изданіе Притчей Эзоповыхъ совершенно случайно, путемъ покупки въ одномъ купеческомъ домѣ въ гор. Ельцѣ, Орловской губерніи. Оно въ дефектномъ видѣ: безъ заглавія и конца, переплета то же не было. Весьма вѣроятно, что небольшой томикъ съ занятными картинками побывалъ неоднократно въ дѣтскихъ рукахъ; тѣмъ не менѣе изъ 120 рисунковъ (120-ый послѣдній—дальнѣйшихъ въ книгѣ не сохранилось) уцѣлѣло 115, текстъ же идетъ съ 7-ой страницы и обрывается на 233-ей. Мѣсто, занятое на страницахъ текстомъ, составляетъ въ ширину 6 сантиметровъ и сверху внизъ до 10 сантиметровъ. Размѣры гравюръ въ ширину 52 миллиметра, сверху внизъ по края рамки отъ 85 до 94 мил., такъ что форматъ изданія можетъ быть опредѣленъ въ 12^0—16^0 долю листа.

Уже изъ перваго ознакомленія съ купленнымъ мною экземпляромъ Притчей Эзоповыхъ для меня было ясно, что мнѣ досталась первоклассная библіографическая рѣдкость. Изъ изслѣдованія Пекарскаго „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ легко можно было усмотрѣть, что до 1862 г. въ нашей библіографіи нигдѣ не встрѣчалось указаній на изданіе, подобное пріобрѣтенному мною. Но съ 1862 г. много воды утекло, и гдѣ нибудь могъ оказаться экземпляръ, тождественный съ моимъ. Такъ я и оставилъ вопросъ о необыкновенной моей покупкѣ открытымъ, тѣмъ болѣе, что вниманіе мое было поглощено другими работами. Но вотъ въ началѣ 1905 г. вышло изслѣдованіе г. Битовта „Рѣдкія Русскія книги и летучія изданія 18-го вѣка“. Оно разомъ дало дѣлу другой оборотъ. Почтенный изслѣдователь въ своемъ трудѣ опирается на довольно значительный библіографическій матеріалъ, относящійся, между прочимъ, къ послѣднему пятидесятилѣтію. Вполнѣ естественно было съ моей стороны желаніе справиться въ книгѣ г. Битовта, есть ли въ ней упоминаніе объ изданіи

Притчей Эзоповыхъ, тождественномъ съ моимъ экземпляромъ. И что же? Оказалось, что экземпляра, подобнаго моему, нѣтъ нигдѣ: ни въ извѣстныхъ библіотекахъ, ни въ собраніяхъ любителей, ни въ каталогахъ антикваріевъ, почему онъ и не описанъ. Тогда я обратился за справкою къ г. Директору Императорской Публичной Библіотеки, причемъ въ своемъ письмѣ сдѣлалъ обстоятельное описаніе моего экземпляра. Отвѣтъ не замедлилъ притти: въ Публичной библіотекѣ подобнаго экземпляра нѣтъ.

Такимъ образомъ для меня стало ясно, что мой экземпляръ Притчей Эзоповыхъ принадлежитъ къ затерянному Петровскому изданію и пока единственный извѣстный—unicus.

Что онъ именно Петровскаго изданія, это видно съ перваго взгляда всякому, знакомому съ изданіями той эпохи: на нихъ лежитъ своего рода печать—шрифты слишкомъ своеобразны. Это такъ называемые „новоизобрѣтенные амстердамскіе литеры", т.-е. шрифты гражданской печати, введенные самимъ Петромъ и имъ правленные. По замѣчанію извѣстнаго Тредьяковскаго „Прекрасна была сія самая первая печать: кругла, мѣрна, чиста, словомъ—совершенно уподоблена такой, какова во французскихъ и голландскихъ типографіяхъ употребляется" [1]). Подобнымъ красивымъ, четкимъ шрифтомъ, при томъ довольно крупнымъ, набранъ текстъ самыхъ притчей, затѣмъ поясненія къ притчамъ и историческіе примѣры набраны мелкимъ шрифтомъ, наконецъ большинство подписей подъ гравюрами напечатано болѣе жирнымъ шрифтомъ, при томъ церковной печати съ силами (надстрочными знаками).

Согласно съ тѣмъ, что замѣчаетъ Пекарскій [2]) касательно шрифта Московской типографіи во второмъ изданіи книги 1709 г. „Повѣренныя воинскія правила", въ моемъ экземплярѣ Притчей Эзоповыхъ шрифтъ текста также безъ силъ, ї всегда съ двумя точками, встрѣчается другое и (восьмеричное), есть з (земля) наряду съ латинскимъ s (зѣло), въ иностранныхъ собственныхъ именахъ встрѣчается ѯ [3]).

Не входя въ разборъ текста самихъ Притчей, а также находящихся при нихъ наставленій и историческихъ при-

---

[1]) П. Пекарскій. Наука и литер., II, стр. 644.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 645.

[3]) Относительно послѣдней буквы Пекарскій говоритъ: „Въ 1711 году стали было печатать ѯ". Впрочемъ г. П. Дмитріевъ (Шрифты гражданской печати временъ Петра Вел., пом. въ Росс. Биб. Э. Гартье, 1881 г., стр. 123) встрѣтилъ уже въ изданіи Слюзной книги 1708 г. букву ѯ въ словѣ „ѣѯекуціи". Во всякомъ случаѣ употребленіе ѯ въ моемъ изданіи Притчей Эзоповыхъ не противорѣчитъ тому, чтобы оно не было сдѣлано ранѣе 1712 г.

мѣровъ, что должно быть предметомъ особаго изслѣдованія, ограничусь замѣчаніемъ, что притчи Эзоповы въ описываемомъ экземплярѣ являются переведенными собственно на славянскій языкъ, а не на русскій, что совершенно согласно съ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ донесенія Петру Вел. Мусина-Пушкина, что „Езопову книгу славянскимъ діалектомъ исправили".

На основаніи всего вышеизложеннаго можно считать несомнѣннымъ, что описываемый экземпляръ Притчей Эзоповыхъ долженъ быть отнесенъ къ *второму изданію* (Московскому) между 1709 и 1712 годами, а изданіе 1712 г., описанное у Пекарскаго (II, № 221), должно считать третьимъ.

Какъ по своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ, такъ и по обилію гравюръ второе изданіе, мнѣ кажется, можно считать самымъ замѣчательнымъ изъ Петровскихъ изданій Притчей Эзоповыхъ. Есть извѣстіе, что Петръ Вел. любилъ имѣть у себя въ карманѣ Эзоповы басни и иногда вмѣсто отвѣта кому-либо изъ дипломатовъ подавалъ ихъ раскрытыми на подходящей притчѣ: второе изданіе какъ-разъ пригодно на сей случай, какъ изданіе карманное.

Что касается гравюръ [1]) второго изданія, принадлежащихъ несомнѣнно Пикару, то онѣ заимствованы изъ какого либо голландскаго изданія и по исполненію не идутъ выше посредственности.

Для наглядnаго ознакомленія съ затерянnымъ (вторымъ) изданіемъ Притчей Эзоповыхъ при семъ прилагаются три снимка, исполненныхъ съ помощію фотографіи г. Малковымъ въ г. Ржевѣ.

1. О пѣѣкахъ, стр. 161, рис. № 81.
2. О пѣтелѣ обрѣтшемъ камень драгіи, стр. 201, рис. № 101.
3. О котѣ ѣндіискомъ, стр. 221, рис. № 111.

П. Ѳ. Симсонъ.

[1]) Всѣ онѣ безъ подписи фамиліи гравера, исполнены рѣзцомъ на мѣди и острою водкою.

81

ѡ пїѳїкахъ.

о пїѳїкахъ.

1. Сїи пїѳїки научены
были от нѣкоего скомраха
плясатї ї разлїчные смѣхо
творенїя дѣяти. скомрахъ
же облечаше я во одежды и
на пїршества вождаше їхъ.
рїїде же на вечерю нѣкую,
нача играти во свою во-
ынку, пїѳїкамъ пляшу
щїмъ во одеждахъ своїхъ,
нѣкто же от тамо сѣдя-
щїхъ, разсыпа имъ орѣхї,
абїе пїѳїки оставльше
лясанїе свое ко орѣхомъ
хочїша.

Тѣмъ

О ПѢТЕЛѢ ОБРѢТШЕМЪ КАМЕНЬ ДРАГІИ.

101. Нѣкіи пѣтелъ ища въ землѣ піщи себѣ, обрѣте драгіи адамантъ, и рече въ себѣ, что сотворю съ каменемъ сімъ драгімъ, зане снѣсти его не могу, довлѣютъ же ми обрѣтшіяся зерна, ими же насыщаюся.

Тѣмъ научаетъ, яко преізлішняя украшенія человѣку зѣло вредятъ, наіпаче таковымъ, иже себе украшаютъ, домашніхъже своіхъ рабовъ гладомъ и хладомъ морятъ.

Подобнѣ яко сеи петелъ отверже драгіи сеи камень, сіце отвергаютъ мнози несмысленніи всякое ученіе

о котѣ індійскомъ.

111. Нѣкая жена одержіма недугомъ, совѣтъ пріятъ отъ врачевъ что каломъ кота индійскаго исцѣленіе пріиметъ, она же пріишедъ и моляше кота, да дастъ си отъ кала своего, тои же ни како восхотѣ, жена же сія постави сѣти, и кота сего улови, и того убівъ, желаемое получи.

Тѣмъ являетъ, что кто можетъ ближнему своему кремѣ своего вреда сотворіті помощь, и не сотворітъ, сеи по семъ всякіе помощи лішается, и въ вящшія бѣды впадаетъ.

сіде

О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ.

Гербы [1]) городовъ и губерній въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и значеніи, какъ явленіе позднее [2]) и при томъ же искусственное и заносное, перенятое отъ другихъ [3]), въ боль-

---

[1]) Установленнаго толкованія слова „гербъ“ еще нѣтъ; одни считаютъ его нѣмецкимъ, другіе польскимъ, третьи обще-арійскимъ. Одно, кажется, не сомнѣнно: русскіе словяне его не знали, почему оно и не можетъ считаться обще-словянскимъ и, слѣдовательно, арійскимъ. Нѣм.—erb=родовой, потомственный, идущій отъ предковъ; erbe=родовое наслѣдство, имѣніе. П. Ф. Винклеръ, занимавшійся гербовѣдѣніемъ, считаетъ слово „гербъ“ польскимъ—herb и указываетъ, что оно встрѣчается во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ: herb, erb, irb съ значеніемъ наслѣдникъ или наслѣдство (Срав. этим. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ; Энцикл. словарь, изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ, т. VIII). Фран. gerbe=снопъ, herbe=злакъ, трава; латин. herba=трава. Въ рус. письменности слово гербъ упоминается впервые, кажется, въ 1564 г. при описаніи печати г. Юрьева Лифляндской отчины: у орла, у правые ноги гербъ: —печать маистра ливонского, а у лѣвые ноги гербъ—печать юрьевскаго бискупа (Ист. гос. Рос. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. IX, пр. 259; Словарь др. рус. яз. Срезневскій, изд. Ак. Н.).

[2]) Именной указъ сенату объ утвержденіи (конфирмаціи) гербовъ Ярославскаго намѣстничества подписанъ 31 авг. 1778 г. Ярослав. намѣстн. правленіе увѣдомлено объ этомъ указомъ отъ 13 сен. 1778 г. за № 2305. Гербы сдѣланы по приказанію сената герольдмейстерскимъ товарищемъ фонъ Энденомъ. (См. Гербовникъ въ архивѣ Яр. архивн. коммиссіи). Въ гербовникѣ помѣщены упомянутый указъ, изображенія въ краскахъ самихъ гербовъ (болѣе, чѣмъ посредственное, бездарное), и описаніе ихъ, не представляющее ни чего любопытнаго. Послѣднее утвержденіе ярославскихъ гербовъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ губернскаго герба состоялось въ 1856 г. (Энцикл. сл. Брокг. и Еф., т. VIII). Первые гербы для Ярославля и Ростова установлены около 1672 г., но народу они едва ли были извѣстны, какъ нѣчто обязательное и какъ имянно „гербы“. Слѣдующимъ правительственнымъ распоряженіемъ о гербахъ нужно, кажется, признать указъ 21 декабря 1727 г., вслѣдствіе котораго герольдъ-мейстерская контора предписала подвѣдомственнымъ мѣстамъ прислать немедленно на срокъ по регламенту подъ страхомъ штрафа тѣ свѣдѣнія, которыя были затребованы этой конторой еще въ 1724 г.,—„что бъ въ сочиненіи городамъ гербовъ не учинилось остановки“ (Книга указовъ Угл. Пров. канцеляріи 1728 г. Яр. Арх. Ком. Л. 425/396).

[3]) Баронъ Ф. Бюлеръ (Снимки древ. русск. печатей государственныхъ,царскихъ... стр. XVIII) говоритъ то-же, что болѣе древніе област-

шинствѣ случаевъ, представляютъ немного общаго научнаго интереса. Очень многіе изъ нынѣшнихъ гербовъ, какъ на примѣръ многіе уѣздные, выдуманы нарочно; созданы единовременно и по распоряженію правительства, а не постепенно жизнью, ея потребностями и по тому не имѣютъ за собою большаго прошлаго. Городскіе, уѣздные и губернскіе гербы остаются явленіемъ чуждымъ и мало-понятнымъ народу, въ глазахъ котораго они, какъ и частные гербы,— пустая и праздная господская затѣя, обращающая на себя его вниманіе лишь въ какихъ либо особыхъ случаяхъ вродѣ иллюминацій и т. п. Между тѣмъ основная идея герба, т.-е. какъ особаго отличительнаго знака чьего или чего ни будь,—древня также, какъ и собственность, съ которой онъ возникъ почти одновременно въ видѣ „мѣты“ еще на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества и продолжаетъ существовать въ такой формѣ до сихъ поръ въ средѣ народа (мѣты полосъ пашни въ чрезполосныхъ и общихъ владѣніяхъ, иногда, довольно сложнаго рисунка [1]), вырубаемыя въ дернѣ у концовъ полосъ и развитыя особенно въ Вологодской губерніи).

ные и городскіе гербы встрѣчаются преимущественно на западной границѣ Московскаго государства и что должностныя и частныя лица, употреблявшія гербы уже съ XIII ст., принадлежали къ числу посѣщавшихъ чужіе края или проживавшихъ на литовско-польской окраинѣ. Несомнѣнное заимствованіе обычая имѣть гербъ ясно выступаетъ при разсматриваньи гербовъ и печатей: всѣ почти изображенія на нихъ въ болѣе древнее время не русскія до классическихъ включительно. А. В. Орѣшниковъ указываетъ на заимствованіе русскими печатей у византійцевъ (Труды Моск. нумизм. Общ., т. III, вып. 1, стр. 108, 114, 115). Говорить о заимствованіи русскими печатей можно только въ томъ смыслѣ, что русскіе переняли способъ и орудіе печатанія, самую печать—снарядъ, но ни какъ не обыкновеніе клеймить,—прикладывать къ чему либо свой собственный знакъ. Этотъ пріемъ и обычай были извѣстны словянамъ еще въ обще-арійскую пору, какъ слѣдуетъ изъ значенія лат. méta=знакъ (пограничный въ видѣ кучи, пирамиды), межа, рубежъ; складываньe или составленье чего нибудь на подобіе кучи, пирамиды; metàlis=кеглевидный, коническій, въ видѣ пограничнаго, межеваго столба или знака, metatio=размѣтывать, раскидывать, располагать на планѣ, т.-е. класть границы, рубежи, мѣты, составлять планъ.

[1]) Представленіе о собственности существуетъ уже у животныхъ. Когда одна собака ѣстъ, другая, если она не совсѣмъ голодна, сидитъ въ отдаленіи, дожидаясь окончанія трапезы первой, что бы подобрать оставшіяся крошки; нападать она не рѣшается, если даже сильнѣе противника. Точно также ни животныя, ни птицы обыкновенно не занимаютъ чужихъ норъ, логовищъ и гнѣздъ (одновидныхъ животныхъ). У многихъ животныхъ существуетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, даже земельная собственность, — охотничьи округи, въ которые животныя иныхъ округовъ опасаются заходить подъ страхомъ подвергнуться озлобленной трепкѣ и быть немедленно изгнанными. Такъ у волковъ, многихъ дикихъ и бездомныхъ восточныхъ собакъ, львовъ, тигровъ и пр. Даже курицы бьютъ и гонятъ чужую курицу и съ двора, и изъ курятника, и отъ кормушки. Дворовую собаку возмущаетъ

Не буду разбирать вопросъ, какъ возникла у человѣка мысль о мѣтѣ—гербѣ,—для такого возникновенія могло быть нѣсквлько поводовъ (и едва-ли не первымъ и наиболѣе часто возникавшимъ было желаніе облегчить отъисканіе незамѣтнаго мѣста, на примѣръ какой либо точки среди однообразной луговины),—а укажу только, что мѣты, какъ знакъ собственности, наблюдались у самыхъ низшихъ современныхъ дикарей, невышедшихъ еще изъ камники, точно также, какъ и на памятникахъ доисторической камники въ образѣ такъ наз. „клеймъ", „знаковъ собственности" и другихъ начертаній главнымъ образомъ на глиняныхъ сосудахъ и на ихъ черепкахъ [1]). Существованіе мѣтъ у русскихъ словянъ еще въ доисторическое время не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду положительныхъ указаній на существованіе среди нихъ зачаточной письменности задолго до ихъ крещенія [2]). Извѣстны особые знаки на печаткахъ древнихъ перстней, какъ на примѣръ перстня найденнаго на Куликовскомъ полѣ и хранящагося въ московскомъ Историческомъ музеѣ, а равно на печатяхъ XIII в., приведенныхъ въ Снимкахъ древнихъ печатей... (вып. 1, лл. 106—110; XIV стр.—лл. 110—115) и въ Сборникѣ снимковъ съ древнихъ печатей (П. Ивановъ, таб. 1, № 1—5). До сихъ поръ молочницы, разносящія молоко по домамъ въ своихъ кринкахъ, выцарапываютъ на ихъ днахъ, бокахъ или руч-

---

каждый посторонній, являющійся на ея дворъ, и не только изъ числа животныхъ, но и людей. Между тѣмъ эта же самая собака на улицѣ ни кого не трогаетъ: она не въ своихъ владѣніяхъ. Кошки также не выносятъ появленія чужихъ кошекъ на своемъ дворѣ.

[1]) См. на примѣръ сосудъ, вырытый въ южной Россіи, со знаками, напоминающими руны, въ Нивѣ—1881 г. стр. 149, рис. 10 и прилагаемый рисунокъ (табл. I). О „мѣтахъ" и ихъ возникновеніи см. Правосл. Палестин. Сборникъ, вып. 41.—А. С. Уваровъ (Камен. вѣкъ, т. I, ст. 396—419 и т. II, таб. 26—30), а за нимъ и А. А. Спицинъ (Записки отд. рус. и слов. археол. Рус. арх. общ., т. V, ст. 86, рис. 62) говорятъ о клеймахъ на горшкахъ фатьяновскаго (Яр. у.) могильника послѣдней поры новокамники, но я сильно сомнѣваюсь въ клейменности этихъ „клеймъ" и вижу въ нихъ просто украшенье.

[2]) Въ житіи Кирилла-фолософа сообщается, что въ Херсонесѣ (Корсуни) онъ въ 861 г.: „обрѣтѣ евангеліи и псалтири, роушькыми письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и—вьскорѣ начятъ чисти (чести, читать) и сказовати—на русскомъ языкѣ". Въ одномъ хронографѣ XV в. также отмѣчается, что грамота русская—явилася въ Корсунѣ русину, отъ него же научися философъ Константинъ.—Эта грамота въ 861 г. могла быть дѣйствительно русская, (словяно-русская), но какою была ея азбука—еще вопросъ. В. И. Григоровичъ высказался за глаголицу, но лишь на основаніи отвлеченныхъ соображеній, между тѣмъ дѣйствительность даетъ намъ руны, принимаемыя Лиціевскимъ за словянскія и относящіяся къ X—XI в. (См. ниже и „Херсонесъ таврическій", гр. А. А. Бобринскій, стр. 111, 142). О рунахъ, видимо, говоритъ и Храбръ: Прежде убо словене не имѣху письменъ (по др. книгъ), но чертами и рѣзами

кахъ какой нибудь знакъ, (но не букву, хотя были бы грамотныя), или навязываютъ и даже нашиваютъ обрывокъ ткани, тесемки, бичевки; послѣднее продѣлывается и съ курицами для того, что бы отличить свою кринку или курицу среди другихъ такихъ же. Лошадей съ той же цѣлью или клеймятъ, или, какъ и овцамъ, дѣлаютъ имъ надрѣзы или вырѣзы на ушахъ. Жрецъ темнокожихъ З. Африки втыкаетъ палку возлѣ плодоваго дерева для обозначенія принадлежности плодовъ богу и, слѣдовательно, запрещенія ими пользоваться; германскій крестьянинъ втыкаетъ шестъ съ пучкомъ соломы на немъ на своемъ паровомъ полѣ для того, что бы показать, что оно не принадлежитъ къ общему выгону, что на немъ нельзя пасти скотъ [1]). Словомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ человѣку нужно бываетъ заочно заявить о себѣ или о своихъ правахъ, дать о себѣ знать или выдѣлить что нибудь изъ однообразной среды, онъ всегда употреблялъ и употребляетъ какой либо знакъ, который сохраняетъ безъ измѣненій во всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ требуется ясное и опредѣленное, недопускающее сомнѣній и оспариваній указаніе на сдѣлавшаго знакъ, на обозначившаго имъ что нибудь. Частое употребленіе такого знака, привычка къ нему и наторѣ-

---

(т.-е. рунами, кои прямолинейны и не имѣютъ кривыхъ начертаній) чтяху и гадаху (гатаху),—погани суще. (Лѣтоп. Ист.-фил. *общ.* при Нов. ун. 1901 г. IX, стр. 133); арабъ Ибнъ эль Недимъ (X в.) воспроизвелъ въ своемъ трудѣ рус.-словян. надпись, исполненную знаками, бывшими у нихъ въ употребленіи (тамъ же, ст. 121). Къ сожалѣнію она не объяснена и мнѣ не пришлось ее видѣть. Ибнъ Фодланъ (X в.) говоритъ о написяхъ на курганномъ столбѣ (словянскія руны сдѣланы на похоронномъ горшкѣ). Въ договорѣ Олега 912 г. говорится „о работающихъ въ грѣцѣхъ руси у хрестьяньскаго царя... аще ли створить обряженіе, таковый възметь уряженное его; кому будеть *писалъ* (завѣщалъ) наслѣдити имѣнье,—да наслѣдить є". (Лѣт. пр. Нест. по Лавр. сп. ст. 18). „Си бо не бѣша преди (раньше, слышали словесе книжного" (ст. 66). Здѣсь говорится не о томъ, что русскіе не знали грамоты, а что не имѣли книгъ. Ю. Венелинъ доказывалъ, что словинцы и крайнцы уже въ концѣ IV в. были христіане и имѣли свою грамоту (Отечест. Запис. 1839 г. № 2, отд. II, ст. 18), но его доводы не убѣдительны. Въ 1 Новгор. лѣтописи подъ 1209 г.—а что на дъцькахъ,—то князю; въ 19 ст. пск. суд. грамоты: а кто иметъ искать сблюденія по доскамъ безыменно,—старанѣ. Древнѣйшія русскія серебряныя деньги (Владиміра, Ярослава и др. князей) имѣютъ на задней сторонѣ особыя мѣты въ видѣ загадочнаго знака, создавшаго цѣлую литературу и все таки еще необъясненнаго. Для выясненія его укажу, что очень близкій по начертанію знакъ встрѣчается на генуэзско-татарскихъ деньгахъ г. Каффы 1438 г. (Крымской). (Изв. Тавр. Арх. Ком. № 32—33, таб. VI, рис. 16, 4, 14), а также на деньгахъ Гиреевъ (Труды Моск. нумизм. общ., т. II, вып. 1, таб. VII—XI). А. В. Орѣшниковъ, признающій знакъ за родовой, приводитъ близкій къ нему на древнемъ перстнѣ (Тамъ же, т. III, вып. 1, стр. 114, 115).

[1]) Ист. культуры, Ю. Липпертъ, стр. 326.

лость въ его воспроизведеніи, дающемся безграмотному съ трудомъ, а также и слабое развитіе искусственности или художественная неспособность закрѣпляютъ такой знакъ за его творцомъ и дѣлаютъ его постепенно прообразомъ послѣдняго, его символомъ; а практическія соображенія и потребности заставляютъ передавать такой знакъ по наслѣдству [1]). Получается простѣйшій семейный, а за тѣмъ и родовой гербъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой гербъ могъ развиться и развивался на самомъ дѣлѣ нѣсколько инымъ путемъ. Извѣстно, что многія первобытныя племяна ведутъ свой родъ отъ какого нибудь животнаго или птицы, или же считаютъ ихъ своими покровителями. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ такихъ животныхъ ихъ почитатели обыкновенно не употребляютъ въ пищу. Такъ отяки Пермской губерніи утверждаютъ, что „свинья отяку мать была“ и по этому ѣсть ее грѣхъ [3]). Среди индѣйскихъ племенъ Аме-

---

[1]) Въ принятіи отцовскаго знака дѣтьми имѣетъ большое значеніе и простая подражательность. У многихъ русскихъ инородцевъ всякая новая отдѣльность, отвѣтвляющаяся отъ начальнаго рода, кладетъ въ основу своего родового знака знакъ основного рода, но прибавляетъ къ нему какую либо новую добавочную черту для отличія своего рода отъ всѣхъ другихъ однокровныхъ. По такимъ знакамъ инородцы безъ труда сообщаютъ свои родословія, возводя ихъ въ далекую старину.

[2]) О подобныхъ личныхъ или родовыхъ гербахъ упоминаетъ Русская Правда (XI в.), опредѣляя взысканіе въ 12 гривенъ за *раззнамяновaніе* борти. (Рус. Правда, изд. 1799 г., ст. 72). Африканскія племяна ашанти, вудшана, мундшола и др. наносятъ племянные знаки даже на собственное тѣло (на лица), то же дѣлаютъ и австралійцы (Иллюстр. всеобщ. исторія письменъ. Я. Б. Шницеръ, стр. 17 и 18, гдѣ и рисунки). По Ю. Липперту (Истор. культуры... стр. 119, 213) каждая семья, каждый родъ и каждое развивающееся племя составляли особый союзъ, внѣшнимъ признакомъ котораго служили рубцы отъ надрѣзовъ на кожѣ,—что то въ родѣ гербовъ, на вѣки запечатлѣнныхъ на тѣлѣ. Надрѣзы производились у каждаго племяни на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ Африкѣ чаще всего на плечахъ, вискахъ, щекахъ и лбѣ; у индѣйцевъ на плечахъ и груди. Они дѣлались для выпусканія крови при братаньи, вступленіи въ племя и пр. (Разныя крови смѣшивались, образуя одну общую, чѣмъ и достигалось родство по крови. Братавшіеся скифы, по Геродоту, выпускали свою кровь въ вино, которое за тѣмъ распивали вмѣстѣ). Слово „незнакомый“ значитъ въ тѣсномъ и ближайшемъ смыслѣ *не имѣющій знака того рода*, съ которымъ встрѣтился незнакомецъ, т.-е. непринадлежащій къ этому роду и къ тѣмъ родамъ, знаки которыхъ извѣстны послѣднему; не-знак-омый.

[3]) Живая старина, 1900 г., вып. I—II, стр. 203. Изъ этихъ словъ нельзя еще заключить, что рѣчь тутъ идетъ имянно о родоначальствѣ, ихъ нужно понимать въ болѣе переносномъ смыслѣ, въ томъ, что свинья была отякамъ „кормилица“. Римляне могли тоже сказать, что волчица была имъ матерью, ибо вскормила, по преданію, первыхъ римлянъ. У отяковъ свинья считалась матерью едва ли не по тому, что она была ихъ первымъ домашнимъ животнымъ, что, приручивъ

рики, какъ въ древности и среди словянскихъ племенъ [1]) были роды и племяни Волковъ (лютичи), Вороновъ, Соколовъ (оботриды), Лисицъ и пр., называвшіе сами себя именами этихъ птицъ и животныхъ. Словяне, какъ русскіе, такъ и западные, (впрочемъ, какъ и другіе народы), кромѣ того, имѣли еще обычай давать имяна животныхъ отдѣльнымъ лицамъ. Такъ братъ варяга Рогволода полотскаго звался Туромъ, князь Всеволодъ прозывался Буй-Туръ, подъ 1208 годомъ въ лѣтописи (Ипатьевской) упоминается

ее или узнавъ уже домашнею отъ другихъ (это вѣрнѣе: названіе свиньи у финновъ заимствовано,—свинья=sika, сканд. sugga; porsos, лит. parsas, рус. поросъ-ёнокъ), они пріобрѣли въ ней обильное обезпеченіе себя отъ голода. Какъ извѣстно, свинья не требуетъ почти ни какого ухода за собою и въ то же время даетъ очень большой приплодъ и много мяса. О свиноводствѣ древней мордвы засвидѣтельствовано арабами X в. и позднѣйшими писателями, а тамбовскіе окорока до сего дня въ славѣ. Обезпеченіе себя пищей занимаетъ у первобытнаго человѣка главное мѣсто въ житейскихъ заботахъ; развившись до степени скотовода, т.-е. получивъ обезпеченіе себя въ своихъ насущнѣйшихъ и важнѣйшихъ потребностяхъ, первобытникъ долго остается на этой степени, застывая въ блаженномъ самодовлѣніи, какъ достигшій идеала своего счастья. Вообще скотоводъ въ исторіи развитія человѣчества напоминаетъ мѣщанина-буржуа въ исторіи развитія городскаго населенія; въ обоихъ случаяхъ одинаковое самодовлѣющее, мѣщанское счастье и довольство, сосредоточенное на обильномъ удовлетвореніи первыхъ потребностей тѣла и на полудремотной, вялой и лѣнивой дѣятельности духа, да и то въ области грезъ, мечтаній и измышленій. Собственно говоря, самъ скотоводъ по собственному почину и волѣ ни когда не превратится въ земледѣльца, трудъ котораго онъ считаетъ въ высшей степени унизительнымъ. Онъ сдѣлается земледѣльцемъ или черезъ рабовъ (очень медленно и то лишь въ качествѣ помѣщика), или самъ ставъ рабомъ и лишившись стадъ и возможности быть кочевникомъ. По крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуетъ прямое наблюденіе (башкиры, индѣйцы Америки и пр.) и мнѣніе о скотоводствѣ-кочевничествѣ, какъ объ одной изъ обязательныхъ переходныхъ степеней въ развитіи человѣчества,—отвлеченный домыселъ. Человѣкъ съ перваго раза, выходя изъ дикости, начинаетъ или воздѣлывать растенія, или разводить животныхъ, т.-е. съ самаго начала дѣлается или пахаремъ-гражданиномъ, или пастухомъ разбойникомъ.

Данное выше объясненіе отякскаго представленія о родоначальницѣ является частнымъ случаемъ, вообще же почитаніе животныхъ, птицъ и предметовъ развивается на иныхъ началахъ. Оно обусловлено представленіями человѣчества о посмертной жизни его умершихъ собратьевъ. Человѣкъ долго не постигаетъ сущности смерти, предполагая, что со смертью живое существо не уничтожается, а только перемѣняетъ образъ жизни и видъ (до нынѣ вѣримъ въ воскресеніе мертвыхъ). Представленіе о неуничтоженіи мертваго, т.-е. о посмертной жизни его вызываетъ другое представленіе,—о его блужданіи среди живыхъ и о его переселеніи и вселеніи въ особой странѣ—(царство мертвыхъ) или въ другихъ животныхъ, въ растенія и даже въ предметы. Почти всѣ народы переживаютъ степень развитія, характеризующуюся отдаваніемъ трупа на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ или на произволъ судьбы. Видя, какъ

[1]) Отрывки изъ изслѣдованій о варяжск. вопросѣ. С. Гедеоновъ, стр. 185.

Петръ Туровичъ; въ Псковской лѣтописи встрѣчаются прозвища и имяна воеводъ: Волчій хвостъ, Жеребецъ, Упырь, Медвѣдь, Собака; архимандритъ Печерскаго монастыря Никифоръ (XVII в.) прозывался также Туромъ. (Времен. Моск. общ. ист. и древн. рос., кн. 10, отд. I, ст. 92, 93); у другихъ словянъ извѣстны вожди съ имянами Волкъ, Соколъ и пр.; у чеховъ извѣстенъ дворянскій родъ Дятелъ [1]), въ Россіи существуютъ въ настоящее время фамиліи: Грачъ, Чечетъ (полякъ), Чижъ, Куликъ (малороссъ) и др. (первый въ Яросл. губ.); чуваши язычники точно также еще и теперь даютъ въ имяна людямъ названія звѣрей и птицъ [2]). Одни изъ родовъ и племенъ, забывъ первоначальный смыслъ названія, вели отъ такихъ животныхъ тёсокъ (соименниковъ) свое происхожденіе, другіе нѣтъ, но и тѣ и другія считали

животное съѣло трупъ его собрата, первобытникъ вполнѣ, по своему, послѣдовательно заключаетъ, что съ тѣломъ съѣденнаго въ животное поступили или перешли и признаки, отличавшіе это тѣло,—сила, умъ, храбрость и пр. (для пріобрѣтенія такихъ качествъ враговъ онъ самъ ѣстъ ихъ), словомъ—духъ умершаго. По этому, если съѣденный былъ предокъ или родственникъ, съѣвшее его животное обижать и убивать нельзя: вмѣстѣ съ нимъ обидишь или убьешь предка. Животное поступаетъ подъ запрещеніе, становится (по индѣйски) тотемомъ,—неприкосновеннымъ. Почтеніе и страхъ, окружавшіе главу, вождя, предка, не исчезаютъ съ ихъ смертью, ими окружаютъ ихъ духи или тѣни; умершій глава также властелинъ надъ своимъ родомъ, какъ и живой, ибо онъ не исчезъ, не пересталъ существовать, а лишь перемѣнилъ свой видъ и частью образъ жизни. По этому онъ по прежнему можетъ казнить и миловать, а по тому и относиться къ нему нужно по прежнему же—съ почтеніемъ и уваженіемъ. Слѣдовательно, если онъ переселился въ волка, то волку нужно оказывать тѣ же почтеніе и уваженіе, что и ему, ибо теперь это уже не простой волкъ, а волкъ, въ котораго вселился и въ которомъ обитаетъ преображенный смертью предокъ (иконы почитаются точно также не сами по себѣ, а какъ изображенія святыхъ и божества). Путемъ такихъ построеній и заключеній первобытникъ приходитъ мало по малу сперва къ почтенію, а позже и къ поклоненію животнымъ, къ ихъ освященію и обоготворенію. Понятно, что у разныхъ племенъ и народовъ тотемами и фетишами—(священными) были разныя животныя и предметы: у полинезійцевъ акула, у малайцевъ алигаторъ, у египтянъ крокодилъ, у персовъ (были) собака и пѣтухъ, у скандинавовъ волкъ и медвѣдь, у аттиканцевъ сова, а воронъ—вездѣ, гдѣ водится, змѣя также. Такъ какъ то животное (или предметъ), въ которое вселяется духъ умершаго, перестаетъ быть обыкновеннымъ такимъ животнымъ, а становится особымъ, управляемымъ вселившимся духомъ, то и самый духъ получаетъ его названіе. Отсюда у отяковъ родоначальница свинья, но не животное свинья, а женщина, духъ коей вселился послѣ ея смерти въ свинью. По животному прозвищу родоначальника, по названію его тотема прозывались и происходившія отъ родоначальника племяна, на примѣръ у индѣйцевъ Вороны, Собачьи шкуры (чипевеи), Камни (онеиты); у китайцевъ—Дѣти солнца и пр. (См. Ист. культуры... Ю. Липпертъ, стр. 327 и рисун. 382—385, 422, 430, 432).

[1]) Гедеоновъ, тамъ же, стр. 187. Божества древ. словянъ, А. С. Фаминцинъ, вып. 1, стр. 206.

[2]) Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр., т. XX, в. 6, стр. 328.

ихъ если не священными, то неприкосновенными и изображенія ихъ — (либо правдивыя, либо искаженныя, — стилизованныя)—употребляли между пр. и въ качествѣ священныхъ начертаній, предохранителей отъ бѣдъ, (какъ дѣлаютъ то христіане съ крестнымъ знаменіемъ), и въ качествѣ символовъ, печатей, клеймъ и пр. Самыя священныя животныя—тотемы, т.-е. носители духа предка, родоначальника водились или носились во главѣ, въ переди племяни при его переселеніяхъ, въ переди войска въ походахъ и на войнѣ и т. д. Со временемъ живыя существа для охраненія ихъ отъ враговъ стали замѣняться ихъ изображеніями—статуями и рисунками, которые впослѣдствіи начали помѣщать на древки для того, что бы они были видимы всему племяни или войску. Эти тотемы—защитники и покровители племяни постепенно превратились въ военныя знамена, образчиками каковыхъ могутъ служить—римское, дакійскія и пр. При разростаніи родовъ изображенія животныхъ, имянами которыхъ были прозваны родоначальники, превращалисъ въ ни что иное, какъ въ родовые гербы—знаки. Съ теченіемъ времяни и съ развитіемъ народа такіе родовые знаки переходили послѣдовательно не только на военныя знамена [1]), но и на флаги или прапоры шатровъ и ставокъ вождей и жилищъ правителей, а съ нихъ въ концѣ концовъ и на прапоры городскихъ башенъ, т.-е. дѣлались изъ частныхъ общими, изъ домашнихъ городскими, а позже и облостными. Пережитки подобныхъ родовыхъ знаковъ, (утратившихъ

---

[1]) По Шафарику древніе словяне и литовцы сражались подъ стягами, на которыхъ были представлены изображенія животныхъ, служившихъ имъ вѣровыми символами. Шафарикъ думалъ, что имяна такихъ животныхъ переходили на роды и племяна, состоявшіе подъ указанными стягами, и приводилъ примѣръ кршанъ (кршане=коршане, коршуны, коршуане) острова Крки (Veglia), получившихъ названіе чучей—(cuci; cuc=коршунъ; Шафарикъ вмѣсто „коршунъ“ ставитъ „бубо“ (bubo), но ошибочно: bubo=бугай, филинъ, а не коршунъ),—будь-то бы, отъ изображавшагося у нихъ на стягахъ коршуна (Гедеоновъ, тамъ же, стр. 186). Гедеоновъ къ приведенному добавляетъ (стр. 191), что въ Польшѣ роды назывались обыкновенно по гербамъ. Однако оба мнѣнія нужно признать за невѣрныя. Очевидно, что сперва явился родъ, а затѣмъ его названіе и наконецъ знакъ—гербъ. Стягъ для того и введенъ, что бы по немъ различать въ толпѣ своихъ отъ чужихъ и *стягиваться* въ одно мѣсто, держаться въ кучкѣ; онъ не болѣе, какъ условный знакъ, смыслъ котораго не значительнѣе разноцвѣтныхъ околышей фуражекъ различныхъ вѣдомствъ. „Знамя“ непосредственно значитъ знакъ, отмѣтка (зарубка, начертаніе и всякая другая замѣтка), въ каковомъ смыслѣ это слово употреблялось въ средневѣковыхъ бумагахъ и употребляется народомъ (да и вообще: крестное знамяніе) до сихъ поръ. Титмаръ сообщалъ, что на знаменахъ лютичей была изображена богиня. (Божества древ. словянъ. А. С. Фаминцинъ, вып. 1, стр. 21). У даковъ (на Трояновой колоннѣ) изображены знамены въ видѣ драконовъ (очень близкихъ по виду къ дракону московскаго герба, поражаемому Георгіемъ), насаженныхъ на древко (Бессарабія. П. Н. Батюшковъ, стр. 12.

былое значеніе) можно наблюдать еще и нынѣ въ видѣ различныхъ прапоровъ (пѣтуха, коня, медвѣдя, человѣка, воина, „Георгія“—всадника и пр.) на мачтахъ волгскихъ судовъ [1]).

Мѣты назывались у русскихъ словянъ различно.—Кромѣ этого слова, бытующаго до сихъ поръ, были еще: **знамяніе, знамя** (знамѧ)[2]),—А-же боудетъ росѣчена земля или= (и-ли) на земли *знаменіе* (знакъ), имь же ловлено, или сѣть... (Рус. Правда Вл. Мон.); Аще (аз-че) кто пострѣчетъ (нацарапаетъ) *знаменіе на челѣ* своемъ и сажею натреть... (Мин. Чет. Макар.); Берендичи послаша отрока,... попсавше (написавъ) ему свое *знаменіе*. *Знаменьіе* же глаголать *стягъ*, имъ же знаменяютъ воеводы побѣду; знаменьіе же и стягъ(и) ли хоругвь; повелѣ развертѣти знамя, на немъ же написанъ образъ Господа (1552 г.) и стояху на два лика, и каждыи *своея земли знамя* (отличіе, признакъ) имѣяху... каждой ликъ свое знамя имѣяше. Въ московскомъ казенномъ дворѣ сохранялись „метальныя змѣи на древкахъ, что бывали у жильцовъ за прапоровъ“. (Времен. Моск. общ. ист. и древ. рос., кн. X, отд. I, стр. 96). А ожо (а-же) кто борть раззнаменуетъ (т.-е. уничтожитъ знамя на ней), то 12 гривенъ продажи (взысканія; Рус. Прав., изд. 1799 г., стр. 72); у потока на пни на еловомъ—старые грани, и назнамянанъ топоръ (изображенъ топоръ—мѣта или знамя); знамя:—вилы съ легаломъ (1482 г.);...—двои косы, да три косы (1478 г.); три рубёжи (зарубки);... уюжское мотовило лежачее, подъ исподомъ (у него) два рубежа (1533 г.);... лукъ къ земли рогами ;... борода-жь, на бокъ (отъ нея) два тня (потыка) ▽=;... борода жь, въ верху двѣ перевары накось ″▽;... борода, въ верху вилы (1533 г.);... дерево,—заросль знамя таково , а вновь средней „глазъ“ да „поесъ“ (поясъ) поддѣланъ (поправленъ); дубъ заросль, а знамя таково [3]). Все это мѣты или штемпеля, замѣняющіе

[1]) Особенно „тихвинокъ“ или „тифинокъ“, т.-е. судовъ, ходящихъ по Тихвинскому водному пути, и „мокшановъ“, приходившихъ на верхнюю Волгу съ низа. Первыя строились главнымъ образомъ на р. Тихвинкѣ,—правомъ притокѣ Сязи, вторые на р. Мокшѣ, правомъ же притокѣ Оки, т.-е. и тѣ, и другіе въ земляхъ финскихъ инородцевъ. Въ устройствѣ тѣхъ и другихъ судовъ большая разница. Мокшаны нынѣ почти совсѣмъ вывелись, (одинъ изъ нихъ представленъ на картинѣ Рѣпина „Бурлаки“).

[2]) Отъ знать (знамо); знать въ полногласіи=зенать, занать: зендс. zan, zhnatar, курд. zanin=знать, литов. zenulas=знакъ (Срав. Этим. словарь рус. языка. Н. В. Горяевъ—„знать“). Приводимые ниже примѣры употребленія наимянованій мѣтъ взяты изъ „Матеріалы для словаря древ.-рус. языка“ изд. Акад. наукъ; Словян.-церк. словарь рус. яз. Изд. Ак. Н. 1847 г. Рус. толков. словарь. В. Даль.

[3]) Столбецъ № 89 по Якуш. описи въ Ярос. Арх. Ком. Много

подписи и по тому являющіеся личными или родовыми знаками, т.-е. гербами.

Печать [1]): ношаху сли (послы) печати злати, а гостье сребрени (945 г.);... написахомъ на харатьи (хартіи) сей и *своими печатьми* запечатахомъ, т.-е. проставивъ, изобразивъ свои знаки или мѣты; мирный договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г. утвержденъ или засвидѣтельствованъ „всехъ купечь печатью“ [2]).

Пятно [3]) (пѧтьно): А за княжь конь, и-же тои съ пятномъ,—3 гривнѣ... (Рус. Прав.);.. покралъ конѣ Мьстиславли... и пятны своѣ всклалъ, рознаменывоюче—(раззнамёнывая)... (1179 г);... и коневъ у них ни иныхъ животины не пятнять (1434 г.). Тѣ деревянные новые мѣры съ тѣмъ съ новымъ пятномъ, которые пятна новые предъ собою учините... (1550 г.)... Продалъ есми мерина ворона подунайскихъ лошадей... а на лѣвомъ бедрѣ пятно подунайское (1651 г.).

Рѣзъ=нарѣзъ, вырѣзка, знакъ, сдѣланный нарѣзкой или надрѣзомъ (см. выше: чертами и рѣзами чтяху); нарѣзка или зарубка на биркѣ. Бирка [4])—счетная палка, до-

---

знаменъ—знаковъ атемарцевъ въ челобитной ихъ (№ 41). Приведенные знаки употреблялись мордвой XVII в. Саранск. у. Пензенской губ. Интересны названія ихъ: глазъ, лукъ, борода, свидѣтельствующіе о цѣлой системѣ.

[1]) Отъ печь—жечь, прижигать, выжигать горячимъ или накаленнымъ,—солнце печетъ. Форма „печь“ позднѣйшая, измѣненная, а первоначальною будетъ пекь—пекти, ст. сл. пещи-съ=песчись, пестчись; греч. πέσσω=πέκω=испеченый, спѣлый; санс. pacati, зенд. pac; лит. pecius, peckuris, лот. pecka. Что печати прикладывались путемъ выжиганія ихъ, это не подлежитъ сомнѣнію,—скотъ, бревна и пр. клеймятъ (таврятъ) до нынѣ такимъ способомъ,—на на сколько этотъ пріемъ первобытенъ, я затрудняюсь опредѣлить за неимѣніемъ данныхъ. Однако укажу, что „печать“ можно производить, (даже, пожалуй, съ большей вѣроятностью), отъ иного корня: лат. pecten=царапины, борозды, рубцы и черты на корѣ дерева; грабли, борона, гребень, щетка—скребница (т.-е. орудія царапанья, борозженья, рубцованья). На основаніи этихъ значеній первобытную печать нужно понимать, какъ царапину, зарубку, черту, рѣзъ, чѣмъ она и была на самомъ дѣлѣ. Принявъ же во вниманье, что на ряду съ pecten=рѣзъ стоитъ pecu (pecus, pecua)=скотъ, имущество, можно будетъ, кажется, думать, что печатью первоначально были скотскія мѣты въ видѣ рѣзовъ на ушахъ, употребляемыхъ до сего дня, особенно инородцами.

[2]) Запис. Одес. общ. ист. и древ., т. XXV, стр. 463.

[3]) Пѧтьно=піатино—піатено—пьатьно=пятно отъ пята, т.-е. знакъ, похожій на отпечатокъ пятки, на знакъ, сдѣланный вдавленіемъ пятки, позже знакъ пятка (количества). Этотъ знакъ (ямка, лунка, точка) широко употреблялся въ древней письменности (на пр. м. руническої) для раздѣленія словъ (см. на пр. похоронный горшокъ изъ подъ с. Алеканова Рязан. у. (Археол. Изв. и Замѣтки 1897 г. № 12). Послѣдняя выдержка взята изъ столбца № 21 (Якуш. описи) Яр. Арх. Ком.—См. кое-что по исторіи печати—Матеріалы по рус. сфрагистикѣ. А. В. Орѣшниковъ; Труды II обл. арх. съѣзда, отд. 2, стр. 121...

[4]) Тюрк. бір=одинъ, ѣк=два (Этим. сл. р. яз. Н. Горяевъ), дру-

щечка, или чурка, прообразъ записной счетоводной книги. На ея плоскихъ граняхъ дѣлаютъ ножемъ, гвоздемъ и т. п. для памяти или видимости различныя вырѣзки (углубленія), обозначающія число или количество чего нибудь (дней рабочихъ или постойныхъ, мѣръ хлѣба, денегъ,—рублей, копеекъ, „гривенъ“ и пр., взятыхъ въ долгъ и т. д.), или же знаки собственности, личности. Бирочныя нарѣзки—зачаточныя цифры сохранились цѣликомъ въ „римскихъ“ цифрахъ и живутъ у русскихъ среди безграмотныхъ и мало-грамотныхъ по настоящій день. Дѣлаютъ ихъ не только ножемъ и не только на палкѣ или дощечкѣ, а чѣмъ случится и на чемъ случится: царапаютъ гвоздемъ или другимъ остріемъ (осколкомъ стекла, камня и пр.) на двери, чертятъ углемъ или меломъ на стѣнѣ, на откосѣ окна, на печи, на трубной дверкѣ (выраженіе: записать въ трубѣ меломъ), плотники топоромъ или долотомъ („перемѣчиваютъ“) на доскахъ пола, на бревнахъ стѣнъ и т. д. Простѣйшіе рѣзы ни что иное, какъ рядъ болѣе или менѣе отвѣсныхъ коротких чертъ—„палокъ“, изображающихъ единицы. Усовершенствованіе, вызванное затруднительностью счета длиннаго ряда „палокъ“, выразилось постановкой послѣ извѣстнаго опредѣленнаго числа прямыхъ палокъ (чрезъ 5, 10)—косой („косынка“, „косыня“), что избавляло отъ необходимости считать каждую палку и давало возможность вести счетъ

гіе производятъ изъ норманскаго. Но можно видѣть въ этомъ словѣ и полногласную форму отъ русскаго „брать“, „бирать“ (собирать, сбирать, не бирывалъ). Отъ бирки происходитъ „биричь“, „бирючь“—сборщикъ податей (позже—глашатай), получившій свое названіе отъ употребленія имъ бирокъ, на которыхъ онъ записывалъ рѣзами платежи и долги. Противъ заимствованія слова „бирка“ отъ татаръ говоритъ то, что происходящее отъ него „бирючъ или биричъ“ было извѣстно за долго до татаръ: въ 992—993 г. „Владимеръ же... посла биричи по товаромъ“, В. Мономахъ—„на посадники не зря, ни на биричи“... (Поученіе. Матеріалы для словаря др. рус. языка И. И. Срезневскій, т. I, стр. 87). Въ Псковск. губ. бирка=лукошко, корзинка для сбора грибовъ, ягодъ и пр., во Владим. губ.—приборъ для съемки плодовъ—шестъ съ деревянной чашкой на концѣ. Въ Малороссіи чуркой (цурка) зовется бирка—кусочекъ дерева съ вырѣзаннымъ на немъ знакомъ личности (родовымъ) или собственности или съ мѣтою, привязываемый къ домотканнымъ тканямъ, отдаваемымъ мастеру для краски или валянья (сукно). Чурка раскалывается надвое и одна половина хранится у хозяина ткани, другая привязывается къ ткани (Труды XII арх. съѣзда, т. III, стр. 202. Толков. словарь рус. языка В. Даль). Бирки и нынѣ въ употребленіи у эскимосовъ, негровъ, ашанти, ноямъ-ньямъ и пр. (Моск. Вѣд. 1904 г. № 212). У отяковъ значеніе бирки очень расширилось: вызывая ворожея (усто туно), они даютъ ему въ обезпеченіе его бирку съ знаками на ней всѣхъ зовущихъ; при „подпискѣ“ на жертвенное животное на одной грани бирки вырѣзывается знакъ „подписывающаго“ деньги, а на другой сумма ихъ бирочными (римскими) цифрами. Въ первомъ случаѣ бирка является мірскимъ приговоромъ, во второмъ подписнымъ листомъ. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XXII, стр. 196, 204).

пятками и десятками. Дальнѣйшее усовершенствованіе заключалось въ перекрещиваньи одной косынки другою чрезъ два пятка палокъ, что воспроизводило римскую цифру X или букву *x*.—знакъ десятка. А такъ какъ пятокъ является половиной десятка, то изображенію его скоро присвоили половину изображенія или знака десятка, т.-е. знакъ въ видѣ римской цифры V или буквы ижицы *V*, представляющій собою двѣ сходящіяся подъ острымъ угломъ косынки. Числа отдѣлялись одно отъ другого ямками, (дыркой, углубленіемъ, потыкомъ), точками или кружками, кои ставились первоначально послѣ пятковъ—наибольшихъ или крайнихъ изъ извѣстныхъ тогда арійцамъ чиселъ (откуда и названіе числа „пять“, т.-е. числа отдѣленнаго отъ другого знакомъ („слѣдомъ“, оттискомъ) пяты—ямкой, лункой) и которые, какъ ничего неизображавшіе и неимѣвшіе числового значенія, позже стали изображать нуль въ счисленіи и точку—знакъ конца, окончанія—въ правописаніи [1]). Въ этихъ простыхъ знакахъ и въ различномъ ихъ соединеніи или сочетаніи и заключались первоначально пріемы письменнаго или, точнѣе, изобразительнаго счисленья; большихъ чиселъ, а стало быть и ихъ изображеній, ихъ знаковъ не было въ употребленіи [2]), ибо не было въ нихъ надобности. Указан-

[1]) Это же значеніе точка (ямка и кружокъ—ея изображеніе) имѣла и въ счисленіи, знамянуя конецъ одного числа и начало другого, т.-е. раздѣляя, разобщая числа. Въ нѣкоторыхъ бумагахъ даже еще XVI и XVII в.в. точка ставилась послѣ каждаго слова; то же на монетахъ и медаляхъ. Нынѣ точка обозначаетъ также конецъ, но не слова уже, а предложенія—фразы. До 5 и даже до 8 и 10 „считаютъ“ даже нѣкоторыя животныя и птицы, какъ доказалъ довольно основательно д-ръ Тимофеевъ (а раньше Одюбонъ). Впрочемъ, счетъ ихъ въ большинствѣ случаевъ едва-ли идетъ дальше простаго запоминанія отличительныхъ признаковъ отдѣльныхъ особей и предметовъ и различанія по нимъ этихъ особей и предметовъ, въ указанныхъ предѣлахъ, за которыми память начинаетъ измѣнять. Она перестаетъ удерживать отличія и животное теряетъ счетъ, перестаетъ учитать. Вообще у животныхъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ чувство (зрѣніе и слухъ), а не разумъ и яснаго отчетливаго счета у нихъ нѣтъ, а лишь смутный, зачаточный въ видѣ чувствованія общаго количества; животное считаетъ не числено, а признаками, не одинъ, два..., а красный, сѣрый, кривой... (Сынъ Отечества 1891 г. № 201; Исторія культуры. Ю. Липпертъ, 336 стр.).

[2]) Словяне, отдѣлившись отъ прочихъ арійцевъ, не знали еще тысячи, т.-е. не умѣли еще считать до тысячи, названіе которой у нихъ совсѣмъ отличное отъ названія тысячи другими арійцами. Первоначальное значеніе слова „тысяча“ уяснить затруднительно, Н. В. Горяевъ толкуетъ его (см. Ср. этим. словарь рус. яз.) какъ—„много сотенъ“. Сотни словяне знали до отдѣленія, но и сотнями имъ считать приходилось, видимо, не часто, такъ какъ для сотни нѣтъ общаго всѣмъ арійцамъ знака. Цифры извѣстныя нынѣ подъ названіемъ „словянскихъ“, явленіе всецѣло искусственное и къ дѣйствительно словянскимъ цифрамъ не имѣютъ ни какого отношенія, ибо настоящія словянскія цифры (бирочныя) почти тождественны съ „римскими“. По недостатку шрифта нѣкоторыя иностранныя слова здѣсь переданы не достаточно точно.

ный способъ изображенія чиселъ употреблялся арійцами уже тогда, когда словяне не отдѣлялись еще отъ латинянъ, какъ это видно по общности или по одинаковости изображенія чиселъ 5, 10 и др., и по значенію латинскихъ словъ отъ корня рѣз. Reseco=рѣзать, разрѣзывать—(дѣлить на части), отрѣзывать, обрѣзывать (уменьшать, сокращать); res=повторность (т.-е. такое же дѣйствіе, какъ при начертаніи числовыхъ, счетныхъ „палокъ“ —чертъ или зарубокъ,—разъ, разъ...); опять, снова [1]); памятка (знакъ для памяти, запись), опытъ (извѣданность, испробованность, знаніе); вещь, дѣло; *польза*, *прибыль*, *выгода*, *процентъ* ростъ (капитала), т.-е. то же самое, что и древне-словянское „рѣзъ“ (рѣзоимство). Но такъ какъ ростовщичество обогащаетъ и, отдавая должника въ руки ростовщику, въ то же время подчиняетъ перваго послѣднему, то то же слово res стало обозначать у латинянъ (римлянъ) съ одной стороны—имѣнье, богатство, съ другой—власть, сила. Разсчеты по займамъ сопровождаются весьма часто спорами и ссорами, кончающимися судомъ, вслѣдствіе этого слово res пріобрѣло еще значеніе тяжба, судбище, судебное дѣло (русское областное рѣзаться=браниться, ругаться, драться на кулачкахъ, состязаться). Такъ какъ долгъ доказывался рѣзами на биркѣ (въ общемъ смыслѣ), что для русскихъ,—(у которыхъ такіе рѣзы имѣли въ народѣ силу письменнаго документа еще въ XIX в.)—засвидѣтельствовано письменностью (а кто иметъ искать сблюденія по дос камъ), то слову res присвоилось еще значеніе „доказательство, очевидность“; способъ, средство (доказать, записать, сдѣлать видимымъ). Горяевъ русское рѣзъ—процентъ, серб. пореза, албан. porez=подать, дань считаетъ темными, Даль же объясняетъ безъ колебаній, что древнее выраженіе „давать въ рѣзы“ (въ проценты) имѣетъ исходною точкою нарѣзки на биркѣ. И Даль правъ: извѣстно положительно, что долги записывались (вырѣзывались) нарѣзками, а списывались или гасились, „очищались“ срѣзками или сострагиваньемъ сдѣланныхъ нарѣзокъ (было и выраженіе „срѣзать долгъ“, равнозначное нынѣшнему „зачеркнуть“ или „похерить“, т.-е. перечеркать крестъ-на-крестъ, или „херами“ долгъ); отсюда, можетъ быть, и латинское resolvo=уничтожать, развязывать („развязаться съ долгомъ“), уплачивать. Въ долгъ давалось первоначально (и очень долго) безъ залога и по тому нельзя думать, что бы рѣзомъ являлась часть залога, отрѣзанная ростовщикомъ въ видѣ процента; да отъ многихъ залоговъ нельзя было и сдѣлать этого.

Тамга—появляется у русскихъ съ XIII в. отъ татаръ; ...царь пожаловалъ митрополита: со алою тамгою ярлыкъ

---

[1]) Res—aevio=опять освирѣпѣть, res—aluto=опять кланяться, res—cribo=опять писать и т. д.

далъ .. Татарское (казан.) tamga=тамга, персид. temgha=клеймо. Слово это привилось въ народѣ далеко не повсемѣстно въ Россіи, во многихъ мѣстностяхъ его не знаютъ, въ другихъ оно стало забываться.

Тавро. ....продалъ.... коня.... на лѣвомъ боку тавра,— лукъ (1654 г.). Горяевъ не даетъ ни какого объясненія происхожденію этого слова, въ остальныхъ, указанныхъ выше, словаряхъ объясняется лишь его значеніе: клеймо на скотѣ. Лат. taurus=быкъ, волъ, taura=корова яловая, греч. ταυρος быкъ, лит. tauras=туръ, прус. tauris=буйволъ, ст. сл. и рус. туръ (тауръ)=быкъ дикій, нынѣ вымершій, то же въ польскомъ и чешскомъ языкахъ. Значеніе корня тур=могучій, сильный, крѣпкій, дородный, устойчивый: санск. sthura; др. вер. нѣм. sturi, stiuri=сильный; санск. tur=быстрый, turá=стремительный, turati=бѣжитъ. спѣшитъ, рус. турить, турять=гнать, заставлять бѣжать, туровать=торопить (обл.). Судя по большинству приведенныхъ значеній, нужно думать, что тавро первоначально было мѣтою или клеймомъ, налагавшимся не на всякій, а лишь или преимущественно на рогатый скотъ и что ему была присвоена кромѣ этой еще и какая либо другая особенность. Такой особенностью было, кажется, особое начертаніе тавра, по кр. м. нынѣ чаще всего, если не всегда, тавромъ называется знакъ въ видѣ буквы ⊤ [1]). Не обозначалъ ли этотъ знакъ въ первобытной письменности быка, не былъ-ли онъ его символомъ, стилизованнымъ быкомъ на подобіе того, какъ сложная крестовидная фигура была стилизованнымъ изображеніемъ человѣка. Слово „тавро“ нужно, кажется, признать заимствованнымъ русскими, ибо распространено оно гл. обр. въ южной Россіи, въ другихъ же мѣстахъ часто совершенно не извѣстно.

О словахъ „**клеймо**“ и „**ярлыкъ**“ (ерлыкъ), нынѣ широко распространенныхъ и почти вытѣснившихъ во многихъ мѣстахъ старыя названія мѣтъ, говорить здѣсь нѣтъ надобности, такъ какъ оба эти слова заимствованы довольно поздно: древ. сѣв. герм. и швед kleima=марка, мѣтка. знакъ, сдѣланные клейкимъ веществомъ; татар. jerlik (jarleg) — приказъ (писаный, „бумага“, какъ знакъ воли хана или какъ знакъ права, даннаго имъ) [2]).

---

[1]) Откуда и названіе „тавровое“ желѣзо“—(полосовое), т.-е. такое, которое въ поперечномъ сѣченіи имѣетъ видъ буквы ⊤ ⊥; „двутавровое“ имѣетъ сѣченіе въ видѣ двухъ соединенныхъ ⊤—⊥. Выдержка взята изъ столбца № 31 (Якуш. оп.) Яр. Арх. Ком.

[2]) Слово „марка“, широко-распространенное въ Германіи (между пр. и съ значеніемъ деньга, монета), и употребительное у западныхъ словянъ (чрезъ заимствованіе), русскимъ въ смыслѣ мѣты не знакомо. Значитъ оно: помарка, знакъ, сдѣланный мараньемъ, т.-е. при посредствѣ красящаго вещества.

У русскихъ инородцевъ различныя мѣты и личные и родовые знаки извѣстны и по старинным свидѣтельствамъ („подписи“ къ актамъ, приложеніе къ нимъ своихъ знаковъ, что было и у русскихъ, какъ показано), и по современнымъ наблюденіямъ [1]). Такимъ образомъ существованіе гербовъ (въ зачаточномъ и болѣе развитомъ видѣ) уже на первыхъ ступеняхъ просвѣщенія человѣчества можетъ считаться не только установленнымъ, но до извѣстной мѣры и необходимымъ, при чемъ первоначально они несутъ чисто и исключительно служебное отправленіе. Съ возникновеніемъ и распространеніемъ письменности собственно гербы постепенно утрачиваютъ свое значеніе и выходятъ въ народѣ изъ употребленія, существуя лишь какъ пережитокъ, и наконецъ превращаются въ прихоть и праздную затѣю высшихъ слоевъ населенія.

Изъ 10 гербовъ Ярославской губерніи заслуживаютъ вниманія только четыре, (вѣрнѣе, два: два другіе еще не опредѣлены), а именно: г. Ярославля, онъ же Ярославскаго уѣзда и губерніи, бывшій гербъ Ярославскаго княжества (или, точнѣе, княжаго города: народъ земельныхъ, областныхъ гербовъ не знаетъ)—*медвѣдь*; бывшаго Ростовскаго княжества, нынѣ г. Ростова и его уѣзда—*олень* и два неизвѣстныхъ: *пѣтухъ* (кочетъ) и *конь*.

Болѣе старыя свидѣтельства сохранились о двухъ первыхъ. Эти гербы (и имянно, какъ гербы, а не какъ печати) помѣщены въ такъ наз. Большой государственной книгѣ [2]), хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства

---

[1]) См. на прим. Труды Оренбург. учен. архивной комиссіи, в. XIII,—башкирскія тамги; бортныя знамена—Труды Рязан. арх. ком., т. XIX, вып. 3, стр. 194 и 200; знаки рукоприкладства—столбецъ № 41. (Якуш оп.) Яр. арх. ком.

[2]) Или корень россійскихъ государей, Царскій титулярникъ то-жъ (см. Портреты, гербы и печати Большой государственной книги, изд. С.-Петерб. археол. институт., л. 40, а текстъ въ Древней россійск. вивліофикѣ, изд. 2, 1791 г., ч. XVI, стр. 86). Въ текстѣ нѣтъ описанія гербовъ бывшихъ ранѣе княжествъ и описывается лишь печать Россійскаго государства, вслѣдствіе чего о гербахъ удѣльныхъ княжествъ ни какихъ свѣдѣній тутъ получить нельзя. Впрочемъ въ книгѣ сообщается подробный титулъ (величаніе) Алексѣя Михайловича – послѣдняго царя (по бумагамъ, въ народѣ титулъ „царь“ остается въ полной силѣ). Въ титулѣ онъ названъ: великій государь, царь и великій князь,– всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержецъ. Однако таковымъ онъ являлся лишь для русской земли вообще, т.-е. для всей страны и по тому, что она сложилась и изъ государствъ, и изъ царствъ, и изъ княжествъ великихъ и простыхъ; для отдѣльныхъ же частей Россіи этотъ государь и царь не былъ тѣмъ, чѣмъ величалъ его титулъ. Такъ для Ярославля, Ростова и Бѣлоозера онъ только „государь и великій князь ростовскій, ярославскій и бѣлозерскій“, для Твери, Вятки, Перми и пр. только „великій князь“ (стр. 116).

иностранныхъ дѣлъ [1]) и составленной по распоряженію царя Алексѣя Михайловича, какъ думаютъ, въ 1672 г. *Ярославскій гербъ* изображенъ здѣсь въ видѣ медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ на травѣ въ ³/₄ вправо отъ зрителя, съ мордой въ ³/₄ влѣво, на правомъ плечѣ держитъ правою лапою протазанъ [2]) съ челкой, лѣвая приподнята впередъ; на заднемъ планѣ лѣсъ (видимо, еловый). Изображеніе окаймлено узкою овальною рамкою изъ чешуекъ (стилизованныхъ листьевъ) и лавроваго вѣнка (стилизованнаго же), а кругомъ ея помѣщенъ уборъ (картушъ) изъ завитковъ въ западно-европейскомъ вкусѣ; надъ головой медвѣдя въ полѣ герба надпись словянскими букваму Ꙗрославскій. Въ книгѣ этотъ гербъ (какъ и всѣ др. рисунки) исполненъ красками, но добыть свѣдѣнія о нихъ мнѣ не удалось къ большому сожалѣнію и по тому привожу здѣсь черный рисунокъ, снимокъ съ помѣщеннаго въ названномъ изданіи археологическаго института. (Рис. 1, на табл. I).

Слѣдующее (изъ обнародованныхъ) извѣстіе о ярославскомъ гербѣ относится къ концу того же XVII ст. 19 іюля 1692 г. цари Иванъ и Петръ „указали—въ Ярославской приказной избѣ для своихъ,—великихъ государей, и челобитчиковыхъ дѣлъ быть печати изображеніемъ гербъ ярославской“...[3]). По этому поводу въ посольскомъ приказѣ, долженствовавшемъ осуществить сдѣланное распоряженіе, завелось „дѣло“ [4]), изъ котораго заимствуются ниже-слѣдующія подробности (въ изложеніи Токмакова). Между пр. тамъ приводится такая справка: Въ государственномъ посольскомъ приказѣ, въ государственной книгѣ, *въ гербахъ княженія Ярославскаго* написанъ гербъ (табл. I, рис. 1): въ кругу (овалѣ) медвѣдь черный стоитъ на заднихъ лапахъ, въ правой ногѣ передней держитъ протазанъ, а лѣвую переднюю ногу протянулъ; подъ нимъ написанъ лѣсъ и трава, подписано только: „ярославскій“. Краткая надпись „ярославскій“ вызвала недоумѣніе:... „или подписать (на печати) только противъ печатей иныхъ городовъ по сему: печать царскаго

---

[1]) Есть еще въ публичн. библіотекѣ и въ эрмитажѣ.

[2]) Видъ копья, у котораго подъ жаломъ съ одной стороны рогъ, съ другой багоръ, на Русь занесенъ нѣмцами.

[3]) Сборникъ и указатель архивныхъ документовъ, относящихся до Ярославской губерніи, хранящихся въ москов. главн. архивѣ минист. иностр. дѣлъ. И. Ф. Токмаковъ, вып. IV, стр. 1. Первое полное собраніе законовъ Россійск. имперіи съ 1649 г., т. III, № 1445.

[4]) „Дѣло 1692 г. Іюля 18 о устроеніи городу Ярославлю печати по гербу съ надписью“, хранится въ моск. гл. архивѣ мин. ин. дѣлъ (тамъ же). Въ Собраніи госуд. грам. и догов. (ч. 4, стр. 634, № 213) помѣщена „Память изъ государственнаго посольскаго приказа въ разрядъ“ (1692 г.), текстъ которой отличенъ въ мелочахъ отъ приведеннаго Токмаковымъ.

величества княженія Ярославского, или:—печать княженія Ярославского, или:—печать царскаго величества града Ярославля, или только:—града Ярославля, о томъ великіе государи что укажутъ"? Государи указомъ 20 Авг. 1692 г. велѣли сдѣлать „печать величиною противъ псковской и смоленской... а вырѣзать на той печати *знакъ княженія Ярославскаго*, который написанъ въ посольскомъ приказѣ въ книгѣ гербовой, а подпись на ней также, какъ на смоленской печати"...[1]). Дѣло заканчивается сообщеніемъ.... „*знакъ* на той печати вырѣзанъ,—по записной государственной книгѣ,—*княжества Ярославского*: медвѣдь, стоящій на заднихъ ногахъ, съ протазаномъ, а около того знака на той печати подписано и вырѣзано сими словесы: печать царскаго величества княжества Ярославскаго"[2]). (См. табл. I, рис. 2). Существуетъ ли еще эта печать (серебряная) нынѣ и, если да, гдѣ хранится, не извѣстно[3]).

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно: во 1) что *гербы назывались*, какъ сказано уже, *знаками*, во 2) что такіе знаки—гербы были уже установлены для различныхъ областей государства—прежнихъ самостоятельныхъ княжествъ, въ 3) что для древняго Ростовскаго княжества гербовъ было признано и установлено правительствомъ, судя по Государственной книгѣ, два,—ярославскій и ростовскій[4]), въ 4) что печати ранѣе ярославской были заведены для Псков-

---

[1]) Токмаковъ, указанная книжка, стр. 2.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) Въ Моск. Оружейн. полатѣ ея не оказалось, сенатскій департаментъ герольдіи не отвѣтилъ на запросъ Яросл. арх. коммиссіи по этому поводу, изъ собранныхъ же мною справокъ на мѣстѣ выяснилось вотъ что. Печать Ярославской приказной избы вмѣстѣ съ нѣсколькими бумагами хранилась въ Ярославскомъ губернскомъ правленіи и еще въ 1879 г. В. И. Лѣствицинъ писалъ (Яр. Епар. Вѣд., стр. 218),—печать „Ярославскаго княжества".... въ числѣ старыхъ вещей здѣшняго губернскаго правленія найдется, кажется, и теперь.—Что значитъ это „кажется", я не знаю, но по слухамъ печать была еще въ губернскомъ правленіи и позже,—въ 1880 г.г.; теперь ея тамъ нѣтъ. Къ счастью мнѣ удалось отыскать восковой и сургучный ея оттиски въ старыхъ дѣлахъ, съ которыхъ и привожу рисунокъ (2) по фотографіи. Такимъ образомъ маленькое, но любопытное звенышко изъ прошлаго Ярославскаго края будетъ спасено для науки. Печать была вырѣзана очень тонко, на восковомъ оттискѣ ея въ лупу видны даже зубы въ пасти медвѣдя. На указѣ (20 мая 1710 г.), къ которому приложена печать, значится: „при семъ его царскаго величества указѣ *княжества ярославскаго* печать". Указъ данъ изъ Ярославской приказной полаты угличскому коменданту Тим. Гур. Ергольскому о рублевомъ сборѣ.

[4]) Точнѣе три, еще бѣлозерскій. Всѣ три изображены на одномъ листѣ книги, въ которой изображенія гербовъ расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ перечисляются въ титулѣ Алексѣя Михайловича зѣмли, обозначенныя гербами. Титулъ этотъ представляетъ собою явленіе, сложившееся не естественнымъ путемъ, обусловленнымъ ростомъ Московскаго государства, а искусственное, онъ выду-

скаго (и Новгородскаго) „государствъ“ и для Смоленскаго княженія, и въ 5) что Большая государственная книга называлась и просто „Государственной“, и „Записной государственной“, и „Гербовой“.

Дальнѣйшимъ общимъ правительственнымъ распоряженіемъ о городскихъ гербахъ былъ указъ Петра же отъ 3 ноября 1723 г. о формѣ суда, въ которомъ приказывалось—для запечатыванья судныхъ дѣлъ какъ въ полицимейстерскихъ канцеляріяхъ, такъ и въ надворныхъ судахъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ сдѣлать печати.—На нихъ приказывалось вырѣзать тамъ, гдѣ уже имѣлись губернскіе, провинціальные или городскіе гербы, эти гербы, гдѣ же такихъ гербовъ не было, для такихъ мѣстъ повелѣвалось—нарисовать приличные вновь въ герольдмейстерской конторѣ и со оныхъ отослать тѣ рисунки, для разсылки во всѣ судныя мѣста, въ юстицъ-коллегію. Сочинить гербы было поручено полковнику, графу Сантію, но онъ „объявленіемъ“ отъ 14 октября 1724 г. увѣдомлялъ герольдмейстерскую контору, что „ему вновь сочинить гербовъ не можно“ по неимѣнію нужныхъ свѣдѣній о тѣхъ мѣстахъ, для которыхъ предназначались гербы. Вслѣдствіе этого заявленія герольдмейстерская контора разослала указъ (отъ 30 ноября 1724 г.) съ требованіемъ прислать ей изъ губерній и провинцій „вѣдѣніе“ о времяни и причинѣ постройки городовъ, каменные, деревянные или земляные они, о ихъ названіяхъ, мѣсто расположеніи, о ростеніяхъ и животныхъ окружающей мѣстности и т. д., „что бъ изъ того возможно сыскать доподлинаго обстоятельства“. Что отвѣтилъ на это требованіе ярославскій воевода, по неимѣнію еще дѣлъ ярославской провинціальной канцеляріи и магистрата въ архивной коммиссіи, не извѣстно, угличскій же бурмистръ (бургомистръ) доношеніемъ отъ 2 февраля 1725 г., сообщивъ нужныя свѣдѣнія, заявилъ: „А оного Углеча города герба ни какова въ угличкомъ магистратѣ не имѣется“ (Книга Указовъ Угл. Пров. Канцел. 1723—

манъ. При этомъ въ основу порядка перечисленія земель положенъ, видимо, взглядъ тогдашняго правительства на распаденіе государства по областямъ. Вотъ порядокъ расположенія въ Государственной книгѣ гербовъ: кіевскій, владимірскій, новгородскій (столицы); казанскій, астраханскій, сибирскій (царства, татарскія земли); псковскій, литовскій, смоленскій, тверской (сѣверо-западныя пограничныя земли); волынскій, подольскій, югорскій (окрайныя земли, украина); пермскій, вятскій, болгарскій (сѣверо-восточныя земли); нижегородскій, черниговскій, рязанскій, полтавскій; ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій (срединныя земли). Ярославскій гербъ Петровскаго времени,—представляющій медвѣдя съ сѣкирою, оттиснутъ на серебряномъ дискосѣ 1700 г. (вѣсъ 61 зол.), хранящемся въ угличской Царевской, что на крови, церкви. (Труды Яр. архивн. ком., кн. IV, вып. 2, стр. 77). Какою (но, конечно, не серебряною) печатью былъ сдѣланъ этотъ оттискъ, когда она была введена и для чего, цѣла-ли и гдѣ хранится—не извѣстно.

26 г. л. 381/336 ..). Въ дальнѣйшемъ вопросъ о гербахъ вновь возникъ въ 1727 г., какъ не разрѣшенный вполнѣ въ 1724 г., а затѣмъ послѣдовало установленіе императрицы Екатерины II гербовъ городскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ [1]), при чемъ были пересмотрѣны всѣ существовавшіе ранѣе гербы, во многихъ изъ нихъ сдѣланы измѣненія и много придумано новыхъ [2]). Ярославскій гербъ подвергся также измѣненію. Щитъ его изъ овальнаго (италіанскаго) сдѣланъ прямостороннимъ (кромѣ нижняго края) съ заостреніемъ внизу (французскимъ) [3]), медвѣдь поставленъ бокомъ влѣво (отъ зрителя), протазанъ замѣненъ сѣкирою (рындинскимъ топоромъ), положенною не на правое, а на лѣвое плечо, лѣсъ, надпись, рамка съ узорнымъ уборомъ уничтожены (См. таб. I, рис. 3). Описывается этотъ гербъ такъ: „Въ серебряномъ щитѣ медвѣдь стоячи держитъ въ лѣвой лапѣ золотую сѣкиру на такой же руковяткѣ“ [4]). Указанное упрощеніе ярославскаго герба совершилось, по видимому, ранѣе или Сантіо въ 1724, или, что мало допустимо, само собою. По крайней мѣрѣ на дискосѣ 1700 г., хранящемся въ угличской Царевской церкви, медвѣдь изображенъ съ сѣкирою, а не съ протазаномъ, на придворныхъ же салфеткахъ

---

[1]) Въ сущности однихъ городскихъ, лишь распространенныхъ такъ сказать съ города на ту область, которая тяготѣла къ нему по управленію, въ знакъ этого тяготѣнія или подчиненія.

[2]) Въ городовомъ положеніи (Жалованная грамота... и городовое положеніе. Моск. 1801 г. Городовое положеніе ст. 8 въ отдѣлѣ А, стат. 28) повелѣвается:—городу имѣть гербъ, утвержденный рукою императорскаго величества, и оный гербъ употреблять во всѣхъ городовыхъ дѣлахъ.—Въ примѣчаніи: Въ жалованныхъ грамотахъ включается въ семъ мѣстѣ настоящій гербъ того города, красками изображенный, а внизу описаніе герба. Въ докладѣ сената Екатеринѣ II 20 Іюня 1778 г. (Пол. собр. закон. Рос. имп., т. XX, стр. 725, № 14765): По имянному Е. И. В. указу Ярославская провинція учреждена намѣстничествомъ и ко оному приписаны города; но какъ они *по новому ихъ учрежденію гербовъ не имѣли,* то по приказанію сената герольдмейстерскимъ товарищемъ, коллежскимъ совѣтникомъ фонъ Энденомъ для оныхъ городовъ *сочинены гербы* и представлены сенату; въ сочиненіи же онъ держался главнымъ предметомъ, (что бы) въ каждомъ новомъ городѣ имѣть часть герба Ярославля съ нѣкоторымъ по *приличеству каждаго названія,* гдѣ можно было, *добавленіемъ*.... На докладѣ помѣта: Быть по сему. Изъ послѣднихъ словъ доклада видно, что сочинитель гербовъ черпалъ матеріалъ для своихъ твореній изъ названій городовъ и Рыбинску, на прим., далъ въ гербъ на этомъ основаніи рыбъ—стерлядей. Впрочемъ, при неподходящемъ названіи имъ руководили и иныя соображенія, но не глубокія и не историческаго, а, скорѣй, бытоваго оттѣнка.

[3]) Энцикл. словарь. Брокгаузъ и Ефронъ, т. VIII.

[4]) „Указъ правительств. сената и при немъ гербовникъ городамъ Ярославскаго намѣстничества“ 1778 г.,—рукопись въ Яр. арх. ком. Пол. собр. законовъ... т. XX, № 14765. Серебряное поле присвоено гербу, можетъ быть, по тому, что ярославская печать была серебряною и ея боекъ служилъ полемъ для герба.

1752 г., вытканныхъ на ярославской фабрикѣ Затрапезнова, гербъ Ярославля изображался уже близко къ Екатерининскому, насколько можно судить объ этомъ по рисунку, данному И. Голышевымъ въ его „Альбомѣ русскихъ древностей Владимірской губерніи“ (1881 г. послѣдній листъ, здѣсь табл. I, рис. 4)[1]. Безъ малаго за 8 мѣсяцевъ до утвержденія Екатериною ярославскаго герба изображеніе послѣдняго,—почти тождественное съ утвержденнымъ ею[2]),—было выставлено въ Ярославлѣ оффиціально, при открытіи Ярославскаго намѣстничества 21 декабря 1777 г.[3]). (Табл. II, рис. 5). Не мѣшаетъ упомянуть, что не смотря на то, что рисунокъ ярославскаго герба, утвержденнаго Екатериною II, былъ сообщенъ на мѣсто и въ гербовникѣ, и въ жалованной грамотѣ, онъ измѣнялся даже на печатяхъ казенныхъ учрежденій,—какъ на примѣръ ярославскаго верхняго земскаго суда, верхней расправы, магистрата, совѣстнаго суда, и пр.,—на которыхъ медвѣдь изображался съ полураскрытой пастью и трезубцемъ, оканчивающимся стрѣлою, обращеннымъ вправо, а не влѣво, и безъ гербоваго щита (Табл. I, рис. 6)[4]). Послѣдній разъ общій пересмотръ гербовъ (городскихъ) происходилъ въ царствованіе Николая I. Еще въ 1836 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Блудовъ обратился къ губернаторамъ съ циркуляромъ отъ 12 нояб. за № 535, въ которомъ писалъ: усматривая изъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что нѣкоторые города до сихъ поръ не имѣютъ еще высочайше утвержденныхъ гербовъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить меня,—всѣ-ли города ввѣренной управленію вашему губерніи имѣютъ гербы и если не всѣ, то, составивъ проекты гербовъ, доставить ко мнѣ для представленія на высочайшее утвержденіе. Губернаторъ увѣдомилъ министра (отношеніемъ отъ 12 мая 1837 г. за № 2679), что гербы

---

[1]) На салфеткѣ въ среднемъ кругѣ кругомъ государственнаго герба надпись: Салфетка ✳ придворная ✳ Казенная ✳ 1752 года ✳; по угламъ вытканъ ярославскій гербъ. Въ указѣ сената отъ 10 августа 1724 г., напечатанномъ въ Полн. собр. законовъ Рос. имп. (т. VII, стр. 341, № 4552), межъ пр. значится: и для того (составленія рисунковъ для печатей) всей Россійской имперіи прежнимъ гербамъ рисунки взять въ ту герольдмейстерскую контору изъ иностранной коллегіи. Такимъ образомъ въ распоряженіи фонъ Эндена имѣлся весь матеріалъ по учрежденію гербовъ за прошлое время.

[2]) Разница: поле бѣлое, на немъ въ верху напись: „Ярославскій“, надъ щитомъ серебряная корона съ красной тульей.

[3]) Большіе медаліоны съ изображеніемъ герба и написью объ открытіи намѣстничества хранятся въ музеѣ Яросл. арх. коммиссіи.

[4]) Печати хранятся тамъ же; гербъ на нихъ, какъ видно изъ сличенія рисунковъ 2 и 5, близокъ къ гербу Петровской печати Ярославской приказной избы. Вѣроятно, онъ воспроизводитъ рисунокъ, выработанный гр. Сантіо въ 1724 г., при чемъ протазанъ передѣланъ въ трезубецъ.

имѣютъ всѣ города Ярославской губерніи, въ подтвержденіе чего выслалъ копіи съ упомянутаго выше сенатскаго указа и съ самыхъ гербовъ; послѣднюю сдѣлалъ губернскій землемѣръ Постниковъ [1]). Однако, не смотря на это, гербы губерніи все-таки пересматривались вновь и ярославскій утвержденъ въ послѣдній разъ въ 1856 г. [2]), при чемъ въ немъ опять сдѣланы измѣненія и описывается онъ такъ: „Въ серебряномъ полѣ черный, *идущій* на заднихъ лапахъ (влѣво) медвѣть, голова *прямо*, держитъ въ лѣвой лапѣ (? на лѣвомъ плечѣ) золотую сѣкиру на такомъ же ратовищѣ. (Табл. II, рис. 7). Этотъ гербъ мало распространенъ и многимъ совсѣмъ не извѣстенъ.

Въ изданіяхъ почти современныхъ введенію Екатериною II ярославскаго герба онъ описывается не одинаково и въ нѣкоторыхъ съ уклоненіями отъ правительственнаго описанія. Въ „Обозрѣніи Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея ново-устроенномъ состояніи“ (С.-Пет. 1790 г., ст. 74): Гербъ ярославскій представляетъ въ серебряномъ щитѣ медвѣдя стоящаго и держащаго въ лѣвой лапѣ золотую сѣкиру на такой же рукояткѣ. Въ „Историческомъ словарѣ россійскихъ государей, князей, царей, императоровъ и императрицъ“ (Ив. Нехачинъ, Моск. 1795 г.): Въ золотомъ полѣ стоящій черный медвѣдь на заднихъ ногахъ и держащій красное копіе или видъ бердыша. Въ книгѣ „Ядро россійской исторіи, сочиненное кн. Андр. Як. Хилковымъ“ (Изд. 3, Моск. 1799 г., стр. 469): Въ полѣ золотомъ медвѣдь черный, на заднихъ ногахъ стоящій и копіе красное держащій или видъ нѣкій бердыша или алебарды. Въ книгѣ „Словарь географическій Россійскаго государства, описывающій азбучнымъ порядкомъ географически....“ (Аф. Щекатовъ, 1808 г., ч. 6, столб. 385—386):... въ бѣломъ полѣ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и держащій на лѣвомъ плечѣ золотую сѣкиру на такой же рукояткѣ. Сей гербъ издревле данъ великимъ княземъ Ярославомъ во время шествованія его въ Ростовъ по проливу изъ Которости въ Волгу по причинѣ, что онъ, нашедъ на медвѣдя, съ помощью людей своея свиты убилъ онаго.

Ростовскій гербъ въ Большой государственной книгѣ изображенъ въ такомъ видѣ. Почти въ кругѣ (немного сжатомъ) стоитъ на травѣ влѣво отъ зрителя вѣтвисто-ро-

---

[1]) Дѣло Яросл. губернск. правленія „По предписанію Мин. Вн. Дѣлъ о доставленіи свѣдѣній о гербахъ городовъ Ярославской губерніи“, № 12596, по особ. год. описи № 123.

[2]) Энциклоп. словарь. Изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ, т. VIII. Въ мѣстныхъ архивахъ я ни чего не нашелъ по этому предмету. Ярославскій гербъ 1856 г. кромѣ Энц. словаря приведенъ еще—(въ краскахъ же и такой же, какъ въ словарѣ)—въ Нивѣ за 1887 г. безплатнымъ приложеніемъ къ ноябрскому №.

гій олень въ неспокойно-задорной, вызывающей позѣ съ гордо закинутой головой, (какъ застоявшійся конь) съ длинной гривою на правую сторону, ноги расположены, какъ послѣ проступи (топотанья), рога о пяти вѣтвяхъ, уши насторожены, ротъ полуоткрытъ. На заднемъ планѣ деревья (лиственныя), а въ полѣ герба въ верхѣ на лѣвой сторонѣ надпись словянскими буквами: ро̀сто́вскій. Гербъ окружаетъ узорная рамка (картушъ) въ западно-европейскомъ вкусѣ изъ широкаго плоскаго кольца, выложеннаго „горошкомъ“ (шариками) и стилизованными листьями и убранной завитками (Табл. II, рис. 8). Въ Гербовникѣ 1778 г. (лис. 3): въ Червленомъ полѣ Елень Серебряны, Роги, Грива и Копыты золотые [1]). На приложенномъ рисункѣ гербъ мало измѣненъ: поза спокойнѣе, грива закинута налѣво и сдѣлана покороче, итальянскій щитъ замѣненъ французскимъ, въ рисункѣ больше стремленія къ естественности, но вообще рисунокъ очень плохъ (Табл. III, рис. 9), какъ и всѣ остальные; въ нихъ нѣтъ даже и намека на художественность.

Въ словарѣ Нехачина ростовскій гербъ описывается такъ: въ красномъ полѣ золотой елень съ серебряными рогами; у Хилкова (Ядро рос. исторіи, стр. 469) въ полѣ красномъ елень золотой съ рогами серебряными; въ словарѣ Щекатова (столб. 403, т. 5) Гербъ имѣетъ городъ сей старой: въ червленомъ полѣ стоящій елень серебряный съ золотыми рогами, гривами и копытами.

Если попробовать прослѣдить разсматриваемые гербы (т.-е. медвѣдя и оленя) дальше въ древность, то первое, съ чѣмъ встрѣтишься, это отсутствіе прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній и указаній. Кое-какія общія данныя попадаются, но они противорѣчивы и по тому можно сказать, что за Государственной книгой Алексѣя Михайловича начинается мракъ, въ которомъ идти приходится только ощупью и дѣйствовать лишь догадками и наведеніемъ [2]). Баронъ Бюлеръ [3]) замѣчаетъ, что роды, происшедшіе отъ удѣльныхъ князей, на примѣръ ростовскихъ, какъ-то: Лобановы, Косаткины и Пріимковы, имѣютъ въ своихъ гербахъ знакъ бывшаго своего княжества, т.-е. ростовскіе—бѣгущаго оленя.

---

[1]) То же и въ Пол. собр законовъ, т. XX, № 14765.

[2]) Хотя я не располагаю не только имѣющимися матеріалами, но даже и литературою, тѣмъ не менѣе сказанное остается въ силѣ въ виду того, что русская геральдика (гербовѣдѣніе) и сфрагистика (печатевѣдѣнье) очень мало тронуты.

[3]) Снимки древнихъ русскихъ печатей государственныхъ, царскихъ, облостныхъ, городскихъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Изд. ком-іи печатанія государ. грамотъ и договоровъ, состоящей при Моск. глав. архивѣ мин. ин. дѣлъ, вып. 1, стр. XVIII. (Ужасное по длинѣ заглавіе).

Точно также и П. Ф. Винклеръ [1]) проводитъ мысль, что—какъ для польскихъ гербовъ послужили источникомъ знаки на знаменахъ, около которыхъ собирались въ военное время сосѣди-родственники, такъ и у русскихъ въ основу старѣйшихъ частныхъ гербовъ легли знаки знаменъ тѣхъ областей и городовъ, которые составляли нѣкогда удѣлы владѣльцевъ гербовъ. А. В. Орѣшниковъ [2]) указываетъ на нѣсколько иной путь,—на заимствованіе русскими печатей у византійцевъ и на перенесеніе изображеній съ печатей на монеты. Однако замѣчанія первыхъ двухъ если и представляютъ общее значеніе, то, кажется, лишь въ приложеніи къ печатямъ болѣе поздней поры, а имянно къ печатямъ времяни послѣ изданія Большой государственной книги, установившей областные гербы законнымъ порядкомъ. По крайней мѣрѣ на приводимой Бюлеромъ (л. 98) печати стольника кн. Абрам. Никит. Пріимкова-Ростовскаго 1687 г. дѣйствительно изображенъ въ кругѣ скачущій вправо олень (подъ нимъ земля и трава, надъ нимъ параллельно кругу четыре ковычки—запятыхъ), на печати окольничаго и воеводы кн. Пет. Лук. Львова (ярославскаго) 1691 г [3]) изображенъ медвѣдь,—(т.-е. ярославскій гербъ,—на заднихъ лапахъ влѣво въ $^3/_4$ съ копьемъ (?) на лѣвомъ плечѣ, между стилизованными растеніями, въ общемъ очень напоминающій позднѣйшій ярославскій гербъ (Табл. III, рис. 10); но на печати воеводы кн. Ал-ра Дан. Пріимкова-Ростовскаго 1619 г. [4]) представлена голова человѣка бокомъ влѣво, въ шляпѣ, съ длинными волосами; на печати воеводы кн. Мих. Фед. Ростовскаго 1578 г. два человѣка, стоящіе впрямь (фазъ) по бокамъ растенія, на вершинѣ котораго сидитъ птица [5]), (часто повторяющійся пошибъ); на печати кн. Ив. Дм. Ростовскаго 1556 г.—человѣкъ [6]) и пр. Съ другой стороны олень встрѣчается на печатяхъ лицъ вовсе не княжескаго происхожденія и неимѣющихъ прямаго отношенія къ Ростову, (да и къ другимъ городамъ, имѣющимъ въ своихъ гербахъ это животное), какъ на примѣръ на печати стряпчаго Ив. Фед. Лызлова 1663 г. (олень стоитъ влѣво [7]). То же нужно сказать и о печатяхъ съ изображеніемъ медвѣдя. Мало того, самые гербы ростовскій и ярославскій не

---

[1]) Энцикл. словарь Брокг. и Ефр., т. VIII, „гербъ".
[2]) Труды Моск. нумизмат. общества, т. III, в. 1, стр. 108...
[3]) Сборникъ снимковъ съ древн. печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и др. юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. П. Ивановъ. 1858 г. Мос., таб. XVIII, рис. 291.
[4]) Тамъ же, таб. X, рис. 39, стр. 15.
[5]) Тамъ же, таб. VII, рис. 119, стр. 10.
[6]) Тамъ же, таб. V, рис. 73, стр. 8.
[7]) Тамъ же, таб. XVI, рис. 217, стр. 26.

всегда, не безпрерывно были съ изображеніями оленя и медвѣдя, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ большая государственная печать Грознаго, приложенная къ договору Россіи со Швеціей 1583 г. [1]). На обратной сторонѣ ея между другими печатями, расположенными кругомъ обще-государственной, помѣщены въ верхней половинѣ „печать ростовска[illegible]“ и „печать [illegible]рославска[illegible]“. На первой изображенъ, (судя по рисунку), воронъ, стоящій бокомъ вправо, голова повернута назадъ (влѣво) (Табл. III, рис. 11), на второй — рыба (шипъ?), плывущая влѣво (Табл. III, рис. 12). Что же это значитъ? То-ли, что мѣстные гербы мѣнялись дѣйствительно легко и свободно, были подвижны, незакрѣплены, т.-е. представлялись явленіемъ случайнымъ и поверхностнымъ, некоренившимся въ глуби народной жизни и не ею выработаннымъ, или то, что въ верхнихъ правящихъ слояхъ Москвы не всѣ и не всегда были достаточно знакомы съ мѣстными бытовыми особенностями, недостаточно обращали на нихъ вниманія (при Грозномъ—то особенно) и считали возможнымъ обходиться съ ними по своему усмотрѣнію и личнымъ соображеніямъ, не будучи въ нужной мѣрѣ подготовленными къ вводимому новшеству [2]). Или же наконецъ то, что у одной и той же мѣстности было по нѣсколько знаковъ—гербовъ? Винклеръ замѣчаетъ [3]), что русская геральдика (очевидно,—правительственная, оффиціальная) создана царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что до него хотя существовали печати нѣкоторыхъ городовъ, государства, частныхъ лицъ и пр., но онѣ не были закрѣплены и не усвоили постоянныхъ геральдическихъ формъ, т.-е. были подвижны и легко измѣнчивы. Къ частнымъ печатямъ такое положеніе вполнѣ приложимо [4]); приложимо оно до извѣстной степени и къ обще-государственной печати: здѣсь личный произволъ владѣльца и царя—самодержца дѣйствительно имѣли рѣшающее значеніе. Что же касается городовъ и областей, то, какъ извѣстно, удѣльные князья—ихъ владѣльцы или, точнѣе, правители ни когда не были неограниченными повелителями управляемыхъ земель; даже самое право княженія во многихъ удѣлахъ не было наслѣдствен-

---

[1]) Снимки древ. рус. печатей... л. 19.

[2]) Въ данномъ случаѣ къ введенію сложной государственной печати, заключающей въ себѣ печати вошедшихъ въ государство земель и княжествъ; извѣстно, что составленіе титула московскихъ царей представляло тоже не мало затрудненій и формула его измѣнялась неоднократно.

[3]) Въ указанной выше статьѣ въ Энцикл. словарѣ.

[4]) Хотя, напомню, на монетахъ первыхъ кіевскихъ князей („Ярославовомъ серебрѣ“) знакъ—гербъ держался довольно прочно, искажаясь скорѣй неумѣлостью техники, чѣмъ намѣреніемъ князя, выпускавшаго монеты. Знаки князя, его „знамя“ ставилось на этихъ монетахъ едва-ли не меньше всего, въ государственномъ смыслѣ.

нымъ, а лишь благопріобрѣтеннымъ и условнымъ, ограниченнымъ договоромъ—рядой. Сверхъ того, на сколько можно судить по всему до нынѣ выясненному, благодаря такому положенію князя и сложившемуся въ теченіе долгаго ряда лѣтъ обычаю и порядку, князь мало касался внутреннихъ дѣлъ княжества, особенно же незатрогивавшихъ непосредственныхъ его интересовъ, и вѣдалъ главнымъ образомъ лишь судъ, податную часть и военное дѣло, да отчасти церковь и внѣшнія дѣла. Внутренняя же мирная жизнь областей шла помимо его, вѣдаясь самоуправленіемъ и вершась „по старинѣ“,—по установившимся обычаямъ и по издревле заведеннымъ распорядкамъ. Князю,—не рѣдко лишь временному гостю области, чуждому пришельцу въ нее, неимѣвшему въ ней ни какихъ иныхъ, кромѣ главнымъ образомъ наживныхъ и узко-личныхъ интересовъ и самолюбивыхъ или тщеславныхъ побужденій,—не было ни надобности, ни предлога, да, пожалуй, ни времяни и разсчета мѣшаться въ мирную жизнь частныхъ отношеній обитателей области, недававшую ему ни какихъ выгодъ и прибылей. Хозяиномъ области была сама она въ лицѣ своего населенія, его выборныхъ и лучшихъ людей и сходки—вѣча, а князь съ самаго призванія Рюрика былъ въ незавоеванныхъ имъ земляхъ лишь пріемышемъ, наемникомъ, приставленнымъ къ извѣстному дѣлу, которое онъ былъ обязанъ дѣлать по рядѣ, т.-е. по преподаннымъ указаніямъ или, другими словами, по волѣ все того же населенія, по принятымъ имъ установленіямъ и обычаямъ. Конечно, какъ вездѣ, всегда и во всемъ, были злоупотребленія и со стороны князей то времянныя, то болѣе или менѣе постоянныя, послѣдовательно проводимыя [1]), но эти явленія, какъ неправильныя и болѣзненныя, не мѣняютъ общаго положенія дѣла, и русскихъ князей до усиленія Москвы нельзя признать (по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ) ни чѣмъ инымъ, кромѣ какъ наемниками областей, находившимися у нихъ на службѣ. Правда, князья завоевывали земли и владѣли ими, но лишь при помощи и съ согласія областей; писали или дѣлали словесныя завѣщанія, въ которыхъ распредѣляли области между своими наслѣдниками. Но эти завѣщанія создавались лишь для князей и имѣли значеніе только въ ихъ средѣ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, для народа же они не имѣли обязательной силы и онъ давалъ право на себя не тому, кому былъ завѣщанъ, а тому, кто ему нравился, что и обусловливало малую силу подобныхъ завѣщаній [2]). Даже въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ уста-

[1]) На рядѣ такихъ злоупотребленій зародилось, выросло и существовало все московское царство.

[2]) Разумѣется, были исключенія, были случаи и ихъ не мало, когда народъ не проявлялъ своей воли, т.-е. какъ будто бъ повино-

новилось право наслѣдованія княженія, какъ на примѣръ въ Ростовско-Суздальской области, князь, въ сущности, оставался все-таки лишь наемникомъ и мало входилъ въ мирную внутреннюю жизнь края [1]). Однимъ изъ проявленій такой жизни нужно, кажется, признать и областные знаки или гербы въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе знаки явились не слѣдствіемъ прихоти, а въ силу какихъ либо основныхъ и болѣе постоянныхъ проявленій жизни въ родѣ вѣрованій, мировозрѣнія, какихъ ни будь своеобразныхъ и отличныхъ отъ другихъ мѣстныхъ особенностей въ бытѣ народа, въ его занятіяхъ и промыслахъ и т. д. Что ярославскіе гербы установлены не удѣльными ярославскими князьями, слѣдуетъ изъ того, что этихъ гербовъ нѣтъ ни на ихнихъ монетахъ [2]), по сколько послѣднія извѣстны до сихъ поръ,

---

вался волѣ завѣщателя, но это только—„какъ будто-бъ“ и на дѣлѣ онъ вовсе не повиновался, а только относился по тѣмъ или инымъ причинамъ и соображеніямъ безразлично къ совершающемуся, зная, что всегда можетъ направить его по своему желанію. Изъ того, что я не хожу въ думу на засѣданія и выборы, имѣя на то право, не слѣдуетъ, что у меня нѣтъ этого права, а лишь то, что мнѣ все равно,—что постановятъ, кого выберутъ, что я не интересуюсь осуществленіемъ своего права.

[1]) Андрей Боголюбскій избранъ ростовцами и суздальцами вопреки завѣщанію Юрія Долгорукаго, сдѣлавшаго наслѣдниками младшихъ своихъ сыновей Всеволода и Василька; ростовцы и суздальцы ихъ выгнали. По смерти Андрея они опять-таки выбрали не сына его, а племянниковъ Мстислава и Ярополка Ростиславичей. Даже владимірцы—жители княжескаго, а не земскаго города, признавъ сперва своими князьями Мстислава и Ярополка, потомъ выгнали ихъ: мы *по своей волѣ* избрали князей, а они пустошатъ землю нашу, какъ бы не думая оставаться князьями въ ней. И взяли брата Андрея Юрьевича, а послѣ его смерти брата же его Всеволода. Когда этотъ хотѣлъ помириться съ Мстиславомъ, то ростовцы заявили послѣднему: если ты дашь миръ Всеволоду, то мы не дадимъ. Сынъ Всеволода Ярославъ говорилъ переяславцамъ: Братья переяславцы! Вотъ отецъ мой отошелъ къ Богу, а *васъ отдалъ мнѣ*, а меня вамъ далъ на руки; скажите, братья, *хотите-ли имѣть меня у себя*, какъ имѣли отца моего и сложить за меня свои головы? (Разсказы изъ русск. исторіи. Д. Бѣляевъ, т. 1, стр. 339; Лекціи по исторіи рус. законодательства. Его же, стр. 156).

[2]) Импер. Россійск. Историческ. музей. Описаніе памятниковъ, вып. 1. Изслѣдованіе А. В. Орѣшникова, стр. 162... Труды Яросл. статистическ. комитета, вып V, таб. IV, рис. 1—4. Здѣсь перепечатаны изображенія денегъ послѣдняго ярославскаго удѣльнаго князя Александра Федоровича Брюхатаго, данныя Чертковымъ (въ описаніи монетъ на таб. XVI) и Рейхелемъ и приведенныя въ работѣ Орѣшникова (таб. III; Труды Мос. нумизм. общ., т. II, вып. 1, стр. 22; Археологическія извѣстія и замѣтки 1897 г. № 12). Въ предпослѣднемъ изданіи Орѣшниковъ говоритъ, что на ярославскомъ пулѣ изображено „четвероногое вправо, надъ спиною 3 шарика, внизу одинъ“. Къ сожалѣнію рисунокъ пула (цинкографія), приложенный къ статьѣ, такъ неясенъ, что четвероногое разобрать нѣтъ возможности (стр. 27). Но едва-ли оно медвѣдь, хотя вообще изображеніе медвѣдя на древнерусскихъ деньгахъ не составляетъ большой рѣдкости. На деньгахъ

ни на ихъ болѣе раннихъ печатяхъ, какъ отмѣчено выше и по сколько онѣ тоже извѣстны,—данныя весьма скудны [1]). Между тѣмъ трудно предположить, что бы при изготовленіи государственной печати при Грозномъ и Государственной книги при Тишайшемъ составители, изображая гербы различныхъ областей государства, руководились исключительно только собственнымъ воображеніемъ и не принимали въ соображеніе мѣстныхъ данныхъ и мѣстныхъ особен-

---

велик. князя тверскаго Бориса Александровича (1426—1461) изображалась сцена охоты на медвѣдя съ рогатиной (Лѣтопись рус. нумизматики, И. Сахаровъ, изд. 2, 1851 г., таб. V, рис. 19); звѣрь сдѣланъ плохо, но сцена такъ характерна, что сомнѣваться въ ея содержаніи нельзя. На деньгѣ моск. вел. кн. Василія Васильевича (1425—1462 г.) изображенъ медвѣдь сзади (?) князя (или князь сидитъ на немъ; тамъ же, таб. X, рис. 3) и выполненъ очень типично. Деньга эта по изображенію на ней довольно близка къ гербу Равичъ, присвоенному Лясотовичамъ и Рацевичамъ. Здѣсь изображенъ медвѣдь бокомъ, идущій влѣво, на немъ сидитъ (какъ и на деньгѣ, поза та же) женщина въ вѣнцѣ съ распущенными волосами и съ поднятыми и раздвинутыми въ стороны руками. Въ коронѣ герба между двумя оленьими рогами изображено пол-медвѣдя на заднихъ лапахъ, влѣво. Описывается гербъ такъ: Долженъ быть медвѣдь въ полѣ желтомъ, влѣво щита идущій, на которомъ панна сидитъ, держа руки распростертыми; въ коронѣ между оленьими рогами пол-медвѣдя влѣво щита (тарча) обороченнаго (Историко-юридическіе матеріалы, извлечен. изъ актов. книгъ губерній Витебской и Могилевской, хранящихся въ центральн. архивѣ въ Витебскѣ и издан. подъ редакціей... Дм. Ив. Довгялло, вып. 28, ч. 2.—Оршанскій гербовникъ, стр. 75 и 119. (Непозволительно длинное заглавіе). Кстати укажу еще здѣсь на печать кн. Пет. Дмитріевича, приложенную къ духовной вел. кн. Вас. Дмитріевича 1423 г., на которой изображена сцена единоборства (?) съ медвѣдемъ, стоящимъ на заднихъ лапахъ влѣво. (Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ... ч. 1, стр. 82). Очень любопытна также заводская марка колокольнаго мастера, вырѣзанная на колоколѣ церкви (1345 г.) мѣстечка Хемзе (ост. Готландъ) и приведенная Г. Гильдебрандомъ въ Sveriges medelid. Kulturhistorisk Skildring. Кн. IV, стр. 504 (у меня рис. 13). На мой взглядъ эта марка очень близка къ прообразу (прототипу) ярославскаго герба, на которомъ медвѣдь первоначально, конечно, не былъ вооруженъ сѣкирой, копьемъ, протазаномъ и т. п. и если только былъ вооруженъ вообще чѣмъ ни будь, то всего скорѣе, какъ на хемзенской маркѣ, дубиной, наиболѣе часто употребляемымъ орудіемъ финновъ и русскихъ не только въ древности (напомню палицу и „дубъ кряковистъ“ былинъ), но еще и до сихъ поръ. Эта марка или, вѣрнѣе, гербъ (около ея находятся родовые знаки, т -е. собственно марки въ видѣ буквы W и чего то не то растенія, не то репейка, какіе бросались подъ ноги конницѣ), вырѣзанная въ глубь, весьма типична и можетъ дать близкое представленіе о томъ, какъ человѣкъ, въ томъ числѣ и ярославецъ, начертывалъ въ старину свои знамянья—знаки—гербы.

[1]) Не только древнихъ, но и болѣе старинныхъ духовныхъ и свѣтскихъ ярославскихъ и ростовскихъ печатей на мѣстѣ не сохранилось, не извѣстно. Въ ризницѣ ярославскаго Спасскаго монастыря хранился *епархіальный гербъ*, написанный на холстѣ масляными красками и напоминавшій по изображенію нынѣшній новгородскій (святительское мѣсто съ трикиріемъ на верху задинки и съ митрой и перекрещенными посохами на сидѣньи; по бокамъ его на заднихъ ногахъ

ностей. Напротивъ, помѣщеніе рыбы въ ярославскомъ гербѣ печати 1583 г. говоритъ имянно, кажется, за такое принятіе въ соображеніе мѣстныхъ особенностей, ибо въ Ярославлѣ того времяни было 8 ловецкихъ слободъ, да въ его уѣздѣ было ихъ нѣсколько [1]), доставлявшихъ рыбу для царскихъ надобностей. Послѣднее обстоятельство, должно быть, и дало поводъ составителю рисунка печати 1583 г. присвоить ярославскому гербу рыбу, такъ какъ при составленіи печати за руководящее начало принята была мысль о подчиненіи возможно большаго числа и при томъ различныхъ земель единой Москвѣ и служба ихъ московскому князю—самодержцу, ихъ повелителю. Изъ особыхъ не повсемѣстно встрѣчающихся службъ Москвѣ бывшаго Ярославскаго княжества была служба по доставленію ко двору рыбы; слѣдовательно и въ ярославскій гербъ можно было помѣстить рыбу, какъ отличительный знакъ Ярославля. О причинѣ, побудившей помѣстить въ Ростовскомъ гербѣ ворона, (если только это воронъ), трудно составить даже и предположеніе. Воронъ [2]) ни когда не пользовался у рус-

---

стояли медвѣдь и олень), но и тотъ исчезъ (см. Входящія Яросл. арх. коммиссіи за 1903 г., л. 221 и др.). По кр. мѣрѣ его не могли отъискать ни въ монастырѣ, ни въ Ростов. музеѣ церковн. древностей, въ который онъ, можно было бы думать, могъ быть переданъ. А я его видѣлъ самъ и держалъ въ рукахъ въ 1887—1888 г. (у фотографа Вл. Ал. Лопатина, дѣлавшаго юбилейную фотографію—группу по случаю 100-лѣтія перевода каѳедры изъ Ростова въ Ярославль). Гербъ носилъ всѣ признаки XVIII в. и былъ изготовленъ едва-ли не для торжествъ по случаю перемѣщенія кафедры въ 1788 г. Послѣ мнѣ сообщили, что подобный гербъ, вырѣзанный на печати, сохранился на сургучныхъ оттискахъ ея на бумагахъ и обѣщали доставить, но обѣщанія не исполнили.

[1]) Въ жалованной грамотѣ 1645 г. кн. Ал-ю Мих. Львову (Древ. рос. вивліофика, изд. 1896 г. Мышкинъ, т. IV, ч. VIII, стр. 106) упомянуты: въ Ярославлѣ на посадѣ Дрюлина, Толчковая, Коровницкая, Благовѣщенская, Тверицкая, Петровская, Кондаковская; въ городѣ въ Зарядьѣ—Зарядская; въ улицѣ Киселюхѣ—дворы ловецкихъ людей, находившіеся между посадскими дворами; въ Ярославскомъ уѣздѣ слободы Норская, Борисоглѣбская и Рыбинская. Всѣ эти слободы жаловались Львову, но съ оговоркою: „а *на насъ* (царя) съ тѣхъ слободъ ловить рыбу по прежнему". Ярославская Тропинская (Тропино, Трупино, Дропино) звалась также ловецкою. Въ 1631 г. въ Коровникахъ было 5 рыбаковъ и 2 ловца, въ Тропино ни одного. (Яр. Губ. Вѣдомости 1850 г., ст. 473; 1851 г., ст. 186). Еще въ 1717 г. ярославскому коменданту Луқьяну Ив. Талызину приказывалось въ указѣ: про его царскаго величества обиходъ прислать въ С.-Питербурхъ (въ дворцовую канцелярію)... въ лѣтнихъ,—въ Майѣ, въ Іюнѣ, въ Іюлѣ, въ Августѣ,—мѣсяцехъ стерлядей живыхъ добрыхъ несидѣлыхъ въ прорѣзныхъ стругахъ противъ прошлыхъ лѣтъ изъ г.г. Ярославля 2000, изъ Углича 1000 стерлядей въ указную мѣру (съ 1 ар. и до 8 вер.), въ Ярославлѣ и на Угличѣ купя настоящею цѣною, отправивъ въ С.-Питербурхъ наймомъ. (Переписн. книга Ярославля, Никольской (надѣинской) сотни 1717 г. № 146, л. СЗ (207).

[2]) Судя по указанному выше рисунку, на немъ представленъ имянно воронъ; на этомъ рисункѣ вообще всѣ изображенія сдѣланы

скихъ почетомъ, считался (Слово о полку Игоревѣ, пѣсни и пр.) и считается птицей вѣщей, предвѣстницею бѣдъ и смерти и посвящался, какъ всѣ черныя животныя, духамъ тьмы и зла, а по тому едва-ли какой ни будь изъ русскихъ городовъ рѣшился бы принять его въ свой гербъ, сдѣлать своимъ символомъ или прообразомъ [1]). Другое дѣло было бы, если на ростовской печати былъ бы изображенъ или хотѣли бы изобразить сокола либо ястреба, ибо и самыя эти птицы пользовались у всѣхъ словянъ почетомъ и уваженіемъ, да и сокольничество, какъ и рыболовство, процвѣтало въ древности въ Ярославской губерніи, при чемъ ярославскіе сокольи помытчики упоминаются до конца XVIII в.[2])

очень правдиво, но на сколько они близки къ подлиннику, не видѣвъ послѣдняго, сказать трудно. Замѣчу, что на такой же, но болѣе поздней печати—Лже-Димитрія I, 1605 г., снимокъ съ которой помѣщенъ въ Собраніи государственн. грамотъ и договоровъ (ч. 2, ст. 228) всѣ изображенія исполнены несравненно хуже. Впрочемъ разница замѣчается не только въ достоинствѣ исполненія, но и въ подробностяхъ самыхъ изображеній (на прим. на новгородской печати), вслѣдствіе чего большее совершенство изображеній на печати 1583 г. нельзя еще, кажется, приписывать всецѣло воображенію рисовальщика, т.-е. принимать за его личное толкованіе изображеній подлинника. Орѣшниковъ (Матеріалы по рус. сфрагист., ст. 4, 14, 26, 38) утверждаетъ, что изображенія печатей въ Собр. гос. грам. и догов. искажены до неузнаваемости, слѣдовательно пользоваться ими если и можно, то очень осторожно. Это очень грустно, пожелаемъ скорѣйшаго новаго лучшаго и полнѣйшаго изданія (хорошей фототипіей) этого важнаго матеріала.

[1]) А. С. Фаминцинъ (Божества древн. словянъ, в. 1, стр. 204 и 206) говоритъ, что одно племя балтійскихъ словянъ называлось Во́ронами или Вранами, но это не болѣе, какъ мало-основательная догадка и произвольное толкованіе, ибо Варны далеко еще не Враны. Одного изъ ростовскихъ князей XV в.—(Семена Юрьевича, сына Юрія Ивановича Нѣмаго-Голенина, упоминаемаго подъ 1400 г.) звали „Воро́на“, но это лишь насмѣшливое прозвище, данное ему народомъ (и до нынѣ употребляемое). Жену его Феодору увезъ Вас. Юрьев. Шемяка (Яросл. Губ. Вѣд. 1887 г. № 13). Одинъ изъ ярославскихъ князей—Вас. Фед. Шаховской (внукъ Алексан. Анд. Шемяки) прозывался и Вороно́мъ. (Путеводит. по гор. Ярославлю. А. А. Титовъ, стр. 141). Названіе г. Воронежемъ произошло отъ р. Вороны. Во всякомъ случаѣ если воронъ и пользовался уваженіемъ, то у словянъ, т.-е. пока они еще не превратились въ русскихъ (русовъ). У западныхъ арійцевъ воронъ назывался по его цвѣту, т.-е. чернымъ: латин. cornix=ворона, corvus, corax=воронъ, франц. corneille=ворона; лат. cornicor=каркать по вороньи, фран. corner=трубѣть, играть на рожкѣ (собственно—каркать, испускать звуки въ родѣ вороньихъ). При смягченіи словянами въ корнѣ корн *к.* въ *ч.* получилось чорн—чёрн. Значеніе русскаго черн-ый выясняетъ значеніе и латин. cornix и др. Лат. cornu=рогъ, труба, отрогъ, крыло—флигель; словянское значеніе корня (черн) позволяетъ думать, что раньше получилъ названіе воронъ, а позже рогъ (труба).

[2]) Въ Яросл. архивн. коммиссіи хранятся: Дѣло 1751 г. (№ 157/ Яр. Арх. К.; 40)... „О изслѣдованіи ростовскому магистрату въ убивствѣ ростовскаго соколья помытчика Василья Колосова“ и „Дѣло объ отводѣ ростовскому соколью помытчику Якову Павлову въ Пред-

Вслѣдствіе этого изображеніе на ростовской печати (сокола) имѣло бы значеніе того же рода, что и изображеніе рыбы на ярославской.

Мнѣ не извѣстно, чѣмъ руководились составители Большой государственной книги, помѣстивъ въ ярославскомъ гербѣ медвѣдя, а въ ростовскомъ оленя [1]), но, кажется, не должно подлежать сомнѣнію, что они къ своей работѣ относились съ большей осмотрительностью и съ меньшимъ произволомъ, чѣмъ ихъ предшественники,—сочинители упомянутыхъ государственныхъ печатей. По крайней мѣрѣ такъ думать позволяетъ какъ то, что творецъ едва-ли не перваго труда по русской геральдикѣ—(Всѣхъ великихъ князей московскихъ и всея Россіи самодержцевъ персоны и титла, и печати [2]) Артам. Серг. Матвеевъ—государевъ печатникъ—былъ человѣкомъ образованнымъ для своего времяни, зналъ западные обычаи и слылъ за западника, такъ и то, что у Тишайшаго работалъ по геральдикѣ присланный изъ Австріи императоромъ Леопольдомъ I его опытный герольдмейстеръ Лаврентій Хурелевичъ или Куреличъ [3]),

---

течевскомъ приходѣ на наслѣдственной послѣ отца его землѣ къ постройкѣ деревяннаго дома мѣста и о дачѣ плана" 1795 г. № 48. Подъ самымъ Ростовомъ на его посадѣ у озера была Сокольничья слободка, раззоренная въ 1619 (7127) г. литовцами (на канунѣ Семена-лѣтопроводца). Съ этой слободки брали въ приказъ большаго дворца по 5 соколовъ въ годъ, а „коли соколовъ не родъ", то деньгами по 1 руб. за сокола. Послѣ погрома слободку „дозиралъ" ярославецъ Ив. Мотовиловъ и нашелъ въ ней 3 полудворишка, 3 пустыхъ дворишка, да 6 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ съ полумѣстомъ. Окладъ положили на слободку „до большихъ писцовъ" (переписи) въ 2 сокола въ годъ съ $1^1/_2$ двора. Грамота писана 24 мая 7127 г, а между тѣмъ въ ней этотъ годъ названъ „прошлымъ" (Яр. Губ. Вѣдом. 1854 г., ст. 320), слѣдовательно годъ указанъ не вѣрно. Въ 1443 г. ростовцы ходили промышлять соколовъ и кречетовъ за Волгу. (Опис. слов. и рус. рукописей... А. А. Титова, т. V, стр. 476). Въ родословіи рода Воронцовыхъ и Вельяминовыхъ: А Михайловы дѣти Рогожины—Петръ да *Кречетъ*, а Петровы дѣти—Димитрей да и Иванъ Бобръ. (Времен. Моск. общ. истор. и древ. рос., кн. X, отд. II, стр. 90).

[1]) Заявленіе Щекатова (см. выше) по этому поводу имѣетъ значеніе лишь произвольной, необоснованной догадки.

[2]) Въ рукописи Матвѣева ярославскій гербъ изображенъ: медвѣдь въ лѣсу, влѣво, съ протазаномъ на правомъ плечѣ; ростовскій—олень въ лѣсу, вправо. (Входящія Яр. Архивн. Ком. за 1905 г., л. 17). Такъ сообщилъ Моск. глав. архивъ М. И. Д.; какъ понимать эти „вправо" и „влѣво", т.-е. отъ зрителя или по изображенію,—не извѣстно и вообще сообщеніе дано излишне кратко и скупо.

[3]) Онъ написалъ въ 1673 г. сочиненіе на латинскомъ языкѣ, оставшееся въ рукописи „О родословіи россійскихъ великихъ князей и государей, поднесенное царю Алексѣю Михаиловичу отъ цесарскаго совѣтника и герольдмейстера Лаврентія Курелича съ показаніемъ имѣющагося по средствамъ брака сродства между Россіею и 8 европейскими державами, т.-е. царемъ римскимъ и королями: англійскимъ, датскимъ, французскимъ, гишпанскимъ, польскимъ, португальскимъ и шведскимъ и съ изображеніемъ оныхъ королевскихъ

прошедшій школу западной науки гербовѣдѣнія. Можно думать, что такой человѣкъ уже по одной привычкѣ, а также и по выдержкѣ и навыку едва-ли сталъ бы сочинять гербы по личному усмотрѣнію, не собравъ предварительно нужнаго матеріала на мѣстѣ (не лично, разумѣется, а чрезъ приказы). Можетъ быть, затронутая сторона дѣла со временемъ выяснится положительно [1]), теперь же пока можно указать только на то, что въ Ярославлѣ съ медвѣдемъ связаны кое-какія преданія и самый медвѣдь пользуется до нынѣ большимъ расположеніемъ, хотя уже около 40 лѣтъ ярославцы видятъ его лишь изрѣдка въ заѣзжихъ звѣринцахъ. Трудно установить, откуда явилось въ Ярославлѣ преданіе о томъ, что Ярославль основанъ великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ Мудрымъ въ память спасенія себя отъ неожиданно напавшей на него медвѣдицы. Преданіе гласитъ, что князь шелъ съ дружиною, нѣсколько отдѣлившись отъ нея, тамъ, гдѣ былъ позже Рубленый городъ Ярославля, и что тутъ на него бросилась медвѣдица изъ оврага, выходившаго на Волгу, но что Ярославу удалось убить звѣря однимъ ударомъ топора [2]). Преданіе добавляетъ, что мѣстность Рубленаго города была пустынная, глухая, поросшая вѣковымъ лѣсомъ и что въ благодарность Богу за спасеніе себя отъ опасности князь построилъ на мѣстѣ происшествія маленькую церковь изъ лѣса, нарубленнаго тутъ же, а городъ населилъ переселенцами изъ Ростова. Этотъ разсказъ я слышалъ неоднажды маленькимъ мальчикомъ, (т.-е. лѣтъ 30 слишкомъ назадъ) отъ людей неграмотныхъ и неимѣвшихъ близкаго общенія съ образованными слоями, почему можно, кажется, думать, что основа сказанія получена народомъ отъ предковъ, а не проникла къ нему сверха и не заимствована изъ книгъ, въ которыхъ сказаніе появляется въ послѣдней ¼ XVIII в. [3]). Какъ всякое древнее преданіе, такъ и преданіе объ основа-

---

гербовъ, а въ срединѣ ихъ великаго князя святаго Владиміра, на концѣ же портрета царя Алексѣя Михайловича". Рукопись и русскій переводъ ея хранятся въ Моск. главномъ архивѣ Мин. Ин. дѣлъ. (Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, „гербъ").

[1]) Вѣдь у насъ такъ обычны и нерѣдки „открытія" даже въ библіотекахъ, не только въ архивахъ, московскіе же министерскіе архивы—извѣстно, что еще неупорядочены.

[2]) На лѣвой сторонѣ лѣстницы на хоры кіевскаго Софійскаго собора изображена сцена нападенія медвѣдя на всадника въ шлемѣ, схватившаго медвѣдя за горло и вонзившаго ему въ грудь копье. (Древности Россійск. государства. Кіево-Софійскій соборъ, таб. 55, рис. 3).

[3]) Исторія г. Ярославля. К. Д. Головщиковъ, ст. 5, 6. Въ томъ видѣ, въ какомъ оно появляется въ литературѣ, оно не болѣе, какъ искаженіе „Сказанія о построеніи града Ярославля", дошедшаго до насъ, къ сожалѣнію, лишь въ одномъ спискѣ, изданномъ, едва-ли—съ надлежащей тщательностью, свящ. А-мъ Н. Лебедевымъ.

ніи гор. Ярославля утратило съ теченіемъ времяни свои первоначальныя подробности, пріобрѣтя въ замѣнъ ихъ позднѣйшія, направленныя къ объясненію того, что было для позднѣйшихъ сказателей неяснымъ и темнымъ. Къ такимъ добавленіямъ относится, на примѣръ, объясненіе названія ядра Ярославля „Рубленымъ городомъ". По этому объясненію названіе „рубленый" произошло, будто-бы, отъ того, что передъ постройкой города Ярославомъ *рубили* росшій на мѣстѣ города лѣсъ и что изъ этого *рубленаго* лѣса выстроили первую крѣпость — „городъ" [1]). Наивный домыселъ простачковъ мѣстныхъ „историковъ" и любителей старины. Извѣстно, что древніе русскіе „города" (т.-е. ограды) дѣлались двухъ видовъ: остроги или настоякъ— древнѣйшій типъ, переживающій въ современныхъ „острогахъ" — тюрьмахъ (въ ихъ оградахъ), и рубленые или належакъ. Послѣдніе „рубились въ уголъ", какъ стѣны домовъ, первые же не рубились, а вкапывались нижними концами въ землю. Внутренній городъ Ярославля былъ въ средніе вѣка имянно рубленымъ, а внѣшній или земляной— острожнымъ или тыннымъ. При возникновеніи же Ярославля, онъ, почти несомнѣнно, былъ не рубленымъ, а острогомъ, такъ какъ и значительно позже, въ XV, XVI и даже XVII в.в. почти всѣ вновь возникавшіе города строились или городились острогами [2]) и такъ какъ Ярославль, какъ увидимъ, строился спѣшно, на походѣ. Таковаго же достоинства и объясненіе самаго наимянованія города, по которому это наимянованіе дано самимъ княземъ Ярославомъ въ честь себя. На дѣлѣ оно является не названіемъ даже, а только необходимымъ и неумышленнымъ прозвищемъ или простымъ, наиболѣе естественнымъ и подходящимъ опредѣленіемъ, употреблявшимся окрестными жителями для обозначенія новаго въ ихъ странѣ города, такъ какъ оно значитъ въ нынѣшнемъ выговорѣ—Ярославовъ, а въ древнемъ юго-западномъ—Ярославлевъ или, въ краткой формѣ, Ярославль. Если говорили и говорятъ: домъ Петрова, дворъ Березина, поле Котова, то подъ этими „Петровъ", „Березинъ", „Котово" ни кто не разумѣлъ и не понималъ соб-

---

[1]) Исторія губернскаго города Ярославля. Ив. Троицкій, стр. 7.

[2]) Это слово со времянемъ даже оспеціализировалось и пріобрѣло значеніе уже не всякаго города—ограды, а лишь тыннаго, съ каковымъ значеніемъ оно и встрѣчается въ бумагахъ въ формѣ „острогъ" и „острожецъ"—такой то. Для постройки даже очень небольшаго рубленаго города нужно очень много времяни и мастеровъ—спеціалистовъ, а ихъ-то обыкновенно и не хватаетъ при постройкѣ новыхъ городовъ. В. И. Лѣствицинъ примѣняетъ къ объясненію слова „рубленый" самарское его значеніе: побитый, посѣченный, изрубленный (непріятель), но, разумѣется, не удачнѣе своихъ предшественниковъ (Яросл. Губ. Вѣдом. 1887 г. № 34, стр. 5); нужно было не гадать, а изучать.

ственныхъ именъ или названій дома, двора, поля, а только опредѣленія т.-е. прилагательныя—притяжательныя, ибо сегодняшній Петровъ домъ завтра можетъ сдѣлаться Ивановъ. Построенный Ярославомъ, а стало быть и принадлежавшій ему (по трудовому праву и по праву почина) городъ окрестные жители не могли иначе и называть, какъ только Ярославовъ или Ярославль, разъ не было дано ему особаго названія [1]); самъ же Ярославъ едва-ли и называлъ его такъ, а выражался о немъ, вѣроятнѣе всего, попросту мой городъ или мой волжскій или ростовскій городъ и т. д.[2]).

Отбрасывая подобныя позднѣйшія прикрасы и умствованія, за болѣе древнюю часть преданія можно будетъ признать слѣдующее.

1) Городъ Ярославль (какъ Ярославль, а не вообще) основанъ дѣйствительно Ярославомъ и, при томъ, вѣроятнѣе всего, великимъ княземъ, ибо собственныя имена такого, какъ Ярославъ, образованія (Святославъ, Вышеславъ и др.) носили, что замѣчено уже давно, почти исключительно одни князья [3]). За князя Ярослава говоритъ, кромѣ названія города, еще время перваго упоминанія Ярославля въ письменности и княженія Ярослава въ Ростовѣ, а затѣмъ и во всей сѣверной Руси.

2) При возникновеніи Ярославля имѣло мѣсто убійство Ярославомъ звѣря, вѣрнѣе всего, медвѣдя и, при томъ, едва-ли не топоромъ, за который говоритъ какъ то, что топоры составляли если не необходимую принадлежность каждаго, то самое обычное и распространенное ручное ору-

---

[1]) Какъ городъ Кія звали Кіевъ, городъ Роста—Ростовъ и пр.

[2]) Древніе безъимянные города дожили до настоящихъ дней и продолжаютъ существовать безъ особаго имяни и по сей-часъ; таковы: Городецъ, Городня (селенья Городокъ), Новгородъ=(новъ-городъ); Юрьевъ (—городъ), давнымъ давно переставшій быть Юрьевымъ или Юрія и т. д. С. Гедеоновъ (Отрывки изъ изслѣдованій о варяжск. вопросѣ, ст. 188, изд. акад. наукъ) глядѣлъ на этотъ предметъ съ точки зрѣнія своего времяни: „едва ли не было у словянскихъ князей постояннаго обычая прилагать свое имя основаннымъ или любимымъ ими городамъ". Конечно, отвергать возможность этого вполнѣ нельзя, отдѣльные такіе случаи могли быть (Ярославъ... ходилъ на землю Лифлянтскую ратью и, плѣнивъ ихъ, и въ свое имя градъ Юрьевъ поставилъ,...—въ 1030 г. (Посольск. книги вел. кн. Литовскаго т. II, № 72. Оболенскій и Даниловичъ. Зап. Одес. общ. ист. и др., т. XXV, ст. 396); Святополкъ Изяславичъ (внукъ Ярослава): повелѣ рубити городъ на Вытечевѣ холму, въ свое имя нарекъ Святополчь городъ (Лѣт. пр. Нестора по Лавр. сп., ст. 128), но не какъ „постоянный обычай". Названія въ прилагательной формѣ (Ярославль, Ольжичи и пр.) нельзя признать за данныя основателями или владѣтелями называющихся такъ городовъ. Кромѣ того самъ Гедеоновъ указываетъ на одинаковость названій лица и рѣкъ: Радагость, Дунай, Днѣпръ и пр., которыя ни какъ уже нельзя почесть за отъимянныя (патронимныя).

[3]) Гедеоновъ считаетъ ихъ за прозвища (тамъ же, ст. 192).

жіе воиновъ того времяни [1]), (о чемъ свидѣтельствуютъ курганныя раскопки), такъ и то, что на медвѣдя, даже приохотѣ на него, обыкновенно ходили не только въ древности, но еще и въ недавнее время [2]), съ топоромъ и ножемъ—засапожникомъ и что другимъ ручнымъ оружіемъ, мечемъ—на примѣръ, трудно бороться съ медвѣдемъ.

3) Возможно и вѣроятно, что въ новомъ своемъ городкѣ князь Ярославъ—ревностный распространитель христіанства—построилъ церковь, посвятивъ ее Ильѣ пророку, которую уже по простой необходимости долженъ былъ содержать на свой счетъ, ибо она стояла въ его собственномъ городѣ и, кромѣ того, не могла имѣть прихода вслѣдствіе того, что была въ новомъ, т.-е. очень скудно населенномъ городѣ и по тому, что христіанство въ краѣ было весьма мало распространено и подвергалось гоненію [3]).

4) Созданный городокъ князь Ярославъ сдалъ на руки своимъ людямъ, переселеннымъ изъ Ростова,—ближайшаго русскаго, подвластнаго Ярославу и болѣе значительнаго города (селенья); въ числѣ переведенныхъ были переселены и нѣкоторые церковно-служители для церкви. Вотъ то, что на мой взглядъ можетъ быть принято въ приведенномъ сказаніи объ основаніи Ярославля за болѣе или менѣе достовѣрное; все остальное позднѣйшіе досужіе вымыслы, не рѣдко вносившіеся историками Ярославля [4]) въ свои сочиненія безъ достаточной оцѣнки и доходившіе иногда до смѣшнаго [5]). Несравненно большаго вниманія заслуживаетъ „Ска-

---

[1]) Крестьянинъ до нынѣ, идя въ лѣсъ, на охоту, въ дорогу и т. д., непремѣнно беретъ топоръ, затыкая его за поясъ.

[2]) Въ Олонецкой, Пермской, Архангельской губерніяхъ до $^1/_2$ XIX вѣка.

[3]) Въ XI в... встаста два волъхва отъ Ярославля... и поидоста по Волзѣ .. Авраамію даже въ Ростовѣ и даже въ XII в. приходилось вести еще очень упорную борьбу съ язычествомъ. По мнѣнію же Е. Е. Голубинскаго (Исторія рус. церкви, т. 1, втор. половина, стр. 641,—О мнимомъ основателѣ Богоявленскаго монастыря преп. Авраамія) Авраамій жилъ даже не въ XII, а въ концѣ XIII и въ XIV в., когда существовалъ уже Валаамскій монастырь, въ которомъ онъ былъ постриженъ. Голубинскій склоненъ даже отождествить его съ ростовскимъ игуменомъ Авраміемъ Низкимъ, бывшимъ съ митрополитомъ Пименомъ въ Царьградѣ въ 1385 г., что очень возможно. (См. еще О редакціяхъ житія св. Авраамія ростовскаго. М. И. Соколовъ, Древности и Яр. Епар. Вѣд. Апр. 1890 г.).

[4]) С. Серебряниковъ, Ив. Троицкій, К. Головщиковъ и другіе, менѣе извѣстные.

[5]) Павелъ Львовъ—членъ россійской академіи въ сочиненіи—„Великій князь Ярославъ I на берегахъ Волги. Повѣствованіе о построеніи города Ярославля, взятое изъ исторіи". Моск. 1820 г.—увѣряетъ читателей, что Ярославъ говорилъ, будто бы: да будетъ знаменіемъ града пораженный мною звѣрь съ золотою моею сѣкирою въ серебряномъ моемъ щитѣ, (т.-е. давалъ городу гербъ, данный только

заніе о построеніи града Ярославля", сохранявшееся „въ одной старинной рукописи" неизвѣстнаго автора и приводимое ростовскимъ архіепископомъ Самуиломъ Мисловскимъ (1776—1783 г.) въ его запискѣ „Церкви г. Ярославля въ 1781 г." [1]). Признать все сказаніе цѣликомъ за вымыселъ, за сочинительство ученаго невѣжды, какъ нужно это сдѣлать съ „Повѣствованіемъ" члена академіи П. Львова, нель-

---

Екатериною II), что и приношу въ даръ первому храму, который будетъ воздвигнутъ въ память дня сего... Львовъ былъ въ Ярославлѣ, плѣнился имъ и вздумалъ написать статейку о его основаніи. Онъ выбралъ для нея форму повѣствованія—витіеватаго и напыщеннаго, уснащеннаго выдуманными подробностями. Статейка этого „академика", разумѣется, не имѣетъ ни какого значенія, примѣчанія къ ней тоже не даютъ ни чего новаго, ибо Львовъ черпалъ изъ печатныхъ трудовъ своихъ предшественниковъ (Ядро рос. исторіи, Исторія Россіи Татищева, Словарь географ. Щекатова и т. д.). Любопытно было бы его указаніе о пустынникѣ (бывшемъ богатырѣ Рогдаѣ), проживавшемъ на мѣстѣ Ярославля, если-бъ можно было думать, что оно взято изъ источника, а не выдумано Львовымъ, питавшимъ слабость къ пустынникамъ;—свѣдѣнія объ Аврааміи ростовскомъ сохранились случайно и не сомнѣнно, что о многихъ проповѣдникахъ христіанства и о подвижникахъ не знали даже и ихъ современники. Аф. Щекатовъ (см. выше) увѣряетъ, что „сей гербъ (Львовское „знаменіе") издревле данъ вел. кн. Ярославомъ.... по причинѣ, что онъ, нашедъ на медвѣдя,... убилъ оного". Въ Яр. архивн. коммиссіи хранится рукописный „Атласъ Ярославской губерніи 1817 г.", поднесенный вел. кн. Михаилу Павловичу; въ немъ въ статьѣ „О городѣ Ярославлѣ и о его уѣздѣ" говорится объ основаніи Ярославля почти то же, что въ словарѣ Щекатова и въ „Топографическомъ описаніи Ярославскаго намѣстничества"—(Яр. 1794 г.). Ив. Троицкій (Ист. губ. г. Ярославля, ст. 7) увѣрялъ, что ручей, отдѣлявшій Рубленый городъ отъ Землянаго, получилъ названіе „Медвѣдица" въ память убійства Ярославомъ на его берегѣ медвѣдицы. Ну а тверская р. Медвѣдица получила свое названіе тоже въ память того же или подобнаго событія? Кромѣ того ручья (Медвѣдицы) въ Ярославлѣ не было и быть не могло: ему не изъ чего и не откуда было течь, не чѣмъ было питаться, а были лишь два оврага—стока весеннихъ водъ, выходившіе одинъ къ Волгѣ, другой къ Которости; перемычку между вершинъ ихъ позже прорыли, образовавъ ровъ. Всѣ спуски къ Волгѣ въ Ярославлѣ такія же „Медвѣдицы" и по берегамъ Волги, какъ и другихъ рѣкъ съ высокими берегами, ихъ множество.

[1]) Храмы Власьевскаго прихода въ Ярославлѣ. Ал-й Н. Лебедевъ. Яр. 1877 г., ст., 6. То же сказаніе приводится еще (съ сокращеніями) К. Д. Головщиковымъ (Исторія г. Ярославля, ст. 7), И. Ф. Барщевскимъ (Труды Яр. Арх. Ком., кн. III, вып. 4, ст. 7) и Н. В. Верховымъ (Ярославль. Историч. монографія о времени основанія города, ст. 16). Самуилъ свою записку писалъ по требованію ярославскаго намѣстника Ал-я Пет. Мельгунова, просившаго доставить ему свѣдѣнія о церквахъ, монастыряхъ и пр., „со всѣми ихъ перемѣнами и приключеніями", „съ подробнымъ обо всемъ томъ описаніемъ" (Церкви г. Ярославля въ 1781 г. В. Лѣствицинъ, ст. 1). Плодомъ стараній Самуила, стремившагося угодить намѣстнику, было и отысканіе „Сказанія", быть можетъ, въ бумагахъ ярославскаго Спасскаго монастыря, въ которомъ хранилось и Слово о полку Игоревѣ. Мисловскій былъ человѣкъ образованный и имѣлъ собственную библіотеку. (См. о немъ въ Яросл. Епарх. Вѣд. 1904 г. № 37 и др.).

зя ни какимъ образомъ. Въ основѣ сказанія лежитъ древняя запись, но, видимо, подновлявшаяся. Между прочимъ Сказаніе сообщаетъ: „и градъ великій Ростовъ со облостію предаде (Владиміръ)... Ярославу. Во облости же сей не на мнозѣ пути отъ города Ростова, я-ко на шестьдесятъ поприщъ, при брезѣ рѣки Волги и Которосли лежаше нѣкое мѣсто, на немъ же послѣди создася славный градъ Ярославль. И сіе мѣсто бысть зѣло пусто, за-не высокая древеса ростуща, да травяны пажити точію обрѣтахуся; человѣкъ же (въ) обители единой бысть. И се бысть селище, рѣкомое Медвѣжій уголъ, въ немъ же насельницы—человѣцы поганыя вѣры, языцы—зли суще... Оніи человѣцы живяше точію по своей воли, я-ко мнози, и грабленія, и кровопролитія вѣрнымъ творяше“... Далѣе сообщается, что туземцы промышляли охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ [1]), что поклонялись Волосу (о чемъ говоритъ и житіе Авраамія ростовскаго про ростовцевъ), принося въ жертвы ему добычу охоты—звѣрей, а также скотъ и, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, „и отъ человѣкъ“ [2]), что для идола Волоса имѣлось нѣчто вродѣ храма или капища („и кереметь створена бысть“, послѣ сожженная), и волхвъ, гадавшій по жертвенному дыму. Затѣмъ: „Въ нѣкоемъ лѣтѣ прилучися... Ярославу плыти на лодіяхъ [3]) съ сильною и великою ратью по рѣцѣ Волгѣ,... узрѣ, я-ко нѣкіи людіи жестоцы наноси гибель судамъ съ товары,... погнался за ними и... побѣди враговъ на мѣстѣ, идѣ же нѣкое сточіе (стокъ, спускъ, оврагъ, позже „Медвѣдица“, какъ видно изъ нижеслѣдующаго) водно исходи въ Которосль; за нимъ же и селище то стояше. И благовѣрный князь поучи людей онихъ, како

---

[1]) Эстонское weis=скотъ, не отсюда ли названіе финскаго народца—весь, жившаго и въ Ярославской губерніи? Черемисское vèse=иной, другой, слѣдующій, посторонній (Изв. общ. Ар., Ист. и Эт. 1893 г. Черемис. словарь), словян.-рус. весь, чеш. wes, поль. wies, краин. vas=селенье. (Отрывки изъ изслѣд. о варяжск. вопросѣ. С. Гедеоновъ, ст. 109).

[2]) Отяки, жившіе и въ Ярославской губерніи, приносили человѣческія жертвы еще въ XIX в. (Мультановское дѣло; см. еще мою работу „Кто насыпалъ ярославскіе курганы“ въ Трудахъ II област. Тверск. археол. съѣзда, ст. 87)...

[3]) Вѣроятно въ 1023—24 г., когда былъ въ Суздальской области голодъ и мятежъ, поднятый волхвами, усмирять который и ходилъ Ярославъ изъ Новгорода, очевидно, Волгою: Въ лѣто 6532... Ярославу сущу Новѣ-городѣ тогда; въ се-же лѣто въсташа вълъсви въ Суждали, избиваху старую чадь... слышавъ же Ярославъ—волхвы, приде Суздалю, изъимавъ волхвы, расточи, а другыя показни... И възвратився Ярославъ, приде Нову-городу. (Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентіевскому списку, ст. 83). За указанный походъ Ярослава говоритъ какъ сильная и великая рать, бывшая съ нимъ (по Сказанію), такъ и плытіе его по Волгѣ.

жити и обиды не творити [1])... моли ихъ креститися. И людіи сіи клятвою у Волоса обѣща князю жити въ согласіи и оброцы ему даяти, но точію не хотяху креститися. И тако... князь отыде въ престольный градъ свой Ростовъ", (направляясь въ Суздаль) [2]). Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Сказанія, не подлежитъ сомнѣнію, что Ярославъ плылъ по Волгѣ сверха, вѣрнѣе всего, изъ Новгорода. Ибо, ударивъ на грабителей торговыхъ судовъ противъ ихъ селенья, бывшаго *выше оврага Медвѣдицы*, онъ погнался за ними *внизъ* по рѣкѣ, такъ какъ загналъ въ Которость, падающую въ Волгу ниже Медвѣдицы, и по Которости гналъ до „воднаго сточія", т.-е. противоположнаго Медвѣдицѣ оврага, нынѣшняго Зеленскаго или Подзеленскаго (стараго Зелейнаго) спуска, гдѣ и разбилъ. А разбивъ и обложивъ данью, продолжалъ путь далѣе,—Которостью же въ Ростовъ (отыде въ престольный градъ свой). Слѣдовательно явился Ярославъ къ устью Которости не изъ Ростова, какъ говорятъ нѣкоторые изводы преданія объ основаніи Ярославля и ихъ толкователи, смѣшивая первое его посѣщеніе со вторымъ,—на возвратномъ пути, а съ верховьевъ Волги, скорѣй всего, какъ замѣчено, изъ Новгорода. „Не по мнозѣмъ же времени (т.-е. усмиривъ суздальскій мятежъ), князь Ярославъ умысли паки прибыти въ Медвѣжій уголъ [3]). И прибы сѣмо

---

[1]) Эти слова напоминаютъ слова лѣтописи въ описаніи усмиренія суздальскаго мятежа въ 1023—24 г.

[2]) Послѣ смерти кн. Бориса Ростовъ, конечно, перешелъ опять къ Ярославу—владѣтелю всего сѣвера Руси.

[3]) Возвращаясь изъ Суздаля въ Новгородъ, „умысли" говоритъ не о томъ, что Ярославъ вновь явился къ устью Которости нарочно для посѣщенія Медвѣжьяго угла, а лишь о томъ, что, возвращаясь въ Новгородъ, онъ надумалъ *по пути* заглянуть опять и въ Медвѣжій уголъ, а не проѣхать мимо. Верховой утверждаетъ обратное, но безъ основанія (въ указанной книжкѣ, стр. 31...). Духъ сказанія свидѣтельствуетъ, какъ бы, о томъ, что до описываемаго времяни русскіе князья не знали или мало знали Медвѣжій уголъ: Ярославъ плыветъ по Волгѣ и видитъ ни какихъ либо извѣстныхъ уже ему, а „нѣкіихъ" людей, грабящихъ суда; люди эти русскаго князя и ростовскаго правителя вовсе не знаютъ и не признаютъ, онъ только тутъ, на походѣ въ Суздаль покоряетъ ихъ и облагаетъ оброкомъ, но и при этомъ они отказываются отъ крещенья и т. д. Могло-ли это быть на устьѣ Которости—большой дороги изъ Ростова къ Волгѣ, Бѣлуозеру, Новгороду и т. д.? Мнѣ кажется, могло быть послѣ того, какъ даже въ самомъ Ростовѣ,—средоточіи всего края язычество держалось очень упорно по меньшей мѣрѣ до XII в., а епископовъ мучили и выгоняли изъ города, не смотря на то, что въ немъ сидѣлъ „княжъ мужъ", и послѣ того, какъ монастыри, нынѣ находящіеся у самаго города, при возникновеніи своемъ основывались въ „мѣстѣ пустѣ", въ глухомъ лѣсу. Если пустынникъ, бѣжавшій отъ людей, могъ скрываться въ 1½—2 верстахъ отъ города, оставаясь годами ни кому неизвѣстнымъ, то тѣмъ болѣе могло оставаться неизвѣстнымъ или мало извѣстнымъ убогое поселье финскихъ инородцевъ и даже словянъ на

со епископомъ (св. Леонтіемъ), со пресвитеры, діаконы и церковники, мастеры и съ воины [1]). Но егда входи въ сіе селище, людіи сего (? его) *испусти отъ клѣти нѣкоего люта звѣря* и псовъ,—да растешутъ князя и сущихъ съ нимъ"... но „сей сѣкирою своею побѣди звѣря, а пси, я-ко агнцы, не прикоснуся ни комуждо отъ нихъ. И видѣ безбожніи... вся сія, ужасеся и падоша ницъ князю, и быша, аки мертвы". Тогда Ярославъ воскликнулъ: „Кто убо вы? Не суть ли тіи людіи, кои клятвою увѣряше предъ вашимъ Волосомъ вѣрно служити мнѣ, князю вашему?... Вѣсте, яко азъ не на потѣху звѣриную или на пиръ многоцѣнна питія испивати пришедъ, но побѣду сотворити". Послѣ этого князь „опасно согляда" всю мѣстность, а на утро, вынеся образъ Богоматери изъ своего „шатра", съ духовенствомъ, мастерами и съ воинами пришелъ на „островъ, его же учреди рѣки Волга и Которосль, и проточіе водное", отслужили предъ образомъ молебенъ съ водосвятіемъ, окрапили землю, князь поставилъ деревянный крестъ „и ту положи основу святому храму пророка божія Иліи. А храмъ сей посвяти во имя сего святаго угодника, я-ко *хищнаго и*

пустынныхъ и сплошь лѣсистыхъ берегахъ Волги, на которыхъ, много, много спустя, скрывались многочисленныя и многолюдныя, буйныя шайки разбойниковъ, тщетно разыскивавшіяся ратными людьми. Кромѣ того Ярославъ едва ли и княжилъ въ Ростовѣ; Ростовъ данъ ему въ удѣлъ въ 988 г., а въ 1016 г. исполнилось 28 лѣтъ его княженья въ Новгородѣ, 1016—28=988 г. Слѣдовательно братъ его Вышеславъ новгородскій умеръ въ томъ же 988 г. и Ярослава перемѣстили на его мѣсто въ Новгородъ.

[1]) Верховой (тамъ же, стр. 30) совершенно напрасно прибѣгаетъ къ догадкамъ и ненужнымъ толкованіямъ о томъ, что думалъ и дѣлалъ Ярдславъ, узнавъ о суздальскомъ мятежѣ, о чемъ мечталъ (стр. 31), что въ его разсчеты не входило собрать для подавленія мятежа рать въ Кіевѣ, что онъ былъ въ Кіевѣ и т. д., ибо лѣтопись опредѣленно говоритъ: Въ лѣто 6532... Ярославу сущу Новѣ-городѣ тогда. Въ се-же лѣто въсташа вълъсви..., т.-е., что Ярославъ 1024 г. проводилъ въ Новгородѣ и въ этотъ же годъ востали волхвы. Не безопасно утверждать также, что вѣсть о нападеніи Мстислава на Кіевъ и о занятіи имъ Чернигова пришла къ Ярославу во время усмиренія имъ упомянутаго мятежа.—Лѣтопись (преп. Нестора по Лаврент. списку, ст. 83) сперва упоминаетъ о Мстиславѣ, а потомъ уже объ усмиреніи мятежа: Въ лѣто 6531 поиде Мстиславъ на Ярослава съ козары и съ касогы. Въ лѣто 6532 (было или случилось слѣдующее): 1) Ярославу сущую Новѣ-городѣ; приде Мьстиславъ изъ Тьмуторокани Кыеву... Ярославу сущю Новѣ-городѣ тогда. 2) Въ се же лѣто въсташа вълъсви... Слышавъ же Ярославъ волхвы, приде Суздалю... Передъ этими же событіями онъ (въ 6530 г.) былъ въ Берестіѣ и въ Новгородъ ушелъ, видимо, отъ наступавшаго Мстислава для сбора войска, какъ сдѣлалъ онъ то же и противъ Святополка. Кромѣ того въ той же лѣтописи объ извѣщеніяхъ говорится прямо: Ярославу же, сущю Новѣ-городѣ (1036 г,), вѣсть приде ему, яко печенѣзи остоять Кыевъ. Верховой сдѣлалъ свои неосновательныя передержки, какъ видится, для подкрѣпленія высказаннаго имъ мнѣнія о постройкѣ Ярославомъ Ярославля не на возвратномъ пути изъ Суздаля, а въ особый, выду-

лютаго звѣря побѣди въ день его". Послѣ того князь „повелѣ народу, (а не воинамъ) рубити древеса и чистити мѣсто, идѣ же умысли и градъ создати. Градъ сей... Ярославъ назва во свое имя Ярославлемъ, насели его христіанами, а въ церкви постави пресвитеры, діаконы и клирики. Но егда же и построися градъ Ярославль, насельницы Медвѣжіяго угла не пріобщашеся граду, живяше особь и кланяшеся Волосу". Къ сближенію повела засуха, случившаяся въ области, такъ что „и травы, и всякъ злакъ сельній" сгорѣли и скотина валилась отъ голода. По словамъ Сказанія бѣда прекратилась по молитвѣ пресвитера, что и вызвало крещеніе жителей. Однако, по тому же Сказанію, и поруганный, расколотый на части Волосъ не хотѣлъ уступить христіанскому Богу безъ борьбы и „чини имъ (отступникамъ) мнозіи страхованія на мѣстѣ, идѣ же нѣкогда стояше Волосъ", а скотину истощалъ и заставлялъ болѣть. Для прекращенія навожденія на мѣстѣ Волосовской керемети построили

манный Верховымъ походъ, яко бы, для сбора рати противъ Мстислава въ Суздальской землѣ и для осуществленія кстати ужъ и задуманнаго ранѣе намѣренія поставить городъ на устьѣ Которости (ст. 24, 30, 32). Что смущало Верховаго и заставляло гадать и выдумывать, не знаю, но кажется,—что извѣстіе въ брошюрѣ „Топографическое описаніе Ярославскаго намѣстничества" (Яросл. 1794 г.) о томъ, что „егда раздѣлихъ оныя (княжества) и помирихся съ братомъ... въ лѣто 6532, тогда шедъ (Ярославъ) изъ Нова-города первѣе сушею, а потомъ въ судахъ и Волгою рѣкою осмотрѣть Ростовскаго княженія и ста на берегу Волги рѣки, идѣ же нынѣ городъ Ярославль, изволи тутъ быти граду въ свое имя Ярославъ... И потомъ шедъ... въ Ростовъ и присла всякихъ мастеровъ, перевелъ многихъ переведенцевъ жити въ немъ; и тако бысть начало граду Ярославлю". Въ началѣ авторъ „Описанія" говоритъ, что такъ повѣствуется въ древнемъ лѣтописцѣ, но не указываетъ въ какомъ. Верховой придаетъ этому извѣстію значеніе большее, чѣмъ Несторовой лѣтописи, хотя, очевидно, что оно, какъ пересказъ, имѣетъ очень невысокую цѣну. Лично для меня представляется пока несомнѣннымъ, что Ярославъ, близко познакомившійся съ обитателями будущаго Ярославля на пути въ Суздаль, насмотрѣвшись на сродныхъ имъ суздальцевъ, на ихъ нравы, обычаи и порядки и узнавъ силу и вліяніе въ ихъ средѣ жрецовъ и волхвовъ, тутъ же рѣшилъ обезпечить свою власть надъ ново-покоренными жителями Которости и предупредить возможность повторенія ими суздальскихъ безпорядковъ путемъ помѣщенія въ ихъ средѣ вѣрныхъ людей для надзора и управленія, а равно и искорененія язычества. Что въ его войскѣ не было плотниковъ,—понятно и естественно, а потому понятно же, что онъ взялъ ихъ, какъ и священника, изъ Ростова,—единственнаго (насколько пока извѣстно) ближайшаго русскаго селенья, подвластнаго русскому князю. Что Ярославъ имѣлъ основаніе не довѣрять новопокореннымъ, показываетъ случай съ двумя волхвами-ярославцами, путешествовавшими по Волгѣ и по Шекснѣ, о чемъ въ лѣтописи сообщается между прочимъ подъ 1071 г. Ан. Вас. Экземплярскій раздѣляетъ мнѣніе объ основаніи Ярославля Ил. Ил. Рогозинникова (988—1010 г.). (Памятн. книжка Яросл. губ. на 1862 г., отд. II, ст. 5), но не основательно: Ярославъ былъ тогда въ Новгородѣ.

церковь во имя Власія—епископа севастійскаго, „я-ко вельми силенъ... сохранити скотіе людей христіанскихъ“.

Приведенное Сказаніе о возникновеньи Ярославля нужно признать пока за древнѣйшее (не по формѣ, а основѣ содержанія) и за наиболѣе близкое къ истинѣ изъ всѣхъ вращающихся въ письменности и въ молвѣ. Согласуя и сопоставляя его съ лѣтописными извѣстіями, будетъ правильнѣе всего признать, что описываемый Сказаніемъ походъ Ярослава по Волгѣ былъ (какъ замѣчено уже) походомъ его въ Суздаль для прекращенія голоднаго мятежа [1]) и обратный въ Новгородъ въ 1023—24 г. Установить время этого (т.-е. упоминаемаго въ Сказаніи) похода важно не только для выясненія года основанія г. Ярославля, но еще болѣе для установленія мало-мальски правильнаго взгляда на бытовыя черты и условія существованія насельниковъ Ярославской губерніи того времени. Правда, слогъ сказанія обличаетъ въ его писателѣ (не авторѣ) человѣка, причастнаго книгѣ, и поправки „старинной рукописи“ ея позднѣйшими перепищиками [2]), что не позволяетъ самое сказаніе въ настоящемъ его видѣ отодвинуть дальше XVII в., а вставки даже къ XVIII, но тѣмъ не менѣе сообщаемое сказаніемъ, видимо, не носитъ слѣдовъ заимствованія, подражанія или ухищреній и вымысловъ грамотея прошлыхъ дней. Напротивъ оно значительно отличается отъ всѣхъ другихъ ходячихъ разсказовъ о томъ же предметѣ, носящихъ несомнѣнные слѣды „обработки“ и умствованій XVIII в., и въ этомъ его достоинство и сила. При чтеніи сказанія получается такое впечатлѣніе, что сообщаемое большинствомъ взято изъ дѣйствительности, правдиво и самобытно, что излагаются не умозаключенія и наведенія и, тѣмъ менѣе, выдумки, а чаще всего положительныя свѣдѣнія и наблюденія, но нѣсколько затемненныя пріемомъ изложенія. Вслѣдствіе сказаннаго не довѣрять „Сказанію“, во всемъ и вполнѣ отвергать его, какъ источникъ, мнѣ не представляется возможнымъ. Если писанія Каменевича-Рвовскаго не пренебрегаются и частямъ ихъ дается вѣра, то тѣмъ допустимѣе и необходимѣе такое отношеніе къ „Сказанію“, ужъ очень похожему на правду.

---

[1]) Почему Сказаніе не упоминаетъ объ этомъ и всегда ли не упоминало, сказать трудно, но причинъ для этого могло быть нѣсколько.

[2]) Особенно послѣдній переписчикъ, какъ по всему видится, поусердствовалъ надъ старинной рукописью и постарался сдѣлать ее „вразумительной“, хотя самъ очень плохо разбиралъ. Въ Ростовѣ тоже сохранялось преданіе о томъ, что Ярославъ I разрушилъ идольское капище, бывшее на мѣстѣ Бѣлогостицкаго монастыря, т.-е. къ С. отъ Ростова, въ 7 вер. у истока р. Вѣксы изъ Ростовскаго озера. (Ростовъ великій. Путеводитель по городу. А. А. Титовъ, стр. 52).

Что же оно повѣствуетъ?

Для настоящей статьи въ немъ есть одна очень любопытная подробность; это извѣстіе о томъ, что при вторичномъ посѣщеніи Ярославомъ селенья Медвѣжій уголъ [1]) жители послѣдняго „испустиша отъ клѣти нѣкоего люта звѣря и псовъ, да растешутъ князя и сущихъ съ нимъ“. Однако князь „сѣкирою своею побѣди звѣря“. Сказаніе не называетъ звѣря, выражаясь неопредѣленно „нѣкоего“, но за то оно сообщаетъ названіе селенія,—данное ему, очевидно, по его главной особенности, по содержимому въ немъ звѣрю,—Медвѣжій уголъ. Кромѣ того преданія, идущія изъ того же источника, но иныхъ изводовъ, говорятъ прямо, что этимъ звѣремъ была медвѣдица. Да наконецъ, кромѣ медвѣдя въ нашихъ широтахъ подобнымъ звѣремъ иному и быть не кому. Такимъ образомъ получается положительное данное, что *въ Медвѣжьемъ углѣ содержался жителями въ клѣти* [2]) *медвѣдь*. Если прибавить къ этому, что по нѣкоторымъ изводамъ преданія медвѣдь бросился на Ярослава изъ оврага, а также то, что оврагъ, отдѣлявшій рубленый городъ Ярославля отъ материка, а позже отъ земляного города, удержалъ до сихъ поръ названіе Медвѣдица, то получимъ другое данное о томъ, что *клѣть съ медвѣдемъ помѣщалась въ оврагѣ Медвѣдица*. Случай въ древней русской исторіи едва-ли не исключительный [3]), но въ общей

---

[1]) Это названіе, можетъ быть, составляетъ лишь переводъ на русскій языкъ финскаго наимянованія мѣстности современнаго Ярославля: 1117 г. Мьстиславъ (Владиміровичъ Мономаховъ) взя городъ ихъ (чуди) именемъ *Медвѣжа голова* и погостъ безъ числа взяша. (Ипат. лѣт. 6625 г., Карамзинъ. Ист., т. II, стр. 173, пр. 193, изд. 1830 г.). Здѣсь названіе города переведено съ туземнаго Одепне на русскій языкъ (Ливонія, не далеко отъ Юрьева-Дерпта), но можетъ быть оно и кореннымъ русскимъ, ибо въ Ярославской же губерніи, въ Даниловскомъ уѣздѣ, близъ юго-западной границы его существуетъ до нынѣ погостъ Куклинъ уголъ. (Списокъ населен. мѣстъ Яросл. губ. Алфавит. указатель селеній Яр. губ.). Это названіе, могущее показаться на первый взглядъ страннымъ и слишкомъ свѣжимъ, на дѣлѣ извѣстно (пока) съ XVII в. Такъ въ челобитьѣ 1647 г. игумены владимірскаго Покровскаго монастыря упоминается въ Суздальскомъ уѣздѣ урочище, а въ росписи монастырскихъ отчинъ село, носившія то же самое названіе, что и доисторическій Ярославль, т.-е. Медвѣжій уголъ. (Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова. Акты историческіе, стр. 193, 272). Что это были за селенья, ясно видно изъ того, что медвѣжьимъ угломъ до нынѣ обозначаютъ самыя глухія и дикія мѣста и селенья. Эта-то живучесть названія и является причиной того, что въ приложеніи къ селенью оно кажется слишкомъ свѣжимъ.

[2]) Можетъ быть въ прямомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ клѣткѣ.

[3]) Извѣстно, что князья содержали звѣрей и дикихъ животныхъ въ особыхъ звѣринцахъ, но эти охотничьи и потѣшные звѣринцы были отличными отъ указаннаго учрежденіями и устроивались съ иными цѣлями. Однако не невозможно, что исходная точка потѣшныхъ звѣринцевъ скрывается имянно въ „клѣтяхъ“ священныхъ животныхъ.

исторіи не единственный, ибо то же самое находимъ въ далекой Швейцаріи, гдѣ въ г. Бернѣ точно также содержится городомъ нѣсколько медвѣдей въ особомъ помѣщеніи, открытомъ для публики и находящемся въ оврагѣ (или ямѣ), называемомъ Медвѣжій ровъ (или гребля—Bärengraben), располагающемся въ восточной части города. Содержатъ ихъ, будто бы, только по тому, что въ гербѣ Берна и его области (кантона) изображается медвѣдь, но такому объясненію противорѣчитъ то обстоятельство, что съ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ одного изъ городскихъ медвѣдей ежегодно носятъ въ клѣткѣ на носилкахъ по всему городу въ торжественномъ шествіи [1]), какъ дѣлается у насъ то-же самое съ чтимыми иконами. Очевидно, что медвѣдь считался когда-то въ Бернѣ покровителемъ города и, какъ таковый, содержался въ немъ и изображался на его гербѣ, былъ знакомъ города. Иначе онъ не могъ попасть и въ гербъ или городскую марку. Но за тѣмъ, съ развитіемъ образованности и съ распространеніемъ христіанства смыслъ обычая и обряда забылся, сами же они остались и живутъ. Что выживаетъ въ Швейцаріи до настоящихъ дней, то легко могло быть у насъ 880 лѣтъ назадъ [2]). За дѣйствительность этого говоритъ не одинъ гербъ Ярославля (хотя и онъ явился, разумѣется, не безъ основанія), но и другіе пережитки глубокой старины, свидѣтельствующіе если не о поклоненіи нѣкогда въ ярославскихъ земляхъ медвѣдю, то все же о нѣкоторомъ почитаніи его нашими предками. Такъ въ Ярославской и Костромской губерніяхъ существуетъ до сихъ поръ повѣрье, по которому съ Ильина дня (20 іюля) вода дѣлается холоднѣе и темнѣе оттого, что на Ильинъ день медвѣдь помочится („поссытъ") въ воду (въ рѣку, озеро и пр.) [3]) и что съ этихъ поръ купаться уже нельзя: захвораешь медленной, томительной, изводящей болѣзнью,—умирать не умираешь и жить не живешь,—только маешься, пока не высохнешь вовсе. Въ старину въ средней Россіи, когда замѣчали по нѣкоторымъ признакамъ, что въ избѣ „завелся лихой домовой", для усмиренія или изгнанія его водили въ избѣ и по двору медвѣдя или только обводили

---

[1]) Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. III А, ст. 582.

[2]) Напомню, что нѣкоторые ставятъ въ родственную связь лигуровъ Швейцаріи (савояровъ и швейцарцевъ) съ лопарями и другими финскими инородцами Россіи, (вѣрнѣе, съ самоѣдами), у которыхъ почитаніе медвѣдя сильно развито и держится до сихъ поръ. (Происхожденіе арійцевъ и доистор. человѣкъ. Ис. Тейлоръ, ст. 114, 213; мое—Кто насыпалъ Яросл. курганы,—въ Трудахъ II обл. археол. съѣзда въ Твери, отд. I, стр. 151 и ниже здѣсь).

[3]) Можетъ быть съ этимъ повѣрьемъ связана поговорка: какъ медвѣдь въ лужу пер...ъ, хотя нынѣ она употребляется для обозначенія неловкости, безтактности, безсмыслія. Ярославъ убилъ медвѣдя въ *Ильинъ* день.

его кругомъ двора. Хорошимъ средствомъ считалось и окуриваніе съ заклятіями всѣхъ угловъ жилья и двора сожигаемой медвѣжьей шерстью [1]). Тѣ же средства употреблялись еще для того, что бы водилась въ домѣ скотина, т.-е. противъ домового же, завѣдывающаго ею. Для защиты коней отъ проказъ домоваго на дворъ или на конюшню вѣшали медвѣжью голову [2]). Для избавленія отъ лихорадки (злого божества—трясавицы) больного клали на землю лицомъ внизъ и заставляли медвѣдя переидти черезъ него такъ, что бы тотъ непремѣнно коснулся лапой спины больного [3]). Отъ ломоты въ ногахъ до нынѣ считается лучшимъ средствомъ мазать ихъ медвѣжьимъ саломъ (жиромъ), а для успѣха въ охотѣ принималось за полезное убить медвѣдя и вымыть ружье въ его крови, что дѣлало ружье безпромашнымъ. Беременныя гадали о полѣ будущаго потомства, давая медвѣдю изъ своихъ рукъ хлѣба,—если при этомъ медвѣдь рыкалъ, то гадавшей слѣдовало ожидать рожденія дѣвочки, если бралъ хлѣбъ молча,—мальчика. Народъ увѣряетъ, что медвѣдь не выноситъ беременныхъ женщинъ и, встрѣтивъ таковую въ лѣсу или на полѣ, непремѣнно заломаетъ и выѣстъ всю внутренность, не тронувъ остального. Перебѣжка дороги медвѣдемъ принима-

---

[1]) Объ источникахъ и формахъ рус. баснословія, Д. М. Щепкинъ, вып. 2, ст. 133. Поэтическія возрѣнія словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. 1, ст. 386, 391.

[2]) Напомню о медвѣжьихъ (и оленьихъ) головахъ, такъ часто являющихся въ качествѣ украшенія (частью узора) на норманскихъ курганныхъ бронзовыхъ вещахъ—застежкахъ (фибулахъ), пряжкахъ, наборныхъ бляхахъ и пр. Въ Калевалѣ-финской былинѣ въ 6 пѣснѣ (рунѣ) такъ описывается лукъ, сдѣланный Юкагайненомъ:

На верху конекъ поставленъ,
По бокамъ бѣжитъ жеребчикъ,
Медвѣженокъ спитъ на сгибѣ,
На зарубкѣ дремлетъ зайчикъ.

Въ 45 пѣснѣ описывается копье, выкованное Ильмариненомъ:

На рубцѣ (ребрѣ) тамъ волкъ усѣлся,
Остріе медвѣдь все занялъ,
Лось бѣжитъ по основанью (втулкѣ),
Жеребецъ по рукояткѣ
И олень сталъ у головки.

(Пантеонъ литературы 1888 г. I, ст. 69; XI, ст. 537). Этотъ „звѣриный" узоръ (орнаментъ) хорошо извѣстенъ всѣмъ занимающимся древностями подъ имянемъ чудскаго, представляетъ одну изъ первичныхъ ступеней въ развитіи узора,—извѣстенъ у многихъ европейскихъ первобытниковъ камники и у современныхъ первобытныхъ племенъ,—и оказалъ несомнѣнное вліяніе на скандинавскій узоръ. Нѣкоторые ведутъ его съ В., но безъ основанія: онъ возникалъ въ разныхъ мѣстахъ самостоятельно и исходная точка—рисунки съ животныхъ на скалахъ, въ пещерахъ и пр.

[3]) Это дѣйствіе нельзя считать символомъ разминанія или растиранія, ибо такія дѣйствія при лихорадкѣ не употребляются, а лишь при ломотѣ.

лась за предвѣщаніе идущему или ѣдущему удачи (заяцъ и кошка—наоборотъ); въ морѣ поминать медвѣдя, а особенно называть его по имяни считалось опаснымъ: поднимается буря. Въ день солнцеворота—(12 декабря) медвѣдь по увѣреніямъ народа поворачивается въ берлогѣ съ одного бока на другой и начинаетъ сосать другую лапу, а зима съ этого дня начинаетъ ходить въ медвѣжьей шкурѣ или щубѣ. Пробуждается медвѣдь отъ зимней спячки и выходитъ изъ берлоги, по тому же повѣрью, 12 апрѣля [1]). Въ Бессарабской губерніи вербная суббота называется (можетъ быть, въ силу послѣдняго повѣрья) медвѣжьей и составляетъ народный праздникъ, отправленіе котораго предохраняетъ скотъ отъ нападенія волковъ (и вообще звѣрей) [2]). Участіе медвѣдя въ масляничныхъ празднествахъ общеизвѣстно,—онъ тутъ важнѣйшее лицо; воженье медвѣдя на масляницѣ запрещалось духовенствомъ и правительствомъ уже въ XVI в. [3]). Оно представляетъ пережитокъ глубокой языческой древности поклоненія силамъ природы (теплу въ видѣ солнца) и олицетворенія ихъ въ различныхъ животныхъ, первоначально лишь приносившихся въ жертву почитаемому, затѣмъ сдѣлавшихся его принадлежностью (посвященными ему) [4]) и наконецъ превратившихся въ его олицетворенія—символы (свинка—золотая щетинка, олень—золотые рога и др.). А. С. Фаминцинъ [5]), изучившій древніе обряды, говоритъ, (и съ нимъ нельзя не согласиться), что животныя, олицетворявшія боговъ, вводились въ жилища для ниспосланія или внесенія съ собою благодати и обилія [6]), прообразомъ которыхъ служили хлѣбныя зерна, хмѣль

---

[1]) Афанасьевъ, то же, т. III, стр. 684.

[2]) Вѣстникъ Яросл. земства, 1904 г., № 21, отд. III, стр. 475.

[3]) Акты археограф. экспедиціи, III, 264; IV, 93. Въ поученіи митроп. Даніила говорится о запрещеніи водить „медвѣди или иныя нѣкія таковыя животныя". Архимандритъ Варлаамъ кашинскаго Дмитровскаго монастыря жаловался царю въ 1649 г., что въ Кашинѣ въ чистый понедѣльникъ „изъ уѣзду пріѣзжаютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми... пьютъ и бражничаютъ, и безчинствуютъ, крыкъ и вопь, и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полунощи"... и что туда же сходится „много всякихъ чиновъ... г. Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди,... съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣзжаютъ"... и что „отъ такого безчинія... отстать имъ не умѣть безъ твоего... указу по тому, что торговымъ людямъ—торгъ, а безчинникомъ и беззаконникомъ пьянство и бой, и бѣсовская игра веселые съ медвѣди и съ бубны, и съ сурнами, и со всякими бѣсовскими играми". (Гор. Кашинъ. Матеріалы для его исторіи, собран. Іос. Як. Кункинымъ, стр. 46).—Оттискъ изъ Чтеній въ Общ. ист. и древн. рос. 1903 г.

[4]) Пчелка Божья скотинка, волкъ Юрьева (Георгіева) скотина и пр.

[5]) Божества древ. словянъ, стр. 242—243 и др.

[6]) Точно также, какъ нынѣ дѣлается это съ чтимыми и чудо-

и т. п., разсыпавшіеся поводильщиками священныхъ животныхъ [1]) по жилищу, на хозяина и его домочадцевъ [2]). Изъ приводимыхъ имъ данныхъ [3]) дѣлается до очевидности яснымъ, что и тѣ движенія и звуки водимыхъ животныхъ, а позже изрѣченія наряженныхъ ими жрецовъ, выродившіеся затѣмъ въ прибаутки и предметъ потѣхи (а ну-ка, Мишенька, покажи, какъ ребята горохъ воруютъ и т, п.) въ началѣ были вовсе не посмѣшищемъ и забавой, но вѣровыми, религіозными дѣйствіями и рѣченіями, имѣвшими для поклонниковъ глубокіе смыслъ и значеніе прорицаній и предзнамянованій, къ которымъ прислушивались и присматривались съ трепетомъ глубокой вѣры въ ихъ истинность и неустранимость. Медвѣдя и въ языческой древности пріучали кланяться хозяину дома, въ который его вводили, или сердито рычать, смотря по знаку поводыря. Но учили этому звѣря не ради праздной потѣхи и доставленія удовольствія присутствующимъ, а въ знакъ благоволѣнія или гнѣва божества, олицетворявшагося животнымъ, въ знакъ, который принимался темнымъ человѣкомъ или съ наивной чистой радостью, или съ глубокимъ горемъ. Разумѣется, движеніями и звуками животнаго управлялъ поводырь разными незамѣтными для зрителей и неизвѣстными имъ знаками, взглядами, интонаціей голоса, тѣмъ или инымъ подергиваньемъ привязи, покалываньемъ и другими пріемами и уловками, но наружно, съ показной стороны эти движенія и звуки вызывались пѣсенными обращеніями къ священному животному жреца—поводыря и его спутниковъ, т.-е., въ сущности молитвенными прошеніями, долженствовавшими скрыть (замаскировать) истинную побудительную причину дѣйствій жовотнаго. Такія обращенія сохранились еще до нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Вотъ примѣръ:

Го-го-го! Козынька, Ой, расходися,
Го-го-го! сѣрая, Развеселися,
Го-го-го! бѣлая, Ой, поклонися!

Коза кланяется, послѣ чего свита поводыря отъ ея лица, за нее или же сама коза, если ею наряженъ человѣкъ, высказываетъ домохозяину пожеланія:

Что-бъ господину Да молочливы,—
И коровки были— И овесъ самосѣй,
Не бодливы, И ячмень колосей...[4]).

творными образами. „Богъ милости даетъ, Богъ милости прислалъ“ обычныя выраженія при извѣщеніи о приносѣ въ домъ иконы, просфоры и т. п.

[1]) Въ языческой древности жрецами.

[2]) Нынѣ крапятъ святой водою и окуриваютъ ладономъ, что не болѣе, какъ уступка язычеству, сдѣлка (компромисъ) ветхаго завѣта съ новымъ.

[3]) Тамъ же, стр., на прим., 245.

[4]) Фамицинъ, стр. 245.

Довольно близко съ внѣшней стороны къ русскимъ масляничнымъ празднествамъ стоитъ единственный праздникъ *гиляковъ*—монгольскаго народца, живущаго на низовьяхъ р. Амура въ восточной окраинѣ Сибири. Этотъ праздникъ, продолжающійся нѣсколько дней, приходится въ концѣ января или въ началѣ февраля, т.-е., какъ и у русскихъ масляница, въ пору первой замѣтной прибыли дня. Начинается онъ также пиршествомъ, затѣмъ идутъ гонки запряженныхъ собакъ безъ сѣдаковъ (у насъ гоняются на лошадяхъ) и все заканчивается посылкой къ Великому Духу съ разными порученіями отъ всего племяни (съ просьбами о рыбной ловлѣ, охотѣ, урожаѣ ягодъ, плодородіи собакъ и т. д.) нарочно содержимаго для этого и особокормленнаго къ этому дню медвѣдя. Его, пришнурованнаго къ толстому бревну, (у насъ медвѣдю давался толстый колъ) сперва возятъ (у насъ водили) въ гости по сосѣдямъ, угощающимъ его лучшею юкколою (рыбою) и другими лакомствами (какъ и у насъ, водкой и пр.), а за тѣмъ ведутъ въ нарочно приготовленное въ лѣсу мѣсто, представляющее площадку, огороженную тыномъ. Тамъ привязываютъ его между двухъ столбовъ многими идущими отъ ошейника ремнями и двое молодыхъ гиляковъ встаютъ по одну сторону съ тупыми шестами, а двое старыхъ по другую съ луками. Первые начинаютъ дразнить медвѣдя, потыкивая его кольями, а вторые, какъ только разсердившійся звѣрь, бросаясь на обидчиковъ, приметъ удобное для выстрѣла положеніе, пробиваютъ его стрѣлами всегда въ сердце на вылетъ. (У русскихъ медвѣдя не трогаютъ, но сожигаютъ возившуюся съ нимъ „масляницу"—соломенное чучело) [1]). Съ убитаго снимаютъ шкуру, мясо съѣдаютъ, а голову (нетронутую) вѣшаютъ на высокое, дерево. Есть деревья съ нѣсколькими десятками такихъ головъ [2]). Описанный обрядъ выдвигаетъ медвѣдя изъ всѣхъ другихъ животныхъ и указываетъ на то, что гиляки питаютъ къ нему особое почтеніе, считая его достойнымъ быть посланцемъ къ божеству и быть ходатаемъ предъ нимъ за пославшихъ. Аѣны, живущіе на ост. Сахалинѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ земляхъ, считаютъ медвѣдя своимъ родоначальникомъ (т.-е. тотемомъ) и обожаютъ. Найденнаго медвѣженка съ торжествомъ приносятъ въ селенье и назначаютъ ему корми-

[1]) „Чучело"—позднѣйшая форма, первоначальная—кукело, кукало, кукъло, кукла—зародышъ идоловъ, лат. cuculla, cucullus=свертокъ, свитокъ, свертокъ бумаги трубкой, колпакъ, капюшонъ—куколь.

[2]) Нива 1881 г., стр. 1071. У русскихъ при сожженіи масляницы ребятишки ловятъ въ шапки летящія по вѣтру искры, количество которыхъ знамянуетъ урожай *грибовъ* въ наступающемъ годѣ. Остатки кострища раскидываются въ стороны. Любопытно, что искры знамянуютъ грибы, а не какія нибудь воздѣлываемыя растенія, что представляется пережиткомъ, какъ и самый обычай.

лицу изъ своихъ женщинъ, которая и кормитъ его до тѣхъ поръ, пока у медвѣженка не начнутъ прорѣзываться зубы. Но и послѣ этого его окружаютъ такимъ уходомъ, какимъ не пользуются и дѣти айновъ. Когда медвѣженокъ вырастетъ, тогда устраиваютъ большой праздникъ всѣмъ селеньемъ, вскормившимъ его, торжественно застрѣливаютъ и тутъ же съѣдаютъ, а голову вѣшаютъ на тынъ. (Семья, 1903 г., № 1, стр. 12).

Мнѣ не извѣстно, есть ли у *остяковъ* обряды, касающіеся медвѣдя и напоминающіе русскіе масляничные обряды[1]), но я знаю, что медвѣдь у нихъ пользуется весьма большимъ почетомъ. По мнѣнію остяковъ онъ сынъ бога Турома и жилъ первоначально на недосягаемой высотѣ, съ которой земля ему казалась прекрасной. Туромъ отпустилъ его на землю, запретивъ трогать невинныхъ какъ людей, такъ и скотъ, т.-е. велѣлъ ему быть представителемъ справедливости на землѣ. И медвѣдь,—живой и мертвый,—все знаетъ, все видитъ и слышитъ и по этому клятва его лапой, зубомъ или головой—одна изъ страшнѣйшихъ,—клятвопреступникъ рано или поздно, но будетъ заломанъ медвѣдемъ. Тѣмъ не менѣе Туромъ разрѣшилъ человѣку убивать медвѣдя; охотиться на него можно, но съ условіемъ праздновать передъ убитымъ 5 дней (передъ медвѣдицею 4), отдавая его шкурѣ почести, какъ божеству. Медвѣдь, задравшій человѣка, сжигается вмѣстѣ со шкурою, какъ опоганившійся, такъ какъ задранный или изуродованный имъ человѣкъ считается грѣшникомъ. Просверленный въ корнѣ (у его основанія) медвѣжій клыкъ привѣшивается остяками къ поясу вмѣстѣ съ ножемъ, составляя необходимую принадлежность каждаго. Этотъ зубъ однимъ своимъ присутствіемъ предохраняетъ и избавляетъ носящаго его отъ спинной боли, а соскобленное съ него вещество является уже лекарствомъ отъ разныхъ болѣзней. Кромѣ того надъ зубомъ, какъ замѣчено, клянутся и присягаютъ[2]) въ различныхъ и нерѣдкихъ случаяхъ. Присягаетъ и клянется остякъ также и *надъ медвѣжей лапой* (стопой) или надъ однимъ его когтемъ, вслѣдствіе чего медвѣжьи шкуры у нихъ остаются

[1]) У нихъ есть другой обрядъ, напоминающій русское сожженіе масляницы. Передъ отправленьемъ на звѣриный промыселъ остяки по р. Пимѣ совершаютъ моленье „пари“, связанное съ поклоненіемъ дереву. Между прочимъ на этомъ моленьи срубаютъ вершинку сосны, наряжаютъ ее человѣкомъ (т.-е. другими словами, дѣлаютъ изъ нея чучело), ставятъ на сани, а потомъ помѣщаютъ въ очагъ (чувалъ) и сжигаютъ. Это чучело служитъ такимъ же посланцемъ на небо, какъ у гиляковъ медвѣдь. (Извѣст. Рус. геогр. Общ., т. XL, 1904 г., вып. I—II, стр. 47).

[2]) Кусая зубъ или лапу, говорятъ: если лгу (или если обману), то пусть медвѣдь меня грызетъ (или деретъ) такъ же, какъ я грызу его зубъ.

обыкновенно безъ лапъ, а нѣкоторыя безъ ушей и носа,— ихъ отрѣзываютъ и носятъ съ собою [1]).

По сказаніямъ отяковъ, живущихъ межъ р.р. Вяткой и Камой, медвѣдь происходитъ отъ человѣка [2]): одна женщина родила за разъ семерыхъ дѣтей очень маленькихъ, за что и раскидала ихъ куда попало. Брошенные превратились въ нечистыхъ духовъ; мальчика, упавшаго въ лѣсъ, взялъ къ себѣ и выкормилъ заяцъ, онъ сдѣлался медвѣдемъ [3]). Происхожденіемъ медвѣдя отъ человѣка отяки объясняютъ особенности строенія его тѣла, на примѣръ сходство грудей медвѣдицы съ женскими, сходство медвѣжьяго слѣда съ слѣдомъ, оставляемымъ человѣческой ногою, короткость хвоста, способность ходить на заднихъ лапахъ и то, что если снять съ медвѣдя шкуру, то онъ и совсѣмъ, какъ человѣкъ [4]). Одну половину зимы медвѣдь спитъ, по мнѣнію отяковъ, на одномъ боку, другую—на другомъ, (то же у русскихъ), когда же перевертывается съ бока на бокъ, то только одинъ палецъ пососетъ, съ чѣмъ и засыпаетъ вновь. А спитъ зимою по тому, что ѣстъ особый сонный корень, выкапываемый имъ изъ земли [5]).

---

[1]) Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43, 63, 113. Изв. Рус. геогр. Общ. 1904 г., вып. I—II, стр. 33, 43.

[2]) Это мнѣніе возникло, какъ видно ниже, по причинѣ нѣкотораго сходства тѣла медвѣдя съ человѣческимъ.

[3]) По другому изводу—одна отячка позволила подтирать задъ блинами и класть эти блины на облоко,—тогда облока были много ниже теперешняго,—чуть-чуть повыше крыши домовъ. Богъ наказалъ ее за это тѣмъ, что превратилъ ея дѣтей въ медвѣдя, лѣшаго и пр. (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XXII, вып. 3, стр. 193).

[4]) У малороссовъ распространено то же повѣрье, но по ихъ мнѣнію въ медвѣдя обращенъ мальчикъ, спрятавшійся подъ мостъ для того, что бы напугать Бога. У отяковъ Казанской губерніи на святкахъ рядятся межъ прочимъ и медвѣдемъ въ вывороченную мѣхомъ въ верхъ шубу. Такой „медвѣдь“ продѣлываетъ то же, что и у русскихъ въ подобныхъ случаяхъ, т.-е. разныя „представленія“. Любопытно то, что прежде настоящихъ медвѣдей водили у отяковъ по домамъ не отяки, а мещеряки. Это позволяетъ думать, что такого обряда чествованія медвѣдя у отяковъ не было и что весь этотъ обычай перенятъ ими отъ русскихъ. За это говоритъ еще то, что наряженнаго медвѣдемъ бьютъ палкою, что бы разозлить; тотъ дѣлаетъ видъ, что сердится, срывается съ цѣпи, кидается на окружающихъ или поводыря, вызывая сумотоху, хохотъ, визгъ, крики и пр. Словомъ медвѣдь служитъ тутъ лишь потѣхой, какъ и у русскихъ. Для послѣднихъ, принявшихъ христіанство въ IX—XII в.в., это понятно,—у нихъ духовенство постаралось сдѣлать предметы языческаго почитанія посмѣшищемъ и забавой,—для отяковъ же, остающихся большинствомъ язычниками, тщательно оберегающими свои обряды, такое отношеніе иначе не объяснимо, какъ лишь заимствованіемъ обычая у русскихъ и при томъ не особенно давно,—тогда, когда онъ и у русскихъ изъ обряда превратился въ забаву. О заимствованіи свидѣтельствуетъ еще то обстоятельство, что указанный обычай извѣстенъ не всѣмъ отякамъ, у сарапульскихъ его нѣтъ (Изв. Общ. Арх., Ист. и Эт., т. XXII, вып. 5, стр. 331).

[5]) Это мнѣніе существуетъ и среди словянъ (хорутановъ. Жив.

У лопарей медвѣдь считается священнымъ звѣремъ—„божьей собакой“ и умнѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Солнце объѣзжаетъ на немъ часть своего пути: утромъ ѣдетъ на медвѣдѣ, съ полдня на оленѣ, а вечеромъ на лани (оленихѣ, „важенкѣ“). Разсказы о ѣздѣ солнца на медвѣдѣ и послужили, видимо, причиною названія его „божьей собакой“, т.-е. ѣздовымъ животнымъ бога. По мнѣнію лопарей (какъ и остяковъ), медвѣдь слышитъ все, что про него говорятъ, вслѣдствіе чего худо о немъ не отзываются, величая обыкновенно почтительнымъ „дѣдушко“, какъ начальника, священника и т. п. лицъ. Особенно нельзя называть его по имяни при устройствѣ на него охоты (у русскихъ въ морѣ) [1]), а то узнаетъ,—о комъ идетъ рѣчь,—и ни чего не удастся. Охота эта—цѣлый сложный обрядъ. Убивъ звѣря, поютъ передъ нимъ пѣсню, въ которой благодарятъ его за приходъ, за то, что позволилъ убить себя, не сдѣлавъ вреда, просятъ, что бы не сердился, объясняя и извиняя свой поступокъ неотложной нуждой и т. п. Нашедшій берлогу 5 дней, а охотники 3 дня не должны спать съ женами. Лопарки встрѣчаютъ медвѣдя стонами, охами, причитаньями съ выраженіемъ горя по поводу его смерти и съ просьбами простить ихъ мужьямъ такое преступленіе. Мѣстами онѣ даже не пускаютъ охотниковъ съ медвѣдемъ въ вѣжу (шалашъ) и тѣ продѣлываютъ въ ней на время другое отверстіе съ противоположной входу стороны [2]). Мясо убитаго медвѣдя варится въ отдѣльномъ шалашѣ, въ который женщины не допускаются [3]); мѣстами имъ запрещается и са-

---

Старина 1900 г., вып. I—II, стр. 202 и прим.). Сомнѣваюсь, что бъ возрѣнія остяковъ на медвѣдя ограничивались лишь приведеннымъ, у нихъ должны быть слѣды и пережитки почитанія медвѣдя, которые было бы желательно прослѣдить и закрѣпить въ печати.

[1]) У русскихъ по имяни не называютъ еще черта, вѣря, что какъ только вымолвишь „чертъ“, такъ онъ тотъ часъ и явится и, если не сумѣешь отдѣлаться отъ него какой ни будь трудною задачею, уловкою или молитвой, то онъ утащитъ въ преисподнюю. Уносомъ же пугаютъ и дѣтей: сей часъ позову медвѣдя, онъ тебя унесетъ въ лѣсъ.

[2]) Этотъ пріемъ широко распространенъ у полудикарей и употребляется съ цѣлью обмануть мертваго (медвѣдя, человѣка): втащенный въ жилье (или вынесенный изъ него) не чрезъ дверь, а чрезъ временное отверстіе, мертвый, ожившъ („вставъ“) и желая отомстить (медвѣдь) за себя, придетъ не къ двери, а къ этому отверстію. Но оно будетъ уже задѣлано и мертвецъ, не найдя входа, не попадетъ въ жилище по наивному заключенію мало-образованнаго ума.

[3]) По русскимъ представленіямъ медвѣдь не выноситъ беременныхъ женщинъ. Возможно, что это представленіе явилось слѣдствіемъ представленія (нынѣ у остяковъ) о происхожденіи медвѣдя отъ человѣка,—отъ женщины, жестоко отнесшейся къ рожденнымъ ею младенцамъ. Напомню еще къ стати русскую сказку: убитый медвѣдь, ожившъ ночью, идетъ къ старухѣ, которой отдали его лапы, сводить съ нею счеты, приговаривая: Всѣ по селамъ спятъ, по деревнямъ спятъ, одна баба не спитъ, на моей кожѣ сидитъ, мое мясо *варитъ*,—

мое употребленіе въ пищу медвѣжатины. Берутъ отъ убитаго медвѣдя лишь лучшія части мяса, остальное же закапывается, укладываясь въ естественномъ порядкѣ: голова, шея, переднія лапы и т. д. Всѣ объѣденныя кости собираютъ, ихъ не ломаютъ и не высасываютъ изъ нихъ жиръ („мозгъ"), а тщательно и бережно зарываютъ въ землю послѣ трапезы. Нерѣдко закапываютъ также ложки, которыми ѣли, ножикъ, скобель, кусокъ мѣди (вмѣсто котла). Если во время трапезы собака утащитъ кость и это замѣтятъ, ее тотъ часъ убиваютъ, берутъ изъ нея кость одноименную утащенной и зарываютъ вмѣстѣ съ медвѣжьими. Лопари вѣрятъ, что медвѣди воскресаютъ и что за неуважительное отношеніе къ одному изъ нихъ всѣ остальные считаютъ своей непремѣнною обязанностью отмстить обидчику. Сало медвѣжье признается цѣлебнымъ [1]).

У древнихъ *собственно-финновъ* (суоми) и кареловъ медвѣдь пользовался также особымъ почитаніемъ предъ всѣми другими животными; ему приписывался человѣческій умъ и сила равная силѣ двѣнадцати человѣкъ (какъ и у лопарей), а шкуры по свидѣтельству Калевалы [2]) развѣшивались на соснахъ, какъ предметъ боготворенія. О происхожденіи медвѣдя Калевала разсказываетъ совсѣмъ отлично отъ существующихъ у финновъ нынѣ представленій на этотъ счетъ.—Медвѣдь явился близь солнца, луны и созвѣздія Большой медвѣдицы (т.-е. на небѣ) возлѣ одной изъ дѣвъ воздуха—дочери творенія. Идя по среди неба, она несла корзину съ шерстью и бросала ее въ море. Вѣтеръ пригналъ шерсть вмѣстѣ съ волнами къ лѣсистому мысу, тамъ собрала ее Мьеликки – (лѣшая, хозяйка лѣса) сложила въ корзинку изъ кленовой коры съ крышкою, положила туда же свивальникъ (шнурки пеленокъ) и повѣсила корзинку на золотой цѣпи на вершину сосны. Въ этой корзинѣ зародился и выросъ медвѣдь. Онъ былъ безъ зубовъ и ког-

---

не увариваетъ; мою *шерстку прядетъ*,—не упрядываетъ. Въ этой сказкѣ переживаетъ отголосокъ глубокой древности: русскій народъ давнымъ давно не ѣстъ медвѣжатины; съ еще болѣе глубокой древности онъ не прядетъ ни какой другой шерсти, кромѣ овечей, да мѣстами верблюжьей и козьей.

[1]) Русскіе лопари. Н. Н. Харузинъ, стр. 199, 202, 203 и сказка: Какъ дочь старухи сдѣлалась женою солнца. Зарываютъ съ остатками медвѣдя ложки и пр. для того, что бы не было уликъ противъ ѣвшихъ ими и предлога явиться къ нимъ для расплаты.

[2]) Як. Гриммъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., кн. III, отд. 2, стр. 158) признаетъ Калевалу за древнѣйшее, бывшее еще до появленія германцевъ и словянъ твореніе финновъ, но въ цѣломъ она не можетъ быть признана таковою (см. у меня „Кто насыпалъ Яросл. курганы"), ибо носитъ слѣды многихъ, разновременныхъ и даже позднихъ заимствованій. Впрочемъ есть въ ней и древнія черты хотя и передаваемыя уже какъ пережитки или какъ заимствованія изъ старыхъ преданій.

тей, которыхъ не дала ему Мьеликки изъ опасенія, что онъ употребитъ ихъ во зло, но медвѣдь далъ ей великую клятву предъ всемогущимъ богомъ, что не будетъ дѣлать зла и дурнаго и получилъ и зубы. и коiти. (Пантеонъ литературы 1888 г., XII, стр. 545). Убитый медвѣдь, какъ и у лопарей, чтился особымъ празднествомъ, назначавшимся для успокоенія его и расположенія въ пользу убившихъ, при чемъ пѣлись пѣсни, въ которыхъ охотники извинялись предъ медвѣдемъ въ своей жестокости. Съ пѣснями же убитаго звѣря дѣлили на части, варили и ѣли, но при этомъ для удобства пѣвшіе раздѣлялись на два хора, дѣйствовавшихъ поперемѣнно. Одинъ изъ героевъ Калевалы Вейнемейненъ называется въ ней еще Осмоненъ (Osmonen); эти имя напоминаетъ названіе медвѣдя osma [1]).

У *мордвы* въ одной изъ отчинъ Османа Анчурина въ Тамбовской губерніи было особо чтимое урочище, нынѣ забытое. Тамъ между старыми деревьями было грубое каменное изваяніе—„медвѣдь-камень“, которому въ старину оказывались божескія почести, приносились близь него жертвы и бывало великое языческое пиршество [2]). Мордовки носятъ между прочимъ на шеѣ особое ожерелье, состоящее изъ широкой холщевой тесьмы (гайтана) унизанной бисеромъ и увѣшанной монетами, крестиками, двояшками (сросшимися орѣхами)—символомъ счастья, медвѣжьими когтями и клыками, пучками человѣческихъ волосъ и пр. [3]).

Скандинавы—сосѣди лопарей и финновъ (суоми) въ образѣ медвѣдя олицетворяли бога Тора (словянскій Туръ, какъ думаютъ иные), по чему ему и давалось прозвище Бьёрнъ (Björn=урчащій; медвѣдь). По Эддѣ видѣть медвѣдя во снѣ къ вѣтру и непогодѣ [4]). Медвѣжья голова—обычная часть скандинавскаго узора.

Германцы считали медвѣдя царемъ звѣрей; въ зимній солнцеворотъ (12 Декабря) совершалось у нихъ обрядовое шествіе: выѣзжалъ всадникъ на бѣломъ конѣ въ сопровож-

---

[1]) Тамъ же, стр. 175, 181. Труды I археол. съѣзда въ Москвѣ 1869 г., т. II—„Меряне и ихъ бытъ по курган. раскопкамъ“, гр. А. С. Уваровъ, въ отдѣльн. оттискѣ стр. 69). Въ Калевалѣ (Пант. лит., XI, стр. 538—544) въ 46 пѣснѣ подробно описывается какъ охота на медвѣдя, такъ и тѣ увѣщанія, обращенія и заклятія, съ которыми обращались къ живому медвѣдю передъ охотою, а къ мертвому при доставкѣ его въ поселеніе, при освѣжеваніи и трапезѣ.

[2]) Извѣстія Тамбов. архивн. коммиссіи, XXVI, стр. 8. Медвѣдь-камень едва-ли былъ изваяніемъ, а скорѣе, какъ и конь-камни, естественнымъ камнемъ, лишь случайно напоминавшимъ фигуру медвѣдя, т.-е. такъ наз. игрой природы.

[3]) Сказки рус. инородцевъ. В. Н. Харузина, стр. 62—65.

[4]) Отъ нихъ, вѣроятно, занесено повѣрье къ сѣвернымъ русскимъ о томъ, что названіе медвѣдя по имяни въ морѣ вызываетъ бурю.

деніи медвѣдя [1]), убраннаго гороховой соломой и изображавшагося кѣмъ либо изъ обывателей. Въ нѣмецкомъ простонародьѣ до нынѣ держится повѣрье, что медвѣдь отстраняетъ отъ скотины злое колдовство вѣдьмъ (у русскихъ домоваго) [2]) и въ Германіи еще въ средніе вѣка, какъ и въ Россіи, водили по домамъ медвѣдей, „пляской" которыхъ потѣшались даже короли и духовныя лица [3]).

По *древне-греческимъ* преданіямъ Артемида (Діана) подмѣнила Ифигенію—дочь царя Агамемнона—медвѣдицею (по другимъ косулей, воломъ) въ то время, какъ ее готовились принести въ жертву Артемидѣ, что бы умилостивить послѣднюю и вымолить попутный вѣтеръ греческому флоту, плывшему къ Троѣ. Спасенную такимъ образомъ Ифигенію Артемида перенесла въ Тавриду (Крымъ) и сдѣлала ее здѣсь своею жрицею [4]). На римскихъ монетахъ Нерона, Веспасіана, Юліи Мамеи изображались сцены охоты на медвѣдя [5]).

Отношеніе *русскихъ словянъ* къ медвѣдю представляется нынѣ довольно неопредѣленнымъ и проявляетъ признаки смѣшенія разнообразныхъ чертъ. По видимому оно не вполнѣ самобытно и сложилось какъ изъ собственныхъ возрѣній словянъ на этого звѣря, такъ и изъ возрѣній на него ихъ сосѣдей. Собственное словянское отношеніе къ медвѣдю мало напоминаетъ почитаніе. Ни въ пѣсняхъ русскихъ-словянъ, ни въ ихъ присказкахъ и прибауткахъ, ни въ сказкахъ и преданіяхъ, на сколько извѣстны мнѣ всѣ эти произведенія народной словесности, почти совсѣмъ не замѣтно ни какихъ слѣдовъ отношенія словянъ къ медвѣдю какъ къ особому или высшему существу. Напротивъ—основой этихъ отношеній служитъ незлобливый и, такъ сказать, благожелательный юморъ. Надъ медвѣдемъ подсмѣиваются и подтруниваютъ, забавляются его неуклюжестью и простоватостью, пугливостью при неожиданности и т. д. и прощаютъ ему за нихъ наносимый имъ, иногда, очень крупный вредъ. На него ни когда не озлобляются такъ, какъ, на примѣръ, на волка, а множество любовно-шутливыхъ прозвищъ, даваемыхъ ему народомъ (мишка [6]), михрютко,

---

[1]) Или кузнеца съ большимъ молотомъ, обвитымъ гороховой соломой. Всадникъ—солнце, медвѣдь или кузнецъ - Торъ, т. е. „Урчащій", богъ грома.

[2]) Поэтическ. возрѣнія словянъ на природу. А. Афанасьевъ, т. 1, стр. 39. Журн. М. Н. П. 1846 г., стр. 188.

[3]) Картины средневѣковой жизни. Фрейтагъ, стр. 179, 182, 258.

[4]) Херсонесъ таврическій. Гр. А. А. Бобринскій, стр. 2. Преданіе это напоминаетъ еврейское объ Исаакѣ.

[5]) Труды II обл. арх. съѣзда, отд. II, стр. 199.

[6]) Стар. сл. мечькъ, мечька; облост. мечка=медвѣдица, литовск. мешка (meska)=медвѣдь, откуда, должно быть, и рус. мишка; чешск. medvêd, nedved, поль. miedźwiedz, niedźwiedź, мадьяр. medve (Сравн. етимол. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ,—„медъ").

медвѣдко, толстопятый, Михаило Ивановичъ и Марья или Матрена Ивановна, Топтыгинъ, сердитый или косматый баринъ и пр.) и забавныхъ разсказовъ, распускаемыхъ про него, свидѣтельствуетъ о чемъ-то снисходительно-дружелюбномъ, но далеко не почтительномъ и еще менѣе почительномъ. Правда, въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ выступаетъ какъ бы представителемъ справедливости на землѣ, карая зло и награждая добродѣтель [1]), въ другихъ, убитый, воскресаетъ и идетъ отомстить за себя (см. выше), но во 1) есть иныя сказки, однѣ изъ которыхъ отвергаютъ его добродѣтельность [2]), а другія выставляютъ добродѣтельнымъ и сѣраго волка; во 2) сказокъ про медвѣдя въ общемъ очень немного (больше все анекдоты) и среди другихъ онѣ стоятъ одиноко и обособленно, и въ 3) ихъ, какъ и все другое, (на примѣръ приведенныя выше повѣрья и суевѣрья) противорѣчащее чисто-русскому возрѣнію на медвѣдя, съ большой вѣроятностью можно признать взятымъ отъ финновъ,—во всѣхъ ихъ разновидностяхъ [3]) глубоко почитающихъ медвѣдя. Можно еще замѣтить, что медвѣдя часто зовутъ вѣдмедь. Возможно, что это простая перестановка частей сложнаго слова; но возможно, что это явленіе не случайное, а имѣющее осмысленное основаніе. Дѣло въ томъ, что форму „вѣдмедь“ можно разсматривать, какъ мужской родъ отъ „вѣдьма“, въ пользу чего говоритъ и примѣта: если во время доенья коровы придетъ женщина, то это вѣдьма, а если мужчина, то это вѣдмедь. Сопоставленіе вѣдьмы съ медвѣдемъ и называніе его вѣдмедемъ позволяетъ думать, что медвѣдя считали и словяне, какъ и финны, вѣдуномъ, все знающимъ; хотя нужно замѣтить, что такое названіе медвѣдя распространено лишь у тѣхъ

---

[1]) Сказка о дочери и падчерицѣ старика, изъ которыхъ первую—злую и гордую—медвѣдь съѣдаетъ, а вторую добрую и гонимую награждаетъ имѣньемъ.

[2]) Дѣвушкѣ, попавшей къ медвѣдю, что бы вернуться домой, приходится его обманывать, такъ какъ онъ ее не отпускаетъ. (Народн. рус. сказки. А. Н. Афанасьевъ).

[3]) Любопытно, что поводырями медвѣдей въ позднѣйшее время были, главнымъ образомъ, казанскіе татары (и частью мещеряки), находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ отяками. Мнѣ мало извѣстно, къ сожалѣнію, объ отношеніяхъ къ медвѣдю германскихъ народностей, но, на сколько могу судить по дошедшему до меня и сохраненному памятью, медвѣдь не имѣлъ, кажется, большаго значенія въ вѣрованіяхъ германскихъ народностей за исключеніемъ болѣе сѣверныхъ скандинавовъ. У послѣднихъ онъ пользовался, видимо, большимъ уваженіемъ, такъ какъ изображеніе его—(собственно головы его) и при томъ замѣчательно правдивое является, какъ замѣчено, почти неизбѣжной составной частью скандинавскаго животнаго узора. Головѣ же придаютъ особое значеніе и всѣ русскіе инородцы, какъ видѣли выше. Въ „чудскомъ“ и кавказскомъ скульптурномъ узорѣ медвѣдь тоже не рѣдкость.

русскихъ, которые близко соприкасаются съ финнами. За заимствованіе отъ финновъ говоритъ довольно вѣско то обстоятельство, что у словянъ среди животныхъ, посвященныхъ солнцу, а позже олицетворявшихъ его [1]), медвѣдя не числится; по крайней мѣрѣ ни въ памятникахъ словесности и вѣрованій (религіи), ни въ прозвищахъ (эпитетахъ) медвѣдя не сохранилось ясныхъ слѣдовъ и прямыхъ указаній о пребываніи его среди такихъ животныхъ [2]). Между тѣмъ медвѣдь участвуетъ въ масляничныхъ празднествахъ и шествіяхъ и при томъ во 1) имянно, какъ представитель солнца (масляница свѣтлый, солнечный праздникъ), во 2) рядомъ съ другимъ представителемъ того же солнца—козломъ (козой) или конемъ (Яр. губ.). Какимъ же образомъ явилось такое странное совмѣщеніе [3]) и могло-ли оно развиться въ средѣ одного и того же народа само собою, безъ сторонняго вліянія? Сомнительно. Больше вѣроятности здѣсь для допущенія заимствованія обряда воженья медвѣдя по домамъ отъ финновъ (это воженье извѣстно, какъ видѣли, даже далекимъ гилякамъ, хотя съ другой стороны также и германцамъ) и при томъ заимствованія только внѣшняго. Взята только одна фигура безъ уясненія и безъ перенесенія въ словянскій обрядъ ея финскаго смысла и значенія, просто ради обстановки, ради своеобразной красоты ея, или, вѣрнѣе, ради ея привлекательности для словянина.

Если отъ пережитковъ, отъ живой старины обратиться къ вещественнымъ древностямъ, особенно къ раскопочнымъ, то въ Ярославской губерніи найдешь чрезвычайно любопытные для даннаго случая предметы. Я имѣю въ виду какъ медвѣжьи клыки, такъ особенно глиняные лѣпки, изображающіе несомнѣнно медвѣжьи лапы или, точнѣе, стопы [4]), найденные исключительно въ курганахъ сожженія, на

---

[1]) Конь—хорсъ, олень—золотые рога, козелъ—Усинь-Авсень, свинка—золотая щетинка, пѣтушокъ—золотой гребешокъ и пр. (Божества древ. словянъ. А. С. Фаминцинъ, вып. I).

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ одномъ и томъ же обрядѣ одного и того же лица (солнца) двумя разными представителями его, т.-е. другими словами—исполненіе одной и той же роли одновремянно и совмѣстно двумя актерами.

[4]) Извѣстный ученый П. Н. М.....ъ высказалъ въ частномъ разговорѣ со мною (по чему я и не называю его имяни) мнѣніе, что разсматриваемые лѣпки представляютъ собою не медвѣжьи стопы, а идоловъ (человѣческія фигуры), но сдѣланныхъ весьма не искустно; его смущалъ особенно обломокъ такого лѣпка, дѣйствительно по своимъ очертаніямъ нѣсколько, но очень далеко напоминавшій человѣческую фигуру. Однако, (подчеркиваю это) только по очертаніямъ *обломка*, а не цѣлаго лѣпка. Въ послѣднихъ нѣтъ даже и намека на что либо подобное, какъ видно и по рисункамъ гр. А. С. Уварова, и по моимъ, прилагаемымъ здѣсь. За стопность лѣпковъ говоритъ еще то обстоятельство, что кромѣ медвѣжьихъ дѣлали еще (изъ бронзы) утиныя лапки. Уваровскіе рисунки перепечатаны въ Извѣст. археол.

сколько извѣстно, пока только въ окрестностяхъ Ростовскаго и Переяславскаго озеръ во взаимно-сосѣднихъ уѣздахъ Ярославскомъ (с-цо Михаиловское и д. Бол. Темирево), Ростовскомъ (близь с.с. Шурсколъ и Богословъ и д. Кустерь) и Переяславскомъ (Веськово, Брембола и Городище), а затѣмъ въ Суздальскомъ (Васильки)[1]). Если сопо-

---

ком-іи, в. 15, ст. 135 и 136. Н. Кондаковъ и И. И. Толстой (Рус. древности въ памят. искусства, вып. V, стр. 87) принимаютъ эти лѣпки за амулеты (ладонки), но если это было бы такъ, то ихъ было-бы гораздо больше.

[1]) Въ Ярославскомъ уѣздѣ мною на Михаиловскомъ курганномъ кладбищѣ, что въ 7 вер. къ С. отъ Ярославля и А. И. Кельсіевымъ (въ 1878 г.) на Бол.-Темиревскомъ—въ 6 вер. къ Ю.-З. отъ Ярославля (Обозрѣніе выставки мѣст. произведеній Яросл. губ., состоявшейся въ Рыбинскѣ... стр. 23), въ остальныхъ гр. А. С. Уваровымъ (Меряне и ихъ бытъ по кург. раскопкамъ, стр. 97, 137, 188 и таб. XXXIII, рис. 2 и 3). Отчеты о моихъ раскопкахъ еще не напечатаны. Одна изъ найденныхъ мною стопъ хранится въ Россійск. историческ. музеѣ въ Москвѣ (см. табл. III, рис. 14), другая (рис. 15) и обломки остальныхъ въ Яросл. архивн. коммиссіи, въ которой есть фотографія и съ первой; найденныя Уваровымъ были въ Моск. Румянцевск. музеѣ. Уваровъ одинъ изъ найденныхъ имъ лѣпковъ (таб. XXXIII, рис. 2) принимаетъ за изображеніе кисти руки (стр. 137), но не основательно. Руки этотъ лѣпокъ вовсе не напоминаетъ,—онъ та-же медвѣжья стопа, что и на рис. 3, только сдѣланная не такъ характерно и типично. Однако лѣпки рукъ, видимо, были тоже, но лѣпились иначе (см. здѣсь рис. 16, изображающій руку изъ моихъ упомянутыхъ раскопокъ). Руки держались въ Ярославской губерніи до поздняго времяни, онѣ встрѣчаются въ деревянной рѣзьбѣ XVII в.—на прим. въ ярославской церкви Іоанна Предтечи, что въ Толчковѣ, надъ боковыми столбами царскихъ придѣльныхъ вратъ. Изображенія рукъ (бронзовыя) найдены еще въ Осетіи, въ Кобаньскомъ могильникѣ (Матер. по археол. Кавказа, вып. VIII, таб. XXIII, рис. 9 и 10; таб. XXV, рис. 6; таб. XXIX, рис. 7). Рука у всѣхъ народовъ, какъ одна изъ самыхъ важнѣйшихъ частей тѣла, имѣла большое обрядовое значеніе и въ вѣровомъ (религіозномъ) и въ правовомъ отношеніяхъ. Клянясь, присягая, мы до сихъ поръ поднимаемъ руку надъ головою, чтобы ее всѣ видѣли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы до нынѣ же „даемъ руку на отсѣченіе" и „руку прикладываемъ". Въ древности это дѣлалось почти буквально,—или дѣлался оттискъ руки, или съ наложенной руки дѣлался чѣмъ ни будь абрисъ. Прикладывая печать, китаецъ до сего дня заявляетъ: прикладываю мою деревянную руку. То же наблюдается въ Персіи. Въ XII в. дѣловая бумага считалась подписанной, если на ней находилось или къ ней было приложено изображеніе руки. Французскій торговецъ, обращаясь къ поручителю, проситъ его (въ буквальномъ смыслѣ)—оттиснуть свой ноготь—apposer sa griffe, т.-е. (переносно) приложить свою печать, свое клеймо. Рукобитье—завершаетъ сдѣлки и вообще другія соглашенія, рукопожатье—закрѣпляетъ союзъ и обозначаетъ миръ и т. д. Рука, отрѣзанная отъ мертваго, даетъ успѣхъ ея обладателю въ самыхъ опасныхъ и ненадежныхъ предпріятіяхъ и дѣлаетъ его по желанію невидимымъ. Это повѣрье держится у многихъ народовъ, межъ пр. и у западныхъ и русскихъ словянъ. У римлянъ въ пору римской имперіи на знаменахъ манипулъ, а позже центурій легіоновъ (отрядовъ войскъ) на самомъ верху вмѣсто копья прикрѣплялось иногда металлическое изображеніе руки, и т. д. (Жур. Мин. Нар. Пр. 1908 г., IV, отд. 6, стр. 131 и особенно

ставить эти находки съ обычаемъ остяковъ отрубать и хранить медвѣжьи стопы, какъ предметъ особаго почитанія и обрядовыхъ дѣйствій (присяги, клятвы и пр.), а равно обычай выламывать и носить при себѣ просверлянные медвѣжьи и другіе зубы ради тѣхъ же цѣлей [1]) и какъ ладонки (амулеты) и лекарственное средство, а затѣмъ присовокупить сюда еще повѣрье русскихъ въ чудесное дѣйствіе прикосновенія медвѣжьей *лапы* къ спинѣ больнаго лихорадкою, вѣроятно, заимствованное у финновъ, извѣстіе „Сказанія (и преданій) о построеніи г. Ярославля“ о содержаніи жителями Медвѣжьяго угла въ клѣти въ оврагѣ Медвѣдица медвѣдя и извѣстіе о подобномъ содержаніи медвѣдя же гиляками и наконецъ, согласно Д. П. Европеусу [2]), о нахожденіи нѣкогда праостяковъ-югры если не въ Ярославской губерніи, то по близости ея [3]), тогда въ выводѣ получится обоснованное до извѣстной степени заключеніе: у праярославцевъ [4]) медвѣдь былъ особо почитаемымъ и даже священнымъ звѣремъ [5]). О широкой распространенности почи-

---

1905 г., VI, стр. 351,—гдѣ весьма интересная статья Н. П. Павлова—Сильванскаго; Моск. Вѣд. 1904 г. № 72, стр. 5).

[1]) Мной найдены въ тѣхъ же курганахъ, вѣроятно, искусственные (перегорѣли и судить о строеніи трудно) зубы, напоминающіе по виду маленькіе бивни слона; Уваровъ въ Ростовскомъ уѣздѣ (с. Шугорь нашелъ два волчьи клыка на кольцѣ (таб. XXXIII, рис. 11). Въ рисункахъ и въ рѣзьбѣ русскихъ медвѣдь почти не встрѣчается, кромѣ игрушекъ.

[2]) Труды II арх. съѣзда въ С.-Петербургѣ, вып. I, отд. IVГ, стр. 81 и отдѣльн. оттискъ—Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи... 1874 г.

[3]) А. В. Орѣшниковъ (Имп. Россійск. Истор. музей. Описаніе памятниковъ, вып. I, стр. 161), описывая серебряную деньгу яросл. князя Александра Федоровича († 1471 г.), говоритъ: голова человѣка вправо въ шляпѣ съ загнутыми полями—съ длинной заплетенной косою. Коса дѣйствительно ясно видна на изображеніи. Блажайшимъ къ Европейской Россіи народомъ, до нынѣ заплетающимъ волосы въ косы, являются остяки-югра.

[4]) Сперва финновъ—(отяковъ), а позже словянъ, поселившихся среди ихъ.

[5]) И. Ф. Барщевскій (Историч. очеркъ г. Ярославля. Труды Яр. Арх. Коммиссіи, кн III, вып. 4, стр. 9) относительно курганныхъ глиняныхъ лѣпковъ медвѣжьихъ стопъ высказалъ предположеніе, что они составляли тотемный знакъ, знакъ принадлежности праярославцевъ къ роду „Медвѣдя“. Мнѣ думается, что вмѣсто этого нѣсколько натянутаго предположенія проще и вѣрнѣе объяснить нахожденіе въ курганахъ глиняныхъ медвѣжьихъ стопъ тѣмъ самымъ значеніемъ ихъ для курганниковъ, какое онѣ имѣютъ еще по нынѣ у остяковъ, ибо, несомнѣнно, послѣдніе имѣли значительныя взаимно-отношенія съ финнами (такъ какъ и говорятъ финскимъ языкомъ), а по Европеусу, какъ сказано, даже и жили нѣкогда недалеко отъ Ярославской губерніи, слѣдовательно могли передать свои (или въ свою очередь принять, что, можетъ быть, вѣрнѣе, чужія) возрѣнія и обряды жителямъ Ярославской губерніи. Нѣтъ также надобности прибѣгать къ посредству тоотемства и для объясненія названія селенія „Медвѣжій уголъ“; онсложилось самымъ простымъ и естественнымъ путемъ, (какъ всѣ на

танія медвѣдя въ древности въ средней Россіи и, какъ слѣдствіе такого почитанія, о широкомъ же распространеніи тутъ его знака говорятъ знаки или гербы различныхъ мѣстностей, занятыхъ финнами не рѣдко еще до сихъ поръ. Такъ на „печати намѣстника Великаго Новгорода", находившейся на лицевой сторонѣ большихъ государственныхъ печатей 1583 и 1605 г.г.[1]) упоминавшихся выше, изображена въ $^3/_4$ лѣстница (типа складныхъ библіотечныхъ и музейныхъ), на ступенькахъ которой лежитъ посохъ (?) а передъ ней стоитъ на заднихъ лапахъ, опираясь передними на ступеньку, соболь (1583 г.) или собака (1605 г.). За лѣстницей же налѣво отъ зрителя медвѣдь на заднихъ лапахъ вправо, опираясь передними въ лѣстницу[2]). Въ Государственной книгѣ 1672 г. новгородскій гербъ представленъ иначе, но медвѣдь не только не выключенъ изъ него, а и соболь прежняго герба замѣненъ также медвѣдемъ[3]). Что послужило причиною измѣненія новгородскаго герба, не извѣстно, но медвѣдь (и крестообразный предметъ) изображался уже на первыхъ новгородскихъ деньгахъ (табл. III, рис. 17), т.-е. въ первой половинѣ XV в.[4]) и лишь впо-

---

родныя названія: Горе—грязь, Горѣлыя дворища, Задній дворъ, Косая балка, Раменье, Горки и пр.), а имянно по наиболѣе отличительному признаку селенья, по его, такъ сказать, достопримѣчательности, т.-е. по содержиму въ немъ жителями медвѣдю, бывшему для обитателей данной мѣстности почитаемымъ или священнымъ звѣремъ (чѣмъ либо въ родѣ „божьей собаки", блюстителя справедливости на землѣ или въ родѣ Радегастова коня словянъ и т. п.). Возможно, что Медвѣжій уголъ былъ даже вѣровымъ средоточіемъ, священнымъ селеньемъ окрестныхъ язычниковъ на подобіе Ретры балтійскихъ словянъ. Но въ чемъ Барщевскій правъ на мой взглядъ, такъ это въ томъ, что медвѣдь, какъ представитель божества, считался покровителемъ чтившихъ его и что изображеніе медвѣдя (но не одной его стопы) употреблялось въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ крестъ-тѣльникъ христіанами, (какъ знакъ принадлежности къ одному вѣровому обществу; отъ него и названіе нашего простонародья- „крестьяне"). Въ статьѣ „Кто насыпалъ яросл. курганы" я показалъ, что ярославской мерею были отяки. У отяковъ же существуютъ еще особые жертвоприносительные союзы—„мэр'ы", знакомъ одного изъ каковыхъ, вѣроятно, и былъ медвѣдь. Къ сожалѣнію я не знаю, наблюдались ли подобные союзные знаки кѣмъ либо у современныхъ отяковъ.

[1]) Къ сожалѣнію не извѣстна обратная сторона этой печати, на которой должны находиться печати Ярославля и Ростова. На запросъ Яросл. архивн. коммиссіи Моск. Главный архивъ М. И. Д. увѣдомилъ, (см. Входящія Ком-іи за 1904 г., отношеніе архива отъ 19 окт. за № 427, л. 179), что печать у увѣдомительной грамоты Лже-Димитрія, съ которой сдѣланъ рисунокъ въ Собраніи государ. грамотъ и договоровъ, не вислая, а прикладная, т.-е. неимѣющая обратной стороны.

[2]) Снимки древнихъ печатей государственныхъ... в. I, л. 18.

[3]) Портреты, гербы и печати Боль. Государ. книги 1672 г., листъ 34.

[4]) Описаніе рус. монетъ музея Яросл. учен. арх. ком-іи. Э. Берендтсъ въ Временникѣ Демидов. юридичес. лицея за 1898 г. и въ

слѣдствіи постепенно превратился, благодаря неумѣлости рѣзчиковъ денежныхъ штамповъ, въ преслоутаго „нагого человѣка“ или „человѣка въ просительной позѣ“ нашихъ нумизматовъ. Напомню, что на новгородскихъ земляхъ жили отяки и другіе финны.

На печатяхъ великаго княжества Тверскаго 1583 и 1605 г.г., изображенныхъ тамъ же, что и выше упомянутыя, представленъ медвѣдь (обыкновенный бурый), стоящій влѣво. Въ Государственной книгѣ этотъ гербъ замѣненъ другимъ, очевидно, выдуманнымъ [1]). Въ Тверской облости было также много финнскихъ насельниковъ.

На пермскомъ гербѣ Государственной Книги (тамъ же л. 38) изображенъ медвѣдь-же, идущій тихой спокойной походкой вправо съ евангеліемъ на спинѣ; на верху евангелія равно-конечный крестъ съ сіяніемъ. То же изображеніе повторяется на пермской печати, находящейся съ двумя другими на печати... „губерніи Сибирской лѣта 1710“ [2]), съ тою лишь разницею, что медвѣдь идетъ влѣво и, видимо, по холмамъ, а не по ровной мѣстности. Хотя послѣдніе гербы не воспроизводятъ гербовъ болѣе древнихъ [3]), тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что они не сочинены составителями Государственной книги, а взяты прямо изъ жизни, изъ языческой дѣйствительности финскихъ обитателей Пермскаго края. Съ этой стороны они являются въ высшей степени любопытными, какъ отголосокъ почти совсѣмъ невѣдомой облости нашего прошлаго, ибо эти гербы, всего вѣроятнѣе, представляютъ, кажется, знакъ какого ни будь финскаго племяни, только финское солнце замѣнено въ немъ христіанскимъ солнцемъ или свѣтомъ,—евангеліемъ [4]). Возможно, что и на ярославскомъ гербѣ топоръ, сразившій по преданію „языческаго (финскаго) бога“, является подобною же

отдѣльныхъ оттискахъ. Замѣтка о новгородской деньгѣ почти вся принадлежитъ мнѣ, какъ и рисунокъ этой деньги, значительно увеличенной на немъ

[1]) Портреты, гербы и печати... л. 36.

[2]) Сборникъ снимковъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ... П. Ивановъ, таб. XX, рис. 7, стр. 34.

[3]) На печатяхъ 1583 и 1605 г.г. въ пермской печати изображался волкъ или сѣверная ѣздовая собака влѣво. Эти собаки очень похожи на волка. (Тамъ же).

[4]) Изъ посланія митроп. Симона видно, что въ 1501 г., т.-е. спустя 100 лѣтъ послѣ проповѣди св. Стефана, въ Перми было очень обыкновенно открытое служеніе кумирамъ. Еще въ концѣ XVI в. было въ Перми уважаемое дерево, около котораго совершались моленья. Въ то же время въ другой финской землѣ,—на балтійскомъ поморьи молились деревьямъ и камнямъ, приносили имъ жертвы, существовали жрецы (арбуи), а мертвыхъ хоронили по курганамъ (Дополненіе къ актамъ историческ., стр. 27—28).

замѣною какого либо языческаго изображенія или же цѣликомъ новымъ христіанскимъ внесеніемъ [5]).

Подводя итогъ выше-изложенному, можно сказать, мнѣ думается, что есть нѣкоторое основаніе видѣть въ медвѣдѣ ярославскаго герба явленіе не случайное и произвольное, а преемственное, одинъ изъ пережитковъ, связывающій текущіе дни съ первыми вѣками исторіи Ярославскаго края.

Переходя къ выясненію ростовскаго герба, отмѣчу прежде всего о существованіи въ Ярославской губерніи еще до сихъ поръ повѣрья (на ряду съ повѣрьемъ о медвѣдѣ), по которому на Ильинъ день олень опускаетъ въ воду (рѣку, озеро и т. п.) копыто, отчего вода дѣлается темною и холодною, на Преображенье же (6 авг.) онъ уже весь искупывается и вслѣдствіе того вода просвѣтляется, дѣлается „бѣлою“ и уже совсѣмъ холодною [1]). О сущности

---

[5]) Выше я уже замѣтилъ, что прообразомъ (хотя, можетъ быть, и не первообразомъ) ярославскаго герба можетъ служить марка на готландскомъ колоколѣ, въ высшей степени типичная.

[1]) По Афанасьеву (Поэтическ. возрѣнія словянъ на природу, т. 1, стр. 637—641) это повѣрье извѣстно и въ другихъ мѣстахъ Россіи съ небольшими измѣненіями: мочитъ ногу или хвостъ, или мочится (ссытъ) въ воду. Не связано-ли данное повѣрье съ жизнью оленя (сѣвернаго) и не относится-ли оно своимъ корнемъ къ глубокой древности, къ послѣ-ледниковой порѣ, когда олень былъ важенъ и необходимъ здѣсь также, какъ теперь обитателямъ сѣвернаго пояса? Съ конца Іюля сѣверный олень начинаетъ перекочевку или зимнюю „ходу“ въ болѣе теплыя мѣста, совершаемую довольно медленно и постепенно. Хода усиливается и достигаетъ полнаго развитія въ концѣ августа и въ сентябрѣ, когда эти животныя идутъ къ Ю. большими стадами, *переплывая рѣки*, въ которыхъ ихъ и бьютъ съ лотокъ, уничтожая большія количества. Правильная повторность (періодичность) явленія ходы въ жизни сѣвернаго оленя, очевиднымъ для всѣхъ образомъ связанная съ положеніемъ *солнца* на небѣ, т.-е. съ теплотностью, съ временами года, и послужила основою представленія о нѣкоей таинственной связи оленя съ солнцемъ, какъ съ божествомъ, и основой сперва посвященія оленя солнцу--богу, а потомъ, постепенно, отождествленія его съ нимъ или сліянія въ одно представленіе, т.-е. олицетворенія солнца въ оленѣ, извѣстное многимъ племянамъ и въ Россіи, и за ея предѣлами. Замѣтить связь явленія ходы съ положеніемъ солнца на небѣ долженъ былъ еще человѣкъ поры сѣвернаго оленя, ибо онъ жилъ цѣликомъ на счетъ этого оленя. Хода наблюдалась и въ Ярославской губерніи до половины XIX в.; еще въ 1860 гг. сѣверный олень ежегодно заходилъ въ ея предѣлы въ зимнее время. Конечно, можно бы думать, что словяне заимствовали почитаніе оленя у финскихъ сосѣдей—оленеводовъ, но этому противорѣчитъ то, что арійцы обратили вниманіе на оленя въ глубокой древности, какъ слѣдуетъ изъ одинаковости названій его почти у всѣхъ ихъ вѣтвей: ст. слов. алънь,—ѥлы, ѥлень, рус. олень (уменьшительное отъ олъ), серб. лелен, пол. ieleń, иллир. jelin, чеш. gelen, прус. alne, лотыш. alnis, литов. élnis, elnėne, греч. ἔλλος=*ἐλνός=олененокъ и ελαφος (ἐλλός очень близко къ русскому—лос=(е)—лось, др. нѣм. elah=лось, ан.-сак. elch, скан. elgr, ирл. eilidh); нѣм. elłenthier, elen и elend изъ литов., фран. elan изъ нѣм., кимр.

возрѣній словянъ на оленя говорятъ многія старыя пѣсни, переживающія мѣстами до нынѣ. Въ Ярославской губерніи (въ Даниловскомъ уѣздѣ, въ Богородской волости), напримѣръ, поютъ (игровую):

Сидитъ олень
Подъ кореньями,
Молодой съ бородой
Подъ дубровами.

Холодно-ль тебѣ, олень,
Холодно-ли молодой?
Мнѣ не такъ тепло,
Не такъ холодно.

Выбирай себѣ, олень,
Коя лучше всѣхъ,—
Коя слюбится,
Поцѣлуется [1]).

Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ пору сложенія этой пѣсни олень уже олицетворялся человѣкомъ, можетъ быть, жрецомъ, первое время, несомнѣнно, наряжавшимся оленемъ, какъ и теперь еще рядятся козою.

Въ Московской губерніи пѣли на свадьбахъ:

...Въ тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень,
Ходитъ олень—золотые рога.
Тутъ и шелъ—прошелъ Иванъ господинъ,
Встрѣчу ему *бѣлый олень*...
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотые рога я съ собой принесу
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу [2]).

Въ Саратовской губерніи пѣли:

Въ чистомъ полѣ все полынь трава,
Въ той полыни ходитъ *бѣлый олень*,

---

eilon и elain=лань, олениха арм. elն, ирл. arr; рус. лань, поль. lania, лит. lonė, ирл. lón (рус. лончакъ=годовалый жеребенокъ, лонишный=прошлогодній, послѣдовавшій черезъ годъ, стало быть лонъ=годъ). Значеніе всѣхъ названій оленя и лани быстрота, скорость движенія (Ср. этим. словарь рус. яз. Н. В. Горяевъ—„олень“; Поэт. возр. словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. 1, стр. 637).

[1]) Яр. Губ. Вѣд. 1904 г. № 67.

[2]) Афанасьевъ (тамъ же) приводитъ ту же пѣсню нѣсколько въ иныхъ изводахъ и полнѣе:

Не разливайся, мой тихій Дунай,
Не заливай зеленые луга:
Въ тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень...
. . . . . Иванъ господинъ
Я тебя, оленюшко, застрѣлю,
Золотые роженьки изломлю!
Не стрѣляй меня, свѣтъ Иванъ господинъ!
Въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь:
Будешь жениться, на свадьбу...

Бѣлый олень—золотые рога.
Иванъ господинъ ѣздитъ, гуляетъ,
На бѣла оленя онъ плеткою машетъ,
Бѣлый олень возмоляется:
Иванъ господинъ, не маши плеткою,—
Я вѣдь тебѣ на время гожусь!
Станешь жениться,—на свадьбу приду,
На дворъ войду,—весь дворъ освѣщу,
Въ теремъ войду,—всѣхъ гостей взвеселю.

Въ мало и галицко-русскихъ и польскихъ пѣсняхъ (колядкахъ) упоминается туръ—олень золотые рога [1]), лѣсъ или дуброва заявляетъ:

Ой шумлю, шумлю,
Ибо въ себѣ чую
Дивнаго звѣря—
— Тура—оленя,
Что на головкѣ
Девять рожечковъ, (вѣтокъ)
А на десятомъ
Теремъ построенъ (тамъ же, стр. 239).

У сербовъ:

Что это сіяетъ край горы зеленой,—
То-ли это солнце, то-ли мѣсячина?
Нѣтъ, это не солнце, нѣтъ не мѣсячина,
Вѣдь два златна рога это отъ оленя [2]).

Рано вышла стара матка
Къ святой церкви на утреню
Повстрѣчался ей святой Петръ
На оленѣ златорогомъ,
Златорогомъ, многорогомъ...
(ѣдущій на праздникъ Рождества Христова) [3]).

Въ старину примѣчали: если олень валяется по лугу или по нивѣ,—быть урожаю; по болгарскому повѣрью олень приноситъ съ собою *росу*, капающую изъ его глазъ, а ударяя копытомъ въ землю, онъ выбиваетъ изъ нея *родникъ* [4]). Въ Германіи былъ обычай рядиться на Рождество и на новый годъ въ оленьи шкуры и бѣгать по улицамъ, противъ чего церковь воставала уже въ VI в. Тамъ же олень является и въ пѣсняхъ, называющихъ его прямо солнечнымъ (sonnenhirsch):

Я видѣлъ солнечнаго оленя,

---

[1]) Божества древн. словянъ. А. С. Фаминцинъ, в. 1, стр. 237. На Кавказѣ до нынѣ одинъ видъ оленя называется туромъ.

[2]) Тамъ же, стр. 239, у Афанасьева указанное сочиненіе, т. 1, стр. 638.

[3]) Афанасьевъ, тамъ же.

[4]) Тамъ же, т. III, стр. 793. И здѣсь связь оленя съ водой, влагой.

Шедшаго съ юга,
Его вели на двухъ поводахъ;
Ноги его стояли на лугу,
А рога поднимались къ небу [1]).

Кромѣ словянъ и германцевъ олень связывается съ солнцемъ и у финновъ, о чемъ упомянуто выше. По вѣрованію лопарей солнце ѣздитъ на оленѣ по небу, садясь на него съ полудня, а вечеромъ пересаживаясь на лань.

Остяки также чтятъ оленя, И. С. Поляковъ [2]) сообщилъ въ какомъ видѣ ему поклоняются. На саняхъ (нартахъ) лежала совершенно цѣлая шкура оленя съ головою, рогами, ногами и копытами; голова была набита, а ноги свѣшаны по бокамъ высокихъ саней такъ, что все сооруженіе въ общемъ нѣсколько напоминало живаго оленя [3]),

Приведенныя данныя съ достаточной ясностью указываютъ на особое положеніе оленя (какъ и медвѣдя) среди другихъ животныхъ у словянъ, финновъ и ихъ сосѣдей. Въ этомъ не будетъ ни чего удивительнаго, если вспомнить, какое огромное и совсѣмъ исключительное значеніе имѣлъ сѣверный олень въ жизни человѣка новокамники Европы и Азіи. Наука нашла даже необходимымъ значительный промежутокъ времяни этой поры обособить въ отдѣльную „эпоху сѣвернаго оленя", которая для сѣвернаго пояса тянется еще до нынѣ. Если въ Индіи чтится корова и если въ Египтѣ почитался быкъ, то вполнѣ естественно, что въ Европѣ почитался сѣверный олень, бывшій весьма долгое время чуть не всѣмъ для ея обитателей. Германская пѣсня называетъ его, какъ замѣчено, прямо солнечнымъ, русскія пѣсни и финскіе разсказы дѣлаютъ то-же переносно въ образныхъ выраженіяхъ и описаніяхъ; почитаніе оленя остяками наблюдалось непосредственно. Все это уясняетъ уже до нѣкоторой степени появленіе оленя въ гербахъ. До гербовъ (оффиціальныхъ) оно встрѣчалось на клеймахъ и печатяхъ. Такъ въ одномъ изъ ковшей угличскаго князя Димитрія Ивановича, упоминаемомъ въ его духовной (не позже 1509 г.) [4]), было „внутри клейно (клеймо), а на клейнѣ звѣрокъ,—оленецъ,—золочонъ; на „печати Нова-города низовскія земли"—что на государственной печати 1583 г.,—изображенъ лось [5]), идущій вправо [6]), на печати

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 640, гдѣ и нѣмецкій текстъ.

[2]) Письма и отчеты о путешествіи въ долину р. Оби, стр. 116.

[3]) Отъ подобнаго сооруженія до чучела—одинъ шагъ, какъ отъ чучела до изваянія или вырѣзка.

[4]) Продолженіе древ. россійск. вивліофики 1789 г., ч. V, ст. 120.

[5]) Случайно или намѣренно, но лось исполненъ на столько хорошо, что за оленя принять его не возможно. Я говорилъ уже объ очень правдивомъ исполненіи всѣхъ изображеній этой печати и о замѣчаніи Орѣшникова объ искаженности ихъ до неузнаваемости.

[6]) Снимки древ. рус. печатей... в. 1, л. 18.

1605 г. замѣненный оленемъ [1]). Олень же (влѣво) помѣщенъ въ этотъ гербъ (нижегородскій) и при внесеніи его въ Государственную книгу въ 1672 г.[2]). Въ курляндскомъ гербѣ [3]) изображался также олень. Кромѣ того то же изображеніе находилось и на частныхъ гербахъ, на примѣръ на печати стряпчаго Ив. Фед. Лызлова 1663 г.—(стоитъ влѣво)[4]). Но самымъ типичнымъ гербовымъ (или въ геральдическомъ смыслѣ) остается все-же олень ростовскаго герба, на которомъ онъ изображается туромъ—оленемъ съ золотыми рогами, длинною гривою и копытами и съ серебряной шерстью. на красномъ (червчатомъ) полѣ [5]). На дошедшихъ до насъ (изъ обнародованныхъ) болѣе раннихъ ростовскихъ гербахъ (печатяхъ), какъ уже сказано, представленъ не олень, а птица, но относительно этого обстоятельства нужно сказать, кажется, то же, что я сказалъ по поводу ярославской печати 1583 г., т.-е., что птица попала въ ростовскій гербъ времянно и случайно и настоящимъ, кореннымъ знакомъ или знамяніемъ Ростова не была.

Какой народности Ростовъ обязанъ первоначально своимъ гербомъ, сказать трудно, такъ какъ оленя чтили одинаково и словяне, и финны, и югра. Впрочемъ можно отмѣтить, что олень явился въ гербахъ, главнымъ образомъ, тѣхъ земель, которыя или были заняты въ древности, или населены еще и нынѣ финнами и которыя рано вошли въ составъ Русскаго государства, а имянно въ гербахъ Ярославской, Нижегородской и Курляндской губерній. Для рѣшенія этого вопроса нѣкоторое значеніе имѣютъ также намеки на связь гербоваго оленя и повѣрій объ оленѣ съ оленемъ бѣлымъ, т.-е. сѣвернымъ (а не какимъ ни будь другимъ), который едва-ли когда ни будь былъ домашнимъ животнымъ словянъ; между тѣмъ, какъ нѣкоторые финны чуть не всецѣло обязаны ему своимъ существованіемъ еще и теперь и, кромѣ его да собаки, не имѣютъ ни какихъ другихъ домашнихъ животныхъ. Что можно утверждать съ большей смѣлостью, такъ это то, что на ростовскомъ, какъ и на ярославскомъ, гербѣ изображалось чтимое или священное

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ, ч. 2, стр. 228.
[2]) Портреты, гербы и печати Бол. Гос. кн., л. 39.
[3]) Тамъ же, л. 87.
[4]) Собраніе снимковъ съ древнихъ печатей..... П. Ивановъ, таб. XVI, рис. 217.
[5]) Любопытно и важно отмѣтить, что и въ пѣсняхъ, и въ гербахъ олень является бѣлымъ, т.-е. сѣвернымъ, такъ какъ другіе виды оленя не бываютъ бѣлаго цвѣта Это обстоятельство говоритъ опять за очень далекую пору, когда такой олень былъ въ Ярославской губерніи не только обыкновененъ, но и весьма важенъ для ея жителей, т.-е., можетъ быть, даже о послѣднихъ годахъ послѣледниковаго времяни.

животное [1]), посвященное, видимо, солнцу и если не олицетворявшее его, то являвшееся его представителемъ на землѣ.

Мнѣ остается сказать еще о конѣ и пѣтухѣ, изображенныхъ въ качествѣ гербовъ на ряду съ ярославскимъ и ростовскимъ гербами на салфеткѣ, вытканной въ 1834 г. ярославскою фабрикою Яковлевыхъ ко дню посѣщенія Ярославля Николаемъ I. Послѣ такія салфетки были пущены въ продажу [2]). На мѣстѣ объ этихъ гербахъ не извѣстно ни чего; по крайней мѣрѣ мнѣ не удалось узнать ни того, какимъ мѣстностямъ губерніи они были пріурочены и вообще были-ли, ни побужденій, по которымъ Яковлевы сочли нужнымъ и возможнымъ помѣстить эти гербы (а не установленные Екатериною II) вмѣстѣ съ древнѣйшими гербами губерніи и при томъ въ соотвѣтствіе (pendant) имъ, ни времяни ихъ существованія, ни чего др. Единственнымъ пока свидѣтельствомъ объ этихъ гербахъ является упомянутая салфетка [3]), такъ что говорить о нихъ, какъ о гербахъ, да еще и какъ о гербахъ ярославскихъ, строго разсуждая, нѣтъ достаточныхъ основаній. Однако я рѣшаюсь все-таки сдѣлать это во 1) для того, что бы обратить вниманіе на затронутый предметъ, во 2) по тому, что геральдическій характеръ названныхъ изображеній не можетъ возбуждать сомнѣній, да и самое положеніе ихъ среди гербовъ говоритъ о томъ-же, (см. табл. IV, рис. 18 и 19) и въ 3) наконецъ еще и по тому, что трудно понять и представить себѣ причину, могшую бы побудить художника, составлявшаго для Яковлевыхъ рисунокъ салфетки, прибѣгнуть къ вымыслу и вплести въ геральдику негеральдическое тогда, когда существовавшая дѣйствительность предлагала ему богатый и имянно геральдическій матеріалъ. Кромѣ того все построеніе (композиція) рисунка указываетъ ясно, что матеріалъ для него

---

[1]) Въ пѣсняхъ оленя грозятъ убить, однако это обстоятельство не служитъ помѣхой для признанія оленя чтимымъ или священнымъ животнымъ, такъ какъ финны, на примѣръ, почитая медвѣдя за священное животное, въ то же время преспокойно убиваютъ его и ѣдятъ. Многія неразвитыя и дикія племяна, какъ извѣстно, даже сѣкутъ и вообще наказываютъ своихъ боговъ или, точнѣе, фетишей.

[2]) Одна изъ таковыхъ имѣется въ хранилищѣ Яр. арх. ком. Въ первый пріѣздъ въ Ярославль въ 1831 г. царь осматривалъ Яковлевскую фабрику (Исторія губ. гор. Ярославля, І. Троицкій, стр. 97—98). но въ этотъ пріѣздъ ему не могла быть поднесена упомянутая салфетка: на ней изображена на набережной рѣшотка, сдѣланная позже этого пріѣзда.

[3]) Какъ только она же и другія ей подобныя (1826 г.) (да еще расположеніе сводовъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде теплая Николо-Надѣинская церковь была крыта двумя шатрами, а не куполомъ, какъ нынѣ.

брался изъ мѣстной дѣйствительности [1]). Слѣдовательно можно попробовать пріурочить упомянутые гербы къ мѣстности и тѣмъ болѣе, что по рисунку они настолько старинны и характерны, что признать ихъ за ново-созданные и вымышленные довольно затруднительно: болѣе поздній составитель придумалъ бы что ни будь иное и въ иныхъ формахъ. Если же гербы стары, то и принадлежать они могли лишь мѣстностямъ изстари населеннымъ. Такими въ Ярославской губерніи являются Угличъ, Романовъ, Молога и Любимъ [2]). Изъ этихъ городовъ въ Угличѣ—современникѣ Ростова, въ его сѣверной части, на Пѣтуховской улицѣ (идущей отъ церкви Николо на Пѣтуховѣ), лежитъ до сихъ поръ большой (8×4 ар.) вросшій въ землю камень, извѣстный подъ названіемъ „пѣтушьяго“ или „пѣтушинаго“. На его верхней поверхности находятся два углубленія, имѣющія въ общемъ нѣкоторое отдаленное сходство съ куринымъ слѣдомъ (во много разъ увеличеннымъ). Мѣстность, гдѣ лежитъ этотъ камень, зовется „Пѣтухово“, а стоящая

[1]) Видъ г. Ярославля возможно правдивый для тогдашняго мастерства, гербы ярославскій и ростовскій, а въ соотвѣтствіе имъ два неизвѣстныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь и которые едва-ли можно признать за гербы Яковлевыхъ,—ибо тогда былъ бы всего одинъ гербъ и иного характера. Кромѣ того ни на другихъ яковлевскихъ салфеткахъ и иныхъ издѣліяхъ, ни въ писчей бумагѣ Яковлевской фабрики гербовъ нѣтъ, хотя вензеля и начальныя буквы очень часты. Наконецъ на салфеткѣ съ государственнымъ и губернскими гербами частный гербъ неумѣстенъ. Яковлевы происходили изъ крестьянъ Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи и дворянство получили не рано. Едва-ли разсматриваемые гербы могутъ быть и тверскими гербами.

[2]) Романовъ основанъ кн. Романомъ Васильевичемъ,—правнукомъ Федора Ростиславича Чернаго, около 1345 г. (годъ смерти его отца яросл. князя Василья Давидовича. „Г. Р.-Борисоглѣбскъ и его историческое прошлое“. К. Д. Головщиковъ, ст. 3. Авторъ ссылается на Географ. словарь Щекатова и Россійск. родословн. книгу Долгорукова) Есть преданіе объ основаніи г. Романова и кн. Романомъ Владиміровичемъ угличскимъ (1278—1285), но оно позднѣйшая выдумка. Основаніе г. Мологи можно пріурочивать къ 1320 гг. въ виду того, что послѣ смерти яросл. князя св. Давида Федоровича въ 1321 г. его сыновья—Василій—Грозныя очи и Михаилъ раздѣлили Ярославское княжество между собою, при чемъ Михаилъ получилъ удѣлъ на р. Мологѣ съ ея извѣстнымъ Холопьимъ торгомъ. По мѣстному преданію Михаилъ жилъ въ своемъ удѣлѣ, а не въ Ярославлѣ, изъ котораго принесъ съ собою родительское благословеніе—тихвинскій образъ Богоматери, составляющій нынѣ главную святыню мологскаго Аѳанасьевскаго монастыря. Разумѣется, Михаилъ водворился не на пустомъ мѣстѣ, а въ какомъ либо селеньи, бывшемъ до его пріѣзда. Отъ Михаила пошли князья Ситскіе и др. Г. Молога долго звался посадомъ. (Исторія госуд. россійск. Карамзинъ, изд. 1830 г., т. V, прим. 30. Г. Молога и его историческое прошлое. К. Д. Головщиковъ, стр. 7—сводный трудъ, какъ и всѣ работы этого писателя. Исторія губ. гор. Ярославля. І. Троицкій, стр. 24). О началѣ Любима ни чего не извѣстно, но онъ, уже какъ городъ, данъ въ 1560 г. Грознымъ плѣнному Фюрстенбергу на прокормъ. (Карамзинъ, тамъ же, т. IX, ст. 29, 1831 г. Сказаніе кн. Курбскаго. Изд. 2 Н. Устрялова, ст. 77).

тутъ церковь, какъ сказано,—„Николо на Пѣтуховѣ". По преданію, живущему до сихъ поръ среди угличанъ, предъ какимъ ни будь несчастіемъ, грозящимъ городу, на пѣтушьемъ камнѣ въ полночь невѣдомо откуда является огромный пѣтухъ и громкимъ троекратнымъ пѣніемъ предупреждаетъ жителей о грядущей бѣдѣ, а затѣмъ мгновенно исчезаетъ. Такъ онъ пѣлъ, будто-бы, на канунѣ убіенья царевича Дмитрія, предъ ссылкой угличанъ въ Сибирь, предъ раззореніемъ города поляками и т. д. [1]).

Это преданіе, извѣстное изъ всей губерніи только въ Угличѣ, сильно склоняетъ къ признанію неизвѣстнаго герба съ пѣтухомъ въ его щитѣ за древній гербъ Углича, замѣненный гербомъ съ изображеніемъ царевича Димитрія только послѣ смерти послѣдняго, когда его образа появились и въ церквахъ, и на башняхъ города, въ XVIII вѣкѣ.

О послѣднемъ имѣется положительное свидѣтельство. Бурмистръ (бургомистръ) Угличскаго магистрата въ своемъ доношеніи отъ 2 февраля 1725 г. на упоминавшійся выше указъ отъ 30 ноября 1724 г. писалъ между пр.—„А оного Углеча города герба ни какова въ Угличскомъ магистратѣ не имѣется". На повторенный же указъ 1728 г. тотъ же бурмистръ доносилъ: „А оного Углеча города герба, кромѣ опредѣленной по указу въ прошломъ 724 году печати, которой печатью какъ пакеты съ отписками, такъ и пашпорты печатаютца, въ Углечскомъ магистратѣ не имѣется" [2]). Слѣдовательно нынѣшній гербъ Углича введенъ лишь въ началѣ 1725 г., съ какого года онъ появляется и на сургучныхъ печатяхъ шнуровыхъ книгъ и т. п. [3]). (См. таб. IV, рис. 20).

Пѣтухъ[4]) былъ посвященъ у грековъ Аресу (Арею, Марсу)—богу битвъ (первоначально непогоды, бури), у запад-

[1]) Я слышалъ это преданіе на мѣстѣ и видѣлъ самый камень—огромный, на сколько помнится, кристаллическо-сланцевый красновато-бурый валунъ съ плоскимъ верхомъ. О томъ же преданіи упоминаетъ Л. Ф. Соловьевъ (Крат. исторія гор. Углича, ст. 83 и 91), см. еще Путеводитель по церквамъ г. Углича. Н. Лавровъ, ст. 115.

[2]) Книга указовъ Угл. Провин. канцеляріи 1723—26 г., л. 388/344; 1728 г., л. 441/411 (Яр. Арх. Ком.).

[3]) Въ Государственной книгѣ угличскаго герба нѣтъ. Шнуровая книга, учиненная въ Угл. провин. канцеляріи для записки въ расходъ провіантской суммы, денежной казны... на покупку для довольства имѣющихся въ Угличской провинціи отъ полковъ лошадей фуража, а людямъ провіанта 1744 г. скрѣплена сургучной печатью канцеляріи, на которой вырѣзанъ цар. Димитрій, какъ на иконахъ. Въ Екатерининскомъ гербовникѣ угличскій гербъ описывается такъ: въ червленомъ полѣ образъ Димитрія царевича.

[4]) Пѣтелъ, кочетъ (кокетъ), ст. сл. кокошь, (насѣдка кокотъ), поль. kohut и kur, чеш. kyrek (серб. и балт. сл. куръ); санск. kukkutas, др. сѣв. kokr, ан.-сак. и фран. coq, мадьяр. kakas, фин. kukko. Всѣ почти названія происходятъ отъ крика пѣтуха или курицы, въ которомъ преобладаетъ звукъ ко-ко, ко-ку, т.-е. суть звукоподражательныя.

ныхъ словянъ Святовиду (? Свѣтовиду), у русскихъ словянъ онъ считался также птицею священной, „чистой“: на ряду съ иконой христіанства хозяинъ, переходя въ новый домъ, вносилъ въ него прежде всего угли (горящіе), пѣтуха и кота—по завѣщанію язычества; угли символъ очага—(огня), пѣтухъ — символъ свѣта, котъ — символъ чистоты. Встрѣчая владѣльца занимаемой земли и вообще господина (въ древности побѣдителя,—взимателя дани, а позже помѣщика и „начальство“, т.-е. тѣхъ же взимателей дани) русскіе подносили ему пѣтуха и хлѣбъ-соль (а также яйца). То же дѣлали свободные германскіе крестьяне, отдававшіеся подъ защиту богачей при Меровингахъ (1300 лѣтъ съ лишнимъ назадъ); они въ ознаменованіе своей службы господину давали ежегодно въ видѣ дани пѣтуха съ своего двора и часть съ поля [1]). Въ старинныхъ рукописяхъ (апокрифахъ) встрѣчается также изъясненіе относительно пѣтуха.—Солнце течетъ на въздухѣ въ день, а въ нощи по окіяну низко летитъ, не омочась, но токмо трижды омывается въ окіянѣ. Глаголетъ писаніе: есть куръ=(пѣтухъ), ему же глава до небеси (какъ у германскаго солнечнаго оленя), а море до колѣна; еда же солнце омывается въ (о)кіянѣ, тогда же окіянъ въсколебается и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же, очутивъ—(ощутивъ) волны, и речетъ: ко-ко-ре-ку! (что) протолкуется: свѣтодавче Господи! дай же свѣтъ мірови. Еда-же то въспоетъ, и тогда вси кури воспоютъ въ единъ годъ (часъ) по всей вселенной [2]). Голубиная книга связываетъ пѣніе пѣтуховъ съ стратимъ—птицею:

Когда стрефилъ вострепещется
Во второмъ часу послѣ полуночи,
Тогда запоютъ всѣ пѣтухи по всей земли,
Освѣтится въ тѣ поры вся земля [3]).

Русскій народъ вѣритъ, что пѣтухъ, начавшій пѣть ранѣе полуночи, видитъ злаго духа (черта, мертвеца, вѣдьму и т. п.) и прогоняетъ его своимъ пѣніемъ—предвѣстникомъ разсвѣта, дня, невыносимыхъ духами тьмы [4]). Ночь, предъ наступленіемъ которой пѣтухъ поетъ съ вечера, зо-

[1]) Картины средневѣков. жизни. Фейтагъ, ст. 182, 258.

[2]) Поэтическ возрѣнія словянъ на природу. А. Афанасьевъ, т. I, стр. 520.

[3]) Эти представленія взяты съ востока, страфиль или стрефилъ птица связана съ масульманскимъ представленіемъ ангела Гавріила и еврейской талмудской исполинской птицею. (Зап. Одес. Общ. ист. и древн., т. XXV, стат. 4, стр. 9). Народныя повѣрья не знаютъ не стратима, ни стрефила. Однако, если взято, то потому, что соотвѣтствовало собственнымъ представленіямъ.

[4]) Святъ, Святъ по̀ земли, окаянный скрòзь землю,—говорятъ крестьяне, заслышавъ ночную пѣтушиную перекличку и истолковывая ея значеніе. Многіе сперва крестятся, а потомъ уже произносятъ и приведенное заклятіе.

вется веселою (вся нѣчисть ушла съ земли), а самое пѣніе [1]) считается предвѣстникомъ добрыхъ вѣстей. Постель и одежду умершаго выносятъ во многихъ мѣстахъ въ курятникъ (и вообще подъ насѣстъ), что бы ихъ пѣтухи опѣли, послѣ чего мертвецъ, боящійся пѣтушьяго пѣнія, уже не придетъ за ними и не будетъ, стало быть, тревожить оставшихся въ живыхъ. Если пѣтухъ (красный или чужой, забредшій) остановится среди двора, хлопнетъ крыльями и пропоетъ три раза,—быть на этомъ дворѣ пожару [2]); пѣніе курицы по пѣтушьи—къ несчастію,—раззорѣнію, пожару, смерти [3]); великороссы (въ томъ числѣ и ярославцы) убиваютъ ее [4]), словаки бросаютъ въ воду. Бѣлый пѣтухъ даетъ счастіе и благополучіе тому дому, въ которомъ живетъ, черный-же—вѣщая птица, отъ которой добра нельзя ждать, вслѣдствіе чего крестьяне почти совсѣмъ не держатъ ихъ у себя еще и нынѣ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ черныхъ животныхъ [5]) (на прим. кошекъ). Пѣтушокъ—золотой гребешокъ, живущій (какъ и въ обрядахъ) вмѣстѣ съ котомъ въ одномъ домѣ и не разъ выручаемый послѣднимъ, извѣстенъ каждому чуть не съ пеленокъ изъ колыбельныхъ пѣсенъ и сказокъ; его знаетъ также и Эдда, добавляющая, что онъ свѣтло-красный. Бѣлый пѣтухъ приносился язычниками въ жертву божествамъ свѣта, красный—божеству огня, черный—духамъ тьмы [6]). По чешской пословицѣ души младенцевъ на лугу пѣтушковъ пасутъ. У карпатскихъ горцевъ и у хорутановъ держится кое-гдѣ обычай убивать на могилѣ пѣтуха. Въ Саратовской губерніи (Аткар. у.) при опусканіи

---

[1]) Съ вечера, передъ садкой на насѣстъ или хотя и на насѣстѣ, но до наступленія темноты.

[2]) Отсюда выраженіе: пустить краснаго пѣтуха=сдѣлать пожаръ. поджечь.

[3]) Отсюда пословица: не пѣть курѣ пѣтухомъ (т.-е. къ счастью, добру и радости), не владѣть бабѣ мужикомъ.

[4]) Лучшимъ считается оторвать ей голову; при пѣніи же говорятъ: пой, окаянная, себѣ на голову и всячески стараются не дать допѣть, шугаютъ, гоняютъ, кидаютъ палками.

[5]) Афанасьевъ, Поэтич. воз. сл. на природу, т. I, стр. 520, 525, 532; т. III, стр. 789. Фаминцинъ, Божества др. словянъ, вып. I, ст. 81 - о черныхъ животныхъ у др. грековъ.

[7]) Святославъ на Дунаѣ при похоронахъ павшихъ въ битвѣ топилъ въ водѣ черныхъ пѣтуховъ. Въ Яросл. губерніи 1 ноября рѣжутъ въ овинѣ пѣтуха и съѣдаютъ всею семьею (Афанасьевъ, тамъ же, т. I, стр. 468; Сахаровъ, II, 65); въ Мышкинскомъ уѣздѣ той же губерніи 1-го ноября—въ „куриный праздникъ“ утромъ старшій въ домѣ относитъ пѣтуха въ овинъ и на порогѣ отрубаетъ ему голову и ноги топоромъ; ноги бросаются на кровлю избы для того, что бы водились куры; въ Костромской губерніи кромѣ этого кропятъ кровью пѣтуха по всѣмъ угламъ овина. Въ лѣтописи: и огневи молятся подъ овиномъ (Сѣверн. Край, 1900 г., № 269). Во многихъ мѣстахъ для жертвы выбирается самый худой и старый пѣтухъ, голову ему отрубаютъ тоже негоднымъ заржавленнымъ иззубрившимся топоромъ и

мертваго въ могилу его родственница передаетъ черезъ могилу другой женщинѣ пѣтуха или курицу, взятыхъ изъ дома покойника, а уходя съ кладбища, отдаютъ птицу нищему [1]). Литовцы Ковенской губерніи вѣрятъ, что если въ домѣ есть черный пѣтухъ, черная кошка или собака, то чертъ въ этотъ домъ уже не заберется и жить въ немъ не будетъ (Жив. стар. 1906 г., вып. III, отд. II, стр. 150). По мнѣнію отяковъ пѣтухъ начинаетъ пѣть не ранѣе, какъ услышавъ пѣніе подземныхъ пѣтуховъ. Нечистая сила и вѣдьмы боятся пѣтушинаго пѣнія, по чему послѣ такого пѣнія (ночнаго) можно смѣло выходить на дворъ и улицу, до этого же опасно: въ пол-ночь богъ отпускаетъ всѣхъ бѣсовъ на волю и не мѣшаетъ имъ дѣлать, что угодно. (Это представленіе взято отъ русскихъ). У счастливыхъ пѣтухи несутся, какъ курицы и если ихъ яйцо носить подъ мышкой, то выйдетъ змѣй, который будетъ жить при домѣ и будетъ таскать хозяиину деньги изъ чужихъ сундуковъ. (Изв. Общ. арх. ист. и этн., т. XXII, стр. 192). Пермяки при постройкѣ мельницы непремѣнно приносятъ водяному въ жертву пѣтушиную голову, а при переходѣ въ новый домъ несутъ въ третьемъ рядѣ шествія чернаго пѣтуха и курицу, въ четвертомъ чернаго кота [2]). У чувашей по рожденіи ребенка знахарь (іомся), умывъ ребенка, разбиваетъ надъ его головою два куриныя яйца и отрываетъ пѣтуху голову, выбрасываемую за ворота. То же дѣлается и надъ умершими [3]). Латыши на канунѣ крещенія ребенка моютъ его въ банѣ, при чемъ бабка—знахарка закалываетъ тутъ же пѣтуха (Сказки рус. инородцевъ. В. Н. Харузина, стр 59). Пѣніе пѣтуха послѣ полуночи, (т.-е. по понятіямъ народа послѣ времяни

кидаютъ въ сторону. Здѣсь ее подхватываютъ дѣти и, бѣгая по гумну и подкидывая къ верху, начинаютъ пѣть:

Вотъ тебѣ Лихой!
Чуръ тебѣ Лихой!
Ты сердиться не сердись,
Дворовому поклонись,
Домовому помолись.
Пѣтушинымъ гребнемъ подавись!

Вотъ тебѣ Лихой!
Чуръ тебѣ Лихой!
Ты по гумнамъ не ходи,
Въ огородѣ не сиди,
Ко двору не подходи,
Въ нашу хату не гляди!

Къ рѣчкѣ—рѣченькѣ бѣги,
Прямо въ прорубь угоди!....

(Сѣверъ, 1898 г., № 46). Чехи еще въ XVII в. приносили въ жертву св. Виту пѣтуховъ, пѣтухъ же изображался и на старинныхъ образахъ его, а день св. Вита считался днемъ высшаго солнцестоянья. Св. Витъ заступилъ мѣсто языческаго Свѣтовида. (Фаминцинъ, тамъ же, стр. 46, 54, 107, 110, 112—115, 191, 248, 251, 255, 271, 273). Остяки также приносятъ въ жертву пѣтуха—водяному (Письма и отчеты о путеш. въ долину р. Оби. И. С. Поляковъ, стр. 43), вѣроятно, заимствовавъ этотъ обрядъ отъ словянъ, ибо домашнихъ куръ долго не знали.

[1]) О погреб. обычаяхъ языч. словянъ. А. А. Котляревскій, ст. 85.
[2]) Жив. старина 1903 г., вып. I—II, стр. 55 и 99.
[3]) Природа и Люди 1879 г., III, стр. 38, 39.

наибольшей темноты) и особенное усиленіе этого пѣнія предъ разсвѣтомъ и на разсвѣтѣ, когда пѣтухъ поетъ уже почти безпрерывно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ въ немъ и вообще въ курицахъ усиленной жизнедѣятельности съ полузимья, съ перелома зимы на лѣто, что возростаетъ съ увеличеніемъ высоты солнца на небѣ и свѣтлой поры (долготы дня), достигая крайняго развитія весной и въ началѣ лѣта [1]); а затѣмъ замираніе куринаго міра къ зимѣ, т-е. къ темной порѣ, или, др. словами, легко наблюдаемая зависимость жизнедѣятельности куръ отъ солнца и тѣсная связь (параллеизмъ) ея перемѣнъ съ перемѣнами высоты солнца на небѣ послужили тѣмъ основаніемъ и причиною, по которымъ почти всѣ народы Европы сопоставили пѣтуха съ солнцемъ и огнемъ—источниками свѣта и тепла, сдѣлавъ его ихъ символами. Несомнѣнно, что въ качествѣ такого символа онъ попалъ и въ предполагаемый мною гербъ Углича, основаннаго по преданію и судя по названію словянами [2]). Изъ печатей съ изображеніемъ пѣтуха могу указать лишь одну,—печать игумена Ферапонтова монастыря Филофея XV в., на которой представленъ пѣтухъ въ кругѣ бокомъ влѣво [3]). На деньгахъ пѣтухъ изображался греками Итакіи и Троадъ, римлянами Кампаньи и ос. Сициліи, но знакомъ (эмблемою) Галліи онъ явился только съ XVI ст. (Ист. Вѣстн. 1907 г. X, стр. 324).

Относительно пріуроченія къ мѣсту герба съ конемъ, я затрудняюсь высказаться опредѣленно, ибо нѣтъ ни какихъ данныхъ, къ которымъ можно было-бы привязаться и намѣтить что ни будь для будущихъ изслѣдованій [4]). Ясно и можно утверждать одно: гербъ съ конемъ словянскаго происхожденія, ибо финны узнали лошадь поздно, а стали пользоваться ею еще позже [5]), вслѣдствіе чего [6]) она едва-ли

---

[1]) Съ Петровокъ,—Петровъ постъ,—курицы по замѣчанію народа убавляютъ кладку или носку яицъ.

[2]) Финны сѣверной половины Россіи, при появленіи словянъ въ ихъ земляхъ, едва-ли держали домашнихъ куръ, а различныя повѣрья о нихъ могли развиться только при этомъ условіи, ибо дикихъ куръ въ сѣверной половинѣ Россіи не водилось.

[3]) Сборникъ снимковъ съ древн. печатей... П. Ивановъ, таб. II, рис. 37, стр. 3.

[4]) Ни этого, ни предъидущаго герба нельзя описать точно по тому, что помѣщаясь на салфеткѣ на двухъ противоположныхъ сторонахъ, они представлены въ противоположныхъ направленіяхъ: на правой отъ зрителя влѣво, на лѣвой—вправо. Въ общемъ же изображенія таковы: въ кругѣ идетъ пѣтухъ по землѣ, поросшей травою; въ кругѣ скачетъ конь по холмамъ, поросшимъ травою, съ развѣвающимися гривою и хвостомъ; надъ нимъ лицо солнца въ сіяніи.

[5]) У нихъ нѣтъ своего названія для нея: фин. hepo по Альквисту отъ скан. happa, hapá=кобыла, что очевидно, хотя и есть охотники отвергать это (Жур. Мин. Нар. Пр. 1897 г., VI, стр. 420); морд.-эрз. côvolo=конюшня, мадь. kabala, греч. καβαλλος, лат. caballus, итал.

могла попасть въ одинъ изъ ихъ народныхъ гербовъ. Кромѣ того, на сколько извѣстно, конь у финновъ не имѣлъ отношенія къ солнцу и не сопоставлялся съ нимъ, какъ дѣлалось это словянами. У чувашей—турковъ гнѣдой конь олицетворяетъ солнце и приносится въ жертву. Передъ жертвоприношеніемъ онъ чтится ими поклоненіемъ [1]). Извѣстно, что турки были кочевымъ коннымъ народомъ еще въ Азіи до прихода въ Европу. Отъ ярославскихъ словянъ изъ области повѣрій о конѣ дошло до насъ то же не много. Мнѣ извѣстны пока лишь кóникъ (кóнникъ), гаданье съ конемъ и гуляньe—игрище—„русавы“. Коникомъ называлась въ древности задняя часть жилища, площадью, видимо, отъ печи (на правой сторонѣ) до лѣвой стѣны, каковое значеніе удерживается еще въ Нерехотскомъ уѣздѣ Костромской губерніи [2]). Въ другихъ мѣстахъ это основное значеніе забылось и сохранилось лишь переносное, впрочемъ подтверждающее и объясняющее первое. Въ Ярославской губерніи коникомъ назывался особый ларь—шкафъ въ два отдѣленія или яруса (этажа), изъ которыхъ въ каждое вела небольшая и неширокая дверца. Онъ ставился въ домѣ непремѣнно у задней стѣны налѣво отъ входной двери (направо помѣщается печь) и служилъ для храненія молока, масла и другой провизіи (у дверей всего холоднѣе). Обязательной принадлежностью его были въ старое время „коньки“ или конскія го-

---

cavala, франц. cavale, cheval, рус. кобыла, серб. и бол. кобила, рум. kobile; корень коб., отъ него кобель.

[6]) Т.-е. какъ новое, неосвященное стариной и преданіемъ и несвязанное съ собственными вѣровыми возрѣніями животное.

---

[1]) Извѣст. общ. арх. ист. и этн., т. XXII, стр. 58.

[2]) О томъ же положеніи коника говорятъ значенія: старицкое (Твер. губ.)—ходъ въ подполье, обыкновенно дѣлаемый въ особомъ ларѣ, прислоненномъ къ печи (голбцѣ), и псковское—доска (съ коникомъ на верху), утверждаемая у праваго угла печи и служащая опорою полатей и полки, идущей поперегъ избы. Печь въ русскихъ избахъ дѣлается всегда направо отъ входа и, если коникомъ называются части, находящіяся у печи, слѣдовательно коникомъ въ избѣ называлась вся задняя часть ея, а не только пространство налѣво отъ входа. Вся русская изба, видимо, дѣлилась на нѣсколько частей, посвященныхъ различнымъ божествамъ. „Передній„ или „красный“ уголъ до сихъ поръ отводится главному божеству; задняя часть избы, украшавшаяся коникомъ, очевидно, была отведена богу вѣтра, олицетворявшемуся въ конѣ; причиной этого отвода послужило, всего вѣроятнѣе, то обстоятельство, что въ двери всегда дуетъ или несетъ, т.-е. вѣтритъ. Часть избы отъ печи (устья ея) до противоположной стѣны посвящалась солнцу и называлась „солнышъ“, она отдѣлялась отъ избы или брускомъ, идущимъ отъ печи къ стѣнѣ, или той полкой, которая опиралась на коникъ (Псков. губ.), или же перегородкой, до потолка не достигавшей. Полъ этой части назывался середа (лат. sereno=дѣлаться солнечнымъ, проясняться, serto=увѣнчивать лучезарнымъ, лучистымъ вѣнцомъ, сіяніемъ, serenator=возсіяватель—прозвище Юпитера). Мѣсто за печкой отводилось черту (пословица: люблю, какъ черта въ углу) или „запечнику“, иногда домовому.

ловы, вырѣзанныя на выдающихся надъ верхнею крышкою концахъ боковыхъ стѣнокъ коника. Обыкновенно коникъ украшался линейной (геометрической, нерѣдко, богатой) узорной рѣзьбою и сверхъ того иногда еще пестро раскрашивался [1]).—Этотъ шкапъ мѣстами выродился сперва въ прилавокъ, помѣщавшійся тамъ же, гдѣ и коникъ [2]), затѣмъ въ лавку съ коробомъ [3]) и наконецъ просто въ широкую лавку, къ которой съ конца отъ двери прибивалась стоячая доска съ конской головою, вырѣзанною на ея верхнемъ концѣ. Нынѣ въ большинствѣ случаевъ и эта доска уже исчезла, а съ нею и самое названіе лавки „коникомъ". Да и самая лавка встрѣчается не всегда.

Гаданье, извѣстное и въ Костромской губерніи (въ Нерехотскомъ уѣздѣ), состоитъ въ томъ, что гадающій, обыкновенно, дѣвушка, выводитъ въ полночь изъ стойла (или, какъ здѣсь говорятъ, со двора) лошадь безъ узды за гриву, (у крестьянъ лошади стоятъ на дворѣ безъ уздъ и недоуздковъ), садится на нее верхомъ (по мужски) и перекзжаетъ шагомъ чрезъ оглобли саней или тѣлеги (по среди ихъ длины), опущенныя передними концами на землю. Если лошадь перешагнетъ черезъ оглобли, не задѣвъ ихъ ногой, тогда задуманное сбудется, если же задѣнетъ, то нѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ придается значеніе не задѣванью, а ногѣ, которою конь переступитъ черезъ оглоблю первою. Если ею окажется правая,—быть удачѣ, лѣвая къ неисполненію. Почти совершенно тождественное этому гаданье описано Титмаромъ еще въ началѣ XI вѣка по Р. Хр. и Саксономъ-Грамматикомъ въ концѣ XII в. у балтійскихъ словянъ при храмѣ ихъ бога свѣта [4]).

Что касается русавъ или русавокъ, то нынѣ онѣ извѣстны въ Ярославской губерніи только въ Угличѣ и его окрестностяхъ. Нѣтъ свѣдѣній, какъ отправлялись русавы здѣсь въ древности, въ послѣднее же время по словамъ мѣстныхъ наблюдателей [5]) онѣ представляли гульбища, происходившія на нѣкоторыхъ урочныхъ мѣстахъ [6]) около лѣса, во всѣ большіе праздники весны: въ Николинъ день

---

[1]) Въ Ярослав. Архивн. Коммиссіи имѣется нѣсколько образцовъ ихъ.

[2]) Корчевскій уѣздъ Тверск. губ., Жиздрин. у. Калуж. губ., Кязан. губ. (см. Опытъ област. великор. словаря, издан. Акад. Наукъ, 1852 г.).

[3]) Нижегор. губ. (то же, тамъ же о серединѣ и солнышѣ—шолнышѣ, шомушѣ).

[4]) Божества древ. словянъ. А. С. Фамнинцинъ, вып. I, стр. 48; о подобныхъ гаданьяхъ въ др. мѣстахъ—стр. 57.

[5]) К. Н. Евреиновъ—Прошлое Углича, стр. 11, Яр. Губ. Вѣд. 1887 г., № 59. Л. Ф. Соловьевъ—Краткая исторія г. Углича, стр. 88.

[6]) На прим. на самомъ берегѣ Волги въ слободкѣ Рыбаки, бывшей по преданію ядромъ Углича; ее окружаетъ Яново поле.

(9 мая), въ Вознесеньевъ день и пр. до Іюня мѣсяца. На русавы сходилось и съѣзжалось множество народа изъ окрестныхъ деревень, водили хороводы, плясали, пѣли пѣсни (съ припѣвомъ: „Ой дидъ-Ладо“), устраивали различныя игры и просто гуляли (ходили) парами и толпами. Развлеченіемъ служили представленія скомороховъ (комедіантовъ) и медвѣдей съ поводырями и потребленіе различныхъ напитковъ, сластей и т. п., вывозившихся на гульбище торговцами. Гулянье начиналось съ полдня (послѣ обѣдни, богослуженія) и тянулось до 4 часовъ вечера (вечерень), къ каковому времяни крестьяне уже разъѣзжались по домамъ и ихъ мѣсто занимали горожане. Русавы подъ имянемъ „русальи“ или „русаліи“ извѣстны въ Россіи съ глубокой древности. О нихъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1067 г., говоря, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога—„трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочены (утоптаны) и людій много множьство, я-ко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще=(стремясь узрѣть, поглядѣть, поглядѣніе дѣлая) отъ бѣса—замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ“ (пусты). Кириллъ Туровскій въ числѣ „злыхъ и сквернхъ дѣлъ“ упоминаетъ „игранья неподобныя,—русалья“. Въ изборникѣ XIII в. (въ толкованіи ап. Павла): а е-гда играютъ русалія, ли скомороси, ли пьяницѣ кличютъ... и-ли како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тъ (тотъ) часъ пребоуди дома. Стоглавъ зоветъ русальями игрищи въ навечерье Рождества, Богоявленія (Крещенія), въ Троицкую недѣлю, на Ивановъ день. Въ одномъ харатейномъ прологѣ XV в. онѣ описаны такъ: ови бьяху въ бубны, друзіи же въ козицѣ (волынки) и въ сопѣли сопяху, иніи же возложиша на лица скураты [1]) и дѣяху на глумленье человѣкомъ; и мнозіи, оставивше церковь, на позоръ (на смотрѣнье) течаху, и нарекоша игры тѣ русалья. Русаліи были извѣстны и западнымъ словянамъ. Въ толкованьяхъ Теодора Бальсамона (патріарха антіохійскаго, конецъ XII в.) на 62 правило VI (Трульскаго) собора упомянуты русаліи (Ῥουσάλια), какъ запрещенный церковью праздникъ, отправляемый послѣ пасхи [2]) въ чужихъ земляхъ. Ми-

[1]) Шкураты, — шкура = скура, древнее скора отъ кора; лат. coriaceus=кожаный, cordax=забавная, комическая пляска (въ личинахъ звѣриныхъ, т.-е. въ скуратахъ). Прообразомъ маски была сперва цѣлая звѣриная голова, надѣтая поверхъ головы человѣка, затѣмъ содранная съ головы звѣря шкура, засушенная такъ, что бы сохранила первоначальный видъ, и надѣваемая уже какъ маска; это и есть собственно скуратъ--а. Позже ихъ начали дѣлать искусственными сперва изъ дерева, глины, гипса, а затѣмъ изъ матерій и бумаги. Скураты или маски употреблялись при совершеніи разныхъ вѣровыхъ обрядовъ большинствомъ народовъ на извѣстныхъ степеняхъ ихъ развитія.

[2]) Т.-е. какъ и въ Угличѣ. Бальсамонъ или Вальсамонъ.

трополитъ болгарскій Димит. Хоматіанъ (XIII в., грекъ[1]) описываетъ русаліи, какъ хожденье молодежи изъ дома въ домъ за полученіемъ подаянья и разсказываетъ о пляскахъ, скачкахъ, ряженьи и распущенности, сопровождавшихъ этотъ праздникъ[1]). Русаліи отправлялись весною[2]) въ промежутокъ времяни отъ Пасхи (Вознесенья) до Троицына дня, что свидѣтельствуетъ о связи русалій съ солнцемъ. А. С. Фаминцинъ[3]), основываясь на томъ, что англійское названіе коня до нынѣ есть хорсъ (horse), что у русскихъ словянъ былъ богъ Хорсъ—солнце, что солнце представляли конемъ или посвящали ему коня многіе народы (римляне, скандинавы, персы, индусы и пр.), что названій живыхъ урочищъ отъ Хорсъ много въ западной Европѣ и почти нѣтъ въ Россіи, въ которой вмѣсто ихъ имѣются названія отъ орс—орш и отъ рос—рус, что слово хорсъ писалось по словянски въ древности: хорсъ, хъросъ, хръсъ-хрьсъ и получило въ нѣмецкомъ, русскомъ и поморскомъ языкахъ форму рос (ross)[4]), утверждаетъ, что подъ именемъ русалки (хръсалки) скрывается ни что иное, какъ „святочная или бѣсовская кобылка“ старыхъ памятниковъ русской письменности, т.-е. олицетвореніе или символъ солнечной сестры[5]) и что русаліи или хръсаліи представляли собою праздникъ въ честь русалки (хорсалки)—коня—(кобылы), въ которомъ олицетворялось солнце или его сестра (стр. 213). Оставляя въ сторонѣ вопросъ,—точно-ли хорсъ—конь изображалъ собою у словянъ солнце[6]), я от-

---

[1]) Поэтическ. возрѣнія словянъ на природу. А. Н. Афанасьевъ, т. III, стр. 141—144. Божества древнихъ словянъ. А. С. Фаминцинъ, вып. I, стр. 211.

[2]) Въ Волог. губ. семикъ (Четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) зовется русалка, въ Малороссіи—Русалчинъ великъ день; пятидесятница—(Троицынъ и Духовъ дни) зовутся въ Долмаціи—русалье-и, въ Румыніи русале-и, у словиновъ русале (по Афанасьеву—рисале), а Май—рисалчекъ, рисалшчакъ, у словаковъ русалдлье и русадлне= святки (тамъ же).

[3]) Указанное сочиненіе стр. 200, затѣмъ 201 и 206, 204, 205, 207, 208.

[4]) То же, стр. 204, въ венгерскомъ языкѣ—оросъ (orosz)=русскій, татарское урусъ.

[5]) Стр. 211, 213, а также 209—210, на которыхъ говорится объ олицетвореніи солнца конемъ и о почитаніи коня.

[6]) А не время или вѣтеръ: лат. hora=время, день, часъ, horoscopia=звѣздочётство, въ которомъ horos=звѣзда. На основаніи этого hora—время нужно понимать въ смыслѣ „теченія“ движенія звѣздъ, т.-е. продолжительность или длительность его, иначе—въ смыслѣ звѣзднаго времяни астрономовъ. Возможно, что сперва и солнце звалось звѣздой—horos или наоборотъ,—звѣзды солнцами, т.-е., что первоначально для тѣхъ и другого было лишь одно общее названіе. Н. В. Горяевъ въ своемъ словарѣ (упоминавшемся здѣсь) слово хорсъ. связываетъ съ санск. svar чрезъ зенд. hvare, нов. перс., осет. ирон-хиг, дигор. хог=солнце (х—русское), обособляя его отъ хоръ и хорошій. Мнѣ кажется, что здѣсь корень одинъ—хор: хорсъ—кратко

мѣчу лишь, что тамъ, гдѣ были праздники въ честь коня [1])—русалки, конь, несомнѣнно, почитался, слѣдовательно чтился онъ въ свое время и въ Угличѣ съ его окрестностями, праздновавшими русавы.

гласіе, въ полногласіи оно даетъ хоросъ, русское хорошъ=пріятный, доставляющій своимъ видомъ, нравомъ или чѣмъ другимъ удовольствіе, производящій пріятное впечатлѣніе; подходящій, соотвѣтствующій, годный,—(осет. хогz=хорошій). Что солнце и звѣзды получили наимянованіе пріятныхъ, привлекательныхъ въ формѣ хорсъ (horos), вполнѣ естественно,—они на самомъ дѣлѣ таковы, всякая былинка поворачивается къ солнцу. Нѣтъ удивительнаго и въ томъ, что и конь получилъ отъ человѣка то же прозвище (эпитетъ)—хорсъ (horse), такъ какъ помимо того, что конь въ дѣйствительности хорошъ и красивъ, его приручение сдѣлало въ жизни человѣка переворотъ неменьшій, (если не большій) переворота, вызваннаго изобрѣтеніемъ паровоза и стоило огромнѣйшаго труда (напомню тщетныя попытки Пржевальскаго поймать дикаго коня). Оно человѣка—бродягу, жалкаго и ничтожнаго, превратило въ надменнаго кочевника—завоевателя, презирающаго всякую работу, весьма трудно и лишь по принужденію пли необходимости дѣлающагося пахаремъ—осѣдлянцемъ и дорожащаго своимъ конемъ больше, чѣмъ женой и дѣтьми. Конь для кочевника все, безъ коня нѣтъ кочевника. Онъ и разводитъ коней больше всего остального, они его богатство, гордость и слава; рогатый скотъ овцы и козы,—все это,—второстепенно, все это пустяки. Про коня кочевникъ сложилъ множество разсказовъ, былинъ, преданій и повѣрій, съ нимъ онъ завоевывалъ чуть не цѣлыя страны свѣта, съ нимъ онъ сытъ и согрѣтъ, безъ него же, какъ рыба безъ воды и потому кочевникъ холитъ коня, бережетъ и наряжаетъ въ золото и серебро, въ самоцвѣтные камни и шелкъ. Конь у степняка животное чистое, а корова поганое, ея молока и ѣсть нельзя. Все это, существующее еще въ настоящую минуту (на прим. у арабовъ), убѣдительно и ясно говоритъ о томъ, какую огромную важность имѣло для человѣка приручение коня и какъ естественно и даже необходимо было для него назвать его желаннымъ, пріятнымъ, т.-е. хорсомъ. Вѣроятно, отъ хорсъ—конь получило начало и латинское chors=задній дворъ, задворокъ (загонъ). Корень хор. сохранился цѣликомъ въ словѣ хоръ (греч. χορός, лат. chorus)=общество, собраніе, толпа; общество—артель пѣвцовъ, музыкантовъ, плясуновъ и это значеніе нужно признать за основное или за коренное. Въ общество (во всякое) допускаются и принимаются только подходящія къ нему, годныя для него особи, негодныя же изгоняются, вслѣдствіе этого слово хоръ скоро получило нарицательное значеніе—хорсый, хоросый—хорошій въ смыслѣ общественный, общественникъ, т.-е. годный для общества, а затѣмъ расширилось и стало обозначать вообще годный, пріятный, желанный, нынѣшнее хорошій. Связывать „хорошій“ съ ст. слов. харь, малор. hарный, болг. харно, греч. χάρις, лат. gratus, какъ дѣлаетъ Гоpяевъ, мнѣ кажется нѣтъ достаточныхъ основаній (лат. charisma=даръ, милость, благодать, слов. харчь=харичи). Точно уставить значеніе слова конь—затруднительно, если не признать его за измѣненіе ком(онь; построеніе то же, что въ воронъ, особенно распространенное въ греческомъ языкѣ), лат. coma=грива, космы, волосы на головѣ; comes, comedo=ѣсть, жрать; comes=спутникъ, товарищъ.

[1]) Русалки или, точнѣе, русала, ибо русалка—женскій родъ, кобыла. Въ Ростовскомъ уѣздѣ еще не давно дѣлали на масляницѣ чучело коня изъ соломы, укрытое вывороченною шубою (въ древности, несомнѣнно, конскою шкурою) и передвигавшееся однимъ или двумя человѣками, скрытыми подъ нимъ, подъ попоною, покрывавшею коня.

Объ общемъ значеніи коня я приведу лишь нѣсколько указаній въ виду того, что мое изслѣдованіе и безъ того уже значительно затянулось и что нужныя данныя интересующійся можетъ найдти въ упоминавшихся здѣсь изданіяхъ.

Въ Бѣлоруссіи Юрья (Егора, Георгія) зовутъ конемъ, кажется, смѣшивая Юрій съ юрый—ярый. Встрѣчая вечеромъ Юрьева дня пастуха со стадомъ у дома, въ которомъ живетъ пастухъ, дѣвицы поютъ, обращаясь къ коню, на коемъ выѣзжаетъ къ этому времяни хозяинъ дома:

Разъиграйся, Юра—коникъ,
Золотенькій коникъ!
Разбей камень копытечкомъ,
Пригоженькій коникъ!
Въ томъ камени ядрышко есть,
Милый коникъ!
Пусть же пастушокъ его съѣстъ,
Нашъ ты коникъ!
Разъиграйся Юра коникъ...

Въ томъ камени счастье есть,
Милый коникъ!
На наши нивки пусть Юра сошлетъ (его)
Ты, нашъ коникъ!

(Пантеонъ 1853 г., № 7, смѣсь, стр. 41).

У литовцевъ существуетъ повѣрье: если кто ни будь проѣдетъ черезъ селенье на пѣгой лошади, то въ этой деревнѣ не будетъ браковъ въ томъ году. Эсты вѣрятъ, что видѣть во снѣ гнѣдую (красную) лошадь—къ пожару. (Жив. стар. 1906 г., в. IV, отд. II, стр. 192, 186). Отяки при напольныхъ моленьяхъ о избавленіи отъ града и лишняго дождя приносятъ въ жертву богу грома и молніи жеребенка (подростка) рыжаго, чалаго или саврасаго цвѣта. (Изв. общ. арх., ист. и этн., т. XXII, стр. 201). По мнѣнію Юл. Липперта (Ист. культуры... ст. 107) германцы и словяне почитали коня за фетишъ, каковымъ у словянъ считался бѣлый конь. Персидскій царь выводилъ священныхъ коней на поле битвы, а словянскій жрецъ Арконы (на мысѣ Арконѣ ос. Рюгена) выѣзжалъ на священномъ конѣ. У нѣмецкихъ князей, считавшихся по древнему обычаю и жрецами, отличительною мастью ихъ коней была бѣлая. По древне-греческимъ повѣрьямъ конь—даръ бога моря Посейдона; по исландскимъ вѣрованіямъ Никуръ появляется у морскаго берега въ образѣ красиваго сѣраго коня и если кто сядетъ на него, того онъ уноситъ въ море и топитъ. По этому исландцы называютъ Никура vatnahestr=водяная лошадь. По повѣрью шотландцевъ келпи часто появляются на бродахъ въ бурныя ночи въ видѣ коней; по мнѣнію жителей Орк-

нея морской духъ Танги иногда является въ видѣ коня же. Нѣмцы вѣрятъ, что передъ грозой и бурей появляется большой конь съ громадными копытами (Мос. Вѣд., 1904 г., № 276). Изъ этихъ повѣрій видно, что конь олицетворялъ не только солнце, грозу, вѣтеръ, но и воду, что, можетъ быть, и обусловливаетъ названіе его русалкой.

Такимъ образомъ неизвѣстный гербъ съ изображеніемъ коня получаетъ, какъ будто бы, нѣкоторую положительную (фактическую) основу для его объясненія и даже, пожалуй, для прикрѣпленія къ мѣсту. Однако, оставаясь безпристрастнымъ, нужно замѣтить, что сказанное можетъ быть вѣрно лишь при томъ условіи, если во 1), хорсъ=конь, во 2) если это хорсъ=росъ и, чрезъ него,=росалка—русалка. Изъ этихъ условностей за допустимость и признаніе первой говоритъ англійское названіе коня (horse), позволяющее допустить, что нѣкогда и словяне, (какъ арійцы же) называли коня также хорсомъ [1]). За вторую говоритъ нѣмецкое названіе коня (ross), стоящее въ нѣмецкомъ языкѣ особнякомъ отъ словъ съ корнемъ ros. Вслѣдствіе этого слово ross въ данномъ случаѣ можно и должно принимать не за корневое, какимъ оно кажется на первый взглядъ, а за производное и, при томъ, переработанное. Но такъ какъ въ англійскомъ языкѣ сохранилось то же, судя по значенію, слово въ болѣе полномъ видѣ—horse, дающее въ полногласіи horose, то дѣлается достаточно яснымъ, что оба слова—и horse, и ross—суть производы отъ одного общаго horos, отличающіеся другъ отъ друга только способомъ [2]) сокращенія полногласія: въ первомъ словѣ выкинута вторая (одноименная) гласная, во второмъ наоборотъ—первая, а съ нею конечно и придыханіе (h). Второе положеніе менѣе перваго убѣдительно, благодаря отсутствію переходныхъ, промежуточ-

---

[1]) Напомню однако, что названіе лошади конемъ, какъ замѣчено выше, то же весьма древне, судя по лат. coma=грива и comes=ѣсть; въ пору камники и бронзики лошадь составляла одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ пропитанія, какъ это положительно установлено изслѣдованіями. Горяевъ (Словарь) слово конь ведетъ или отъ коб—ън—ь, (т.-е. сближаетъ съ кобыла), ст. чеш. koboń=конь, или отъ ком—ън—ь, др. рус. комонь, чеш. komoň, поль. komo(u)nny. Комонь въ краткогласіи дастъ комнь, изъ котораго могло образоваться и конь.

[2]) Который зависитъ цѣликомъ отъ племянныхъ природныхъ особенностей сокращающаго. Тамъ, гдѣ для англійскаго слуха должно звучать h, для словянскаго слуха оно во многихъ случаяхъ невыносимо и замѣняется звукомъ х или ж. Эти особенности обусловлены естественнымв (физіологическими) еще невыясненными причинами и различіемъ или особенностями строенія отчасти слуховыхъ снарядовъ (органовъ), а главнымъ образомъ, разумѣется, головного мозга. Здѣсь происходитъ почти то же, что у собакъ, изъ которыхъ однѣ не только переносятъ, но даже любятъ музыку, другія же слышать ее не могутъ.

ныхъ формъ, но оно и не на столько натянуто, что бы считать его цѣликомъ за искусственное или дѣланное построеніе.

Что касается изображенія коня на печатяхъ (и на монетахъ), то оно на нихъ встрѣчается довольно часто. Для примѣра укажу печать, видимо, угличскаго воеводы Петра Григ. Дашкова, находящаяся на задней сторонѣ съ бока грамоты (7125) 1617 г.; печать черная восковая,—конь идетъ влѣво манернымъ шагомъ съ высоко поднятой правой передней ногой, надъ нимъ выпуклая (нечеткая) надпись въ двѣ строки—одна по дугѣ, другая прямая; подъ конемъ травы [1]). Печать писца—межевщика Севериана Андр. Давыдова 1631 г.—въ кругѣ конь на бѣгу вправо, надъ спиной его ковычкообразный знакъ; печать Степ. Мат. Проестева—1631 г.—въ кругѣ конь влѣво на всемъ скаку, подъ нимъ земля; печать государева земли Сибирскія Кузнецкого острога—1694 г.—въ кругѣ конь идетъ вправо [2]).

Кончая свое изслѣдованіе, не могу не замѣтить, что собранныя мною данныя (очень неполныя) пріурочиваютъ оба неизвѣстные герба къ одной и той же мѣстности, къ Угличу [3]), вслѣдствіе чего неизвѣстность ихъ остается уясненной не вполнѣ. Можетъ быть, оба герба принадлежали дѣйствительно одной мѣстности [4]), можетъ быть,—и даже вѣрнѣе,—разнымъ, но какимъ именно, не могу сказать [5]) и вопросъ остается открытымъ.

---

[1]) Яр. Архивн. Ком. Углич. столбцы № 35 (описи М. А. Липинскаго, тетр. 2).

[2]) Сборникъ снимковъ съ древн. печатей... П. Ивановъ, таб. XII рис. 117 и 118 и стр. 20; таб. XIX, рис. 304 и стр. 32.

[3]) Нужно сказать, что русалки (водяныя дѣвы) совсѣмъ не извѣстны среди народа Ярославской губерніи, здѣсь во многихъ мѣстахъ даже самаго слова этого не знаютъ и не слыхали. Нѣтъ здѣсь и повѣрій вообще о водяныхъ дѣвахъ Знаютъ дѣдушку Водяного, кое-гдѣ Водяниху—его жену, хотя образъ ея совершенно неопредѣленъ и сама она упоминается (да и то лишь при распросахъ), только какъ жена Водяного, совсѣмъ не участвуя въ разсказахъ о немъ. Еще знаютъ утопленниковъ, Мельничныхъ, Банника и Банницу, но о русалкахъ даже близь городовъ старики ни чего не вѣдаютъ. На основаніи этого угличскія русавы, какъ и вообще русскія русаліи, по видимому, нельзя (по Фаминцыну) производить отъ русалокъ—дѣвъ, что дѣлаетъ К. Н. Еврепновъ по отношенію къ русавамъ (Яр. Губ. Вѣд. 1887 г, № 59).

[4]) Хотя при этомъ условіи будетъ непонятно помѣщеніе ихъ на одной и той же салфеткѣ, т.-е. въ одномъ рисункѣ.

[5]) Ярославскія Норская, Борисоглѣбская и Рыбная ловецкія слободы безъ сомнѣнія весьма древни и восходятъ корнями едва-ли не къ праисторіи, Холопій городокъ также древенъ, но что о нихъ извѣстно даже изъ позднѣйшаго времяни? Около города Петровска занимаются откармливаньемъ пѣтуховъ, но во 1) этотъ промыселъ новый, во 2) городъ то же новый и въ 3) ни промыселъ, ни городъ не представляютъ ни чего такого, что заслуживало бы быть отмѣченнымъ, (т.-е. внесеннымъ въ рисунокъ салфетки).

Сознаю всѣ недостатки моей работы, но трудно было избѣжать ихъ при отсутствіи матеріала. Добывать же этотъ матеріалъ за предѣлами столицъ весьма не легко, что особенно приложимо по отношенію къ геральдикѣ и сфрагистикѣ. Эти науки на русской почвѣ, по справедливому замѣчанію П. Ф. Винклера и А. В. Орѣшникова, представляются почти совсѣмъ не тронутыми нивами [6]). Что бы работать съ успѣхомъ въ этой области, такъ нужно лично заниматься въ музеяхъ и архивахъ, для чего необходимы средства, время и связи. Ихъ же нѣтъ у большинства рядовыхъ провинціальныхъ изслѣдователей. Вслѣдствіе всего этого назначеніе моей статейки очень не широко: обратить вниманіе на интересный предметъ, показать, чего не хватаетъ для его освѣщенія и вызвать этимъ поправки и добавленія, словомъ, положить начало [2]).

[1]) Орѣшниковъ утверждаетъ даже, что русской сфрагистики, какъ науки, не существуетъ (Труды нумизм. общ., т. III, в. I, ст. 108).

[2]) Въ заключеніе нѣсколько не лишнихъ добавленій. Подлинникъ угличскаго герба 1728 г., приводимаго здѣсь въ рисункѣ (20), былъ написанъ масляными красками на кругломъ деревянномъ щитѣ, сколоченномъ изъ трехъ широкихъ досокъ и хранился во дворцѣ цар. Димитрія. Поперечникъ щита равнялся почти двумъ аршинамъ. Нынѣ этотъ гербъ утраченъ и сохранилась лишь одна фотографія съ него, принадлежащая К. Н. Евреинову; приведенный рисунокъ сдѣланъ съ нея. Гдѣ находился въ свое время утраченный гербъ, не извѣстно, вѣроятно на зданіи Угл. провинціаль. канцеляріи.

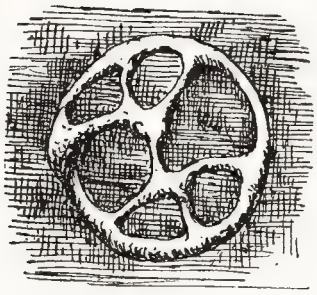
К. В. Болсуновскій („Родовой знакъ Рюриковичей вел. князей кіевскихъ“) очень правдиво объясняетъ знакъ на монетахъ первыхъ русскихъ кіевскихъ князей, какъ монограмму слова βασιλευς (базилеусъ), — служившаго величаніемъ (титуломъ) византійскихъ императоровъ, перенятымъ кн. Владиміромъ. Въ другой брошюрѣ (Символика эпохи неолита) Болсуновскій пробуетъ объяснить знаки на предметахъ ново-камники (глав. обр. Триполья) какъ гіероглифы—прообразы какой-то древней забытой письменности, заимствованной первобытниками изъ общаго съ китайцами источника, пока неизвѣстнаго. Онъ думаетъ, что эти знаки находятся въ причинно—послѣдовательной связи съ гіероглифами—буквами узорныхъ (орнаментаціонныхъ) азбукъ китайцевъ, возникшихъ при однообразныхъ условіяхъ развитія и вѣровыхъ возрѣній съ народами, оставившими ихъ намъ (ст. 12, 11).

Въ лѣтописи Быховца (Пол. собр. рус. лѣтоп..., т. XVII, ст. 486) сообщается, что у литовцевъ при похоронахъ князя или пана на костеръ съ покойникомъ клали „когти рыси, а-бо медвѣдя“, что бы ими воспользовался покойникъ въ судный день, когда ему придется взбираться на высокую и крутую гору, на которой Богъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ. У русскихъ для той же цѣли копятся всю жизнь обстригаемые ногти, которые кладутся съ мертвымъ въ гробъ.

Кн. Вас. Фед. Шаховской—потомокъ яросл. удѣльн. князей носилъ прозвище Ворона, но это поздній потомокъ, неимѣвшій уже княжества (Ярославль. Путеводитель. А. А. Титовъ, ст. 141, № 603).

Написаніе нѣкоторыхъ иностранныхъ и областныхъ русскихъ словъ, приводимыхъ мною, здѣсь не всегда переданы вполнѣ правильно по причинѣ отсутствія въ типографіи нужныхъ шрифтовъ.

Ил. А. Тихомировъ.



Клеймо на днѣ горшка изъ кургана XI в. при д. Татариново, костромской губ.

Рис. 2. 1692 г.

Рис. 1. 1672 г.

Рис. 4. 1752 г.

Ярославской

Рис. 3. 1778 г.

Рис. 6.

Рис. 5. Гербъ, бывшій при открытіи Ярославскаго намѣстничества 1777 г. 21 дек.

Рис. 7. 1856 г.

Рис. 8. 1672 г.

Рис. 9. 1778 г.

Рис.10.1691 г.

Рис.11.1583 г.

Рис.12.1583 г.

Рис.13.1345 г.

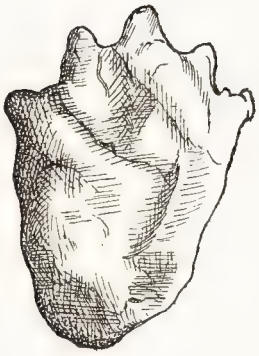


Рис. 14. IX в.

Рис. 15. IX в.

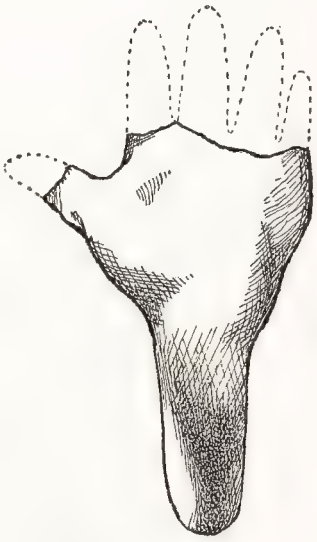


Рис. 16. IX в.

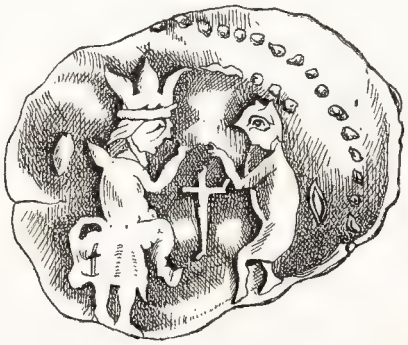


Рис. 17 (увелич.). XV в.

Рис. 18. 1834 г.

Рис. 19. 1834 г.

Рис. 20. 1728 г.

ВЕЛИКОРУССКІЯ

ВЕСЕННІЯ и ХОРОВОДНЫЯ

ПѢСНИ,

записанныя въ саратовской губерніи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ моемъ сборникѣ можно различать два отдѣла: 1) весеннія или обрядовыя пѣсни (1—34) и 2) хороводныя (35—104). Пѣсни перваго отдѣла относятся къ народному празднеству Семика-Троицы (1—24) и къ проводамъ весны (25—34,—на заговѣнье предъ Петровымъ постомъ). Пѣсни второго отдѣла—хороводныя въ строгомъ смыслѣ этого слова; ихъ содержаніе обыкновенно воспроизводится въ дѣйствіи или драматизируется; онѣ печатаются въ алфавитномъ порядкѣ.

Изъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ 104 пѣсенъ, 102 пѣсни записаны самимъ собирателемъ М. Е. Соколовымъ и только 2 пѣсни записаны другими лицами: 47-я—священникомъ В. П. Рыбаковымъ и 49-я—А. В. Срѣтенской. За исключеніемъ восьми пѣсенъ (8, 42, 47, 49, 55, 56, 93, 94) всѣ остальныя (96) воспроизведены фонетически т.-е. съ голоса и съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей народнаго говора, 9 пѣсенъ моего сборника (5, 10—14, 32, 90, 98) записаны отъ умѣренно окающихъ великоруссовъ, 3 пѣсни (3, 34, 39)—отъ цокающихъ великоруссовъ, 2—(55, 56)—отъ малоруссовъ и остальныя (90)—отъ акающихъ великоруссовъ.

По уѣздамъ пѣсни распредѣляются такъ: 59 пѣсенъ принадлежатъ петровскому уѣзду, 19—кузнецкому, 14—сердобскому, 8—аткарскому, 3—камышинскому и 1—саратовскому.

М. Е. Соколовъ.

Лысково, нижегородской губ.
4 мая 1906 г.

Мысли и замѣтки собирателя

(по поводу сборника).

Великоруссы саратовской губерніи — переселенцы изъ разныхъ мѣстъ обширной Руси; тѣмъ не менѣе большинство саратовцевъ акаетъ; въ окающихъ и цокающихъ селахъ, деревняхъ и хуторахъ саратовской губерніи молодежь постепенно переходитъ къ аканью и оставляетъ цоканье,—такова сила акающаго (южно-великорусскаго) большинства.

Близость южно-великорусской рѣчи къ бѣлорусской несомнѣнна: южно-великорусс. *ба, вясна, ды, жа, жана, плакала=плакыла, сястра, саколъ, што, яму*=бѣлорусс. *ба, вясна, ды, жа, жана, плакала=плакыла, сястра, саколъ, што, яму*=общерус. бы, весна, да, же, жена, плакала, сестра, соколъ, что, ему. Но всетаки южно-великоруссы—не бѣлоруссы. Если по аканью, яканью и другимъ особенностямъ рѣчи южно-великоруссы=бѣлоруссы, то по иканью, отсутствію дзеканья и рѣдкости цоканья южно-великоруссы=малоруссы. Южно-великорусскій выговоръ многихъ словъ иногда тождественъ съ малорусскимъ, а иногда напоминаетъ его: южно-великорусс. *адежа, вечиръ, воспа, дыхать, дѣ, зьмія, клядьба, радашна=радышна, расстанья, скрыпка*= малорус. *одижъ, вечиръ, виспа, дыхаты, дѣ, змія, клятьба, радисно, розстання, скрыпка* = общерусс. одежа, вечеръ, оспа, дышать, гдѣ, змѣя, клятва, радостно, разставанье, скрипка. Въ частности въ томъ, или другомъ селѣ, деревнѣ или хуторѣ встрѣчаются еще болѣе поразительные случаи тожества южно-великорусской, бѣлорусской и малорусской фонетики. Приведу примѣры изъ своего сборника: 1) Зотовъ хуторъ петровскаго уѣзда: *„Душъ ни пылъ, пылъ, пылитъ, ни чарной каролъ бижытъ* (2 примѣчаніе къ 6 пѣснѣ моего сборника)"; 2) Савинишнино петровскаго уѣзда: *„Пайду-ли я па солнашку, пайду-ли я по ведрашку,—наймусь я гримъ гримавати, по лугу служыти, грушыцу садити"* (80 пѣсня моего сборника). Зотовск. пылъ=бѣлорусс. и малорусс. пылъ=общерусс. пыль; Савинишнин. гримъ=малорус. гримъ=общерусс. громъ; крестьяне деревни Савинишнина говорятъ: „громъ", а поютъ „гримъ" по-малорусски.

Южно-великорусскій словарь, нерѣдко отличаясь отъ общерусскаго, приближается къ бѣлорусскому и малорусскому. Отрывокъ изъ сравнительнаго областного словаря: южно-великорус. *балакать*, *Виликъ день*, *жолкнуть*, *зянать*, *зявать*, *касьнить*, *обрать*, *абротка*, *рели*, *рельи*, *рагачъ*, *талачить*, *шырынка*=бѣлорусс. *балакаць*, *Вяликъ дзень*, *жовкнуць*, *зяваць*, *касникъ*, *аброць*, *абротка*, *рели*, *арели*, *рагачъ*, *талачыць*, *шырынка*=малорусс. *балакаты*, *Велыкъ день*, *жовкты*, *зипаты*, *киснык*ъ, *оброть*, *обротька*, *ореля*, *рели*, *рогачъ*, *толочыты*, *шырынка*=общерусс. говорить, Пасха, желтѣть, кричать, косоплетка, недоуздокъ, качели, ухватъ, топтать, платокъ.

Единственно возможный выводъ изъ сравненія южно-великорусской, бѣлорусской и малорусской фонетики, южно-великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго словарей: южно-великорусская, бѣлорусская и малорусская рѣчь отличаются другъ отъ друга только выговоромъ, но замѣтно расходятся съ общерусской (литературной) рѣчью. Если это такъ, то не можетъ быть и рѣчи о двухъ или трехъ русскихъ народностяхъ (Н. Костомаровъ и т. п.): великоруссы (въ родствѣ сѣверно-великоруссовъ съ малоруссами не сомнѣваются даже украйнофилы), бѣлоруссы и малоруссы—разновидности одного и того же русскаго народа (сравн. штокавци, чакавци и кайкавци у сербовъ, мазуры, краковяки и куявы у поляковъ).

Перехожу къ своему сборнику. Вслѣдствіе этническаго единства русскихъ племенъ многія весеннія и хороводныя пѣсни моего сборника являются простыми разнорѣчіями (варіантами) уже извѣстныхъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ.

61 пѣсня моего сборника рисуетъ идеалъ великорусской красавицы: „*Онъ выбралъ сибѣ нивѣсту танку*, *васаку*, *ой ли*, *ой ли*, *ой люшыньки*, *танку*, *васаку*, *танехыньку*, *милехыньку*, *сабой харашу*, *ой ли*, *ой ли*, *ой люшыньки*, *сабой харашу*“, такова же наружность бѣлорусской и малорусской пригожей дѣвочки: *тонка высока* (П. Шейнъ), *тоненька висока* (А. Лоначевскій).

Въ заключеніе не могу не подивиться странной близости одной весенней пѣсни моего сборника къ хлыстовскому распѣвцу: „*Привилси*, *вилси яръ хмель на нашу-ли на старонку; какъ на нашый на старонки удача была бальшая* (28 пѣсня)“=*Рай-свѣтъ за рѣкой и ягоды за быстрой*, *рай-свѣтъ перевѣсилъ на нашу сторонку*, *какъ на нашей на сторонкѣ съ неба благодать* (Труды саратовской ученой архивной коммиссіи. Вып. 23, стр. 115). Впрочемъ близость хлыстовскихъ стиховъ къ великорусскимъ пѣснямъ—фактъ, давно извѣстный изслѣдователямъ русскихъ мистическихъ сектъ.

ВЕЛИКОРУССКІЯ
ВЕСЕННІЯ И ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ,
записанныя въ саратовской губерніи.

I. ВЕСЕННІЯ ПѢСНИ.

1. Какъ во полѣ, въ чистомъ полѣ.

Какъ ва поли, поли, поли, фъ чистаимъ поли,
Да ищо таво падалишы ва раздольи,
Тамъ стаяла тама бѣлая бирeза;
А да нихто вакрукъ бирези нихто ни гуляитъ...
Тутъ хадилъ, гулялъ удалинькай малотчикъ,
На бирезавы каренья... а онъ наступаитъ,
За виршынушку бирезу... а онъ пригинаитъ,
Къ жывату бѣлу бирезу... а онъ прижымаитъ...
Каба ты бѣла бирeза была красная дѣфка!
Ты сидѣла-ба, сидѣла въ залатымъ тиреми,
Ты шыла бы, вашывала залаты узоры:
Какъ и перьвай-та узоричъ—свителъ мѣсицъ,
Какъ другой-та узоричъ—красна соньца,
Какъ и третій-та узоричъ—часты звѣзды!

Салтыково сердобскаго уѣзда;
29 августа 1897 года.

Примѣчаніе 1. Эту пѣсню поютъ красныя дѣвицы на красную горку, Семикъ, Троицу и проводы русалки.

Примѣчаніе 2 Вмѣсто 10 стиха въ томъ же самомъ селѣ Салтыковѣ поютъ иногда иначе: „Ты сидѣла-ба у батюшки ва тиреми, у сударыны у матушки ва высокимъ“.

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

Примѣчаніе 4. Бѣлая береза наводитъ удалаго молодца на мысль о красной дѣвкѣ: якутская богатырская сказка „Юрюнгъ-Уоланъ“ также сравниваетъ дѣвокъ съ бѣлыми березками („березки“, читаемъ въ сказкѣ, „были похожи на толпу дѣвушекъ“).

Примѣчаніе 5. Удаленькій молодчикъ, прижимающій къ своему животу бѣлую березу, напоминаетъ мнѣ М. Лежнева (одного изъ героевъ романа И. Тургенева: Рудинъ), обнимавшаго молодую, тонкую, стройную липу: таково единство психики университетски образованнаго человѣка и сельскаго парня.

---

2. Семикъ да и Троица.

Семикъ да и Троица!
Фсѣ дѣвушки стронутца!
Душъ вы дѣфки, дѣвушки,
Бѣлыя либедушки!
Выдимъ мы на улицу,
Ударимъ-ти въ ладушы!
Ни ладошы-тѣ зьвинятъ,
Зьвинятъ залаты персни.
Зьвинятъ падвинешныя!...

Душъ вы дѣфки, дѣвушки,
Бѣлыя либедушки!
А вы ни парвайтися
Замушъ за паповича!
Да вить у паповича
Прасвиры-тѣ прогнили,
Кануны-тѣ кислыя!...

—Ушъ ты верьба, верьбушка!
Ни стой надъ рѣчушкай:
Рѣчушка разольитца,
Кареньицы вымаитъ,
Виршынушку высушытъ,
Падмочитъ бумажнай листъ!

Малая Сердоба петровскаго уѣзда;
14 февраля 1898 г.

Примѣчаніе 1. Всѣ стихи повторяются; послѣ каждаго стиха припѣвъ „Ой іе, іе, лиле“; русское „іе (іо)“ напоминаетъ старо-эллинскія восклицанія „іо, іа, іахи, Іакхъ (Вакхъ=русскій Ярило) сравн. римск. іо (сатурналіи).

Примѣчаніе 2. По поводу словъ „А вы ни парвайтися за мушъ за паповича“ одна мало-сердобинская дѣвка замѣтила мнѣ слѣдующее: „вы не пишите, что мы (мало-сердобинскія дѣвки) не любимъ поповичей,—это только въ пѣснѣ такъ говорится, а изъ пѣсни слова не выкинешъ“. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, стр. 278.

---

3. Семикъ, Троица.

Семикъ, Семикъ, Троица, Троица,
Да ли-ли-ладу, Троица, Троица!
Какъ подъ бѣлаю подъ бирезаю,
Ой ли, ой люли, подъ бирезаю!
Мушъ жону уцилъ, мушъ угрюмаю,
Ой ли, ой люли, мушъ угрюмаю!
Мушъ—угрюмаю, нипокорнаю,
Ой ли, ой люли, нипокорнаю!
Нипокорнаю, нипоклоннаю,
Ой ли, ой люли, нипоклоннаю!
—„Свекаръ батюшка, свекрофь матушка,
Ой ли, ой люли, свекрофь матушка!
Утыми миня утъ своно сына,
Ой ли, ой люли, утъ своно сына!
Утъ своно сына, утъ моно мужа,
Ой ли, ой люли, утъ моно мужа!“
—„Ты невѣстушка, жысть голубушка,
Ой ли, ой люли, жысть голубушка!
Велю пушшы бить, велю слушатца,
Ой ли, ой люли, велю слушатца!

Топлое петровскаго уѣзда; 27 мая 1898 года.

Примѣчаніе. Эта пѣсня въ Топломъ—семицкая, въ Хомяковѣ хуторѣ петровскаго уѣзда—посидѣлочная и свадебная, а въ Салтыковѣ сердобскаго уѣзда—хороводная. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, стр. 263.

---

4. У насъ нынѣ Семикъ, Троица,

У насъ ныня Симикъ, Троица!
Царь гасударь ва пахотъ пашолъ;
За немъ гонютъ двоя, троя, четьвира:
„Царь, государь, варатись назатъ,
Твая царевна дочку родила!“
—Для дочири ни ворачусь:
Какъ дочка-та ни дамашняй гость...
—У насъ ныня Симикъ, Троица!
Царь гасударь ва пахотъ пашолъ;
За немъ гонютъ двоя, троя, четьвира:
„Царь государь, варатись назатъ,
Твоя царевна сына родила!“
—Для сына-та я вить ворачусь:
Какъ сынъ-атъ вить мой дамашняй гость....

Іонычевъ хуторъ петровскаго уѣзда; 7 февраля 1897 г.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждаго стиха—припѣвъ: „Ой лиле, лиле, лиле!“

Примѣчаніе 2. Въ словѣ „*гасударь*“ слышится чистый, гортанный звукъ: *г*. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, стр. 395.

5. Разнорѣчіе этой пѣсни.

Што фъ поли запылилася,
Што фъ чистамъ затуманилася?
Царь гасударь во службу пошолъ,
Царь гасударь во службу пошолъ;
За немъ гонютъ ва погонь гоньцы,
За немъ гонютъ ва погонь гоньцы,
Двоя, троя и четьвира,
Двоя, троя и четьвира:
„Царь гасударь, варотися домой,
Царь гасударь, варотися домой,
Твоя книгиня сына радила,
Твоя книгиня сына радила!“—
—„Для сына я ни ворочусь домой,
Для сына я ни ворочусь домой:
У миня сынъ домашній гость,
У миня сынъ домашній гость„....

———

Што фъ поли запылилася,
Што фъ чистамъ затуманилася?
Царь гасударь во службу пошолъ,
Царь гасударь во службу пошолъ;
За немъ гонютъ ва погонь гоньцы,
За немъ гонютъ ва погонь гоньцы,
Двоя, троя и четьвира,
Двоя, троя и четьвира:
„Царь гасударь, варотися домой,
Царь гасударь, варотися домой,
Твоя книгиня дочь радила,
Твоя книгиня дочь радила!“
—„Для дочири ворочусь я домой,
Для дочири ворочусь я домой:
У миня дочь ни домашня госья,
У миня дочь ни домашня госья“.

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ—припѣвъ: „Дай йіе, йіе, йіе“.

Примѣчаніе 2. Эту пѣсню поютъ на Семикъ, направляясь ржанымъ полемъ къ березнику завивать вѣнки.

Примѣчаніе 3. Въ рукописномъ сборникѣ покойнаго священника Бродокалмацкой слободы шадринскаго уѣзда пермской губерніи Василія Пономарева встрѣчается подобная же пѣсня: „Семикъ честной, Семикъ праведный, ію, ію! Это что въ полѣ за дымъ дымитъ, во чистомъ полѣ за пыль пылитъ? Ію, ію, лелю! Царь Государь во походъ

пошолъ, ію, ію, лелю; за нимъ бѣгутъ гонцы скоры четверы, ію, ію, лелю: „Царь Государь, воротися назадъ, ію, ію, лелю; у тебя царица сына родила, ію, ію, лелю!“—„Ради сына я не ворочаюсь назадъ, ію, ію, лелю: сынъ у меня—домашній гость, ію, ію, лелю“...--Семикъ честной, Семикъ праведный, ію, ію! Это что въ полѣ за дымъ дымитъ, во чистомъ полѣ за пыль пылитъ? Ію, ію, лелю! Царь Государь во походъ пошолъ, ію, ію, лелю; за нимъ бѣгутъ гонцы скоры четверы, ію, ію, лелю: „Царь Государь, воротися домой, ію, ію, лелю; у тебя царица дочь родила, ію, ію, лелю!“—„Ради дочери я ворочаюсь домой, ію, ію, лелю: дочь у меня честна гостья въ дому, ію, ію, лелю“...

Примѣчаніе 4. Въ словахъ: „гасударь, книгиня“ слышится чистый, гортанный звукъ: *г*.

---

6. Да не пыль въ полѣ пылитъ, не дубровушка шумитъ.

Да ни пыль фъ поли пылитъ, ни дубровушка шумитъ;
Ни дубровушка шумитъ, мать сыра зимля гаритъ;
Мать сыра зимля гаритъ, дымъ атъ до нибу валитъ;
Дымъ-атъ до нибу валитъ, намъ ни видна начаво;
Толька видна: на гарѣ, на фсей краснай красатѣ,
На фсей краснай красатѣ, на зиленаимъ лугу,
На зиленаимъ лугу стаитъ армія фъ кругу;
Стаитъ армія фъ кругу, Лапухинъ гулялъ фъ палку,
Лапухинъ гулялъ фъ палку, курилъ трупку табаку;
Онъ на то іе курилъ, штаба пьянаму быть,
Штаба пьянаму быть, висилѣя гаварить,
Висилѣя гаварить, пасмилѣя паступить,
Пасмилѣя паступить, фсіе силу парубить.
Да мы билися, сиклися, да двянатцати часофъ;
Минавалася баталья, стали тѣла разбирать,
Стали тѣла разбирать, лицо съ личинькамъ сличать:
Палковничкафъ да пити, й инаралафъ дисити.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 8 генваря 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ Лопаткѣ и Зотовѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня—семицкая и троицкая и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая; ее поютъ также на заговѣнье предъ Петровымъ постомъ.

Примѣчаніе 2. Въ Зотовѣ хуторѣ петровскаго уѣзда пѣсня начинается нѣсколько иначе: Д'ушъ ни пылъ, пылъ пылитъ, ни чарной кароль бижытъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

7. Какъ по травкѣ, по муравкѣ.

Какъ па трафки, па мурафки,
Ладу, ладу, па мурафки,
По лазоривымъ цвятамъ,
Ладу, ладу, по цвятамъ,
Катилася каляска,
Ладу, ладу каляска;
Ва каляски дѣвица,
Ладу, ладу, дѣвица;
На дѣвицы златъ пе́рстинь,
Ладу, ладу, златъ перстинь!
Дѣфка съ перстнямъ гаварила,
Ладу, ладу, гаварила:
„Што ты, перстинь, патускнѣлъ,
Ладу, ладу, патускнѣлъ?
—Быть дѣвицы стараю,
Ладу, ладу, стараю!
—Я старасти ни хачу,
Ладу, ладу, ни хачу,
Въ нагахъ старасть сталачу,
Ладу, ладу, сталачу!

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 25 мая 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Всѣ нечетные стихи повторяются.

Примѣчаніе 2. Эту пѣсню поютъ на Семикъ, когда идутъ завивать вѣнки.

---

8. При долинкѣ, при лужечкѣ.

При долинкѣ, при лужечкѣ,
На прекрасныимъ мѣстечкѣ
Тамъ росла, росла трава,
Трава, милка, мурава.
Какъ по этой по травкѣ,
Какъ по этой по муравкѣ
Цвѣточки цвѣли—
Лазоревые они.
Собиралися подружки
Цвѣточки рвать, вѣночки плести;
На вѣнкахъ дѣвки гадали,
Вѣнки въ рѣчку побросали.
Одна изъ нихъ загадала,
Во слезахъ слово сказала:
„Ахъ, мой потонулъ,—

Меня милый обманулъ!“—
—„Полно, полно, перестань,
О себѣ глупо тужить:
Твой вѣнокъ въ волнахъ мыряетъ,—
Тебѣ милый клятву повторяетъ,
Хочетъ вѣренъ быть,
Одною тебя любить“.

Г. Петровскъ саратовской губерніи; 24 октября 1894 года. Пѣсня встрѣчается также въ селахъ и деревняхъ петровскаго уѣзда: Кутьинѣ, Вязьминѣ, Ближней Березовкѣ, Языковѣ и Енгалычевѣ.

---

9. Роща ты, роща моя, роща зеленая.

Роща ты, роща моя, роща вотъ зиле... вотъ зиленая.
Фсе зиленая, фсе зиленая!
Ушъ и хто те, рощу, рощу запавѣ.... запавѣдавалъ,
Запавѣдавалъ, запавѣдавалъ?
Запавѣдавалъ рощу только удалъ добрай мо.. добрай маладецъ,
Добрай маладецъ, добрай маладецъ;
Паливала рощу да красная дѣ... красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, красная дѣвушка,
Яво прежняя была палюбо.... палюбовница,
Палюбовница, любовница!
—Мима саду зиленыва пралягала фъ Крымъ даро... фъ Крымъ дарожынька,
Фъ Крымъ дарожынька, фъ Крымъ дарожынька.
Д'ушъ ни хто па ней фъ Крымъ ни ха... фъ Крымъ ни хажывалъ,
Фъ Крымъ ни хажывалъ, фъ Крымъ ни хажывалъ;
Толька шли па ней, прашли да три палка, три палка салдатъ,
Три палка салдатъ, вотъ три палка салдатъ;
Охъ и перьвай полкъ—полкъ малады... маладыхъ рибятъ,
Маладыхъ рибятъ, маладыхъ рибятъ;
Какъ другой-та полкъ - полкъ красныихъ дѣвушка... дѣвушкафъ
Красныихъ дѣвушкафъ, красныихъ дѣвушкафъ;
Какъ и третій полкъ—полкъ маладыхъ малоду... малодушкафъ,
Маладыхъ малодушкафъ, маладыхъ малодушкафъ.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 16 іюня 1899 года. Пѣсня записана отъ крестьянки-старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе. Эта пѣсня—семицкая и троицкая; ее пѣли въ то время, когда шли завивать вѣнки.

---

10. Гдѣ бабы шли, тутъ ржи густы.

Гдѣ бабы шли, тута ржы густы,
Гдѣ бабы шли, тута ржы густы,
Ржы густы, нюмолотисты,
Ржы густы, нюмолотисты.
Гдѣ дѣфки шли, тута ржы пусты,
Гдѣ дѣфки шли, тута ржы пусты,
Ржы пусты, умолотисты,
Ржы пусты, умолотисты.

Турдаки кузнецкаго уѣзда; 28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Да йіе, йіе, йіе“.

Примѣчаніе 2. Эта пѣсня семицкая и троицкая; ее поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

11. Вышла, выходила.

Вышла выходила,
Вышла выходила,
Лихая мачиха,
Лихая мачиха;
Стала на бѣлъ камень,
Стала на бѣлъ камень;
Ударила въ ладушы,
Ударила въ ладушы:
Тики, биги, мать быстра река,
Тики, биги, мать быстра река!
Униси нирожона дите,
Униси нирожона дите,
Нирожона, нихожына,
Нирожона, нихожына,
Нипоена, никормина,
Нипоена, никормина.

Турдаки кузнецкаго уѣзда; 28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Да йіе, йіе, йіе“.

Примѣчаніе 2. Эта пѣсня—семицкая и троицкая; ее поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

12. Туча съ громомъ соговаривалась.

Туча съ громамъ саговаривалась,
Туча съ громамъ саговаривалась;
Пойдимъ, громъ, пагуляимъ громъ,
Пойдимъ, громъ, пагуляимъ громъ,
По палю па татарскаму,
По палю па татарскаму,
Ты съ грозой,—а я съ моланьей,
Ты съ грозой,—а я съ моланьей,
Ты убъешъ, а я выпалю,
Ты убъешъ, а я выпалю!

Туча съ громамъ саговаривалась,
Туча съ громамъ саговаривалась:
Пойдимъ громъ, пагуляимъ громъ,
Пойдимъ громъ, пагуляимъ громъ,
По палю па Турдакаскаму,
По палю па Турдакаскаму,
Ты съ дожьжомъ, а я съ миласью,
Ты съ дожьжомъ, а я съ миласью,
Ты польешъ, а я выращу,
Ты польешъ, а я выращу!

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Да йіе, йіе, йіе“.

Примѣчаніе 2. Эта пѣсня—семицкая и троицкая, ее поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

13. Во городѣ Володимирѣ.

Во горади Валадимири,
Во горади Валадимири,
Звонка звонятъ ка заутрини,
Звонка звонятъ ка заутрини...
У миня младѣ свекаръ доберъ,
У меня младѣ свекаръ доберъ,
Ни пущаитъ ка заутрини,
Ни пущаитъ ка заутрини,
Шубаю призакутываитъ,
Шубаю призакутываитъ:
„Спи, лижи, моя нивѣстушка,
Спи, лижи, моя нивѣстушка,

Лижи, бѣлая либедушка,
Лижи, бѣлая либедушка".

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Да йіе, йіе, йіе".

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня—семицкая и троицкая; ее поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

14. Улица моя широкая.

Улица моя шырокая,
Улица моя шырокая,
Трава мурава зиленая,
Трава мурава зиленая!
Чѣмъ улица изукрашына,
Чѣмъ улица изукрашына?
—Изукрашына улица,
Изукрашына улица
Травой-муравой зиленаю,
Травой-муравой зиленаю,
И гутками, и валынками,
И гутками, и валынками,
Малодыми малодицами,
Малодыми малодицами,
Ищо краснами дивицами,
Ищо краснами дивицами.—
Чьѣ дѣвушки луга толочали,
Чьѣ дѣвушки луга толочали?
—Толочали дѣфки луга сторонски,
Толочали дѣфки луга сторонски;
На нихъ рубашки посконнаи,
На нихъ рубашки посконнаи,
Сарафаньи конопляннаи,
Сарафаньи конопляннаи,
Крышы на нихъ фсе рогожнаи,
Крышы на нихъ фсе рогожнаи,
Фъ косахъ ленты палусиннаи,
Фъ косахъ ленты палусиннаи. .

Улица моя шырокая,
Улица моя шырокая,
Трава-мурава зиленая,
Трава-мурава зиленая!
Чѣмъ улица изукрашына,
Чѣмъ улица изукрашына?

Изукрашына улица,
Изукрашына улица
Травой муравой зиленаю,
Травой муравой зиленаю,
И гутками, и валынками,
И гутками, и валынками,
Малодыми малодицами,
Малодыми малодицами,
Ищо краснами дивицами,
Ищо краснами дивицами.—
Чьѣ дѣвушки луга толочали,
Чьѣ дѣвушки луга толочали?
—Толочали дѣфки луга турдакски,
Толочали дѣфки луга турдакски;
На нихъ рубашки бумажнаи,
На нихъ рубашки бумажнаи,
Сарафаньи фсе кумашнаи,
Сарафаньи фсе кумашнаи,
Крышы на нихъ фсе шолкаваи,
Крышы на нихъ фсе шолкаваи,
Фъ косахъ ленты фсе мишурнаи,
Фъ косахъ ленты фсе мишурнаи.

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Да йіе, йіе, йіе“.

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 27 и 28 стиха: „Фъ косахъ ленты полубиннаи“.

Примѣчаніе 3. Эта пѣсня—семицкая и троицкая; ее поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

15. Ужь ты улица широкая.

Ушъ ты улица шырокая,
Трава мурава зиленая!
Чѣмъ ты, ульца, изукрашыная,
Чѣмъ шырока изуряжыная:
Аль гутками, аль валынками?
—Маладыми маладицами,
Ищо краснами дивицами.
Нивиличка птичка пташычка
Синя моря пирилетывала,
Чисто поля пирипархывала;
Да садилася пташычка,
Да садилася кукушычка

Въ зилинымъ саду на яблынки,
У дѣвушки падъ акошычкамъ;
Да выслушыла пташычка,
Да выслушыла кукушычка,
Какъ красная дѣфка плакыла,
Свае горя причитывала:
„Ушъ ты старай разаритиль мой!
Разарилъ маю галовушку,
Разарилъ ты маю буйнаю;
Ты расплелъ маю русу косу,
Изарвалъ ты мой залотъ касьникъ,
Залотъ касьникъ съ алыми лентами,
Съ залатыми празументами,
Са дивичьими праказами.

Новокрещены кузнецкаго уѣзда; 4 августа 1898 года. Пѣсня встрѣчается также въ Огаревкѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Всѣ стихи кромѣ 1, 11, 12, 15, 16, 20, 21 и послѣдняго повторяются.

---

16. Травынька муравынька, зеленый лужокъ.

Травынька муравынька, зиленай лужокъ,
Зиленай лужокъ!
Па тибѣ я, травынька, хажу, гуляю,
Хажу, гуляю;
Хажу я, гуляю, ни нахажуся,
Ни нахажуся;
Глижу я на милыва, ни наглижуся,
Ни наглижуся:
Каторыва нинавижу я,—зафсягда ва глазахъ,
Зафсягда ва глазахъ,
Зафсягда въ глазахъ, ва ясныхъ ачахъ,
Ва ясныхъ ачахъ;
Каторыва вѣрна люблю,—таво здѣся нѣтъ,
Таво здѣся нѣтъ!
Ты сьвити, свителъ мѣсицъ, ва фсю темну ночь,
Ва фсю темну ночь,
А вы, часты звѣздачки, да бѣлай зарѣ,
Да бѣлай зарѣ,
А ты, красна солнышка, параньшы взайди,
Паранышы взайди,
Паранышы взайди, падольшы сьвити,
Падольшы сьвити;
Прасвичай-ка путь дарожыньку, куды милъ пашолъ,
Куды милъ пашолъ;

Пашолъ мой размилинькай исъ каньца фъ канецъ,
Исъ каньца фъ канецъ,
Исъ каньца фъ канецъ, изъ улицы вонъ,
Изъ улицы вонъ,
Изъ улицы вонъ, ва крайнай ва дворъ,
Ва крайнай ва дворъ,
Ва крайнай ва дворъ, ка Анюшыньки въ домъ,
Къ Анюшыньки въ домъ.
Анюшынька раздушынька дагадливая,
Дагадливая,
Аткрыла акошычка манехынька,
Манехынька,
Гаварила съ милымъ рѣчушки патихоничка.
Патихоничка.

Новокрещены кузнецкаго уѣзда; 4 августа 1898 г.

Примѣчаніе. Въ словѣ: „зафсягда“ слышится чистый гортанный звукъ *г*.

17. Ой во полѣ липынька.

Ой во пали, ой во пали,
Ой во пали липинька;
Падъ липаю, падъ липаю,
Падъ липаю бѣлъ шатеръ;
За тѣмъ шатромъ, за тѣмъ шатромъ,
За тѣмъ шатромъ столъ стаитъ;
За тѣмъ сталомъ, за тѣмъ сталомъ,
За тѣмъ сталомъ дѣвица,
За тѣмъ сталомъ красная;
Рвала цвиты, рвала цвиты,
Рвала цвиты са травы;
Вила винокъ, вила винокъ,
Вила винокъ въ гарадокъ.
—Са гораду, са гораду,
Са гораду йѣхалъ панъ,
Крычитъ: „панья“, крычитъ: „панья“,
Крычитъ: „панья—ты мая!“—
—„А я, судырь, а я, судырь,
А я, судырь, ни твая:
Сударыни, сударыни,
Сударыни матушки,
Радимыва, радимыва,
Радимыва батюшки!“.

Трескино кузнецкаго уѣзда; 30 іюля 1899 г.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня—семицкая и плясовая; ее поютъ тогда, когда идутъ завивать вѣнки.

Примѣчаніе 2. 2, 4, 6, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23 стихи повторяются.

18. Маки, маки, маковицы.

Маки, маки, макавицы,
Залатыя галавицы!
Тутъ былъ макъ,
Здѣсь былъ макъ!
Маладыя малодушки,
Станьти врятъ,
Спросимъ-ти пра макъ:
Какофъ-жа и макъ!

Маки, маки, макавицы,
Залатыя галавицы!
Тутъ былъ макъ,
Здѣсь былъ макъ!
Красныя дѣвушки,
Станьти врятъ,
Спросимъ-ти пра макъ:
Какофъ-жа и макъ!

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда;
25 января 1899 года.

Примѣчаніе. Эта пѣсня—семицкая и троицкая; поютъ въ то время, когда идутъ завивать вѣнки.

---

19. Разнорѣчіе этой пѣсни.

При далини макъ,
При зиленай макъ!
Маки, маки, макавицы,
Залатыя галавицы!
Тутъ былъ макъ,
Здѣсь былъ макъ!
Красныя дѣвушки,
Станьти врятъ,
Спросимъ-ти пра макъ
Маладыхъ рабятъ:
Чаво дѣлатъ макъ?

Кутьино петровскаго уѣзда;
24 января 1899 года.

---

20. Стой, милъ хороводъ, стой, милъ, не расходись.

Стой, милъ каравотъ, стой, милъ, ни расхадись!
Въ этимъ караводи скакала, плясала,
Скакала, плясала танецъ свадила,
Танецъ свадила, вянокъ сранила.
Батюшка! пади, вянокъ падыми!
Батюшка идетъ, вянокъ ни нисетъ.

Стой, милъ каравотъ, стой, милъ, ни расхадись!
Въ этимъ караводи скакала, плясала,
Скакала, плясала, танецъ свадила,
Танецъ свадила, вянокъ сранила.
Матушка! пади, вянокъ падыми!
Матушка идетъ, вянокъ ни нисетъ.

Стой, милъ каравотъ, стой, милъ, ни расхадись!
Въ этимъ караводи скакала, плясала,
Скакала, плясала, танецъ свадила,
Танецъ свадила, вянокъ сранила.
Милай мой! пади, вянокъ падыми!
Милай мой идетъ, вянокъ мнѣ нисетъ,
Вянокъ мнѣ нисетъ, за ручку биретъ.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 16 іюня 1899 года. Пѣсня записана отъ крестьянки—старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе 1. Пѣсня эта—семицкая—хороводная; ее пѣли, водя хороводъ около семицкой березки.

Примѣчаніе 2. Всѣ стихи повторяются.

---

21. Эхъ, да ты, долина моя, долина.

Эхъ, да ты, далина мая, далина,
Раздолья мае шыро... фсе широкая!
Какъ ништо на те, дали... далинушка,
Да ништо на те ни уради... ни урадилась!
Эхъ, урадилси на дали... на далинушки
Адинъ толька кустъ кали... кустъ калинушки;
На кусту-та на кали... на калинушки
Сидитъ горькая каку... фсе какушка...
Ни какуй, мая какушынька,
Ва зиленаимъ садо... садочки,
Ни давай мая какушычка
Да намъ такой таски назо... намъ назолы:
Намъ и такъ намъ салдатушкамъ служыть то... служыть тошна,

Памарилъ насъ царь праваславнай халоднаю зимою,
Придиржались нашы бѣлы ручиньки
Ка вайеннаму ружью, къ шашки вострай.

Чубаровка сердобскаго уѣзда;
17 іюня 1899 года.

Примѣчаніе. Эту пѣсню поютъ въ Чубаровкѣ на Духовъ день, когда идутъ завивать вѣнки.

---

22. Въ лузяхъ дѣвочки гуляли, алы цвѣты сорывали.

Въ лузяхъ дѣвачки гуляли, алы цвяты сарывали;
Сарывали, саплятали вяночики, савивали;
Вяночики савивали, на галофки надявали;
На галофки надявали, сами сибя украшали;
Сами сибя украшали, итьтить дамой упаздали;
Упаздали, пріустали, патъ кустикамъ начавали;
Патъ кустикамъ начавали, злы сабаки набижали;
Злы сабаки набижали, миня младу испужали.
На ту пору, на тотъ часъ самъ ахотникъ найижьжялъ,
Самъ ахотникъ найижьжялъ са дабра каня слязалъ;
Са дабра каня слязалъ, любофь дѣвачки сказалъ.
„Пайдемъ, дѣфка, гулять съ нами, пайдемъ въ лагари за нами;
Иди дѣфка ка мнѣ смѣла, глиди мае тѣла бѣла:
Мае тѣла припатѣла, искупатца захатѣла“.

Сосновка петровскаго уѣзда; 14 января 1896 г. Пѣсня встрѣчается также въ Ближней Березовкѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня—семицкая и троицкая и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая; ее поютъ также на заговѣнье предъ Петровымъ постомъ.

Примѣчаніе 2. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

23. Разнорѣчіе этой пѣсни.

Па лугамъ дѣфки гуляли, алы цвяты сарывали;
Ани рвали, сарывали, вяночики завивали;
Вяночики завивали, на галофку надявали;
На галофку надявали, итьтить дамой припаздали;
Припаздали, пріустали, сѣли патъ кустъ, начавали;
Патъ кустикамъ начавали, злы сабаки набижали;
Злы сабаки набижали, красныхъ дѣвакъ испужали.
—На ту пору, на тотъ часъ самъ ахотникъ найижьжялъ;

Самъ ахотникъ найижьжялъ, са дабра каня слязалъ;
Са дабра каня слязалъ, краснымъ дѣвушкамъ сказалъ:
Идитя вы, дѣфки, смѣла, глиди мае тѣла бѣла;
Мае тѣла припатѣла, разгулятца захатѣла;
Вайду я ва горинку, вайду я ва новаю;
Сяду я на лавычку, вазьму балалаичку;
Стану я играти, ищо припявати;
Ищо припявати, дѣвакъ забавляти.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 16 іюня 1899 года. Пѣсня записана отъ старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе. По словамъ С. А. Ѳеодуловой эту пѣсню въ старину пѣли на семикъ, возвращаясь домой послѣ завиванья вѣнковъ.

---

24. Во лузяхъ, лузяхъ зеленыихъ моихъ.

Ва лузяхъ, ва лузяхъ, ва лузяхъ, лузяхъ зиленаихъ маихъ,
Ва лузяхъ, лузяхъ зиленаихъ маихъ
Вырастала, вырастала, вырастала трава шолкавая
Вырастала трава шолкавая,
Расцвили, расцвили, расцвили цвяты лазоривыя,
Расцвили цвяты лазоривыя,
Да пашли, да пашли, да пашли духи малинавыя,
Да пашли духа малинавыя.
Д'ушъ и съ той, д'ушъ и съ той, д'ушъ и съ той травы вывиду каня,
Д'ушъ и съ той травы вывиду каня,
Я вывиду, я вывиду, я вывиду, выглажу,
Д'ушъ я вывиду, выглажу;
Павяду, павяду, павяду я каня къ батюшки,
Павяду я каня къ батюшки:
„Гасударь, гасударь, гасударь ты мой батюшка радной,
Гасударь ты мой батюшка радной!
Ты прими, ты прими, ты прими-ка слава ласкавыя,
Ты прими-ка слава ласкавыя,
Палюби, палюби, палюби слава привѣтливыя,
Палюби слава привѣтливыя;
Ни аддай, ни аддай, ни аддай миня за старава замушъ,
Ни аддай миня за старава замушъ:
Старай мушъ, старай мушъ, старай мушъ—ни ровня мнѣ,
Д'ушъ и старай мушъ ни ровня мнѣ,
Ни ровня, ни ровня, ни ровня, ни подъ вирсту,
Д'ушъ ни ровня, ни подъ вирсту
Д'ушъ аддай, д'ушъ аддай, д'ушъ аддай миня за ровнюшку,
Д'ушъ аддай миня за ровнюшку,

За ровню, за ровню, за ровню за малодинькава,
И за ровню за малодинькава;
Съ ровнюшкай, съ ровнюшкай, д'ушъ я съ ровняй гулять пайду,
Д'ушъ я съ ровняй гулять пайду,
Старава, старава, ушъ я старава на вѣки ни люблю,
Ушъ я старава на вѣки ни люблю.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 25 января 1899 года.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня—семицкая, троицкая и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая; ее поютъ также на заговѣнье предъ Петровымъ постомъ.

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 1 стиха: „Ва лузьяхъ, ва лузьяхъ, ва лузьяхъ, лузьяхъ зиленаихъ маихъ (петровскій и сердобскій уѣзды)".

---

25. Ужъ ты свѣтъ моя Кострома.

Ушъ ты свѣтъ мая Кастрама,
Гасударыня Кастромушка была,
Ни Кастромушка, кумушка мая!
Ни пакинула при нужди ты миня,
При нужди, при старасти.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 17 іюня 1899 г. Пѣсня записана отъ крестьянки-старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе. Эту пѣсню пѣли въ Чубаровкѣ на заговѣнье предъ Петровымъ постомъ на проводы русалки. Обрядъ проводовъ: участвуютъ главнымъ образомъ старухи, берутъ ржаной снопъ, придѣлываютъ руки, обряжаютъ по-бабьи, кладутъ на носилки, вопятъ и несутъ чучело—русалку въ ржаное поле,—оставляютъ на межѣ. Во время шествія съ чучеломъ-русалкой нѣсколько разъ поютъ приведенную выше пѣсню: „Ушъ ты свѣтъ мая Кастрама"....

---

26. Вечоръ Ѳекла пріуныла, пригорюнилась, сидитъ.

Вичоръ Ѳекла пріуныла, пригорюнилась, сидитъ,
Фсе сидитъ,
Вичоръ Ѳекла гаварила фсѣмъ падружынькамъ сваимъ,
Фсе сваимъ:
„Висилитися, падрушки, къ намъ вясна скора придетъ,
Фсе придетъ;

Вясна придетъ, соньца взайдитъ, сгонитъ съ горъ сниги маросъ,
Фсе маросъ,
Са фсѣхъ чистаихъ палефъ, са зиле... са зиленаихъ лугофъ,
Фсе лугофъ!
Какъ па этимъ па лужочкамъ дарожынька лижала,
Ой лижала;
Какъ па этый па дарошки быстра рѣчка бижала,
Ой бижала,
Рѣчка быстра, вада чиста съ биряшками наравнѣ!

Терса аткарскаго уѣзда;
18 февраля 1900 года.

---

27. Какъ по мосту было по мосточку.

Какъ по масту была па масточку,
Па калинаву была па часточку,
Чистехынька, часта выступала,
Жысть салдацку сваю праклинала:
„Распраклятая жытье салдацка!
Я за што-жъ тибя, салдатъ, любила;
Роду-племиня сваво ришыла,
Атца съ матирью сваво стыдила“?

Елань аткарскаго уѣзда; 11 іюля 1899 г. Пѣсня записана отъ крестьянокъ-великороссіянокъ слободы Елани, живущихъ въ слободкѣ „Заполянкѣ“.

Примѣчаніе. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

28. Перевился, вился ярь хмель.

Пиривилси, вилси ярь хмель
На нашу-ли на старонку;
Какъ на нашый на старонки
Удача была бальшая;
Што удача бальшая,
Сады были зиляныя;
Што сады-та зиляныя,
Вирьхи были залатыя!
Д'ушъ пайду я млада въ рощу,
Въ рощу зиляную;
Нащиплю я млада хмелю
Хмелю йиравова;
Наварю я млада пивы,
Пивы маладова;

Зазаву я млада гостя,
Гостя дарагова,—
Што я гостя дарагова,
Батюшку сваво раднова;
Напаю яво пивай маладою:
Мой батюшка спитъ съ пахмелья,
Съ виликава пирипою.

Елань, аткарскаго уѣзда;
11 іюля 1899 года.

Примѣчаніе. Всѣ стихи повторяются.

---

29. По садочку Машунюшка вотъ гуляла.

Пы садочку Машунюшка вотъ гуляла,
Ой да платокъ бѣлый Машунюшка патиряла,
Платокъ бѣлый Машунюшка патиряла;
Ой да мнѣ ни жалка Машунюшки бѣлъ платочка,
Мнѣ ни жалка Машунюшки бѣлъ платочка,
Ой да жалка, жалка Машунюшки милъ дружочка,
Жалка, жалка Машунюшки милъ дружочка!
Ой да харошъ, пригошъ милый мой урадилси,
Харошъ, пригошъ милый мой урадилси;
Ой да онъ на Волгу милый мой саридилси,
Онъ на Волгу милый мой саридилси,
Ой да онъ на Волгу нинадолгу на'динъ мѣсицъ,
Онъ на Волгу нинадолгу на'динъ мѣсицъ;
Ой да слыхи пали Машунюшки ды Пакрова,
Слыхи пали Машунюшки ды Пакрова,
Ой да Пакрофъ, празьничикъ прашолъ, нѣтъ дома милова,
Пакрофъ празьничикъ прашолъ,—нѣтъ дома милова.

Терса аткарскаго уѣзда;
18 февраля 1900 г.

Примѣчаніе. *Слыхи пали* сравн. бѣлорус. *слыхъ*—слухъ.

---

30. Середи торгу тамъ волженка стоитъ.

Сириди таргу тама волжынка стаитъ;
Въ этай волжынки удалай маладецъ
Въ званчаты гусли паиграваитъ,
Красныхъ дѣвушыкъ паманиваитъ:
„Мы пайдемъ, дѣфка, папляшымъ съ табой“!
—Да и ну тибя удалай маладецъ!
Мае серца ни варотитца

Уста съ кровью запякаютца:
Патиряла сваи золаты ключи,
Залатыя, па залочиныя
Са шалковаимъ са пойисамъ‘
Са сиребринаимъ мутоузамъ!
Хто-ба, хто-ба вдоль па юлицы прашолъ,
Хто-ба, хто-ба маи ключики нашолъ
Залатыя, пазалочиныя
Са шалковаимъ са пойисамъ,
Са сиребринаимъ мутоузамъ?!

Елань аткарскаго уѣзда;
11 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Разнорѣчіе 12 и 17 стиха: „Са сиребринаимъ цапочикамъ“.

Примѣчаніе 2. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

31. Ужъ ты веснушка, весна,

Ушъ ты веснушка, вясна,
Вясна красная мая!
Што ни въ радасти прашла (пришла)?
—Ни въ радасти, ни въ гульбѣ,
Прашла (пришла) въ гори, въ сухатѣ,
Ва мужнинай ва нуждѣ!
—Атчаво садикъ павялъ,
Атчаво зелинъ пасохъ?
—Въ саду моладицъ (Ванюшка) гулялъ,
Фсійо травыньку примялъ,
Муравыньку притапталъ,
На сваво каня взиралъ:
„Ужъ ты конь ты, мой канекъ,
Конь дабра лошать мая!
Што ни выручишь миня
Изъ ниволи, изъ бяды (нужды),
Исъ каминнай исъ тюрьмы?“—
—Атчаво тюрьма тямна?
—Фъ тюрьмѣ Ванюшка сидѣлъ,
Онъ (самъ) въ акошычка глидѣлъ.
—Взашло соньца на васхотъ,
Вядутъ Ванюшку на схотъ,
Папиреть—палачь съ плитьми,
Пазадѣ жана съ дитьми
Уливаютца слязьми.—
—Палажыли Ваню сѣчь,—

Рубашонка далой съ плечь;
Ударили по спинѣ,--
Вазмалилси мушъ жынѣ:
„Ушъ ты жонушка, жана,
Жана барыня мая!
Ушъ ты выручи миня,
Изъ ниволи, изъ бяды (нужды),
Исъ каминнай исъ тюрьмы!“
—Ушъ ты Ванька галачаръ,
Ни хади ты па начамъ,
Ни снимай съ лугу халсты!

Грачевъ хуторъ петровскаго уѣзда; 27 сентября 1895 года. Пѣсня встрѣчается въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ петровскаго уѣзда: въ Камышинкѣ, Чунакахъ, Ключахъ, Вязьминѣ, Огаревкѣ, Кутьинѣ, Лопаткѣ, Ближней Березовкѣ, Сосновкѣ, Крутцѣ (Выселкахъ), Хомяковѣ, Дрямовѣ (Антиповкѣ), Іонычевѣ и Зотовѣ хуторахъ, а также въ селахъ камышинскаго уѣзда: Бурлукѣ и Лопуховкѣ и въ Терсѣ аткарскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Эту пѣсню можно слышать почти всю весну: отъ красной горки до заговѣнья предъ Петровымъ постомъ; впрочемъ ею болѣе провожаютъ весну, чѣмъ встрѣчаютъ.

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 11 стиха въ Дрямовѣ хуторѣ: „Фсѣ цвяточки притапталъ“.

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

32. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Охъ, ты веснушка, весна,
Весна красная моя!
Што ни въ радасти прошла (пришла)?
Ни въ радасти, ни фъ честѣ,
Фсе фъ пичали, фъ сухотѣ (2)!
Пасушыла мой садокъ...
Ушъ ты сатъ-ли, мой садокъ,
Сатъ зиленай винаградъ!
Атчево садокъ посохъ,
Атчево зелинъ повялъ?
—Фъ саду моладецъ гулялъ,
На добра коня взиралъ:
„Ушъ ты конь-ли, мой конекъ,

Конь добра лошать моя!
Што ни выручишъ миня
Изъ ниволи, изъ нужды,
Исъ печали, сухоты,
Исъ каминнай исъ тюрьмы?"—
—Красна соньца на восхотъ,
Ведутъ молытца на схотъ (2),
Напиретъ—палачь съ плетьми,
Позадѣ жона съ дѣтьми (2)
Уливаетца слезми,
Умоляитъ палача:
Ушъ ты батюшка палачь,
Ты не бей мужа плетьми,
Накажы йево кнутьми (2),
Прикажы жыть съ дѣтьми!

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

---

33. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Ушъ ты веснушка, висна,
Висна кра... красная мая,
Висна красная мая!
Што ни въ радасти прашла (2)?
Ни въ радасти, ни въ гульбѣ (2),
Въ адной ше... шельми сухатѣ,
Въ адной шельми сухатѣ!
Атчаво садикъ павялъ (2)?
Въ саду моладицъ гулялъ (2),
Красну дѣ... дѣфку патирялъ,
Красну дѣфку патирялъ,
Падъ яблынку зарывалъ (2),
Жалтымъ пи... пискомъ засыпалъ.

Мукосѣевка петровскаго уѣзда;
14 сентября 1896 года.

---

34. Третье разнорѣчіе этой пѣсни.

Ушъ ты веснушка моя, весна!
Што не въ ра... што не въ радасти весна прошла,
Весна прошла?
Охъ, не въ радости весна, ни фъ цестѣ,
Ни фъ цестѣ,

Охъ, да ва вели... ва великай весна фъ сухотѣ,
Фъ сухотѣ!
Сухота-ль моя, зелинъ сатъ,
Зелинъ сатъ!
Ни на мѣ... ни на мѣсти толька садокъ вы... вырасъ,
Садокъ вырасъ!
Только на доро... охъ, на дорошки толька столбовой,
Столбовой,
Изъ конторы толька шолъ мальцикъ домой-ли,
Домой,
Толька вдоль доро .. вдоль дорошки мальцикъ столбовой,
Столбовой...

Теплое петровскаго уѣзда;
23 апрѣля 1898 г.

II. ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ.

35. А мы сѣчу сѣчили.

А мы сѣчу сѣчили, сѣчили.
—А мы проса сѣили, сѣили.
А мы проса вытапчимъ, вытапчимъ.
—А чѣмъ жа вамъ вытаптать, вытаптать?
А мы каней выпустимъ, выпустимъ.
—А мы каней ловили, ловили
А чѣмъ-жа вамъ ловити, ловити?
—Шелковаимъ невадамъ, невадамъ.
А мы каней выкупимъ, выкупимъ.
А чѣмъ-жа вамъ выкупить, выкупить?
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
—Ни нады намъ сто рублей, сто рублей,
А мы дадимъ зъ дѣвицай, зъ дѣвицай,
—А йета намъ надыбна, надыбна.

Вы книгини, да мы къ вамъ идемъ,
Маладыя сабираимси.
—Вы, баяры, да зачѣмъ вы къ намъ,
Маладыя, да зачѣмъ вы къ намъ?
Вы, книгини, мы дивицъ сматрѣть,

Маладыя, красныхъ дѣвушыкъ.
—Вы, баяры, у насъ дѣвушки—
Маладыя, недаростачки.
Вы книгини, па насъ вырасли,
Маладыя, па насъ вырасли.
—Вы, баяры, да каво вамъ жынить,
Маладыя, да каво вамъ жынить?
Вы, книгини, намъ Ивана жынить,
Маладыя, намъ Василича.
—Вы, баяры, да каво вамъ брать,
Маладыя, да каво вамъ брать?
Вы, книгини, намъ Прасковью брать,
Маладыя, намъ Филипавну.

А мы пили, пропили, пропили.
—А мы пили, напили, напили,
Нашыва палку убыла, убыла.
—А нашыва прибыла, прибыла.

Трескино кузнецкаго уѣзда;
30 іюля 1899 года. Пѣсня встрѣчается также въ г. Сердобскѣ.

Примѣчаніе. Играющіе дѣлятся на два полка и поютъ поперемѣнно первые 14 стиховъ; каждый стихъ заканчивается припѣвомъ: „Зиленая травынька, жолтай цвѣтъ, жолтай цвѣтъ“. Стихи съ 15 по 32 поютъ поперемѣнно безъ всякаго припѣва; стихи съ 33 по 36 поютъ съ прежнимъ припѣвомъ.—Въ г. Сердобскѣ припѣвъ этой пѣсни другой: „Зилена роща, алай цвѣтъ, алай цвѣтъ“.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, т. I 435—436, 438 стр. Жизнь и творчество крестьянъ харьков. губ. 908 стр. 1 т.

---

36. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

А мы проса сѣили, сѣили.
Зиленая рощица, сѣили, сѣили.
—А мы проса палоли, палоли,
Зиленая рощица, палоли, палоли.
А мы проса вазили, вазили,
Зиленая рощица, вазили, вазили.
—А мы проса малатили, малатили,
Зиленая рощица, малатили, малотили.

Мукосѣевка петровскаго уѣзда;
14 сентября 1896 года.

---

37. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

А мы чищу чистили, чистили,
Диди-ладу, чистили, чистили,
—А мы пашню пахали, пахали,
Диди-ладу, пахали, пахали,
А мы проса сѣили, сѣили,
Диди-ладу, сѣили, сѣили,
—А мы проса вытапчимъ, вытапчимъ,
Диди-ладу, вытапчимъ, вытапчимъ.
Д'ушъ чѣмъ-жа вамъ вытаптать, вытаптать,
Диди-ладу, вытаптать, вытаптать?
—А мы каней выпустимъ, выпустимъ,
Диди-ладу, выпустимъ, выпустимъ.
А мы каней фъ клѣфъ запремъ, фъ клѣфъ запремъ,
Диди-ладу, фъ клѣфъ запремъ, фъ клѣфъ запремъ.
—А мы каней выкупимъ, выкупимъ,
Диди-ладу выкупимъ, выкупимъ.
Д'ушъ чѣмъ-жа вамъ выкупить, выкупить,
Диди-ладу, выкупить, выкупить?
—А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Диди-ладу, сто рублей, сто рублей.
Намъ ни нада тысицу, тысицу,
Диди-ладу, тысицу, тысицу.
А чаво вамъ нада и нада-та,
Диди-ладу, нада и нада-та?
А намъ нада дѣвицу, дѣвицу,
Диди-ладу, дѣвицу, дѣвицу.
—А катору вамъ нада и нада-та,
Диди-ладу, нада и нада-та?
Намъ вотъ эту нада и нада-та
Диди-ладу, нада и нада-та.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 11 января 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ петровскаго уѣзда: Кутьинѣ, Лопаткѣ, Савинишнинѣ, Ближней Березовкѣ, Дрямовѣ (Антиповкѣ), Зотовѣ, Сорокинѣ и Морозовѣ хуторахъ.

Примѣчаніе 1. Разнорѣчіе 1-го стиха: „Да мы чищу чистили, чистили“; въ такомъ случаѣ и въ остальныхъ стихахъ „Да“ замѣняетъ начальное „А“.

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 21 стиха: „Намъ ни нада тыщицу, тыщицу“.

Примѣчаніе 3. Припѣвъ въ этой пѣснѣ въ Дрямовѣ хуторѣ: „Сиди-ладу“.

38. Третье разнорѣчіе этой пѣсни.

А мы проса сѣили, сѣили,
Или-ладу, сѣили, сѣили.
—А мы проса палоли, палоли,
Или-ладу, палоли, палоли.
А мы проса вытапчимъ, вытапчимъ,
Или-ладу, вытапчимъ, вытапчимъ.
—А чѣмъ-жа вамъ вытаптать, вытаптать,
Или-ладу, вытаптать, вытаптать?
А мы каней выпустимъ, выпустимъ,
Или-ладу, выпустимъ, выпустимъ.
—А мы каней вызлатимъ, вызлатимъ,
Или-ладу, вызлатимъ, вызлатимъ.
А мы дадимъ сто рублей, сто рублей,
Или-ладу, сто рублей, сто рублей.
—Ни нада намъ сто рублей, сто рублей,
Или-ладу, сто рублей, сто рублей.
Чаво-жа вамъ надабна, надабна,
Или-ладу, надабна, надабна?
—Намъ нада дѣвицу, дѣвицу,
Или-ладу, дѣвицу, дѣвицу.
За дѣвицу слова нѣтъ, слова нѣтъ,
Или-ладу, слова нѣтъ, слова нѣтъ.

Салтыково сердобскаго уѣзда;
29 августа 1897 года.

---

39. Былъ я, мальчикъ, да я за невагаю.

Былъ я, мальцикъ, да я за нева... ой за невагаю,
За невагаю;
Ой да невага-та толька воля дѣ... воля дѣвичья,
Воля дѣвичья;
Ой да молодушкамъ минова... охъ, миновать нельзя,
Миновать нельзя.
Пробалъ, пробалъ я на пошто... охъ, на поштоваимъ я дворѣ,
На дворѣ,
Прождалъ, прождалъ да я вотъ суда... вотъ сударушки своей
письмо,
Письмо;
Да палуцомшы да я сталъ цита... сталъ цитать я йово,
Я йово;
Працитамшы я слезна пла... слезна плакала да я по немъ,
Я по немъ...
Пражыла я фсіе во... фсіе волюшку да я гульбу,
Я гульбу,

Нажыла только сибѣ му... сибѣ мужа да я дурака,
Дурака:
Охъ, ни умѣитъ только мушъ робо... мушъ роботу роботать,
Роботать;
Ни умѣитъ да онъ цорну па... цорну пашыньку мушъ пахать,
Мушъ пахать,
Ни умѣитъ да онъ натъ кудря... натъ кудрями да онъ холь
доржать,
Холь доржать;
Ни умѣитъ да онъ цорну шля... цорну шляпу онъ надёвать,
Надёвать;
Моя шляпа только са пеца... са пецатью шляпа, са орломъ,
Са орломъ.

Топлое петровскаго уѣзда:
23 апрѣла 1898 года.

Примѣчаніе. Эта пѣсня нѣсколько безсмысленна: въ началѣ пѣсни говоритъ мальчикъ, а въ концѣ замужняя женщина; все это естественное послѣдствіе сліянія въ одной пѣснѣ двухъ различныхъ пѣсенъ.

---

40. Винный мой колодезь.

Виннай мой калодись,
Виннай мой глубокай!
Да што фъ тибѣ вады нѣтъ (2)?
—Конь воду вапивалъ (2),
Капытами вабивалъ (2).
Нашава хазяина (2),
Дома ни случилася (2).
Уйѣхалъ нашъ хазяинъ,
Уйѣхалъ нашъ багатай
Ва Казань горатъ гулять (2).
Привизетъ нашъ хазяинъ,
Привизетъ нашъ багатай
Казанскаю дѣвицу (2).
Казанску дѣвицу (2)
Вывиду на улицу (2).

Пѣсня повторяется два раза: во второй разъ вмѣсто 10 стиха поютъ: „ва Рязань горатъ гулять“, а вмѣсто 13 и 14 стиховъ „Рязанскаю дѣвицу (13), Рязанску дѣвицу (14)“; въ третій разъ нашъ богатый хозяинъ уѣзжаетъ „ва Китай горатъ гулять“ (10 ст.) и привозитъ „Китайскаю дѣвицу“. Затѣмъ пѣсня заканчивается слѣдующими стихами:

Казанска дѣвица (2),
Стили-ка пастелюшку (2),

Рязанска дѣвица (2),
Клади вазгаловьицы (2),
Китайска дѣвица (2),
Цалуй харашеничка (2).

Сорокинъ хуторъ петровскаго уѣзда;
20 сентября 1897 года.

Примѣчаніе. Въ словѣ: „багатай“ слышится чистый гортанный звукъ: *г.* Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, т. 1, стр. 440.

---

41. Во Казани были мы.

Ва Казани были мы,
Были мы,
Сакала мы видили,
Видили,
Сакалицу дѣвицу,
Дѣвицу.
Фстань, дѣвица, взвисились,
Взвисились,
Низехынька пакланись,
Пакланись,
Милехынька пацалуй,
Пацалуй!

Пестровка петровскаго уѣзда;
3 января 1899 года.

Примѣчаніе 1. Эта хороводная пѣсня въ Пестровкѣ встрѣчается на посидѣлкахъ.

Примѣчаніе 2. Нечетные стихи поютъ 2 раза, а четные—3 раза.

---

42. Вотъ и стелется репей, разстилается молодой.

Вотъ и стелется репей, разстилается молодой;
Вотъ и хочется репью быть съ тыномъ вровнѣ.
Вотъ не быть тебѣ, репью, съ тыномъ вровнѣ,
Быть тебѣ, репью, съ травой вровнѣ!
Какъ сестра-та сестрѣ стала спрашивати:
Каково тебѣ, сестрица, за ровней жить?
Какъ за ровней жить, только вѣкъ должить,
А за старымъ жить, только стариться!

Ульяновка кузнецкаго уѣзда;
30 іюля 1895 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „Ой диди-ль мой репей, ой репей молодой“.

Примѣчаніе 2. *Далжыть* (7 ст.)=малорус. *довжыты*= общерус. удлинять. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, т. 1, стр. 7—8.

---

43. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Какъ па улицы рипей, па шырокаю рипей,
Рипей стелитца расстилаитца,
Ка баярскаму двару прививаитца.
Тута шли да прашли дьвѣ радныя сястры;
Какъ сястра-та систрѣ стала спрашывати:
Харашо-ли те, сястра, за стараимъ жыть?
Мнѣ за стараимъ жыть—мнѣ на ульцу ни хадить,
Мнѣ за ровнюшкай жыть—фъ караводы мнѣ хадить.

Ямпольевка петровскаго уѣзда;
22 мая 1897 года.

Примѣчаніе. Послѣ каждаго стиха—припѣвъ: „Ой-ди мой рипей, ой-ди маладой“.

---

44. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Какъ па улицы рипей, па шырокаю рипей,
Рипей стелитца, расстилаитца.
Тута шли, прашли три радныхъ сястры;
Какъ сястра-та систрѣ стала спрашывати:
Харашо-ли те, систрица, за стараимъ жыть?“
„Мнѣ за стараимъ жыть,—мнѣ стараю слыть“.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 19 апрѣля 1896 г. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ петровскаго уѣзда и въ Свинцовкѣ саратовскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „Ой дядя рипей мой, ой ладу маладой“.

Примѣчаніе 2. Пѣсня повторяется два раза; при первомъ повтореніи вмѣсто 5 и 6 стиха поютъ: „Харашо-ли те, систрица, за ровнюшкай жыть? Мнѣ за ровнюшкай жыть,—мнѣ ровнюшкай слыть“,—при второмъ повтореніи: „Харашо-ли те, систрица, за малодинькимъ жыть? Мнѣ за малодинькимъ жыть,—мнѣ малодинькай слыть“.

---

45. Третье разнорѣчіе этой пѣсни.

Какъ па улицы рипей, па шырокаю рипей.
Рипей стелитца, расстилаитца,
Сириди-та Масквы сахадились три сястры,
Сахадилися, пакланилися;
Какъ сястра-та систрѣ стала спрашывати:
„Какаво тибѣ, систрица, за стараимъ жыть?“
—„Мнѣ за стараимъ жыть,—только старитца,
Ни билитца мнѣ, ни румянитца,
Мнѣ ни чорнами сурмилами сурмитися“.

„Каково тибѣ, систрица, за млатчіимъ жыть“?
—„Мнѣ за млатчіимъ жыть, толька по ваду хадить,
Ни билитца мнѣ, ни румянитца,
Мнѣ ни чорнами сурмилами сурмитися“.

„Каково тибѣ, систрица, за ровнюшкай жыть“?
—„Мнѣ за ровнюшкай жыть, толька въ гости хадить,
И билитца мнѣ, и румянитца,
Мнѣ и чорнами сурмилами сурмитися“.

Огаревка петровскаго уѣзда;
17 іюня 1900 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „Охъ люли мой рипей, охъ люли маладой“.

Примѣчаніе 2. Пѣсня повторяется два раза,—при повтореніи измѣняются послѣдніе четыре стиха.

---

46. Выходили вы-бы дѣвушки.

Выхадили вы-ба дѣвушки,
Вы-ба дѣвушки,
Выхадили вы-ба красныя,
Вы-ба красныя,
Изъ варотъ на улицу играть,
На улицу играть;
Вынасили вы-ба дѣвушки,
Вы-ба дѣвушки,
Салавья вотъ вы за крылушки,
Вы за крылушки;
Выпущали вы-ба красныя,
Вы-ба красныя,
Салавья вотъ изъ рукафчика,
Изъ рукафчика;
На палетики вы-ба приказавали,
Вы-ба приказавали:

Палити-ка ты, саловушыкъ,
Ты, саловушыкъ,
Высакимъ-та высакохынька,
Высакохынька,
Далекимъ-та далякохынька,
Далякохынька,
Къ маму батюшки на падворьица,
На падворьица,
Къ майей матушки ва высокъ тиремъ,
Ва высокъ тиремъ;
Скажы батюшки чилабитьица въ домъ,
Чилабитьица въ домъ,
Майей матушки ниской паклонъ до зимли,
Паклонъ до зимли.
Салавей палитѣлъ, защикоталъ,
Защикоталъ;
Красныя дѣвушки заигровали,
Заигровали;
Охъ, малодушки заплакали,
Заплакали.
Вы пыграйте, красны дѣвушки,
Красны дѣвушки,
Охъ, паколя у кармильца у батюшки,
У батюшки,
У родимай свайей матушки,
Матушки!
Ой, ни ровно вы замушъ выдитя,
Замушъ выдитя,
Ни ровенъ-то сватъ присватоитца,
Присватоитца,
Ни ровенъ-то мушъ навяжытца,
Навяжытца:
Либа старай, либа малай,
Либа малай,
Либа воръ, либа пъяница,
Либа пъяница,
Станитъ горя мыкать, каитца,
Каитца,
Онъ ни будитъ ни съ кѣмъ кланитца,
Кланитца.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 16 іюня 1899 г. Пѣсня записана отъ старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе. По словамъ С. А. Ѳеодуловой эта пѣсня весенняя—тигавая (протяжная); ею встрѣчаютъ весну. Ѳеодулова начинала пѣсню словами: „Бласлави Бохъ“. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ, т. 1, стр. 267—268, 395—396.

47. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Выходили красны дѣвушки
Изъ воротъ онѣ на улицу,
Выносили соловья на рукахъ!
Какъ соловушекъ засвистываетъ,
Красны дѣвушки заигрываютъ,
А малодушки заплакиваютъ,
Краснымъ дѣвушкамъ заказываютъ:
„Вы играйте, красны дѣвушки,
Поколь живете у батюшки.
У родимой своей матушки.
Не ровна шутка подшутится,
Не ровенъ женихъ присватается:
Либо старенькій—горбатенькій,
Либо маленькій—щепливенькій,
Либо ровня—горька пьяница;
Онъ въ кабакъ идетъ, шатается,
Изъ кабака идетъ, валяется,
Придетъ домой,—разувай—раздѣвай
Часты пуговицы растегивай,
Шелковы ленты развязывай.
Ужь я стараго потѣшила,
Размахнувшись въ воду бросила;
Ужь я малаго потѣшила,
На осинушку повѣсила;
Ужь я ровнюшку потѣшила,
Среди двора его встрѣтила.

Гнилуши камышинскаго уѣзда;
21 января 1896 года.

---

48. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Вышли дѣфки на улицу,
Вынисли дѣфки саловушка,
Саловушыкъ засвиставалъ,
Красны дѣфки заиграли,
Малодушки заплакали,
Заплакали, дамой пашли:
Воля, воля краснымъ дѣфкамъ;
Малодушкамъ нѣтъ волюшки,
Фъ чужыхъ людяхъ за стараимъ!
Ты, старай мушъ! Играть пусти!
—Шкуру спушу, играть пущу.

Хать дьвѣ спусти, играть пусти.
—Шкура тощитца, играть хочитца.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 19 мая 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ петровскаго уѣзда: Лопаткинѣ, Савинишнинѣ, Крутцѣ (Выселкахъ) и Дрямовѣ хуторѣ (Антиповкѣ).

Примѣчаніе. Послѣ каждаго нечетнаго стиха припѣвъ: „Калина да малина“, а послѣ каждаго четнаго стиха „И калина да малина“.

---

49. Третье разнорѣчіе этой пѣсни.

Выходите-ка, дѣвушки, на улицу,
Выносите-ка соловейку за крылышки:
Станетъ соловушка засвистывать,
Красныя дѣвушки заигрывать!
—Молодыя бабы восплакнули,
Свою дѣвичью жизнь вспомянули:
„Вы играйте-ка, дѣвушки,
Вы покудова у батюшки,
У сударыни у матушки!
Не ровна шутка пришутится.
Не ровенъ женихъ присватается:
Либо старый, либо маленькій,
Либо ровня—горька пьяница,—
Во кабакъ онъ идетъ, шатается,
Изъ кабаку-та онъ придетъ, валяется,
Надъ молодой женой ломается,
Онъ велитъ ей разувать, раздѣвать,
Часты пуговки растегивать,
Шелковыя петли развертывать“!

Чибирлей кузнецкаго уѣзда.

---

50. Грушица моя зелена, садова.

Грушыца мая зилена, садава,
Падъ грушыцаю яблань кудрява,
Падъ яблынкай тамъ свѣтлица стаитъ,
Ва свѣтлицы дѣвица сидитъ,
У дѣвицы моладицъ въ гастяхъ;
Примудрыя онъ ей рѣчи гаваритъ:
„Зайди, соньца, зайди за лисъ, ни сьвити!
Полна, полна мае личинька пичи,

Исъ гласъ-та гарючи слезы тичи“!
—Нонича толька такія врямяна:
Сушутъ, крушутъ жонъ харошыя мужъя,
А дѣвушыкъ сушутъ дальныя дружъя!
Дальнай друкъ толька вилика сухата,
Ближняй друкъ да вить свиданья зафсягда!
Ни мила вить мнѣ низова старана,
Зажгла душу мнѣ саснофска слабада:
Ни гуляитъ-ли сударка-та мая,
Сударушка красна дѣвушка душа?
Ни заводитъ караводы бизъ миня;
Караводы ни утѣщутъ малатца.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 21 августа 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ городахъ: Сердобскѣ и Петровскѣ и деревняхъ петровскаго уѣзда: Сосновкѣ и Ближней Березовкѣ.

Примѣчаніе 1. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

Примѣчаніе 2. Въ словѣ „зафсягда“ слышится чистый, гортанный звукъ: *г.*

---

51. Да вы гуси.

Да вы гуси!
Га га га, сѣры.
Вы куда гуси лятали?
Га га га, гуси.
Мы лятали гуси,
Га га га, гуси,
На синея моря,
Га га га, гуси.
Чаво вы гуси, видали?
Га га га, гуси.
Мы видали волка,
Га га га, гуси;
Волкъ унесъ цыпленка,
Га га га, гуси.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда. Пѣсня встрѣчается также въ Ближней Березовкѣ, Грачевѣ и Дрямовѣ хуторахъ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Эта пѣсня—не круговая: ее поютъ, идя по улицѣ.

---

52. Да какъ по Дону.

Да какъ па Дону, Дону,
Па Даночку,
Па крутому биряшку,
Па крутому ищо биряжочку,
Па жалтому па пяску,
Па жалтому ищо па пясочку,
Добры молатцы идутъ;
Какъ па праваю старонушку
Красны дѣвушки душы (2).
Да адна дѣфка адна была красна
Фъ караводи фсѣхъ ризьвѣ (2).
Паризьвѣя ана пасмилѣя
Съ малатцами гаварить (2):
Хто ба, хто ба изъ васъ, рабятишки,
Чирисъ Донъ рѣчку праплылъ (2)?
За таво жа красная дифчонка
За таво замушъ пайду (2).
Выбиралси изъ нихъ такой старицъ,
Што сядая барада (2),
Какъ сядая яво бародушка,
Ва акружала валаса,
Да ф' кружала валаса.
Да патхадила-жа старая старинка
Къ Дону быстраю рикѣ (2),
Да скидаила-жа старая старинка
Свѣтна платьица съ сибя (2),
Да кидаласи да ищо брасаласи
Въ Донъ ва быстраю ряку (2);
Да какъ плыветъ-жа старая старинка,
Какъ онъ сѣрай силизень (2),
Да онъ галовушку сваю нисетъ-жа,
Словна гогаль маладой (2),
Патплываила-жа старая старинка
Ка кругому биряшку (2),
Какъ цапаласи старая старинка
За шалковаю траву (2),
Да скрикнула, згаркнула старая старинка
Громкимъ голасамъ сваимъ (2):
Д'ушъ ты, дѣфка, да вотъ вить красна,
Падайди-ка мнѣ суда (2),
Да падайди-ка ты ка мнѣ суда,
Буть-жа вѣрная слуга (2).
Красна дѣфка патхадила
Свѣтна платья падала (2),
Да свѣтна платья ана падала-жа,
Друшкомъ милымъ назвала (2).

Малая Сердоба петровскаго уѣзда; 19 іюня 1899 г.

53. Дунули вѣтры вдоль улицы.

Дунули, дунули, дунули вѣтры вдоль улицы,
Дунули вѣтры вдоль улицы,
Грянули, грянули, грянули весну на караблички,
Грянули весну на караблички.
Съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ та мнѣ думушку думати будитъ,
Съ кѣмъ-та мнѣ думушку думати будитъ?
Думати, думати, думати думушку съ тятинькай,
Думати думушку съ тятинькай.
Эта мнѣ, эта мнѣ, эта мнѣ дума ни крѣпкая была,
Эта мнѣ дума ни крѣпкая была.

Дунули, дунули, дунули вѣтры вдоль улицы,
Дунули вѣтры вдоль улицы,
Грянули, грянули, грянули весну на караблички,
Грянули весну на караблички.
Съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ-та мнѣ думушку думати будитъ,
Съ кѣмъ-та мнѣ думушку думати будитъ?
Думати, думати, думати думушку съ мамынькай,
Думати думушку съ мамынькай.
Эта мнѣ, эта мнѣ, эта мнѣ дума ни крѣпкая была,
Эта мнѣ дума ни крѣпкая была.

Дунули, дунули, дунули вѣтры вдоль улицы,
Дунули вѣтры вдоль улицы,
Грянули, грянули, грянули весну на караблички,
Грянули весну на караблички.
Съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ-та мнѣ, съ кѣмъ-та мнѣ думушку думати будитъ,
Съ кѣмъ-та мнѣ думушку думати будитъ?
Думати, думати, думати думушку съ милаимъ друшкомъ,
Думати думушку съ милаимъ друшкомъ.
Эта мнѣ, эта мнѣ, эта мнѣ думушка крѣпшы фсѣхъ,
Эта мнѣ думушка крѣпшы фсѣхъ.

Сосновка петровскаго уѣзда;
19 октября 1897 года.

54. Дѣвки пиво варили.

Дѣфки пива варили,
Дѣфки—сычиная.
Вотъ и звали малатца,
Зазывали удальца
Какъ ва пиръ пиравать,
Ва бисѣдушку сидѣть.
Пасадили малатца,
Пасадили удальца
Протифъ вдовушки на скамъйѣ,
Протифъ красавицы на скамъйѣ.
Маладецъ вдавѣ чаломъ,—
Съ малатца шляпа далой:
„Ушъ ты, вдовушка, падай,
Раскрасавица, падай“!
—„Ни раба, сударь, твая,
Ни паслушаюсь тибя,
Ни паслушаюсь тибя,
Ни падамъ шляпу тибѣ“!

Пасадили малатца,
Пасадили удальца
Протифъ дѣвушки на скамъйѣ,
Протифъ красавицы на скамъйѣ.
Маладецъ дѣфки чаломъ,—
Съ малатца шляпа далой:
„Ушъ ты, дѣвушка, падай,
Раскрасавица, падай“!
—„Я—раба, сударь, твая,
Я паслушаюсь тибя,
Я паслушаюсь тибя,
Я падамъ шляпу тибѣ“!
Тута чесьть малатцу,
Тута чесьть удальцу.

Новокрещены кузнецкаго уѣзда; 2 августа 1898 года. Пѣсня встрѣчается также въ петровскомъ уѣздѣ.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Ой Дунай-ли, мой Дунай, сынъ Иванавичъ Дунай“.

Примѣчаніе 2. Пѣсня повторяется,—при повтореніи измѣняется конецъ пѣсни.

55. Заинька за головоньку.

Заинька за головоньку...
Да не куда заинькѣ выскочити,
Да не куда заинькѣ выпрыгнути:
Тутъ замочки все нѣмецкіе,
Тутъ замочки все турецкіе...
А ну, зайка, скокомъ, бокомъ
Передъ нашимъ хороводомъ обернись,
Да съ дивчиной обнимись!

Слобода Рыбушка саратовскаго уѣзда; 1 мая 1883 года.

Примѣчаніе. Пѣсня несомнѣнно великорусскаго происхожденія съ небольшою примѣсью мало-русскаго говора. Сравн. Жизнь и творчество крестьянъ харьковской губерніи, т. 1, стр. 277.

---

56. Разнорѣчіе этой нѣсни.

Заинька, заинька сѣринька!
Не куда заинькѣ выскочиты,
Да не куда сѣринькай выскочитэ:
Въ насъ городочки турецкіе,
И замочки нѣмецкіе...
Ну-ка, зайка, скокомъ, бокомъ
Передъ нашимъ караводомъ,
Ну-ка, зайка, повернись,
Молотчикамъ поклонись,
Ищей поцѣлуй.

Слобода Елань аткарскаго уѣзда; 15 іюня 1899 года.

---

57. Заинька, ты гдѣ побывалъ?

„Заинька, ты гдѣ пабывалъ?
Сѣринькай, ты гдѣ пабывалъ“?
—Былъ я, былъ я, пани мой,
Былъ я, былъ я, серца мой,
Ва садки—яблачки,
Ва зиленамъ ельнички.
„Заинька, ты чаво тамъ видалъ?
Сѣринькай, ты чаво тамъ видалъ“?
—Видилъ, видилъ, пани мой,
Видилъ, видилъ, серца мой,

Трехъ дѣвушыкъ харашыхъ,
Трехъ дѣвушыкъ пригажыхъ.
„Заинька, ты ихъ знаишъ: какъ завутъ?
Сѣринькай, ты ихъ знаишъ: какъ завутъ“?
—Знаю, знаю, пани мой,
Знаю, знаю, серца мой:
И Катюша, и Марюша,
Третья Дуня удала.
„Заинька, въ гости звали тибя?
Сѣринькай, въ гости звали тибя“?
—Звали, звали, пани мой,
Звали, звали, серца мой.
„Заинька, накармили тибя?
Сѣринькай, накармили тибя?
—Накармили, пани мой,
Накармили, серца мой:
Какъ Катюша калачомъ,
А Марюша пирагомъ,
Какъ и Дуня удала
Кашы съ масламъ падала.
„Заинька, напаили тибя?
Сѣринькай, напаили тибя“?
—Напаили, пани мой,
Напаили, серца мой:
А Катюша-та виномъ,
А Марюша-та пивомъ,
Какъ и Дуня удала
Стаканъ вотки падала.
„Заинька, спать-та клали тибя,
Сѣринькай, спать-та клали тибя?
—Клали, клали, пани мой,
Клали, клали, серца мой:
А Катюша на руку,
А Марюша на другу,
Какъ и Дуня удала
Пасиреть-та насъ лягла.
„Заинька, праважали тибя.
Сѣринькай, праважали тибя“?
—Праважали, пани мой,
Праважали, серца мой:,
Какъ Катюша да дьвирей,
А Марюша да синей,
Какъ и Дуня удала,
Са шырокава двара.
„Заинька, ни пабили тибя?
Сѣринькай, ни пабили тибя“?
—Били, били, пани мой,
Били, били, серца мой:

А Катюша качирьгой,
А Марюша памяломъ,
Какъ и Дуня удала
За усицы падрала.
„Заинька, ты вить плакалъ?
Сѣринькай, ты вить плакалъ“?
—Плакалъ, плакалъ, пани мой,
Плакалъ, плакалъ, серца мой:
И увы, увы, увы,
И увы, увы, увы.
„Заинька, ты-ба бижалъ,
Сѣринькай, ты-ба бижалъ“?
—Я бижать-та нюбижалъ
И утьтить-та ни ушолъ.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 17 іюня 1899 г. Пѣсня записана отъ крестьянки-старухи Софьи Андреевны Ѳеодуловой.

Примѣчаніе 1. Нюбижалъ=не убѣжалъ.

Примѣчаніе 2. Въ словѣ „гдѣ“ слышится чистый, гортанный звукъ: *г.*

---

58. Заплетись-ка плетень.

Заплитись-ка, плитень,
Завижысь-ка, плитень!
Я сама иду гуськомъ,
Сама сѣринькимъ,
Сирапѣгинькимъ.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 26 апрѣля 1899 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Пѣсню поютъ нѣсколько разъ на Благовѣщенье, Вербное воскресеніе и Пасху; подъ эту пѣсню заплетается и расплетается дѣвичій плетень,—въ послѣднемъ случаѣ слова: „заплитись, завижысь“ замѣняются другими: „расплитись, развижысь“.

---

59. Какъ за нашимъ за дворомъ.

Какъ за нашымъ за дваромъ,
За дваромъ,
Расла трава мурава,
Мурава;

На травыньки пава шла,
Пава шла;
За павай павлинъ идетъ,
Павлинъ, павлинъ идетъ,
Кричитъ: „пава ты мая.
Ты мая“!
—„А я, сударь, ни твая,
Ни твая“.
У барышни—золатца,
Золатца,
Цалуй сичасъ молатца,
Молатца,

Савинишнино петровскаго уѣзда; 15 ноября 1896 года.

Примѣчаніе. Нечетные стихи, а также 8-й стихъ поютъ 2 раза, четные стихи кромѣ 8-го стиха—4 раза. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборн., т. 1, стр. 440—441.

---

60. Какъ подъ лѣсомъ, подъ темнымъ.

Какъ падъ лѣсамъ падъ темнаимъ,
Шалкава трава,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Шалкава трава;
На травыньки—муравыньки
Зимчужна раса,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки
Зимчужна раса;
Хадилъ—гулялъ данской казакъ,
Ва скрыпку игралъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Ва скрыпку игралъ;
Глидѣлъ, сматрѣлъ данской казакъ
Нивѣсту сибѣ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Нивѣсту сибѣ:
„Харошая, пригожая,
Пайдемъ за миня,
Ой, ли, ой ли, ой люшыньки,
Пайдемъ за миня!
Несьть ни пойдишъ, спакаисьси,
Спамянишъ миня,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Спамянишъ миня“.

— Схади, спраси сасѣдушки:
Какофъ чилавѣкъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Какофъ чилавѣкъ?
— „Сасѣдушки, галубушки,
Какофъ чилавѣкъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Какофъ чилавѣкъ“?
— Онъ пъяница, прапоица,
Прапилъ самъ сибя,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Прапилъ самъ сибя!

Сорокинъ хуторъ петровскаго уѣзда; 8 іюля 1897 года. Пѣсня встрѣчается также въ Лопаткѣ и Зотовѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Эта пѣсня повторяется; при повтореніи послѣднее четырехстишіе замѣняется другимъ:—Онъ умница, разумница, умнѣ яво нѣтъ, ой ли, ой ли, ой люшыньки, умнѣ яво нѣтъ!

---

61. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Какъ падъ лѣсамъ, падъ лисочкамъ,
Шалкава трава,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Шалкава трава;
Хадилъ, гулялъ моладицъ,
Ва скрыпку игралъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Ва скрыпку игралъ;
Игралъ, игралъ ва скрыпачку,
Нивѣстъ вабиралъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Нивѣстъ вабиралъ;
Онъ выбралъ сибѣ нивѣсту,
Танку, васаку,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Танку, васаку,
Танехыньку, милехыньку,
Сабой харашу,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Сабой харашу:
„Харошая, пригожая,
Пайди за миня,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Пайди за миня!

Ни пайдешъ ты, спакаисьси,
Вспамянишъ миня,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Вспамянишъ миня".

Дьячевка петровскаго уѣзда; 27 января 1897 г.

Примѣчаніе. Сравн. черногорскихъ, индусскихъ и тибетскихъ красавицъ: 1) высока, тонка, какъ ель, бѣла, какъ горная вила (черногорка. А. Поповъ), 2) тонка—ладонью обнять (индусска. И. Минаевъ), 3) тонка—что разрѣзанный огурецъ (тибетка. И. Минаевъ).

---

62. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Какъ падъ дубамъ падъ сырымъ,
Шолкава трава,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки
Шолкава трава;
Па той травѣ данской казакъ
Гуслицы игралъ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Гуслицы игралъ;
Хадилъ, сматрѣлъ данской казакъ
Нивѣсту сибѣ,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Нивѣсту сибѣ.
Тутъ хадила, выступала
Красна дѣвушка,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Красна дѣвушка,
Танешынька, билешынька
Сабой хараша,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Сабой хараша.
Харошая, пригожая,
Пади за миня,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Пади за миня!
Йесьть ни пойдишъ, спакаисьси,
Спамянишъ миня,
Ой ли, ой ли, ой люшыньки,
Спамянишъ миня.

Павловка петровскаго уѣзда; 21 мая 1900 года.

---

63. Какъ по морю, морю синему.

Какъ по марю,
Какъ по марю, морю синяму
Плыла стая,
Плыла стая либидиная;
Ва той стаи,
Въ этай стаи либедушка бѣлая....
— Дѣ не взилси,
Дѣ не взилси млатъ йисенъ саколъ,
Убилъ, ушыпъ,
Убилъ, ушыпъ либедушку бѣлаю.
Онъ перашки,
Онъ перашки па дубровушки,
А мелкай пухъ,
Онъ мелкай пухъ па чисту полю!

Збиралися,
Збиралися красны дѣвушки
Збирать пушокъ,
Збирать пушокъ ва падушычки,
А мелкай пухъ,
А мелкай пухъ ва пиринушки....
— Дѣ не взилси,
Дѣ не взилси добрай моладицъ:
Бохъ—помачь вамъ,
Бохъ—помачь вамъ, красны дѣвушки!
Да фсѣ дѣфки,
Да фсѣ дѣвушки паклонились;
Адна дѣфка,
Адна дѣфка ни паклонилась.
Гразилъ паринь,
Гразилъ паринь краснай дѣвушки:
„Дабро, дѣфка,
Дабро, дѣфка, дабро, красная!
Вазьму тибя,
Вазьму тибя за сибя за мушъ;
Настоисьси,
Настоисьси у кравати у майей;
Надоржысьси,
Надоржысьси шалкавую плеть;
Наронисьси,
Наронисьси гарючіихъ слесъ;
Напросисьси,
Напросисьси къ атцу съ матирью“!

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 14 января 1895 года. Пѣсня встрѣчается также въ

Ближней Березовкѣ, Савинишнинѣ и Сорокинѣ хуторѣ.

Примѣчаніе 1. Разнорѣчіе 2 стиха: „Какъ по марю, морю Каспійскаму (Савинишнино)".

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 6 стиха: „Ва стоюшки либедушка бѣлая (Савинищнино)".

Примѣчаніе 3. Разнорѣчіе 8 стиха: „Дѣ не взилси разъйисенъ саколъ (Савинишнино)".

Примѣчаніе 4. Разнорѣчіе 39 и 40 стиховъ: „Нарюнисьси, нарюнисьси, гарючихъ слесъ",—*рюнить*—плакать, *нарюнисьси*—наплачешься.

Примѣчаніе 5. Всѣ стихи повторяются. Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, 436—438 стр.

---

64. Какъ по рѣкѣ, рѣкѣ, рѣкѣ.

Какъ па рѣки, рѣки, рѣки
Вдоль быстрой рики
Тутъ плыветъ-жа, ваплываитъ
Зиленай садокъ.
Какъ ва садики гуляитъ
Удалъ маладецъ;
Онъ и чешытъ сваи кудри,
Онъ и чешытъ сваи русы
Частымъ грибишкомъ;
Онъ ачосачки брасаитъ
Ва быстру ряку:
„Вы плывити-ка ачоски
Вдоль быстрой рики,
Штаба васъ, маи ачоски,
Саколъ ни пымалъ,
Какъ саколъ-атъ ни пымалъ,
Гнязда ни свивалъ,
Какъ гнязда-та ни свивалъ,
Дитей ни вадилъ,
Какъ дитей-та ни вадилъ,
Миня ни сушылъ,
Какъ миня-та ни сушылъ,
Серца ни крушылъ".
— Какъ и братицъ-та ка брату
Въ гости прихадилъ,
Какъ онъ въ гости прихадилъ,
Каня папрасилъ:
„Ты пажалай-ка, братицъ
Пажалай каня,

Пажалай-ка коня
Съйѣхать да двара;
Прамижду насъ съ табой, братицъ,
Дьвѣ люты зьміи,
Ани ссорютца, бранятца,
Урякаютца".

Салтыково сердобскаго уѣзда; 29 августа 1897 года. Пѣсня встрѣчается также въ Новокрещенахъ кузнецкаго уѣзда.

Примѣчаніе. Всѣ стихи кромѣ 1, 7, 8 и послѣдняго повторяются.

---

65. Какъ по рѣчкѣ, рѣчушкѣ.

Какъ па рѣчки, рѣчушки
Плыли сѣры утушки.
Какъ утица къ селизню,
Какъ сѣрая къ сѣраму
Галовушку клонила.
А мнѣ маладешыньки,
А мнѣ зилинешыньки,
Прикланить-та не хъ каму.
Прикланю галовушку,
Прикланю я буйнаю
Ка свекару батюшки,
Ка свякрови матушки,—
Галофка ни клонитца,
Серца ни варотитца.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 16 мая 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ Языковѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Разнорѣчіе 5 стиха „Головушку клонити".

Примѣчаніе 2. 1, 2, 5, 8, 13 и 14 стихи повторяются.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 399 стр.

---

66. Какъ по травкѣ.

Какъ па трафки
Ищо па мурафки,
Ой люшыньки, люли,
Ищо па мурафки
Ходитъ,ваступаитъ
Удалай малотчикъ,
Ой люшыньки, люли,
Удалай малотчикъ,
Кличитъ, вакликаитъ
Краснаю дивицу,
Ой люшыньки, люли,
Краснаю дивицу:
„Поть суды, дивица,
Са мной пабарися,
Ой люшыньки, люли,
Са мной пабарися“!
— Какъ дѣвица молатцу
Ана гаварила,
Ой люшыньки, люли,
Ана гаварила:
„Я тибя, малотчикъ,
Я те прибищещу,
Ой люшыньки, люли,
Я те прибищещу,
Да я при фсѣмъ мири,
Ищо при народи,
Ой люшыньки, люли,
Ищо при народи,
При бальшымъ при дѣвичьимъ
Да я караводи,
Ой люшыньки, люли,
Да я караводи“.—
— Какъ дѣвица молатца
Ана пабарола,
Ой люшыньки, люли,
Ана пабарола,
Чорнаю шляпу
Зъ галовушки сшыбла,
Ой люшыньки, люли,
Зъ галовушки сшыбла,
Русыя кудерушки
Ана сталачила,
Ой люшыньки, люли,
Ана сталачила.
— Пашолъ, пашолъ моладицъ,
Залилси, заплакалъ,

Ой люшыньки, люли,
Залилси, заплакалъ:
„На горюшка мамынька
Миня зарадила,
Ой люшыньки, люли,
Миня зарадила,
Горькими участки
Миня надилила,
Ой люшыньки, люли,
Миня надилила".

Савинишнино петровскаго уѣзда: 4 ноября 1896 года Пѣсня встрѣчается также въ Сорокинѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 439—440 стр.

---

67. Какъ по травкѣ, по муравкѣ.

Какъ па трафки, па мурафки,
Лады маи, лады, па мурафки,
Здѣся моладицъ гуляитъ,
Лады маи, лады, онъ гуляитъ,
Ва гуселицы играитъ.
Лады маи, лады, онъ играитъ.
А барашня танцавала,
Лады маи, лады, танцавала,
Танцавала, пріустала,
Лады маи, лады, пріустала,
Пріустала, пріусѣла.
Лады маи, лады, пріусѣла
Ка молатцу на калѣни,
Лады маи, лады, на калѣни,
Ка удаламу падъ гусельцы,
Лады маи, лады, падъ гусельцы,
Падъ гуслями пріуснула,
Лады маи, лады, пріуснула
Маладецъ въ гусли играитъ,
Лады маи, лады, онъ играитъ,
А барашню разбуждаитъ,
Лады маи, лады, разбуждаитъ:
„Фстань, праснися, дѣвица,
Лады маи, лады, дѣвица!
Твая мать-та прихадила,
Лады маи, лады, прихадила,
Шылкаву плеть принасила,
Лады маи, лады, принасила".

— Мая мать-та ни чужая,
Лады маи, лады, ни чужая:
Журитъ, бранитъ, пиристанитъ,
Лады маи, лады, пиристанитъ,
Пиристанитъ, бить ни станитъ,
Лады маи, лады, бить ни станитъ.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 28 января 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ Савинишнинѣ и Сорокинѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Всѣ стихи повторяются.

---

68. Какъ трава трепета ко лугу-ту прилегла.

Какъ трава трипята ка лугу-ту прилягла;
Какъ па тою па травѣ ходитъ красна дѣвица;
Какъ за нею ходитъ, за ней ходитъ старичокъ;
Онъ за нею носитъ, за ней носитъ башмачки,
Онъ за нею носитъ чорны сафъяныя.
„Ты душа, красна дѣвица, аглинися на миня,
Аглинися на миня, на старава старика,
Ты прими башмачки чорны сафъяныя“.
— Ни глянусь на тибя, на старава старика,
Ни приму башмачки чорны сафъяныя.

Какъ трава трипята ка лугу-ту прилягла;
Какъ па тою па травѣ ходитъ красна дѣвица;
Какъ за нею ходитъ, за ней ходитъ моладицъ;
Онъ за нею носитъ, за ней носитъ башмачки,
Онъ за нею носитъ красны сафъяныя.
„Ты душа, красна дѣвица, аглинися на миня,
Аглинися на миня, на добрава молатца,
Ты прими башмачки красны сафъяныя“.
— Аглянусь на тибя на добрава молатца,
Я приму башмачки красны сафъяныя.

Кутьино петровскаго уѣзда; 24 января 1899 года.

Примѣчаніе. Всѣ стихи повторяются.

---

69. Какъ у насъ, братцы, въ лужкахъ.

Какъ у насъ, братцы, въ лушкахъ
Да разливалася вада,
Вота лю... я... люли, палюли,
Да разливалася вада,
Разливалася вада
Ды расстилалася трава,
Вота лю... я... люли, палюли,
Расстилалася трава (2),
Ды чья дѣвушка хараша,
Вота лю... я... люли, палюли,
Чья дѣвушка хараша?
Чьяво роду, чьяво дому,
Какъ па ими іе завутъ,
Вота лю... я... люли, палюли,
Какъ па ими іе завутъ?
— Мае имя Катирина
Маскофскава купца дочь,
Вота лю .. я... люли, палюли,
Маскофскава купца дочь,
Маскофскава купца дочь,
Да атайди малотчикъ прочь,
Вота лю... я... люли, палюли,
Атайди малотчикъ прочь,
Атайди малотчикъ прочь:
Гаварить съ табой ни въ мочь,
Вота лю... я... люли, палюли
Гаварить съ табой ни въ мочь!

Салтыково сердобскаго уѣзда; 2 января 1898 года.

Примѣчаніе. Въ рукописномъ сборникѣ Н. А. Разумовскаго встрѣчается подобная же хороводная пѣсня, записанная отъ крестьянки дмитровскаго уѣзда московской губ.: „По лугамъ, по лугамъ по зелененькіимъ разливалася вада, разстилалася трава, разсвѣталися свѣты, всѣ дѣвченки хороши. Одна дѣвка лучше всѣхъ, въ косѣ лента ширше всѣхъ, въ короводъ гулять пошла, у молодца серце зажгла: „Чьего роду, чьего дому, какъ по имени назвать? Мое имя—Катерина, московскаго купца дочь; отойди, молодчикъ, прочь: говорить съ тобой не въ мочь“.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 441 стр.

70. Костромушка, Кострома.

Кастромушка, Кыстрама
Пайѣхала въ истрава,
Зыцыпила зы пинекъ,
Прастаяла весь динекъ!
Давай, кума, шерести
Полысти валяти,
Куму адяѣвати
На шолквый кравати!

Терса аткарскаго уѣзда; 18 февраля 1900 года.

Примѣчаніе. Эту пѣсню поютъ на Благовѣщеніе и Вербное воскресеніе.—Въ петровскомъ уѣздѣ Кострома превращается въ мордовушку: „Мардовушка, Мардава, пайѣхала па драва, зацыпила за пинекъ, сама рубитъ и сикетъ“...

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 251 стр.

---

71. Мы пойдемъ съ тобой, сестрица.

Мы пайдемъ съ табой, систрица,
Ва Китай горатъ гуляти,
Де бы швечика сыскати,
Мастярочка пасматрити?
Ты здарова живешъ, швечикъ,
Ты здарова мастярочикъ!
Ты сашейка намъ адежу,
Къ Питраву дню абнову,
Ты сашей-ка намъ, ни спорти!
Паглидити-ка, падрушки:
Хараша-ль на мнѣ адежа,
Къ Питраву диньку абнова?
Ни спасиба тибѣ, швечикъ,
Ни спасиба, мастярочикъ:
Ты сашылъ намъ, испортилъ!

Кутьино петровскаго уѣзда; 24 января 1899 года.

Примѣчаніе. Послѣ каждаго стиха припѣвъ: „калина, малина“.

---

72. Наварю я пива.

Наварю я пива,
Зиленава вина,
Ладу, ладо, ладо,
Зиленава вина.
А што у насъ будитъ
Въ этимъ пиви,
Ладу, ладо, ладо,
Въ этимъ пиви?
— А мы въ этимъ пиви
Да фсѣ мы пасядимъ
Ладу, ладо, ладо,
Да фсѣ мы пасядимъ.

— А мы въ этимъ пиви
Да фсѣ-та паляжымъ,
Ладу, ладо, ладо,
Да фсѣ-та паляжымъ.

— А мы въ этимъ пиви
Да фсѣ-та пафстанимъ,
Ладу, ладо, ладо,
Да фсѣ-та пафстанимъ.

—А мы въ этимъ пиви
А фсѣ разайдемси,
Ладу, ладо, ладо,
А фсѣ разайдемси.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 17 іюня 1899 года.

Примѣчаніе. Пѣсня повторяется 3 раза, при этомъ измѣняется только послѣднее четырехстишіе.

---

73. На улицѣ дождичекъ поливаетъ.

На улицы дожьжичикъ паливаитъ,
Тута диди-ладу паливаитъ,
Фъ караводи дѣвушыкъ прибываютъ,
Тута диди-ладу прибываютъ.
Скачити, плишыти вы красныя дѣфки,
Тута диди-ладу красны дѣфки!
Малодушки, ни глидити,
Тута диди-ладу ни глидити,

Ни глидити, ни грустити,
Тута диди-ладу ни грустити!

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 1 іюля 1896 года.

---

74. Около городу царь ходитъ.

Окалъ гораду царь ходитъ,
Онъ царицу сваю ищитъ:
Ни видали-ли вы царевну?
— Мы видать-та ни видали,
Мы слыхать-та ни слыхали.
Сиреть гораду стаяла,
Шылкавымъ платкомъ махала,
Залатымъ перстнямъ сьвитила.
Растваряйтися вароты,
Растваряйтись-ка пашыри,
Пацайди-ка, царь, паближы,
Пакланись, сударь, панижы,
Ты вазьми йіе за ручку,
Павиди крукъ гарадочку,
Паснави йіе на мѣста,
Пацалуйтись, памилуйтись!

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 23 декабря 1895 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сорокинѣ хуторѣ.

Примѣчаніе 1. Въ Сорокинѣ хуторѣ 6, 7 и 8 стихи замѣняются другими: „Сридѣ гораду стаяла, зилянымъ вянкомъ махала, залатымъ кальцомъ сіяла“.

Примѣчаніе 2. Припѣвъ послѣ каждаго стиха „да ихирь, да ихирь“.

Сравн. Жизнь и творчество крестьянъ харьков. губ. 483 стр. 1 тома.

---

75. Ой горе мое, гореваньице мое.

Ой горя мае, гаряваньица мае!
У миня-ли младой старай мушъ:
Онъ рассукинъ сынъ ни сможытъ рабатать,
Рассабачій сынъ ни умритъ отъ миня.
Миня моладу паить-кармить каму,
Душу ягаду любить, любить?

Малая Сердоба петровскаго уѣзда; 14 февраля 1898 года. Пѣсня встрѣчается также въ Грачевѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Сравн. П. Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. 57—58 стр.

---

76. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Охъ, то-та горя-та мае, гаряванья,
Эхъ, расчижолая мае ваздыханья!
Эхъ, какъ старикъ майей кумушки ни можытъ,
Рабатать онъ, душа ягада, ни хочитъ,
Ва пастелюшку онъ, старай, лажылси...

Сосновка петровскаго уѣзда; 19 іюля 1896 года.

Примѣчаніе. Припѣвъ послѣ каждаго стиха: „да ихирь, да ихирь“.

---

77. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Вы сасѣды, сасѣды маи,
Вы сасѣды рассужыныя!
Рассудити са жаной у миня,
Рассудити са душой у миня:
Какъ старикъ-та ни любитъ миня,
Рабатать-та ни сможытъ у миня!

Дьячевка петровскаго уѣзда; 28 марта 1897 года.

Примѣчаніе. Содержаніе пѣсни драматизируется, т.-е. воспроизводится въ дѣйствіи; на слова старухи: „Старикъ, вить люди-та пашутъ!“ старикъ отвѣчаетъ: „Мочи нѣтъ!“.

---

78. Третье разнорѣчіе этой пѣсни.

Ушъ вы, люди, люди добрыя майѣ,
Вы сасѣды приближонаи майѣ!
Вы падумайти майей галавѣ,
Присавѣтвайти мнѣ маладѣ:
Какъ старикъ-та умираитъ у миня,
Онъ паить, кармить ни хочитъ миня,
Рабатать-та ни сможытъ на миня.

Пестравка петровскаго уѣзда; 3 января 1899 года.

Примѣчаніе. Эта пѣсня хороводная и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая.

---

79. Пойду-ли я.

Пайду-ли я (2)
Па солнашку,
Па ведрашку,
Наймусь я (2)
Громъ грамавити,
По лугу гуляти,
Барину служыти,
Грушыцу садити.
Буть мая грушыца
Эдакая,
Фсе вотъ эдакая!

Ближняя Березовка петровскаго уѣзда; 19 апрѣля 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ петровскаго уѣзда: Кутьинѣ, Лопаткѣ, Барской Каневкѣ, Сосновкѣ, Зотовѣ и Хомяковѣ хуторахъ.

Примѣчаніе. Эта пѣсня—хороводная—плясовая,—повторяется два раза; при пѣніи словъ: „Буть мая грушыца эдакая, фсе вотъ эдакая“ дѣвки поднимаютъ руки,—парней совсѣмъ нѣтъ.

---

80. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Пайду-ли я
Па солнашку,
Пайду-ли я
Па ведрашку,—
Наймусь я
Гримъ гримавати,
По лугу служыти,
Грушыцу садити.
Буть мая грушыца
Эдакая
И вутъ эдакая!

Савинишнино петровскаго уѣзда; 4 ноября 1896 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сорокинѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Разнорѣчіе шестого стиха въ Сорокинѣ хуторѣ: „Громъ гримавати“.

---

81. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Хажу-ль я
Па солнашку,
Хажу-ль я
Па ведрашку:
Громъ грамавати,
Въ горади стаяти,
Барышни служыти,
Грушыцу садити.
Расти мая грушыца
Вотъ эдакая!

Павловка петровскаго уѣзда; 21 мая 1900 года.

---

82. При долинѣ ленъ.

При далини ленъ
При шырокай ленъ
Высокъ вырастаитъ, (2)
Высокъ вырастаитъ,
Вѣтрамъ раздуваитъ, (2)
Вѣтрамъ раздуваитъ,
Къ зимлѣ прикланяитъ. (2)
Што-жа ты, малотка,
Што-жа, маладая
Нивесила ходишъ,
Нисмило ступаишъ?
Али те, малотка,
Али те, маладая,
Свекаръ худа любитъ? (2)
Добрыя люди! (2)
Што вы гаварити, (2)
Што вы гаварити,
Ниправду судити? (2)
— У миня свекаръ (2)
— Батюшка радимай, (2)
Журитъ—бранитъ дома, (2)
Въ люди выдитъ, хвалитъ: (2).
У миня снаха (2)
— Дочинька радима. (2)

Пѣсню поютъ три раза; во второй разъ измѣняются 14, 19 и 20 стихи: 14 стихъ: „Свикрофь худа любитъ“, 19 и 20 стихи „у миня свикрофь—матушка радима“. Въ третій разъ 14 стихъ поютъ на счетъ мужа „Мушъ-атъ худа любитъ“; затѣмъ пѣсня заканчивается совсѣмъ иначе:

Добрыя люди! (2)
Што вы гаварити (2)
Што вы гаварити,
Фсе правду судити? (2)
— У миня мушъ-атъ, (2)
Зьмія падкалодна, (2)
Шыпитъ, ни укуситъ, (2),
Къ сибѣ ни патпуститъ, (2)
Къ сибѣ ни патпуститъ,
На ульцу ни пуститъ. (2)

Новокрещены кузнецкаго уѣзда; 4 августа 1898 года.

---

83. Рябина, рябинушка.

Рибина, рибинушка,
Рибина кудрявая,
Ой люли, ой люли,
Рибина кудрявая,
Рибина кудрявая,
Ищо кучирявая,
Ой люли, ой люли,
Ищо кучирявая!
Какъ тибѣ ни скучитца
Фъ темнымъ лису стоючи,
Ой люли, ой люли,
Фъ темнымъ лису стоючи,
Фъ темнымъ лису стоючи,
На темнай лѣсъ глядючи,
Ой люли, ой люли,
На темнай лѣсъ глядючи?

Дѣвушки падружыньки,
Придити пасидити,
Ой люли, ой люли,
Придити пасидити,
Придити пасидити
Думушку падумати,
Ой люли, ой люли,
Думушку падумати:
Какъ мнѣ ни скучитца
За старинькимъ жывучи,
Ой люли, ой люли,
За старинькимъ жывучи,
За старинькимъ жывучи,
На старыва глядючи,

Ой люли, ой люли,
На старыва глядючи?
— На старыва глядючи,
Пайду въ зиленъ сатъ гулять,
Ой люли, ой люли,
Пайду въ зиленъ сатъ гулять;
Пайду въ зиленъ сатъ гулять,
Нарву хмелю ярыва,
Ой люли, ой люли,
Нарву хмелю ярыва;
Нарву хмелю ярыва,
Наварю пива пъянывa,
Ой люли, ой люли,
Наварю пива пъянывa;
Наварю пива пъянывa,
Напаю мужа старыва,
Ой люли, ой люли,
Напаю мужа старыва;
Напаю мужа старыва,
Палажу сиреть двара,
Ой люли, ой люли,
Палажу сиреть двара;
Палажу сиреть двара,
Накрою саломкаю,
Ой люли, ой люли,
Накрою саломкаю;
Накрою саломкаю,
Падлажу агонькаю
Ой люли, ой люли,
Падлажу агонькаю,
Падлажу агонькаю,
Выду я на улицу,
Ой люли, ой люли,
Выду я на улицу;
Выду я на улицу,
Скажу: мужа громъ убилъ,
Ой люли, ой люли,
Скажу мужа громъ убилъ!

Безводное петровскаго уѣзда; 11 октября 1897 года.

Примѣчаніе. Пѣсня занесена въ Безводное изъ новокузнецкаго уѣзда самарской губерніи (Карпенки).

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 381—382 стр.

84. Селезень мой.

Ахъ, силизень мой,
Ахъ, силизень мой,
Силизень мой систай, систай,
Силизень мой галасистай!
Ахъ, паплыви въ лѣсъ,
Паплыви въ лѣсъ вдоль Дунаю,
Ахъ, я дѣвачка,
Я, дѣвачка, пагуляю....
Ахъ, сять падъ грушай,
Сять падъ грушай, самъ паслушай:
Ахъ, какъ старыя,
Какъ старыя бабы пляшутъ!
Ахъ, ани эдакъ,
Ани эдакъ и вутъ эдакъ:
Ахъ, сатулимшы,
Сатулимшы, сгарбатимшы!

— Ахъ, какъ маладыя,
Какъ маладыя бабы пляшутъ!
Ахъ, ани эдакъ,
Ани эдакъ и вутъ эдакъ:
Ахъ, паджалъ ручки,
Паджалъ ручки патъ падмышки!

Кутьино Петровскаго уѣзда; 17 февраля 1897 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ, Хомяковѣ и Дрямовѣ (Антиповкѣ) хуторахъ.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня хороводная и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая.

Примѣчаніе 2. Пѣсня повторяется; при повтореніи измѣняются послѣдніе шесть стиховъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи, начиная съ 5, повторяются; междометіе „Ахъ“ можетъ замѣняться другимъ „Охъ“.

---

85. Разнорѣчіе этой пѣсни.

Силизенька,
Силизенька маладенька!
Паплыви-ка,
Паплыви-ка внизъ Дунаю;
Внизъ Дунаю,
Внизъ Дунаю пагуляю....
Стань падъ грушай,
Стань падъ грушай, да паслушай:
Какъ турдакски,

Какъ турдакски дѣфки пляшутъ!
Ани эдыкъ,
Ани эдыкъ, фсе вотъ эдыкъ:
Прижмя ручку,
Прижмя ручку ка сирдечку,
Сатуляся,
Сатуляся, сагарбяся!

Какъ трескински,
Какъ трескински дѣфки пляшутъ!
Ани эдыкъ,
Ани эдыкъ, и вотъ эдыкъ:
Спадня ручку,
Спадня ручку на галофку.

Трескино кузнецкаго уѣзда; 30 іюля 1899 года.

Примѣчаніе. Пѣсня повторяется съ измѣненіемъ послѣднихъ стиховъ; всѣ стихи поютъ 2 раза.

---

86. Со зореньки снѣгъ упалъ.

Са зориньки снѣкъ упалъ,
Са зориньки снѣкъ упалъ;
Са зориньки снѣкъ упалъ,
Са каня Вася упалъ;
Онъ упалъ да лижытъ,
Нихто къ няму ни бижытъ.
Какъ барыня увидала,
Скарехынька падбижала,
Скарехынька падбижала
За бялы руки хватала,
За бялы руки хватала,
На каня Васю сажала,
На каня Васю сажала,
Чорну шляпу надявала,
Чорну шляпу надявала,
Фсе приказавала:
„Ты пайѣдишъ, мой милой,
На чужуя сторану!
На чужою дальняй старонки
Тамъ дифчонки харашы,

Тамъ дифчонки харашы,
Разлапушки пригажы"!

Салтыково сердобскаго уѣзда; 29 августа 1897 года.

Примѣчаніе 1. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Калиныка мая, ды малиныка мая".

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 1 стиха: „На зоринькѣ снѣкъ выпалъ".

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 42—43, 232 стр.; П. Шейнъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни. 51 стр.

---

87. Туманъ ходитъ по долинѣ.

Туманъ ходитъ па далини, (2)
Шырокай листъ на малини; (2)
Йесьть пашыри на дубочки,— (2)
Тамъ варкуютъ галубочки,
Тамъ варкуютъ сизакрылы!
Голупь галубушку манитъ, (2)
Паринь дифчоначку кличитъ,
Паринь раскраснаю кличитъ:
„Пади дѣфка, пади красна, (2)
Пади я те пацалую!" (2)
— Чомъ те чужую цалавати, (2)
Свая будитъ гарявати,
Свая будитъ гарявать!
— Ни плачь дѣфка, ни плачь красна: (2)
Самъ я холастъ, нижанатай,
Самъ я холастъ нижанатъ!
Вясной вздумаю жынитца, (2)
Прашу миласти на свадьбу; (2)
Какъ у насъ съ табой на свадьби (2)
Многа пива и вина-ли,
Многа пива и вина!
— Эта пива намъ ни дива, (2)
Дивнехыньки тваи рѣчи: (2)
Твая матушка—зладѣйка, (2)
Сястра твая—лихадѣйка, (2)
Тваи братьи—разлушнички; (2)
Разлучаютъ насъ съ табою,
Разлучаютъ насъ съ табой,
Бѣлу рыбицу са вадою,
Бѣлу рыбицу са вадой!
Бѣла рыпка па пясочку, (2)
А я млада па лясочку,

А я млада па тямному;
Бѣла рыпка па Дунаю,
А я млада пагуляю,
Щука ды рыба съ карасями,
А я млада съ малатцами,
А я млада съ удалыми!

Малая Сердоба петровскаго уѣзда; 14 февраля 1898 года.

Примѣчаніе 1. Настоящая пѣсня—разнорѣчіе къ хороводной пѣснѣ за № 364, помѣщенной въ „Великоруссѣ“ П. В. Шейна (т. 1, вып. 1, 71 стр.).

Примѣчаніе 2. 14 іюля 1899 года я записалъ отъ крестьянина—малорусса слободы Елани аткарскаго уѣзда Павла Матвѣевича Чайкина подобную-же малорусскую пѣсню: „Туманъ, туманъ по долыни, шырокый лыстъ на ялыни; а ще шырший на дубочку, понявъ голубъ голубочку, хочь не свою, та чужую: „Прыйды, мыла, поцилую!“—На що-жъ чужу цилуваты, своей жалю завдаваты?... Тэче ричка лизонькамы, плаче мыла слизонькамы.—Не плачъ, мыла, не журися: я ще молодъ, не женывся; якъ буду я свататься, прыды, мыла, радытыся!—Якъ буду я замишъ иты, прыды, мылый, пива питы; якъ буду я винчатыся, прыды, мылый, прощатыся; якъ стану я на рушничку, подай, мылый, билу ручку“.

Примѣчаніе 3. *Чомъ* (11 ст.)=молорусс. *чомъ*, *на що-жъ*=общерусс. зачѣмъ.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 426 стр.

---

88. Ужь вы полно-те, ребята, чужо пиво пити.

Ушъ вы полна-ти, рабяты, чужо пива пити;
Ни пара-ли вамъ, рабяты, свае завадити?
— У насъ фсе, братцы, гатова, да фсе припасена:
У насъ солад'атъ на 'вини, драва ва далини,
Ва далини, ва далини, хмилекъ на тычини,
На тычини, на тычини, на самай виршыни;
Виршынушка гнетца, гнетца, хмилекъ вышы вьетца;
Вилси, вилси, апустилси на мать сыру землю;
Сыра зимля ни примаитъ, вѣтрамъ раздуваитъ.
Вы пайдемъ-ти-ка, рабяты, хмилекъ сабирати,
Хмилекъ, хмилекъ сабирати, брашку затирати.
Какъ са этава са пива галовушку больна:
Балитъ, балитъ галовушка да самава мозгу,
Ноитъ, ноитъ сердечушка ноитъ ритивоя;
Пайду съ горя утаплюся съ калинава мосту.

— Ни тапися, ни дався, удалай малотчикъ:
Сваю душыньку пагубишъ, самъ въ раю ни будишъ.
— Ты, размилинька дифчонка, мая расхароша!
Случья будитъ фъ Питиръ йѣхать, куплю два падарка,
Я такія дарагія: кумачь да китайку.
— Кумачу я ни хачу, китайку ни нада.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 2 ноября 1895 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ и Ближней Березовкѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Разнорѣчіе 15 стиха: „Пайду, брошусь утаплюся съ калинава мосту".

Примѣчаніе 2. Разнорѣчіе 16 стиха: „ни тапися, ни дався, бѣлъ кудряфъ мальчишка".

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

89. Разнорѣчіе этой пѣсни.

Ни полна ли намъ, рибяты, чужо пива пити;
Ни пара-ли намъ рибяты свае завадити?
У насъ фсе, братцы, гатова, да фсе припасена:
У насъ солад'атъ ва'вини, вада ва далини,
Вада, вада ва далини, хмилекъ на тычини,
На тычини, на тычини, на самай виршыни;
Тычинушка гнетца, гнетца, хмилекъ вышы вьетца;
Тычинушка абламилась, хмилекъ апустилси,
Апустилси, абламилси на мать сыру землю,
На матушку сыру землю, на шалкову трафку.
Тамъ дифчоначки гуляли, хмилекъ сабирали,
Хмилекъ, хмилекъ сабирали, пива завадили.
Какъ са этава са пива галава балитъ...

. . . . . .

Пестравка петровскаго уѣзда; 3 января 1899 года.

Примѣчаніе 1. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

Примѣчаніе 2. Обѣ выше приведенныя пѣсни можно сравнить съ хороводными П. В. Шейна: № 422—424 (Великоруссъ, т. 1, вып 1, 94—95 стр.), но въ петровскомъ уѣздѣ это плясовыя пѣсни,—употребительны главнымъ образомъ на свадьбахъ.

Примѣчаніе 3. Въ рукописномъ сборникѣ Н. А. Разумовскаго встрѣчается подобная же пѣсня, записанная отъ крестьянки дмитровскаго уѣзда московской губерніи: „Ма-

ша въ рощицѣ гуляла, ягодки сбирала. Невзначай нашей Машонкѣ молодчикъ попался; онъ попался, попадался, за рученьку брался, правой рученькой за ручку, лѣвой за другую. Ухватились ручкой съ ручкой, пошли въ лѣсочекъ. Ужъ мы сѣли, пасидѣли, пѣсенокъ попѣли; ужь мы сѣли, пасидѣли, легли--палежали, оба задрожали. Ужь мы встали, утряхнулись, собой усмѣхнулись. Дѣвка парню въ грудь толкала, во глаза ругала: „Ты, разбестія Ванюша, отойди подалѣ, уйди далѣ, што-бы люди не видали!“ Полно, полно вамъ, робята, чужо пиво пить; не пора-ли холостымъ свово наварить?—Мы-бы ради хоть-бы браги, у насъ солоду нѣтъ: у насъ солодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ; тычинушка къ низу гнется, а хмель выше вьется: опустился, обломился на мать сыру землю, на матушку сыру землю, на шелкову травку“!

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. 1, 250 стр.

---

90. Ужъ ты миленькій мой, расхорошенькій мой.

Ушъ ты милинькай мой, расхорошынькай мой!
Фсѣ говорютъ пра тибя, бытта ты любишъ миня.
Я любить-та ни люблю,—любить стану тибя;
Съ тово времичка люблю, какъ гуляли съ тобою,
Какъ гуляли, праклаждались, колечушкамъ поминялись.
Ни за то-ль миня колечка стала мамынька бранить,
Стала мамынька бранить, гасударыня журить.
Сударыня моя мать, тибѣ-жъ миня ни унять,
Тибѣ миня ни унять фсе съ милинькимъ пагулять!
— Ушъ ты, мила моя дочь, ходи гуляй кажню ночь,
Ходи гуляй кажню ночь, ни прогуливай полночь!
Ни дивую на тибя: я сама така была,
Я сама така была, фсе въ дѣвушкахъ гуляла,
Фсе въ дѣвушкахъ гуляла, сибѣ друшка нажыла,
Сибѣ друшка нажыла, фсе Ванюшу сакала.
Ты Ванюша сокалъ мой, поглянулси разумъ твой,
Поглянулси разумъ твой, весь убычикъ дорогой:
Походычка павлина, паговорка либидина,
Милай ходитъ выступатъ, рѣчь говоритъ рассыпатъ.
Я по трафки шла, по мурафки шла,
На песочикъ взашла, на бѣлъ камишыкъ ступила,
На бѣлъ камишыкъ ступила, сафъянъ бошмакъ падломила,
Сафъянъ бошмакъ падломила, бѣлъ чулочикъ замочила.
Мнѣ ни жалка башмачка, жалка бѣлава чулка,
Жалка бѣлава чулка, да любезнава друшка.

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Пѣсня занесена въ Турдаки изъ тю-

калинскаго уѣзда тобольской губерніи (д. Каспиль Нашбинской волости).

Примѣчаніе 2. *Убычикъ*=обычай.

Примѣчаніе 3. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

91. Ужъ ты садъ-ли, мой садочекъ.

Ушъ ты сатъ-ли, мой садочикъ,
Сатъ зиленай, винограднай,
Винограднай, нинагляднай!
Каба этатъ былъ садочикъ
У батюшки ва гароди,
У матушки падъ акошкамъ,
Падъ окошкамъ, патъ чуланнамъ,
Патъ чуланнамъ, патъ хрустальнамъ,—
Я ба знала, чѣмъ палити,
Чѣмъ палити, чѣмъ пакрыти:
Палила-ба я вадою
Я вадою ключавою,
Я пакрыла-ба парчою,
Я парчою галубою!
Тотъ дуракъ жыветъ на сьвѣти,
Хто жанатава любитъ:
Какъ жанатай-та насмѣшникъ
Съ краснай дѣфкай павадилси,
Павадилси, разбранилси,
Разашолси, ни прастилси!

Огаревка петровскаго уѣзда; 17 іюня 1900 года.

Примѣчаніе. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются,—при повтореніи 17 стихъ поютъ нѣсколько иначе: „Какъ жанатай-итъ насмѣшникъ“.

---

92. Улень (олень).

Въ кругу стоитъ улень (мальчикъ или дѣвочка); кругъ движется и поетъ:

„Да тяпло-ли те, улень?
„Халадно-ли те, улень?“
— Мнѣ ни такъ шта тяпло,
Мнѣ ни холадна,
Мнѣ патъ кустикамъ

Патъ зеленинькимъ.
Пріадѣньти миня
Призакутайти,
Призакутайти,
Прибаукайти!

По окончаніи пѣсни хоръ спрашиваетъ уленя: „Улень, улень! Станишъ жынитца?—Улень отвѣчаетъ: „Стану!“.

Хоръ: „Выбирай-ка ты, улень, стару старушку!“ Улень: „Песъ-ли въ ней!“ Пѣсня начинается снова и тогда уленю предлагаютъ „маладую малодушку“. Улень отвѣчаетъ: „Я падумаю“. Поютъ пѣсню въ третій разъ и предлагаютъ красну дѣвушку. Улень соглашается: „Падавай суды“. Хоръ поетъ: „Ва парчовыхъ рукавахъ, ва кумашнички“.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 13 декабря 1899 года. Пѣсня встрѣчается также въ г. Петровскѣ, селахъ, деревняхъ и хуторахъ петровскаго уѣзда: Новомъ Славкинѣ, Кутьинѣ, Ближней Березовкѣ, Сосновкѣ и Грачевѣ хуторѣ.

Примѣчаніе. Эту пѣсню поютъ на Благовѣщеніе, Вербное воскресеніе и Пасху.

---

93. Первое разнорѣчіе этой пѣсни.

Олень, олень,
Изъ-подъ кореня олень!
„Тепло-ли тебѣ?
Холодно-ли тебѣ?“
— Мнѣ не такъ-то тепло,
Мнѣ не такъ холодно,
Пріодѣньте меня,
Пріукутайте!
Со старухи сарафанъ,
Со старика кафтанъ,
Съ красной дѣвушки платокъ,
Съ молодца кушачокъ!

На предложеніе жениться бурлукскій олень выражаетъ согласіе, но оказывается такимъ же разборчивымъ, какъ и хомяковскій улень: „Стару старушку на барабанъ повѣшу, молоду молодку ножомъ спырну, красну дѣвку падай сюда“!

Бурлукъ камышинскаго уѣзда; 26 іюня 1895 года.

---

94. Второе разнорѣчіе этой пѣсни.

Лѣнь моя лѣнь,
Изъ-подъ кореня лѣнь!
Выбирай себѣ невѣстушку
Набѣлену, нарумянену
Во парчевыхъ рукавахъ,
Во бумажныихъ штанахъ!
Чулки вязаные,
Коты мазаные.

Лопуховка камышинскаго уѣзда; 26 іюня 1895 года.

---

95. Утушка луговая.

Утушка, эхъ, луговая!
Дѣ спала ты, начавала?
Патъ кустомъ на балоти,
Падъ листомъ на бирези.
Сама утя хожу,
Сваихъ дитей вожу:
И старава и малава,
Сиреднява, паслѣднява.
Ушъ ты, утюшка,
Утенушка мая!
Ва каторы варата?
Ва шалковы паяса.

Чубаровка сердобскаго уѣзда; 17 іюня 1899 года.

---

96. Хожу-ль я.

Хожу-ль я, хожу-ль я
Вазьлѣ рѣчки, рѣчушки,
Ищу-ль я, ищу-ль я
Чорнай кустъ смородины,
Узрила, узрила
Чорнай кустъ смородины.
Узнала, узнала
Люта свякрофь матушка.

Далѣе начинаютъ пѣть скороговоркой подъ пляску:

Каба знала малада,
Наслала-ба камней,

Што-бы мяхка спать,
Што-бы вѣкъ ни фстать.

Барская Коневка петровскаго уѣзда; 25 іюня 1896 года.

---

97. Хожу по хороводу.

Хажу па краводу,
Глижу па народу,
Хажу, вабираю
Харашу нивѣсту:
Ты будишъ нивѣста,
Я буду те жынихъ.
Хажу па краводу,
Глижу па народу,
Хажу вабираю
Багатыва тестя:
Ты будишъ мнѣ тесть,
А я тибѣ буду зять.
Хажу па краводу,
Глижу па народу,
Хажу, вабираю
Багатаю тещу:
Ты будишъ мнѣ теща,
А я тибѣ буду зять.
Хажу па краводу,
Глижу па народу,
Хажу, выбираю
Багатыва шурина:
Ты будишъ мнѣ шуринъ,
А я тибѣ буду зять.
Хажу па краводу,
Глижу па народу,
Хажу, вабираю
Багату сваячинцу:
Ты будишъ сваячинца,
А я тибѣ буду зять.
Пажалайти, люди,
Къ маму тестю на пиръ:
У маво у тестя
Хлѣба, соли многа,
Хлѣба соли многа,
Пива, вина тожа.
Я за эта пива
Сваво тестя въ рыла,
Я за эти пирашки

Сваю тещу въ талчки,
Любимава шурина,
Засидлай сваво каня,
Засидлай сваво каня,
Пайижьжяй съ маво двара,
Любимай сваячинци
Дарагой гастиньчикъ,
Дарагой гастиньчикъ—
Шолкаваю плетку.
Астални адинъ я
Съ харошай нивѣстай.

Новокрещены кузнецкаго уѣзда; 4 августа 1898 года. Пѣсня встрѣчается также въ Салтыковѣ сердобскаго уѣзда.

Примѣчаніе. Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ припѣвъ: „Заинька бѣлинька“.

---

98. Что ни младъ соловей.

Шта ни млатъ саловей,
Шта ни млатъ садовой
Распяваитъ!
Шта въ терими дивица
Коверъ шыла;
Она золатамъ коверъ
Вашывала;
Она земчугамъ коверъ
Унизала.
Да кому йетатъ коверъ
Даставался?
Даставаился коверъ
Стараму мужу.
Я могу йетатъ коверъ,
Я убавить,
Я со фсѣхъ са сторонъ,
Са чотурьихъ,
Я со фсѣхъ са углофъ
Золотыихъ.

Турдаки кузнецкаго уѣзда;
28 іюля 1899 года.

Примѣчаніе 1. Пѣсню поютъ 3 раза; во второй разъ коверъ достается „маламу мужу (13 ст.)“; въ третій разъ коверъ достается „ровнему мужу“, а потому поютъ: „Я могу йетатъ коверъ, я прибавить (14 и 15 ст.)“.

Примѣчаніе 2. Всѣ стихи повторяются.

---

99. Широкая борода, не ходи мимо сада.

Шырокая барада, ни хади мима сада,
Ни хади мима сада, ни пракладавай сляда,
Дарожыньку ни тари, худу славу ни клади!
Худа славушка прайдетъ, нихто замушъ ни вазьметъ:
Ни баяринъ, ни купецъ, ни удалай маладецъ.
Удалинькай, малодинькай вазьметъ замушъ за сибя.

Сосновка петровскаго уѣзда; 22 декабря 1895 года.

Примѣчаніе. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

100. Шла утица по бережку.

Шла утица па беришку,
Шла сѣрая па крутьму.

Далѣе начинаютъ пѣть скороговоркой подъ пляску:

Д'ушъ ты утица, ути!
Да куда-жа мнѣ утьти?
Каба лѣсъ, пирилѣсъ,
Пиривѣсилась-ба,
Каба полая вада,
Уплыла-ба малада,
Каба восъ калача,
Падавилась-ба,
Каба рюмачку винца,
Захлянулась-ба!

Снова начинается плавное пѣніе хоровода:

Вяла дитей за сабою:
И старава, и малава,
Сиреднява и меньшава.

Далѣе опять начинается прежній припѣвъ: „Д'ушъ ты утица, ути“....

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 19 іюля 1896 года.

---

101. Разнорѣчіе этой пѣсни.

Зыганялъ силизень утку,
Зыганялъ маладой утку:
„Хади, утица, дамой,
Хади, сѣрая, дамой;
У те семира дитей,
Васьмой—силизень,
Дивятая—утка,
Дисятая—гуска;
Утка Анютка
Силизень—Пятрушка!
Ты ути, ути, ути,
Тибѣ некуда утьтить;
Тамъ лѣсъ, пирилѣсъ,
Пирирѣзылси;
Каба петилка была
Удушылась-ба малада!

Терса аткарскаго уѣзда; 18 февраля 1900 года.

Примѣчаніе. Эту пѣсню поютъ на Благовѣщеніе и Вербное воскресеніе.

Сравн. Е. Романовъ. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I, 245 стр.

---

102. Я вечоръ былъ въ маскарадѣ.

Я вичоръ былъ въ мушкарады; што я видилъ, раскажу:
„Видилъ барашню въ наряди лѣтъ сямнатцать харашу;
На ней бѣла палумаска, брови чорны калясомъ,
Бѣла тюлива рубашка и пунцовай сарафанъ,
Бѣлы лайкавы пирчатки и на ручки пирстинекъ.
Фъ панидѣльникъ я влюбилси, весь афторникъ прастрадалъ;
Фъ сериду въ любвѣ аткрылси, фъ читверикъ письмо паслалъ;
Фъ пятницу пришло ришенья, шта ни ждати утишенья;
А фъ суботу пришла вѣсть, шта милѣя ищо йесьть.
Васкрисенья па бульвару я падъ ручку съ ней гулялъ;
Фъ панидѣльникъ я прастилси, а ва 'фторникъ жысть сканчалъ.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 15 сентября 1896 года.

Примѣчаніе 1. Эта хороводная пѣсня—очевидно не крестьянскаго происхожденія.

Примѣчаніе 2. Всѣ стихи кромѣ перваго и послѣдняго повторяются.

---

103. Я вечоръ былъ на почтовымъ дворѣ.

Я вичоръ былъ на паштоваимъ дварѣ,
Палучилъ сичасъ атъ дѣвачки письмо;
Распичатвалъ,—серца кровью аблилось;
Сталъ читати,—пралились слезы изъ гласъ.
Пишытъ дѣвица, красавица мая:
„Приди, милинькай, я очильна бальна!
Я бальна, бальна, фъ пастелюшку слягла,
Бисъ тибя, мой друкъ, пастеля халадна,
Адіялица заиндивала,
Сгаловьица патанула ва слязахъ,
Я, дѣвачка, запрапала ва таскахъ,
Тибя, милинькай, ни вижу ва глаза;
Йесьть ни увижу, скора жысть сваю лишу,
Съ табой, милинькай, я заошна распращусь.
Ни мила вить мнѣ низова старана,
Зажгла душыньку саснофска слабада:
Ни гуляитъ-ли сударушка мая?
Ни заводитъ караводы бизъ миня;
Караводы ни утѣшутъ малатца.

Хомяковъ хуторъ петровскаго уѣзда; 22 декабря 1895 года. Пѣсня встрѣчается также въ Сосновкѣ, Дрямовѣ хуторѣ (Антиповкѣ) и въ гор. Сердобскѣ.

Примѣчаніе 1. Всѣ стихи повторяются.

Примѣчаніе 2. Эта пѣсня въ нѣкоторыхъ стихахъ напоминаетъ двѣ предыдущія: 1) „Былъ я, мальчикъ, да я за невагаю“ (39) и 2) „Грушица моя зелена, садова“ (50).

Примѣчаніе 3. Въ рукописномъ сборникѣ Н. А. Разумовскаго встрѣчается подобная же пѣсня, записанная отъ крестьянки дмитровскаго уѣзда московской губерніи: „Вы прощайте, столбы тучельные, вереюшки позолоченыя, подворотня изъ хрустальнаго стекла! Увидала меня радость изъ окна: „Воротися, мой размиленькій назадъ! Позабыла я два словечушка сказать, что сказали намъ: сажоночка больна, что больна, больна, въ постелюшку слегла; лѣкаречки отказались отъ миня, что сказали: намъ не вылечить тебя!“—Получилъ я отъ сажонки письмецо, что за чорною за печатью оно; распечаталъ,—самъ головкой покачалъ; сталъ читать,—полились слезы изъ глазъ; побѣжалъ я на ярсаковскій (?) вокзалъ, чуть я ястринну машинушку засталъ; я по ястринной машинѣ побѣжалъ. Вѣроятное объясненіе непонятныхъ словъ пѣсни, данное Н. А. Разумовскимъ: 1) *сажонка*=зазноба, коханка, 2) *ястринна*=экстренна, ая.—Ярсаковскій вокзалъ=ярославскій вокзалъ (моя догадка) [1]).

[1]) Не вѣрнѣе ли будетъ догадка, что это Арсаковскій вокзалъ, находящійся вблизи границы дмитровскаго уѣзда по ярослав. дор.? *Ред.*

104. Я не чаяла сегодня угорѣть.

Я ни чаила, я ни чаила,
Я ни чаила сяводни угарѣть;
Пришолъ вечиръ, пришолъ вечиръ,
Пришолъ вечиръ, галава стала балѣть;
Я ни знаю, я ни знаю,
Я ни знаю, чѣмъ галовушку личить;
Я заставлю, я заставлю,
Я заставлю самаваръ станавить.
Закипѣли, закипѣли,
Закипѣли самавары на палу;
Застучали, застучали,
Застучали чайны чашки на сталѣ;
Пріутихли, пріутихли,
Пріутихли фсѣ угары въ галавѣ.
Таперь можна мнѣ, таперь можна мнѣ,
Таперь можна мнѣ на улицу итьтить;
Таперь можна мнѣ, таперь можна мнѣ,
Таперь можна мнѣ къ караводу падатьтить.

Малая Сердоба петровскаго уѣзда; 19 іюня 1899 года. Пѣсня встрѣчается также въ Грачевѣ хуторѣ петровскаго уѣзда.

Примѣчаніе 1. Эта пѣсня хороводная и вмѣстѣ съ тѣмъ плясовая.

Примѣчаніе 2. Всѣ четные стихи повторяются.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3
Мысли и замѣтки собирателя (по поводу сборника) 5

I. Весеннія пѣсни.

1. Какъ во полѣ, въ чистомъ полѣ 7
2. Семикъ да и Троица 8
3. Семикъ, Троица 9
4. У насъ нынѣ Семикъ, Троица 9
5. Разнорѣчіе этой пѣсни 10
6. Да не пыль въ полѣ пылитъ, не дубровушка шумитъ 11
7. Какъ по травкѣ, по муравкѣ 12
8. При долинкѣ, при лужечкѣ 12
9. Роща ты, роща моя, роща зеленая . . . 13
10. Гдѣ бабы шли, тутъ ржи густы 14
11. Вышла, выходила. 14
12. Туча съ громомъ соговаривалась 15
13. Во городѣ Володимирѣ 15
14. Улица моя широкая 16
15. Ужъ ты улица широкая 17
16. Травынька муравынька, зеленый лужокъ . . 18
17. Ой во полѣ липынька 19
18. Маки, маки, маковицы. 20
19. Разнорѣчіе этой пѣсни 20
20. Стой, милъ хороводъ, стой, милъ, не расходись . 21
21. Эхъ, да ты, долина моя, долина 21
22. Въ лузяхъ дѣвочки гуляли, алы цвѣты сорывали . 22
23. Разнорѣчіе этой пѣсни 22
24. Во лузяхъ, лузяхъ зеленыихъ моихъ . . . 23
25. Ужь ты свѣтъ моя Кострома 24
26. Вечоръ Ѳекла пріуныла, пригорюнилась, сидитъ . 24
27. Какъ по мосту было по мосточку. . . . 25
28. Перевился, вился ярь хмель. 25
29. По садочку Машунюшка вотъ гуляла . . . 26
30. Середи торгу тамъ волженка стоитъ . . . 26
31. Ужь ты веснушка, весна 27
32. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 28

Стр.

33. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 29
34. Третье разнорѣчіе этой пѣсни 29

II. Хороводныя пѣсни.

35. А мы сѣчу сѣчили 30
36. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 31
37. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 32
38. Третье разнорѣчіе этой пѣсни 33
39. Былъ я, мальчикъ, да я за невагаю . . . 33
40. Винный мой колодезь 34
41. Во Казани были мы 35
42. Вотъ и стелется репей, разстилается молодой . 35
43. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 36
44. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 36
45. Третье разнорѣчіе этой пѣсни 37
46. Выходили вы-бы дѣвушки 37
47. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 39
48. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 39
49. Третье разнорѣчіе этой пѣсни 40
50. Грушица моя зелена, садова. 40
51. Да вы гуси. 41
52. Да какъ по Дону 42
53. Дунули вѣтры вдоль улицы 43
54. Дѣвки пиво варили 44
55. Заинька за головоньку. 45
56. Разнорѣчіе этой пѣсни. 45
57. Заинька, ты гдѣ побывалъ 45
58. Заплетись-ка плетень 47
59. Какъ за нашимъ за дворомъ 47
60. Какъ подъ лѣсомъ, подъ темнымъ . . . 48
61. Первое разнорѣчіе этой пѣсни . . . 49
62. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 50
63. Какъ по морю, морю синему 51
64. Какъ по рѣкѣ, рѣкѣ, рѣкѣ 52
65. Какъ по рѣчкѣ, рѣчушкѣ 53
66. Какъ по травкѣ 54
67. Какъ по травкѣ по муравкѣ 55
68. Какъ трава трепета ко лугу-ту прилегла . . 56
69. Какъ у насъ, братцы, въ лужкахъ . . . 57
70. Костромушка, Кострома 58
71. Мы пойдемъ съ тобой, сестрица 58
72. Наварю я пива 59
73. На улицѣ дождичекъ поливаетъ 59
74. Около городу царь ходитъ 60
75. Ой горе мое, гореваньице мое 60

Стр.

76. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 61
77. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 61
78. Третье разнорѣчіе этой пѣсни 61
79. Пойду-ли я 62
80. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 62
81. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 63
82. При долинѣ ленъ 63
83. Рябина, рябинушка 64
84. Селезень мой 66
85. Разнорѣчіе этой пѣсни. 66
86. Со зореньки снѣгъ упалъ 67
87. Туманъ ходитъ по долинѣ 68
88. Ужь вы полно-те, ребята, чужо пиво пити . . 69
89. Разнорѣчіе этой пѣсни 70
90. Ужь ты миленькій мой, расхорошенькій мой . . 71
91. Ужь ты садъ-ли, мой садочекъ 72
92. Улень (олень) 72
93. Первое разнорѣчіе этой пѣсни 73
94. Второе разнорѣчіе этой пѣсни 74
95. Утушка луговая 74
96. Хожу-ль я 74
97. Хожу по хороводу 75
98. Что ни младъ соловей 76
99 Широкая борода, не ходи мимо сада . . . 77
100. Шла утица по бережку 77
101. Разнорѣчіе этой пѣсни 78
102. Я вечоръ былъ въ маскарадѣ 78
103. Я вечоръ былъ на почтовыимъ дворѣ . . . 79
104. Я не чаяла сегодня угорѣть. 80

СТРАНИЧКА

изъ исторіи народно-бытовой медицины.

Уже не первый разъ Костромская губернская ученая архивная коммиссія предлагаетъ просвѣщенному вниманію г.г. членовъ областныхъ археологическихъ съѣздовъ посильные труды свои по изученію народнаго творчества. Давъ общій очеркъ всего того, что сдѣлано было коммиссіей въ этомъ отношеніи, на первомъ областномъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, и подробно изложивъ свадебныя причитанья и пѣсни, въ нашей губерніи поющіяся, на второмъ—въ Твери, я имѣю въ виду въ настоящемъ докладѣ сообщить, какія лѣчебныя средства употребляютъ крестьяне Костромской губерніи при заболѣваніяхъ своихъ и домашнихъ животныхъ.

Казалось бы, что съ постепеннымъ хотя и медленнымъ развитіемъ грамотности и просвѣщенія, а также съ увеличеніемъ числа медицинскихъ пунктовъ, народныя простыя средства должны скоро уступить свое мѣсто правильному медицинскому лѣченію. На дѣлѣ же, какъ прежде, такъ и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ нашей губерніи к[illegible]оется какое то недовѣріе къ врачамъ и медицинѣ: если даже и близко живетъ врачъ, и легко къ нему обратиться за совѣтомъ, все же прежде всего крестьяне стараются испробовать свои освященныя традиціями домашнія средства, иногда дѣйствительно полезныя, иногда же до курьезу безсмысленныя, а то и прямо вредныя. Если въ своихъ болѣзняхъ крестьяне сперва лѣчатся своими средствами, то нечего много говорить о болѣзняхъ домашнихъ животныхъ: ихъ предпочтительно лѣчатъ своими средствами, водятъ къ знахарямъ и коноваламъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгая къ помощи ветеринаровъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Варнавинскомъ уѣздѣ селѣ Турань, Кологривскомъ уѣздѣ селѣ Никола-Ширь,

Чухломскомъ с. Арсеньева-Слобода, Нерехотск. селѣ Никитскомъ) народъ твердо еще вѣритъ, что есть люди, обладающіе, по его представленію, таинственными знаніями, способностями и находящіеся въ сношеніяхъ со злыми духами, колдуны и знахари. У колдуновъ-де написаны имена всѣхъ діаволовъ, и послѣдніе постоянно просятъ у нихъ работы. Чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій, колдунъ заставляетъ ихъ вить изъ песку веревки, таскать рѣшетомъ воду изъ рѣки, моря, считать иглы на елкахъ. Къ содѣйствію колдуновъ обращаются въ болѣзняхъ и затѣмъ, чтобы кого-либо испортить изъ мести, т.-е. причинить болѣзнь, страданія; порча эта будто бы нерѣдко пускается по вѣтру и падаетъ не на то лицо, на которое дѣлано. Самая порча производится посредствомъ травъ, собираемыхъ такими людьми въ ночь на Ивана Купала, или съ помощью наговоровъ на пищу и питье, или посредствомъ разныхъ заклинаній надъ вещью, принадлежащей ихъ жертвѣ, наконецъ путемъ какого то осыпанія наговорной солью порога жилища того лица, котораго подвергаютъ порчѣ. Наговоренные предметы даютъ тому лицу, которое желаютъ испортить. Такъ, разсказываютъ, что у порченицы (у порченой женщины) находили вилки, поясъ, кучу моркови, ножикъ, лукъ и проч.

Чаще встрѣчаются „порченыя“ женщины; мужчины же рѣдко: на 100 женщинъ—1 мужчина. Средства для порчи весьма разнообразны. Колдуны шепчутъ на соль, воду и приготовляютъ запасы, составляя ихъ изъ волосу отъ покойниковъ, земли съ могилы и другихъ частей; такую смѣсь завертываютъ въ тряпки въ форму клуба и подкидываютъ подъ крыльцо или подъ порогъ того дома, гдѣ живетъ человѣкъ, подлежащій мести. Въ одномъ случаѣ, передавали, какъ фактъ, наговоръ сдѣланъ былъ на восковую свѣчу, чтобъ испортить молодую женщину, но свѣча попалась въ руки старухи, которая скоро сошла съума.

Другой случай. Была у одного крестьянина въ домѣ свадьба: онъ выдавалъ дочь. Въ день свадьбы въ сѣняхъ на окнѣ оказалось нѣсколько вилокъ и деревянныхъ ложекъ, не принадлежащихъ къ хозяйственному инвентарю.

Какая цѣль была положившаго? Неизвѣстно. Хозяинъ дома взялъ ихъ, снесъ и бросилъ въ воду ближайшей рѣчки; и вотъ разсказываютъ, что страшно было смотрѣть, какъ стала сильно пѣниться вода, и стало ихъ перевертывать, неся по теченію. Передаютъ, что отъ испорченной колдуномъ можно узнать, кто испортилъ, только скоро порченую во время ея припадка нужно продѣть въ хомутъ, снятый съ потной лошади, или положить запертой замокъ на такую несчастную или взять кликушу за мизинецъ руки. „Порченая“ кричитъ, ломаетъ руки, колотитъ ими, рветъ волосы, при чемъ, говорятъ, у ней бываетъ такая сила, что

ее не могутъ удержать нѣсколько мужчинъ. Время припадковъ не одинаково.

Разсказываютъ, что одна дѣвица вышла за ворота, здѣсь упала: у ней появилась тоска съ тѣхъ поръ. Или: сидѣла дѣвица у родственниковъ — пришла колдунья. Дѣвица попросила колдунью, чтобы она приворожила ей жениха, причемъ звала ее колдуньей. Послѣдняя, разсердившись, вышла. Немного погодя опять пришла, дѣвица съ тѣхъ поръ затосковала. Одной дѣвицѣ захотѣлось выйти замужъ за парня, но онъ женился на другой. Тогда она испортила его жену. Порченицы бываютъ отъ 17 до 60 лѣтъ. Лѣченіе отъ порчи—поютъ молебны, обѣдни и проч.; къ докторамъ порченицъ не возятъ, говоря, что эта болѣзнь „не докторская“, и что будто бы сами доктора отказываются лѣчить такихъ больныхъ.

Колдунъ, наведшій порчу, не можетъ обратно снять ее; это можетъ сдѣлать только другой колдунъ. Колдуны угадываютъ, гдѣ находятся украденныя вещи. Впрочемъ, разсказываютъ, что иногда колдуны говорятъ и вѣрно. Скажетъ будто бы колдунъ, что вещи подкинутъ, что онѣ недалеко,—и будто бы дѣйствительно такъ и бываетъ. Колдуны показываютъ воровъ въ водѣ, причемъ предлагаютъ на лицѣ вора чѣмъ нибудь, напр., вилкой сдѣлать какой нибудь знакъ—выколоть глазъ, сдѣлать царапину. Что это бываетъ такъ, подтверждаютъ примѣрами. Одной воровкѣ выкололи глазъ, и она во время шитья выколала себѣ глазъ иголкой. Или: ѣздившая къ колдуньѣ оцарапала показанному въ водѣ человѣку лобъ, и рана будто бы оставалась на лбу того человѣка на всю жизнь его.

При богослуженіи порченицы кричатъ (кличутъ, вопятъ), ичутъ, лаютъ собакой—особенно часто, падаютъ въ безпамятствѣ на полъ, раскидывая руки или же колотя ими по-полу. Это бываетъ во время чтенія Евангелія, пѣнія „Иже херувимы“, при цѣлованіи креста, евангелія и иконы и при пріобщеніи Св. Таинъ. Когда колдунъ умираетъ, то испытываетъ весьма сильныя мученія до тѣхъ поръ, пока не передастъ своего пагубнаго ремесла родственнику или другу, или пока не поднимутъ въ избѣ князька (верхняя перекладина дверей). При жизни онъ продаетъ душу свою чорту, а по смерти земля не принимаетъ его тѣло, и онъ разгуливаетъ въ саванѣ ночью по своимъ знакомымъ. Самое лучшее средство остановить его путешествія—это вбить осиновый колъ противъ сердца и положить во гробу внизъ лицомъ.

Въ иныхъ случаяхъ (Кологривск. у. дер. Никулино) крестьяне думаютъ, что если заболѣетъ человѣкъ и въ сильномъ жару бредитъ, то это значитъ—онъ говоритъ съ различными духами, привозятъ шептуновъ, которые, по ихъ

мнѣнію, и выгоняютъ своими нашептываніями духовъ. Отъ нѣкоторыхъ болѣзней на зарѣ не ложатся спать, а выходятъ на перекрестки дорогъ, говорятъ разныя нашептыванія и читаютъ „Сонъ Пресвятой Богородицы“ надъ водой. Затѣмъ этой водой поятъ больного, льютъ ему воду на голову и въ уши, и когда человѣкъ отъ попавшей въ уши воды вздрагиваетъ, читальщикъ говоритъ, что въ это время выходитъ изъ больного бѣсъ.

А то еще въ Варнав. у. въ деревнѣ Большое Содомово употребляется оригинальное средство лѣченія—такъ назыв. „прощаніе“. Больной идетъ на то мѣсто, гдѣ въ первый разъ почувствовалъ свою болѣзнь, и молится тамъ съ земными поклонами, прося прощенія и избавленія отъ болѣзни.

Справедливость однако требуетъ сказать, что вѣрованіе въ колдуновъ крѣпко держится уже въ сравнительно рѣдкихъ мѣстностяхъ, но знахарство еще процвѣтаетъ почти повсемѣстно, и нѣтъ, кажется, ни одной болѣзни, отъ которой не было бы наговора, заговора, произносимаго вѣдунами, (знахарями) и знахарками. Послѣднимъ хорошо извѣстны свойства травъ и цвѣтовъ, и, по отзывамъ крестьянъ, рекомендуемыя ими средства часто достигаютъ цѣли. Такъ изъ полевыхъ травъ и растеній въ наибольшемъ употребленіи богородская травка и отваръ изъ нея: ее пьютъ отъ головной боли, лихорадки, кашля и густыхъ мокротъ въ груди. Вода, настоенная богородскою травкою, полезна, по убѣжденію крестьянъ, и для одержимыхъ падучею болѣзнію; толченую богородскую травку прикладываютъ также и къ ранамъ, которыя она скоро очищаетъ и заживляетъ; она же утоляетъ и зубную боль.

Далѣе въ большомъ ходу различные настои: какъ то изъ травы трефоли (отъ простуды), липоваго цвѣта, мяты, малины, звѣробоя (потогонныя средства), надрывницы (при желудочныхъ болѣзняхъ отъ надсады), чернобыльника, так. назыв. „Петровъ крестъ“, колыхана (болотная трава, употребляемая женщинами при родахъ), калины, репейнаго корня, полыни, „сухолома“ (лѣсная трава), солодковаго корня (отъ кашлю), рябиннаго, малиннаго, смородиннаго, можжевельнаго, черемуховаго кореньевъ, эфедры, брусничника, такъ назыв. декопа (дорогой травы), папоротника, настои изъ вина и муравьевъ. Для внутренняго употребленія служатъ: киндеръ-бальзамъ съ виномъ, горячій растопленный медъ чистый и съ водою, крѣпкая водка съ квасомъ, квасъ, настоенный стрючковымъ краснымъ перцемъ, церковное вино, масло льняное и деревянное, въ рѣдкихъ случаяхъ разведенный водою пепелъ изъ церковнаго кадила. Значительную пользу во многихъ болѣзняхъ приносятъ растираніе дегтемъ, виномъ, керосиномъ, рѣдькой, хрѣномъ, скипидаромъ и нашатырнымъ спиртомъ, припарки изъ льняного

сѣмени, сѣнной трухи, травъ: горлянки, расперстницы, костоправки и т. д.

Далѣе народомъ приписываются цѣлебныя свойства нѣкоторымъ ключамъ, бьющимъ изъ подъ земли, и растущимъ около святыхъ мѣстъ травамъ. Такъ въ окрестностяхъ села Морозовскаго Чухломскаго уѣзда въ полѣ есть ключъ очень сильный; вода въ немъ какъ будто иногда бываетъ со звѣздочками; пьютъ ее, какъ цѣлебную, въ особенности поятъ дѣтей; носятъ на этотъ ключъ дѣтское бѣлье, надо полагать, съ больныхъ и оставляютъ, а также и женскія головныя повязки, вѣроятно, въ ожиданіи пользы. Въ Кологривскомъ уѣздѣ дер. Никулинѣ ходитъ повѣрье, что трава, растущая около часовни Владимірской Божіей Матери Ануфріевской волости обладаетъ свойствомъ прекращать разстройство желудка, а потому крестьяне берегутъ ее и въ случаѣ надобности пользуются ею.

Важнѣйшимъ средствомъ для излѣченія отъ всѣхъ почти болѣзней считается тепло; больныхъ отправляютъ въ баню и парятъ тамъ на овсяной соломѣ; послѣдней также придаютъ цѣлебныя свойства; парятъ березовымъ, а часто и пихтовымъ вѣникомъ, поливая на каменку квасомъ, потомъ вытираютъ больного квасомъ, или дегтемъ, или скипидаромъ, или керосиномъ, медомъ съ солью, рѣдечнымъ сокомъ, парнымъ соленымъ молокомъ. Парятся иногда чуть не до потери сознанія; при оспѣ и кори иногда парятъ дѣтей до того, что приходится откачивать; парятъ въ банѣ и съ наговорами, произносимыми знахарками-старухами, которыя, по желанію больныхъ, пускаютъ кровь, почему называются рудометками. Для удобства и скорости нерѣдко парятся и въ самой избѣ въ печи, куда тоже постилаютъ овсяную солому, обыкновенно къ вечеру, когда подъ въ печи нѣсколько поостынетъ. Весьма полезное средство противъ простудныхъ болѣзней—сажанье на пары (надъ кадкой съ горячей водой съ прибавленіемъ киновари).

Знахари и знахарки помимо лѣченія травами и паромъ лѣчатъ еще водой, которую скачиваютъ съ крестиковъ, камешковъ, принесенныхъ изъ Іерусалима и святыхъ мѣстъ, „громовой стрѣлочки“, наговариваютъ на соль, мыло, деревянное масло, лукъ, вино, воду непремѣнно съ тремя угольками, иногда плюютъ, дуютъ и даютъ наговорной воды пить 12 зорь или умываться или наконецъ по три зори натирать больное мѣсто. Нашептываютъ и заговариваютъ на воду—отъ дурного глаза, порчи, на хлѣбъ и соль—отъ зубной боли, на бобы—когда хотятъ узнать о пропавшей вещи, читаютъ знахари при этомъ и молитвы, псалмы, но совершенно искажая ихъ смыслъ.

Перехожу теперь къ изложенію средствъ лѣченія отдѣльныхъ болѣзней.

КИЛЫ.

Подъ этимъ общимъ именемъ народъ разумѣетъ много различныхъ заболѣваній, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ. Всякую опухоль на какой либо части тѣла безъ отношенія къ послѣдующему ея развитію и характеру народъ называетъ килою. Всякія внутреннія непонятныя для себя боли въ области брюшной и тазовой полости народъ называетъ внутренними килами. Этимъ же именемъ называютъ иногда заболѣванія головы и ея частей, когда неясна причина и нѣтъ видимыхъ слѣдовъ заболѣванія. Интересна причина заболѣванія килами по своеобразному объясненію народа. Причина одна: наносъ вѣтромъ, но подраздѣляется на два случая.

1) Злой знахарь-колдунъ и женщина знахарка-колдунья по злобѣ на кого либо напускаютъ болѣзнь килу извѣстнаго вида на опредѣленное избранное ими лицо, для чего выходятъ на зарѣ на крыльцо или на задворки и дѣлаютъ соотвѣтствующія заклинанія и тѣлодвиженія. Вѣтеръ переноситъ болѣзнь на избранную жертву, которая и заболѣваетъ такимъ недугомъ, какой былъ посланъ.

2) Злой знахарь-колдунъ, тяготясь скопившимся въ немъ запасомъ колдовства и килъ, желаетъ частію освободиться отъ этого запаса, выходитъ изъ дому на вѣтеръ и выпускаетъ, какъ и прежде, наговорами и заклинаніями разнообразные виды килъ безъ назначенія объекта страданія. Слѣдовательно, килы носятся вѣтромъ въ воздухѣ. Кто выйдетъ утромъ изъ дому не умывшись, не помолившись, не одѣвшись, тотъ рискуетъ получить съ вѣтру пущенную колдуномъ какую либо разновидность килы. Для лѣченія килъ обращаются чаще къ тѣмъ же колдунамъ-знахарямъ или къ особымъ бабамъ—лѣкаркамъ.

Самое лѣченіе состоитъ главнымъ образомъ въ нашептываніи и наговариваніи на воду, хлѣбъ, капусту и прикладываніи этихъ веществъ къ больному мѣсту. Иногда колдунъ выгоняетъ килы изъ дому страдающаго громкими заклинаніями и ударами палки о матицу (балка, держащая потолокъ). При этомъ часто бываетъ слышенъ трескъ въ родѣ хлопка изъ хлопушки; это значитъ—килы выжались.

Есть еще особый видъ лѣченія килъ—такъ назыв. „примахиваніе“. Больной и лѣкарка-баба выходятъ на зарѣ утренней или вечерней къ колодцу на задворки. Здѣсь, ставъ лицомъ къ заходящему или восходящему солнцу, лѣкарка съ приговорами и причитаньями смачиваетъ полотенце или просто тряпочку въ тутъ стоящемъ горшечкѣ съ теплымъ отваромъ травы „боровой прострѣлъ“ и потомъ, взявъ эту тряпку или полотенце въ правую руку, дѣлаетъ этою рукою размахъ горизонтально вправо, какъ бы зама-

хиваясь для нанесенія удара, и потомъ слегка касается тряпкою и рукою больного мѣста, продолжая приговоры. Это повторяется нѣсколько зорь.

УТИНЪ.

Это болѣзнь поясницы или точнѣе болѣзнь позвоночника въ области поясницы. Причиною ея большею частью бываетъ простуда, такъ какъ боль носитъ ревматическій характеръ; иногда причиною служитъ переутомленіе позвоночника отъ долгой работы въ напряженномъ согнутомъ и наклонномъ положеніи. Боль непріятная, ноющая, словно собака грызетъ, какъ говорятъ въ народѣ. Способъ лѣченія—это „рубить утинъ“. Больной одѣвается зимой въ шубу, а лѣтомъ въ легкій кафтанъ. Отворяется дверь изъ избы въ сѣни и больной три раза взадъ и впередъ переползаетъ на животѣ черезъ порогъ двери; другой человѣкъ здоровый, чаще мужчина, но можетъ и женщина, безразлично, и не знахарь, а всякій обыкновенный человѣкъ (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Костр. у.) непремѣнно первый или послѣдній по рожденію, иначе, говорятъ, пользы не будетъ) встаетъ въ дверяхъ съ боку съ топоромъ въ правой рукѣ и голикомъ въ лѣвой. Когда больной переползаетъ черезъ порогъ, и поясница его будетъ какъ разъ надъ порогомъ, стоящій лѣкарь накладываетъ голикъ на поясницу его и ударяетъ слегка по этому голику остріемъ топора, какъ бы рубитъ голикъ. Поэтому и самое лѣченіе называется „рубить утинъ“. При этомъ между дѣйствующими лицами происходитъ такой разговоръ.

Больной: „Что рубишь“? Лѣкарь: „Утинъ“. Больной: „Руби горазже, чтобы не было“. Лѣкарь: „А для того и рублю, чтобы не было“. Или иногда сѣкутъ спину косаремъ; разговоръ: „Что дѣлаешь“? „Сѣку утинъ“. „Сѣки горазднѣй, чтобы не было его“. „А для того и сѣку, чтобы не было его“. Послѣ этого больной ложится на печь.

Въ другихъ случаяхъ больной ложится по порядку на три порога и на спинѣ его рубятъ тупымъ топоромъ или косаремъ липовую кору или просто прутикъ.

Описанный нами способъ лѣченія утина извѣстенъ въ Костромскомъ, Ветлужскомъ, Солигаличскомъ, Кологривскомъ, Макарьевскомъ и Варнавинскомъ уѣздахъ.

Иногда во время болѣзни спины больной ложится на порогъ спиною и трется спиною о порогъ, а то еще идетъ къ овину, который непремѣнно долженъ быть переваленъ три раза, трется спиною о стѣну такого овина, и спина перестаетъ болѣть (Кологр. у.).

ЛИХОРАДКА.

Эту болѣзнь въ простонародьѣ называютъ „комухою“, „лихоманкою“, „трясучкою“. О сущности ея существовало, да и теперь еще мѣстами существуетъ слѣдующее понятіе. Это не есть постоянная гнѣздящаяся въ организмѣ человѣка болѣзнь, потому что она періодична: день, два человѣкъ здоровъ, а потомъ день своеобразно боленъ. Это подало народу мысль создать слѣдующій взглядъ на лихорадку.—„Комуха“—лихорадка—это злой духъ—вѣдьма, могущая принимать на себя разные образы, т.-е. обладаетъ способностію превращенія. Ихъ не одна, а много, не менѣе двѣнадцати „сестеръ“, а по другимъ варіантамъ 23, поэтому и видовъ лихорадки—болѣзни нѣсколько, различающихся степенью, временемъ и періодичностію пароксизмовъ. „Сестры—комухи“ слетаются по ночамъ гдѣ нибудь на *осинѣ*, дѣлятся новостями, какая кого и гдѣ мучила, и строятъ планы будущей дѣятельности: которой куда летѣть, и кого выбрать своей жертвой.

Нѣкоторымъ людямъ, докамъ—знахарямъ, удавалось подслушать бесѣды вѣдьмъ—комухъ—и предохранить себя отъ опасности. Вотъ одинъ изъ подобныхъ разсказовъ; записанъ въ Уренской волости Варнавинскаго уѣзда. Мужичекъ долженъ былъ заночевать въ лѣсу на работѣ. Съ вечера ему не спалось; онъ прислушивался чутко къ звукамъ лѣсной природы. Вдругъ неподалеку отъ себя, на осинѣ, онъ слышитъ бесѣду вѣдьмъ—лихорадокъ. Одна изъ нихъ на другой день собирается летѣть именно къ нему въ видѣ пылинки сажи изъ трубы, упадетъ она въ горшокъ съ кашей на шесткѣ печки. Мужикъ поѣстъ этой каши, и не отвяжется отъ ея мученій—тряски, холода и жара.

Мужичекъ отправился домой и утромъ сѣлъ возлѣ печки караулить и наблюдать за горшкомъ съ кашей. Когда его жена вынимала кашу изъ печки, дѣйствительно изъ трубы упала крошечная пылинка сажи прямо въ горшокъ. Въ другой разъ и вообще раньше на это не обращалось вниманія, а тутъ мужикъ понялъ хитрость комухи и принялъ свои мѣры: онъ взялъ ложку и вмѣстѣ съ частью каши изъ горшка вычерпнулъ пылинку сажи, завязалъ въ узелокъ тряпки и подвѣсилъ къ „матицѣ“ (балка) противъ печки. Долго висѣлъ узелокъ подъ потолкомъ. Наконецъ мужикъ взялъ его, положилъ на наковальню и билъ молотомъ. Убить вѣдьму онъ не могъ, но мученія ей причинилъ. Выпустилъ онъ ее съ уговоромъ, что она его домъ никогда не тронетъ, и кромѣ того, будетъ слушаться его и по его приказу оставитъ мучить другого человѣка.

Исходя изъ такого представленія и понятія о лихорадкѣ, народъ ищетъ и лѣчебныхъ средствъ противъ этой

болѣзни совершенно своеобразныхъ, а именно внѣшнихъ наружныхъ.

Думая, что лихорадка приходитъ къ человѣку періодически въ образѣ какой-то вѣдьмы, трясетъ его, жаритъ и холодитъ, народъ ищетъ такихъ наружныхъ средствъ, которыя бы или устрашили вѣдьму, или были ей такъ противны, что она, оплевавши больного, оставила его навсегда и впредь не посѣщала; иногда пробуютъ взять хитростью и обманомъ. Пишутъ на нѣсколькихъ лоскуткахъ бумаги: „рабы такой то (имя) дома нѣтъ. Аминь", и прилѣпляютъ бумажки эти на косякахъ оконъ и дверей (Макар.). Цѣль—ввести въ обманъ лихорадку, чтобы она въ эту періодическую ночь не нашла своей жертвы. Разъ это удается,—дѣло идетъ хорошо; путь выздоровленія найденъ. Средства отвращенія: надѣваніе на больного амулетовъ, талисмановъ, носящихъ на себѣ или эмблему святости (крестъ, икона), или эмблему язычества (курьи боги). Суевѣрный человѣкъ съ одинаковымъ довѣріемъ обращается и къ Богу и къ черту: кто скорѣй и вѣрнѣй поможетъ.

Если это не помогаетъ, то пробуютъ другія средства отвращенія: на ночи или дни, въ которые бываетъ пароксизмъ лихорадки, больного намазываютъ разными отвратительными веществами: дегтемъ, смолой, обсыпаютъ куринымъ пометомъ.

Если утромъ больной разскажетъ, что ночью къ нему приходила лихорадка, ругала его всячески издали, плевала на него, но дотронуться не осмѣлилась и ушла разсерженная, то, значитъ, средство найдено вѣрное, и, повторивъ его раза два-три, можно совсѣмъ избавиться отъ лихорадки— „комухи".

Тоже представленіе о лихорадкахъ, какъ существахъ живыхъ, ярко проглядываетъ и въ многочисленныхъ отъ нихъ наговорахъ и заговорахъ и доселѣ употребляющихся въ губерніи. Вотъ нѣкоторые образцы, отъ времени, конечно, исказившіеся.

„Кумоха ты кумоха! Ты трясуча кумоха! Ты отстань отъ меня! Придутъ по тебя ангелы и архангелы, возьмутъ тебя кумоху за руки и за ноги, понесутъ тебя кумоху, бросятъ въ огненну рѣку, заградятъ тебя кумоху животворящимъ крестомъ, крестомъ Господнiимъ. Подъ древомъ было кипариснымъ, стоятъ три святые: первой святой—Михайло Архангелъ; второй святой—Сиѳиній, третій святой—Николай угодникъ. Идутъ 12 дѣвъ, Иродовыхъ дочерей, долговолосыя и простоволосыя, беззастежныя и безсережныя. Сталъ святой Сиѳиній ихъ выспрашивать: куда вы, дѣвы, грядете?—Мы грядемъ во Святую Русь людей знобить, кости дробить и къ смерти предавать. Сталъ святой Сиѳиній по сту прутьевъ ломать, по тысячѣ ранъ задавать.

Онѣ дѣвы ему взмолились: не бей ты насъ, и не ругай ты насъ... А кто эту молитву знаетъ и по три раза въ день читаетъ, къ тому мы не зайдемъ и не заглянемъ".

„Симонъ Преподобный ходилъ по путямъ по дорогамъ, по разнымъ тропинкамъ. А навстрѣчу ему идутъ двѣнадцать дѣвъ. Сталъ онъ ихъ спрашивати: „Дѣвы, чьи вы"? „Иродовы" отвѣчали онѣ. „Куда вы идете"? Въ человѣческій міръ кости ломить, да къ смерти гонить"! Нарѣзалъ Симонъ Преподобный двѣнадцать прутовъ, сталъ онъ ихъ сѣчь, приговаривати: „Въ человѣческій міръ не ходите, кости не ломите, къ смерти не гоните"! „Симонъ Преподобный! Не сѣки ты насъ, не наказывай! Кто твою молитву прочитаетъ, мы къ тому дому не прикоснемся".

Наговоръ отъ лихорадки на воду. „Пойду я изъ избы дверями, на улицу воротами подъ ясное небо, подъ красно солнце, на восточную сторону. На восточной сторонѣ есть престолъ Господень; на престолѣ Господнемъ Зосимъ и Савватій, соловецкіе чудотворцы. Пошли они путемъ дорогою Богу помолиться. На встрѣчу имъ двѣнадцать дѣвъ прекрасныхъ, полугрудыхъ, безпоясыхъ. Стали ихъ святые спрашивать: что вы за дѣвы?—Мы дѣвы Иродовы дщери, пошли народъ мучить, раба Сидора жилы тянуть, глаза слѣпить, тѣло жестить. Уйдемъ мы за три поприща на быстру рѣку". Кто станетъ эту воду пить, тотъ будетъ цѣлъ и невредимъ. Аминь".

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Буди врагъ проклятъ именемъ Господнимъ, крестомъ животворящимъ, матеріею Маріей, Іоанномъ Предтечемъ и Іоанномъ Богословомъ. Буди проклята отнынѣ и довѣка трясавица костовая, ломовая и внутренняя и опухлейка, и будете прокляты отнынѣ и до вѣку двѣнадцать сестеръ и съ матерью своею именемъ Господнимъ и крестомъ животворящимъ и подьте во тьму кромѣшную именемъ Господнимъ".

Есть помимо наговоровъ и другія средства отъ той же болѣзни. Такъ лѣчатъ ее отваромъ на водѣ коры съ 12-ти разныхъ деревьевъ лиственныхъ и хвойныхъ, за исключеніемъ осиновой коры, отваръ пьютъ теплый (Галичск. у.); пьютъ настой брусничныхъ кореньевъ и трефоль, водку перцовку, варятъ шипичные корни въ водѣ и настой этотъ даютъ пить (Ветлужск.), окачиваются холодной водой подъ куринымъ насѣстомъ (Костр.). Иногда лихорадку прижигаютъ. Зажигаютъ восковую свѣчу и, захвативши пальцами на обнаженной спинѣ кожу, жгутъ ее, потомъ переходятъ на другое мѣсто, на третье и т. д., при чемъ слышно будто бы, какъ трещитъ „кума" (Галичск., Костромск.). Еще средство: пишутъ первый стихъ на двухъ запискахъ изъ евангелія Іоанна, иногда слова Спасителя умирающаго: „Боже мой, Боже мой! Вскую Мя еси оставилъ?" Одну за-

писочку даютъ съѣсть, другую навязываютъ на крестъ. Точно также пишутъ слова: „Христосъ родися, крестъ водрузилъ, сатана связася".

ЗУБНАЯ БОЛЬ.

Отъ нея существуетъ очень много разнообразныхъ средствъ.

Стирается лукъ, квасцы и купоросное масло, и составомъ этимъ смазываются больные зубы (Ветл.). Курятъ табакъ (махорку), кладутъ на зубы нюхательный табакъ, кипарисъ, мятныя лепешки, рижскій бальзамъ. Берутъ раскаленный до красна кирпичъ, кладутъ на сковородку, посыпаютъ сѣменемъ бѣлены, обливаютъ квасомъ и паръ вдыхаютъ въ себя. (Чухл.). Кладутъ на зубы траву „царевы очи", и боль утихаетъ. Въ Юрьевецкомъ у. старухи-лѣкарки совѣтуютъ ходить 3 раза по росѣ къ рябинѣ и глодать ее, глодать стѣны церкви, добыть кость мертвеца и потереть ею больное мѣсто.

Въ большомъ ходу заговоры и нашептыванія. Такъ въ Галичскомъ уѣздѣ берутъ горшокъ съ водой, которая должна вскипѣть, и въ эту кипящую воду кладется нѣсколько кусочковъ или просто стружекъ дубоваго дерева; надъ этой водой нашептываютъ, и послѣ этого больной долженъ горломъ вбирать въ себя пары, поднимающіеся надъ кипящей наговоренною водой, но это средство дѣйствительно только утромъ, а въ другое время дня примѣнять его нельзя.

Въ томъ же и въ Нерехтскомъ уѣздахъ лѣчатъ нашептываніями на подковный гвоздь, который послѣ того нужно прикладывать къ той сторонѣ или къ той щекѣ, гдѣ находится больной зубъ; иногда заговариваютъ и на кольцо желѣзное, сдѣланное изъ подковнаго гвоздя, и надѣваютъ его на палецъ лѣвой руки, если зубы болятъ на правой сторонѣ, и наоборотъ; если передніе зубы болятъ, то куютъ изъ гвоздя передней подковы. Нашептываютъ также на соль, которая въ тряпочкѣ кладется на больной зубъ. Въ томъ и другомъ случаѣ во время нашептыванія надъ этими предметами больной долженъ молиться Богу, какъ только умѣетъ, а знахарь стоитъ впереди его и также молится, читая при этомъ особыя молитвы, между прочимъ „Отче нашъ"... отъ конца къ началу. Въ Костромск. уѣздѣ иногда лѣчатъ еще и прицѣловываніемъ больной щеки.

Вотъ нѣсколько заговоровъ отъ зубной боли.

„Мѣсяцъ, ты молодъ, по бѣлу свѣту ходишь, живыхъ и мертвыхъ видишь, какъ у мертвыхъ зубы не болятъ, такъ и у меня бы раба Божія (имя) не болѣли". (Солигал.).

Въ Ветлужск. у. 12 разъ произносятъ заговоръ: „У Адама зубы не болѣли, десны не опухли", потомъ отще-

пивъ отъ матицы острый осколокъ, стараются пустить изъ больного зуба кровь.

„Волкъ въ лѣсу, червь въ зубу, медвѣдь въ полѣ; когда эти три брата сойдутся, у раба Божьяго (имя) зубы тронутся. Будетъ цѣлъ и невредимъ. Аминь". (Костр.).

„Батюшка недужекъ, красавецъ, хорошавецъ, пригожавецъ! Полно красоваться, полно ликоваться въ рабѣ Божіемъ (имя)! Красуйся недужекъ во чистомъ полѣ, во лугахъ зеленыхъ, во лѣсахъ во темныхъ, по рѣкамъ по быстрымъ, по озерамъ широкимъ, во высокомъ теремѣ, за столомъ дубовымъ, за скатертямъ бранымъ, за ясвамъ сахарнымъ, за питьямъ медовымъ! А у меня тебѣ не отрождаться по смерть по мою"!

„Батюшко мѣсяцъ—золотые роги! Тебѣ золотить, а мнѣ молодить. Нашему Государю на многія лѣта здравствовать! Ходишь ты по небу высоко, видишь въ землю глубоко, видишь ты Адама во гробу. Какъ у Адама зубы не болѣли, десны не можжали, такъ чтобы и у меня (тебя) раба Божьяго зубы не болѣли, десны не можжали. Аминь".

ПРОСТУДА.

Прежде всего стараются согрѣться. Съ этою цѣлью ходятъ въ баню, парятся тамъ на овсяной соломѣ, прогрѣваются въ печи, сидятъ надъ парами; въ послѣднемъ случаѣ кладутъ въ кадку ячменя, ржи и овса, льютъ воды, опускаютъ раскаленныхъ камней, сажаютъ больного надъ паромъ, и закрывъ его плотно одеждою, держатъ въ такомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошо пропотѣетъ. (Варнав.). Поятъ больного отваромъ мяты, малины, липоваго цвѣта, рѣдечнымъ сокомъ, настоемъ изъ волчьихъ ягодъ, кумушницы—травы, декоктами въ водкѣ, бальзамомъ—майскимъ, рижскимъ, киндеромъ; натираютъ свинымъ саломъ, летучею мазью (смѣсью изъ деревяннаго масла, нашатырнаго спирта, камфоры, краснаго уксуса).

Когда отъ простуды чувствуютъ ломоту, то берутъ красныхъ съ бѣлыми крапинками мухоморовъ, кладутъ въ бутылку и зарываютъ ее подъ навозъ или же въ землю. Это средство приготовляютъ и другимъ способомъ. Берутъ мухоморовъ и въ горшкѣ ставятъ въ вольную печку, наваръ сливаютъ въ бутылку. Полученною въ томъ и другомъ случаѣ жидкостью растираютъ больныя мѣста. (Чухл.).

Кашель, какъ послѣдствіе простуды, лѣчатъ питьемъ чая, земляничнаго, мятнаго, малиннаго, водки—жженки въ горячемъ ея состояніи по полурюмкѣ. Для ея приготовленія наливаютъ въ чашку водки, зажигаютъ, а надъ пламенемъ держатъ кусокъ сахару, который, перегорая, таетъ,

падая въ чашку; сахару сожигается столько, пока водка не окрасится въ чайный цвѣтъ. Средство это во многихъ случаяхъ дѣйствительно. (Кологр.).

Пытаются и чахотку лѣчить своими средствами. Ихъ два. Первое: берутъ корень шиповника и малинника, жнитво—овса, ячменя и пшеницы съ трехъ сосѣднихъ полей, всего по фунту, замазываютъ все это крѣпко въ горшокъ, три дня варятъ въ печи и настой этотъ пьютъ. Второе: на бутылку отварной воды кладутъ 1 золотникъ крѣпкой водки, 1 золотникъ ртути, смѣшиваютъ все и даютъ пить по ложкѣ утромъ и вечеромъ. (Галичск.).

БОЛѢЗНИ ГОРТАНИ И ГОРЛА.

Для голоса пьютъ настой съ ржаной соломы; горловыя болѣзни лѣчатъ травой—горлянкой; варятъ ее долго въ крѣпко закупоренномъ горшкѣ, потомъ, просверливъ небольшую дырочку, вдыхаютъ въ себя паръ этого настоя.

Жабу лѣчатъ также какъ и утинъ. Первый или послѣдній сынъ или дочь у матери беретъ тупой ножъ—или косарь и начинаетъ не сильно водить по шеѣ больного. А тотъ его спрашиваетъ: „что рѣжешь“? Первый отвѣчаетъ: „жабу“.—„Рѣжь горазже, чтобы не было“.—„А для того и рѣжу, чтобы не было“. (Ветл.). Есть и наговоръ отъ жабы: „Жаба, жаба, лукавая жаба, поди, жаба проклятая, за темные лѣса, за быстрыя рѣчки, за болота топучія, подъ выскири стамучіе бѣла моху рвать, избушку становить; въ той избушкѣ старый хозяинъ; у стараго хозяина много питеры, идеры, явства сахарныя, питья медвяныя. У раба Божія (имя) нѣтъ ни питеры, ни идеры, ни явства сахарныя, ни питья медвяныя: одна уголь да печина камень; какъ въ печкѣ жарокъ потухаетъ и погораетъ, такъ и съ раба Божія (имя) потухали бы всѣ скорби и всякія болѣзни, въ горлѣ, въ костяхъ, въ жилахъ и во всѣхъ суставахъ, въ бѣломъ тѣлѣ, въ красной крови, внутри и въ утробѣ“ (Кологр.).

КОЛОТЬЕ ВЪ БОКАХЪ.

Примѣняется тотъ же способъ лѣченія, что при жабѣ и утинѣ, только вмѣсто спины и шеи водятъ по бокамъ и не ножемъ, а уполовникомъ (деревяннымъ ковшичкомъ), и больной спрашиваетъ: „что колешь“? А тотъ отвѣчаетъ: „усови“.—„Коли горазже, чтобы не было“.—„А для того и колю, чтобы не было“. (Ветл.). Вмѣсто уполовника употребляютъ иногда 6 или 9 веретенъ, и повторяютъ операцію трижды. (Кологр.).

БОЛѢЗНЬ ЖИВОТА.

Отъ надсады пьютъ настой съ надрывъ травы, зарянки и кореньевъ колгана. Ставятъ нѣчто въ родѣ сухой банки. Когда больной еще ничего не ѣлъ, его раздѣваютъ и кладутъ вверхъ лицомъ. На животъ накидываютъ горшокъ, въ который предварительно бросятъ зажженную бумажку (Костромск. и Юрьевецк.); наставляютъ на пупъ наперстокъ, въ который кладутъ кудели, потомъ кудель зажигаютъ и покрываютъ горшкомъ (Варнав.).

РЕВМАТИЗМЪ ЛЕТУЧІЙ.

Эта болѣзнь въ простонародьѣ называется иначе переходомъ. Ее лѣчатъ растираніемъ больного мѣста и спиртами муравейнымъ, виннымъ, нашатырнымъ и керосиномъ (Кологр.), подкуриваніемъ богородицкой травкой (Чухл.); бабушка-лѣкарка гладитъ руку (или другой членъ) съ мыломъ, при чемъ зѣваетъ, цѣлуетъ трижды руку и отплевываетъ, дуетъ на нее крестообразно, высѣкаетъ кремнемъ искры на больное мѣсто и даетъ наговореннаго мыла съ приказаніемъ мылить этимъ мыломъ больное мѣсто и бросать это мыло лѣвой рукой чрезъ правое плечо на утренней зарѣ; бабушка въ это время будто бы читаетъ молитву: „Богородице Дѣво...!“ (Чухл.).

„СГЛАЗЪ“, „УРОКИ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Варнавинскаго, Кологривскаго и Макарьевскаго уѣздовъ держится еще убѣжденіе, что человѣка могутъ сглазить, когда надъ нимъ посмѣются, и человѣкъ дѣлается боленъ—становится одержимымъ „уроками“ (нервною болѣзнью). Въ этомъ случаѣ берутъ три уголька или уродливыхъ камешка, пропускаютъ сквозь нихъ воду и ей вспрыскиваютъ больного; иногда воду скачиваютъ съ мелкихъ кухонныхъ принадлежностей: ложекъ, поварешки или „чумички“. Нѣкоторыя старушки тайно берутъ воды бурачкомъ изъ ручейка или ключика, носятъ эту воду на колокольню подъ первый звонъ и также опрыскиваютъ больного этою водою. Иногда больного уроками продѣваютъ въ хомутъ, снятый со вспотѣвшей лошади. Прибѣгаютъ и къ наговорамъ. Вотъ одинъ изъ нихъ.

„Благослови меня, Господи, благослови меня, Матушка Владычица Пресвятая Богородица и всѣ святые святители; всѣ меня ангелы благословите и архангелы благословите, и херувимы благословите и серафимы и всѣ силы небесныя Благословите меня рабу Божію Орину взять воды для рабы божіей (имя). Беру святой воды не для лихости и не для

мудрости, а для добраго здоровья, для исцѣленія твоей души и тѣла. Исцѣлите вы святые угодники и апостолы рабу Божію (имя), исцѣлите отъ скорбей и отъ болѣстей, отъ костовыя ломоты и отъ рвоты, и отъ рѣзоты и отъ стрѣльбы, и отъ денного призору и отъ ночного бизору, отъ денныхъ озеницъ и отъ ночныхъ уропищъ, отъ денной тишины отговорю, отъ ночной тишины, отъ полуденной и отъ полуночной, отъ минутной и отъ полуминутной, отъ часовой и отъ получасовой. И полно тебѣ, денной тихонькой, быть въ рабѣ Божіей и полно тебѣ жить и полно тебѣ ликоваться, и полно тебѣ радоваться и пора тебѣ, тихонькой, съ рабой Божіей разставаться, не быть и не жить тебѣ въ рабѣ Божіей, костей не сушити и жилы не дробити, ни въ костяхъ ломоты, ни въ утробушкѣ рѣзоты, чтобы не было въ буйной головушкѣ ни звону ни шуму, не было бы стрѣльбы. Отговорю я тебя рабу Божію отъ всякаго ворога и отъ супостата и отъ нечистаго духа и отъ лихого человѣка, отъ ненавистливаго и отъ корыстнаго, отъ краснаго, отъ рыжаго, отъ бѣловолосаго и отъ черноволосаго, отъ мытаря и мыторихи, отъ колдуна и отъ колдунихи, отъ еретика и еретицы, отъ двоеженца, отъ троеженца, отъ попа поповича, отъ дьяка дьяковича, отъ пономаря и отъ пономарихи, отъ дѣвки стоволоски, отъ мужней жены и отъ сирой вдовицы и отъ кривого и отъ прямого, отъ частозубаго и отъ рѣдкозубаго. Встану я раба Божія Орина по утру рано, свѣжей водой умываюся, Христовой пеленой утираюся, Богу я помолилася, у отца съ матерью благословилася; и пойду я раба Божія въ чистое поле подъ высокое небо, подъ луну и подъ мѣсяцъ и подъ частыя звѣзды. Небомъ я покроюсь, луной подпояшусь, звѣздами обсыплюсь, и пойду я раба Божія на Черное море. На Черномъ морѣ стояла пустошь, и въ этой пустоши жилъ пустынникъ святой Божій угодникъ и апостолъ Алексѣй Божій человѣкъ. Буду я у тебя просити и буду я у тебя молити о рабѣ Божіей (имя). Алексѣй Божій человѣкъ! Исцѣли рабу Божію отъ скорби, избави, батюшка, отъ болѣсти, отъ костовыя ломоты, отъ денного тихонькаго исцѣли, отъ ночного тихонькаго помилуй, и отъ питучаго тихонькаго исцѣли, въ утробѣ рѣзучаго и въ костяхъ ломучаго, въ головушкѣ шумливаго и въ ушахъ стрѣльбиваго. Всѣхъ ты исцѣлялъ: хромыхъ и слѣпыхъ и всякихъ убогихъ; Алексѣй Божій человѣкъ, прими мое моленіе и исцѣли рабу Божію отъ всѣхъ скорбей и болѣстей. Святая ты матушка вода! Худобу съ него и всѣ болѣсти сними. Вода цѣлительница! Каждаго ты раба исцѣляешь и съ нея всѣ скорби сними и всѣ ты съ нея поими и на матушку сыру землю поведи. И всѣ скорби я съ тебя сняла и всѣ повела въ сыру землю. Матушка земля Божія! Прими съ рабы Божіей скорбь и

болѣзнь, и откуда эта скорбь пришла, пусть бы назадъ ушла и никогда бы не воротилась назадъ и не оглянулася бы и за ея пречистое тѣло не прикасалася бы, а къ рабѣ бы этой врагъ и супостатъ, который надъ ней посмѣялся и наругался, никогда бы къ ней не прикасался. Аминь". (Макарьевск. у.).

НАКОЖНЫЯ БОЛѢЗНИ.

Для излѣченія разнообразныхъ сыпей, пятенъ и наростовъ на тѣлѣ въ Варнавинскомъ, Макарьевскомъ и Солигаличскомъ уѣздахъ нерѣдко употребляютъ песокъ съ могилъ: пескомъ, взятымъ непремѣнно съ могилы одноименнаго покойника, трутъ больное мѣсто; иногда пятно вокругъ обводятъ пальцемъ умершаго младенца—тески, чтобы оно не шло далѣе (Мак.). Рожа лѣчится присыпаніемъ больного мѣста мѣломъ и обвязываніемъ красною фланелью (Кологр.).

ВЕРЕДЪ.

Прикладываютъ печеную луковицу, лопухъ, намазанный скоромнымъ масломъ, сѣрой, хлѣбомъ пережеваннымъ и посоленнымъ (Чухл.), пьютъ настой волчьихъ ягодъ, иногда лѣчатъ черезъ очерчиванье пальцемъ кругомъ съ нашептываніемъ (Ветл.). Чирьи иногда называются сучьи соски. Чтобы отъ нихъ вылѣчиться, рекомендуютъ больное мѣсто намазать сметаной и дать слизать сукѣ (Варнав.).

БОРОДАВКИ.

Обводятъ бородавку ниткой и закапываютъ въ землю. Когда нитка сгніетъ, сойдетъ и бородавка. Берутъ нитку съ бородавокъ, завязываютъ узелки и кладутъ ее подъ квасницу: когда нитка сгніетъ, то и бородавки сойдутъ. Воруютъ мочалку изъ чужой бани, трутъ ею руки и кладутъ на старое мѣсто. Въ великій четвергъ надо взять горошину, приложить къ бородавкѣ, бросить въ печь, а самому убѣжать изъ избы.

КРОВОТЕЧЕНІЕ.

Порѣзы лѣчатся примачиваніемъ настоя березовыхъ почекъ въ водкѣ, корья—лыка, прикладываніемъ сѣры еловой, паутины (Кологр., Ветл., Костр.); отъ порубовъ стирается постное масло съ сахаромъ и привязывается къ ранѣ (Ветл.). Въ большомъ ходу и заговоры. Вотъ нѣкоторые образцы.

„Сидѣла на камешкѣ Мать Пресвятая Богородица, пряла шелковую ниточку. Ниточка порвися, руда (кровь) уймися!“ (Варнав.).

„Дернъ дерни не отъ камня воды, не отъ плоти травы, не отъ тѣла крови раба Божія (имя). Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. (Слова молитвы читаются трижды). Ты, кровь, уймися, ты, руда, завяжися по мое слово, по мой заговоръ; тебѣ, кровь, не кануть; тебѣ, руда, не вянуть по мое слово, по мой заговоръ!“ (Галичск.).

„Заговорю руду раба Божія (имя больного) жиляну и костяну, утренню и росяну; ѣдетъ батюшка Михаилъ Архангелъ на конѣ, везетъ яснаго сокола на рукѣ; подъ нимъ конь карь, а ты, руда, отстань. Во имя Отца и Сына и Святого Духа“ (Юрьевецк.).

„На морѣ на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ келейка; въ этой келейкѣ живутъ три родныя сестрицы, красный шелкъ прядутъ. Пришелъ къ нимъ разъ (имя) съ правой рукой, съ лѣвой ногой (смотря по тому, гдѣ рана) съ буйной головой. Сталъ онъ эту ниточку въ игольны ушки вдѣвать, кровяну рану зашивать. Съ той ниточки текуча кровь; течь уймись! Во имя замокъ! Аминь, аминь, аминь!“

„Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Дернь дернися, твердь твердися, кровь—руда уймися у раба Божія (имя) на (такомъ то мѣстѣ). Какъ не отъ камени воды, такъ и у раба Божія не было бы ни крови ни руды. Сидитъ Матерь Божія на престолѣ, держитъ въ рукахъ иглу златую, вдѣваетъ нитку шелковую, зашиваетъ рану кровяную..... Во вѣки вѣковъ. Аминь“.

„Во имя Отца.... (читается три раза), Господи Іисусе.... (тоже трижды). Всталъ я рабъ Божій (имя) благословясь и перекрестясь, умылся святой водой, утерся Божьей пеленой. Вышелъ въ чистое поле, подъ красное солнце. Въ чистомъ полѣ подъ краснымъ солнцемъ, есть море океанъ, островъ Буянъ, камень латоръ. Въ томъ камнѣ-латорѣ стоитъ часовня; въ той часовнѣ лежитъ мертвое тѣло. У мертваго тѣла стоитъ Николай Чудотворецъ, сѣчетъ и мечетъ мертвое тѣло, кидаетъ и мечетъ на всѣ четыре стороны. Изъ мертваго тѣла какъ изъ чернаго угля, изъ семидесяти жилъ, изъ семидесяти суставовъ ни крови ни руды, ни болѣзни ни тоски. Также и у раба Божьяго (имя) изъ семидесяти жилъ, изъ семидесяти суставовъ ни крови ни руды ни болѣзни, ни тоски отнынѣ и во вѣки вѣковъ (это послѣднее читается трижды, затѣмъ все читаютъ цѣликомъ три раза). Ключъ—небесъ, земля замокъ (трижды). Аминь!“

„Шла баба по рѣчкѣ, вела быка на ниткѣ; нитка порвалась, кровь то унялась; стала на камень, кровь то не канетъ; стала на кирпичъ, кровь то не кипитъ“.

„Въ чистомъ полѣ ричка бѣжитъ, черезъ ричку жердочка лежитъ, по жердочкѣ мышка бѣжитъ; а тутъ стоитъ конь карь, и въ рабѣ Божіемъ стань кровь и не кань".

„СКРИПУНЪ".

Больной подходитъ къ жаровцу (жердь, которой вытаскиваютъ изъ колодца ведро), третъ о него больной рукой и говоритъ: „не скрипи, скрипунъ, въ рукѣ, а скрипи на жаровцѣ". Жаровецъ долженъ быть такой, который при вытаскиваніи воды скрипитъ. Вмѣсто жаровца иногда употребляются двери, которыя при отворяніи скрипятъ; тогда говорятъ: „не скрипи, скрипунъ, въ рукѣ, а скрипи въ пятѣ" (Ветл.).

Для излѣченія *порченыхъ людей* и *страдающихъ припадками бѣсноватія* употребляютъ плакунъ траву, варятъ съ уксусомъ въ вольной печи въ красномъ горшкѣ и 6 зорь поятъ настоемъ больного.

Противъ *болѣзни сердца и умопомѣшательства* употребляютъ траву водоленъ, варятъ въ уксусѣ корень мачехи и пьютъ натощакъ.

При *ломотѣ и ушибахъ* натираются нашатырнымъ спиртомъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ масломъ и скипидаромъ.

Отъ *чесотки* надо отрѣзать кусокъ новины—холста, натереть имъ больное мѣсто и положить кусокъ холста кому нибудь въ гробъ; варятъ еще въ молокѣ коренья чистотѣла и мажутся имъ (Чухл.).

Отъ *боли и шума въ ушахъ* лѣчатся въ Костромск. у. тѣмъ, что вставляютъ въ ухо зажженный тюрикъ, облитый воскомъ.

При сильной *головной боли* прикладываютъ къ головѣ земли съ могилы одноименнаго покойника (Ветл.), употребляется кислая капуста, хлѣбный уксусъ и свѣжій творогъ (Варнав.).

Для *заживленія ранъ* употребляется пластырь, составленный изъ мыла, сала, сахару и воска (Варнав.).

Отъ *укуса собаки* читаютъ богородицкую молитву трижды безъ отдыха; отъ *укушенья змѣей* нашептываютъ на масло, которое послѣ того считается вполнѣ достаточнымъ цѣлебнымъ средствомъ (Варнав.).

Отъ *ожоговъ* лѣчатся яичнымъ желткомъ, смѣшаннымъ съ коровьимъ масломъ (Костр.).

У кого растетъ такъ назыв. *могильная кость*, ходятъ на могилу одноименнаго покойника, берутъ три раза на заръ могильной земли и трутъ ей больное мѣсто (Чухл.).

Отъ *вывиха ноги или руки* приходятъ на то мѣсто, гдѣ случился вывихъ, дѣлаютъ три земныхъ поклона, при

чемъ говорятъ: прости, мать сыра земля! Тебѣ бы отъ меня отойти, мнѣ бы Божья милость!“

Отъ *удушья* пьютъ настой брусничника и полыни.

Отъ *изжоги* ѣдятъ мѣлъ, а также сосутъ крестъ мѣдный, обязательно свой, иначе пользы не будетъ (Варнав.).

Отъ *холеры* дѣвицы съ распущенными волосами въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныя нитками, обутыя въ новыя лапти въ полночь везутъ косулю и дѣлаютъ кругомъ деревни борозду (Варнав.).

ВЫПАДОКЪ.

Этимъ именемъ называются глубокіе нарывы на частяхъ тѣла возлѣ костныхъ сочлененій. Въ общемъ это почти тоже, что въ медицинѣ называется костоѣдой. Лѣченіемъ этой болѣзни занимаются рѣдкія лѣкарки бабы. Лѣченіе бываетъ продолжительно, при строгой пищевой діетѣ. Лѣченіе состоитъ въ ежедневныхъ утромъ и вечеромъ припаркахъ больного мѣста теплымъ отваромъ „выпадочной травы“ и перевязкахъ съ прикладываніемъ къ больному мѣсту этой же травы. При продолжительномъ теченіи болѣзни случается выпадаютъ части костей, отчего и болѣзнь получила названіе „выпадокъ“. (Варнав.).

ЖЕНСКІЯ и ДѢТСКІЯ БОЛѢЗНИ.

Противъ женскихъ болѣзней вообще варятъ въ горшкѣ корень стрежеваго узика, межевой подборъ (растетъ на межахъ въ полѣ), плодъ земли (мелкая травка), и пьютъ теплый настой.

Отъ кровотеченія даютъ пить настой травы подбирухи. (Ветл.).

Не лишенные интереса обряды соблюдаются при рожденіи и крещеніи дѣтей, чтобы съ одной стороны облегчить муки родильницы, а съ другой сохранить здоровье рождающагося и предупредить возможность заболѣванія. Такъ въ Ветлужскомъ у. когда баушку приглашаютъ къ родильницѣ, то она беретъ три уголька, опускаетъ ихъ въ холодную воду и смотритъ, что будетъ. Если эти угольки закипятъ и соединяются вмѣстѣ, то родильница страдаетъ „уроками“ (припадочными болѣзнями); а если этого явленія не произойдетъ, то она здорова. Водою съ угольками баушка, предупредивъ, спрыскиваетъ, для святого часу, родильницу, при чемъ творитъ молитву Іисусову и урочную, если знаетъ: „мой глазъ не урочливъ, не я буду говорить. Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ: озепы, уроки, сойдите съ рабы Божіей (имя), на огнѣ сгорите, съ водою уйдите!“; затѣмъ остатки этой воды выливаетъ черезъ лѣвое плечо въ голбецъ или

на улицу, говоря: „озепы, уроки! откуда пришли, туда и подите!“. Если родильница тяжело мучится, то отворяютъ двери и окна, зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, открываютъ сундуки и коробки, вынимаютъ изъ ушей серьги, моютъ ложки и воду даютъ пить родильницѣ, поятъ также водою, которою окачены три яйца или суровыя нитки, стараются, чтобы меньше знало народа, потому что, по мнѣнію крестьянъ, чѣмъ больше знаютъ, тѣмъ больше приходится мучиться, просятъ священника открыть царскія врата, а иногда сама баушка беретъ чистый горшокъ, прошибаетъ въ немъ дно и поновляетъ (обмываетъ) его чистою водою съ угольками, говоря: „Господи! Прости душу грѣшную и выпусти безгрѣшною“. Этою водою спрыскиваетъ родильницу и даетъ ей пить. Если муки долго не проходятъ, то ищутъ легкосерднаго человѣка, (который первымъ или послѣднимъ родился отъ благочестивой матери) и просятъ его спрыснуть родильницу приготовленною баушкою водой, творя Іисусову молитву. При трудныхъ родахъ поновляютъ еще вѣтряные кресты (крестообразные сучки на углу дома) спорною водою, взятою съ трехъ колодцевъ или съ трехъ встрѣчныхъ рѣчекъ, водою спрыскиваютъ родильницу и даютъ ей пить, заставляя читать нѣсколько разъ Іисусову молитву. Мѣсто завертываютъ въ бѣлую тряпку и зарываютъ подъ поломъ. Если родятся напримѣръ все мальчики, а желательно имѣть дѣвочку, то родильница мѣсто вымываетъ и выворачиваетъ на другую сторону. Когда отрѣжутъ пуповину, то кровью мажутъ щеки ребенка, чтобы онъ былъ краснощекій; самую же пуповину хранятъ и водою съ этой пуповины поятъ ребенка, когда у него появится грыжа. Ребенокъ, родившійся въ сорочкѣ, считается счастливымъ, сорочку высушиваютъ и хранятъ во все время жизни; когда же человѣкъ умретъ, то вмѣстѣ съ нимъ кладутъ и сорочку. Послѣ рожденія младенца, чтобы онъ былъ спокоенъ, баушка паритъ его въ банѣ и говоритъ: „не слушай ты того, гдѣ курицы кокочутъ, да зайчики бобочутъ, да бабы щекочутъ, а слушай того, гдѣ свинушки спятъ, да шипятъ, будь спокойный, да угомонный, матери днемъ дѣлать, а ночью спать давай“. (Ветл.). Или еще: „ѣхала баба изъ-за морья—везла коробъ здоровья; тому сему хлопочекъ, а тебѣ (имя) весь коробочекъ. Не слушай ты, дитятко, дѣ (гдѣ) курицы кокочутъ, да бабы хлопочутъ, а слушай, дѣ свиньи спятъ, да добрые люди добро говорятъ. Не я тебя парю, не я тебя гладю, а мать Пресвятая Богородица шелковымъ виничкомъ бумажное тѣло твое. Будь упокоенъ, будь угомоненъ, уменъ и вѣжливъ. Не ради пару, не ради жару тебя я парю, а ради добраго здоровья—для упокою, для угомону, ума и счасокъ (счастья)“. (Варнав.). Купельную воду послѣ крещенія выливаютъ подъ

разсадникъ для того, чтобы ребенокъ росъ большимъ. Если предшествующія дѣти умирали, то воспріемникомъ просятъ быть перваго, кто попадется на встрѣчу.—Стригутъ первый разъ, когда мальчику исполнится годъ, и волосы эти затыкаютъ за матицу, чтобы ребенокъ больше росъ.—Новорожденныя дѣти, по словамъ крестьянъ, обыкновенно страдаютъ „щекотуномъ“. Щекотунъ является у дѣтей (почти у каждаго), по мнѣнію бабокъ, оттого, что матери во время беременности вступали на помело, пинали кошку, гадали и ругались. Лѣчатъ щекотунъ такъ: мѣсятъ на материномъ молокѣ колобъ и трутъ имъ въ банѣ на полкѣ спину дитяти, что то при семъ приговаривая. Щекотунъ тутъ же на глазахъ, по увѣренію бабокъ, и выходитъ на спину въ видѣ веретеннаго жала, или въ видѣ поросячьей щетины. Присутствіе щекотуна узнаютъ по безпокойному состоянію ребенка; если двѣ, три ночи младенецъ почему либо не спокоенъ, не спитъ, бабки сейчасъ же заключаютъ: „щекотунъ, знать, дуронька; не минешь итти къ старенькой“. (Макар. у.).

Щекотунъ нѣсколько напоминаетъ такъ назыв. *тишину*, болѣзнь, соединенную съ потерей сна, задумчивостью, бредомъ, поврежденіемъ умственныхъ способностей, иначе *родимецъ*, *падучка*. Отъ нея въ большомъ употребленіи наговоры. Вотъ образцы: „встану я раба Божія (имя рекъ) благословясь, перекрестясь, умоюсь бѣленько, утрусь чистенько, пойду я раба Божія изъ дверей во двери и подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды ко Божьей церкви—апостольской, въ этой церкви стоитъ златъ престолъ, на этомъ престолѣ матушка Богородица, я ей матушкѣ помолюсь, перекрещусь о рабѣ Божіемъ (такомъ-то) младенцѣ отъ 12 скорбей, отъ 12 болѣзней, отъ 12 тишинъ, отъ 12 грыжъ, отъ 12 камчуковъ, отъ 12 опуховъ; отъ нечистаго глаза, отъ буйнаго вѣтру, отъ лихого человѣка во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Встану я рабъ Божій (такой-то) благословясь, перекрестясь, пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ черные облака; есть у меня раба Божія въ чистомъ полѣ Окіянъ море, на кіянѣ морѣ стоитъ златъ островъ, на златѣ островѣ стоитъ златъ престолъ, на златѣ престолѣ стоитъ мать Пресвятая Богородица: „како ты, Мати Пресвятая Богородица, съ синя моря пѣну сдуваешь и смахиваешь, сдуй, смахни съ раба Божія (такого-то) 12 тишинъ, 12 камчужищевъ (названіе чирьевъ кучковатыхъ), 12 недужищевъ, 12 щиповыхъ, костовыхъ и ломовыхъ жильныхъ и полужильныхъ, ключи-замки въ воду, огонь въ гору во имя Отца и Сына и Святого Духа“.—Этотъ послѣдній заговоръ надо прочитать трижды и трижды перекрестить больного. Во время паренья больного мла-

денца въ банѣ баушка помимо наговоровъ, обычно здѣсь произносимыхъ, соблюдаетъ извѣстныя правила, какъ брать вѣникъ, воду, куда повернуть лицомъ ребенка, когда ударить его головой о матицу.

СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ У ДѢТЕЙ.

Подъ именемъ собачьей старости въ народѣ слыветъ дѣтская болѣзнь, именуемая въ медицинѣ англійской болѣзнію. Худоба, худосочіе и остановка роста костей при этой болѣзни, по мнѣнію простого люда, есть слѣдствіе недоношенности ребенка въ утробѣ матери, а потому такого ребенка надо допечь въ печкѣ, „запечь“ или „перепечь“. Пеленаютъ больного младенца въ новую крашенину, кладутъ на лопату и держатъ на ней ребенка нѣкоторое время въ жарко натопленной печкѣ; случается—не допекутъ — опять сажаютъ. Случается, что младенецъ упадетъ съ лопаты. Живой примѣръ такого лѣченія—женщина съ обожженной щекой. (Ее можно встрѣтить и теперь на базарѣ или въ церкви). (Макар. у.). Перепеканіе производится еще и другимъ способомъ. Дѣлается обыкновенное тѣсто, какъ для хлѣбовъ, изъ тѣста дѣлается большой блинъ въ видѣ простыни, въ этотъ блинъ завертываютъ дитя, какъ окорокъ, и сажаютъ на лопатѣ въ печку, какъ коровай хлѣба, и держатъ въ печкѣ на этой лопатѣ нѣсколько минутъ. Способъ теперь рѣдко-употребительный, но употреблявшійся на самомъ дѣлѣ. (Варнав. у., Уренская вол.).

ГРЫЖА.

Больныхъ грыжей дѣтей пронимаютъ черезъ осину (Макар.), лѣчатъ каплями скипидара и проч., прижиганіемъ пупка вѣнчальною зажженною свѣчею, кладутъ на пупокъ водяного чернаго таракана (плавунъ), чтобы онъ укусилъ пупокъ, смазываютъ мазью изъ подъ мельничнаго жернова (Кологр.).

ИСПУГЪ.

Окачиваютъ наговорной водой подъ куринымъ насѣстомъ (Макар.). Берутъ пѣтуха, держатъ его на шесткѣ вверхъ ногами надъ чашкой и окатываютъ водой. Эту воду считаютъ цѣлебной и моютъ ею ребенка (Варнав.). Есть и заговоры. Вотъ одинъ изъ нихъ: заговорщица приставляетъ руку къ матицѣ и говоритъ: „матица и потолокъ! Сними съ раба Божія (имя) переполохъ: денной и полуденной, ночной и полуночной, часовой и получасовой, минутной и секундной“. Затѣмъ заговорщица читаетъ молитву: „Господи

Іисусе Христе“ и, положивъ руку на переносье дитяти, говоритъ: „носье—переносье! Не полошься, не пугайся—надъ тобою будь сила небесна!“ (И опять читается Іисусова молитва).

«СГЛАЗЪ», «УРОКИ».

Берутъ ковшъ съ водой, кладутъ въ него три угля и этой водой вспрыскиваютъ ребенка, говоря: „урочища, зѣпища, отколя пришли, туды и подьте!“ Это же повторяется три раза. Потомъ, стукнувши ребенка ковшомъ, кладутъ спать (Варнав.).

НАКОЖНЫЯ БОЛѢЗНИ.

При накожныхъ сыпяхъ на лицѣ дѣтей употребляютъ такъ назыв. „присѣканіе“ огня. Высѣкаютъ огонь изъ кремня и прижигаютъ искрами струпья, отъ чего болѣзнь будто бы проходитъ (Костр.).

ЗОЛОТУХА.

Варятъ въ водѣ калиновыя и смородиновыя вѣтви и этой водой моютъ золотушныхъ дѣтей (Ветл.).

Данный нами краткій очеркъ лѣчебныхъ средствъ, употребляемыхъ простымъ народомъ въ борьбѣ съ своими болѣзнями въ предѣлахъ нашей губерніи, считаю не лишнимъ закончить изложеніемъ двухъ недавно сравнительно образовавшихся въ народѣ легендъ, а именно легендъ о холерѣ 1891—92 г.г., согласно которымъ крестьяне если не всѣ, то довольно многіе причиной своихъ болѣзней считаютъ грѣхи, а слѣдовательно, по мнѣнію ихъ, главное средство избавиться отъ болѣзни: благочестивая и добропорядочная жизнь.

Вотъ первая изъ легендъ, записанная въ Нерехотскомъ уѣздѣ, въ селѣ Никитскомъ: „Шла странница—богомолка; зашла она ночевать въ деревню; никто ее не пустилъ къ себѣ. Она пришла къ церкви и легла на паперти; не успѣла еще заснуть, какъ подошелъ къ ней старичекъ, попросилъ ее итти за собой. Предъ ними отворились сами церковныя двери, и они вошли и стали предъ царскими вратами. Посмотри-ка направо! говоритъ старичекъ. Богомолка взглянула направо и увидѣла хлѣбъ густой, высокій, да колосистый. Теперь взгляни-ка налѣво,—такъ и ужаснулась, чуть не упала. Тамъ вся сторона заставлена гробами разными. Поди, говоритъ старичекъ, разскажи, что ты ви-

дѣла, людямъ грѣшнымъ: хлѣба уродится нынѣшній годъ много, да жать его будетъ некому".

Другая легенда записана мною въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, Махловской волости, деревнѣ Овчинниковой. Передаю со словъ самого разсказчика. „Тысяча восемь сотъ девяносто во второмъ году была въ Нижнемъ и вообще въ нижнихъ городахъ по Волгѣ страшная холера, а также и большой голодъ: хлѣба всѣ выгорѣли, и въ нижнихъ губерніяхъ по Волгѣ, и въ нашей сторонѣ. У народа своего хлѣба не было, да и покупать было плохо, потому что цѣна хлѣбу очень поднялась. Тогда въ народѣ ходили ужасные слухи: народъ повсюду стоналъ и вздыхалъ.

Вездѣ, гуляютъ ли мужики и бабы гдѣ нибудь толпой или просто, гдѣ сойдется мужикъ съ мужикомъ, или баба съ бабой, даже у молодежи, у парней и дѣвокъ на гульбищахъ, у маленькихъ дѣвченокъ и ребятишекъ, когда они гдѣ нибудь толпой или вдвоемъ гуляли, вездѣ слышались тяжелые вздохи, и передавали разсказы о свирѣпствующей холерѣ и голодѣ. Разсказывали, какъ на нижегородскихъ улицахъ корчились люди, вдругъ заболѣвавшіе холерой, какъ тотчасъ же подхватывали корчившихся полицейскіе и отправляли ихъ въ холерные бараки, какъ накладывались полѣнницы тѣлъ отъ умершихъ холерой, какъ кучами зарывали трупы въ ямы, и какъ между этими трупами зарывали много живыхъ холерныхъ и даже здоровыхъ людей, какъ они кричали, чтобы ихъ выпустили, но ихъ по небрежности своей могильщики все-таки зарывали вмѣстѣ съ тѣлами умершихъ отъ холеры. Подобные случаи разсказывались съ большимъ негодованьемъ на начальство и докторовъ. Говорили о голодѣ и холерѣ, что эти два горя напустилъ Богъ предъ кончиной міра, что это уже все означаетъ послѣднія времена, что вотъ де нонча велика холера, да это еще только цвѣточки, а вотъ будутъ и ягодки. Будетъ еще сильнѣе холера, а тутъ де еще будетъ лѣто, всего три года, и хлѣба три года не уродится, все годъ отъ году будетъ голоднѣе: умретъ третья часть людей на землѣ, и тогда начнется всемірная война, что уже на нашего бѣлаго царя точатъ зубы три державы, а главная изъ нихъ агличанка. А послѣ войны придетъ ужъ антихристъ и будетъ всѣмъ на правой рукѣ печать вырѣзывать. И весь народъ находился тогда въ ужасномъ страхѣ и ожиданіи чего то особеннаго. И вотъ что случилось тогда по словамъ разсказчика.

Былъ въ деревнѣ Овчинниковой домъ старинной; ужъ въ немъ давно всѣ хозяева же повымерли, и давнымъ давно въ немъ никто не жилъ; и былъ онъ такъ заколоченъ, что никто въ него и не ходилъ. А только кажную ночь, какъ только двѣнадцать часовъ минетъ, будетъ самая глухая полночь, вотъ въ немъ и засвѣтится огонь и горитъ,

горитъ всю ночь. А какъ только дѣло къ разсвѣту, и огонь потухаетъ. И видятъ это всѣ, кои тутъ живутъ, да никто не смѣетъ туда взойти: всѣ боятся. А ужъ хотѣлось имъ узнать, что де это такое тамъ за огонь. Вотъ и проходилъ этой деревней одинъ парень, такъ себѣ, прохожой, да видно жизни то хорошей. Вотъ и проходитъ онъ по деревнѣ, а мужики гуляютъ себѣ: день то былъ праздничный. Подходитъ это парень къ нимъ. „Здорово, говоритъ, добрые люди! О чемъ это вы разсуждаете?“—„Да вотъ, говорятъ они, вонъ тамотка у насъ видишь ли домъ? Старинный онъ у насъ, а въ немъ, говорятъ, вѣдь вотъ что у насъ кажну ночь бываетъ“. И все это ему тутъ растолковали, да и говорятъ: „вотъ ты не порядишься ли у насъ ночевать въ этой избѣ хоть одну ночку?“—„Да что-жъ, говоритъ, я начую; только вы мнѣ за это дайте десять рублей“.—„Хорошо, говорятъ, дадимъ тебѣ десять рублей, только ты начуй“. И вотъ они согласились. И пошелъ парень въ этотъ старинной домъ и легъ тамо на полати въ эдакомъ то дому. Лежитъ себѣ и думаетъ: мало ли чего не привѣтъ ему въ голову. А мужики думаютъ: ну онъ чужой! Надъ нимъ и стрясется ежели что, такъ ничего: за то ему и десять рублей. А онъ лежитъ себѣ на полатяхъ и хошь бы те што! Вотъ вдругъ въ самую полночь растворяется дверь, и входятъ двое. Прошли они впередъ мимо, значитъ, этихъ полатей. Одинъ же, кой, значитъ, главной заглянулъ на полати да и говоритъ: „ну, братъ, соводне видно насъ будетъ трое“. А ужъ молодецъ и не дышитъ со страху. „Ну, говоритъ главной-отъ, давай засвѣчай огонь, да побесѣдуемъ, товарищъ!“. И зажгли они огонь и разложили на столѣ большущую книгу, ровно какъ какое евангеліе, книгу жизни, и зачали все тутъ разсматривать, да и говорятъ: „слѣзай сюды къ намъ, молодецъ: ты насъ не бойся—мы тебѣ, говорятъ, ничего не сдѣлаемъ: не бойся насъ!“ Ну онъ подумалъ, подумалъ: „что де ровно бы это люди хорошіе; слѣзу“. Вотъ и слѣзъ, поклонился имъ все какъ быть слѣдуетъ. „Садись, говорятъ, съ нами, молодецъ. Мы тебѣ рады, что пришелъ ты сюда ночевать. А мы для тово здѣсь и сидимъ кажну ночь, чтобы кто осмѣлился—пришелъ сюды; а мы бы ему сказали Божью волю, а онъ чтобы людямъ. До вотъ народъ-отъ сталъ все дрянь—всего боятся, а грѣхи творить такъ не боятся. Такъ иди же, молодецъ, скажи людямъ, что они совсѣмъ забыли Бога; что потому и послалъ на нихъ Богъ холеру да голодъ, что они тово достойны—все пьютъ вино, и всю то мать сыру землю прокляли; все матерно ругаются изъ души въ душу и клянутъ троихъ матерей: во первыхъ Мать Пресвяту Богородицу, другу свою родную мать, третью мать сыру землю. А потомъ курятъ табакъ да все жрутъ зерна подсолнечныя да изъ сво-

ихъ поганыхъ ртовъ всю мать сыру землю оплевали, да и дымомъ своимъ табашныемъ нечистымъ все небо закоптили. Такъ вотъ разскажи-ко ты имъ, что, ежели они отстанутъ пить вино, да поматерно ругаться, да табакъ курить, да зерна ѣсть, тогда Богъ ихъ помилуетъ". И просидѣлъ молодецъ съ ними всю ночь: все то читали они ему про грѣхи разные; и разстались они лишь къ утру. Мужички думали: найдемъ ли де живымъ то проходимца этого? А онъ хвать собираетъ весь десятокъ и все имъ тутъ растолковалъ. Всѣ только поахали, десять рублей ему отдали да просили его: „полно ко—живи съ нами: мы ужъ больно тебя полюбили". Да онъ только ужъ самъ ушелъ. И съ той поры какъ ровно отрѣзало: не стало огня по ночамъ въ томъ старинномъ дому.

БОЛѢЗНИ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Пріемы лѣченія собственныхъ болѣзней крестьяне до нѣкоторой степени примѣняютъ и при заболѣваніяхъ домашнихъ животныхъ. Такъ спрыскиваютъ съ вѣника наговоренною водою съ угольками, водой богоявленской; спрыскиванье сопровождается молитвенными словами къ Іисусу Христу и Божіей Матери (Костр., Галичск.); наговариваютъ на соль, хлѣбъ; по словамъ знахарей, они при этомъ читаютъ только молитвы, но иногда съ прибавленіемъ: однажды, напр., знахарка послѣ молитвы: „Богородице Дѣво....", которую немилосердно перевирала, еще приговаривала: „уйди отъ вѣтра восточнаго, либо западнаго, либо южнаго, либо сѣвернаго", при чемъ поворачивалась въ соотвѣтствующую сторону и трижды плевала; наговоренную соль, хлѣбъ даютъ съѣсть больному животному.

Далѣе въ большомъ ходу подкуриванье. На горячіе уголья кладется боровой пострѣлъ, богородская или какая либо другая цѣлебная травка, иногда росной ладанъ, воскъ, и больное животное окуривается (Варнав., Чухл., Буйск., Галичск., Макар.).

Въ Макарьевскомъ у. г. Унжѣ жители окрестныхъ деревень еще и по сіе время каждогодно весной окуриваютъ своихъ животныхъ „деревяннымъ огнемъ", добываемымъ посредствомъ тренія одного дерева о другое, и слѣпо вѣрятъ, что это окуриванье обеззараживаетъ животныхъ.

Иногда подкуриваютъ птичьимъ пометомъ, такъ называемой „Адамовой травкой", три раза произнося молитву Іисусову (Солигал.).

Въ Макар. у. селѣ Крутые каждую корову на третій день послѣ отела окуриваютъ богородской травкой (покупаютъ у татаръ), ладаномъ и воскомъ, при чемъ происходитъ такой разговоръ между окуривающими. 1-я: „что куришь?“ 2-ая „Уроки“. 1-ая:—„Кури ихъ гораздо!“. Говорятъ это три раза, обходя и дымя корову.

При наружныхъ заболѣваніяхъ употребляются припарки изъ мелкаго сѣна, изъ травы такъ назыв. неугойницы съ желтыми цвѣточками; та же трава, но съ красными цвѣточками съ хлѣбомъ служитъ для внутренняго употребленія, равно какъ сѣра горючая, составъ изъ постнаго и деревяннаго масла съ сѣрнымъ цвѣтомъ.

Перехожу теперь къ изложенію средствъ противъ отдѣльныхъ болѣзней.

НОГОТЬ.

Простудныя болѣзни животныхъ: лошади, коровы отъ опоя и другихъ причинъ называютъ „ногтемъ“. Лѣчатъ непремѣнно знахари чрезъ разрывъ ноздрей заболѣвающаго животнаго „рысьимъ когтемъ“ (у каждаго знахаря обязательный приборъ); добытую кровь мѣшаютъ съ солью и смѣсь съ нашептываніемъ забиваютъ въ ноздри, вынуждая животное отряхнуться, что и служитъ будто бы признакомъ выздоровленія. (Ветл.). Надъ солью произносятся такіе, напр., наговоры.

„Встану благословясь, пойду перекрестясь, выйду въ чисто поле—въ широкое раздолье, подъ свѣтлое небо, подъ частыя звѣзды, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнце и пойду на океанъ—море. На океанѣ—морѣ есть сѣдъ мужъ, сидитъ въ ступѣ и держитъ калену стрѣлу, натягиваетъ тугой лукъ и опускаетъ калену стрѣлу къ (масть лошади: рыжему, вороному и т. п.) коню внутрь и въ спину и въ сердечну жилу, выпаливаетъ всю нечисту силу“. (Ветл. у.).

„Я раба Божія (имя) встану поутру рано, свѣжей водой умоюсь, Спасу образу помолюсь и Пресвятую Богородицу попрошу: дайте помощниковъ 12 ангеловъ, гнѣва ихъ съ молотомъ, бейте выжигайте 12 ногтевъ огневыхъ, мозговыхъ, костовыхъ, жильныхъ, кровяныхъ, тѣлесныхъ, толныхъ, внутреннихъ, криковыхъ, брановыхъ, копытныхъ съ (такимъ-то) животомъ по всякій часъ пей и выпивай, жги и выжигай“ (Кологр.).

„Я рабъ Божій (имя) встану перекрестясь, Богу помолясь, честнымъ иконамъ поклонясь, выйду въ чисто поле, пойду изъ заворъ въ заворы (проходъ въ огородъ, забираемый жердями) къ синю морю; у синя моря стоитъ кузъ-

ница, въ кузницѣ великіе кузнецы Марко, Матвѣй, Иванъ и Лукоянъ (Лука и Лукоянъ имена въ народѣ не различаются), Кузьма и Даміанъ—врачи (приводятся и другіе святые, кому и гдѣ по обычаю какіе нужны—здѣсь разумѣется обычай православныхъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни молиться извѣстнымъ святымъ). Мать Пресвятая Богородица, благослови, прикажи заковать, забить отъ благословленаго живота отъ скотинушки матушки 12 злыхъ недужицевъ корчевыхъ, ломовыхъ, костовыхъ, жильныхъ (подбирается двѣнадцать, кому какихъ сумѣется), загонить ихъ въ окіанъ—море, на самое роднище (туда, гдѣ какъ бы море въ бездну простирается) безживотную сторону, дайте Божьей скотинушкѣ житье и здоровье хозяину—христіанину на радость и вспомогу. Аминь" (Кологр.).

„Отговорю тебя, лошадушка Власко, отъ ночной притки, отъ денной притки, отъ полуденной притки, отъ полуночной притки, отъ часовой притки и отъ получасовой, отъ минутной и отъ полуминутной притки. Полно тебѣ, притка, быть, и полно тебѣ, притка, жить, и полно тебѣ ликоваться, и полно тебѣ радоваться, и пора тебѣ, притка, съ лошадушкой Влаской разставаться; не быть и не жить тебѣ, притка, въ лошадушкѣ Власкѣ, ни кости сушити, ни жилы дробити, ни въ костяхъ ломоты, ни въ утробушкѣ рѣзоты, чтобы не было въ головушкѣ ни шуму, ни грому, ни стрѣльбы. И полно тебѣ, притка, въ лошадушкѣ жить, и полно тебѣ быть, и полно тебѣ ликоваться, и полно тебѣ радоваться, и пора тебѣ, притка, съ лошадушкой Влаской разставаться".

(Если скотина очень больна, то читать три раза и три раза молитву „Да воскреснетъ Богъ").

„Ноготь" лѣчится еще тѣмъ, что кусаютъ кожу животнаго отъ гривы по направленію позвоночнаго столба.

При опоѣ лошади коновалы поднимаютъ раковину, т.-е. выпускаютъ дурную кровь, поятъ виномъ съ нюхательнымъ табакомъ и масломъ, поятъ огуречнымъ и говяжьимъ разсоломъ.

При *потерѣ жвачки* кормятъ лыкомъ, кладутъ за щеку кусокъ мочала, а въ носъ набиваютъ наговоренной соли. (Ветл.).

При *кашлѣ* даютъ животному въ порошкѣ рака сушенаго.

При *мокрецѣ* употребляется сметана, стертая съ порохомъ и крѣпкая водка, въ которой предварительно распускаются стальныя иголки (Варнав.).

Противъ *падежа скота* однимъ изъ самыхъ ридикальныхъ средствъ считается опахиванье. 12 дѣвицъ, рѣдко женщинъ съ распущенными волосами въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныя нитками, обутыя въ новые лапти безъ плат-

ковъ, безъ креста, съ разстегнутыми воротами рубашекъ везутъ косулю; везутъ въ глухую полночь противъ солнца. При этомъ дома, въ которыхъ былъ случай падежа, оставляются за бороздою, такъ сказать, выгораживаются, чтобы болѣзнь въ опахиваемое мѣсто не попала (Варнав., Костр.); изрѣдка при опахиваніи одна изъ дѣвицъ съ иконою въ рукахъ идетъ впереди, а другія уже за ней везутъ соху или косулю. (Богор. вол. Варнав. у.).

Наконецъ болѣзни скота народъ нерѣдко склоненъ объяснять нападками домового, въ особенности когда животное лежитъ на одномъ мѣстѣ и не встаетъ: это, говорятъ, домовой расшибъ, ударилъ. Въ подобныхъ случаяхъ лѣчатъ его солью отъ великаго четверга, которой трутъ уши, ноздри и крестецъ коровы, мѣднымъ порошкомъ, при чемъ наскоблить его надобно обязательно съ иконы (Макарьевск.); иногда особый знахарь читаетъ молитвы, каплетъ воскомъ богоявленской свѣчи по хребту больного скота, окуриваетъ ладаномъ, обходя его трижды (Юрьев.), произноситъ надъ водой молитву отъ „сусѣдушка“ и этой водой спрыскиваетъ животное. Вотъ и самая молитва—заговоръ. „Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Всѣ переходы и всѣ духи нечистые, откуда пришли, туда и подите! По вѣтру пришли, по вѣтру и подите; водою пришли, водою и подите; землею пришли, землею и подите; отъ людей пришли, на людей и подите. Лягу я благословясь, встану я перекрестясь, умоюсь водою, утрусь шитымъ бранымъ полотенечкомъ; пойду изъ избы дверями, улицей, воротами; въ чистомъ полѣ въ восточной сторонѣ на океанъ—морѣ стоитъ золотой престолъ, за золотымъ престоломъ сидитъ батюшко Михайло Архангелъ, пабица Божія Матерь. Пойду поближе, поклонюсь пониже: Батюшка Михайло Архангелъ! Подсоби мнѣ вывести сусѣдушка страшнаго.... Вотъ возгорится батюшка Михайло Архангелъ: сусѣда сусѣдушка посажу на печной столбъ, въ дымовой чадъ изъ пару изъ жару сусѣда сусѣдушка на печномъ столбу, въ дымовомъ чаду; поди, сусѣдъ сусѣдушка къ старому хозяину, къ Симону проклятому. Лягу благословясь, умоюсь водой утренней, утрусь шитымъ бранымъ тонкимъ полотенечкомъ. Пойду изъ избы дверями, улицей, воротами, въ чисто поле, въ восточную сторону. Въ чистомъ полѣ, въ восточной сторонѣ на океанъ—морѣ стоитъ матушка церковь, и стоитъ золотой престолъ; сидитъ батюшка Іоаннъ Креститель Христомъ присланъ: подсоби, помоги сусѣда сусѣдушка выгнать съ широкаго двора на задній дворъ и бросить за заборъ. Ну поди сусѣдъ сусѣдушка, откуда пришелъ, туда и поди, къ старому хозяину. Которое слово въ забыти, то будь впереди. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь“.

А чтобы предохранить домашнихъ животныхъ въ особенности лошадей отъ нападокъ домового, самое лучшее

завести козла или въ крайнемъ случаѣ привѣсить въ стойлѣ козлиную голову. Подобное повѣрье объясняется слѣдующей легендой. „Когда Богъ создалъ Адама такимъ прекраснымъ по своему подобію, діаволу завидно стало, что онъ на всей землѣ не имѣетъ никакого себѣ подобія. Вотъ онъ намѣсилъ глины и слѣпилъ изъ нея точь въ точь свое подобіе: съ бородой, съ хвостомъ и рогами. Только какъ онъ ни ухитрялся оживить слѣпленную фигуру,—никакъ не могъ: онъ дулъ въ нее изо всей мочи, и не въ состояніи былъ сообщить ей жизни. Богъ видѣлъ всѣ эти продѣлки нечистаго, да какъ вдругъ дунетъ: фигура оживилась, явился настоящій козелъ и погнался за діаволомъ, хотѣлъ бить его рогами; но тотъ испугался и насилу убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ діаволъ боится козла, и поэтому держатъ его на конюшняхъ, чтобы онъ защищалъ лошадей отъ нападокъ домового". (Нерехтск.).

Изъ представленнаго нами краткаго очерка лѣчебныхъ средствъ, употребляемыхъ простымъ народомъ въ предѣлахъ нашей губерніи, нельзя не видѣть, что, несмотря на пробужденіе сознательной мысли въ народѣ, еще крѣпкими путами сковываютъ умъ простолюдина вѣковые предразсудки и суевѣрія. Да станутъ же при начавшемся обновленіи русской жизни выработанныя народомъ полезныя средства лѣченія достояніемъ науки, какъ это уже отчасти и сдѣлано въ трудѣ доктора Попова, а суевѣрія и вредныя средства, нами отмѣченныя, да канутъ навсегда въ Лету забвенія.

В. А. Андрониковъ.

АРХИВЪ
ДЕПАРТАМЕНТА ГЕРОЛЬДІИ
Правительствующаго Сената.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Предметомъ моего сообщенія служатъ нѣкоторыя данныя—историческія и статистическія объ Архивѣ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

Заговорить о немъ здѣсь я рѣшился по слѣдующимъ обстоятельствамъ и соображеніямъ.

Отдѣлъ архивовѣдѣнія настоящаго историко-археологическаго Съѣзда, помимо изслѣдованія мѣстныхъ архивовъ, долженъ, конечно, включать въ число своихъ задачъ и рѣшенія вопросовъ общихъ по архивовѣдѣнію и касаться архивовъ центральныхъ, къ которымъ мѣстные архивы имѣютъ близкое соотношеніе, а нѣкоторые изъ нихъ даже находятся въ тѣсной связи.

Затѣмъ, въ настоящее время, какъ вы увидите изъ моего дальнѣйшаго изложенія, Архивъ Департамента Герольдіи переживаетъ своего рода кризисъ, и вопросъ, затронутый о немъ на ученомъ съѣздѣ, можетъ обратить на него вниманіе высшихъ властей и благодаря этому получить скорѣйшее и надлежащее разрѣшеніе.

Наконецъ, меня побуждаетъ сказать объ Архивѣ Департамента Герольдіи и его сравнительная малоизвѣстность. О немъ не только въ печати, но и въ департаментскихъ отчетахъ не говорится почти ни слова; вслѣдствіе этого даже лица, близко соприкасавшіяся съ нимъ и причастныя Департаменту, имѣли о немъ смутное понятіе и часто смѣшивали его съ прочими департаментскими архивами, въ которыхъ хранятся дѣла за послѣднія 50 лѣтъ и которыя занимаются только „пріуготовленіемъ“ дѣлъ къ сдачѣ въ Сенатскій общій архивъ.

II

Начатый своимъ образованіемъ еще въ двадцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, Архивъ Департамента Герольдіи представляетъ собою совершенно особое самостоятельное учрежденіе—хранилище, какъ по своему исключительному роду дѣлъ, такъ равно и по той живой безпрерывной связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствпмъ, какой не наблюдается нигдѣ.

Заключая въ себѣ до 250.000 дѣлъ, изъ которыхъ большинство около 180.000 по производству въ потомственное дворянство, и болѣе 3.000 разнаго рода книгъ, журналовъ, опредѣленій, родословныхъ и проч., Герольдійскій архивъ можетъ считаться богатѣйшимъ дворянскимъ архивомъ.

Принимая, затѣмъ, во вниманіе, что губернскіе архивы Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній „всѣ лежатъ въ забвеніи", какъ недавно о нихъ выразился Л. М. Савеловъ въ своемъ докладѣ на XI археологическомъ съѣздѣ, „и находятся на попеченіи архиваріусовъ, стариковъ пенсіонеровъ дворянства, мечтающихъ только о томъ, чтобы ихъ не безпокоили" [1]); что нѣкоторыя ихъ нихъ, какъ напр. архивъ Гродненскаго, С.-Петербургскаго, Смоленскаго, Симбирскаго и Казанскаго собраній въ значительной степени выгорѣли и что въ 1895 г. были, наконецъ, доставлены изъ Варшавы въ Петербургъ всѣ дѣла по дворянству и почетнымъ титуламъ уроженцевъ Привислинскаго края,—Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената долженъ занять мѣсто общаго, центральнаго, всероссійскаго дворянскаго архива.

Что-же касается самыхъ дѣлъ и документовъ, хранящихся въ архивѣ, то ихъ высокое государственное, общественное и научное значеніе является безспорнымъ, даже послѣ предстоящаго уничтоженія привиллегій, сопряженныхъ теперь съ полученіемъ дворянства.

Все это невольно заставляетъ обратить особое вниманіе на Герольдійскій архивъ, который, кстати сказать, по своему внѣшнему устройству, не подходитъ ни подъ какое сравненіе съ подобными заграничными архивами, особенно въ настоящій моментъ, когда онъ больше всего нуждается въ новомъ помѣщеніи, въ новыхъ средствахъ для приведенія въ благоустроенный видъ, согласно даже общимъ началамъ нашего архивнаго законодательства, и въ расширеніи и въ увеличеніи его штата служащихъ.

---

*) Труды XI археологическаго съѣзда, т. 2, стр. 28.

I.

Образованіе Архива при Департаментѣ Герольдіи Правительствующаго Сената.

Съ учрежденіемъ въ 1711 г. Правительствующаго Сената, при Сенатской канцеляріи былъ открытъ *Разрядный столъ*, къ которому перешли слѣдующія функціи Разряда:— „веденіе списковъ служилаго сословія, смотры взрослыхъ и недорослей и наблюденіе, чтобы никто не укрывался отъ службы и всѣ безъ исключенія несли тягости и жертвы, требуемыя обстоятельствами того времени“... Сенатскимъ указомъ 14 мая 1711 года подтверждалось всѣмъ приказамъ доставлять въ Разрядный столъ и „списки о подъячихъ старыхъ и молодыхъ“. Находился тогда этотъ Разрядный столъ, сосредоточившій подъ своимъ вѣдѣніемъ все служилое сословіе, подъ управленіемъ дьяка Ивана Ларіонова.

12 января 1722 г. (П. С. З., т. VI, ст. 3877) состоялся Высочайшій именной указъ, въ пунктѣ 4-мъ котораго сказано: „надлежитъ быть при Сенатѣ *Герольдмейстеру*, или какой чинъ, кто-бъ дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ“ [1]). Въ п. 16 „Табели о рангахъ“ (ст. 3890) на обязанность Герольдмейстера возложено еще составленіе гербовъ дворянскихъ, для чего ему въ помощь былъ данъ въ томъ же году гербовѣдъ Францышко Санти. 5 февраля 1722 года (П. С. З., ст. 3896) была дана Герольдмейстеру и довольно подробная инструкція. Вотъ ея содержаніе: „Всего государства всѣхъ дворянъ списки имѣть троякіе: 1. генеральные именные и порознь по чинамъ. 2. Кто изъ нихъ къ дѣламъ годится и употреблены будутъ и къ какимъ, порознь и за тѣмъ оныхъ останется. 3. Что у кого дѣтей и въ каковы лѣта, и впредь кто родится и умретъ мужеска пола, для чего всѣ прежніе шляхетскіе списки, которые есть при Сенатѣ и остались въ прежнемъ Розрядѣ, отдать ему Герольдмейстеру... А о дворя-

[1]) Приблизительно за годъ передъ этимъ, 28 января 1721 г. былъ опубликованъ „Списокъ царедворцевъ съ собственноручными Высочайшими резолюціями о баллотированіи изъ нихъ въ герольдъ и рекетъ-мейстеры“. („См. Архивъ Правительствующаго Сената“, т. I. Спб., 1872 г. Составилъ П. И. Барановъ).

нахъ сдѣлать ему списки изъ нынѣшнихъ пріѣздовъ и смотра, порознь по чинамъ, и что у нихъ дѣтей и свойственниковъ мужеска пола, и въ каковы лѣта, и въ какомъ ученіи, или кромѣ ученія у нихъ въ домахъ живутъ"... Кромѣ того этою-же инструкціею Герольдмейстеру поручалось „учинить" временную школу для дворянскихъ дѣтей, гдѣ ихъ „обучать экономіи и гражданству указную часть, и смотрѣть ему, дабы въ гражданствѣ болѣе трети по каждой фамиліи не было, чтобъ служивыхъ на землѣ и на морѣ не оскудить" [1]).

2 мая 1722 г. состоялся указъ о назначеніи вмѣсто стольника Колычова Герольдмейстеромъ Плещеева, на имя котораго и былъ данъ 22 октября того же года слѣдующій указъ:

„Прежніе шляхетскіе списки и прочія разрядныя дѣла, которыя описаны изъ Сената и лежатъ въ палатахъ на старомъ казенномъ дворѣ, по описи, отдать Герольдмейстеру Плещееву съ товарищи; а которыя не описаны, тѣ описать ему Герольдмейстеру. А ежели въ тѣхъ палатахъ явятся какія иныя дѣла, кромѣ разрядныхъ и тѣ ему Герольдмейстеру описать-же, и описавъ подать объ нихъ въ Сенатъ вѣдѣніе, а безъ указу къ себѣ не брать. И которые при описи тѣхъ дѣлъ подъячіе были, тѣхъ отписать къ нему же Герольдмейстеру. А для исправленія оныхъ дѣлъ отвесть имъ тѣ палаты, въ которыхъ нынѣ Штатсъ-Контора, а оную Контору перевесть въ Канцелярію раскольническихъ дѣлъ" [2]).

Такимъ-то образомъ и возникло новое коллегіальное учрежденіе при Сенатской канцеляріи, наименованное въ послѣдующихъ указахъ *Герольдмейстерской конторой*, которая, подчиненная Герольдмейстеру, состояла изъ его товарища (Фр. Санти), секретаря и десяти подъячихъ, иногда называвшихся канцеляристами и подканцеляристами, и которая съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности получила въ свое вѣдѣніе значительную часть Разряднаго архива. Отъ 1763 г. мы имѣемъ еще болѣе положительное доказательство того, что Разрядный архивъ перешелъ „въ точное вѣдомство" Герольдіи: въ п. 22 „Манифеста" объ учрежденіи Сената (15 декабря 1763 г.) сказано: „наше намѣреніе есть Герольдію поставить въ такое состояніе, чтобъ оная полное свѣдѣніе имѣла съ подлежащими доказательствами всѣхъ фамилій Россійскаго дворянства, для чего *въ точное ея вѣдомство* поручаемъ Разрядный архивъ". Эта передача подтверждается и послѣдующими указами: первымъ, отъ

---

[1]) См. „Архивъ Правительствующаго Сената", т. I. Спб., 1872 г.). Въ Полн. Собр. Зак. этого указа нѣтъ.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. VI, ст. 4114.

22 марта 1767 г. (П. С. З., ст. 12851), возлагающимъ на членовъ Герольдмейстерской конторы исключительное право свидѣтельствовать справки Разряднаго архива о дворянствѣ, и вторымъ, отъ 5 марта 1771 г. (ст. 13577), которымъ предписывалось: „дабы никто въ дворянскую фамилію не могъ волгаться, основываясь на справкѣ Разряднаго архива, миновавъ вышеобъясненный порядокъ, если впредь о дворянскихъ фамиліяхъ надобны будутъ въ какія присутственныя мѣста свидѣтельства, оныя требовать въ С.-Петербургѣ отъ Герольдмейстерской конторы, а въ Москвѣ отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ канцеляріи, а отъ Разряднаго архива не требовать". За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ состоялся указъ о передачѣ „дѣлъ по Смоленскому шляхетству", которыя ранѣе вѣдала Московская герольдмейстерскихъ дѣлъ канцелярія, въ Петербургскую Герольдмейстерскую контору (П. С. З., т. XV, 14 марта 1761 г.), что, конечно, еще болѣе должно было увеличить составъ дѣлъ и книгъ Герольдмейстерской конторы.

Дальнѣйшій ростъ дѣлъ въ Герольдмейстерской конторѣ, вмѣсто которой съ 1780 г. почти всегда встрѣчается одно лишь наименованіе „Герольдія", зависѣлъ отъ Высочайшихъ и сенатскихъ указовъ, расширявшихъ дѣятельность Герольдіи, главнымъ образомъ, въ области составленія и храненія всевозможнаго рода списковъ служилымъ и неслужилымъ людямъ, опороченнымъ по суду, недорослямъ и др. Значительную роль въ смыслѣ увеличенія дѣлъ въ Герольдіи долженъ былъ сыграть и именной Высочайшій указъ Сенату, отъ 27 мая 1800 г. (въ П. С. З. его нѣтъ), „о присоединеніи дѣлъ и чиновниковъ при составленіи Гербовника бывшихъ въ Герольдіи; объ опредѣленіи ваппенрихтера и о бытіи Герольдіи на правѣ коллегіи" (см. „Сенатскій архивъ", т. I, стр. 619). Съ этого года, а не съ 1803 г., какъ обыкновенно полагаютъ, слѣдуетъ считать и начало Герольдіи, какъ самостоятельнаго, особаго учрежденія при Сенатѣ.

Указомъ 4 февраля 1803 года (П. С. З., т. XXVII, ст. 20608) предписывалось Инспекторскому Департаменту Военнаго Министерства о всѣхъ недорослях, опредѣляющихся на военную службу, запрашивать Герольдію—„слѣдуетъ ли считать изъ дворянъ" такого-то, и съ тѣхъ поръ вплоть до 1828 г. дѣлъ подобнаго рода въ Герольдіи было особенно много, что тогда же вызвало прибавку къ прежнимъ двумъ товарищамъ Герольдмейстера и *третьяго*.

Не смотря на постоянно возраставшее количество дѣлъ въ Герольдіи, особенно послѣ 1832 г., когда было издано положеніе о почетномъ гражданствѣ, упоминанія объ *архивѣ Герольдіи* нигдѣ не встрѣчается до 1828 г., когда, повидимому, новый законъ, обязывавшій всѣ Дворянскія Депутатскія Собранія представлять свои производства по дво-

рянству на ревизію въ Герольдію, особенно осложнилъ дѣлопроизводство въ послѣдней и вызвалъ раздѣленіе дѣлъ на текущія и архивныя—справочныя. Самая же должность архиваріуса впервые положена въ штатахъ Герольдіи, Высочайше утвержденныхъ 18 мая 1832 г. О какихъ-либо правилахъ по устройству Герольдійскаго архива не было и помину.

Въ 1838 г. возникъ было вопросъ о сдачѣ дѣлъ прежнихъ лѣтъ Герольдіи въ Сенатскій архивъ, и даже Министромъ Юстиціи данъ былъ ордеръ на отпускъ изъ Сенатскаго казначейства 1000 рублей на эту сдачу, но послѣдняя почему-то не состоялась. Вѣроятно, однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ этому было слишкомъ плохое состояніе герольдійскихъ дѣлъ, бывшихъ, по отзыву архиваріуса Ринга, при вступленіи его въ эту должность въ 1841 году, „въ крайнемъ разстройствѣ". Несомнѣнно еще и то, что сдачѣ помѣшало возникновеніе въ слѣдующемъ году (1839) новаго учрежденія при Герольдіи, такъ называемаго *Временнаго Присутствія Герольдіи.* Это Временное Присутствіе, дѣйствовавшее одновременно съ Герольдіей около 10 лѣтъ, имѣло свой особый архивъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ дѣлъ бывшихъ губернскихъ Ревизіонныхъ коммиссій.

Съ преобразованіемъ въ 1848 г. Герольдіи въ Департаментъ Герольдіи Прав. Сената и закрытіемъ Временнаго Присутствія, возникъ прежде всего вопросъ о передачѣ дѣлъ послѣдняго въ Департаментъ Герольдіи. Тутъ-же всплыла и ранѣе лелѣянная мысль объ образованіи *общаго дворянскаго архива,* для постояннаго храненія въ немъ всѣхъ дворянскихъ дѣлъ. Въ теченіе года архиваріусъ Департамента Герольдіи принялъ по описямъ „неустроенныя" дѣла Временнаго Присутствія Герольдіи, хотя и долженъ былъ оставить ихъ въ прежнемъ помѣщеніи. Затѣмъ нужно было приступить къ разбору и устройству этого общаго Архива Департамента Герольдіи. Но для этого предварительно было рекомендовано Министромъ Юстиціи привести въ порядокъ и извѣстность „крайне запутанныя дѣла въ самой Канцеляріи Департамента. Въ 1849 г. была образована особая коммиссія, которая, приведя въ порядокъ названныя дѣла, составила особый „Разборный архивъ", фактически дѣйствовавшій по 1866 годъ. Съ этого времени понынѣ извѣстенъ только одинъ Архивъ Департамента Герольдіи, сосредоточившій въ себѣ, помимо дѣлъ о почетномъ гражданствѣ, дѣлъ чинопроизводныхъ, о присоединеніи и перемѣнѣ фамилій и проч.—дѣла о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ всего населенія Россійской имперіи, за исключеніемъ уроженцевъ Привислинскаго края, хотя самое производство по дворянству послѣдняго было передано въ

Департаментъ Герольдіи еще въ 1867 году. Черезъ 28 лѣтъ послѣ этого совершился во внѣшней жизни Архива Департаментскаго послѣдній фактъ, но фактъ этотъ имѣетъ для него въ высокой степени важное значеніе: онъ сразу создалъ архиву положеніе всероссійскаго, центральнаго и единственнаго хранилища дѣлъ и документовъ, опредѣляющихъ принадлежность къ высшему сословію всѣхъ безъ исключенія дворянъ Россійской имперіи.

До 1861 г. въ Царствѣ Польскомъ для опредѣленія высшихъ правъ состоянія жителей Привислинскаго края дѣйствовала Герольдія Царства Польскаго. Съ закрытіемъ ея въ этомъ году, опредѣленіе правъ на дворянство и почетные титулы перешло къ Государственному Совѣту Царства. Но въ 1867 г. былъ закрытъ и послѣдній, а разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Привислинскаго края было передано Департаменту Герольдіи Правительствующаго Сената. Такъ какъ архивъ дворянскихъ дѣлъ Царства Польскаго продолжалъ оставаться въ Варшавѣ, входя въ составъ архива старыхъ дѣлъ сначала при Учредительномъ Собраніи а потомъ при Канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора, то въ случаѣ справокъ Департаментъ Герольдіи долженъ былъ выписывать нужныя дѣла изъ Варшавы. Это обстоятельство, съ постепенно возраставшимъ дѣлопроизводствомъ по дворянству и почетнымъ титуламъ уроженцевъ Привислинскаго края, естественно, должно было вызвать мысль о сосредоточеніи дѣлъ, постоянно требуемыхъ для справокъ и пополненій, въ мѣстѣ самаго дѣлопроизводства, т.-е. въ Департаментѣ Герольдіи. Началась по этому поводу обычная переписка, длившаяся съ ноября 1892 г. до марта 1895 г. Въ результатѣ всего было водвореніе въ Архивѣ Департамента Герольдіи 17 марта 1895 г. 10.500 томовъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Царства Польскаго и 225 регистраціонныхъ къ нимъ книгъ. Пріемка этихъ дѣлъ была совершена въ гор. Варшавѣ оберъ-секретаремъ Департамента Герольдіи, Г. А. Кондратьевымъ и обошлась вмѣстѣ съ перевозкою и доставкою въ Архивъ Департамента всего въ 615 рублей, благодаря чему остальныя—изъ ассигнованныхъ Министерствомъ на этотъ предметъ 1250 руб.—635 руб. могли быть обращены въ вознагражденіе нижнихъ служителей, помогавшихъ при пріемѣ и доставкѣ.

II.

Прошлое состояніе Архива и приведеніе его въ порядокъ.

Главный источникъ для исторіи Архива Департамента Герольдіи—это дѣла Герольдмейстерскія, но они, къ величайшему сожалѣнію, сохранились въ архивѣ лишь за послѣднія 60 лѣтъ, да и то не вполнѣ; отъ болѣе ранняго времени не имѣется ни клочка. Имѣющіяся же дѣла по Герольдмейстерской части даютъ возможность до нѣкоторой степени установить состояніе архива, мѣры къ приведенію его въ порядокъ, порядокъ пріема дѣлъ, порядокъ уничтоженія и т. д.,—лишь съ 1841 г. Въ этомъ году архиваріусомъ Герольдіи былъ назначенъ нѣкто Василій Рингъ, который, осмотрѣвъ архивъ, доноситъ слѣдующее: „я нашелъ архивъ въ крайнемъ разстройствѣ; при встрѣчающихся безпрерывно затрудненіяхъ къ отысканію въ ономъ дѣлъ, необходимыхъ справокъ, останавливалось текущее дѣлопроизводство, и помощники секретарей, по неисправности бывшаго архиваріуса, коллежскаго совѣтника Кондратьева, должны были сами отправляться въ архивъ". Понятно, что при этомъ взятыя ими дѣла никуда не записывались и возвращались иногда черезъ нѣсколько лѣтъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ своего пребыванія въ должности архиваріуса, г. Рингъ занимался „устройствомъ архива" и успѣлъ сдѣлать слѣдующее. Во-первыхъ, онъ всѣ бывшія въ безпорядкѣ дворянскія дѣла, съ 1828 по 1841 г., разобралъ по годамъ, составилъ имъ описи и алфавиты; въ описяхъ-же для легчайшаго отысканія дѣлъ, въ случаѣ справокъ, предъ каждымъ годомъ отмѣтилъ и губернію". Всего за указанный періодъ онъ привелъ въ порядокъ до 9000 дѣлъ. Затѣмъ, разобралъ по губерніямъ, сшилъ и пронумеровалъ родословныя книги дворянамъ, съ 1786 по 1841 годъ. Въ третьихъ, „бывшіе въ безпорядкѣ формулярные списки гражданскихъ чиновниковъ, за 1795—1841 гг., разобралъ по годамъ, „привелъ въ извѣстность, отъ кого оныя представлены и по какому вѣдомству, всѣ пронумеровалъ, сшилъ, составилъ имъ опись и сдалъ въ Сенатскій архивъ, числомъ 7020 нумеровъ". Далѣе, „разобралъ книги входящимъ и исходящимъ бумагамъ, за 1782—1839 гг., бумагамъ къ свѣдѣнію, за 1798—1839 гг., и другія книги прежнихъ лѣтъ, какъ-то: о выдачѣ патентовъ на чины, разсыльныя и проч., коимъ всѣмъ составилъ описи и также сдалъ въ Сенатскій архивъ. Наконецъ, розыскалъ и описалъ до 1860 герольдійскихъ бумагъ, валявшихся безъ всякаго призора въ Сенатскомъ архивѣ".

За столь усердную дѣятельность, безъ сомнѣнія, много содѣйствовавшую ускоренію и улучшенію самаго дѣлопроизводства въ Герольдіи, архиваріусъ Рингъ за всѣ пять лѣтъ только однажды былъ Высочайше награжденъ пособіемъ въ 50 рублей сер. и естественно поспѣшилъ покинуть Герольдію. Преемникъ его Китаевъ принялъ отъ него дѣла по описи, и такъ какъ это была первая опись или вѣдомость дѣламъ и книгамъ, хранящимся въ архивѣ Герольдіи, составленная при сдачѣ и пріемѣ дѣлъ, то мы и позволяемъ себѣ извлечь изъ нея всѣ цифровыя данныя, обрисовывающія составъ и количество дѣлъ „герольдейскаго“ (какъ послѣ называли) архива въ ноябрѣ 1846 года.

1)	Дѣла по 1 экспедиціи, съ 1822 по 1844 г. въ количествѣ	21.951 дѣла
	и часть дѣлъ съ 1787 года, оставшихся отъ прежнихъ сдачъ въ Сенатскій архивъ, въ количествѣ	326 дѣлъ
2)	Дѣла по II экспедиціи, за 1841—44 г., въ числѣ	3.460 дѣлъ
3)	Дѣла по III экспедиціи, за 1841—44 г., въ числѣ	2.392 дѣлъ
4)	Дѣла о почетномъ гражданствѣ, за 1832—44 гг., въ количествѣ	1.350 дѣлъ
5)	Дѣла о выдачѣ дипломовъ и гербовъ, съ 1811 по 1844 г., въ количествѣ . .	639 дѣлъ
6)	Журналы Герольдіи, съ 1800 по 1845 г., въ числѣ	301 книги
7)	Книги исходящимъ и входящимъ бумагамъ, за 1839—43 г., въ числѣ . .	78 книгъ
8)	Книги экзекуторскія и казначейскія, за 1841—43 г., числомъ	21
9)	Бумаги къ свѣдѣнію, за 1839—40 гг., числ.	36
10)	Формулярные списки гражданскихъ чиновъ, въ количествѣ	689
и 11)	Родословныя книги губерній, въ числѣ .	630

Всего дѣлъ съ журналами и книгами—31.873

На устройство дѣлъ въ такомъ порядкѣ были отпущены по ордерамъ Министра Юстиціи особыя суммы—на наемъ лишнихъ писцовъ, на покупку канцелярскихъ принадлежностей и проч., но всего кажется, не болѣе 300 рублей.

[1]) Всѣ дѣла сдавались по хронологическимъ описямъ, по мѣрѣ рѣшенія.

Не прошло послѣ этого и двухъ лѣтъ, какъ замѣститель Ринга, архиваріусъ Китаевъ, а за нимъ и товарищи Герольдмейстера, стали жаловаться на плохое состояніе архива. Они указывали на рядъ пропавшихъ изъ архива дѣлъ, хотя и значущихся по книгамъ за дѣлопроизводителями, иногда даже успѣвшими уволиться изъ Герольдіи; на трудность отысканія дѣлъ, вслѣдствіе прежней неудачной записи ихъ въ алфавиты по мѣрѣ рѣшенія, а не по фамиліямъ и губерніямъ, и проч. Помимо задержекъ въ производствѣ, все это вызвало новыя дѣла по справкамъ, и новыя требованія отъ Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній копій съ ихъ производствъ, потому что въ Архивѣ Герольдіи прежнія дѣла по запросамъ правительственныхъ учрежденій объ отдѣльныхъ представителяхъ какого либо рода не соединялись съ послѣдующими дѣлами Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній объ утвержденіи въ дворянствѣ всѣхъ прочихъ лицъ того же рода, вслѣдствіе чего даже близкіе родственники одного рода были записываемы въ разныя родословныя книги: вторую или третью и шестую (т. е. по личнымъ заслугамъ и владѣнію изстари имѣніями).

Неустроенію архива Герольдіи помогло еще и слѣдующее обстоятельство. Съ 1839 по 1847 г. дѣйствовало одновременно съ Герольдіей *Временное Присутствіе Герольдіи*, на обязанности котораго, кромѣ производства однородныхъ дѣлъ съ вѣдомствомъ Герольдіи, лежало, главнымъ образомъ, еще разсмотрѣніе дѣлъ, поступившихъ изъ Ревизіонныхъ Коммиссій.

Послѣднія были учреждены въ 1834 г. для обревизованія дѣйствій Дворянскихъ Депутатскихъ Собраній, современи учрежденія ихъ по 1829 годъ. Въ томъ же 1839 году поступило во Временное Присутствіе Герольдіи дѣлъ изъ Ревизіонныхъ Коммиссій, вмѣстѣ съ протестами губернскихъ прокуроровъ и списками дворянъ до 15.571. Эти поступленія продолжались и послѣ.

Понятно, что Временное Присутствіе Герольдіи, при массѣ текущихъ дѣлъ, не могло удѣлить особаго вниманія на изысканіе лучшихъ способовъ при пріемѣ и храненіи дѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ штатѣ его не значилось особаго спеціально опредѣленнаго на это лица; а потому и неудивительно, что когда съ закрытіемъ его, началась пріемка дѣлъ въ Архивъ вновь образованнаго Департамента Герольдіи, завѣдывающій этимъ Архивомъ встрѣтилъ рядъ затрудненій и препятствій, затянувшихъ пріемку на цѣлый годъ. Извѣщая Герольдмейстера, рапортомъ отъ 9 іюля 1848 г., о принятіи имъ журналовъ Временнаго Присутствія за 1839—46 гг., онъ пишетъ: „что же касается дворянскихъ дѣлъ, то принять ихъ не могу, вопервыхъ, по-

тому что описи съ 1839 по 1844 г. въ архивѣ Временнаго Присутствія составлены частныя, по которымъ принять дѣлъ нельзя въ силу предписанія Министра Юстиціи отъ 23 декабря 1833 г.; вовторыхъ, потому что по нѣкоторымъ дѣламъ съ 1839 г. по настоящее время нѣтъ рапортовъ о полученіи указовъ; и въ третьихъ, потому что въ дѣлахъ съ 1844 г. по настоящее время, изъ коихъ нѣкоторыя находятся еще у помощниковъ секретарей, нѣтъ письменныхъ удостовѣреній въ томъ, что они окончательно рѣшены и исполнены, а равно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ рапортовъ о полученіи указовъ".

Поэтому къ 3 августа архиваріусъ Китаевъ принялъ дворянскія дѣла Временнаго Присутствія лишь за одинъ 1839 г. Къ дѣламъ за послѣдующіе годы, сообщаетъ онъ, не было даже описей, для составленія и переписки которыхъ пришлось нанять двухъ писцовъ съ воли. Принявъ затѣмъ дѣла и за 1840-е годы, кромѣ тѣхъ, которые не имѣли исполнительныхъ рапортовъ, онъ затруднился принять дѣла отъ помощниковъ секретарей, такъ какъ въ нихъ журнальныя статьи оказались нескрѣпленными протоколистомъ; число же этихъ дѣлъ вмѣстѣ со списками ревизіонныхъ коммиссій доходило до 6500. Такъ какъ исполнительныхъ рапортовъ приходилось ждать довольно долго, то Герольдмейстеръ исходатайствовалъ у Министра Юстиціи разрѣшеніе принять дѣла и безъ этихъ рапортовъ, съ оставленіемъ въ канцеляріи второй описи дѣлъ для пополненія исполнительными рапортами. Число этого рода дѣлъ, какъ видно изъ рапорта Герольдмейстера Министру Юстиціи, простиралось до 11.215 дѣлъ. И только въ маѣ 1849 г. архиваріусъ Китаевъ, рапортомъ Герольдмейстеру, доводитъ до свѣдѣнія, что „приняты мною всѣ дѣла изъ бывшаго Временнаго Присутствія, которымъ имѣются описи и алфавиты, и на дѣлахъ выставлены №№ по описи, и хранятся оныя дѣла въ трехъ конусахъ, отдѣльно отъ дѣлъ Герольдмейстерскихъ".

Такое скопленіе дѣлъ, въ большей своей части мало и „неудобно устроенныхъ", еще болѣе усилили прежнія жалобы на трудность отысканія дѣлъ и происходящее отъ нея замедленіе въ дѣлопроизводствѣ. Одинъ изъ товарищей Герольдмейстера настойчиво рекомендовалъ „пересмотръ всѣхъ дѣлъ архива Герольдіи и Сената, разборъ ихъ по родамъ, соединеніе дѣлъ рѣшенныхъ въ разное время о лицахъ одного рода въ одно дѣло и составленіе общаго алфавита всѣмъ дворянскимъ родамъ, съ обозначеніемъ губерній, по которымъ родъ внесенъ въ родословную книгу и времени рѣшенія".—„Только приведеніемъ въ исполненіе сего", добавлялъ онъ въ концѣ своего доклада, „можно ждать успѣшнѣйшаго хода дѣлъ и симъ только

способомъ можно достигнуть цѣли, желаемой правительствомъ, и оправдать благое учрежденіе Департамента Герольдіи".

Всѣмъ этимъ жалобамъ и предложеніямъ внялъ наконецъ и Министръ Юстиціи, гр. В. Н. Панинъ, предписавшій, 19 декабря 1849 г., „предварительно разобрать дѣла въ канцеляріи находящіяся, гдѣ также обнаружена запутанность и безпорядочность въ храненіи, и только послѣ этого приступить къ „устройству особаго дворянскаго архива". Тогда же было назначено особое „мѣсто въ бывшемъ присутствіи упраздненной Герольдіи, гдѣ были устроены и продольные шкафы" для будущаго „*Разборнаго Архива*". Самый разборъ поручался коммиссіи, состоявшей изъ товарища Герольдмейстера Матюнина, чиновника особыхъ порученій Министерства Юстиціи, Веймарна и 12 канцелярскихъ служителей 1-го и 2-го разрядовъ (по два каждаго разряда изъ Сенатскаго архива и по одному изъ канцелярій Департаментовъ Сената).

Порядокъ ихъ дѣйствій опредѣлялся слѣдующими пунктами министерской инструкціи: 1) „всѣмъ дѣлопроизводителямъ хранить дѣла на неизмѣнныхъ мѣстахъ внутри шкаповъ на полкахъ; дѣла сіи пронумеровать въ каждомъ шкапѣ—текущія краснымъ номеромъ, архивныя—желтымъ, и потомъ принимать и возвращать по сдаточной описи, съ удостовѣреніемъ на самыхъ дѣлахъ объ ихъ состояніи". 2) „Принятыя и не слѣдующія къ возвращенію дѣла ставить въ Разборномъ Архивѣ, въ порядкѣ ихъ принятія, а тамъ уже приступать къ составленію описей и обертокъ съ заглавіемъ, показывающимъ фамиліи лицъ, до коихъ относятся дѣла, а впослѣдствіи и рѣшеніе Герольдіи". 3) „По наполненіи Разборнаго Архива приступить къ переносу дѣлъ въ Герольдейскій архивъ, начиная съ тѣхъ, кои изъ него заимствованы, и передавая потомъ тѣ, кои подлежать могутъ сдачѣ". 4) Во время разбора выдавать дѣла только по письменнымъ требованіямъ Герольдмейстера, подъ росписку, на двухъ-недѣльный срокъ и съ обязательствомъ провѣрять при возвращеніи ихъ состояніе. 5) „Къ составленію общихъ описей приступить только тогда, когда достаточное число дѣлъ будетъ разобрано и снабжено частными описями". 6) „По мѣрѣ очищенія мѣстъ въ шкапахъ дѣлопроизводителей и въ бывшемъ Присутствіи Герольдіи, начать согласно ордеру моему отъ 8 февраля 1843 г. за № 2260, на имя бывшаго Герольдмейстера данному, пріемъ несданныхъ изъ Сенатскаго архива дворянскихъ дѣлъ, безъ непосредственнаго участія чиновниковъ Разборнаго Архива" и 7) „Для записыванія выдаваемыхъ и обратно получаемыхъ дѣлъ имѣть особую книгу" [1]).

[1]) Впослѣдствіи были составлены Министерствомъ и правила

Что сдѣлала вышеназванная коммиссія, изъ дѣлъ не видно, и только 12 августа 1850 г. новый завѣдывающій Разборнымъ архивомъ, Логиновъ доводитъ до свѣдѣнія Герольдмейстера, что онъ окончилъ осмотръ дѣлъ канцеляріи Департамента Герольдіи и предполагаетъ приступить къ разбору и приведенію въ порядокъ дѣлъ архива Герольдіи, для чего и проситъ его сдѣлать распоряженіе архиваріусу о безостановочной передачѣ по его требованіямъ. Приступая же къ разбору, онъ натолкнулся на рядъ затрудненій и препятствій. Во-первыхъ, въ герольдійскихъ дѣлахъ „съ давнихъ поръ были допущены безпорядки по дѣлопроизводству“, и во-вторыхъ, составъ служащихъ Разборнаго архива былъ не удовлетворителенъ, такъ какъ „кромѣ усердія“, справедливо замѣчалъ г. Логиновъ, въ этомъ дѣлѣ „нужны способности, знаніе дѣлопроизводства, особая точность“.... Несмотря на это, онъ въ теченіе первыхъ же 2 мѣсяцевъ разобралъ 10.500 дѣлъ. Въ позднѣе представляемыхъ имъ вѣдомостяхъ сообщаетъ, что принято: во 1) изъ канцеляріи Департамента Герольдіи, съ начала открытія Разборнаго архива,—14.149 дѣлъ, изъ которыхъ возвращено для исправленія въ канцелярію—5.758 дѣлъ, передано въ канцелярію-же по справкамъ—1.096 и въ Герольдійскій архивъ для храненія—7 295 дѣлъ, и во 2) изъ Герольдійскаго архива за 1828—33 гг.—5.135 дѣлъ, изъ нихъ разобрано 2.966 дѣлъ.

Разборъ этотъ производился въ такомъ порядкѣ:

а) всѣ дворянскія дѣла раздѣлялись по губерніямъ и областямъ и распредѣлялись на отдѣлы: въ первый отдѣлъ помѣщались исправныя дѣла; во второй—требовавшія дополненія; въ третій—не заключающія въ себѣ существеннаго производства и въ четвертый—дѣла недворянскія, поступившія къ осмотру въ числѣ дворянскихъ.

б) Дѣламъ первыхъ трехъ отдѣловъ составлялись общія описи погодно по времени рѣшенія, и только дѣла четвертаго отдѣла вносились въ особую опись.

в) Резолюціи на лоскуткахъ и ошибочныя свѣрялись съ подлинниками и переписывались, а совершенно отсутствовавшія замѣнялись новыми копіями.

г) Всѣ дѣла, приложенныя къ одному роду фамиліи, но производившіяся въ разное время, соединялись вмѣстѣ, съ сохраненіемъ обложекъ и №№ дѣлъ,

и д) всѣ дѣла неисправныя и требующія дополненій исправлялись, дополнялись и подкладывались погодно къ

для составленія общаго алфавита дворянскихъ дѣлъ Герольдіи и Временнаго Присутствія, предпринятаго послѣ ихъ разбора. См. приложеніе I.

№№ дѣлъ, подлѣ которыхъ они значились по общей описи [1]).

24 іюня 1852 г. Логинова замѣнилъ новый завѣдывающій Разборнымъ архивомъ, Серчевскій, составившій въ слѣдующемъ году „Записки о родѣ князей Голицыныхъ". Онъ принялъ отъ него при описяхъ и алфавитахъ слѣдующія дворянскія дѣла: 1) за 1748 по 1812 г., въ количествѣ 8.184 дѣлъ; 2) за 1813 по 1835 г.,—16.300 д. и 3) за 1836—1844 г., въ количествѣ 17.305 дѣлъ, всего 41.789 дѣлъ. Вслѣдъ за этимъ имъ были приняты дворянскія дѣла и изъ архива Герольдіи, въ количествѣ 25.102 дѣлъ, а равно и дѣла по внесенію въ Гербовникъ, числомъ 1.185. На просьбу его о назначеніи постояннаго содержанія, получаемаго его предшественникомъ, Герольдмейстеръ потребовалъ отчета о количествѣ приведенныхъ въ порядокъ дѣлъ, съ описями и алфавитами, которыхъ оказалось по его рапорту, отъ 19 октября 1853 г., 38.973 дѣла, а остальныя 29.103 дѣла были еще не приведены въ порядокъ. Министерство отказало въ ходатайствѣ Герольдмейстеру о назначеніи постояннаго содержанія Серчевскому, и послѣдній, награжденный за всѣ почти полуторогодовые труды по разбору архивныхъ дѣлъ однажды 60 рублевымъ пособіемъ, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Работу его продолжали гг. Пузановъ и Китаевъ, но они не торопились, не смотря на довольно частые запросы изъ Министерства Юстиціи о времени окончанія работъ по приведенію въ порядокъ архива и предложенія объ ускореніи. Наконецъ, въ августѣ 1865 г. во главѣ Разборнаго архива становится П. И. Барановъ (1827—1884), извѣстный архивовѣдъ, оставившій послѣ себя весьма цѣнный трудъ: „Архивъ Правительствующаго Сената", въ 3-хъ томахъ (Спб. 1872—78), куда вошли Высочайшія повелѣнія, съ 1706 по 1762 годъ, невошедшія въ П. С. Зак. При немъ и состоялся окончательный пріемъ всѣхъ дѣлъ изъ Разряднаго архива въ Архивъ Департамента Герольдіи. Всего было принято 70.206 производствъ, съ 142 книгами описей и алфавитовъ, но такъ, что значительная часть дѣлъ, за неимѣніемъ мѣста въ самомъ Архивѣ Департамента Герольдіи, оставалась въ прежнемъ помѣщеніи Разборнаго архива, т-е. по лѣвую сторону Галерной улицы, въ синодскомъ зданіи, въ одной комнатѣ.

---

[1]) Въ 1852 г. были предложены подробныя министерскія правила на приведеніе въ порядокъ дѣлъ, принимаемыхъ въ Разборный архивъ. См. приложеніе II.

Вотъ и вѣдомость принятымъ изъ Разборнаго архива дѣламъ, въ мартѣ 1866 года.

I. По родамъ дѣлъ.

№№ по порядку.	Названіе рода дѣлъ.	Количество дѣлъ.
1	Княжескія	675
2	Графскія	251
3	Баронскія	320
4	По правамъ иностранныхъ дворянъ	85
5	По правамъ именитыхъ гражданъ	33
6	О перемѣнѣ и присоединеніи фамилій . . .	101
7	По чинамъ и орденамъ	3556
8	О выдачѣ дипломовъ	1191
9	По внесенію въ Высочайше утвержденный Гербовникъ	1562
10	По внесенію въ Общій Гербовникъ	1093
11	По разнымъ Геральдійскимъ вопросамъ . .	417
12	По справкамъ	1170
13	По коммиссійскимъ спискамъ	526
	Итого	10980

II. По губерніямъ.

№№ по порядку.	Названіе губерній и областей.	Количество дѣлъ.	№№ по порядку.	Названіе губерній и областей.	Количество дѣлъ.
1	Астраханской	306	24	Новгородской	875
2	Бессарабской обл. . .	287	25	Олонецкой	175
3	Бѣлостокской обл. . .	583	26	Оренбургской	1064
4	Виленской	3491	27	Орловской	1088
5	Витебской	1816	28	Пензенской	679
6	Владимірской	829	29	Подольской	3126
7	Волынской	3243	30	Полтавской	2790
8	Вологодской	549	31	Псковской	625
9	Воронежской	1043	32	Рязанской	1294
10	Гродненской	1616	33	С.-Петербургской . .	1735
11	Грузіи	517	34	Саратовской	731
12	Земли войска Донск.	1440	35	Симбирской	685
13	Екатеринославской. .	809	36	Смоленской	1981
14	Казанской	882	37	Таврической	532
15	Калужской.	1120	38	Тамбовской	1017
16	Кіевской.	2116	39	Тверской.	737
17	Ковенской	711	40	Тульской	989
18	Костромской.	692	41	Харьковской	1068
19	Курской	1988	42	Херсонской	1065
20	Минской	3011	43	Черниговской	2835
21	Могилевской	2348	44	Ярославской	1010
22	Московской	2554	45	Остзейскихъ губ. . .	625
23	Нижегородской . . .	444			
				Всего	59119

Изъ исторіи дѣятельности Архива Департамента Герольдіи послѣдующихъ годовъ сохранилось пять дѣлъ, за 1868—72 гг., возбужденныхъ по требованію Герольдмейстера и трактующихъ о „движеніи дѣлъ по архиву“ за цѣлый годъ. Подобныхъ дѣлъ намъ не удалось встрѣтить ни до ни послѣ этого времени, а потому мы и остановимся на сообщаемыхъ ими свѣдѣніяхъ.

По рапорту архиваріуса, дѣятельность Архива въ 1867 году выразилась въ слѣдующемъ:

1. Отъ канцеляріи Департамента Герольдіи поступило въ Архивъ письменныхъ требованій 1281; по нимъ доставлено дѣлъ. . . .	1315
2. Принято отъ протоколиста опредѣленій Департамента Герольдіи за 1864 и 1865 гг. .	5709
3. Отъ завѣдывающаго дѣлами Герольдмейстера принято рѣшенныхъ дѣлъ за 1857 г.	1232 дѣла.
4. Отъ помощниковъ секретарей принято дѣлъ за 1855—1866 г.	7520

Въ заключеніи своего рапорта онъ доводитъ до свѣдѣнія Герольдмейстера, что

а) Журналы бывшей Герольдіи и Департамента Герольдіи, съ 1800 до 1830 г., переплетены и запечатаны печатями Департамента Герольдіи и товарища Герольдмейстера *), а съ 1839 по 1856 г., хотя въ переплетахъ, но не запечатаны; съ 1856 по 1864 г. безъ переплетовъ.

б) Журналы бывшаго Временнаго Присутствія Герольдіи, съ 1839 до 1848 г., хотя въ переплетахъ, но не запечатаны.

в) Опредѣленія Департамента Герольдіи, съ 1848 до 1859 г., въ переплетахъ, но не запечатаны, и съ 1859 по 1866 г., безъ переплетовъ.

Подобныя добавленія о журналахъ и опредѣленіяхъ дѣлались и въ рапортахъ за послѣдующіе годы до 1872 г. включительно и были совершенно тождественны, за исключеніемъ журналовъ (по производству въ чины) и опредѣленій (по дворянству) Департамента Герольдіи, къ которымъ постепенно добавлялись журналы и опредѣленія послѣ 1864 г.—до 1870 г. включительно.

За 1868 годъ

въ Архивъ Департамента Герольдіи:

1. Поступило изъ канцеляріи Департамента письменныхъ требованій	1183

*) На предметъ разсмотрѣнія и запечатанія книгъ, содержащихъ въ себѣ журналы и опредѣленія Герольдіи, испрашивались ордера Министра, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 1851—1858 гг., какъ видно изъ сохранившихся дѣлъ.

По нимъ выдано дѣлъ 1196
и письменныхъ отвѣтовъ 189

2. Принято по описямъ отъ помощниковъ секретарей, за 1847—1860 гг. и за 1852—1867 гг. . . 826 д.
и разныхъ книгъ 259

3. По ордеру Герольдмейстера разобрано рѣшенныхъ дѣлъ 4186

За 1869 годъ.

1. Поступило въ Архивъ изъ канцеляріи Департамента письменныхъ требованій 1201
Выдано по нимъ дѣлъ 1094
„ письменныхъ отвѣтовъ 185

2. Принято отъ протоколиста:
а) Опредѣленій за 1866 г. съ дополнительными, за 1856—1866. 2604
и б) Журналовъ, за 1864—1866 6732

3. Принято отъ помощниковъ секретарей по описямъ, за 1862—65 гг. . . . . 472 д.

4. По ордеру Герольдмейстера разобрано рѣшенныхъ дѣлъ: а) о дворянствѣ за 1860 и послѣд. годы 3218
и б) о почетномъ гражданствѣ, за 1849—1859 гг. 1603

5. Составлены алфавиты при сдаточныхъ описяхъ рѣшеннымъ дѣламъ съ 1860 г., для облегченія пріисканія этихъ дѣлъ по требованіямъ . . . 8588 д.

6. Разобрано рѣшенныхъ дѣлъ отъ помощниковъ секретарей 836

7. Въ Синодальномъ зданіи, съ 18 по 21 августа 1869 г., производилась переноска архивныхъ дѣлъ и книгъ изъ однихъ комнатъ въ другія.

8. Написано и наклеено ярлыковъ къ корешкамъ книгъ исходящимъ указамъ б. Герольдіи и Департамента Герольдіи, за 1844—1862 г. . . на 92 кн.

За 1870 годъ.

1. Поступило въ Архивъ изъ канцеляріи Департамента Герольдіи письменныхъ требованій. . . 1446
По нимъ доставлено дѣлъ 1149
и письменныхъ отвѣтовъ 446

2. Принято отъ протоколиста опредѣленій Департамента Герольдіи за 1867 г., съ дополнительнымъ, съ 1852 г. 2787

3. Принято отъ помощниковъ секретарей дѣлъ по описямъ, за 1850—1867 гг. 1370
4. Принято отъ регистратора книгъ за 1865 по 1868 г. 27
5. Принято отъ завѣдывающаго Герольдмейстерскими дѣлами дѣлъ по описямъ, за 1858 по 1863 г. 4566
6. По ордеру Герольдмейстера разобрано рѣшенныхъ дѣлъ съ 1860 г. 1988

За 1871 годъ.

1. Поступило изъ канцеляріи Департамента письменныхъ требованій. 1314
   Выдано по нимъ дѣлъ 1138
   и письменныхъ отвѣтовъ. 176
2. Принято отъ протоколиста опредѣленій за 1868 г., съ дополнительными съ 1859 года 2299
   и за 1869 г., съ дополнительными съ 1839 г. . 1949
3. Повѣрено съ описями и разобрано рѣшенныхъ дѣлъ, принятыхъ отъ разныхъ помощниковъ секретарей и разложено въ общія связки по алфавиту, съ приклейкою ярлыковъ къ нимъ 1922
4. Составлены алфавиты по сдаточнымъ описямъ къ рѣшеннымъ дѣламъ, для облегченія отысканія . . . . . къ 1204 д.

III.

Уничтоженіе дѣлъ.

Главною побудительной причиной, вызывавшей уничтоженіе дѣлъ нашихъ русскихъ архивовъ, былъ, какъ извѣстно, недостатокъ помѣщенія. Архивъ Департамента Герольдіи въ этомъ отношеніи, конечно, не могъ составлять исключенія. Онъ отъ своего основанія и до сихъ поръ не имѣлъ не только особаго, но даже опредѣленнаго постояннаго помѣщенія. Каждый разъ, съ притеченіемъ въ него болѣе или менѣе значительнаго числа новыхъ дѣлъ, поднимался вопросъ о недостаткѣ помѣщенія, разбивавшійся вслѣдствіе крайней неподатливости оберъ-прокурора Перваго Департамента, какъ начальника всего сенатскаго зданія. Отсюда, естественно, оставалось прибѣгать къ одному общепринятому у насъ средству—уничтоженію старыхъ дѣлъ. Но чѣмъ при этомъ руководились губители архивныхъ документовъ и что именно уничтожали они изъ сокровищъ Герольдійскаго архива, въ теченіе первой половины XIX столѣтія, мы сказать не можемъ, за отсутствіемъ

какихъ-либо о томъ свѣдѣній въ сохранившихся до сихъ поръ герольдмейстерскихъ дѣлахъ. Но что не мало дѣлъ и документовъ архива, какъ чинопроизводныхъ, такъ и особенно герольдмейстерскихъ, было уничтожено, это несомнѣнно.

Принимая во вниманіе важность и совершенно особый характеръ дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Департамента Герольдіи, мы вправѣ были бы ожидать отъ законодателя и отдѣльныхъ отъ общеминистерскихъ правилъ законоположеній объ уничтоженіи этихъ дѣлъ, равно какъ ихъ пріемѣ и храненіи. На самомъ же дѣлѣ Герольдійскій архивъ даже въ „Учрежденіи Сената“ (Св. Зак., т. I, ч. II, ст. 298—331, изд. 1891 г.) подведенъ подъ общій уровень департаментскихъ архивовъ. Поэтому не удивительно, что и въ печатной литературѣ, даже въ книгахъ проф. В. Иконникова („Опыты Русской исторіографіи“, т. I, ч. I) и Д. Я. Самоквасова („Архивное Дѣло въ Россіи“, кн. I; М. 1902), о немъ упоминается наравнѣ съ другими департаментскими архивами. У Иконникова читаемъ: „оконченныя производствомъ дѣла 1, 2, 3, 4, 5, межеваго, Департамента Герольдіи и общихъ собраній Правительствующаго Сената хранятся въ Сенатскомъ архивѣ“ (стр. 455). А г. Самоквасовъ даже приводитъ цыфру дѣлъ Департамента Герольдіи, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ, и заключающихся, по его увѣренію, въ 1132 книгахъ и связкахъ“ (см. табл. на стр. 17—18). Такого рода сообщенія совершенно не отвѣчали и не отвѣчаютъ истинѣ. Если иногда герольдійскія дѣла и находились въ помѣщеніи Сенатскаго архива, то единственно по неимѣнію мѣста, а не какъ часть, долженствующая входить въ составъ послѣдняго.

Единственнымъ источникомъ по вопросу объ уничтоженіи дѣлъ Департамента Герольдіи являются очень немногія дѣла, которыя намъ удалось отыскать въ числѣ такъ называемыхъ герольдмейстерскихъ производствъ и которыя однако имѣютъ большой интересъ. Они, помимо точно устанавливаемаго числа уничтоженныхъ дѣлъ, рисуютъ намъ взгляды и соображенія лицъ, которыя вѣдали герольдейскія дѣла и которымъ поручался разборъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляютъ до нѣкоторой степени „проникновеніе“ высшихъ властей въ цѣнность и значеніе этихъ дѣлъ. Первое изъ такихъ дѣлъ относится къ 1860—61 гг. Управляющій Министерствомъ Юстиціи Д. Замятнинъ предложилъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ представить, на основаніи уже утвержденныхъ правилъ Военнаго министерства, свои соображенія „о порядкѣ уничтоженія старыхъ архивныхъ дѣлъ“. Герольдмейстеромъ были затребованы по этому поводу мнѣнія завѣдывающихъ отдѣльными экспедиціями. Два товарища Герольдмейстера, гг. Лустино и Щедринъ заявили, что „дѣла Департамента Герольдіи, по су-

ществу своему, подлежатъ вѣчному храненію въ Архивѣ Департамента, ибо дѣла прежнихъ лѣтъ имѣютъ постоянную связь съ дѣлами, поступающими по справкамъ; по сему циркулярное предложеніе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи о способахъ уничтоженія архивныхъ дѣлъ изъ Департамента Герольдіи касаться можетъ лишь въ отношеніи печатныхъ по дѣламъ записокъ, изъ которыхъ оставшіяся въ излишествѣ могутъ быть уничтожены и то въ теченіи не менѣе 10 лѣтъ".

Завѣдывающій чинопроизводными дѣлами признавалъ необходимымъ хранить сенатскіе указы, опредѣленія и журналы, равно какъ „нужные для справокъ" реестры входящимъ и исходящимъ бумагамъ и алфавиты; „самыя же дѣла о производствѣ въ чины", говорилъ онъ, „могуть быть уничтожены": одни при самой сдачѣ въ архивъ, другія черезъ пять лѣтъ и третьи черезъ десять. Способъ уничтоженія онъ признавалъ одинъ—сожженіе.

Завѣдывающій герольдмейстерскими дѣлами изъ цѣлаго ряда группы этихъ дѣлъ находилъ возможнымъ оставить на храненіе лишь: 1) „списки всѣмъ дворянамъ по законамъ о состояніяхъ и лицамъ, лишеннымъ дворянскаго достоинства" и 2) дѣла о дворянствѣ, а всѣ остальныя дѣла совѣтовалъ уничтожить черезъ годъ, послѣ исполненія, черезъ 10 и черезъ 12, лишь путемъ продажи. Любопытно, что онъ совершенно не упоминаетъ о дѣлахъ, касающихся Департамента и лицъ служащихъ въ немъ, хотя они всегда подлежали вѣдѣнію Герольдмейстера. Экзекуторъ-казначей всѣ свои книги, отчеты и вѣдомости относилъ къ разряду дѣлъ, подлежащихъ немедленному уничтоженію или въ крайнемъ случаѣ послѣ 5—10 лѣтняго храненія.

Герольдмейстеръ Л. М. Муравьевъ (впослѣдствіи сенаторъ) въ своемъ рапортѣ Министру Юстиціи, отъ 1 ноября 1861 г., вполнѣ примкнулъ къ предыдущимъ отзывамъ и лишь нѣсколько измѣнилъ жестокій приговоръ казначея-экзекутора и завѣдывающаго герольдмейстерскими дѣлами. Онъ признавалъ „подлежащими вѣчному храненію денежные документы по приходо-расходнымъ книгамъ", мотивируя это тѣмъ, что „въ оныхъ встрѣчается постоянная надобность, какъ напр., при выдачѣ денегъ за работы, приготовленныя въ прежнія времена", и книги, „по коимъ посылаются сенатскіе указы".

Что же касается герольдмейстерскихъ дѣлъ, то изъ нихъ онъ считалъ подлежащими вѣчному храненію дѣла: 1) объ изготовленіи губернскихъ и уѣздныхъ гербовъ, 2) объ отчетахъ вообще, 3) о циркулярныхъ предписаніяхъ Министерства Юстиціи и 4) по законодательнымъ вопросамъ; дѣла же о службѣ чиновниковъ Департамента предназна-

чалъ временному храненію и наконецъ дѣла по исторіи Герольдійскаго архива—немедленному уничтоженію.

Въ дѣлахъ, признанныхъ подлежащими уничтоженію, онъ не видѣлъ „никакой тайны“ и соглашался на продажу ихъ съ публичнаго торга.

Совершенно иное отвѣтилъ восемь лѣтъ спустя другой герольдмейстеръ, баронъ Ѳ. Ѳ. Штакельбергъ на подобное же предписаніе Министра Юстиціи—представить соображенія: „какія изъ рѣшенныхъ дѣлъ прежняго времени могутъ быть предназначаемы къ уничтоженію, не сдавая ихъ въ архивъ“. Онъ находилъ, что дѣла Департамента Герольдіи, заключающія въ себѣ „свѣдѣнія или документы, касающіеся опредѣленія правъ состоянія частныхъ лицъ, не только не могутъ сдѣлаться излишними, но напротивъ, по самому существу своему, сдача ихъ для храненія въ архивъ представляется крайнею необходимостью, и въ особенности въ виду закона, что на отыскиваніе правъ состоянія не полагается давности“. („Рапортъ“, отъ 17 іюня 1869 г. „Дѣло“, № 712).

По упраздненіи Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства, дѣла по производству въ чины съ 1-го сентября 1858 г. были сосредоточены въ Департаментѣ Герольдіи, и до 1877 г. разрѣшено ихъ было около 50.000 дѣлъ, которыя хранились въ канцеляріи Департамента и никогда не сдавались въ архивъ. „Принимая въ разсчетъ“, пишетъ въ своемъ рапортѣ Герольдмейстеру одинъ изъ его сотоварищей, „что *приведеніе этихъ дѣлъ въ порядокъ для сдачи въ архивъ потребуетъ много времени и труда* и оторветъ наличный составъ чиновниковъ отъ текущаго дѣлопроизводства, и что эти дѣла, какъ показала 20-ти лѣтняя практика, ненадобны“... „я полагаю ихъ уничтожить, оставивъ на храненіи журналы, опредѣленія и экземпляры печатныхъ указовъ Правительствующаго Сената, вполнѣ замѣняющія доклады канцеляріи“. Не отрицая необходимости имѣть въ канцеляріи нѣкоторыя изъ нихъ для справокъ. „въ случаѣ встрѣчающихся сомнѣній въ правильности представленій“ и во избѣжаніе отказовъ и ошибокъ въ назначеніи старшинства, онъ тѣмъ не менѣе все же настаиваетъ на полномъ ихъ уничтоженіи, потому-де, что „обращеніе къ справкамъ не составляетъ обязанности канцеляріи, такъ какъ на основаніи 1 п. 566 ст. III т. (изд. 1857 г., по прод. 1863),—правильность представленія въ чины возлагается на *полную отвѣтственность* начальства и учрежденій, входящихъ съ представленіями“. Герольдмейстеръ вполнѣ согласился съ этими доводами и въ своемъ рапортѣ Министру усилилъ ихъ новымъ аргументомъ: онъ сообщилъ, что въ случаѣ сдачи этихъ 50.000 дѣлъ въ архивъ потребуется 1000 р. (по разсчету 2 коп. за дѣло). Послѣднее обстоятельство оказалось рѣшающимъ

и въ глазахъ Министра Юстиціи. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ представленія Герольдмейстера, а именно въ октябрѣ 1877 г. Министръ Юстиціи отдаетъ приказъ: „нынѣ же приступить къ уничтоженію чрезъ публичную продажу оконченныхъ производствомъ и хранящихся въ Департаментѣ Герольдіи дѣлъ о производствѣ въ чины, съ тѣмъ, во 1) чтобы изъ числа этихъ дѣлъ были сохранены дѣла за послѣднія 10 лѣтъ; во 2) чтобы предварительно уничтоженія всѣ находящіяся подлинныя опредѣленія, протоколы, журналы и документы были вынуты и сохранены, и въ 3) чтобы всѣмъ уничтоженнымъ дѣламъ была составлена общая опись, съ показаніемъ въ ней названія дѣла, времени вступленія, разрѣшенія и уничтоженія его".

Этотъ приказъ Министра Юстиціи былъ точно выполненъ въ общей его части, а ограничительные три пункта его остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ началѣ 1878 г.—19.289 дѣлъ по производству въ чины, за 1858—1867 гг., увязанныхъ въ 280 громадныхъ связокъ, были проданы Хозяйственнымъ комитетомъ Сената съ публичнаго торга, и отъ этой продажи было выручено 305 рублей 25 коп. (по 1 р. 85 к. за пудъ), поступившихъ въ С.-Петербургское губернское казначейство. Дальнѣйшее уничтоженіе чинопроизводныхъ дѣлъ происходило уже безъ всякихъ хлопотъ. Герольдмейстеръ, ссылаясь на вышеупомянутый ордеръ Министра Юстиціи, заявлялъ Министерству о своемъ намѣреніи приступить къ уничтоженію дѣлъ за такіе-то годы, и формальное разрѣшеніе немедленно поступало. Такимъ образомъ были уничтожены названныя дѣла: 1) за 1868—1876 гг. въ 1886 году, въ числѣ 19 559 дѣлъ, отъ продажи которыхъ выручено 224 руб. 65 коп. (по 1 р. 79 к. за пудъ); 2) за 1877—1879 гг. въ 1891 г.—въ количествѣ 8928 дѣлъ, отъ продажи которыхъ выручено 107 руб. 12 коп. (по 2 руб. 6 коп. за пудъ); 3) за 1880—1884 гг.—въ 1895 г.—въ количествѣ 16.420 дѣлъ въ 173 связкахъ (выручено отъ продажи ихъ 44 р. 99 к., по 67 коп. за пудъ) и 4) за 1885—1890 гг.—въ 1901 г., въ количествѣ 13.102 дѣлъ. Всего, такимъ образомъ, чинопроизводныхъ дѣлъ за время съ 1858 по 1890 гг. было уничтожено 78.298 дѣлъ, что дало доходу государственному казначейству около 1.430 руб. (неизвѣстна еще сумма отъ послѣдней продажи).

Не остались на храненіи въ архивѣ и чинопроизводныя дѣла бывшаго Инспекторскаго Департамента. Та же участь постигла и ихъ въ 1896 году. Въ концѣ 1858 года эти дѣла были приняты въ вѣдѣніе инспекторомъ Сенатскаго архива; въ 1888 г. они переданы были въ Архивъ Департамента Герольдіи. Ровно черезъ четыре года по поводу ихъ пишетъ Герольдмейстеръ Н. И. Непорожневъ Министру Юстиціи слѣдующее: „Ознакомившись съ ними, я на-

шелъ, во 1) что дѣла тѣ, числомъ свыше 80.000, помѣщающіяся въ трехъ большихъ комнатахъ, (?) не имѣютъ ни описей, ни алфавитовъ, вслѣдствіе чего розыскать какое-нибудь дѣло не представляется возможнымъ; во 2) что дѣла тѣ приняты безъ повѣрки ихъ содержанія, и въ 3) что почти всѣ тѣ дѣла состоятъ лишь изъ краткихъ формулярныхъ списковъ, которые съ *формальной стороны ни для кого не могутъ имѣть какого-либо значенія*. Принимая во вниманіе вышеизложенное и что за справками съ 1889 по 1892 г. не обращалось ни одно правительственное учрежденіе, а со стороны частныхъ лицъ было только 3 или 4 ходатайства о розысканіи формулярныхъ списковъ для подкрѣпленія доказательствъ о дворянствѣ,—я пришелъ къ заключенію, что дальнѣйшее оставленіе упомянутыхъ дѣлъ въ настоящемъ ихъ положеніи не можетъ *оправдаться разумными основаніями*".

Дойдя въ дальнѣйшемъ въ своемъ изложеніи до признанія этихъ дѣлъ за ненужный хламъ, стѣсняющій помѣщеніе другихъ частей Архива, онъ просилъ Министра Юстиціи „испросить Высочайшее соизволеніе на уничтоженіе этихъ дѣлъ по прежнимъ правиламъ". Какой послѣдовалъ на это отвѣтъ, изъ дѣла не видно. Но въ февралѣ 1895 года новый Герольдмейстеръ снова возбуждаетъ это ходатайство, ссылаясь, главнымъ образомъ, на предстоящую передачу дѣлъ бывшей Герольдіи Царства Польскаго въ Архивъ Департамента Герольдіи. Первый Департаментъ Министерства Юстиціи въ отвѣтъ на это потребовалъ „надлежащихъ" описей*) означеннымъ дѣламъ, вслѣдствіе чего были препровождены туда три описи дѣламъ бывшаго Инспекторскаго Департамента за 1850, 1851 и 1852 гг., а также „для видимости" четыре дѣла 1851 г. Экспертиза ихъ была поручена Министерствомъ новому Инспекторскому отдѣлу, который отвѣтилъ: „на сколько можно судить по присланнымъ образцамъ, нѣкоторое историческое значеніе могутъ имѣть собственно тѣ дѣла, которыя относятся къ законодательнымъ вопросамъ (указано 16 дѣлъ), а остальныя могутъ быть уничтожены". Послѣ этого уже послѣдовало 17 января 1896 г. Высочайшее соизволеніе на уничтоженіе, за исключеніемъ дѣлъ, относящихся къ законодательнымъ вопросамъ. Являлась, такимъ образомъ, необходимость произвести просмотръ всѣхъ чинопроизводныхъ дѣлъ за 1847—1858 гг. Производившій его тогдашній архиваріусъ рапортовалъ Герольдмейстеру слѣдующее: „всѣхъ дѣлъ къ уничтоженію отобрано 377 связокъ, а дѣла законо-

*) Повидимому, Первый Департаментъ Министерства Юстиціи не повѣрилъ донесенію предыдущаго герольдмейстера, что эти дѣла не имѣютъ ни описей, ни алфавитовъ, и какъ оказалось, совершенно справедливо.

дательнаго характера частію переданы на храненіе въ I отдѣленіе Собств. Его Имп. В. Канцеляріи еще въ 1858 г., а часть отобрана и оставлена на храненіе". Къ счастію, приложенные къ этимъ дѣламъ формулярные списки были переплетены въ особые фоліанты, число которыхъ простирается свыше 2000. Своевременно новому архиваріусу удалось испросить разрѣшеніе Герольдмейстерства на передачу ихъ для храненія въ Сенатскій архивъ.

За продажу всѣхъ дѣлъ названнаго Департамента выручено 446 р. 60 к. (по 77 коп. за пудъ).

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ чинопроизводныхъ дѣлъ за цѣлое XIX столѣтіе сохранены въ Архивѣ Департамента Герольдіи дѣла по производству въ гражданскіе чины только за 1797—1846 гг., такъ какъ къ нимъ очень часто обращаются за справками, въ подкрѣпленіе документовъ о дворянствѣ, при отыскиваніи формулярныхъ списковъ, въ виду того, что до 1845 г. потомственное дворянство сообщали: чинъ коллежскаго ассессора, должность IX класса и ордена всѣхъ степеней.

Съ точки зрѣнія подобныхъ справокъ необходимо было бы сохранить и позднѣйшія дѣла по чинопроизводству. Принимая же во вниманіе, что и до послѣдняго времени не прекращаются требованія оффиціальныя и въ особенности частныхъ лицъ относительно формулярныхъ списковъ, а также и подлинныхъ документовъ, въ числѣ которыхъ представлялись метрическія свидѣтельства, свидѣтельства о дворянствѣ, аттестаты объ окончаніи курса наукъ, формулярные списки отцовъ и др. (за выдачею ихъ оставались въ дѣлахъ копіи),—уничтоженныя чинопроизводныя дѣла съ теченіемъ времени получатъ еще большее значеніе.

Въ заключеніе остановимся еще на дѣлѣ 1882—1884 гг., за № 24, объ уничтоженіи черезъ публичную продажу герольдмейстерскихъ дѣлъ, по запросамъ разныхъ правительственныхъ мѣстъ о дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ. На рапортъ Герольдмейстера о дозволеніи продать названныя дѣла, Министерство Юстиціи отвѣтило полнымъ согласіемъ, но съ тѣмъ, чтобы, во 1) „изъ числа сихъ дѣлъ были сохранены дѣла за послѣднія 10 лѣтъ, во 2) въ описи уничтоженнымъ дѣламъ было отмѣчено время уничтоженія дѣла и въ 3) предварительно уничтоженія ихъ всѣ находящіеся въ нихъ подлинные документы, а также протоколы, журналы и опредѣленія были вынуты изъ дѣлъ и сохранены".

На основаніи этого разрѣшенія и были переданы въ Хозяйственный комитетъ Сената для продажи 32.224 дѣла, а 3461 дѣло оставлено въ Архивѣ на храненіе. Къ сожалѣнію, ни тогдашній архиваріусъ, ни Герольдмейстеръ не сообщаютъ данныхъ, къ какимъ годамъ относятся уничтоженныя дѣла. Судя-же по ихъ количеству, можно смѣло ду-

мать, что сюда вошли, кромѣ переписки по запросамъ присутственныхъ мѣстъ о дворянствѣ и почетномъ гражданствѣ, и многія другія изъ дѣлъ Герольдмейстера, заслуживающія вѣчнаго храненія.

IV.

Составъ Архива Департамента Герольдіи.

Всѣ дѣла, книги и документы, хранящіеся въ Архивѣ Департамента Герольдіи, по ихъ содержанію и характеру, распредѣляются на слѣдующія *четырнадцать* группъ.

1. Наиболѣе старѣйшими по времени рѣшенія являются такъ называемыя *рѣшенныя дѣла по Герольдмейстерской конторѣ*, заключающіяся въ 132 книгахъ, въ кожанныхъ переплетахъ. Первая изъ нихъ, находящаяся на лицо, (по описи 5-я) заключаетъ въ себѣ рѣшенія, относящіяся къ 1748—52г.г.; вторая (6-я)—рѣшенія за 1753, 1755 и 1763 г.г.; третья (7-я)—за 1756, 1762, 1765 и 1766 г.г.; четвертая (8-я)—за 1767, 1768 и 1769; пятая (11-я)—за 1764 г., и затѣмъ остальныя по 19-ю включительно — каждая за одинъ слѣдующій годъ по порядку. Рѣшенія за послѣдующіе годы, начиная съ 1773 г., большею частью заключаются въ двухъ, трехъ и даже четырехъ книгахъ. Самыя позднѣйшія рѣшенія относятся къ 1812 г. Чаще всего въ нихъ рѣчь идетъ „о дворянствѣ“ лицъ, вступившихъ въ военную службу или уже служащихъ; о выдачѣ свидѣтельствъ на дворянское достоинство, о выдачѣ копій съ гербовъ, а также „о дачѣ копій“ съ другихъ документовъ, о выдачѣ родословныхъ таблицъ, и проч.

Что-же касается книгъ рѣшеннымъ дѣламъ до 1743 года, то о нихъ мы находимъ свѣдѣнія въ одномъ случайно сохранившемся герольдмейстерскомъ дѣлѣ, возникшемъ по слѣдующему поводу.

Въ декабрѣ 1852 г. Министерство Юстиціи потребовало изъ Московскаго Сенатскаго архива дѣла бывшей Герольдмейстерской конторы за 1725—1748 гг., переплетенные якобы въ четырехъ книгахъ. Въ Московскомъ Архивѣ ихъ не оказалось. Тогда обратились въ С.-Петербургскій Сенатскій архивъ, и послѣдній, въ донесеніи отъ 29 апрѣля 1853 г., отвѣтилъ, что „требуемыя Министерствомъ дѣла заключаются въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ *первая* состоитъ изъ родословныхъ княжескихъ и дворянскихъ, въ красномъ бархатномъ переплетѣ, съ серебряными застежками; *вторая* и *третья*, въ кожаныхъ переплетахъ, заключаютъ въ себѣ дѣла по дворянству, одна съ 1725 до 1745 года на 890 ли-

стахъ и другая съ 1745 по 1748 г. на 714 листахъ. *Четвертая* же книга состояла не изъ дѣлъ о дворянствѣ, а „о дачѣ барону Шафирову изъ разряднаго архива свѣдѣній и о присылкѣ о воеводахъ реестровъ".

„Изъ показанныхъ трехъ книгъ—первая взята въ Герольдію еще въ 1841 году, а вторая и третья въ 1848 г. были перевезены въ Московскій Сенатскій Архивъ въ 31 ящикѣ". Вслѣдствіе этого донесенія Московскій Сенатскій Архивъ не сталъ отговариваться неимѣніемъ указанныхъ книгъ и послѣ нѣсколькихъ розысковъ, вслѣдствіе новаго запроса Министерства Юстиціи, выслалъ ихъ въ послѣднее, откуда книги и были доставлены въ Разборный Архивъ Герольдіи, въ ноябрѣ 1853 года. Въ настоящее время ихъ въ архивѣ не имѣется, сохранилась лишь краткая опись или „реестръ" дѣламъ въ нихъ находящимся. См. приложеніе III.

Но имѣющіяся въ Архивѣ Департамента Герольдіи дѣла бывшей Герольдмейстерской конторы и Герольдіи составляютъ лишь одну девятую часть всѣхъ этихъ дѣлъ. Остальныя ея дѣла, заключающіяся въ 891 книгѣ, хранятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, куда они перешли изъ Разряднаго Архива и Московскаго Сенатскаго Архива въ 1852 году.

Въ „Памятной Книжкѣ" Московскаго Архива Министерства Юстиціи (1890 г.) имѣется и краткая характеристика всѣхъ книгъ Герольдмейстерской конторы. „Книги Герольдмейстерской конторы", читаемъ тамъ на стр. 30—31, распадаются на три болѣе или менѣе крупныхъ отдѣла: 1) *книги относящіяся къ канцелярскому дѣлопроизводству* конторы, каковы: журналы и протокольныя книги, докладные реестры по вступающимъ бумагамъ (съ краткими резолюціями присутствія), реестры входящихъ (съ помѣтами объ исполненіи), реестры посылаемыхъ въ разныя мѣста указовъ и промеморій, приходо-расходныя книги по дачѣ жалованья служащимъ и проч. 2) *Книги заключающія въ себѣ списки служащихъ чиновъ* придворныхъ, военныхъ и статскихъ, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая имѣющими первый оберъ-офицерскій чинъ и канцелярскими служителями; состоящихъ на извѣстныхъ должностяхъ и находящихся не у дѣлъ, изъ которыхъ Герольдмейстерская контора представляла кандидатовъ для занятія губернаторскихъ, воеводскихъ, судейскихъ, секретарскихъ и канцелярскихъ должностей, списки штатовъ разныхъ учрежденій и наличнаго ихъ состава въ извѣстное время, списки недорослей и т. п. 3) *Книги съ рѣшенными и нерѣшенными дѣлами*: а) „воеводскія дѣла"—представленіе кандидатовъ на воеводскія мѣста, назначеніе воеводъ, губернаторовъ, ихъ товарищей (при чемъ воеводами присылались въ контору „росписные списки" пріема города у предшественника), прошенія разныхъ лицъ

о назначеніи ихъ на эти должности, съ указаніемъ ихъ правъ на то и со справками Герольдіи по этимъ дѣламъ, дѣла о разрѣшеніи воеводамъ отпусковъ для разныхъ нуждъ, леченія, ихъ перемѣщеніе, отставка и т. п.; б) „дѣла о воинскихъ и статскихъ чинахъ“: утвержденіе въ должностяхъ, отрѣшеніе, представленіе кандидатовъ на открывшіяся вакансіи изъ имѣющихся не у дѣлъ при конторѣ, съ отмѣтками соотвѣтствующаго рода въ спискахъ противъ ихъ именъ; производство въ чины съ выдачей на нихъ патентовъ, отставка по болѣзни временно или совсѣмъ, причисленіе къ Герольдіи и для опредѣленія къ дѣламъ; назначеніе пенсій, списки пенсіонеровъ, справки о дворянствѣ и о выдачѣ копій съ различныхъ документовъ, сказки о службѣ, промеморіи изъ другихъ учрежденій о назначеніи чиновниковъ на вакантныя мѣста; в) „дѣла о недорослях“: „доклады“, „смотры“ и „реестры“ недорослей заключаютъ записи объ осмотрѣ каждаго недоросля въ физическомъ отношеніи, годахъ, степени его познаній въ наукахъ, съ отмѣтками о количествѣ суммъ крестьянъ и проч.; „дополненія“, подававшіяся отъ родителей и родственниковъ представляемыхъ на смотръ недорослей; „дополненія“ пришедшихъ уже въ совершенный возрастъ недорослей, съ показаніемъ своего происхожденія, лѣтъ, имущества и куда они желаютъ опредѣлиться; „списки подъяческихъ дѣтей“; „вѣдомости“ о явившихся подъяческихъ дѣтяхъ для опредѣленія ихъ къ должностямъ, и т. п.

Въ 1889 г. архиваріусъ Департамента Герольдіи Данилевскій возбудилъ вопросъ о возвращеніи въ Департаментъ изъ Архива Министерства Юстиціи 147 книгъ (1, 2, 3, 4, 8, 9, 71, 90, 126 и затѣмъ по порядку съ № 138 по 276 рѣшеннымъ дѣламъ Герольдмейстерской конторы, доставленныхъ туда изъ Департамента въ 1846 г. На запросъ объ этомъ Герольдмейстера, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи отвѣтилъ, что въ 1846 г. онъ принимать что-либо не могъ, такъ какъ открылся 6 лѣтъ спустя послѣ этого, и что дѣйствительно имѣющіяся въ немъ указанныя книги и перешедшія въ него изъ Разряднаго архива—крайне необходимы на мѣстѣ, гдѣ онѣ входятъ въ общую массу съ остальными книгами Герольдмейстерской конторы, какъ совершенно однородныя по характеру и существу дѣлопроизводства. Года четыре спустя (въ 1893 г.) для ознакомленія съ книгами Герольдмейстерской конторы былъ командированъ въ Москву департаментскій архиваріусъ, г. Румель, который намѣтилъ къ возвращенію въ архивъ Департамента Герольдіи „Дѣла по Герольдіи“, въ числѣ 58 и „Дѣла по Герольдіи о недорослях“, тоже въ числѣ 58. Но такъ какъ на требованіе управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи г. Самоквасова назвать №№ этихъ

дѣлъ по общей описи онъ отказался, то г. Самоквасовъ, не только не согласился на возвращеніе чего-либо, но въ свою очередь, возбудилъ предъ Министерствомъ Юстиціи ходатайство „о пересылкѣ въ Московскій Архивъ остальныхъ хранившихся въ Архивѣ Департамента Герольдіи книгъ и документовъ XVIII столѣтія, по содержанію своему однородныхъ со всѣми прочими, а также и всѣхъ дѣлъ архива упраздненной Герольдіи по 1847 г. включительно", т. е. до времени учрежденія Департамента Герольдіи. Въ виду такого оборота дѣла, Герольдмейстеру пришлось представить въ Министерство подробную мотивированную записку, доказывающую правильность и необходимость для дѣлопроизводства Департамента Герольдіи не только храненія находящихся въ архивѣ книгъ рѣшеннымъ дѣламъ Герольдмейстерской конторы, но и сосредоточенія при немъ всѣхъ остальныхъ, путемъ изъятія ихъ изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Записка эта имѣла только одно послѣдствіе: объ стороны—и Московскій Архивъ и Петербургскій Департаментскій остались каждый при своихъ сокровищахъ.

Нельзя, конечно, не раздѣлять того убѣжденія, что только на мѣстѣ текущаго дѣлопроизводства и должны находиться необходимыя для частыхъ справокъ однородныя дѣла прежнихъ лѣтъ. Сосредоточеніе однородныхъ дѣлъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ крайне желательно и для успѣшности самого дѣлопроизводства и для облегченія розысковъ заинтересованнымъ лицамъ. Но выдача справокъ по этимъ дѣламъ неизбѣжно вызоветъ назначеніе второго помощника архиваріуса и непремѣнно съ историко-юридическимъ образованіемъ, въ крайнемъ случаѣ, человѣка съ исторической эрудиціей и хорошо знакомаго съ архивовѣдѣніемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Нечего и говорить о томъ, что для храненія столь значительнаго числа книгъ (свыше около 1600) потребуется едва ли не особая комната.

Но вполнѣ возможно и это все, лишь бы только въ высшихъ министерскихъ сферахъ убѣдились наконецъ въ высокомъ государственномъ, общественномъ и научномъ значеніи Архива Департамента Герольдіи и пришли къ рѣшенію о неотложной необходимости создать для него новое помѣщеніе и новое устройство на основаніяхъ прочихъ центральныхъ архивовъ.

2. *Дѣла о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ* Герольдіи, Временнаго Присутствія и Департамента Герольдіи составляютъ основу и главное содержаніе Архива. Всѣ они заключаются въ 3.800 связкахъ, содержащихъ въ себѣ свыше 150.000 дѣлъ. По своему производству они раздѣляются на

два отдѣла, каждый въ особой экспедиціи. Къ первому отдѣлу относятся дворянскія дѣла губерній великорусскихъ и малорусскихъ, и затѣмъ по чинамъ и орденамъ, а ко второму—западныхъ и югозападныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), и Кавказскихъ *).

Владѣльческіе роды по великорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ исчерпываются по большей части дѣлами родовыми, т.-е. опредѣленіями объ утвержденіи той или иной фамиліи въ древнемъ дворянствѣ, и заканчиваются производствомъ преимущественно въ 1850—60-хъ годахъ. Дальнѣйшія-же сопричисленія къ утвержденному роду производятся непосредственно въ Дворянскихъ Депутатскихъ Собраніяхъ и на ревизію въ Департаментъ Герольдіи не присылаются, за исключеніемъ случаевъ, когда сопричисляется лицо, родившееся до утвержденія въ дворянствѣ рода. Обыкновенно Дворянскія Депутатскія Собранія, хотя и далеко не всѣ и неаккуратно, присылаютъ потомъ въ Департаментъ свои краткіе списки лицъ сопричисленныхъ, которые однако оффиціальнаго значенія не имѣютъ и давно должны были-бы быть замѣнены копіями опредѣленій собраній, подшиваемыми къ родовымъ архивнымъ дѣламъ.

Наоборотъ дѣла западныхъ и югозападныхъ губерній, а также кавказскихъ и привислинскихъ, восходятъ до послѣдняго времени (1895 г.), такъ какъ тамошнія Дворянскія Депутатскія Собранія обязаны присылать всѣ свои дѣлопроизводства на ревизію Департамента Герольдіи. Вслѣдствіе этого и % дворянскихъ дѣлъ по указаннымъ губерніямъ значительно выше, нежели по великорусскимъ. Много также дѣлъ объ утвержденіи въ дворянствѣ лицъ выслуженныхъ, по чинамъ и орденамъ (II и III ч. род. кн.), всегда почти возбуждавшихъ ходатайство непосредственно въ Департаментѣ Герольдіи. Довольно много производилось въ дворянство новыхъ родовъ по ордену Владиміра IV ст. до 1899 года.

Въ числѣ дворянскихъ дѣлъ находятся и такъ называемыя гербовыя дѣла за прежніе годы, по утвержденію гербовъ и вьесенію ихъ въ общій Гербовникъ, по выдачѣ дипломовъ на гербы, отсюда—дипломные гербы, которые вносятся въ особый „Сборникъ“. Что же касается общаго Гербовника, куда вносятся Высочайше утвержденные гербы, то его составлено по настоящее время 18 частей; въ печати-же имѣются только первыхъ десять.

---

*) Въ этой-же экспедиціи идетъ производство и по дѣламъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ уроженцевъ Привислянскаго края, но о нихъ см. ниже.

Въ научно-историческомъ отношеніи наиболѣе интересны дѣла фамилій владѣльческихъ, такъ какъ въ нихъ много старинныхъ документовъ XVI—XVIII в.в.: разнаго рода грамотъ (иногда подлинныхъ), столбцовъ, выписей изъ разрядныхъ, писцовыхъ, переписныхъ, помѣстныхъ и другихъ книгъ, копій формулярныхъ списковъ и указовъ объ отставкѣ выдающихся государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, ихъ метрическихъ свидѣтельствъ и т. п. Встрѣчаются копіи грамотъ и документовъ, уже утраченныхъ, а также и имѣющихъ обще-историческій интересъ.

3. *Число дѣлъ о дворянствѣ и почетныхъ титулахъ бывшей Герольдіи и Государственнаго Совѣта Царства Польскаго* доходитъ до 10.536 дѣлъ, которыя расположены въ Архивѣ въ двухъ большихъ конусахъ, разбитыхъ на 139 отдѣленій. При каждомъ дѣлѣ свой особый №, подъ которымъ оно и значится въ „Описи“; но кромѣ этой описи имѣется еще другая—по фамиліямъ, въ алфавитномъ порядкѣ, гдѣ противъ каждой фамиліи стоитъ свой № или нѣсколько №№, смотря по числу дѣлъ.

Собственно дворянскихъ дѣлъ—10.152 дѣла, по почетнымъ титуламъ—135, „дипломныхъ“—115 и „общихъ“—134.

4. *Книги подлинныхъ журналовъ и опредѣленій* Герольдіи, Временнаго Присутствія и Департамента Герольдіи, за время съ 1800 г. по 1887 г.г., числомъ 1247 книгъ, помѣщаются въ синодскомъ зданіи; всѣ въ переплетахъ: болѣе старыя въ кожаныхъ, а позднѣйшія въ папкахъ. Журналовъ Герольдіи за 1800—1839 г.г.—243 книги, за 1839—1847 г.г.—108 книгъ, всего—351 книга. Журналовъ Временнаго Присутствія за 1839—47 г.—132 книги, и наконецъ опредѣленій Департамента Герольдіи, за 1849—1887 гг.—764 книги.

5. *Чинопроизводныя дѣла*, за 1797—1846 гг., заключаются въ 1052 связкахъ, по 60—100 дѣлъ среднимъ числомъ въ каждой связкѣ (по 2-й экспедиціи дѣла сложнѣе и ихъ меньше въ связкѣ, тогда какъ дѣлъ по 3-й экспедиціи въ нѣкоторыхъ связкахъ, какъ напр. за 1800, 1820 и др. годы, вмѣщается до 138, до 147 и болѣе).

6. *Дѣла о почетномъ гражданствѣ*, почти исключительно потомственномъ, съ 1832 по 1893 г., въ 129 связкахъ, числомъ приблизительно около 12.000 дѣлъ.

7. *Герольдмейстерскія* дѣла, заключающіяся въ 260 связкахъ, за 1840—1880 г.г., по своему содержанію подраздѣляются на слѣдующія группы:

а) Дѣла по составленію годовыхъ отчетовъ о дѣятельности Департамента Герольдіи.

б) Дѣла о службѣ чиновъ Департамента.

в) Переписка съ разными правительственными учрежденіями по запросамъ о дворянствѣ, о почетномъ гражданствѣ и производствѣ въ чины отдѣльныхъ лицъ.

г) Переписка по поводу запросовъ о возвращеніи документовъ.

д) Дѣла объ изготовленіи патентовъ на чины, дипломовъ, грамотъ, родословныхъ, съ ассигновками денегъ художнику и чистописцу.

е) Дѣла о порядкѣ храненія, сдачѣ и уничтоженіи архивныхъ дѣлъ (очень немного).

ж) Дѣла объ изданіи списковъ гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ и о разсылкѣ ихъ.

з) О циркулярныхъ предписаніяхъ Министерства Юстиціи и вообще по законодательнымъ вопросамъ касательно Департамента и т. д., и т. д.

8. *Родословныя книги по губерніямъ*, преимущественно великорусскимъ, въ числѣ около 650, за время отъ 1787 или 1795—7 до конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, доставлялись въ Герольдію крайне неправильно и потому въ Архивѣ ихъ имѣется далеко неполный комплектъ. Съ 1841 г. Дворянскія Депутатскія Собранія стали присылать въ Герольдію и Департаментъ *списки* родовъ утвержденныхъ ими и списки лицъ, сопричисленныхъ къ утвержденнымъ родамъ; но присылка эта носила и носитъ чисто случайный характеръ: по однимъ губерніямъ имѣются таковые списки вплоть даже до 1902 г., а по другимъ ни одного.

9. *Книги указовъ* Правительствующаго Сената, съ 1797 по 1889 г., въ числѣ 252 книгъ (есть между ними утраченныя).

10. *Книги протоколовъ*, съ 1845 по 1887 г., въ числѣ 40 книгъ.

11. *Книги губернскихъ ревизіонныхъ коммиссій*, со списками, въ числѣ около 550.

12. *Дѣла по разнымъ предметамъ*, за время съ 1801 по 1881 г., въ числѣ около 250 дѣлъ. Судя по описи, въ нихъ рѣчь идетъ объ отсылкѣ дипломовъ и гербовъ, о доставленіи вѣдомостей лицъ признанныхъ въ дворянствѣ и внесенныхъ въ родословныя книги, о заготовленіи грамотъ городамъ, о храненіи *бланкета* польскаго короля Станислава-Августа (1837) и диплома генералъ-фельдмаршала Миниха въ Герольдіи, объ учрежденіи Ревизіонныхъ Коммиссій, о фальшивыхъ документахъ грузинскихъ городовъ, о

правахъ на дворянство Мензелинскихъ жителей (1848), о качествѣ и значеніи чиновъ, о завѣреніи Галиційскихъ документовъ и проч. и проч. По нашему мнѣнію, это выдѣленныя въ разное время къ храненію дѣла изъ числа герольдмейстерскихъ, равно какъ и дѣла слѣдующей группы.

13. *Дѣла по разрѣшеннымъ вопросамъ*, за время съ 1813 по 1878 г., въ числѣ болѣе 200, трактующія: о формѣ дворянскихъ грамотъ, о пожалованіи купцовъ въ чины коллежскаго ассесора, о правахъ армянскихъ дворянъ, о бродягахъ, о малороссійскихъ чинахъ, о дворянствѣ литовскихъ татаръ (1882), „о завѣреніи метрикъ о татарахъ“ и т. д.

14. *Книги подлинныхъ гербовъ* городовъ Россійской имперіи, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, хранящихся въ Герольдмейстерской конторѣ еще съ 1738 г. (см. П. С. З., т. X, ст. 7442), занимаютъ особый шкафъ, помѣщенный въ канцеляріи Департамента.

V.

Ш т а т ы.

Несмотря на то, что въ Герольдіи Архивъ, въ смыслѣ хранилища рѣшенныхъ дѣлъ, существовалъ почти съ начала ея учрежденія, но должность архиваріуса при немъ упоминается впервые—въ Высочайше утвержденныхъ штатахъ Герольдіи 18 мая 1832 г. По нимъ архиваріусъ Герольдіи сравненъ въ правахъ съ сенатскими архиваріусами, жалованье ему положено въ годъ 1200 рублей, и при немъ два писца. При образованіи Департамента Герольдіи (1848 г.) архиваріусу положено жалованья вмѣстѣ со столовыми 486 рублей 6 коп., наравнѣ съ старшимъ помощникомъ секретаря, а протоколисту, главная обязанность котораго вести исходящія и входящія книги,—570 р. 87 коп. При архиваріусѣ—четыре писца, но ни одного сторожа, вслѣдствіе чего двое писцовъ были постоянно заняты переноской на своихъ плечахъ дѣлъ и книгъ. Съ 1866 г. архиваріусъ Департамента Герольдіи сталъ получать 600 рублей, наравнѣ съ помощниками секретарей, но число канцелярскихъ чиновниковъ при немъ было сокращено до двухъ.

По случаю передачи въ Департаментъ Герольдіи дѣлопроизводства по дворянству уроженцевъ Царства Польскаго, Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1870 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта штатъ Департамента Герольдіи былъ увеличенъ; между прочимъ вновь были назначены

два переводчика съ польскаго языка и должность архиваріуса была *упразднена*, а завѣдываніе архивомъ поручено одному изъ помощниковъ секретарей, который въ своихъ рапортахъ Герольдмейстеру по дѣламъ Архива подписывался—„Завѣдывающій". Хотя теперь завѣдывающій архивомъ сталъ получать жалованье въ 784 р., но въ то же время онъ не избавлялся отъ занятій въ канцеляріи Департамента. Въ 1890 г., съ упраздненіемъ должности единственнаго оставшагося при Департаментѣ переводчика, ежегодный окладъ завѣдывающаго архивомъ былъ доведенъ до 1200 рублей; тогда же явилась возможность имѣть для архива и третьяго писца. Наконецъ, по послѣднему штату канцеляріи Департамента Герольдіи, вошедшему въ дѣйствіе съ 1 марта 1893 года, званіе архиваріуса возстановляется; по правамъ службы и содержанію онъ сравненъ съ помощниками оберъ-секретарей, т.-е. состоитъ въ VII классѣ должности, съ окладомъ въ 1500 рублей; имѣетъ при себѣ помощника, состоящаго въ IX классѣ, съ ежегоднымъ окладомъ въ 800 р., трехъ канцелярскихъ чиновниковъ и особаго сторожа.

VI.

Помѣщеніе архива.

Вопросъ о помѣщеніи архива, несомнѣнно, самый существенный вопросъ, который прежде всего долженъ озабочивать подлежащее высшее начальство. Но въ судьбѣ почти всѣхъ нашихъ архивовъ наблюдается, какъ извѣстно, совершенно обратное. Подвалы, доступные водѣ, неотапливаемые чердаки и въ лучшемъ случаѣ полутемныя комнаты—вотъ обычное помѣщеніе нашихъ русскихъ архивовъ. При этомъ, конечно, ни непосредственное сосѣдство съ жилыми помѣщеніями, ни явная опасность отъ огня по другимъ какимъ-либо причинамъ—во вниманіе не принимаются. Все это, къ великому сожалѣнію, имѣетъ примѣненіе и къ Архиву Департамента Герольдіи. Несмотря на свое исключительное положеніе по характеру находящихся въ немъ дѣлъ, несмотря на весьма значительное богатство своего содержанія и особую цѣнность самыхъ документовъ, несмотря, наконецъ, на то, что онъ единственное центральное учрежденіе, хранилище дѣлъ и документовъ по дворянству и почетнымъ титуламъ для населенія всей Россійской Имперіи,—Архивъ Департамента Герольдіи своимъ убогимъ помѣщеніемъ не возбуждалъ о себѣ заботъ высшаго начальства до настоящаго времени.

Хранившіяся сначала архивныя дѣла въ помѣщеніи, занимаемомъ Герольдмейстерской конторою, впослѣдствіи, съ увеличеніемъ новыми дѣлопроизводствами, переводились на храненіе въ Сенатскій архивъ. Не смѣшиваемыя съ дѣлами послѣдняго они хранились тамъ въ особыхъ комнатахъ, а болѣе позднѣйшія производства оставались въ канцеляріи Герольдіи и Департамента. Съ 1839 г. до конца 1860-хъ г.г. въ Герольдіи было два архива: одинъ Временнаго Присутствія Герольдіи, впослѣдствіи Разборный, который помѣщался по правую сторону Галерной улицы, въ зданіи Сената, занимая одну комнату, и другой Герольдійскій, помѣщавшійся по лѣвую сторону Галерной улицы, въ зданіи св. Сунода, въ трехъ комнатахъ. По поводу самой большой изъ этихъ комнатъ, гдѣ должны были заниматься архивные чиновники, въ дѣлѣ 1867 г., за № 66, читаемъ слѣдующее: „изъ трехъ комнатъ одна большая, имѣя только одно окно, такъ темна въ задней своей части, что занятія въ оной безъ свѣчей невозможны, что весьма затрудняетъ дѣлопроизводство Департамента Герольдіи. За 20 лѣтъ передъ тѣмъ архиваріусъ Китаевъ въ рапортѣ Герольдмейстеру сообщалъ: „во ввѣренномъ мнѣ архивѣ, по неимѣнію печей, заниматься невозможно, хотя и имѣется въ двухъ комнатахъ одинъ душникъ, отъ котораго тепла никакого нѣтъ“. Въ 1866 году было возбуждено ходатайство о перемѣщеніи всѣхъ дѣлъ Архива Департамента въ помѣщеніе занимаемое Хозяйственнымъ Комитетомъ и Сенатскимъ Казначействомъ, въ Сенатскомъ зданіи, но не имѣло успѣха: понадобились для приспособленія самаго помѣщенія и устройства полокъ и шкафовъ деньги, по смѣтѣ архитектора Афанасьева, 913 р. 84 коп., которыя и послужили главною причиною къ отложенію ходатайства. Впослѣдствіи Герольдійскій архивъ до 1894 г., занималъ указанное помѣщеніе, но въ 1894 г. отсюда былъ переведенъ въ 3-й этажъ Синодскаго зданія надъ аркою. Въ ноябрѣ 1899 г. большую часть дѣлъ его перевели опять въ прежнее помѣщеніе Сенатскаго зданія, занимаемое архивомъ и въ настоящее время.

Здѣсь заняты подъ складъ для дѣлъ двѣ смежныхъ комнаты, въ три и два окна, высота которыхъ 5 и $5^1/_4$ аршинъ. Длина первой комнаты—13 аршинъ, а ширина—$11^1/_2$, второй—длина 9 арш., а ширина 12. Въ обѣихъ комнатахъ помѣщается: посрединѣ двойныхъ конусовъ, въ которыхъ дѣла размѣщены въ четыре ряда, по два съ каждой стороны—5, и ординарныхъ (дѣла въ два ряда) по стѣнамъ и посрединѣ—10, и два шкафа съ книгами. Полки конусовъ подведены на пятиаршинную высоту, такъ что связки дѣлъ верхней полки плотно прилегаютъ къ самому потолку. Размѣщеніе 15 широкихъ конусовъ въ столь небольшихъ комнатахъ позволило оставить разстояніе между конусами

не болѣе 20 и даже 16 вершковъ. Въ концѣ двухъ болѣе широкихъ проходовъ, упирающихся въ два окна и имѣющихъ ширину этихъ оконъ, около 2 аршинъ, поставлены два стола: 1) для занятій архиваріуса съ присылаемыми къ нему Герольдмейстеромъ посѣтителями, желающими ознакомиться съ дѣломъ своего рода, и 2) для занятій помощника архиваріуса съ однимъ писцомъ. Два другіе писца занимаются у самыхъ оконъ, раскладывая дѣла на подоконникахъ, и большею частью стоя.

Нѣсколько далѣе отъ окна и въ особенности между конусами, упирающимися въ простѣнокъ между окнами, царитъ полнѣйшая тьма въ самое свѣтлое время, вслѣдствіе чего для опредѣленія № связки приходится прибѣгать къ помощи фонаря. Въ ноябрѣ-же, декабрѣ и январѣ нѣтъ возможности, особенно въ туманную погоду, прочесть что либо въ дѣлѣ, начиная уже съ 2—2½ час. пополудни.

Если къ этому еще прибавить, что въ указанныхъ комнатахъ помѣщается свыше 180.000 дворянскихъ дѣлъ и до 700 книгъ, то станетъ вполнѣ яснымъ, что для занятій пяти лицамъ, а иногда съ посѣтителями и восьми и девяти, въ этой тѣсной кладовой ни мѣста, ни возможности не представляется.

Но какъ и кладовая, это помѣщеніе не можетъ считаться идеальнымъ; той своей частью, гдѣ размѣщены дѣла бывшей Герольдіи Царства Польскаго, оно примыкаетъ къ квартирѣ смотрителя Сенатскаго зданія, а внизу подъ всѣмъ помѣщеніемъ—казармы для сторожей и курьеровъ.

Кромѣ этихъ комнатъ въ распоряженіи Архива Департамента Герольдіи имѣется еще одна большая комната, въ 4 окна, въ зданіи св. Сунода, въ нижнемъ этажѣ. Длина комнаты 32 аршина, а ширина 9 арш. Въ ней размѣщено 28 конусовъ, на которыхъ расположены подлинныя опредѣленія и журналы, чинопроизводныя дѣла, герольдмейстерскія, о почетномъ гражданствѣ, родословныя книги и проч., всего около 2500 книгъ и свыше 2000 связокъ дѣлъ.

Въ виду столь тѣснаго помѣщенія, уже нѣсколько лѣтъ архиваріусъ Департамента Герольдіи отказывается принимать вновь сдаваемыя дѣла изъ канцеляріи, а прибѣгать къ другому излюбленному средству послѣ 1902 г., когда были уничтожены послѣднія чинопроизводныя дѣла, отрѣзаны уже всѣ пути.

Обращаясь отъ этой весьма тяжелой, чтобы не сказать болѣе, дѣйствительности къ нашему архивному законодательству, гдѣ читаемъ: *„помѣщеніе архива должно быть просторное, сухое, со сводами, съ каменными или кирпичными полами, съ отдушниками въ противоположномъ направленіи, для очистки воздуха; а при томъ теплое, съ*

духовыми или иного устройства печами, которыя топились бы изъ подваловъ, корридоровъ, или вообще внѣ самаго помѣщенія. Дѣла должны храниться, смотря по средствамъ, въ шкафахъ или на полкахъ, устроенныхъ рядами такъ, чтобы между ними былъ свободный проходъ“ *)—невольно задаешься вопросомъ, не ради-ли только ироніи существуетъ такой законъ.

VII.

Научныя занятія въ архивѣ.

Впервые, на сколько намъ извѣстно, для научныхъ занятій въ Архивъ Департамента Герольдіи былъ допущенъ въ 1877 г. П. Н. Петровъ, авторъ извѣстной книги: „Исторія родовъ русскаго дворянства“. (Спб., 1886 г.). Затѣмъ для занятій въ Архивѣ были допущены В. В. Руммель, составившій вмѣстѣ съ В. В. Голубцовымъ „Родословный сборникъ дворянскихъ фамилій“ 2 тома. (Спб. 1886—1887), и А. А. Бобринскій, котораго интересовали по преимуществу гербовыя дѣла и который издалъ въ 1890 г., въ 2-хъ частяхъ, „Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Россійской имперіи“.

На основаніи данныхъ Архива Департамента Герольдіи помѣщали свои генеалогическія статьи въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона—В. В. Руммель и В. Е. Рудаковъ (послѣдній подписывался В. Р—въ).

Наконецъ, самимъ Департаментомъ Герольдіи на основаніи собственныхъ матеріаловъ было предпринято изданіе „Списковъ титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской имперіи“. (Спб., 1892 г.). Изданіе это, несмотря на свою крайнюю неудовлетворительность и по своему плану и по множеству заключающихся въ немъ неточностей и ошибокъ, въ настоящее время совершенно распродано и, въ виду вновь пожалованныхъ родовъ за послѣднія 15 лѣтъ, сильно нуждается въ переизданіи, но это переизданіе должно быть предпринято по новому плану и новой системѣ, и отнюдь не путемъ канцелярскимъ.

*) Св. Зак., т. II, ст. 598 (изд. 1892 г.). Любопытно, что здѣсь имѣется въ виду законодателемъ лишь архивъ губернскаго правленія.

Заключеніе.

Изъ всего вышеизложеннаго о составѣ, современномъ состояніи и положеніи, а равно и значеніи дѣлъ и документовъ общаго дворянскаго всероссійскаго архива Департамента Герольдіи, на нашъ взглядъ вытекаютъ слѣдующіе desiderata: для его полнаго устройства, въ цѣляхъ государственныхъ, общественныхъ и научно-историческихъ.

1. Прежде всего для Герольдійскаго архива необходимо, если не совершенно особое, то во всякомъ случаѣ одно опредѣленное, безопасное въ пожарномъ отношеніи и просторное помѣщеніе, которое могло-бы свободно вмѣстить кромѣ настоящаго наличнаго содержанія и всѣ книги рѣшеннымъ дѣламъ Герольдмейстерской конторы, находящіяся нынѣ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, и новыя поступленія изъ канцеляріи Департамента. Кромѣ того въ немъ непремѣнно должна быть особая комната для занятій архивныхъ чиновниковъ и постороннихъ лицъ, допускаемыхъ въ Архивъ.

2. Затѣмъ немедленно нужно отпустить особыя средства для упорядоченія и приведенія въ надлежащій внѣшній видъ очень многихъ дѣлъ, успѣвшихъ испортиться и придти въ ветхость вслѣдствіе примитивнаго способа храненія ихъ въ связкахъ, туго перевязываемыхъ веревками и буквально втискиваемыхъ въ конуса, отчего по два и по три дѣла съ той и другой стороны каждой связки постоянно бываютъ загнутыми на углахъ и прорванными въ мѣстахъ перевязокъ. Веревки слѣдуетъ замѣнить картонами, которые пріобрѣтены уже многими Дворянскими Депутатскими Собраніями для своихъ архивовъ.

3. Настоящій наличный составъ служащихъ въ Архивѣ едва только имѣетъ возможность справляться въ теченіе 3-хъ часовыхъ ежедневныхъ занятій, безъ всякаго въ зимнее время освѣщенія, съ *пріисканіемъ и выдачею дѣлъ* по требованіямъ канцеляріи Департамента, которыхъ, кромѣ каникулярнаго времени, бываетъ среднимъ числомъ въ день отъ 20 до 50, а дѣлъ же по нимъ выдается иногда по 100 и болѣе, и затѣмъ съ *пріемкою и установленіемъ* возвращаемыхъ изъ канцеляріи дѣлъ въ соотвѣтствующія связки. Кромѣ того архиваріусъ и его помощникъ, слѣдя за отправляемыми и принимаемыми дѣлами и давая письменныя справки, въ случаѣ ненахожденія въ Архивѣ дѣлъ, должны еще заниматься *разсмотрѣніемъ* старыхъ дѣлъ и *выдѣле-*

ніемъ изъ нихъ подлежащихъ уничтоженію, *составленіемъ* имъ описей и съ 1902 г. *общею повѣркой* всѣхъ дворянскихъ наличныхъ дѣлъ и *составленіемъ новыхъ общихъ алфавитовъ* послѣднимъ. Если, наконецъ, потребуется исполненіе 279 статьи II т. Свода Зак. (изд. 1892 г.), обязующей архиваріуса: „составлять историческія выписки изъ прежнихъ дѣлъ, могущія служить основаніемъ къ устройству разныхъ частей Департамента или изъясняющія мѣры и средства въ исполненіи разныхъ предположеній", то естественнымъ послѣдствіемъ этого должно явиться увеличеніе числа служащихъ въ Архивѣ и привлеченіемъ въ него на должность архиваріуса и по крайней мѣрѣ двухъ помощниковъ, въ особенности при сосредоточеніи въ архивѣ всѣхъ книгъ рѣшеннымъ дѣламъ Герольдмейстерской конторы, лицъ съ высшимъ образованіемъ и безусловно свѣдущихъ въ исторіи архивовѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ этого слова. Только такимъ увеличеніемъ штатовъ Архива можетъ быть достигнута практикуемая всюду въ болѣе крупныхъ архивахъ система наведенія справокъ на мѣстѣ и выдачи ихъ изъ архива, за подписью архиваріуса или его помощниковъ, не высылая дѣлъ въ канцелярію, гдѣ будетъ въ нихъ доискиваться истины помощникъ оберъ-секретаря, впервые видящій архивное дѣло. Отрицательныя отвѣтственныя справки и сейчасъ лежатъ на отвѣтственности архиваріуса и его помощника и присоединяютя къ производству. Дѣла могутъ выдаваться въ канцелярію лишь въ особыхъ, болѣе важныхъ случаяхъ, требующихъ сличенія документовъ, переписки болѣе крупныхъ документовъ и такъ далѣе.

В. Е. Рудаковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Правила для приведенія въ устройство дѣлъ дворянства, производившихся до открытія Департамента Герольдіи (дек. 1851 г.).

§ 1.

Для приведенія въ надлежащую полноту и исправность тѣхъ дѣлъ Герольдейскаго архива, по коимъ для сего потребуется особаго разрѣшенія присутствія, возложить на чиновника завѣдывающаго Разборнымъ архивомъ переписку о собраніи нужныхъ свѣдѣній и справокъ, докладъ же оныхъ присутствію оставить на обязанности секретарей Департамента Герольдіи.

§ 2.

По окончаніи разбора составить общій алфавитъ всѣмъ дворянскимъ родамъ, о которыхъ дѣла производились до учрежденія Департамента Герольдіи. Въ алфавитѣ этомъ дѣла размѣщать, сообразуясь не только съ первою, но и съ послѣдующими буквами фамиліи, въ строгомъ азбучномъ порядкѣ.

§ 3.

Для составленія вышеозначеннаго алфавита сравнивать между собою годичные алфавиты каждыхъ десяти послѣдующихъ годовъ и противъ каждой фамиліи, о которой найдутся нѣсколько производствъ, отмѣчать красными чернилами номера этихъ производствъ бо́льшими арабскими цыфрами. Затѣмъ изъ каждыхъ такихъ десяти алфавитовъ составлять одинъ десятилѣтній. По изготовленіи всѣхъ десятилѣтнихъ алфавитовъ произвести между ними ту же сравнительную работу, какъ и между годовыми, и наконецъ составить одинъ общій алфавитъ.

§ 4.

Въ общемъ алфавитѣ означать номеръ первоначальнаго производства по каждому дворянскому роду римскою цыфрой, номера же всѣхъ послѣдующихъ производствъ до сего рода относящихся означать въ особой графѣ арабскими цыфрами.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Правила для занятій Разборнаго архива Герольдіи по приведенію въ порядокъ дѣлъ, въ оный принимаемыхъ. (1852 г.).

§ 1.

По разсмотрѣніи принимаемыхъ въ Разборный архивъ дѣлъ, въ ономъ должны быть оставляемы только тѣ, которыя относятся къ родамъ дворянскимъ, и храниться впредь до особаго распоряженія. Дѣла же, до сихъ родовъ не относящіяся, должны быть сдаваемы при описяхъ въ Сенатскій архивъ, гдѣ они и будутъ храниться на общемъ основаніи.

Примѣчаніе. Завѣдывающій Разборнымъ архивомъ долженъ хранить ключъ отъ комнаты, архивомъ занимаемой; кромѣ того сверхъ обыкновеннаго замка и отдѣльно отъ онаго при двери долженъ находиться висячій замокъ хорошей отдѣлки, ключъ отъ котораго также обязанъ хранить завѣдывающій Разборнымъ архивомъ.

§ 2.

Дѣла до 1813 г., переплетенныя въ книги, слѣдуетъ разсмотрѣть, составить для каждой книги опись всѣмъ заключающимся въ ней производствамъ, присвоивъ въ оной каждому производству особый № по порядку, въ коемъ они переплетены. Въ книгахъ должно быть освидѣтельствовано: всѣ-ли листы цѣлы и подклеены; на переплетахъ сихъ книгъ должны быть выставлены прежніе № и годы производствъ.

§ 3.

Въ дѣлахъ дворянскихъ съ 1813 г. должны быть провѣрены: правильность подшивки бумагъ къ дѣламъ, принадлежность ихъ къ дѣламъ и затѣмъ къ дѣламъ, при которыхъ не имѣется копій съ рѣшеній, должны быть присоединены, за скрѣпою завѣдывающаго Разборнымъ архивомъ; и по удостовѣреніи въ дѣйствительности окончанія дѣла, по составленіи ему частной описи, оно должно быть вложено въ обертку, на которой означать содержаніе дѣла.

§ 4.

По окончаніи разбора всѣхъ дѣлъ, тѣ изъ нихъ, которыя окажутся нерѣшенными, по надлежащемъ допол-

неніи (переписка о собраніи нужныхъ для сего свѣдѣній и справокъ возлагается на завѣдывающаго Разборнымъ архивомъ), должны быть переданы при описяхъ на разсмотрѣніе и законное постановленіе Департамента Герольдіи, которымъ они по окончаніи должны быть возвращены въ архивъ и поставлены на предназначенныя имъ мѣста.

§ 5.

По окончательномъ приведеніи въ извѣстность всѣхъ дѣлъ, въ Разборный архивъ сданныхъ, завѣдывающій онымъ обязанъ повѣрить ихъ съ сдаточными описями и о тѣхъ, которыхъ по таковой повѣркѣ не окажется въ наличности, онъ долженъ составить особыя выписки и донести Министерству.

§ 6.

Дѣла, не заключающія въ себѣ никакого производства по существу, должны быть отобраны въ особый отдѣлъ, распредѣлены по годамъ и мѣсяцамъ и размѣщены отдѣльными связками (каждая дѣламъ одного мѣсяца); при каждой связкѣ должна находиться валовая опись содержащимся въ ней дѣламъ.

§ 7.

Всѣ производства до одного рода и фамиліи относящіяся присоединять въ хронологическомъ порядкѣ къ первому объ этомъ дѣлу, оставивъ впрочемъ при каждомъ производствѣ его обертку и частную опись. Затѣмъ всѣмъ соединеннымъ дѣламъ должна быть сдѣлана общая обертка, съ приложеніемъ къ оной описи всѣмъ, заключающимся въ оной производствамъ, и на которой должно выставить фамилію рода, №№ производства, №№ перваго дѣла по губерніи и годъ его производства.

§ 8.

Дѣла до 1813 г., въ книгахъ переплетенныя, должны составить особый раздѣлъ и размѣщены по имѣющимся на нихъ номерамъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Дворянскимъ дѣламъ этого раздѣла долженъ быть составленъ алфавитъ, съ обозначеніемъ при каждой фамиліи № книги, въ которой заключается производство по оной, № сего производства по частной описи книги и ссылки на №№ другихъ книгъ и ихъ описей, если-бы объ одной фамиліи производства встрѣчались въ разныхъ годахъ.

§ 9.

Другой раздѣлъ должны составить дѣла о дворянскихъ родахъ, которыя начинаются въ самой Герольдіи и не относятся ни къ одной губерніи или области. Дѣла эти должны быть размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ и всѣмъ имъ составленъ точный алфавитъ, съ указаніемъ при каждой фамиліи красными чернилами № и года перваго дѣла, и затѣмъ черными №№ по годовымъ описямъ всѣхъ дѣлъ присоединенныхъ.

§ 10.

Остальныя дворянскія дѣла должны быть распредѣлены по губерніямъ и областямъ въ алфавитномъ порядкѣ, какъ губерній, такъ и самихъ дѣлъ. По каждой губерніи долженъ быть составленъ особый алфавитъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи необходимо означать красными чернилами № и годъ перваго дѣла и черными №№ всѣхъ производствъ въ дѣлѣ заключающихся, съ указаніемъ на алфавитъ другихъ губерній, если въ нихъ находятся также дѣла объ этой фамиліи.

Примѣчаніе. При опредѣленіяхъ Сената о перечисленіи дворянина изъ одной губерніи въ другую, должно быть сдѣлано Герольдмейстеромъ распоряженіе о передачѣ дѣла о немъ въ архивъ въ отдѣлъ той же губерніи, въ которую онъ перечисляется.

§ 11.

Изъ всѣхъ сихъ частныхъ алфавитовъ долженъ быть составленъ въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ одинъ общій реестръ всѣмъ фамиліямъ, о коихъ дѣла будутъ находиться въ Архивѣ Герольдіи. Въ семъ алфавитѣ противъ каждой фамиліи должно быть указаніе на отдѣлъ, въ которомъ будетъ находиться дѣло и № его по отдѣлу.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Реестръ рѣшеннымъ по Герольдмейстерской конторѣ, съ 1725 по 1745 г., дѣламъ дворянскихъ родовъ.

1725 г. О дачѣ Лифляндскимъ шляхтичамъ дипломовъ и гербовъ. На 128 листахъ.

1726 г. По челобитной тайнаго совѣтника Петра Бестужева-Рюмина, о дачѣ ему съ родословной росписи и съ герба фамиліи ихъ копіи. На 28 листахъ.

1732 г. О подачѣ въ Сенатъ по запросному письму реестра о гербахъ Россійскихъ городовъ, которые сочинялъ графъ Сантій. На 4 листахъ.

1741 г. О бытіи отмѣннымъ именемъ и чести, отъ дѣтей Грузинскаго царевича Симеона Леоновича, побочному сыну его поручику Николаю. На 37 листахъ.

1742 г. О присылкѣ въ Вотчинную коллегію копій съ родословныхъ росписей рода Маклаковыхъ. На 5 лист.

— О выключкѣ изъ подушнаго оклада Ливенскаго помѣщика Софрона Алисова и о пожалованіи его прапорщикомъ. На 23 листахъ.

1741 г. Дѣло, присланное изъ тайной канцеляріи, при которомъ находится реестръ росписямъ разныхъ фамилій, коихъ въ родословной книгѣ не описано, и при томъ 12 гербовъ, которые поданы въ Разрядъ при родословныхъ росписяхъ, да по два герба барановъ Строгановыхъ и дворянина Демидова. На 74 лист.

1743 г. Доношеніе канцеляріи Конфискаціи изъ конторы, о требованіи изъ Герольдмейстерской конторы рисунка съ герба фамиліи князей Голицыныхъ. На 12 листахъ.

— О дачѣ дипломовъ и гербовъ пожалованнымъ въ дворянское достоинство придворнымъ пѣвчимъ: Григорію Любисткову, Божкову, Чижевскому, Коченовскому и Рубановскому. На 132 листахъ.

1740 г. О пожалованіи въ дворянское достоинство двора Ея И. В. комнатнаго истопника Алексѣя Мамотина. На 33 лист.

1743 г. По челобитной поручика Ивана и братьевъ его Александра и Мирона Вреневыхъ, о написаніи ихъ

со шляхетствомъ въ подданство и о пожалованіи имъ имѣнія въ Курскомъ уѣздѣ изъ выморочныхъ деревень, послѣ умершаго молдавца Георгія Хрискулева. На 27 листахъ.

1742 г. О пожалованіи въ дворянское достоинство лейбъ-курьера Скорнякова. На 17 листахъ.

1743 г. О пожалованіи генерала и кавалера Григорія Чернышева и тайнаго совѣтника Петра Бестужева-Рюмина въ графское достоинство. На 98 листахъ.

1744 г. О взносѣ къ господину генералъ-прокурору имѣющихъ въ Герольдіи гербовниковъ, какъ герба государственнаго, такъ и гербовъ всѣхъ провинцій. На 3 листахъ.

— Дѣло по промеморіи изъ Вотчинной коллегіи о присылкѣ съ родословной росписи копіи фамиліи князей Ухтомскихъ. На 9 лист.

1745 г. По челобитной камеръ-юнкера Никиты Важинскаго о дачѣ ему диплома и герба. На 47 лист.

— О требованіи отъ военной и адмиралтейской коллегіи и отъ придворной конторы о находящихся въ оныхъ дворянъ и дѣтяхъ ихъ списковъ. На 34 лист.

— По промеморіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, о присылкѣ извѣстія о дворянствѣ солдата Арцыбушева. На 7 лист.

— Справка о шляхетствѣ дворянъ Шигориныхъ. На 6 л.

— По промеморіи изъ военно-походной графа фонъ-Лессія канцеляріи, о принятіи ложно на себя дворянства адъютантомъ Иваномъ Горяиновымъ. На 14 лист.

— По челобитной Ивана Гулевича, о написаніи его въ дворянскій списокъ и объ опредѣленіи дѣтей въ кадетскій корпусъ. На 19 листахъ.

1746 г. О дачѣ дворянства лейбъ-компаніи сержанта Никиты Савина сыну его Герасиму. На 12 листахъ.

— Объ отсылкѣ въ Измайловскій полкъ извѣстія о дворянствѣ солдата того полка Алексѣя Пилягина. На 15 лист.

— По челобитной изъ мурзъ новокрещеннаго недоросля Александра Чегодаева, объ опредѣленіи его въ военную службу въ напольный полкъ капраломъ. На 15 лист.

1747 г. По челобитной лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата Ѳедора Чеусова, о выключкѣ брата его съ дѣтьми изъ холопства отъ вдовы Анны Хрущевой и объ опредѣленіи ихъ въ службу. На 68 лист.

1747 г. О требованіи лейбъ-гвардіи Измайловскимъ полкомъ свѣдѣній о дворянствѣ солдатъ Немерова и Бѣлкина. На 20 лист.

— О дачѣ дворянства сыну поручика лейбъ-компаніи гренадера Василія Михайлова Максиму. На 9 лист.

— Вѣдомость, какое число дипломовъ и гербовъ лейбъ-компаніи унтеръ-офицерамъ и рядовымъ въ подачи отъ нихъ сказокъ учинено и кому именно. На 9 л.

— О пожалованіи въ дворянское достоинство Якова Шубскаго. На 69 лист.

1745 г. О хожденіи по порученному дѣлу живописнаго дѣла мастерамъ и ученикамъ и о репортированіи о бытности при этомъ дѣлѣ. На 54 лист.

— По доношенію живописнаго мастера Петрулева, о требованіи отъ статсъ-конторы въ рисовальную палату для рисованія дипломовъ и гербовъ красокъ. На 37 лист.

— Объ опредѣленіи копіиста Моисеева въ Герольдію и о награжденіи его подканцеляристомъ. На 13 л.

— Справка изъ военной коллегіи о присылкѣ извѣстія въ новозавоеванныхъ городахъ имѣющихся въ Финляндіи, которые остались въ Россійской сторонѣ, имѣть печати велѣно и подъ какими гербами. На 4 л.

— О дачѣ находящемуся при Герольдіи живописнаго дѣла мастеру Петрулеву съ товарищи квартиры. На 14 лист.

— Челобитная адъюнктуса Табкасъ-Кениха-Фелта, объ опредѣленіи его къ сочиненію гербовъ и при томъ переводъ о его искусствѣ. На 26 лист.

— По промеморіи изъ адмиралтейской коллегіи, о присылкѣ обратно находившагося у письма дипломовъ копіиста Матвѣя Суслова. На 5 лист.

1746 г. Копія съ журнальной записи о раздачѣ по повытьямъ дѣлъ и о переплетѣ особо исторій. На 3 лист.

— Объ отсылкѣ въ академію наукъ гербовъ, какіе въ Герольдіи есть, и о переводѣ книги регуловъ геральдическихъ на Россійскій языкъ. На 29 лист.

— О требованіи изъ академіи наукъ извѣстія, какія есть къ употребленію герольдмейстерской должности книги и гербы какъ Россійскіе, такъ и другихъ государствъ. На 8 лист.

1746 г. По промеморіи изъ канцеляріи о строеніяхъ, о присылкѣ въ оную живописныхъ мастеровъ Петрулева съ товарищи. На 6 лист.

— Объ опредѣленіи въ Ревизіонное повытье Ревизіонной конторы копіиста Василія Иванова. На 12 лист.

1747 г. О награжденіи подканцеляриста Моисеева канцеляристомъ и объ опредѣленіи въ Герольдію копіиста Рослова канцеляристомъ. На 12 лист.

— О требованіи изъ академіи наукъ книгъ Зибмахера и Цертамена. На 4 лист.

— Объ отсылкѣ изъ Герольдіи въ Академію наукъ копіи съ гербовъ Россійской имперіи городовъ и знатныхъ фамилій, для составленія краткаго описанія Герольдіи. На 46 лист.

— О присылкѣ изъ Академіи наукъ Кромеровой исторіи, переведенной на русскій языкъ и подлинной Стратиковскаго и Гвозникова. На 11 лист.

— О изслѣдованіи юстицъ-конторою въ отбоѣ копіистомъ Василіемъ Ивановымъ у чулана замка въ Коммиссаріатѣ. На 10 лист.

— Объ увольненіи отъ рисованія подмастерья Мусикинскаго и объ опредѣленіи подмастерьями Нечаева и Шеремперова, а Милюкова объ отсылкѣ въ канцелярію о строеніяхъ. На 79 листахъ.

Къ вопросу объ устройствѣ древлевѣдѣнія въ Россіи.

Для вѣдѣнія памятниками (всякими) древности и старины Русскаго государства и всѣми дѣлами по этому предмету, не исключая изъ нихъ и всесторонняго изученія указанныхъ памятниковъ, а равно и всего связаннаго съ такимъ изученіемъ, учреждаются центральная—*государственная* и областныя—*губернскія древностейныя* (или археологическія) *управы* (иначе управы или правленія древностями), именуемыя, главная—Русскою, а губернскія по названію той губерніи, въ которой находится каждая изъ нихъ, при чемъ слова: „государственная“ и „губернская“, какъ лишнія при упоминаніи названія мѣстности, не употребляются на практикѣ въ титулахъ этихъ учрежденій.

Государственная древностейная управа является высшимъ учрежденіемъ этого рода въ государствѣ, безъ котораго ни что не можетъ быть предпринято въ области его вѣдѣнія. Предсѣдатель этой управы уравненъ въ правахъ и объемѣ власти съ министрами.

Губернскія древностейныя управы представляютъ собою то же, что государственная, но не вообще, а лишь по отношенію той губерніи, въ которой такая управа находится. Губернскія древностейныя управы подчинены только государственной; предсѣдатели ихъ являются непремѣнными членами государственной древностейной управы по должности.

Такъ какъ предметъ вѣдѣнія предлагаемаго учрежденія весьма разнообразенъ и многосложенъ и такъ какъ для правильной постановки этого вѣдѣнія требуются обширныя, основательныя и, при томъ, очень различныя спеціальныя знанія (иконопись, стѣнопись, зодчество, могиловѣдѣніе, городищевѣдѣніе, древнеписьменность. бытовѣдѣніе, доисторическія и древнеисторическія географія и этнографія, нумизматика, сфрагистика и т. д. и т. д. съ ихъ подраздѣленіями), то государственная древностейная управа, по самой сущности предмета ея вѣдѣнія и въ силу настоятельнѣйшей необходимости, должна представлять собою общество (коллегію), состоящее изъ различныхъ спеціалистовъ, взаимно

равноправныхъ и управляемое ихъ общимъ собраніемъ. Подчинять (безусловно) подобное учрежденіе одному лицу нельзя и безполезно: начальникъ будетъ всегда въ зависимости отъ подчиненныхъ. Излишне говорить о томъ, что государственная древностейная управа должна составляться исключительно изъ людей, близко-стоящихъ къ предметамъ ея вѣдѣнія и, что главное, заинтересованныхъ и преданныхъ этимъ предметамъ непосредственно, безъ всякихъ стороннихъ соображеній. Для обезпеченія подбора въ государственную древностейную управу такихъ именно людей лица, вступающія въ службу управы, не пользуются ни чинами, ни орденами и другими наградами (отъ правительства) никакими, кромѣ ученыхъ и по занимаемой должности, званіями (на прим. иконовѣдъ, письменнестикъ и т. п.), льготами и преимуществами, короче,—получаютъ только жалованье и имѣютъ право на пенсію. Сверхъ этого они подчиняются еще закону о предѣльномъ возрастѣ (55, а при особенной крѣпости здоровья и подвижности, 60 лѣтъ).

Государственная древностейная управа состоитъ изъ членовъ: непремѣнныхъ, сотрудниковъ и почетныхъ, избираемыхъ съѣздомъ ученыхъ всей Россіи изъ своей среды на время до предѣльнаго возраста, смерти, неизлечимой или продолжительной (болѣе года) болѣзни, собственнаго отказа или увольненія отъ должности и другихъ случаевъ выбытія. Первый съѣздъ созывается Академіею Наукъ, послѣдующіе —самою управою. Каждое избраніе производится съѣздомъ и совершается простымъ большинствомъ тайно-подаваемыхъ голосовъ. Какихъ либо пріемовъ, стѣсняющихъ свободу выборовъ по совѣсти, не допускается (не исключая и агитаціи; предварительныя совѣщательныя собранія допускаются).

Непремѣнные члены государственной древностейной управы суть такіе, безъ наличности которыхъ эта управа не можетъ существовать, какъ таковая, т. е. не можетъ ни начать, ни продолжать правильнаго отправленія возложенныхъ на нее обязанностей. По этому непремѣннымъ членомъ государственной древностейной управы можетъ быть только спеціалистъ по одному изъ крупныхъ отдѣловъ древлевѣдѣнія, признанный большинствомъ ученыхъ за достойнѣйшаго носить это званіе и занимать связанную съ нимъ должность. Непремѣнный членъ получаетъ жалованье такого размѣра, который позволяетъ ему жить безъ стороннихъ заработковъ, ибо непремѣнный членъ государственной древностейной управы не можетъ занимать какую либо иную, кромѣ этой, должность. По оставленіи службы въ управѣ [1]) онъ, если не состоитъ ни на какой службѣ и

[1]) Не по собственному желанію и не за проступки.

не получаетъ ни какого иного содержанія (не частнаго), подьзуется соотвѣтственной пенсіей.

Членъ сотрудникъ гос. древн. управы есть помощникъ непремѣннаго члена, его товарищъ, спеціалистъ по какой либо отрасли того отдѣла науки, которымъ завѣдываетъ непремѣнный; по каждому крупному отдѣлу, т. е. при каждомъ непремѣнномъ членѣ гос. древ. управы можетъ быть нѣсколько сотрудниковъ, смотря по надобности. Сотрудникъ также, какъ непремѣнный членъ, не можетъ занимать иную должность, но жалованіе получаетъ нѣсколько меньшее, чѣмъ непремѣнный членъ, такъ какъ и работаетъ меньше, и знанія, и отвѣтственности отъ него требуется меньше. Непремѣнные члены губернскихъ древностѣйныхъ управъ состоятъ (по должности) сотрудниками государственной древностейной управы, но безъ особаго за то вознагражденія, ибо въ данномъ случаѣ они лишь носятъ званіе, но не отправляютъ постоянной должности въ госуд. древн. управѣ.

Почетные члены суть тѣ, которые получили на выборахъ второе и третье (отъ наивысшаго) большинство голосовъ по одному изъ крупныхъ отдѣловъ древлевѣдѣнія. Они не занимаютъ постоянныхъ должностей въ управѣ, жалованья и пенсіи отъ нея не получаютъ, но имѣютъ право участія въ собраніяхъ государственной управы съ рѣшающимъ голосомъ, по назначенію собранія этой управы замѣщаютъ непремѣнныхъ ея членовъ въ ихъ отсутствіе, редактируютъ и рецензируютъ изданія, отправляются въ командировки и исполняютъ другія порученія общаго собранія. За свои работы, (но не за участіе въ собраніяхъ) они получаютъ задѣльную плату,—при замѣщеніи по числу дней замѣщенія въ размѣрѣ жалованья непремѣннаго члена, а при командировкахъ (сроки которыхъ опредѣляются общимъ собраніемъ управы), сверхъ этого, еще прогонныя и суточныя деньги; за редактированіе и т. п. работы вознагражденіе выдается почетнымъ членамъ по установленной собраніемъ сдѣльной таксѣ. Изъ почетныхъ же членовъ избираются (а до избранія назначаются управою) завѣдывающіе государственными музеями, архивами, библіотеками, галлереями и др. хранилищами.

Число непремѣнныхъ членовъ и сотрудниковъ, кромѣ минимальнаго, неопредѣленно и можетъ быть собраніемъ увеличиваемо или уменьшаемо въ зависимости отъ надобности.

Каждый непремѣнный членъ вѣдаетъ отдѣлъ своей спеціальности, докладывая и давая отзывы и заключенія по его дѣламъ въ общихъ собраніяхъ. Въ каждомъ отдѣлѣ или при каждомъ непремѣнномъ членѣ госуд. древност. управы состоитъ канцелярія, находящаяся въ его завѣдываніи и набираемая, по возможности, изъ лицъ съ соотвѣт-

ствующею подготовкою (наприм. чертежниковъ, рисовальщиковъ, раскопщиковъ, фотографовъ и вообще практиковъ) [1].

Всѣ дѣла рѣшаются общимъ собраніемъ управы, предсѣдатель котораго избирается всякій разъ отдѣльно. [2] Дѣлопроизводство по собраніямъ ведется общей канцеляріей, находящейся въ завѣдываніи дѣлоправителя госуд. древн. управы. Канцеляріи устраиваются на общемъ основаніи, состоятъ на жалованьи, пользуются, если пожелаютъ, правами государственной службы и вѣдаютъ только дѣлопроизводство, не касаясь собраній, за исключеніемъ дѣлоправителя. Послѣдній ведетъ протоколы общихъ собраній госуд. древн. управы и избирается собраніемъ управы на три года изъ лицъ съ спеціальною подготовкою (по древлевѣдѣнію); рѣшающаго голоса въ собраніяхъ не имѣетъ, совѣщательный же голосъ можетъ быть данъ ему предсѣдателемъ съ согласія собранія. По опредѣленію собранія дѣлоправителю госуд. древн. управы можетъ быть данъ въ помощь (на разъ) дѣлоправитель канцеляріи отдѣла. При общей же канцеляріи управы состоитъ ея казначей, ведущій денежную часть, и управляющій, вѣдающій хозяйственною частью. Всѣ эти лица отдаютъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ общему собранію и провѣряются провѣрочными коммиссіями, наряжаемыми общимъ собраніемъ изъ своего состава.

Въ случаяхъ какого либо затрудненія, (сомнѣній, колебаній, споровъ и т. п.) общее собраніе госуд. управы можетъ созывать совѣщанія спеціалистовъ по данному предмету. Такіе спеціалисты могутъ быть, при надобности въ этомъ, даже выписываемы съ уплатою имъ по числу дней деннаго жалованія непремѣнныхъ членовъ, прогонныхъ и суточныхъ денегъ, или мнѣніе этихъ спеціалистовъ отбирается письменно (даютъ отзывы), за что также дается установленное вознагражденіе (сдѣльное). Плата во всѣхъ перечисленныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ желательна не только, какъ вознагражденіе за трудъ, но и какъ причина солидности этого труда и, затѣмъ, какъ основанія для требовательности по отношеніи къ нему. Упомянутыя совѣщанія засѣдаютъ въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ госуд. древн. управы подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго члена отдѣла (или заступающаго его) и засѣданіямъ совѣщанія ведутся

---

[1]) Эти лица при надобности командируются управою для практическихъ занятій на мѣста (съемокъ, раскопокъ и пр.) какъ самостоятельныхъ, такъ и совмѣстныхъ съ членами губерн. древн. управъ.

[2]) Этому не противорѣчитъ сказанное выше объ уравненіи его въ правахъ и объемѣ власти съ министрами, ибо, избранный въ данномъ засѣданіи, онъ остается въ этой должности до слѣдующаго общаго собранія и слѣдитъ за исполненіемъ слѣланныхъ постановленій и распоряженій.

протоколы. Постановленія совѣщанія, а при требованіи, и протоколы его засѣданій докладываются въ общемъ собраніи управы, на которое приглашаются также и члены совѣщанія съ правомъ рѣшающаго по предмету совѣщанія голоса.

Въ силу нѣкоторыхъ особенностей условій провинціальной жизни *составъ губернскихъ древностейныхъ управъ* будетъ нѣсколько отличенъ отъ состава государ. древн. управы. Губернскія управы образуются также изъ членовъ; *ихъ непремѣнные члены* суть тоже спеціалисты, но не по всѣмъ отдѣламъ древлевѣдѣнія, а лишь по тѣмъ, предметъ вѣдѣнія которыхъ имѣется въ наличности въ данной губерніи (наприм. по стѣнописи, иконописи, древнему церковному зодчеству, т. е. стѣнописникъ, иконникъ, курганникъ и пр.). При надобности число непремѣнныхъ членовъ можетъ быть увеличиваемо по постановленію общаго собранія, одобренному общимъ собраніемъ госуд. древн. управы. Первый разъ выбираются непремѣнные члены губерн. древн. управъ, (по спискамъ избранниковъ, составленнымъ госуд. древн. управой) общимъ собраніемъ того мѣстнаго, ученаго учрежденія, которое преобразовывается (по доброму его желанію) въ древностейную управу. Если въ ней объединяются нѣсколько учрежденій, то выборы производятся общимъ соединеннымъ собраніемъ членовъ всѣхъ сливающихся учрежденій. Если же въ губерніи не окажется подходящихъ учрежденій или если изъ имѣющихся тамъ учрежденій ни одно не пожелаютъ преобразоваться въ древн. управу, тогда таковую образуетъ государственная управа по собственному почину, своими средствами и по своему усмотрѣнію, такъ какъ въ каждой губерніи обязательно должна быть губерн. древн. управа.

Все пріуроченное непремѣннымъ членамъ госуд. древн. управы присвоивается и непремѣннымъ членамъ губерн. древн. управъ, но примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, т. е. въ меньшемъ размѣрѣ (наприм. можетъ не быть отдѣльныхъ канцелярій, а лишь столы; размѣръ жалованія сообразуется съ стоимостью жизни и пр.)

Кромѣ непремѣнныхъ членовъ въ составъ губерн. древн. управъ входятъ также и *сотрудники*. Въ сотрудники зачисляются во 1) тѣ изъ членовъ преобразуемыхъ въ управу мѣстныхъ ученыхъ учрежденій, которые заявили о себѣ въ прежней дѣятельности этихъ учрежденій либо учеными работами, либо трудами на пользу науки (раскопками, наблюденіемъ за возстановленіемъ памятниковъ древности, разборомъ архивовъ, научнымъ коллекціонированіемъ и т. п., словомъ,—практики); во 2) мѣстные спеціалисты по отдѣламъ знанія, соприкасающимся съ древлевѣдѣніемъ, какъто: архитекторы, гражданскіе инженеры, преподаватели

исторіи, юристы—историки, изслѣдователи мѣстности въ какомъ либо отношеніи по древлевѣдѣнію и т. д. Лица, обозначенныя въ послѣднемъ пунктѣ, избираются самою, уже сформированною, управою по мѣрѣ поступленія въ ея общія собранія предложеній (или собственныхъ заявленій) о желательности избранія подобныхъ лицъ; въ 3) въ сотрудники же зачисляются хранители музеевъ, архивовъ, библіотекари и прочія лица, занимающія постоянныя и отвѣтственныя должности въ губерн. древн. управѣ и въ учрежденіяхъ ея вѣдомства. Состоящіе на постоянной службѣ сотрудники получаютъ жалованье, остальные же задѣльную плату, прогонныя и суточныя деньги на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ получаютъ ихъ почетные члены государ. древн. управы, но примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Всѣ [1]) остальные члены преобразованныхъ въ управы учрежденій, неизбранные въ непремѣнные или сотрудники, зачисляются до выбытія просто членами губерн. древн. управы и пользуются правомъ совѣщательнаго голоса. Кромѣ указанныхъ лицъ въ такіе члены могутъ избираться лица, хотя и незаявившія о себѣ въ наукѣ, но полезныя для управы и ея цѣлей, какъ-то: корреспонденты, крупные или постоянные жертвователи, проявляющіе общее сочувствіе къ дѣлу и т. д., при чемъ выборъ и зачисленіе въ члены производится или на время (3, 5, 9 лѣтъ), или до выбытія,—по усмотрѣнію общаго собранія управы и по дѣятельности избраннаго. Избранный на время, по окончаніи срока избранія, можетъ быть избранъ вновь. Въ *почетные члены* могутъ избираться лишь лица, непринадлежащія къ составу управъ и при томъ лишь за ученые труды ихъ по данной губерніи или общіе и за большія заслуги по содѣйствію наукѣ.

При губерн. древностейной управѣ состоитъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при государ. древн. управѣ, общая канцелярія губернской управы въ завѣдываніи ея дѣлопроизводителя, а при ней казначей и управляющій хозяйствомъ. На послѣднія двѣ должности могутъ назначаться лица изъ просто членовъ.

При государственной древностейной управѣ состоитъ книгохранилище, въ которомъ сосредоточиваются обязательно всѣ соотвѣтствующія изданія и пособія (т. е. не только книги, но и рисунки, чертежи, фотографіи и т. п.), выходящія въ Россіи, и тѣ изъ иностранныхъ, которыя будутъ признаны необходимыми непремѣнными членами, сотрудниками или собраніемъ по предложенію кого либо изъ имѣющихъ въ немъ право голоса и даже по частнымъ заявле-

---

[1]) Кромѣ навязанныхъ этимъ учрежденіямъ администраціей; такіе, если не выйдутъ сами изъ состава управы или не будутъ ею признаны полезными, вычеркиваются и отчисляются изъ ея состава.

ніямъ. Книгохранилище открыто для общаго пользованія и находится въ завѣдываніи особаго правленія (библіотечнаго), состоящаго изъ старшаго и младшихъ библіотекарей, писчиковъ и прислуги; библіотекари должны быть (по крайней мѣрѣ старшій) библіографомъ.

Въ вѣдѣніи и управленіи (чрезъ особыя правленія) государствен. древност. управы состоятъ всѣ государственныя хранилища по предмету древлевѣдѣнія, архивы, галлереи и пр. т. п., изъ которыхъ все, имѣющее преимущественно—мѣстное значеніе и интересъ, передается въ мѣстныя хранилища; своихъ собственныхъ хранилищъ, кромѣ книжнаго, государ. древност. управа не имѣетъ.

Государ. древност. управа: 1) созываетъ обще-русскіе (или государственные) съѣзды, которые подготовляетъ и которыми руководитъ, присутствуя на нихъ въ полномъ составѣ. Такіе съѣзды устраиваются на государственный счетъ; для устройства и подготовки ихъ управа можетъ приглашать не только членовъ губернскихъ древност. управъ, но и стороннихъ людей и, при томъ, какъ за плату имъ, такъ и безплатно.

2) Имѣетъ свои повременныя изданія по разнымъ спеціальностямъ, въ которыхъ могутъ сотрудничать и сторонія лица; издаетъ отдѣльныя работы, (признанныя заслуживающими обнародыванія), какъ своихъ членовъ всѣхъ наименованій, такъ и стороннихъ лицъ, если такія работы будутъ представлены на усмотрѣніе государ. управы или если онѣ будутъ привлечены ею самою; дѣлаетъ и издаетъ переводы иностранныхъ сочиненій; производитъ переизданія рѣдкихъ или дорогихъ сочиненій и т. д.

3) Снаряжаетъ экспедиціи, ревизуетъ и руководитъ губерн. древн. управами, производитъ разслѣдованія и собираетъ свѣдѣнія по предметамъ своего вѣдѣнія и т. д. Вообще государственной древностейной управѣ поручается все (до составленія проектовъ соотвѣтствующихъ законовъ) относящееся до изученія и сохраненія (въ широкомъ смыслѣ этого слова) всякихъ памятниковъ прошлаго безъ всякихъ исключеній, ограниченій и вмѣшательствъ. Послѣднее, конечно, за исключеніемъ незаконныхъ дѣйствій со стороны управы. Изученіе, разумѣется, никому не возбраняется.

При губернскихъ древностейныхъ управахъ имѣются собственныя,—губернскія хранилища, въ которыхъ сосредоточиваются всѣ и всякіе какъ вновь открываемые, такъ и хранящіеся уже въ другихъ музеяхъ, библіотекахъ, архивахъ и т. п., памятники данной губерніи, всѣ мѣстныя и иномѣстныя,—касающіяся губерніи изданія и другія пособія (книги, картины, карты, модели и пр.); въ ихъ вѣдѣніи и

управленіи находятся всѣ мѣстныя хранилища по древлевѣдѣнію и памятники прошлаго.

Кромѣ того онѣ имѣютъ свои повременныя изданія и выпускаютъ отдѣльныя работы,—подлинныя и переводныя, но лишь по предметамъ своего вѣдѣнія и лишь касающіяся обслуживаемой губерніи. (Переизданіе библіографическихъ рѣдкостей [1]), хотя-бы и не касающихся древлевѣдѣнія, не противорѣчитъ сказанному). Затѣмъ созываютъ областные съѣзды, подготовляютъ и устраиваютъ ихъ (на государственный счетъ), но руководство и распоряженіе на такихъ съѣздахъ осуществляются совѣтомъ съѣзда, избраннымъ изъ среды съѣхавшихся.

Въ общемъ губернскія древностейныя управы,—будучи вполнѣ самостоятельными мѣстными органами, которымъ поручается изученіе, собраніе, разъисканіе и сохраненіе (всякое: охрана, востановленіе, завѣдываніе и т. д.) всякихъ памятниковъ прошлаго губерніи, памятниковъ событій, лицъ и пр., (при чемъ изъ числа такихъ памятниковъ не исключаются и памятники даже ближайшаго прошлаго, разъ они утрачиваютъ служебное значеніе, выходятъ изъ употребленія),—подчинены государственной древностейной управѣ, доставляютъ ей ежегодные отчеты о дѣятельности по всѣмъ статьямъ, доставляютъ на заключеніе и утвержденіе проекты реставрацій и другихъ мѣръ, принимаемыхъ по предметамъ своего вѣдѣнія, подлежатъ ея ревизіи, используютъ даваемыя имъ государственною управою порученія общегосударственнаго значенія, обращаются къ ней за разъясненіями или съ жалобами въ затруднительныхъ случаяхъ и т. д. и т. д.

Таковы на мой взглядъ тѣ основныя начала, на коихъ необходимо построить дѣло древлевѣдѣнія въ Россіи для того, чтобы это дѣло приняло хотя сколько нибудь правильное положеніе. Разумѣется, излишне говорить о томъ, что изложеннымъ выше я не намѣревался не только исчерпать этотъ обширный и сложный вопросъ, но даже и очертить его сколько нибудь полно; я только намѣтилъ тѣ, на мой взглядъ желательныя и полезныя, основныя положенія, безъ которыхъ (опять—таки на мой взглядъ) правильной и удовлетворительной постановки вопроса о древлевѣдѣніи въ Россіи не можетъ быть. Въ своемъ сообщеніи я затронулъ, можетъ быть, не болѣе сотой того, что нужно будетъ сдѣлать въ указанномъ направленіи, но позволю себѣ думать, что затронулъ я все-таки сущность и подошелъ къ предмету прямо и непосредственно, безъ сторонніхъ соображеній и безъ „политическихъ“ пріемовъ. И сдѣлалъ это

[1]) Мѣстнаго характера.

я потому, что все предлагавшееся до сихъ поръ по разсматриваемому предмету никакимъ образомъ и никого не можетъ удовлетворить. По кр. мѣрѣ за тотъ „Проектъ положенія о губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ“ [1], который составленъ (легко сказать, въ продолженіи 2 часовъ съ небольшимъ) въ единственномъ, посвященномъ ему, засѣданіи Тверскаго съѣзда, я встрѣтилъ въ средѣ Ярославской Архивной Коммиссіи рѣзкое порицаніе за свое, какъ представителя этой коммиссіи, согласіе на него, за мое одобреніе его. „Основныя положенія, выработанныя коммиссіею (министерства внутреннихъ дѣлъ) по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій въ засѣданіяхъ 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апрѣля 1905 года“ и разосланныя на обсужденія архивныхъ коммиссій и другихъ подходящихъ учрежденій, насколько мнѣ извѣстно, встрѣтили то же холодный пріемъ и подверглись суровой критикѣ [2]). Всякіе другіе проекты, а ихъ составлено уже не мало, постигала подобная же участь; совѣщанія по данному предмету, происходящія и на обще—русскихъ, и на областныхъ археологическихъ съѣздахъ, дальше этихъ съѣздовъ не идутъ и до сихъ поръ ни къ чему осязательному (кромѣ развѣ „проектовъ“ печатныхъ и писаныхъ) не привели и не могли, и не могутъ привести, такъ какъ слишкомъ условны, частичны, даже не безкорыстны и не касаются сущности. Говоря о подобныхъ проектахъ, я не могу промолчать о послѣднемъ изъ нихъ, напечатанномъ въ „Христіанское чтеніе“ 1906 г. (IV, 417—498) и озаглавленномъ „О мѣрахъ сохраненія памятниковъ церковной старины“. Въ этомъ проектѣ предлагается учрежденіе епархіальныхъ комитетовъ изъ лицъ гл. обр. духовнаго званія подъ начальствованіемъ мѣстнаго архіерея. Я не стану подробно разбирать „мѣръ“ автора, а ограничусь лишь немногими замѣчаніями. Такъ, я напомню прежде всего, что противъ подобнаго проекта, предложеннаго на ярославскомъ областномъ съѣздѣ свящ. Сил. Вл. Соколовымъ, возсталъ очень энергично и вполнѣ основательно самъ же авторъ указанной статьи. Дальше я укажу на замѣчаніе автора „мѣръ“ (въ концѣ его статьи), что для проектируемыхъ имъ епархіальныхъ комитетовъ нужно будетъ для каждаго всего одно лицо со спеціальной подготовкой и что

---

[1]) Весь проектъ умѣщается на двухъ страничкахъ и уложенъ въ 20 статей; онъ былъ отпечатанъ тверскою архивною коммиссіею отдѣльно и разосланъ по другимъ архивнымъ коммиссіямъ.

[2]) Предлагаемый здѣсь проектъ вызванъ ближайшимъ образомъ этими „Основными положеніями“ и былъ сообщенъ ярославскою архивною коммиссіею съ другими замѣчаніями въ департаментъ общихъ дѣлъ Мин. Вн. Д.

средствъ для комитета потребуется немного. Я никакъ не могу согласиться съ почтеннымъ ученымъ, ибо въ церковную археологію входятъ: архитектура, стѣнопись и иконопись, археографія и бытовѣдѣніе (есть много бытовыхъ вещей), если не считать даже знаніе техники производства предметовъ церковной жизни, что на мой взглядъ является обязательнымъ для каждаго спеціалиста [1]). Быть же спеціалистомъ за разъ по всѣмъ этимъ предметамъ мнѣ представляется весьма затруднительнымъ.

Точно также никакъ нельзя согласиться съ авторомъ и по вопросу о порученіи духовенству охраны памятниковъ церковной древности. Я уже не буду повторять всѣмъ извѣстнаго факта, что до сихъ поръ расхитителемъ и искателемъ такихъ памятниковъ являлось именно духовенство, я скажу только, что болѣе искренніе, понимающіе и честные изъ священниковъ сами отказываются отъ навязываемой имъ миссіи, заявляя, что имъ не до того, что у нихъ и безъ археологіи дѣла съ избыткомъ много. И это истинная правда. Задачи священника—пастыря совсѣмъ иныя и не ему, разсуждая трезво и безпристрастно, заниматься вопросами практической исторіи, архитектуры и т. п.; конечно, если мы хотимъ видѣть въ священникѣ апостола, а не того попасутягу, въ котораго такъ часто превращаетъ наша дѣйствительность служителя Бога и который сталъ притчею на Руси. Если священникъ будетъ исполнять добросовѣстно свою прямую задачу проповѣди Христова ученія, проповѣди не только словомъ, но и дѣломъ, если онъ захочетъ быть дѣйствительно „отцомъ“ какъ его называютъ, то ему хватитъ его прямаго дѣла на всю жизнь. Нѣтъ, не епархіальные комитеты спасутъ памятники церковной древности! Да и вообще пока древлевѣдѣніе не будетъ выдѣлено въ особое вѣдомство, нельзя ждать толка и прока ни отъ какихъ мѣръ и начинаній. Нуженъ не одинъ спеціалистъ на цѣлую губернію, а цѣлое общество, цѣлая коллегія ихъ. Затѣмъ нужно основательное образованіе и развитіе массъ; дѣйствительное, истинное просвѣщеніе и воспитаніе народа, а пока необходимы большая и даже тяжелая отвѣтственность и общій безпощадный судъ надъ каждымъ,—кто не былъ бы онъ,—не только портящимъ памятникъ древности, но и только попускающимъ подобное дѣяніе. Наконецъ нужны еще средства, нужны деньги. Онѣ находятся на все, ихъ нѣтъ и вѣчно не хватаетъ только на науку, на знаніе,—лучшую защиту и лучшую охрану человѣчества отъ всего вреднаго,

---

[1]) Какъ онъ будетъ разсуждать о востановленіи наприм позолоты на чемъ ни будь, разъ небудетъ умѣть отличить позолоты по полименту отъ позолоты по левкасу или мардану? И такъ много, очень много. Вѣдь въ вѣдѣніе комитета должны будутъ войдти и монастыри.

опаснаго и нежелательнаго. И нужно ихъ не мало, если ставить дѣло правильно и основательно, во всякомъ случаѣ не тѣ гроши, которые съ такимъ трудомъ удѣляются на этотъ предметъ нынѣ. Но пугаться этого нечего, нужныя деньги найдутся, должны найдтись, и возвратятся сторицею. Выработать тѣ узаконенія, которыя могутъ упорядочить и обезпечить дѣло сохраненія памятниковъ древности и старины Россіи, должно составить задачу всѣхъ заинтересованныхъ учрежденій и лицъ; это работа общественная, коллегіальная, а не частнаго лица, требующая всесторонняго обсужденія и освѣщенія и потому я не буду касаться указаннаго предмета въ цѣломъ, но нѣкоторыя замѣчанія по поводу его позволю себѣ сдѣлать.

1) Въ виду того, что нынѣшній съѣздъ въ желательномъ направленіи ничего законченнаго не можетъ сдѣлать по краткости времени и можетъ высказаться лишь по отдѣльнымъ пунктамъ всего вопроса, я предложилъ бы поручить организаціонному комитету слѣдующаго очереднаго областного съѣзда собрать, по возможности, весь матеріалъ по затронутому вопросу, накопившійся за послѣдніе 10—15 л. [1]), сдѣлать ему сводку, напечатать (хотя бы литографскимъ или гектографическимъ способомъ) и разослать по всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбою сдѣлать къ извѣстному сроку отзывы и замѣчанія постатейно, а равно предложить и свои соображенія или проэкты. Полученные отвѣты свести въ одно и на основаніи ихъ выработать общій проэктъ, обстоятельно мотивированный, который, какъ и весь матеріалъ, доложить первому будущему съѣзду и при томъ въ общихъ его засѣданіяхъ для того, чтобы каждый могъ высказаться.

2) Не признаетъ-ли нынѣшній съѣздъ необходимымъ включить теперь же въ будущій проэктъ узаконеній по древлевѣдѣнію слѣдующія статьи.

I. Всѣ памятники древности, а равно и всякіе другіе, признанные подлежащими охранѣ, составляютъ государственную или общественную собственность и потому не подлежатъ ни отчужденію, ни чьему либо исключительному пользованію, а тѣмъ болѣе порчѣ или уничтоженію подъ страхомъ отвѣтственности. Сущность отвѣтственности опредѣляется уже, до извѣстной степени, объявленіемъ такихъ памятниковъ государственною собственностью. Кромѣ того, при опредѣленіи характера и размѣровъ взысканія, непремѣнно должно принимать во вниманіе то обстоятельство, что разсматриваемая собственность или имущество является

[1]) Въ томъ числѣ и отзывы объ „Основныхъ положеніяхъ“, упомянутыхъ выше. Запросовъ и отвѣтовъ на нихъ дѣлалось много, между прочимъ московскимъ археологическимъ обществомъ въ 1890-хъ г. г.

весьма часто исключительнымъ, во многихъ случаяхъ при утратѣ или порчѣ незамѣнимымъ. Въ качествѣ взысканія можно, кажется, пожелать большія денежныя пени, уплату стоимости утраченнаго или испорченнаго и продолжительное, строгое заключеніе. Оба вида взысканія сопровождаются лишеніемъ права занимать всякія должности по вѣдомству охраны памятниковъ и имѣть предметы древности. То или иное наказаніе (т. е. пеня или заключеніе) налагается смотря по состоянію виновнаго, при чемъ охранѣ предоставить право выбора того или другого наказанія въ каждомъ данномъ случаѣ.

II. Безусловно воспрещается вывозъ и всякая иная переправа всякихъ памятниковъ древности и старины за границу и при томъ не только за государственную, но и за губернскую или областную, такъ какъ требуется прикрѣпленіе памятниковъ къ мѣсту. Отчужденіе отъ мѣста разрѣшается только органамъ охраны и только по одобренію высшаго изъ нихъ. Мѣра взысканія за нарушеніе этой статьи должна налагаться такая же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, ибо самое дѣяніе равносильно порчѣ или уничтоженію.

III. Мѣры охраненія памятниковъ прошлаго распространяются и на частную собственность и при томъ какъ на недвижимое, такъ и на движимое имущество. Владѣльцу такого имущества предоставляется на выборъ: 1) остаться фактическимъ владѣльцемъ признаннаго подлежащимъ охранѣ имущества и подчиниться всѣмъ требованіямъ охраны; 2) отдать такое имущество на храненіе или въ полное завѣдываніе органу охраны и 3) отдать его на выкупъ государству или обществу. При несогласіи ни на одно изъ указанныхъ условій или при неисполненіи требованій охраны по отношенію обращенія съ памятникомъ подлежащее охранѣ имущество отчуждается. Отчужденіе производится путемъ: 1) простаго выкупа,—т. е. уплатой стоимости по оцѣнкѣ спеціалистами,—учеными и хранителями музеевъ и пр. т. п. лицами, 2) путемъ замѣны, при желаніи владѣльца, отчуждаемаго копіей съ доплатою разности стоимостей копіи и оригинала; 3) путемъ возмѣщенія отчуждаемаго натурой (напр. вмѣсто земли, находящейся подъ отчуждаемымъ зданіемъ и около его, или вмѣсто отчуждаемаго цѣлаго владѣнія, принадлежавшаго какому нибудь знаменитому человѣку, дается другой участокъ земли, а за вещь дается другая того же назначенія: за столъ столъ и пр.) и 4) путемъ лишенія права пользованія: предметъ берется на храненіе или въ завѣдываніе, числясь собственностью владѣльца.

IV. Воспрещается всякая промысловая торговля всякими предметами древности и старины, а равно купля и про-

дажа ихъ всѣмъ безъ исключенія, кромѣ государственныхъ охранныхъ органовъ. Проступки противъ этой статьи приравниваются къ различнымъ видамъ кражи и укрывательства—(покупка) и караются соотвѣтствующимъ этимъ преступленіямъ образомъ, если виновность не усилена побочными обстоятельствами, въ родѣ переправы черезъ границу, утраты, порчи и т. д. Всѣ существующія торговли закрываются немедленно по обнародованіи настоящаго закона, магазины и лавки опечатываются и товаръ выкупается по справедливой оцѣнкѣ.

Ил. А. Тихомировъ.

Ярославль.
$19\frac{6}{VI}06$.

О семейныхъ архивахъ.

Кромѣ архивовъ правительственныхъ и общественныхъ, проливающихъ намъ свѣтъ на нашу политическую и общественную исторію, дающихъ намъ картину общественной дѣятельности нашихъ предковъ, т.-е. представляющихъ прошлое нашего отечества, такъ сказать, съ внѣшней, показной стороны,—мы имѣемъ еще другой видъ архивовъ, въ нѣдрахъ которыхъ заключены матеріалы для исторіи быта, для исторіи внутренней, семейной жизни нашихъ предковъ, заключена какъ бы душа, внутреннее „я“ былыхъ дѣятелей нашей родины, строившихъ и созидавшихъ великую Россію.

Я говорю, Милостивые Государи, о семейныхъ архивахъ, вносящихъ жизнь въ оффиціальныя, нерѣдко сухія, сообщенія правительственныхъ и общественныхъ архивовъ.

Гдѣ нѣтъ исторіи городовъ и учрежденій, тамъ, говорятъ намъ, не можетъ быть и общей исторіи,—гдѣ нѣтъ частныхъ, семейныхъ архивовъ, тамъ, прибавлю я, не можетъ быть возстановлена и полная картина быта нашихъ предковъ. Вотъ причина, почему изслѣдователь родной старины долженъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ немногимъ остаткамъ семейной, письменной, старины, которая только въ жалкихъ обрывкахъ дошла до нашихъ дней, съ особеннымъ вниманіемъ еще и потому, что правительственные и общественные архивы, несмотря на наше варварское отношеніе къ архивнымъ сокровищамъ, на полное непониманіе ихъ цѣнности, несмотря даже на то, что мы систематически и съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, старались всѣми мѣрами истреблять ихъ, бросая въ сырые подвалы, на пыльные чердаки, отдавая во власть мышамъ, подчасъ сваливая ихъ просто въ рѣки и т. п., все же сохранили еще массу рукописнаго матеріала, большею частью даже еще и неразобраннаго и ожидающаго

еще своихъ изслѣдователей. Частными архивами Россія не была никогда богата, но незначительное ихъ количество нельзя, конечно, объяснить однимъ небрежнымъ отношеніемъ къ нимъ нашихъ отдаленныхъ, а еще болѣе нашихъ ближайшихъ предковъ и насъ самихъ,—несомнѣнно въ ихъ исчезновеніи принимали участіе и другія причины. Особенно много ихъ, какъ я уже упомянулъ, и не могло быть, такъ какъ наши предки до Петра Великаго въ громадномъ большинствѣ не знали грамоты; второй причиною были частые пожары, уничтожавшіе нерѣдко цѣлые города нашей древней Руси, и наконецъ надо вспомнить и про тѣ невзгоды, которыя приходилось переживать нашей родинѣ—мы не дальше какъ вчера слышали о томъ, что Владимірская область 13 разъ страдала отъ татарскаго нашествія,—трудно ожидать чтобы что нибудь могло уцѣлѣть отъ этихъ непрошенныхъ гостей, покрывавшихъ страну трупами и дымящимися пожарищами, а что уцѣлѣло послѣ нихъ—уничтожалось нашими вѣчными врагами—полякамн съ одной стороны, шайками Пугачева съ другой, а затѣмъ подверга лось разгрому великой арміи Наполеона, а въ этомъ отношеніи сыны великаго народа оказались не лучше дикихъ сыновъ востока. А что сохранилось отъ огня и погромовъ въ прошедшіе вѣка, не могло выдержать новыхъ условій жизни, когда, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, множество нашихъ помѣщиковъ, не сумѣвшихъ справиться съ новымъ укладомъ, побросали свои насиженныя гнѣзда, а съ ними вмѣстѣ побросали и тѣ немногіе письменные памятники своей семейной старины, которые еще сохранились у нихъ и которые послѣ того попали въ еще болѣе невѣжественныя руки новаго помѣщика, помѣщика—кулака, который, стараясь извлечь изъ всего пользу, преспокойно продалъ этотъ, ненужный ему, бумажный хламъ на бумажныя фабрики и въ мелочныя лавки на обертку.

Вотъ причины—почему въ настоящее время мы такъ мало знаемъ фамильныхъ архивовъ. Кто же тѣ счастливцы, которые обладаютъ еще и теперь фамильными архивами?

Особенно много мы ихъ не назовемъ—князья Куракины, гр. Шереметевы, гр. Н. М. Соллогубъ, которой принадлежитъ архивъ рода Колычевыхъ, гр. Уварова, гр. Милорадовичъ, Кашкины и еще можетъ быть съ трудомъ наберемъ десятка $1^1/_2$ или два; взглянувши на огромную ширь нашего отечества, растянувшагося отъ Вислы до Тихаго океана, нельзя не признать, что списокъ болѣе чѣмъ скроменъ. Конечно, мы здѣсь имѣемъ въ виду болѣе крупные архивы, мелкихъ, содержащихъ въ себѣ десятки и можетъ быть сотни документовъ, не менѣе важныхъ для исторіи, конечно еще много разбросано по разнымъ угламъ и захо-

лустьямъ матушки Руси и вотъ объ ихъ судьбѣ невольно задумывается всякій, который дорожитъ своимъ прошлымъ, который желаетъ знать какъ жили, что дѣлали, о чемъ думали его отцы и дѣды. Но въ настоящее время мы стоимъ передъ завѣсою будущаго и не знаемъ, что скрываетъ она отъ насъ, не знаемъ, что день грядущій намъ готовитъ, и какъ мы ни напрягаемъ нашего зрѣнія—мы ничего не можемъ разглядѣть во тьмѣ насъ окружающей, которая если и освѣщается нерѣдко взрывомъ бомбы или заревомъ пожара, то даетъ намъ такую ужасную картину, что мы невольно должны закрыть опять свои глаза.

Присматриваясь ко всему, что происходитъ теперь кругомъ насъ, мы врядъ ли можемъ надѣяться на то, чтобы грядущій день намъ приготовилъ что-либо отрадное, напротивъ мы должны быть готовыми къ самому худшему и наша обязанность въ настоящую минуту подумать о тѣхъ сокровищахъ родной старины, которыя сохранились еще въ разныхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества и которымъ угрожаетъ серіозная опасность окончательнаго истребленія и чего мы не должны, не имѣемъ нравственнаго права допустить, если дѣйствительно мы любимъ наше прошлое, а мы должны его любить, какое бы оно ни было—темное или свѣтлое.

Святая Русь, Милостивые Государи, послѣднее время то и дѣло освѣщается заревомъ пожаровъ, но на этотъ разъ не татары, не поляки, не французы истребляютъ вѣками скопленное благосостояніе, нѣтъ—на этотъ разъ это дѣлаютъ русскіе люди и пожары эти не называются уже теперь пожарами, какъ называли ихъ старые русскіе люди: новые, лучшіе, русскіе люди зовутъ ихъ иллюминаціями, но, увы, результаты остаются все тѣ же, какъ въ старину погибали архивы отъ пожаровъ, такъ они погибаютъ теперь отъ иллюминацій.

Не будемъ здѣсь останавливаться на причинахъ всего происходящаго вокругъ насъ, до насъ, членовъ археологическаго съѣзда, это не касается, такъ какъ не для этого мы собрались сюда, но подумаемъ, господа, что нужно и что можно сдѣлать, чтобы спасти отъ погромовъ то, что еще уцѣлѣло отъ прошлыхъ вѣковъ, спасти то, что дорого для науки, что дорого всѣмъ намъ, любящимъ нашу родную старину.

Вотъ причины, которыя заставили меня, Милостивые Государи, взойти на эту кафедру и отнять у Васъ нѣсколько минутъ на обсужденіе вопроса, который не можетъ не быть близокъ Вашему сердцу.

Пользуясь присутствіемъ многихъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, я рѣшаюсь обратиться къ нимъ и просить ихъ употребить всѣ мѣры у себя, на мѣстахъ, къ тому, чтобы спасти остатки нашей письменной старины.

Господа, время не терпитъ, надо спѣшить, иначе все погибнетъ. Гроза не приближается, она уже надъ нами и громъ уже грянулъ. На дняхъ уже погибъ Борисовскій архивъ Шереметевыхъ и если Шереметевы не могли спасти своего архива, то что можно ожидать отъ какого нибудь мелкопомѣстнаго помѣщика, ожидающаго, что завтра онъ самъ и его семья будутъ выброшены на улицу безъ средствъ къ существованію,—въ этотъ моментъ не до архивовъ.

Нужно заблаговременно извлечь все, что еще сохранилось, и перенести въ сохранныя мѣста. Мнѣ могутъ сказать, что для этого нужны помѣщенія, а у архивныхъ коммиссій, ютящихся въ большинствѣ случаевъ изъ милости на кухнѣ, ихъ нѣтъ; но если нѣтъ помѣщенія у архивныхъ коммиссій, то неужели не найдется мѣста въ правительственныхъ учрежденіяхъ, вѣдь его не такъ много надо, нужно только желаніе и мѣсто найдется. Наконецъ я могу заявить, что Академія Наукъ не откажется дать помѣщеніе въ своихъ громадныхъ зданіяхъ, не откажется помочь и Московское Археологическое Общество. Нужны только хлопоты, нужна любовь къ дѣлу, нужна работа, но не все же бастуетъ на Руси, если забастовало просвѣщеніе въ нашей школѣ, то пусть работаютъ искренніе представители науки, которая должна быть свободна отъ политическихъ увлеченій.

Къ Вамъ, самымъ скромнымъ труженикамъ на нивѣ родной исторіи, къ представителямъ самыхъ скромныхъ ученыхъ учрежденій, ученыхъ архивныхъ коммиссій, обращаюсь я. Вамъ низко бью челомъ—помогите, но помните, что событія не ждутъ и пословица „лучше поздно, чѣмъ никогда“ не примѣнима, лучше вспомнимъ другую пословицу „если бы зналъ гдѣ упалъ, тамъ бы соломки подослалъ“, мы хорошо знаемъ гдѣ намъ прійдется падать, и такъ какъ моментъ паденія близокъ, то надо позаботиться и о соломѣ.

Л. М. Савеловъ.